

ТРУДЫ

ДВѢНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

1902

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ II.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и Д. Собко, Водвиженка, Крестовозвиженскій пер., д. Лиснера.

1905.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

ТРУДЫ

ХІІ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

1951

ТРУДЫ

ДВѢНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ХАРЬКОВѢ

1902

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ II.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и Д. Собко, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.

1905.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ВЪ ХАРАКОНОВЪ

1902

Печатается на основании постановления Императорского Московского Археологического Общества.
Председатель Графиня Уварова.

Допущено к печати 20 мая 1902 г.

Том II

87

19502. БИБЛИОТЕКА
ИИ Иста Крашадчекск
и Музейной работы В-306

~~1902~~
14/11

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стран.
<i>Альбовскій, К.</i> Къ первоначальной исторіи гор. Харькова	1
<i>Катаевъ, Ив.</i> Описаніе рукописнаго матеріала по исторіи Слободской Украины въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго штаба.	14
<i>Поливановъ, В. Н.</i> Очеркъ казацкой колонизаціи въ Сибирскомъ поволожьи	24
<i>Ефименко, А.</i> Литовско-русскіе данники и ихъ дани	30
" Къ вопросу о братствахъ.	39
<i>Максимейко, Н.</i> Русская Правда и обычное право Литовско-Русскаго государства до изданія Статута	45
<i>Харламовъ, В. А.</i> Характеръ церковнаго управления и церковной жизни въ Донской Области въ началѣ XVIII вѣка	54
<i>Бороленко, П. П.</i> Войсковой архивъ Кубанскаго казацкаго войска	63
<i>Собраніе Дорошенка</i> въ гор. Глуховѣ.	93
<i>Ковалевскій, М. М.</i> Къ ранней исторіи Азова	109
<i>Плохинскій, М. М.</i> Пноземцы въ старой Малороссіи	175
<i>Степовичъ, А. Г.</i> Къ литературной исторіи Краледворской рукописи.	410
<i>Карскій, Е. О.</i> Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій.	430
<i>Допатинскій, Л. Г.</i> Суффиксы русскаго языка	437
<i>Музыченко, А. О.</i> Наблюденія надъ народнымъ творчествомъ крымскихъ болгаръ	446
<i>Симони, П. В.</i> Камеръ-гуслистъ В. О. Трутовскій и изданный имъ первый русскій пѣсенникъ подъ заглавіемъ: "Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами" (1776—1799 гг.)	461
<i>Ветуховъ, А. В.</i> Краткій обзоръ рукописнаго этнографическаго матеріала, доставленнаго Предварительному Комитету по устройству XII Археологическаго Съѣзда	508
<i>Отъ редакціи:</i> Мраморная надгробная плита изъ Азова.	
<i>Матеріалъ,</i> собранный для XII Съѣзда Отдѣленьями Предварительнаго Комитета:	
Отъ Полтавскаго Статистическаго Комитета	520
" " Полтавской Духовной Консисторіи	523
" " Отчетъ объ экскурсіяхъ по Полтавской губ. М. А. Русова	546
" " Программа для собиранія матеріала по народной бытовой техникѣ О. К. Волкова.	548
" " Докладъ Черниговской губ. зем. управы о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества	554
" " Отъ Курскаго губернатора	557
" " " Курской Духовной Консисторіи	559
" " " Воронежскаго губернатора.	561
" " " Завѣдующаго Донскимъ музеемъ Х. И. Попова	563
" " Труды Донскаго отдѣленія Предварительнаго Комитета	563
" " Отчетъ И. Тимашенкова объ разслѣдованіи древн. городища Рыгина	569
" " Докладъ В. А. Харламова объ археол. изысканіяхъ въ 1 Донскомъ и Донецкомъ округахъ	576
" " Отчетъ объ изысканіяхъ на Кобяковомъ городищѣ и прилежащей мѣстности въ юртѣ Аксайской стан. Черкас. окр., В. Богачевымъ	583
" " Городища Области Войска Донскаго	585
" " Отъ Предсѣдателя Общества Любителей изученія Кубанской области В. М. Сысоева.	586
" " О необходимости учрежденія въ Кубанской Области естественно-историческаго и этнографическаго музея, В. Щербинны	588
<i>Хазановъ, А. С.</i> Аѳонскій списокъ 978 г. грузинской Библии (особая нумерація)	1

Къ первоначальной исторіи г. Харькова.

Е. Альбовскаго.

Гдѣ стоитъ теперь большой богатый городъ, быстро продолжающій итти по пути дальнѣйшаго развитія, два съ половиною вѣка тому назадъ, на какомъ-то невѣдомомъ городищѣ возникъ небольшой козацкій поселокъ харьковскихъ черкасъ. Въ то же время, но особенно нѣсколько позже, на всемъ пространствѣ теперешней Харьковской губерніи много строилось городковъ, деревень, хуторовъ. Широко раскинулись они по берегамъ рѣкъ благословеннаго Господомъ уголка нашего юга. Никому не принадлежавшей и никѣмъ не занятой прекрасной земли было много, людямъ было селиться свободно.

Первыми поселенцами, которые „все Харьковское городище понаставили дворами“, были черкасы. Изъ нихъ многіе, вѣроятно, принимали участіе въ побѣдахъ Хмельницкаго. Бѣжали козаки изъ предѣловъ Польши, гонимые тяжелымъ гнетомъ, принуждавшимъ ихъ и прежде такъ часто браться за оружіе, проливать цѣлые потоки своей и „ляцкой“ крови.

Начались переселенія — шли отдѣльные люди, по нѣсколько и селились по лѣсамъ, на пасѣкахъ. Были переселенія и большія, массовыя. Многочисленныя партіи занимали удобныя мѣста, по бѣльшей части городища, и строили на нихъ городки. Переселенія шли періодически — въ зависимости отъ положенія дѣлъ на Украинѣ.

Одна изъ партій выходцевъ изъ-за Днѣпра осѣла на городищѣ при сліянніи двухъ въ то время очень бойкихъ рѣкъ. Построенъ былъ городъ и названъ по рѣкѣ Харьковомъ.

Что въ то уже время рѣка называлась такъ, свидѣтельствуеъ Книга Большого чертежа, писанная въ 1627 г., а составленная въ концѣ XVI вѣка — „давно при прежнихъ государѣхъ“. Въ ней говорится: „а рѣка Угримъ пала въ Уды, а Лопина пала въ Харкову, а Харкова пала въ Уды“¹⁾.

Годъ основанія г. Харькова точно не извѣстенъ, а равно и имя того ватажка, осадчаго, который привелъ партію переселенцевъ. Относительно возникновенія Харькова есть разныя преданія. Имъ вѣрили, пока не была доказана ихъ невѣрность.

¹⁾ Изданіе Спасскаго. Москва 1846 г., стр. 14.

И основатель города, мифическій Харько, былъ развѣчанъ; на продававшихся прежде его портретахъ онъ изображался молодымъ, лихимъ козакомъ. Итакъ, отвергнутыя преданія были оставлены. Въмѣсто нихъ приняты вполнѣ уже правдивое извѣстіе, что на Харьковское городище сразу явилась большая партія черкасъ подъ предводительствомъ осадчаго Ивана Каркача; онъ и сталъ почитаться основателемъ Харькова, подобно тому, какъ Чугуева — Як. Остренина (Острица), Острогжска — Ив. Дзеньковскій.

Два источника свидѣтельствуютъ, что на харьковское городище привелъ черкасъ именно Иванъ Каркачъ, но почитаться непогрѣшимыми они не могутъ¹⁾.

Преданіе относитъ основаніе города къ двадцатымъ годамъ XVII столѣтія, Квитко — къ 1646 г. Но и то и другое не вѣрно. Неизвѣстный же авторъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“ — къ 1653 г. Указаніе послѣдняго источника (изд. въ Москвѣ въ 1788 г.), хотя, можетъ-быть, и вѣрно, но голословно, такъ какъ не подтверждается ничѣмъ. Въ этомъ описаніи къ тому же относительно другихъ городовъ есть явныя неточности (напр. относительно Валокъ).

Но вотъ нашлись новые весьма цѣнные документы: одинъ 1655 года — самый старый изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, относящійся непосредственно къ Харькову и, вѣроятно, вышедшій изъ него; другой — 1656 года — весьма интересное донесеніе воеводы „о крымскихъ вѣстяхъ“. Хотя они, эти документы, категорически и не говорятъ, когда именно возникъ городъ, но даютъ возможность сдѣлать кой-какое заключеніе и проливаютъ свѣтъ на первоначальную исторію города, который скоро готовится праздновать свою 250-лѣтнюю годовщину.

Одинъ²⁾ изъ упомянутыхъ документовъ свидѣтельствуетъ положительно, что уже въ 1655 году на Харьковскомъ городищѣ жило 588 козаковъ-черкасъ, не считая женъ и дѣтей, и что они являли изъ себя довольно правильную воинскую организацію. Очень возможно, что партія переселенцевъ, построившая городъ, явилась на городище съ этою организаціею. Приготовляясь къ переселенію, черкасы поставили, вѣроятно, во главѣ себя какого-нибудь ватажка-атамана. Послѣдній и могъ дать имъ подобное устройство. Съ этимъ дѣломъ къ тому же казаки хорошо были освѣдомлены. Край, куда собирались они итти, былъ почти совершенно пустыненъ и не принадлежалъ никому; чрезъ него только постоянно ходили татарскіе загоны грабить порубежные русскіе города. Поэтому переселенцы должны были быть готовыми встрѣтиться на пути съ степными хищниками и вооруженною рукою проложить себѣ дорогу, а, освѣвъ на мѣстѣ, отбиваться отъ нападеній. Поэтому черкасы и не могли итти безъ атамана, безъ котораго вообще нельзя представить себѣ козаковъ. Изъ нихъ вѣдь считался плохимъ тотъ, кто не стремился имъ сдѣлаться. У каждой, тѣмъ болѣе большой, партіи переселенцевъ долженъ былъ быть свой атаманъ, а также и какое-нибудь устройство.

¹⁾ „Хромографическое описаніе г. Харькова“ (1767 г.) и „Описаніе г. Харькова“, представленное въ Екатерининскую комиссію, вводившую преобразование въ Слободскую Украйну.

²⁾ Архивъ Мин. Юстиціи. Бѣлгородскій столъ, ст. 392, лл. 205—214.

И вотъ одна изъ такихъ партій осѣла на Харьковскомъ городищѣ, и подчинилась ближайшему воеводѣ, а таковымъ тогда былъ чугуевскій. Принявъ ихъ подъ высокую царскую руку, воевода донесъ въ Москву; отсюда не замедливъ, вѣроятно, послѣдовать указъ „вѣдать“ ему тѣхъ черкасъ подобно тому, какъ въ 1656 году [это уже извѣстный документъ¹⁾] чугуевскому воеводѣ было приказано передать харьковцевъ въ вѣдѣніе специально назначеннаго въ городъ воеводы Воина Селифонтова.

По прїѣздѣ въ Харьковъ (1656 г.), онъ нашелъ все городище уже застроеннымъ и укрѣпленнымъ хотя и очень примитивными сооруженіями. Допустимъ, что всѣ эти работы могли быть окончены въ одно лѣто. Донесеніе воеводы, что все городище въ 1656 году уже было „понаставлено дворами“ и былъ построенъ острогъ, давало право сдѣлать выводъ, что Харьковъ былъ построенъ въ 1655 году или, самое раннее, въ 1654-мъ; тѣмъ болѣе, что въ челобитной городъ названъ „новымъ“.

Въ другомъ документѣ²⁾ — челобитье того же воеводы — сообщается о якобы непослушаніи черкасъ и о готовившемся татарскомъ набѣгѣ; все это хотя и интересно, но не особенно важно. Но, между прочимъ, въ немъ говорится такъ: „...Писалъ изъ Зміева... атаманъ Почетовскій, сказывали-де зміевскимъ сторожамъ севрюки, что видѣли они татаръ на р. Берестовой... а тѣ урочища отъ Харьковскаго (города, урочища) въ верстахъ двадцати (современная верста равнялась тысячи саженьямъ) мало больше промежъ Валокъ и Зміева по той *дорогѣ, которую дорогу вновь проложили* Чугуевскаго уѣзду и Харьковскаго городища въ 162 году (1654 г.), ѣздить на Торъ по соль, и о той дорогѣ я къ тебѣ, государь, напередъ сего писалъ“.

Въ отвѣтъ на это донесеніе послѣдовалъ въ Бѣлгородъ указъ³⁾ жить съ великимъ береженіемъ, „а на Харьково велѣлъ-бы (кн. Ромодановскій) послать и черкасамъ говорить, чтобы они были въ послушаніи, острогъ дѣлали и *дорогъ вновь не прокладывали*, что бы тѣми дорогами татаровя не прошли и не повоевали“.

Изъ этого всего слѣдуетъ, что въ 1654 году харьковскіе черкасы проложили уже дорогу по Чугуевскому уѣзду, чтобы ѣздить на Торъ за солью. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1654 году городъ уже былъ.

Но трудно допустить, чтобы, придя на городище, занявшись постройкою жилищъ и острога, т.-е., работою, которую едва ли можно было окончить въ одно лѣто, собственно далеко немногочисленные жители Харькова могли прокладывать и дороги. Извѣстіе, что дорога была уже проложена въ 1654 году, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ это подлинное донесеніе царю. Слѣдовательно, можно съ увѣренностью допустить, что въ 1653 году Харьковъ уже существовалъ. Мы не беремъ только на себя смѣлость рѣшить вопросъ, начался ли онъ строиться въ этомъ году, или еще раньше. Сдѣланный выводъ согласуется съ извѣстіемъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“, авторъ котораго говоритъ, что городъ былъ основанъ въ 1653 году. Можетъ-быть, найдутся и еще документы, которые повѣдаютъ намъ

1) Тамъ же, ст. 404, лл. 12—14.

2) Тамъ же, ст. 394, лл. 149—153.

3) Тамъ же.

категорически годъ основанія. Пока же приведенный нами источникъ заключаетъ въ себѣ самое раннее указаніе на существованіе города.

Поэтому, если Харькову истекаетъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, то, во всякомъ случаѣ, не въ 1905, а въ 1904 году, если только не въ нынѣшнемъ (1653). Существованіе его въ 1654 году не подлежитъ сомнѣнію. Городъ тогда уже былъ и до нѣкоторой степени устроенъ, если его жители принялись за проведеніе на довольно большомъ протяженіи дороги, пролегавшей мѣстами по трудно доступнымъ урочищамъ. Придонецкія степи (по Сѣверному Донцу и его притокамъ), по свидѣтельству современника-очевидца¹⁾, были тогда перерѣзаны множествомъ рѣчекъ, покрыты болотами и лѣсами.

Другой упоминаемый нами документъ есть „Списокъ Харьковскихъ черкасъ“. Представленъ въ Москву онъ былъ, вѣроятно, чугуевскимъ воеводою гр. Спѣшневымъ, который съ самаго начала „вѣдалъ городъ“. Въ архивѣ за этотъ годъ имѣются такіе же списки Острогожскихъ, Зміевскихъ, Ахтырскихъ и Колонтаевскихъ черкасъ²⁾.

Къ великому сожалѣнію, до насъ дошелъ, такъ сказать, совершенно голый списокъ — безъ челобитной и пр. Заключаетъ онъ въ себѣ съ нѣкоторыми подраздѣленіями однѣ только фамиліи и имена. Но тѣмъ не менѣе онъ весьма цѣненъ для исторіи города, такъ какъ кое-что выясняетъ. Къ тому же, повторяемъ, это самый ранній изъ документовъ, относящихся непосредственно къ Харькову.

Прежде всего изъ него видно, что во главѣ Харьковскихъ черкасъ въ 1655 году стоялъ атаманомъ Иванъ, но не Каркачъ, а Кривошлыкъ. Въ спискѣ онъ названъ по отчеству — Васильевичемъ. Это свидѣтельствуешь, что атаманъ пользовался извѣстнымъ уваженіемъ. Зміевской, на примѣръ, атаманъ названъ такъ: „Якушко“ Почетовскій. Сотники же всѣ безъ отчества — просто: Тимошъ, Костя, а рядовые еще проще — Грицько, Левко, Омелько, Курилко и т. д., какъ тогда обыкновенно писалось, говорилось. Кривошлыкъ, конечно, былъ выбранъ черкасами изъ своей среды и ничѣмъ отъ нихъ, кромѣ личныхъ способностей, не отличался. Величаніе его по отчеству — знакъ особаго уваженія къ нему; можетъ-быть, именно за то, что онъ привелъ черкасъ, подчинилъ ихъ царю и дѣятельно распорядился постройкою города. Атаманъ въ то время былъ старшимъ лицомъ среди харьковцевъ. Такой порядокъ продолжался долго. Въ 1659 году атаманъ Тимошей Лавриновъ, бывший сотникъ, отъ лица харьковскихъ черкасъ просить царя объ устройствѣ Успенской ярмарки³⁾.

Кривошлыкъ послѣ сдачи должности продолжалъ жить въ Харьковѣ. Есть извѣстіе, что во время замѣшательствъ, поднятыхъ въ 1668 году въ Слободской Украинѣ Иваномъ Сирколи, знаменитымъ кошевымъ запорожскимъ, Иванъ Васильевичъ Кривошлыкъ, обратившійся уже просто въ „Ивашку“, былъ въ числѣ немногихъ жителей Харькова, склонившихся на сторону возставшихъ.

Атаманъ и сотники — это тѣ „начальные люди“, съ которыми воеводу приказывалось совѣтоваться, приступая къ постройкѣ болѣе желательнаго острога взаимнѣ

¹⁾ П. Кулишъ. „Матеріалы для Ист. Воз. Р.“ Москва 1877 г., т. I, стр. 286—295.

²⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, ст. 392, лл. 205—214.

³⁾ Тамъ же, ст. 480, лл. 307—309.

уже бывшего. Во всѣхъ указахъ и грамотахъ до шестидесятыхъ годовъ нѣтъ даже намека на полковника и полкъ вообще. Послѣ уже рядъ грамотъ данъ былъ на имя полковника. До этого царь самъ адресовалъ свои указы такъ: „въ Харьковъ къ нашимъ великаго государя служилымъ и всякимъ жилаецкимъ людямъ именно черкасамъ“. Но если въ то время не было полка въ строгомъ смыслѣ, то воинское устройство среди черкасъ, какъ увидимъ, было.

Къ слову сказать, до сихъ поръ не было выяснено, когда собственно возникъ Харьковскій Слободской казачій полкъ. По нашему мнѣнію, это относится къ 1661 году¹⁾, когда послѣдовалъ бѣлгородскому воеводѣ указъ выдать харьковцамъ жалованіе тѣмъ, „которыхъ напишетъ съ собою въ *полковую* службу и тѣмъ дать по 15 рублей, а которые оставлены будутъ въ городѣ для осадныхъ службъ и тѣмъ по 5 рублей, а пашеннымъ, какъ въ указѣ написано (?)“. Послѣ этого въ полкъ казаковъ было записано 1300 человекъ, умершихъ въ самомъ городѣ²⁾.

Итакъ, въ 1655 году харьковскимъ атаманомъ былъ Кривошлыкъ. Не онъ ли въ качествѣ ватажка и привелъ переселенцевъ, и не его ли нужно считать осадчимъ? Могъ имъ быть и Ив Каркачъ, но только въ то время (1655?) его среди харьковскихъ черкасъ не было. Въ „спискѣ“ есть Каркачевъ — но Яковъ. Фамилія при перепискѣ подвергнулась обрусѣнію. Это видно изъ одной челобитной³⁾, гдѣ говорится, что въ числѣ посланныхъ въ Москву казаковъ было Каркачъ, Грицько. Послѣдняго ^{кор}пискѣ 1655 года тоже нѣтъ — онъ могъ или появиться вновь, или быть подросткомъ къ этому времени (1661?) сыномъ Якова. Слѣдовательно, фамилія Каркачъ среди харьковцевъ была, но въ казачьей іерархій ея представители занимали весьма скромную роль рядовыхъ. Если бы городъ, допустимъ, пожелалъ почтить память своего основателя, то кому ставить памятникъ — Ивану ли Каркачу, личность котораго далеко не доказана, или же документальному И. В. Кривошлыку?

Всѣ харьковскіе черкасы въ спискѣ раздѣлены на 6 сотенъ, во главѣ каждой поставленъ сотникъ (въ 1-й Тимофѣй Лавриновъ, во 2-й Логгинъ Яценко, въ 3-й Малей Ѳедоренко, въ 4-й Семенъ Песоцкій, въ 5-й Калининъ Кушнеръ и въ 6-й Константинъ Слюсаръ). Въ 1-й 3-й 4-й и 5-й сотняхъ было по сто человекъ казаковъ, во 2-й — 99, въ 6-й — 82. Сотни, въ свою очередь, были раздѣлены на десятки съ „десятниками“ во главѣ (52 человекъ); а всего харьковскихъ черкасъ, считая сотниковъ и атамана, было 588 человекъ. Вполнѣ правильная воинская организація. Всѣ способные дѣйствуютъ оружіемъ расписаны были по сотнямъ. Позднѣе когда вполнѣ уже сложился Харьковскій Слободской полкъ, когда власти избраннаго полковника подчинилась цѣлая территория, число сотенъ увеличилось; къ концу царствования Алексѣя Михайловича — 15, но собственно размѣщенныхъ въ Харьковѣ — полковомъ городѣ — было только двѣ. Слѣдовательно, тогда уже не всѣ жители считались подъ ружьемъ. Населеніе сгустилось, обязанность охранять безопасность и ходить на войны легла на его выборную часть, которую за то и содержали остальные.

¹⁾ Тамъ же стр. 441, лл. 37—38.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 440, лл. 24, 233—234.

Въ разсматриваемое нами время среди харьковцевъ было много однофамильцевъ, расписанныхъ по разнымъ сотнямъ. Однихъ, напр., Мартыненко было 11 человекъ, а это служитъ доказательствомъ, что черкасы переселились цѣлыми семьями. Всѣ они, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, носили характерныя малороссійскія фамилія: Хмель, Стриха, Гриценко, Ломака, Цыркунъ, Дурасенко, Морозенко и пр. На „цкій“ и „скій“ всего лишь 11 фамилій — Веприцкій, Цѣпковскій, Мыслицкій и пр. Но среди всѣхъ ни одной „шляхецкой“, которая впоследствии появляются среди харьковскихъ старшинъ — Захаржевскіе, Шидловскіе, Ковалевскіе, Квитки.

Надо имѣть въ виду, что всѣ эти 588 человекъ жили тогда на самомъ городищѣ, въ г. Харьковѣ, а не въ окрестностяхъ. Вблизи города хутора начинаютъ появляться хотя и скоро, но нѣсколько послѣ, когда новые переселенцы сгущали населеніе, или когда черкасы, недовольные введенными порядками, уходили изъ города и селились на хуторахъ и пасѣбахъ. Уже въ 1856 году Селифоновъ писалъ, что „многіе изъ Харьковскаго разѣхались по разнымъ городамъ, а иные на Торговищахъ поѣхали соли варить, а въ Харьковѣ отъ ихъ черкаскаго непослушанія и разѣзду случилось малоллюдно“¹⁾.

Въ концѣ списка сдѣлана помѣтка; изъ нея видно, что тогда же было одно небольшое поселеніе — „на Хорошевскомъ городищѣ“, гдѣ осѣло пятьдесятъ черкасъ „приписанныхъ къ Зміеву“. Если въ списокѣ харьковскихъ козаковъ упоминается о слободѣ съ такимъ незначительнымъ населеніемъ, къ тому же приписаннымъ къ Харькову (въ 1656 году Хорошево уже было передано въ вѣдѣніе харьковскаго воеводы), то болѣе близкихъ къ городу слободъ въ то время еще не было.

Въ избранныхъ для поселенія „дикихъ поляхъ“ прочаны (переселенцы) не могли рассчитывать найти вполне спокойную жизнь — ихъ Слободская Украина лежала открытою для набѣговъ татаръ, этихъ неутомимыхъ ловцевъ „бѣдныхъ невольниковъ“. Прийдя на Харьковское городище, партія черкасъ обратилась за покровительствомъ въ Москву. Для ихъ устройства Алексѣй Михайловичъ прислалъ позднее особаго воеводу. Въ наказѣ ему (Воину Селифонову) прежде всего приказывалось „тѣми харьковскими и хорошевскими черкасы дѣлать харьковскій острогъ и всякія городовыя крѣпости учинить, поговоря съ черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасы“²⁾. Козаки, „поселившись на татарскихъ сакмахъ, куда былъ ихъ бусурманскій свободный приходъ“, тѣмъ самымъ обрекали себя на упорную и неустанную борьбу съ татарами, борьбу не на животъ, а на смерть. Они и въ прежней своей родинѣ давно уже научились биться съ крымцами, хотя рѣдкое населеніе дѣлало послѣднихъ для Слободской Украины болѣе грозными врагами. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, черкасы, какъ истые хохлы, въ достаточной степени были безпечны. Селифоновъ, исполняя царскій указъ, хотѣлъ энергично приступить къ доведенію постройки укрѣпленій города до конца, и притомъ сдѣлать ихъ болѣе основательно, а не кое-какъ, какъ уже было построили козаки „по своей черкасской обычности“ до пріѣзда воеводы.

¹⁾ Тамъ же, стр. 394, лл. 149—153.

²⁾ Тамъ же, стр. 389, лл. 39—40.

Построеннымъ острогомъ Селифонтовъ остался недоволенъ, но убавить того харьковского острога (было) нельзя потому, что все харьковское городище черкасы наставили (уже) дворами¹⁾. Старшіе воеводы имѣли цѣлью защитить тѣхъ же черкасъ отъ набѣговъ татаръ. Но, харьковцы, какъ доносилъ воевода, „учинились непослушны“ — „не хотѣли остроумнаго дѣла дѣлать, на отхожія сторожи по вѣстямъ ѣздить“, не хотѣли даже приказную избу сторожить и „деньщиковъ“ давать; почему жаловался воевода, „и для твоего государева дѣла послать по нихъ (черкасъ) некого“. По словамъ Селифонтова, козаки только пили и бражничали.

Правда, харьковцы, привыкнувъ къ иному типу укрѣпленій, притомъ зная татаръ и ихъ нелюбовь къ осадѣ крѣпостей вообще лучше воеводы, пріѣхавшаго изъ Москвы, могли расходиться съ нимъ во взглядахъ на необходимость строить ихъ по великорусскому образцу. Мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они люди бѣдные, не обзавелись еще хлѣбомъ, черкасы обѣщали заняться постройкою укрѣпленій, когда вполнѣ устроятся. Воевода черкасамъ не могъ втолковать, что именно прежде всего нужно начать съ укрѣпленій, такъ какъ безъ нихъ (основательныхъ) въ первый же большой татарскій набѣгъ всѣ двory будутъ сожжены, а сами они, ихъ жены и дѣти введены въ тяжелую неволю полоняниками. Но харьковцы съ этимъ не хотѣли согласиться и даже грозили, что всѣмъ имъ „отъ такого острожнаго дѣла (отъ ч^т размѣровъ, въ которыхъ воевода требовалъ постройки) разбрестись розно“ — кор они хотѣли прибѣгнуть къ обычному и излюбленному всѣми славянами способу судавленія — къ бѣгству²⁾.

Поселеніе черкасъ южнѣ Бѣлгородской черты, за рубежомъ, для Москвы было очень выгодно; она такимъ образомъ дѣлала большой шагъ къ югу; кромѣ того, пришельцы защиту „государевыхъ украинъ“ брали на себя. Поэтому въ своихъ указахъ Алексѣй Михайловичъ постоянно напоминалъ воеводамъ, чтобы съ „новоприборными“ обращались ласково и предоставили имъ разныя льготы. Дѣлалось это, конечно, изъ желанія удержать на мѣстѣ этотъ собственно ненадежный пришлый людъ.

Воевода не пришелъ въ новостроенный городъ съ пустыми руками — онъ привелъ съ собою (немного) русскихъ служилыхъ людей, привезъ хлѣбные запасы, пушки, зелье (порохъ) и свинецъ. Онъ проявлялъ всяческое стараніе, чтобы уберечь городъ. Ему въ наказѣ повелѣвалось: „жить съ великимъ береженіемъ неоплошно, по городу, по воротамъ и по башнямъ (ихъ было 10) караулы и сторожа держать и вѣстей про воинскихъ людей провѣдывать всякими обычай, чтобы воинскіе люди украдомъ и обманомъ въ день и ночное время къ Харькову изгономъ безвѣстно не пришли и дурна каково не учинили, людей не побили и въ полонъ не поймали³⁾. Далѣе воеводѣ приказывалось не ограничиваться защитою самаго города, а при появленіи татаръ вблизи „на тѣхъ воинскихъ людей ходить и служилыхъ людей, и черкасъ посылать, и на рѣкахъ, и на перелазгахъ, и на татарскихъ сакмахъ и во всѣхъ крѣпкихъ мѣстахъ надъ воинскими людьми государевымъ дѣломъ промышлять...

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, ст. 33, дд. 733—751.

чтобы поискъ учинить и языковъ добыть, а себя и людей уберечь“. При появленіи татаръ въ большомъ числѣ предписывалось собирать всѣхъ людей въ городъ, принять всѣ мѣры предосторожности, приготовиться къ осадѣ, всѣхъ и „черныхъ людей росписать, гдѣ кому въ приступное время быть“.

Такое-то трудное дѣло предстояло воеводѣ. Несмотря на боевой опытъ черкасъ, оно было трудное потому, что воевода съ русскими служилыми людьми былъ одинокъ въ городѣ, такъ какъ съ черкасами жилъ не въ ладахъ. Они, по его словамъ, не хотѣли ему повиноваться, стеречь башни, ѣздить по вѣстямъ и пр.

Жаловались царю и „многожды“ послѣдовательно три воеводы — Селифонтовъ, Офросимовъ и Сухотинъ. Они доносили, что харьковскіе черкасы были и пьяницы, и лѣнтяи, и еретики¹⁾ и пр., и что, живя среди такого необузданнаго народа, котораго къ тому же „и унять было некому“, они, воеводы, являлись страдательными лицами. Сообщалось въ Москву, что Харьковъ пустѣетъ, что черкасы уходятъ изъ него въ другіе города или селятся по окрестностямъ, въ лѣсахъ, гдѣ оставались беззащитными.

Что же гнало черкасъ подалше отъ воеводъ и русскихъ ратныхъ людей, посланныхъ для ихъ же защиты? Были ли въ дѣйствительности харьковцы такъ виноваты, какъ ихъ представляли царю? Черкасы переселились изъ предѣловъ Польши въ надеждѣ найти избавленіе отъ всего того, что выгнало ихъ оттуда. Расчеты на это они имѣли основаніе, такъ какъ имъ было извѣстно, что царь, подъ званіемъ котораго они отдавались, охотно принималъ переселенцевъ, даже поощрялъ эти селенія и въ трудныя минуты приходилъ къ нимъ на помощь — давалъ имъ жалованья. Проживъ нѣкоторое время въ Харьковѣ, на постройку котораго они положили не мало трудовъ, многіе изъ жителей съ появленіемъ воеводы („для козака воевода — великая невзгода“) начали изъ него уходить. Правда, по складу своего характера малороссы всегда были болѣе склонны селиться на просторѣ, по хуторамъ, чѣмъ въ городахъ. Это у нихъ замѣчается и до настоящаго времени — вся Харьковская губернія усѣяна хуторами. Самое названіе Слободской Украины произошло отъ стремленія ея жителей селиться „слободно“ (свободно). Но разъ черкасы поселились уже въ городѣ, то что же ихъ выгнало оттуда? Надо думать, то же, что гнало русскихъ людей на Волгу, Донъ, что создало козачество и вызывало разныя броженія. Заводимые порядки на крутой московскій образецъ, требованіе воеводою безусловной покорности и раболѣпства къ своей особѣ и разныя „пристрастія“ не могли прійтись по праву черкасамъ. Въ нихъ таился вольный духъ козачества, воспріянувшій послѣднее время подъ вліяніемъ блестящихъ побѣдъ Хмельницкаго. Въ поискахъ свободы партія черкасъ, построившая Харьковъ, и пришла въ Придонецкую область. Поэтому его жители, вслѣдствіе давленія со стороны воеводъ, тѣмъ болѣе, если они были несправедливы, стали покидать городъ и селиться по красивымъ урочищамъ. До насъ дошло одно объемистое дѣло²⁾, изъ котораго видно, что черкасамъ „Харьково города“, поселившимся вблизи его, на пасѣкахъ, жилось вообще не осо-

¹⁾ Такъ же, ст. 389, лл. 39—40; ст. 399, л. 3.

²⁾ Тамъ же, ст. 424 лл. 145—207.

бенно хорошо, и что виновниками того были те воеводы и служилые люди, которые были присланы для их же защиты. Вновь возникшіе слободскіе городки были поставлены („приписаны“) въ зависимость отъ воеводы бѣлгородскаго „съ товарищи“ (другой воевода, дякъ, подьячій). Воеводы смѣнялись часто и, главнымъ образомъ, за „корыстную службу“; отмѣненное Грознымъ „кормленіе“ на дѣлѣ процвѣтало еще во всей своей красѣ. Въ наказахъ воеводамъ, хотя того же, напримѣръ, Харькова, неизмѣнно стоитъ: ¹⁾ „посуловъ и поминокъ не брать“. Но уже это одно свидѣтельство, что правосудіе, ими чинимое, зиждилось тогда именно на этихъ поминкахъ.

Алексѣй Михайловичъ, знавшій ихъ только по донесеніямъ, не особенно довѣлъ черкасамъ, что видно изъ слѣдующаго мѣста наказа: „чтобы у зелеиной и у шцовой казны все было стройно и бережно и не какіе-бы люди (изъ черкасъ) зелеиную и про свинцовую казну опричь тебя и тѣхъ людей, которымъ у той казны быть велѣно (изъ русскихъ), отнюдь никто не вѣдалъ ²⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалъ обращаться съ пришельцами ласково, ничѣмъ ихъ не отягощать и прѣщая о побѣгахъ, отъ которыхъ всячески хотѣлъ удержать харьковцевъ, воевода усердно прибавлялъ: „А я, холопъ твой, тѣхъ черкасъ безъ твоего великаго государя указу на поруки давать и за приставы, и въ тюрьмѣ держать не смѣю ³⁾ — и испрашивалъ на этотъ счетъ указа. Но грозный московскій повелитель, которому все трепетало, жестоко каравшій даже тѣнь непослушанія своихъ русскіхъ подданныхъ, на донесеніи воеводы положилъ такую резолюцію: государь указалъ, велѣлъ имъ говорить, чтобы великому государю служили, а государева милость, смотря по ихъ службѣ, будетъ“ ⁴⁾.

Мѣсто для своего поселенія харьковцы выбрали прекрасное и притомъ удобное для защиты въ углу сливающихся двухъ въ то время очень полноводныхъ рѣкъ. Кромѣ искусственныхъ сооружений, городъ былъ защищенъ съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой, съ сѣвера, — дремучимъ лѣсомъ, доходившимъ въ былыя времена до самыхъ городскихъ стѣнъ. Татары такіе ловкіе и неуловимые въ привольной степи, на просторѣ, не любили лѣса и избѣгали его. Все было на Украинѣ — климатъ прекрасный, почва плодородная, какой не много найдется на свѣтѣ, съ избыткомъ вознаграждавшая трудъ земледѣльца. При всемъ томъ земли было много — бери и работай, приобрѣталась она легко — путемъ простой заимки. Не будь всего прочаго харьковцами, жившимъ въ такомъ „крѣпкомъ“ и прекрасномъ мѣстѣ, могло бы житься не дурно. Московское правительство ко всему этому приказывало не мѣшаться во внутреннюю ихъ жизнь, не требовало съ нихъ податей, напротивъ — выказывало о нихъ постоянно всяческую заботу, доходившую иногда до мелочей ⁵⁾.

Хотя многіе изъ черкасъ и хотѣли избавиться отъ требованій воеводы бѣгствомъ, хотя они ему и оказывали нѣкоторое противодѣйствіе, но съ первыхъ же дней прихода начали

¹⁾ Тамъ же, ст. 33, лл. 733—751.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, ст. 315, л. 3.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 315 л. 3.

⁵⁾ Тамъ же, ст. 407, л. 131.

проявлять большую склонность къ инымъ, не воинскимъ дѣламъ. Здѣсь, въ новыхъ мѣстахъ, не было ни уни, ни пановъ, которые такъ отравляли ихъ существованіе на родинѣ. Тамъ, во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, народъ былъ на правахъ почти домашняго животнаго; работать на себя, достигнуть благосостояніе онъ не могъ. Попасть изъ панской неволи въ татарскую было для хлопа почти то же, что изъ огня да въ полымя. Поэтому благопріятныя условія въ новыхъ мѣстахъ, гдѣ черкасы становились людьми свободными, скоро могли измѣнить ихъ возрѣнія и склонности. Занявшись постройкою дворовъ на городищѣ, они вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же начали проявлять большую охоту къ торговлѣ. Харьковцы стали обращаться къ царю съ просьбами. Просили они не зеленой казны, не пицалей и пушекъ, чтобы было чѣмъ воевать, — просьбы ихъ носили совсѣмъ иной характеръ. Въ 1659 году харьковцы собрались на раду и долго на ней толковали, какъ бы устроить у себя еженедѣльно базары, а кромѣ того, и ярмарку, которая бы начиналась въ день храмоваго праздника построеннаго уже къ этому времени въ острогѣ Успенскаго собора. Подъ руководствомъ городского атамана Т. Лавринова было составлено о томъ и послано въ Москву челобитье¹⁾.

Алексѣй Михайловичъ къ просьбѣ харьковцевъ отнесся очень сочувственно; на челобитьи ихъ 5 августа того же года было положено такое рѣшеніе: „Государь пожаловалъ, велѣлъ имъ торговать по четвергамъ и о томъ дать имъ грамоту“²⁾. Этою же грамотою устанавливалось и Успенская ярмарка, имѣвшая для города большое значеніе, способствовавшая его торговому развитію. Начавшись въ 1659 году, она неизмѣнно повторяется ежегодно и до нашихъ дней. Въ 1660 году въ наказѣ³⁾ воеводѣ В. И. Сухотину царь повелѣлъ позволить харьковскимъ черкасамъ и пріѣзжавшимъ въ Харьковъ „изъ польскихъ и изъ украинскихъ городовъ съ торговыми промыслами“ торговать „межъ себя всякими товары безошлино“. Далѣе харьковскимъ жителямъ дозволялось вино курить, пиво варить и меды ставить также безошлинно. При этомъ дѣлалось ограниченіе: вино, пиво и медъ можно было только „держать про себя“, а продажнаго, чтобы „у нихъ отнюдь не было“⁴⁾. Строго было запрещено привозить на ярмарку въ Харьковъ для продажи вино и табакъ. „А которые, — говорилось въ наказѣ, — люди изъ черкасскихъ городовъ съ виномъ и табакомъ въ Харьковъ пріѣдутъ и тѣхъ людей... отсылать назадъ въ черкасскіе города и уѣзды совсѣмъ вѣдѣль, а грабежу и убытковъ тѣмъ пріѣзжимъ не дѣлать, а приказывать имъ накрѣпко, чтобы они впредь въ Харьковъ съ продажнымъ виномъ и табакомъ не пріѣзжали, а которые впредь въ Харьковъ съ продажнымъ виномъ и съ табакомъ пріѣдутъ и у тѣхъ велѣть бочки съ виномъ разсѣкать, а табакъ жечь“. Кромѣ освобожденія харьковцевъ отъ платежа пошлинъ за торговлю, вниманіе царя и желаніе приласкать ихъ видно во всемъ — „для ихъ иноземства“ — „пошлинъ съ судныхъ дѣлъ съ русскихъ людей имать противъ прежняго государева указа, а съ черкасъ съ ихъ несковъ по-

¹⁾ Тамъ же, ст. 480, лл. 307—309.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, ст. 33, лл. 733—751.

⁴⁾ Тамъ же.

шлинь... не имать“, „а черкасамъ обидъ и налоговъ, и насильствъ никакихъ не дѣлать, и посуловъ и пошлинь ни у кого ни отъ какихъ дѣлъ не имать“. Права и льготы харьковцевъ все расширялись, подтверждаемая грамотами¹⁾. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича онѣ были слѣдующія: 1) право свободного занятія пустопорожныхъ земель, 2) устройство козацкое и самоуправленіе, 3) безошлинное занятіе всякими промыслами, рыбною ловлею, мельничествомъ, винокурениемъ и уже продажею вина, 4) свобода отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ военныхъ козацкихъ, и 5) право содержать на откупѣ таможи, мосты и перевозки.

Въ Харьковѣ, одновременно съ его возникновеніемъ или очень скоро, была построена церковь св. Николая. Вскорѣ, въ 1651—1658 годахъ, былъ построенъ въ острогѣ и деревянный Успенскій соборъ²⁾, стоявшій въ 25 саженьяхъ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ гордо высится уходящая въ небо колокольня теперешняго кафедральнаго собора.

Оставляя родной край, переселенцы везли съ собою обыкновенно весь свой скарбъ и всѣ бывшіе у нихъ церковныя принадлежности, даже колокола. На выбранномъ для поселенія мѣстѣ они строили себѣ новыя церкви.

Православная вѣра въ Польшѣ была всегда въ большомъ загонѣ; исповѣдовалась она простымъ народомъ и называлась поэтому презрительно поляками „хлопской“. Богатые и знатные роды русиновъ — Острожскіе, Вишневецкіе, Сангушки и др. — постепенно перешли въ католичество и забыли о своей національности. Отвернувшись отъ народа, они, какъ неопиты, сдѣлались особенно ревностными католиками, польскими патриотами и горячо стали отстаивать шляхецкія идеи (напр. Іеремія Вишецкій). Православныя церкви въ своихъ необъятныхъ владѣніяхъ они отдавали въ аренду евреямъ, которымъ народъ долженъ былъ платить за право исполнять какую-либо потребу. Понятно, что русскія церкви въ Польской Украинѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, не могли быть богатыми. Поэтому и переселенцы не могли привезти съ собою много и хорошей церковной утвари и принадлежностей вообще, а если и привезли, то жалкую и кое-какую. По крайней мѣрѣ, черкасы прибывшіе на Харьковское городище, построили себѣ церкви, но такія бѣдныя, что въ нихъ совсѣмъ не было ни иконъ, ни книгъ, по которымъ можно было бы править церковныя службы. Въ какомъ состояніи были эти церкви, ясно видно изъ приводимаго ниже донесенія воеводы Ив. Офросимова, прибывшаго въ Харьковъ на смѣну В. Селифонтова въ 1658 году³⁾.

„Стѣны, государь, межъ углы четырехъ сажень, а образы, государь, мѣстныхъ и деисусовъ нѣтъ; черкасы, государь, молятся бумажнымъ листамъ своему литовскому письму и стѣнамъ, а книги, государь, и заводу никакихъ нѣтъ и за тебя, великаго государя, молитъ Бога не по чемъ; только, государь, лгутъ Богу и десятныя, государь, части хвалы Богу не воздаютъ; нѣтъ, государь, Евангелія на престольнаго, ни служебника, ни потребника, ни тріоди постной, ни тrefолоя, ни апостола, ни меніи

¹⁾ Наша „Ист. Харьк. Слоб. Каз. п.“ Харьковъ 1896 г. 47.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Вѣд. столъ, ст. 399, л. 3.

³⁾ Тамъ же.

общей, ни охтой, ни шестоднева, ни псалтири съ слѣдованіемъ, ни Евангелія толковаго. И о томъ вели, государь, свой государевъ милостивый указъ учинить, чтобы, государь, было по чемъ за тебя, великаго государя, молить Бога и воздать хвалу къ Богу. А я, холопъ твой, видя ихъ маловѣріе, что поклоняются бумажнымъ листамъ и стѣнамъ, для того къ тебѣ, великому государю, и писалъ. И о томъ, какъ ты, великій государь, укажешь“.

На самомъ челобитьи воеводы стоитъ такая помѣтка: „выписать про церковное строеніе“ — и только. Воевода въ числѣ другихъ своихъ многосложныхъ обязанностей, долженъ былъ вести, такъ называемыя, „строельныя книги“, куда во всѣхъ подробностяхъ заносилось все, что касалось возводимыхъ въ городѣ построекъ.

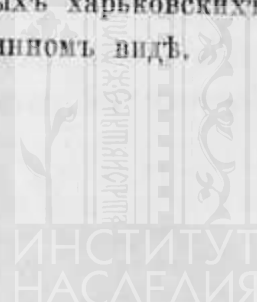
Помимо Офросимова и сами черкасы пробовали обращаться къ царю съ просьбою помочь имъ строить церкви и снабдить ихъ нужными вещами. Воевода доносилъ о маловѣрїи черкасъ, о ихъ ереси, такъ какъ молились они бумажнымъ листамъ литовскаго письма и стѣнамъ. Обвинялись они и въ томъ, что „лгутъ Богу“ и не воздаютъ Ему „и десятой части“ хвалы. Все это, по понятіямъ того времени, были преступленія не маловажныя. За подобное отступничество Тишайшій не помиловалъ бы; за это тогда можно было жестоко поплатиться. Царь и патріархъ у себя въ Московскомъ государствѣ немилосердно преслѣдовали и карали малѣйшее преступленіе. Пылали даже очистительныя костры. А воевода обвинялъ черкасъ въ такомъ тяжкомъ преступленіи, что они не молятся за великаго государя.

Но, видимо, Алексѣй Михайловичъ сильно дорожилъ своими новыми подданными, если не обращалъ вниманія на всѣ эти и другія немаловажныя обвиненія. Въ Москвѣ, по всей вѣроятности, знали обо всемъ этомъ — все такое же было и въ другихъ городахъ заселившейся тогда Слободской Украины. Царь благоразумно не хотѣлъ крутыми мѣрами возстановлять противъ себя переселенцевъ. Строгость и притѣсненія могли только положить предѣлъ дальнѣйшимъ переселеніямъ, что не входило въ расчетъ государства, слабую сторону котораго и составляло именно малолюдство. Намъ извѣстно¹⁾, что изъ Москвы посылалось въ новопостроенные города все необходимое „церковное строеніе“, заключавшееся въ образахъ, книгахъ и пр., даже безъ всякой со стороны жителей просьбы. Но въ Харьковѣ почему-то ничего дано не было.

Лѣтомъ 1657 года въ Москву изъ „украинскаго дальняго г. Харькова“ пришли два священника и діаконъ „бить челомъ о церковномъ строеніи“²⁾. Они, конечно, не поскупились на мрачныя краски, изображая, чтобы разжалобить, бѣдственное положеніе церквей на Украинѣ. Изъ челобитья священниковъ видно, что приняты они были не особенно гостепрїимно; а изъ донесенія воеводы, писанаго годъ спустя, — что просьбы ихъ и совсѣмъ исполнены не были. Челобитье первыхъ харьковскихъ священниковъ такъ характерно, что его стоитъ привести въ подлинномъ видѣ.

¹⁾ Тамъ же, ст. 268, лл. 567—595.

²⁾ Тамъ же, ст. 408, л. 472.

„Царю-Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Вел. и Мал. и Бѣл. Россіи самодержавцу бьютъ челомъ богомольцы твои, бѣдные государевы украинскаго дальняго г. Харькова черкасскій попъ Еремѣище и новоставленные попъ Василице и дьяконъ Юсипище да Чугуевского городу Печенѣжской слободы попъ Лукьянище. Приволоклися мы, богомольцы твои, къ тебѣ, Государю, бити челомъ о церковномъ строенію! и мы на Москвѣ волочимся четвертую недѣлю и чрезъ тые часы спрофлися, пыть и исты нечего и скуфіей у насъ нѣтъ. Милосердный Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Вел. и Мал. и Бѣл. Россіи самодержецъ, пожалуй насъ, богомольцевъ своихъ, вели, Государь, намъ бѣднымъ своего государева жалованія кормъ дать, чѣмъ тебѣ, Государю, объ насъ Богъ извѣститъ. Царь-Государь, смилуйся!“

Но почему-то тогда царь не помогъ харьковцамъ построить храмы и не пожертвовалъ церковныхъ книгъ, иконъ и утвари, а приказалъ лишь выдать „изъ разряда понамъ по рублю, а дьякону 20 алтынъ“.

Деньги эти „попъ Еремѣище“ взялъ и „за себя и за товарищи руку приложилъ“.

Описание рукописного материала по истории Слободской Украины в Московском Отделении Архива Главного Штаба.

Ив. Катаева.

По описи 25-й дѣло за № 341 „Объ учрежденіи Слободскихъ полковъ гусарскими“, на 1080 листахъ, содержитъ въ себѣ слѣдующіе документы:

Промеморія герольдмейстерской конторы Прав. Сената въ военную коллегію о новыхъ знаменахъ въ Слободскіе полки и о составленіи къ нимъ рисунковъ отъ 1751 г. Новые рисунки и знамена должны быть составлены на основаніи именнаго указа отъ 1734 г. Приложены рисунки красками гербовъ пяти Слободскихъ полковъ. (1—4 л.).

Справка и копія съ указа военной коллегіи 1761 г. объ учрежденіи при ней особой экспедиціи для разбора дѣла о приведеніи нерегулярныхъ Слободскихъ полковъ на другое основаніе. Ген.-фельдм. гр. Бутурлинъ по поводу возобновленнаго прошенія полковника Острогожскаго полка Тевяшова представилъ Императрицѣ мнѣніе со штатомъ о приведеніи Слободскихъ полковъ „совсѣмъ на другое основаніе, а именно учрежденіи изъ нихъ регулярнаго корпуса, состоящаго изъ трехъ драгунскихъ и двухъ пѣхотныхъ полковъ, что Императрица какъ для службы, такъ и для благосостоянія того народа“ признала весьма полезнымъ. Но по челобитной бригадира Банческуля, противоположной по мнѣнію, повелѣно было дѣло вновь разсмотрѣть, почему полковникъ Тевяшовъ оставленъ при коллегіи до окончанія работъ. Ген.-фельдм. президентомъ коллегіи кн. Никитой Трубецкимъ затребованы съ этой цѣлью изъ сената ранѣе представленные туда проекты объѣздомъ, и Высочайше повелѣно основать особую экспедицію для составленія изъ этихъ проектовъ экстракта. (5—8 л.).

Экстрактъ изъ переписки по дѣлу о составленіи новыхъ рисунковъ и гербовъ для знаменъ Слоб. полковъ съ 734—743 г. г. и реэстръ рисунковъ для знаменъ. Всего пересчитано 35 рисунковъ для всѣхъ сотенъ пяти Слоб. полковъ. (На 11 лист. съ 9—19).

Рапортъ ген.-фельдм. Бутурлина отъ 18 марта 1757 г. въ военную коллегію съ копіей доношенія изъ Сумской и Ахтырской полков. канцелярій за подписью ген.-лейт. кн. Кантемира отъ 10 января 1757 г. Вслѣдствіе указа изъ Главной соляной конторы отъ 1757 г. — въ Слобод. полкахъ съ января 1757 г. на шесть лѣтъ

содержать на откупъ выварочную соль на казенныхъ Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ Орловскимъ купцамъ съ прибавкой при продажѣ къ указной цѣнѣ 1 коп. на пудъ, Сумская и Ахтырская полков. канцеляріи доносятъ, что этотъ указъ является нарушеніемъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ Слободскимъ полкамъ 7171 г., 7172 г., (Въ другихъ случаяхъ вмѣсто первыхъ двухъ датъ приводятся года 7177, 7192,) 7196, 1700 г., подтвержденныхъ императрицей Елизаветой. По этимъ жалованнымъ грамотамъ казаки пользуются правомъ безошлинной торгѳвли и промысловъ, почему они и имѣютъ возможность отпирать военную службу на Украинѣ безъ денежнаго жалованья. Если же лишить ихъ этого права — они придутъ въ разоренье. Поэтому полков. канцеляріи ходатайствуютъ объ отмѣнѣ вышеотмѣченнаго указа, — а по прежнему варить свободно соль на Бахмутскихъ и Торскихъ заводахъ полковой старшинѣ и казакамъ для своего продовольствія и на продажу за указныя окладныя деньги (на 6 л. 20—25).

Допошеніе въ военную коллегію ген.-фельдм. Бутурлина 4 мая 1758 г. Представляя бѣдственнымъ положеніе Слобод. полковъ вслѣдствіе наложенныхъ на нихъ разныхъ повинностей вопреки пожалованнымъ имъ прежде грамотамъ и вслѣдствіе послѣдняго похода, Бутурлинъ прилагаетъ „экстрактъ, на какомъ основаніи казацкіе Слободскіе полки по состоявшимся указамъ содержать повелѣно, какія сверхъ того имъ излишества и тягости положены и что, по мнѣнію ген.-фельдм. и кавалера Бутурлина, отнынѣ учредить должно“. Экстрактъ соотвѣтственно этимъ тремъ пунктамъ, отмѣченнымъ въ заглавіи, раздѣляется на три графы. Въ первой графѣ содержится перечень указовъ о казакахъ: 1) по грамотамъ Алексѣя Михайловича и Петра I 7177, 7192, 7196, 1700 г.г. быть въ конной службѣ выборнымъ казакамъ 3577 челов., а достойнымъ помогать въ службѣ коннымъ по ихъ обыкновенію. Кромѣ той полковой конной службы на годовую службу нигуда не посылать и тягостей и подводъ у нихъ безъ указа и безъ грамотъ не брать. Полковникамъ, старшинамъ и казакамъ вмѣсто годоваго жалованья всякими промыслами промыслять и всякими товарами торговать безошлинно, мельницами, рыбными ловлями и всякими угодыми владѣть, шинки держать и шинковать во всѣхъ городахъ и вино курить безоброчно. 2) Въ 733 г. при учрежденіи Слобод. полковъ ген. кн. Шаховскимъ по указу Анны Іоанновны въ тѣхъ полкахъ учредить казаковъ: Въ Ахтырскомъ 1000, въ остальныхъ 4-хъ по 800, и того 4200, и къ нимъ изъ старшинскихъ дѣтей подирапорныхъ, сколько надлежитъ, до регулярныхъ въ каждомъ полку по 100, всего 500. Оставшимся за этимъ укомплектованіемъ казачьимъ дѣтямъ и ихъ свойственникамъ быть въ запасѣ для укомплектованія убылыхъ мѣстъ. Сбирать съ нихъ лошадьми, на ружья, порохъ, пули и проч. въ годъ по 10 коп. съ души, а съ „подсобедковъ и съ подпомощниковъ“ по 18³/₄ коп. 3) Указъ 1743 г. 28 сентября — возвратитъ казаковъ на прежнее положеніе, бывшее при Петрѣ Великомъ, но выборныхъ конныхъ казаковъ быть 5000.

Вторая графа — значатся сверхъ указаннаго положенія излишества: 1) по ордеграмъ бригадира Капниста и по опредѣленію военной коллегіи положено держать 5000 казаковъ „о дву конь“; 2) по случаю похода для службы на линіяхъ и фор-

постахъ кромѣ 5000 выбрать еще 2500 одноконныхъ, которые продолжаютъ служить по настоящ. время (въ 1758 г.); 3) при каждомъ сотникѣ быть кромѣ того походнымъ урядникамъ, по одному атаману, хорунжему и по 2 эсаула; 4) пушекъ въ каждомъ полку держать по 6, всего 30 (прежде было по 2), при нихъ пушкарей по 30, всего 150; 5) въ 756 г. изъ казачьихъ родственниковъ и подпомощниковъ выбрать во вновь учрежденный гусарскій полкъ въ гусары 1086 челов. Поэтому казаки отправляютъ три разныя службы: а) дѣйствительно двуконно служащіе, в) одноконные казаки, с) гусары, — такъ что домашнюю экономію вести некому. Лошадей для гусаръ также не хватаетъ; 6) въ 751 году новая повинность на казачьихъ свойственниковъ и подпомощниковъ: строить конюшни и содержать по нѣсколько сотъ лошадей на полкъ, поставленныхъ въ Слобод. полкахъ изъ Малороссійскихъ Кирасирскихъ полковъ; 7) изъ Бѣлгородской и Воронежской губерн. канцелярій запрещено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ куреніе вина и шинкованіе; 8) изъ Воронежской губерніи ежегодно насылаются офицеры въ должности вальдмейстеровъ съ командами, причиняющими не малое разореніе казакамъ; 9) въ 709 г. по случаю Шведскаго разоренія въ Ахтырскій полкъ пожаловано до 10 новыхъ селъ и деревень, но съ нихъ прибавлено казаковъ въ 722 г. 402 челов., земли же потомъ отошли въ аренду, а увеличенный наборъ казаковъ остался; 10) назначенная на артиллерію и удовлетвореніе прочихъ полковыхъ нуждъ подпомощичья сумма указомъ сената опредѣлена на содержаніе вновь набраннаго гусарскаго полка; 11) изъ бывшихъ въ походѣ лошадей утрачено 4927, и всѣ казачьи полки возвратились почти безъ аммуниціи.

Третья графа — мнѣніе ген.-фельдм. Бутурлина на 1, „прибавленіе и излишество“: достаточно по одной лошади на казака; на 2) казаковъ, взятыхъ на службу въ форпостахъ во время похода въ колич. 2500, распустить какъ остающихся въ полкахъ вопреки указу Императрицы; на 3, оные чины отмѣнить; на 4, имѣть по прежнему по двѣ пушки; на 5, если оставить шестой гусарскій полкъ, то по крайней мѣрѣ освободить казаковъ отъ поставки въ него лошадей, а приобрѣтать ихъ покупкой; на 6, если нельзя отмѣнить, то по крайней мѣрѣ зачитать въ фуражъ; на 7, 8 и 9, представить на разсмотрѣніе Сената; на 10, означенную сумму употреблять на прежнія нужды, а на содержаніе новаго полка исходатайствовать отъ Сената особую сумму; на 11, потерянныхъ лошадей приобрѣтать на положенную казачью сумму. (На 4 лист. 27—30 л.).

Вторичное доношеніе Бутурлина въ военную коллегію отъ 15 іюня 1758 г. съ извѣщеніемъ объ отправкѣ вышеизложеннаго экстракта и ходатайствомъ ускорить резолюцію на него. Пока же Бутурлинъ распорядился о выдачѣ аммуничныхъ и прочихъ вещей объ одной лошади казакамъ, а убылыхъ людей укомплектовать изъ находящихся на линіи 2500 человекъ.

Третье доношеніе Бутурлина въ военную коллегію отъ 17 августа 1758 г. о бѣдственномъ состояніи Слобод. полковъ отъ наложенныхъ на нихъ излишествъ и тягостей и послѣ Прусскаго похода 1757 г. вслѣдствіе убыли въ лошадяхъ, недостатка въ оружіи и провіантѣ, отчего происходятъ побѣги казаковъ за границу. Бутурлинъ снова ходатайствуетъ дать скорѣйшую резолюцію по этому вопросу и

прилагаетъ въ подтвержденіе своихъ сообщеній копіи съ трехъ доношеній о состояніи полковъ ген.-лейтен. Кантемира — два отъ 13 іюня 1758 г. и одно отъ 13 іюля того же года, въ которомъ Кантемиръ между прочимъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи отправить достойныхъ казацкихъ старшинъ въ Петербургъ для личнаго ходатайства о своихъ нуждахъ (31—38 л.).

Копія съ ордера Бутурлина кн. Кантемиру въ отвѣтъ на его доношенія въ 4-хъ пунктахъ: 1) старшинъ въ Петербургъ не посылать во избѣжаніе лишннихъ расходовъ, а Бутурлинъ ходатайство беретъ лично на себя; 2) впредь до резолюціи оставить прежнее оружіе (Кантемиръ просилъ объ отпускѣ оружія); 3) объ отпускѣ денегъ на починку мостовъ Бутурлинымъ представлено ходатайство, а пока — починовать на обывательскія средства; 4) относительно ослушаніе бригадира Банческуля, на котораго жаловался Кантемиръ, приняты мѣры къ разслѣдованію. (л. 39.)

Доношеніе Ахтырской полковой канцеляріи кн. Кантемиру за подписью полковника Лесевицкаго отъ 25 мая 1758 г. объ освобожденіи наложенныхъ на казаковъ сверхъ указовъ мостовыхъ и дорожныхъ пошлинъ (40—41 л.).

Дѣло, состоящее изъ доношенія Ахтырской полковой канцеляріи кн. Кантемиру отъ 25 мая 1758 г., изъ мирового письма и указа Прав. Сената по спору между полковникомъ Васи́лемъ Танскимъ и Мураховскими казаками Ахтырскаго полка о владѣніи землей въ мѣстечкѣ Мурафѣ (42—54 л.).

Дѣло о „маестностяхъ“, принадлежавшихъ бывшему Ахтырскому полковнику Перекрестову и пожалованныхъ въ 1709 г. во владѣніе Ахтырскому полку, — состоящее изъ рапорта Ахтырской полков. канцеляріи кн. Кантемиру отъ 25 мая 1758 г., письма Алексѣя Даниловича Меньшикова отъ 4 мая 1709 г. (копія) и указа канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ (копія) на имя Ахтырскаго полковника о пожалованіи Перекрестовскихъ владѣній Ахтырскому полку, съ реэстромъ грамотамъ на владѣніе, даннымъ Ивану Перекрестову (55—64 л.).

Доношеніе полковниковъ всѣхъ пяти Слобод. полковъ за подписью каждого (Харьковскій — Куликовскій, Сумскій — Захаржевскій, Ахтырскій — Лесевицкій, Острогжскій — Тевяшовъ, Изюмскій — Краснокутскій) отъ 1758 г. Май мѣс. (день не обозн.) Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 11 пунктахъ. Въ доношеніи излагается состояніе полковъ по указамъ и жалов. грамотамъ государей, говорится о вѣрной службѣ казаковъ по Украинской линіи въ защитѣ отъ набѣговъ татаръ и участіи во многихъ другихъ походахъ, о льготахъ, данныхъ имъ за эту службу, и наложенныхъ на нихъ послѣ 733 г. тягостяхъ противъ указовъ, которыя привели къ разоренію казаковъ. Пункты въ содержаніи по существу тѣ же, что и въ доношеніи Бутурлина, но изложены подробнѣе. Полковники просятъ Императрицу объ облегченіи и снятіи тяжелыхъ повинностей съ казаковъ. (65—75 л.). Къ доношенію приложены подробныя вѣдомости отъ каждого полка отдѣльно по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) какое число душъ съ дистрикта каждаго полка и приписныхъ къ нему сель и деревень платитъ деньгами и натурой по росписи 733 г., сколько убылыхъ и сколько состоитъ въ наличности въ 1758 г.; 2) сколько уплачивается расходовъ на содержаніе лошадей и постройку конюшенъ и пр. для лошадей кирасирскихъ полковъ заводовъ погодно

Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II.

съ 751—758 г. г.; какіе города и села состоятъ подъ запрещеніемъ винокуренія, шинкованія и продажи соли; 4) сколько расходовъ на содержаніе стоящихъ на квартирахъ разныхъ полковъ и на доставку провіанта подпомощникамъ и владѣльческимъ подданнымъ по квитанціямъ значится, 5) сколько въ 739 г. во время Турецкой войны взято на армію бесплатно воловъ и по какой цѣнѣ въ городахъ и уѣздѣ каждаго полка; 6) сколько въ бывшемъ (Прусскомъ) походѣ казаковъ при арміи оставлено, убито, умерло и лошадей убыло. Въ вѣдомостяхъ Изюмскаго полка есть между прочимъ графа: въ какой цѣнѣ въ городѣ Изюмѣ въ 1732—1741 г. г. (погодно и помѣсячно) провіантъ и фуражъ состояли (мука, крупа, соль, овесъ, сѣно — на 126—129 л. (76—149 л.).

Репортъ провіантской главной канцелярію въ военную коллегію отъ 11 октября 1759 г. съ приложеніемъ трехъ вѣдомостей: 1) сколько людей изъ Слобод. казаковъ, изъ свойственниковъ и подпомощниковъ ходитъ за лошадьми 2-хъ кирасирскихъ полковъ заводовъ въ Малороссіи (всего въ 5 полкахъ — 106 чел.), 2) сколько съ тѣхъ заводовъ въ кирасирскіе и драгунскіе полки лошадей поставлено въ 753—756 г. г., 3) сколько на содержаніе казаковъ и изъ какихъ армейскихъ и драгунскихъ полковъ людей состояло въ 753—759 г. г. (150—159 л.).

Доношеніе ген. фельдм. Бутурлина въ военн. коллегію отъ 14 окт. 1758 г. содержитъ въ себѣ новое напоминаніе о бѣдственномъ состояніи Слоб. полковъ и требованіе скорѣйшей резолюціи на представленныя ранѣе доношенія (160 л.).

Репортъ отъ главн. провіантской канцеляріи въ военн. коллегію отъ 19 окт. 1759 г. содержитъ извѣщеніе на запросъ коллегіи, сколько, на какую цѣну провіанту и фуражу было доставлено отъ Слоб. полковъ въ бывшую Турецкую кампанію, сколько за него заплачено и недоплачено, и почему. Объ этомъ посланъ запросъ ген.-анш. Стрешневу и ген.-лейт. Кантемиру и, по полученіи отъ нихъ свѣдѣній, будетъ доложено коллегіи (163—164 л.).

Экстрактъ изъ секретнаго повѣстья, для какихъ обстоятельствъ и по какому указу наряжена въ походъ (Прусск. кампан. 1756 г.) 5 тысячная команда Слоб. козаковъ о двухъ коняхъ и гдѣ нынѣ она находится, сколько пушекъ въ каждомъ полку, сколько всего лошадей потеряно и проч. обстоятельствахъ и Прусскаго похода (провіантъ, жалованья и пр.) (165—200 л.). Далѣе, слѣдуютъ подробныя вѣдомости сколько Слоб. полковъ старшинъ, рядовыхъ и прочихъ чиновъ, такомъ и лошадей, отправлено было въ походъ, и что изъ того числа какимъ случаемъ убыло и затѣмъ дѣйствительно въ ихъ домъ прибыло, о состояніи Слоб. полковъ послѣ похода (въ количеств. отношеніи), о состояніи артиллеріи, сколько, какихъ чиновъ и почему не выступило въ походъ, какимъ числомъ убылыхъ откомплектовать требуется“. Вѣдомости отъ 1757 г. янв. 3, за подписью Кантемира (201—213 л.).

Экстрактъ изъ дѣла (по справкѣ въ гусарскомъ повѣстьѣ) объ учрежденіи перваго гусарскаго полка изъ раскасованнаго Слоб. драгунскаго полка по указу Прав. Сената отъ 3 окт. 1756 г. съ цѣлью употребить его на Украинѣ, „гдѣ большая нужда будетъ“. Дѣло составленія новаго полка поручить ген.-анш. гр. Салтыкову, которому изъ военной коллегіи выслать повелѣно весь матеріаль, имѣющийся тамъ объ учреж-

деніи Слѳб. драгунскаго полка. Вслѳдствіе затребованныхъ Салтыковымъ отъ военн. коллегіи указаній къ составленію полка, то обращается по этому дѳлу къ Сенату. Сенатомъ 21 марта 1757 г. опредѳлено: 1) послать гр. Салтыкову копію съ при- мѳрнаго штата по прозку Слѳб. Изюмскаго полка полков. обознаго Мих. Милора- довича, и какъ объ учрежденіи этого полка, такъ и о преобразованіи другихъ пяти Слѳб. полковъ учинить разсмотрѳніе и представить въ Сенатъ мнѳніе; 2) пока же не медлитъ сформированіемъ перваго гусарскаго полка и для обученія гусаръ, пока оберъ и унтеръ-офицеры того полка остаются въ походѳ, взять командированныхъ изъ Новой Сербіи Славяносербскаго полка офицеровъ; 3) нужное вооруженіе отпустить отъ главной артиллеріи и оружейныхъ заводовъ; 4) опредѳляются форма одежды гусаръ, цвѳта чепраковъ и пр.; 5) лошадей взять у бывшихъ драгунъ и изъ подпомощниковъ; 6) на содержаніе полковъ взять изъ подпомощичьей суммы, а недостатокъ пополнить до 10 тыс. руб. изъ суммъ, отпущенныхъ на Новосербію и Славяносербію впредь до разсмотрѳнія; 7) проэктъ знаменъ составить Салтыкову, а пока имѳть прежнія драгунскія знамена. Мая 4-го 1757 г. Сенатомъ опредѳленъ штатъ вновь учреждающагося гусарскаго полка „какому числу и какимъ чинамъ быть“ въ немъ (количество всѳхъ чиновъ въ полку—1179 чел.). Слѳдующіе указы того же 1757 г. касаются укомплектованія оружіемъ, лошадьми, опредѳл. окладная сумма по содержанію новаго полка (л. 214—226).

Листы 227—234 содержатъ справку изъ гарнизоннаго въ приказное повѳтье, сколько лошадей въ каждый Слѳб. полкъ изъ Изманловскихъ конскихъ заводовъ введено и зачѳмъ.

Рапорты Бутурлина и Стрешнева въ военн. коллегію о собираніи недоимки Слѳб. полковъ подпомощичьяго оклада при чемъ Бутурлинъ, извѳщая о собираніи 2388 руб. (изъ 16462 р.), свидѳтельствуеетъ о крайнемъ изнуреніи казаковъ и о невозможности собирать остальную сумму. (235—240 л.).

Представленіе ген. фельд. Бутурлина Имп. Елизаветѳ 1760 г. ноября (день не обозн.) о необходимости преобразовать Слѳб. полки въ регулярный корпусъ, изъ 3 драгунскихъ и 2 пѳхотныхъ полковъ состоящихъ. Представляя бѳдственнымъ состояніе полковъ, Бутурлинъ указываетъ между прочимъ на убыль и побѳги насе- ленія: съ 733 по 759 г. г. убыло казаковъ, подпомощниковъ и владѳльческихъ под- данныхъ болѳе 82 тыс. человѳкъ. Новообразованный корпусъ поставить для охраны Украинской линіи и въ другіе походы нигуда не употреблять.

Къ представленію приложено въ 1) описаніе состоянія Слѳбод. полковъ съ мнѳ- ніемъ Бутурлина: „на какомъ основаніи Слѳбодскіе полки по жалованнымъ грамотамъ учреждены и въ перемѳну тѳмъ жалованнымъ грамотамъ состоятъ и нынѳ какимъ порядкомъ учредить надлежитъ“. Первый пунктъ содержитъ изложеніе указовъ о Слѳбод. полкахъ, переданныхъ выше, второй и третій пункты въ двухъ графахъ подъ заглавіемъ: а) представленіе Слѳб. полковъ, и в) мнѳніе ген. фельд. Бутурлина; то и другое въ трехъ частяхъ. Первая часть подъ заглавіемъ: „вольности у нихъ пресѳчены“ въ 4-хъ пунктахъ съ приложеніемъ мнѳнія Бутурлина на каждый пунктъ, говорится объ ограниченіи льготъ казаковъ въ торговлѳ, промыслахъ, куре- ніи вина и шинкованіи. Часть вторая: „тягости на оныя полки наложены въ исходство

привилігій въ 9 пунктахъ съ замѣчаніями на каждой. „Тягости“ перечисляются тѣже и съ такими же приблизительно замѣчаніями, какъ выше въ экстрактѣ Бутурлина, представленномъ въ военн. коллегію. Большинство этихъ тягостей по мнѣнію Бутурлина, нужно отмѣнить. Третья часть: „и для того всѣ полки общественно желаютъ принять регулярную службу“ — въ 9 пунктахъ также съ замѣчаніями Бутурлина: 1) о томъ для одобренія народа и удержанія отъ побѣговъ публиковать указомъ съ обнадеживаніемъ милости, возвратитъ прежнія вольности и сложитъ всѣ излишества; 2) оные полки наименовать Слободскимъ корпусомъ, полковниковъ произвестъ полковниками, а офицеровъ изъ старшинъ съ рангами противъ прежняго драгунскаго полка; 3) для управленія тѣмъ корпусомъ и прочими внутренними и экономическими дѣлами учредить особое правленіе подъ командою ген.-фельдмаршала, а гражданскимъ канцеляріямъ состоять на такомъ основаніи какъ нынѣ есть, быть въ нихъ судьямъ и писарямъ и прибавитъ жалованья; 4) въ сотенныхъ мѣстечкахъ сотникамъ и никакимъ нерегулярнымъ старшинамъ уже не быть, а начальство имѣть вмѣсто нихъ офицерамъ; 5) для содержанія корпуса собирать съ казаковъ и ихъ подпомощниковъ всего — 127.000 руб.; 6) жалованье въ мирное время не производить, довольствоваться указными вольностями, а въ военное время въ походѣ давать армейское; 7) для скорѣйшаго оборудованія корпуса къ имѣющемуся въ бывшемъ драгунскомъ полку оружію выдать недостающее, а также и аммуницію, — изъ казны; 8) положенную „на консистенты“ сумму на владѣльческихъ подданныхъ причислить къ ихъ же суммѣ и съ нихъ взыскивать; 9) „для приращенія интереса“ по рѣкамъ Волгѣ и другимъ поселившимся и никакой службы не отправляющимъ учинитъ вновь ревизію и бѣжавшихъ туда изъ Слободскихъ полковъ возвратитъ.

2-е приложеніе къ представленію Бутурлина — штатъ „въ коликомъ числѣ учреждаемаго Слободскихъ полковъ корпуса драгунскіе 3 и пѣхотные 2 полка людьми, лошадьми, мундирными и аммуничными вещами состоятъ имѣютъ и что на то содержаніе ежегодно потребно денежной суммы“. Проектъ штата заключаетъ въ себѣ росписаніе количества людей всѣхъ чиновъ въ драгунскихъ и пѣхотныхъ полкахъ (въ драгунскихъ — по 1010 чел., въ пѣхотномъ по 1559 чел.), жалованья имъ, количества лошадей, расходы на покупку ихъ, смѣту расходовъ на артиллерію, провіантъ и фуражъ, лазаретъ, полковыя церкви, описаніе гербовъ для знаменъ и формы всѣхъ пяти полковъ. (242—277 л.; проектъ штата излож. 253—277).

Экстрактъ, составленный въ 1759 г. въ военной коллегіи, изъ дѣлъ о Слободскихъ полкахъ по донесеніямъ г. ф. Бутурлина, кн. Кантемира и др. и по справкамъ въ военн. коллегіи, изложенъ въ двухъ графахъ: въ первой излагаются доношенія, во второй справки — коллегіи. Доношенія и рапорты, приводимые здѣсь, всѣ излагались выше. (277—313 л.).

Рапортъ въ военн. коллегію ген.-лейт. князя Кантемира отъ 1757 г. съ приложеніемъ вѣдомостей „сколько въ Слободскихъ полкахъ съ прошлаго 733 г. съ начала учрежденія оныхъ, по 756 г. собираемой въ силѣ имяни. указу съ казачьихъ подпомощниковъ съ присяжнаго двора, состоящаго въ 50 душахъ, по девяти рублей, по 43 коп. съ осмовъ, да съ остаточныхъ — по 8³/₄ коп. съ души, суммы денегъ

повсегодно въ сборѣ было, и изъ той суммы сколько, когда и на что въ расходъ употреблено, и затѣмъ въ доимкѣ и на лицо состоитъ значится подѣ симъ; февраля 1 дня 1757 г.“ (314—463 л.). Въ концѣ на двухъ листахъ приложена общая вѣдомость.

Дѣло 1760 г. „по указу изъ Сената о командированіи для осмотра и снятія въ Малороссіи подѣ кладку привозимой туда соли подѣ строеніе казенныхъ амбаровъ мѣсть и учиненія смѣты изъ имѣющихся въ Кіевѣ двухъ инженеровъ“. (464—496 л.).

Извѣщеніе изъ экспедиціи по Слоб. полкамъ въ экспедицію о разсмотрѣніи о приведеніи ихъ на другое основаніе отъ 1761 г. съ приложеніемъ доношенія отъ Слоб. полковъ на имя ген. Стрешнева „объ изнеможеніяхъ на тѣ полки наложенныхъ“. (497—501.).

Дѣло 1761 г. о бригадирѣ Банческулѣ, состоящее изъ справки генераль-аудиторской экспедиціи и челобитныхъ Изюмскаго полка полковника Милорадовича Имп. Елизаветѣ и ген. кн. Кантемиру отъ 1759 г. Полковникъ Милорадовичъ жалуется, что бриг. Банческуля оказываетъ препятствіе къ преобразованію Слоб. полковъ въ регулярные съ корыстной цѣлью, такъ какъ для него, Банческуля, прежнее положеніе и строй казачьей службы доставляютъ большія выгоды. Покупкою земель у казаковъ онъ пріобрѣлъ большія владѣнія на земляхъ Изюмскаго полка, для услугъ себѣ и работы въ этихъ владѣніяхъ употребляетъ казаковъ и подпомощниковъ; такъ, — онъ держитъ у себя на работахъ четыре сотенныхъ команды въ количествѣ 147 казаковъ, а вмѣстѣ съ свойственниками и подпомощниками — до 4373 ч., пользуясь ими, какъ владѣльческими подданными. Кромѣ того Милорадовичъ обвиняетъ Банческуля въ присвоеніи казенныхъ суммъ, между прочимъ мостовой суммы, выдаваемой изъ казны на починку мостовъ и перевозовъ, всего — 6209 руб. 25³/₄ коп. Банческуль творитъ всѣ эти беззаконія въ сообществѣ съ полковникомъ Краснокутскимъ и хорунжимъ Адашевымъ. (502—512 л.).

Запросъ 1761 г. сент. 4 коллегіи въ канцелярію сената о пресылкѣ отсюда въ коллегію переписныхъ перечневыхъ книгъ владѣльческихъ и подданныхъ и подпомощныхъ душъ кромѣ полковыхъ казаковъ въ Слоб. полкахъ, которыя должны быть составлены на основаніи указа 1759 г. ген. Стрешневу о произведеніи переписи въ Слоб. полкахъ. Отвѣтъ изъ канцеляріи Сената въ военн. коллегію, что таковыхъ книгъ въ канцеляріи еще не имѣется, но по доношенію ген. Стрешнева, скоро будутъ представлены (515—516 л.).

Доношеніе въ военн. коллегію ген.-л. кн. Кантемира 1761 г. 10 сент., въ которомъ Кантемиръ излагаетъ проектъ устройства Слободскихъ полковъ гусарскими регулярными полками. Проектъ содержитъ въ себѣ 40 пунктовъ, отличается отъ проекта Бутурлина тѣмъ, что Кантемиръ согласно съ мнѣніемъ гр. Салтыкова предлагаетъ учредить всѣ пять полковъ гусарскими по 1000 челов. въ каждомъ; существовавшій гусарскій полкъ — распустить въ это же пятитысячное число гусаръ. Содержаніе гусарскаго Слободскаго корпуса, которое Кантемиръ опредѣляетъ согласно съ Бутурлинымъ въ 105.190 р. 96 к. ежегодно онъ предлагаетъ возложить на Слободское населеніе, при условіи сохраненія прежнихъ казачьихъ привилегій.

Взиманіе же этой суммы организовать слѣдующимъ образомъ: съ каждой казацкой складки, которыхъ по числу казаковъ опредѣлено въ 5000 и изъ которыхъ каждая состоитъ изъ казаковъ, ихъ родственниковъ и подпомощниковъ, — по 15 руб., всего 75.000 руб. Недостающую сумму дополнить существовавшимъ прежде по сенатскому указу сборомъ съ владѣльческихъ душъ, коихъ числилось въ 1760 г. въ Слободскихъ трехъ дистрактахъ, кромѣ Бѣлгородскаго, 161.900 душъ по 19³/₄ коп. съ души, всего 31.976 руб. 63 коп. + 75.000 = 106.976 руб. 63 коп. Другіе денежные сборы съ казачьихъ родственниковъ и подпомощниковъ — отмѣнить. Въ другихъ пунктахъ Кантемиръ излагаетъ проектъ устройства управленія Слободскихъ гусарскихъ полковъ военнаго и гражданскаго, содержанія полковъ въ мирное и военное время, способа вооруженія, укомплектованія лошадьми и пр. Главнымъ военно-гражданскимъ учрежденіемъ должна быть Генеральная Слободскихъ полковъ канцелярія, учрежденная въ центрѣ, въ Харьковѣ, и подчиненная по военнымъ дѣламъ военной коллегіи, а по гражданскимъ и экономическимъ — Правительствующему Сенату (517—533 л.).

Дѣло о содержаніи Кирасирскихъ конныхъ заводовъ лошадей въ Слободскихъ полкахъ 1757—1761 г. (533—586 л.).

Указъ Правительствующаго Сената военной коллегіи съ извѣщеніемъ о посылкѣ въ военную коллегію всѣхъ имѣющихся въ Сенатѣ проектовъ, предложеній и мнѣній о приведеніи Слободскихъ полковъ на другое основаніе отъ 31 мая 1761 г. (587 л.). При немъ прилагаются слѣдующія проекты: предложеніе сенатора гр. Шувалова, съ проектомъ организаци и примѣрнымъ штатомъ Слободскаго гусарскаго полка отъ 1756—1757 г. (588—607 л.). Проектъ Изюмскаго полка полковаго обознаго Милорадовича, представленный въ 1757 г. 1 марта кн. Никитѣ Трубецкому, о возстановленіи канцеляріи — комиссіи, бывшей прежде въ Слободскихъ полкахъ, и преобразованіи ихъ въ гусарскіе (608—618 л.).

Доношеніе въ Правительствующій Сенатъ гр. Салтыкова 1757 г. іюня 18 о томъ, что имъ получены изъ Сената проекты гр. Шувалова и полковаго обознаго Милорадовича и учинено разсмотрѣніе ихъ въ присутствіи нѣкоторыхъ старшинъ Слободскихъ полковъ, оставшихся за походомъ на мѣстѣ (Изюмскій полковникъ Краснокутскій, полковой обозный Ахтырскаго полка Боярскій и др.), — съ приложеніемъ мнѣнія означенныхъ лицъ и, затѣмъ, особо, мнѣнія самаго гр. Салтыкова (619—652 л.). Доношеніе императрицѣ Елизаветѣ капитана Слободскаго Сумскаго полка, полковаго судьи Александра Парафѣева съ проектомъ учрежденія въ Слободскихъ полкахъ охотной егерской компаніи въ количествѣ 1000 человекъ (по 200 отъ cadaго полка) для употребленія ея въ лѣсныхъ и опасныхъ проходахъ въ качествѣ авангарда, для посылокъ на рекогносцировку во время войны, добычи „языка“ и пр. (653—656 л.).

Приказъ военной коллегіи составить изъ всего полученнаго въ коллегіи матеріала о Слободскихъ полкахъ обстоятельный сводъ и поручить это дѣло секретарю коллегіи Астафьеву 1761 г. іюня 12 (657 л.). Далѣе слѣдуетъ составленный Астафьевымъ за его подписью подробный сводъ всѣхъ дѣлъ, касающихся Слободскихъ полковъ (почти на 200 листахъ), состоящей прежде всего изъ „экстракта о изнеможеніи Слободскихъ полковъ и о прочемъ“ со справками въ коллегіи и проведеніемъ полностью

узаконеній по каждому отдѣльному случаю (658—725 л.) и свода миѣній касательно преобразования полковъ подъ слѣдующими рубриками: 1) миѣніе ген.-анш. Салтыкова, 2) представленіе Слободскихъ полковъ, прописанное при миѣніи ген.-фельдм. Бутурлина, 3) миѣніе ген.-фельдм. Бутурлина, 4) представленіе полковника Тевяшова, 5) представленіе бригадира Банческуля и 6) справки въ коллегіи (726—847 л.). Дѣла и миѣнія, изложенныя здѣсь, въ экстрактѣ Астафьева, упоминались большею частію выше. (При изученіи дѣла о преобразованіи Слободскихъ полковъ гусарскими по кн. 341, опись 25, лучше и короче всего обращаться прямо къ своду Астафьева).

1762 г. „Штатъ Слободскихъ гусарскихъ полковъ, въ коликомъ числѣ оныя, какихъ чиновъ и на какомъ окладѣ жалованья съ провіантомъ въ военное и мирное время содержать, и сколько гусарскихъ и подъемныхъ лошадей, и какія ружейныя, мундирныя, аммуничныя и другія вещи, во сколько лѣтъ и по какимъ цѣнамъ имѣть надлежить, и о прочемъ“ (пять полковъ, въ каждомъ по 1000 чел.) (848—865 л.).

Остальные листы (866—1080) содержатъ въ себѣ доношеніе полковника Милорадовича на имя императрицы Елизаветы, представляющее дополненіе къ его проекту преобразования Слободскихъ полковъ, письма нѣкоторыхъ Слободскихъ полковниковъ и старшинъ къ Острогожскому полковнику Тевяшову, командированному въ Петербургъ для работъ при военной коллегіи по преобразованію полковъ, челобитную бригадира Банческуля 1761 г., и, наконецъ, еще копію съ экстракта „объ изнеможеніяхъ“ Слободскихъ полковъ и ихъ преобразованіи гр. Бутурлина отъ 1670 года.

По описямъ 25 и 26 въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба числятся еще нѣсколько дѣлъ болѣе частичнаго характера и, повидимому, меньшаго интереса, относящихся къ 1732—1850 годамъ и позднѣе, которыхъ составитель описанія въ настоящее время просмотрѣть не успѣлъ.

Очеркъ казацкой колонизаціи въ симбирскомъ поволжьи.

В. Н. Поливанова.

Данныя, послужившія къ составленію настоящаго сообщенія, извлечены главнымъ образомъ изъ источниковъ мѣстнаго происхожденія — изданій Ученой Архивной Коммиссіи и сохранившихся памятниковъ старины.

Первыя опредѣленныя извѣстія о появленіи русской колонизаціи въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи относятся къ 1372 году, когда нижегородскій князь Борисъ Константиновичъ, по сказанію лѣтописи, „поставилъ себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ и нарече его именемъ Курмышъ“¹⁾. Первоначально съ цѣлью защиты своихъ владѣній, а затѣмъ для дальнѣйшаго ихъ округленія, нижегородскіе князья рано обратили вниманіе на богатый Присурскій край. За построеніемъ города здѣсь явились и проводники древне-русской культуры — монастыри, щедро одаренные землями, рыбными ловлями и бобровыми гонами. Основатель Курмыша, стараясь колонизовать здѣшній край русскими людьми, разрѣшилъ Спасскому и Благовѣщенскому нижегородскимъ монастырямъ водворять на льготныхъ условіяхъ крестьянъ, освободилъ ихъ отъ пошлинъ и запретилъ своимъ намѣстникамъ вмѣшиваться въ судъ и расправу монастырскихъ селеній. Стремленіе московскаго правительства къ расширенію предѣловъ своихъ владѣній на юго-восточной окраинѣ особенно усилилось со времени паденія царства Казанскаго. Тѣмъ не менѣе сосѣдство орды и сильнаго инородческаго населенія въ Присурьи еще долгое время служило препятствіемъ къ его обрусѣнію. Только въ XVII в. мы видимъ рѣшительный поворотъ къ водворенію здѣсь русской народности. Къ мѣрамъ въ этомъ направленіи прежде всего слѣдуетъ отнести сооруженіе „алатырской“ и впоследствии такъ называемой „симбирской“ черты, безповоротно опредѣлившихъ границы государства. Исполненіе этого нелегкаго порученія возложено было сначала на князя Григорія Петровича Бяратинскаго, а затѣмъ на извѣстнаго дѣятеля въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, боярина Богдана Матвѣевича Хитрово. Основаніемъ г. Симбирска Хитрово закончилъ укрѣп-

¹⁾ „Полное собраніе русскихъ лѣтописей“. Воскресенская лѣтопись. VIII, 19.

леніе границъ новой окраины и тѣмъ положилъ твердыя основанія къ развитію русской колонизаціи въ Симбирскомъ повожьѣ.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести появленіе казачества въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи — съ точностью опредѣлить трудно. Правда, мы имѣемъ указаніе, что еще въ малолѣтство Грознаго нагайскіе князья и мурзы начинаютъ въ своихъ грамотахъ къ царю жаловаться на то, что мецкерскіе и касимовскіе казаки „на нихъ приходятъ и ежегодно отгоняють отъ нихъ и крадутъ животину, деньги и людей“¹⁾. Извѣстно, что при завоеваніи Казани въ войско Грознаго въ число ратныхъ людей входили и казаки. На нихъ была возложена сторожевая служба, и казаковъ мы встрѣчаемъ на алатырскихъ сторожахъ²⁾.

Въ 1574 году велѣно „послать въ тѣ города писцовъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ добрыхъ пересмотрѣть всѣхъ казаковъ на лицо съ конями и со всею службою; которые казаки собою худы или безконные и съ сторожевую службу ихъ не будетъ, тѣхъ отъ сторожевой службы отставить, и служить имъ казачью рядовую службу, и помѣстной имъ придачи не придавать, а на ихъ мѣсто прибрать изъ рядовыхъ казаковъ“³⁾.

Въ 1614 году для охраны г. Алатыря отъ нагайскихъ татаръ прибыли съ войскомъ царскіе воеводы Юрій Сулешовъ и князь Никита Бяратинскій. Въ составъ ихъ войска входили присланные изъ Рязани, Кашеры, Тулы, Алексина, Мценска и другихъ украинскихъ городовъ стрѣльцы, казаки, и др. служилые люди⁴⁾.

Пользуясь услугами казаковъ, московское правительство тѣмъ не менѣе въ началѣ ихъ появленія въ краѣ имѣло не мало заботъ по удержанію ихъ въ порядкѣ и повиновеніи. Такъ, мы видимъ, что въ 1647 году изъ Алатыря былъ посланъ съ отрядомъ стрѣлецкій голова Юрій Матюшкинъ для поимки шайки донскихъ казаковъ съ ихъ атаманомъ Щербакомъ, грабившимъ въ Алатырскомъ уѣздѣ мордовскія вѣчины⁵⁾. Воевода Урусовъ доносилъ съ „синбирской“ черты, что всему воровству заводчики уренскіе казаки, т. е., выходцы изъ ближайшаго вновь сооруженнаго пригорода Уреня. Милославскій, отразивъ приступы Разина къ Симбирску, также жаловался на то, что среди осаждавшихъ новый городъ были разные люди изъ пригородовъ, слободъ и деревень синбирской и корсунской чертъ, „многіе воровскіе люди и казаки и крестьяне и татаровя, чуваша и мордва тысячъ съ шесть, да съ ними воровскихъ казаковъ 20 человекъ“⁶⁾. Особенно трудно было московскому правительству справиться съ казацкой вольницей на Волгѣ, гдѣ, ея нападенія и грабежи задерживали развитіе торговли. Въ цѣляхъ скорѣйшаго заселенія края и его охраны казаки селились вдоль новой границы, входя въ составъ населенія новыхъ городковъ, станицъ и слободъ. Въ 1636 году князь Бяратинскій возобновилъ алатырскую засѣку, а 11 лѣтъ спустя сооружена была черезъ г. Корсунъ „синбирская“ черта. Вдоль

¹⁾ „Повожье въ XV и XVI в.“ Перетятковича. Изд. 1877 г., стр. 304.

²⁾ „Исторія Россіи“, Соловьева. Т. 8., стр. 94 и 104.

³⁾ „Исторія Россіи“. Соловьева. Т. 7, стр. 29.

⁴⁾ „Акты историческіе“. Т. 3, стр. 16, № 16.

⁵⁾ „Акты Московскаго государства“. Т. I.

⁶⁾ „Матер., относящ. къ бунту Разина“. Стр. 66, 67, 135, 170.

этой-то границы и тянулась къ Волгѣ казацкая колонизація, постепенно опускаясь на югъ по мѣрѣ присоединенія новыхъ земель и „дикихъ полей“ къ владѣніямъ русскаго государства. Въ составъ казачества симбирскаго поволжья вошли донскіе и днѣпровскіе казаки, переведенные сюда на службу изъ сосѣднихъ губерній и разныхъ городовъ Россіи. Такъ, напримѣръ, по указу царя Алексѣя Михайловича переведены были въ 1649 году 50 человѣкъ днѣпровскихъ казаковъ въ новый „симбирскій“ городъ на вѣчное житье¹⁾. Далѣе, мы видимъ, что кромѣ г. Курсуна, гдѣ были поселены казаки, стрѣльцы и пушкари, образовались казацкія поселенія: на р. Сельди — Сельдинская казацья слобода изъ переведенцевъ с. Федоровскаго, нынѣшней Казанской губерніи; Тетюшская слобода была заселена переведенными изъ г. Тетюшъ, той-же губерніи, донскими конными казаками; Кураловъ городокъ заняли карлинскіе конные казаки; въ Лебяжью слободу, нынѣ с. Ланшевка, переведены были конные казаки изъ г. Ланшева; въ слободѣ Арской были поселены казаки, переведенцы изъ г. Арска; казаками-же были заселены слободы Станичная, Ишеевская, Каменская, Свіяжская, Шумовская, Сенгилеевская и др.²⁾. На р. Карлѣ основана была слобода „полковыми казаками“. Эти карлинскіе казаки сохраняли прозвища „нижегородцевъ“, „свіяжениновъ“, „мурашкинцевъ“, „казанцевъ“, „теньковцевъ“, „тетюшенцевъ“, „арзамасцевъ“, „владимірцевъ“, „суздальцевъ“, „темниковцевъ“, „хлыновцевъ“, „смоляниновъ“, „новгородцевъ“, „москвитиновъ“, „муромцевъ“, „астраханцевъ“ и „латышей“. Эти прозвища показываютъ, какую амальгаму представляло собою сведенное сюда изъ разныхъ мѣстъ казачество³⁾. Повидимому конецъ XVI в. слѣдуетъ считать началомъ окончательнаго водворенія его въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи.

По мѣсту постояннаго жительства или приписки казаки назывались городскими или станичными. Въ городахъ Курмышѣ, Алатырѣ и Курсунѣ до сихъ поръ сохранилось дѣленіе города на три части: стрѣльцы, казаки и пушкари. По роду-же службы казаки были конные и пѣшіе. Какъ выше сказано, большая часть симбирскихъ казаковъ были переселенцы изъ сосѣднихъ губерній; но къ нимъ приписывались также и бѣглые крестьяне. Казаки дѣлились на сотни, пятидесятни и десятни и руководились головами, пятидесятниками и десятниками. Надо замѣтить, что казаки могли свободно поступать и потомъ выходить изъ службы въ посадскіе люди, крестьяне и бобыли, но только при условіи поставить на свое мѣсто другого человѣка, который согласился-бы нести службу⁴⁾.

Быть казаковъ носилъ характеръ полувоенный и полужемледѣльческій. Они пользовались широко всѣми привилегіями тогдашняго земельного довольства. При поселеніи ихъ на новыхъ мѣстахъ правительство отводило имъ землю подъ пашню и сѣнные покосы. О размѣрѣ надѣла можно судить приблизительно по свѣдѣніямъ,

¹⁾ „Книга стрелецкая г. Симбирска“, стр. 23; также „Москов. Архивъ Минист. Юстиціи“ писцовая кн. за № 1127, л. 375.

²⁾ „Хронологич. переченьъ событій Симбирской губ.“ Изданіе Симб. Учен. Арх. Комм.

³⁾ Писцов. кн. за № 6468, лл. 985—1012, за № 1327, лл. 1099—1100.

⁴⁾ Архивъ Минист. Юстиціи. Казань. Перепис. кн. 7, № 151—152.

имѣющимся въ „Строельной книгѣ г. Симбирска“, гдѣ говорится, что казакамъ Свіяжской слободы „отмѣрено двумъ пятидесятникамъ, шести человѣкамъ десятникамъ, семьдесятъ двумъ человѣкамъ рядовымъ казакамъ, промежь Свіаги и Волги рѣки... двѣ тысячи двѣсти двадцать четыре четверти... Да имъ-же дано въ додачу на пашню земли за Свіагою рѣкою... двѣ тысячи восемь сотъ сорокъ шесть четвертей... Да имъ-же дано сѣнныхъ покосовъ... пять сотъ семьдесятъ три десятины да въ чувичинскихъ лугахъ шесть сотъ девяносто четыре десятины...“ Такимъ образомъ на каждого переведенца приходилось около 63 четвертей пашни и 16 десятинъ луговъ. Кромѣ земельного надѣла казаки получали, какъ видно изъ „Приходо-расходной книги синбирской приказной избы“, жалованье деньгами и солью. „По раздаточнымъ книгамъ снесено на нынѣшній на 7175 (1667) годъ синбирскихъ разныхъ слободъ казакамъ 48 человѣкамъ всякому человѣку за рубль за 16 алтынъ за 4 деньга солью по осми пудъ, итого 384 пуда по синбирской торговой цѣнѣ, по шти алтынъ пудъ; да къ той соли они-же Сенька да Ивашка (соленые цѣловальники) имъ-же додали деньгами по 2 алтына человѣку, итого 2 рубля 29 алтынъ 2 деньга дано, а кому имени та соль дана и деньгами додано, и ихъ имена писаны въ тѣхъ ихъ Сенькиныхъ и въ Ивашкиныхъ въ раздаточныхъ книгахъ“¹⁾.

Для удовлетворенія духовныхъ потребностей поселенцевъ правительство заботилось о построеніи церквей, для чего учреждены были такъ называемыя „десятины“ патриаршей области, вѣдавшія церковное строеніе въ краѣ. На содержаніе причта отводилась церковная земля, пашня и покосы. Кромѣ того, по государеву указу присылалось изъ Москвы въ каждую новостроенную церковь такъ называемое „церковное строеніе“, именно: утварь, служебныя печатныя книги въ переплетахъ, ризы, колокола, и т. п. Въ музеѣ симбирской учебной архивной комиссіи хранится Евангеліе, пожалованное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ вышеназванную казачью Свіяжскую слободу. На Евангеліи по листамъ имѣется надпись: „Лѣта 7161 (1653) года, февраля въ 10 день. Государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи пожаловалъ сію книгу Евангеліе на престольное въ конную Свіяжскую слободу къ церкви Богоявленія Господня“. Кромѣ того, и сами казаки, переселяясь въ новый край, приносили съ собою чтимыя ими на родинѣ иконы, изъ которыхъ многія сохранились до сего времени. Такъ, въ соборѣ г. Корсуни имѣется образъ корсунской Божіей Матери, принесенный по преданію казаками, выходцами изъ м. Корсуни, Кіевской губерніи, отчего вѣроятно и самъ городъ получилъ свое наименованіе. Интересно также указать на одну изъ лѣсныхъ дачъ, прилегающихъ къ г. Корсуну, сохранившую до сихъ поръ названіе „Чигиринскаго вѣзжаго лѣса“.

Казаки симбирскаго поволжья составляли совершенно отдѣльное сословіе отъ другихъ служилыхъ людей. Они жили въ городахъ и селахъ, не платили податей, занимались, какъ мы видѣли, земледѣліемъ и разными промыслами. Въ числѣ работъ по земледѣлію, которыми занимались симбирскіе казаки, не безинтересно для того времени отмѣтить культуру тутовыхъ деревьевъ. Въ строельной книгѣ г. Симбирска

¹⁾ „Матер. для исторіи Симбирска и его уѣзда“. Изд. Симб. Учен. Арх. Ком., 1896 г., стр. 232.

говорится, что за 1654 г. „къ тѣмъ тутовымъ всходамъ для разсаживанья изготовлены земли около тутовыхъ всходовъ 20 десятинъ да за Свіяжскою конною слободою внизъ по Свіягѣ рѣкѣ 10 десятинъ, а всего изготовлено 30 десятинъ¹⁾. Мѣстность, гдѣ разводились туковыя плантаціи, до сихъ поръ сохранила за собой названіе „Тути“, „Приходо-расходная книга симбирской приказной избы, обнимающая время съ 1665 по 1667 г., даетъ много цѣнныхъ указаній о промыслахъ современнаго ей казацкаго населенія. Такъ, въ отдѣлѣ расходовъ на каретное дѣло сказано: „сдѣлано къ прїѣзду вселенскихъ патріарховъ двѣ кареты да палестинскимъ властямъ тропезонскому митрополиту да Синайскія горы архіепископу два рыдвана большіе да переводчику старцу Милетею рыдванецъ небольшой, а на тѣ кареты и рыдваны денегъ въ расходъ вышло: каретникамъ тагаевскимъ казакамъ Андриушкѣ Архипову да Ивашкѣ Игнатьеву да Сенькѣ Андрееву за каретное и за рыдванное дѣло и за колеса 2 руб. 16 алт. 4 деньги дано“. На тотъ-же предметъ пріобрѣтены „на торгу“ у казаковъ Шумовской и Ишеевской слободъ епанчи. У тѣхъ-же тагаевскихъ казаковъ пріобрѣтено стольникомъ и воеводою г. Симбирска кн. И. И. Дашковымъ „телѣга ѣзжалая въ дорогу до Москвы и за тое телѣгу 8 алт. 2 деньги дано“²⁾. Тотъ-же источникъ свидѣтельствуетъ, что казаки изъ сосѣднихъ къ городу слободъ подрядились возить дрова на отопленіе приказной избы, занимались бочкарными работами, поставляли колеса подъ пушки, а у симбирскаго казака Силки Иванова взято „знамя мѣть-калинное с краснымъ кумачемъ, хвосты красные, на немъ нашить крестъ, а за то знамя ему Силке 13 алтынъ 2 деньги дано, а то знамя отдано подъячему Микифору Глазунову“. Изъ обзора приходо-расходной книги видно, что казаки симбирскаго поволжья, являясь его служилымъ сословіемъ, не были чужды и общихъ всему населенію промысловъ и торговли. Въ качествѣ арендаторовъ оброчныхъ государевыхъ статей они наравнѣ со всѣми вступали въ договоры, снимали мельницы, дворы, лавки и др. обложенныя въ пользу казны сборомъ доходныхъ статей.

Не надолго однако служилому казачеству пришлось оставаться спокойно въ симбирскомъ поволжьи. Изъ царской грамоты астраханскимъ воеводамъ князю Львову и Беклемишеву видно, что въ 1658 году 1379 человекъ стрѣльцовъ и казаковъ съ ихъ семействами водворены были на Терекѣ. По этому поводу въ грамотѣ говорится: „Указали мы великій государь тѣхъ стрѣльцовъ и казаковъ устроить на Теркѣ на вѣчное житье, въ конные и пѣшіе стрѣльцы, а женъ ихъ и дѣтей, со всѣми животами ихъ, изъ всѣхъ городовъ указали мы великій государь нынѣшняго лѣта послать къ нимъ-же на Теркѣ водою на судѣхъ и нынѣ великаго государя указъ въ тѣ города къ воеводамъ посланъ. И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, а изъ Симбирска стольникъ нашъ и воевода Ларіонъ Милославскій и подъячій Пименъ Брянцовъ тѣхъ казацкихъ и стрѣлецкихъ женъ и дѣтей въ Астрахань пришлютъ, и вы-бѣ тѣхъ казацкихъ и стрѣлецкихъ женъ и дѣтей у симбирскихъ присыльщиковъ велѣли принять и, пересмотря по росписямъ всѣхъ на лицо, велѣли ихъ изъ Астрахани отпустить и имянь ихъ росписи послать на Теркѣ къ воеводамъ

¹⁾ „Книга строельная г. Симбирска“. Изд. Симб. Ученой Архив. Ком. 1897 г., стр. 82.

²⁾ „Матер. для исторіи Симбирска и его уѣзда“. Изд. Симб. Учен. Арх. Комм. 1896 г., стр. 237.

нашимъ къ Мелентю Квашину съ товарищи тотчасъ не мѣшкая съ астраханцы съ дворяны и съ дѣтьми съ боярскими добрыми, съ кѣмъ пригоже, и съ провожатыми, и приказали-бѣ есте астраханцомъ дѣтемъ боярскимъ съ тѣми стрѣлецкими и казачьими женами и дѣтьми ѣхати на Теркъ наскоро, чтобъ имъ пріѣхать на Теркъ нынѣшнимъ лѣтомъ; а синбирскихъ приставовъ и провожатыхъ, съ которыми тѣхъ стрѣлецкихъ и казачьихъ женъ и дѣтей въ Астрахань изъ Синбирска пришлютъ, велѣли-бы есте изъ Астрахани отпустить въ Синбирской безъ задержанья. А въ которомъ числѣ тѣ стрѣлецкія и казачьи жены и дѣти въ Астрахань пріѣдутъ, и какъ ихъ изъ Астрахани на Теркъ послать, вы-бѣ о томъ намъ Великому Государю отписали¹⁾.

Въ наступательномъ движеніи на юго-востокъ московское правительство отводило новыя земли для поселенія станичниковъ, которые обязывались нести попрежнему свою сторожевую службу. Въ виду этого приходилось отодвигать все южнѣе оборонительную черту и воздвигать новые города. Такъ, мы видимъ, что въ 1682 году строится на Волгѣ для защиты новой границы городъ Сызрань и пригородъ Кашпирь. Возлѣ нихъ проводится новая сызранская черта, и для охраны ея переводятся казаки. При Петрѣ I, думавшемъ о соединеніи Волги и Дона, были построены два новыхъ городка: Петровскъ на р. Медвѣдицѣ и Павловскъ на р. Хопрѣ. Для заселенія новыхъ городовъ были переведены люди, служившіе на укрѣпленныхъ линіяхъ симбирскаго поволжья. Точно также изъ числа ихъ были назначены переведенцы въ отвоеванный турецкій городъ Азовъ²⁾. Такимъ образомъ довольно рано положено было начало выселенію казаковъ изъ симбирскаго поволжья въ низовые города. Кромѣ приведенныхъ указаній слѣдуетъ упомянуть и о той части симбирскаго казачества, которая вошла въ составъ нынѣшняго оренбургскаго казачьяго войска, учрежденнаго изъ дворянъ и казаковъ города Самары, какъ извѣстно, 50 лѣтъ тому назадъ входившей въ составъ Симбирской губерніи, Уфы и пригорода Алексѣевского.

Время пребыванія казачества до сихъ поръ сохранилось въ воспоминаніяхъ мѣстнаго населенія, особенно же оно живо на Волгѣ. Здѣсь оно хранится въ народной пѣснѣ, не поддающейся искаженію, и въ народныхъ преданіяхъ, связанныхъ съ подвигами казацкой вольницы.

Заканчивая настоящій краткій обзоръ казацкой колонизаціи въ симбирскомъ поволжьи, мы имѣли цѣлью представить благосклонному вниманію Съѣзда матеріалъ, относящійся къ исторіи этого служилаго сословія по мѣстнымъ источникамъ, опредѣляющимъ его выдающееся значеніе въ общемъ вопросѣ развитія русской колонизаціи въ XVI и XVII в. на одной изъ окраинъ государства.

¹⁾ „Акты историческіе, собранные и изданные Археографической комиссіей. Т. IV, стр. 285.

²⁾ „Архивъ Минист. Юстиціи“. III отд. Меж. кн. за № 159, № 37.

Литовско-русскіе данники и ихъ дани.

А. Ефименко.

Въ послѣднее время обнаруживается въ нашей наукѣ все возрастающій интересъ къ Литовско-русской исторіи: почти каждый годъ даетъ какое-нибудь новое солидное приобрѣтеніе въ этой области, которая такъ долго оставалась можно сказать чуждой русской исторіографіи, какъ-бы предоставленной въ вѣдѣніе исторіографіи польской. А вмѣстѣ съ тѣмъ все съ большой наглядностью и очевидностью раскрывается, что именно литовская, а не московская, половина Руси полнѣе восприняла, сохранила и развила традиціи древнерусской жизни, что именно она — Литовская Русь явилась, въ существенномъ, прямой наслѣдницей великокняжеской и удѣльной Кіевской Руси.

Въ настоящемъ сообщеніи я намѣрена на извѣстной группѣ фактовъ указать эту связь, — что вмѣстѣ съ тѣмъ явится и нагляднымъ доказательствомъ того, какой свѣтъ можетъ пролить изученіе Литовско-русской исторіи на архаическій строй русской жизни.

Когда является возможность представить себѣ внутренній строй Литовско-русскаго общества на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ свидѣтельствъ? — возможность эта наступаетъ съ конца XIV в. Вся та масса населенія, которой наиболѣе соотвѣтствовало бы современное названіе народа, представляла собой въ Литовско-русскомъ государствѣ, въ разсматриваемую эпоху, т.-е. приблизительно отъ временъ Витовта до Люблинской уніи, двѣ категоріи: тяглыхъ и данниковъ. Тяглые часто называются документами просто „люди“; къ данникамъ нерѣдко прикладывается эпитетъ „мужи“. Тяглые люди, прежде всего, землю пашутъ; данники ее не пашутъ, по крайней мѣрѣ не земля съ ея страдой стоитъ у нихъ на первомъ планѣ. Данники, въ противоположность тяглецамъ, представляютъ собой группу, убывающую въ числѣ и значеніи, постепенно растворяющуюся въ иныхъ общественныхъ группахъ.

Уже самъ-по-себѣ этотъ фактъ общественнаго вымирания данниковъ заставляетъ предполагать, что эта группа съ ея особенностями была передана литовско-русскому обществу готовою изъ иной исторической эпохи; а извѣстное углубленіе въ эти особенности сообщаетъ такому предположенію полную достовѣрность. Но, прежде всего, что же такое были эти данники? Данниками называлась та часть населенія,

которая отбывала свои платежныя обязательства передъ государствомъ всецѣло или по преимуществу данями, т. е. натурой, добыткомъ своего промысловаго хозяйства, медомъ и мѣхами: такимъ образомъ они являются иногда подъ спеціальными названіями куничниковъ, лисичниковъ, ясачниковъ.

Мы остановимся лишь на данникахъ южнорусскихъ областей, гдѣ они занимали сплошныя значительныя территоріи. Такими территоріями были такъ называемыя Подніпрскія волости, лежавшія въ бассейнѣ верхняго Днѣпра и Березины, также Пинское полѣсье; встрѣчались данники и въ Кіевской землѣ, какъ видно изъ ея древнѣйшей люстраціи, которую проф. Владимірскій-Будаковъ относить къ 1471 г. Но задержались они до конца разсматриваемой эпохи лишь въ территоріяхъ, исключительныхъ по своимъ топографическимъ условіямъ. Это — территоріи тѣхъ островковъ удобной земли среди пущъ и болотъ, какими характеризуется глухое Полѣсье. Въ подобныхъ мѣстностяхъ было мало заинтересовано Литовско-русское государство съ его тогдашней экономической политикой сельско хозяйственнаго характера: здѣсь невыгодно было устраивать господарскіе экономическіе дворы и фольварки, сюда долго не проникала даже волочная помѣра. Населеніе могло жить и хозяйничать на свободѣ, какъ хотѣло и умѣло.

Итакъ, данники сохраняли свои дани — а вмѣстѣ съ тѣмъ и остальные архаическія особенности своего строя — не въ силу того, что эти особенности стояли въ какомъ-нибудь исключительномъ отношеніи къ промысловому характеру ихъ экономического быта. Государство просто обходило ихъ въ своихъ новаторскихъ тенденціяхъ въ силу неудобнаго — въ сельскохозяйственномъ смыслѣ — характера занятой имъ земли. Тамъ же, гдѣ какъ напр. въ Кіевщинѣ, не было этого условія, данники постепенно исчезали, переходя то въ высшую себя группу боярскую, военнотружильную, то въ нисшую — тяглую.

Около 50 лѣтъ тому назадъ, въ 1855 г., кн. Тадеушъ Любомірскій помѣстилъ въ Библіотекѣ Варшавской свою монографію: „Starostwo radeńskie — mujątek z historyi osad woloskich w Polsce“. Статья эта долго возбуждала исключительный интересъ. На 9 Виленскомъ Арх. Съѣздѣ былъ поставленъ даже въ качествѣ спеціальнаго вопроса — вопросъ и матеріалъ, которымъ пользовался Любомірскій. Вопросъ этотъ въ настоящій моментъ уже почти рѣшенъ — изданіемъ люстрацій Ратенскаго стана: болѣе древнія изъ нихъ напечатаны въ Галиціи въ записк. Наун. Товарищества им. Шевченка, позднѣйшая въ Архивѣ юго-западной Россіи. Та яркая картина народнаго благосостоянія и свободы, которую далъ Любомірскій, теперь уже не поражаетъ изслѣдователей, какъ поражала раньше — своимъ несоотвѣтствіемъ съ общимъ представленіемъ о положеніи народной массы въ исторической Польшѣ, которое неволью распространялось и на Литовскую Русь. Но, разумѣется, необходимо признать, что Любомірскій, набредши случайно и неожиданно для себя на этотъ уголокъ исторической народной жизни, неволью сгустилъ краски; съ другой стороны, онъ просто не понялъ кой-чего въ явленіяхъ раскрывавшейся передъ нимъ жизни, столь отличной отъ жизни современной, и надо прибавить — польской. Намъ легко избѣгать его ошибокъ, такъ какъ мы имѣемъ кромѣ люстрацій, относящихся спеціально къ Ратен-

скому староству 1500, 1512, 1565 гг., еще не мало и иных свѣдѣній о данникахъ, разбросанныхъ то въ изданіяхъ разнаго рода актовъ, то въ новѣйшихъ монографіяхъ.

Данники жили небольшими поселками, носившими, по люстраціямъ, названія *wiés*, *villa* — названія, наиболѣе соответствующія сѣвернорусскому сл. деревня. Этотъ поселокъ, даже и въ рассматриваемую, относительно позднюю эпоху, состоялъ все еще лишь изъ небольшого количества дворищъ, приблизительно отъ 10 до 20. Дворище, разнообразное по составу, было основной хозяйственной и юридической единицей, объединяемой личностью главы, на имя котораго оно писалось, по выраженію документовъ. Дворища обыкновенно выступаютъ съ опредѣленными названіями, напр. дворище Жаворонковское, Нагорное; но гораздо чаще названія эти — патримоніальнаго характера. Въ интересной таблицѣ панскихъ дворищъ, приведенной г. Довнаркомъ-Запольскимъ въ его монографіи Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго, 75% названій несомнѣнно патримоніальныя — Ильковичи, Голубовичи, Любковичи, Шостаковичи и т. д.; да и изъ остальныхъ 25% значительное большинство представляетъ собой лишь грамматическое измѣненіе той же патримоніальной формы: Ивакишевщики, Искатовщики и т. д.

Я не буду вдаваться подробно въ организацію дворища, такъ какъ мнѣ пришлось уже разрабатывать этотъ предметъ въ специальной монографіи. Здѣсь я коснусь только существенно необходимаго, останавливаясь подробнѣе лишь на даняхъ, которыя представляютъ, во многихъ подробностяхъ, переживания древнерусскаго общественнаго строя.

Любомірскій принимаетъ дворищную единицу за товарищество, „спилку“, т. е. артель: къ такому заключенію приводитъ его, съ одной стороны, многочисленность членовъ дворища, съ другой — неродственные элементы, въ нихъ встрѣчающіеся. Но такое заключеніе, конечно, ошибочно. Дворище есть, прежде всего, соединеніе родичей подъ главенствомъ старшаго — „такой-то человекъ со своимъ племенемъ“, какъ выражаются документы. Размножась и расходясь въ степеняхъ родства, родичи расходились и въ своихъ интересахъ; тогда, продолжая „жить за одними воротами“ они, по тогдашнему выраженію, предпочитали „ѣсть разный хлѣбъ“. Не разрывая дворищной связи, дворище распадалось на думы. Въ вышеупомянутой таблицѣ панскихъ дворищъ на 1 дворище приходится въ среднемъ около 5 думовъ; нераздѣльное дворище представляетъ собой лишь 8% всѣхъ случаевъ, съ значительнымъ преобладаніемъ являются дворища съ 2—10 думами, а въ 2 случаяхъ на 70 количество думовъ равняется 23. „*Pochlebne*“, упоминаемое всѣми люстраціями какъ особый видъ данн, — для тѣхъ, кто отходилъ на свой хлѣбъ, продолжая въ остальныхъ даняхъ попрежнему складываться съ „принципаломъ“ дворища, наглядно показываетъ, какъ усиленно шель ростъ думовъ, особенно въ болѣе позднее время: напр., по люстраціи 1565 г. въ одной деревнѣ на 20 дворищъ упоминается 130 случаевъ похлебнаго отъ тѣхъ, *Ktorji sje na swe gospodarstwo od oyczów odlaczyli*. Изъ этого же, какъ и изъ другихъ мѣстъ аналогичныхъ документовъ видно, что отдѣлялись люди *od oyczów*, тѣмъ, между прочимъ, совершенно опровергается утвержденіе Любомірскаго, что дворище представляло собою артель. Но, тѣмъ не менѣе, въ утвержденіи этомъ есть

известная доля истины. Такъ какъ угоды дворища были обширны, а количество повинностей сообразовалось съ количествомъ и качествомъ угодій, то дворищу почти всегда было выгодно, а иногда и необходимо, присаживать на свои „пляцы“ и „роли“ постороннихъ людей изъ лезныхъ и похожихъ. Эти посторонніе люди присоединялись къ дворищу на разныхъ условіяхъ: то какъ равноправные члены, потужники, поплечники, сябры, то какъ зависимые отъ дворищнъ половинники, загородники, сосѣди. Съ этой точки зрѣнія, дворища, дѣйствительно, имѣли отчасти артельный характеръ; но нельзя упускать изъ виду ихъ родовую основу.

Считая дворищанъ за членовъ свободнаго, договорнаго, союза, Любомірскій считалъ такимъ же свободнымъ и договорнымъ ихъ отношеніе къ воздѣльваемой ими землѣ. Въ этомъ его второе, кардинальное, заблужденіе.

Ратенскіе данники, какъ и данники вообще, были не арендаторами воздѣльваемой ими земли, какъ полагаетъ Любомірскій, а „отчичами“. Конечно, ихъ вотчинныя права имѣютъ условный характеръ; — какъ, вообще, условны всѣ землевладѣльческія права въ разсматриваемую нами эпоху Литовско-русской исторіи — но во всякомъ случаѣ это права владѣнія, а не аренднаго, или иного, пользованья. До конца дней своихъ данники владѣли своими землями, какъ „отчизнами“ „według przodków swoich“, т.-е. по своимъ предкамъ, какъ это ни противорѣчило принципамъ новаго надвигающагося на нихъ правового строя.

Дворище — самостоятельное, само въ себѣ замкнутое цѣлое — съ тѣмъ же характеромъ выступало и по отношенію къ государству: именно оно являлось главною податной единицей, совершенно закрывавшей собою своихъ членовъ. Только относительно небольшое количество податей несла сообща деревня; и по отношенію къ повинностямъ выступала на первый планъ волость, — территорія, объединенная своимъ отношеніемъ къ центральному защитному и административному пункту, замку и городу.

Данники, жившіе подъ „русскимъ“, иначе „волынскимъ“ правомъ, отбывали свои дани двумя способами: или къ нимъ „въѣзжали по дань“ правительственные агенты, или они сами отвозили свои дани въ ближайшій городъ или въ центральный скарбъ. Но и въ первомъ случаѣ, какъ во второмъ, данники пользовались значительной долей свободы и самостоятельности. Количество дани опредѣлялось на волость общей суммой, которую волость сама „разметывала“. Въ описываемую эпоху важнѣйшія дани, какими была дань медовая и грошевая, волость сама собирала и доставляла посредствомъ своихъ собственныхъ выборныхъ „старцевъ“. По-крайней мѣрѣ Поддѣпрскія волости имѣли несомнѣнно своихъ старцевъ, медовыхъ и серебряныхъ. Старцевъ „устанавливала“ волость „межи себѣ по веснѣ, собравшись з мужски посполу“; но „старчество требовало утвержденья со стороны великаго князя: отъ каждаго „старченья“ шель господарю поклонъ въ видѣ стольки то корабельниковъ или конь грошей. Старцы собирали и отвозили дани, организовали повинности, выступали во всѣхъ дѣлахъ впереди волости: „старцы и мужи“ — обыкновенное выраженіе документовъ.

Но существованіе старцевъ лишь частью, но далеко не вполне освобождало волость отъ въѣзда въ нее „по дань“ правительственныхъ агентовъ. Въѣздъ въ во-

лость вообще и въѣздъ по дань, какъ главнѣйшій видъ въѣзда — заслуживаетъ по своему архаическому характеру, особеннаго вниманія.

Въѣздъ въ волость былъ обставленъ строгими юридическими опредѣленіями и ограниченіями. Могли въѣзжать лишь лица извѣстной компетенціи съ такимъ-то количествомъ спутниковъ, въ такое-то и на такое-то опредѣленное время, — должны останавливаться лишь въ такихъ-то мѣстахъ, получать столько-то подводъ и кормовъ, ужь не говоря, конечно, о точно опредѣленныхъ величинахъ самой дани. Разумѣется, сильные „выѣздчіе“, „ѣздоки“ сплошь и рядомъ выламывались изъ права; но за то жь верховная власть никогда не оставалась глуха къ жалобамъ волостныхъ старцевъ съ мужьями на дѣлаемые имъ „кривды“ и „уводимыя повины“.

Кто же имѣлъ право въѣзда въ волость? Конечно, прежде всего, воеводы, старосты или намѣстники, въ болѣе раннее время тивуны, даннаго правительственнаго округа; затѣмъ всякаго рода „заказники“, т. е. лица, которымъ великій князь дѣлалъ специальное порученіе, требовавшее въѣзда; наконецъ тѣ лица военнотружлага сословія, которымъ великій князь жаловалъ извѣстный сборъ какъ награду за службу или жалованье на службу. Сюда относятся, на первомъ планѣ, тѣ бояре, которымъ господарь давалъ держать волости данниковъ по годамъ, по очереди: бояринъ имѣлъ право „выбирать волость“, т. е. собирать съ нея дани втеченіи года, чтобъ на слѣдующій годъ уступить очередь другому. Волостные старцы съ мужьями должны были поднимать „ѣздоковъ“ согласно правовой нормѣ, установленной обычаемъ, подправленнымъ, иногда подновленнымъ, видоизмѣненнымъ великокняжеской грамотой. Ихъ поднимали на опредѣленномъ мѣстѣ, которое носило древнерусское названіе стана: „поднимати на томъ стану гдѣ извѣка поднимывали“. Поднимали „выѣздчаго“ на стану кормами и подводами. Количество какъ подводъ такъ и кормовъ опредѣлялось согласно значенію того или иного лица. Составъ кормовъ по различнымъ мѣстностямъ, конечно былъ различный: куры, бараны, медъ, овесъ для лошадей. Необходимой составной принадлежностью корма было пиво или сыченый медъ: вѣроятно, для этой цѣли и служили, главнымъ образомъ общественные котлы, хранившіеся въ замкѣ. У полоцкихъ данниковъ встрѣчается терминъ „варя“ — вѣроятно тожественный съ „переварой“ сосѣднихъ сѣверорусскихъ областей — которое замѣнялъ сл. „станъ“: „а поѣздники берутъ подводы съ перевары до перевары“. Выѣздчій долженъ былъ останавливаться на стану лишь опредѣленное очень незначительное время, напр. „маеть приѣхати къ обѣду, а ночававши и обѣдавши назаутріе маеть прочь поѣхати“, но, конечно, если такая поспѣшность согласовалась съ характеромъ дѣла, за которымъ совершается въѣздъ. Можно предполагать, напр., что приемъ медовой дани — если она собиралась не черезъ старцевъ — былъ дѣломъ довольно сложнымъ, обставляясь правовыми опредѣленіями, обеспечивающими данниковъ отъ обидъ со стороны правительственныхъ агентовъ. Вѣситъ долженъ былъ такой-то, присутствовать при иѣсѣ такіе-то (съ одной стороны, напр., тивунъ, съ другой — волостные мужи — по древнѣйшему документу времени Витовта), вѣситъ такъ-то, напр. „не безмѣномъ, а у камень вѣсячій“. Такимъ образомъ „лежанье“ на стану могло затягиваться и сверхъ установленной обычно-правовой нормы. А бывали и такія обстоятельства, при кото-

рыхъ это „лежанье на стану“ получало особый юридическій характеръ — мѣры частью понудительной, частью карательной. Если населеніе являлось неисправнымъ плательщикомъ своихъ даней, мѣстныя власти, т.-е. воеводы или старосты, высылали на неисправныхъ плательщиковъ „лежня“. Лежень лежалъ или, иначе, „жилъ“ на людяхъ данной волости, пока она не исполняла своихъ обязательствъ, конечно, получая отъ волости не только обычные кормы, но и „поклоны“. Было общимъ правиломъ, чтобъ всякій „выѣздчій“, сверхъ положенныхъ подводъ и кормовъ, получалъ еще что-нибудь отъ населенія въ видѣ какъ бы дара или вознагражденія за свой трудъ, напр. извѣстное количество бѣлокъ, лисицъ, куницъ, шерстью или деньгами. Это было его легальнымъ доходомъ.

Собственно говоря, къ въѣзду въ волость, какъ юридическому акту, сводилось все существенное въ отношеніяхъ данническаго населенія къ государству, а въѣздъ имѣлъ своей главнѣйшей, если не исключительной цѣлью, дани.

Дѣло въ томъ, что въ понятіе дани входили не только тѣ платежныя обязательства по обложенію, которыя отбывало населеніе государству, плюсъ доходъ лицъ, участвовавшихъ во взиманіи, но всякіе сборы, какого бы происхожденія и характера они ни были... Все покрывалось общимъ терминомъ „дань“.

Дань съ русскихъ волостей шла, главнымъ образомъ, медомъ съ бортей. Не безынтересной въ научномъ отношеніи задачей было бы изслѣдовать, какія причины и условія создали то особое тяготѣніе славянскаго племени къ бортничеству, какое мы наблюдаемъ: по крайней мѣрѣ, населеніе славянскихъ гуфъ еще въ XII и XIII вв. отбывало свои обязательства къ своимъ нѣмецкимъ господамъ тѣмъ же медомъ. Когда документы описываемой нами эпохи говорятъ о бортныхъ земляхъ и бортяхъ, бортничествѣ и бортникахъ — ихъ указанія и самыя выраженія отмѣчены особымъ характеромъ какой-то отдаленной и благоговѣнно чтимой древности. Лишь по отношенію къ медамъ бортныхъ земель употребляется терминъ знамя: „куды тоѣ земли знамя пошло, гдѣ его найдуть, то все Божье и ихъ“. Описываемая эпоха знаетъ „стародавніе обычаи бортничкіе“: не даромъ до сихъ поръ пчеловодство одѣто въ глазахъ народа какимъ-то мистическимъ покровомъ.

Количество медовой дани съ различныхъ дворищъ одного поселка было различно, — конечно, пропорціонально величинѣ и силамъ отдѣльныхъ дворищъ. Но для данного округа уплачивалась она непременно одной извѣстной, точно опредѣленной, мѣрой, образецъ которой хранился въ замкѣ центрального города: названія — короймакъ, ведро, липечка, ручка. Медовая дань выплачивалась всегда осенью, почему этотъ медъ и назывался осеннимъ. Отдѣльно собирался — съ нѣкоторыхъ дворищъ, въ относительно небольшомъ количествѣ, въ качествѣ особой дани — медъ іюльскій, лицець. Медъ былъ самъ по себѣ главной данью; но медомъ же могли уплачиваться и иные виды дани. Напр. въ теченіе XVI в. данники Ратенской волости уплачивали медомъ „целюдь“, очевидно, за въѣздъ въ волость старосты или его заказчика по медовую дань („целюдованье — коли у волость не поѣдешь“) — подобный откупъ отъ того или другого вида въѣзда практиковался и былъ въ прямыхъ расчетахъ населенія. Наконецъ, медомъ же отбывали бобровщину, т.-е. бобры шерстью уже, очевидно, становились

рѣдкостью. Медь въ томъ или другомъ случаѣ могъ быть переведенъ на деньги, по желанію плательщика и по установленной оцѣнкѣ.

Вообще, деньги уже и въ эту эпоху усиленно вторгаются въ патриархальный бытъ данниковъ. Главная дань отбывалась натурой; но всегда деньгами платили обычныя доплаты, *post-daciam*, подданное, которое, съ одной стороны, являлось вознагражденіемъ за трудъ взысканія, съ другой — просто приложеніемъ общаго соціального закона: *za przimnożeniem ludzi mnożi się y dań* (съ ростомъ населенія растутъ и дань), по наивному выраженію одной люстраціи. Кромѣ этихъ грошевыхъ доплатковъ, деньгами же уплачивался — у Ратенскихъ данниковъ съ самаго начала XVI в. — особый видъ дани, который назывался „поборъ“. Въ общей сложности для даннаго момента и данной территоріи (1/2 XVI в. Ратенская волость) вся совокупность дани распадалась на медовую и грошевую, при чемъ медовая лишь нѣсколько превосходила цѣнностью грошевую. Позже беретъ перевѣсъ дань грошевая надъ медовой; а раньше, по кievской люстраціи 1471 г., преобладала значительно дань медовая, къ которой добавлялись кунницы, повидимому, шерстью и воскъ. Въ теченіе XVI в., съ приближеніемъ критической эпохи съ ея выдающимися моментами — волочной помѣры и водвореніемъ съ Люблинской уніей польскаго права — дани начинаютъ быстро мѣняться въ своемъ характерѣ. Онѣ осложняются привнесеніемъ разнообразныхъ новыхъ взиманій, которыя все растутъ въ своемъ составѣ и количествѣ, приближаясь къ платежамъ тягловцевъ: куры, масло и сыръ, пасхальныя яйца, горсти льну и конопли, овесъ, сѣно.

Этимъ исчерпывается все существенное, что заключаютъ въ себѣ документы относительно даней по обложенію. Но была еще одна категорія даней — уже не по обложенію, — которая представляетъ исключительный интересъ въ видахъ уясненія организаціи и быта русскихъ данниковъ Литовско-Русскаго государства. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ тѣ дани, которыя являются съ характеромъ судебныхъ пошлинъ.

Разсмотрѣніе относящихся сюда свидѣтельствъ приводитъ къ убѣжденію, что данники пользовались широкимъ правомъ собственнаго суда. Любомірскаго, который имѣлъ въ рукахъ, кромѣ люстрацій, еще какіе-то старостинскіе отчеты или доклады, опредѣленно говоритъ, что ратенскіе данники собирались на судебныя копы или вѣча. Менѣе важныя дѣла рѣшались на вѣчѣ двухъ деревень, для болѣе важныхъ — собирались вѣча всего округа. Судебныя рѣшенія были окончательными — апелляція не допускалась. Что судебныя дѣла рѣшались на вѣчахъ — это подтверждается и изданными люстраціями: господарь черезъ своихъ агентовъ собиралъ лишь судебныя дани. Если дѣло рѣшалось обоюднымъ соглашеніемъ сторонъ — что допускалось копнымъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сообразно архаическому взгляду на преступленіе, какъ нарушеніе частнаго права, — господарь получалъ змирщину, или змирскую кунницу. Если не было примиренія, сторонамъ предоставлялось на ихъ добрую волю — или обратиться къ суду копы, или „выкинуть“ дѣло на великокняжескаго урядника, который въ такомъ случаѣ получалъ повинное и выметное. Если же состоялся судъ копы, который присудилъ виновнаго къ денежному взысканію — что допускалось во всякаго рода дѣлахъ, — взысканія эти, подъ названіемъ „винъ“, великихъ и малыхъ,

должны были поступать въ пользу господаря. Въ его же пользу шель присудъ — опредѣленная пошлина отъ всякаго рода суда — будь то судъ копы или урядника. Какъ особая судебная пошлина, упоминается еще помочное, которое уплачивалось господарю въ томъ случаѣ, если копа налагала уголовную кару, каковой была въ копномъ правосудіи почти исключительно смертная казнь черезъ повѣшеніе; надо полагать, что помочное имѣло отношеніе къ той отвѣтственности, какую, по архаическимъ представленіямъ, раздѣляли съ преступникомъ члены его родовой или семейной группы. Затѣмъ слѣдуетъ вижеване и дѣцковане — судебныя пошлины, какъ вознагражденіе лицъ уряда. Вижеване — плата вижу, исполнявшему обязанности судебного пристава при копномъ судѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ; дѣцковане — плата дѣтскимъ, обязанности которыхъ исполняли воеводскіе или старостинскіе слуги, взимавшіе пошлины и отвозившіе ихъ до уряда: они получали плату отъ разстоянія и въ случаѣ надобности могли играть роль лежней. Если встрѣчались затрудненія при взиманіи въ данной волости, господарь грозилъ приступить къ дѣлу „моцно съ дѣцкованьемъ“.

Къ концу описываемой эпохи центральная власть, пропитанная культурными стремленіями, ограничиваетъ компетенцію копныхъ судовъ, высказываетъ желаніе, чтобы вмѣсто взиманія „винъ“ власти обходилась „taskowoszią i sprawedliwem karapiem“, уничтожаетъ „змирскую кунницу“, какъ „непобожный поборъ“, несогласный съ новымъ взглядомъ на преступленіе, какъ объектъ права публичнаго. Копные суды должны были исчезнуть вмѣстѣ съ копнымъ, архаическимъ, правомъ.

Но принципы новаго времени, побѣдоносно заявившіе о себѣ съ эпохи Люблинской уніи, нашли среди русскихъ данниковъ, кромѣ судебныхъ, и иные „непобожные поборы и вымыслы“, укрывавшіеся здѣсь подъ видомъ даней, со временъ глубокой древности. Уже не исторія, а лишь сравнительная этнографія можетъ намъ разъяснить, что значить, напр., дань, называвшаяся въ люстраціяхъ свадебной кунницей, или кунницей дѣвочей, вдовьей, такъ какъ она взималась въ одномъ размѣрѣ съ дѣвушки, и въ значительно большемъ — со вдовы; вдовья кунница, по кievской древнѣйшей люстраціи, называется иначе выходной, когда вдова идетъ замужъ въ иной округъ „со статкомъ“, т.-е. съ имуществомъ. Непобожнымъ же поборомъ уже представлялись, съ точки зрѣнія новыхъ правовыхъ понятій, и „выходное“, или „отклонъ“, взиманіе, обезпечивавшее всякому даннику свободу, по уплатѣ, итти на всѣ четыре стороны, прекращая такимъ путемъ свои обязательства передъ государствомъ: конечно, рѣчь идетъ о данникѣ-мужѣ, т.-е. господарѣ дворища, такъ какъ остальные члены дворища не нуждались, для осуществленія своей свободы, ни въ какихъ юридическихъ дѣйствіяхъ.

Но въ жизни русскихъ данниковъ были и еще худшіе вымыслы, прямо противные „пану Богу и правамъ посполитымъ“, служившіе „ku skazeniю obiecayów dobrich“, т.-е. къ порчѣ нравовъ, такъ что въ половинѣ столѣтія взиманіе даней, опиравшихся на этихъ вымыслахъ, было не только запрещено, но и самыя „вымыслы“ объявлены преступными, заслуживающими строжайшей кары. Къ этой исключительной категоріи принадлежатъ двѣ дани, касающіяся семейныхъ отношеній, и отмѣченные въ доку-

ментахъ названіями „розводы“ и „почеревцизна“. „Розводы“ — плата замковому уряду за разводъ, если, говоря словами люстраціи, „когда которому мужу жена не по нраву (пуродобала) или мужъ женѣ“. Почеревцизна — „когда который человекъ захотѣлъ бы жить со вдовой или дѣвушкой *wyagę* (т.-е. на вѣру), оба шли на замокъ и давали извѣстную сумму денегъ, чтобъ имъ это было разрѣшено — гражданская брачная сдѣлка. Слѣдовательно, какъ разводы, такъ и заключеніе брака гражданскимъ путемъ было свободно до половины XVI вѣка.

Итакъ, литовско-русскіе данники съ ихъ данями представляютъ собой пережитокъ предыдущей эпохи, надолго забытый исторической эволюціей въ глухихъ дебряхъ Полѣсья. Какъ самое слово „дань“, такъ и ея составъ „медъ и свора“ — все переносить въ лѣтописную Русь. Въѣздъ въ волость по дань, полюдье и станы, тивуны и дѣтскіе воспроизводятъ — конечно, съ нѣкоторой неизбежной модернизацией — не только удѣльно-вѣчевую, но даже болѣе древнюю великокняжескую Кіевскую Русь. Конечно, звукъ не понятіе, терминъ не жизнь: но здѣсь комплексъ аналогичныхъ терминовъ дѣйствительно воспроизводитъ комплексъ явленій, лишь приспособленный къ иной исторической средѣ. Если бояре держатъ по годамъ и выбираютъ волость данниковъ — развѣ это не то же по существу, о чемъ говоритъ Ипатьевская лѣтопись (подъ 1238): „Даніилъ же и Василью вдаста ему (Михаилу) ходити по землѣ своей и даста ему пшениць много и меду и говядь и овецъ доволѣ“? Встрѣтивъ въ люстраціи, въ качествѣ незначительныхъ, вымирающихъ, даней ловчее и огничее, мы, конечно, въ правѣ привлечь, въ качествѣ разъяснительнаго комментарія, то мѣсто изъ лѣтописи (1289 г.), гдѣ Романовъ внукъ кн. Мстиславъ уставлялъ ловчее на коромольныхъ Берестьянъ, а для „огничаго“ — огничаго тивуна Русской Правды.

Конечно, здѣсь дѣло идетъ не о внѣшнихъ аналогіяхъ, не о случайныхъ созвучіяхъ, а о томъ, что историческая эволюція, въ сторонѣ отъ своихъ торныхъ путей, даетъ иногда любопытнѣйшія отложенія, которыя, подобно геологическимъ напластованіямъ, сохраняютъ, среди новой жизни, оригинальныя очертанія архаическихъ формъ. Литовско-Русское государство ограничило свои отношенія къ данникамъ взиманіемъ даней, и они жили по импульсамъ, унаслѣдованнымъ отъ предшествующихъ историческихъ эпохъ. Вѣча и старцы, архаическій типъ ихъ правовыхъ понятій, выражающійся въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ о ихъ судебныхъ обычаяхъ, свадебныя и выходныя кунницы, слѣды доисторической свободы въ отношеніяхъ половъ — отъ всего вѣетъ древностью; — какой? Несомнѣнно, той, которая составляла атмосферу жизни такъ называемой Кіевской Руси. Въ ней мы должны искать комментаріевъ къ непонятнымъ для насъ явленіямъ жизни позднѣйшей Литовской Руси; съ другой стороны, въ жизни Руси Литовской — и въ особенности среди ея данническаго населенія — мы ближе всего въ правѣ рассчитывать на объясненія того загадочнаго, что останавливаетъ наше вниманіе въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ относительно внутренняго быта и соціальной организаціи Руси Кіевской.

Къ вопросу о братствахъ.

А. Ефименко.

На 4-мъ Казанскомъ Археологическомъ Създѣ проф. Нѣжинскаго лица г. Сребницкій представилъ докладъ объ остаткахъ церковныхъ братствъ по деревнямъ и селамъ восточной Малороссіи, преимущественно полтавскаго Приднѣпровья, и цеховъ — по мѣстечкамъ той же территоріи. Онъ указывалъ на черты сходства этихъ остатковъ съ знаменитыми церковными братствами западной и югозападной Руси, а самыя братства производилъ отъ цеховъ. По этому поводу присутствовавшіе ученые высказали различныя мнѣнія о происхожденіи братствъ. Одни поддерживали референта, утверждая, что церковныя братства, конечно, имѣютъ свои корни въ промышленныхъ цехахъ, зашедшихъ въ литовскую и польскую Русь съ запада вмѣстѣ съ промышленной техникой. Другіе отрицали всякую связь братствъ съ цехами, рассматривая церковныя братства западной Руси, какъ совершенно самостоятельное явленіе, вызванное мѣстными историческими условіями. Наконецъ, третьи, также отрицая связь братствъ съ цехами, утверждали тождество западнорусскихъ братствъ съ сѣвернорусскими ватагами, артелями и т. под. народными ассоціациями. Группируя иначе эти мнѣнія, мы получимъ слѣдующее: промышленные цехи западной Руси — явленіе первоначальное, заимствованное съ запада; церковныя же братства произошли отъ цеховъ, по мнѣнію однихъ, или не произошли, по мнѣнію другихъ, имѣя происхожденіе самостоятельное, — то самое, какое имѣли и иные разнообразные виды корпоративныхъ организацій какъ Руси западной, такъ и восточной. Къ этимъ мнѣніямъ, высказавшимся на 4-мъ Създѣ, прибавимъ еще мнѣнія о томъ же предметѣ двухъ авторитетнѣйшихъ изъ нашихъ ученыхъ историковъ Соловьева и Бѣляева: Соловьевъ выводилъ церковныя братства изъ древнерусскихъ братчинъ, Бѣляевъ также связывалъ ихъ происхожденіе съ явленіями древнерусской жизни, указывая на известную новгородскую уставную грамоту кн. Всеволода Мстиславича (1134—35 г.), данную церкви св. Іоанна на Опокахъ. Такимъ образомъ оба эти мнѣнія совершенно обособляютъ церковныя братства отъ цеховъ, приписывая имъ въ то же время не мѣстное западнорусское, а древнее общерусское происхожденіе. Такъ стоятъ

вопросъ о братствахъ и ихъ происхожденіи $\frac{1}{4}$ вѣка тому назадъ. Очевидно, въ то время не существовало и подозрѣнія о томъ, что вопросъ можетъ быть перенесенъ на широкую историко-сравнительную почву.

Занятія въ области обычнаго права, какъ сѣвернорусскаго, такъ и южно-русскаго народа, познакомили меня со значительнымъ числомъ такихъ формъ и явленій, въ которыхъ усматривались черты кровнаго родства то съ церковными братствами, то съ цеховыми организаціями, то съ древнерусскими братчинами; но все это были лишь обломки и пережитки, въ большой степени утратившіе свое жизненное значеніе. Но когда мнѣ удалось, благодаря трудамъ проф. Богишича, расширить свое знакомство съ народнымъ обычнымъ правомъ на право южныхъ славянъ, то пришлось убѣдиться, что тамъ уцѣлѣли въ народной жизни правовые институты того же типа, оставившіе у насъ лишь слѣды своего существованія. Сопоставленіе всѣхъ этихъ фактовъ приводило къ предположенію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ типичнымъ явленіемъ, широкаго распространенія и значенія. Знакомство съ нѣмецкой научной литературой сообщило этому предположенію прочную почву. Правда, нѣмецкіе ученые историки и историки права, соприкасаясь съ разсматриваемой областью, сосредоточиваютъ свое вниманіе почти исключительно на промышленныхъ цехахъ и купеческихъ гильдіяхъ, или ганзахъ, ихъ развитіи и происхожденіи, удѣляя лишь мимоходомъ ничтожное вниманіе другимъ видамъ братскихъ организацій, — конечно, въ соотвѣтствіи съ относительной исторической важностью этихъ явленій, но въ трудахъ Гирке, Маурера, Вайца, Винцера, Мюнтера, — въ особенности Гирке *Das deutsche Genossenschaftsrecht* — находится масса фактовъ разнообразнаго характера, убѣждающихъ, что и въ жизни германскихъ племенъ, какъ и славянскихъ, братскіе союзы, братства, выходили далеко за предѣлы извѣстныхъ намъ церковныхъ или цеховыхъ организацій. Всѣ эти факты, сохранившіеся въ правовой исторіи германской жизни, отчасти въ нашей собственной, особенно литовско-русской, а главное, многочисленныя и разнообразныя переживанія, наблюдаемыя въ современномъ народномъ обычномъ правѣ, русскомъ и славянскомъ, — все это неизбѣжно приводитъ къ выводу, что здѣсь дѣло идетъ о видоизмѣненіяхъ одной общей генетической формы, прототипъ которой сохранился до извѣстной степени въ Черногоріи, въ ея родовыхъ, кровныхъ, братствахъ. Развитію и доказательству этой гипотезы посвящена была мною специальная монографія, появившаяся въ свѣтъ вскорѣ послѣ 4-го Археологическаго Съѣзда¹⁾.

Вопросъ, поднятый на 4-мъ Съѣздѣ, съ тѣхъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не затрогивался болѣе на Съѣздахъ. Тѣмъ своевременнѣе, можетъ-быть, теперь на 12-мъ Съѣздѣ кинуть общій взглядъ на предметъ, уясняющій, что сдѣлано наукой по отношенію къ данному вопросу за истекшій періодъ.

Къ сожалѣнію, научные ресурсы провинціального города, каковъ Харьковъ, не даютъ возможности сдѣлать исчерпывающій обзоръ западной литературы; однако

¹⁾ Журн. „Слово“ 1880г., № 10—12, „Южно-русскія братства“ Историко-этнографическій очеркъ. По поводу этого очерка была помѣщена въ январской книжкѣ „Слова“ за 1881 г. ст. Зибера со многими интересными дополнительными и пояснительными фактами.

думается, что пробѣлы не будутъ особенно существенны. Русская же литература этого періода такъ скудна, что исчерпать ее не представляется никакого затрудненія.

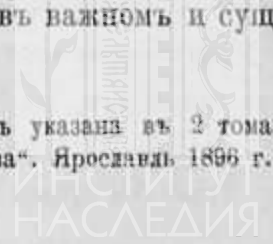
Французскіе ученые этого періода, какъ и предыдущаго, продолжали работы почти исключительно въ области исторіи цеховъ, при чемъ ихъ исходнымъ пунктомъ служила теорія, установленная еще Левассёромъ и находившая опору въ трудахъ Фюстель-де-Куланжа, о происхожденіи цеховъ отъ галло-римскихъ *collegiae*: извѣстно, какъ развито было цеховое устройство въ Римѣ, такъ что мы находимъ его въ развитомъ состояніи, можно сказать, съ первыхъ дней его историческаго существованія. Но во французской наукѣ за послѣднее время встрѣчаются и отклоненія отъ этого ортодоксальнаго взгляда, напр. въ трудѣ Antoine du Bourg (*Corporations ouvrières dans la ville de Toulon*) и Achille Luchaire (*Les communes françaises à l'époque des carétiens directs*), которые приписываютъ самостоятельное происхожденіе цеховъ въ зависимости отъ самостоятельно развившихся братскихъ организацій. Изъ новѣйшихъ французскихъ работъ, соприкасающихся съ разсматриваемыми вопросами, считаю необходимымъ упомянуть о трудѣ Paul Guiraud: *La main d'œuvre industrielle dans l'ancienne Grèce*. Здѣсь находятся любопытныя сообщенія о существовавшихъ во множествѣ въ эллинскомъ мірѣ братскихъ союзахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *тиазъ*, *εταποι*, *οργεones*, которые представляли собою добровольныя соединенія промышленныхъ людей, торговцевъ и ремесленниковъ подъ покровительствомъ спеціальнаго божества для общихъ пировъ и погребенія своихъ членовъ.

Нѣмецкая наука, хотя такъ же, какъ и раньше, сосредоточивала свое вниманіе на происхожденіи и развитіи цеховъ, но она совершенно отказалась отъ теоріи заимствованія ихъ отъ древняго міра, приписывая цехамъ самостоятельное, германское, происхожденіе. Но сходясь въ этомъ, ученые, тѣмъ не менѣе, расходятся въ остальномъ. Одна группа вліятельныхъ мнѣній, въ которую входитъ Ничъ, Штида, Арнольдъ и др., видитъ корень цеховой организаціи въ принудительныхъ соединеніяхъ ремесленниковъ на феодальныхъ *Frohnhof*'ахъ. Другая группа, и очень распространенная, приписываетъ цехамъ самостоятельное и самопроизвольное зарожденіе изъ глубины свободно творящаго германскаго духа въ связи съ тѣми или иными условіями. Третья — связываетъ цехи съ братскими организаціями, изъ которыхъ обращаетъ на себя большое вниманіе историковъ двѣ формы: *Schutzgilden* и братства религіозныя (названія, подъ которыми они встрѣчаются въ документахъ, очень разнообразны: *gildonia*, *confratria*, *conjuraciones*, *conspiraciones*, *consortio*, *collecta*). Происхожденіе же самыхъ братствъ, защитныхъ или религіозныхъ, также вызываетъ разнообразныя предположенія, между которыми встрѣчаются и предположенія о связи этихъ братствъ съ древнимъ родовымъ устройствомъ и его разложеніемъ: къ этой категоріи относятся взгляды Луи Brentano, Зибеля и Inama Sternegg'a. Новѣйшая, значительная по своимъ научнымъ приѣмамъ и добытымъ результатамъ, работа по вопросу о происхожденіи цеховъ принадлежитъ Рудольфу Эберштадту: *Der Ursprung des Zunftwesens und die älteren Handwerkverbände des Mittelalters*. Основываясь, главнымъ образомъ, на тщательномъ изученіи текстовъ древнѣйшихъ цеховыхъ документовъ XII и XIII вв., онъ съ неопровержимой убѣдительною доказалъ, что цехи,

на той ступени своего развитія, какая констатируется документами, всё были братствами того типа, который принято называть братствомъ церковнымъ. Проводя развитіе цеха черезъ ступень *Bruderschaft*, *Amt*, *Magisterium*, онъ тѣмъ самымъ даетъ въ своей гипотезѣ синтезъ, примиряющій взгляды Нича и его послѣдователей съ другими теченіями научной мысли, приписывающими цеховой организаціи иное происхожденіе.

Русская литература предмета за рассматриваемый періодъ крайне скудна. Кромѣ случайныхъ замѣтокъ, большею частью, въ мѣстныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, мы имѣемъ лишь два труда болѣе общаго характера ¹⁾. Это книга Папкова „Братства“ (Очерки исторіи западнорусскихъ братствъ; Троицкая лавра 1900 г.) и Еггіазарова: „Ислѣдованія по исторіи учреждений въ Закавказьи. Городскіе цехи“. Но книга Папкова ничего не вноситъ новаго въ науку, представляя собой лишь компиляцію по извѣстнымъ источникамъ, вполне шаблонную по приѣмамъ и выводамъ; зато тѣмъ цѣннѣе и интереснѣе книга Еггіазарова. Основательнымъ знакомствомъ съ европейской литературой авторъ вполне подготовленъ къ широкому взгляду на обрабатываемый имъ матеріалъ, совершенно новый для русской науки и въ высшей степени любопытный. Поэтому, хотя онъ и держится въ своемъ изслѣдованіи строго фактической почвы, но умѣетъ внести въ группировку фактовъ интересъ и смыслъ, получаемый изъ ихъ историко-сравнительнаго освѣщенія. Мы узнаемъ, что амкарскіе союзы или ескафы, распространенные въ городахъ всѣхъ странъ мусульманскаго востока, являются союзами, объединяющими не только экономическіе, но и религіозно-нравственные и общественные интересы членовъ, какъ это было и въ средневѣковыхъ цехахъ. Это, конечно, не цехи, какими мы ихъ знаемъ въ позднѣйшей застывшей формѣ, а цеховыя братства, какими они были въ Европѣ въ болѣе ранній періодъ своего развитія, съ широкимъ захватомъ жизненныхъ интересовъ. Многочисленные факты, приводимые г. Еггіазаровымъ, не только воспроизводятъ теперь въ живыхъ явленіяхъ то, что мы знаемъ лишь по документамъ, но и разъясняютъ кое-что, смыслъ чего уже утерянъ. Всѣ виды промышленнаго труда, какъ ремесленнаго, такъ и торговаго, складываются въ обособленныя амкарства, хотя родственныя ремесла могли, въ случаѣ малочисленности членовъ, составлять и одно сложное амкарство. Амкарства пользуются автономіей въ видѣ своего собственнаго суда и администраціи, имѣютъ своего патрона, отъ котораго они ведутъ свое происхожденіе и съ которымъ связывается извѣстный циклъ легендъ и спеціальнй культъ — какъ въ средневѣковыхъ *compagnonages*. Первой заботой амкарства, которой, прежде всего, удовлетворяютъ дѣлаемые членами взносы, — это погребенія и заупокойныя молитвы; затѣмъ уже слѣдуютъ профессиональные интересы, наблюденіе за нравственностью членовъ, защита ихъ чести, помощь въ трудныхъ случаяхъ. Приѣмъ обставляется тѣмъ же торжественнымъ религіознымъ обрядомъ, черезъ который вступающій дѣлается братомъ всѣхъ остальныхъ. Все это и многое другое воспроизводитъ передъ нами не только въ важномъ и суще-

¹⁾ Литература о русскихъ и инородческихъ братствахъ и побратимствахъ указана въ 2 томахъ книги Е. Якушкина: „Обычное право. Матеріалы для бібліографіи обычнаго права“. Ярославль 1896 г.

ственнымъ, но даже до деталей тотъ же знакомый типъ: упомянемъ хотя бы о воскѣ, который и здѣсь также служитъ для отбыванія штрафовъ натурой.

Что же выяснилось относительно нашего вопроса въ эту четверть вѣка, протекающую съ его постановки на 4-мъ Съѣздѣ? Думаю, что обычное право, которое дало мнѣ основной матеріалъ для перенесенія вопроса на болѣе широкую историко-сравнительную почву, оказалось матеріаломъ вполне надежнымъ, и предположеніе, высказанное мною на его основаніи, находитъ лишь поддержку во всемъ томъ, что сдѣлано наукой съ тѣхъ поръ. Братство, братскій союзъ, исторически извѣстныхъ представителей котораго мы имѣемъ, съ одной стороны, въ западномъ цехѣ, съ другой — въ литовско-русскомъ церковномъ братствѣ, есть форма широкаго распространенія, сыгравшая свою значительную роль въ эволюціи человѣчества, повидимому, даже не одного лишь европейскаго. Братство въ своихъ развѣтвленіяхъ представляетъ собой рядъ ступеней, переходныхъ формъ, которыми социальная жизнь человѣчества перешла отъ архаическихъ кровныхъ связей къ позднѣйшимъ, договорнымъ. Ступени эти намѣчаются такъ: еще при господствѣ родового быта возникаетъ братство, какъ одна изъ его формъ. Часть рода, уже разошедшаяся въ степеняхъ родства, считаетъ себя, тѣмъ не менѣе, связанной происхожденіемъ отъ общаго предка и культомъ спеціальнаго святаго патрона братства: остатки такихъ кровныхъ братствъ уцѣлѣли еще въ Черногоріи. Живя въ одномъ селеніи или различныхъ, состоя изъ нѣсколькихъ десятковъ или нѣсколькихъ сотъ членовъ, черногорское братство все-таки представляетъ единицу по отношенію къ государству: выборный главарь предводительствуетъ имъ на войнѣ и въ мирное время играетъ роль посредника во всѣхъ дѣлахъ между братствомъ и государственной властью. Братство имѣетъ общую церковь, кладбище, свои праздники, наблюдаетъ за нравственностью своихъ членовъ, оказываетъ имъ помощь и защиту; еще недавно на немъ лежали права и обязанности вендетты. Конечно, это социальное явленіе очень архаическаго типа, случайно уцѣлѣвшее на неприступныхъ утесахъ Черногоріи. Многими сотнями лѣтъ надо считать, какъ другіе европейскіе народы утратили такіа братства; но на ихъ мѣсто выступили иныя братства, искусственныя. Жизнь широко пользуется приспособленіемъ старыхъ формъ къ новымъ условіямъ — такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Родовыя связи неизбежно ослабѣвали, распались; но новыя возникавшія отношенія могли черпать прочность лишь въ симуляціи старыхъ. Обычай побратимства, уцѣлѣвшій въ народномъ обычномъ правѣ русскомъ, а особенно южнославянскомъ, наглядно показываетъ, какимъ путемъ возникали эти новыя связи. Древнеевропейское названіе братства *conjuratio* прямо свидѣтельствуетъ, что оно возникало черезъ *juramentum* — клятву, взаимную присягу. И до послѣднихъ дней существованія всѣхъ братскихъ организацій приемъ въ члены всегда обставлялся торжественнымъ религіознымъ обрядомъ, представлявшимъ собою „чинъ братотворенія“. Этимъ способомъ симулировалась братская связь съ извѣстными вытекающими изъ нея послѣдствіями: общимъ культомъ, взаимной защитой и заботой, какъ по отношенію къ этой, земной, жизни, такъ — и, можетъ-быть, еще болѣе — жизни будущей, загробной, обеспечиваемой соотвѣтственнымъ погребеніемъ и заупокойными молитвами. Искусственныя братства

интенсивнѣе развивались тамъ, гдѣ легче разрушались и исчезали братства родовыя, кровныя, т.-е. въ городахъ. Нѣкогда братства для защиты, *Schutzgilden*, по нѣмецкой терминологіи, сыграли свою большую роль въ исторіи всего европейскаго чело-вѣчества; противопоставляя себя государству, которое то боролось съ нимъ, какъ это было во Франціи и Германіи время Карла Великаго и его преемниковъ, то принимало ихъ подъ свое покровительство, какъ въ Англии и Даніи. Что такое были братства въ древнерусской жизни — мы не имѣемъ никакой удовлетворительной опоры даже для предположенія: знаемъ лишь, что они были, такъ какъ были братчины. Псковская судная грамота имѣетъ въ своемъ текстѣ: „а братчика судить какъ судьи“. Усложненіе соціальной жизни на западѣ, а въ связи съ ней промышленности и торговли, дало почву и разнообразному развитію братскихъ организацій. *Fraternitates mercatorum* составлялись для всякаго торговаго предпріятія, сопряженнаго съ дальней поѣздкой, рискомъ, опасностью; потомъ они обращались въ купеческія гильдіи, изъ которыхъ развивались ганзы, обхватывавшія обширныя территоріи. Братства ремесленниковъ развивались въ богатые и сильныя цехи, которые могли себя противопоставлять даже государственной власти. По образцу братства организовалось рыцарство, монашество; идея братскаго союза давала стимулъ самымъ разнообразнымъ союзамъ, какъ постояннаго, такъ и временнаго значенія: путешественники и пилигримы, нищіе и странствующие артисты — всѣ находили въ братскомъ союзѣ, обставленномъ всѣмъ извѣстнымъ обычнымъ ритуаломъ, своимъ закономъ и правомъ, удовлетвореніе насущной потребности въ опорѣ и защитѣ, которой не могло еще удовлетворять тогдашнее государство, которой не могъ уже удовлетворять разрушающійся союзъ кровный.

Такъ было на западѣ, такъ было, конечно, и у насъ. Но условія нашей русской исторической жизни не были благопріятны развитію никакихъ организацій, которыя были бы достаточно сильны, чтобы противопоставлять себя государству. Братскій союзъ выродился, сохранивши лишь свои слѣды въ нѣкоторыхъ переживаніяхъ въ видѣ народныхъ обычаевъ празднованія братчинъ, складчинъ на общія свѣчи и т. п. — это относительно сѣверной Россіи. Въ южной, литовской, Руси жизнь сложилась нѣсколько благопріятнѣе въ этомъ отношеніи, и мы видимъ, что здѣсь развились церковныя братства, цеховая организація, парубоцкія и казацкія громады, въ которыхъ есть также слѣды братскихъ обычаевъ. Такимъ образомъ на югѣ мы и теперь можемъ еще наблюдать нѣкоторыя переживанія братскаго типа, какихъ уже не встрѣчаемъ въ Руси сѣверной. Но въ общемъ, конечно, братство есть видъ соціальной организаціи, составляющей принадлежность иного, уже давно ушедшаго въ вѣчность, строя жизни и представляется въ данный моментъ лишь предметомъ соціальной археологіи.

Русская Правда и обычное право Литовско-Русского государства до издания Статута.

Н. Максимейко.

Русской Правдѣ посчастливилось въ нашей литературѣ. Она постоянно привлекала къ себѣ особенное вниманіе исторической науки. Ни одинъ памятникъ русскаго права не подвергся такому тщательному изученію, какъ она. Есть нѣсколько диссертаций, посвященныхъ изслѣдованію Р. Правды съ виѣшней стороны, т.-е. со стороны ея происхожденія, состава, источниковъ и т. п. Еще болѣе написано для выясненія различныхъ институтовъ, которыхъ касается Р. Правда. Повидимому, вопросъ исчерпанъ окончательно. Больше уже нечего сказать, не впадая въ область гипотезъ, предположеній и гаданій. Однако есть еще одинъ приѣмъ изученія, который, удерживая изслѣдователя на позитивной и фактически обоснованной почвѣ, можетъ открыть въ Р. Правдѣ неожиданныя и еще не освѣщенные стороны и способствовать правильному толкованію многихъ ея статей. Приѣмъ этотъ состоитъ въ сравненіи Р. Правды съ литовско-русскимъ правомъ.

Такого рода сравненія не новость. Не я первый указываю на необходимость ихъ. Однако этотъ старый уже испробованный приѣмъ я нѣсколько модифицирую. Прежде Р. Правду сравнивали съ лит.-русскимъ законодательствомъ; я же имѣю въ виду сличать ее съ обычнымъ правомъ вел. кн. Литовскаго эпохи XV и первой четверти XVI в. до издания Статута; при чемъ источникомъ познанія обычнаго права для меня служили судебныя рѣшенія вел. князя и уполномоченныхъ имъ лицъ, записанныя въ Лит. Метрикѣ. Я указалъ на разницу сравниваемыхъ величинъ. Но, кромѣ того, различны и цѣли сравненія. До сихъ поръ Р. Правда являлась пособіемъ для объясненія лит.-русскаго права; по отношенію къ послѣднему она играла служебную роль. Напр. проф. Леонтовичъ сравнивалъ Р. Правду съ Лит. Статутомъ для того, чтобы доказать необходимость включенія въ исторію русскаго права и лит.-русскаго законодательства.

Я въ своей первой работѣ „Источники уголовныхъ законовъ Лит. Статута“ занимался такими же сличеніями съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить кругъ вліянія русскаго обычнаго права на Лит. Статутъ.

Теперь я буду идти наоборотъ, отъ лит.-русскаго права къ Р. Правдѣ и въ первомъ искать свѣта для объясненія второй.

На основаніи такого метода я пытаюсь: 1) опредѣлить территорію, на которой возникли, дѣйствовали и развивались нормы, заключающіяся въ Р. Правдѣ; 2) разъяснить нѣкоторыя темныя статьи Р. Правды, и 3) указать источники Р. Правды.

Исслѣдователи Р. Правды пришли къ тому выводу, что въ ней содержится, главнымъ образомъ, русское обычное право. Это послѣднее слово науки. Дальше этого опредѣленія не идутъ. Но можно ли успокоиться на такой общей формулировкѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ въ бѣглыхъ чертахъ состояніе русскаго права въ древности.

Если теперь, при господствѣ законодательства и государственнаго единства, все же не существуетъ всероссійскаго права, то въ старину и подавно. Тогда жили по обычному праву, а обычное право отличается въ высокой степени свойствомъ мѣстнаго разнообразія. Нашъ лѣтописецъ говоритъ о различіи въ обычаяхъ у полянъ, древлянъ, сѣверянъ и др. племенъ. Но еще лучшимъ свидѣтельствомъ мѣстнаго разнообразія въ русскомъ правѣ являются уставныя грамоты Литовскаго и Московскаго государствъ, которыя выдавались правительствомъ отдѣльнымъ землямъ. Изъ нихъ видно, что каждая земля имѣла свое особое право. Уставныя грамоты относятся къ эпохѣ сравнительно поздней, главнымъ образомъ, къ XV и XVI вв., когда государственное объединеніе сдѣлало уже значительные успѣхи. Что же было раньше при полной политической ихъ разобщенности, когда составлялась Р. Правда?

Кромѣ того, мы замѣчаемъ разнообразіе русскаго права и въ границахъ болѣе широкихъ районовъ; при чемъ это разнообразіе характеризуется болѣе рѣзкими и устойчивыми отличительными чертами. Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ въ исторіи русскаго права три правовыхъ системы: 1) право Сѣверо-Восточной Россіи, выжившее въ Московскихъ Судебникахъ и въ Уложеніи 1649 г.; 2) право Южной и Западной Руси, лучшимъ воплощеніемъ котораго является Лит. Статутъ, и 3) право Сѣверо-Западнаго края, кодифицированное въ судныхъ грамотахъ Новгорода и Пскова. Историческая участь этихъ трехъ системъ была различна. Новгородско-псковское право заглохло послѣ присоединенія Пскова и Новгорода къ Москвѣ и распространенія московской централизаціи. Право Юго-Западной Россіи живетъ и до настоящаго времени въ народѣ въ формѣ обычая. Въ законодательствѣ же уцѣлѣли только жалкіе остатки его въ видѣ изъятій, допущенныхъ въ 1-й части X тома Свода Законовъ для губерній Черниговской и Полтавской. Напротивъ, московское право побѣдило и восторжествовало. Дѣйствующее официальное право, подъ которымъ мы живемъ въ настоящее время, есть право московскаго типа.

Достаточно ли при такомъ разнообразіи древнерусскаго права сказать, что въ Р. Правдѣ выражено русское право? Безусловно нѣтъ. Всякій въ правѣ потребовать болѣе точнаго опредѣленія. Какая земля наложила свой отпечатокъ на Р. Правду? Если для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, то, по крайней мѣрѣ, надо выяснить, къ какой изъ трехъ названныхъ системъ права принадлежитъ Р. Правда.

Сравнивъ Р. Правду съ послѣдующими памятниками русскаго законодательства, мы замѣтимъ, что она ближе стоитъ къ Лит. Статуту, чѣмъ къ Московскимъ Судебникамъ или суднымъ грамотамъ Пскова и Новгорода. Однако этимъ еще не рѣшается вопросъ. Сходство Р. Правды съ Лит. Статутомъ не предполагаетъ непременно, что она выросла на той же территоріи, для которой былъ изданъ этотъ памятникъ. Рождается сомнѣніе: быть можетъ, ея родина въ другомъ мѣстѣ; быть можетъ, она была занесена въ Литву со стороны и здѣсь попала въ руки кодификаторовъ, которые рецензировали ее въ Статутѣ.

Обратимся къ другимъ даннымъ. Р. Правда даетъ нѣкоторыя черты для опредѣленія территоріи ея происхожденія и дѣйствія. Она названа „русской“.

Въ эпоху составленія Правды этотъ терминъ не обозначалъ всей территоріи Россіи, а имѣлъ спеціальнѣйшій смыслъ, примѣнялся только къ названію Кіевской Руси. Затѣмъ въ числѣ источниковъ Р. Правды указаны уставы Ярослава, его сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода и, наконецъ, Владимира Мономаха. Ярославъ княжилъ сначала въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ, Изяславъ — въ Кіевѣ, Святославъ — въ Черниговѣ, Всеволодъ — въ Переяславлѣ, Владимиръ Мономахъ — въ Кіевѣ. Итакъ, составитель Р. Правды включилъ въ нее законодательныя постановленія южнорусскихъ князей. Вѣроятно, сѣвернорусскіе князья тоже законодательствовали. Однако ихъ уставы не вошли въ Р. Правду. Это обстоятельство наводитъ на мысль: если законодательные источники Р. Правды южнорусскаго происхожденія, то, можетъ-быть, и другой источникъ ея, т.-е. обычное право, должно быть приурочено къ той же территоріи. Если составитель Р. Правды зналъ только южнорусское законодательство, то, можетъ-быть, и его свѣдѣнія по обычному праву отличались такимъ же мѣстнымъ колоритомъ. Однако это все только намеки на рѣшеніе вопроса. Полная же разгадка его дается только послѣ сличенія Р. Правды съ обычнымъ правомъ Литовско-Русскаго государства.

Обратимся прежде всего къ постановленіямъ объ уголовномъ правѣ.

Р. Правда рассматриваетъ увѣчье, какъ преступленіе противъ жизни, а не противъ здоровья. Увѣчье отнимаетъ у потерпѣвшаго полжизни, уменьшаетъ его вѣкъ наполовину. Поэтому за увѣчье взыскивался штрафъ, называвшійся полувирой. Таковой же взглядъ на увѣчье мы находимъ въ обычномъ правѣ вел. княжества Лит. Портной Шимко былъ изувѣченъ намѣстникомъ Доротцкимъ такъ, что лишился способности владѣть мизиннымъ пальцемъ правой руки; судъ постановилъ заплатить въ пользу потерпѣвшаго „полчеловѣка — 10 копъ грошей“¹⁾. Слуга пана Миколая Гомшивича изувѣчилъ паробка, т.-е. холопа; судъ рѣшилъ: „если будетъ тотъ паробокъ на который члонокъ ображонъ, маеть за того паробка тотъ слуга... заплатить за половицу человѣка — полтрети копы грошей“²⁾. Судъ рассматривалъ жалобу мѣщанки Берестетской и вынесъ такую резолюцію: такъ какъ, „она рукою не владѣеть, присудили семо той мещанце за полневѣсты водлугъ того ижъ вѣчне на руку хрома“³⁾ и т. д.

¹⁾ Лит. Метр., кн. III Судныхъ дѣлъ, л. 11.

²⁾ Ibid., лл. 67-68.

³⁾ Ibid., л. 14.

Въ Р. Правдѣ удары батогомъ, чашей, рогомъ и тылесницей, т.-е. тупой стороной меча, считались не только преступленіемъ противъ здоровья, но въ то же время и оскорбленіемъ чести; поэтому виновный платилъ особенно высокій штрафъ. Такъ же характеризованы эти дѣянія и въ судебной практикѣ вел. княжества Литовскаго. Дворянинъ Туннель во время пира ударилъ намѣстника Радунскаго Лаврина Миколаевича „кіеницею съ медомъ“. Потерпѣвшій жаловался. Судъ приговорилъ ему „безчестья на Туннель 12 рубл. грошей“¹⁾. Бояринъ Матей Яновичъ напалъ на Андрея Чеха „и почаль его бити кордомъ-тыльемъ“, т.-е. тупой стороной меча. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, постановилъ заплатить „Чеху за бой безчестье шляхетское водлугъ обычая 12 рублей грошей“²⁾ и т. д.

Русской Правдѣ извѣстно наказаніе, которое носитъ названіе „потока и разграбленія“. Разграбленіе — значитъ конфискація. Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что это показаніе заимствовано изъ Византіи. Миѣ кажется, что оно возникло самобытно на почвѣ обычнаго права Южной и Западной Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ Лит.-Русскомъ государствѣ административныя и судебныя взысканія назывались „урядовымъ грабежомъ“. Въ Малороссіи до сихъ поръ взысканія податей и недоимокъ или взысканія по исполнительному листу простой народъ называетъ „грабежомъ“.

Русская Правда различаетъ обѣльныхъ холоповъ и закуповъ. Съ той терминологіей мы не встрѣчаемся болѣе ни въ судныхъ грамотахъ Пскова и Новгорода, ни въ памятникахъ Московскаго законодательства. Значитъ ли это, что они исчезли и вымерли? Нѣтъ, они продолжали свое существованіе, но только въ томъ краѣ, гдѣ возникла сила Р. Правды, т.-е. въ Южной и Западной Руси. Въ Лит.-Русскомъ государствѣ различались термины: „купить обель“, т.-е. приобрести собственность, и „закупить“, т.-е. взять въ закладъ. Конюхъ Кревскій говорилъ на судѣ, что онъ заложилъ въ „лихую хвилю“ свою дочь Юхну Громыкѣ за копу грошей; Громыка возражалъ: „продаль онъ миѣ девку тую за невольную, а такъ я девку тую въ неволю продалъ обель, якъ обель купилъ“³⁾. Судебныя рѣшенія Лит.-Русскаго государства уясняютъ намъ институтъ закупничества, смутно и сбивчиво изложенный въ Р. Правдѣ. Закупы это — лица, отдавшіяся или отданныя въ закладъ кредитору для обезпеченія долга и для отработки процентовъ на занятую сумму.

Относительно опеки Р. Правда содержитъ слѣд. постановленіе: „а оже будетъ у мужа въ дому дѣти малы, а не дюжися сами собою печаловати, а мати имъ поиндетъ замужь, то кто имъ ближній будетъ, тому же дати на руцѣ и съ добыткомъ и съ домомъ донежѣле возмогутъ“.

Отсюда видно, что опека назначалась надъ несовершеннолѣтними дѣтьми въ случаѣ смерти отца и вторичнаго замужества ихъ матери. Такое же правило существовало и въ вел. княж. Литовскомъ. Въ актахъ Лит. Метр. есть приказъ вел. князя о назначеніи опеки надъ дѣтьми полоцкаго дворянина Петра Епимаховича. Вскорѣ послѣ смерти этого дворянина жена его вступила во второй бракъ. Тогда братъ

¹⁾ Лит. Метр., III кн. Судн. дѣлъ, л. 59.

²⁾ Ibid., кн. VI Судн. дѣлъ, лл. 34—36.

³⁾ Лит. Метр., кн. VI Судн. дѣлъ, лл. 26—27.

умершаго просилъ вел. князя назначить его опекуномъ надъ оставшимися дѣтьми. Просьба его была уважена въ виду того, что „въ отчизне нашей Великому князѣству Литовскомъ стародавна тотъ звычайъ есть: естли вдова зъ удовъ-его столъца ступить, а поидеть за другого мужа, тогда детми и именъи опекаются близкии первого мужа ее“¹⁾. На Вологнѣ умеръ Земяникъ Яковицкій, оставивъ послѣ себя 3 сыновей и жену-вдову, которая потомъ вышла замужъ. Братъ Яковицкаго просилъ, чтобы осиротѣвшія дѣти были отданы ему въ опеку. Вел. князь утвердилъ его опекуномъ „водле обычая и права земского“²⁾.

Обычное право вел. княжества Литовскаго относительно наследственныхъ правъ вдовы вполне совпадаетъ съ постановленіями Р. Правды и ихъ разъясняетъ.

Р. Правда говоритъ: „аще жена сядетъ по мужѣ, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взяти часть, а что на ню мужъ возложилъ, тому же есть госпожа а задница ей мужня не надобѣ“. Отсюда слѣдуетъ: жена не наследуетъ мужу, но она не остается безъ средствъ. Р. Правда различаетъ имущество, которое достается вдовѣ по закону, и имущество, которое „возложилъ“, т.-е. подарилъ или завѣщалъ ей мужъ. Затѣмъ въ цитированномъ постановленіи можно замѣтить различіе правъ вдовы на то и другое имущество: во второмъ случаѣ она является „госпожой“, собственницей подареннаго или завѣщаннаго ей имущества; но названіе ея „госпожой“ въ этомъ случаѣ отрицательно указываетъ на то, что въ первомъ случаѣ она не получала права собственности; дѣйствительно, въ статьѣ сказано, что она беретъ эту часть у своихъ дѣтей, т.-е. эта часть выдѣляется ей изъ наследства дѣтей. Отсюда можно сдѣлать догадку, что это имущество имѣло прожиточный характеръ, т.-е. оставалось въ пожизненномъ пользованіи матери-вдовы, а послѣ ея смерти возвращалось дѣтямъ, отъ которыхъ оно было взято.

Такое толкованіе Р. Правды подтверждается судебными рѣшеніями Лит.-Русскаго государства. Здѣсь существовали такіе же порядки, какъ и въ Р. Правдѣ. Обыкновенно мужъ записывалъ женѣ часть своего имѣнія, которая называлась вѣномъ. Этой частью вдова могла распоряжаться, какъ госпожа, какъ собственница. Но если вѣно не было записано, въ такомъ случаѣ она получала въ пожизненное пользованіе часть изъ наследственной массы. Напр. въ одномъ судебномъ рѣшеніи излагается слѣд. правило, дѣйствовавшее въ вел. княжествѣ Литовскомъ: „которая вдова по мужу своемъ останеть, а вена записанного, ани жадное оправы отъ мужа своего мети не будетъ, таковая частъ межы детми маеть мети и тую частъ маеть держать и вынывати до своего живота, а по ее смерти тая частъ за ея на дѣтей спасти маеть“. Изъ другихъ актовъ Лит. Метрики видно, что эта часть матери-вдовы была равныхъ размѣровъ съ тѣми частями, которыя получали сыновья. На такихъ основаніяхъ было раздѣлено имѣніе воеводы Виленскаго Миколая Радивиля между его женой и 3 сыновьями, имѣніе маршалка Литавора Хребтовича между его женой и его дочерьми, имѣніе Ивана Сопѣжича и др.

¹⁾ Лит. Метр., кн. XIV Записей, л. 135.

²⁾ Ibid., лл. 257—258.

Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II.

Относительно правъ вдовы мы находимъ въ Р. Правдѣ еще слѣдующее постановленіе: „не хотѣти ли еѣ начьнуть дѣти ни на дворѣ, а она начнетъ всяко сидѣти восхоцетъ зъ дѣтми, то сотворити всяку волю ея, а дѣтемъ не дати: но что ей даль мужъ, съ тѣмъ же ей и сидѣти съ дѣтми, или свою часть вземте сидитъ же“. Смысль статьи тотъ, что вдова можетъ остаться на имѣніи и въ дому умершаго мужа, не смотря на протесты наслѣдниковъ. Тотъ же самый порядокъ существовалъ и въ вел. княжествѣ Литовскомъ. Въ случаѣ несогласія и ссоръ между матерью-вдовой и наслѣдниками судъ всегда становился на сторону первой. Напр. боярыня Смоленская Оедьковая Рогозича жаловалась на своихъ деверей за то, что они выгнали ее изъ имѣнія ея умершаго мужа, въ которомъ она сидѣла, какъ на вдовьемъ столыцѣ; вел. князь и паны-рада постановили: „маеть она на вдовиномъ столыци мѣшкати до своего живота, а если похочетъ она замуж поити, и они мають ей вѣнецъ ее заплатити подлугъ обычая правъ земскихъ“¹⁾. Относительно княгини Чарторынской Ульяны вел. князь рѣшилъ такъ: „а не похочетъ ли она послѣ смерти мужа замужъ поити, то маеть она на всехъ имѣньяхъ мужа своего князя Семеновыхъ мешкати до своего живота водлугъ обычая и права земского на вдовьемъ столыци“²⁾ и т. д.

Нѣкоторые историки права, въ числѣ ихъ особенно проф. Сергѣевичъ, полагають, что статьи Р. Правды о наслѣдованіи вдовы взяты изъ Эклоги. Я позволю себѣ высказать противоположное мнѣніе: эти статьи заключаютъ въ себѣ русское обычное право весьма высокой пробы, именно обычное право юго.-зап. Руси.

Какъ извѣстно, Р. Правда стѣсняетъ завѣщательный произволъ отца наслѣдодателя. Онъ могъ завѣщать свое имущество только тѣмъ, кто и по закону наслѣдовалъ. Исключеніе составляла церковь, въ пользу которой разрѣшалось оставлять часть имущества, помимо законныхъ наслѣдниковъ. Такія же ограниченія завѣщательнаго права мы встрѣчаемъ и въ Лит.-Русскомъ гюдарствѣ. Напр. староста Берестейскій панъ Янъ Юрьевичъ Ильничча жаловался вел. князю, что отецъ обошелъ его въ завѣщаніи и устранилъ отъ наслѣдства безъ всякой вины съ его стороны; вел. князь велѣлъ допустить его къ наслѣдству наравнѣ съ прочими братьями³⁾. Смоленскій бояринъ Григорій Путята завѣщаль часть своихъ имѣній на церковь, а другую часть постороннему лицу. Сестра его Аксиныя жаловалась вел. князю по поводу такого распоряженія, и вел. князь рѣшилъ, что наслѣдодатель „неслушнымъ обычаемъ отъ близкое сестры своею всю отчину свою отписать и такъ есмо вчынили, подлугъ обычая правъ земскихъ, тотъ дворъ присудили сестрѣ его“. Такимъ образомъ завѣщаніе въ пользу посторонняго было кассировано, но распоряженіе въ пользу церкви осталось въ силѣ, и т. д.

Р. Правда предоставляет болѣе широкой просторъ завѣщательному усмотрѣнію матери-вдовы: „а матерня часть дѣтямъ не надобѣ, но кому мати восхоцетъ, тому дасть ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять; а матери, который ей сынъ будетъ добръ, тому же

¹⁾ Лит. Метр., кн. VIII Записей, лл. 286—287.

²⁾ Лит. Метр., кн. XII Записей, л. 152.

³⁾ Лит. Метр., кн. XIV Записей, лл. 280—281.

дать все, еще ли все сынове ея будутъ лиси, а дщери можетъ дати, кто ю кормить“. Такимъ образомъ мать можетъ завѣщать свое имущество всемъ дѣтямъ или же кому-либо одному изъ нихъ; она можетъ обойти сыновей и завѣщать дочери. Такую же особенность мы замѣчаемъ и въ обычномъ правѣ Лит.-Русскаго государства. Напр. жена воеводы Кіевскаго Андрея Немировича завѣщала свои деньги дочери Маринѣ, обошедши ея брата и сестру; вел. князь и паны-рада, рассмотрѣвши это дѣло, „присудили падле testamentу матки ее, а братъ и сестра ее въ тые пенязи не мають ея уступити“¹⁾.

Въ Р. Правдѣ есть слѣд. статья: „еще будутъ робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью“. Это значитъ, дѣти отъ рабыни-наложницы не получаютъ наслѣдства послѣ смерти своего отца и господина, но отпускаются вмѣстѣ съ матерью на волю. Въ актахъ Лит. Метрики мы находимъ судебное рѣшеніе, постановленное на основаніи этого обычая. Нѣкій бояринъ Кондрать прижилъ отъ своей холопки-наложницы пять сыновей и одну дочь. Затѣмъ онъ вступилъ въ законный бракъ со шляхтянкой, но дѣтей уже не имѣлъ. Послѣ его смерти наслѣдство, по судебному опредѣленію, перешло къ племянницѣ его; дѣти же рабыни были устранены отъ наслѣдства, но получили свободу²⁾.

Р. Правда говоритъ объ испытаніяхъ посредствомъ раскаленнаго желѣза и воды. Историки права утверждаютъ, не допуская и тѣни колебанія, что это ордази, т. е. особый видъ суда Божьяго. Путемъ воды и желѣза наши предки рассчитывали получить отъ самого Бога указаніе, кто правъ, кто виноватъ. Вѣрили, что правый съ Божьей помощью непременно останется невредимъ, и наоборотъ. Такое толкованіе Р. Правды является въ нашей литературѣ, можно сказать, *communis opinio doctorum*. Мнѣ кажется однако, что въ статьяхъ ея заключаются данныя, идущія противъ такого толкованія. Въ самомъ дѣлѣ, испытаніе желѣзомъ разрѣшалось только безъ наличности уликъ, напр. обвиняемаго видѣли проходящимъ около мѣста совершенія преступленія или противъ него было свидѣтельство по общему правилу свободного человека и лишь по исключенію холопа. Ясно, что эти ограничительныя требованія установлены для огражденія интересовъ испытываемыхъ лицъ. Значитъ, предки наши не были такъ наивны, какъ думаютъ. Они знали, что испытанія всегда будутъ сопровождаться страданіями и тѣлесными поврежденіями подсудимаго, независимо отъ вопроса о его правотѣ или виновности. Не даромъ въ Р. Правдѣ они называются „мукой“. И вотъ для предупрежденія напрасной пытки тѣхъ лицъ, которыя могли оказаться невинными, и были созданы указанныя ограниченія. Наоборотъ, если бы вѣрили, что правота подсудимаго превозможетъ разрушительное дѣйствіе стихій, то не зачѣмъ было вводить внѣшнія правовыя гарантіи. Съ точки зрѣнія такого наивнаго общества, внутренняя правота подсудимаго всегда застраховала бы его отъ страданій и тѣлесныхъ поврежденій. Права лицъ, подвергаемыхъ испытаніямъ, ограждались въ Р. Правдѣ и другимъ средствомъ. Истецъ, въ случаѣ оправданія ответчика, долженъ былъ платить за муку и ожоги, которые ему были причинены испытаніемъ.

¹⁾ Лит. Метр., кн. IV Судныхъ дѣлъ, л. 202.

²⁾ Лит. Метр., кн. I Судныхъ дѣлъ, 65—66.

Если бы испытанія были судомъ Божиимъ, то страданія и ожоги являлись бы знакомъ его виновности, они повели бы къ его обвиненію, а не оправданію, и вознагражденіе не имѣло бы смысла. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ пыткой, которой достигалось не откровеніе Бога, а сознание подсудимаго.

Въ такомъ толкованіи убѣждаютъ насъ и тѣ статьи Р. Правды, которыя запрещаютъ мучить смерда или огнищанина безъ разрѣшенія со стороны князя. Значить, возможна была пытка съ разрѣшенія власти. Пытка была извѣстна и обычному праву вел. княжества Литовскаго. Бояринъ Моцко Федьковичъ обвинялъ Мартинца въ убійствѣ его холопа; Мартинецъ запирался, хотя противъ него были представлены улики со стороны „соха“, т.-е. сыщика; судъ рѣшилъ выдать Мартинца на муку, и онъ еще до пытки сознался во всемъ¹⁾. Къ суду былъ привлеченъ человекъ боярина Юрія Мацковича по обвиненію въ кражѣ лошадей, при чемъ противъ него были „знаки писанные“. „И Юрій“, говорится въ судебномъ протоколѣ, „того человека своего на промуку выдалъ. И онъ казалъ ему мучити водле знаковъ. И онъ на первый день не признался къ тымъ знакомъ, потомъ его отпустили и на другой день не казалъ его мучити, отъежчалъ прочъ. И за ся хотель его пытати после того на третій день. Мы ему того не допустили, бо не есть то въ правѣхъ“²⁾.

Мѣщанинъ Слонишскій Янко жаловался на боярина Михаила Оксакова, что онъ отказывается выдать ему на муку своего человека, подозрѣваемаго въ кражѣ 7 лошадей и 1 вола³⁾, и т. д.

Итакъ, повторяю, Р. Правда говоритъ о пыткѣ, а не объ ордазіяхъ. Это очевидно изъ текста ея даже безъ помощи Лит. Метрики. Существующее же на этотъ счетъ противоположное мнѣніе, мнѣ кажется, можно объяснить двумя обстоятельствами: 1) изслѣдователи, вмѣсто внимательнаго анализа Р. Правды воспользовались формулой ордазій, выработанной въ зап.-европейской наукѣ, и распространили ее на Р. Правду, 2) играла значительную роль и ошибочная презумпція, будто бы пытка была принадлежностью разысканнаго процесса и несовмѣстима съ той состязательной формой процесса, которая господствовала въ Р. Правдѣ.

Въ Р. Правдѣ нѣтъ ни слова о судебныхъ поединкахъ. Какъ объясняется этотъ пробѣлъ памятника въ литературѣ? Проф. Ключевскій думаетъ, что составитель Р. Правды зналъ судебный поединокъ, но игнорировалъ его умышленно, не хотѣлъ признавать его. Составитель Р. Правды не сочувствовалъ судебнымъ поединкамъ, по мнѣнію Ключевского, потому что этотъ сборникъ предназначался для потребностей церковнаго суда, и самъ составитель былъ лицомъ духовнаго класса. Съ такимъ объясненіемъ согласиться невозможно. Почему обойдены молчаніемъ судебные поединки, а между тѣмъ говорится о мести, противъ которой еще больше было вооружено духовенство? Почему не выброшены изъ Р. Правды многочисленныя статьи о вирахъ и продажахъ въ пользу князя, которыя, разумѣется, не могли имѣть при мѣненія въ сферѣ церковной юрисдикціи?

¹⁾ Лит. Метр., кн. I Судныхъ дѣлъ, л. 25.

²⁾ Лит. Метр., кн. III Судныхъ дѣлъ, л. 80.

³⁾ Лит. Метр., кн. III Судныхъ дѣлъ, л. 93.

Гораздо болѣе правдоподобно то мнѣніе, котораго придерживается большинство историковъ права. Говорятъ, что судебные поединки были извѣстны въ эпоху Р. Правды; если же она молчитъ о нихъ, то это случайный недосмотръ составителя. Мнѣ кажется, что и такое объясненіе не можетъ быть принято. Процессуальная часть права разработана въ Р. Правдѣ обстоятельно. Р. Правда говоритъ о многихъ доказательствахъ по дѣламъ о побояхъ, ранахъ, убійствѣ, кражѣ, разныхъ гражданскихъ спорахъ и т. д. Значить было много поводовъ упомянуть и о поединкѣ; тѣмъ болѣе, что судебный поединокъ — не такая ужъ мелочь, которую можно бы забыть.

Мнѣ кажется, молчаніе Р. Правды о поединкахъ объясняется тѣмъ, что она возникла на территоріи Южной и Западной Руси. Здѣсь они, очевидно, были извѣстны. Ни въ законодательныхъ памятникахъ, ни въ судебныхъ рѣшеніяхъ Лит.-Русскаго государства я не нашелъ указаній на существованіе въ процессѣ поединковъ.

Я далеко не исчерпалъ всего матеріала, имѣющагося въ моемъ распоряженіи. Но и указанныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ замѣчательномъ сходствѣ Р. Правды съ обычнымъ правомъ Лит.-Русскаго государства. Въ заключеніе считаю нужнымъ еще разъ сказать, что сравненіе Р. Правды съ обычнымъ правомъ великаго княжества Литовскаго даетъ матеріалъ для опредѣленія территоріи происхожденія Р. Правды, для болѣе точнаго обозначенія ея источниковъ и для надлежащаго выясненія отдѣльныхъ ея статей. Съ моей точки зрѣнія, наиболѣе важное значеніе имѣетъ первый выводъ. Если этотъ выводъ будетъ признанъ правильнымъ, то такое признаніе отразится на всей системѣ исторіи русскаго права. Историки обыкновенно излагаютъ различные институты права сначала по Р. Правдѣ, потомъ по Псковской судной грамотѣ и, наконецъ, по Московскому законодательству. Такая послѣдовательность изложенія мнѣ кажется ошибочной. Названные памятники являются не ступенями и стадіями въ историческомъ развитіи одного и того же тождественнаго русскаго права, а выразителями различныхъ типовъ русскаго права. Р. Правда дѣйствительно служитъ исходнымъ пунктомъ въ развитіи права, но не для московскаго права и не для права новгородско-псковскаго, а для права Южной и Западной Руси, вошедшей въ составъ Лит.-Русскаго государства. У права московскаго и новгородско-псковскаго были свои начальныя точки отправленія. Поэтому мнѣ кажется, напрасно стараться соединить органическою связью и исторической послѣдовательностью порядки Р. Правды съ порядками Московскихъ Судебниковъ и Уложенія, нѣтъ также нужды обращаться къ татарскому вліянію или къ вліянію Византіи, чтобы заполнить пропасть, лежащую между ними. Не отъ Р. Правды пошло развитіе московскаго права. Р. Правда есть начальная основа Лит.-Русскаго права.

Характеръ церковнаго управленія и церковной жизни въ Донской Области въ началѣ XVIII вѣка.

В. А. Харламова.

Свѣдѣнія о церковномъ управленіи и церковной жизни Донской Области въ началѣ XVIII в., — до 1718 г., т.-е. до времени подчиненія ея воронежскимъ епископамъ, которыя имѣю честь предложить вниманію читателямъ, составлены на основаніи донскихъ дѣлъ и донскихъ книгъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Казачья община на Дону, составившаяся преимущественно изъ великороссійскихъ бѣглецовъ, живя на окраинѣ государства, служила для него въ XVII и XVIII вв. щитомъ, загоразивавшимъ русскіе города отъ набѣговъ азовцевъ, крымцевъ и ногайцевъ. Внутренняя жизнь этой общины складывалась совершенно самостоятельно и не зависѣла отъ центрального правительства. Дѣла рѣшались, смотря по ихъ характеру, либо войсковымъ кругомъ, либо станичнымъ сходомъ, на основаніи выработаннаго условіями жизни войскового права, обязательнаго для каждаго казака. Всякій, пришедшій на Донъ и ставшій казакомъ, безпрекословно долженъ былъ подчиняться войсковымъ порядкамъ, личность его сливалась въ общей жизни войска, которое въ нужныхъ случаяхъ и выступало на защиту ея. Это былъ своего рода организмъ, сильный единствомъ его частей.

Бытовые особенности жизни казачьей общины на Дону отражались и на церковномъ положеніи этого края въ ряду другихъ областей Московскаго государства, они сообщали особый отпечатокъ его церковной жизни.

Къ концу XVII в. донскіе казаки входили въ составъ Патріаршей епархіи, а съ уничтоженіемъ патріаршества завѣдываніе церковными дѣлами Донской Области сосредоточилось въ рукахъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана, митрополита Рязанскаго. На основаніи имѣющихся у насъ данныхъ мы можемъ видѣть, что церковно-административное подчиненіе Донскаго края митрополиту Стефану выражалось въ томъ, что казаки обращались къ нему съ просьбами о разрѣшеніи на постройку новыхъ и возобновленіе старыхъ церквей, о снабженіи ихъ церковной утварью и книгами и о поставленіи священниковъ.

Приговоривши какимъ-нибудь городкомъ построить церковь, казаки обращались съ челобитной сначала къ войску, въ войсковомъ кругу въ Черкасскѣ, который уже отъ себя посылалъ челобитную въ Москву, въ Посольскій приказъ и просилъ Великаго Государя учинить соответствующее распоряженіе. Такова, напр., челобитная городка Старога Айдара 1705 г.: „... а безъ твоего Великаго Государя указу и безъ благословенной грамоты настроеніе той церкви (Михаила Архангела) лѣсу ронить и валить и строить, нанявъ плотниковъ, не смѣемъ... вели Государь дать о построеніи свою Государеву грамоту и по построеніи освятить и дать антиминсъ“¹⁾. Изъ Посольскаго Приказа дѣла о построеніи церковей отсылались къ митрополиту Стефану, который и давалъ просимую грамоту. Такъ въ 1706 г. была прислана Войскомъ въ Москву челобитная Сватолуцкой станицы: „... а грамоты отъ преосвященнаго Стеана, митрополита рязанскаго и муромскаго, что лѣсъ ронить и ту церковь строить недано и они просятъ далѣе, чтобы отъ преосв. Стеана дана была благословенная грамота и позволеніе освятить церковь старостѣ поповскому Григорію.“ На этой челобитной помѣта дьяка: послать ссею челобитья к митрополиту Стеану память, велѣть одаче благословенной грамоты и опрочихъ церковныхъ вещахъ указъ учинить ему господину митрополиту²⁾. Въ Донскихъ дѣлахъ за первое десятилѣтіе XVIII вѣка находится много подобныхъ челобитныхъ о построеніи церковей³⁾.

По поводу этихъ челобитныхъ изъ Посольскаго приказа посылались указы Митрополиту Стеану, гдѣ въ стереотипной формѣ предписывалось... „и Великій Государь одаче имъ вышечисанныхъ благословенныхъ грамотъ и онтиминсовъ и сосудовъ церковныхъ и книгъ и ризъ свой Великаго Государя указъ учинить противъ прежняго тебѣ преосвященному митрополиту Стефану Резанскому и Муромскому“⁴⁾.

Кромѣ этихъ дѣлъ о строеніи церковей митрополитъ Стеанъ вѣдалъ дѣла о поставленіи на Донъ священнослужителей. Духовенство на Дону въ описываемое время частью пришлое — изъ Великоросс. епархій, частью поставлялось изъ мѣстныхъ уроженцевъ — казаковъ. Въ то время, благодаря стѣснительнымъ условіямъ въ положеніи вдоваго духовенства, очень многіе попы, чтобы избѣжать обязательнаго постриженія въ монашество, переходили на Донъ и здѣсь находили себѣ мѣста, много уходило ихъ и по другимъ причинамъ. Явившись на Донъ, такіе попы разыскивали свободныя мѣста при церквахъ и подавали станицамъ челобитныя о принятіи ихъ на эти мѣста. Съ своей стороны, чтобы узаконить этотъ переходъ, казаки обращались къ войсковой власти, которая отъ себя уже посылала челобитныя въ Москву о дозволеніи такому-то попу служить при ихъ церкви.

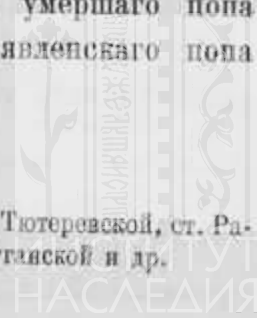
Вотъ челобитная отъ Лютинскаго городка 1706 г. „... а нынѣ Государь принели мы ктой церкви (Алексѣя Митр.) втотъ городокъ ксебѣ намѣсто умершаго пона Алексѣя инога священника Танбова города с лысыхъ горъ Богоявленскаго пона

¹⁾ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Донск. д. связ. № 23.

²⁾ Ibidem, связ. № 24.

³⁾ Таковы челобитная Бахмутской стан. 1706 г. (связ. 24). Скородумовской и Тютюревской, ст. Раменской, Бѣленской, Сиротинской 1710 г., Усть-Медвѣдичкой 1713 г., Багаевской, Лугаяской и др.

⁴⁾ Донск. д., связ. № 24.

Ермолая Евѣимова, а инъ попь Ермолай челоуѣкъ добрый и непьяница иживеть благочестно, и кой церкви Божіей и вгородкѣ и вприходѣ всѣмъ намъ былъ годенъ, а нынѣ инъ попь Ермолай у той церкви Божіей унасъ вприходѣ всякія духовныя потребы и священнодѣйствовать безтвоего Государева указу и безблагословенія Преосв. Стеѣана безоставленной и безперехожей грамотъ служить несмѣеть“... просяты дать попу Ермолаю эти грамоты. Челобитная послана митр. Стеѣану и велѣно ему дать просимыя грамоты¹⁾).

Надо полагать, что это пришлое духовенство на Дону было преобладающимъ, хотя въ описываемое время мы много видимъ челобитныхъ о поставленіи въ попы и изъ казаковъ. Дѣло въ томъ, что посылать кандидатовъ въ священники въ Москву для поставленія было очень затруднительно за дальностію разстоянія и трудностію сношеній съ Москвой. Обыкновенно чаще всего такія посылки пріурочивались къ отправленію съ Дона ежегодной зимовой станицы, тогда какъ попы изъ Великороссіи могли съѣзжать на Донъ съ легкими станицами. Кандидаты въ священники выбирались самими станицами изъ казаковъ, которые въ большинствѣ случаевъ до того времени отправляли дьячковскую или понамарскую должность.

О томъ, какимъ образомъ шло дѣлопроизводство о поставленіи въ священники, мы узнаемъ изъ многихъ челобитныхъ того времени. Вотъ одна изъ такихъ челобитныхъ: „Внынѣшнемъ 1702 г. Декабря въ 6-е писали къ Вел. Госуд. Царю и Вел. Кн. Петру Алексѣевичу здону Донскіе казаки войсковой Атаманъ Лукьянъ Максимовъ и все войско Донское, внынѣшнемъ же 1702 г. Ноября въ 10-е били челомъ ему В. Г., а имъ войску Д. вкругу словесно донскіе жъ казаки реки Сѣверскаго Донца Усть-Куидрюческаго городка Атаманъ Парѣенъ Якимовъ и всѣ того городка казаки, а всловесномъ своемъ челобитѣ имъ войску сказали, впрошлыхде годѣхъ построили они на рѣке Донце на усть рѣчке Куидрюче церковь, а втомъ же городкѣ священника у нихъ нѣтъ, и многие де жители умирають безъ покаянія, а младенцы многія времена бывають некрещены, п. ч. священника вскорѣ взять негдѣ, а есть вчеркаскомъ городкѣ въ Рыковскомъ приходѣ церковной дьячокъ Федоръ Григорьевъ и чтобъ де ему Федору дать ихъ войсковую отписку и сотпискою для поставленія его впопы отпустить кмосквѣ, а онъ де Федоръ челоуѣкъ доброй и смирной и не пьяница и во всемъ имъ Куидрюческимъ казакамъ годенъ, потому что онъ церковнаго чина, и кой церкви священнодѣйствовать желаетъ, и они де казаки, по Его В. Г. указу, а по челобитію ихъ казаковъ Парѣена стоварыщи давъ ему Федору отписку отпустили для поставленія его впопы, и Вел. Государь Царь и Вел. Кн. Петръ Алексѣевичъ указалъ того церковнаго дьячка Федора Григорьева изъ государственнаго посольскаго приказа отослать в Патріаршъ духовной приказъ и о поставленіи его во священники на Донъ Сѣверскаго Донца въ Усть-Куидрюческій городокъ свой указъ учинить тебѣ преосв. Стеѣану, митр. Резан. и Муромскому“²⁾).

¹⁾ Арх. Мин. Ин. Д. Донск. дѣла связ. № 24.

²⁾ Дон. дѣла связ. № 22/в. Такія же челобитныя станицъ: Бахмутской — 1706 г. (связ. № 23), Быстрианской — 1711 г. (связ. № 26), Скородумовской — 1712 г., Рыковской — 1714 г., Тютюревской — 1714 г.

Кромѣ удовлетворенія этихъ прямыхъ и ближайшихъ потребностей церковной жизни Донскаго казачества, высшая власть стремилась создать на Дону мѣстные органы церковнаго управленія. Но опять-таки законодательныя постановленія объ этомъ исходили не отъ церковной власти, а отъ того же Посольскаго приказа. Первая попытка такого рода относится къ 1689 г. Въ этомъ году въ указѣ Великихъ Государей еп. Воронежскому Митрофану предписывалось послать на Донъ двухъ священниковъ, которые бѣ были „Божественнаго Писанія навичны“, и вдуховномъ чину искусны, а не раскольники. Еп. Митрофанъ послалъ Воронежскаго уѣзду села Бобакова Предтеченскаго попа Илью, да г. Коротояка Архангельскаго попа Исидора, которые должны были служить на Дону годъ, а потомъ на смѣну имъ предполагалось послать другихъ. Цѣль ихъ посылки, какъ видно изъ грамотъ еп. Митрофану и Войску Донскому состояла въ томъ, чтобы „они раскольниковъ и воровъ пугали и отъ противности церковной отвращали, а казакамъ предписывалось быть къ нимъ почитательнымъ и въ заповѣдяхъ церковныхъ послушнымъ“. Священники эти дѣйствительно пробыли на Дону годъ, но выполнить имъ свое порученіе не удалось, такъ какъ во время поѣздки ихъ по Дону, въ однихъ станицахъ ихъ и въ церковь казаки не пустили, въ другихъ не пошли къ службѣ и подъ благословеніе, а изъ другихъ выгнали и угрожали побить ихъ¹⁾.

Такъ неудачно кончилась первая попытка церковной власти стать ближе къ церковной жизни казаковъ и направлять ее при помощи своихъ органовъ. На смѣну этихъ священниковъ другіе уже не посылались. Цѣль и время посылки этихъ священниковъ даютъ основаніе думать, что миссія эта вызвана извѣстнымъ дѣломъ раскольниковъ атамана Самойлы Лаврентьева, Кузешки Косога и др.

Въ дальнѣйшей исторіи церковной жизни донскихъ казаковъ мы встрѣчаемся съ новой на Дону должностью — поповскаго старосты. Какъ увидимъ ниже, обязанности этихъ старостъ совпадали съ спеціальной миссіей двухъ воронежскихъ поповъ, посланныхъ еп. Митрофаномъ.

Первымъ по времени поповскимъ старостой упоминается въ 1696 г. соборный г. Черкаска попъ Иларіонъ Ивановъ, который поставленъ былъ на эту должность патр. Адрианомъ²⁾. Какъ онъ, по выраженію актовъ, вѣдалъ надъ священниками и управлялъ духовными дѣлами, намъ неизвѣстно. Подъ 1706 г. упоминается поповскій староста Григорій. О немъ извѣстно, что казаки просили посольскій приказъ разрѣшить ему освятить нѣсколько новыхъ церквей, чтобы, какъ они выражались, намъ впредъ вдалномъ разстояніи волокиты не было³⁾.

Его смѣнилъ назначенный изъ Москвы протопопъ Федоръ Алимпіевъ. Изъ его челобитной 1713 г. видно, что онъ „по Его В. Г. указу о состояніи и утвержденіи православія христіанскіе вѣры и для охраненія отворовъ бѣглыхъ и самоставленныхъ поповъ и раскольщиковъ лживыхъ чернцовъ поставленъ на Донъ вгородъ

¹⁾ Арх. Мин. Ин. Д. Книга Донск. дѣлъ, № 15.

²⁾ Донск. д. св. 28/а.

³⁾ Донск. д. связ. № 24.

Черкасской къ соборной церкви впротопопы¹⁾). Получивши назначеніе и большія полномочія отъ высшей власти, обезпеченный годовымъ жалованьемъ въ 20 руб. денегъ и 20 четвертей муки, прот. Федоръ энергично принялся исполнять свои обязанности. По его словамъ, онъ и въ церкви и въ домахъ училъ своихъ прихожанъ жить по заповѣдямъ Господнимъ и по правиламъ церковнымъ, много разъ въ войсковомъ кругу словесно и письменно доносилъ войсковому атаману о многоженствѣ казаковъ, а имянно, говорить протопопъ, которые казаки по пяти и по шести и по семи женъ имѣли и отъ живыхъ законныхъ женъ на другихъ женились, а иные казаки женъ своихъ законныхъ другимъ продавали, а сами иныхъ брали²⁾). Но доношеній этихъ отъ него войсковой атаманъ не принималъ, и казаки дѣлали все по своимъ прихотямъ, замѣчаетъ протопопъ. Старался прот. Федоръ собирать свѣдѣнія о раскольникахъ и тѣхъ лицахъ, которые совершали у нихъ богослуженіе и вели пропаганду раскола. Въ актахъ того времени сохранились первыя донесенія поповъ о появленіи раскола среди ихъ прихожанъ³⁾).

Но среди донского духовенства того времени дѣятельность прот. Федора встрѣтила мало сочувствія, большинство имъ было недовольно, а главное противъ него вооружилась войсковая власть, и въ 1715 г. войсковой атаманъ Петръ Емельяновъ „отъ церкви Божіи безуказу Вел. Государя и безповеленія архіерейскаго и несудя ево по Донскому обычаю вкругу и не обявя вины ево передъ народомъ ево отлучилъ и служить запретилъ“⁴⁾). Въ отпискѣ войска объ удаленіи прот. Федора указывалось на то, что онъ протопопъ безъ нашей войсковой заручной челобитной и безъ нашего войскового вѣдома самовольствомъ своимъ просился на Донъ⁵⁾), что онъ совершилъ много покражъ, а въ концѣ отписки приводились „скаски 10 станицъ г. Черкаска атамановъ и казаковъ заруками тѣхъ станицъ поповъ, что онъ прот. замногие ево показанные воровства имъ не надобенъ“⁶⁾). По удаленіи изъ Черкаска онъ былъ опредѣленъ протопопомъ въ Павловскъ, а потомъ за ложныя челобитья на трехъ донскихъ атамановъ и на старшинъ сосланъ въ Соловецкій монастырь и заключенъ тамъ въ тюрьму⁷⁾).

О дѣятельности поповскихъ старостъ послѣ прот. Федора намъ ничего неизвѣстно.

Чтобы выяснитъ характеръ церковнаго управленія Донской Областью за это время, необходимо еще коснуться положенія монастырей на Дону и отношенія къ нимъ донскихъ казаковъ. Въ это время на Дону было нѣсколько монастырей, изъ которыхъ намъ извѣстны: Усть-Медвѣдицкій Преображенскій, Мигулинскій Троицкій, Азовскій Предтечевъ и Донецкая Успенская пустынь. Повидимому, монастыри должны

¹⁾ Ibid. связ. № 26.

²⁾ Ibid. связ. № 28/а.

³⁾ Донск. д. связ. № 27. Донесеніе Кобыльницкой ст. попа Іакова Поликарпова и Грыгоровской ст. попа Василія (связ. 28/а).

⁴⁾ Донск. д. связ. 28/а.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Донск. д., связ. 28/а.

⁷⁾ Ibidem.

были вѣдаться одною духовною властью, но и здѣсь мы видимъ вмѣшательство казачковъ въ распоряженія этой власти, доходящія до отрицанія ея. Когда, напр., Донецкая Успенская пустынь по просьбѣ казначея ея, монаха Романа приписана была къ Азовскому Предтечеву монастырю, и оттуда были посланы строители іеромонахи Іоаннъ и Германъ, казаки послали въ эту пустынь грамоту съ требованіемъ не принимать ихъ и приказали вѣдать ту пустынь Троицкому строителю Капитону... „а говорили де они казаки, что такихъ указовъ не слушаютъ, а слушаютъ де указъ изъ посольскаго приказа“¹⁾. Вотъ еще случай не менѣе любопытный въ этомъ отношеніи. Когда въ 1711 г. умеръ строитель Усть-Медвѣдицкаго монастыря Антоній, то старецъ этого монастыря Ѳеодосій просилъ войско назначить его строителемъ, а старца Иларіона — священникомъ. Войско послало въ Москву объ этомъ свою отписку и по распоряженію Посольскаго приказа митрополитъ Стефанъ далъ указъ о просимомъ назначеніи²⁾. Подобный же фактъ имѣлъ мѣсто и въ 1715 г. при назначеніи іеромонаха Іосифа игуменомъ въ Троицкій Мигулинскій монастырь³⁾.

Но казаки распорядились дѣлами монастырей не только тѣхъ, которые существовали на территоріи войска, но и въ построенныхъ ими Троицкомъ Борщевскомъ въ Воронежской епархіи и Шацкомъ Чернивеомъ монастырѣ. Въ Донскихъ дѣлахъ Архива Мин. Ин. Д. сохранилась интересная челобитная еп. Воронежскаго Митрофана царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ 1686 г. Челобитная эта написана по слѣдующему поводу. Игуменъ этого монастыря Корнилій вмѣстѣ съ двумя другими старцами взломалъ окно въ кельѣ строителя старца Савватѣя и вынулъ оттуда $\frac{1}{2}$ пуда свинца для церковнаго строенія. Когда черезъ Воронежъ проѣзжала станица атамана Гуды Иванова и казаки заѣхали въ Борщевскій монастырь, то старцы приказали дьячку Васкѣ Попову написать на игумена извѣстную челобитную донскимъ казакамъ (игумена и старцевъ, съ которыми онъ ломалъ окно, въ то время не было въ монастырѣ). Въ этой челобитной они указывали, что игуменъ взялъ въ Савватѣевой кельѣ всякое писмо и рухлядь. Потомъ дьячокъ Васка повинился предъ епископомъ Митрофаномъ въ своемъ проступкѣ и былъ прощенъ, а старцамъ, подписавшимъ челобитную, „по государеву указу и боярскому приговору велено учинить монастырское смиреніе — бить плетями или шелепами нещадно и сослать ихъ въ вологодскіе монастыри и держать ихъ въ тѣхъ монастырѣхъ въ монастырской работѣ, хто какую поцести можетъ, дьячку Еремкѣ Лукьянову, подписавшемуся вмѣсто монастырскихъ работниковъ, — велено учинить наказанье — на козлѣ бить кнутомъ нещадно и сослать вссылку на Колмы горы зженою и здѣтми на вѣчное житье и написать встрѣльцы“.

Далѣе въ челобитной еп. Митрофана сообщается, что въ самомъ монастырѣ жили не постриженные казаки и вмѣшивались въ управленіе монастырскими дѣлами. Въ подтвержденіе этого заявленія еп. приводитъ слѣдующіе факты. Монастырскій крестьянинъ Петрушка Митрофановъ жаловался еп., что „онъ женился во дворѣ въ

¹⁾ Донск. д. связ. № 27.

²⁾ Ibid. связ. № 26.

³⁾ Ibid. связ. № 27.

крестьянину того же монастыря Потапкъ Торлину на дочери его дѣвкѣ Анюткѣ съ животами отца своего“, что эти животы тесть его отобралъ и выгналъ его изъ дома съ женой, такъ что онъ принужденъ былъ три года таскаться межъ двора, а когда опять пришелъ къ тестю и годъ работалъ на него, тотъ ничего ему не далъ, задержалъ его жену и опять выгналъ изъ дома. За обвиняемымъ крестьяниномъ еп. Митрофанъ послалъ пристава, который возвратившись подалъ ему „дотворную скаску, что де того монастыря игумень Корниллей безъ строителя Савватѣева и безъ донскихъ казаковъ вѣдома того крестьянина съ дочерью отдать не смѣтъ, а донскіе казаки три человека сказали ему приставу — хто де тово крестьянина возьметъ и они де тово станутъ бить. Еп. во второй разъ послалъ пристава за Потапкой Торлинымъ, но казаки его не выдали, а дали ему пристава скаску зарукою, что де они донскіе казаки безъ войскового указу и до пріѣзду сМосквы войск. ат. Ивана Семенова тово крестьянина сдочерью отдать не смѣютъ. Такъ и не получилъ еп. обвиняемаго крестьянина.

Жаловался далѣе еп. Митрофанъ, что изъ того монастыря монахи безъ его вѣдома ѣздятъ на Донъ, что живущіе въ этомъ монастырѣ казаки отгоняють у Коротоячанъ дѣтей боярскихъ села Верхней Голышевки скотину и имъ же отдають ее на выкупъ, а часть оставляють себѣ, стригутъ ихъ овецъ и пр. Заканчиваетъ свою огромную челобитную еп. Митрофанъ признаніемъ, что онъ не имѣетъ возможности управлять монастыремъ при такихъ условіяхъ: „того Государи монастыри братью и монастырскихъ крестьянъ во всякихъ духовныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ отъ Донскихъ казаковъ мнѣ богомольцу Вашему вѣдать невозможно“¹⁾.

По этой жалобѣ три казака, жившіе въ монастырѣ высланы были оттуда, но не было запрещено донскимъ казакамъ пріѣзжать туда на богомолье и постригаться въ монахи.

Такимъ образомъ на основаніи выше приведенныхъ фактовъ изъ церковной жизни Донского края, можно видѣть, какой характеръ носило церковное управленіе этой областью въ описываемое время. Прежде всего нужно отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что всѣ сношенія съ высшей церковной властью велись черезъ посольскій приказъ. Пользуясь по внутреннимъ дѣламъ полнымъ самоуправленіемъ, живя по своему войсковому праву и управляясь войсковымъ кругомъ, войско по дѣламъ общегосударственнымъ сносилась съ посольскимъ приказомъ, въ этотъ же приказъ направлялись всѣ тѣ дѣла, которыя превышали компетенцію войсковой власти, какъ въ данномъ случаѣ церковныя.

Эта полная автономія казачьей общины не нравилась Московскому правительству, и оно со временъ Алексѣя Михайловича, съ 50 гг. XVII в. стремится подчинить себѣ эту вольную общину; урѣзываетъ ея права и сообразно своимъ цѣлямъ направляя ея дѣятельность. Между войскомъ и Московскимъ правительствомъ все время идетъ скрытая, упорная и подъ часъ мелочная борьба въ отстаиваніи своихъ интересовъ. Но благодаря своей политикѣ государство все болѣе и болѣе находитъ себѣ сторонниковъ въ средѣ самого казачества, что порождаетъ внутреннія неурядицы въ войскѣ, такъ какъ интересы высшаго класса казачества — большинства старшинъ

¹⁾ Книга Донск. дѣлъ № 13 л. 107 об. — 122 об.).

и домовитыхъ казаковъ — рѣзко расходятся съ пониманіемъ своихъ правъ общей массой казаковъ. Эта внутренняя борьба продолжается десятки лѣтъ, и, наконецъ, при Петрѣ разрѣшается охватившимъ всю область Булавинскимъ бунтомъ. Булавинскій бунтъ былъ послѣдней вспышкой вольнаго казачьяго духа, боровшагося за свои права. Петръ жестокими мѣрами подавилъ это возстаніе, и съ тѣхъ поръ жизнь войска потеряла свой прежній характеръ и мало-по-малу слилась съ общегосударственной. Но измѣнившись въ политическомъ отношеніи жизнь казачества надолго сохранила присущія ей особенности въ отношеніи церковномъ, вѣроятно, потому, что эта сторона жизни Дона не сталкивалась съ интересами государства.

Не только теперь, когда Донская область не была надлежащимъ образомъ включена въ составъ какой-нибудь епархіи, но и долго спустя, въ срединѣ и концѣ XVIII в., казаки по духовнымъ дѣламъ чаще обращались въ военную коллегію, чѣмъ къ епархіальному архіерею. Внутреннія же условія церковной жизни Дона — положеніе духовенства и отношеніе къ нему войсковой власти и казаковъ къ началу XIX в. остались такими же, какими они были въ началѣ XVIII в.

Духовенство на Дону въ началѣ XVIII в. было частью изъ мѣстныхъ уроженцевъ, частью пришлое — изъ Великороссіи. Назначеніе поповъ на мѣста совершенно не зависѣло отъ церковной власти, а совершалось по выбору самихъ станицъ на основаніи даваемыхъ ими этимъ лицамъ заручныхъ записей. Кромѣ послышки двухъ поповъ еп. Митрофаномъ, мы видимъ только одинъ примѣръ назначенія изъ Москвы протопопа Федора Алимпіева къ черкасскому собору и на должность поповскаго старосты. Смѣшенія донского духовенства съ высшимъ церковнымъ начальствомъ ограничивались тѣмъ, что попы во время пріѣздовъ въ Москву для поставленія въ санъ или для полученія переходныхъ и епитрахильныхъ грамотъ получали тамъ жалуемые Государемъ церковныя книги и церковную утварь¹⁾, а иногда и специально отправлялись въ Москву съ казачьими станицами съ челобитными о церковныхъ нуждахъ²⁾.

Нечего и говорить, что духовенство на Дону въ описываемое время стояло очень низко. Получая свои мѣста по приговору станицъ и съ утвержденія войсковой власти, попы находились въ полной зависимости отъ своихъ прихожанъ экономической и юридической. Они могли легко лишиться своихъ мѣстъ, разъ они становились неуютны своимъ хозяевамъ-казакамъ. Это безправное положеніе ухудшалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе пришлые попы не имѣли переходныхъ и епитрахильныхъ грамотъ, вѣроятно, по многимъ причинамъ они и не хотѣли получать ихъ, многіе вовсе были самоставцы-попы или бѣглые раскольники-чернецы. Понятно, что такое духовенство должно было дорожить расположеніемъ своей паствы, принуждено было вѣнчать ихъ отъ живыхъ женъ на другихъ, вѣнчать въ пятый, седьмой разъ, должно было служить по тѣмъ обрядамъ, какіе нравились прихожанамъ. Нѣсколько въ лучшемъ положеніи были попы и изъ мѣстныхъ уроженцевъ-казаковъ, такъ какъ хотя условія полученія мѣстъ и условія жизни были одинаковы, они, можетъ-быть, нѣсколько легче себя чувствовали, потому что въ силу своего проис-

¹⁾ Донск. д. связ. 22/б.

²⁾ Ibid. связ. 25/б.

хожденія съ дѣтства сживались съ строемъ казачьей жизни, да и казаки, падо думать, лучше къ нимъ относились, какъ къ своимъ землякамъ.

Низшее духовенство — дьячки и понамари, назначалось на мѣста одной войсковой властью и состояло въ ея полномъ распоряженіи. Всякаго дьячка войско могло потребовать на военную службу, назначить писаремъ въ станицѣ при атаманѣ и т. д. Въ такомъ положеніи они были и въ послѣдующее время. Въ дѣлахъ архива Донской духовной консисторіи есть много указовъ Синода воронежскимъ епископамъ, въ которыхъ предписывалось оставить дьячковъ и понамарей разсмотрѣнію и опредѣленію войскового правительства¹⁾. Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо Воронежскаго еп. Арсенія 1810 г. на имя войсковой канцеляріи. Извѣщая ее о посвященіи имъ нѣкоторыхъ дьячковъ въ стихари, онъ писалъ, что посвященные причетники принадлежать, какъ и прежде, войсковому распоряженію по всему, ибо де стихари даны имъ для украшенія церковнаго, а суду и распоряженію всѣхъ, и стихарные принадлежать войску Донскому, и ежели кого изъ нихъ нужно будетъ лишить мѣста или отдать въ войсковую службу, то нужно только возвратитъ еп. данную ему грамоту²⁾.

Не будетъ смѣлостью сказать, что въ началѣ XVIII в. дьячки и понамари имѣли большее значеніе въ приходской жизни, чѣмъ попы. Въ числѣ обвиненій противъ прот. Федора Алимпіева было выставлено то, что онъ безъ вѣдома понамарей входилъ въ церкви, и послѣ его ухода была обнаружена пропажа двойного червонца отъ образа Іоанна Предтечи и что онъ не сдалъ церковнаго имущества, когда ушелъ изъ Черкаска. На это протопопъ отвѣчалъ, что „церковной утвари онъ не сдавалъ потому, что ничего не принималъ, а было де все, что есть въ церкви на рукахъ по древнему ихъ обычаю упомарей и сундуки со всякою церковною поклажею, ключи церковные и сундучные и ризница, — все ввѣдѣніи у тѣхъ церковниковъ и прикладъ со св. иконъ червонные золотые и еонимки и прочіе они казаки все снимали и отдавали въхраненіе тѣмъ церковникамъ“. Точно такъ же извѣстно, что вѣнчальныя деньги по станицамъ хранились у понамарей, которые и отправляли ихъ къ войсковому атаману на церковное строеніе.

Такимъ образомъ, своеобразныя условія сношенія съ высшей церковной властью, отдаленность отъ нея и затруднительность сношеній, плохой составъ духовенства и неподготовленность его къ своему служенію, условія общественнаго строя, среди котораго приходилось ему жить и дѣйствовать, — создали такія ненормальныя отношенія между обществомъ и церковной властью, которыя впоследствии, при усиленіи этой власти, повели къ постояннымъ столкновеніямъ между ними, доходившимъ до отрицанія этой власти. Эти своеобразныя отношенія, съ одной стороны, между церковной властью и властью войсковой и обществомъ съ другой — съ особенною силою развиваются въ слѣдующій періодъ церковной жизни Донского края — во время подчиненія его воронежскимъ епископамъ (1718—1829 гг.).

¹⁾ Арх. Донск. консист. д. Черкасск. дух. правл. № 99, указъ 1795 г.; д. Хоперск. дух. правленія № 147, указъ 1785 г., д. Пятизбжанской ст. № 58 указ. 1819 г.

²⁾ Ibid д. по описи комиссіи № 42.

Войсковой архивъ Кубанскаго казачьяго войска¹⁾.

П. П. Короленко.

I.

А Р Х И В Н Ы Я З Д А Н І Я .

Одновременно съ окончательнымъ сформированіемъ войска черноморскихъ казаковъ, изъ бывшихъ запорожцевъ въ 1788 году, на Бугѣ, въ урочищѣ Васильковѣ учрежденъ былъ Войсковой кошъ, замѣнявшій собою Войсковое Правительство, подъ управленіемъ кошевого атамана этого войска и подъ ближайшимъ наблюденіемъ войскового судьи; всей перепиской управлялъ войсковой писарь, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ прочіе чины Войсковой канцеляріи.

По случаю происходившей въ то время войны съ турками, Войсковой кошъ Черноморскаго войска перемѣщался изъ одного мѣста на другое, въ виду чего кошевая канцелярія была на походномъ положеніи, и для письменныхъ дѣлъ ей не было постояннаго помѣщенія.

Въ 1790 году, когда, послѣ завоеванія у турокъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ, вся территория отъ береговъ Чернаго моря и между тѣхъ рѣкъ вверхъ по Бендерскую дорогу поступили въ распоряженіе главнокомандующаго дѣйствующею арміею, генераль-фельдмаршала, князя Потемкина, и этимъ послѣднимъ была отдана войску Черноморскому подъ поселеніе казаковъ съ ихъ семействами, тогда уже не Кошевое, а Войсковое Правительство помѣстилось въ полтавскомъ мѣстечкѣ Слободзеѣ-Руфѣ на Днѣстрѣ.

Въ слѣдующемъ, 1791 году война съ турками окончилась. Кошевой атаманъ и войсковой судья сблизились своимъ кошомъ, и всѣ ихъ письменныя дѣла, прежде заведенныя, были доставлены въ Войсковую канцелярію, гдѣ и производилась уже дальнѣйшая переписка по Войсковому Правительству, тамъ же помѣщались и рѣшенныя дѣла.

¹⁾ Для составленія настоящей записки матеріаломъ служили дѣла Кубанскаго Войскового Архива по общей описи Войскового Правительства 1800 г., Войсковой канцеляріи 1802 г. № 166, по описи Архивной канцеляріи 1877 г. № 1, 88, 1887 г. № 37, 1890 г. № 45, 1893 г. № 25, 55, 56.

По Высочайшему повелѣнію, въ 1792 году, казаки войска Черноморскаго переселены съ Днѣстра на Кубань, гдѣ имъ Императрицей Екатериной II грамотой 30 іюня того же года была пожалована Кубанская земля съ Таманскимъ островомъ.

По этому случаю Войсковая канцелярія Черноморскаго войска была переведена изъ Слободзея на Днѣстрѣ въ основанный на Кубани войсковою городъ Екатеринодаръ, куда перевезены и всѣ письменныя дѣла Войскового Правительства. Такъ какъ отдѣльнаго помѣщенія для Войскового Архива не строилось, то дѣла хранились по прежнему при Войсковой канцеляріи, для которой въ 1794 году было построено деревянное зданіе, подъ камышевой крышей, въ Екатеринодарской крѣпости.

Когда же бывшія такой постройки и другія войсковыя зданія въ названной крѣпости обветшали, а нѣкоторыя и сгорѣли, то Войсковое Правительство съ разрѣшенія Херсонскаго и Одесскаго военнаго губернатора Дюка-де Ришелье приступило къ постройкѣ новаго кирпичнаго зданія подъ желѣзною крышей для помѣщенія въ немъ Войсковой канцеляріи съ Архивомъ при ней. Постройку эту въ 1809 году взяли съ подряда Донскаго войска сотникъ Гусельниковъ и казакъ Очаковъ, но по случаю затруднительной доставки изъ-за Кубани лѣса, въ виду открывшихся военныхъ дѣйствій съ горцами и затрудненія найма рабочихъ изъ Россіи, вмѣсто предполагавшихся мѣстныхъ казаковъ, потребованныхъ для усиленія Черноморской кордонной линіи, названные подрядчики оба отказались, и постройка сказаннаго зданія приостановилась.

Тогда Войсковое Правительство открыло свой войсковою кирпичный заводъ, для постройки изъ выдѣлываемаго на томъ заводѣ кирпича зданія подъ канцелярію съ Архивомъ и другихъ помѣщеній. Постройка эта затянулась до 1815 года. Результатомъ этой затяжки вышло то, что зданіе для Войскового Архива было построено вмѣсто кирпичнаго деревянное, но только на кирпичномъ фундаментѣ подъ желѣзною крышей, и просуществовало лѣтъ пятнадцать.

Въ 1832 году Войсковая канцелярія распорядилась на мѣсто обветшавшаго архивнаго зданія выстроить новое помѣщеніе въ нынѣшнемъ городскомъ саду, сѣверо-восточной части его, вблизи р. Карасуна, тоже деревянное, на кирпичномъ фундаментѣ, подъ желѣзною крышею, мѣрою въ длину 10, а въ ширину $5\frac{1}{3}$ саж. и въ вышину $7\frac{1}{4}$ арш., по плану, составленному инженеромъ Петровымъ. Строилось это зданіе частью изъ войскового лѣса, доставленнаго изъ-за Кубани черкесами на мѣновыя двory и частью изъ старыхъ толстыхъ досокъ разобраннаго стараго Архива. Постройку эту взяли на себя азовскій мѣщанинъ Акимъ Бойковъ, по контракту, заключенному 22 сентября 1833 года, и окончилъ въ 1835 году. Въ этомъ зданіи и были помѣщены всѣ рѣшенныя дѣла Войсковой канцеляріи.

Это архивное помѣщеніе было хорошо распланировано, свѣтлое, просторное, но были нѣкоторыя неудобства: во-первыхъ, не отаплилось и въ зимнее время было весьма холодное, а во-вторыхъ, не было при немъ особаго помѣщенія для канцеляріи и сторожа.

Въ пятидесятихъ годахъ архивное зданіе понадобилось для помѣщенія въ немъ учениковъ садоводства, которыхъ началъ учить приглашенный начальствомъ садов-

никъ Екатеринодарскаго войскового сада. Въ виду этого дѣла Войскового Архива были перевезены изъ архивнаго зданія въ кирпичную казарму, находящуюся въ Екатеринодарской крѣпости; а такъ какъ въ этомъ зданіи всѣ дѣла не вмѣщались, то часть ихъ была сброшена въ боковой придѣлъ колокольни бывшаго стараго Екатеринодарскаго войскового собора, въ которой помѣщалась и караульная команда этого же собора, а часть въ пустое отдѣленіе кирпичнаго зданія, бывшаго казначейства.

Когда былъ Войскового Архивъ въ Войсковомъ саду, то тамъ все-таки при всѣхъ неудобствахъ занимался и самъ архивариусъ съ писаремъ; а съ передвиженіемъ Архива въ крѣпость, мѣста для него въ архивномъ зданіи уже не было. Поэтому архивариусъ постоянно находился въ Войсковомъ Правленіи, бывшемъ въ то время въ хорошемъ наемномъ домѣ полковника Литовскаго, выходившемъ на площадь церкви св. Екатерины, за справками же въ Архивъ, большей частью, посылался писарь, результатомъ чего было то, что требовавшіяся архивныя справки по мѣсяцамъ и цѣлымъ годамъ не удовлетворялись.

По упраздненію въ 1870 году Войскового Правленія и прочихъ учреждений въ Черноморскомъ войскѣ, когда дѣла со всѣхъ этихъ мѣстъ поступили въ Войсковой Архивъ, то для помѣщенія ихъ отведенъ былъ еще одинъ флигель въ той же крѣпости. Оба эти зданія, и нынѣ Архивомъ занимаемая, кирпичныя подъ желѣзной крышей, съ деревянными потолками и съ такимъ же поломъ въ одномъ и кирпичнымъ въ другомъ; въ третьемъ такомъ же полуфлигелѣ, отведенномъ впоследствии для архивной канцеляріи, полъ и потолокъ деревянные.

Архивныя зданія находятся далеко отъ жилыхъ помѣщеній, но совершенно не приспособлены для Архива: одно зданіе съ передней части имѣетъ двое широкихъ дверей и одно окно, защищенное внутри деревянною ставней, и хотя при закрытыхъ дверяхъ внутри свѣта не достаточно, но все-таки можно различить дѣла съ этой стороны; прочія же стороны и такого освѣщенія не имѣютъ, такъ какъ ни дверей ни оконъ тамъ нѣтъ, — если не считать окнами узенькихъ амбразуръ, пропускающихъ, при ясной погодѣ, едва замѣтный свѣтъ на пирамиды съ дѣлами, различить надписи даже на связкахъ затруднительно; другое зданіе лучше, вокругъ освѣщается окнами, съ деревянными съ внутренней стороны ставнями, но зато имѣетъ кирпичный полъ, дающій постоянно большую сырость. Въ обоихъ зданіяхъ расположеніе пирамидъ съ полками для дѣлъ крайне неудобно, въ томъ отношеніи, что нѣтъ возможности сгруппировать въ одномъ мѣстѣ подъ рядъ дѣлъ одного какого-либо учрежденія. Зданія эти не отапливаются и въ зимнее время весьма холодны, что крайне затруднительно для архивныхъ работъ.

Не говоря уже о томъ, что архивныя зданія Кубанскаго Войскового Архива не приспособлены для склада и храненія дѣлъ, они еще и тѣсны. Полки въ нихъ переполнены дѣлами, и много дѣлъ приходится складывать на полу, а еще не такъ давно прошло время, когда десятки тысячъ дѣлъ валялись на чердакѣ одного архивнаго зданія.

Заканчивая рѣчь объ архивныхъ зданіяхъ, скажу нѣсколько словъ о канцеляріи Войскового Архива. Особаго постояннаго помѣщенія для этой канцеляріи во все

время состоянія его въ вѣдѣніи войскового гражданскаго начальства не было; съ преобразованиемъ этого Архива въ 1877 году, когда онъ сталъ подвѣдомственъ Войсковому Штабу, войсковому архивариусу отводился, для зимнихъ занятій, небольшой флигель изъ войсковыхъ зданій, въ остальное же время архивныя работы производились въ самомъ Архивномъ зданіи и, только съ 1894 года, съ разрѣшенія начальства, удержалъ временное помѣщеніе для канцеляріи Войскового Архива постояннымъ.

II.

Штатъ Войскового Архива.

При существованіи Войскового Архива въ бывшемъ Войсковомъ Правительствѣ Черноморскаго казачьяго войска на Днѣстрѣ и съ 1792 года на Кубани архивариуса вовсе не было.

По переобразованіи въ 1802 году Войскового Правительства въ Войсковую Канцелярію Черноморскаго войска штатнаго архивариуса тоже не полагалось. Должность эту первый разъ занялъ одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ, полковый есаулъ Бойчевскій, по назначенію присутствія.

Какое получалъ содержаніе этотъ нештатный архивариусъ, свѣдѣній не имѣется, такъ какъ не было и прочихъ канцелярскихъ чиновниковъ штатныхъ. На содержаніе канцелярскихъ чиновъ отпускалась сумма изъ войскового капитала, которая и распределялась на уплату имъ жалованья по опредѣленію присутствія.

Въ 1842 году, по положенію о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ, Высочайше утвержденномъ 1-го іюля, когда Войсковая Канцелярія преобразована въ Войсковое Правленіе, первый разъ была открыта штатная должность архивариуса при этомъ правленіи, съ производствомъ ему содержанія по 171 руб. 45 коп. въ годъ. Въ помощь архивариусу назначался изъ строевыхъ частей одинъ грамотный нижній чинъ; а для уборки зданія и посылокъ одинъ казакъ.

По Высочайшему повелѣнію, изложенному въ указѣ Правительствующему Сенату 30 декабря 1869 года, въ слѣдующемъ году послѣдовала реорганизация всѣхъ учреждений въ Кубанскомъ, — переименованномъ изъ Черноморскаго, — казачьемъ войскѣ. Войсковое Правленіе переименовано въ Войсковое Хозяйственное Правленіе; въ вѣдѣніи его осталась одна только хозяйственная часть; прочія же дѣла, до гражданскаго вѣдомства относящаяся, перешли въ открытое Кубанское Областное Правленіе. Тогда же послѣдовалъ для Войскового Хозяйственнаго Правленія новый штатъ 1 августа 1870 года, Высочайше утвержденный, по которому въ числѣ прочихъ значится и архивариусъ, съ положеннымъ содержаніемъ: жалованья 300 руб., столовыхъ 200 руб. съ квартирными и на прислугу деньгами на общемъ положеніи.

Когда послѣ реорганизации войсковыхъ учреждений въ Кубанскомъ войскѣ, въ 1870 году, въ Войсковое Хозяйственное Правленіе поступила масса рѣшенныхъ дѣлъ бывшихъ въ войскѣ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, военнаго

и гражданского вѣдомства, строевыхъ частей прежняго состава въ войскѣ и даже нѣкоторыхъ регулярныхъ полковъ и Линейныхъ баталіоновъ въ предѣлахъ Кубанской области находившихся, то неизбежно возникъ вопросъ, что дѣлать съ этимъ архивнымъ кладомъ, разобрать который и привести въ порядокъ, при существовавшихъ въ Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи средствахъ, не представлялось никакой возможности.

По обсужденіи этого вопроса войсковое начальство пришло къ заключенію, что для приведенія въ порядокъ тѣхъ дѣлъ и дальнѣйшаго ихъ храненія необходимо имѣть особый отъ Войскового Хозяйственнаго Правленія Архивъ. О чемъ и было сдѣлано представленіе по начальству.

По этому ходатайству послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Кубанскомъ казачьемъ войскѣ Войскового Архива. О чемъ объявлено въ приказѣ по Военному Вѣдомству 19 января 1877 года, подъ № 23. Приказъ этотъ слѣдующаго содержания: „Высочайше утвержденнымъ 4 января текущаго года положеніемъ Военнаго Совѣта постановлено: 1) Войсковой Архивъ Кубанскаго казачьяго войска передать въ вѣдѣніе Войскового Штаба за исключеніемъ дѣлъ Войскового Хозяйственнаго Правленія, которыя хранить попрежнему въ Архивѣ этого Правленія. 2) Для завѣдыванія Войсковымъ Архивомъ учредить должность войскового архиваріуса и его помощника, сравнивъ первую по окладу содержанія, классу, по чинопроизводству и разряду на пенсіи съ ассессорами, а вторую съ младшими дѣлопроизводителями Войскового Хозяйственнаго Правленія. 3) При Войсковомъ Архивѣ имѣть двухъ писарей съ содержаніемъ по 180 рублей въ годъ каждому, безъ всякихъ другихъ отъ войска довольствій. 4) На канцелярскіе расходы, отопленіе и освѣщеніе Архива, помѣщаемаго въ Войсковомъ зданіи, отпускать по 200 руб. въ годъ; для найма же двухъ сторожей 240 руб. въ годъ“.

Такъ какъ по этому положенію штатнаго содержанія архиваріусу и его помощнику не было указано, то таковое отпускалось имъ по чинамъ, въ которыхъ они состояли, примѣняясь къ тѣмъ офицерскимъ окладамъ, какіе существовали въ строевыхъ частяхъ войска.

Въ 1893 году изданъ сводъ штатовъ для казачьихъ войскъ, по которымъ опредѣлено въ Кубанскомъ войскѣ: архиваріусу въ годъ жалованья 630 руб., столовыхъ 420 руб., классъ должности VIII, разрядъ пенсій VI. Его помощнику жалованья 300 руб., столовыхъ 200 руб., классъ должности X, разрядъ пенсій VIII. На наемъ прислуги архиваріусу 100 руб., его помощнику 50 руб. На содержаніе двухъ писарей ¹⁾ полагается отпускать архиваріусу 360 руб. На канцелярскіе расходы, отопленіе и освѣщеніе 200 руб.; для найма двухъ сторожей 240 руб. въ годъ.

Вся эта сумма отпускается и расходуется по назначенію самимъ Войсковымъ Штабомъ, которому подчиненъ Войсковой Архивъ.

¹⁾ Кромѣ двухъ штатныхъ писцовъ, въ Войсковой Архивъ по временамъ Войсковымъ Штабомъ прикомандировывались 1—2 нижнихъ чина для письменныхъ занятій, изъ которыхъ и теперь состоитъ ва-лицо одинъ писецъ и одинъ переплетчикъ архивныхъ дѣлъ.

III.

Образованіе Архива въ Черноморскомъ войскѣ.

За время существованія Войскового Правительства Черноморскаго казачьяго войска на Днѣстрѣ въ 1787—1791 гг. особаго Архива для храненія войсковыхъ дѣлъ не существовало, они находились въ канцеляріи войскового Коша въ вѣдѣніи войскового писаря, а частью при походныхъ канцеляріяхъ Кошевого атамана и войскового судьи, съ переходомъ же Черноморскаго войска въ 1792/3 году съ Днѣстра на Кубань, всѣ производившіеся и рѣшенныя дѣла были сгруппированы въ одной канцеляріи Войскового Правительства. Здѣсь порядокъ веденія дѣлъ нѣсколько измѣнился. Въ войсковой канцеляріи, попрежнему именовавшейся Войсковымъ Правительствомъ, находившемся въ основанномъ тогда же войсковомъ городѣ Екатеринодарѣ, производились дѣла по внутреннему управленію войска, а по военной части дѣла находились въ Атаманской канцеляріи.

Въ такомъ положеніи находилось письменное дѣлопроизводство въ Черноморскомъ войскѣ до учрежденія въ немъ по Высочайшему повелѣнію 1800 года Войсковой канцеляріи въ видѣ Губернскаго Правленія. Формировалъ эту канцелярію присланный Государемъ генераль-лейтенантъ Кироевъ. Онъ раздѣлилъ бывшее Войсковое Правительство на экспедиціи, начальники которыхъ представляли собою членовъ Войсковой канцеляріи, первоприсутствующимъ которой былъ самъ Кироевъ; вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ войсковой атаманъ.

При группировкѣ дѣлъ для дальнѣйшаго ихъ производства Кироевъ распорядился всѣ оконченныя до того времени дѣла сдать на храненіе одному канцелярскому чиновнику, назначенному архиваріусомъ; ему же сдано 228 дѣлъ изъ атаманской канцеляріи.

Съ этого собственно и началъ образовываться особый войсковой Архивъ, бывший сначала при Войсковой канцеляріи въ одномъ помѣщеніи, а съ 1835 года перешедшій, какъ сказано уже выше, въ особо устроенное архивное зданіе.

Въ 1842 году всѣ дѣла, бывшія на рукахъ исполнявшаго обязанность архиваріуса, въ упраздненной Войсковой канцеляріи, перешли въ вѣдѣніе штатнаго архиваріуса.

Съ теченіемъ времени въ Архивъ сдавались уже всѣ рѣшенныя дѣла разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, когда отъ времени окончанія ихъ проходило не меньше десяти лѣтъ, а до того времени хранились въ мѣстахъ ихъ производства.

Особенно увеличился Войсковой Архивъ тогда, когда въ него начали поступать дѣла не только названныхъ мѣстъ Черноморіи, но и изъ шести бригадъ бывшаго Кавказскаго линейнаго войска, присоединенныхъ къ Черноморскому войску, при переименованіи его, по Высочайшему повелѣнію, въ 1860 году въ Кубанское.

Въ 1870 году по Высочайшему повелѣнію, данному Правительствующему Сенату, послѣдовала реорганизація всѣхъ военно-административныхъ учреждений въ Кубанскомъ войскѣ, изъ которыхъ упраздненныя учрежденія представили всѣ свои оконченныя дѣла для сдачи ихъ въ Войсковой Архивъ. Дѣла эти, собственно говоря, никѣмъ не сдавались въ Архивъ и никѣмъ не принимались, такъ такъ они поступали не прямо въ Архивъ, а въ распоряженіе Войскового Хозяйственнаго Правленія, которое заботилось только о томъ, чтобы помѣстить ихъ въ закрытомъ мѣстѣ впредь до особаго распоряженія.

Всѣ такого рода дѣла поступили чрезъ нѣсколько лѣтъ въ особо открытый въ 1877 году Войсковой Архивъ подъ вѣдомствомъ Войскового Штаба Кубанскаго казачьяго войска; прежній же Архивъ съ его архивариусомъ остался при Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи для однихъ только его дѣлъ, а по упраздненіи этого учрежденія и послѣднія дѣла сданы въ тотъ же Войсковой Архивъ.

Изъ архивныхъ дѣлъ не видно, чтобы до 60-хъ годовъ на улучшение порядка въ немъ обращалось какое вниманіе начальства или самихъ архивариусовъ за время состоянія Архива въ вѣдѣніи Войскового Правленія.

Знакомство автора настоящей записки съ Архивомъ началось съ начала 50-хъ годовъ, и хотя не было особой надобности входить подробно въ порядокъ архивныхъ занятій, но твердо помнится, что сѣдой усатый архивариусъ Левченко и его писарь Юрко, руководствуясь однѣми сдаточными архивными описями, занимались выдачами разнаго рода справокъ изъ Архива, по требованіямъ начальства.

При личномъ знакомствѣ съ архивариусомъ Левченко авторъ не разъ былъ свидѣтелемъ замѣчательной памяти *Юрка*, когда онъ, не заглядывая въ описи, разыскивалъ на архивныхъ полкахъ разнаго рода старыя дѣла, припоминая не только мѣсто нахожденія ихъ, но даже годъ и форму дѣлъ, которыя онъ вытягивалъ изъ связокъ и подавалъ своему, не менѣе памятливому, архивариусу, занимавшему эту должность съ іюля 1842 по 1867 г.

Это было еще въ томъ архивномъ зданіи, которое было въ нынѣшнемъ городскомъ саду, когда же дѣла Архива перевезены оттуда въ Екатеринодарскую крѣпость, и здѣсь были разбросаны въ разныхъ помѣщеніяхъ, то о какихъ-нибудь архивныхъ работахъ, въ смыслѣ улучшения порядка въ немъ, и рѣчи быть не могло; самъ архивариусъ занимался не въ Архивѣ, а въ Войсковомъ Правленіи и не имѣлъ ни времени ни возможности сдѣлать что-нибудь полезное для порученнаго ему Архива; тѣмъ болѣе, что онъ, кромѣ архивариуса, занималъ должность еще и журналиста, на обязанности котораго было слѣдить за перепиской докладовъ въ дневные журналы, вести имъ очереди и порядокъ подачи въ присутствіе на подпись членовъ и председателя.

Насколько мнѣ извѣстно до шестидесятыхъ годовъ, въ Архивъ Черноморскаго войска поступали на храненіе тѣ только рѣшенные дѣла, которыя оставались послѣ реорганизаціи Войсковыхъ Управленій, по особымъ положеніямъ. Дѣла эти сдавались въ Архивъ по описямъ за разные годы, и по мѣрѣ принятія ихъ складывались на полки архивнаго зданія.

Никакихъ архивныхъ работъ, кромѣ выдачи справокъ по требованіямъ начальства, архиваріусомъ не производилось, да и средствъ къ тому не было. Для одного архиваріуса, съ малограмотнымъ писцомъ, едва доставало времени наводить справки по дѣламъ разныхъ учреждений, не подобраннымъ подъ годы и разбросаннымъ по разнымъ полкамъ архивнаго зданія, по мѣрѣ ихъ принятія въ Архивъ.

Затрудненіе, въ этомъ случаѣ, для успѣшныхъ архивныхъ занятій было большое, но оно было терпимо.

Большое накопленіе дѣлъ въ Архивѣ, тѣсное для нихъ помѣщеніе и прочія неудобства въ храненіи дѣлъ и пользованіе ими вызвали надобность въ пересмотрѣ и уничтоженіи части тѣхъ архивныхъ дѣлъ, которыя не представляли по своему содержанию надобности въ дальнѣйшемъ ихъ храненіи. Для этого по распоряженію Войскового Правленія была образована Комиссія изъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Чумакова.

Не могу положительно сказать, были ли составляемы этой Комиссіей разсмотрѣннымъ дѣламъ описи, или нѣтъ,—видно только, что Комиссіей дѣлались размѣтки на обложкахъ дѣлъ: „уничтожить“, „оставить“.

Въ это время я посѣщалъ частнымъ образомъ Архивъ для извлеченія изъ дѣлъ онаго историческихъ матеріаловъ, и когда увидѣлъ, что многія дѣла по Военской Экспедиціи Войсковой канцеляріи, заключающія въ себѣ важные документы по исторіи Черноморскаго войска предназначены Комиссіей къ уничтоженію, то дабы не допустить до этого, подалъ начальнику Войскового Штаба Кубанскаго войска докладную записку объ оставленіи на храненіи въ Архивѣ всѣхъ дѣлъ названной Военской Экспедиціи. О чемъ и сдѣлано было соответствующее распоряженіе.

По этому ли моему заявленію, или по другому соображенію, только Архивная Комиссія была упразднена, и всѣ дѣла, ею пересмотрѣнныя, остались въ Архивѣ въ прежнемъ положеніи.

Вскорѣ послѣ этого, и именно въ 1870 году, послѣдовали преобразованія войсковыхъ учреждений въ Кубанскомъ войскѣ, въ томъ числѣ изъ нихъ и Войскового Правленія, изъ котораго выдѣлена хозяйственная часть войска и изъ нея открыто Войсковое Хозяйственное Правленіе.

Въ это время рѣшенныя дѣла изъ всѣхъ упраздненныхъ войсковыхъ частей поступили въ Архивъ Войскового Хозяйственнаго Правленія, и ихъ было такъ много, что не могли вмѣститься въ одномъ архивномъ зданіи. Поэтому доставляемыя изъ округовъ въ Архивъ дѣла на подводахъ сваливались кучами на полъ, складывались на чердакъ или сбрасывались въ подвалъ, находившійся подъ зданіемъ Войскового Хозяйственнаго Правленія, гдѣ они отъ сырости покрывались плѣсенью и гнили.

На это обратилъ вниманіе назначенный архиваріусомъ Войскового Хозяйственнаго Правленія сотникъ Гавриленко по донесенію его въ маѣ 1872 года. Правленіе это вошло въ сношеніе съ Войсковымъ Штабомъ, отъ котораго были командированы одинъ штабъ- и два оберъ-офицера, составившихъ Комиссію для разбора дѣлъ въ Архивѣ, которая въ слѣдующемъ году приступила къ разсмотрѣнію архивныхъ дѣлъ и раздѣленію ихъ на подлежащіе разряды къ храненію и уничтоженію.

Въ октябрѣ 1873 года предсѣдатель Комиссiи, войсковой старшина Камянской представилъ въ Войсковое Хозяйственное Правленіе вѣдомость, по которой показали дѣла, назначенныхъ къ храненію, всего только 1826, а къ уничтоженію 25298, записанныхъ въ 112 описей. Нужно полагать, что цифры эти взяты изъ сдаточныхъ описей, особенныхъ же описей разсмотрѣннымъ дѣламъ Комиссiей, вѣроятно, не составлялось.

Всѣ признанныя къ уничтоженію дѣла по разнымъ описямъ были свалены въ кучи въ погребѣ, бывшій подѣ домомъ, занимаемый Войсковымъ Хозяйственнымъ Правленіемъ, гдѣ они продолжали въ сырости гнить. Въ августѣ 1874 года тотъ же архивариусъ донесъ объ этомъ Войсковому Хозяйственному Правленію и присовокупилъ, что по многимъ дѣламъ, предназначеннымъ Комиссiей къ уничтоженію, требуются справки, которыхъ онъ не можетъ въ кучахъ отыскать. На это послѣдовала подлежащей власти резолюція: „тѣ дѣла считать уже какъ бы уничтоженными, и справокъ по нимъ не давать“.

Переполненіе дѣлами Архива Войскового Хозяйственнаго Правленія и неустройство его положенія вызвало ходатайство войскового начальства объ открытіи особаго Войскового Архива въ Кубанскомъ казачьемъ войскѣ, въ который передать всѣ дѣла, скопившіяся въ Архивѣ названнаго Правленія, для которыхъ нѣтъ помѣщенія и не имѣется средствъ привести ихъ въ надлежащій порядокъ.

Ходатайство это удостоилось Высочайшаго утвержденія, и въ 1877 году, какъ сказано уже выше, учрежденъ Войсковой Архивъ, существующій и въ настоящее время.

IV.

Открытіе новаго войскового Архива.

Войсковой Архивъ открытъ въ 1877 году, и въ томъ же году приказомъ по Кубанскому казачьему войску 1-го марта былъ назначенъ войсковымъ архивариусомъ подполковникъ Лазарь Ѳедоровичъ Черный. Этотъ штабъ-офицеръ, служившій въ разныхъ штабахъ и правленіяхъ, отличался безпримѣрнымъ трудолюбіемъ и считался хорошимъ дѣльцомъ по письменной части и, даже, въ послѣднее время занималъ должность помощника начальника Войскового Штаба. Вступивши въ новую должность, Черный съ особенной энергіей приступилъ къ принятію дѣлъ, поступившихъ на храненіе въ Войсковой Архивъ, которыя Войсковое Хозяйственное Правленіе поручило своему архивариусу коллежскому секретарю Гавриленку сдать Черному по описямъ, за исключеніемъ тѣхъ только дѣлъ, которыя принадлежали тому Правленію.

Подлежавшія къ сдачѣ въ Войсковой Архивъ дѣла въ то время были, какъ доносилъ Черный, свалены въ кучи: а) большая часть въ одномъ пустомъ флигелѣ съ землянымъ поломъ, б) часть на потолокѣ штабной типографіи, в) въ амбарѣ, находившемся во дворѣ Хозяйственнаго Правленія, г) въ флигелѣ во дворѣ Управленія Екатеринодарскаго Отдѣла и, наконецъ, д) въ въ подвалѣ подѣ зданіемъ, занимае-

мымъ Хозяйственнымъ Правленіемъ, гдѣ было свалено въ кучу примѣрно воевъ 20, предназначенныхъ, бывшею предъ тѣмъ Комиссіей, къ уничтоженію.

Трудная задача выпала на долю Чернаго изъ такихъ бумажныхъ залежей формировать Войсковой Архивъ. Помѣщенія для склада архивныхъ дѣлъ указано не было, объ Архивной канцеляріи, гдѣ бы можно было заниматься приѣмкой и приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ, и рѣчи не было; канцелярскихъ припасовъ не отпускалось; помощникъ архиваріуса и писаря не назначались, сторожей не было. Все это нужно было испросить и установить.

Подполковникъ Черный началъ съ того, что докладомъ, поданнымъ начальнику Войскового Штаба 9-го марта, испрашивалъ позволенія занять подъ Войсковой Архивъ помѣщенія бывшего Войскового острога, находившагося въ концѣ города между р. Карасуномъ и войсковымъ садомъ; а до того, съ вѣдома начальства, временно занялъ для приѣмки дѣлъ оказавшійся въ то время свободнымъ въ Екатеринодарской крѣпости флигель бывшего цейхгауза Екатеринодарскаго войскового госпиталя. По этому представленію въ занятіи острога подъ Войсковой Архивъ отказано, а вмѣсто онаго наказный атаманъ разрѣшилъ оставить подъ этотъ Архивъ тотъ флигель бывшего цейхгауза, который уже раньше Чернымъ былъ занятъ.

Получивши помѣщеніе для Войскового Архива, Черный вытребовалъ изъ Войскового Штаба канцелярскіе припасы, устроилъ на отпущенныя изъ войска деньги пирамиды въ Архивныхъ зданіяхъ для склада дѣлъ и принялся энергично за приѣмку ихъ, хотя и безъ помощника, но уже съ писарями и сторожемъ, но при этомъ, на первыхъ порахъ, встрѣтилъ затрудненія въ томъ, что архиваріусъ Войскового Хозяйственнаго Правленія Гавриленко, будучи занятъ своими дѣлами, рѣдко являлся для сдачи дѣлъ, а между тѣмъ, вслѣдствіе отданнаго начальникомъ Штаба циркуляра 16-го апрѣля объ открытіи дѣйствій Войскового Архива и объ обращеніи присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ за справками по войсковыхъ дѣламъ въ этотъ Архивъ, начали поступать съ разныхъ мѣстъ запросы по дѣламъ, которыя еще и приняты не были. Все это валилось на однѣ руки Чернаго. Этотъ энергичный архиваріусъ, преодолевая всякаго рода трудности, продолжалъ приѣмку дѣлъ самъ по силѣ и возможности.

Принимая дѣла покуда по старымъ испачканнымъ, ветхимъ и изорваннымъ описямъ, Лазарь Ѳедоровичъ намѣревался по окончаніи приѣмки разсортировать дѣла какъ требуется закономъ по разрядамъ, написать имъ новыя описи, по формамъ военнаго вѣдомства установленнымъ, частныя для каждаго учрежденія и отдѣленія и общую всѣмъ вообще дѣламъ по алфавиту въ хронологическомъ порядкѣ. Но такому похвальному желанію не суждено было осуществиться; да если бы ему и удалось начать составленіе новыхъ описей, то все равно для окончанія ихъ жизни бы его не стало, такъ какъ всѣхъ архивныхъ дѣлъ по приблизительному исчисленію значилось по 783 старымъ описямъ болѣе двухсотъ семи тысячъ.

Достойнѣйшій архиваріусъ независимо составленія сказанныхъ новыхъ описей мечталъ еще архивныя дѣла раздѣлить по предметамъ на три части, по особымъ описямъ, въ которыя внести: 1) „О переселеніи запорожцевъ на подаренную на Кубани землю съ наименованіемъ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ; учрежденіи въ войскѣ

правительственныхъ мѣстъ и лицъ, заведеніи войскового хозяйства; о пожалованіи разныхъ регалій войску; усиленіи войска переселенцами изъ малороссійскихъ губерній и вообще о томъ, что относится до отдаленнаго времени начала и устройства войска Черноморскаго“. 2) „Объ устройствѣ кордонной линіи по Кубани, войны съ горцами, разныхъ значительныхъ и мелкихъ происшествіяхъ, случавшихся отъ черкесовъ на кордонной линіи и за Кубанью въ бывшихъ тамъ укрѣпленіяхъ; о дѣлахъ, дѣйствовавшихъ за Кубанью отдѣльныхъ отрядовъ, временъ бывшихъ войсковыхъ атамановъ: Чепѣги, Головатаго, Котляревскаго, Бурсака, Матвѣева, комадовавшихъ здѣсь генераловъ Власова и Сысоева, атамана Безкровнаго и другихъ до послѣдняго времени“. Въ эти описи Черный полагалъ вносить дѣла изъ разныхъ связей и учреждений, какія будутъ подходить въ намѣченные разряды. Остальныя же дѣла вносить въ описи тѣхъ учреждений, въ которыхъ они производились.

Уже отъ этого одного плана формировація Войскового Архива видно, что Лазарь Ѳедоровичъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность изучить содержаніе если не самыхъ дѣлъ, то хотя предметовъ, въ нихъ заключавшихся, и это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что при многосложныхъ занятіяхъ по приему дѣлъ въ Архивъ и выдачѣ изъ онаго многихъ разнообразныхъ справокъ, онъ за такое короткое время успѣлъ ознакомиться съ своимъ Архивомъ, хотя еще тысячи дѣлъ были навалены и еще не разобраны; еще болѣе нужно удивляться, что онъ не только намѣтилъ планъ составленія архивныхъ описей, но и занялся уже составленіемъ первыхъ двухъ самыхъ интересныхъ въ военно-историческомъ отношеніи, чему служатъ доказательствомъ черновыя тѣхъ описей, писанныя карандашомъ его рукою, въ которыхъ покойникъ вносилъ содержаніе дѣлъ, но безъ объясненія тѣхъ описей, откуда онъ ихъ списывалъ, и безъ всякихъ номеровъ; очевидно, онъ дѣлалъ выборку изъ старыхъ описей въ той надеждѣ, что впоследствии самыя занесенныя въ черновыя дѣла будутъ въ его рукахъ, и тогда онъ будетъ ихъ формировать въ связки по разрядамъ, въ алфавитномъ порядкѣ, съ надлежащими номерами.

Неизбѣжно является вопросъ: когда же онъ все это дѣлалъ, будучи занятымъ постоянно въ положенное время приѣмкой дѣлъ и канцелярской работой. На это я отвѣчу — ночью. Да! Я Лазаря Ѳедоровича хорошо зналъ и служилъ еще при немъ въ Войсковомъ Правленіи, когда онъ занималъ тамъ должность начальника Хозяйственной Экспедиціи, называясь тогда ассессоромъ. Помню хорошо, что онъ, кромѣ дневныхъ занятій, приходилъ въ свою Экспедицію поздно вечерами и нерѣдко просиживалъ за бумагами за полночь, — тѣмъ подчиненные ему канцелярскіе чиновники и писаря, утомленные обычными повседневными занятіями, сильно тяготились.

Какъ ни крѣпокъ и дѣятеленъ былъ Черный по своей должности, но непосильный, да еще безъ помощника, трудъ сломилъ и этого желѣзнаго человѣка, и онъ уже 6 іюля 1878 года, изложивъ въ своемъ рапортѣ въ Войсковой Штабъ тѣ затрудненія, какія онъ встрѣчаетъ при приѣмкѣ архивныхъ дѣлъ, запросивъ назначеніе Комиссіи, для разбора всѣхъ дѣлъ, поступившихъ въ Архивъ, которая подъ его предсѣдательствомъ разобрала бы всѣ дѣла на подлежащіе разряды, которыя изъ нихъ слѣдовало оставить на время или навсегда, а которыя уничтожить.

Такъ какъ въ Архивъ было передано много дѣлъ, бывшихъ на потолкѣ зданія Войскового Правленія, предназначенныхъ прежней еще Комиссiей къ уничтоженію, то являлся серьезный вопросъ, можно ли было безъ пересмотра ихъ вновь уничтожить; на это архивариусъ не рѣшался, изъ опасенія, что, быть можетъ, между ними были и такія дѣла или въ нихъ отдѣльные документы, которые безусловно подлежали храненію. Всѣмъ этимъ предстояло заняться Комиссiи, такъ какъ архивариусу не было времени разсматривать дѣла по существу ихъ содержанія.

Представленіе архивариуса о назначеніи Комиссiи не было удовлетворено, и около 25000 дѣлъ, назначенныхъ къ уничтоженію, оставались въ прежнемъ положеніи. Не надѣясь на возможность ихъ пересмотра, архивариусъ Черный 9 ноября 1881 года просилъ разрѣшенія продать ихъ съ аукціона, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которыя онъ, разсматривая по временамъ, отобралъ къ храненію въ Архивѣ, — высказавъ при этомъ, что безъ особой Комиссiи не было никакой возможности ему одному разобратъ въ архивныхъ дѣлахъ, хотя въ это время и былъ уже назначенъ ему помощникъ сотникъ Образъ.

Въ это время Черный не просилъ уже назначенія Комиссiи, а только указывалъ, что она могла бы быть для Архива полезна, при тѣхъ только условіяхъ, если бы члены Комиссiи занимались одними только архивными дѣлами, подъ руководствомъ архивариуса, не отвлекаясь отъ этихъ занятій другими служебными порученіями.

Такъ протекло пять лѣтъ со времени открытія Войскового Архива. Ни одно предположеніе архивариуса о порядкѣ формированія этого Архива по намѣченнымъ описямъ не было приведено въ исполненіе. Новыхъ описей ни тѣхъ ни другихъ не составлялось и самъ онъ бросилъ свой трудъ составленія вчернѣ описи дѣлъ, по разрядамъ, какъ выше было сказано. Продолжавшаяся приемка по старымъ описямъ продолжалась и занимала все его служебное время.

Наконецъ, начальство убѣдилось, что самому архивариусу не справиться съ Войсковымъ Архивомъ, въ смыслѣ приведенія его въ извѣстность и порядокъ. 12 іюля 1882 года, № 89, послѣдовалъ приказъ по Войсковому Штабу о назначеніи въ Войсковой Архивъ Комиссiи, да сразу не одной, а двухъ изъ офицеровъ строевыхъ частей, одну для разбора дѣлъ Архива прежняго времени, начиная съ 1788 года а другую для дѣлъ позднѣйшихъ годовъ, по порядку. Обѣ Комиссiи были подчинены не войсковому архивариусу, какъ компетентному въ архивномъ дѣлѣ лицу, и не одному стороннему предсѣдателю, а двумъ строевымъ штабъ-офицерамъ — первая войсковому старшинѣ Безсымикину, а вторая подполковнику Чернику; самого же архивариуса Чернаго начальникъ Штаба Залѣсскій означеннымъ приказомъ поставилъ въ зависимость отъ этихъ Комиссiй, требованія которыхъ онъ долженъ былъ исполнять въ точности, и только. Комиссiи эти были снабжены пространной инструкціей, изложенной въ сказанномъ выше приказѣ № 89: какъ они должны разбирать и разсматривать архивныя дѣла, какъ составлять имъ *собственноручно* реестры, гдѣ ставить въ этихъ реестрахъ номера, а гдѣ нули¹⁾.

¹⁾ Нули должны были ставиться на тѣхъ дѣлахъ, которыя не подлежали храненію.

Для занятій обѣихъ Комиссій отведено помѣщеніе въ зданіи Войскового Штаба, куда по требованіямъ членовъ Комиссій архиваріусъ долженъ былъ доставлять сче- томъ на воловыхъ подводахъ изъ Архива дѣла, съ рабочими казаками, наряжаемыми изъ войсковой мастерской и такъ же принимать ихъ обратно разсмотрѣнными въ Архивѣ.

Такимъ распоряженіемъ была убита пятилѣтняя работа войскового архиваріуса. Безпорядокъ увеличивался въ Войсковомъ Архивѣ еще и тѣмъ, что дѣла изъ него требовались членами Комиссій разныхъ учреждений и вѣдомствъ по разнымъ описямъ и разныхъ годовъ въ виду того, что по инструкціи предписывалось одной Комиссіи разсматривать дѣла самыхъ старыхъ годовъ, а другой среднихъ лѣтъ. А такъ какъ членовъ Комиссій было много, то и требованія были разностороннія: одинъ членъ требуетъ часть дѣлъ конца XVIII столѣтія, другой — по той же описи, съ половины XIX вѣка за нѣсколько времени впередъ и т. д.; дѣла же промежуточныхъ годовъ оставались въ Архивѣ до новыхъ требованій или вовсе не требовались. Вообще Комиссіями дѣла требовались частями и также возвращались. Поэтому всякій счетъ дѣлъ по описямъ терялся; притомъ всѣ дѣла, поступившія въ Архивъ обратно, немисливо было разбирать въ Архивѣ и раскладывать на полки по старымъ опи- сямъ, такъ какъ они имѣли уже другую комиссійскую нумерацію и къ тѣмъ дѣламъ, которыхъ часть оставалась еще на мѣстѣ до новыхъ требованій, не подходили; тѣмъ болѣе, что Комиссіи разсматривали дѣла по двумъ періодамъ и каждый членъ ставилъ въ составляемомъ имъ реестрѣ свои номера или доли. Въ виду этого нужно было ожидать окончанія всѣхъ реестровъ, чтобы по нимъ дѣлать сводъ номеровъ перваго и втораго періода, подбирать вновь разъединенныя дѣла по годамъ и потомъ уже укладывать ихъ на архивныя полки да и то еще нужно было выдѣлять особо дѣла, награжденныя членами Комиссіи полями. Но и въ этомъ случаѣ еще встрѣ- чалось затрудненіе въ томъ, что по инструкціи члены одной только первой Комиссіи выдѣляли дѣла, признанныя къ уничтоженію; члены же другой Комиссіи номеровали всѣ разсмотрѣнныя дѣла подъ рядъ.

При небрежномъ доставленіи дѣлъ на возахъ простыми рабочими-казаками, они оказывались разбитыми, изорванными, съ сорванными оболочками и ярлыками; ка- заки при навалѣ на возы и свалкѣ изъ нихъ не щадили этого ненужнаго для нихъ бумажнаго хлама.

Не вдаваясь въ критическую оцѣнку дѣйствій означенныхъ выше Комиссій по существу ихъ занятій, разстроившихъ и тотъ порядокъ въ архивныхъ дѣлахъ, какой былъ въ Архивѣ до ихъ назначенія, я однако позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: офицеры были назначены въ Комиссіи прямо изъ строя, безъ всякой подготовки къ сложнымъ архивнымъ работамъ. Быть можетъ, члены эти желали принести своими трудами пользу Войсковому Архиву, но не могли, по не- зависимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Кто же могъ знакомить ихъ съ довольно важными по своему существу предметами архивной службы, кто могъ указать имъ порядокъ самыхъ занятій и разъяснять тѣ недоразумѣнія, которыя они постоянно могли встрѣчать въ незнакомомъ имъ дѣлѣ службы? — Предсѣдатели Комиссій, а ихъ

было два, и оба строевые; а если председатели сами чего недоумѣвали, то кто имъ уже долженъ былъ разъяснить и указывать порядокъ?... Начальникъ Войскового Штаба! Да! По инструкціи, председатели Комиссіи во всѣхъ затрудненіяхъ обязаны были докладывать ему и испрашивать разъясненія. Но мыслимы ли были подобнаго рода доклады, надобность въ которыхъ нерѣдко могла встрѣчаться каждый день. Начальникъ Войскового Штаба настолько имѣетъ много по своей должности заботъ, что беспокоить его всякими недоумѣніями, встрѣчающимися постоянно въ занятіяхъ Комиссій — просто было невозможно.

Единственнымъ руководителемъ членовъ Комиссіи въ архивныхъ занятіяхъ могъ быть войсковой архивариусъ, а безъ его указаній и надзора труды Комиссій для Архива не принесли никакой пользы.

Я не говорю уже о самой сути работъ Комиссій по опредѣленію разрядовъ разсмотрѣнныхъ ими архивныхъ дѣлъ, т.-е. какія изъ нихъ нужно было хранить временно, или навсегда и какія уничтожить, — которыя, къ счастью, выйдя изъ рукъ Комиссій, остались безъ результата. Это наука важная; и патентованному архивисту не всякому поддается. Что же можно было требовать на этотъ счетъ отъ строевыхъ офицеровъ?

Теперь обратимъ взглядъ на самый составъ Комиссіи. Сначала было назначено девять человекъ, — считая, въ томъ числѣ, двухъ председателей и семь членовъ; затѣмъ изъ нихъ по времени нѣкоторые выбывали на другую службу, — бросая все то, что было ими начато, не доводя до конца ту часть дѣла, которая ими была востребована изъ Войскового Архива; на мѣсто ихъ прибывали другіе члены, или вовсе не назначались и некому было продолжать занятія выбывшаго, итакъ, одинъ за другимъ члены удалялись отъ занятій архивными дѣлами, и къ началу 1844 года изъ нихъ оставалось при своихъ занятіяхъ только три человека. Комиссіи эти, назначенныя приказомъ по Штабу, сами собой закрывались постепенно безъ всякаго приказа.

Охарактеризовавъ, на сколько было возможно, дѣятельность по службѣ перваго архивариуса Войскового Архива Кубанскаго казачьяго войска, полковника Чернаго, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о личномъ характерѣ этого человека. Покойный Лазарь Ѳедоровичъ былъ великій труженикъ, но какъ по своему, быть можетъ, тяжелому характеру или по какимъ-другимъ обстоятельствамъ не пользовался должнымъ уваженіемъ въ Войсковомъ Штабѣ. Отъ этого всѣ его ходатайства, бывшіе на бумагѣ, мало имѣли успѣха. Его начальство понуждало о скорѣйшемъ приведеніи въ порядокъ Архива, онъ отписывался; отписки эти мало обращали на себя вниманія начальствующихъ лицъ, которыя снова побуждали его къ усиленной архивной дѣятельности, и Лазарь Ѳедоровичъ напрягалъ всѣ силы свои на работу, но не могъ достигнуть того, чего желалъ и чего требовало начальство. Послѣднее, убѣдившись, что самъ архивариусъ не можетъ выполнить всѣхъ требованій по службѣ, не слѣдуя его мнѣнію, высказанному въ сказанномъ докладѣ, назначаетъ Комиссіи, которыя переворачиваютъ, вверхъ дномъ, разобранныя уже и сложенныя на полки хоты по старымъ описямъ дѣла. Лазарь Ѳедоровичъ видѣлъ, что труды его по Архиву не цѣнятся и даже уничтожаются, не выдерживаетъ, подаетъ въ отставку въ началѣ 1884 года и выходитъ изъ Архива.

V.

Новыя работы по Архиву.

Опредѣленный на мѣсто полковника Чернаго новый войсковой архивариусъ, войсковой старшина Василій Степановичъ Вареникъ былъ человѣкъ письменный, занимавшій во время своей службы разныя выдающіяся должности и въ военныхъ штабахъ и въ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства. Я раньше служилъ съ нимъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ стараго состава, и могу свидѣтельствовать, что этотъ человѣкъ былъ трудолюбивый и весьма заботился о порядкѣ и успѣхѣ въ дѣлопроизводствѣ.

Принявъ Войсковой Архивъ въ свое вѣдѣніе, Василій Степановичъ добросовѣстно принялся за занятія по Архиву. Безъ опредѣленнаго плана, онъ частью держался взглядовъ своего предмѣстника, частью слѣдовалъ инструкціи бывшимъ Комиссіямъ; въ общемъ же не слѣдовалъ ни тому ни другому, а велъ дѣло, какъ и слѣдовало, по своему усмотрѣнію. Его желаніе было скорѣе составить описи всѣмъ архивнымъ дѣламъ и, такъ сказать, показать товаръ лицомъ, но это ему не давалось. Дѣла въ Архивѣ были въ крайнемъ безпорядкѣ, разбиты, разорваны, многія безъ оболочекъ и ярлыковъ на связкахъ, нынѣ лежали на полкахъ, другія валялись на полу, нѣкоторыя были еще не растюкованы въ рогожанныхъ куляхъ; кромѣ этого, много дѣлъ, какъ оказались, было брошено членами Комиссій въ помѣщеніи ихъ прежнихъ занятій и тамъ валялись безъ всякаго надзора. Вареникъ, узнавъ объ этомъ, распорядился забрать ихъ въ Архивъ, куда и были доставлены въ самомъ живописномъ безпорядкѣ; а сколько ихъ тамъ погибло, нельзя было знать.

При такомъ положеніи въ Архивѣ нечего было и думать о составленіи описей дѣламъ прежде ихъ разборки и провѣрки. Вареникъ, желая ускорить въ приведеніе въ порядокъ Архива, началъ, за однимъ разомъ, разбирать дѣла и вписывать ихъ въ описи по вѣдомствамъ и учрежденіямъ, частью съ реестровъ Комиссій, частью со старыхъ сдаточныхъ описей, а то и съ натуры.

При такомъ порядкѣ составленія описей встрѣчались большія затрудненія: хотя Вареникомъ и писались новыя описи въ хронологическомъ порядкѣ, но ему по необходимости приходилось измѣнять хронологію и номерацію дѣлъ, то добавлять въ описи находившіяся впоследствии дѣла, которыя своевременно не были вписаны въ опись, то исключать, которыя не оказывались налицо; или же приходилось находить много невписанныхъ дѣлъ, тогда онъ заносилъ ихъ въ другую часть описи, за тѣ же разные годы, которые занесены уже въ первую часть, но при этомъ ставилъ въ описи и на дѣлахъ опять новую номерацію.

Покойный Василій Степановичъ не могъ не сознавать, что такія описи не годятся для благоустроеннаго Архива, но настойчиво продолжалъ свою работу, которая дѣйствительно была не бесполезна хоть въ томъ отношеніи, что подобранныя по этимъ описямъ дѣла и уложенныя въ связкахъ на архивныя полки все же доступнѣе были для розыска и пользованія, чѣмъ валявшіяся еще не въ разобранномъ видѣ.

Такими трудами занимались всѣ служащіе въ Войсковомъ Архивѣ штатные чины и прикомандированные офицеры, составлявшіе остатки бывшихъ Комиссій.

Такъ прошло болѣе двухъ лѣтъ. Наконецъ, Вареникъ въ докладѣ своемъ начальнику Штаба, 29 сентября 1886 года, выяснивъ положеніе Архива, заявилъ, что для того, чтобы привести его въ порядокъ, нужно назначить не менѣе десяти офицеровъ, съ тѣмъ чтобы они занимались архивными работами не иначе какъ только подъ его руководствомъ; дѣйствовавшія же Комиссії онъ признавалъ не нужными. Нечего и говорить, что представленіе его осталось безъ послѣдствій. Но непредвидѣнное обстоятельство дало другое направленіе въ дѣлахъ Войскового Архива.

2 января 1877 года, разразившеюся бурей, сорвало на архивномъ зданіи крышу, и сильнымъ вѣтромъ, ворвавшимся во внутрь зданія, повредило много не убранныхъ еще дѣлъ, для приведенія которыхъ въ порядокъ, Войсковой Штабъ, приказомъ 7-го числа того же мѣсяца, назначилъ четырехъ офицеровъ въ вѣдѣніе войскового архивариуса, съ тѣмъ чтобы онъ распредѣлялъ между ними архивныя работы по своему усмотрѣнію, и руководилъ бы самъ ихъ занятіями.

Съ такимъ составомъ прикомандированныхъ офицеровъ войскового архивариусъ, при штатномъ своемъ помощникѣ, принялся за приведеніе архивныхъ дѣлъ въ порядокъ. До самаго ноября мѣсяца прикомандированные офицеры занимались разборкой и уборкой бумажнаго хлама. Когда же наступило холодное время и занятія въ неотапливаемомъ зданіи были невозможны, то Вареникъ поручилъ имъ составлять реестры дѣламъ, по инструкціи бывшимъ Комиссіямъ. Эта работа, какъ уже извѣстно, сама по себѣ была ненужная, но если въ реестры вносились дѣла съ натуры, а не изъ старыхъ описей, то она могла быть полезною въ томъ отношеніи, что изъ нихъ можно было бы, со временемъ, писать успѣшнѣе новыя описи дѣламъ. имѣя въ виду, что они дѣйствительно имѣются въ Архивѣ.

Успѣхъ архивныхъ занятій прикомандированныхъ офицеровъ былъ самый скромный. Всѣ они были назначены только на время, и потому въ самое удобное для занятій время требовались въ лагерные сборы, а по окончаніи лагерей начальники ихъ частей еще задерживали при себѣ, и только чрезъ нѣкоторое время одни изъ нихъ вновь являлись на службу въ Архивъ, а другіе получали другое назначеніе по службѣ, на мѣсто послѣднихъ прибывали въ Архивъ новые офицеры и т. д.

Понятно, что при такихъ отрывочныхъ занятіяхъ офицеровъ въ Войсковомъ Архивѣ не много можно было сдѣлать. Когда же Вареникъ засадилъ ихъ за составленіе реестровъ дѣламъ и донесъ объ этомъ Штабу 6-го ноября, то черезъ 20 дней получилъ предписаніе, чтобы всѣхъ офицеровъ откомандировать въ свои части для несенія другой службы.

Впослѣдствіи Войсковой Штабъ присылалъ еще въ Войсковой Архивъ офицеровъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ и еще съ меньшей устойчивостью, чѣмъ въ первый годъ; доходило до того, что иногда за занятіями въ Архивѣ оставался только одинъ офицеръ или и того не было.

Войсковое начальство, убѣдилось наконецъ, что временныя занятія въ Войсковомъ Архивѣ перемѣнныхъ офицеровъ мало приносятъ пользы. Въ виду этого по его

представленію Военный Совѣтъ журналомъ 12 сентября 1891 года положилъ: для письменныхъ занятій въ Войсковомъ Архивѣ Кубанскаго казачьяго войска назначить изъ числа льготныхъ полковъ, 2-й очереди и пластунскихъ баталіоновъ трехъ оберъ-офицеровъ.

Этого только и нужно было желать. Такіе офицеры могли служить въ Войсковомъ Архивѣ по 2—3 года постоянно, если не встрѣчалось на откомандированіе ихъ особыхъ обстоятельствъ. Они замѣняли собою нѣкоторымъ образомъ какъ бы штатныхъ чиновъ.

Съ этого времени работы въ Войсковомъ Архивѣ пошли успѣшнѣе. Назначенные Войсковымъ Штабомъ офицеры для письменныхъ занятій въ Войсковомъ Архивѣ занимались приведеніемъ въ порядокъ неубранныхъ дѣлъ и разборомъ бумажнаго хлама, образовавшагося послѣ сказанной выше бури и другихъ случаевъ, подъ руководствомъ архиваріуса, который съ помощникомъ своимъ исполняли разныя по справкамъ требованія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, и писали новыя описи архивнымъ дѣламъ, подбиравшимися офицерами по учрежденіямъ и вѣдомствамъ.

Новыхъ архивныхъ описей Васи́лемъ Степановичемъ къ концу 1892 года было составлено много, и по нимъ дѣла были подобраны въ связки и уложены на архивныя полки. На сколько эти описи удовлетворяли своему названію по вѣрности и полнотѣ, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Къ концу этого года Василий Степановичъ былъ уже настолько боленъ, что слегъ въ постель и уже не всталъ; въ началѣ слѣдующаго года онъ сошелъ въ могилу.

VI.

Архивныя работы по плану.

Высочайшимъ приказомъ 17 января 1893 года, на мѣсто генерала Вареника, былъ назначенъ архиваріусомъ Войскового Архива Кубанскаго казачьяго войска надворный совѣтникъ П. П. Короленко.

Вступивъ въ отправленіе должности, Короленко нѣсколько времени посвятилъ на обзоръ ввѣреннаго ему Архива и ознакомился съ производившимися въ немъ работами.

Въ архивныхъ помѣщеніяхъ найдено много дѣлъ, еще не убранныхъ и не занесенныхъ въ описи. Такихъ дѣлъ на потолкѣ одного флигеля оказалось около 20.000.

Продолжать далѣе составленіе архивныхъ описей такъ, какъ онѣ писались до сего времени, признано бесполезнымъ; все равно онѣ не годились для благоустроеннаго Архива, потому не послѣдовательному и случайному занесенію въ нихъ дѣлъ, какъ уже выше сказано, по такимъ описямъ нельзя было опредѣлить ни вѣрности, ни числа дѣлъ, изъ которыхъ могли оказаться такія, которыхъ налицо совсѣмъ уже не было, или такія, которыя нашлись, но не были своевременно занесены въ описи, въ прежніе годы. Поэтому ни номерація, ни хронологія не могли быть вѣрной.

Кромѣ этого много встрѣчалось въ Архивѣ отрывковъ старыхъ дѣлъ, въ которыхъ оказывались бумаги весьма важныя въ историческомъ отношеніи о жизни и военныхъ

подвигахъ запорожцевъ еще въ XVIII столѣтіи. Изъ этихъ бумагъ, по тщательномъ ихъ разсмотрѣніи архивариусомъ, представилась возможность образовать цѣлыя дѣла по предметамъ ихъ содержанія за разные старые годы, которыя тоже слѣдовало занести въ описи раньше уже вписанныхъ другихъ дѣлъ.

Въ виду всего этого архивариусъ Короленко составилъ планъ для архивныхъ занятій въ слѣдующемъ порядкѣ:

А) Пересмотрѣть общими силами служащихъ въ Архивѣ всѣ положительно дѣла, какія хранятся въ Архивныхъ зданіяхъ отъ перваго до послѣдняго, разсмотрѣть и раздѣлить ихъ на два разряда: къ храненію и уничтоженію. Затѣмъ, по мѣрѣ хода работъ, составлять описи, преимущественно послѣднимъ, которыя представлять на утвержденіе начальства, и съ разрѣшенія его продавать ненужныя дѣла и тѣмъ освобождать мѣста въ тѣсныхъ архивныхъ помѣщеніяхъ и разъ навсегда покончить съ этимъ разрядомъ дѣлъ.

Б) Очистивъ Архивъ отъ ненужнаго бумажнаго хлама, начать разборку остальныхъ дѣлъ, подлежащихъ храненію, по разнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, сколько таковыхъ окажется въ наличности, подбирая ихъ въ связки одно за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ по каждому вѣдомству и учрежденію и провѣряя наличность какъ по сдаточнымъ, такъ и составленнымъ уже Вареникомъ описямъ.

Послѣ окончанія всей этой работы В) приступить къ составленію описей всѣмъ дѣламъ, подобраннымъ и провѣреннымъ по вѣдомствамъ и учрежденіямъ, какія въ дѣйствительности окажутся.

Представивъ такія соображенія въ докладѣ 20 февраля 1893 года начальнику Войскового Штаба Кубанскаго войска, затѣмъ Войсковою архивариусъ приступилъ къ архивнымъ занятіямъ по означенному выше плану.

Пошла изъ года въ годъ работа въ Войсковомъ Архивѣ грязная отъ разборки пыльныхъ и заплѣсневѣлыхъ дѣлъ, темная — такъ какъ на показъ нечего было выставлять, но зато не требовавшая повторенія, она шла медленно, но двигалась постепенно впередъ. Многія дѣла, признанныя офицерами къ уничтоженію и записанныя въ опись, разсматривались всесторонне лично самимъ архивариусомъ и пускались въ продажу тѣ только, которыя ни въ справочномъ, ни въ научномъ отношеніи не представляли интереса.

Одновременно съ этой работой временами одинъ офицеръ занимался составленіемъ описи дѣламъ, въ которыхъ имѣются послужные списки офицеровъ съ 1797 года, а такихъ дѣлъ въ Архивѣ оказалось около 1000 томовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ составлялись именныя алфавиты тѣмъ офицерамъ, которые значились въ тѣхъ же послужныхъ спискахъ, съ обозначеніемъ, въ какомъ томѣ и году, и въ какомъ чинѣ они значатся. Такіе алфавиты въ Архивѣ имѣютъ важное значеніе, такъ какъ облегчаютъ розыскъ послужныхъ списковъ офицеровъ по требованіямъ войскового начальства.

Пересмотрѣна также и разобрана масса книгъ старыхъ законовъ, разныхъ положеній, правительственныхъ постановленій и приказовъ, которые хранятся въ Архивѣ; часть изъ нихъ по разрѣшенію начальства продана, а остальная подобрана и сложена по описи въ порядкѣ.

VII.

Порядокъ уборки и храненія дѣлъ.

По мѣрѣ хода архивныхъ работъ всѣмъ дѣламъ разныхъ учреждений и вѣдомствъ, признаннымъ безусловно къ уничтоженію, писались описи, представлялись въ Войсковой Штабъ, которымъ по разсмотрѣніи передавались въ Кавказскій Военно-Историческій Отдѣлъ, и оттуда уже окончательно разсмотрѣнныя возвращались обратно въ Штабъ, и симъ послѣднимъ присылались въ Войсковой Архивъ для уничтоженія по этимъ описямъ самыхъ дѣлъ. Въ Архивѣ дѣла эти разрывались на части, продавались съ аукціоннаго торга на пуды, и вырученныя деньги отправлялись въ казначейство, для зачисленія въ Войсковой доходъ.

Въ 1900 году послѣдовало распоряженіе начальства о приостановленіи продажи дѣлъ, признанныхъ къ уничтоженію, и теперь тѣ, которыя еще не уничтожены, хранятся по написаннымъ имъ описямъ, особо отъ дѣлъ, подлежащихъ къ храненію.

Всѣ дѣла Войскового Архива, признанныя къ храненію по окончаніи провѣрки ихъ отъ перваго до послѣдняго по вѣдомствамъ и учреждениямъ, вписывались въ хронологическомъ порядкѣ въ описи *общія* или *частныя*; въ первыя вносились тѣ дѣла, которыя значились прежде въ разныхъ описяхъ одного и того же учрежденія или вѣдомства, подъ разными только названіями, такъ, напримѣръ: Войсковое Правительство, Войсковая канцелярія, Войсковое Правленіе и Войсковое Хозяйственное Правленіе. Это одно и то же учрежденіе, но только въ теченіе времени переименовывалось; въ послѣднія же заносились тѣ дѣла, которыя не имѣли такихъ дѣлений.

Число записанныхъ въ описи дѣлъ при семъ прилагается¹⁾.

Всѣ дѣла, сформированныя въ связки и записанныя въ описи, складываются по порядку на архивныя полки, особо по каждому вѣдомству и учрежденію.

Самое древнее дѣло по этимъ описямъ въ Войсковомъ Архивѣ 1783 года, оно заключаетъ въ себѣ посемейные списки запорожцевъ, поднавшихъ послѣ послѣдняго разоренія ихъ Сѣчи въ крѣпостную зависимость къ помѣщикамъ, а далѣе начинаются дѣла съ 1787 года и идутъ постепенно годъ за годомъ до настоящаго времени.

Кромѣ такихъ дѣлъ, особо важныхъ отдѣльныхъ документовъ или предметовъ древности и искусства въ Войсковомъ Архивѣ не имѣется.

Приемъ въ этотъ Архивъ рѣшенныхъ дѣлъ, поступающихъ отъ упраздненныхъ войсковыхъ учреждений, должностныхъ лицъ и изъ Войскового Штаба, продолжается.

VIII.

Утрата архивныхъ дѣлъ отъ разоренія и принятіе мѣръ къ сохраненію таковыхъ въ другихъ хранилищахъ.

Большая утрата дѣлъ Войскового Архива происходила вслѣдствіе неоднократныхъ перевозокъ архивныхъ дѣлъ съ одного мѣста на другое и небрежное обращеніе

¹⁾ Приложение, лит. А. В.

съ ними при такомъ передвиженіи со стороны простыхъ рабочихъ казаковъ, — о чемъ подробно сказано уже выше въ настоящей запискѣ. Исключительное же разореніе Войскового Архива произошло 2 января 1887 года, когда сильною бурей съ грозой сорвало желѣзную крышу съ стропилами на одномъ архивномъ зданіи, гдѣ не было потолка. Страшный вихрь, врываясь сверху въ это зданіе, выхватывалъ дѣла наверхъ и, крутя въ воздухѣ, разносилъ ихъ по всей крѣпостной площади западной стороны, бросалъ въ р. Кубань и переносилъ листы даже черезъ эту рѣку на Закубанскую сторону. Вытребованной командой казаковъ разбросанныя бурей дѣла и бумаги собирались и сваливались въ то же разрушенное зданіе, прикрытое сверху наскоро госпитальными палатками, а потомъ оттуда всѣ уже дѣла перевезены и свалены въ одинъ войсковой флигель, на той крѣпостной площади бывшій. При такой спѣшной перевозкѣ и въ такое еще время года, когда буря свирѣствовала и на другой день, много дѣлъ разбито и разорвано, а сколько ихъ погибло въ волнахъ Кубани и Закубанскихъ заросляхъ, и счета нѣтъ.

Когда разоренное архивное зданіе было исправлено, то началось новое перетаскиваніе дѣлъ изъ одной кучи временнаго въ другую кучу постояннаго для нихъ помѣщенія, и въ этомъ только послѣднемъ началась разборка уцѣлѣвшихъ дѣлъ и бумажнаго хлама въ отрывкахъ и отдѣльныхъ листахъ, какъ сказано уже выше.

Не мало дѣлъ погибло въ станичныхъ правленіяхъ Кубанскаго войска, частью отъ небрежнаго храненія или уничтоженія ихъ безъ должнаго указанія, а частью отъ огня погорѣвшихъ зданій тѣхъ правленій. По докладу автора настоящей записки Войсковымъ Штабомъ сдѣлано распоряженіе о принятіи мѣръ къ сохраненію станичныхъ дѣлъ, описи которыхъ предъявляются въ Войсковой Архивъ на разсмотрѣніе Войсковому архивариусу, какія изъ дѣлъ слѣдуетъ хранить и какія уничтожить.

По тому же докладу собраны и переданы въ Войсковой Архивъ остатки дѣлъ, разбросанныхъ по станичнымъ правленіямъ, упраздненныхъ бригадъ бывшаго Кавказскаго линейнаго войска, присоединенныхъ къ войску Кубанскому.

По представленію сего же автора ведется переписка съ Одесскимъ Архивомъ о передачѣ въ Кубанскій Войсковой Архивъ дѣлъ тѣхъ упраздненныхъ казачьихъ войскъ, казаки которыхъ впоследствии вошли въ составъ Черноморскаго казачьяго войска, нынѣ именующагося Кубанскимъ.

IX.

Мѣры и средства улучшенія Архива.

Настоящее помѣщеніе Кубанскаго Войскового Архива, какъ и выше было сказано, состоитъ изъ двухъ флигелей для склада дѣлъ и третьяго — для Архивной канцеляріи. Всѣ эти зданія разбросаны одно отъ другого на далекое разстояніе такъ, что одно изъ первыхъ находится въ сѣверо-западномъ углу крѣпостной площади, другое — въ юго-западномъ; кромѣ этого одно отъ другого закрыто рядомъ другихъ войсковыхъ зданій.

Такое расположеніе архивныхъ зданій крайне неудобно во многихъ отношеніяхъ: первое — архивариусъ не можетъ слѣдить за архивными работами, иной разъ производимися одновременно во всѣхъ зданіяхъ; второе — на передвиженіе дѣлъ изъ архивныхъ зданій въ канцелярію и обратно, что происходитъ постоянно, теряется много времени, а перевозимыя дѣла подвергаются порчѣ, когда вѣтеръ рветъ листы, а снѣгъ или дождь мочитъ ихъ, и третье — при недостаткѣ сторожей, удаленныя отъ ихъ помѣщенія при архивной канцеляріи, архивныя зданія остаются безъ всякаго надзора, особенно то, которое совсѣмъ закрыто другими постройками и находится въ самомъ опасномъ мѣстѣ вблизи порохового погреба.

Самыя архивныя зданія, сырыя, холодныя и темныя, внутри совсѣмъ не пригодны для храненія архивныхъ дѣлъ, не говоря уже о беспорядочномъ расположеніи въ нихъ архивныхъ полокъ, на которыхъ складываются дѣла.

Зданіе для канцеляріи Архива тоже неудобно, не говоря уже о сырости при низкихъ отъ земли полахъ и сквозныхъ трещинахъ въ стѣнахъ, оно низко, имѣетъ мало воздуха; при всемъ этомъ самое расположеніе комнатъ крайне невыгодно. Флигель этотъ раздѣленъ на двѣ отопляемыя половины, соединяющіяся чрезъ холодныя сѣнцы, изъ которыхъ двери выходятъ прямо на дворъ, закрытый дощатымъ тамбуромъ. При постоянныхъ во время занятій переходахъ изъ одной половины въ другую, съ непокрытой головой, чрезъ холодныя сѣнцы, нерѣдко съ открытыми наружу дверьми, служащіе подвергаются простудѣ, а отъ сырости наживаютъ ревматизмъ въ ногахъ; если же идетъ переборка старыхъ дѣлъ и неизбежная архивная пыль изъ дѣлъ поднимается вверхъ, то при тѣсныхъ комнатахъ и дышать затруднительно.

Чтобы устранить всѣ эти неудобства, необходимо выстроить по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства и согласно съ условіями закона на этотъ предметъ, спеціально изложеннаго въ 1-й части 2-го тома Общ. губернскаго учрежденій, теплое архивное зданіе, въ которомъ могли бы вмѣститься съ удобствомъ расположенія всѣ дѣла Войскового Архива, находящіяся теперь въ двухъ архивныхъ зданіяхъ. При новомъ архивномъ зданіи пристроить свѣтлое и просторное помѣщеніе для канцеляріи Архива и сторожей, раздѣливъ комнаты такъ, чтобы изъ кабинета архивариуса выходили двери въ смежныя комнаты, для удобнаго наблюденія за занятіями служащихъ въ Архивѣ, помѣстивъ съ одной стороны комнату для тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, кто бы пожелалъ здѣсь заниматься извлеченіемъ матеріаловъ изъ архивныхъ дѣлъ съ научной цѣлью; при чемъ изъ этой комнаты долженъ быть одинъ только выходъ — чрезъ кабинетъ архивариуса.

Обращаясь затѣмъ къ служащимъ въ Войсковомъ Архивѣ, нельзя не замѣтить, что штатное число ихъ весьма ограничено. Если въ настоящее время всѣ дѣла въ этомъ Архивѣ разобраны, провѣрены, разложены по описямъ на архивныя полки и такимъ образомъ, можно сказать, приведены въ порядокъ, то это еще не все сдѣлано для этого богатаго содержаніемъ Архива, описательная часть его еще не тронута и не изучена; если же къ этому приступить къ составленію именныхъ и предметныхъ алфавитовъ всѣмъ архивнымъ дѣламъ, то такая работа затянется на

весьма долгое время и потребуетъ внимательныхъ трудовъ и сообразительности тѣхъ лицъ, кто этимъ будетъ заниматься; особенно важенъ алфавитъ предметный, требующій полного знакомства съ каждымъ дѣломъ, а ихъ въ Архивѣ сотни тысячъ.

Въ виду всего этого въ интересахъ Войскового Архива полезно было бы увеличить его штатъ, замѣнивъ всѣхъ прикомандированныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ штатными.

По моему мнѣнію, штатъ Войскового Архива слѣдовало бы увеличить противъ нынѣ существующаго, въ такомъ составѣ:

Войсковой архивариусъ	1
Помощники архивариуса {	
старшій	1
младшихъ	3
Писцовъ {	
старшаго разряда	2
младшаго разряда	3
Переплетчиковъ	2
Сторожей наемныхъ	3

Распределение занятій въ Архивѣ будетъ зависѣть отъ архивариуса, но приблизительно слѣдовало бы одному младшему помощнику съ писцомъ старшаго разряда поручить наведеніе тщательныхъ справокъ по архивнымъ дѣламъ, которыя съ каждымъ годомъ увеличиваются; другому младшему помощнику поручить вѣдать хозяйственную часть Архива и наблюдать за занятіями нижнихъ чиновъ, въ видѣ экзекутора. Особенно въ архивномъ дѣлѣ весьма важна укладка обратно въ связки вынутыхъ дѣлъ, — для этого требуется особенное вниманіе, разъ дѣло вложено неправильно, тогда при новомъ требованіи трудно уже отыскать дѣло, если его не окажется на своемъ мѣстѣ; предметъ этихъ занятій слѣдовало бы поручить одному изъ двухъ старшихъ писцовъ подъ наблюденіемъ того же завѣдующаго экзекуторскою частью. Остальные старшій и два младшихъ помощника должны заниматься дѣлами по указанію архивариуса; а дѣла въ Архивѣ окажется много, и пройдетъ не мало времени, покуда возможно будетъ приступить за описаніе содержанія архивныхъ дѣлъ и изученія по нимъ отдѣльныхъ предметовъ по примѣру столичныхъ архивовъ.

Х.

Заключеніе.

Войсковой Архивъ Кубанскаго казачьяго войска весьма богатъ содержаніемъ дѣлъ. Онъ непохожъ на губернскіе Архивы, гдѣ жизнь населенія текла обычнымъ порядкомъ. Архивъ этотъ возникъ первоначально на турецкой землѣ между рр. Бугъ и Днѣстръ, завоеванной русскими въ 1787—1791 годахъ; основанъ онъ старыми запорожцами, образовавшими изъ себя Ея Императорскаго Величества войско вѣрныхъ Черноморскихъ казаковъ, въ традиціяхъ былаго Запорожья, съ которыми по окончаніи съ турками войны это войско перешло и на Кубань, тоже бывшую татарскую

землю, опустѣвшую отъ кочевыхъ нагайцевъ за 8 лѣтъ предъ переходомъ на оную Черноморскихъ казаковъ, ушедшихъ съ этой земли.

Какъ на Днѣстрѣ, такъ и на Кубани Войсковое Правительство казаковъ, сформированное, какъ уже выше сказано, по обычному праву и преданію предковъ своихъ запорожцевъ, не имѣя въ руководство дѣйствовавшихъ русскихъ законоположеній, должно было заботиться о составленіи собственныхъ законовъ для управленія войскомъ въ военномъ и гражданскомъ быту.

Болѣе ста лѣтъ прошло со времени образованія Архива, который хранить у себя дѣла по исторіи военныхъ дѣйствій Черноморскихъ и потомковъ ихъ Кубанскихъ казаковъ, начиная съ 1787 года; здѣсь же была по административнымъ распоряженіямъ войскового начальства, особо ярко выразившимся при казачьемъ населеніи опустѣвшей Бугско-Днѣстровской и совершенно пустой Кубанской земли, по заведенію войскового и частнаго хозяйства, торговли и промысловъ; въ дѣлахъ сего же Архива хранится богатый матеріалъ по этнографіи населенія, народномъ просвѣщеніи, церковномъ устройствѣ и прочимъ предметамъ, достойнымъ изученія на окраинѣ Русскаго государства.

ВѢДОМОСТЬ

общихъ описей дѣламъ, просмотрѣннымъ и оставленнымъ на храненіе въ Войсковомъ Архивѣ Кубанскаго казачьяго войска.

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
1	Общая опись дѣламъ Кошевыхъ и Войсковыхъ Атамановъ Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) и Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска	—	Съ 1783 по 1899	
2	Общая опись по Управленію Черноморской Кордонной линіи	2487	Съ 1820 по 1865	
3	Общая опись дѣламъ Войскового Дежурства и Войскового Штаба Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска, Часть I	5821	Съ 1822 по 1860	
4	Общая опись дѣламъ Войскового Дежурства и Войскового Штаба Кубанскаго казачьяго войска. Часть II	4129	Съ 1860 по 1871	
5	Общая опись дѣламъ Войскового Правительства и Войсковой Канцеляріи Черноморскаго казачьяго войска. Войскового Правленія и Войскового Хозяйственнаго Правленія Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска. Часть I	2544	—	
6	Общая опись дѣламъ Войскового Правительства и Войсковой Канцеляріи Черноморскаго казачьяго войска Войскового Правленія и Войскового Хозяйственнаго Правленія Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска. Часть II	6984	Съ 1842 по 1859	

№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
7	Общая опись Черноморской береговой линіи 1) Начальника Черноморской береговой линіи. 2) Фанагорійскаго Военнаго Начальника. 3) Анапскаго Комендантскаго Управленія. 4) Новороссійскаго Комендантскаго Управленія.	3608	Съ 1838 по 1859	
8	Общая опись учебныхъ заведеній. 1) Войсковой гимназій. 2) Екатеринодарскаго уѣзднаго училища. 3) Полтавскаго Окружнаго училища. 4) Уманскаго Окружнаго училища.	5810	Съ 1804 по 1896	
9	Общая опись дѣламъ поступившимъ въ Войсковой Архивъ отъ Полковыхъ Правленій бригадъ 2-й а) Полковаго Правленія. б) Начальника 5 уч. Кубанскаго полка. в) Командира 2-й бригады. г) Младшаго офицера Кубанскаго полка. д) Командующаго 1-мъ Кубанскимъ полкомъ. е) Начальника 5 сотеннаго участка бригады 5-й. ж) Отраднаго Управленія. з) Командира 5-й бригады. і) Полковаго Правленія 5-й бригады. к) Полковаго Правленія 3-й бригады. л) Полковаго Правленія 7-й бригады.	1189	Съ 1850 по 1877	
10	Общая опись дѣламъ Артиллеріи Черноморскаго казачьяго войска 1) Черноморскаго Артиллерійскаго полка г-на полковника Лысенко. 2) Мѣстной Артиллеріи. 3) Пѣшей Артиллерійской роты. 4) Гарнизонной Артиллерійской роты.	2944	Съ 1804 по 1863	

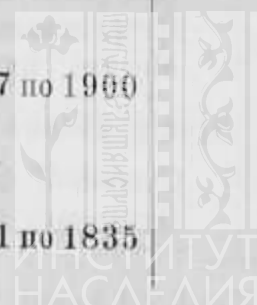
№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
	5) Конно-Артиллерійской № 4 роты или № 10 батареи. 6) Конно-Артиллерійской казачей № 12 батареи. 7) Конно-Артиллерійской казачей № 2 или 12 батареи. 8) 2-го Дивизиона № 11 батареи, бывшаго на службѣ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и Восточной части крыла. 9) Штаба Черноморскаго Конно-Артиллерійской бригады.			
11	Общая опись дѣламъ Войскового Правительства и Войсковой Канцеляріи Черноморскаго казачьяго войска, Войскового Правленія и Войскового Хозяйственнаго Правленія Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска. Часть III	14023	Съ 1860 по 1865	
12	Общая опись дѣламъ Войскового Дежурства и Войскового Штаба Черноморскаго и Кубанскаго казачьяго войска. Часть III	13745	Съ 1871 по 1882	

ВѢДОМОСТЬ

общихъ описей дѣламъ, просмотрѣннымъ и оставленнымъ на храненіе въ Войсковомъ Архивѣ Кубанскаго казачьяго войска.

№№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
1	Опись дѣламъ Врачебной Управы Черноморскаго казачьяго войска	1172	Съ 1833 по 1861	
2	Опись дѣламъ Комиссій того же войска: Народнаго продовольствія Временно-строительной	85 335	Съ 1838 по 1862 Съ 1845 по 1871	
3	Опись дѣламъ Торговаго Словеснаго суда	29	Съ 1860 по 1872	
4	Опись дѣламъ того же войска карантинныхъ: Екатеринодарскаго Лабинскаго Ольгинскаго Эрко-Леушковскаго	831 464 195 21	Съ 1800 по 1863 Съ 1823 по 1861 Съ 1838 по 1852 Съ 1823 по 1836	
5	Опись дѣламъ Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) казачьяго войска больничныхъ заведеній: Темрюкскаго лазарета Лазарета 1-й бригады Кавказскаго линейнаго войска Майкопской больницы Адагумскаго полковаго лазарета Псекупскаго полковаго лазарета Медика Кавказскаго линейнаго войска	120 22 4 194 145 31	Съ 1829 по 1861 Съ 1858 по 1878 За 1877 За 1870 Съ 1864 по 1871 Съ 1856 по 1861	
6	Опись дѣламъ того же войска: Суконной фабрики Овчарнаго завода	141 51	Съ 1822 по 1846 Съ 1821 по 1846	

№№ книгъ описей.	Какого содержания дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
7	Опись дѣламъ Черноморскаго казачьяго войска смотрителей мѣновыхъ дворовъ: Екатеринодарскаго Малолагернаго	88 4	Съ 1825 по 1849 Съ 1840 по 1844	
8	Опись дѣламъ того же войска смотрителя войсковыхъ почтъ	4	Съ 1818 по 1835	
9	Опись дѣламъ того же войска смотрителя рыболовныхъ заведеній: а) 6-го рыболовнаго участка б) Ясенскихъ и Охтарскихъ приморскихъ косъ в) Ачуевской приморской косы г) Ахтанизовскаго и Цокуроваго лимановъ д) Черно-Ерковскихъ рыболовныхъ заводовъ е) Смотрителя 1-го рыболовнаго участка ж) " 2-го " " з) " 3-го " " " и Ахтарскихъ соляныхъ озеръ и) Смотрителя 4-го рыболовнаго участка і) " 5-го " " " к) Завѣдывающаго Таманскимъ райономъ по рыболовству	114 20 21 9 4 97 252 146 253 126 81	Съ 1874 по 1889 Съ 1827 по 1846 Съ 1815 по 1847 Съ 1843 по 1856 Съ 1843 по 1848 Съ 1874 по 1889 Съ 1855 по 1890 Съ 1874 по 1900 Съ 1855 по 1890 Съ 1875 по 1900 Съ 1881 по 1896	
10	Опись дѣламъ Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) войска смотрителей соляныхъ озеръ: а) Петровскихъ б) Ачуевскихъ в) Бугазско-Южныхъ г) Ясенскихъ д) Охтарскихъ е) Таманскаго солянаго магазина ж) Завѣдывающаго Бугазско-Южными озерами и пріозерными войсковыми землями Таманскаго района	34 224 61 67 74 16 22	Съ 1866 по 1892 Съ 1844 по 1891 Съ 1866 по 1888 Съ 1840 по 1890 Съ 1849 по 1892 Съ 1844 по 1865 Съ 1887 по 1900	
11	Опись дѣламъ того же войска Комитетовъ: а) Ачуевскаго войскового рыболовнаго завода	20	Съ 1831 по 1835	

№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
	б) По пресѣченіи въ Черноморіи холеры	29	Съ 1828 по 1858	
	в) По устройству въ Черноморіи пересел.	14	Съ 1820 по 1827	
	г) Благотворительнаго	24	Съ 1863 по 1868	
	д) Попеченія о раненныхъ	15	Съ 1877 по 1881	
12	Опись дѣламъ Управленія Кубанской казачьей бригады	119	Съ 1879 по 1893	
13	Ставропольскаго казачьяго Юнкерскаго училища	399	Съ 1872 по 1899	
14	Опись дѣламъ Военно-Судной Комиссiи, находившейся при Войсковомъ Дежурствѣ того же войска	316	Съ 1835 по 1873	
15	Опись дѣламъ Завѣдывающаго командою нижнихъ чиновъ Войскаго Штаба Кубанскаго казачьяго войска, Временной канцелярiи Начальника Кубанской Области и Пѣвческаго хора	123	Съ 1865 по 1885	
16	Опись дѣламъ Войсковой Типографiи, находившейся въ веденiи Войскаго Штаба Кубанскаго казачьяго войска	185	Съ 1874 по 1889	
17	Опись дѣламъ Черноморскаго казачьяго войска постовъ и укрѣпленій	493	Съ 1820 по 1855	
18	Опись дѣламъ Закубанскихъ отрядовъ	514	Съ 1856 по 1865	
19	Опись дѣламъ Бейсерскаго земскаго Смыскаго Начальства	95	Съ 1794 по 1852	
20	Опись дѣламъ Кубанскаго Горскаго конноиррегулярнаго полка	78	Съ 1877 по 1878	
21	Опись дѣламъ бывшаго эскадрона Лейбъ-гвардiи Черноморскаго казачьяго войска и того же войска Варшавскаго дивизiона	130	Съ 1845 по 1862	
22	Опись дѣламъ Конно-учебнаго дивизiона войска Кубанскаго	314	Съ 1862 по 1876	
23	Опись дѣламъ Крымской мѣстной команды	159	Съ 1877 по 1894	
24	Опись дѣламъ Екатеринодарскаго Окружнаго Дежурства и Комиссiи военнаго суда при дежурствѣ	134	Съ 1842 по 1867	

№ книгъ описей.	Какого содержанія дѣла по описямъ.	Число дѣлъ.	Какихъ годовъ.	Замѣтка.
25	Опись дѣламъ Берегового Кордоннаго № 1 и 2 Таманскаго полка Кубанскаго казачьяго войска	127	Съ 1867 по 1878	
26	Опись дѣламъ Таманскаго Окружнаго Сыскаго Начальства	1484	Съ 1842 по 1871	
27	Опись дѣламъ Начальника Азовскихъ командъ при Сухумской морской станціи по Черноморской береговой линіи . . .	66	Съ 1862 по 1866	
28	Опись дѣламъ Военно-рабочей № 19 роты Инженернаго корпуса по Береговой линіи	99	Съ 1845 по 1856	
29	Опись дѣламъ Канцеляріи Войскового Архива Кубанскаго казачьяго войска . . .	144	Съ 1877 по 1902	
30	Опись дѣламъ Таманскаго Окружнаго стряпчаго Екатеринодарскаго Окружн. Стряпчаго .	301 386	Съ 1845 по 1871 Съ 1842 по 1871	
31	1) Опись дѣламъ Екатеринодарскаго Станичнаго Правленія 2) Новороссійскаго Станичнаго Правленія 3) Станичныхъ и хуторскихъ Правленій Ейскаго отдѣла	623 92 —	Съ 1843 по 1871 Съ 1862 по 1870 —	
32	Опись Таманскаго Окружнаго Суда . . .	806	Съ 1823 по 1872	

Собрание Дорошенка въ гор. Глуховѣ.

Изъ письма Петра Яковлевича Дорошенка къ председателю Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества (отъ 1 августа 1902 года).

Мое собраніе состоитъ изъ старыхъ бумагъ, книгъ, имѣющихъ отношеніе къ Малороссіи, и небольшой коллекціи бытовыхъ и художественныхъ вещей. Собраніе бумагъ можетъ быть раздѣлено на два отдѣла: семейный мой архивъ и составленное мною собраніе разныхъ документовъ, относящихся до Малороссіи.

Семейный архивъ заключаетъ въ себѣ бумаги рода Дорошенковъ съ конца XVII вѣка, т.-е. со времени переселенія, вслѣдъ за гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, всѣхъ его родичей въ лѣвобережную Малороссію. Сюда входятъ бумаги сотника сосницкаго Андрея Дорошенка, родного брата гетмана, и его потомковъ; священника села Слабина, подъ Черниговомъ, Степана Дорошенка, также брата гетмана, и его потомковъ, и бумаги сотника Ямпольскаго, Василя Дорошенка, двоюроднаго брата гетмана, и его потомковъ. Эти бумаги являются въ моемъ собраніи частью въ подлинникахъ, а частью въ копіяхъ, снятыхъ мною съ оригиналовъ, хранящихся въ архивахъ Черниговскаго Дворянскаго депутатскаго собранія, при дѣлѣ о дворянствѣ рода Дорошенковъ. Бумаги преимущественно владѣльческаго характера: жалованныя грамоты, купчія на земли, духовныя завѣщанія, раздѣльные акты и т. д. Большая часть ихъ принадлежитъ потомкамъ Ямпольскаго сотника, Василя Дорошенка, отъ котораго собственно происходитъ наша семья, и котораго имѣнія въ Глуховскомъ уѣздѣ до сихъ поръ не выходятъ изъ владѣнія его потомковъ. Къ подробной описи бумагъ рода Дорошенковъ я, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не приступалъ.

Войсковою товарищъ Михаилъ Васильевичъ Дорошенко (ум. 1800 г.) былъ женатъ на дочери войскового товарища, Иринѣ Ѳедоровнѣ Соколиковой; бумаги Соколиковъ — родъ этотъ въ срединѣ прошлаго вѣка пресѣлся, — по владѣнію ихъ землями, при селахъ Порохнѣ и Ромашковѣ Новгородсѣверскаго уѣзда, также вошли въ нашъ семейный архивъ, и я, выдѣливъ ихъ въ особый отдѣлъ, составилъ имъ опись, которую и посылаю вамъ; въ этомъ отдѣлѣ всего 107 бумагъ.

Отецъ мой Яковъ Степановичъ Дорошенко (ум. въ 1893 г.) былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Корончевской (ум. въ 1882 г.), и бумаги этой фамиліи, одна линія которой также пресѣклась нынѣ, вошли въ составъ моего фамильнаго

архива. Бумаги Коропчевскихъ начинаются со середины XVIII вѣка; изъ нихъ значительный интересъ имѣютъ бумаги бывшего миргородскаго полкового писаря, а потомъ Малороссійскаго черниговскаго вице-губернатора, Павла Григорьевича Коропчевскаго (ум. въ 1808 г.) Полную опись бумагъ Коропчевскихъ я успѣлъ сдѣлать, и также посылаю ее вамъ. Всѣхъ бумагъ до 286.

Къ бумагамъ Коропчевскихъ примыкаетъ довольно значительное количество бумагъ харьковской фамиліи Куколь-Яснопольскихъ, по женитьбѣ Николая Павловича Коропчевскаго (ум. 1860 г.) на Аннѣ Васильевнѣ Куколь-Яснопольской (ум. въ 1850 г.). Бумаги эти начинаются со второй четверти XVIII вѣка, съ документовъ сотника ворожбянскаго Степана Куколя; онѣ большею частью владѣльческаго характера; между ними очень интересны старыя межевыя описи въ имѣніяхъ Куколей, въ нынѣшнемъ Сумскомъ уѣздѣ: Ворожбѣ, Искрисковщинѣ, Горбаневѣ и пр. Къ описи бумагъ Куколь-Яснопольскихъ я еще не приступалъ.

Самый большой и интересный въ научномъ отношеніи отдѣлъ моего архива, — это *variā*. Уже около двадцати лѣтъ, какъ я началъ, и продолжаю до сихъ поръ приобрѣтать и собирать всевозможныя бумаги и рукописи, относящіяся къ прошлому Малороссіи. Прежде всего въ этотъ отдѣлъ я отобралъ всѣ бумаги общаго характера изъ моего семейнаго архива; затѣмъ я покупалъ или получалъ въ даръ какъ отдѣльныя автографы, документы, такъ и полностью уцѣлѣвшія собранія бумагъ нѣкоторыхъ старинныхъ малороссійскихъ домовъ. Такимъ образомъ составилъ у меня этотъ отдѣлъ, который я называю „*variā*“, количествомъ — полагаю — гораздо свыше тысячи бумагъ. Сюда входятъ: подлинныя универсалы гетмановъ Богдана Хмельницкаго, Дорошенка, Брюховецкаго, Многогрѣшнаго, Самойловича, Скоропадскаго, Апостола и Разумовскаго, числомъ до 50; отобранныя отдѣльно автографы извѣстныхъ дѣятелей, уроженцевъ Малороссіи, между ними автографъ на русскомъ языкѣ матери гетмана Мазепы, игуменіи Маріи Магдалины, многихъ лицъ изъ малорусской старшины и духовенства XVIII вѣка, между коими находился переданный мною въ Черниговскую Архивную Комиссію чрезвычайно интересный, отъ начала до конца собственноручно писанный святымъ Феодосіемъ Углицкимъ; изъ извѣстныхъ уроженцевъ Малороссіи автографы Гоголя, Максимовича, Марковичей, Кулиша и прочихъ; старинныя сборники бумагъ, переплетенныя въ отдѣльные томы, между ними сборникъ оригинальныхъ бумагъ конца XVII или начала XVIII вѣка, принадлежавшій бунчуковому товарищу, Ивану Забѣлѣ, въ коемъ содержатся письма къ Забѣлѣ высшихъ духовныхъ лицъ того времени, кіевскихъ митрополитовъ Юсафа Круковскаго, Рафаила Заборовскаго, Варлаама Ванатовича и представителей малорусской старшины — гетмана Апостола, генеральнаго писаря Турковскаго и другихъ. Въ семейныхъ бумагахъ, перешедшихъ ко мнѣ болѣе или менѣе полностью, встрѣчаются среди документовъ имущественныхъ иногда и бумаги частнаго характера: письма, рукописныя сочиненія и т. п. Но сдѣлать полную и правильную опись отдѣла „*variā*“ довольно затруднительно; необходимо предварительно распредѣлить систематически бумаги; я началъ было дѣлать опись безъ системы, только отчасти придерживаясь хронологіи, но вижу, что это будетъ неудобно для лица, которое хотѣло бы узнать, что можно найти по извѣстному

вопросу въ моемъ собраніи, а потому опись я прекратилъ до времени, описавъ содержаніе всего лишь 60 документовъ. Отрывокъ этой описи также посылается.

Моя бібліотека имѣетъ болѣе тысячи названій. Я собиралъ все печатное, относящееся къ Малороссіи, т.-е. сочиненія по исторіи Малороссіи, этнографіи, географіи, книги на малорусскомъ нарѣчій, старопечатныя южнорусскія книги. Систематическаго каталога бібліотеки у меня нѣтъ, а есть только краткій хронологическій каталогъ, куда я вносилъ названія книгъ, по мѣрѣ ихъ поступленія. Не могу сказать, чтобы моя бібліотека изобиловала рѣдкостями; скорѣе она имѣетъ достоинство нѣкоторой полноты въ отношеніи вообще печатныхъ источниковъ для изученія Малороссіи; считаю все-таки не лишнимъ назвать нѣкоторыя рѣдкія или цѣнныя книги моего собранія: въ немъ есть полный экземпляръ журнала „Основа“, всѣ изданія „Исторіи Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго, „Исторіи Малороссіи“ Н. А. Маркевича; всѣ сочиненія Костомарова, Максимовича, Кулиша; всѣ изданія Бодянскаго, всѣ южнорусскія лѣтописи, въ томъ числѣ лѣтопись Самовидца, впервые изданная въ „Россійскомъ магазинѣ“ Ѳ. Туманскаго (С.-Пб. 1792—1793); всѣ изданія Кіевской Археологической Комиссіи и Общества Нестора-лѣтописца; харьковскія изданія 40-хъ годовъ, петербургскія малороссійскія изданія 60-хъ годовъ, изданія Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета; почти полный экземпляръ „Черниговскихъ губернскихъ Вѣдомостей“; полный экземпляръ журнала „Кіевская Старина“ и пр. Изъ бібліографическихъ рѣдкостей бібліотеки укажу: Я. Марковича „Записки о Малороссіи“, С.-Пб. 1798; Котляревскаго „Энеида“, С.-Пб. 1809 и Харьковъ 1842; Шевченка „Кобзарь“, С.-Пб. 1840 (первое изданіе); Максимовича „Малороссійскія пѣсни“, М. 1872; Боилана „Описаніе Украйны“, С.-Пб. 1832; Гуна „Замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію“, М. 1806; кн. Шаликова „Путешествіе въ Малороссію“, М. 1803—1804; Левшина „Письма изъ Малороссіи“; полный экземпляръ „Молодика“ Бецкаго, Харьковъ 1843—44; всѣ сочиненія и отдѣльные оттиски статей покойнаго А. М. Лазаревскаго, который иногда печаталъ ихъ въ количествѣ самомъ ограниченномъ, и пр.

Небольшая коллекція старинныхъ вещей составила изъ уцѣлѣвшей нашей домашней старины: немного стариннаго серебра и хрустала (XVII и XVIII вв.), различныя мелкія вещи домашней обстановки и нѣсколько фамильныхъ портретовъ начала XIX вѣка; изъ историческихъ портретовъ назову два старыхъ оригинала: портретъ архимандрита Мельхиседека Значко-Яворскаго, умершаго въ началѣ прошлаго XIX вѣка, въ Глуховскомъ Петропавловскомъ монастырѣ, и послѣдняго генеральнаго обознаго Семена Васильевича Кочубея (ум. 1779 г.) Имѣется у меня собранная также мной коллекція гравированныхъ портретовъ малорусскихъ дѣятелей, въ которой есть нѣсколько рѣдкихъ листовъ, напр. портретъ гетмана Петра Дорошенка — голландская гравюра XVII вѣка, К. Разумовскій — Шмидта, Безбородко — Валькера, Троцинскій — Ухтомскаго и др.

Вотъ краткій очеркъ состава моего собранія! Посылаемые отрывки могутъ служить вамъ образцами, какъ я думаю сдѣлать впоследствии опись всего у меня имѣющагося.

П. Дорошенко.

Бумаги Сокольниковъ.

1. Родословная рода Сокольниковъ, 1 л. 1885, составлен. П. Я. Дорошенкомъ.
2. Бумаги о построении козакомъ Федоромъ Соколикомъ млина на р. Уличцѣ близъ села Порохни Ямпольской сотни Нѣжинскаго полка, копїи: прошеніе Ф. Соколика на имя гетмана 1729 года; универсалъ гетмана Д. Апостола; двѣ купчія крѣпости, 1722. Тетр. 3 л.
3. Раздѣльный актъ между значковымъ товарищемъ Герасимомъ, козакомъ сотни Ямпольской Василиемъ Федоровичами и козакомъ Гаврииломъ Семеновичемъ Соколикми на предковое имѣніе въ с. Будѣ-Серединой, 1 л. 1780.
4. Мировой актъ между войсковымъ товарищемъ Герасимомъ Федоровичемъ Соколикомъ и вахмистромъ Степаномъ Соколовскимъ о прекращении дѣла по предковскому имѣнію въ с. Будѣ-Серединой, 1 л. 1782.
- 5—6. Купчій записъ и копія съ него, данные бунчуковымъ товарищемъ Лаврентіемъ Раковичемъ на его имѣніе въ с. Ромашковѣ, проданное имъ войсковымъ товарищамъ, Герасиму и Василию Федоровичамъ Соколикамъ, 2 л. 1786.
7. Копія грамоты царей Иоанна и Петра Алексѣевичей охотному полковнику Григорію Пашковскому на с. Ромашки Новгородсѣверскаго уѣзда и на мельницу на греблѣ Батуринской съ землями, 1 л. 7198 (1690) года.
8. Владѣтельный листъ отъ земскаго Погарскаго исправника бунчуковому товарищу Лаврентію Раковичу на загонъ въ дачахъ с. Ромашкова, 1 л. 1785.
9. Дѣльчій реестръ доставшемуся на части имѣнію въ селахъ Будѣ-Серединой и Ромашковѣ между Василиемъ и Герасимомъ Федоровичами Соколиковыми 3 л. 1795.
- 10—21. Купчія крѣпости и закладныя, заключенныя между разными лицами на мелкіе участки земель въ дачахъ с. Ромашкова, 12 л. 1719—1787.
22. Жалоба козака с. Ромашкова Мамона Андреева сотнику Новгородсѣверскому на козака Филиппа Новика за присвоенное симъ послѣднимъ сѣно, 1 л. 1730.
23. Мировая между козаками с. Ромашкова Федоромъ, Александромъ и Иваномъ Бибиками и козакомъ с. Ясмани Корнѣемъ Антощенкомъ о спорной землѣ въ с. Ромашковѣ, 1 л. 1766.
24. Купчая крѣпость, данная женою оберъ-провіантъ-мейстера Варварою Кобеляцкою и подполковникомъ фонъ-денъ Бринкеномъ на мельницу въ с. Ромашковѣ, проданную ими поручику Герасиму Федоровичу Соколикову, 2 л. 1798.
25. Выпись, данная изъ Прилуцкаго повѣтоваго суда подполковнику Федору Вадимовичу фонъ-денъ Бринкену о томъ, какая часть имѣнія въ с. Ромашковѣ умершаго бунчуковаго товарища Андрея Раковича приходилась Варварѣ и Марїи Ивановнамъ Раковичевымъ, 1 л. 1798.
- 26—59. Купчія крѣпости и закладныя, данныя разными лицами на проданные и заложенные ими Герасиму Федоровичу Соколикову мелкіе участки земель въ дачахъ с. Ромашкова, 34 л. 1767—1813 гг.

60. Реестръ купчихъ крѣпостей и закладныхъ на земли въ дачахъ с. Ромашкова, прибрѣтенныя Герасимомъ Федоровичемъ Соколиковымъ, 2 л. 1788.

61—86. Купчія крѣпости и закладныя, данныя разными лицами на проданныя и заложенныя ими Василию Федоровичу Соколикову мелкіе участки земель въ дачахъ села Ромашкова, 26 л. 1773—1788.

87—90. Купчія крѣпости и закладныя, данныя разными лицами на проданныя и заложенныя ими Григорію Герасимовичу Соколикову мелкіе участки земель въ дачахъ с. Ромашкова, 4 л. 1805—1824.

91—97. Вводные листы Герасиму и Василию Федоровичамъ и Григорію Герасимовичу Соколиковымъ на прибрѣтенныя ими земли въ дачахъ с. Ромашкова, 7 л. 1780—1805.

98. Закладная, данная губернска. секретаремъ Григор. Герасим. Соколиковымъ на занятыя имъ у подпоручика Федора Федоровича Гриневича 5 тысячъ рублей подъ залогъ имѣнія въ с. Ромашковѣ, 1 л. 1824.

99. Купчая крѣпость, данная губернска. секретаремъ, Григор. Герасимов. Соколиковымъ, на проданное имъ титулярному совѣтнику, Петру Семеновичу Кармалѣву, имѣніе въ с. Ромашковѣ, 2 л. 1833.

100. Вводный листъ поручику Максиму Петровичу Закоморному на купленное имъ у титулярнаго совѣтн. Петра Семеновича Кармалѣва имѣніе въ с. Ромашковѣ, 1 л. 1835.

101. Рапортъ Новгородсѣверскаго земскаго суда въ Новгородсѣверскій уѣздный судъ о состояніи имѣнія умершаго поручика Максима Петровича Закоморнаго, 1 л. 1842.

102. Свидѣтельство, выданное изъ Новгородсѣверскаго уѣзднаго суда коллежскому регистратору Ивану Максимовичу Закоморному о состояніи его имѣнія въ селѣ Ромашковѣ, 1 л. 1857.

103—107. Купчія крѣпости и замѣнные акты на земли въ дачахъ с. Ромашкова, прибрѣтенныя Иваномъ Максимовичемъ Закоморнымъ, 5 л. 1845—1858.

II.

Бумаги Коропчевскихъ.

1. Родословникъ Коропчевскихъ, 1 л. 1885, составлен. П. Я. Дорошенкомъ.

2. Гербъ рода Коропчевскихъ съ выпискою изъ сочиненія Каспара Нѣсѣцкаго „Корона польская“ о происхожденіи сего рода. Копія свидѣтельства маршала повѣта Глуховскаго и двухъ дворянъ, 1 л. 1797.

3. Послужной списокъ малороссійскаго (черниговскаго) вице-губернатора, статскаго совѣтника и кавалера, Павла Григорьевича Коропчевскаго, 2 л. 1799.

4. Аттестатъ объ успѣхахъ въ наукахъ и поведеніи студента Павла Коропчевскаго, выданный ему изъ Кіевской Духовной Академіи, 1 л. 1760.

5. Приказъ генеральнаго писаря Безбородка обрѣтающемуся въ Генеральной канцеляріи при дѣлахъ Павлу Коропчевскому о доставленіи свѣдѣній касательно приготовленій къ проѣзду гетмана, 1 л. 1761.

6. Инструкція изъ Генеральной канцеляріи войсковому канцеляристу Павлу Коропчевскому объ устройствѣ пунктовъ и квартиръ для проѣзда изъ Глухова въ Москву гетманши графини Разумовской, 2 л. 1762.

7. Инструкція изъ Генеральной канцеляріи войсков. канцеляристу П. Коропчевскому о томъ, какъ исхлопотать отпускъ поданнымъ людямъ Кіево-Печерской Лавры, содержащимся за грабежъ въ Путивлѣ подъ карауломъ, 1 л. 1762.

8. Инструкція изъ той же канцеляріи тому же П. Коропчевскому о полученіи изъ Кіевской губернской канцеляріи пропуска лѣсного матеріала черезъ Прохоровскій и другіе форпосты въ Яготинскую экономію гетмана гр. Разумовскаго, 1 л. 1763.

9. Инструкція той же канцеляріи ему же П. Коропчевскому касательно обнаруженія жителямъ Ямпольской волости сенатскаго указа о пожалованіи оной волости дѣйствительному тайному совѣтнику, Ивану Ивановичу Неплюеву, съ копіей указа Сената, 2 л. 1764.

10. Патентъ на чинъ полковаго писаря, выданный изъ Малороссійской коллегіи регистратору сей коллегіи, Павлу Коропчевскому, 1 л. 1774.

11. Патентъ на чинъ хорунжаго Генеральной артиллеріи, выданный изъ Малороссійской коллегіи полковому писарю, Павлу Коропчевскому, 1 л. 1775.

12. Ордеръ генеральнаго обознаго, Семена Кочубея, Генеральной артиллеріи хорунжему, П. Коропчевскому, о ревизіи Глуховскаго почтоваго стана, 1 л. 1775.

13. Инструкція изъ канцеляріи Генеральной артиллеріи той же артиллеріи хорунжему П. Коропчевскому о доставленіи свѣдѣній объ орудіяхъ, находящихся въ Генеральной и полковыхъ артиллеріяхъ, 1 л. 1775.

14. Инструкція генеральнаго обознаго, С. Кочубея, хорунжему П. Коропчевскому о слѣдствіи по дѣлу разграбленія имѣнія жены значковаго товарища Ставинской, 1 л. 1777.

15. Патентъ на чинъ бунчуковаго товарища, выданный изъ Малороссійской коллегіи хорунжему Павлу Коропчевскому, 1 л. 1777.

16. Аттестатъ о службѣ члена канцеляріи Генеральной артиллеріи, коллежскаго ассесора П. Коропчевскаго, данный ему отъ управляющаго канцеляріею Генеральной артиллеріи, генераль-поручика, Черниговской губ. губернатора А. С. Милорадовича, 1 л. 1781.

17. Патентъ на чинъ коллежскаго ассесора, за подписью государыни Екатерины II, данный бунчуковому товарищу Павлу Коропчевскому, 1 л. 1785.

18. Патентъ на чинъ надворнаго совѣтника, за подписью императрицы, данный коллежскому ассесору П. Коропчевскому, 1 л. 1785.

19. Рескриптъ императрицы Екатерины II предсѣдателю Новгородсверскаго губернскаго магистрата, надворному совѣтнику, П. Коропчевскому, при награжденіи его орденомъ Владиміра 4 степени, 1 л. 1785.

20. Письмо князя Г. А. Потемкина къ Павлу Григорьевичу Коропчевскому, при отиравленіи ему статута ордена св. Владиміра, 1785.

21. Статутъ ордена св. Владиміра, данный П. Г. Корончевскому при пожалованіи ордена, 1782.

22. Аттестатъ о службѣ предсѣдателя Новгородсѣверскаго губернскаго магистрата, надворнаго совѣтника П. Корончевскаго, данный ему отъ Новгородсѣверскаго губернатора И. Б. Бибикова, 1 л. 1785.

23. Аттестатъ о службѣ предсѣдателя Новгородсѣверской гражданской палаты, коллежскаго совѣтника П. Корончевскаго, данный ему отъ Новгородсѣверскаго губернатора, Ларіона Алексѣева, 1 л. 1797.

24. Отношеніе Малороссійскаго Черниговскаго губернатора Я. Л. Бакуринскаго къ вице-губернатору П. Г. Корончевскому объ исполненіи имъ должности губернатора и копія предложенія Кіевскаго военнаго губернатора, гр. Салтыкова, объ исполненіи должности отъѣзжающаго по губерніи Черниговскаго губернатора вице-губернаторомъ, 2 л. 1797.

25. Отношеніе Малороссійскаго Черниговскаго губернатора Бакуринскаго вице-губернатору Корончевскому о наборѣ рекрутъ, 1 л. 1797.

26. Рескриптъ императора Павла I Малороссійскому Черниговскому вице-губернатору, статскому совѣтнику Павлу Корончевскому, относительно доставленія свѣдѣній о казенныхъ земляхъ и о крестьянахъ, къ частнымъ заводамъ приписанныхъ, 1 л. 1797.

27. Письмо князя А. В. Куракина къ П. Г. Корончевскому при доставленіи ему Высочайшаго рескрипта объ освидѣтельствованіи фабрикъ, 1 л. 1797.

28. Отношеніе Малороссійскаго губернатора, М. П. Миклашевскаго, къ вице-губернатору Корончевскому объ исполненіи имъ должности губернатора, 2 л. 1798.

29. Рескриптъ императора Павла I Малороссійскому Черниговскому вице-губернатору, статскому совѣтнику П. Корончевскому, при награжденіи его орденомъ св. Анны 2 степени, 1 л. 1798.

30. Отношеніе Капитула орденовъ къ П. Г. Корончевскому о приложеніи орденской печати къ Высочайшему рескрипту, данному на орденъ св. Анны 2 степени, 1 л. 1801.

31. Аттестатъ о службѣ Малороссійскаго Черниговскаго вице-губернатора Корончевскаго, выданный ему губернаторомъ Миклашевскимъ, 1 л. 1799.

32. Копіи Высочайшихъ рескриптовъ на имя П. Г. Корончевскаго, засвидѣтельствованныя въ Глуховскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ, тетр. 4 листа, 1819.

33—41. Квитанціи въ принятіи различныхъ казенныхъ суммъ отъ П. Г. Корончевскаго, 9 л. 1783—1800.

42—76. Отпускные билеты и подорожныя П. Г. Корончевскаго, 35 л. 1761—1794.

77. Черновое прошеніе П. Г. Корончевскаго объ отставкѣ, 1 л. 1799.

78. Черновое письмо Корончевскаго къ Д. П. Троцинскому съ просьбой способствовать ему въ полученіи отставки, 1 л. 1799.

79. Указъ объ отставкѣ Малороссійскаго Черниговскаго, вице-губернатора, статскаго совѣтника и кавалера, П. Г. Корончевскаго за подписью Малороссійскаго губернатора М. П. Миклашевскаго, 4 л. 1799.

80—86. Письма къ П. Г. Коропчевскому Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, 7 №№, 1780—1799.

87—89. Письма къ нему же князя Петра Алексѣевича Голицына, оберъ-егермейстера, 3 №№, 1779—1780.

90. Письмо къ нему же Иосифа Григорьевича Туманскаго, предсѣдателя уголовной палаты Новгородсѣверскаго намѣстничества, 1 л. 1794.

91—92. Письма къ нему же Ильи Богдановича Бибикова, тайнаго совѣтника, сенатора, бывшаго Новгородсѣверскаго губернатора, 2 №№, 1794 и 1797.

93—94. Письма къ нему же Андрея Васильевича Гудовича, генерала отъ инфантеріи, 2 №№, 1794 и 1797.

95. Письмо къ нему же графа Якова Васильевича Завадовскаго, предсѣдателя гражданской палаты Новгородсѣверскаго намѣстничества.

96—98. Письма къ нему же Амфилохія Трощинскаго, епископа Переяславскаго, 3 №№, 1797—1798.

99. Письмо къ нему же Аѳанасія, епископа Лубенскаго, 1799.

100. Привѣтствіе, сказанное П. Г. Коропчевскому при посѣщеніи имъ города N., 1 л.

101. Опись крѣпостямъ на имѣніе П. Г. Коропчевскаго въ с. Баничахъ Глуховскаго уѣзда Черниговской губ. 2 л. 1788.

102. Формулярный списокъ о службѣ титулярнаго совѣтника Николая Павловича Коропчевскаго, 1 л. 1820.

103. Квитанція Глуховскаго повѣтоваго казначейства въ приемѣ отъ коллежскаго регистратора Николая Коропчевскаго денегъ за повышеніе его чиномъ, 1 л. 1803.

104. Патентъ на чинъ титулярнаго совѣтника, данный губернскому секретарю Н. Коропчевскому, 1 л. 1817.

105. Отношеніе Глуховскаго предводителя дворянства, Д. Ф. Красовскаго, къ Николаю Павловичу Коропчевскому объ утвержденіи его кандидатомъ на должность Глуховскаго предводителя дворянства, 1 л. 1831.

106. Письмо черниговскаго губернатора Жукова къ Н. П. Коропчевскому съ приглашеніемъ явиться къ нему по дѣламъ службы, 1 л. 1832.

107. Дѣло о лишеніи Николаемъ Павловичемъ Коропчевскимъ дочери своей Евпраксіи Бурцевой наслѣдства, 6 л. 1854—57.

108. Черновое отношеніе вдовы статскаго совѣтника, Ольги Алексѣевны Коропчевской, къ Глуховскому предводителю дворянства, коимъ она уполномочиваетъ сына своего, титулярнаго совѣтника Николая Павловича Коропчевскаго, присутствовать и имѣть голосъ въ губернскихъ дворянскихъ выборахъ, 1 л. 1835.

109. Отношеніе Глуховскаго предводителя дворянства къ Н. П. Коропчевскому, съ копіей постановленія Черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія о внесеніи отца его, Павла Григорьевича Коропчевскаго, въ родословную книгу Черниговской губ., 2 л. 1843.

110. Приглашеніе Глуховскаго предводителя дворянства Николаю Павловичу и Аниѣ Васильевнѣ Коропчевскимъ къ пожертвованію на устройство дамскаго благотворительнаго общества въ Черниговской губ., 2 л. 1835.

111. Бумаги Н. П. Коропчевскаго о пожертвованіи дворянствомъ Глуховскаго уѣзда во время войны 1853—56 гг., 2 л. 1856.
112. Грамота Н. П. Коропчевскому на медаль въ память войны 1853—56 гг.
113. Бумаги Н. П. Коропчевскаго объ участіи дворянства Черниговской губ. въ торжествѣ коронованія императора Александра II, 6 л. 1856.
114. Приглашеніе Глуховскимъ предводителемъ дворянства Н. П. Коропчевскаго на балъ въ Глуховское благородное собраніе, 1 л. 1856.
115. Отношеніе Глуховскаго предводителя дворянства къ Н. П. Коропчевскому съ приглашеніемъ принять участіе въ пожертвованіяхъ на устройство памятника кн. М. С. Воронцову въ Одессѣ, 1 л. 1857.
116. Бумаги Н. П. Коропчевскаго, относящіяся къ освобожденію крестьянъ, 3 л. 1858.
117. Черновыя бумаги его же объ отпускѣ нѣкоторыхъ крестьянъ его на свободу, 1 л. 1854.
118. Дѣло о размежеваніи земли въ имѣніи Н. П. Коропчевскаго Вязонскомъ Селищѣ Путивльск. у., 4 л. 1842.
119. Мировой актъ между Н. П. Коропчевскимъ и коллежскимъ регистраторомъ В. Я. Фененкомъ о прекращеніи дѣла по иску Фененка за должныя ему деньги отъ Коропчевскаго, 1 л. 1839.
120. Купчая крѣпость и копія съ нея, данная Анной Васильевной Коропчевской на проданное отъ нея мужу ея, титулярному совѣтнику, Н. П. Коропчевскому, материнское имѣніе въ с. Ворожбѣ Сумскаго у. Харьковской губ., 2 л. 1825.
121. Копія купчей крѣпости, данной отъ нея же А. В. Коропчевской на проданное мужу ея, Н. П. Коропчевскому, отцовское имѣніе въ хуторѣ Горбаневкѣ, въ хуторѣ Мычакѣ, въ с. Искрисковщинѣ и въ с. Ворожбѣ Сумскаго у., въ с. Баничахъ и с. Холопковѣ Глуховскаго у., 1 л. 1851.
122. Вводный листъ Н. П. Коропчевскому на имѣнія, купленныя имъ у своей жены, Анны Васильевны, 1 л. 1851.
123. Купчая крѣпость, данная губернскимъ секретаремъ Ѳ. А. Шешковымъ на проданную имъ Н. П. Коропчевскому дворовую дѣвку, 1 л. 1819.
- 124—128. Купчія крѣпости, данныя отъ разныхъ лицъ на проданныя ими Н. П. Коропчевскому мелкіе участки земли въ дачахъ с. Баничъ, 7 л. 1815—19.
129. Дѣло жены титулярнаго совѣтника, Анны Васильевны Коропчевской, о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ смерти отца ея, премьеръ-майора В. И. Куколь-Яснопольскаго, 116 л. 1827—39.
130. Дѣло о деньгахъ, должныхъ помѣщицей Сумскаго уѣзда Фроловой-Багрѣвой наслѣдницѣ умершаго премьеръ-майора В. И. Куколь-Яснопольскаго, дочери его А. В. Коропчевской, 9 л. 1828—44.
131. Дѣло о деньгахъ, должныхъ прапорщикомъ Григоріемъ Щекинымъ Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, 44 л. 1832—44.
132. Дѣло о деньгахъ, должныхъ Артаковымъ, Похвисневымъ и Магеровскимъ А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Варварѣ Николаевнѣ Еремѣевой, 24 л. 1835—45.

133. Дѣло о деньгахъ, должныхъ коллежскимъ ассесоромъ Семеномъ Легкобировымъ Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, по наслѣдству отъ отца ея, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Маріи Николаевнѣ Яцыной, 7 л. 1836—38.

134. Дѣло о деньгахъ, должныхъ наслѣдниками подпоручика Владиміра Куколь-Яснопольскаго А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, 2 л. 1836—45.

135. Дѣло о деньгахъ, должныхъ инженеръ-подпоручикомъ Григоріемъ Похвисневымъ А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, 11 л. 1837—1850.

136. Дѣло о деньгахъ, должныхъ наслѣдниками Маріи Краснянской Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, по наслѣдству отъ отца, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Маріи Николаевнѣ Яцыной, 6 л. 1839—43.

137. Дѣло о деньгахъ, должныхъ Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, по наслѣдству отъ отца ея, братьями Артаковыми, 4 л. 1839.

138. Дѣло о деньгахъ, должныхъ купцомъ Грищенкомъ А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ отца ея, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Елизаветѣ Николаевнѣ Дорошенко, 10 л. 1841—45.

139. Дѣло о деньгахъ, должныхъ женой штабсъ-капитана Курносовой А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ отца ея, а ею предоставленныхъ взыскать и получить дочери ея, Е. Н. Дорошенко, 7 л. 1841—45.

140. Дѣло о деньгахъ, должныхъ подпоручикомъ Д. Артаковымъ А. В. Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, 34 л. 1841—45.

141. Прошеніе А. В. Коропчевской въ Харьковскую гражданскую палату съ жалобой на Сумскую дворянскую опеку за упущенія, сдѣланныя ею при взысканіи въ Харьковскій Приказъ общественнаго призрѣнія денегъ, должныхъ ей, Коропчевской, по наслѣдству отъ ея отца, купцомъ Медвѣдевымъ, 1 л. 1842.

142. Дѣло о деньгахъ, должныхъ крестьянами с. Ворожбы Н. П. Коропчевскому и женѣ его, Аннѣ Васильевнѣ, 54 л. 1815—42.

143. Дѣло А. В. Коропчевской о неуплаченныхъ, за пропускомъ давности, долговыхъ обязательствахъ, выданныхъ разными лицами на занятія ими деньги у отца ея, премьеръ-майора В. И. Куколь-Яснопольскаго, 25 л. 1839—45.

144. Рѣшенія Сумскаго уѣзднаго суда по дѣлу о взысканіи Анною Васильевной Коропчевской съ разныхъ лицъ денегъ, кои были заняты ими у отца ея, В. И. Куколь-Яснопольскаго, 8 л. 1846—51.

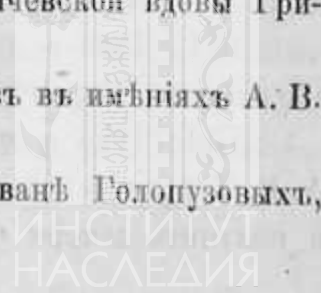
145. Дѣло о недачѣ отчета крестьяниномъ Аннѣ Васильевнѣ Коропчевской, Кондратіемъ Головачевымъ, о его неповиновеніи и побѣгѣ, 15 л. 1827—29.

146. Дѣло о крестьянкѣ Анны Васильевны Коропчевской, Маргаритѣ Головачевой, съ сыномъ, препровождаемой къ ея мужу, сданному въ рекруты, 11 л. 1841.

147. Дѣло о закованіи въ желѣза крестьянами А. В. Коропчевской вдовы Грищенковой въ с. Ворожбѣ, 3 л. 1839—43.

148. Дѣло о засыпаніи крестьянскихъ хлѣбныхъ магазиновъ въ имѣніяхъ А. В. Коропчевской, 3 л. 1840.

149. Дѣло о крестьянахъ А. В. Коропчевской Игнатѣ и Иванѣ Голопузовыхъ, пропущенныхъ ревизіей, 2 л. 1841.

150. Дѣло о крестьянкѣ А. В. Коропчевской, Матронѣ Грищенковой, отданной въ Петербургъ для изученія рукодѣлій 13 л. 1841.
151. Дѣло о солдатскихъ дѣтяхъ Василии и Антонѣ Скабаленковыхъ, незаконорожденныхъ отъ крестьянки, принадлежащей А. В. Коропчевской, 3 л. 1843.
152. Дѣло о переселеніи крестьянъ А. В. Коропчевской изъ с. Студенка, Курской губерніи, въ с. Баничи Черниговской губерніи, 8 л. 1843.
153. Дѣло о повѣнчаніи въ с. Ворожбѣ безъ позволенія Коропчевской ея крестьянъ 18 л. 1843.
154. Дѣло о воровствѣ дуба въ имѣніи Коропчевской, въ с. Ворожбѣ, 6 л. 1843—44.
155. Дѣло о засыпаніи казенными крестьянами с. Ворожбы канавы въ имѣніи Коропчевской, хуторѣ Мычакѣ, 8 л. 1843—50.
156. Дѣло о нанесеніи крестьянину Литовченку побоевъ крестьяниномъ А. В. Коропчевской дер. Горбановки, Кирилломъ Ратушкой, 2 л. 1844.
157. Дѣло о корчемствѣ въ шинкѣ, находящемся въ имѣніи А. В. Коропчевской въ хуторѣ Мычакѣ Сумскаго уѣзда, 20 л., 1840—43.
158. Дѣло о корчемствѣ крестьянъ Коропчевской въ с. Ворожбѣ Сумскаго у., 60 л. 1840—43.
159. Дѣло объ открытіи шинка въ имѣніи Коропчевской, въ с. Искрисковщинѣ Сумскаго уѣзда, 4 л. 1841—43.
160. Дѣло о клейменіи мѣръ въ Харьковской казенной палатѣ для продажи питей въ шинкахъ, находящихся въ имѣніяхъ Коропчевской, 1 л. 1842.
161. Дѣло о корчемствѣ въ шинкѣ, находящемся въ имѣніи Коропчевской въ д. Горбаневкѣ, Сумскаго уѣзда, 14 л. 1843—44.
162. Дѣло объ арестованіи корчемнымъ засѣдателемъ вина въ имѣніи Коропчевской, въ с. Ворожбѣ Сумскаго уѣзда, 2 л. 1844.
163. Свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи Петра Павловича Коропчевскаго, выданное изъ Черниговскаго Повѣтоваго училища, 1 л. 1807.
164. Аттестатъ о службѣ губернскаго секретаря Петра Павловича Коропчевскаго, выданный изъ Черниговскаго Генеральнаго суда, 1 л. 1810.
165. Свидѣтельство о службѣ выданное находящемуся въ Черниговскомъ губернскомъ правленіи при дѣлахъ, П. П. Коропчевскому, 1 л. 1812.
166. Аттестатъ о службѣ, находящагося въ департаментѣ юстиціи коллежскаго секретаря, Петра Павловича Коропчевскаго, данный ему отъ министра юстиціи Д. П. Троицкаго, 1 л. 1817.
167. Патентъ П. Павл. Коропчевскаго на чинъ коллежскаго регистратора, 1 л. 1817.
168. Патентъ его же на чинъ коллежскаго секретаря, 1 л. 1817.
169. Патентъ его же на чинъ титулярнаго совѣтника, 1 л. 1819.
170. Патентъ его же на чинъ коллежскаго ассесора, 1 л. 1822.
171. Квитанція о приѣмѣ денегъ отъ титулярнаго совѣтника П. П. Коропчевскаго за повышение его чиномъ, 1 л. 1818.

172. Грамота ему же на орденъ св. Анны 3 степени, 1821.
- 173—176. Отпускные билеты П. П. Коропчевскаго, 4 л. 1811—1822.
177. Метрическое свидѣтельство о смерти Николая и Петра Павловичей Коропчевскихъ, 1 л. 1876.
- 178—194. Ревизскія сказки о крестьянахъ въ имѣніяхъ Коропчевскихъ, 17 тетрадей.
195. Копія указа объ отставкѣ юнкера Финляндскаго драгунскаго полка, Петра Николаевича Коропчевскаго, за подписью командира полка Бреверна, 1 л. 1842.
- 196—197. Аттестатъ о службѣ коллежскаго регистратора, Петра Николаевича Коропчевскаго, данный ему отъ Фатежскаго городничаго, и метрическое свидѣтельство о бракосочетаніи П. Н. Коропчевскаго съ дочерью майора, Анною Герасимовною Рославлевою, 2 л. 1847.
198. Родословникъ рода Рославлевыхъ, 1 л. 1854.
- 199—203. Письма Петра Николаевича Коропчевскаго къ отцу его, Николаю Павловичу Коропчевскому, 5 пис. 1829—1846.
- 204—236. Письма его же къ тестю его, Г. К. Рославлеву, 33 пис. 1847—50.
- 237—238. Письма его же къ женѣ Аннѣ Герасимовнѣ, 2 письма.
239. Письмо его же къ сестрѣ Елизаветѣ Николаевнѣ и мужу ея, Якову Степановичу Дорошенку, 1850.
240. Письмо его же къ Антону Степановичу Миклашевскому, 1845.
241. Записная тетрадь-альбомъ его же, содержащая: стихи, изреченія, рецепты и т. п.
242. Стихотворенія его же, Петра Николаевича, подъ заглавіемъ „Досуги анахорета“, тетрадь, 1847.
- 243—248. Прозаическія сочиненія его же, 6 тетрадей, 1845—1850.
- 249—278. Письма Анны Герасимовны Коропчевской къ отцу ея, Герасиму Кирилловичу Рославлеву, 30 писемъ, 1848—53.
279. Письмо ея же къ свекру, Николаю Павловичу Коропчевскому, 1853.
280. Метрическое свидѣтельство о смерти коллежскаго регистратора, Петра Николаевича Коропчевскаго, 1853.
- 281—282. Метрическія свидѣтельства о смерти жены его Анны Герасимовны, 2 л. 1854 и 1872.
283. Слово при отпѣваніи Анны Герасимовны Коропчевской, произнесенное 21 августа 1854 г. протоіереемъ гор. Чернаго Яра Астраханской губерніи, Васи́лемъ Павлиновымъ, 2 л. 1854.
284. Метрическое свидѣтельство о рожденіи Антонины Петровны Коропчевской, 1 л. 1853.
285. Аттестатъ о поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ Антонины Петровны Коропчевской, выданный при окончаніи ею Кіевскаго Института благородныхъ дѣвиць 1 л. 1867.
286. Отношеніе Совѣта Кіевскаго Института благородныхъ дѣвиць къ воспитанницѣ Антонинѣ Петровнѣ Коропчевской о награжденіи ея за отличные успѣхи въ наукахъ серебряною медалью, 1 л. 1867.

III.

Бумаги архива П. Я. Дорошенка.
(Varia).

1. Грамота турецкаго султана Ахмета III запорожскимъ козакамъ и отвѣтъ ихъ султану, 1 л. 1600 г., старинный списокъ.
2. Письмо запорожскаго кошеваго Ивана Сѣрка крымскому хану о взаимныхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, копія 1799 г. 2 л. 1675.
3. Купчая крѣпость, выданная пѣжинскимъ полковникомъ Филиппомъ Уманцемъ на проданную имъ Тимошу татарину въ дачахъ села Сваркова ниву, 1 л. 1670.
4. Купчая крѣпость, выданная глуховскимъ козакомъ Стефаномъ Семеновичемъ на проданное имъ глуховскимъ же козакамъ Матвѣю и Ивану Лисенкамъ займище на р. Ясмани, 1 л. 1675.
5. Купчая крѣпость, выданная генеральнымъ есауломъ Михаиломъ Миклашевскимъ на проданный имъ козаку Сидору Евсѣевичу дворъ въ Глуховѣ съ пляцомъ и будинкомъ, 1 л. 1686.
6. Оборонный универсалъ гетмана Мазепы на увольненіе отъ войсковыхъ повинностей млиновъ на р. Ясмани, принадлежащихъ товарищу Глуховской сотни Ивану Шкирмону, 1 л. 1690.
7. Купчая крѣпость, выданная глуховскимъ сотникомъ Иваномъ Мануйловичемъ на проданный имъ яеманьскому жителю Кириллу Ясковичу дворъ, 1 л. 1715.
8. Грамота императора Петра I надворному совѣтнику N на село Роздышевку Гадяцкаго полка, отрывокъ старой копіи, 1710.
9. Грамота императора Петра I кievскому Михайловскому монастырю на имѣнія; старая копія, 1 л. 1715.
10. Универсалъ гетмана Скоропадскаго жителямъ села Веремѣвки Лубенскаго полка, съ выговоромъ за непослушаніе и съ распоряженіемъ о принадлежности ихъ къ сотнѣ Чигринъ дубравской, 1 л. 1714.
11. Универсалъ гетмана Скоропадскаго жителямъ с. Веремѣвки о дозволеніи имъ избрать себѣ атамана, 1 л. 1717.
12. Грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей лубенскому полковнику Леонтію Назаревичу Свѣчкѣ на имѣнія, 1690 г., и оборонный универсалъ гетмана Скоропадскаго, данный вдовѣ Домникіи Свѣчкиной съ сыновьями; старая копія, 2 л. 1709.
13. Выписъ истинный, якимъ способомъ биралъ ключи церковные панъ Лукьянъ Свѣчка и якимъ фортелемъ бывалъ въ скарбницѣ: доношеніе пирятинскаго протопопа Михаила Оедорова, 3 л.
14. „Критическіе дни“, 1 л. печат. въ Черниговѣ, 1716.
15. „Свѣдѣніе, сколько въ якой сотнѣ въ каждомъ селѣ посполитыхъ людей и пѣшихъ козаковъ обрѣтается, и сколько порціоновъ и раціоновъ на якое село опредѣляется“. Составлено въ Лохвицѣ, 2 л. 1722.

16. „Экстрактъ зъ формы комѣсарской“ о распредѣленіи порцій и рацій въ малороссійскихъ полкахъ, 1 л.

17. Бумаги бунчуковаго товарища Ивана Ивановича Забѣлы (Обтовскаго), 1731—1740: прошеніе Ивана Забѣлы князю А. И. Шаховскому на Данила Забѣлу за дѣлаемые имъ обиды, 1731 г. Прошеніе жителей села Обтова полковнику глуховскаго гарнизона на капитана Офемберга за дѣлаемые имъ излишніе поборы фуражныхъ денегъ; черновыя, 1 л.

18. Доношеніе Ивана Забѣлы по дѣлу его съ Даниломъ Забѣлою. Челобитіе Ивана Забѣлы въ Крелевецкую ратушу на жителей села Реутинець за порубку его лѣса, 1731; черновыя, 1 л.

19. Челобитіе Ивана Забѣлы въ судъ Генеральный на Данила Забѣлу за причиняемыя имъ обиды; черновое, 1 л. 1734.

20. Донесеніе хорунжаго Генеральной артиллеріи Ивана Забѣлы кн. А. И. Шаховскому о неправильно произведенной ревизіи Короповской сотни, съ просьбой уменьшить тяжелые налоги, павшіе вслѣдствіе того на его имѣніе; черновое, 1 л. 1735.

21. Челобитіе въ Генеральную канцелярію жителей села Обтова на Данила Забѣлу за дѣлаемые имъ разоренія; черновыя, 1736. Ордеръ Нѣжинской полковой канцеляріи въ сотни Новомлинскую, Короповскую и Воронежскую о доставленіи вапна на возобновленіе Лубенскаго Мгарскаго монастыря; копія, 1735, 1 л.

22. Челобитіе войта с. Обтова съ посольствомъ въ Генеральную канцелярію на Данила Забѣлу за дѣлаемые имъ разоренія, 1 л. 1736.

23. Письмо намѣстника Елецкой обители, іеромонаха Константина, къ Ивану Забѣлѣ съ просьбой подарить волчій мѣхъ, 1 л. 1736.

24. Письмо Ивана Забѣлы къ генеральному обозному Лизогубу объ обидахъ, причиняемыхъ ему войтомъ короповскимъ Тетерею и мѣщанами города Коропа, 1 л. 1738.

25. Челобитіе бунчуковаго товарища Ивана Забѣлы въ полковую Нѣжинскую канцелярію о снятіи тяжелыхъ налоговъ съ его деревень и о неправильныхъ распоряженіяхъ и бездѣятельности короповской старшины, 1 л. 1738.

26. Челобитіе войта с. Обтова съ посольствомъ въ Генеральную канцелярію о тяжелыхъ налогахъ, положенныхъ на нихъ комиссаромъ и сотникомъ короповскимъ Филоненковымъ. Росписаніе раціоновъ на сотню короповскую. Письмо Филоненка къ Ивану Забѣлѣ съ понужденіемъ къ выставленію раціоновъ. Копія, 1 л. 1739.

27. Челобитіе Ивана Забѣлы въ канцелярію Конной гвардіи объ освобожденіи дома его въ г. Коропѣ отъ помѣщенія въ немъ амуничныхъ вещей, 1 л. 1739.

28. Челобитіе его же въ Генеральную покупную Комиссію о неправильныхъ репортахъ короповской старшины, обвиняющей его въ томъ, будто онъ поставляетъ въ комиссію хлѣбъ по цѣнѣ слишкомъ высокой. Отрыв. старой копіи, 1 л.

29. Челобитіе его же и войта села Обтова съ посольствомъ въ Генеральный судъ объ окончаніи дѣла ихъ съ управителемъ и жителями с. Клищекъ за порубленные лѣса, 1 л. 1739.

30. Челобитіе жителя с. Обтова Парѣна Юценка съ товарищами въ Генеральную канцелярію на бунчуковаго товарища Александровича о забраніи имъ пяти во-

зовъ хлѣба, вслѣдствіе причиненнаго будто бы просителями пожара его мельницы на р. Ясмани, 1 л. 1740.

31. Предложеніе князя Бяратинскаго Генеральной канцеляріи объ употребленіи для винокурения въ Малороссіи только одной трети урожая хлѣба, 1 л. 1737.

32. Предложеніе кн. Бяратинскаго Генеральной канцеляріи о покупкѣ трехъ тысячъ паръ воловъ для арміи Миниха. Стар. копія, 1 л. 1738.

33. Реляція гр. Миниха изъ Хотина, печат. 1739.

34. Изображеніе представленнаго въ С.-Петербургѣ фейерверка въ честь заключенія мира съ турками; печатн. 1739.

35. Универсалъ гетмана гр. Разумовскаго объ отдачѣ войсковыхъ сборовъ въ Лубенскомъ полку въ откупъ глиняному сотнику Антону Крыжановскому; коп. стар., 1 л. 1752.

36. Указъ Глуховской сотенной канцеляріи о неприемѣ бродячихъ людей; старая копія, 1 л.

37. Письма Петра I, Екатерины I и Елизаветы къ гетманамъ, Павла I и кн. Потемкина къ гр. П. А. Румянцову. Тетрадь копій 12 писемъ, хранившихся въ архивѣ Чернигов. губ. правленія, 1717—1776 гг. Списокъ 30-хъ, либо 40-хъ годовъ XIX ст.

38. Извѣстіе о началѣ Кіевской Академіи, 1 л. 1792.

39. Опись мѣстечка Янполя; копія исповѣдной росписи, 1776.

40. Предложеніе гр. Румянцова Малороссійской коллегіи о поступленіи въ военную службу дѣтей малороссійскаго шляхетства. Старая копія, 1 л. 1771.

41. Манифестъ императрицы Екатерины II данный 28 іюня 1762 г., печатн. листъ.

42. Манифестъ императрицы Екатерины II, о восшествіи на престоль, данный 6 іюля 1762 г.; старая копія, тетр., 4 л.

43. Манифестъ императрицы Екатерины II объ увольненіи гр. Разумовскаго отъ гетманства и объ учрежденіи Коллегіи Малороссійской; 1 печатн. листъ, 1764.

44. Мнѣніе Григорія Полетки, депутата лубенскаго шляхетства, въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія; старая копія, 6 л. 1768.

45. Докладъ гр. Румянцова императрицѣ Екатеринѣ II о введеніи новаго порядка управленія въ Малороссіи. Копія 1797 г., 5 л. 1781.

46. Письма и распоряженія разныхъ должностныхъ лицъ о приготовленіяхъ къ проѣзду императрицы Екатерины II чрезъ Новгород-сѣверское намѣстничество въ 1787 г. Тетрадь копій 17 бумагъ, 1784—86.

47. Манифестъ императрицы Екатерины II, объясняющій причины войны съ Турціей; 2 л. печатн. 1768.

48. Манифестъ императрицы Екатерины II о празднованіи заключенія Кучукъ-Кайнараджійскаго мира съ Турціей; 1 печатн. л. 1775.

49. Манифестъ императрицы Екатерины II о льготахъ, дарованныхъ народу по поводу заключенія мира съ Турціей; 1 печатн. л. 1775.

50. Манифестъ о заключеніи мира съ Турціей въ Яссахъ 1791 г.; 1 печатн. л. 1792.

52. Письмо императрицы Екатерины II гр. П. А. Румянцову о польскомъ движеніи 1794 г. Манифестъ генерала Косцюшки къ польскому народу 1794 г. Письмо императрицы Екатерины II къ кн. Н. В. Репнину о принятіи имъ командованія надъ арміею, расположенной въ Польшѣ, 1794 г. старыя копіи, 1 л.

51. Манифестъ императрицы Екатерины II объ экипажахъ и ливреяхъ, 1 л. печат. 1775.

53. Грамота императрицы Екатерины II, дарованная дворянству Россійской имперіи 21 апрѣля 1785 г. Печ. въ Черниговѣ, 1785.

54—60. Частная переписка между членами семьи Іосифа Григорьевича Туманскаго (ум. 1795 г.). 7 писемъ, 1784—1801.

Къ ранней исторіи Азова.

М. М. Ковалевскаго.

Венеціанская и генуэзская колоніи въ Танѣ въ XIV вѣкѣ.

Занятый собираніемъ данныхъ по исторіи венеціанской торговли въ средніе вѣка, я долженъ былъ пересмотрѣть, въ числѣ добытаго мною архивнаго матеріала, держаціяся доселѣ воззрѣнія насчетъ времени происхожденія и исторіи итальянскихъ колоній на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Эти изслѣдованія привели меня къ тому заключенію, что большинство источниковъ, на основаніи которыхъ можетъ быть написана эта исторія, пока лежатъ неиспользованными. Ранніе писатели по исторіи венеціанской торговли, напримѣръ Маринъ, случайно познакомились съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но того же нельзя сказать въ равной мѣрѣ о позднѣйшихъ, не исключая и Гейда, автора знаменитаго сочиненія по исторіи торговли итальянцевъ съ Левантомъ. Систематическаго же изученія всего, что рукописи XIV и XV вѣка, — рукописи, храняціяся въ архивѣ Фрари въ Венеціи, — заключаютъ въ себѣ по вопросу о венеціанскихъ колоніяхъ юга Россіи, до сихъ поръ не имѣется. Въ этомъ отношеніи гораздо лучше обслѣдованъ матеріалъ, представляемый по тому же вопросу генуэзскимъ архивомъ. Три тома, изданные генуэзской вѣтвью „Storia patria“ подъ названіемъ: „Codice Tauro-Liguro“, представляютъ неоцѣненный источникъ для изображенія внутреннихъ судебъ Θεодосіи въ періодъ ея зависимости отъ банка Святого Георгія въ Генуѣ. Не говоря уже о значительномъ числѣ всякаго рода юридическихъ сдѣлокъ, дипломатической, торговой и административной переписки, названный кодексъ содержитъ въ себѣ еще воспроизведеніе генуэзскаго статута Каоы, или Θεодосіи, въ которомъ находятся данныя, не лишенныя интереса и для судебъ другихъ генуэзскихъ колоній въ Крыму и на Кавказѣ, въ томъ числѣ Таны, или Азова.

Появленіе „Codice Tauro-Liguro“ до нѣкоторой степени облегчило задачу изученія ранней исторіи Азова. Объясняется это тѣмъ, что въ послѣднемъ на ряду съ венеціанцами имѣли свою колонію и генуэзцы. Теперь, когда обнародовано то немногое, что по исторіи Азова содержитъ въ себѣ плохо сохранившійся генуэзскій архивъ, изслѣдователю, желающему исчерпать весь матеріалъ, относящійся къ судьбамъ этого города въ XIV и XV вѣкахъ, остается только сосредоточить свое вниманіе на данныхъ архива венеціанскаго. Эти данныя цѣликомъ содержатся въ той обширной серіи рукописныхъ томовъ, которая извѣстна подъ названіемъ: „Senato (secreti). Deliberazioni miste“, или въ сокращеніи: „Senato misti“. Она содержитъ въ себѣ поста-

новления, по преимуществу, административнаго характера, принятыя венеціанскимъ сенатомъ. Каждый разъ приводится и число голосовъ, высказавшихся въ пользу предложенія или противъ него, а также тѣхъ, которые уклонились отъ подачи мнѣній и извѣстны въ актахъ подъ рубрикой: *non sinceri* (буквально „не искренные“). Къ сожалѣнію до насъ не дошла въ цѣлости эта единственная въ своемъ родѣ запись административныхъ распоряженій, охватывающихъ собою разнообразнѣйшія стороны народной жизни, начиная отъ дипломатическихъ сношеній и оканчивая регулированіемъ цѣнъ мѣропріятіями противъ роскоши въ одеждѣ и отдачи денегъ въ ростъ. Первые четырнадцать томовъ, обнимающіе дѣятельность венеціанскаго сената отъ времени его происхожденія, т.-е. отъ 1293 года по 1331, погибли; къ счастью, однако, не безслѣдно. Уцѣлѣлъ подробный указатель. Онъ изданъ былъ въ 1887 г. Джіомо. Такъ какъ ко всей серіи сенатскихъ постановленій имѣются подобные же инвентари, то на основаніи ихъ не мудрено обозрѣть весь обильный матеріаль, какой этотъ видъ источниковъ содержитъ въ себѣ для исторіи венеціанской колоніи въ Танѣ¹⁾.

Помимо его, мы располагаемъ еще любопытными путешествіями Марко-Поло и Рубруквиса къ берегамъ Дона и въ землю татаръ. Ими уже воспользовался Гейдъ для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся времени происхожденія венеціанскаго поселенія въ Танѣ. Если намъ снова придется говорить объ этомъ предметѣ, то только въ виду недостаточности того рѣшенія, какое дано ему нѣмецкимъ ученымъ, и прямого его противорѣчія съ данными венеціанскаго архива. Кромѣ названныхъ двухъ путешествій имѣется еще позднѣйшее отъ начала XV вѣка. Оно дошло до насъ въ одной Миланской рукописи и въ отрывкѣ отпечатано было еще Макушевымъ въ Бѣлградѣ въ 1882 году въ „*Monumenta Historiae Slavorum Meridionalium*“. Недавно, а именно въ 1896 году, оно вышло въ полномъ видѣ въ новой серіи „*Archivio Veneto*“, издаваемого Пределли, томъ I, часть I, стр. 5. Если присоединить къ этому матеріалу договоры венеціанцевъ съ ханами Золотой Орды, въ томъ числѣ съ Узбекомъ и Занибекомъ, тексты которыхъ сохранились одинаково въ библіотекѣ св. Марка и въ архивѣ Фрари, въ „*Liber Rectorum*“ и въ „*Liber Albus*“, то мы исчерпаемъ весь матеріаль, имѣющійся въ распоряженіи историка при изученіи раннихъ судебъ Азова, насколько послѣдній является венеціанской колоніей. Прибавивъ къ этимъ источникамъ то небольшое, что содержитъ въ себѣ о судьбахъ генуэзской колоніи въ Азовѣ уже упомянутый нами сборникъ генуэзскихъ документовъ, наконецъ, частью изданныя, частью рукописныя данныя, цѣликомъ почерпнутыя изъ нотаріальныхъ актовъ XV вѣка, доселѣ уцѣлѣвшихъ въ обихъ архивахъ, и бросающіе неожиданный свѣтъ на роль итальянскихъ колоній въ торговлѣ рабами, мы обозримъ все, или почти все, что европейскіе источники способны дать намъ для возстановленія раннихъ судебъ одного изъ важнѣйшихъ торговыхъ посредниковъ

¹⁾ Собраніе постановленій, извѣстное подъ именемъ „*Senato misti*“, обнимаетъ собою 69 томовъ, покрывающаго періодъ времени отъ 1269 года по 1440. Съ этого года постановленія сената стали вноситься въ двойнаго рода книги, соотвѣтственно ихъ содержанію. Все, касающееся арсенала, флота и заморскихъ владѣній, должно было поступать въ реестры, извѣстные подъ названіемъ „*Senato, Mar*“. Они тянутся съ начала 50-хъ годовъ XV столѣтія въ теченіе всего XVI и слѣдующихъ за нимъ. Но для исторіи венеціанской Таны интересъ представляютъ лишь первые десять томовъ, заканчивающіеся 1478 годомъ.

Европы съ Азіей, въ частности съ Персіей, Индіей и Китаемъ. Мы сознательно оставляемъ въ сторонѣ уже исчерпанный русскими изслѣдователями и никѣмъ болѣе, какъ Брауномъ, матеріаль русскихъ лѣтописей и болѣе раннихъ свидѣтельствъ арабскихъ путешественниковъ о судьбахъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ. Мы пишемъ не исторію Азова и еще менѣе южной Россіи, Крыма и Кавказскаго побережья, а только очеркъ судебъ венеціанской и генуэзской колоній въ древней Танѣ.

Первый вопросъ, которымъ намъ предстоитъ заняться, — вопросъ о времени происхожденія итальянской торговли на Азовскомъ морѣ и на низовьяхъ Дона, въ частности колоній венеціанцевъ и генуэзцевъ. Этимъ вопросомъ задавались одинаково и Маринъ, и Канале, и историкъ левантійской торговли Гейдъ. Первый, пользуясь, главнымъ образомъ богатымъ матеріаломъ раннихъ путешествій, собранныхъ еще Рамузіемъ, а также актами архива Фрари, не прочь былъ отнести основаніе венеціанцами колоній въ Танѣ еще къ XIII вѣку и при томъ на томъ самомъ островѣ, образуемомъ рукавами впадающаго въ море Дона, на которомъ нѣкогда было расположено греческое поселеніе. Маринъ не опредѣляетъ болѣе точно времени происхожденія венеціанской колоніи, но высказывается въ пользу болѣе ранняго поселенія въ Танѣ венеціанцевъ, чѣмъ генуэзцевъ ¹⁾.

Въ свою очередь Канале, опираясь на фактъ упоминанія еще въ одномъ договорѣ Венеціи съ Генуей отъ 1238 года о посѣщеніи генуэзскимъ флотомъ — *magis maiore extra Cretam* ²⁾, не прочь признать за своими соотечественниками уже въ XIII столѣтіи обширныя торговыя предпріятія на протяженіи сѣвернаго побережья Чернаго моря, что, очевидно, должно было повести за собою и ихъ попытку проникнуть далѣе на сѣверъ къ устьямъ Дона, открывавшимъ перспективу прямыхъ торговыхъ сношеній черезъ Астрахань и Каспійское море съ Персіей и Индіей. Основаніе же генуэзцами колоніи въ Танѣ Канале, повидимому, относитъ только къ послѣдней четверти XIV столѣтія и ставитъ этотъ фактъ въ связь съ разгромомъ Тамерланомъ венеціанскаго поселенія въ этомъ городѣ. Бывшій при Тамерланѣ генуэзецъ по имени Андреа подозрѣвается имъ въ подстрекательствѣ на такое дѣяніе въ виду исконнаго торговаго соперничества и нерѣдко открытой вражды обѣихъ владительницъ надъ левантской торговлей. Немного времени спустя послѣ разрушенія венеціанскаго консульства съ его вооруженнымъ замкомъ и погрома частныхъ жилищъ, занятыхъ подданными республики св. Марка, послѣдовало, по мнѣнію Канале, основаніе генуэзской колоніи въ Танѣ, выходцами одинаково изъ Кабы, или Θεοδοσίи, и Перы, или итальянскаго квартала Константинополя. Эти пришельцы возстановили стѣны поселка и приняли всѣ мѣры къ дальнѣшей его защитѣ. Въ XV вѣкѣ источники упоминаютъ о Танѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся владѣній генуэзцевъ на востокѣ.

Мнѣнія, высказанныя обоими писателями, венеціанскимъ и генуэзскимъ, пользуются несравненно меньшимъ признаніемъ, чѣмъ соображенія, представленныя историкомъ левантійской торговли, Гейдомъ. Пользуясь богатымъ матеріаломъ политическихъ

¹⁾ См. Marin. Storia dell'Comercio Venetiano.

²⁾ Commentarii della Crimea.

и торговыхъ договоровъ, заключенныхъ венеціанцами съ византійскими императорами, а также путешествіями Рубруквиса и Марко-Поло, Гейдъ подвергаетъ сомнѣнію значительность торговаго обмѣна венеціанцевъ на Черномъ, а слѣдовательно, и на Азовскомъ морѣ, даже въ моментъ основанія Латинской имперіи въ Константинополѣ. Фактъ существованія Таны, какъ особой итальянской колоніи, во время, посѣщенія береговъ Чернаго моря монахомъ Рубруквисъ, т.-е. въ 1253 году, и даже позднѣе въ моментъ прибытія на берега Дона, или Танаиса, Марко-Поло, кажется ему сомнительнымъ. За генуэзцами Гейдъ отрицаетъ право считать себя дѣятельными агентами черноморской и азовской торговли въ XIII вѣкѣ. Не ранѣе 1313 года заходитъ, по его мнѣнію, рѣчь о Танѣ, какъ о мѣстѣ, въ которое генуэзцы направляютъ свои товары. Что же касается до венеціанцевъ, то ихъ колонія въ Танѣ, думаетъ Гейдъ, возникла позднѣе генуэзской, не раньше договора ихъ съ Кипчакскимъ ханомъ Узбекомъ въ 1332 году. Факты, на которыхъ Гейдъ опираетъ свое мнѣніе, слѣдующіе: хотя въ договорѣ съ императоромъ Алексѣемъ III отъ 1199 года венеціанцы и выговариваютъ себѣ право торговать на протяженіи всѣхъ византійскихъ владѣній, а слѣдовательно, и направлять свои суда въ принадлежацій Константинополю Трапезундъ, но при раздѣлѣ имперіи между греками и венеціанцами въ 1205 году послѣдніе не выговорили въ свою пользу ни одного порта на Черномъ морѣ. Это обстоятельство указываетъ, по мнѣнію Гейда, на то, что торговля венеціанцевъ на этомъ морѣ въ началѣ XIII вѣка еще слабо была развита. Раньше, а именно въ 1170 г. императоръ Мануилъ Комненъ запретилъ генуэзцамъ посѣщать Матрегу и Руссію, такъ какъ ихъ жители были врагами грековъ. Это обстоятельство, во всякомъ случаѣ, доказываетъ, что генуэзцы уже въ XII вѣкѣ дѣлали попытки завязать торговля сношенія не только съ Чернымъ моремъ, но и съ Азовскимъ. Матрега (или Матрика европейскихъ картъ) извѣстна Константину порфирородному подъ названіемъ Тматархи, а русскимъ лѣтописцамъ — подъ названіемъ Тмутаракани. Она расположена была на островѣ Тамань и списывается еще Эдризю, какъ многолюдное, торговое поселеніе, посѣщаемое купцами отдаленныхъ странъ. Что же касается до Руссіи, то арабскій географъ Макреби указываетъ мѣстоположеніе ея на Азовскомъ морѣ, на большой рѣкѣ, къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ; по словамъ Эдризю, она лежитъ на разстояніи 27 миль отъ Тамани. Такъ какъ географическія карты среднихъ вѣковъ указываютъ на существованіе вблизи Таны у устья Дона особаго Casale de Rossi, то Гейдъ не прочь думать, что такъ называемая Russia, или Rossia, и была расположена при впаденіи Дона въ Азовское море. Во все время продолженія Латинской имперіи въ Константинополѣ генуэзцамъ, какъ торговымъ соперникамъ венеціанцевъ, болѣе или менѣе закрытъ былъ путь, думаетъ Гейдъ, въ Черное море. Вотъ почему, подъ константинопольскими купцами, какихъ Эдризю въ XII вѣкѣ находитъ въ Тамани и въ Судакѣ (Matrega и Soldaja), Гейдъ не считаетъ возможнымъ разумѣть никого иного, какъ венеціанцевъ. Хотя Судакъ между 1233 и 1239 г. и переходитъ въ руки кипчакскихъ татаръ, но это обстоятельство не мѣшаетъ тому, что и монахъ Рубруквисъ въ 1253 г., а также отецъ и дядя Марко-Поло, имѣвшіе въ виду вступить въ торговля сношенія со дворомъ татарскаго хана Берка, высаживаются

со своими товарами въ Судакѣ, — обстоятельство, указывающее, по мнѣнію Гейда на то, что венеціанской колоніи Таны въ это время еще не существовало ¹⁾. Подтвержденіе этому Гейдъ видитъ въ томъ, что въ путешествіяхъ Марко-Поло и Рубруквиса о ней вовсе не заходитъ рѣчи. Къ тому же у самого Рубруквиса, на стр. 15-й, онъ находитъ и объясненіе этому факту въ заявленіи, что люди запада еще не рѣшались являться на берега Азовскаго моря съ большими судами и довольствовались посылкой на него барокъ изъ Тамани, или Матреги. Эти барки закупали у устьевъ Дона сушеную рыбу. Хотя въ договорѣ венеціанцевъ съ генуэзцами отъ 1238 г. и говорится о посѣщеніи генуэзскими судами *mare maior extra Cretam*, но въ противность Канале, впервые указавшему на этотъ фактъ, Гейдъ думаетъ, что подъ „*mare maior*“ слѣдуетъ разумѣть не Черное море, а море Средиземное, лежащее къ югу отъ Крита. Въ этихъ предѣлахъ венеціанцы и генуэзцы и обѣщаютъ оказывать другъ другу, въ случаѣ необходимости, взаимную помощь. Пока продолжалось владычество венеціанцевъ въ Константинополѣ, генуэзцамъ закрытъ былъ доступъ къ Черному морю, но какъ только Михаиломъ Палеологомъ въ 1261 г. произведенъ былъ извѣстный переворотъ къ невыгодѣ венеціанцевъ, союзники греческаго императора, генуэзцы, не замедлили воспользоваться перемѣной обстоятельствъ, чтобы, захватить въ свои руки торговлю на византійскихъ моряхъ. Не считая себя болѣе безопасными въ этихъ предѣлахъ, венеціанцы удалились съ ихъ береговъ. Самыя большія суда ихъ попали въ руки генуэзцевъ, — ихъ экипажъ выданъ былъ императору, который распорядился съ нимъ весьма жестоко. На этотъ счетъ имѣется прямое указаніе генуэзскаго „*Liber iurium*“. Заключенный тѣмъ же Михаиломъ Палеологомъ договоръ съ генуэзцами въ Нимфео обезпечилъ имъ свободу торговли на Черномъ морѣ. Она подтверждена была въ новомъ договорѣ 1308 года императоромъ Андроникомъ. Въ связи съ этими фактами упоминаніе въ 1313 году въ генуэзскихъ статутахъ (*Statuti officii Gazarie*) въ числѣ мѣстъ, подлежащихъ завѣдованью центральнаго учрежденія для колоній, рядомъ съ Θεοδοσίει, или Каоой, и Таны, наводитъ на мысль, что въ это время Азовъ уже имѣлъ генуэзское поселеніе; запрещеніе же въ 1316 г. тѣмъ же генуэзцамъ зимовать въ Танѣ или пріобрѣтать въ ней дома для поселенія подтверждаетъ существованіе ранѣе этого года подобной практики. Когда въ 1332 г. кипчакскій ханъ Узбекъ даровалъ венеціанцамъ вмѣстѣ съ землею въ Танѣ и извѣстныя торговыя преимущества, у нихъ явилась потребность отмежеваться отъ генуэзцевъ. Изъ всего этого, думаетъ Гейдъ, можно съ увѣренностью заключить, что генуэзская колонія предшествовала венеціанской и что послѣдняя возникла не ранѣе 1333 года, когда

¹⁾ Считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что указанная у Марко-Поло резиденція татарскаго хана Берка-Болгары не можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ теперешнимъ татарскимъ ауломъ Болхары, расположеннымъ на недалекомъ разстояніи отъ Нальчика и посѣщеннымъ мною въ сообществѣ съ профессоромъ Всеволодомъ Миллеромъ, сдѣлавшимъ здѣсь раскопку и открывшимъ въ могильникѣ византійскія бусы, — свидѣтельство старинныхъ торговыхъ сношеній съ Константинополемъ. Болхары считаются самымъ большимъ ауломъ горскихъ татаръ нѣкогда занимавшихъ значительнѣйшую часть сѣвернаго плоскогорія, нынѣ состоящаго во владѣніи кабардинцевъ. О городѣ Болгарь, расположенномъ у устьевъ Кавы и нѣкогда бывшемъ центромъ покоренной хазарами державы, очевидно, не можетъ быть рѣчи въ XIII вѣкѣ. Весь дальнѣйшій путь Рубруквиса лежитъ къ востоку отъ Кавказскаго хребта сѣвернымъ берегомъ Каспіа въ Туркестанъ и Бухару.

впервые и назначенъ былъ венеціанскій консулъ въ Тану, а именно Николай Юстианъ. Таковъ ходъ мыслей Гейда и таковы ближайшія его основанія признавать позднее развитіе черноморской и азовской торговли итальянцевъ, связанное съ основаніемъ ими двухъ колоній въ Танѣ.

Спросимъ себя въ настоящее время, въ какой мѣрѣ неизданные до сихъ поръ источники позволяютъ принять только что изложенную теорію? Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что когда въ концѣ XIV вѣка, вслѣдъ за погромами Тамерлана, венеціанскій сенатъ задался мыслью о возстановленіи и упроченіи поселенія въ Танѣ, онъ постоянно говорилъ о торговлѣ съ нею, какъ о фактѣ изстаринномъ, въ которомъ, по его выраженію, „наши предки справедливо видѣли главнѣйшую выгоду отъ обмѣна съ Левантомъ“. Такъ 11 февраля 1400 г. заносится въ протоколы *Consilium rogatum*, или венеціанскаго сената, слѣдующее постановленіе: „такъ какъ необходимо принять мѣры къ тому, чтобы держать на высотѣ морскую торговлю съ Романіей (т.-е. Византійской имперіей) *mare Majus* и Таной, которую наши предки (*nostri progenitores*) признавали самымъ полезнымъ изъ всѣхъ морскихъ предпріятій, то принимаются слѣдующія мѣры“¹⁾. Однохарактерная мотивировка дана подобнымъ же мѣропріятіямъ и въ ближайшемъ году, 28 января. Я нарочно оставилъ безъ перевода выраженіе *mare majus*, такъ какъ въ приведенномъ текстѣ еще не видно, что именно разумѣли подъ нимъ венеціанцы. Болѣе опредѣленно выступаетъ значеніе его, какъ Чернаго моря, изъ такихъ одновременныхъ актовъ, какъ, напримѣръ, принятое въ томъ же 1400 году (18 марта) рѣшенія, въ силу котораго, отправляемыя въ Тану суда только по входѣ въ *mare majus* расходятся въ разныя стороны: одно идетъ въ Трапезундъ, а другія два — сперва въ Каѳу, или Θεодосію, а затѣмъ — въ Тану. Здѣсь уже ясно видно, что подъ *mare majus* разумѣется Черное море, и столь же наглядно это выступаетъ изъ требованія, чтобы на обратномъ пути изъ *mare majus* прежде, чѣмъ войти *in bicham*, подъ которой, очевидно, разумѣется проливъ Константинопольскій, возвращающіяся изъ Трапезунда и Таны суда собрались въ одно мѣсто. Выборъ его предоставляется обыкновенно не капитану флотиліи, а совѣту, составленному въ Константинополѣ изъ пребывающихъ въ немъ старыхъ консуловъ Таны и Трапезунда, константинопольскаго бальфа и вицебальфа, т.-е. то же, что консула и вицеконсула венеціанской колоніи въ Византіи. Изъ этихъ данныхъ, очевидно, нельзя не вывести того заключенія, и что договоръ венеціанцевъ съ генуэзцами, отъ 1238 г. выговаривающій взаимную помощь другъ другу въ этихъ предѣлахъ, имѣетъ въ виду ту помощь, какую генуэзцы, уже положившіе въ это время основы своей колоніи въ Θεодосіи, или Каѳѣ, могли доставить венеціанскимъ торговцамъ Константинополя, упоминаемымъ арабскими писателями, въ томъ числѣ Эдризиды, въ числѣ торговцевъ въ Судакѣ — въ Крыму. Языкъ венеціанскихъ актовъ XV ст. не оставляетъ въ то же время ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, если Черное море извѣстно было подъ названіемъ *mare majus*, то Средиземному такъ же часто приписывалось названіе *mare majore*²⁾. А если такъ, то Гейдъ правъ, отри-

¹⁾ Senato Misti, т. 43, fol. 53.

²⁾ Такъ, въ протоколахъ сената отъ 1403 г., говорящихъ объ отправкѣ судовъ въ предѣлы Византійской имперіи, употребляется выраженіе: *coche iture ad partes Constantinopolls et maris Maioris*. Senato

чая за приводимымъ Канале договоромъ венеціанцевъ съ генуэзцами характеръ неоспоримаго доказательства тому, что въ XIII вѣкѣ обычной была встрѣча ихъ судовъ въ предѣлахъ Чернаго моря. Съ другой стороны, признаваемое самимъ Гейдомъ существованіе уже въ это время генуэзской Кааы и тотъ фактъ, что отъ 1290 г. дошелъ до насъ отрывокъ изъ древнѣйшаго статута этой колоніи, наконецъ, то обстоятельство, что въ срединѣ XIII вѣка и Рубруквисъ и отецъ Марко-Поло уже имѣли сношенія съ татарскими ханами и высаживались со своими товарами въ Судаку, все это вмѣстѣ взятое, позволяетъ считать далеко не невозможной такую встрѣчу судовъ обѣихъ республикъ еще въ XII-мъ вѣкѣ. Эти послѣднія соображенія, какъ мнѣ кажется, подкрѣпляются данными, уцѣлѣвшими въ венеціанскомъ архивѣ, къ сожалѣнію, лишь въ формѣ указателя къ затеряннымъ или истребленнымъ пожаромъ протоколамъ сената. Въ этомъ указателѣ довольно подробно излагается рядъ мѣръ, доказывающихъ, во-первыхъ, вопреки утверженію Гейда, существованіе особаго консула Таны за семь лѣтъ до заключенія торговаго договора съ Узбекомъ, а именно — въ 1325 г., во-вторыхъ, наличность постояннаго, торговаго обмѣна между Панतिकонеей, т.-е. Керчью (въ актахъ XIV вѣка она извѣстна подъ именемъ Ponticorega) и Таною, или Азовомъ, наконецъ, въ-третьихъ, господство уже въ 1322 г. въ Венеціи практики, удержавшейся въ теченіе всего XIV и XV вѣковъ, практики снаряжать двѣ галеры, или два вооруженныхъ судна, для торговли на Черномъ морѣ, изъ которыхъ одно, по крайней мѣрѣ, направляемо было въ Тану. Выборъ судовъ, повидимому, уже въ это время происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ имѣется мостъ Ріальто, объявлялось во всеобщее свѣдѣніе торговцевъ, весьма многочисленныхъ въ этомъ кварталѣ, что они должны поставить свои суда властямъ для отправки ихъ въ предѣлы Византійской Имперіи, Чернаго моря и Таны. Затѣмъ изъ этихъ судовъ капитану, назначенному для предводительства морской торговой экспедиціей, предоставлялось выбрать три бросаніемъ костей, практика замѣненная впоследствии, т.-е. въ концѣ XIV столѣтія, прямымъ обозначеніемъ означенныхъ судовъ въ стѣнахъ сената. Издержки по снаряженію флотиліи и по посылкѣ особаго агента, для переговоровъ съ владѣвшимъ Азовомъ татарскимъ ханомъ, падаютъ на торгующихъ въ Танѣ венеціанцевъ, которые, очевидно, призваны покрыть ихъ доходомъ отъ таможенныхъ сборовъ. Такъ какъ необходимыя суммы не могутъ быть получены сразу, то авансъ дѣлается камерой, за вѣдующей хлѣбной торговлей въ Венеціи. Акты первой четверти XIV вѣка не оставляютъ насъ въ неизвѣстности ни касательно товаровъ, доставляемыхъ на обратномъ пути судами, отправляющимися въ Константинополь, Черное и Азовское моря, вплоть до устьевъ Дона, ни о болѣе широкой свободѣ выбора ихъ, разъ рѣчь шла о посылкахъ изъ Таны, ни о числѣ плаваній, производимыхъ въ годъ судами между Венеціей и Таной и обратно. Морское путешествіе впередъ и назадъ въ этихъ

Misti m. 46, f° 73 и 76. Размѣръ платы за провозъ (navulum) различенъ, смотря по тому, идетъ ли товаръ изъ Таны, или mare Major. Senato Misti m. 56, f° 118. Во всѣхъ этихъ случаяхъ разумѣется, очевидно, море Средиземное. Когда же протоколы сената имѣютъ въ виду Черное море, они говорятъ о немъ, какъ о mare Major. Такъ въ приказѣ собраться въ одномъ мѣстѣ на обратномъ пути изъ Таны до входа въ буханъ т.-е. въ Константинопольскій заливъ значитъ, что это мѣсто должно быть гдѣ-нибудь in mare majus.

границахъ передается въ актахъ терминомъ „*mudua*“. Когда по тѣмъ или другимъ соображеніямъ сенатъ считалъ невозможнымъ отправить галеру въ Тану, онъ объявлялъ, что, пока не вернутся изъ обратнаго плаванія суда въ Венецію въ мартъ или, наоборотъ, въ сентябръ, въ Тану не будетъ отправлено ни одной новой галеры. Суда, должествовавшія окончить свой обратный путь въ мартъ, не могли привозить изъ Леванта другихъ товаровъ, кромѣ алюминія, розоваго масла и воска. Тѣ же, которыя возвращались въ сентябръ, не принимали иного груза, кромѣ шелковыхъ тканей, хлѣба и другихъ тяжелыхъ товаровъ. Но торговцы Таны освобождены были отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Если ея жителямъ, какъ и другимъ венеціанцамъ, пребывающимъ на востокъ, запрещено было получать изъ метрополіи драгоцѣнные металлы, золото и серебро, то за то имъ позволялось отпускать при отплытіи галеръ и судовъ съ береговъ Азовскаго моря всякій товаръ, какъ легкій, такъ и тяжелый. Изъ тѣхъ же актовъ мы узнаемъ, что уже въ 1331 г. выборъ совѣтниковъ при консулѣ въ Танѣ перешелъ въ руки поселившихся въ ней венеціанскихъ купцовъ. Консулу одновременно дано было мѣсячное вознагражденіе въ 50 большихъ солидовъ, или такъ называемыхъ „*solidi grossorum*“. Ему приходилось на свой счетъ содержать трехъ слугъ и двухъ коней¹⁾.

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, какія причины содѣйствовали, если не первоначальному возникновенію, то быстрому росту венеціанской колоніи на Азовскомъ морѣ, именно въ первой четверти XIV столѣтія, то намъ необходимо будетъ считаться со всѣми тѣми фактами, которые одновременно дѣлали невозможными непосредственныя торговля сношенія запада съ востокомъ въ портахъ Сиріи и Египта. Эти причины лежатъ прежде всего въ занятіи мусульманами передней Азіи и сѣверной Африки, въ упраздненіи ими Іерусалимскаго королевства и переходѣ во власть калифовъ тѣхъ самыхъ портовъ, въ которыхъ, какъ въ Яффѣ, въ теченіе столѣтій венеціанцы имѣли своихъ консуловъ и держали свои факторіи. Проповѣдь римской куріи противъ всякаго прямого обмѣна съ невѣрными — обстоятельство, уже отмѣченное Гейдомъ, — могла временно помѣшать посылкѣ торговыхъ судовъ въ Александрію и Бейрутъ, а слѣдовательно, и косвенно содѣйствовать успѣху Таны, но въ XV вѣкѣ, обмѣнъ съ Египтомъ, вопреки всѣмъ запретамъ, оживаетъ снова, быть можетъ, въ связи съ потерей Таны. Весьма важное значеніе для развитія венеціанской колоніи на Азовскомъ морѣ въ началѣ XIV вѣка играло то обстоятельство, что, съ паденіемъ Латинской имперіи въ Константинополь, генуэзцамъ, какъ мы видѣли, было обезпечено первенствующее мѣсто въ морской торговлѣ Византіи, а слѣдовательно, на Средиземномъ морѣ. Венеціанцамъ пришлось искать для себя другихъ морей и причаливать со своими кораблями къ Трапезунду. Этимъ объясняется, почему въ этомъ городѣ одновременно, или, быть можетъ, нѣсколькими годами ранѣе возникновенія консулата въ Танѣ, создано было венеціанцами особое баюльство, то же что консульство. О немъ, какъ о существующемъ учрежденіи, говорится въ указателѣ къ недошедшему до насъ V тому *Senato Misti*, т.-е. въ двад-

¹⁾ См. *J. misti del Senato*. (1293 — 1331 г.) *Trascrizione dell'indice dei primi volumi perduti*, стр. 15, 21, 80, 82, 83, 86, 89, 106, 107, 240, 241 и 305.

цатыхъ годахъ XIV столѣтія¹⁾). На пути между Константинополемъ и Трапезундомъ венеціанцы не находили другого мѣста для временной стоянки, кромѣ генуэзскихъ портовъ: Кааы, или Θεодосіи, и Керчи. Но въ этихъ гаваняхъ венеціанцамъ не всегда было безопасно производить выгрузку товаровъ въ виду враждебныхъ отношеній ихъ съ генуэзцами; даже при возстановленіи мирнаго оборота, венеціанцамъ приходилось нести въ этихъ чужихъ портахъ высокія торговыя пошлины, причина, по которой и въ позднѣйшее время судамъ, отправлявшимся изъ Венеціи въ Черное море, ставилось на видъ не задерживаться въ этихъ стоянкахъ дольше положеннаго числа дней, не производить разгрузки и не соглашаться на платежъ чрезвычайныхъ сборовъ, требуемыхъ отъ нихъ мѣстными властями. При такихъ условіяхъ понятно, какое значеніе могло имѣть пріобрѣтеніе не только хорошаго убѣжища для своихъ судовъ на Азовскомъ морѣ, но и возможности изъ этого порта, расположеннаго на близкомъ разстояніи отъ устьевъ Дона, посылать свои товары вверхъ по его теченію приблизительно до теперешняго Калача, а оттуда короткимъ сухимъ путемъ опять-таки приблизительно до Царицына, съ тѣмъ, чтобы славить грузы въ Астрахань или, вѣрнѣе, въ расположенный въ ближайшемъ ей сосѣдствѣ Сарай, столицу Золотой Орды. Въ сборникѣ раннихъ путешествій, изданномъ Рамузіемъ въ началѣ XVI вѣка, можно найти подробныя данныя о значеніи, какое этотъ путь имѣлъ столѣтіями раньше для торговаго обмѣна Азіи съ Европой. Къ Каспію рѣчными и караванными путями вверхъ по Персидскому заливу, Эфрату и Тигру, или внизъ по Оксусу, вливавшемуся нѣкогда, какъ извѣстно, въ Каспійское море, направлялись еще въ древности товары, не только Персіи, но и Индіи. Въ XIV вѣкѣ караванный путь шелъ приблизительно изъ Астрахани сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря и далѣе на сѣверо-востокъ по теченію рѣкъ Оссо и Или, другими словами — черезъ Туркестанъ и Джунгарію вплоть до Китая. Онъ описанъ у цитируемаго Гейдомъ итальянскаго купца-странника Пегаллоти. Каспійское море, на которомъ столѣтія спустя Стенька Разинъ нашелъ такую богатую наживу для своихъ пиратскихъ набѣговъ, еще въ XIV вѣкѣ настолько привлекало къ себѣ корсаровъ возможностью поживиться сокровищами Индіи, Персіи и Китая, что Луккино Тариго, бывшій прежде начальникомъ надъ стрѣльцами въ Генуѣ, не прочь былъ отправиться на него изъ Кааы, или Θεодосіи, въ роли морского разбойника²⁾).

Но если Тана, какъ мѣсто, въ которомъ восточные торговые пути сходились съ западными, являлась естественной приманкой для венеціанцевъ, то доступъ къ ней съ момента распространенія татарскаго владычества на югъ Россіи былъ закрытъ принадлежностью ея кипчакскимъ ханамъ. Вотъ почему всѣмъ тѣмъ, кто желалъ получить доступъ къ Азовскому морю, приходилось вступать въ предварительные договоры и соглашенія съ этими ханами и отъ нихъ получать разрѣшеніе на устройство постоянныхъ факторій, открытіе консульствъ, выгрузку и продажу товаровъ мѣстнымъ жителямъ, все это подъ условіемъ извѣстныхъ платежей въ пользу ханской казны, размѣръ которыхъ опредѣляемъ былъ самими этими соглашениями. Необходимость найти

¹⁾ См. index къ первымъ 14 томамъ, томъ V. f° 160.

²⁾ См. Гейдъ: „Исторія Левантійской торговли“ т. II, Итальянскаго перевода, стр. 17.

такой, можно сказать, единственный въ своемъ родѣ рынокъ для сбыта собственныхъ или шедшихъ черезъ Венецію западныхъ товаровъ и закупки восточныхъ стала, разумѣется, еще болѣе ощутительной послѣ того, какъ въ союзѣ съ генуэзцами Михаилу Комнену удалось возстановить владычество однихъ грековъ въ Константинополѣ. Съ этого времени, какъ я уже сказала, торговля въ принадлежащихъ Византіи портахъ стала переходить почти всецѣло въ руки генуэзцевъ. Но отъ тѣхъ же генуэзцевъ отошла подъ владычество хановъ кипчакскихъ во второй половинѣ XIII столѣтія, важнѣйшая изъ ихъ колоній на Азовскомъ морѣ — Судака, или Soldaja (между 1333 и 1339 гг.). Благодаря этому обстоятельству, генуэзцамъ пришлось для закупки соленой рыбы, на рынкѣ татарскаго Азака, посылать какъ мы видѣли, большія ладьи изъ Пантикапеи въ Тану. Оба соперника одинаково заинтересованы были поэтому въ полученіи извѣстныхъ торговыхъ привилегій отъ хановъ, владѣльцевъ Азака. Когда въ 1332 г. венеціанцамъ удалось, заключить договоръ съ Узбекомъ, текстъ его, или, точнѣе, въ текстъ подтвердительной грамоты, выданной ханами между 1342 и 1347 г., включено было, что сданный венеціанцамъ земельный участокъ граничить съ тѣмъ и долженъ быть отдѣленъ отъ того, какой занять генуэзцами. Значить ли это, что генуэзцы упрочились въ Азовѣ ранѣе венеціанцевъ? Не думаю; такъ какъ самая близость ихъ къ Византіи мѣшала соглашенію ихъ съ ея врагами, какими нерѣдко являлись татарскіе ханы. Вотъ почему не далѣе какъ въ 1316 г. властями Генуи еще запрещалось ея подданнымъ перезимовывать въ Танѣ или пріобрѣтать въ ней дома для поселенія, — обстоятельство, которымъ легко могли воспользоваться венеціанцы для оживленія своихъ торговыхъ сношеній съ Таной и заключенія торговаго договора съ ея правителемъ. Посылка двухъ галеръ въ Тану въ 1322 г. отстоитъ всего на пять лѣтъ отъ момента временнаго прекращенія торговаго обмѣна генуэзцевъ съ этимъ городомъ, а на разстояніи десяти лѣтъ уже слѣдуетъ выдача ханомъ Узбекомъ Николаю Юстиніану, посланному къ нему агенту республики св. Марка и консулу Таны, особаго диплома, выговарившаго венеціанцамъ рядъ преимуществъ¹⁾. Съ этого времени собственно и начинается исторія венеціанской колоніи въ древнемъ Азовѣ, а также и параллельное развитіе генуэзскаго торговаго поселенія въ этомъ городѣ. Эта исторія должна быть написана сизнова и цѣликомъ на основаніи актовъ, уцѣлѣвшихъ въ архивахъ Венеціи и Генуи²⁾. Такова и будетъ ближайшая задача нашей монографіи, для которой все вышесказанное должно служить не болѣе, какъ вступленіемъ.

§ 2.

Текстъ договоровъ, заключенныхъ съ ханами, владѣльцами Азака, или Азова, передается намъ рукописнымъ сборникомъ, уцѣлѣвшимъ въ архивѣ и извѣстнымъ подъ названіемъ „бѣлой книги“ (Liber albus). Самымъ раннимъ изъ этихъ источниковъ

¹⁾ Тафель опредѣлилъ годъ выдачи этого диплома; онъ падаетъ на 1332 годъ нашей эры. Татары пользовались при лѣтосчисленіи особымъ 12-годовымъ цикломъ, въ которомъ годъ обезьяны, указанный въ дипломѣ, приходится именно на 1332 годъ.

²⁾ Другой экземпляръ того же сборника хранится въ библіотекѣ св. Марка; оба послужили главнымъ матеріаломъ для изданія Тафелемъ и Томасомъ древнѣйшихъ трактатовъ и договоровъ республики св. Марка.

является договоръ съ ханомъ Узбекомъ. Читая его, выносишь, однако, впечатлѣніе, что первыя соглашенія съ ханами, поведшія къ установленію „извѣстныхъ обычаевъ, которые рекомендуется сохранить“, состоялись значительно ранѣе; является предположеніе о возможности возвести ихъ къ эпохѣ путешествій Рубруквиса и Марко-Поло и ихъ переговоровъ съ ханомъ Беркою.

Текстъ договора, заключеннаго съ Узбекомъ, какъ мы уже сказали, въ 1331 г., воспроизводится затѣмъ цѣликомъ въ трактатѣ венеціанцевъ съ Занибекомъ, изложенномъ какъ на латинскомъ языкѣ, такъ и на венеціанскомъ нарѣчій въ 1347 г. Но въ него вносятся и нѣкоторыя дополнительные нормы, которыя выдаются за принятыя съ самаго начала при первыхъ переговорахъ хановъ съ венеціанцами, но которыхъ мы отнюдь не находимъ въ текстѣ трактата съ Узбекомъ. Изъ нихъ мы узнаемъ и о мѣстѣ, отведенномъ въ Азакѣ для устройства венеціанскаго двора, и о взиманіи съ его товаровъ нѣкоторыхъ поборовъ, однохарактерныхъ съ тѣми, которые платяты генуэзцы. Вообще о генуэзцахъ рѣчь заходитъ только въ этомъ позднѣйшемъ по времени документѣ, такъ что напрашивается мысль, не произошло ли сближеніе послѣднихъ съ татарами одновременно и, быть можетъ, въ причинной связи съ тѣмъ временнымъ перерывомъ сношеній венеціанцевъ съ владѣльцами Азака, который послѣдовалъ, какъ мы увидимъ вскорѣ, въ правленіе Занибека и потребовалъ отъ венеціанцевъ послышки къ нему особаго посольства для заключенія договора 1347 г., значительно измѣнившаго прежній. Если наша догадка вѣрна, то ходъ событій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

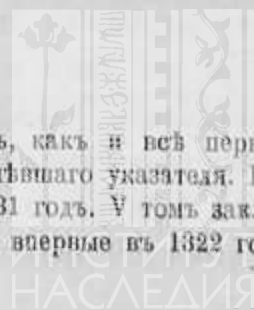
Торговья сношенія съ татарскими ханами, завязавшіяся еще въ 60-хъ годахъ XIII столѣтія вслѣдъ за путешествіями Рубруквиса и Марко-Поло, становятся болѣе оживленными съ момента паденія Латинской имперіи и вытѣсненія генуэзцами венеціанцевъ изъ области черноморской торговли. Встрѣчая препятствіе къ выгрузкѣ своихъ товаровъ въ генуэзскихъ портахъ, венеціанцы добиваются и получаютъ отъ хановъ право торговать ими въ ихъ земляхъ, начиная съ устья Танаиса, или Дона. Это обстоятельство заставляеть венеціанцевъ озаботится посылкой одной или двухъ галеръ, т.-е. вооруженныхъ судовъ изъ числа участвующихъ въ ежегодныхъ, а иногда и дважды въ годъ повторяемыхъ плаваній по направленію къ Константинополю, и *mare Majus*, или Средиземному морю. Тогда какъ одно изъ такихъ судовъ, по вступленіи въ Черное море (*mare Majus*) направляется къ Трапезунду, другое идетъ въ Тану съ временной остановкой въ *Θεοδοσίη*, или Каѳѣ, или и безъ такой остановки, смотря по характеру отношеній венеціанцевъ и генуэзцевъ, — мирному или враждебному. Венеціанцы еще не встрѣчаютъ въ Азовѣ торговыхъ соперниковъ въ лицѣ генуэзцевъ, такъ какъ послѣднимъ, какъ союзникамъ греческаго императора, запрещено было не далѣе какъ въ 1316 г. производить выгрузку своихъ товаровъ въ Танѣ и пріобрѣтать дома въ ней для поселенія. При этомъ основаніемъ приводилась враждебность татаръ къ византійскому императору. Это не значитъ, чтобы генуэзцы отказывались отъ всякаго торговаго обмѣна съ Азовомъ: они посылаютъ изъ Керчи—Понтикапей (*Ponticapea*) свои барки для закупки соленой рыбы въ изобиліи продаваемой у устья Дона. Когда ихъ суда заходятъ въ Тану, вене-

ціанцы, уже упрочившіся въ ней, допускають ихъ къ выгрузкѣ своихъ товаровъ не иначе, однако, какъ обложивши ихъ платежомъ въ свою пользу.

Ничто больше этого факта не говоритъ о томъ, что венеціанцы пока единственные хозяева всяческаго обмѣна съ татарами. Немудрено поэтому, если ихъ колонія получаетъ уже прочное административное устройство, однимъ дальнѣйшимъ развитіемъ котораго занимаются постановленія венеціанскаго сената въ 1333 году, вслѣдъ за заключеніемъ договора съ Узбекомъ. Венеціанскій консулъ въ Танѣ — должность еще не извѣстная въ началѣ XIII вѣка въ эпоху составленія того рукописнаго сборника, который дошелъ до насъ подъ наименованіемъ: „*Liber officiorum Communis Veneciaram*“¹⁾ т.-е. устава отдѣльныхъ сановниковъ республики, такъ какъ въ этомъ сборникѣ, упоминающемъ о консулахъ въ Сиріи, Синопѣ, на Балканскомъ полуостровѣ и островахъ Архипелага, ни словомъ не говорится о такихъ же чиновникахъ въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ, — уже выступаетъ на правахъ высшаго администратора колоніи въ Танѣ въ 1322 г. почти одновременно, или, точнѣе, годъ или два спустя послѣ первыхъ упоминаній о такомъ же сановникѣ въ Трапезундѣ²⁾). Ко времени основанія консульства въ Танѣ должны были уже сложиться тѣ обычаи, которые регулировали собою торговлю венеціанскихъ купцовъ съ подданными Узбека. Въ протоколахъ сената отъ 1332 г. мы находимъ нѣкоторыя распоряженія, относящіяся до снаряженія посольства къ нему. Говорится о жалованіи въ 50 „*libri*“, оно должно быть уплачено послу, по его прибытіи въ Тану. Въ счетъ этихъ 50 *libri* онъ можетъ получить теперь же 30, если же этихъ денегъ окажется недостаточнымъ, то надлежитъ созвать особый совѣтъ купцовъ, входящихъ или могущихъ быть членами Большого совѣта республики. Въ ихъ присутствіи, что значитъ: отобравъ предварительно ихъ мнѣнія, это высшее законодательное учрежденіе должно рѣшить большинствомъ голосовъ, сколько денегъ можетъ быть ассигновано, сверхъ упомянутой суммы, на издержки посольства. Постановленіе, о которомъ идетъ рѣчь, принято было 19 марта, а 9 іюля того же года изготовлены были и письменныя инструкціи касательно снаряженія двухъ галеръ, съ которыми посоль долженъ былъ отплыть въ Тану. Этотъ документъ интересенъ потому, что, опредѣляя размѣръ платы, взимаемой за провозъ товаровъ изъ Константинополя въ Тану, онъ въ то же время перечисляетъ важнѣйшіе виды ихъ. Оказывается, что всѣ они принадлежатъ къ числу металловъ или красокъ, таковы: *stagno* — сѣроватый металлъ, болѣе крѣпкій, но менѣе тяжелый, чѣмъ свинецъ, значитъ въ итальянскомъ лексиконѣ Петроки, *game*, или мѣдь, наконецъ *cinabro*, родъ красной глины, употребляемой при мазкѣ домовъ и внутреннихъ помѣщеній. По всей вѣроятности, эти матеріалы, обложенные сборомъ въ три солида съ *miliarium* вѣса, предназначались для постройки домовъ

¹⁾ Archivio Frari: Comune II.

²⁾ О „*baiulus Trapesundi*“ говорится уже въ V томѣ *Senato Misti*. Томъ этотъ, какъ и всѣ первые четырнадцать, не дошелъ до насъ. Ихъ содержаніе извѣстно намъ только изъ указателя. Периодъ времени, обнимаемый первыми четырнадцатью томами, идетъ отъ 1293 по 1331 годъ. V томъ заключаетъ въ себѣ акты 20-хъ годовъ XIV вѣка. О консулѣ же Таны заходитъ рѣчь впервые въ 1322 году въ VII томѣ тѣхъ же „*Senato Misti*“.

венецианцевъ въ Танѣ. Выборъ посла палъ на дворянина Андреа Джено, которому долженъ былъ помогать въ веденіи переговоровъ бывший въ это время консуломъ въ Танѣ Николай Юстиніанъ. Этотъ послѣдній, отбывши двухгодичный срокъ службы, возвращается въ Венецію съ текстомъ трактата, выданнаго Узбекомъ и переведеннаго съ персидскаго языка, на которомъ онъ былъ написанъ, на латинскій монахомъ польскаго происхожденія, по имени Доминикомъ. Хотя этотъ памятникъ и озаглавленъ въ текстѣ терминомъ договора — „*tractus*“, но по своей формѣ онъ скорѣе долженъ быть названъ указомъ Узбека къ начальникамъ Таны — въ частности къ нѣкому *Machmattoja*, а также къ сборщикамъ таможенныхъ пошлинъ и лицамъ, завѣдующимъ публичными вѣсами, наконецъ, ко всѣмъ обывателямъ города. Ханъ предписываетъ взимать впредь три процента съ цѣны поступившихъ въ продажу венецианскихъ товаровъ, за исключеніемъ драгоценныхъ металловъ, золотыхъ и серебряныхъ пряжекъ (*margaritae*) и изготовляемыхъ изъ золота филиграновыхъ работъ (*aurum filatum*), съ которыхъ, значится въ актѣ, издревле не полагалось никакого побора и не должно быть требуемо и впредь. Помимо этихъ платежей въ 3% съ однихъ проданныхъ товаровъ, а не съ поступившихъ только въ продажу, полагается взимать еще корабельный сборъ, какъ съ приходящихъ судовъ, такъ и съ отходящихъ. При этомъ размѣръ суммы не обозначенъ и сдѣлана ссылка на прежній обычай (*secundum priorem consuetudinem*). При взвѣшиваніи товаровъ должны присутствовать со стороны венецианцевъ — товарищъ консула, а со стороны татаръ — товарищъ лица, поставленнаго для завѣдыванія торговлей и извѣстнаго въ латинской передачѣ подъ именемъ *comerciaricus*, очевидно, отъ слова *comercium* — торговля. Въ случаѣ возможныхъ столкновеній между венецианцами и туземцами консулу дозволено засѣдать въ мѣстномъ судѣ и принимать участіе въ разбирательствѣ дѣлъ и постановкѣ рѣшеній. Добавочная фраза: „и да не захватятъ они одного за мѣсто другого“ (*ne cariant unum pro alio*), бросаетъ неожиданный свѣтъ на источникъ, какъ ранѣе, такъ и позже повторявшихся столкновеній татаръ съ венецианцами. Распространяя на всѣхъ торгующихъ съ ними иноземцевъ начало взаимной отвѣтственности и круговой поруки, татары не прочь были вымѣстить на любомъ изъ западныхъ купцовъ, торгующихъ въ Танѣ, недовольство, вызванное дѣяніями того или другого изъ нихъ въ частности. Этой-то практикѣ и желали положить конецъ венецианцы, настаивая на принципѣ личной отвѣтственности. Разбираемый нами документъ, который самъ ханъ называетъ привиллегіей (*privilegium*), заключаетъ въ себѣ еще уступку извѣстныхъ земель въ Азакѣ для сооруженія на нихъ частныхъ жилищъ венецианскихъ купцовъ и ихъ магазиновъ (*domos ad faciendum mercationes suas*). Снисходя на ходатайство дожа (*maior populi Venetorum*) и всего венецианскаго народа (*commune*), ханъ отводитъ для поселенія венецианцевъ въ Танѣ участокъ земли за церковью госпиталійцевъ вплоть до береговъ Дона (*retro hospital' ecclesiam usque ad littum Tenis fluvio*). Тотъ же участокъ обозначенъ болѣе опредѣленно въ договорѣ съ Занибекомъ. Въ немъ территорія, занятая венецианцами, указана, какъ лежащая между еврейскимъ кварталомъ (*Zudecha*) и кварталомъ, отведеннымъ генуэзцамъ. Она тянется отъ береговъ Дона, въ частности отъ купальни (*balneum*) нѣкоего

Бадардина, на границѣ еврейскаго квартала, вверху къ горѣ и занимаетъ часть послѣдней, при чемъ дальнѣйшая граница не указана, а значится только, что венеціанцы могутъ занять столько земли, сколько имъ нужно для возведенія ихъ поселка ¹⁾. Много поколѣній спустя, когда послѣ не разъ повторявшихся погромовъ, изъ которыхъ, повидимому, ни одинъ не принялъ бѣльшихъ размѣровъ, чѣмъ тотъ, который произведенъ былъ Тамерланомъ, венеціанцы снова озаботились укрѣпленіемъ своего поселка въ Танѣ, имъ пришлось не только возстановливать стѣны, отдѣляющія ихъ, съ одной стороны, отъ генуэзцевъ, а съ другой—отъ еврейскаго квартала,—стѣны, идущія отъ береговъ Дона въ гору до ея вершины (*usque ad sumitatem montis*), но и провести особую стѣну отъ конца той, которая отдѣляла ихъ отъ генуэзцевъ до той, которая служила границей еврейскаго квартала. У подножья горы была воздвигнута крѣпостца, или *castrum*, которую рѣшено было окружить съ всѣхъ сторонъ рвами ²⁾. Такъ какъ длина стѣны, идущей подъ прямымъ угломъ отъ еврейскаго квартала къ генуэзскому и пересѣкающей такимъ образомъ отведенную венеціанцамъ площадь, указана приблизительно въ 500 шаговъ, то есть основаніе говорить, что венеціанская слобода тянулась сравнительно узкой полосой отъ береговъ Дона до вершины горы, при чемъ ближайшими ея сосѣдями были, съ одной стороны, слобода генуэзская, а съ другой—еврейская. Венеціанцы не разъ озабочены были расширеніемъ отведенной имъ площади; такъ въ 1374 г., имѣя въ виду, что со стороны генуэзцевъ лежитъ впускъ нѣкій участокъ земли съ сожженными на немъ постройками (*quoddam territorium vacuum et combustum quod est de jurisdictione nostra a parte Januensium*), сенатъ распорядился о покупкѣ изъ него столько земли между портомъ и горою, сколько признано будетъ полезнымъ консуломъ Таны и совѣтомъ 12 человекъ изъ венеціанскихъ купцовъ этого города. Для покрытія издержекъ такой покупки, консулъ въ правѣ былъ распорядиться деньгами казны, съ тѣмъ чтобы занятая такимъ образомъ у правительства сумма возмѣщена была со временемъ поборомъ съ товаровъ венеціанцевъ, торгующихъ въ Танѣ ³⁾. Соответственно этому приказу консулъ распорядился о покупкѣ участка, но прежде, чѣмъ воздвигнуть на немъ крѣпость, какъ это имѣлось въ виду Сенатомъ, онъ довелъ до свѣдѣнія послѣдняго, что генуэзцы, по всей вѣроятности, увидятъ въ этомъ ближайшую причину недовольства венеціанцами, — недовольства, которое можетъ кончиться открытымъ столкновеніемъ ⁴⁾. Въ виду этого сенатъ приказалъ вернуть приобрѣтенные участки продавцамъ и получить обратно отъ нихъ деньги; со стороны же генуэзцевъ воздвигнуть стѣну въ два шага высоты изъ кирпичей (*de cippiis coctis*).

¹⁾ *Graciam specialem concessimus Terratici positi intra balneum Badardini a Zudecha subtus dirupum versus montem et ipsum montem ad sufficientiam pro ipsorum habitatione construenda ad ipsorum omnimodam voluntatem.*

²⁾ *Senato Misti, T. 54, fol. 3; постановление отъ 3 марта 1424 года.*

³⁾ *Senato Misti, T. 34, fol. 102.*

⁴⁾ *Ibid. томъ 35. Постановление 1374 г. 26 апрѣля. Et ipse consul et alii nostri, qui deinde venerunt consulant et dicant, quod si dictum territorium reducetur in fortitiam secundum formam dicte partis, redundaret potius in sinistram quam in aliquam utilitatem et quod forte possit nos inducere ad brigam cum Januensibus.*

Когда бывший консуль Андрей Юстинианъ вернулся съ договоромъ Узбека въ Венецію, сенать счель нужнымъ назначить комиссію изъ пяти мудрыхъ и поручить имъ разсмотрѣніе текста состоявшагося соглашенія. Назначенные дожемъ и его совѣтниками, а также двумя главами сорокачленного собранія, занимавшагося разбирательствомъ уголовныхъ дѣлъ и извѣстнаго подъ названіемъ *quarantia*, эти „мудрые“ призваны были къ подачѣ мнѣній касательно ближайшихъ мѣръ для поощренія торговыхъ интересовъ венеціанцевъ въ Танѣ. Имъ данъ былъ двухмѣсячный срокъ вплоть до праздника святого Михаила въ ноябрѣ для составленія своихъ предложеній; послѣднія должны были поступить на окончательное рѣшеніе сената. Въ числѣ „мудрыхъ“, выборъ которыхъ состоялся 26 августа, мы встрѣчаемъ членовъ извѣстныхъ аристократическихъ фамилій Венеціи, какъ то: Дельфинъ, Джено и Фальерь. Не безъ участія „мудрыхъ“ послѣдовало рѣшеніе послать новаго консула въ Тану и обратить его въ главнаго венеціанскаго агента на протяженіи всѣхъ земель, подчиненныхъ хану, или, какъ значитса въ актѣ, императору татаръ Узбеку. Этотъ консуль, какъ и всѣ его преемники, выбирается на два года въ Большомъ Совѣтѣ республики изъ числа венеціанскихъ дворянъ. Съ нимъ должны были отправиться въ Тану священникъ, или капланъ, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности нотариуса, четыре конныхъ служителя, переводчикъ, или драгоманъ, и два трубача. Содержаніе всей этой свиты, за исключеніемъ драгомана и трубачей, падаетъ на консула, который оплачиваетъ ихъ услуги изъ положеннаго ему жалованья ¹⁾. Историкъ торговыхъ оборотовъ венеціанцевъ, Маринъ, справедливо думаетъ, что въ приведенномъ документѣ нельзя видѣть доказательства возникновенія консульства въ Танѣ всего въ 1333 г. Обмѣнъ съ татарами и поселеніе венеціанцевъ въ Азовѣ начались раньше; консульство существовало, но временно послѣдоваль перерывъ сношеній, которыя теперь возобновились снова благодаря указу Узбека. Гейдъ, не раздѣляя этого мнѣнія, наоборотъ, признаетъ за только что признаннымъ рѣшеніемъ сената неподобающее ему значеніе начальнаго акта созданія венеціанскаго консульства въ Танѣ. Этого характера, какъ мы видѣли, нельзя признать за нимъ, но въ то же время надо сказать, что только съ 1333 г. установилась практика правильной смѣны консуловъ въ Азовѣ, каждые два года, и ихъ выбора изъ среды дворянъ въ стѣнахъ Большого Совѣта.

Не въ первый разъ особой комиссіи „мудрыхъ“, взятыхъ изъ лицъ, лучше всего освѣдомленныхъ въ дѣлахъ морской торговли, пришлось обсуждать мѣры, способныя содѣйствовать успѣхамъ венеціанской колоніи. О выборѣ такихъ же „мудрыхъ“ говорится въ недошедшемъ до насъ XIII томѣ *Senato Misti*, какъ слѣдуетъ изъ его рукописнаго указателя ²⁾. Ими, по всей вѣроятности, и были вы-

¹⁾ Вотъ имена ихъ: Іоганесь Михель, Петрусь Аурано, Маринусъ Дельфино, Андреасъ Джено, Петрусь Фальерь. См. *Senato Misti*. Т. 17, fol. 24 ^o. Постановленіе сената отъ 26 августа 1333 г.

²⁾ Текстъ постановленія о посылкѣ консула въ Тану срокомъ на два года можно найти въ протоколахъ сената отъ 1333 г. Онъ отпечатанъ еще Маринъ въ его: „Исторія торговли венеціанцевъ“, т. IV, стр. 91.

Томъ 13, fol. 39. „*Pro viaggio Tanae eligantur sapientes*“. Въ VIII томѣ тѣхъ же *Senato Misti*, fol. 31, судя по указателю, изложено было постановленіе сената о посылкѣ галеры въ Тану. „Мудрымъ“ предстояло опредѣлить условія этого плаванья.

работаны условія, на которыхъ галерамъ, отправляющимся въ Тану, позволено было производить выгрузку товаровъ въ портахъ Средиземнаго, Чернаго и Азовскаго морей. Этотъ актъ воспроизводится въ протоколахъ сената отъ 23 марта 1333 года, т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ до выбора тѣхъ „мудрыхъ“, которымъ, какъ только что сказано, поручено было предложить мѣры къ устройству венеціанской торговой колоніи въ Танѣ. Эти мѣры поступили теперь на просмотръ вновь выбранной пятичленной комиссіи и, повидимому, не встрѣтили съ ея стороны никакихъ возраженій. По крайней мѣрѣ въ протоколахъ сената нѣтъ слѣдовъ выработки ими новыхъ правилъ. Въ виду сказаннаго, дошедшій до насъ текстъ отъ 23 марта 1333 г. можетъ быть признанъ древнѣйшимъ свидѣтельствомъ объ условіяхъ, въ какихъ производилась посылка товаровъ изъ Венеціи въ Азовъ. Мы остановимся поэтому съ нѣкоторою подробностью на изученіи раскрываемаго имъ порядка. Сенатъ рѣшаетъ, что галеры, отправляющіяся въ Константинополь и Средиземное море (шаге Major) должны вплоть до іюня произвести нагрузку всего грузскаго товара. Только имущества, хранимыя въ ларцахъ (*havege capselle*), могутъ поступать на суда и позднѣе (очевидно, вмѣстѣ съ отправляющимися въ плаванье владѣльцами ихъ). Галеры обязаны покинуть Венецію не позже 8 іюля. Въ виду того, что прежняго вознагражденія адмиралу, поставленному во главѣ торговыхъ судовъ, отправляющихся въ Левантъ, кажется недостаточнымъ, рѣшено, сверхъ 15 солидовъ въ мѣсяць—обычнаго вознагражденія, назначить ему еще добавочное въ 5 *libri* и 6 *solidi*. Дальнѣйшее постановленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно указываетъ на перемѣну въ условіяхъ отпуски товаровъ въ Тану. Такъ какъ, значитъ въ разбираемомъ документѣ, купцамъ, посылающимъ свои товары въ этотъ портъ, неудобно и небезопасно ввѣрять ихъ отъ Константинополя до Азова иностранцамъ (*in manibus extraneorum non sine grande periculo*), то капитану галеръ, идущихъ въ Средиземное море и Константинополь, поручается отправить два изъ поставленныхъ подъ его начальство вооруженныхъ судовъ въ Тану съ венеціанскими купцами и товарами; при этомъ выговорено, сколько купцы должны будутъ платить за провозъ отъ Константинополя до Таны. Название этому платежу *paulum*; величина его не одинакова, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о грубомъ товарѣ, или о товарѣ, хранимомъ въ ларцахъ (*capselle*). Съ перваго взимается два большихъ солида съ тюка (*balla*) вѣсомъ въ миліаріумъ, съ мелкаго же товара полпроцента съ объявленной цѣны. Размѣръ платы за провозъ, очевидно, пониженъ на треть. Въ самомъ дѣлѣ отъ 1332 года дошло до насъ извѣстіе, что съ грузовъ, отправляемыхъ въ Тану, постановлено въ сенатѣ взимать три солида крупныхъ динаріевъ отъ миліаріума вѣса на разстояніи между Константинополемъ и Азовомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ соглашенія, состоявшагося между венеціанцами и татарскимъ ханомъ является, какъ видно изъ только что приведенныхъ фактовъ, не созданіе консульства въ Танѣ, такъ какъ оно существовало ранѣе, а разрывъ съ прежней практикой посылать товары изъ Венеціи не прямо въ Азовъ, а съ перегрузкой въ Константинополь на греческія суда. Опытъ прямой доставки сдѣланъ былъ еще въ 1332 г., когда отпра-

лены были въ Тану металлическіе товары и красильныя вещества ¹⁾. Теперь та же мѣра распространена на всѣ товары, идущіе изъ Венеціи въ Тану. Галерамъ, отдѣляемымъ адмираломъ отъ средиземноморской флотиліи для посылки въ Азовъ, позволяется остаться въ немъ не болѣе пяти дней, не считая дня прибытія и дня отъѣзда. За эти пять дней должна произойти выгрузка предназначенныхъ для Таны товаровъ. Еслибы въ Константинополь до слуха адмирала дошло, что плаванье по Азовскому и Черному морямъ можетъ быть не безопасно для галеръ, то отъ его выбора зависить, или увеличить число ихъ еще на одну, такъ чтобы посылаемая въ Тану флотилія заключала три вооруженныхъ судна, или совершенно отложить ихъ посылку. Какія изъ ввѣренныхъ адмиралу судовъ должны итти въ Тану, рѣшается или соглашеніемъ между хозяевами судовъ, или, при невозможности достигнуть его, жребіемъ (*per texeras*). Взвѣшиванье товаровъ, отправляемыхъ въ Тану, производится въ самой Венеціи, что даетъ возможность опредѣлить и размѣръ платы за провозъ, или *paulum*. Но если въ Константинополь къ прежнимъ товарамъ прибавятся новыя, ихъ взвѣшиванье происходитъ тутъ же. Платежъ „*paulum*“ производится при выгрузкѣ. Въ отличіе отъ грубаго товара, съ котораго взимается два солида съ миліарія, шелка изъ Константинополя обложены трехпроцентнымъ сборомъ съ ихъ цѣны, — всѣ же вообще товары, идущіе изъ Таны, разъ они не принадлежатъ къ числу грубыхъ, въ томъ числѣ шелковыя издѣлія (*seta laborata*), платятъ столько же, какъ если бы они шли изъ Трапезунда. Съ товаровъ, выгружаемыхъ въ Танѣ, уплачивается пошлина въ пользу республики св. Марка (*datium comunis*). Этотъ платежъ производится мѣстной монетой, такъ называемыми „*asprî*“ и „*summus*“. Тѣми же деньгами происходитъ расчетъ и за провозъ. Но, чтобы сдѣлать возможнымъ окончательную ликвидацію въ Венеціи, въ разбираемомъ нами источникѣ дѣлается переводъ мѣстной монеты на венеціанскія *libri*, при этомъ приняты во вниманіе и колебанія вексельнаго курса. Мы узнаемъ, что 150 *asprî* образуютъ изъ себя одинъ „*summus*“ и что послѣдній равняется то одинадцати, то двѣнадцати венеціанскимъ *libri*, составленнымъ изъ большихъ серебряныхъ солидовъ. Таково содержаніе древнѣйшаго документа, опредѣлившаго условія доставки венеціанскихъ товаровъ непосредственно въ Тану, и восточныхъ товаровъ, въ томъ числѣ выдѣланныхъ шелковъ, съ береговъ Азовскаго моря въ республику св. Марка. Позднѣйшіе источники проливаютъ нѣкоторый добавочный свѣтъ на характеръ торговаго обмѣна между владычицей Адріатики и главнымъ портомъ Азовскаго моря. Они говорятъ намъ о нагрузкѣ судовъ, шедшихъ изъ Таны, не только кожами и воскомъ, но и пшеницею (*frumentum*) и гречихой (*granum*) ²⁾ для провіантирования венеціанскихъ крѣпостей на Балканскомъ полуостровѣ, въ томъ числѣ Мотона, и рядомъ съ ними самого Константинополя (Шэры) и Венеціи, объ отпускѣ изъ Таны прибывшихъ изъ Индіи и Персіи пряностей, шелковъ, драгоценныхъ

¹⁾ Quod pro quolibet milliario quod libit cum galeis nostris ituris ad partes Tanae solvi debeant solidi III grossorum a Constantinopoli usque ad Tanam, videlicet de rame, stagno, cenabrio et aliis similibus.

²⁾ Гречиха доселѣ извѣстна въ Италиі подъ названіемъ grano turco.

каменной ¹⁾, овечьихъ шкуръ и икры. ²⁾ Въ спискѣ платежей, поступающихъ съ нагружаемыхъ въ Танѣ товаровъ, упоминаются: воскъ *sega*, кожи *coria*, пшеница *frumentum pro conducendo Constantinopolim, Mothopum vel Venecias*, гречиха *granum, schinalia*, что въ словарѣ Дюканжа переводится *spinae dorsi* или буквально спины, а въ переносномъ значеніи — шкурки барашковъ ³⁾.

Весьма важную статью торговли всѣхъ итальянскихъ колоній на Черномъ морѣ, въ томъ числѣ Таны, составляли рабы. Каѳа, или Θεодосія, была въ средніе вѣка однимъ изъ главныхъ поставщиковъ этого товара. Гейдъ приводитъ свидѣтельство византійскаго писателя Лаоника Халкондилоса о продажѣ татарами генуэзскимъ и венеціанскимъ купцамъ кавказскихъ уроженцевъ, захваченныхъ ими во время набѣговъ. Съ береговъ Чернаго и Азовскаго морей поступали также и рабы-татары, о которыхъ говорится въ актахъ генуэзскихъ нотаріусовъ XIV вѣка, отпечатанныхъ Чибраріо (см. *Opere varie*, стр. 303—306). Не мало христіанскихъ рабовъ отправляемо было изъ Каѳы въ Египеть, гдѣ изъ нихъ сформовывали извѣстные полки мамелюковъ. Въ XV в. одинъ генуэзецъ, по имени Джентиле Имперіани, въ 1432 г. даже открыто выступилъ въ роли агента по приобрѣтенію для египетскаго Солдана рабовъ въ Каѳѣ. Рядомъ съ Θεодосіей, другія генуэзскія колоніи открыто предавались торгу рабами. Такъ, на кавказскомъ берегу въ генуэзскомъ Севастополѣ торгъ рабами еще въ первой половинѣ XIV вѣка принялъ настолько широкіе размѣры, что въ дошедшемъ до насъ письмѣ нѣкоего епископа Петра встрѣчаются сѣтованія о невозможности остановить его проповѣдью ⁴⁾. Отсюда шли по всей вѣроятности тѣ черкесы и абхазцы, о которыхъ, какъ о невольникахъ и невольницахъ, упоминается въ актахъ XV столѣтія, частью отпечатанныхъ Ладзари ⁵⁾, частью селѣ неизданныхъ и хранящихся въ присоединенномъ къ архиву Фрари собраніи старинныхъ нотаріальныхъ актовъ Венеціи. Гейдъ указываетъ еще на мѣстечко Копа извѣстное впоследствии подъ названіемъ Копиль и расположенное на сѣверномъ руслѣ Кубани, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ рынковъ человѣческаго товара ⁶⁾. Но между всѣми этими рынками одна только Тана могла съ удобствомъ оспаривать первенство у Θεодосіи въ отпускѣ невольниковъ. Во многихъ актахъ XV вѣка происхожденіе рабовъ изъ Таны косвенно указывается оцѣнкой ихъ на ходячую въ этомъ городѣ византійскую монету ⁷⁾. Рабы, поступавшіе изъ Таны, принадлежали къ самымъ различнымъ національностямъ, представители которыхъ одинаково могли быть встрѣчены на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Рядомъ съ татарами и татарками, въ нотаріальныхъ актахъ Венеціи

¹⁾ Senato Misti, T. 43, fol. 132, 133. De mercationibus que carricabantur in partibus Tane etc.

²⁾ Butta sepi sive morone (Senato Misti, T. 43, fol. 132, 133).

³⁾ Въ текстѣ договора заключеннаго венеціанцами съ татарскихъ ханомъ Занибекомъ, упоминается о закупкѣ венеціанцами въ Танѣ *coria cruda* (Liber albus, fol. 249 v°).

⁴⁾ Гейдъ, т. II, стр. 60.

⁵⁾ Vincenzo Lazari, „Del traffico degli schiavi in Venezia. Miscellanea di Storia patria“. Torino, 1862 г., томъ I, стр. 470—491.

⁶⁾ Нейдъ, итальян. переводъ, т. II, стр. 59.

⁷⁾ Такъ, въ одномъ актѣ отъ 1415 г. о русской рабыни Ульянѣ, лишенной праваго глаза, говорится какъ о проданной за 290 византійскихъ монетъ изъ Таны (*bisanti di danari della Tana*). Atti Man-Donato Cancel. Inferiore. B. 121.

начала и середины XV в. говорится о черкесахъ и черкешенкахъ, объ абхазцахъ и абхазкахъ, о болгарахъ и болгаркахъ, о боснякахъ и боснячкахъ, грекахъ и гречанкахъ, наконецъ, о русскихъ обоого пола. Последніе весьма многочисленны и, очевидно, принадлежать къ числу захваченныхъ татарами плѣнниковъ. Большинство поступаетъ въ продажу въ раннемъ возрастѣ отъ 10 и 14 до 24—30 лѣтъ. Цѣна имъ обыкновенно отъ 30 до 40 и 45 дукатовъ. Въ актахъ отъ первой четверти XV вѣка мѣсто дукатовъ занимаютъ обыкновенно такъ называемые *bisanti*, т.-е. серебряная византійская монета, бывшая въ ходу въ Таиѣ. Рабъ или рабыня обыкновенно продаются за 200, 290, 325 и даже 400 штукъ этой монеты. Иногда нетрудно открыть подъ нѣскольکو искаженной формой обычныя въ Россіи имена Юліаны, Катерины, Анны, Меланьи, Марѳы, Лукеріи, Семена, Николая и Юрія, или Георгія (*Jogaï* о *Giorgio*), но подчасъ мѣсто христіанскаго имени занимаетъ прозвище, полученное рабомъ или рабыней отъ татаръ, какъ, напримѣръ, Тавалать, Куцика, Мелика, Мурида. Въ рѣдкихъ случаяхъ дается два имени, изъ которыхъ одно получено при крещеніи. Такъ, уже упомянутая Мурида, о которой заходитъ рѣчь въ одной купчей отъ 8 ноября 1445 г., извѣстна еще подъ именемъ Маріи. Ее нарекли такимъ образомъ, при крещеніи. Точно также объ одномъ татаринѣ, именуемомъ Хадабарда, говорится, что онъ окрещенъ былъ въ Марка, а объ одной гречанкѣ изъ татарской банды (*schietta tartara*), что ей замѣнили ее прежнее прозвище Дуки христіанскимъ прозвищемъ Граціозы. Уже самыя эти имена, ничего не имѣющія общаго съ православными, указываютъ, что подъ крещеніемъ разумѣется каждый разъ переходъ въ католическую вѣру. Въ нотаріальныхъ актахъ, располагающихъ личностью рабовъ, передающихъ ихъ изъ рукъ въ руки на вѣчныя времена или на срокъ, даются иногда нѣкоторыя подробности, какъ, напримѣръ, дѣвичье состояніе или, наоборотъ, беременность. Такъ, объ одной татаркѣ, поступившей въ продажу по акту, заключенному 22 февраля 1445 г., сказано, что она здорова и цѣла во всѣхъ частяхъ тѣла, явныхъ и скрытыхъ (*sana et integra corpore et omnibus suis membris occultis et manifestis*). О рабѣ же черкешенкѣ, продаваемой бывшимъ рабомъ изъ русскихъ, Павломъ, и двадцати лѣтъ отъ роду значитъ, что она съ молокомъ (*cum lacte*) ¹⁾.

§ 3-й.

Познакомившись, насколько позволилъ намъ характеръ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, съ происхожденіемъ венеціанской колоніи на Азовскомъ морѣ, ея раннимъ устройствомъ и характеромъ поступающихъ изъ нея товаровъ, мы перейдемъ къ изученію ея дальнѣйшихъ судебъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Изъ протоколовъ сената, которые и на этотъ разъ останутся нашимъ ближайшимъ источникомъ, мы узнаемъ, что въ началѣ пятидесятихъ годовъ между венеціанцами, торгующими въ Таиѣ, и татарами возникли несогласія и раздоры, поведшіе къ погрому купцовъ и временному оставленію ими татарскихъ предѣловъ. Причиной этихъ столкновеній, согласно

¹⁾ См. акты нотаріуса Paulo di Liberati. Cancell. Inferiore. В. 105. № 6.

донесенію, сдѣланному венеціанскимъ консуломъ сенату, былъ неисправный платежъ купцами выговоренной договоромъ съ Узбекомъ пошлины съ продаваемыхъ товаровъ. Сенатъ распорядился принятіемъ мѣръ къ пресѣченію такой практики на будущее время. Консулу въ Танѣ предоставлено было требовать отъ лицъ, ведущихъ торговлю, будутъ ли ими венеціанцы, или лица, присвоившія себѣ званіе венеціанца (*omnis qui se pro Veneto поміпаgent*), присяги въ томъ, что они будутъ полностью выплачивать слѣдующую съ нихъ торговую пошлину. Кто затѣмъ нарушитъ данное слово, подлежитъ двойной пошлины. Изъ взысканной такимъ образомъ суммы уплачивалось должное хану, остатокъ же дѣлился на три части, изъ которыхъ одна шла обвинителю, другая консулу и его совѣтникамъ, а третья въ венеціанскую казну¹⁾. Столкновенья, вызываемыя неисправнымъ платежемъ пошлинъ съ продажъ, не разъ побуждали татаръ къ задержанію венеціанскихъ товаровъ, при чемъ къ отвѣту призывался не одинъ виновный, но и всѣ его соплеменники. Чтобы добиться отпуска своихъ тюковъ, торгующимъ въ Танѣ подданнымъ республики св. Марка приходилось откупаться подарками хану и его чиновникамъ. Принимая все это во вниманіе, комиссія „мудрыхъ“, которымъ и на этотъ разъ предоставлено было обсудить мѣры, касающіяся колоній, предложила подчинить купцовъ болѣе строгому контролю со стороны консула. Никто не долженъ былъ оставлять Таны безъ его вѣдома и согласія. Никто не въ правѣ былъ вступать въ прямые переговоры съ татарскимъ ея правителемъ или дѣлать ему особый платежъ за разрѣшеніе отбыть изъ города со своими товарами. Виновнымъ грозилъ штрафъ въ 50 „*summi*“, изъ которыхъ каждый, какъ мы видѣли, представлялъ собою, смотря по курсу, 11 или 12 венеціанскихъ „*libri*“. Консулъ заинтересованъ былъ во взиманіи этого штрафа обѣщаніемъ, что за вычетомъ трети доносчику, пеня пойдетъ въ его пользу (*ibid. fol. 49, r^o*). Въ одномъ изъ столкновень, поводъ къ которымъ давала, какъ мы сказали, неисправность купцовъ въ уплатѣ торговыхъ пошлинъ, дѣло дошло до убійства венеціанцами нѣкоторыхъ татаръ. Заподозрѣнные, въ числѣ трехъ, были задержаны и въ одномъ изъ постановленій сената отъ 10 ноября 1343 года сохранилась память о назначеніи особой слѣдственной комиссіи, членамъ которой предоставлено было добиться истины при помощи пытки²⁾ (*quod collegium habeat libertatem tormentandi omnes illos qui detinentur occasione predicta*).

Такъ какъ по доходившимъ изъ Таны извѣстіямъ татары продолжали держать подъ арестомъ венеціанскіе товары и не отпускали отъ себя купцовъ, повидимому, въ отмщеніе за убійство ихъ единоплеменниковъ, то сенатъ, принимая во вниманіе, необходимость „сохранить славу и честь венеціанскаго имени въ цѣломъ мірѣ и соблюсти интересы республики и купцовъ, торгующихъ въ Танѣ“, рѣшилъ отправить къ хану Занибеку особаго посла, выборъ котораго, однако, откладываемъ былъ со дня на день въ ожиданіи новыхъ извѣстій изъ Таны³⁾. И на этотъ разъ для выработки инструкцій послу и обсужденія всѣхъ дѣлъ, касающихся Таны, назначена была ком-

¹⁾ Senato Misti, T. 21, fol. 49 r°. Постановленіе Сената отъ 23 іюля 1343 г.

²⁾ Ibid. f. 75.

³⁾ Senato Misti. T. 21, fol. 94 V^o, и томъ 22, fol. 13. Постановленія отъ 14 февраля 1343 г. и послѣдняго марта 1344 г.

мисія „пяти мудрых“, изъ которыхъ выборъ однихъ предоставленъ былъ членамъ Большаго Совѣта, а другихъ — дожу, его ближайшимъ помощникамъ (*consiliarii*) и двумъ предсѣдателямъ уголовныхъ судилищъ (или *quarantiae*).

Разрывомъ венеціанцевъ съ татарами, повидимому, не замедлили воспользоваться члены генуэзской колоніи въ Пантикапей, или Керчи. Они, какъ слѣдуетъ изъ протоколовъ венеціанскаго сената, направили въ Тану свои товары, не внося въ то же время причитающихся за нихъ пошлинъ въ пользу венеціанцевъ¹⁾. По всей вѣроятности, многіе изъ этихъ генуэзскихъ торговцевъ остались въ Танѣ, такъ что когда венеціанцамъ, послѣ новаго договора съ ханомъ Занибекомъ, удалось возстановить прежній торговый обмѣнъ съ татарами рядомъ съ ними оказалось въ Азакѣ цѣлое генуэзское поселеніе, прямо упоминаемое въ текстѣ договора 1347 года²⁾. Вскорѣ обстоятельства приняли, однако, благопріятный оборотъ для венеціанцевъ. Татары вступили во вражду съ генуэзской колоніей Θεодосіей. Въ протоколахъ сената отъ 19 іюля 1345 года говорится, что венеціанскіе послы въ Каоѣ довели до его свѣдѣнія, что Могаль-Бей (что въ переводѣ значитъ не болѣе, какъ начальникъ надъ моголомъ, или значительнымъ татарскимъ поселеніемъ), прибылъ съ большимъ войскомъ и толпою людей въ окрестности Каоы, изъ чего слѣдуетъ съ ясностью его желаніе овладѣть ею и присоединить ее къ татарскимъ землямъ. Эта вражда съ генуэзцами заставила татаръ искать сближенія съ венеціанцами. Ихъ послы въ Каоѣ, прежде совѣтовавшіе заключеніе союза съ татарами противъ вѣковыхъ соперниковъ республики св. Марка, лучше освѣдомленные, какъ говоритъ сенатъ, о дѣйствительномъ положеніи дѣла, высказались теперь въ обратномъ смыслѣ. Ихъ мнѣніе, повидимому, убѣдило и членовъ верховнаго собранія, направлявшаго внутренней и виѣшней политикой Венеціи. Въ его протоколы занесено было слѣдующее характерное рѣшеніе, переводимое мною изъ слова въ слово: надѣясь болѣе на самихъ себя и не заключая договора съ татарами, такъ какъ они никогда не соблюдаютъ того, что обѣщали, положено извиниться предъ ними и отклонить предложенный ими союзъ въ красивыхъ выраженіяхъ; вести же и впредь свои дѣла самимъ³⁾. Мѣсто договора съ татарами скорѣ занялъ договоръ съ генуэзцами. „Мудрые“, которымъ ввѣрена была забота о венеціанскихъ интересахъ въ Танѣ, подали голосъ въ пользу принятія предложенія генуэзскихъ уполномоченныхъ, обѣщавшихъ венеціанцамъ, взамѣнъ ихъ посредничества, свободу торговли въ Каоѣ, подъ условіемъ, однако, что эта торговля не будетъ вестись за предѣлами города, т.-е. непосредственно съ татарами⁴⁾. Послѣдствіемъ этого было, по всей вѣроятности, занесенное уже 19 іюня 1347 г. въ сенатскіе протоколы извѣстіе о заключеніи ханомъ Занибекомъ соглашения съ генуэзцами, въ силу котораго обезпечено было имъ между прочимъ мирное пребываніе и пользованіе извѣстными привилегіями въ Танѣ. Принимая во вниманіе этотъ

1) Senato Misti. T. 22, fol. 2. v^o. Постановленіе 4 марта 1344 г.

2) Этотъ текстъ можно найти въ „Liber albus“, fol. 249. V^o.

3) Et sperandum sit melius in factis nostris non faciendo unionem, cum nullum pactum teneant nobis de eo quod promittunt, vadit pars quod cum illis pulcris verbis que videbantur excusemus nos de dicta unione et faciemus facta nostra pro nobis. Senato Misti, m. 23. Постановленіе 19 іюля 1345 г., fol. 25.

4) Ibid fol. 25 и 26. Постановленія отъ 21 и 22 іюля 1345 г.

фактъ и предложеніе, сдѣланное особой комиссіей „мудрыхъ“, въ составѣ которой мы изходимъ членовъ извѣстныхъ венеціанскихъ семей: Дандуло, Мавроцено, Контарини, Санудо, Ліони ¹⁾.

Сенать высказываетъ надежду, что съ Божьей помощью и ему удастся достигнуть такихъ же благопріятныхъ результатовъ путемъ переговоровъ съ татарами. Признавая морское плаванье въ Тану и торговый обмѣнъ съ ней въ высшей степени полезнымъ и доходнымъ, какъ это, прибавляетъ сенать, извѣстно всѣмъ, высокое собраніе объявляетъ себя готовымъ приложить особое стараніе и бдительность къ тому, чтобы обезпечить въ будущемъ мирный торговый обмѣнъ въ этой мѣстности. Ничто, читаемъ мы въ его протоколахъ, не приноситъ дѣламъ бѣльшаго вреда, какъ проволочки. Поэтому рѣшено, во имя Христа, Дѣвы Маріи и блаженнаго апостола и евангелиста Марка, избрать въ Большомъ Совѣтѣ республики двухъ торжественныхъ пословъ (*solempnes ambassadores*), которые отправились бы къ берегамъ Чернаго моря и добились бы соглашенія съ императоромъ Занибекомъ, придерживаясь при этомъ слѣдующей инструкціи: они должны причалить въ Тану въ Воспи, или Такось, или въ другомъ мѣстѣ, по ихъ выбору, и здѣсь ждать прибытія особаго уполномоченнаго, посылка котораго къ татарскому хану поручается бальифу Константинополя, т.-е. венеціанскому консулу въ Перѣ. Этотъ уполномоченный обязанъ былъ извѣстить „императора татаръ“ о прибытіи къ нему посольства и получить отъ него вѣрительныя грамоты, обезпечивающія свободный проѣздъ пословъ въ его владѣнія (*litterae fidantiae pro securitate eorum*). Снабженные такими грамотами, венеціанскіе послы должны были искать встрѣчи съ императоромъ Занибекомъ. Послѣ подобающаго привѣтствія (*facta ei decenti salutatione*), послы должны были объявить хану о великой любви и благорасположеніи, какое власти Венеціи, въ частности сенать, всегда питали и питаютъ къ императору „въ полнотѣ своего сердца“ (*pleno corde*). Они должны были также сказать ему, что изъ донесеній прежнихъ пословъ, возвратившихся отъ него въ Венецію, сенать узналъ о его благожелательности и справедливости, о милостивомъ приѣмѣ, оказанномъ имъ при встрѣчѣ пословъ, ихъ отпускъ и выдачу имъ грамотъ, обезпечивавшихъ безопасный проѣздъ. Этими обстоятельствами и объясняется, должны были прибавить отъ себя отправляемые къ Занибеку уполномоченные, почему купцы республики св. Марка, предпочитая другимъ портамъ тѣ, которые расположены въ предѣлахъ принадлежащей ему имперіи, съ величайшими для себя трудностями и опасностями переплывали многія моря и являлись въ его земли съ разнообразными товарами, къ чести и благу его милостиваго величества. Этими мирнымъ отношеніямъ внезапно положенъ былъ конецъ уже много лѣтъ назадъ, „благодаря подстрекательству врага рода человѣческаго“ — (понимай діавола). По его наущенію произошло въ Танѣ нѣкоторое столкновение между ея жителями и вене-

¹⁾ 19 іюня. Sir Simonetus Dandulo.
 Andreas Maurozeno
 Donatus Contarino
 Nicolaus Sanuto
 Nicolaus Liono
 } Sapientes.

ціанскими купцами, ведущими въ ней торговлю. При этомъ послѣднимъ нанесенъ былъ великій ущербъ въ ихъ лицахъ и имуществѣ. „Извѣщенные объ этомъ, мы (т.-е. дожъ, его совѣтники и члены сената), какъ извѣстно Богу, ощутили великую печаль и горечь. Мы увѣрены также, что тягостными были эти событія и для Его Величества; вотъ почему и рѣшено было нами отправить къ нему пословъ, чтобы упросить и умолить Его вернуть нашимъ подданнымъ имущество, оставленное ими въ Танѣ и на пути изъ нея, какъ этого требуетъ справедливость“ (*ut iustum est*). „Отъ такого дѣянія только возрастетъ честь и слава Императора и предстанетъ во всемъ ея блескѣ передъ Богомъ и людьми Его любовь къ правосудію“. Посламъ поручено вслѣдъ за тѣмъ объяснить, что, какъ небезизвѣстно Его Величеству, посѣщеніе венеціанскими купцами его земель полезно было для его Имперіи въ такой же мѣрѣ, какъ и для венеціанскихъ торговцевъ. Имперія отъ этого разнообразно приумножалась, а купцы получали свои выгоды. „Въ виду этого, когда будетъ угодно Его Величеству, мы, какъ озабоченные приумноженіемъ и благомъ Его Самого и Его владѣній, согласны и готовы допустить, чтобы наши купцы посѣщали Имперію татаръ со своими товарами и имуществами, какъ это доселѣ дѣлаемо было ими, подъ условіемъ, однако, что ханъ дастъ намъ и нашимъ купцамъ указы и другія привилегіи, какія венеціанцы прежде имѣли, и приметъ также мѣры къ тому, чтобы печальное новшество или бѣдствіе, недавно случившееся, болѣе не повторялось (*quod similis novitas vel sinistrum de certo non occurat*) и чтобы купцы были безопасны въ ихъ личности и имуществѣ. Сенатъ принимаетъ во вниманіе возможность частичнаго отказа въ этихъ требованіяхъ со стороны хана и, въ виду этого, прибавляетъ: буде нашимъ посламъ не удастся добиться прежнихъ привилегій и вольностей (*privilegia et franchisias*), то да поступать они, какъ сочтутъ полезнымъ и какъ подскажетъ имъ ихъ вѣрность, на которую вполнѣ надѣемся, какъ и на то, что они всегда будутъ имѣть въ виду нашу честь и благо нашихъ торговцевъ“. Согласно этому, посламъ поручено было выслушать отвѣтъ императора; смотря по тому, позволить ли этотъ отвѣтъ надѣяться на осуществленіе всѣхъ или части желаній сената, уполномоченные должны принять тотъ или другой образъ дѣйствій, направляя свои усилія, главнымъ образомъ, на то, чтобы добиться вольностей, какими венеціанцы пользовались до войны, и возвращенія задержаннаго имущества. Даже въ томъ случаѣ, еслибы имъ и не удалось ничего сдѣлать въ этомъ послѣднемъ направленіи, они все же могутъ продолжить переговоры касательно порядка взиманія въ будущемъ слѣдуемыхъ хану пошлинъ съ продажъ: Буде же императоръ согласится удовольствоваться прежнимъ размѣромъ ихъ и не прочь будетъ удовлетворить лицъ, понесшихъ убытки отъ его подданныхъ, посламъ предоставляется свобода покончить съ нимъ по всѣмъ или по извѣстнымъ только статьямъ, какъ они заблагоразсудятъ. Если бы императоръ поднялъ рѣчь о вознагражденіи собственныхъ подданныхъ за имущества, присвоенныя у нихъ венеціанцами, отъ тѣхъ же пословъ будетъ зависѣть принять то или другое рѣшеніе. Имъ также была поставлена на видъ польза добиться отъ хана другой стоянки для венеціанскихъ купцовъ, помимо Таны, напримѣръ Воспи, и позволено входить съ этою

цѣлью въ переговоры, съ кѣмъ они сочтутъ удобнымъ. На производство однихъ подарковъ хану отпущено сенатомъ въ распоряженіе пословъ 2000 золотыхъ дукатовъ; самый же выборъ подарковъ поставленъ въ зависимость отъ воли дожа, его совѣтниковъ, двухъ начальниковъ надъ уголовными судилищами (*quarantiae*) и „мудрыхъ“ завѣдующихъ дѣлами Таны. Самимъ посламъ положено вознагражденіе въ 400 *libri* каждому, срокомъ на 4 мѣсяца. Если бы имъ пришлось остаться и долѣе, то въ слѣдующіе за тѣмъ мѣсяцы отпускается каждому только 50 *libri*. Послы должны взять съ собою и на свой счетъ нотаріуса со служителемъ, священника съ жалованьемъ въ 5 солидовъ ежемѣсячно, повара, получающаго въ мѣсяць 6 *libri* малаго размѣра, четырехъ вооруженныхъ всадниковъ на мѣсячномъ жалованіи въ 3 солида и двухъ щитоносцевъ на томъ же окладѣ. Сверхъ положеннаго имъ жалованья, послы не могутъ затратить въ день болѣе 5 солидовъ во время плаванья и 2 *summi* въ день со дня высадки до дня возвращенія на суда. Имъ также запрещалось устраивать на средства казны какія-либо пиршества; издержки послѣднихъ должны быть обрацаемы на собственный ихъ счетъ адвокатами венеціанской общины (*advocatores del comun*), своего рода государственными контролерами. Такъ какъ веденіе всѣхъ этихъ переговоровъ сопряжено было съ большими издержками, то рѣшено покрыть ихъ со временемъ доходомъ отъ пошлинъ, взимаемыхъ въ Танѣ консуломъ со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ въ нее для продажи венеціанскими купцами. До этого времени эти товары обложены были по вѣсу 13 солидами съ центенарія. Приказано нынѣ увеличить этотъ размѣръ до 20 солидовъ. Изъ всей полученной такимъ образомъ суммы консуль долженъ былъ обратить въ казну наибольшую часть, по расчету 17 солидовъ изъ 20, и затратить остатокъ на обычныя издержки, въ томъ числѣ на содержаніе особыхъ сторожей, снабженныхъ палками и обозначенныхъ въ текстѣ терминомъ *bastonarii*. Увеличенный размѣръ поборовъ долженъ былъ держаться до момента возвращенія обратно всей ссуженной правительствомъ суммы¹⁾. Нельзя было, однако, рассчитывать на скорую реализацію долга. Предшествовавшій опытъ доказалъ, что платежъ и 12 солидовъ съ центенарія поступалъ весьма неисправно, такъ что чиновникамъ, завѣдывавшимъ въ Венеціи чрезвычайными доходами казны, такъ называемымъ „*extraordinarii*“, предоставлено было налагать пени на лицъ, виновныхъ въ неисправности²⁾. Чтобы сразу реализовать нужную для посольства сумму, на этотъ разъ, какъ и прежде, предписано было обратиться къ чиновникамъ, завѣдующимъ хлѣбными складами (*officiales camerae frumenti*) и потребовать отъ нихъ расчета.

Объ успѣшности переговоровъ, веденныхъ послами съ ханомъ Занибекомъ можно судить по тексту указа (*praescriptum*), выданнаго ханомъ на имя благородныхъ и мудрыхъ мужей: Іоанна Квирини и Петра Юстиніана, отправленныхъ къ нему послами дожемъ и общиною венеціанцевъ³⁾. Въ этомъ указѣ не только отводилась для венеціанской слободы прежде занятая ею площадь, насколько послѣдняя не отошла подъ поселеніе генуэзцевъ, но и возобновлено было принятое еще Узбекомъ рѣшеніе

¹⁾ См. Senato Misti. Т. 24, стр. 19.

²⁾ Senato Misti. Т. 22, fol. 2. Постановленіе 4 марта 1344 г.

³⁾ Liber Albus, fol. 249. V^o.

не облагать венеціанскіе товары пошлиной свыше трехъ солидовъ съ центенарія. Самый этотъ сборъ взимается только въ случаѣ состоявшейся продажи. Что же касается до покупки венеціанцами товаровъ, въ частности кожъ, то эти сдѣлки обложены такимъ же поборомъ въ пользу ханской казны, какому подчинены были сдѣлки, заключаемые генуэзцами. Сборъ равнялся почти 50 аспри¹⁾ съ центенарія. Венеціанцамъ предоставлена была въ то же время полная автономія въ дѣлѣ охраненія личной безопасности и имущества собственныхъ подданныхъ, во что значилось въ актѣ, генуэзцы не должны вступаться. Въ случаѣ кораблекрушенія, или аваріи, подданные татарскаго хана не могли пользоваться правомъ присваивать себѣ выброшенные на берегъ товары, — правомъ, подобнымъ распространенному на западѣ *droit d'aubaine*. Венеціанцы, наоборотъ, могли требовать возвращенія этихъ товаровъ, у кого бы послѣдніе ни были найдены. На морѣ венеціанцы сохраняютъ полную автономію; въ порту же только пока остаются на своихъ корабляхъ, въ послѣднемъ случаѣ даже при посѣщеніи ихъ мусульманскими купцами, но при этомъ выговаривается, что этимъ купцамъ не должно быть причиняемо никакого насилія. Ни „народу монголовъ“ ни „домамъ ихъ, построеннымъ на берегу моря“, венеціанцы не должны причинять никакого вреда. Буде же случится что-либо подобное, виновный долженъ быть разысканъ и преданъ въ руки мѣстныхъ властей. Не удастся имъ отыскать его, они доводятъ о томъ до свѣдѣнія императора. Ибо, значится въ итальянской передачѣ договора, заключеннаго съ ханомъ Завибекочъ, сынъ не долженъ нести наказанія за отца, или старшій братъ за младшаго“. Этотъ намекъ, очевидно, относится къ тѣмъ фактамъ, которые въ прошломъ вызвали перерывъ сношеній между венеціанцами и татарами. Договоръ упоминаетъ о нихъ, говоря: „изъ-за одного человѣка, совершившаго злодѣяніе, императоръ разгнѣвался, а венеціанскіе купцы въ теченіе ряда лѣтъ не показывались въ Танѣ. Но этотъ преступный человѣкъ (*giu homo*) напуганъ теперь своими же соотечественниками какъ о томъ венеціанцы успѣли увѣдомить хана“. Разбираемый актъ весьма опредѣленно указываетъ на размѣръ доходовъ, на какіе въ правѣ рассчитывать татарская казна, благодаря торговлѣ венеціанцевъ. Всѣ поводы къ столкновеніямъ, повидимому, предусмотрѣны и устранены на будущее время. Товары, какъ общее правило, обложены трехпроцентнымъ сборомъ, но только въ случаѣ ихъ продажи. Предметы, изготовленные изъ золота и серебра, освобождены отъ всякой пошлины. Корабли за постой, какъ двухъ, такъ и одномачтовые, платятъ *pro arborago* (отъ мачты), согласно старинному обычаю. Татары отказываются отъ задержанія подводъ, являющихся за нагрузкой венеціанскихъ товаровъ и отвозящихъ ихъ въ склады, но въ то же время они облагаютъ ихъ, согласно обычаю, извѣстнымъ поборомъ, подъ названіемъ: „*tartapacho*“ (татарскія деньги). Наконецъ, выговаривается извѣстное вознагражденіе лицамъ, приставленнымъ къ вѣсамъ и тѣмъ, которые производятъ счетъ поступающему въ продажу товару (*la rason del canter*). Я сказалъ уже, что закупаемая венеціанцами кожи также были обложены пошлинами въ пользу казны хана, заинтересованнаго такимъ образомъ, одинаково и въ ввозѣ и въ вывозѣ товаровъ.

¹⁾ Такой размѣръ требовался только при покупкѣ большихъ кожъ, съ малыхъ же довольствовались взиманіемъ всего 40 аспри съ центенарія, *ibid*, fol. 51. v^o.

Поводы къ несогласію были, повидимому, предупреждены, и являлось основаніе ждать мирнаго развитія торговыхъ сношеній съ татарами, такъ какъ въ нихъ одинаково были заинтересованы обѣ стороны. Но будущее готовило новыя основанія къ столкновеніямъ, частью вызванныя неумѣренностью поборовъ, которыми татары пытались обложить венеціанскихъ торговцевъ, частью самоуправствомъ, съ какимъ эти послѣдніе облагали въ пользу своей колоніи имущества всѣхъ вообще европейскіхъ купцовъ, даже не принадлежавшихъ къ ихъ національности. Къ этимъ причинамъ присоединились и случайныя, которыхъ, очевидно, нельзя было предвидѣть. Источникъ ихъ лежалъ въ политическихъ судьбахъ самихъ татаръ Большой Орды, въ разгромъ ихъ владѣній Тамерланомъ, опустошившимъ при этомъ случаѣ и Тану. -Всему сказанному, мы найдемъ подтвержденіе въ протоколахъ венеціанскаго сената, но послѣдніе хранятъ въ то же время упорное молчанье объ одномъ фактѣ, сплошь и рядомъ упоминаемомъ средневѣковыми хрониками и, съ ихъ словъ, новѣйшими историографами, а именно — о роли, какую открывшаяся въ Танѣ въ 1347 г. моровая язва сыграла въ распространеніи по всей Европѣ такъ называемой „черной смерти“, унесшей съ собой гдѣ треть, а гдѣ и половину населенія¹⁾. Передаваемая хрониками легенда гласитъ, что во время осады Таны татарами, послѣдніе для взятія города обратились къ слѣдующему приему. Такъ какъ въ ихъ лагерѣ открылась чума, то они черезъ стѣны перебрасывали неприятелямъ трупы умершихъ отъ заразы и тѣмъ самымъ содѣйствовали распространенію ея между венеціанцами. Убѣгая отъ чумы и татаръ, венеціанцы и генуэзцы отплыли на стоявшихъ въ порту галерахъ и занесли на нихъ чуму въ Константинополь, Мессину, Геную и испанскіе порты. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи акты не только ни однимъ словомъ не оправдываютъ этой легенды, но еще доказываютъ несуществованіе того факта, который положенъ въ ея основу. Ни о какой войнѣ между татарами, съ одной стороны, генуэзцами и венеціанцами, съ другой, въ 1347 г. нѣтъ и рѣчи. Этотъ годъ, наоборотъ ознаменованъ заключеніемъ ханомъ Занибекомъ только что приведеннаго мною договора, вполне удовлетворившаго требованьямъ венеціанскихъ купцовъ и въ то же время упоминающаго о привилегіяхъ и свободахъ, „franchisiae“, которыми пользуются въ Танѣ генуэзцы. Но этого мало. Изъ текста этого договора, какъ и изъ послѣдующихъ актовъ не видно, чтобы Азовъ въ цѣломъ или отдѣльные кварталы его, отведенные венеціанцамъ и генуэзцамъ, окружены были въ это время стѣною, позволявшей выдержать осаду, а слѣдовательно, и сдѣлавшей возможнымъ то перебрасываніе изъ татарскаго лагеря зачумленныхъ, которому средневѣковыя хроники приписываютъ первоначальное происхожденіе „черной смерти“. Въ договорахъ Занибека говорится только о надѣленіи венеціанцевъ участкомъ, идущимъ отъ купальни Saffadyn'a (т.-е., по всѣй вѣроятности, Саффы Эдина) къ востоку, длиною въ сто шаговъ и шириною въ 70, на берегу рѣки Дона. Передача этого участка венеціанцамъ поручается Сихи-Бею, какъ значится въ актѣ, сеньору Таны²⁾. Не ранѣе 1369 года заходитъ рѣчь объ укрѣпленіи только что указаннаго мѣста. Въ про-

¹⁾ Частности смотри въ III томѣ моего „Экономическаго роста Европы“.

²⁾ Liber albus, fol. 51. V^o.

токолахъ сената этого года говорится, что консулу въ Танѣ слѣдуетъ поручить присканіе кого-либо изъ венеціанскихъ подданныхъ, готоваго снятъ на три года, „balneum“, т.-е. купанье на берегу Дона. Съемщики обязаны исправить имѣющееся на этомъ мѣстѣ сооруженіе и укрѣпить его¹⁾). Принявшіе на себя подобный трудъ пріобрѣтаютъ право эксплуатировать участокъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Если же этого срока окажется мало, консулъ въ правѣ продлить его еще на два года. Въ 1370 г. въ тѣхъ же протоколахъ сената болѣе опредѣленно говорится о венеціанской крѣпостцѣ въ Танѣ. Она признается недостаточной, нуждающейся въ поправкѣ и добавочныхъ постройкахъ. Рѣшено написать консулу въ Танѣ, чтобы онъ съ тремя своими совѣтниками принялъ необходимыя мѣры къ ея усилению затрачивая, для этого сколько будетъ нужно, изъ средствъ казны возстановленіе стѣнъ тамъ, гдѣ ихъ недостаетъ²⁾). Пять лѣтъ спустя въ тѣхъ же протоколахъ снова идетъ рѣчь о необходимости исправить и укрѣпить домъ и склады, принадлежащіе венеціанскому правительству въ Танѣ, при чемъ консулу позволяется затратить на это суммы, поступающія въ его казну отъ взносовъ въ 1½ процента, взимаемыхъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Тану для продажи³⁾).

Успѣшному развитію венеціанской колоніи въ Танѣ, повидимому, всего болѣе препятствовало незначительное число поселенныхъ въ ней подданныхъ республики св. Марка. Сенатъ жалуется на это обстоятельство въ одномъ изъ своихъ постановленій отъ 26 апрѣля 1374 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Чувствуется большой недостатокъ въ Танѣ венеціанскихъ уроженцевъ. Многіе иностранцы охотно бы согласились слыть за венеціанцевъ, еслибы ихъ не стѣсняло обязательство платить пошлину въ 1½ процента, взимаемую венеціанскимъ консуломъ и совѣтомъ съ поступающихъ въ Тану европейскихъ товаровъ. Чтобы избѣжать ея, они предпочитаютъ выдавать себя за генуэзцевъ, въ виду незначительности тѣхъ платежей, какіе требуются съ послѣднихъ. Это обстоятельство сенатъ считаетъ заслуживающимъ особаго вниманія и способнымъ создать настоящую опасность для венеціанскаго владычества, такъ велико число лицъ, уклоняющихся отъ подданства“. Сенатъ признаетъ полезнымъ для безопасности венеціанскихъ купцовъ, торгующихъ въ Танѣ, и для чести самой республики, чтобы иностранцы, проживающіе въ этой колоніи, считались подданными св. Марка. Въ виду этого рѣшено написать консулу въ Танѣ, чтобы онъ признавалъ венеціанцемъ всякаго иностраннаго купца, готоваго признавать себя таковымъ, все равно, платитъ ли онъ 1½% пошлины за свой товаръ или нѣтъ. Мѣсто такой пошлины долженъ занять годичный сборъ всего на всего въ 10 аспри съ человѣка⁴⁾).

Если присоединить къ малочисленности венеціанцевъ въ Танѣ и фискальнымъ невыгодамъ, связаннымъ съ принадлежностью къ ихъ числу, еще одну подробность,

¹⁾ Quod ipsum balneum accipiant, reparent et fortificent. Senato Misti, m. 33, fol. 13. Постановленіе 9 апрѣля 1369 года.

²⁾ Quod faciant reparari et fortificari dictum fortificium in locis necessariis. Томъ 33, fol. 65. Постановленіе отъ 9 июля 1370 года.

³⁾ Senato. Misti. T. 35, fol. 13. Постановленіе отъ послѣдняго марта 1375 года.

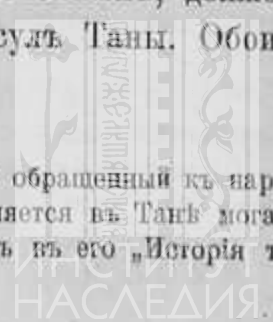
⁴⁾ Senato. Misti. T. 34, fol. 103. Постановленіе отъ 26 апрѣля 1374 года.

о которой говорится въ протоколахъ сената отъ января мѣсяца 1375 г., то легко будетъ понять, какъ причину быстрого роста генуэзской колоніи, такъ и источникъ частыхъ столкновений между ея членами и венеціанцами, столкновений, поддерживаемыхъ вѣковымъ соперничествомъ и войнами двухъ главныхъ владычицъ надъ морями. Обстоятельство, которое я имѣю въ виду, — это обложеніе венеціанцами пошлиной не только товаровъ собственныхъ подданныхъ, но и другихъ иноземныхъ купцовъ, торгующихъ въ Танѣ. Объ этомъ прямо упоминается въ протоколахъ Сената, извѣщеннаго о томъ консуломъ въ Танѣ. Послѣдній справедливо указывалъ на то, какую опасность подобная практика представляетъ для судьбы самой колоніи. Изъ его донесенія слѣдовало, что съ собственныхъ согражданъ венеціанцы довольствуются взиманіемъ небольшого побора съ товаровъ, отправляющихся вверхъ по теченію Дона или идущихъ оттуда обратно въ Тану; съ иностранцевъ же они взыскиваютъ при тѣхъ же условіяхъ несравненно большія суммы. Такое обложеніе имущества чужеземцевъ, по справедливой оцѣнкѣ сената, можетъ вызвать большое недовольство хана и его чиновниковъ и побудить его къ обложенію венеціанцевъ равнымъ поборомъ. Чтобы положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ, сенатъ запрящаетъ своимъ купцамъ въ Танѣ облагать пошлиной товары иноземцевъ и грозить виновнымъ пенею, въ три раза превышающей размѣръ взысканной ими суммы, при чемъ треть ея идетъ консулу, треть — доносчику, а треть — въ казну¹⁾. Если прибавить къ малочисленности колоніи и невозможности расширить ее пріемомъ чужеземцевъ, запугиваемыхъ высотой поборовъ, еще значительность затратъ, какихъ требовало и постоянное возобновленіе посольствъ къ хану, и оплата мѣстной администраціи, то легко будетъ притти къ заключенію, что условія, въ которыхъ венеціанцы участвовали въ Танѣ въ обмѣнѣ товаровъ запада на товары востока, складывались для нихъ все менѣе и менѣе благопріятно. А что издержки, на покрытие которыхъ должны были итти доходы колоніи съ венеціанскихъ торговцевъ, дѣйствительно были весьма велики, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ, сообщаемымъ намъ протоколами сената. Чтобы устранить новыя недоразумѣнія, возникшія съ ханомъ и, по всей вѣроятности, вызванныя вышеуказанными обстоятельствами, т.-е. произвольными поборами съ иноземныхъ купцовъ и товаровъ, венеціанцамъ не разъ приходилось возобновлять посольство въ Орду. Одиннадцать лѣтъ спустя послѣ выдачи Занибекомъ уже разсмотрѣннаго нами указа, новому посольству удается добиться отъ его сына и преемника, Бердыбея, подтвержденіе прежнихъ вольностей²⁾.

Въ 1383 году въ іюнѣ мѣсяцѣ снова заходитъ рѣчь въ сенатѣ о посольствѣ къ татарамъ, въ которомъ, на ряду съ специальнымъ уполномоченнымъ, долженъ былъ принять участіе и выбранный въ Большомъ совѣтѣ консулъ Танѣ. Обоимъ

¹⁾ Senato. Misti. T. 40, fol. 19.

²⁾ Этотъ актъ, изданный какъ значитъ въ Ордѣ (in Lorda) Бердыбеемъ и обращенный къ народу монголовъ и къ сеньорамъ Куманцамъ, къ ста баронамъ и ко всемъ, кто подчиняется въ Танѣ могольбею, т.-е. начальнику надъ моголомъ, или поселеніемъ, анализированъ Мариномъ въ его „Исторія торговли венеціанцевъ“. Т. IV, стр. 141.

во время плаванья позволяется затрачивать ежедневно, сверхъ жалованья, по 2½ дуката; въ Танѣ же ихъ издержки въ день доходятъ до 1½ суммъ, т.-е., какъ мы видѣли, до 18 венеціанскихъ libgi. Жалованье послу—600 libgi въ первые четыре мѣсяца и по ста въ слѣдующіе затѣмъ; на подарки же хану позволено затратить до 1000 дукатовъ¹⁾. Годъ спустя о жалованьи консула, участвовавшаго въ этомъ посольствѣ и оставшагося затѣмъ въ Танѣ, говорится, какъ о равномъ 110 „libgi“ въ годъ. На эти средства онъ обязанъ былъ содержать восемь вооруженныхъ всадниковъ. Такъ какъ въ этомъ году число послѣднихъ уменьшено было на два, то явилась возможность сократить на 10 libgi и жалованіе консулу²⁾. Въ этой попыткѣ уменьшить жалованіе консулу уже сказывается то обремененіе издержками колониальной казны, которое побудитъ затѣмъ въ 1390 году къ уменьшенію на половину вознагражденія, получаемого членами совѣта въ Танѣ. Въ этомъ году, когда обязанности консула исполнялъ иѣкій Андрей Бембо, въ сенатѣ было постановлено уменьшить на половину жалованье совѣтниковъ въ виду того, что они, въ отличіе отъ консула, въ правѣ заниматься торговлею. Доселѣ они получали ежемѣсячно 2 суммы, курсъ которыхъ, повидимому, упалъ къ этому времени до 11 libgi, впредь они должны будутъ получать каждый всего одну сумму въ мѣсяць³⁾.

Принимая во вниманіе вышесказанное, намъ легко будетъ притти къ заключенію, что обстоятельства благоприятствовали развитію соперничающаго съ венеціанскимъ генуэзскаго поселенія въ Танѣ. Благодаря истребленію огнемъ значительной части актовъ XIII и XIV вѣка, хранившихся въ государственномъ архивѣ Генуи, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ объ устройствѣ генуэзской колоніи въ Танѣ ранѣе второй четверти XV вѣка. Къ этому именно времени относится дошедшая до насъ въ полномъ видѣ редакція статутовъ Кааы, въ которыхъ рядъ статей говорить и о генуэзскомъ консульствѣ въ Танѣ. Но историку Генуи, Канале, удалось найти отрывки болѣе ранняго статута Феодосіа, или Кааы, отъ 1290 г., цѣликомъ вошедшаго въ позднѣйшую редакцію. Это обстоятельство позволяетъ намъ думать, что нормы, говорящія о порядкахъ, долженствовавшихъ имѣть мѣсто въ Танѣ, нормы, которыя вошли въ составъ статута Кааы отъ 1439 г., — принадлежать къ болѣе ранней эпохѣ. Ихъ можно возвести не далѣе, однако, какъ ко второй четверти XIV вѣка — времени возникновенія, какъ мы видѣли, самой колоніи. Трудно представить себѣ ее въ самомъ дѣлѣ безъ соотвѣствующихъ властей и въ томъ числѣ консула. Статьи, къ разбору которыхъ мы въ настоящее время перейдемъ, толкуютъ именно о способѣ его назначенія, а также объ опредѣленіи на службу казначеевъ, секретаря и служителей, о доходахъ, поступающихъ въ казну генуэзской колоніи въ Танѣ и о порядкѣ ихъ расходованія. Въ этихъ статьяхъ попадаются случайныя указанія на наличность въ генуэзской слободѣ особой стѣны, отдѣляющей ее отъ татарскаго квартала, обозначаемого словомъ zichia. Эта стѣна, значитъ, возведена была иѣкимъ монахомъ Теамонъ, или Соломономъ. Она пришла въ ветхость, нуждается въ поправкѣ, и на ее починку должны

¹⁾ Senato. Misti, томъ 38; fol. 44.

²⁾ Senato. Misti. T. 39, fol. 34. Постановленіе отъ 12 января 1384 года.

³⁾ Senato. Misti. T. 41, fol. 89 и 120, а также т. 39, fol. 34.

быть затрачиваемы всѣ доходы колониальной казны, за исключеніемъ тѣхъ, какіе идутъ на покрытіе жалованья мѣстнымъ властямъ. Главную статью этого дохода составляютъ продажныя пошлины, или такъ называемый *comerchium* въ размѣрѣ 1% съ товаровъ, ввозимыхъ въ Генуэзскую слободу или вывозимыхъ изъ нея. Отмѣтимъ употребленіе того же термина и венеціанцами для тѣхъ же пошлинъ и сравнительно меньшій ихъ размѣръ на цѣлую треть противъ требуемыхъ венеціанцами. Взиманіе этого сбора отдаваемо было генуэзцами на откупъ, возобновляемый изъ года въ годъ. Такъ какъ выручка, повидимому, не была особенно значительной, то, рядомъ съ статьей, опредѣлявшей, что доходомъ консулу въ Танѣ будетъ служить *comerchium* (или сборъ съ товаровъ при въѣздѣ и выѣздѣ изъ Генуэзской слободы), мы встрѣчаемъ другую, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, въ которой значится, что, помимо этого сбора, консулъ получаетъ еще ежегодно изъ казны въ Каѣѣ, или Феодосіи, 300 аспри феодосійской монеты. Мы знаемъ уже, что аспри — распространенная въ Танѣ денежная единица, въ числѣ 150 входили въ составъ одного *summus*, равнявшагося, смотря по курсу, 11 или 12 венеціанскимъ *libri*, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XIV вѣка. А это даетъ намъ право считать 300 феодосійскихъ аспри приблизительно въ двѣ суммы — величина слишкомъ незначительная, чтобы признать ее годовымъ, а не мѣсячнымъ жалованьемъ. Вспомнимъ, что одни совѣтники венеціанскаго консула получали сперва столько же. Прибавимъ, что изъ дальнѣйшихъ статей видно, что состоявшій при консулѣ секретарь получалъ такую же сумму въ годъ, а именно — 300 византійскихъ монетъ, бывшихъ въ ходу въ Танѣ, т.-е., по всей вѣроятности, такихъ же аспри, какъ и тѣ, какія изъ Каѣы выплачиваемы были генуэзскому консулу; только платежъ этотъ былъ годовой. И тоже должно быть сказано о тѣхъ 150 *bisanti*, или *aspri*, какія получалъ каждый изъ вооруженныхъ служителей консула. Тогда какъ консулъ назначаемъ былъ въ Генуѣ съ вѣдома дожа, его совѣта и особой управы, которой поручено было руководить торговыми предпріятіями въ предѣлахъ Византійской имперіи, или такъ называемой Романіи, массаріи, или казначей, въ числѣ двухъ, опредѣляемы были на службу самимъ консуломъ. Разбираемая нами статья случайно указываетъ на трудность найти подходящихъ людей для занятія всѣхъ этихъ мѣстъ. Чтобы облегчить выборъ ихъ введено было правило о вознагражденіи ихъ постояннымъ жалованіемъ. Консулу, въ свою очередь, рекомендуется назначать казначеями, или массаріями, лучшихъ людей (*ex melioribus*). Первымъ условіемъ для правильнаго веденія дѣлъ колоніи были, очевидно, честность и исправность ея чиновниковъ. Генуэзская Тана, повидимому, призвана была покрывать всѣ свои издержки доходомъ отъ мѣстныхъ сборовъ. На ряду съ упомянутымъ нами *comerchium*, или пошлиной съ товаровъ, входящихъ и выходящихъ изъ слободы, пошлины обозначаемой въ томъ же статутѣ другимъ именемъ, *gabellae*, или косвенные сборы, въ колониальную казну поступали еще такъ называемыя *tegratica*, по всей вѣроятности, платежи за сдаваемыя частнымъ лицамъ лавки и жилища, возведенныя въ предѣлахъ генуэзскаго поселенія самимъ правительствомъ и его агентами. Третьимъ источникомъ дохода были денежные пени, налагаемыя консуломъ на всѣхъ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи его приказовъ и запретовъ. Чтобы обезпечить возможно высокій доходъ отъ пошлинъ, постановлено

было сдавать сборъ ихъ на откупъ съ публичныхъ торговъ каждыя три мѣсяца. Этою сдачею завѣдывалъ консуль и оба его казначея. Статутъ говорить о присужденіи откупа лицу, дѣлающему наиболѣе выгодныя предложенія и о производствѣ такихъ присужденій на улицѣ (*in publica callega*). Казначеймъ приказано держать приходорасходную книгу и вносить въ нее всѣ поступления и затраты, въ томъ числѣ и тѣ, которыя на Рождество и на другія празднества дѣлаются на покрытіе расходовъ по богослуженію. Въ числѣ сановниковъ, о которыхъ упоминается, какъ о получающихъ также жалованье въ 300 мелкихъ византійскихъ монетъ (*bisantii*), имѣется и особый переводчикъ, или толмачъ¹⁾.

Мы встрѣчаемъ тѣхъ же чиновниковъ съ нѣсколькими отличными именами и въ венеціанской колоніи. Въ протоколахъ сената нерѣдко говорится о необходимости смѣнить, положимъ того, или другого человѣка, исполняющаго обязанности *truscimanus*. По справкѣ съ лексикономъ венеціанскаго нарѣчія, составленнымъ Боэриемъ, мы узнаемъ, что *truscimanus* — мѣстный терминъ для обозначенія переводчика. 9 іюля 1370 г. сенатъ, принимая во вниманіе, что имѣющійся въ Танѣ *truscimanus* не посѣщаетъ, какъ слѣдуетъ, консульскаго двора (*curia consulis*) и не занимается порученными ему дѣлами, уполномочиваетъ отправляющагося въ Тану консула замѣнить его человѣкомъ добрымъ и подходящимъ, съ годовымъ жалованьемъ въ 30 *summi*. Особенно желательнымъ было бы привлечь къ этой должности нѣкоего Николая Дарсера. Ему можно бы, значится въ принятомъ сенатомъ предложеніи, и увеличить жалованье до 6 *summi* въ годъ, настолько онъ рекомендуется многими въ виду его подготовленности и строгой законности дѣйствій²⁾. Въ числѣ оплачиваемыхъ чиновниковъ мы находимъ въ венеціанской колоніи и особаго лѣкаря — „*medicus phisicus*“. О посылкѣ его въ Тану заходитъ рѣчь еще въ 1369 г., но выборъ оказывается неудачнымъ, въ виду чего отправляющемуся въ Азовъ консулу поручено 23 іюля 1370 г. взять съ собой новаго медика, взамѣнъ прежняго съ обычнымъ жалованьемъ и на обычныхъ условіяхъ³⁾.

§ 4-й.

Годы, предшествовавшіе разгрому венеціанской Таны толпищами Тамерлана, по всей вѣроятности, были свидѣтелями процвѣтанія бокъ о бокъ обѣихъ итальянскихъ колоній. Этому процвѣтанію не мало содѣйствовало еще плохо отмѣченный экономистами-историками фактъ развитія уже въ XIV вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ республикѣ св. Марка, условій, благопріятныхъ свободѣ торговли, не въ смыслѣ, разумѣется, отмѣны всякихъ таможенныхъ пошлинъ, но въ смыслѣ отсутствія какихъ-либо запретовъ ввозить или вывозить извѣстные товары. Историки-экономисты, въ числѣ ихъ Пэльманъ, справедливо указываютъ на тотъ фактъ, что меркантильная система, съ XVI вѣка охватившая собою постепенно весь міръ, можетъ считать Италію первоначальной своей родиной. Но они въ то же время забываютъ, что въ торговыхъ

1) Atti della Societa Ligura di Storia Patria, vol. VII, parte II, fasc. II. Genova. 1881 г. Statutum Caphe 1439 г., статья 88-я. De ordine Tane.

2) Senato. Misti. T. 33, fol. 65. R^o.

3) Senato. Misti. T. 33, fol. 10 и 66.

республикахъ, какъ въ венеціанской, накопленіе товаровъ, съ одной стороны, и необходимость всячески содѣйствовать развитію отдаленныхъ колоній, съ другой, сдѣлали возможнымъ довольно раннее наступленіе порядковъ, несогласныхъ съ тѣми, при которыхъ, положимъ, англичане обращали извѣстные полумануфактураты, въ частности — шерсть, въ предметъ монопольнаго торговаго государства, которое одно уполномочено было открывать склады для его отпуска и связывало съ послѣднимъ весьма существенные доходы для своей казны. Совершенно иныхъ порядковъ придерживались венеціанцы; правда, еще въ первой четверти XIV вѣка, строго воспрещенъ былъ ими вывозъ золота и серебра за границу, о чемъ своевременно извѣщаемы были, какъ мы видѣли, консула въ Константинополѣ и Танѣ¹⁾. Въ послѣдней четверти того же столѣтія въ актахъ сената мы читаемъ слѣдующее заявленіе: „Всѣмъ извѣстно, что городъ нашъ приумножился и каждый день приумножается, благодаря торговымъ оборотамъ. Потому, если есть въ мірѣ страна, которая нуждалась бы въ свободѣ отпуска, такъ это именно наша. Вѣдь для блага, какъ гражданства, такъ въ частности купцовъ и мореплавателей, выходъ товаровъ необходимъ. Если бы припасы и другіе предметы, прибывающіе въ Венецію въ громадномъ числѣ, не имѣли изъ нея отпуска, то имъ предстояло бы быть истребленными временемъ къ великому убытку всѣхъ. По самой природѣ своей они должны быть вывозимы; люди приобрѣтутъ, такимъ образомъ, возможность взаимнаго пониманія и правильно освѣдомлены будутъ въ дѣлѣ торговли“. Эта проповѣдь свободы обмѣновъ служитъ предисловіемъ къ рѣшенію, которымъ отмѣняются нѣкоторые запреты относительно вывоза тѣхъ или другихъ товаровъ тѣми или другими путями, запретовъ, обыкновенно временныхъ и вызываемыхъ военными соображеніями. Свобода вывоза распространяется на всѣ товары, но подъ условіемъ платежа искони установленныхъ пошлинъ. Тому же ограниченію подлежитъ и свобода ввоза. Всякаго рода металлы, начиная отъ мѣди и свинца и оканчивая золотомъ и серебромъ, а равно и хлѣбные продукты, наконецъ, товары вообще могутъ, говоритъ сенатъ, свободно поступать въ Венецію, платя пошлину государственной казнѣ. Выгоды, истекающія отъ такой свободы ввоза, должны быть общими для всѣхъ, а не для немногихъ (*ut ista utilitas sit generalis et non in specie aliquorum paucorum*). Приведенный текстъ, очевидно, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что республика св. Марка уже въ послѣдней четверти XIV вѣка стала придерживаться политики, одинаково враждебной и запретительному тарифу и всякаго рода частнымъ монополіямъ. Такая политика, разумѣется, не равнозначительна фритредерству, но она вполне отвѣчаетъ той, которая видится въ таможенной пошлинѣ не средство къ поднятію внутри страны тѣхъ или другихъ видовъ производства, нерѣдко въ ущербъ остальнымъ, а способъ доставить казнѣ, помимо всякаго прямого обложенія, постоянную и обильную статью дохода. Представленіе, что таможенная пошлина перекладывается на товары, покупаемые иностранцами, заставляетъ казну смотрѣть на обложеніе при ввозѣ, какъ на мѣру, направленную не противъ собствен-

¹⁾ См. I. Misti del Senato, указатель, изданный Giomo въ 1887 г. Pro obviando malicis que fiunt contra consilium prohibens defferi aurum vel argentum etc comissum fuit baiulo Constantinopolis et consuli Tane (годъ 1322).

ныхъ гражданъ, а противъ чужеземцевъ, и не останавливаться поэтому передъ соображеніями о необходимости поощрить собственное производство изъятіемъ его продуктовъ отъ всякаго побора, разъ они предназначены для иноземныхъ рынковъ. Эти соображенія уже потому не могли имѣть особой силы въ Венеціи, что, если не говорить о предметахъ роскоши — парчѣ, бархатѣ, хрусталѣ и т. д., она торговала, главнымъ образомъ, поступавшими къ ней извнѣ товарами: пряностями съ востока въ такой же мѣрѣ, какъ и англійскою шерстью, драгоценными камнями Персін и Индіи, рядомъ съ тонкими сукнами, изготовляемыми флорентійскимъ цехомъ Калимала. Эта роль посредника въ значительной степени объясняетъ намъ и тотъ, можно сказать, передовой характеръ, какой носить венеціанская торговая политика, всегда принимающая въ расчетъ интересы своихъ гражданъ на международномъ рынкѣ, а не въ ограниченной сферѣ мѣстнаго и даже національнаго обмѣна. Очевидно, что въ этихъ условіяхъ Венеціи уже въ XIV вѣкѣ могла представиться та же опасность, какая въ наши дни обнимается понятіемъ торговаго кризиса. Съ такой именно возможностью пришлось считаться сенату въ 1375 г. Въ его протоколахъ значится, что „городъ переполненъ товарами и купцамъ трудно въ виду такого накопленія поддерживать свое прежнее положеніе. Необходимо поэтому принять наискорѣйшія мѣры противъ такой опасности къ благу торгующихъ и всей земли. Всякая отсрочка въ этомъ дѣлѣ могла бы быть пагубной“. И на этотъ разъ, какъ во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода, сенатъ обращается къ назначенію комиссіи „мудрыхъ“, которымъ и поручается выработать мѣры къ устраненію угрожающаго торговаго кризиса. Если переполненіе товарами необходимо должно было содѣйствовать поощренію отпусковъ, то, въ свою очередь, желаніе споспѣшествовать развитію отдаленныхъ колоній, въ томъ числѣ Таны, обусловило собою разрѣшеніе вывозить изъ нихъ всякаго рода товары, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ. Этимъ объясняется, почему уже съ самаго начала XIV вѣка, регулируя условія ежегоднаго, или, точнѣе, дважды въ годъ повторяющагося отплытъя своихъ вооруженныхъ судовъ, въ Византійскую имперію, Средиземное и Черное моря, письменныя инструкціи, выдаваемые начальствующимъ надъ галерами, или такъ называемымъ уже тогда адмираламъ (*admiralis*), однообразно говорятъ объ обязательствѣ принимать на корабли, идущія изъ Таны въ Венецію всякій товаръ¹⁾. Позднѣе тѣмъ же начальникамъ надъ судами ставится въ обязанность не отказывать въ нагрузкѣ какихъ-либо товаровъ, идущихъ изъ Таны не въ Венецію, а въ Константинополь, въ томъ числѣ не только гречихи и пшеницы, но и бараньихъ шкурокъ, каждый разъ, когда на корабляхъ окажется для нихъ достаточно мѣста.

Кто приметъ во вниманіе все нами сказанное, тому станетъ ясно, почему, не смотря на незначительность числа венеціанскихъ поселенцевъ въ Танѣ и громадность требуемыхъ колоніей затратъ, венеціанцы и въ послѣдующія десятилѣтія

¹⁾ Такъ уже въ 1322 г. оговорено, какіе товары могутъ быть принимаемы на обратномъ плаваніи при возвращеніи судовъ изъ Средиземнаго и Чернаго морей въ мартѣ и сентябрѣ, сроки, въ которые надлежало завершить это торговое плаванье изъ Венеціи на востокъ и обратно. Специально изъ Таны могутъ идти самыя разнообразныя товары (*varii tamen possint conducī Venetias de la Tana.*)

вспомнили о своихъ торговыхъ операціяхъ на Азовскомъ морѣ, „какъ о самыхъ выгодныхъ для купцовъ и полезныхъ для всего народа“. Протоколы сената отъ XV вѣка не разъ говорятъ о необходимости оживить морскія предпріятія, ставяція себѣ цѣлью обмѣнъ товаровъ съ Византіей, Таной и портами Чернаго моря, въ томъ числѣ Трапезундомъ; предки (*proginetores*), значитъ въ нихъ, считали такого рода предпріятія наиболѣе полезными (*cognoverunt inter omnia alia viagia esse utilissima*). Но сохраненіе колоніи въ Танѣ требовало, какъ мы видѣли, во-первыхъ, неоднократнаго возобновленія всегда связанныхъ съ большими издержками посольствъ къ татарскимъ ханамъ, съ цѣлью полученія отъ нихъ подтвердительныхъ грамотъ, а, во-вторыхъ, дорого стоящей мѣстной администраціи; Республика св. Марка, по весьма понятной причинѣ, не желала обременять этими расходами собственной казны и перекладывала ихъ на купцовъ, торгующихъ на Азовскомъ морѣ, въ формѣ частью прямого налога, такъ называемаго *cotinum*¹⁾, частью пошлинъ съ поступавшихъ въ продажу товаровъ, — пошлинъ, о которыхъ сама она не разъ говорила, какъ о болѣе чѣмъ достаточныхъ (*quod est bene satis sicut omnibus notum ost*)²⁾. Немудрено, если, въ свою очередь, венеціанцы, ведшіе торговлю въ Танѣ, всѣчески стремились вернуть свои невольныя затраты поборами съ иноземцевъ, участвующихъ, повидимому, не безъ ихъ посредничества въ сбытѣ своихъ товаровъ внутри страны вверхъ по теченію Дона и, по всей вѣроятности, караваннымъ путемъ до Волги, а оттуда лодками до Сарая и Каспійскаго моря. Рамузій, какъ мы видѣли, прямо упоминаетъ о сбытѣ венеціанскихъ товаровъ въ этомъ направленіи. А то, что было памятно географу XV вѣка, очевидно принадлежало къ области недавней общераспространенной практики. Мы видѣли, что вымогательства венеціанцевъ съ иностранныхъ купцовъ обратили на себя вниманіе и правительства республики, которое справедливо видѣло въ нихъ поводъ и къ недовольству татарскаго хана, и къ столкновеніямъ съ удачными соперниками въ Танѣ — генуэзцами; послѣдніе облагали своихъ купцовъ меньшими поборами и потому съ каждымъ годомъ становились все болѣе и болѣе многочисленными, благодаря готовности, съ какой всякіе иноземные торговцы записывались въ члены Генуэзской слободы предпочтительно передъ Венеціанской. Хотя республика св. Марка уже въ это время сознавала необходимость избѣгать столкновеній съ генуэзцами въ Танѣ и въ виду этого отказывалась даже отъ приобрѣтенія поступавшихъ въ продажу земельныхъ участковъ, какъ расположенныхъ поблизости или, въ районѣ сдѣланнаго генуэзцамъ пожалованья; но въ поводахъ къ столкновеніямъ уже потому не могло быть недостатка, что ближайшими портами къ Танѣ на Азовскомъ и Черномъ морѣ были генуэзскія колоніи: Пантикапея, или Керчь, Порто-Пизано къ сѣверо-западу отъ Азова, наконецъ, Феодосія, или Кааа. Венеціанцы же, еще съ первой четверти XIV вѣка обкладывали шедшіе изъ Керчи товары особымъ поборомъ въ свою пользу³⁾. Эта практика не исчезла со временемъ и о ней не разъ упоминается

¹⁾ Senato. Misti. T. 34, fol. 102. R°.

²⁾ Senato. Misti. T. 38, fol. 38. Постановленіе отъ 23 мая 1383 года.

³⁾ Въ недошедшихъ до насъ протоколахъ Сената отъ 1331 г. значилось, между прочимъ, насколько можно судить по уцѣлѣвшему инвентарю, что венеціанскому консулу въ Танѣ было поручено требовать

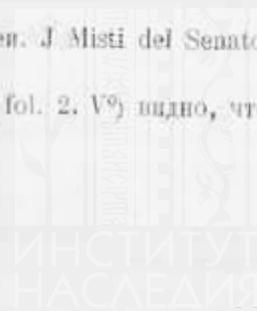
въ сенатскихъ протоколахъ¹⁾. Принимая во вниманіе все это, мы поймемъ причину, по которой въ лѣтописи могло проникнуть извѣстіе, что подстрекателемъ къ разрушенію венеціанской колоніи въ Азовѣ Тамерланомъ былъ близкій къ нему человекъ, Андрей Генуэзецъ. Канале принимаетъ цѣликомъ это свидѣтельство въ своихъ комментаріяхъ къ исторіи Крыма, или, точнѣе, генуэзскихъ владѣній въ немъ²⁾. Оно, во всякомъ случаѣ, интересно, какъ символическое выраженіе народной молвою исконнаго недоброжелательства обоимъ поселеніямъ другъ къ другу. Такъ какъ генуэзское приумножилось въ ближайшія десятилѣтія, благодаря прибытію новыхъ поселенцевъ, какъ думаетъ Канале, изъ Кабы и Перы, то въ глазахъ современниковъ разгромъ венеціанской колоніи Тамерланомъ ставился въ прямую зависимость съ враждою обѣихъ республикъ и ихъ соответствующихъ поселеній на Азовскомъ морѣ. Надо сказать, однако, что въ протоколахъ венеціанскаго сената нельзя встрѣтить ни малѣйшаго намека на этотъ счетъ. Не разъ упоминая о совершенномъ уничтоженіи ихъ поселка въ Танѣ Тамерланомъ, они ни единымъ словомъ не касаются предполагаемаго подстрекательства со стороны генуэзцевъ. Разгромъ произведенъ былъ, повидимому, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ протоколахъ сената отъ 1396 г. говорится объ истребленіи во время его всякихъ письменныхъ документовъ, въ томъ числѣ указовъ, выданныхъ въ пользу венеціанцевъ татарскими ханами³⁾. Въ болѣе позднемъ по времени актѣ значится, что „какъ всѣмъ извѣстно, въ предѣлахъ Таны все (*omnia loca illa*) было разорено и предано пожару Тамерланомъ“. Имя „бича Божьяго“ или „молота вселенной“ пишется сенатомъ слѣдующимъ образомъ: „*Tamberlanus*“. Замѣчательно, что нигдѣ не говорится въ разбираемыхъ нами источникахъ о томъ, чтобы Тамерланъ пощадилъ при этомъ генуэзскую слободу, или чтобы причиною погрома не была вражда завоевателя къ татарскому хану. Въ 1397 году, когда въ засѣданіи 19-го марта, сенатъ рѣшилъ отправить Андрея Юстиніана специальнымъ посломъ и консуломъ въ Тану, ему поручено было доложить императору татаръ, что Венеція, всегда относившаяся съ сердечнымъ сочувствіемъ къ его личности и странѣ, крайне огорчена тѣми пораженіями, преслѣдованіями и убытками, какія нанесены были его имперіи „предательскимъ“ Тамерланомъ. Послѣдній „не только его подданнымъ, но также нашему консулу и кунцамъ причинилъ большой вредъ и обиды, захватывая людей силой, уводя ихъ съ собою въ рабство и присваивая себѣ, вопреки всякой справедливости, ихъ имущество⁴⁾“. Хотя въ разбираемыхъ нами документахъ и не говорится прямо о разрушеніи Тамерланомъ генуэзскаго поселка, но это необходимо вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что, какъ свидѣтельствуется сенатъ въ своемъ обращеніи къ татарскому хану въ 1397 г., посланный къ нему съ галерами уполномоченный не могъ высадится въ Танѣ,

10% сбора со всѣхъ товаровъ, приходившихъ въ Тану изъ Керчи, или Пантикапей. *J. Misti del Senato*. Изданіе Giomo, стр. 289.

¹⁾ Такъ изъ одного постановленія отъ 4 марта 1344 г. (*Senato. Misti*, Т. 22, fol. 2, V^o) видно, что этотъ поборъ повышенъ даже до 13%.
²⁾ Томъ II, стр. 46.

³⁾ *Senato. Misti*. Т. 34, стр. 171.

⁴⁾ *Senato. Misti*, Т. 34, fol. 180. Постановленіе отъ 19 марта 1397 года.

такъ какъ въ ней не доставало жителей и пожаръ поглотилъ собою цѣлыя улицы; въ виду этого послу показалось опаснымъ остаться въ этомъ мѣстѣ. Галеры, на которыхъ отправлено было посольство, посѣтили берега Азовскаго моря въ 1396 г. и еще застали поселеніе въ Танѣ „въ пепелищахъ, а народъ разбѣжавшимся во всѣ стороны“¹⁾. Отправляя, годъ спустя, того же агента, Андрея Юстиніана, посломъ и консуломъ въ Тану съ порученіемъ выхлопотать отъ хана новыя привилегіи, взаменъ прежнихъ, истребленныхъ пожаромъ, сенатъ ставитъ первымъ условіемъ возстановленія венеціанской колоніи въ Азовѣ, то чтобы повелитель надъ татарами, или, какъ онъ выражается, ихъ императоръ, долженъ распорядиться о возвращеніи жителей въ предѣлы Таны²⁾.

Соображая все сказанное, трудно отнестись иначе, какъ съ сомнѣніемъ, къ повторяемой Канале легендѣ о томъ, что разрушеніе венеціанской слободы въ Азовѣ Тамерланомъ вызвано было интригами генуэзцевъ и подстрекательствомъ близкаго къ нему человѣка — Андрея родомъ изъ Генуи.

Не оправдывается также документами и другая его догадка — о заселеніи Таны послѣ Тамерланова погрома не подданными Венеціи, а исключительно выходцами изъ генуэзской колоніи Кааы, или Θεодосіи. Въ протоколахъ венеціанскаго сената отъ 1397-го года имѣется прямое указаніе на то, что бѣжавшіе изъ Таны купцы стали возвращаться въ нее еще до посылки Андрея Юстиніана къ татарскому хану, какъ только дошелъ до нихъ слухъ о томъ, что послѣднему удалось вернуть свои владѣнія и что Тамерланъ покинулъ ихъ предѣлы. Предводительствовавшій отправленными еще въ 1395 году галерами Яковъ Суріано, извѣщая письменно хана о сожженіи во время Тамерланова погрома всѣхъ его грамотъ и приказовъ, а также выданныхъ имъ и его предшественниками привилегій въ пользу венеціанцевъ (*scripturae, mandata et praecepta*), ходатайствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ о выдачѣ новыхъ: тѣмъ самымъ ханъ доставилъ бы возможность купцамъ республики снова поселиться въ его земляхъ, получить новые указы въ свою пользу; въ этихъ новыхъ указахъ, между прочимъ, должно было значиться, что поступающій въ пользу хана платежъ въ полтора процента съ продаваемыхъ въ Танѣ товаровъ будетъ взимаемъ только въ случаѣ состоявшагося торга. Такое еще ранѣе принятое обязательство, какъ слѣдовало изъ сообщенія венеціанскихъ купцовъ въ Танѣ, далеко не соблюдалось. Ханъ, прежде чѣмъ выдать „какія-либо грамоты, ожидалъ прибытія къ нему изъ Венеціи особаго посольства, о которомъ увѣдомляли его письма начальника надъ галерами, Якова Суріано. Между тѣмъ изъ Таны доходили въ Венецію извѣстія, что ея купцы подвергаются многимъ вымогательствамъ (*mansariae*); они стѣсняются ихъ торговые обороты въ предѣлахъ Таны и ханскихъ владѣній, обороты, слѣвавшіеся возможными теперь, когда „за отходомъ Тамерлана въ собственныя земли

¹⁾ *Missimus anno elapso cum duabus nostris galeris ad partes Tane unum nostrum ambaxatorem ut accederet ad presentiam magnitudines sue, qui, quia invenit partes illas esse inhabitatas et sine aliqui populo et contratas illas esse in maxima combustione, ita quod periculosum erat dicto nostro ambaxatori ibi moram facere, determinavit redire Venetias*. Senato. Misti. T. 37, fol. 180.

²⁾ *quod dictus dominus Imperator provideat de adventu dicti populi sui in Tanam.*

(*ad partes suas*), въ имперіи водворился миръ и ея второстепенные владѣльцы, именуемые Сенатомъ баронами, вернулись къ прежнему подчиненію хану“.

Эти жалобы венеціанскихъ купцовъ и побудили Сенатъ отправить къ татарамъ того самаго Андрея Юстиніана, который за годъ передъ тѣмъ, какъ мы видѣли, не считалъ возможнымъ высадиться въ Танѣ, въ виду отсутствія въ ней жителей. Юстиніанъ, назначенный одновременно и консуломъ въ Тану, выбранъ былъ на должность большинствомъ голосовъ, превосходящимъ половину личнаго состава Сената. При этомъ рѣшено было, что въ тѣ четыре мѣсяца, которыхъ, въ виду значительности разстоянія, потребуетъ его миссія, онъ получитъ 200 дукатовъ. По истеченіи же этого срока Андрею Юстиніану полагается въ мѣсяць жалованья всего сто „*libri*“. Посоль-консулъ долженъ взять съ собою изъ Венеціи переводчика, или драгомана, который и обозначается этимъ обычнымъ въ Константинополѣ терминомъ (въ текстѣ протоколовъ о немъ говорится, какъ о *dragomanus*, очевидно, невѣрная передача слова *dragomanus*). Въ помощь консулу, сверхъ жалованья, дается на издержки поденно во время плаванья два дуката, а послѣ высадки на землю — пять дукатовъ. Путевыя издержки, платежъ за провозъ пассажировъ и груза (*navula navigiorum*), а также то, что придется затратить на наемъ лошадей и подводъ, не падаютъ на посла-консула. Сенатъ ассигнуетъ сумму въ 1000 дукатовъ для покупки подарковъ хану, при чемъ выборъ ихъ предоставляется состоящей при дождѣ коллегіи его совѣтниковъ и начальниковъ надъ уголовной „*quarantia*“, а также членамъ старой и новой комиссіи „мудрыхъ“. Если бы послу и не удалось добиться ожидаемыхъ отъ хана вольностей, онъ долженъ вернуться обратно въ Венецію; въ противномъ же случаѣ ему предписывается поселиться въ Танѣ и отправлять въ ней должность консула въ теченіе двухъ лѣтъ съ жалованьемъ въ 80 дукатовъ въ годъ. Его служба можетъ продлиться и болѣе въ томъ случаѣ, если его преемнику не удастся прибыть къ концу означенныхъ двухъ лѣтъ. Консулу запрещается вести торговлю, какъ не дозволено это также консуламъ Александріи и Дамаска. Во все время продолженія его должности при немъ долженъ состоять священникъ-нотаріусъ и одинъ помощникъ, получающій въ годъ 40 дукатовъ жалованья и который на эти средства обязанъ, между прочимъ, заказать себѣ мантию (*inam gobam*). На консула падаетъ также содержаніе пяти вооруженныхъ служителей и пяти коней для нихъ. Сенатъ предвидитъ непріятную случайность, что Андрею Юстиніану обстоятельства не позволятъ довести своей миссіи до конца. Въ виду этого рекомендуется венеціанскому правителю въ мѣстѣ послѣдней стоянки отправляемыхъ съ посломъ судовъ снестись съ высшими морскими властями Венеціи, а именно съ „поставленнымъ надъ заливомъ (т.-е. Адриатикой) генеральнымъ начальникомъ“, а также съ интендантомъ (*supracomes*) всего торговаго мореходства; совмѣстно съ ними и большинствомъ голосовъ посольство должно рѣшить вопросъ о томъ, продолжать ли ему свой путь далѣе или нѣтъ. Согласно мнѣнію большинства, онъ или возвращается въ Венецію, или отсрочиваетъ свой отъѣздъ. Всѣ эти предосторожности указываютъ на необезпеченность морского пути въ Тану. Опасались, повидимому, враждебныхъ дѣйствій со стороны не однихъ генуезцевъ, почему судамъ, шедшимъ въ Азовское море, ставилось на видъ, не только избѣгать остановки въ портахъ,

принадлежащихъ торговымъ соперникамъ Венеціи (*quod nullo modo deliberare debeant de expectando se aliquo loco in quo Genuenses possent sibi facere aliquam impositionem vel ponere aliquam gravitatem*¹⁾), но и не терять другъ друга изъ виду, пока не достигнуть предѣловъ Чернаго моря. Такъ какъ на этомъ морѣ и были расположены генуезскія колоніи и такъ какъ особенно опаснымъ считался переѣздъ отъ Хіоса²⁾ до выхода изъ Босфора, то есть основаніе думать, что венеціанцы боялись для своихъ судовъ всего болѣе враждовавшихъ другъ съ другомъ турокъ и византійцевъ. Не желая обременять своей казны издержками по отправкѣ посольства къ хану, Сенатъ и на этотъ разъ переноситъ ихъ на торгующихъ въ Танѣ венеціанскихъ купцовъ. Предписывается поэтому обложить временно, до полного покрытія всѣхъ расходовъ, полупроцентнымъ сборомъ товары, отправляемые въ Тану венеціанскими подданными, каково бы ни было происхожденіе послѣднихъ (*per quemcumque venetum et qui pro veneto tractatur*). Взиманіе этого чрезвычайнаго сбора поручено консулу, который изъ ожидаемаго дохода долженъ переводить въ Венецію тѣ или другія суммы въ платежъ чиновникамъ, завѣдующимъ чрезвычайными доходами и оплатившимъ впередъ издержки его посольства³⁾. Прошелъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ Андрею Юстиніану удалось отправиться въ Тану. 19 марта 1397 года въ протоколахъ Сената еще говорится о полномочіяхъ и инструкціяхъ, какими необходимо снабдить его передъ отплытіемъ. Эти инструкціи посвящаютъ насъ во всѣ подробности того положенія, какое создано было для венеціанской колоніи въ Танѣ нашествіемъ Тамерлана и готовностью татарскихъ чиновниковъ присвоить себѣ, подъ предлогомъ выморочности, имущества погибшихъ при его погромѣ венеціанскихъ купцовъ. Онѣ указываютъ также на тѣ мѣры, какими венеціанскій Сенатъ надѣялся, не только выгородить своихъ подданныхъ отъ этихъ новыхъ вымогательствъ, но и прочно обезпечить на будущее время безопасность и матеріальное процвѣтаніе колоніи на Азовскомъ морѣ. Вернушіеся въ Тану купцы оставались, повидимому, безъ всякаго начальства. Это обстоятельство дѣлало ихъ безпомощными въ столкновеніяхъ съ татарскими властями и обусловливало возможность тѣхъ „*mansariae multae et valde magnae*“, на которыя они жаловались въ Венецію, и для которыхъ, повидимому, нельзя придумать болѣе подходящей передачи, какъ сказавши, что татарскіе чиновники „ѣли“ венеціанцевъ своими поборами. Въ виду сказаннаго, Сенатъ озаботился прежде всего тѣмъ, чтобы на время, пока Андрей Юстиніанъ занятъ будетъ исполненіемъ возло-

1) Senato. Misti, т. 64, постановленіе отъ 18-го марта 1400 года.

2) Въ протоколахъ Сената отъ 15 марта 1400 года предвидится случай, когда, по прибытіи въ Хіосъ, начальствующій надъ судами капитанъ, отобравши предварительно мнѣніе консула и совѣта двѣнадцати принужденъ будетъ прекратить дальнѣйшее плаваніе и вернуться обратно въ Венецію. Senato. Misti т. 43, fol. 3. То обстоятельство, что начальнику надъ судами, отправляемымъ въ Тану, Иерониму Контарини, венеціанскій дожъ Антоній Веньеръ приказываетъ добиться въ Константинополѣ аудіенціи отъ императора Іоанна и ходатайствовать у него отъ имени дожа и республики св. Марка о томъ, чтобы онъ отпустилъ венеціанскіе корабли съ товарами и купцами въ дальнѣйшее плаваніе согласно исконно признаваемымъ за венеціанцами правамъ (*secundum jurisdictiones nostras solitas*), даетъ поводъ думать, что въ Венеціи опасались, какъ бы императоръ не отнесся враждебно къ возобновленію торговыхъ сношеній съ татарскими ханами въ виду обострившихся отношеній съ послѣдователями ислама (Senato. Misti, т. 43, fol. 6. Постановленія отъ 26-го марта 1400 года).

3) Senato. Misti, т. 34, стр. 171. Постановленія 20-го февраля 1396 г.

женныхъ на него обязанностей посла, венеціанская колонія не осталась бы безъ начальника и заступника передъ татарами. Вотъ почему Андрею Юстиніану, какъ консулу въ Танѣ, поручено было передъ отбытіемъ къ ханскому двору созвать своихъ совѣтниковъ и поручить имъ выборъ вице-консула. Только сдѣлавъ это и оставивъ послѣ себя замѣстителя, консулъ могъ отправиться въ посольство. Представъ на глаза хана, Андрей Юстиніанъ долженъ былъ въ тѣхъ „изысканныхъ выраженіяхъ, которыя его мудрости покажутся наиболѣе подобающими чести императора и въ то же время болѣе служащими къ осуществленію нашихъ намѣреній“ (*cum illis honorabilibus verbis, que sue sapientie videbuntur decencia honori dicti domini Imperatoris et proficua ad nostram intencionem obtinendam*), передать ему соболѣзнованія дожа и властей о Тамерлановыхъ предательствахъ и ихъ поздравленія съ возвращеніемъ своихъ владѣній. Такъ какъ при погромѣ Таны потеряли и венеціанскіе купцы, то послу надлежало высказать увѣренность, что „Императоръ“ приметъ участіе въ ихъ судьбѣ, прикажетъ своимъ подданнымъ обращаться съ ними, какъ съ друзьями, и не только возобновитъ въ ихъ пользу прежнія свободы, привилегіи и изытія, но и приумножитъ ихъ въ возмѣщеніе понесенныхъ ими убытковъ. Въ виду того, что торговые обороты, производимые венеціанцами, выгодны въ равной мѣрѣ и для подданныхъ хана, и для его казны, повелитель надъ татарами, по возвращеніи венеціанскихъ поселенцевъ въ силу его приказа на прежнія мѣста жительства въ Азовѣ, долженъ позволить имъ укрѣпить отведенный для нихъ кварталъ. „Онъ лежитъ нынѣ пепелищемъ, благодаря разгрому и сожженію его Тамерланомъ“. Въ предѣлахъ его для защиты собственныхъ подданныхъ и ихъ имуществъ венеціанцы желаютъ воздвигнуть въ избранномъ ими самими мѣстѣ фортъ, который при случаѣ могъ бы быть полезенъ и для подданныхъ хана. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ послѣднимъ Андрей Юстиніанъ долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы, взаменъ прежнихъ трехъ процентовъ, взимаемыхъ въ пользу хановой казны съ товаровъ, какіе венеціанцы продаютъ въ Танѣ, татары удовольствовались полученіемъ только полутора процентовъ.¹ За послѣднее время установилась въ Танѣ практика требовать платежа половины трехпроцентнаго сбора при самомъ прибытіи товаровъ въ Тану. Эти пошлины слѣдовало бы отмѣнить и удовольствоваться полученіемъ только полутора процентовъ съ товаровъ, проданныхъ венеціанцами татарамъ. Соответственно этому, хану надлежало бы выдать новые приказы и мѣстныя привилегіи, въ которыхъ оговорено было бы все вышеизложенное.

Послу предстояло также принять во вниманіе интересы венеціанскихъ торговцевъ, отправлявшихся караванами внутрь ханскихъ владѣній, и собрать точныя свѣдѣнія о всѣхъ вымогательствахъ, причиняемыхъ въ нихъ татарами. При свиданіи съ ханомъ онъ долженъ былъ добиться отъ него возвращенія гражданамъ Венеціи всего забраннаго у нихъ сверхъ должнаго и обѣщанія, что такія „притѣсненія“ впредь не будутъ повторяться. Разъ купцы избавлены будутъ отъ поборовъ, они охотнѣе станутъ торговать во владѣніяхъ хана¹).

¹) Въ текстѣ стоитъ *quod nostri mercatores non graventur, nec angariantur ultra solitum*. Послѣдній глаголъ *angariare* происходитъ отъ слова *angariae*, означающаго на средневѣковой латыни не столько барщину, сколько обязательныя помочи; въ переносномъ смыслѣ подъ *angariae* разумѣется всякаго рода вымогательство службъ и платежей.

Другимъ нестроеніемъ, способнымъ воспрепятствовать возрожденію венеціанской колоніи въ Танѣ, Сенатъ признаетъ вкравшуюся за послѣднее время практику не выдавать, какъ прежде, имущество умершихъ купцовъ венеціанскимъ торговцамъ, но присваивать ихъ, какъ выморочныя, тѣмъ татарскимъ начальникамъ, которыхъ Сенатъ считаетъ своего рода вассалами хана и обозначаетъ терминомъ „бароны“. Андрею Юстиніану поручается поэтому добиться выдачи ханомъ приказа о передачѣ оставленныхъ покойниками имуществовъ въ руки консула или вице-консула; буде же таковыхъ не окажется налицо,—въ руки венеціанскихъ купцовъ, торгующихъ въ Танѣ; послѣдніе же распорядятся о доставкѣ этого имущества сыновьямъ или другимъ наследникамъ. Желательно, говоритъ Сенатъ, чтобы соответствующее постановленіе включено было ханомъ въ текстъ его будущихъ указовъ. Такъ какъ жилище прежняго консула въ Танѣ было разрушено Тамерланомъ, то послу предоставляется хлопотать у императора разрѣшеніе снять въ наемъ одинъ изъ татарскихъ домовъ, „настолько достроенныхъ, чтобы служить помѣщеніемъ для него самаго и для его свиты до тѣхъ поръ, пока не возведено будетъ новое зданіе консульства“. Предвидя, что отъ Тамерлана погрома венеціанцамъ удалось скрыть и нѣкоторую казну, Юстиніану, какъ будущему консулу, поручается обмѣнять ее на серебро; по возвращеніи въ Константинополь это серебро должно быть продано; полученная же отъ продажи сумма пойдетъ на покрытіе издержекъ, требуемыхъ возстановленіемъ венеціанской слободы въ Азовѣ.

Комиссія мудрыхъ, которымъ поручено было приготовить эти мѣропріятія, сумѣла собрать справки о томъ, кто пользуется особымъ вліяніемъ при дворѣ хана. Изъ полученныхъ ею свѣдѣній оказалось, что всемогущимъ человѣкомъ при немъ является казначей. Протоколы говорятъ о немъ, какъ о баронѣ, прозываемомъ Мурзою (Мирза). Послу рекомендуется склонить его деньгами къ поддержкѣ ходатайства объ уменьшеніи на половину сборовъ, взимаемыхъ съ венеціанскихъ товаровъ; на подкупъ казначея отпускается Сенатомъ сумма не свыше 200 дукатовъ. Они не идутъ въ счетъ тѣхъ 1000 дукатовъ, которые предназначены для покупки подарковъ самому хану¹⁾. Изъ протоколовъ Сената отъ 24 марта 1400 года видно, что Андрею Юстиніану удалось добиться отъ хана далеко не всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыми такъ дорожили торгующіе въ Танѣ купцы. Ханъ отказался уменьшить на половину сборы, поступавшіе въ его казну отъ венеціанскихъ товаровъ; чиновники, завѣдывавшіе отъ его имени интересами торговли, такъ называемые въ протоколахъ Сената *commercitarii domini imperatoris*, продолжали попрежнему взимать полтора процента съ товаровъ тотчасъ по ихъ выгрузкѣ; другую же половину пошлины приходилось платить только вслѣдъ за заключеніемъ торговыхъ сдѣлокъ. Въ виду новыхъ настояній со стороны заинтересованныхъ лицъ, Сенатъ, признавая, что такая практика приноситъ немалый ущербъ купцамъ и сокращаетъ предоставленную венеціанцамъ свободу „подсудности“²⁾, счелъ нужнымъ поручить „совѣту двѣнадцати мудрыхъ“ рѣшить вопросъ о томъ, что лучше,

¹⁾ Senato, Misti, т. XXIV, fol. 180.

²⁾ Въ текстѣ значитъ буквально: *quod redundat ad damnum non modicum mercatorum et etiam in diminutionem jurisdictionis nostri domini*.

отправить ли консула посломъ къ хану или взаи́мъ этого удовольствоваться одной посылкой къ татарамъ грамоты съ новымъ ходатайствомъ. Не желая въ то же время обременять государственной казны издержками по снаряженію посольства, Сенать ограничивается обѣщаніемъ выдать вѣрительныя грамоты; что же касается до расходовъ, то они должны пасть всецѣло на купцовъ, торгующихъ въ Танѣ; для покрытія ихъ рекомендуется установленіе временнаго раскладочнаго налога, такъ называемаго *cotimum*.

Болѣе успѣшно было, повидимому, другое требованіе, предъявленное отъ имени дожа и всей республики св. Марка татарскому правителю. Ханъ согласился разрѣшить венеціанцамъ возведеніе въ Танѣ крѣпости; Сенать же опредѣлилъ отпустить на эту постройку, сверхъ прежнихъ суммъ, уже переданныхъ въ распоряженіе преемника Андрея Юстиніана — Матѳея Барбадико, новыя 300 *summi*¹⁾. Получивши отъ своего предшественника 150 дукатовъ, Барбадико затратилъ ихъ тотчасъ же на возстановленіе церкви, жилища консула и торговыхъ складовъ при немъ (*lobia*). Всѣ эти зданія разрушены были Тамерланомъ, такъ что, жалуется Сенать, „ни консулъ нашъ въ Танѣ, ни купцы не имѣли убѣжища какъ для себя, такъ и для имущества“. Ста пятидесяти дукатовъ, разумѣется, скоро оказалось недостаточнымъ; чтобы „не дать пріостановленнымъ постройкамъ возможности прити въ ветхость“, Сенать въ 1339 г., по просьбѣ консула, рѣшился выдать изъ государственной казны въ пособіе новыя 300 *summi*. Тотъ же платежъ возобновленъ былъ и годъ спустя, по случаю посылки въ Тану новаго консула, дворянина Біанко-де Риппа. Чтобы вернуть казнѣ сдѣланный такимъ образомъ авансъ, консулу и его совѣту поручено было возобновить взиманіе одного съ половиной процента съ приходившихъ въ Тану товаровъ, независимо отъ полупроцентнаго сбора съ тѣхъ же товаровъ, сбора, шедшаго на покрытіе издержекъ посольства Андрея Юстиніана въ орду²⁾.

Обнаруживая такимъ образомъ большую заботливость о возстановленіи венеціанской слободы въ Танѣ, Сенать въ то же время расширилъ автономію торгующихъ въ ней купцовъ предоставленіемъ имъ права выбора изъ своей среды и совѣтниковъ консульства, въ числѣ 12 человекъ, и вице-консула. Поводъ къ тому дало возвращеніе раньше срока въ Венецію консула Біанко-де-Риппа съ вѣдома и согласія Сената и по причинамъ частнаго характера. Отмѣтивъ въ своихъ протоколахъ, что подобная же льгота дана была ранѣе и Андрею Юстиніану и, имѣя въ виду очевидное нежеланіе венеціанскихъ патриціевъ засиживаться въ отдаленной колоніи, Сенать счелъ нужнымъ поручить вновь назначенному консулу передъ своимъ отъѣздомъ въ метрополию избрать замѣстителя или вице-консула изъ дворянъ, съ жалованьемъ въ 200 дукатовъ въ годъ и съ обязательствомъ держать при себѣ двухъ вооруженныхъ служителей. На тотъ случай, еслибы оказалось невозможнымъ найти дворянина, готоваго занять эту должность, позволено было опредѣлить на нее и человека изъ простонародья, на этотъ разъ на половинномъ жалованьи и съ обязательствомъ держать при себѣ всего одного служителя. На будущее же время предписано производить выборъ вице-

¹⁾ Senato Misti, томъ 43, fol. 68.

²⁾ Senato. Misti, т. 43, fol. 77, постановленіе отъ 18-го марта 1400 года.

консула совѣту купцовъ. И такая практика установилась уже въ іюль слѣдующаго года, когда отправлявшемуся въ Тану начальнику надъ галерами поручено было созвать по своему приѣздѣ всѣхъ купцовъ, торгующихъ въ ней, и поручить имъ выборъ баллотировкой (*per scrutinium*) изъ собственной среды вице-консула и совѣтниковъ, которые, однако, не должны были вступить въ отправленіе своей должности раньше истеченія срока прежнихъ¹⁾.

Данное колоніи мѣстное самоуправленіе, очевидно, должно было не мало содѣйствовать ея внутреннему развитію. Тѣмъ не менѣе ея процвѣтаніе могло быть обеспечено только подъ условіемъ возможно частой посылки въ нее вооруженныхъ судовъ, или галеръ, со всякаго рода товарами, венеціанскими и иноземными. Большая часть ихъ шла затѣмъ на ладьяхъ вверхъ по теченію Дона и караваннымъ путемъ по Волгѣ въ Астрахань. Венеціанскія галеры возвращались обратно въ метрополию въ два срока, въ мартѣ и сентябрѣ, нагруженные восточнымъ товаромъ, пряностями, шелкомъ-сырцомъ и шитыми золотомъ тканями, жемчугомъ и драгоценными камнями, кармазиномъ и другими красящими веществами, не говоря уже о мѣстныхъ продуктахъ самой Тартаріи, какъ-то: маисѣ и пшеницѣ, овечьихъ шкуркахъ, соленой рыбѣ, пенькѣ и т. д. Послѣдній продуктъ къ этому времени сталъ доставляться въ такомъ количествѣ, что склады, посвященные въ Венеціи для храненія этого товара, столь необходимаго для выдѣлки парусовъ, получили здѣсь названіе „таны“²⁾.

Съ цѣлью поощренія торговыхъ сношеній и изъ желанія удовлетворить запросу восточныхъ народовъ на всякаго рода западный товаръ, сенатъ дозволилъ доставлять въ Тану, между прочимъ, иноземныя сукна (*panni forenses et omnes alia res*). Чтобы избѣжать обремененія своего вывоза пошлинами и другими издержками, запрещалось судамъ, шедшимъ въ Тану, дѣлать стоянки въ генуэзскихъ портахъ, въ томъ числѣ въ Каѣ, или Феодосіи, разъ ихъ капитанамъ не удастся предварительно добиться обѣщанія, что пошлиной обложены будутъ только выгруженные на берегъ товары, съ кораблей же не произведено будетъ никакого добавочнаго побора³⁾. Позднѣе, по всей вѣроятности въ виду обострившихся отношеній, запрещено было венеціанскимъ судамъ „мѣшать собственные товары съ генуэзскими“ и принимать грузы, предназначенные для жителей Каѣ⁴⁾. Вначалѣ весь торговый обмѣнъ съ Таною, какъ и съ другими портами Средиземнаго и Чернаго морей, производимъ былъ венеціанцами на однѣхъ галерахъ, или вооруженныхъ судахъ. И въ XV вѣкѣ нерѣдко заходитъ рѣчь объ ихъ посылкѣ, при чемъ опредѣляется, сколько стрѣлковъ должны забрать съ собою эти суда, сколько арбалетовъ, сколько ящиковъ со стрѣлами, сколько пикъ и зажигаемыхъ трупомъ „бомбардъ“, или кожаныхъ короткихъ пушекъ, образецъ которыхъ сохранился въ музеѣ венеціанскаго адмиралтейства. Нерѣдко судамъ отдаваемъ былъ приказъ грузить больше противъ обыкновеннаго и забирать большее противъ по-

1) Senato. Misti, т. 46, fol. 70 и 145.

2) Большая часть указанныхъ товаровъ перечислена въ постановленіи сената отъ 7 января 1398 года, опредѣляющемъ размѣръ вознагражденія за провозъ разныхъ предметовъ изъ Таны въ Венецію. Senato Misti, т. 44, № 79, vº.

3) Постановленія сената отъ 12 февраля 1400 г., f. 54, vº.

4) Постановленія 20 апрѣля 1403 г. Senato, Misti, т. 46, № 76, vº.

ложеннаго число стрѣлковъ; въ такомъ случаѣ и оружіе и воины предназначаемы были для вновь воздвигнутой крѣпости въ центрѣ венеціанскаго квартала. Такъ, въ 1400 и 1401 году протоколы сената, говоря о снаряженіи галеръ для отдаленнаго плаванія въ Романію, Тану и порты Чернаго моря, содержать въ себѣ приказъ сверхъ обычнаго числа взять съ собою еще 50 стрѣлковъ, а изъ оружія добавочныхъ 4 большихъ метательныхъ снаряда, 1000 каменныхъ ядръ съ 30 ящичками для ихъ храненія, 100 пикъ и 3 „пороховыя бомбарды“, наконецъ, надежную металлическую цѣпь въ 30 шаговъ¹⁾. Съ XV вѣка мѣсто галеръ въ торговлѣ съ восточными колоніями и въ частности съ Таной начинаютъ заступать мало-по-малу и обыкновенныя суда. Первыхъ, очевидно, не хватало для удовлетворенія быстро возрастающаго морского обмѣна; венеціанскій сенатъ принужденъ былъ поэтому не разъ замѣнять ихъ обыкновенными кораблями, принадлежавшими подданнымъ республики. Въ этомъ случаѣ объявлялось въ общее свѣдѣніе о предстоящей посылкѣ судовъ въ Константинополь, Тану и Трапезундъ. Заявленіе производимо было особыми глашатаями и съ того самаго мѣста, на которомъ лежитъ въ настоящее время переброшенный черезъ большой каналъ мостъ Ріальто. Уже въ это время поднимающійся въ данномъ мѣстѣ берегъ служилъ своего рода площадью, на которую сходились толковать о дѣлахъ негоціанты и мореплаватели. По требованію правительства всѣ владѣльцы кораблей должны были поставить ихъ въ его распоряженіе для отдаленнаго плаванія. Баллотировкой рѣшался вопросъ, какія изъ судовъ примутъ участіе въ предстоящей „муда“, или торговомъ плаваніи въ Константинополь, Тану и Трапезундъ съ обратной доставкой товаровъ въ Венецію. Судамъ, на которыя палъ выборъ правительства, предписывалось запастись необходимымъ оружіемъ и стрѣлками. Свобода вывоза иностранныхъ товаровъ, въ томъ числѣ чужеземныхъ суконъ, распространена была съ галеръ и на эти, такъ сказать, взятые напрокатъ частныя корабли. Ихъ владѣльцы должны были подчиниться извѣстнымъ требованіямъ: такъ, имъ приказывалось оплачивать изъ сборовъ, получаемыхъ за транспортированіе груза, или изъ такъ называемыхъ „*pavula*“, услуги поставленнаго во главѣ флотиліи адмирала, а иногда особаго медика-хирурга, присутствіе котораго признавалось необходимымъ, особенно въ томъ случаѣ, если на морѣ предвидѣлась встрѣча съ судами воюющихъ съ Венеціей державъ или съ пиратами. Шедшимъ въ Тану кораблямъ предписывалось плыть рядомъ или на недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, не задерживаться на пути въ отдѣльныхъ портахъ долѣе положеннаго времени и возвращаться въ Венецію въ два срока, въ мартѣ и сентябрѣ. Проникнувъ въ Черное море, одни суда, обыкновенно въ числѣ двухъ, отправлялись въ Тану, тогда какъ отдѣлившійся отъ нихъ третій корабль плылъ къ югу въ Трапезундъ. Но на обратномъ пути, прежде чѣмъ войти въ Геллеспонтъ („*bica*“, или буквально „ротъ Чернаго моря), суда должны были собраться въ одномъ мѣстѣ, хранимомъ до поры до времени въ тайнѣ, очевидно, изъ страха не ріятеля. Такимъ мѣстомъ иногда выбирался портъ Воспи, тотъ самый, объ открытіи котораго венеціанскимъ купцамъ хлопоталъ Андрей

¹⁾ Senato-Misti, т. 43, ф° 53 и 103, а также ф° 84 R и v°.

Юстинианинъ. Объ обычномъ пути галеръ и судовъ, направлявшихся изъ Венеціи въ Тану мы можемъ судить по дневнику одного путешествія, составленному между 1404 и 1407 гг. Онъ открытъ былъ въ одной миланской рукописи и отпечатанъ сперва въ отрывкѣ Макушевымъ, а затѣмъ цѣликомъ въ Новомъ Венеціанскомъ Архивѣ за 1896 годъ. Изъ Венеціи суда, увезшія съ собой нашихъ путешественниковъ, поплыли сперва Адриатическимъ моремъ, затѣмъ Архипелагомъ. Обогнувъ Пелопонесъ, они, прежде чѣмъ прибыть въ Константинополь, прошли мимо „могущественной крѣпости, высоко поднимающейся въ гору“. Ее, значитъ въ дневникѣ, „занимаетъ предательскій турокъ“. Это Галлиполисъ. „Турокъ охотно избираетъ его своимъ мѣстопребываніемъ. Онъ хранитъ ее, какъ зѣницу ока. Здѣсь же онъ держитъ свои могущественные корабли“. За Галлиполисомъ, въ которомъ была сдѣлана временная стоянка, наши путешественники направились въ Константинополь. Для нихъ онъ еще, „священный городъ“ (*sacratissima urbs*), городъ громадный, окружность котораго равняется 18 милямъ. По входѣ въ Черное море, земля скрылась отъ взоровъ странниковъ. Они увидѣли ее снова по мѣрѣ приближенія къ крымскому берегу; дневнику онъ извѣстенъ, какъ заселенный готами (*terra Gotterum*). Здѣсь суда ихъ входятъ въ портъ (очевидно, св. Іоанна), за которымъ открывается значительный, какъ пишутъ составители дневника, городъ Кааа. По ихъ словамъ, онъ имѣетъ въ окружности 8 миль и покрываетъ собою площадь въ $\frac{1}{10}$ Константинополя. Кааа представляется имъ также городомъ весьма населеннымъ (*vix suum continent populum turga*)¹⁾. Покинувъ съ оставленіемъ генуэзской колоніи землю готамъ, суда приблизились къ противоположному берегу, за которымъ „тянутся, пишутъ составители дневника, земли татаръ“. По выходѣ изъ Чернаго моря, которое дневникъ называетъ моремъ мавровъ (*mare maugum*), суда вошли въ море, прозванное писателями (древности) Меотійскимъ, нынѣ же слышущее подъ названіемъ Деликальбахъ, и потому такъ, что въ немъ много рыбъ, именуемыхъ „забакъ“ и весьма папоминающихъ тѣ, которыя намъ (т.-е. венеціанцамъ) извѣстны подъ именемъ „скардина“. Направо за нами, читаемъ мы въ дневникѣ, осталась обширная провинція, по прозвищу Кавказъ. Пржеде чѣмъ войти въ Азовское море, наши путешественники увидѣли передъ собою расположенный на горѣ замокъ, показавшійся имъ совершенно недоступнымъ. Онъ лежитъ на разстояніи, какъ они говорятъ, ста миль отъ Кааы и, по всей вѣроятности, ничто, иное какъ Керчь, или древняя Пантикопея. Генуэзцы ничѣмъ не владѣютъ за его стѣнами. Дневникъ утверждаетъ, что въ этомъ мѣстѣ покоятся мощи Іоанна Златоуста, который, „какъ извѣстно, умеръ въ провинціи Понта и похороненъ былъ въ церкви св. Василиска въ окрестностяхъ Комана“. Изъ Азовскаго моря суда вошли однимъ изъ семи гирловъ въ рѣку, которая, значитъ въ дневникѣ, именуется татарами Татъ, а нами Танаисъ (т.-е. въ Донѣ). Проплывъ по немъ 12 миль, наши путешественники увидѣли передъ собою поселеніе (*pagum*), именуемое Таною. Этимъ сообщеніемъ и оканчивается разбираемый нами документъ, весь интересъ котораго сводится, такимъ образомъ, къ указанію тѣхъ стоянокъ, какія плавшія

¹⁾ По современнымъ свидѣтельствамъ, въ Кааѣ насчитывалось въ XIV вѣкѣ до 100 тысячъ жителей. См. Sombart, *Der moderne Kapitalismus*, т. I, стр. 334.

изъ Венеціи суда обыкновенно производили на своемъ пути. Въ этомъ отношеніи показанія дневника находятъ прямое подтвержденіе въ одномъ почти одновременномъ протоколѣ венеціанскаго Сената. Въ немъ позволяется судамъ, вошедшимъ по дорогѣ въ Каоу, оставаться въ ней не долѣе 8 дней¹⁾.

Событія, поведшія къ постепенному упадку татарскаго владычества на югѣ Россіи, не замедлили отразиться невыгоднымъ образомъ и на судьбахъ венеціанской колоніи въ Танѣ. Если въ ближайшее время, слѣдовавшее за Тамерлановымъ нашествіемъ, повелители татаръ съ большей и меньшей строгостью соблюдали обязательства, принятыя по отношенію къ венеціанцамъ, то въ наставшее вскорѣ междуцарствіе или, вѣрнѣе, соперничество нѣсколькихъ претендентовъ на ханскій престолъ, иноземные торговцы не разъ дѣлались жертвою „новыхъ и неслыханныхъ вымогательствъ“, неоднократно сопровождаемыхъ погромомъ самого поселенія въ Танѣ. Это обстоятельство, въ свою очередь, побудило Сенатъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, озаботиться укрѣпленіемъ венеціанской слободы. Отъ каждаго новаго правителя приходилось вымаливать подтвержденіе старыхъ вольностей, а такъ какъ смѣна хановъ происходила довольно часто, то при отправленіи пословъ дожъ и высшее начальство Венеціи снабжали ихъ вѣрительными грамотами къ обоимъ соперникамъ, поручая представиться тому и имѣть дѣло съ тѣмъ, который окажется фактически занимающимъ престолъ. Очевидно, что частое возобновленіе посольствъ и значительныя затраты по возведенію стѣнъ, башенъ и крѣпостей, а также по содержанію стрѣлковъ, неизвѣрно увеличивали издержки по управленію колоніей; и такъ какъ республика св. Марка, слѣдуя исконной практикѣ, не согласилась принять ихъ на себя и раскладывала ихъ между купцами, торгующими въ Танѣ, то немудрено, если прямые и косвенные сборы росли въ венеціанской колоніи непрестанно, а это, въ свою очередь, вело въ концѣ концовъ къ сокращенію числа ея поселенцевъ, какъ высшаго, такъ и средняго состоянія. Многіе не находили средствъ или не видѣли расчета въ возстановленіи пришедшихъ въ ветхость или разрушенныхъ монголами и татарами жилищъ, такъ что правительству не разъ приходилось, какъ мы увидимъ ниже, настаивать, по крайней мѣрѣ, на продажѣ ими съ публичныхъ торговъ запустѣлыхъ дворницъ, подъ условіемъ, что покупатель воздвигнетъ на ихъ мѣстѣ новыя зданія на позже двухлѣтняго срока. Парализованные

¹⁾ Постановленіе отъ 12 февраля 1400 г. Въ немъ говорится, что по входѣ въ Черное море, одинъ изъ кораблей отправляется въ Трапезундъ, другой заходитъ въ Каоу, третій же прямо идетъ въ Тану. На обратномъ же пути всѣ три корабля сходятся въ Каоѣ. Senato. Misti, т. 43, f. 54. v^o. Въ другомъ постановленіи того же Сената мы встрѣчаемъ однако рѣшеніе, идущее въ разрѣзъ съ практикой дѣлать стоянку въ Каоѣ. Оно вызвано было фискальными поборами, производимыми въ этомъ порту генуэзцами съ венеціанскихъ судовъ и временнымъ несогласіемъ обѣихъ республикъ. Этихъ причинъ вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему „Сенатъ запретилъ своимъ судамъ останавливаться въ генуэзскихъ портахъ въ частности въ Каоѣ. (Постановленіе 20 апрѣля 1403 г., т. 46, f° 76. v^o). Еще въ одномъ отношеніи приведенный дневникъ путешествія находитъ себѣ подтвержденіе въ сенатскихъ постановленіяхъ. Въ немъ говорится, что если странники не отправились изъ Таны въ Трапезундъ, то только потому, что ими раньше рѣшено было не ѣхать далѣе; значить, суда, „шедшія въ Черное море, плыли иногда вмѣстѣ до Таны и изъ нея уже часть ихъ отправлялась въ Трапезундъ. Подтверженіе этому мы находимъ въ постановленіи Сената отъ 3 марта 1402 г., согласно, которому судно, предназначенное въ Трапезундъ, не должно ничего платить въ Танѣ на томъ основаніи, что „не имѣя выгоды отъ продажи товаровъ, оно не должно нести и соотвѣтственныхъ поборовъ (angariae)“. Senato. Misti, т. 46.

въ своей торговой дѣятельности высотой денежныхъ требованій, предъявляемыхъ, какъ татарскимъ, такъ и венеціанскимъ начальствомъ, съ товаровъ въ формѣ пошлинъ, а съ купцовъ въ формѣ личного раскладочнаго налога или такъ называемаго „cotinum“, соразмѣреннаго съ имуществомъ каждаго, многіе изъ постоянныхъ торговцевъ Таны искали окольныхъ путей къ тому, чтобы избѣжать обложенія. Одни пользовались принадлежавшимъ имъ званіемъ совѣтниковъ консула для уменьшенія причитающейся съ нихъ суммы налоговъ, другіе вступали съ чиновниками хана въ незаконныя сдѣлки, уплачивали имъ впередъ большія или меньшія суммы, изъ которыхъ сборщики производили затѣмъ вычетъ причитающихся съ продажъ трехпроцентныхъ сборовъ. Въ борьбѣ съ этими нестроеніями венеціанское правительство, по совѣту возвращавшихся изъ Таны консуловъ, сокращало районъ вѣдомства коллегіальныхъ учрежденій колоніи въ пользу ея единоличныхъ органовъ, въ частности въ пользу консула и вице-консула; имъ однимъ были чужды своекорыстные расчеты въ виду прямаго запрета заниматься торговлею. Съ цѣлью устраненія неравенства условій между купцами, поселенными въ Танѣ, и предотвращенія всякаго подкупа съ ихъ стороны финансовыхъ агентовъ хана, сенатъ не разъ объявлялъ незаконными всякіе денежные авансы по платежу таможенныхъ пошлинъ татарамъ, всякаго рода сдѣлки съ ихъ чиновниками, завѣдывавшими иноземной торговлей въ Азовѣ, т.-е. призванными ханомъ къ контролю за продажами, совершаемыми венеціанскими купцами, и къ обложенію ихъ трехпроцентнымъ сборомъ съ товаровъ. Эти мѣропріятія, выполненіе которыхъ связано было со взиманіемъ штрафовъ въ пользу одинаково доносчика, консула и казны колоніи, очевидно, открывали возможность широкаго произвола для единоличныхъ органовъ власти и вызывали частыя жалобы и препирательства. Въ виду отдаленности Таны отъ метрополіи и невозможности для торгующихъ въ ней купцовъ оставлять надолго личное руководство своими дѣлами, нечего было и думать объ установленіи чего-либо подобнаго правильной апелляціи на рѣшенія консула въ венеціанскіе суды. Сенатъ призналъ однако возможнымъ оставить мѣстную администрацію безъ всякаго контроля. Консулу повѣлено было вести въ двухъ экземплярахъ запись всѣхъ производимыхъ имъ имущественныхъ оцѣнокъ, а также всего прихода-расхода колониальной казны, что, съ одной стороны, дѣлало возможной провѣрку его дѣйствій, а, съ другой, позволяло купцамъ ежечасно наводить справки съ прежними оцѣнками въ случаѣ неравномѣрной разверстки налоговыхъ тягостей. Одновременно начальнику надъ отправляемыми дважды въ годъ въ Тану галерами или торговыми судами было предоставлено отбирать отъ заинтересованныхъ лицъ письменныя жалобы на рѣшенія консула и передавать ихъ по возвращеніи въ Венецію такъ называемымъ Адвокатамъ Общины, (*avocatori del Comun*), т.-е. своего рода государственнымъ контролерамъ за дѣйствіями всѣхъ вообще чиновниковъ республики; они уполномочены были призывать ихъ къ денежной отвѣтственности въ пользу потерпѣвшихъ и послѣ оставленія должности.

Все сказанное должно служить къ общей характеристикѣ судебъ Таны въ XV вѣкѣ. Мы приступаемъ въ настоящее время къ изученію отдѣльныхъ сторонъ колониальной жизни. Заботы венеціанскаго сената о внѣшней безопасности колоніи и

о ея внутреннемъ благосостояніи такъ многообразны, что познакомиться съ ними сколько-нибудь обстоятельно нельзя иначе, какъ разсматривая его мѣропріятія въ извѣстномъ порядкѣ. Мы изучимъ поэтому въ отдѣльности, во-первыхъ, дипломатическія сношенія республики св. Марка съ татарскими ханами, съ цѣлью добиться сохраненія привилегій, ранѣе дарованныхъ членамъ венеціанской колоніи, во-вторыхъ, мѣры, принятыя сенатомъ по сооруженію особой крѣпости въ Танѣ, способной служить въ равной мѣрѣ къ защитѣ и отъ татаръ, и отъ генуэзцевъ, въ-третьихъ, финансовую политику метрополіи, направленную къ полученію съ колонистовъ средствъ на покрытие всѣхъ вынуждаемыхъ обстоятельствами чрезвычайныхъ расходовъ, наконецъ, въ-четвертыхъ, внутреннее устройство колоніи, организацію ея единоличныхъ и коллегіальныхъ органовъ. По этимъ четыремъ группамъ могутъ быть распредѣлены важнѣйшіе изъ тѣхъ административныхъ актовъ, какіе въ теченіе XV вѣка вызваны были къ жизни политическими событіями, совершавшимися одновременно и въ средѣ татаръ, и во внутренней жизни республики св. Марка, и въ сферѣ ея внѣшнихъ сношеній съ ближайшей соперницей въ заморской торговлѣ, съ Генуей. Одна за другой раскроются передъ нами тѣ причины, которыя привели венеціанскую колонію на Азовскомъ морѣ къ обезлюденію и упадку и сдѣлали возможнымъ окончательное ея разореніе благодаря новымъ погромамъ татаръ. Предупредить ихъ или парализовать ихъ губительное вліяніе сдѣлалось особенно труднымъ съ момента занятія Константинополя турками и распространенія Ислама по обоимъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Дипломатическія сношенія съ татарами.

Въ протоколахъ Сената отъ 18 іюля 1413 г. говорится о томъ, что Совѣтомъ Мудрыхъ рѣшено отправить посломъ къ хану дворянина Бенедикта Аймо, который, по исполненіи своихъ полномочій, долженъ остаться консуломъ въ Танѣ. Въ вѣрительномъ письмѣ, выданномъ ему по этому поводу дожемъ Михаиломъ Стэно, значится, между прочимъ, что онъ обязанъ добиться возобновленія выданныхъ венеціанцамъ привилегій и отмѣны несогласныхъ съ ними поборовъ. Послу надлежало довести до свѣдѣнія „императора татаръ“, что узурпаторъ Эдигей, временно захватившій власть надъ его подданными, возложилъ на венеціанцевъ платежъ поземельнаго сбора, котораго они не знали прежде и который несогласенъ съ признанными за ними вольностями, подтвержденными еще недавно отцомъ нынѣшняго правителя. Когда на мѣсто Эдигея вступилъ на престолъ новый ханъ, венеціанскіе купцы въ Танѣ сочли нужнымъ черезъ особаго посланца хлопотать объ отмѣнѣ этого земельного сбора (*terraticum*, терминъ, который въ текстѣ документа ошибочно пишется *terradegum*). Ханъ, снисходя къ ихъ просьбѣ и освѣдомленный о томъ, что земля, занятая венеціанцами, пожалована была имъ его предшественниками, распорядился объ отмѣнѣ поступавашаго съ нея сбора. Бенедиктъ Аймо долженъ былъ напомнить объ этомъ фактѣ и просить вновь вступившаго на престолъ хана о подтвержденіи такой отмѣны письменнымъ приказомъ и о признаніи снова вольностей и сво-

бодь, дарованныхъ членамъ венеціанской слободы въ Танѣ. По прибытіи въ послѣднюю, посолъ обязанъ былъ освѣдомиться и о другихъ притѣсненіяхъ и вымогательствахъ, причиняемыхъ его соотечественникамъ татарскими властями. Обо всѣхъ ихъ надлежало довести до свѣдѣнія хана и требовать отъ него не только запрещенія ихъ на будущее время, но и возвращенія всего забраннаго. Такъ какъ въ моментъ отправки посольства венеціанское правительство не было увѣрено въ томъ, кому изъ двухъ претендентовъ, Керимъ-Бердѣ или Хебекъ-Султану, удастся занять ханскій престолъ, то рѣшено было снабдить посла двумя вѣрительными грамотами за золотой печатью. Оба претендента были братьями. Посолъ долженъ былъ предстать передъ тѣмъ, которому, какъ значитъ, „удастся низвергнуть противника и сѣсть на его мѣсто“. Предвидѣлась, однако, возможность и третьяго исхода — водворенія на престолѣ посторонняго узурпатора. Не входя въ разбирательство правъ любого изъ претендентовъ, дожъ приказывалъ Бенедикту Аймо вступить въ переговоры съ тѣмъ, который будетъ властвовать, и добиться отъ него подтвержденія прежнихъ привилегій. Надежнѣйшимъ средствомъ къ тому казались подарки, какъ самому хану, такъ и всѣмъ тѣмъ изъ его слугъ, кого посолъ найдетъ нужнымъ задобрить. Вотъ почему дожъ приказалъ отпустить въ распоряженіе Аймо сумму въ 1000 дукатовъ, предназначенныхъ исключительно для подкупа. Но такъ какъ и этого казалось недостаточнымъ, то послу предоставлена была свобода дополнительными взятками (*per medium alicuius manzarie*) достигнуть желаемаго. Онъ въ правѣ былъ затратить на нихъ до 2000 византійскихъ монетъ, вѣроятно, „*asperi*“, изъ суммы дохода, доставляемаго сборами въ 1% съ цѣны товаровъ, продаваемыхъ въ Танѣ, и шедшаго на покрытіе издержекъ посольства. Не въ состояніи будетъ Бенедиктъ Аймо провести отмѣну земельного сбора, — пусть, по крайней мѣрѣ, добьется запрета на будущее время всякихъ обязательныхъ подарковъ, или попросту взятокъ, въ пользу татарскихъ чиновниковъ¹⁾. Только что приведенный документъ проливаетъ яркій свѣтъ на условія, въ какихъ венеціанскимъ купцамъ приходилось торговать въ Танѣ. Ихъ не только облагали пошлиной въ пользу ханской казны въ размѣрѣ 3% съ цѣны товаровъ, но еще земельнымъ налогомъ, взиманіе котораго обставлено было такими злоупотребленіями, что сумма самаго сбора отъ этого какъ, значитъ въ протоколахъ Сената, возрастала вдвое. Приходилось, поэтому, всячески хлопотать объ упраздненіи этихъ незаконныхъ поборовъ и не щадить для этого издержекъ на снаряженіе посольствъ къ хану. Такія посольства, разумѣется, обходились дорого. Сверхъ тысячи дукатовъ, затрачиваемыхъ на подарки хану и его приближеннымъ, и добавочной суммы въ 2000 *asperi* на подкупъ татарскихъ сановниковъ, приходилось еще въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ платить послу жалованье въ 300 дукатовъ, да сверхъ того еще 2 дуката ежедневно на содержаніе во время плаванія и 5 дукатовъ съ момента высадки въ Тану. Изъ этихъ суммъ посолъ покрывалъ издержки своей свиты, въ которую входили, вмѣстѣ съ священникомъ, бывшимъ одновременно и нотаріусомъ, еще товарищъ по посольству, четыре вооруженныхъ служителя и переводчикъ, или

¹⁾ Senato Misti. Томъ 50, fol. 11. Постановленія Сената отъ 18-го и 21-го іюля 1413 года.

драгоманъ. Республика св. Марка, разумѣется, не принимала на себя этихъ издержекъ; онѣ падали всецѣло на торгующихъ въ Танѣ купцовъ, которымъ приходилось также выплачивать жалованье консулу, жалованье, достигшее къ этому времени значительной суммы 800 дукатовъ въ годъ. Для покрытія всѣхъ этихъ затратъ колоніи приходилось увеличивать поборы съ товаровъ, поступающихъ въ склады венеціанскаго поселенія, и ввести раскладочный налогъ на имущество, уже упомянутый нами *cotimum*. И все же члены венеціанской колоніи не переставали настаивать передъ Сенатомъ на необходимости новыхъ и новыхъ посольствъ къ хану съ однообразнымъ ходатайствомъ о возобновленіи старыхъ привилегій и исправленіи вкравшихся злоупотребленій. Ихъ не останавливала самая тщетность всѣхъ прежнихъ усилій и значительная высота связанныхъ съ ними издержекъ. Но эти соображенія, повидимому, имѣли цѣну въ глазахъ Сената. Въ отвѣтъ на просьбу отправить новаго посла въ орду (*in lordo*) Сенатъ отвѣчаетъ, напр., 29-го апрѣля 1400 года, что ему кажется неудобнымъ сдѣлать это немедленно, въ виду того, что въ „Татарской Имперіи“, какъ хорошо извѣстно и просителямъ, часто мѣняются правители¹⁾.

Мѣры по укрѣпленію венеціанскаго поселка въ Танѣ.

Опытъ все болѣе и болѣе убѣждалъ Сенатъ въ необходимости возложить надежду на дальнѣйшее развитіе колоніи, или, по меньшей мѣрѣ, на удержаніе ея за метрополіей, не на дипломы татарскихъ правителей, а на укрѣпленіе венеціанской слободы. Съ первой четверти XV вѣка и почти до самаго конца столѣтія протоколы Сената, занимаясь Таной, почти исключительно говорятъ о возведеніи въ ней стѣнъ и палисадовъ, башенъ и бойницъ, о вырытіи рвовъ, объ устройствѣ подъемныхъ мостовъ, о снабженіи ея стрѣлками, о заведеніи на Дону вооруженныхъ барокъ и о поставкѣ надъ ними особаго адмирала, о посылкѣ въ Тану, не только арбалетовъ и метательныхъ снарядовъ, но и огнестрѣльнаго оружія, въ томъ числѣ бомбардъ, наконецъ, о снабженіи ея припасами, которые позволили бы венеціанцамъ выдержать въ ней осаду, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ недѣль. Повидимому, мысль объ обращеніи Таны въ крѣпость возникла еще въ 1411 году. Въ виду частыхъ перемѣнъ правителей у татаръ, Сенатъ въ засѣданіи 3 марта 1411 года постановилъ укрѣпить Тану (*infortir la Tana*). Съ этого времени, при отправкѣ новаго консула въ колонію на Азовскомъ морѣ, ему предписывалось брать съ собою 20 стрѣлковъ. Эта мѣра уже въ 1414 году „признаваема была источникомъ безопасности для Таны и поселенныхъ въ ней подданныхъ республики св. Марка²⁾“. Андрею Контарини, исполнявшему въ это время обязанности консула въ Танѣ, поручено было воздвигнуть на берегу Дона въ мѣстѣ, въ которомъ проведенъ мостъ черезъ него, мостъ, отдѣляв-

¹⁾ Senato Misti, т. 53, № 41-е.

²⁾ На венеціанскомъ нарѣчій, на которомъ съ этого времени нерѣдко составляются протоколы Сената, это заявленіе передается слѣдующими словами: *La qual parte sia stada totalmente la salute et segurtade del nostro luogo de la Tana et dei nostri subditi cum el so haver.*

шій венеціанскій поселокъ отъ кварталовъ, занятыхъ татарами и черкесами, башню; она, такимъ образомъ, очутилась бы у подножья горы, уступленной подъ венеціанскій поселокъ. На этой башнѣ преемнику Контарини приказано было держать постоянно четырехъ стрѣлковъ изъ двадцати, посланныхъ въ Тану. Они обязаны были пребывать въ башнѣ денно и ночью и не смѣли спать внѣ ея предѣловъ. Одинъ изъ нихъ всегда долженъ былъ стоять на стражѣ. Консулу приказано также распорядиться объ устройствѣ въ башнѣ жилища для этихъ четырехъ стрѣлковъ и о снабженіи ея камнями, ядрами, бомбардами и другими предметами, обыкновенно встрѣчаемыми въ крѣпости¹⁾. Ближайшимъ послѣдствіемъ всего этого было, разумѣется, увеличеніе издержекъ поселенныхъ въ Танѣ купцовъ. Вотъ почему къ прежнимъ процентамъ съ цѣны европейскихъ товаровъ, привозимыхъ въ Тану, прибавленъ былъ еще одинъ. Изъ временнаго сбора, предназначеннаго первоначально для оплаты издержекъ посольства, этотъ налогъ сдѣлался постояннымъ. На средства, доставляемая пошлиной, сверхъ оплаты жалованья консулу, совѣтникамъ и драгоману, сторожамъ (*bastonieri*) и стрѣлкамъ арбалетчикамъ (*balestrieri*), надлежало покрывать еще издержки по сооруженію стѣны вдоль по теченію Дона. Стѣна должна была прикнуть къ башнѣ. Высота ея была незначительна: всего въ два *passi*, т.-е. два шага. Ширина же не была опредѣлена напередъ, а поставлена въ зависимость отъ „нужды“. Въ постановленіи Сената значилось, что въ стѣнѣ надлежало сдѣлать крытый ходъ или коридоръ съ выступами для стрѣлковъ. Крайними предѣлами стѣны должны были быть, съ одной стороны, ровъ, отдѣляющій венеціанскій поселокъ отъ генуэзскаго, а съ другой — такой же ровъ между нимъ и еврейскимъ кварталомъ, такъ называемой *Zudecha*. На каждомъ изъ двухъ угловъ предписано было устроить небольшую башенку, а по окончаніи всѣхъ этихъ работъ концы обѣихъ стѣнъ соединить новой поперечной стѣной той же высоты и ширины, перерѣзывающей венеціанскій поселокъ съ востока на западъ. Въ серединѣ этой стѣны приказано сдѣлать ворота съ выступомъ надъ ними для стрѣлковъ. Подъемный мостъ, переброшенный черезъ ровъ и ведущій отъ этихъ воротъ, долженъ былъ служить средствомъ сообщенія крѣпости съ близлежащей горой, уступленной для венеціанской слободы. Отъ консула зависѣло поднятіе или опущеніе этого моста, т.-е. установленіе или прекращеніе прямыхъ сношеній между поселкомъ и фортомъ. Такъ какъ республика св. Марка не желала принять на себя издержекъ по сооруженію крѣпости, то въ постановленіяхъ Сената предвидится случай, когда, за недостаткомъ средствъ, придется приостановить работы по укрѣпленію Таны. Консулу ставится на видъ необходимость озаботиться прежде всего своевременной уплатой жалованья стрѣлкамъ, а затѣмъ и прочимъ властямъ. Одинъ остатокъ идетъ на возведеніе вышеуказанныхъ стѣнъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ работы затянулись на долгое время. Для ихъ продолженія Сенату пришлось чуть не изъ года въ годъ вотивовать выдачу временныхъ авансовъ величиною до трехъ тысячъ дукатовъ²⁾. Уже

¹⁾ Постановление отъ 24 мая 1414 года. *Senato. Misti*, т. 50, № 112.

²⁾ См. постановления Сената отъ 13 іюня 1426 года и отъ 27 іюня 1427 года. *Senato. Misti*, т. 56, № 21 и 107.

въ 1419 году (18 іюля) Сенать оцѣнивалъ собственныя затраты на возведеніе крѣпости въ Танѣ въ 6000 дукатовъ; консулу предписывалось вернуть эту сумму въ казну, въ томъ случаѣ, еслибы обстоятельства принудили его прекратить дальнѣйшее сооруженіе стѣны¹⁾. Обстоятельства, на которыя намекаетъ Сенать, по всей вѣроятности, были тѣ три раза повторявшіеся погромы татарь, о которыхъ болѣе опредѣленно говорится въ сенатскомъ постановленіи отъ 7 января 1418 года. Трижды, значитъ въ немъ, за послѣднее время наше поселеніе въ Танѣ было разграблено съ великимъ убыткомъ для лицъ и имуществъ нашихъ купцовъ. Сенать оцѣниваетъ причиненный такимъ образомъ вредъ въ 400 тысячъ дукатовъ. Послѣдній погромъ сопровождался сожженіемъ всего поселка²⁾. Пришлось думать о скорѣйшемъ выполненіи, по крайней мѣрѣ, части задуманныхъ сооружений. Любопытно, что 3 марта 1422 г. Сенать настаиваетъ на необходимости возможно скорѣе провести двѣ стѣны, которыя бы защитили венеціанское поселеніе и отъ татарь и со стороны генуэзскаго и еврейскаго кварталовъ. Стѣны эти должны были тянуться по теченію Дона на разстояніи цѣлыхъ 500 шаговъ, затѣмъ пройти вдоль границъ генуэзскаго квартала и гѣто и, наконецъ, подняться вверхъ на гору, занимаемую венеціанской слободой. Поперечная стѣна въ 500 шаговъ должна была соединить обѣ продольныя. Такимъ образомъ, крѣпость была бы окружена оградой съ трехъ сторонъ, а съ четвертой она защищена была бы Дономъ. Въ ея предѣлахъ предстояло возвестъ снова подвергшіяся разгрому жилища венеціанцевъ и склады для ихъ товаровъ³⁾. Для скорѣйшаго выполненія этихъ построекъ потребовалась посылка въ Тану изъ Венеціи каменщиковъ, изготовителей извести (*fornisarri pro faciundo calcinam*) и простыхъ рабочихъ (*manuali*)⁴⁾. Еще ранѣе Сенать опредѣлилъ отправить судно въ Тану, а то и два съ матеріаломъ, необходимымъ для постройки крѣпости⁵⁾. Такое рѣшеніе вызвано было уже упомянутымъ извѣстіемъ о совершенномъ разрушеніи города татарами. Въ 1424 году эти заботы объ укрѣпленіи Таны, повидимому, увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Въ постановленіяхъ Сената отъ осени этого года значитъ, что съ Божьей помощью проектъ снабженія Таны стѣною доведенъ до конца. Изъ дальнѣйшихъ словъ цитируемаго акта видно, однако, что изъ первоначальнаго плана выполнена была только часть. Со стороны татарь и черкесовъ проведена была стѣна длиною шаговъ въ триста, и на ней устроено 25 выступовъ для стрѣльцовъ и оборонительныхъ снарядовъ. Сенать считалъ необходимымъ независимо отъ этой стѣны возвести еще другую вокругъ всей горы, состоящей подъ венеціанской слободой. Башень нечего строить, пока не закончена будетъ работа по сооруженію этой стѣны. Независимо отъ нея, должны быть воздвигнуты башни — одна надъ входомъ въ крѣпость, другая для защиты отъ генуэзцевъ, третья напротивъ еврейскаго гѣто. Когда же

¹⁾ Senato Misti, т. 52, ф° 186 v°.

²⁾ Et sicut est notum ab aliquo tempore citra tribus vicibus dictus locus Tanae fuerit derobatus cum maximo danno mercatorum nostrorum tam in personis quam in avere quantitatem ducatus quadragintorum millium et modo ultimo, fuerit dictus locus totus combustus.

³⁾ Senato, Misti, т. 54, ф° 3.

⁴⁾ Senato, Misti, т. 53, ф° 108 и т. 54, ф° 8.

⁵⁾ Томъ 52, ф° 143. Постановленія 12 іюня 1418 года.

построена будетъ окружная стѣна, то на противоположной сторонѣ башни, лежащей на берегу Дона, должны быть продѣланы ворота съ подъемнымъ мостомъ, Надъ подъемнымъ мостомъ надлежитъ устроить особую защиту (въ текстѣ значитъ *barbasana*, въ словарѣ же Дюканжа этотъ терминъ переводится словомъ *propugnaculum*). Постройку стѣны приказано начать съ горы, а по окончаніи работъ не позволять возведенія венеціанцами домовъ въ предѣлахъ ограды иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: постройки вести съ вершины и расположить дома уступами, по подобію тѣхъ террасъ, которыми, какъ значитъ, построены генуэзцами жилища въ Каѳ¹⁾. Во дворѣ консула въ особо устроенныхъ магазинахъ дозволено купцамъ складывать ихъ легкіе товары. Крѣпость должна быть снабжена кукурузой и просомъ по меньшей мѣрѣ на сумму въ 200 дукатовъ²⁾. Благодаря погромамъ татаръ, повторявшимся, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ подъ рядъ и, повидимому, не прекратившимися и въ концѣ тридцатыхъ годовъ, въ Танѣ оказывалось не мало впустѣ лежавшихъ участковъ, истребленныхъ пожаромъ, или разрушенныхъ дворовъ. Немудрено если въ протоколахъ Сената неоднократно высказывается заботливость о томъ, чтобы по возможности скорѣе воздвигнуты были на ихъ мѣстѣ новыя жилища „дабы, наше поселеніе не казалось запустѣвшимъ (*ne dictus poster locus remaneat desolatus*³⁾). Чтобы ускорить работы, положено было дать собственникамъ двухгодичный срокъ для застройки своихъ дворницъ; по истеченіи же этого времени ихъ велѣно продать съ публичныхъ торговъ, въ присутствіи консула и съ вычетомъ въ его пользу. Время отъ времени приходилось, однако, отступать отъ этого правила и отсрочивать на годъ дарованную собственникамъ льготу⁴⁾. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Сенатъ упоминаетъ въ своихъ протоколахъ, что многіе построили и теперь еще строятъ дома и магазины въ предѣлахъ земель, отведенныхъ татарами подъ венеціанскій поселокъ, но что въ числѣ строителей не мало лицъ, не признающихъ никакимъ внѣшнимъ образомъ нашего владычества, т.-е. своего подданства республикѣ св. Марка. Изъ этого легко заключить, что не разъ венеціанскіе купцы уступали свои разрушенныя усадьбы чужеземнымъ торговцамъ. Послѣдствія такихъ порядковъ, очевидно, были неблагопріятны для сохраненія венеціанскаго владычества. Сенатъ рѣшился поэтому на мѣру обоюдоостраго характера. Въ засѣданіи 14 іюля 1429 г. постановлено, во-первыхъ, что никому впредь не должно быть дозволено получать участковъ въ предѣлахъ венеціанской колоніи иначе, какъ съ согласія двухъ третей членовъ Сената, во-вторыхъ, что самыя эти земли отчуждаются не въ собственность, а во временное пользованіе и подъ условіемъ платежа ренты въ казну колоніи.

¹⁾ *quod nullo modo permittatis construi et de novo hedificari aliquos domos que non sint de supra in Culmine plane ad modum terratiarum sicut sint ille de Chaffa. Senato. Misti, т. 55, ф° 62. Постановленія отъ 18 октября 1424 года.*

²⁾ Постановленіе, принятое въ апрѣлѣ 1424 года. Senato. Misti, т. 5, ф° 40.

³⁾ Senato, Misti, т. 56, ф° 93. Постановленіе отъ 29 апрѣля 1427 года.

⁴⁾ Постановленіе въ этомъ смыслѣ принято было еще въ 1414 г. въ засѣданіи Сената отъ 24 мая и по предложенію вернушагося изъ Таны консула Андрея Контарини. Senato. Misti, т. 50, ф° 113. Но затѣмъ не разъ приходилось, снисходя къ представленіямъ самихъ консуловъ, отсрочивать на годъ время окончанія работъ по постройкѣ.

Всякій, кто впредь вздумаетъ возводить дома или магазины, не заручившись предварительнымъ разрѣшеніемъ, лишается построеннаго имъ въ пользу общины¹⁾.

Работы по постройкѣ укрѣпленій въ Танѣ, повидимому, не были окончены еще въ іюль 1428 года, такъ какъ въ концѣ этого мѣсяца занесено въ протоколы сената слѣдующее постановленіе: въ серединѣ недавно воздвигнутой ограды надлежитъ сдѣлать ворота и, притомъ, въ томъ же мѣстѣ, что и прежде; они будутъ служить входомъ въ главную улицу. Ширина воротъ должна быть такова, чтобы черезъ нихъ могла пройти одна подвода съ бочкой. Надъ воротами необходимо сдѣлать укрѣпленный выступъ для ихъ защиты, такъ называемый *barbachanum*²⁾. Въ томъ же постановленіи значится, что въ интересахъ безопасности нельзя держать открытыми ворота, ведущія въ генуэзскій кварталъ, такъ какъ они лежатъ весьма близко къ послѣднему и могли бы, оставаясь незамкнутыми, сдѣлаться причиной различныхъ случайностей. Предписывается не пользоваться ими болѣе, пока не представится къ тому достаточнаго основанія. Изъ предположенныхъ къ постройкѣ трехъ башенъ, — одной напротивъ генуэзскаго квартала, другой напротивъ еврейскаго и третьей въ серединѣ ограды — послѣдняя признается бесполезной; поставка ея обошлась бы въ 4000 дукатовъ. Поэтому рѣшено сберечь заготовленный матеріалъ, держа подъ замкомъ камни и известь; самой же башни не воздвигать. Съ постройкой же той, которая направлена противъ генуэзцевъ, консулу приказывается поспѣшить³⁾.

Нѣсколькими годами ранѣе повелѣно было углубить ровъ, лежащій подъ подъемнымъ мостомъ, ведущимъ въ генуэзскій кварталъ. Всѣ эти мѣры, очевидно, свидѣлствуютъ объ опасеніяхъ, какія внушало венеціанцамъ успѣшное развитіе генуэзской колоніи, менѣе обремененной поборами и потому болѣе многочисленной, имѣвшей, какъ мы видѣли, также свою крѣпость и остававшейся еще въ это время, какъ видно изъ статуговъ Кааы, подъ прямымъ начальствомъ дожа, его совѣта и особаго *officium Romaniae*, завѣдывавшаго торговой навигаціей и обмѣномъ съ Византійской имперіей⁴⁾. Только съ середины столѣтія генуэзская колонія въ Танѣ перешла въ управленіе банка св. Георгія. Издатели актовъ, относящихся къ исторіи генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ, во главѣ ихъ извѣстный историкъ Генуи Каналэ, — высказываютъ мнѣніе, что съ этого момента начался упадокъ венеціанскаго поселка въ Танѣ и преобладаніе обезпечено было въ Азовѣ генуэзцамъ⁵⁾. Мы увидимъ впоследствии, въ какой мѣрѣ можно говорить о процвѣтаніи любой изъ двухъ колоній во второй половинѣ XV столѣтія. Въ настоящее же время намъ необходимо отмѣтить безпокойство, какое въ венеціанскомъ сенатѣ вызывало близкое сосѣдство генуэзцевъ и мысль, какъ бы они не вздумали проникнуть въ предѣлы только что воздвигнутой съ такими пожертвованіями крѣпости. Это состояніе умовъ объясняетъ намъ причину, по которой венеціанское правительство озаботилось также заведеніемъ небольшой

¹⁾ Senato. Misti, т. 57, ф° 134.

²⁾ Смыслъ этого слова былъ объясненъ раньше.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ См. Statutum Caphe. § 563 и 659 въ томѣ VII, части 2-й „Актовъ, издаваемыхъ Società di Storia Patria“.

⁵⁾ Ibid., стр. 956.

лодочный флотилии на Дону. Въ виду нежеланія консульской свиты принять начальство надъ этими „быстро вооруженными барками“, рѣшено было поставить во главѣ ихъ особаго адмирала съ жалованьемъ въ 40 дукатовъ въ годъ, т.-е. равнымъ тому, какое одновременно получаемо было вице-консуломъ. Этотъ начальникъ донской флотилии подчиненъ былъ консулу; въ его обязанность входило вооруженіе барокъ, содержаніе въ сохранности военныхъ снарядовъ и исполненіе всего, что будетъ приказано ему отъ имени консула¹⁾. Отмѣтимъ еще одну подробность, не безъ интересную въ томъ смыслѣ, что ею объясняется до нѣкоторой степени причина замѣны арбалетовъ огнестрѣльнымъ оружіемъ даже въ такихъ отдаленныхъ колоніяхъ, какъ Тана. Еще въ протоколахъ сената отъ 1414 года мы находимъ слѣдующее постановленіе: „Хотя наше поселеніе въ Танѣ и снабжено всѣми средствами защиты, но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ бываютъ зимою страшные холода, то въ томъ случаѣ, еслибы непріятель сдѣлалъ нападеніе на нее зимой, стрѣлки не могли бы воспользоваться своими арбалетами, „такъ какъ отъ холода все рвется“. Въ виду этого лицамъ, завѣдующимъ арсеналомъ, приказано озаботиться доставкой пятидесяти „sclopi da man“, т.-е. зажигаемыхъ фитилемъ ружей и пуль — „ballote“. Это оружіе должно быть отправлено въ Тану съ первыми галерами. Кромѣ того, къ ея консулу должны быть доставлены 50 бомбардъ разнаго сорта, т.-е. какъ мы видѣли, короткихъ пушекъ, изготовляемыхъ изъ сплетенныхъ веревокъ и кожи и метающихъ каменные бомбы. Ко всему этому надо присоединить еще 10 бочекъ добраго пороха²⁾. Такимъ образомъ уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ XV столѣтія по причинамъ климатическаго характера Венеція считала нужнымъ ввести въ употребленіе огнестрѣльные снаряды для защиты своей крѣпости на Азовскомъ морѣ. Есть основаніе думать, что близость генуэзцевъ, также знакомыхъ съ употребленіемъ такого оружія, не мало способствовала принятію подобнаго рѣшенія.

Внутренній бытъ венеціанской колоніи въ Танѣ въ XV вѣкѣ.

Читая въ протоколахъ сената о постоянныхъ мѣрахъ къ укрѣпленію Таны, о десяткахъ тысячъ дукатовъ, затраченныхъ съ этою цѣлью, о снабженіи ея, правда малочисленнымъ, но хорошо вооруженнымъ гарнизономъ и о созданіи цѣлой флотилии барокъ на Дону, снабженныхъ средствами защиты и поставленныхъ подъ начальство особаго адмирала, невольно останавливаешься на мысли, что венеціанское поселеніе поставлено было въ возможности дальнѣйшихъ вымогательствъ и поборовъ со стороны татарскихъ властей. Документы принуждаютъ насъ, однако, отказаться отъ такой оптимистичной оцѣнки. Грабежи не повторялись, правда, въ прежней грубой формѣ, по крайней мѣрѣ, съ момента, когда венеціанцамъ удалось закончить свои работы по постройкѣ крѣпости и обвести свой поселокъ каменной стѣной. Но даже въ этотъ сравнительно короткий промежутокъ времени вымогательства татарскихъ налоговыхъ сборщиковъ, подобія

¹⁾ Senato. Misti, томъ 57, fol. 23.

²⁾ Постановленіе отъ 14 мая 1414 года, fol. 112 и 113.

тѣхъ баскаковъ, отъ которыхъ такъ много терѣла удѣльная Русь, нимало не прекращались. Подтверженіе сказанному мы встрѣчаемъ въ актахъ венеціанскаго сената отъ 1428 года. Въ засѣданіи отъ 30-го августа доложено было письмо консула Таны, извѣщавшее о томъ, какъ явились въ Азовъ нѣкоторые послы императора, т.-е. хана, съ требованіемъ поземельнаго сбора. Консулъ намѣревался собрать совѣтъ торгующихъ въ Танѣ купцовъ и вмѣстѣ съ ними обсудить сдѣланный ему запросъ. Объ этомъ рѣшено было увѣдомить татарскія власти. Но посланные къ нимъ съ этою вѣстью Оома Корнаро и другой дворянинъ Филиппъ Марчелло были задержаны тотчасъ по выходѣ изъ воротъ города и посажены въ колодки; въ нихъ они просидѣли цѣлыхъ пять дней. Въ концѣ этого срока сборщикамъ удалось вынудить съ заключенныхъ платежъ 9500 монетъ византійскихъ. Имъ выдана была квитанція въ томъ, что хану уплаченъ слѣдуемый ему земельный сборъ. Сенату пришлось впоследствии заняться вопросомъ о порядкѣ удовлетворенія названныхъ лицъ за невольно сдѣланный ими платежъ¹⁾. Хотя въ 1429 году онъ и призналъ укрѣпленія Таны настолько законченными, что счелъ возможнымъ прекратить ежегодную посылку трехъ тысячъ дукатовъ для этой цѣли²⁾, тѣмъ не менѣе уже въ 1453 году, т.-е. на разстояніи какихъ-нибудь 24 лѣтъ, вице-консулъ Таны доводитъ до свѣдѣнія властей, что часть стѣнъ грозитъ паденіемъ, а остальная находится въ довольно плохомъ состояніи. Это обстоятельство даетъ поводъ жителямъ къ большимъ опасеніямъ. Уже въ прошломъ году подходилъ къ стѣнамъ Таны нѣкій татарскій предводитель (протоколы называютъ его султаномъ). Если онъ вздумаетъ вернуться съ могущественнымъ войскомъ, венеціанскому поселку предстоитъ подвергнуться большой опасности благодаря непрочности своихъ стѣнъ (*propter debilitatem murorum*), а также благодаря тому, что въ немъ не имѣется достаточно оружія для защиты (*quod in illa munitione non reperitur res aliqua ad defensionem necessaria*). Сенату снова приходится сдѣлать распоряженіе, чтобы консулъ, отправляющійся въ Тану, забралъ съ собою на суднѣ камни, бочки съ известью, лѣсной матеріалъ, необходимый для постройки моста и воротъ, а также запоры и другіе желѣзные предметы, необходимые для крѣпости. Суда, имѣвшія отправиться въ Тану вмѣстѣ съ консуломъ, должны были также получить изъ арсенала новый запасъ пороху для бомбардъ и значительное количество военныхъ доспѣховъ, взаменъ тѣхъ, которые пришли въ ветхость³⁾. Всѣ эти предосторожности не помѣшали, однако, тому, что въ 1456 году татары овладѣли венеціанской крѣпостцой, убили консула и вице-консула и предали поселокъ сожженію. Обо всемъ этомъ мы читаемъ въ постановленіи сената отъ 10 января 1456 года. Въ ближайшіе годы снова заходитъ рѣчь объ укрѣпленіи Таны и о посылкѣ въ нее съ этою цѣлью 400 дукатовъ на имя консула Александра

1) Senato Misti, т. 57, № 35, v^o.

2) Cum per partem cautam in isto consilio mittantur omni anno consuli Tane ducatos 3 mille pro murando et fortificando locum Tane et cum per ea que sentiuntur dictum opus est completum propter quod bonum est providere per modum quod de cetero non mittatur nisi illa quantitas pecuniarum que erit necessaria, ibid. № 134.

3) Senato. Mar. Постановленіе отъ 22 марта 1453 года, № 181, томъ III.

Пасквалиго¹⁾. Разгромъ и пожары, повидимому, продолжаются въ Танѣ и въ послѣдующее двадцатилѣтіе. Въ постановленіи сената отъ 6 марта 1475 года говорится о полученіи писемъ изъ Таны и вслѣдъ затѣмъ о прибытіи особой депутаціи отъ живущихъ въ ней гражданъ Венеціи. И въ письмахъ и въ рѣчахъ уполномоченныхъ заходить рѣчь объ одномъ и въ томъ же, а именно о присылкѣ изъ метрополіи оружія и денегъ. Колонія не можетъ обойтись безъ нихъ въ виду недавняго великаго пожара (*magnum incendium*). Вспоминая объ извѣстной всѣмъ вѣрности и преданности жителей Таны республикѣ св. Марка, о томъ, какъ, несмотря на войну, какую Венеціи приходится вести съ турками, колонисты все же хотятъ остаться подъ ея владычествомъ, сенатъ поручаетъ коллегіи дожа принять мѣры къ тому, чтобы обезпечить Танѣ возможность остаться подъ „властью Венеціи, какъ она пребывала доселѣ, обнаруживая великую вѣрность и оказывая тѣмъ самымъ честь нашему владычеству“²⁾. Это послѣдній документъ, относящійся къ Танѣ, какой мнѣ удалось найти въ протоколахъ венеціанскаго сената. Въ слѣдующихъ томахъ такъ называемаго *Senato Mar*, начиная съ XI, какъ слѣдуетъ изъ его указателя, обнимающаго періодъ времени отъ 1478 по 1550 годъ, совершенно отсутствуютъ какія бы то ни было свѣдѣнія о венеціанской колоніи въ Танѣ.

Къ этому же времени прекращаются и данныя о судьбѣ генуэзскаго поселенія. Вопреки ходячему представленію, исконныя соперницы, Генуя и Венеція, въ виду общаго врага, со всѣхъ сторонъ наступавшаго на ихъ Ислама, стремились въ своихъ колоніяхъ на Азовскомъ морѣ жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Въ генуэзскихъ актахъ, относящихся къ Танѣ въ періодъ времени, когда банкъ св. Георгія сталъ во главѣ управленія заморскими владѣніями республики, заходить, правда, по временамъ рѣчь объ обидахъ, причиняемыхъ венеціанскими властями, консуломъ, а по временамъ и дожемъ Акты говорятъ, что эти обиды даютъ справедливое основаніе къ репрессіи, но дѣло ни разу не доходитъ однако до открытаго столкновенія; въ протоколы заносятся одни только протесты отъ имени такъ называемыхъ протекторовъ банка, или его верховныхъ управителей³⁾. Послѣдніе даже рекомендуютъ не разъ властямъ въ Каѳѣ, отъ которыхъ зависѣлъ и генуэзскій консулъ въ Азовѣ, крайнюю осторожность въ своихъ представленіяхъ венеціанскимъ властямъ и жалобамъ на ихъ консула въ Танѣ и „его дерзкій образъ дѣйствій“. Властямъ совѣтуютъ уладить дѣло, избѣгая открытаго разрыва съ Венеціей⁴⁾. Когда въ концѣ третьей четверти XV вѣка для венеціанской колоніи явилась, какъ мы видѣли, необходимость озаботиться новымъ укрѣпленіемъ своихъ стѣнъ, та же потребность стала ощущаться и ея ближайшими сосѣдями — генуэзцами. Въ своемъ обращеніи къ консулу генуэзской Таны правители банка хвалятъ его за то, что онъ не помышляетъ о причиненіи какого-либо вреда венеціанцамъ, а, наоборотъ, заботится объ одновременномъ

1) *Senato. Mar.*, т. VI, № 185.

2) *Senato. Mar*, т. X, № 39, v^o. Постановленіе отъ 6 марта 1475 года.

3) Такъ въ 1465 году такое столкновеніе съ консуломъ и дожемъ даетъ только поводъ протекторамъ банка заявить о своемъ недовольствѣ и обидѣ съ прибавкой: „намъ обѣщали удовлетвореніе“. (См. *Atti della Societa Ligura di Storia Patria*, т. VII, часть II, актъ за № 568, стр. 335).

4) *Ibid.* Документъ за № 935, отъ 1471 года, стр. 729.

спасеніи и ихъ замка и того, который поставленъ подь его начальство¹⁾). Очевидно, для обѣихъ колоній наступили одинаково тяжелыя условія. Каковъ былъ ихъ характеръ, съ этимъ познакомятъ насъ венеціанскіе источники.

Послѣдніе годы существованія венеціанской Таны.

Я имѣлъ уже случай замѣтить, что республика св. Марка не желала принимать на себя колоніальныхъ издержекъ. Всѣ затраты по внутренней администраціи, по сооруженію крѣпости и стѣнъ, по отправкѣ пословъ въ орду, наконецъ, по содержанію стрѣлковъ и матросовъ рѣчной флотиліи, падали всецѣло на жившихъ въ Танѣ венеціанскихъ подданныхъ. Неудивительно, если не разъ въ протоколахъ сената мы читаемъ о крайнемъ обремененіи ихъ налогами. Такъ, въ постановленіи отъ 30 іюля 1417 года значится: наше населеніе въ Танѣ, какъ извѣстно всѣмъ, несетъ великія и невыносимыя издержки. Ежегодно намъ приходится затрачивать на мѣстѣ большія суммы на всякаго рода нужды²⁾. Одиннадцать лѣтъ спустя въ тѣхъ же протоколахъ повторяется однохарактерная жалоба: наше поселеніе, значится, имѣетъ множество издержекъ и почти никакого дохода. И вотъ, чтобы помочь бѣдѣ, сенатъ придумываетъ создать пошлину съ вина, пошлину одинаково съ его ввоза и вывоза, но съ оговоркой, что она не будетъ распространена на вина, идущія изъ Трапезунда или отправляемыя въ него. Жители этого города должны сохранить въ этомъ отношеніи свои обычныя вольности. Съ тою же цѣлью пополненія казны колоніи сенатъ рѣшается на принятіе слѣдующей мѣры. Имущество всѣхъ иностранцевъ, пребывающихъ въ венеціанской Танѣ, за исключеніемъ мосульманъ, будетъ подлежать впредь тому же раскладочному сбору или „cotinum“ и такимъ же вообще налогамъ, какіе несутъ венеціанскіе купцы и всѣ тѣ, кто выдаетъ себя за венеціанцевъ. Легко судить о томъ, въ какой мѣрѣ подобное правило должно было содѣйствовать сокращенію числа поселенцевъ въ предѣлахъ венеціанской Таны, къ немалой, разумѣется, выгодѣ ближайшихъ ея сосѣдей — генуэзцевъ. Третьимъ средствомъ увеличить доходъ своей колоніи сенатъ считаетъ строгое взиманіе пеней съ лицъ, повинныхъ въ тѣхъ или другихъ проступкахъ и приговоренныхъ за нихъ консуломъ. До его слуха дошло, что штрафы по временамъ совершенно перестаютъ взиматься. Такое нерадѣніе — причина, по которой пребывающіе въ Танѣ подданные республики потеряли страхъ къ наказанію. Драки, раненія и другіе проступки сдѣлались у нихъ весьма частыми. Чтобы положить имъ конецъ и обогатить казну колоніи, сенатъ предписываетъ своему консулу и всѣмъ его преемникамъ взыскивать, какъ старые штрафы, такъ и тѣ, поводъ къ которымъ можетъ представиться въ будущемъ. Такая строгость, думаетъ онъ, можетъ заставить жителей Таны на будущее время воздержаться отъ ссоръ и насилій³⁾.

Мы видѣли, что въ постановленіяхъ сената говорится о раздорахъ и насиліяхъ, причиняемыхъ другъ другу членами венеціанской колоніи въ Танѣ. Спрашивается,

¹⁾ Ibid. Актъ за № 542; годъ 1473-й.

²⁾ Senato. Misti, т. 52, ф° 37, v°.

³⁾ Senato. Misti, т. 57, стр. 22, v°.

что могло подать поводъ къ такимъ несогласіямъ. Сенатскія постановленія даютъ косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ, сообщая, какъ каждый изъ поселенцевъ старается избѣжать слѣдуемой съ него доли раскладочнаго налога, какъ съ этою цѣлью скрывается дѣйствительный размѣръ имущества, какъ, попавши въ члены состоящаго при консулѣ совѣта, купцы пользуются случаемъ для сложенія со своихъ плечъ бѣльшей части причитающихся съ нихъ платежей, и какъ послѣдствіемъ этого являются неравномѣрность обложенія и вытекающія отсюда ссоры и кулачныя расправы. Поставленные въ необходимость платить пошлины съ товаровъ не только венеціанскому консулу, но и хану, торговцы надѣялись выгодать каждый въ свою пользу извѣстную скидку путемъ взятокъ, въ формѣ уплаты впередъ налоговымъ сборщикамъ части причитающейся съ нихъ суммы.

Къ чести поставленныхъ въ Тану большимъ совѣтомъ консуловъ, надо сказать, что они не оставались безучастными зрителями всѣхъ этихъ нестроеній; по возвращеніи изъ своей двухгодовой миссіи, они спѣшили подѣлиться накопленными наблюденіями съ высшей администраціей республики, съ сенатомъ. Назначаемые нерѣдко въ число такъ называемыхъ „savi“, „мудрыхъ“, они участвовали въ подготовленіи требуемыхъ обстоятельствами реформъ въ колониальномъ управленіи. Вносимые ими проекты, такъ называемыя *parti*, встрѣчали обыкновенно дружную поддержку; на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, рѣдко когда годовъ, они становились обязательными для колоніи законами. Обозрѣвая этотъ рядъ мѣропріятій, приходишь къ заключенію, что съ помощью такихъ умудренныхъ опытомъ совѣтниковъ, какими были вернувшіеся изъ Таны послы и консулы, сенатъ въ своихъ мѣропріятіяхъ, несмотря на большое разстояніе, отдѣлявшее его отъ колоніи, не упускалъ изъ виду ничего существеннаго и боролся съ общественными нестроеніями весьма дѣйствительнымъ оружіемъ. Насъ, разумѣется, поражаетъ въ его законодательствѣ поощреніе тайныхъ доносчиковъ, вознагражденіе ихъ изъ взимаемыхъ съ виновныхъ пеней, наконецъ попытки заинтересовать матеріально самихъ администраторовъ, въ томъ числѣ консуловъ, въ строгомъ преслѣдованіи правонарушителей, и дѣлаемое имъ съ этою цѣлью обѣщаніе уступать въ ихъ пользу часть поступающихъ въ казну штрафовъ. Но такой образъ дѣйствій, какъ извѣстно, возведенъ былъ въ Венеціи въ систему и примѣняемъ былъ ею съ такою же строгостью въ предѣлахъ метрополіи, какъ и за границами отдаленныхъ морей. До послѣднихъ годовъ своего существованія республика св. Марка не могла обходиться безъ заинтересованной помощи, такъ называемыхъ *confidenti*, т.-е. лицъ, пользующихся спеціальнымъ довѣріемъ правительства и уполномоченныхъ слѣдить не только за поведеніемъ, но и за мыслями ея подданныхъ. Удивительно ли, если она открыто поощряла доносы и въ своихъ колоніяхъ, если она требовала сохраненія въ секретѣ именъ донощиковъ и вознаграждала ихъ изъ имущества ихъ жертвъ? Но если нельзя всегда одобрить избираемыя ею средства, то справедливость заставляетъ сказать, что ея мѣры направлены были къ поддержанію между подданными и въ отдаленнѣйшихъ колоніяхъ возможнаго равенства, къ обезпеченію всѣмъ одинаковыхъ преимуществъ, личныхъ и торговыхъ, къ преслѣдованію всякихъ происковъ, послѣд-

ствіемъ которыхъ было бы созданіе фактическихъ монополій или налоговыхъ изъятій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на постановленія, въ родѣ слѣдующаго. Въ протоколахъ сената отъ 24 мая 1414 года стоитъ: „Консулы Таны не могутъ заниматься торговлей, о чемъ сказано и въ ихъ полномочіяхъ. Такая мѣра справедлива, соблюдается свято и служить къ немалой выгодѣ купцовъ; но занятіе торговлей дозволено совѣтникамъ консула, которые въ значительной мѣрѣ участвуютъ въ его управленіи. Этому нельзя признать ни справедливымъ, ни удобнымъ, такъ какъ весьма часто совѣтники принимаютъ мѣры, клонящіяся къ ихъ собственной выгодѣ и ко вреду всѣхъ прочихъ торгующихъ. Въ виду этого и чтобы положить конецъ указанному злу, да будетъ постановлено, что впредь ни одинъ совѣтникъ Таны не долженъ дѣлать письменныхъ заявленій, насчетъ имущества отдѣльныхъ купцовъ, заявленій, на основаніи которыхъ производилась бы разверстка раскладочнаго налога или *cotinum*; всѣмъ этимъ долженъ завѣдывать только консуль, чѣмъ и можно будетъ избѣжать на будущее время всякихъ обмановъ и злоупотребленій. Разъ имущества отдѣльныхъ купцовъ подвергнутся оцѣнкѣ, совѣтники консула будутъ платить налогъ, согласно сдѣланной имъ разверстки. Они должны помогать консулу въ постановкѣ рѣшеній по доводимымъ до его свѣдѣнія тяжбамъ подѣ страхомъ пеней, обозначенныхъ въ ихъ полномочіяхъ. Консуль же долженъ отмѣчать всѣ дѣлаемые имъ упущенія; разъ число послѣднихъ достигнетъ десяти, виновный исключается изъ совѣта, и на мѣсто его назначается новый избранный“¹⁾). Это рѣшеніе восполнено было впоследствии еще слѣдующимъ. Консуль долженъ требовать отъ своихъ совѣтниковъ такой же присяги въ правильности дѣлаемыхъ ими заявленій насчетъ размѣра ихъ имущества, какое онъ получаетъ отъ купцовъ вообще, „такъ какъ всегда и во всемъ нужно сохранять возможное равенство“. И самъ консуль не свободенъ отъ обложенія раскладочнымъ сборомъ; онъ долженъ, подобно всѣмъ другимъ гражданамъ, приносить присягу въ правильномъ показаніи суммы денегъ и украшеній, какъ принадлежащихъ ему лично, такъ и данныхъ ему на храненіе. Присягу на этотъ разъ отбираютъ совѣтники²⁾). Сенать входитъ въ большія подробности насчетъ того, какія имущества должны итти въ оцѣнку, и какъ должна производиться послѣдняя. До него дошли свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ, совершаемыхъ ежедневно въ этомъ смыслѣ. Одни не указываютъ того, что имѣютъ, другіе, вопреки разуму и справедливости, оцѣниваютъ свои товары ниже должнаго, третьи ссылаются на то, что товары проданы ими на срокъ. Стремясь къ равномерности обложенія, сенать повелѣваетъ, чтобы купцы объявляли обо всемъ, что они привезли съ собою или что дано имъ было на комиссію, — все равно, — идетъ ли дѣло о товарахъ, или о наличныхъ деньгахъ. Въ виду этого, тотчасъ же послѣ выгрузки кораблей, каждый долженъ письменно подѣ присягой заявить консулу о томъ, что имѣеть, не опредѣляя при этомъ самъ цѣны своимъ товарамъ, а только указывая на ихъ качество и количество; онъ долженъ поступать такъ подѣ страхомъ уплатить пеню въ четвертую часть объявленной имъ цѣны. Эта чет-

¹⁾ Senato. Misti, т. 50, f° 111.

²⁾ Ibid. Отъ того же дня, f° 113.

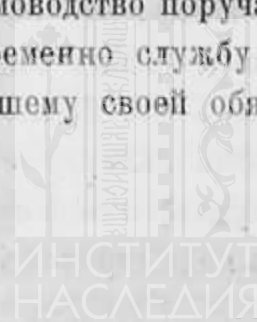
верть дѣлится пополамъ между консуломъ и казной. Если же истина будетъ раскрыта постороннимъ лицомъ, то штрафъ дѣлится на три части, и одна идетъ въ пользу донощика, имя котораго каждый разъ сохраняется въ тайнѣ. Для контроля показаній отдѣльныхъ купцовъ, на хозяевъ судовъ и ихъ секретарей возлагается обязанность въ теченіе трехъ дней по прибытіи въ Тану довести письменно до свѣдѣнія консула, что было привезено ими на каждомъ изъ судовъ, какъ товарами, такъ и звонкой монетой. Виновнымъ въ неправильномъ показаніи грозитъ лишеніе на три года права держать суда, независимо отъ вышеупомянутаго штрафа въ четвертую часть цѣны необъявленнаго ими имущества. Консулу не позволено принимать во вниманіе заявленій о ссудѣ кого-либо деньгами или товарами на срокъ, для покупки, на примѣръ, рабовъ или другого предмета. Освобождаются отъ обложенія только матросы, бѣдные моряки и, вообще, всѣ тѣ, имущества которыхъ не превышаютъ 200 византійскихъ монетъ (аспровъ). Не входитъ также въ число подлежащихъ обложенію имуществъ жалованье, забранное консуломъ впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ и нерѣдко уплачиваемое ему полностью за два года передъ оставленіемъ имъ Венеціи¹⁾.

Преслѣдуя такъ строго всякую неравномѣрность въ обложеніи, Сенатъ съ меньшей суровостью относится къ попыткамъ отдѣльныхъ купцовъ склонить въ свою пользу татарскихъ сборщиковъ подарками или уплатой имъ впередъ части тѣхъ суммъ, которыя на правахъ пошлины съ товаровъ должны поступать въ казну хана. Въ постановленіи отъ 24 мая 1414 года мы читаемъ поэтому: ни одинъ венеціанецъ не долженъ давать въ заемъ, или продавать на срокъ, ни денегъ, ни товаровъ, завѣдующему торговлею въ Танѣ татарскому чиновнику или другимъ лицамъ, поставленнымъ отъ хана, хотя бы подъ условіемъ, что они будутъ вычитать изъ уплаченной имъ суммы „продажи и пошлины“, слѣдующія казнѣ. Консулу предписано употребить всѣ свои старанія къ тому, чтобы вернуть лицамъ, уже распорядившимся такимъ образомъ своими деньгами и товарами, все забранное съ нихъ татарами сверхъ должнаго²⁾. Уже изъ сказаннаго легко заключить, что функціи консула и его помощника были весьма разнообразны и власть обоихъ велика. Имѣлось, поэтому, полное основаніе установить контроль, за ихъ, какъ финансовой, такъ и судебной юрисдикціей. Средствомъ для этого должно было служить веденіе консуломъ и совѣтниками строгой отчетности въ порядкѣ распредѣленія ими раскладочнаго сбора, или *cotinum*. Консулъ обязанъ былъ держать два экземпляра такой разверстки: одинъ оставался въ Танѣ; съ нимъ во всякое время могли справляться мѣстные купцы, такъ на примѣръ, въ случаѣ обложенія ихъ свыше прежняго; другой поступалъ въ Венецію къ чиновникамъ, завѣдовавшимъ счетоводствомъ республики. Все письмоводство поручаемо было въ Танѣ каплану, исполнявшему, какъ мы видѣли, одновременно службу нотариуса. Штрафъ въ 200 дукатовъ грозилъ консулу, не исполнившему своей обязанности поведенію счетоводства въ вышеуказанномъ порядкѣ³⁾.

¹⁾ Ibid., № 111.

²⁾ Senato. Misti, т. 51, f° 121.

³⁾ Постановленія 31 марта 1411 года, возобновленное затѣмъ 27 мая 1414 года.

Что касается до контроля за судебными рѣшеніями консула, то въ виду значительности разстоянія, нельзя было и думать объ установленіи правильной аппеляціи въ суды метрополиі. Пришлось воспользоваться ежегодной отправкой галеръ въ Тану и поручить поставленному надъ ними адмиралу оповѣщеніе жителей насчетъ того, что всѣ въ правѣ приносить ему жалобу на всякаго рода насилія, вымогательства или иной вредъ, причиненный консуломъ, его совѣтниками, капланомъ и вообще членами консульской свиты, а также на всякаго рода рѣшенія, постановленныя консуломъ, разъ послѣднія превышаютъ размѣръ 200 аспровъ. Всѣ эти заявленія должны были поступать къ начальнику надъ галерами, который выслушивалъ также предъявленныхъ ему свидѣтелей, доводилъ до свѣдѣнія консула о возведенныхъ на него обвиненіяхъ и отбиралъ отъ него отвѣты. Если въ результатѣ такого разслѣдованія получалась увѣренность въ основательности жалобы, то консулу отъ имени начальника надъ галерами приказывалось, по окончаніи срока своей миссіи, дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ „Адвокатамъ Общины“. Всѣ поступившіе къ нему иски, начальникъ надъ галерами, по возвращеніи въ Венецію представлялъ на разсмотрѣніе тѣмъ же „Адвокатамъ Общины“, которые лично заинтересованы были въ исходѣ тяжбъ, такъ какъ получали часть взыскиваемыхъ съ чиновниковъ штрафовъ. Въ искахъ не свыше 200 аспровъ начальникъ надъ галерами самъ выступалъ въ роли аппеляціоннаго судьи и не доводилъ жалобы до свѣдѣнія Адвокатовъ Общины¹⁾.

Венеціанское правительство не только заботилось о доброй Администраціи и правильномъ отправленіи правосудія въ предѣлахъ своего отдаленнаго поселенія на Азовскомъ морѣ; оно также напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы оживить торговый обмѣнъ съ нею. „Наши предки, значитъ не разъ въ официальной перепискѣ, какъ всѣмъ извѣстно, не жалѣли ни денегъ, ни крови для сохраненія въ цвѣтущемъ состояніи нашей Таны, такъ какъ они, какъ нельзя лучше, понимали великую пользу, какую извлекаютъ изъ нея граждане-торговцы и вся вообще республика²⁾“. Такія же соображенія побуждали Сенатъ не только хлопотать объ укрѣпленіи Таны, но и всячески заботиться объ обезпеченіи безопаснаго морского пути своимъ судамъ, отправлявшимся въ Черное и Азовское моря. Едва до его свѣдѣнія доходило, что въ Константинополѣ, вопреки прежнимъ соглашениямъ, начинали требовать какія-нибудь добавочныя пошлины, какъ консулу, отправлявшемуся въ Тану, даваемъ былъ приказъ потребовать аудіенціи отъ императора и одновременно съ передачей ему подарковъ отъ имени дожа заявить, что республики св. Марка было крайне прискорбно слышать о такихъ новшествахъ и неслыханныхъ поборахъ, тѣмъ болѣе, что они „не согласны съ старинными договорами, обѣщаніями, вольностями и обыкновеніями“. Свою рѣчь уполномоченный республики долженъ былъ закончить гордыми словами, что Синьорія, т.-е. высшее правительство Венеціи, не намѣрено терпѣть ни отъ кого подобнаго поведенія³⁾. Большія опасности, встрѣчаемая во время плаванья

¹⁾ Постановленіе 24 мая 1414 года.

²⁾ Senato. Misti, т. 52, № 143, 1418 г. Засѣданіе 7 января.

³⁾ 17 марта 1419 года, дожъ Тома Мочиниго поручаетъ консулу Таны Андрею Контарини при проѣздѣ черезъ Константинополь разузнать отъ тамошняго венеціанскаго baiulus'a, т.-е. консула, въ чемъ состоятъ

венеціанскими купцами, причина того, что посылка простых судовъ въ Черное и Азовское моря все чаще и чаще смѣняется снаряженіемъ вооруженныхъ галеръ. Въ февралѣ 1417 года въ протоколахъ Сената значится по этому поводу: купцы без-опаснѣ могутъ совершать плаванье на галерахъ, чѣмъ на обыкновенныхъ судахъ. Превъзвѣдъ галерамъ, перевозившимъ паломниковъ, забирать товары перестаетъ соблюдаться въ виду того, что число самихъ пиллигримовъ, по заявленію Сената, значительно сократилось; да и нѣтъ основанія думать, чтобы присутствіе купцовъ на галерахъ могло причинить какое-либо неудобство паломникамъ. Что касается до товаровъ, нагружаемыхъ на эти суда, то, въ интересахъ поощренія торговли, дается свобода галерамъ забирать одинаково и венеціанскій, и англійскій, и французскій¹⁾ — словомъ все, на что можетъ предвидѣться спросъ въ Танѣ и вообще во владѣніяхъ татарскаго хана. На обратномъ пути галерамъ приказано забирать грузъ, предназначенный для Константинополя и облагать его всего половиною провозочной платы. Собственникъ корабля, отказавшійся принять порученный ему товаръ, все равно предназначенъ ли онъ для Константинополя, или для Венеціи, подлежитъ штрафу въ 500 дукатовъ.

Въ документахъ, озаглавленныхъ „*incantus Galearum Romaniae*“, и текстъ которыхъ не разъ воспроизводится въ протоколахъ Сената, можно найти любопытныя подробности о характерѣ товаровъ, отправляемыхъ въ Тану и изъ Таны въ первой четверти XV столѣтія. Рѣчь идетъ каждый разъ объ опредѣленіи размѣра, такъ называемыхъ „*pavula*“, т.-е. платы за провозъ. Въ числѣ специально оговоренныхъ предметовъ, идущихъ изъ Таны, стоятъ: воскъ, маисъ, изъ болѣе же грубаго товара, предназначаемаго не столько для Венеціи, сколько для ея крѣпостей на Балканскомъ полуостровѣ, въ частности для Модоны и Короны, — хлѣбъ и вино²⁾

Чѣмъ болѣе мы приближаемся, однако, къ третьей четверти XV столѣтія, тѣмъ чаще заходитъ рѣчь о томъ, что въ тотъ или другой годъ галеры вовсе не были въ плаваніи по Средиземному, Черному и Азовскому морямъ³⁾, или что стрѣлкамъ, предназначеннымъ для Колоніи, а иногда и самому консулу пришлось отплыть съ частнымъ судномъ, одиноко совершающимъ переѣздъ изъ Венеціи въ Тану⁴⁾. Уже задолго до того времени, о которомъ теперь идетъ рѣчь, венеціанскій поселекъ пересталъ приумножаться въ числѣ своихъ жителей. Въ протоколахъ Сената не разъ говорится о томъ, за невозможностью назначить своимъ помощникомъ или вице-консуломъ дворянина, въ правѣ замѣнить его и купцомъ. Но и послѣднихъ, повидимому, становится не-

новые поборы, установленные императоромъ, и сдѣлать ему приведенное въ текстѣ заявленіе. Senato. Misti, т. 52, ф° 154.

¹⁾ Постановленія 6 февраля 1417 года. Senato. Misti, т. 53, ф° 41.

²⁾ Постановленіе 30 мая 1425 г. Senato. Misti, т. 56, стр. 118. Почти тѣ же статьи перечисляются и въ другомъ однохарактерномъ документѣ, занесеннымъ въ протоколы Сената 2 июня 1430 г., Senato. Misti, т. 57, ф° 216 V°.

³⁾ Senato Misti. ф° 97.

⁴⁾ Такъ въ постановленіи 10 мая 1460 года говорится, что, буде избранный консулъ Таны Иосафатъ Барбаро согласится принять должность, ему слѣдуетъ отплыть на суднѣ Павла Сардо. Чтобы склонить его къ этому рѣшенію, ему обѣщаютъ прибавку жалованья въ 100 дукатовъ. Не захочетъ онъ отправиться въ Тану съ означеннымъ судномъ, на послѣднемъ все же должны отплыть стрѣлки. Senato. Mar. т. VI.

много уже въ 1414 году, когда Сенать, ссылаясь прямо на этотъ фактъ¹⁾, предвидѣть тотъ случай, когда нельзя будетъ назначить требуемаго числа совѣтниковъ, т.-е. двѣнадцати выбираемыхъ, какъ мы видѣли, изъ купцовъ, безъ нарушенія правила, требующаго, чтобы сынъ не засѣдалъ рядомъ съ отцомъ и братъ съ братомъ²⁾.

Новое указаніе на упадокъ торговой дѣятельности въ Танѣ представляетъ собою высота вексельнаго курса. Нельзя было получить болѣе денегъ на оплату необходимыхъ издержекъ, положимъ, по содержанію стрѣлковъ, иначе, какъ изъ Константинополя и то лишь подъ условіемъ платежа 5% за учетъ, и это уже въ 1446 году. Сенату предвидѣлась даже возможность возвращенія векселя обратно; въ этомъ случаѣ предписывалось консулу удовлетворить стрѣлковъ изъ собственного кармана³⁾. Изъ протоколовъ того же Сената отъ 23 іюля 1451 года видно, что въ это время въ руки венеціанскаго „бальифа“ въ Константинополѣ перенесено было веденіе денежныхъ сношеній съ Танюю и отпускъ ежегодно въ руки консула известной суммы, какъ значится, въ помощь этому поселенью⁴⁾. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что консулъ не въ состояніи былъ получить въ Венеціи цѣнными бумагами или товарами, предназначенными для учета или продажи въ Танѣ, болѣе 170 дукатовъ, такъ что остальные 350 ему предстояло черезъ Константинополь перевести въ Тану. Нельзя найти лучшаго доказательства упадку прямыхъ обмѣновъ между метрополіей и ея колоніей. Неудивительно послѣ этого, если въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ стрѣльцы въ Танѣ оставались безъ жалованья и, если не имѣя, какъ значится, чѣмъ жить, они объявляли не разъ о своемъ рѣшеніи отбыть изъ нея⁵⁾. Немудрено также, если самъ консулъ, не имѣя возможности получить жалованья изъ Венеціи, не разъ попадалъ, какъ значится на языкѣ сенатскихъ постановленій, въ затруднительнѣйшее положеніе (*inrectissibus conditionibus*). Выходъ изъ него представлялся только въ томъ случаѣ, когда тѣ или другія лица, живущія въ Танѣ, соглашались ссудить его необходимой для расплаты суммой подъ условіемъ, что Сенать обяжется вернуть ее имъ въ Венецію.

Если мы спросимъ себя, по какой причинѣ денежный обмѣнъ между метрополіей и колоніей сдѣлался столь затруднителенъ въ третьей четверти XV вѣка, то намъ очевидно придется искать разгадки этому въ тѣхъ же фактахъ, какіе вызвали упадокъ торговаго оборота, замѣну прежняго дорогого товара, шедшаго изъ Таны, товара по происхожденію своему персидскаго и индусскаго, такимъ громоздкимъ, и дешевымъ, какъ воскъ и зерно, предназначенные притомъ не для Венеціи, а для Константинополя и венеціанскихъ крѣпостей на Балканскомъ полуостровѣ. О плаваніи венеціанцевъ вверхъ по Дону, о доставкѣ ими караваннымъ путемъ съ Дона на Волгу,

1) Per trovarsi un picciol numero de marcadanti (въ Танѣ).

2) Постановленіе отъ 18 іюля 1413 года.

3) Постановленія Сената отъ 8 апрѣля 1446 года. Senato. Mar., томъ II, № 139.

4) Постановленіе Сената отъ 23 іюля 1451 года. *Vadit pars quod scribetur et mandetur baiulo Constantinopolis quod dare debeat Salarii sui unius anni, tam de denariis quos Tanam omni anno mittere tenetur pro subventionem illius loci juxta formam ordinum nostrorum, quam de quibuscunque aliis denariis quos haberet in manibus ratione nostri comunis.* Senato. Mar., т. III, № 76.

5) См. протоколы Сената отъ конца 1460 года. Senato. Mar., т. VI, № 185.

а оттуда опять на лодкахъ своего товара въ Астрахань болѣе нѣтъ и помину въ административныхъ актахъ занимающей насъ эпохи. Съ момента начавшагося разгрома Золотой Орды, которой нанесенъ былъ смертельный ударъ еще походомъ Тамерлана, и которой съ этого времени пришлось быстро отступать передъ успѣхами русскаго оружія, прежніе пути международной торговли Запада съ Центральной Азіей оказались болѣе небезопасными. Тѣ самые сенатскіе протоколы, которые такъ рѣдко говорятъ о посылкѣ судовъ въ Черное и Азовское моря, почти изъ года въ годъ упоминаютъ объ ихъ отправкѣ въ Египеть (Александрію) и Бейрутъ. Какъ нѣкогда разгромъ княжествъ, основанныхъ крестоносцами, повелъ за собою упадокъ торговыхъ сношеній Венеціи съ Малой Азіей и Палестиной, съ Синопомъ и Яффою и заставилъ этихъ смѣлыхъ мореплавателей искать новаго рынка для своихъ товаровъ въ устьяхъ Дона и вплоть до Астрахани, такъ теперь разложеніе Золотой Орды и порожденныя имъ безурядицы въ средѣ второстепенныхъ татарскихъ правителей заставили морскую торговлю венеціанцевъ перейти въ болѣе надежные порты. Если прибавить ко всему сказанному частыя войны венеціанцевъ съ турками, сдѣлавшимися владѣльцами Константинополя и вліяніе которыхъ стало сказываться и въ предѣлахъ странъ, занятыхъ татарами, то легко будетъ понять причину, по которой въ Венеціи во второй половинѣ XV вѣка мало находилось людей, готовыхъ при посылкѣ судовъ въ Тану воспользоваться разрѣшеніемъ помѣщать деньги подъ проценты въ морскія предпріятія (*ad riscum et fortunam alicuius navigii armati*), — единственный видъ отдачи капиталовъ въ ростъ, допущенный законодательствомъ еще въ серединѣ XIV столѣтія, бокъ-о-бокъ съ строгимъ запрещеніемъ всякихъ другихъ процентныхъ сдѣлокъ¹⁾. Не питаемый болѣе кредитомъ и задерживаемый ненадежностью пути, ведущаго къ Азовскому морю, пути, не разъ заслоняемаго турками, торговый обмѣнъ Венеціи съ Таной сталъ падать изъ года въ годъ. Немногіе венеціанскіе купцы, удержавшіе свои конторы на берегахъ Дона, продолжали, однако, настаивать на своемъ желаніи сохранить подданство республикѣ св. Марка. Они сплошь и рядомъ ходатайствовали о посылкѣ имъ изъ метрополи не только средствъ обороны противъ татаръ, но и венеціанскихъ администраторовъ, или консуловъ. Сенатъ продолжалъ производить ихъ выборъ попрежнему изъ среды дворянъ республики, но выбранные не всегда спѣшили отправиться въ отдаленную, опасную и крайне тяжелую миссію. Особенно послѣ 1456 года и новаго разгрома Таны татарами, при которомъ убитъ былъ и консуль, и вице-консуль, нелегко было найти желающихъ подвергнуться такой же участи въ виду слабости оборонительныхъ средствъ и трудности получить своевременно деньги для оплаты жалованья ничтожному гарнизону. Когда въ 1456 году сенатъ, увѣдомленный о сожженіи венеціанскаго поселка въ Азовѣ и о гибели поставленныхъ имъ администраторовъ, избралъ новымъ консуломъ Александра Пасквалиго²⁾,

¹⁾ См. рукописный сборникъ, озаглавленный: „Giudicii del piovego“, т. I. Въ немъ воспроизведено постановленіе Большого Совѣта Венеціи отъ 14 марта 1357 года. О запрещеніи же процентовъ смотри: „Liber officiorum comunis Veneziae. Постановленія 1254 и 1270 года, въ которыхъ мы, между прочимъ, читаемъ: *si aliqua carta esset facta sive securitas occasione dandi ad usuram, nihil valeat nec teneat*. (См. Comune II, № 60 и 61).

²⁾ Senato. Mar., т. V, № 179. Постановленія отъ 10 января 1456 года.

онъ уже предвидѣлъ возможность отказа съ его стороны и на этотъ конецъ распорядился одновременно выборомъ добавочнаго кандидата, согласно обычной практики. Если Пасквалиго еще принялъ возложенныя на него полномочія, чтобы затѣмъ во все время своей миссиі страдать отъ безденежья казны и нежеланія венеціанскихъ стрѣльцовъ служить безъ жалованья, то избранный вслѣдъ за нимъ въ консулы Таны Иосафатъ Барбаро¹⁾ рѣшительно отказался отъ несенія этой должности, несмотря на приманку добавочнаго платежа въ 100 дукатовъ. Взамѣнъ его выбрали дворянина Николая Контарини²⁾, который, какъ мы видѣли, не могъ добиться уплаты ему большей части его жалованья и, согласно сдѣланному Сенату докладу, очутился по этой причинѣ „въ затруднительнѣйшихъ условіяхъ“. Его пребываніе въ Танѣ совпадаетъ съ 1466 годомъ. Послѣ этого мы не слышимъ о посылкѣ въ нее новаго консула въ теченіе ближайшихъ семи лѣтъ. Въ засѣданіи 3 мая 1473 года сенатъ, упоминая о выборѣ въ консулы дворянина Альвизія Маврочено, считаетъ нужнымъ распорядиться о его немедленной отправкѣ въ колонію, такъ какъ, прибавляетъ онъ, безъ консула и управителя Тана находится въ сквернѣйшемъ и опаснѣйшемъ положеніи. Ея стрѣлки, завѣдующіе защитой замка, уже много времени не получаютъ никакого вознагражденія³⁾. Альвизій Маврочено былъ, повидимому, послѣднимъ венеціанскимъ консуломъ, отбывшимъ въ Тану. Мы въ правѣ думать это на томъ основаніи, что въ ходатайствѣ, представленномъ ей жителями и доложенномъ сенату въ засѣданіи 6 марта 1475 г., заключается просьба о присылкѣ венеціанской сеньоріей особаго провизора, терминъ, подъ которымъ, очевидно, нельзя разумѣть никого, кромѣ консула. Какъ уже сказано, это послѣдній изъ документовъ, относящихся къ Танѣ, какой можно найти въ реестрахъ высшаго административнаго совѣта республики. Большинствомъ 90 голосовъ противъ 15 рѣшено было удовлетворить вышеназванное ходатайство и послать въ Тану вмѣстѣ съ провизоромъ денегъ и оружія. Но въ томъ же рѣшеніи, отдающемъ должное вѣрности колоніи и преданности ея жителей Венеціи, имѣется и косвенное указаніе на причину, помѣшавшую привести въ исполненіе только что упомянутую мѣру. Сенатъ хвалитъ гражданъ и жителей Таны за то, что они хотятъ остаться подъ сѣнью его владычества, несмотря на войну, какую ему приходится вести съ турками⁴⁾. Вотъ эта-то война и помѣшала своевременному прибытію и правителя, и средствъ обороны.

О венеціанской Танѣ не слышно болѣе. Она сходитъ со сцены почти въ тотъ самый моментъ, когда открытіе морского пути въ Индію сдѣлало излишнимъ ея посредничество и перенесло въ руки сперва португальцевъ, а затѣмъ голландцевъ, французовъ и англичанъ роль, такъ долго выпадавшую на долю генуэзцевъ и венеціанцевъ. Завоеваніе Иваномъ IV Астраханскаго царства, вѣкъ спустя, сдѣлало изъ московскихъ царей преемниковъ Золотой Орды и въ дѣлѣ обезопасенія торговыхъ путей по Дону и Волгѣ. Ближайшіе изъ сосѣдей венеціан-

¹⁾ Senato. Mar., т. VI. Постановленія отъ 10 мая 1460 года.

²⁾ Senato. Mar., т. VIII. Постановленія отъ 25 сентября 1466 года.

³⁾ Senato. Mar., т. IX, № 169. Постановленія отъ 3 мая 1473 года.

⁴⁾ Senato. Mar., т. X, № 39.

ской Таны, кабардинцы, уже въ ихъ время занимавшіе тотъ самый поселокъ, который извѣстенъ въ наши дни подъ именемъ Таганрога¹⁾, первые сознали историческое призваніе русскихъ главенствовать надъ мѣстными правителями Азовскаго побережья. Согласно преданію, они поднесли Іоанну Грозному тотъ самый мечъ, который за отказомъ московскаго царя снова представленъ былъ ихъ делегатами при коронаціи Александра III. Ища пробить окно въ Европу, Петръ I осадилъ Азовъ; его союзниками явились еще державшіеся въ это время христіанства жители стариннаго Кабарда. Между кабардинцами доселѣ живутъ пѣсни и сказанія объ этой осадѣ, сопровождавшейся, какъ они рассказываютъ, постановкой многихъ крестовъ надъ могилами ихъ убитыхъ. Когда, продолжая дѣло Петра, Екатерина присоединила Новороссію къ русскимъ владѣніямъ, преемники Юстиніани и Контарини, такъ много сдѣлавшихъ для процвѣтанія венеціанской Таны на Азовскомъ морѣ, вспомнили о роли, какую она и чрезъ ея посредство торговля съ югомъ Россіи и Средней Азіей играли въ судьбахъ республики св. Марка. Послѣдніе два *pobili di Pieterburgo*, т.-е. дипломатическіе агенты Венеціи при дворѣ Екатерины и Павла I, не разъ доводили до свѣдѣнія сената о необходимости возстановить прерванную связь съ прошлымъ и воспользоваться призывомъ русскаго правительства для возобновленія дѣятельнаго торговаго обмѣна съ южными портами Россіи²⁾. Паденіе венеціанской независимости сдѣлало невозможнымъ осуществленіе этихъ намѣреній и перенесло въ руки Австріи задачу созданія правильнаго торговаго обмѣна между портами Адриатики и русскимъ побережьемъ Чернаго и Азовскаго морей.

¹⁾ У Гейда приведены свидѣтельства, доказывающія возможность отождествить поселеніе, называемое Кабарди, съ теперешнимъ Таганрогомъ. У кабардинцевъ же сохранилось преданіе о томъ, что ихъ предки жили къ сѣверу отъ Крыма на берегахъ Азовскаго моря.

²⁾ Я имѣлъ случай говорить объ этомъ въ моей статьѣ о „Венеціанскихъ дипломатахъ при русскомъ дворѣ“, отпечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ года четыре тому назадъ.

ИНОЗЕМЦЫ ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Греки, цыгане, грузины.

М. М. Плохинскаю.

Г р е к и.

I.

Развитіе отношеній Россіи къ православному Востоку и возникновеніе братства.

У древней Руси съ Византіей, иначе съ греческимъ міромъ, связи политическія, религіозныя и торговыя были очень сильны, сношенія греческаго міра съ придѣпровскою Русью были оживленны. Кочевники — монгольскія племена, занимая сѣверное побережье Чернаго моря, затрудняли эти сношенія, и, наконецъ, послѣднія прервались, когда подъ напоромъ кочевниковъ центръ русской государственной жизни передвинулся къ сѣверу, а при нашествіи татаръ была совсѣмъ уничтожена политическая самостоятельность Руси.

Византія въ это же время, представляя изъ себя дряхлый организмъ, постоянно должна была выдерживать натискъ азіатскихъ ордъ, слотившихся воедино подъ знаменемъ ислама. Выдержать натискъ этихъ дикихъ ордъ сама Византія была не въ силахъ. Чтобы поддержать свое политическое существованіе, византійскіе императоры заискивали у всесильныхъ въ то время панъ, создавали проекты религіозныхъ уній. Но проекты, созданные не симпатіями народа, а политическими расчетами правителей, не достигали своего назначенія: подточенная внутренними неурядицами и сломленная внѣшними врагами, Византія подпала игу фанатиковъ-магометанъ. Завоеванная же татарами Россія начинаетъ спланиваться подъ главенствомъ Москвы въ одно цѣлое и, пользуясь смутами среди татаръ, становится независимой, постепенно расширяетъ свои предѣлы, подчиняетъ своей власти татарскіи ханства, а Іоаннъ IV уже могъ принять титулъ царя.

Въ историческомъ отношеніи принятіе московскимъ княземъ титула царя имѣетъ важное значеніе. Московскій князь становится преемникомъ византійскихъ императоровъ, представителемъ всего православія. Въ Москву, въ новую столицу, направляются съ православнаго Востока всѣ бѣдные, гонимые и обездоленные у себя на родинѣ христіане. Не одни только бѣдные, нищіе, но и сами патріархи относятся за поддержкой къ Москвѣ. Москвѣ, ставшей столицей православія, недоставало тѣхъ древнихъ святынь, которыми былъ богатъ Константинополь и вообще православный Востокъ. Поэтому Москва начинаетъ приобрѣтать у грековъ древне-христіанскую святыню: мощи, древніе кресты, иконы и пр. Греки съ удовольствіемъ уступали Москвѣ послѣднюю, конечно, не иначе, какъ за солидное вознагражденіе. И вотъ, начиная съ XVI вѣка, между Россіей и православнымъ Востокомъ происходитъ правильная и постоянная мѣна святыни на русскія деньги¹⁾. Греки охотно везутъ всякую святыню въ Москву, везутъ ее исключительно съ цѣлью наживы, стараясь взять за нее какъ можно болѣе²⁾.

Русскій царь — представитель всего православія; на его обязанности, въ силу этого, лежитъ защита православія. „Подѣлиться избыткомъ своихъ научныхъ силъ, своимъ научнымъ развитіемъ и образованіемъ, вліять на укрѣпленіе духовно-религіозной жизни православныхъ русскіе не могли“³⁾, оказать дѣйствительную помощь тоже были не въ состояніи, — Турецкая имперія была грозой для всей Европы; оставалось давать щедрую и богатую милостыню, что и дѣлала Москва. Въ теченіе столѣтій восточные православные всѣхъ національностей присылали разнообразныхъ просителей за этой милостыней и всѣ были удовлетворяемы⁴⁾. Просителямъ внутрь Россіи позволялось являться только чрезъ Путивль. И вотъ различными путями просители добивались до пограничнаго русскаго города и оттуда, по распоряженію путивльскаго воеводы, отправлялись на казенныхъ подводахъ, въ сопровожденіи пристава для охраны во время пути⁵⁾. Среди просителей мы встрѣчаемъ большое разнообразіе: простые монахи, архимандриты, епископы, митрополиты и, наконецъ, патріархи. Всѣ направлялись въ Москву, подолгу здѣсь проживали, посѣщали русскіе монастыри, бывали на аудіенціяхъ царя и, получивши милостыню, возвращались обратно въ Путивль на казенныхъ же подводахъ⁶⁾. Каждый изъ духовныхъ лицъ являлся въ сопровожденіи свиты, съ „племянниками“, какъ выражаются акты. Названіе это далеко не соответствовало дѣйствительности; свита рѣдко состояла изъ родственниковъ; эти племянники были греческіе купцы, которыхъ брали духовные подъ свое покровительство. Греческимъ купцамъ было выгодно пользоваться этимъ покровительствомъ: изъ Путивля на казенныхъ подводахъ безошлинно они провозили свои товары въ Москву, могли выгодно ихъ продать, купить по дешевымъ цѣнамъ московскихъ

¹⁾ Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII ст. Москва, 1885 г. Стр. 11, 72, 73.

²⁾ Ibid., стр. 95, 96, 97.

³⁾ Ibid., стр. 103, 104.

⁴⁾ Ibid., стр. 105.

⁵⁾ Ibid., стр. 105, 108, 109.

⁶⁾ Ibid., стр. 110.

товаровъ, особенно соболей, свезти ихъ на казенныхъ подводахъ въ Путивль и за границей сбыть по выгодной цѣнѣ. Кромѣ того, какъ племянники, они еще получали и подачку отъ правительства. Конечно, духовные оказывали покровительство не безвозмездно, греческіе купцы должны были дѣлиться съ ними. Нельзя сказать, что это продѣлывали только нѣкоторые¹⁾ изъ греческихъ іерарховъ, пользующихся, такъ сказать, неслестной репутаціей; наоборотъ, это было обычное явленіе, и чѣмъ важнѣе былъ іерархъ, тѣмъ больше была свита, составленная подчасъ изъ разнаго сброда²⁾. Напр. патриархъ Паисій набралъ въ свою свиту гречанъ-купцовъ, и когда путивльскій воевода замѣтилъ, что это купцы, а не слуги патриарха, то Паисій спокойно возразилъ, „что де хотя и были прежде сего торговые люди, только де нынѣ служатъ ему, патриарху“, и купцы были пропущены, какъ слуги патриарха³⁾. Цѣлыми толпами въ продолженіе столѣтія направлялись греки въ Москву съ цѣлью эксплуатаціи ея щедротъ. Москва тратила милліоны на милостыню православному Востоку, не зная въ точности, сколько она расходуетъ на эту благотворительность, и только Петръ Великій первый ввелъ отчетность въ этомъ дѣлѣ, а въ царствованіе Анны Иоанновны, въ 1735 году, введены были палестинскіе штаты⁴⁾. Ранѣе же деньги давались безъ всякаго счета, почти каждому просителю, безъ какихъ бы то ни было доказательствъ, — достаточно было одной просьбы.

Конечно, съ людьми, являвшимися за милостыней, за подачкой, проникають въ Москву и люди полезные, ремесленники; такъ, напр., Петръ Великій во флотѣ многихъ матросовъ набралъ изъ грековъ⁵⁾. Для починки судовъ, стоящихъ въ Сѣчи запорожской, въ 1704 году изъ Москвы былъ присланъ мастеръ каторжнаго (галернаго) дѣла, грекъ Захарій Колуеній⁶⁾. Въ 1739 году изъ Москвы въ Петербургъ было отослано нѣсколько грековъ, какъ хорошихъ скорняковъ⁷⁾.

По вѣдомости 1711 года среди живущихъ въ г. Москвѣ оказались ремесленники-скорняки, портные, золотыхъ дѣлъ мастера, а одинъ варить просяную брагу⁸⁾.

Въ XVI в. пропускались изъ Путивля въ Москву все просители; послѣ Смутной эпохи мы видимъ то же покровительство: съ нихъ не берутъ пошлинъ на мостахъ и рѣкахъ за перевозъ; но уже начинаются стѣсненія: за милостыней разрѣшалось ѣздить въ Москву два раза въ годъ, въ опредѣленные сроки; приѣзжавшіе должны были имѣть рекомендательныя грамоты отъ патриарха и другихъ высшихъ іерарховъ⁹⁾. Въ грамотахъ должно быть точно указано число лицъ свиты. Въ 1648 году Алексѣй Михайловичъ издаетъ указъ, чтобы грековъ-просителей изъ Путивля въ Москву не пропускать до особаго распоряженія; но остановить потокъ просителей

¹⁾ Ibid., стр. 113.

²⁾ Ibid., стр. 117.

³⁾ Ibid., 117.

⁴⁾ Ibid., стр. 122, 123.

⁵⁾ Гл. М. Арх. М. Ин. Д. Дѣла, содержація въ себѣ выѣзды въ Россію разнаго званія иностранныхъ людей. 1600—1765 гг. 1698 г., №№ 41, 50.

⁶⁾ Ibid. Д. Малор., 1704 г., № 41.

⁷⁾ Ibid. Д. Греческія, 1739 г., № 2.

⁸⁾ Ibid. Д. Греческія, 1711 г., № 2, и 1715 г., № 47.

⁹⁾ Каутеревъ, стр. 251.

было не легко, тѣмъ болѣе, что греки пускались на хитрости: поддѣлывали грамоты, пытались подкупать воеводъ и пробирались въ Москву, такъ что указъ 1648 года нужно было повторить въ 1654 году¹⁾. При патриархѣ Никонѣ, почитателѣ гречанъ, этотъ указъ былъ забытъ, но въ 1671 году мы видимъ его возобновленіе²⁾. Правительство московское понимало, что хитрые греки часто обманываютъ его, пользуются его щедротами, злоупотребляютъ оказываемымъ имъ довѣріемъ (многіе изъ нихъ занимались контрабандой, поддѣлкой драгоценныхъ камней и пр.³⁾); поэтому, Ѳеодоръ Алексѣевичъ приказалъ выслать изъ Москвы нѣкоторыхъ грековъ и въѣздъ грекамъ въ Москву совсѣмъ запретилъ.

Но освященныя вѣками связи съ православнымъ Востокомъ не могли порваться сразу, по мановенію указа. Политическія обстоятельства — сношенія съ Турціей, гдѣ греки играли важную роль, какъ шпионы и дипломатическіе агенты, церковныя дѣла — присоединеніе кievской митрополіи, — заставили смягчить строгій указъ и, по просьбѣ патриарха Іоакима, грекамъ въ 1678 году разрѣшенъ былъ свободный въѣздъ по-прежнему⁴⁾. Такимъ образомъ, попытки московскаго правительства пріостановить, порвать сношенія съ греками окончились неудачей.

Итакъ, существовала торная дорога съ православнаго Востока къ Москвѣ. Въ этихъ непрерывныхъ сношеніяхъ Малороссія являлась транзитной страной: греки, отправляясь въ Москву, не могли миновать Путивля, а слѣдовательно, не могли обойти и Малороссіи. Проѣзжая по этой странѣ, „гречане“ — купцы должны были завести торговыя связи. Въ то время, какъ сѣверовосточная Русь собирается подъ главенствомъ Москвы, опустошенная югозападная Русь подпадаетъ подъ власть Литвы, а затѣмъ Польши. Разоренные южные города постепенно поднимаются изъ-подъ пепла, упавшая промышленность и торговля оживляются, Кіевъ становится центромъ этой торговли, которая шла съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ⁵⁾. Въ этой торговлѣ греки играли значительную роль.

Сношенія юго-западной Руси съ греческимъ міромъ должны были поддерживаться и по другому поводу. Связывала ихъ другъ съ другомъ, и притомъ тѣсно, религія. Изъ видовъ политическихъ и государственныхъ Литва и Польша не могли допустить, чтобы ихъ подданные были въ религіозной зависимости отъ митрополита соперничающей имъ Москвы. Поэтому малороссы находятся, въ лицѣ своего митрополита, въ религіозной зависимости отъ константинопольскаго патриарха. Религіозный же вопросъ уже съ конца XV и начала XVI в. начинаетъ пріобрѣтать серьезное значеніе въ исторической жизни юго-западной Руси: съ нимъ тѣсно соединился вопросъ объ удержаніи племенной самобытности, національности.

Греки въ этомъ случаѣ играли важную роль: греческіе патриархи, будучи сами въ тяжкой зависимости отъ турокъ, все-таки стремились укрѣпить духовно-религіозную

¹⁾ Ibid., стр. 264.

²⁾ Ibid., стр. 266.

³⁾ П. С. З. т. II, №№ 659 и 693.

⁴⁾ Каптеревъ, стр. 270.

⁵⁾ Антоновичъ, Монографіи по географіи западной и юго-западной Россіи, т. I, Кіевъ, 1885 г. Jablonowski, Handel Ukrainy w XVI wieku. Ateneum m. II, z II. Mai 1895.

жизнь православныхъ юго-западной Руси, парализуя эгонистическія стремленія высшихъ іерарховъ послѣдней. Они давали, напр., большія привилегіи братствамъ, основаннымъ въ Малороссіи; такъ, Львовское имѣло право наблюдать за поступками даже архіереевъ. Польское правительство, поддерживая церковную унию и находя сильную оппозицію въ братствахъ, запрещало имъ сношенія съ іерархами греческой церкви, особенно съ патриархомъ константинопольскимъ¹⁾. Но пронирыливые и ловкіе греки не знали преградъ: подъ видомъ купцовъ они были и лазутчиками и шпионами, они приносили отъ патриарха совѣты братству и о дѣлахъ братства сообщали патриарху²⁾. Греки же купцы являлись желанными и уважаемыми гостями въ краѣ. Само правительство находило ихъ присутствіе полезнымъ и давало имъ грамоты на свободную торговлю, которая вносила оживленіе въ край. Такъ, въ 1526 году, января 26, константинопольскому купцу, греку Андрею Коркоконделю, была дана окружная королевская грамота, разрѣшавшая ему торговать безпошлинно въ Литовскомъ княжествѣ³⁾. Какъ страна транзитная и богатая естественными произведеніями, Малороссія привлекала къ себѣ грековъ, которые, какъ промышленные и коммерческіе люди, шныряли по ней вдоль и поперекъ; и когда въ Москвѣ они постепенно начинаютъ подвергаться всевозможнымъ стѣсненіямъ, въ Малороссіи попрежнему встрѣчаютъ радушный пріемъ.

Казацкое движеніе при Б. Хмельницкомъ должно было неблагоприятно отразиться на промышленности Малороссіи. „В тотъ часъ не було милосердія межи народомъ людскимъ“, пишетъ Лѣтопись Самовидца, характеризуя положеніе дѣлъ на Украинѣ. „Не тиль жидовъ губили и шляхту, але и посполитимъ людемъ, в тихъ краяхъ живучимъ, тая же бѣда была. Многіе в неволю татарскую поишли, а набарзѣй *ремесники* молодіе, которіе себѣ головы голили пополску, чуприну пускаючи на верхъ головы“⁴⁾. И въ другомъ мѣстѣ: „Такъ же, що живо, поднялося въ козацтво, же заледво знайшоль в якомъ селѣ такого человекъ, жеби не мѣль albo самъ, albo синъ до войска ити; а ежели самъ нездужаль, то слугу паробка посилаць. А иніе, килко ихъ было, всѣ ишли з двора, тилко одного зоставали, же трудно было о наймыта... и присягліе бурмистрове, и райцы свои уряды покидали, и бороди голили, до того войска ишли... Такъ дияволь учинилъ себѣ смѣхъ з людей статечнихъ!“⁵⁾ Нельзя сказать, чтобы эта характеристика представляла собой риторическія фразы. Дѣйствительно, въ 1654 году, при Богданѣ Хмельницкомъ, въ Стародубѣ, одномъ изъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ Малороссіи того времени, не оказалось ни одного мѣщанина, всѣ они оказались. Конечно, такое состояніе края не могло способствовать развитію промышленности въ немъ, что также повело къ упадку торговли. Греки ловко сумѣли воспользоваться этимъ моментомъ для своихъ выгодъ. Греки, знатоки всѣхъ политическихъ обстоятельствъ того времени на югѣ Россіи,

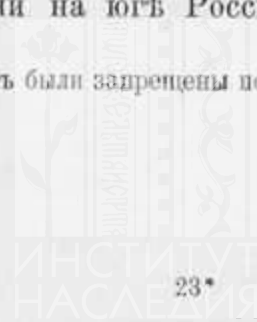
¹⁾ Флеровъ, Церковныя братства, стр. 60. Въ 1602 г. сношенія съ патриархомъ были запрещены подъ страхомъ смерти.

²⁾ Ibid., стр. 60.

³⁾ Акт. зап. и южн. Россіи, т. I, стр. 68, 69.

⁴⁾ Лѣт. Самовидца, Кіевъ, 1878 г., стр. 15.

⁵⁾ Лѣт. Самовидца, стр. 20.

при самомъ началѣ казацкаго движенія своимъ дипломатическимъ умомъ вполне сумѣли оцѣнить всѣ выгоды этого движенія для себя; среди нихъ раньше всѣхъ зарождается мысль подчиненія Малороссіи Москвѣ. И вотъ мы видимъ, митрополиты и вообще греческое духовенство, такъ часто посѣщавшее Москву, начинаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи и въ Москвѣ, при представленіяхъ царю, и на аудіенціяхъ у гетмана, передавая взаимные поклоны отъ одного къ другому¹⁾. Все это приближало грековъ къ гетману, а давнія связи грековъ съ Малороссіей, единство религіозныхъ взглядовъ располагали гетмана къ грекамъ еще болѣе. Въ казацкомъ же движеніи, если и были причинами вопросы чисто соціального и экономическаго характера²⁾, то и религіозный вопросъ игралъ не послѣднюю роль. Такъ, Богданъ Хмельницкій передъ боемъ опоясывается шпагой, освященной константинопольскимъ патриархомъ. Воодушевляя свое войско къ битвѣ, онъ начинаетъ рассказывать объ угнетеніяхъ греческой вѣры со стороны турокъ и вообще иновѣрцевъ³⁾. Поэтому гетманъ съ удовольствіемъ даетъ универсалъ грекамъ, обезпечивающій имъ большія преимущества въ ихъ торговлѣ въ предѣлахъ Малороссіи; къ этому его еще болѣе побуждалъ полный упадокъ промышленности въ своей странѣ; „прихочуючи грековъ-купцовъ, абы в сторону нашу зъ розными товарами прыежджаючи выгодою людямъ были“, читаемъ въ универсалѣ Богдана Хмельницкаго⁴⁾. Привилегіи, данныя грекамъ Богданомъ Хмельницкимъ, предоставляли имъ право самосуда: „але бы, яко звычай есть въ чужихъ краяхъ, сами межи собою в справахъ купецкихъ вшелякие sprawy розсужали и челядь выкрочную судили и подлуг заслуг карали“⁵⁾; ихъ же грековъ, торгующихъ въ Украинѣ, по тому самому универсалу никто не имѣлъ права привлекать къ суду полковничьему, козачьему или городскому — „до права полковницкаго или мѣскаго и пр.“ Универсалъ такой выданъ былъ Богданомъ Хмельницкимъ 2 мая 1657 года. Вести же безмытную торговлю, съ уплатой лишь таможенной пошлины, Богданъ Хмельницкій дозволилъ только грекамъ Павлу и Стефану Юрьевичамъ⁶⁾. Всѣ послѣдующіе гетманы подтверждали своими универсалами торговые преимущества грековъ, при чемъ даже расширили эти привилегіи. Такъ, Выговскій всѣмъ вообще грекамъ позволяетъ вести безмытную торговлю „въ местахъ, местечкахъ и селахъ розными товарами купецкими торговать, еднихъ набывать, а другихъ збывать, такожь и произдѣ волной безмытнѣй и нѣодкого незабороненнѣй“⁷⁾. По этимъ универсаламъ греки имѣли право самосуда и безмытной торговли по всей Малороссіи, уплачивая только таможенные пошлины экзактору и іактору: „отъ сорока соболей — 6 золотыхъ, отъ

¹⁾ Каптеревъ, стр. 252—264. Такъ, напр., іерусалимскій патриархъ сильно хлопочетъ о присоединеніи Малороссіи къ Россіи, дѣйствуя на Богдана Хмельницкаго. Въ такомъ духѣ дѣйствовалъ и патриархъ константинопольскій, передавая посольству Хмельницкаго къ турецкому султану, что гетманъ дѣйствуетъ, какъ Каниъ. Коринескій же митрополитъ Іоасафъ жилъ при Хмельницкомъ и все время хлопоталъ о соединеніи.

²⁾ Лѣт. Самовидца, 3, 4, 5.

³⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 278—290.

⁴⁾ Акты зап. и южн., т. IX, стр. 218.

⁵⁾ Акт. Греч. Нѣж. Братства, стр. 43.

⁶⁾ Унив. 16 іюня 1657 г.

⁷⁾ Акты, стр. 45, унив. 1658 г., 9 февраля.

сорока пупковъ соболихъ — золотыхъ два, отъ сорока куницъ — золотыхъ два, отъ бунта лисицъ — золотыхъ два и отъ иныхъ товаровъ московскихъ изъ ста таларовъ битыхъ по золотыхъ пяти¹⁾; а отъ турецкихъ товаровъ: „отъ едwabговъ, коберцовъ, килимовъ, завоевъ, поясовъ, мусулбесовъ, киндияковъ и иныхъ мелкихъ и разныхъ товаровъ отъ ста таларовъ левковыхъ два битыхъ, а отъ кипы габы по левку²⁾; а за вывозъ золота, серебра, дорогихъ камней и перла должны были платить отъ ста таларовъ по 5 золотыхъ.

Греки въ глазахъ малороссійскихъ правителей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, являлись мучениками, страдальцами за вѣру. Мы уже знаемъ, какъ Богданъ Хмельницкій въ своей рѣчи къ казакамъ указывалъ на бѣдствія греческаго народа подъ властью турокъ³⁾. Лазарь Барановичъ въ своемъ письмѣ отъ 1669 года къ Дорошенку говорить: „подъ туркомъ быть, яко грекомъ тяжко, патриархамъ бѣда, тако и намъ не великая бы отрада есть⁴⁾“. Сами же греки въ то смутное время для Малороссіи являлись очень нужными людьми: подъ видомъ купцовъ они бывали во всѣхъ странахъ Европы и были знакомы со всѣми ея политическими новостями; никто съ такимъ успѣхомъ, какъ греки, не могъ выполнить дипломатическаго порученія⁵⁾. Мнѣніемъ грековъ, какъ людей бывалыхъ, дорожили; такъ, напр., воевода города Нѣжина считаетъ нужнымъ сообщить царю мнѣніе грековъ объ укрѣпленіи Нѣжина, качествѣ пушекъ его⁶⁾.

Поэтому мы видимъ, что преемники Богдана Хмельницкаго продолжаютъ давать грекамъ универсалы, подтверждающіе ихъ права и привилегіи. Такъ, Юрій Хмельницкій разрѣшаетъ грекамъ „своимъ имъ правомъ межи собою судитись⁷⁾“, а въ торгахъ „вольный и безмытный мѣли гандел, новыхъ набываючи, а старыхъ збываючи“. То же самое подтвердилъ своими универсалами гетманъ Брюховецкій (унив. 1665 г., 16 марта и 1666 г., 1 марта) и гетманъ Самойловичъ (унив. 1672 г., 28 іюля). Конечно, малороссійское промышленное населеніе, особенно урядники, недружелюбно смотрѣли на такія преимущества грековъ и, не взирая на обѣщаніе (посулы) гетмановъ о строгомъ каранѣ за неисполненіе гетманскихъ универсаловъ, очень часто притѣсняли грековъ, „причиняя имъ великія кривды и неслухніе поборы вытягая“. Каждому гетману приходилось выдавать универсалы о непритѣсненіи грековъ со стороны урядниковъ, сборщиковъ мыта, вѣсчаго и пр. Такіе универсалы выданы: Выговскимъ 3 мая 1659 года, Брюховецкимъ 16 марта 1665 года и Самойловичемъ 28 іюня 1672 года⁸⁾.

Покровительствуемые властью, греки во второй половинѣ XVII ст. вели довольно значительную торговлю почти во всѣхъ малороссійскихъ городахъ; многіе же изъ нихъ, уходя изъ угнетеннаго мусульманами отечества, поселялись въ Малороссіи на-

¹⁾ Акты Зап. и Южн. Россіи, т. IX, стр. 218.

²⁾ Ibid., т. VIII, стр. 108.

³⁾ Ibid., т. VIII, 258, 259, т. IX, 131, 209—210, 446, 587—588, т. XI, 43, 44, 50, т. XII, 115, 116, 124, 418, 637, т. XIII, 707.

⁴⁾ Ibid., т. XI, стр. 209, 210.

⁵⁾ Акты Греч. Нѣж. Братства, стр. 47.

⁶⁾ Ibid., стр. 48—52.

всегда, имѣя торговыя связи съ Турціей и съ другими странами. Такъ, подъ 1663 годомъ въ Переяславѣ упоминается житель — грекъ Янъ Тамара ¹⁾, подъ 1670 годомъ во Львовѣ — грекъ Кириакъ ²⁾, подъ 1672 г. въ Кіевѣ — грекъ Степанъ Петровъ ³⁾, подъ 1661 г. мы встрѣчаемъ жалобы переяславскихъ поповъ и грековъ о разореніи ихъ царскими ратными людьми ⁴⁾; въ 1665 г. Гамалію былъ данъ дворъ грека Мануила, находящійся въ Лохвицѣ, со всѣмъ строеніемъ и съ хуторомъ ⁵⁾. Все это, какъ видно изъ документовъ, народъ коммерческій, ведетъ значительную торговлю за границей, посылая туда своихъ приказчиковъ; напр. приказчикъ Яна Тамары выкупаетъ въ Константинополѣ плѣннаго рейтара Петра Аѳанасьева за 400 золотыхъ таляровъ. Въ городѣ же Нѣжинѣ греки успѣли выработать особое братство, пользовавшееся въ продолженіе долгаго періода особыми правами и преимуществами. Городъ Нѣжинъ, до присоединенія Малороссіи къ Россіи, находясь на границѣ трехъ смежныхъ государствъ — Крыма, Польши и Россіи, имѣлъ не только стратегическое значеніе, но представлялъ собою важный торговый пунктъ. На это еще въ началѣ XVII ст. обращено было вниманіе Польскаго королевства; такъ, въ 1625 г. королемъ Сигизмундомъ ему дано было Магдебургское право. По присоединеніи же Малороссіи къ Россіи значеніе Нѣжина не только не падаетъ, но, наоборотъ, возвышается: онъ становится главнымъ мѣстомъ управленія особаго „нѣжинскаго всего сѣвера“ полка, одного изъ самыхъ большихъ во всей Малороссіи ⁶⁾. Сосредоточеніе администраціи, конечно, должно было содѣйствовать, въ свою очередь, вообще возвышенію города ⁷⁾. Грекамъ, какъ уже было раньше упомянуто, дозволено было являться въ Москву не иначе, какъ только черезъ Путивль, путь къ которому долженъ проходить недалеко отъ Нѣжина, почему греки, по дорогѣ въ Путивль, очень часто могли посѣщать Нѣжинъ съ торговыми и другими цѣлями. Извѣстно, что Нѣжинъ потомъ и въ XVIII вѣкѣ стоялъ „на большой изъ Кіева къ Москвѣ дорогѣ“ ⁸⁾. Возвышеніе города, конечно, благопріятствовало и торговымъ предпріятіямъ, такъ что Нѣжинъ вполнѣ могъ замѣнить собою Кіевъ, на который обыкновенно направлялись греческіе караваны и который стоялъ въ центрѣ малорусской торговли до возстанія. Къ этому присоединилось еще и то, что Кіевъ въ это тяжелое время, т.-е. во второй половинѣ XVII столѣтія, не представлялъ изъ себя безопаснаго пункта, какимъ становился очутившійся внутри страны Нѣжинъ; Кіевъ въ это время часто подвергается нападеніямъ и поляковъ и татаръ ⁹⁾. Эти нападенія сильно разорили городъ, особенно Подоль, „который отъ частыхъ опустошеній около 1670 г. обратился въ бѣдное, почти безлюдное селеніе съ опустѣлыми общественными и частными

¹⁾ Акты зап. и южн. Россіи, т. V, стр. 186.

²⁾ Ibid., т. XII, стр. 148.

³⁾ Ibid., т. XI, стр. 43, 44.

⁴⁾ Ibid., т. VII, стр. 331.

⁵⁾ Ibid, т. VI, стр. 22.

⁶⁾ Городскія поселенія Россійск. Имперіи, т. V, ч. 2-я. С.-Пб. 65. Стр. 328.

⁷⁾ Лазаревскій. Описаніе Старой Малороссіи, т. II. Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г. Стр. 51—55.

⁸⁾ Кіевск. Центр. Арх. X. И. Арх. Д. М. К., № 5708.

⁹⁾ Шляпкинъ, Св. Дмитрій Ростовскій и его время. С.-Пб. 1891 г. Стр. 4 и 31.

строениями“¹⁾. Кроме того, вопрос о Кіевѣ долгое время оставался спорнымъ: останется ли онъ въ рукахъ Польши или перейдетъ въ руки Москвы. Всѣ стремленія московской политики были направлены къ приобрѣтенію Кіева, который Польша всѣми силами старалась удержать въ своихъ рукахъ²⁾. Слѣдовательно, устраиваться въ Кіевѣ коммерческимъ грекамъ, льнувшимъ къ единовѣрной Москвѣ, не было никакого расчета. И дѣйствительно, кіевскій воевода Шереметьевъ въ своихъ отпискахъ въ Москву отъ 1667 года упоминаетъ, что давно уже торговые люди — гречане и волохи — не ѣздятъ мимо Кіева³⁾. Что же касается позднѣйшаго времени, т.-е. 80-хъ и 90-хъ годовъ XVII ст., то греки, главнымъ образомъ, направляются въ Нѣжинъ и живутъ здѣсь⁴⁾. Трудно указать годъ поселенія грековъ въ Нѣжинѣ, да и врядъ ли это возможно: совершалось это поселеніе, по всей вѣроятности, исподволь; мы можемъ засвидѣтельствовать только тотъ фактъ, что въ 1675 г. число поселившихся въ Нѣжинѣ грековъ было достаточно: такъ, выдавая въ этомъ году грекамъ универсалъ, подтверждающій имъ льготы, Самойловичъ имѣетъ въ виду преимущественно грековъ нѣжинскихъ, и универсалъ предлагается вниманію, главнымъ образомъ, нѣжинскаго магистрата⁵⁾. Года черезъ три послѣ этого, именно въ 1678 году, въ Малороссію явился изъ деревни Ангелокастропа (изъ епархіи Навпакты и Арты) греческій священникъ Христодуль, онъ же и Христофоръ⁶⁾. Прибыль онъ въ Нѣжинъ, гдѣ по просьбѣ грековъ сдѣлался ихъ духовникомъ, ибо „греческіе люди, какъ потомъ въ 1680 г. писалъ въ своей грамотѣ Лазарь Барановичъ⁷⁾, въ мѣстѣ Нѣжинѣ найдующыеси, неразумѣючи Руского набоженства, и яко несвѣдомыи языка нашего, не могучи нашимъ священникомъ выразне исповѣдати грѣхи свои“. По протекціи тѣхъ же грековъ Христодуль былъ приглашенъ русскими прихожанами въ качествѣ священника въ соборную нѣжинскую церковь св. Николая. Священникомъ въ этой церкви онъ пробылъ недолго; уже въ 1680 году Христодуль хлопочетъ объ устройствѣ въ Нѣжинѣ особой греческой церкви⁸⁾. Между прихожанами и священниками церкви св. Николая произошелъ какой-то разладъ, о которомъ описавшій возникновеніе греческаго братства говоритъ глухо и вскользь. Чужеземецъ, незнакомый съ обычаями страны, Христодуль врядъ ли могъ чувствовать себя независимымъ; съ другой стороны, по особой манерѣ богослуженія⁹⁾, онъ, пожалуй, и не могъ пользоваться особыми симпатіями своихъ прихожанъ малороссіянъ. Играть видную роль въ соборѣ онъ врядъ ли поэтому былъ въ состояніи, а довольствоваться скромной энергичный Христодуль, должно-быть, не соглашался. Конечно, описавшій

¹⁾ Городскія поселенія Росс. Имперіи. Т. II, стр. 400.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи. Кн. III, стр. 171—183, 186, 187, 387, 511, 984—986.

³⁾ Акты зап. и южн. Рос. Т. VI, стр. 211.

⁴⁾ Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д., Д. Греч. 7190 г. № 4 (1682 г.); 7199 г. № 28 (1691 г.); 7206 г. № 13 (1698 г.); 7200 г. № 13 (1692 г.); 7202 г. № 11 (1694 г.), № 3, № 5 № 6; 7204 г. № 13 (1696 г.).

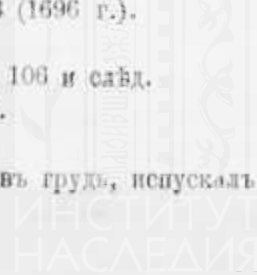
⁵⁾ Проф. Оедотовъ-Чеховскій, Акты Греч. Нѣж. братства, стр. 53.

⁶⁾ Труды Кіевской духовной академіи 1885 г., № 9 и слѣд. Въ приложеніи стр. 106 и слѣд.

⁷⁾ Проф. Оедотовъ-Чеховскій, Акты Греч. Нѣж. Братства. Кіевъ, 84 г., стр. 6.

⁸⁾ Ibid.

⁹⁾ Его жизнеописатель говоритъ, что во время богослуженія онъ ударялъ себя въ грудь, испускалъ потоки слезъ и т. д. Труды Кіевск. дух. акад., 85 г., стр. 111.

возникновеніе братства, облекши Христодула въ ореоль святости, объяснилъ этотъ разладъ вмѣшательствомъ врага истины и ненавистника добра — дьявола, который хотѣлъ повредить Христодулу ¹⁾). Недовольный своимъ положеніемъ, Христодуль начинаетъ хлопотать со своими единоплеменниками о постройкѣ особой греческой церкви. Конечно, грекамъ, торгующимъ въ Малороссіи, часто посѣщающимъ ее, а нѣкоторымъ и живущимъ въ ней, предложеніе Христодула было заманчиво. Но осуществить идею постройки церкви своими средствами греки, какъ оказалось потомъ, были пока не въ состояніи. Здѣсь-то и выступаетъ на сцену этотъ недюжинный человѣкъ съ громаднымъ запасомъ энергій. Христодулу, какъ инициатору, нѣжинскіе греки поручаютъ постройку церкви, вручивъ ему для этого 4000 золотыхъ. Самолучно и при помощи нѣкоторыхъ богатыхъ грековъ-купцовъ Христодуль получаетъ разрѣшеніе какъ духовной, такъ и свѣтской власти на постройку. Вѣроятно, хлопоча объ этомъ же, онъ побывалъ два раза въ Москвѣ. Когда деньги, полученныя Христодуломъ, вышли, мы видимъ его хлопочущимъ о разрѣшеніи собирать на построеніе церкви по всей Малороссіи ²⁾). Благодаря энергій Христодула постройка благополучно доведена до конца. 15 лѣтъ Христодуль священнодѣйствовалъ въ храмѣ, созданномъ его трудами и неусыпной энергіей. Но эти труды и хлопоты изнурили его; самъ Христодуль чувствовалъ, что онъ становится слабъ. Не разъ его занимала мысль, что будетъ послѣ его смерти съ храмомъ — его милымъ дѣтищемъ. Съ ужасомъ отгонялъ онъ мысль о возможности его запустѣнія; и вотъ онъ старается интересы греческихъ нѣжинскихъ купцовъ связать съ интересами церкви, для чего предлагаетъ грекамъ основать ставропигію, или братство. Греки съ удовольствіемъ согласились на предложеніе Христодула. Братство, какъ промышленная, національная и религіозная ассоціація, было вполнѣ подходящимъ учрежденіемъ для вновь возникающей греческой общины. Если вначалѣ „фундаторъ братства“, какъ мы видѣли, и не преслѣдовалъ чисто коммерческихъ цѣлей, то само теченіе жизни заставляло грековъ считаться съ ними. Всѣ члены греческаго братства были всегда очень отзывчивы на защиту своихъ коммерческихъ интересовъ противъ нарушенія ихъ со стороны правительства или туземнаго населенія. Въ самой же общинѣ очень рѣдко царило любовное и согласное управленіе братскими дѣлами; братство же, если и представляло изъ себя что-нибудь цѣльное, то это тѣсно сплоченную промышленную ассоціацію, которая и держалась благодаря этимъ торговымъ интересамъ. Дѣйствительно, въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., когда на югѣ Россіи возникли новые торговые центры — Одесса и др., значеніе греческаго братства начинаетъ падать, и если послѣднее продолжаетъ свое существованіе, то какъ тѣнь минувшей славы. Съ этой стороны нѣжинское братство, какъ намъ кажется, и представляетъ одно изъ интересныхъ учреждений въ областной исторіи нашей малорусской старины ³⁾). Хотя,

¹⁾ Труды Кіевской дух. акад., 85 г., стр. 111 и 112.

²⁾ Лазарь Барановичъ разрѣшилъ своимъ листомъ отъ 1684 г., мая 10 дня, двумъ посланнымъ отъ Христодула собирать на окончаніе постройки церкви и для уплаты долговъ, которые явились у Христодула при возведеніи храма. Проф. Оед.-Чех., стр. 8, 9.

³⁾ См. небольшую замѣтку Сторожевскаго „Нѣжинскіе греки“ (Кіевъ, 1863 г.), гдѣ рельефно обрисовано внутреннее состояніе греческой общины половины XIX ст.

конечно, говоря это, мы не думаемъ отказать греческому братству въ извѣстной долѣ культурнаго вліянія на Малороссію: мы были бы несправедливы. Въ греческомъ братствѣ въ XVII и XVIII вв. находили себѣ пріютъ многія высокія особы изъ греческаго духовенства, напр. митрополиты и др.; въ Нѣжинѣ въ концѣ XVIII в. изъ харьковскаго коллегіума, такъ сказать, университета южной Украины того времени, отпращивали молодыхъ людей для спеціальнаго изученія греческаго языка, преимущественно ново-греческаго ¹⁾. Изъ греческихъ купцовъ многіе извѣстны были, какъ меценаты; такъ, напр., пять братьевъ Зосимъ. Приобрѣтя торговлей огромныя матеріальныя средства, они употребили ихъ на греческія изданія древнихъ авторовъ, отцовъ церкви, катихизисовъ, словарей, учебниковъ математики и физики, началъ логики и философіи; издали на свой счетъ труды извѣстныхъ ученыхъ грековъ XVIII столѣтія: Евгенія Булгариса и Никифора Θεοτοκиса ²⁾, чѣмъ способствовали распространенію образованности среди греческаго народа. А насколько важной для греческаго міра являлась такая дѣятельность, можетъ показать слѣдующее. Когда въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія до патріарха константинопольскаго дошелъ слухъ о томъ, что кievскій митрополитъ думаетъ завести въ Кіевѣ типографію, въ которой будутъ печататься книги на греческомъ и другихъ языкахъ, то патріархъ писалъ митрополиту (7 мая 1754 г.): „мы обрадовались попремногу надѣющеся, яко имѣются нѣкіе на еллинскомъ языкѣ книги нужни, даби ихъ предать печати ради пользы и укрѣпленія нашей православной вѣри, какіе книги, ежели средство получимъ, къ Вамъ прислати имѣемъ, какъ то и теперь двѣ маліе книжки имѣются готови“ ³⁾. При этомъ нужно сказать, что греки, поселяясь въ Нѣжинѣ, въ продолженіе долгаго періода не прерывали связей со своей далекой родиной. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ, изъ накопленныхъ на чужбинѣ богатствъ, они всегда удѣляли малую толику на гробъ Господень, на греческіе извѣстные монастыри, на церкви своей родины и ея причта, чѣмъ, конечно, поддерживали матеріальное благосостояніе угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова, чѣмъ, если и не прямо, то косвенно содѣйствовали возрожденію своей націи.

Въ своемъ завѣщаніи 1735 г., 20 февраля, грекъ Марко Іововъ Харцизь распоряжался такъ своими богатствами: „напомяніемъ я оставляю до отдачи близъ смерти своей изъ своего имѣнія, же миѣ дароваль всебогатій Богъ отъ моего труда и поту, и сіе мое послѣднее родѣніе по хотѣнію моему безъ всякаго насилія и принужденія якого оставляю на святой гробъ талярей 200, и въ Константинополь до скринки кушнѣрской талярей сто, и до свят. Гордовскаго монастыря по 10 талярей и на Синайскіе горы талярей пятьдесятъ; оставляю на монастырь, прозиваемый Рыль, который есть въ Кумелѣ, талярей 50, оставляю на церковъ братерскую въ Нѣжинѣ для поминанія моего рублей 100, и сколько церковъ имѣется въ Нѣжинѣ, оставляю по 4 руб. на сорокоусть и монастырь, который имѣется въ Нѣжинѣ, оста-

¹⁾ Лебедевъ, А. Ст. Харьковский Коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины до учрежденія въ Харьковѣ университета. М. 1886 г., стр. 17.

²⁾ Москвитянинъ 1844 г., № 2, стр. 350—351.

³⁾ Г. М. Арх. М. И. Д. Дѣла Малоросс., 1755 г., № 3.

вляю рублей 20 на поминаніе мое, оставляю и на монастырь Дупницу руб. 20 на поминаніе мое, оставляю у отчизну мою на два монастыри, которіе находятся в епархіи Софійской близъ села Железна еденъ Архангела Михаила, а другой не упомяну именемъ, только оставляю на два монастыря, до каждого по талярей 100, оставляю одному іеромонаху же zostаву (?) у митрополи, імя ему поп Парфеній, который есть маляръ, оставляю ему талярей 100, который в Букарештахъ и тотъ дабы былъ опекуномъ давать денги тіе же оставилъ на монастыри у отчизну мою, оставляю еще на одну церковь до Св. Николая въ Букурештахъ, же вѣдое отецъ Парфеній на тотъ бокъ води дубовици близъ Столнина Константина оставляю талярей 50¹⁾.

Въ 1730 году, 2 апрѣля, Павелъ Бадуль Николаевъ, имѣющій въ городѣ Нѣжинѣ три дома и четыре каморы, слѣдовательно, вполне поселившійся въ этомъ городѣ, завѣщаль въ своей духовной: „легу до Божого гробу талярей пятьдесятъ, въ Синайскіи гори талярей пятьдесятъ, въ Святые гори талярей пятьдесятъ, дабы раздѣлили по монастырахъ всѣхъ тамо; въ Румелѣ въ монастырь Стазуль талярей тридцать, в скринку Кушнѣрскую в Константиноградъ легу талярей пятьдесятъ, въ Тригровисти церковь, которая есть на нашей улицѣ, дабы дали талярей пятьдесятъ, тютки моей Химѣ в Букурештахъ дабы дали талярей сорокъ“...²⁾

Грекъ Николай Дели Алексѣевъ въ своемъ завѣщаніи 1750 года, 19 октября: „...на Святой гробъ, чтобъ вписали імя мое и родителей моихъ 20 рублей, на Синайскую гору уписать імя мое и родителей моихъ рублей двадцать, въ отчизну мою, въ Іоаннинахъ, оставляю рублей сто, принять матерѣ моей и отдать на монастырѣ и на церкви, чтобъ отправили за мене по одному сорокоусту... (пропускаемъ текстъ, относящійся къ вопросамъ, не интересующимъ насъ)... оставляю матерѣ моей совокупно з братіями моими талярей шестсотъ и да мя простятъ, оставляю брату моему двоюродному Христодулу Николаеву триста рублей от наслѣдія дядѣ нашего Діамандія и матерѣ его, а моей тетки, рублей сто отъ наслѣдія дядѣ моего Діамандія, которого Христодула двоюродного моего брата оставляю его опекуномъ, чтобъ поехалъ изслѣдоват и принять имѣніе, гдѣ находится въ Полцѣ покойного дѣдѣ нашего Діамандія и получа тое, чинил би завѣтъ его явствуетъ; оставляю черницямъ свойственницамъ моимъ въ Іоаннинѣ рублей сто, чтобъ отправили за мене обичайнія поминанія по чину отчизни моей, оставляю тютки моей Еленѣ рублей двадцат четыре, брату моему двоюродному Павлу Миліоту рублей тридцать, сестрамъ моимъ двоюроднымъ безбрачнымъ Ставродзуровимъ рублей двадцать, Яну Ставродзуру рублей десять, тютки моей (імя не разобрано)... рублей дванадцать“...³⁾

Итакъ, греками рѣшено было основать ставропигіальное братство. Инициаторъ этого дѣла Христодулъ составилъ уставъ братства. Въ этомъ уставѣ главное вниманіе обращено на обязанности каждаго изъ членовъ братства въ отношеніи въ греческой церкви и ея причту, а также порядокъ выборовъ и обязанности выборныхъ.

¹⁾ X. И. А. Д. М. Кол. № 4882.

²⁾ Ibid. № 3315.

³⁾ Ibid. № 12731.

Получить разрѣшеніе на устройство братства грекамъ было легко. Константинопольскій патріархъ еще въ 1680 г. своей грамотой утверждалъ за греческой церковью въ Нѣжинѣ ставропигію, грозя проклятіемъ каждому нарушителю свободы ея¹⁾.

Духовная малороссійская власть, особенно высшая, всегда симпатично относившаяся къ греческому духовенству, была согласна разрѣшить грекамъ устройство братства. Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, видя „сицевое богоугодное братолюбіа церковного желаніе молитвенное... братство ихъ духовное содержать при Церкви ихъ Греческой обоей Нѣжинской, не ради временного ихъ прибытка, но ради стяжанія вѣчнаго спасенія“, благословлялъ открытіе онаго²⁾.

Свѣтская малороссійская власть безъ малѣйшаго колебанія утвердила устройство братства: братства были такимъ зауряднымъ явленіемъ въ Малороссіи; при этомъ надо имѣть въ виду традиціи отношеній малороссійскихъ гетмановъ къ греческимъ купцамъ, а также и личный характеръ правившаго въ то время гетмана; извѣстно, что Мазепа отличался благочестіемъ и набожностью³⁾. И послѣ грамоты константинопольскаго патріарха и митрополита Ясинскаго набожному гетману только и оставалось вновь основанное братство „особливою своею гетманскою укрыть обороною“⁴⁾. Гетманъ, дѣйствительно, и въ послѣдующее время не забывалъ греческой нѣжинской церкви, и, какъ знакъ его вниманія къ ней, мы имѣемъ Евангеліе на арабскомъ языкѣ, подаренное ей гетманомъ въ 1708 г.⁵⁾. А вмѣстѣ съ этимъ гетманъ благоволилъ и къ самому братству, надѣляя его вольностями⁶⁾.

Черезъ годъ послѣ устройства братства успокоенный „папа“ Христодуль скончался (1697 г., мая 19 дня). Слѣдующій послѣ Мазепы гетманъ Скоропадскій универсаломъ отъ 17 окт. 1709 г. подтвердилъ грекамъ всѣ права и преимущества, которыя они имѣли и ранѣе, отъ прежнихъ гетмановъ⁷⁾. Своимъ универсаломъ онъ ихъ освободилъ отъ постоянной повинности, отъ дачи подводъ, оставивши имъ, конечно, при этомъ право самосуда. А высшая духовная власть продолжала освобождать греческое духовенство и церковь отъ зависимости отъ нѣжинскаго протопопа, подчиняя это братство своему авторитету⁸⁾, при чемъ зависимость братства отъ кievской митрополитанской каѳедры выражалась не въ денежной дачѣ, а какъ рочная, такъ и квитовая дань состояла въ двухъ камняхъ воску и камнѣ ладону, привозимыхъ каѳедральной церкви митрополита.

Итакъ, какъ свѣтская, такъ и духовная высшія власти, надѣливъ всѣми правами и привилегіями греческое нѣжинское братство, санкціонировали его существо-

¹⁾ Акты Греч. Нѣжинск. Братства, стр. 1—4.

²⁾ Проф. Оедотовъ-Чеховскій, Акты Греч. Нѣж. Братства, стр. 14.

³⁾ Шляккинъ, Св. Дмитрій Ростовскій и его время. С.-Пб. 1891 г., стр. 49—51, и „Кіевская Старина“ 1896 г.

⁴⁾ Проф. Оедотовъ-Чеховскій, *ibid.*, стр. 56.

⁵⁾ Труды Кіевск. Дух. Академіи. 1885 г., № 3, приложение, стр. 10.

⁶⁾ Проф. Оедотовъ-Чеховскій, *ibid.*, стр. 55—57.

⁷⁾ Харьк. истор. архивъ, № 3110. Бантышъ-Каменскій, Источн. Малор. Ист. М. 1859 г. Ч. II, стр. 236—237 и „Акты“ проф. Оед.-Чех., стр. 61—62.

⁸⁾ Акты Нѣж. греч. братства. Патентъ Юасафа Краковскаго, митрополита Кіевскаго, отъ 1714 г., 25 окт., стр. 19—20.

ваніе. Но, несмотря на универсаль Скоропадскаго, нѣжинскій магистратъ, имѣя царскую грамоту отъ 1698 года, въ которой сказано, что „купци чужоземскіе греческіе и иніе, которіе домами своими въ Нѣжинѣ жувуть и подварками или какими ни есть грунтами владѣють, въ тягостяхъ и повинностяхъ общемѣщанскихъ повинни быть помочни“¹⁾, требовалъ отъ греческихъ купцовъ исполненія мѣщанскихъ обязанностей²⁾. Поэтому греки начинаютъ хлопотать о царской грамотѣ, которая бы защитила ихъ отъ притязаній магистрата. Въ 1710 году, 3 февраля, греки обратились къ Петру I съ просьбой, гдѣ излагають, что „жили мы, греки — женатые и не женатые, въ Нѣжинѣ своими и наемными домами до измѣны богооступника Мазепы безъ всякихъ налоговъ и запросовъ, которые универсалы подтвердилъ было и нынѣшній гетманъ, подданный Вашего Величества, Иванъ Ильичъ Скоропадскій; однакожь, не имѣя себѣ воборону мы убогіе особливою Вашего Величества жалованной грамоты, оныхъ универсаловъ гетманскихъ тамошніе начальствующіе не слушаютъ и утѣсняютъ насъ странныхъ немалыми налогами“. Поэтому они, греки, иного покрову не имѣя, а имѣя твердую надежду и упованіе на Его Царское Пресвѣтлое Величество, единого христіанскаго императора, просятъ пожаловать ихъ милостивѣйшею царскою жалованною грамотой. Греки, живущіе въ Нѣжинѣ, были народъ промышленный, а-пріѣзжающіе туда были почти исключительно купцы³⁾. Извѣстно же, какъ Петръ Великій заботился о поднятіи торговли и промышленности русскаго государства. „Свободная торговля и искусное рукодѣліе“, по его словамъ, „составляютъ изобиліе и силу государства“⁴⁾. Поэтому прошеніе греческихъ купцовъ, ведущихъ значительную торговлю, должно было имѣть успѣхъ. Къ этому еще нужно присоединить и тотъ фактъ, что просьба была подана греками въ то время, когда Петръ велъ дѣятельныя сношенія съ православными христіанами Балканскаго полуострова и всячески имъ покровительствовалъ. Не даромъ греки писали: „имѣя твердую надежду и упованіе, Ваше Царское Пресвѣтлое Величество, *единого* христіанскаго императора“. Дѣйствительно, 11 марта 1710 года они получили грамоту, подтверждающую ихъ привилегіи⁵⁾. Надо замѣтить, такая грамота, выданная во время Петра Великаго, не является единичной. Грамоты, освобождающія торгующихъ грековъ отъ разныхъ повинностей, выдавались Петромъ еще раньше. Въ 1705 году, 27 апрѣля, была выдана грамота греку капитану Параскевѣ „за его службы“; грамотой этой разрѣшался Параскевѣ и его наслѣдникамъ вольный торгъ съ освобожденіемъ ихъ двора отъ постоевъ и отъ взиманія подводъ. На основаніи этого дворъ внучки Параскевы въ 1773 году освобожденъ былъ отъ постоя⁶⁾.

Другую грамоту о свободной торговлѣ Петръ выдалъ греку Левандіану 11 марта 1710 г. за то, что онъ отыскалъ въ Нерчинскѣ серебряную руду⁷⁾. Грамота Петра

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6895, и т. XI, № 8679.

²⁾ Бантышъ-Каменскій. Ч. II, стр. 259—261.

³⁾ Гл. Моск. Архивъ М. Иностр. Дѣль. Дѣла Мал 1710 г № 24.

⁴⁾ Семеновъ, Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшн. торговлѣ и промышл. съ половины XVII ст. по 1858 годъ. Ч. I. С.-Пб. 1859 г.

⁵⁾ Бантышъ-Каменскій, *ibid.*, стр. 260—262. Х. II. Ар. Д. М. К. № 14041.

⁶⁾ Харьк. историч. архивъ. Д. М. К. № 14305.

⁷⁾ П. С. З., т. IV, № 2259.

Великаго, выданная грекамъ на основаніи универсала Скоропадскаго, подтверждавала всѣ привилегіи, которыми надѣлены были греки въ гетманскихъ универсалахъ. Грамота эта освобождала греческую нѣжинскую церковь отъ зависимости отъ мѣстной духовной власти, грекамъ разрѣшался вольный пріѣздъ въ Нѣжинъ и отъѣздъ изъ него съ товарами, дворы грековъ освобождались отъ взиманія подводъ и отъ постоевъ¹⁾.

Грамота Петра Великаго, безъ сомнѣнія, должна была еще тверже и прочнѣе установить существованіе Нѣжинскаго братства. Реформы Петра Великаго, его идеи не умерли съ нимъ: онѣ пережили его почти на цѣлый вѣкъ. Поэтому и привилегіи, данныя имъ греческому Нѣжинскому братству, свято хранились слѣдующими государями и подтверждались ихъ грамотами. Мѣстная малороссійская власть не уменьшала, а, наоборотъ, расширяла вольности братства. Избранный въ гетманы Данилъ Апостоль своимъ универсаломъ отъ 10 января 1728 г. права и вольности грековъ „при нихъ ненарушно заховаль“²⁾, признавши своимъ авторитетомъ существованіе братства и независимость греческой нѣжинской церкви отъ мѣстнаго духовенства.

Греки порой бывали очень нужны какъ малороссійской старшинѣ, такъ и самому ясновельможному гетману. Въ 1728 г. гетманъ съ генеральной старшиной, полковниками и бунчуковыми товарищами былъ въ Москвѣ на коронаціи Петра II³⁾. Малороссійская старшина сильно издержалась и должна была занять на разные расходы. На чужбинѣ это не такъ-то легко было сдѣлать, и вотъ здѣсь на помощь явился нѣжинскій житель, грекъ Самуиль, сынъ Ѳеодоровъ. За подписью полковниковъ и всей старшины 13 іюля 1728 г. у грека были взяты 909 червонныхъ и 20 коп., каждый червонный цѣною по 2 руб. 20 коп. Деньги эти были израсходованы слѣдующимъ образомъ:

За „габинетъ“ серебряный, вѣсомъ 21 фунтъ 72 золотника (по 33 руб. фунтъ), заплачено 717 руб. 75 коп.; этотъ габинетъ по указу гетмана и по приговору полковниковъ и другихъ старшинъ былъ отданъ въ Москвѣ князю Василию Лукичу Долгорукому. За серебряную большую чашу, вѣсомъ 21 фунтъ (по 9 руб. фунтъ), дано было 399 руб.; чаша потомъ находилась въ рейментарскомъ домѣ.

За серебряную „скринку“, въ серединѣ вызолоченную, въ 18 фунтовъ (по 23 руб. за фунтъ), заплачено 414 руб.; скринка эта была отдана въ Москвѣ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому⁴⁾. Когда были принесены гетману жалованная грамота и соболья шуба, а полковникамъ и прочимъ, отпускаемымъ съ гетманомъ въ Малороссію, жалованье, то ассессору Семену Ивановичу дано было 50 червонныхъ, расходчику Арбаневу 15 и находящимся при нихъ подьячимъ и прочей свитѣ 8 червонныхъ. При отпускѣ гетмана секретарь Иванъ Тимофеевичъ принесъ ему жалованье, за что получилъ 10 червонныхъ, сопровождавшимъ секретаря подьячимъ и солдатамъ дано 5 червонныхъ. Всего было роздано 88 червонныхъ, или 193 руб. 60 коп. За подводу подъ вышеупомянутое оставшееся серебро, которое изъ Москвы было доста-

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 2260.

²⁾ Проф. Ѳеодотовъ-Чеховскій, *ibid.*, стр. 64—66.

³⁾ Маркевичъ, *Исторія Малороссіи*. Т. II, стр. 596.

⁴⁾ И тотъ и другой были въ это время въ „рѣшительномъ фаворѣ“ у императора. Соловьевъ, *Исторія Россіи*. Книга четвертая, т. XVI—XX, стр. 1073.

влено въ Глуховъ, заплачено было 8 руб. Уплата этой суммы возложена была на малороссійскіе полки въ такомъ размѣрѣ: Полтавскій полкъ долженъ былъ уплатить 350 руб., Кіевскій—100 руб., Прилуцкій—300 руб., Лубенскій—250 руб., Черниговскій—250 руб., Стародубовскій—250 руб., Нѣжинскій—150 руб. и Переяславскій—131 руб. ¹⁾).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ гетманъ со многими изъ старшинъ возвратился въ Малороссію ²⁾. Въ Москвѣ же сынъ гетмана Петръ попрежнему остался, съ нѣкоторыми другими старшинами, въ качествѣ заложника ³⁾. Оставшіеся имѣли частыя сношенія съ гетманомъ. Старикъ-гетманъ скучалъ по сынѣ и хлопоталъ объ его отпускѣ домой; въ февралѣ 1729 года были получены отъ посланныхъ въ Москву вѣсти; то и другое заставляло гетмана писать въ Москву. Какъ въ XVII вѣкѣ, такъ и теперь греки играли роль агентовъ, передавая письма. Воспользовавшись тѣмъ, что нѣжинскіе греки Николай Бошнякъ и Самойло Ѳедоровъ отправляются въ Москву, гетманъ шлетъ съ ними письма къ сыну, къ посланнымъ и благодарственныя къ власти имущимъ за ихъ милости къ сыну его ⁴⁾.

Съ греками же Апостоль посылалъ письма къ гр. Головкину и барону Остерману объ отпускѣ его сына изъ Москвы въ Малороссію ⁵⁾.

¹⁾ Харьк. Истор. Арх., Д. М. К. № 2248.

²⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стр. 598, и Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Москва. 1847 г. Кн. V, стр. 124.

³⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стр. 595, и Соловьевъ, Исторія Россіи.

⁴⁾ „Милій нашъ сину пане Петро! Листи наши противъ термѣнъ намъ отъ вашей милости присланныхъ писаніе до ихъ сіятельствъ графа Гаврила Ивановича Головкина и барона Андрея Ивановича Остермана объ отпуску вашей милости зъ Москви къ намъ въ Малую Россію такъ же за панами Тернавскимъ и Корецкимъ и особливій листъ къ канцеляріи (?) совѣтнику Господину Курбатову благодарствуючи за прибавку вашей милости государевого жалованья, посадаю до рукъ вашихъ милостинныхъ, которіе листи мѣешъ ваша милость ихъ сіятельству вручить; что по тому будетъ чинено, о томъ бы ваша милость насъ увѣдомилъ, жадаемъ и при томъ наше родительское вамъ засилаемъ благословеніе. зъ Глухова Февруаріи 17 дня 1729 году“. (Харьк. Истор. Арх., № 20810).

Въ благодарность за хлопоты гетманъ писалъ Курбатову: „При начатіи наступающаго посту святія чотиредесятниці поздравляю онимъ благородіе ваше и желаю сіе великопостное теченіе зъ приобрѣтеніемъ душевной ползи препроводивши свѣтлий воскресенія Христова праздникъ радостно съ домашними вашими праздновать; при семъ заявленную отъ вашего благородія къ синовѣ моему Петру милость, которою онъ чрезъ листъ свой до мене писанній хвалится, что ходатайствомъ вашего благородія удостоился получить прибавку въ опредѣленномъ ему Его Императорского Величества жалованѣ, попремному вашему благородію благодарствую, а и впредъ о непремѣннелную вашего благородія къ оному синовѣ моему милость прошу покорне, за что такъ я, яко и овий синъ мой, вашему благородію благодарить не престанемъ, в такой облѣгаціи и остаюсь вашему благородію.... Февр. 17 д. 1729“. (Харьк. Истор. Арх., № 20810).

⁵⁾ Къ гр. Г. И. Головкину писалъ: „Надѣючися я на высокую вашего графского сіятельства милость, что сынъ мой Петр оставшиися въ Москвѣ будетъ и безъ моего стужательства по, одному толку вашего графского сіятельства благоусмотренію отпущенъ въ Малую Россію, доселе не утруждалъ вашего графского сіятельства о томъ прошеніемъ моимъ, а понеже чрезъ килка годъ уже оногo сына моего мешкане тамъ продолжается доннѣ и чрезъ такъ долгое время домашніи мои не видя суть в безпрестанной печали и неутолимомъ сѣтованіи, к тому же и я, будучи при старости лѣтъ моихъ, намѣренъ за живота своего въ домъ моемъ якое ни есть распредѣленіе здѣлать; того ради всепокорнѣйше прошу вашего графского сіятельства сотворити со мною таковую милость, ижъ бы за премоцниемъ его ходатайствомъ указомъ его Императорского Величества помянутий сынъ мой Петро зъ женою своею отпущенъ былъ сюда, если не вовся, то хотя на время; а на мѣсто его до возвращенія въ Москву отправлю кого зъ старшини епералной, которую милость сотвори, сіятельнѣйшіи графъ, принамнѣй. разсуждая родительскую любовь, юже имѣете къ своимъ дѣтемъ, і усугубленіемъ всенижайше прошу дознавши же оной елико силѣ

Гетманъ, безъ сомнѣнія, былъ благодаренъ грекамъ за ихъ любезность, что и показали, давши имъ рекомендательное письмо, вѣроятно, къ гр. Толстому, въ которомъ просилъ графа „не оставить въ своей милости“ Николая Бошняка и Самойла Федорова ¹⁾ и затѣмъ, когда Николай Бошнякъ, какъ ктиторъ нѣжинской греческой церкви, въ слѣдующемъ году отнесся къ гетману съ жалобой на то, что принадлежащія церкви дворы, гдѣ бываетъ братскій канонъ, обременяются постоями и консистентской дачей, гетманъ универсаломъ 1730 г., 7 сентября, запретилъ нѣжинской старшинѣ и комиссарамъ ставить постои и брать консистентскія дачи ²⁾. Послѣ гетмана Апостола управлять Малороссіей назначенъ былъ кн. Алексѣй Шаховской съ товарищи ³⁾; для руководства въ управленіи страной ему данъ былъ указъ. Въ 13-мъ пунктѣ этого указа относительно нѣжинскихъ грековъ было сказано, что пользоваться имъ тѣми же преимуществами, которыя предоставляла имъ грамота Петра Великаго ⁴⁾, на основаніи чего и выданъ былъ грекамъ правителями Малороссіи универсалъ (19 декабря 1735 г.) въ духѣ прежнихъ универсаловъ и грамоты Петра Великаго ⁵⁾. Въ 1736 году, когда начались Миниховскіе походы, вся тяжесть этой войны, главнымъ образомъ, обрушилась на южныя окраины Россіи, въ томъ числѣ, конечно, и на Малороссію; черезъ нее непрерывно двигались войска, часть которыхъ оставалась на постахъ въ Малороссіи; по всѣмъ направленіямъ разъѣзжали курьеры на обывательскихъ лошадяхъ, двигались обозы съ провіантомъ, съ амуницией, снарядами и пр. Подводы подъ обозы доставляли тѣ же обыватели ⁶⁾. Несмотря на такую тяготу для народа, греки сумѣли выхлопотать у Миниха солвогвардію, т.-е.

моей долгій житія своего служить и благодарить вашему графскому сіятельству долженъ и непрестану, яко и нынѣ есмь вашему графскому сіятельству. Февр. 17 д. 1729 г. (Ibid.).

Исправляющій нѣкоторыя выраженія черновика положилъ резолюцію „умно“. Мы склонны думать, что это резолюція самого Ясневельможности Гетмана Е. Ц. В.

Письмо къ бар. А. И. Остерману было такого содержанія: „Весьма будучи я надеженъ на высокую вашего сіятельства ку себѣ милость, довольно под часъ бытія моего въ Москвѣ узнанную, по которой соблагоизволилъ ваше сіятельство приотездѣ моемъ оттолъ обнадежитъ мене, дабы я об отпуску з Москви сына моего Петра в домъ положилъ надѣю на ваше сіятельство не сумѣнную, дерзаю нынѣ трудить моимъ прошеніемъ ваше сіятельство; понеже чрезъ килка годъ уже, оногo сына моего мецконе тамъ продолжается доселѣ и чрезъ такъ долгое время домашній мой, оногo не видя, суть въ безпрестанной печали и сѣтованіи; къ тому же и я, будучи при старости лѣтъ моихъ, намѣренъ за живота своего въ домѣ моемъ яко не есть распредѣленіе здѣлать; того ради всепокорнѣйше прошу вашего сіятельства сотворити со мною такую милост, иж бы за премоцнимъ вашего сіятельства ходатайствомъ, указомъ его Императорского величества помянутой синѣ мой Петро з женою своею отпущенъ былъ сюда если не вовся, то хотя на поль или четверть года; на мѣсто его до возвращенія въ Москву одправляю кого з старшини енеральной, которую милостъ сотвори ваше сіятельство по своемъ милостивомъ, данномъ миѣ при отездѣ моемъ, обнадеживаніи всепокорно съ усугубленіемъ прошу, дознавши же оной елико сили моей до днихъ житія своего служит и благодаритъ вашему сіятельству и всей его достойнѣйшей фамилии долженъ и не престану яко и нынѣ есмь. Февр. 17 д. 1729“. (Ibid.).

¹⁾ Харьк. Истор. Арх., № 20810.

²⁾ Проф. Фодотовъ-Чеховскій, *ibid.*, стран. 68.

³⁾ А. Ригельманъ, *ibid.*, часть III, стран. 143—144. М. 1847 г.

⁴⁾ П. С. З., т. IX, № 6614.

⁵⁾ Проф. Фодотовъ-Чеховскій, *ibid.*, стран. 72—74.

⁶⁾ Дневныя записки малоросс. подскарбія генеральнаго Якова Марковича, ч. II, стран. 21—42. Москва. 1859 г. и Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стран. 620—623. М. 1842 г.

указъ, который освобождалъ грековъ отъ постоевъ и отъ дачи квартиръ подъ курьеровъ и подъ прочихъ проѣзжающихъ ¹⁾).

Греки со своими преимуществами были всегда бѣльмомъ въ глазу у мѣстной власти; поэтому, при всякомъ удобномъ случаѣ она нарушала права греческой общины. При перемѣнѣ правителей, смѣнѣ царствующей особы, мѣстная власть забывала, вѣрнѣе — старалась забыть привилегированное положеніе греческой общины, надѣясь, можетъ быть, что при смѣнѣ правителей измѣнится отношеніе высшей власти къ грекамъ, а слѣдовательно, и самое положеніе общины. Но смѣнялись правители, а отношеніе, какъ царствующихъ государей, такъ и высшихъ малороссійскихъ властей, къ греческой общинѣ оставалось то же. По вступленіи на престолъ набожной Елисаветы Петровны греки во главѣ съ Велисаромъ Псалтіемъ подали государынѣ челобитную, въ которой жаловались на притѣсненіе ихъ мѣстной властью. Государыня съ удовольствіемъ подтвердила грамоту своего отца о преимуществахъ братства, находящагося при греческой нѣжинской церкви (грамотой 3 ноября 1742 г.) ²⁾.

Послѣ грамоты императрицы присутствующимъ генеральной войсковой канцеляріи ничего не оставалось, какъ при первомъ прошеніи грековъ объ обидахъ отъ старшины нѣжинскаго полка выдать указъ о непритѣсненіи греческихъ купцовъ ³⁾ и вообще грековъ, а избранному на гетманство Кириллу Разумовскому выдать универсалъ, въ которомъ онъ писалъ, что „вышевыраженіе ихъ Нѣжинскихъ Грековъ права и волности симъ нашимъ унѣверсаломъ подтверждаемъ, повелѣвая содержать оніе цѣло и ненарушно“ ⁴⁾.

Въ 1750 г. на нѣжинское братство истцами было подано нѣсколько жалобъ, что они „за поноровкою судящихъ“ не только не получаютъ „сатисфакціи“, но ихъ дѣла въ судѣ лежать неначатыми. Въ мартѣ 1751 г. генеральная войсковая канцелярія донесла объ этомъ гетману, добавляя, что „хотя де по тѣмъ жалобамъ ежечасно з генеральной канцеляріи в то нѣжинское братство послани указы при нарочнихъ к понужденію, с повелѣніемъ, чтобъ таковыхъ просителей дѣла на сроки рѣшени были, токмо де какъ по указамъ той генеральной канцеляріи такъ и за понужденіемъ онихъ нарочнихъ ничего не успѣваетъ, ибо де сколько по какимъ дѣламъ от генеральной канцеляріи чинени туда о рѣшеніи онихъ указы, то по тѣмъ з дѣйствительномъ исполненіи ничего не видно и репортовъ де о томъ нѣтъ“. Гетманъ, получивъ такое донесеніе, ордеромъ изъ Москвы отъ 16 апрѣля того же 1751 года предписалъ „для скорѣйшого таковыхъ дѣлъ рѣшенія опредѣлить въ присутствіе въ тое нѣжинское греческое братство зъ старшины того полку полковой одного“, который бы понуждалъ присутствующихъ въ братствѣ къ разбору дѣлъ въ извѣстные сроки, безъ всякой волокиты ⁵⁾. На основаніи этого ордера въ братство и былъ опредѣленъ сначала полковой нѣжинскій обозный Леонтій Грановскій, а потомъ вмѣсто него абшитованный полковой

¹⁾ Проф. Оедотовъ-Чеховскій, *ibid.*, стран. 74.

²⁾ Харьк. Ист. Арх., № 3110, и П. С. З., т. XI, № 8656.

³⁾ Проф. Оедотовъ-Чеховскій, *ibid.*, стран. 76.

⁴⁾ *Ibid.*, стран. 82.

⁵⁾ Харьк. Ист. Арх., № 3110.

хорунжій Яковъ Вилковскій¹⁾). Конечно, присутствіе въ братствѣ кого-нибудь изъ старшинъ нѣжинскихъ для грековъ было крайне нежелательно, — этимъ нарушалась ихъ вольность. Но прежде чѣмъ просить объ удаленіи полковой старшины изъ суда, нужно было заручиться согласіемъ гетмана на тѣ вольности, которыми пользовалась греческая община на основаніи данныхъ ей ранѣ грамотъ и универсаловъ. Поэтому греки, въ августѣ 1751 г., обратились къ гетману съ просьбой, въ которой, изложивши всѣ свои вольности, писали: „и о томъ всенижайше Ясневельможности Вашей донося со всеглубочайшимъ нашимъ упокореніемъ раболѣпно просимъ, во утверженіе всѣхъ вишепоказанныхъ Греческому Братству высокопремощнѣйшими монаршими грамотами всемилостивѣйше пожалованныхъ, тако ж по древнимъ привиліямъ антицессоровъ Ясневельможности вашей, покойныхъ господъ гетмановъ, имѣющихъ, всему греческому купечеству наданныхъ правъ и вольностей, милостиво пожаловатъ премощнѣйшимъ Ясневельможности вашей универсаломъ насъ охранить“²⁾). Результатомъ этого прошенія грековъ, какъ мы знаемъ, и было подтверженіе Разумовскимъ всѣхъ привилегій греческой общины.

Послѣ уничтоженія гетманства, назначенный президентомъ малороссійской коллегіи графъ П. А. Румянцевъ обратилъ вниманіе на „недостатки и неурядица“ въ дѣлахъ Малороссіи. Къ вопросамъ, которые нужно было „трактовать“ малороссійской коллегіи и упорядочить, Румянцевъ причислилъ и вопросъ о греческомъ братствѣ³⁾). Ознакомившись съ сущностью дѣла, Румянцевъ находилъ, что по пожалованнымъ грамотамъ живущіе въ братствѣ греки имѣли право происхожденія между ними и ихъ челядью споры разбирать сами, но въ грамотахъ нигдѣ не упомянуто, чтобы „оное братство дѣлало особливое какое правленіе“. Затѣмъ греки, имѣя свои дома и грунты и отправляя повсюду „свободно торгъ“, не исполняли никакихъ обязанностей и не несли никакихъ обязанностей, почему многіе не только изъ иностранцевъ, но и изъ малороссіянъ, укрываясь отъ городскихъ повинностей, вписывались подъ вѣдомство греческаго братства. Румянцевъ, который такъ ревностно заботился о благосостояніи городовъ управляемаго имъ края и о поднятіи ихъ промышленности⁴⁾, находилъ нужнымъ согласовать привилегіи греческой общины съ привилегіями, пожалованными Русскими Царями въ грамотахъ городамъ, такъ чтобы привилегированнымъ положеніемъ греческой общины не были нарушены грамоты, данныя городамъ. Въ такомъ смыслѣ дано было выборному отъ малороссійской коллегіи въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія Наталину наставленіе о грекахъ, гдѣ высказано желаніе, чтобы греки не вписывали иноземцевъ и малороссіянъ⁵⁾.

Первая турецкая война, какъ извѣстно, прервала засѣданія комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, поэтому затормозилось и дѣло о грекахъ. Нѣжинскій же магистратъ очень сильно тѣснилъ грековъ: несмотря на грамоты магистратскія, урядники

¹⁾ Ibid.

²⁾ Х. И. А. М. К. № 3110.

³⁾ Авѣенко, Малороссія въ 1751 г. Кіевъ, 1864 г., стр. 149—150.

⁴⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи.

⁵⁾ Наставленіе выборному отъ малороссійской коллегіи о ком. соч. проекта новаго уложенія г. члену той кол. Димитрію Наталину и возраженіе депутата Политики. М. 1858 г., стр. 18—19.

насилно, какъ въ собственные, такъ и въ наемные греческіе дома ставили постои и привлекали грековъ къ отбыванію другихъ повинностей. Поэтому, отъ греческаго братства въ 1769 г. отправленъ повѣренный грекъ Лука Ивановъ, который долженъ былъ подать въ Сенатъ жалобу на нѣжинскій магистратъ о притѣсненіи братства. Сенатъ указомъ отъ 1769 г.¹⁾ сообщилъ Румянцеву, чтобы онъ предложилъ, куда слѣдуетъ, чтобы впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса о греческомъ братствѣ нѣжинскій магистратъ не притѣснялъ грековъ. Магистратъ не исполнялъ предписаній Сената, тѣмъ болѣе, что въ 70-хъ годахъ кievская губернская канцелярія подала прошеніе, чтобы великороссійскимъ купцамъ какъ Нѣжина, такъ и другихъ малороссійскихъ городовъ, не было ничего чинено излишняго противъ малороссійскихъ обывателей“, т.-е. въ отбываніи городскихъ повинностей. На основаніи этого Сенатъ навелъ справку, и малороссійская коллегія въ своемъ допошеніи отъ 17 октября 1772 г. представила, что на основаніи грамотъ „иноземскіе купцы“, купившіе въ городѣ Нѣжинѣ дома и земли, должны нести общенародныя повинности наравнѣ съ прочими обывателями. Поэтому, 1 апрѣля 1773 г., послѣдовалъ указъ, въ которомъ подтверждено, что купцы чужеземскіе, греческіе и иные, которые своими домами живутъ въ Нѣжинѣ „и подварками или какими грунтами ни есть владѣютъ, въ тягостяхъ и повинностяхъ общемѣщанскихъ повинны быть помочны“. На основаніи этого указа нѣжинскій магистратъ продолжалъ привлекать грековъ къ общенароднымъ повинностямъ. Поэтому, въ томъ же году присутствующіе въ нѣжинскомъ греческомъ братствѣ Иванъ Николаевъ Сарій, Христодулъ Николаевъ, Лука Ивановъ, Діамантій Анастасіевъ, сынъ Баладима, Иванъ Константиновъ, сынъ Карловъ, подали прошеніе въ малороссійскую коллегію о неправильномъ образѣ дѣйствій нѣжинскаго магистрата и неправильномъ толкованіи имъ указа²⁾. Въ то же самое время греки отправили въ Сенатъ повѣренныхъ Николая Евстафіева и Гаврила Синопеуса, которые бы хлопотали о дѣлахъ братства. Этимъ повѣреннымъ дано было наставленіе отъ 13 ноября 1773 г.: по пріѣздѣ въ Петербургъ „стать предъ лице всеавгустѣйшей монархини“ и Павла Петровича и его супруги Наталіи Алексѣевны; прошенія же они не должны были подавать, пока братство не пришлетъ писемъ съ извѣстіемъ о резолюціи гр. Румянцева и малороссійской коллегіи; когда же будутъ подавать прошеніе, то должны просить о подтвержденіи данныхъ ранѣе грамотъ съ дополненіемъ о судѣ, чтобы онъ производился въ братствѣ, а дѣла рѣшались по силѣ генеральнаго регламента; чтобы братству была пожалована печать, чтобы было уничтожено преимущество живущихъ въ городѣ предъ пріѣзжими, о безпрепятственной куплѣ греками домовъ и пр. Посланные были снабжены рекомендательными письмами, въ которыхъ „покорнѣйше просили удостоить ихъ (посланныхъ) своимъ благимъ наставленіемъ во всѣхъ к сему дѣлу благопристойностяхъ“. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Малороссійская Коллегія не спѣшила, тѣмъ болѣе, послѣ указа 1 апрѣля 1773 г. Поэтому, въ 1774 г., братство дало Константину Кромидѣ и Діамантію Николаеву вѣрительный листъ, на основаніи котораго они должны были ходатайствовать у гр. Румян-

¹⁾ П. С. З., т. XVIII, № 13397.

²⁾ Лицей кн. Безбородко.

цева. Румянцеву отъ 22 января 1774 г. братство писало: „взирая на премногіе опыты особеннаго вашего высокографскаго сіятельства к нашему обществу греческому покровительства, а найпаче на увѣщаніе, каковымъ ваше высокографское сіятельство отеческимъ попеченіемъ и наставленіемъ всѣхъ грековъ въ Нѣжинѣ пріѣзжихъ и жителей в непремѣнное дружество и единомыслие привести соизволили, чѣмъ мы нижайше пользуясь, прославляя вездѣ имя вашего высокографскаго сіятельства, осмѣливаемся приступить съ общою прозбою, которое дѣло до непремѣннаго вашего высокографскаго сіятельства высокоблагоразсмотрѣнія принадлежитъ, то несумнѣнно и ласкаемъ себя надеждою, что до окончанія доведено быть можетъ“. Далѣе идетъ перечисленіе обидъ грековъ магистратомъ: требованіе людей подъ подводы, опредѣленіе грековъ къ соляной продажѣ, требованіе церковнаго погребя для склада туда денегъ и др.

Когда 26 февраля 1774 г. гр. Румянцевъ сдѣлалъ запросъ малороссійской коллегіи объ указѣ относительно великороссійскихъ купцовъ (отъ 1 апрѣля 1773 г.), то греки послали письма членамъ малороссійской коллегіи о защитѣ ихъ на основаніи грамотъ и универсаловъ.

Ходатайство грековъ у гр. Румянцева, повидимому, было успѣшно, ибо въ 1774 г., 28 октября, онъ представилъ въ Сенатъ свое мнѣніе о грекахъ, гдѣ находилъ, что греки, „дознавая крайнія притѣсненія для себя подъ игомъ управленія турецкаго“, находили всегда „убѣжище“ подъ державою и покровительствомъ Россійской Императрицы; „оныя же греки торгами происходимыми имъ не только городу Нежину служатъ ко украшенію и пользѣ, но и в зборѣ пошлинъ государственныхъ не малое приносятъ приращеніе и составляютъ знатную вѣтвь тамошней комерціи“¹⁾.

Братство же съ своей стороны послало государынѣ прошеніе съ подробнымъ изложеніемъ своихъ нуждъ, съ ссылкой на грамоты и универсалы²⁾.

Вмѣстѣ съ прошеніемъ отправились отъ братства греческіе купцы Дука Ивановъ, Гаврило Синопеусъ и Юрій Кромида хлопотать у Сената о грамотѣ. Въ инструкціи, данной имъ, было добавлено по-гречески: „повѣренныя, не стѣсняясь, имѣють право расходовать на квартиру, харчи себѣ и служителямъ, въ подареніе презентовъ и пр.; если же данныхъ имъ денегъ не хватитъ, то братство обязуется уплатить по ихъ счетамъ“, и далѣе: „прилагать старательство всякое для всего общества, за что отъ Господа Бога будете имѣть мзду, а отъ всего общества непремѣнное благодареніе“³⁾.

Наконецъ, 10 февраля 1775 г. была выдана грекамъ грамота, подтверждающая привилегіи греческой общины⁴⁾.

Высланная изъ Правительствующаго Сената 5 марта 1775 г. грамота, указомъ отъ 7 мая того же года, была возвращена и замѣнена новымъ спискомъ⁵⁾.

¹⁾ Лицей кн. Безбородко.

²⁾ Экстрактъ, собранный въ Правит. Сенатѣ по Малор. экспедиціи 1786 г. в П. С. З., XX т., № 14247.

³⁾ Лицей кн. Безбородко.

⁴⁾ П. С. З., т. XX, № 14247.

⁵⁾ Харьк. Ист. Арх. Малор. колл., № 3930.

Послѣ изданія городского положенія греки просили изъять ихъ отъ подчиненія этимъ узаконеніямъ, на что послѣдовала резолюція объ оставленіи грекамъ ихъ правъ и преимуществъ попрежнему, а для поддержанія благочинія и порядка въ греческой общинѣ, указомъ 1 сентября 1785 г.¹⁾, учреждался нѣжинскій греческій магистратъ, который долженъ былъ „состоять подъ апелляціей Черниговскаго губернскаго магистрата“²⁾.

Греки, привлекаемые льготами, какія имъ даровало русское правительство, съ охотой пріѣзжали въ Малороссію для торговли, многіе же изъ нихъ оставались здѣсь на постоянное житье. Для поселенія греками избирался обыкновенно Нѣжинъ, хотя поселялись они и въ другихъ городахъ.

Въ 1711 г., во время войны съ турками, отъ грековъ, находящихся въ Нѣжинѣ, было потребовано, чтобы, если кто изъ нихъ хочетъ, то выѣхалъ бы изъ Россіи, а оставшіеся во все время войны не выѣзжали бы изъ Малороссіи и прекратили сношенія съ заграничными жителями. Во исполненіе царскаго указа греки дали подписку (13 марта 1711 г. — пріѣзжіе, а 20-го марта — живущіе). Изъ этой подписки мы узнаемъ, что пріѣзжихъ, временно проживающихъ, какъ грековъ, такъ и волоховъ, въ Нѣжинѣ въ это время было 232 человекъ; издавна живущихъ съ женами и дѣтьми грековъ — 32 семьи, волоховъ подъ вѣдомствомъ братства — 40 семей, мултянъ — 11, сербовъ, болгаръ — 13³⁾. Въ 1765 г. всѣхъ семействъ, подвѣдомственныхъ братству, считалось уже около 150 (143 семьи),⁴⁾ а по ревизіи 1782 г. число живущихъ грековъ равнялось 765 душамъ (408 мужчинъ и 357 женщинъ)⁵⁾. Почти изъ года въ годъ эмигрировало въ Малороссію нѣсколько греческихъ семействъ.

Послѣ 1765 года выселеніе грековъ въ Малороссію продолжалось попрежнему. Такъ, въ 1767 г. грекъ съ острова Кастори Ралѣй Ивановъ Мушмуль доносилъ, что прибылъ онъ въ Россію и желаетъ записаться въ мѣщане гор. Нѣжина⁶⁾.

Причиной выселенія грековъ въ Россію были, безъ сомнѣнія, тѣ льготы и преимущества, которыми награждала ихъ единовѣрная Россія. Угнетенные и подавленные у себя на родинѣ, въ Малороссіи они встрѣчали радушный пріемъ: ихъ освобождали отъ налоговъ, у нихъ была здѣсь своя церковь, своя община, гдѣ они всѣ были равноправны, а предъ прочимъ населеніемъ имъ оказывалось во всемъ предпочтеніе; каждый грекъ, явившійся въ Нѣжинъ, чувствовалъ себя тамъ гораздо лучше, чѣмъ у себя дома. Многіе изъ нихъ мотивомъ своего выселенія въ Малороссію и выставляли это привилегированное положеніе: „Уроженецъ с грековъ близъ бѣлого моря, з острова Хію, извѣстясь о всемилостивѣйшемъ пожалованіи всѣмъ выходящимъ въ Россію грекамъ всѣхъ волностей“, писалъ въ малороссійскую коллегію грекъ Сатиръ Стаматѣевъ въ 1770 г.⁷⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XXII, № 16250.

²⁾ Шафонскій, „Описаніе Черниговск. намѣстничества, стр. 473—474.

³⁾ Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Д. Малор., 1711 г., № 12.

⁴⁾ Харьк. Ист. Арх. Малор. колл., № 4560, смотри приложение № 1.

⁵⁾ Шафонскій, стр. 474.

⁶⁾ Харьк. Ист. Арх. Малор. колл., № 6002 и остальные подробности въ Киевск. Центр. Арх. Документы о колонизаціи.

⁷⁾ Х. Ист. Арх. Д. Малор. колл., № 13263.

Въ 1750-хъ годахъ грекъ Турунжа разсказывалъ: „Ревнуня православной христіанской вѣры, слыша же високо милостивіе Е. И. В. съ высокимъ матернимъ благопрізнаніемъ указы о дозволеніи въ Россійской Имперіи, а паче греческаго исповѣданія людямъ имѣть свободное жильє, оставя отечество свое въ Македоніи, пришедь подь высочайшую Е. И. В. державу, воспріялъ жительство Малой Россіи въ городѣ Нѣжинѣ“.

„Извѣстяся, что многихъ захожихъ зъ разнихъ турецкой области городовъ грековъ въ гор. Нѣжинѣ отъ всероссійскихъ монарховъ пожаловано всякими свободами въ купечествѣ и вольностями отъ податей и постоевъ“, прибылъ въ Малороссію грекъ Ралѣй Мушмуль.

Греческое же братство, во всемъ своемъ составѣ, объясняло поселеніе братчиковъ въ Малороссіи (въ доношеніи гр. Румянцеву отъ 4 апр. 1774 г.) такъ: „прародители наши и братія греки....., убѣгая отъ ненавистниковъ рода христіанскаго махометанъ, видя въ Россіи непоколебимое утверженіе благочестія и благолѣпіе храмовъ Божіихъ, затѣмъ по единству вѣры наша православныя греческія съ народомъ російскимъ, возымѣли пріѣзды и пристанище въ Нѣжинѣ для облегченія тамошнихъ нуждъ и печалей и чтобъ получать изъ своего купеческаго обращенія ползу¹⁾“.

Многіе изъ грековъ, по торговымъ дѣламъ пріѣхавшихъ въ Малороссію, здѣсь и оставались на поселеніе. На допросѣ 2 октября 1764 г. грекъ показалъ: „зовутъ его Ивановъ, призываютъ Зрубою, лѣтъ ему отъ роду будетъ 23, отца его звали Анастасій, прозвали Зрубою ж и оный отецъ его билъ грекомъ, жительство свое имѣлъ въ Волошчинѣ, где и онъ, Иванъ Зруба, жительствоваъ, а въ прошломъ 1756 г. отлучился онъ въ Нѣжинъ за своимъ греческимъ купечествомъ, гдѣ и остался жить“.

Въ члены братства принимались не одни только греки, но и лица другихъ національностей; отъ числа братчиковъ зависѣло благосостояніе самого братства, а поэтому греки съ удовольствіемъ принимали въ свою общину желающихъ волоховъ, крещеныхъ турокъ, болгаръ, сербовъ и другихъ; мы уже не говоримъ о томъ, что подь именемъ грековъ часто скрывались огреченные балканскіе славяне²⁾.

Въ доношеніи на имя гетмана въ 1751 г. братство писало, что грековъ, живущихъ въ своихъ домахъ, въ братствѣ числится 78 человекъ, живущихъ въ наемныхъ домахъ — 37 душъ, болгаръ въ собственныхъ домахъ — 4, въ наемныхъ — 5, волоховъ въ собственныхъ — 12, въ наемныхъ — 13, разныхъ другихъ національностей, „родовъ“, по выраженію документа, въ собственныхъ домахъ — 8, въ наемныхъ — 4³⁾.

Просматривая вѣдомость поселившихся въ Нѣжинѣ грековъ, мы встрѣчаемъ, напр., Трифона Иванова, болгарина изъ м. Руцука, волоховъ Статѣвыхъ изъ Буку-

1) Хар. Ист. Архивъ Мал. Кол., № 1326.

2) Ibidem.

3) Харьк. Ист. Арх. Малор. Колл., № 3110.

решта, волоха Ивана Дмитріева изъ Яссъ, итальянца выкреста Шпиноли, грузина Юрія Васильева „з города Теплисъ“¹⁾, Юрія Яковлева, выкреста изъ турокъ²⁾.

По національностямъ число братчиковъ въ 1765 г. можно выразить такъ: грековъ — 122, волоховъ — 10, болгаръ — 4, сербовъ — 1, грузинъ — 1, выкрещенныхъ жидовъ — 1, итальянецъ — 1, выходцевъ изъ Польши — 3³⁾.

Подъ протекцію братства иногда вступали даже малороссійскіе купцы. Малороссійская власть и русское правительство не обращали вниманія на то, что въ греческое братство принимались помимо грековъ представители и другихъ національностей. Гетманъ Самойловичъ, напр., въ своемъ универсалѣ не различаетъ грековъ и волоховъ, надѣляя тѣхъ и другихъ преимуществами въ торговлѣ⁴⁾. По указу войсковой генеральной канцеляріи отъ 20 апрѣля 1741 г. къ греческому братству причисленъ былъ числившійся казакомъ Голюнка, выходецъ изъ Польши, не грекъ⁵⁾. Но такъ какъ постепенно городскія повинности возрастали и многіе вступали въ братство съ цѣлью избавиться отъ нихъ, то власти начинаютъ преслѣдовать такое явленіе.

Первый обратившій на это вниманіе былъ графъ Румянцевъ, который нашелъ, что многіе даже изъ малороссіянъ вписываются подъ вѣдомство греческаго братства, почему и счелъ нужнымъ озаботиться соглашеніемъ привилегій грековъ съ правами и привилегіями городскими⁶⁾, а въ слѣдующихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ статью, запрещающую грекамъ принимать въ свое общество людей другихъ національностей⁷⁾. Въ указѣ объ учрежденіи греческаго магистрата, въ 5-мъ пунктѣ, находимъ: „смотришь, чтобъ подъ видомъ грековъ люди другихъ народовъ, избавляясь отъ податей и общественныхъ обязанностей, не вписывались въ братство“⁸⁾.

Болѣе всего выходцевъ было изъ города Янина, Иперской провинціи; число семействъ, выселившихся изъ этого города, простиралось до 28; много было выходцевъ, по вѣдомости 1765 г., также изъ Константинополя — 15 семействъ. Число переселенцевъ изъ остальныхъ городовъ распредѣляется такъ: изъ Адрианополя — 5 семействъ, изъ Салоникъ — 4, изъ с. Мецо (Трикальскаго уѣзда) — 4, изъ г. Правоти — 3, изъ г. Арвонтахори — 3, изъ Филополя — 3, изъ г. Арти — 3, изъ Тырнова — 3, изъ г. Пеллопонии — 2, изъ г. Трапезунта — 2, изъ м. Раховицы — 1, изъ г. св. Мавры — 1, изъ г. Ямбула — 1, изъ с. Делвинъ — 1, изъ м. Бадори — 1, изъ м. Дринополя — 1, изъ г. Турни — 1, изъ г. Ларса — 1, изъ м. Аи — 1, изъ г. Сатета — 1, изъ с. Батіони (Салонскаго уѣзда) — 1, изъ г. Софіи — 1, изъ г. Эндрене — 1, изъ с. Силлѣ — 1, изъ с. Верстениць — 1, изъ г. Тирнава Ларійскаго — 1, изъ г. Ларса — 1, изъ г. Азова — 1, изъ Митилены — 1, изъ г. Тирнова — 1, изъ г. Синопли — 1, изъ г. Паросъ — 1, изъ г. Огриди — 1, изъ г. Видина — 1, изъ м. Струмичи — 1, изъ

1) Ibidem, № 4560.

2) Лицей кн. Безбородко.

3) Харьк. Ист. Арх. Малор. Колл., № 4560.

4) Проф. Оедотовъ-Чеховскій, *ibid.*, стран. 53.

5) Харьк. Ист. Арх. Мал. Колл., № 3110.

6) Авсеенко, Малороссія въ 1767 г.

7) Шафонскій.

8) П. С. З., т. XXII, № 16250.

г. Ускипъ — 1, изъ Польши — 3, изъ Тифлиса — 1, изъ острова Крити — 1, изъ м. Погдоріани — 1, изъ острова Хіо — 1; изъ Волоцины, изъ гор. Яссы — 7, изъ Сороки — 1, изъ Сочевы — 1, изъ г. Букарешта — 1, изъ Крыма, изъ г. Козлеве — 2, изъ г. Очакова — 1, изъ м. Корасова — 1, изъ г. Перекопа — 1.

Въ Малороссію переселялись не одни только купцы, а вообще греки различныхъ профессій; многіе изъ нихъ были ремесленники; такъ, по той же описи (1765 г.) въ Нѣжинѣ насчитывалось 12 бламарей, 1 шапочникъ, 1 содержитъ кожевенный заводъ, третій служить въ приказчикахъ¹⁾. Каждый изъ прибывшихъ предлагалъ пріютившей его странѣ свои познанія и свой трудъ. Такъ, въ 40-хъ годахъ XVIII ст. на шелковой фабрикѣ въ Кіевѣ встрѣчаемъ фабриканта-грека Ивана Дири (гдѣ онъ и умеръ)²⁾. Анастасій Димитріевъ изъ г. Лара живетъ въ Нѣжинѣ съ 1761 г. и занимается иконописью (по вѣдомости 1769 г.)³⁾. Грекъ Николай былъ у генерала Вейзбаха прислугой⁴⁾. Грекъ Юрья Левонтьевъ жилъ въ Малороссіи въ началѣ XVIII ст. и былъ мастеромъ золотыхъ дѣлъ (ювелиромъ)⁵⁾. Въ 1690 г. къ гетману Мазепѣ явился грекъ Иванъ Комнинъ, который родился и жилъ въ Царьградѣ, откуда выѣхалъ въ Венецію въ 1686 г. Въ Царьградѣ онъ изучалъ философію и богословіе, а въ Венеціи докторство, зналъ 6 языковъ — греческій, эллинскій, латинскій, татарскій, турецкій и волоскій. Онъ привезъ съ собою разныя книги на этихъ языкахъ, а также запасъ лѣкарствъ (до 160). Мазена былъ въ восторгѣ „отъ мудрости и познаній докторскихъ“ Ивана Комнина и рекомендовалъ его царямъ⁶⁾, которые потомъ прислали его къ гетману, чтобы состоять при его особѣ врачомъ и лѣчить его⁷⁾. Вообще, между греками многіе являлись съ медицинскими познаніями. Такъ, напр., мы знаемъ Яна Стеріева, который рассказывалъ, что родился онъ и жилъ въ Македоніи, выучился отъ отца своего врачебному искусству, а врачевать можетъ людей, „которые имѣютъ раны, хворуютъ на камянь, на очи, а также можетъ пускать кровь“⁸⁾. Подъ 1763 г., 28 ноября, Яковъ Маркевичъ въ дневникѣ отмѣтилъ: племянникъ Андрей Марковичъ привезъ изъ Глухова грека Дмитрія, который взялся дѣлать конфетъ для жены моей отъ чахотки, которою больна отъ начала августа“⁹⁾. Греки Иванъ Николаевъ да Николай Ивановъ изъ гор. Янина съ указомъ изъ С.-Петербургской медицинской канцеляріи ѣдутъ въ качествѣ лѣкарей на житье въ Нѣжинъ¹¹⁾. Другой грекъ, Дмитрій Георгіевъ, числился полковымъ лѣкаремъ Черниговскаго полка¹²⁾. Но среди такихъ лѣкарей оказывались и невѣжды, которые, пользуясь довѣріемъ жите-

¹⁾ Харьк. Ист. Арх. Малор. Колл., № 4560.

²⁾ Дѣла греч. 1758 г., № 7.

³⁾ Лицей кн. Безбородко.

⁴⁾ Арх. Марков., № 3182.

⁵⁾ Греч. дѣла 1715 г., № 47.

⁶⁾ Д. Мал. 1693 г., № 46.

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Д. Мал., 1690 г., № 53.

⁹⁾ Харьк. Ист. Арх. Мал. Колл., № 23093.

¹⁰⁾ Дн. Зап., ч. II, стран. 387.

¹¹⁾ Харьк. Ист. Арх. Мал. Колл., № 21857.

¹²⁾ Idid., № 85.

лей, брали деньги за лѣченіе, не будучи въ состояніи оказать никакой помощи. Много являлось въ Малороссію и другихъ проходимцевъ изъ Греціи. Въ спискѣ нѣжинскихъ обывателей (списки Румянцевской описи) мы находимъ, что грекъ Константи́нъ Николаевъ въ 1754 г. вышелъ изъ г. Константинополя „безъ всякаго товару“ (т. е. безъ всякихъ средствъ), женился въ Нѣжинѣ на казачьей дочери, живетъ въ своемъ домѣ, построенномъ на землѣ Васильевской церкви, съ этого дома магистрату отбываетъ всѣ повинности, а за землю церкви платитъ по 60 коп.; ничѣмъ не занимается, питается милостынею — „у прошенія милотины“. Нѣкоторые изъ грековъ, въ Малороссію являлись исключительно за милостынею; мы не говоримъ о греческомъ духовенствѣ, а о свѣтскихъ лицахъ. Такія лица, впрочемъ, не должны были являться иначе, какъ съ рекомендательной грамотой епископа и патриарха. Въ двадцатыхъ годахъ XVIII ст. рыцари Мальтійскаго ордена напали на островъ Критъ, на мѣстечко Ривимса, взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ турокъ; турки, озлобленные этимъ нападеніемъ и понесенными убытками, рѣшили вознаградить себя на счетъ грековъ и вотъ одну гречанку съ десятью сыновьями турокъ заключилъ въ тюрьму, требуя выкупъ 800 грошей. Для сбора такой суммы одинъ изъ десяти сыновей ея, Иеронимъ, отправляется въ Малороссію. Явился Иеронимъ въ Малороссію съ рекомендательными письмами отъ артійскаго архіепископа Іоанникія и отъ константинопольскаго патриарха¹⁾. На основаніи этихъ грамотъ и свидѣтельства нѣкоторыхъ грековъ, что Иеронимъ не шпіонъ, ему былъ выданъ универсалъ (9 ноября 1726 г.), въ которомъ гетманъ „совѣтно предлагалъ, дабы всякъ, кому що Богъ пошлетъ на сердце по ревности вѣри христіанской, не отрѣкалъ милостивого по мѣри и волѣ своей подаянія на откупъ преречонихъ христіанъ²⁾).

Пріѣхавши въ Россію, греки сначала живутъ особнякомъ, не перемѣняя своего костюма, чѣмъ они порой рѣзко выдѣляются среди мѣстныхъ обывателей — малороссіянъ. Въ Нѣжинѣ были портные греки, которые шили на своихъ соотечественниковъ греческое платье³⁾. Но постепенно греки измѣняли свои привычки, начинали приспособляться къ мѣстной обстановкѣ. Грекъ Димижня знаетъ только греческую грамоту, а сынъ его уже расписывается по-русски⁴⁾. Сынъ грека-купца Пелепонова подполковникъ російской арміи⁵⁾. Въ заключеніе греки начинаютъ жениться на ма-

¹⁾ Приводимъ грамоту арх. Іоанникія: „Благословенніи христіане и отъ матери Божой отквитуеми въ моеи епархіи и приказуемъ всѣмъ для ради Христа и отъ насъ будете имать благословеніе и прощеніе грѣховъ и примѣте мое писмо тое, що принесетъ вамъ сего мизернаго неволника, імя ему Еронѣмъ Юревичъ, города с Критска, отъ стога Андрея назвася и его помилуйте, для ради Христа помилуйте и для збавленія душъ своихъ. Якъ пишеть архиерейская грамота, девятъ сыновъ и matka десятая въ неволѣ турецкихъ татаръ зостають, помилуйте его для ради Христа, чимъ колвакъ що Господь Богъ на сердце ваше подасть, понеже правлять турки осѣмъ сотъ таларей, но за якое ваша благодѣянія воздастъ вамъ Богъ седмерицею на сѣмъ и на тимъ свѣтѣ. Іоанникій Архиепископъ Артіійскій, богомолецъ за всѣхъ христіанъ. 1726 году, марта 7^а.“

²⁾ Харьк. Ист. Арх., Мал. Колл., № 7818.

³⁾ По вѣдомости 1769 г. Павелъ Харитоновъ, изъ гор. Свиштова, находится въ Нѣжинѣ съ 1761 г. жительствоеть своимъ домоь, ремесло имѣеть кравецкое и дѣлаеть на грековъ платье греческое. (Лицей кн. Безбородко).

⁴⁾ Харьк. Ист. Арх., Мал. Колл., № 9848.

⁵⁾ Ів., № 20043.

лороссіянкахъ, а гречанки выходятъ замужъ за малороссіянъ. Внука грека Параскевы выходитъ замужъ за полкового нѣжинскаго канцеляриста Семена Писаревскаго, принесъ ему въ приданое грамоту Петра Великаго (1705 г.), освобождающую домъ ихъ отъ постоевъ¹⁾. Екатерина Юрьева, дочь Мантова, вышла въ третій разъ замужъ за войскаго канцеляриста Кадигробу, принесъ ему въ приданое полученное ею отъ прежняго мужа, грека Богданова: 300 руб. денегъ, полторы дюжины серебряныхъ чарокъ, два серебряныхъ подноса, дюжину венецкихъ ножей (цѣна 14 руб.), серебряную ладунку²⁾ Писарь полковой регистраторъ Коншиць женился на гречанкѣ Анастасіи Шляхтѣ³⁾. Грекъ Иванъ Юрьевъ Булгаръ вышелъ изъ Греціи въ 1758 году, поселился въ Глуховѣ и женился на вдовѣ Высоцкой⁴⁾ Въ 1771 г. встрѣчаемъ кременчугскаго купца Θεодора Мажантинова, зятя нѣжинскаго жителя, грека Ивана Станевича⁵⁾. Купецъ-грекъ Иванъ Марковъ (отецъ его вышелъ изъ Македоніи, а онъ родился и выросъ въ Нѣжинѣ) женился на малороссіянкѣ⁶⁾. Грекъ Матоніусъ женился на внучатной племянницѣ Андрея Жураковскаго (послѣдняго нѣжинскаго полковника), Еленѣ Васильевнѣ⁷⁾. И, наконецъ, упоминаемый нами Константинъ Николаевъ женился на казачьей дочери, обывательницѣ нѣжинской.

Многіе изъ нѣжинскихъ грековъ впоследствии стали извѣстны въ области науки, на военномъ поприщѣ и на поприщѣ административномъ. Греки Тернавіоты были войтами г. Нѣжина. Иванъ Тернавіотъ, съ чиномъ полковника, въ 1767 г. былъ предводителемъ дворянства повѣтовъ Нѣжинскаго и Батуринскаго⁸⁾. Кумбурлей при Екатеринѣ II былъ волынскимъ губернаторомъ⁹⁾. Грекъ Степанъ Тамара былъ переяславскимъ полковникомъ¹⁰⁾, а его братъ Василій — черниговскимъ полковымъ судьей Грекъ Левицкій былъ нѣжинскимъ полковымъ есауломъ, а грекъ Христофоровичъ — прилуцкимъ полковымъ судьей. У грека Кирьянова въ концѣ XVIII в. встрѣчаемъ одного брата, — Юрья Кирьянова значковымъ товарищемъ, другого, Василя — войсковымъ товарищемъ¹¹⁾

Греки, вообще, свыкались съ обычаями малороссійскими и многіе изъ нихъ усваивали себѣ. У грека Параскевы, напр., находился въ услуженіи волохъ Θεодоръ Андреевъ съ сестрами; служилъ онъ Параскевѣ въ продолженіе 16 лѣтъ; послѣ такой долголѣтней службы Параскева, на подобіе малороссійскаго пана, начинаетъ на своего слугу смотрѣть, какъ на крѣпостнаго¹²⁾, а когда въ слѣдующемъ 1752 году этотъ волохъ

1) П., № 14305.

2) Харьк. Ист. Арх. Мал. Колл., № 11955.

3) Ibid., № 11930.

4) Лицей кн. Безбородко.

5) Списокъ Румянц. описи.

6) Спис. Румянц. описи.

7) Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стран. 22, Кіевъ, 93 г.

8) Лазаревскій, II т., стран. 62.

9) Лазаревскій, стран. 61.

10) Ibid.

11) X. И. А., М. К., № 12277.

12) Ibid.

съ сестрами перешель къ полковому нѣжинскому писарю Сорокѣ, то Параскева подняль исквое дѣло, какъ бы о бѣглыхъ своихъ крѣпостныхъ¹⁾.

А „гречка Дементѣва“, яв ившаяся на родины къ Иллѣшиной, находить нужнымъ, сообразно малороссійскимъ обычаямъ „гривну грошей платить за узварь“²⁾.

Сами же греки оказать культурное вліяніе на окружающихъ ихъ врядъ ли могли. Мягкостью нравовъ они не отличались отъ малороссійскаго населенія. Вотъ, напр., картинка взаимныхъ отношеній между собою грековъ. Грекъ Зруба и грекъ Христофоръ заключили договоръ продавать спиртные напитки, дѣля барышъ и убытокъ пополамъ. И вотъ, однажды ночью Христофоръ съ двумя служителями напалъ неожиданно на домъ своего компаньона „ночью невѣдомо изъ чего пришедъ онъ Христофоръ з двома своимъ служителями на нашу квартиру, билъ мене тиранско и взялъ онъ меня нижайшого самъ собою подъ караулъ и держалъ в своемъ домѣ чрезъ три дни на цепѣ, оковавъ за шею, послѣ жъ посадилъ подъ секвестръ и многократно приходя наругался зъ мене, гдѣ и подъ секвестромъ билъ мене не щадно палкою, хватя оную отъ воротного атамана Мосѣя Павловича и, буди б оній Павловичъ мене не оборонилъ, то и з сердца убилъ би в смерть; еще тѣмъ не удовольясь, бранилъ мене всячески, називалъ злодѣемъ и другими не потребными словами ругалъ“³⁾.

Тотъ же самый грекъ Христофоръ два года назадъ заграбилъ неводъ у малороссійца, подданныхъ Лизогуба, и причинилъ имъ обиды. Бунчуковый товарищъ Василій Лизогубъ въ 1762 г. доносилъ: „Юня 14 дня (1762 г.) жительствующій въ городѣ Чернѣговѣ грекъ Христофоръ Николаевъ, напавъ со многолюдствомъ, разбойническимъ образомъ на моего неводничого атамана Давида Фурсенка, при озерахъ моихъ Шестовицкихъ находячогось, въ отмѣнность указовъ и малороссійскихъ правъ гвалтовно неводъ мой собственній во сто саженой, которому цѣна рублей шесть десять, отнял и людей моихъ до нага ободралъ, а именно: свить новихъ три, рубахъ паръ двѣ; да тѣмъ же моимъ неводомъ воровски въ озерахъ моихъ заграмотныхъ словлюваетъ рибу (не имѣвши ни единого своего озера) доволнимъ числомъ всегда рибу въ городѣ Чернѣгови продаетъ и ис того себѣ получаетъ денги и чрезъ такъ долгое время онъ грекъ того моего невода удержаніемъ и ежечасно имъ на ползу свою вишъизъявленнимъ употребленіемъ вовся тотъ неводъ согноилъ. 2) Когда тотъ же грекъ Христофоръ въехавши въ мое жъ озеро, около Шестовицы имѣючоесь, прозиваемое вершинъ, потому жъ для ловленя рибы, гдѣ доволно уже и ловилъ, то оние жъ мои люде, заставши его Христофора грека на такомъ воровствѣ, взяли было для поличия дуба его и неводъ, то онъ, набегши гвалтовне на футоръ мой Роздоровскій в многолюдствіи, тамо бывшихъ подданныхъ моихъ почти до полусмерти поперебывалъ, яко то Ивана Поліевина, а жену его вовся з діетми малими, в воспи находячимися, перепужалъ, окна въ той хатѣ повибывалъ, особливо же на тотъ часъ згодившихся моихъ неводничихъ предписаного атамана Фурсенка Кѣрѣка.....по тому жъ до полу-

¹⁾ Х. И. А., М. К., № 11775.

²⁾ Иб., № 12532.

³⁾ Х. И. А., М. К., № 24145.

смерти поприбываль и взятіи тѣми моими подданными тотъ его грека неводъ и дуба гвалтовне жъ отобраль“¹⁾).

Нельзя сказать, чтобы Христофоръ былъ единичнымъ явленіемъ. Насилія всевозможнаго рода въ греческой общинѣ были заурядны.

Въ 1732 г., въ Филипповъ постъ, македонскіе греки Анастасій Максимовъ и Фотій Фемелѣевъ напали ночью на жену Маркачана и „на женъ Зофѣри Мануйлова и Костѣ Дмитріева, насиліемъ хотя надъ ними учинитъ нѣкоторое свое злоумишленіе, били смертно“; а Ѳедора Мазаракина прибили до полусмерти; кромѣ этого нападавшіе похитили у жены послѣдняго „гвалтовне“ „манисто перловое, червоними перенизанное“ и другія вещи²⁾).

Обласканные и облагодѣтельствованные въ Малороссіи греки часто за добро платили зломъ.

Болгарскіе купцы Дмитрій Хажи, Юрій и Петръ въ 1734 г. наняли въ Малороссіи шесть душъ малороссіянъ: Ефрема Артемова — уроженца г. Нѣжина, Тимофея Кондратова Олховиченка — уроженца г. Воронежа, Ивана Тарасова Грушницкаго — уроженца г. Полтавы и другихъ, наняли въ Турцію съ условіемъ доставить ихъ обратно въ Малороссію. Но въ Константинополѣ бросили ихъ на произволъ судьбы. Брошенные безпомощные явились къ русскому резиденту въ Царьградѣ. Слѣдствіемъ этого былъ указъ, чтобы греки не вывозили малороссіянъ за границу въ качествѣ наемниковъ³⁾).

Дѣло же о насиліи надъ капитанской женой грека Шпиноли, дѣло гречанки Анастасіи, вышедшей замужъ за канцеляриста Коншица, гдѣ онъ подвергается насилію со стороны родственниковъ жены, могутъ намъ подтвердить, что братчики не всегда могли оказать цивилизующее вліяніе на окружающее населеніе.

Мы видѣли, что при постройкѣ греческой нѣжинской церкви средства братства были небольшія, грековъ, живущихъ въ Нѣжинѣ, было немного, и лишь благодаря энергіи Христула постройка церкви была доведена до конца. Послѣ учрежденія братства средства церкви постепенно растутъ, число братчиковъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе братской общины. Деревянная небольшая церковь постепенно обветшала, а средства братства уже дозволяли приступить къ ея поправкѣ, на что ктиторы Николай и Псай въ 1719 году выпросили дозволеніе у администратора Кіевской митрополіи Кирилла Шумлянскаго⁴⁾. За такимъ же дозволеніемъ греки отнеслись и къ гетману Скоропадскому. Скоропадскій, „вѣдаючи въ томъ ихъ же богоугодное и достохвальное быти дѣло“⁵⁾, разрѣшилъ имъ передѣлать деревянную церковь на каменную. Не имѣя все-таки значительныхъ средствъ, греки сначала предполагали пока выстроить каменный фундаментъ, а затѣмъ, когда позволятъ средства то и всю церковь вывести каменную, и вмѣсто того, чтобы поправлять старую, ктиторы рѣшили устроить новую, но для этого не доставало мѣста. Съ греческой

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 1224.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 3313.

³⁾ Ibid., № 22091.

⁴⁾ Акты, стран. 20.

⁵⁾ Ibid., стран. 63.

церковью сосѣдило мѣсто нѣжинскаго купца и мѣщанина Савы; по смерти его это мѣсто перешло по наслѣдству во владѣніе его жены, которая, овдовѣвъ, приняла иночество¹⁾). Инокія Меланья согласилась подарить греческой церкви часть своего двора, лежащую между вновь начинаемой каменной церковью и вновь выстроенной хатой Меланьи, а другую часть двора съ тремя хатами, ледникомъ и съ прочими надворными строеніями она согласилась уступить братству за 2000 золотыхъ. Получивши въ даръ и прикупивши такое значительное мѣсто, греки могли построить здѣсь хорошій каменный храмъ, подѣ церковью и во дворѣ выстроить удобныя кладовыя для храненія товаровъ. Кладовыя, построенныя греками, дѣйствительно были удобны, вмѣстительны и по тому времени значительны; не одни только греки могли помѣщать туда свои товары, но и вещи постороннихъ лицъ хранились въ этихъ кладовыхъ. У нѣкоторыхъ грековъ были собственные склады, другіе сдавали свои товары въ общія хранилища. Товары нѣжинскихъ грековъ Липсановъ мы находимъ въ склепѣ греческой нѣжинской церкви²⁾). Имущество грека Курбанова положили „въ амбаръ греческой церкви“³⁾). Жена майора Григорія Козяева оставила свою „скрыню“ въ греческой церкви, въ склепѣ грека Анастасія Шакаты“ (1751 г.)⁴⁾. Сундуки грека Николаева были поставлены въ церкви братства.

Во дворѣ церковномъ собирались братчики для рѣшенія братскихъ дѣлъ: для выбора ктиторовъ церкви, для выбора засѣдающихъ въ судѣ и пр.; здѣсь происходилъ братскій канунъ, сюда являлись съ товарами пріѣзжіе купцы, однимъ словомъ, все дѣла братства вѣдались здѣсь. Дворъ этотъ въ послѣдствіи универсаломъ Даніила Апостола отъ 7 сентября 1730 г. былъ освобожденъ отъ всехъ повинностей, консистентовъ и постоевъ⁵⁾). Средства братства постепенно увеличивались, и церковь братская стала располагать значительными капиталами, которые она ссужала братчикамъ подѣ проценты, взимая обыкновенно 10%, хотя желающіе изъ братчиковъ добровольно давали и больше, напр. по 20%⁶⁾). Капиталы церковныя и нараставшіе на нихъ проценты шли на праздничное священникамъ и дьякамъ, раздавались вдовамъ, странникамъ, а также лишившимся, конечно, по несчастью, купечества — „отпалымъ отъ купечества людямъ“, какъ выражаются Акты (стр. 78); на эти же деньги содержались сироты и обучающіеся грамотѣ „писанью“ мальчики, изъ этихъ же суммъ платили учителямъ⁷⁾). Иначе говоря, при церкви греческой было нѣчто въ родѣ богадѣльни — гошпиталь и школа, изъ которой потомъ въ XIX вѣкѣ (1817 г.) возникло греческое Александровское училище, пользующееся съ 1860-хъ годовъ правами уѣзднаго училища⁸⁾).

Во второй половинѣ XVIII столѣтія (въ 1760-хъ годахъ) греки имѣли воз-

¹⁾ Ibid., стр. 64.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 3313, а также см. Д. Мол. Кол. 1772 г., № 14.

³⁾ Румянцовскій музей, № 3537, 1758 г.

⁴⁾ Ibid., 1751 г.

⁵⁾ Акты, стр. 68.

⁶⁾ Ibid., стр. 78.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Демонтовичъ, Черниговской губ., стр. 625.

возможность создать новую каменную, хорошо обстроенную церковь¹⁾. Возлѣ этой церкви находилось казенное мѣсто, отдававшееся на откупъ; греки просили Сенать отдать его имъ за прежнюю цѣну для постройки каменныхъ лавокъ. 17 февраля 1769 г. Сенать удовлетворилъ просьбу грековъ²⁾.

Въ 1772 г. нѣжинскій магистратъ, по указу Правительствующаго Сената, отвелъ за городомъ подъ кладбище для греческой и троицкой церквей ниву, принадлежавшую казакамъ Баглаямъ. Казаки жаловались на магистратъ и пришли съ жалобой къ эпитропамъ греческой церкви. Чтобы успокоить казаковъ, эпитропы уплатили имъ 20 руб. за ниву. Эпитропы обѣщались на свой счетъ устроить церковь и ограду на кладбищѣ, почему и не хотѣли, чтобы братчики участвовали во взносѣ известной платы, разложенной на всѣхъ прихожанъ. Магистратскіе урядники и гражданское общество прихожанъ требовали этой платы. И когда греки въ торжественной процессіи явились хоронить Псалтія на новоотведенномъ мѣстѣ, то магистратскіе урядники не дали опустить тѣло въ приготовленную могилу и только сжалившись дозволили вырыть новую въ другомъ мѣстѣ, почему тѣло и все духовенство ожидали въ полѣ часа три.

Греки жаловались въ Сенать. Послѣдовалъ указъ успокоить греческое братство³⁾. И дѣйствительно, мы знаемъ, что при греческой нѣжинской церкви было свое кладбище, на которомъ погребены были братчики.

Варлаамъ Ясинскій, грамотой отъ 3 іюля 1696 г., утвердилъ существованіе братства. По этой грамотѣ братство въ духовномъ отношеніи зависѣло только отъ митрополита Кіевского „съ належитостію вѣчистою присутственною и послушательною ни до кого же иного, токмо до православнаго престола Нашего Митрополитанскаго Кіевского Свято Софійскаго“⁴⁾.

Что касается внутренняго распорядка, то этимъ завѣдывало братство. Братство имѣло право выбирать священника по своему желанію, но съ разрѣшенія и утвержденія митрополита — „обаче не безъ благословенія отъ престола Нашего Митрополитанскаго Кіевского“⁵⁾. При выборѣ священника братство должно было смотрѣть, чтобы онъ былъ „богобоязненный и благоразумный, въ греческомъ писаніи искусный, аще же возможно и въ словеноросскомъ“⁶⁾. Какъ братство было вольно „по своему общему совѣту“ выбирать священника, то также оно имѣло право и отказать ему даже среди года, то-есть „прежде исполненія года“⁷⁾. Содержаніе священникамъ братство назначало по уговору „отъ своего общаго братскаго собранія“, вѣроятно, такъ же, какъ и малороссійскіе обыватели условливались со своими священниками.

Въ дѣлахъ церковныхъ участвовали не только одни живущіе греки, но также и пріѣзжіе, и не только греки, но и вписавшіеся въ братство волохи. Приходскіе священники не должны препятствовать этому „во ежебы въ томъ священници Па-

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 14243.

²⁾ Ibid., № 20276.

³⁾ Ibid., № 5513.

⁴⁾ Акты, стран. 13.

⁵⁾ Ibid., стран. 14.

⁶⁾ Ibid., стран. 14.

⁷⁾ Ibid.

рохіальній Нѣжинській, въ ихъ же парохіяхъ такоїи странствующіи Греческіи купцы пристанище себѣ обращуть, препоны не творили“¹⁾. При церкви разрѣшалось имъ устроить школу для обученія мальчиковъ греческой грамотѣ — „школу ради ученія отроковъ письмени Греческого“, а „ради пристанища и препитанія убогихъ и недужныхъ“²⁾ — шпиталь — богадѣльню.

Эта грамота не поставила сразу въ независимое положеніе греческую общину и не избавила ея отъ притязаній мѣстнаго духовенства. Дѣйствительно, протопопъ нѣжинскій Павелъ Яворскій жаловался митрополиту Іоасафу Краковскому, что греческое братство не повинуется ему и „безъ его благословенія и квитовъ въ станъ малженскій своего рода людемъ вступовати допускають“; греки, которые по другимъ приходамъ живутъ, не удовлетворяютъ своихъ священниковъ, а съ требами обращаются къ греческому священнику.

Митрополитъ Іоасафъ внялъ жалобѣ Яворскаго и выдалъ указъ, которымъ приказывалъ греческому братству быть въ зависимости и отъ нѣжинскаго протопопа, и прежде чѣмъ относиться къ греческому священнику, греки должны были „уконтентовать“ священника своей парохіи. Тогда греки послали Николая Сербина хлопотать передъ кіевскимъ митрополитомъ, и имъ удалось получить грамоту, подтверждающую независимое положеніе братской общины (1714 г., 25 октября)³⁾.

Квитовую дань греки должны были платить воскомъ и ладаномъ; — „квитовый доходъ, яко духовное дѣло, въ катерду Нашу повиненъ отдаватися, а имѣеть отдаватися въ годъ не грошми, тилко воскомъ и ладаномъ, полъ камня⁴⁾ ладону, камень воску, якожь и належитость рочная дається тоеюжь вагою; а такъ совокупивши рочную дань и квитовую, повинно будетъ братство въ годъ привозити два камня воску, камень ладону до Церкви Нашей Катердальной“⁵⁾.

Митрополитъ Варлаамъ Ванатовичъ указомъ отъ 16 октября 1723 г. подтвердилъ привилегіи греческой общины⁶⁾.

Исторія съ нѣжинскимъ протопопомъ повторилась и въ 1730-хъ годахъ по тому же поводу.

Митрополитъ Рафаиль Заборовскій разрѣшилъ протопопу нѣжинскому Стефану Волховскому „давать отъ себе квѣты грекомъ, хотящимъ законно брачитися, и за оніе квѣты надлежащій датокъ, взирая на браки, собиралъ бы Отець протопопъ в казну нашу Архіерейскую“. Греки опять хлопотали у митрополита, и онъ имъ подтвердилъ (указомъ 19 января 1733 г.) прежнія привилегіи: „Степану Волховскому до вышпомененнаго братства Греческаго неинтересоватися, и квѣтовъ имъ не давать, и подъ судъ своей команды непривлекать; вмѣсто же квѣтового и рочной дани, честное братство Нѣжинское Греческое, должны по всякъ годъ до церкви нашей катедральной Кіевософійской по два камень воску, и по камнѣ ладану приво-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., 19.

⁴⁾ Камень = 10 пудамъ.

⁵⁾ Акты, стран. 19.

⁶⁾ Ibid., стран. 20—22.

зять для необходимой нужды¹⁾). Браки между греками совершать долженъ былъ священникъ греческой церкви, не спрашивая разрѣшенія у мѣстной власти, соблюдая правила о родствѣ, и только въ январѣ каждаго года долженъ присылать въ митрополию свѣдѣнія о числѣ родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся²⁾).

Слѣдующіе митрополиты: Тимоѳей Щербацкій, Арсеній Могиланскій, Гавріиль и Самуиль своими указами и патентами подтвердили привилегіи братства. Братчики по своему собственному желанію выбираютъ священника для своей церкви на 3 года. Черезъ каждые три года на смѣну одного являлся другой³⁾). Священники обыкновенно призывались изъ Греціи⁴⁾). Священниковъ при церкви было два.

Священнику, по грамотѣ митрополита Арсенія Могиланскаго, подобаетъ „быти трезвенному, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну, непіаницѣ, небійцѣ, несварливу, несребролюбцу, въ послушаніи со всякою чистотою, скверныхъ и бабійхъ басней отрицатися, обучатиже себе ко благочестію, образъ быти вѣрнимъ, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“⁵⁾). Отъ священника требовалось, чтобы онъ говорилъ проповѣди и поученія.

Потомъ въ концѣ XVIII и въ XIX столѣтія братство, въ духовномъ отношеніи, находится въ зависимости отъ черниговскаго архіерея. Такъ, въ 1791 г. священникъ Іоаннъ Стеріевъ, отбывши при греческой церкви свой срокъ, взялъ свободу и отъѣхалъ въ отечество, въ городъ Янинъ. На мѣсто его былъ приглашенъ изъ города Литохора іерей Аванасій. Епископъ Черниговскій Іерофей даетъ ему разрѣшеніе священнодѣйствовать. — „Стараясь при томъ имѣть жизнь трезвенную, со всѣми поступать кротко и обходительно и быть въ обществѣ примѣромъ добраго поведенія“⁶⁾).

Повинность же ладаномъ и воскомъ съ этого времени братство несетъ въ пользу архіерея Черниговскаго⁷⁾). Такъ, въ архивѣ Троицко-Ильинскаго монастыря, гдѣ съ 1790 года находится архіерейскій домъ, мы встрѣчаемъ за 1830—1834 годы слѣдующее доношеніе: „въ сходство введеннаго въ греческомъ нѣжинскомъ обществѣ съ давнихъ временъ обикновенія, посылается при семъ отъ общества греческаго на церковь Вашего Высокопреосвященства черезъ подателя сего, епитропа греческихъ нѣжинскихъ церквей... одинъ пудъ воску и одинъ пудъ ладану, которые низайше просимъ В. В—ство архипастырски принять. Присудствующіе греческаго магистрата...“

Преемники Екатерины II подтверждали права, которыми пользовалось греческое братство. Указомъ 3 августа 1797 г. Павелъ предписалъ „общество грековъ, въ Нѣжинѣ поселившихся, сохранять ненарушимо при всѣхъ правахъ и преимуществахъ, которыя по указамъ 1775 г. 10 февраля и 1785 г. 1 сентября присвоены“⁸⁾).

¹⁾ Акты, стран. 28.

²⁾ Ibid., стран. 29.

³⁾ Ibid., стран. 36—37.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Арх. Ист.-фил. лицея кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

⁷⁾ М. Плохинскій. Архивы Черниг. губ., стран. 47. Москва, 1899 г.

⁸⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18071.

При вступленіи на престоль Александра I, греки подали черезъ своего депутата Евстрата Деларова просьбу Государю о подтвержденіи ихъ правъ и преимуществъ, на что и была выдана имъ 29 декабря 1801 г. грамота, въ которой „всѣ права и преимущества, въ различныя времена присвоенныя и доселе безъ отмѣны существующія, поколику оныя сообразны съ общими государственными узаконеніями“, утверждены¹⁾.

Братство, попрежнему освобожденное отъ всякихъ государственныхъ повинностей, привлекало къ себѣ грековъ, и мы видимъ въ началѣ XIX столѣтія массу лицъ, желающихъ поступить въ число его членовъ²⁾.

Свободная выдача паспорта для выѣзда за границу³⁾, сравненіе членовъ греческаго братства въ правахъ съ купцами I и II гильдіи⁴⁾ — все это, конечно, привлекало грековъ, выходцевъ изъ Турціи, вступать подъ протекторатъ братства. Въ концѣ XVIII столѣтія, южные предѣлы русскаго государства доходятъ до Чернаго моря, на берегу понта Эвксинскаго вырастаютъ новые промышленные города Одесса, Таганрогъ, Севастополь, проходятъ новые торговые пути. Разбогатѣвшіе заграничной торговлей нѣжинскіе купцы начинаютъ основывать и въ другихъ городахъ свои торговля конторы, а затѣмъ совсѣмъ покидаютъ провинціальный городъ, переселяясь или въ промышленные центры, или административные, или культурно-образовательные. Дѣйствительно, по ревизской сказкѣ 1782 г.⁵⁾ грековъ въ Нѣжинѣ жило 408 человекъ мужчинъ и 357 женщинъ. Въ 1846 г.⁶⁾ къ греческому братству было приписано 987 мужчинъ и 804 женщины, а въ гор. Нѣжинѣ проживало 104 мужчины и 95 женщинъ, прочіе же постоянно проживали въ Москвѣ, Таганрогѣ, Одессѣ и пр.⁷⁾. Въ 1861 г. въ Нѣжинѣ владѣло недвижимой собственностью 82 грека, которые пользовались правами дворянъ⁸⁾.

Оставшіеся въ Нѣжинѣ греки, уже въ половинѣ XIX столѣтія, подверглись вліянію окружающаго населенія настолько, что одинъ изъ туристовъ, въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1853 г. писалъ: „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“. Давно ли кажется была во всеобщемъ употребленіи „Россійская географія“ Зябловскаго? А какъ съ того времени много перемѣнилось!... Напримѣръ въ той географіи сказано было, что „Нѣжинъ, нарочито знаменитый городъ, населенъ греками, и ведетъ обширную торговлю съ Турціей“: ни того ни другого давно уже нѣтъ. Есть, правда, здѣсь греческій магистратъ, къ которому приписаны „нѣжинскіе греки“, живущіе въ Москвѣ, Одессѣ, въ Таганрогѣ и другихъ городахъ, есть здѣсь даже и „греческое училище“, есть „греческая церковь“, есть даже нѣсколько жителей съ нѣкоторыми оттѣнками греческой фізіогноміи и съ греческой фамиліей; —

¹⁾ Ibid., т. XXVI, № 20094.

²⁾ Лицей кн. Безбородко.

³⁾ П. С. З., т. XXX, № 22991, 1808 г., XXXVII, № 28566, 1821.

⁴⁾ П. С. З., т. XXXVIII, № 29362, указъ 1823 г., т. XXXIX, № 30115, ук. 1824 г.

⁵⁾ Сторожевскій, „Нѣжинскіе греки“, стран. 14.

⁶⁾ Ж. М. В. Д. 1846 г., № 2. Нѣжинъ. Статистическій очеркъ, стран. 291—292.

⁷⁾ Домонтовичъ, „Черниговская губернія“, стран. 984—985.

⁸⁾ „Черн. Губ. Вѣд.“ 1853 г., № 5.

но грековъ уже нѣтъ въ Нѣжинѣ. Всѣ такъ называемые здѣсь греки уже не умѣютъ говорить по-гречески, но говорятъ прекрасно по-малороссійски, какъ природные хохлы. Въ греческой церкви отправляется богослуженіе на славянскомъ языкѣ, — только уцѣлѣли еще два старые греческіе дячки, которые слабымъ старческимъ голосомъ на славянскую ектенію отвѣчаютъ „киріе елейсонъ“. Здѣшнее „греческое училище“ — развѣ потому только греческое, что содержится изъ суммъ греческаго магистрата; но учениковъ большинство изъ русскихъ, да и всѣхъ-то учащихся въ этомъ училищѣ не наберется сотня. Это училище стоитъ на одной улицѣ съ уѣзднымъ училищемъ и по курсу своихъ наукъ отличается отъ своего сосѣда только тѣмъ, что въ немъ нашъ русскій священникъ преподаетъ и греческій языкъ. На одной улицѣ два уѣздныя училища — да это роскошь! Нельзя послѣ этого не полюбопытствовать: сколько же учениковъ въ уѣздномъ училищѣ негреческомъ? Отвѣчаетъ таже цифра, что въ греческомъ¹.

А Сторожевскій въ своей замѣткѣ о нѣжинскихъ грекахъ говоритъ: „около сотни аки — оки — ати — пуло, большею частью ремесленниковъ, незначительныхъ торгашей, лавочниковъ и праздношатающихся бѣдняковъ, живущихъ на счетъ общества и его даяніями, составляютъ нѣжинское греческое общество въ его теперешнемъ мѣстномъ составѣ; отдѣльно отъ него, безъ всякихъ съ нимъ связей и частныхъ и общественныхъ, стоятъ нѣсколько лицъ греческаго происхожденія, рѣзко отличаясь и образованіемъ и общественнымъ уваженіемъ, и скорбя объ упадкѣ славной и полезной ихъ корпораціи“. Вотъ эти-то отдѣльно стоящіе греки вѣрно и есть тѣ 82 владѣльца, о которыхъ упоминаетъ Домонтовичъ.

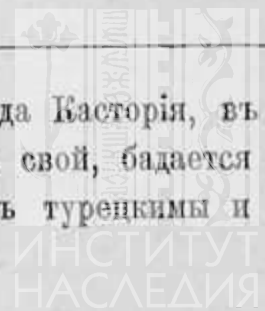
При введеніи городского положенія въ 1870 г. греческій магистратъ былъ уничтоженъ. Связь между членами братства рушилась, и греки потеряли всѣ свои привилегіи²).

¹) Сторожевскій, „Нѣжинскіе греки“, стран. 28.

²) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXI, стран. 453.

Вѣдомость за силу указа Ея Императорскаго Величества изъ Малороссійской Коллегіи въ Греческое Нѣжинское Братство присланного, кто имянно Греки жители нѣжинскіе порознь и откуда и какъ давно въ Нѣжинѣ находятся и какимъ промысломъ бавятся, такожъ подвѣдомствомъ того Греческаго Братства разнаго званія людей коликимъ числомъ состоитъ, учиненная по показаніямъ самихъ оныхъ грековъ наличныхъ. 1765 годъ Іюня 5 дня.

<p>Греки. Юрій Ѳеодоровъ Венеціановъ нынѣшній судія Греческаго Братства, женатъ.</p>	<p>Зъ провинціи Пеллопонисіи находятся въ Нѣжинѣ съ 1720 году, жительствоуетъ своимъ домомъ, имѣетъ торгъ въ Царградъ и въ Великороссію товарами: кумачами, шелкомъ, заполочь, ладаномъ, мякотными и другими разными.</p>
<p>Иванъ Ѳеодоровъ Мецови нынѣшній судія Греческаго Братства, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи, Прикальскаго уѣзду зъ села Мецо находится въ Нѣжинѣ съ 1732 года, жительствоуетъ своимъ домомъ, имѣетъ торгъ въ Македонію въ Царградъ и въ великороссію пушными и турецкими товарами шелкомъ кумачами и другими, такожъ на россійскую фабрику шерсть вистатчаеть.</p>
<p>Николай Алексѣевичъ нынѣшній судія Греческаго Братства, женатъ.</p>	<p>Турецкой области зъ города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1740 году, жительствоуетъ своимъ домомъ, торгъ въ Великороссію, въ Сибѣрь, въ турецкую область, въ Царградъ и другіе мѣста.</p>
<p>Ралій Ивановъ нынѣшній судія Греческаго братства, женатъ.</p>	<p>Провинціи Македонской зъ города Касторія, въ Нѣжинѣ съ 1735 году, имѣетъ домъ свой, бадается привозомъ волоскихъ винъ и торгуеть турецкими и Россійскими пушными товарами.</p>

<p>Николай Евстафиевъ Лагуштка, женатъ.</p>	<p>Иперской провинціи зъ города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1728 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ Россійскими мякотными и турецкими кумачами, ладаномъ, запалочъ, шелкомъ и другими разными товарами.</p>
<p>Димитрій Пантызулій, женатъ.</p>	<p>Иперской провинціи зъ города Янина, въ Нѣжинѣ съ 1744 году, жительствуетъ своимъ домомъ, промышляетъ россійскими пушными и турецкими: кумачами, ладаномъ, шелкомъ, запалочью и другими разными товарами.</p>
<p>Димитрій Юріевъ Шляхта, женатъ.</p>	<p>Турецкой области, Македонской провинціи, зъ города Касторія, находится въ Нѣжинѣ съ 1736 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ Турецію въ Царградъ и въ Россію россійскими пушными и турецкими разными товарами — шелкомъ, кумачами, запалочью и другими.</p>
<p>Иванъ Димитріевичъ Кумбурлѣй, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи зъ города Касторія, заехалъ въ Нѣжинъ въ 1718 году, жительствуетъ своимъ домомъ, дѣти жъ его сии Иванъ, Василій, Григорій и Михаилъ Кумбурлѣенки, родившіеся въ Нѣжинѣ и купно съ нимъ жительствующие торгуютъ пушными великороссійскими, да заграничными турецкими: шелкомъ, запалочью, кумачами, ладаномъ и другими разными товарами.</p>
<p>Петръ Демановъ, женатъ.</p>	<p>Родился въ городѣ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ находится съ 1729 году, торгуетъ товарами пушными, ладаномъ, кумачами, запалочью и другими разными; отецъ же его умершій былъ грекъ Македонской провинціи, а какого города не ведаеть затѣмъ, что остался малолѣтенъ.</p>
<p>Дука Ивановъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области Иперской провинціи зъ села Делвинъ, находится въ Нѣжинѣ съ 1738 году и жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ Россіи разными турецкими и Россійскими пушными товарами.</p>

<p>Дмитрій Ѳедоровъ Мецовитъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области зъ села Мецова, находится въ Нѣжинѣ съ 1739 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ турецкую область и въ Россіи разными Россійскими мякотными и турецкими, кумачными и иными товарами и поставляетъ въ великороссію на фабрику турецкую шерсть.</p>
<p>Афанасій Филиповъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области зъ города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1762 году, привозитъ зъ Цесаріи въ Россію сѣнокосніе косы и отпускаетъ за границу російскіе мякотніе товары.</p>
<p>Николай Юріевъ Мантовъ, холостъ.</p>	<p>Родился въ Нѣжинѣ, жительствуетъ своимъ домомъ, отецъ же его былъ грекъ Иперской провинціи зъ мѣстечка Богдори и, будучи въ живыхъ, содержалъ въ откупъ малороссійской индуктовой зборъ, а онъ Николай купечествомъ не бадается.</p>
<p>Михайло Евстафіевъ Садовниковъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области зъ города Царграда, находится въ Нѣжинѣ съ 1739 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ турецкую область и въ Россіи разными російскими мякотными и турецкими бумажными и иными товарами, и привозитъ изъ Царграда и производитъ въ Нѣжинѣ-жъ въ лавкѣ въ продажу сѣстніе бакалѣйніе и другіе вещи.</p>
<p>Иванъ Михайловъ Караманлѣи, женатъ.</p>	<p>Родился въ Нѣжинѣ, имѣетъ домъ свой, отецъ его умершій Михайло Караманлѣй былъ зъ Царграда, торгуетъ пушными, кумачными, шелкомъ и другими разными товарами.</p>
<p>Константинъ Ивановъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области зъ мѣстечка Провадъ, наехалъ въ Нѣжинъ съ 1745 году, промишляетъ товарами пушными, кумачами, заполочию и другими.</p>
<p>Ананій Павловъ Морайтъ, женатъ.</p>	<p>Родился въ Нѣжинѣ, живетъ домомъ своимъ, привозитъ зъ Цесаріи сѣнокосніе косы, а туда отпускаетъ красную юфту; отецъ же его былъ грекъ турецкой области зъ города Пеллопоніи.</p>

<p>Анастасій Павловъ Кли-ца, женатъ.</p>	<p>Турецкой области зъ города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1731 году, жительствуетъ своимъ домомъ, промышляетъ въ Россіи, в оную турецкую область разными турецкими и російскими товарами.</p>
<p>Николай Вангелій, вдовъ.</p>	<p>Иперской провинціи з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1738 году, живетъ своимъ домомъ, торгуетъ нѣмецкими суконными товарами.</p>
<p>Иванъ Юріевъ Капитанъ, женатъ.</p>	<p>Иперской провинціи з города Янина, в Нѣжинѣ съ 1730 году, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ мякотными, кумачными, заполочью и другими разными товарами.</p>
<p>Иванъ Юріевъ Марковичъ, женатъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, торгуетъ въ лавкѣ Гданскими гарусными товарами, камками, штаметами и другими, отецъ же его умершій былъ Иперской провинціи з города Янина.</p>
<p>Максимъ Василювъ Салата, женатъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ кумачами и мякотнымъ товаромъ, отецъ его умершій былъ Грекъ, а онъ вѣдать не можетъ, затѣмъ, что остался по отцу малолѣтенъ.</p>
<p>Юрій Алексѣевъ Артино, холостой.</p>	<p>Провинціи Элади, з села Веретеницѣ, захалъ в Нѣжинъ съ 1728 годъ, живетъ своимъ домомъ, бадается содержаніемъ в Нѣжинѣ кожевного заводу.</p>
<p>Павель Алексѣевичъ Артино.</p>	<p>Турецкой области, провинціи Элади з села Веретеницы, находится в Нѣжинѣ съ 1732 годъ, имѣетъ свой домъ торгуетъ товарами мякотными російскими и турецкими — заполочью и кумачами.</p>
<p>Юрій Василювъ Проценко, женатъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ торгуетъ в лавки парчами, шелковымъ и другимъ разнымъ товаромъ, отецъ же его былъ Грекъ Македонской провинціи, а какого города не ведаеть, затѣмъ, что по немъ остался малолѣтенъ.</p>

<p>Афанасій Ивановъ Артино, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Арти находится в нѣжинѣ съ 1733 году, и жительствуетъ своимъ домомъ, отпускаетъ въ Царградъ и другіе оной турецкой области места мякотніе російскіе, а оттоль привозитъ въ Россію турецкіе кумачніе и инніе товары.</p>
<p>Димитрій Иванъ и Статѣй Николаевичи Караманлѣи холостіе.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ дѣдъ ихъ грекъ, умершій Михайло Караманлѣй, былъ з Царграда; торгуютъ кумачами, шелкомъ, ладаномъ, пушными и другими разными товарами.</p>
<p>Димитрій Панахристовъ, женатъ.</p>	<p>Иперской провинціи з города Янина, в Нѣжинѣ съ 1728 году, торгуетъ товарами мякотными и турецкими кумачами и другими.</p>
<p>Юрій Димитріевъ Лазаревъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Святія Мавры находится въ Нѣжинѣ съ 1752 году и жительствуетъ своимъ домомъ, промышляетъ вывозомъ из волоцины и продажею въ Нѣжинѣ волоского вина и разныхъ сахарныхъ водокъ и другихъ напитковъ.</p>
<p>Анастасій Павловъ Казнаферъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Янина, находятся в Нѣжинѣ съ 1731 году и жительствуетъ своимъ домомъ, прежде торговалъ в оную турецкую область разными турецкими и російскими товарами. А нынѣ до разделки з своими должниками оставилъ.</p>
<p>Еедоръ Петровъ Волковъ, женатъ.</p>	<p>Крымской области з города Козлева, находятся в нѣжинѣ с 1736 году, и жительствуетъ своимъ домомъ прежде торговалъ бакалѣею, а нынѣ обрѣтается у своду торговыхъ договоровъ между купечествомъ.</p>
<p>Дементій Юрьевъ Ликопа, женатъ.</p>	<p>Отець его умершій Юрій Ликопа Грекъ былъ турецкой области у Царграда; а онъ Дементій родился в Нѣжинѣ и жительствуетъ своимъ домомъ, обретається у своду торговыхъ между купечествомъ договоровъ и промышляетъ куплею и продажею лошадей.</p>
<p>Тавро Діамантіевъ Керержовъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Царграда, находится в Нѣжинѣ съ 1754 году, промышляетъ продажею вареного кофе.</p>

<p>Лукианъ Евстатіевъ, женатъ.</p>	<p>Крымской области, з города Очакова находится в Нѣжинѣ съ 1736 году, промишляеть вывозомъ у Царграда и продажею в Малороссіи бакалѣи.</p>
<p>Димитрій Лукяновъ Софроновъ, вдовъ.</p>	<p>Турецкой области з города Касторіи, находится в Нѣжинѣ съ 1722 году, жительствоуетъ своимъ домомъ торгуеть въ Нѣжинѣ въ лавки разными царградскими съѣстными вещами.</p>
<p>Дементій Димитріевъ Касторіано, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Касторія, находится в Нѣжинѣ съ 1728 году, жительствоуетъ своимъ домомъ, торгуеть въ Царградъ російскими пушными, а в Россіи турецкими кумачами, шелкомъ и другими товарами.</p>
<p>Яніи Михайловъ Дамала, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з острова Хи, находится в Нѣжинѣ съ 1759 году, производитъ в продажу в Нѣжинѣ жъ в лавки среде посной табакъ и вареное кофе.</p>
<p>Стоянъ Петровъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Салоники, находится въ Нѣжинѣ съ 1760 году, жительствоуетъ своимъ домомъ бадаеться бламарническимъ ремесломъ.</p>
<p>Павель Николаевъ Мургановъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области города Ямбула, в Нѣжинѣ с 1735 году находится у своду торговыхъ договоровъ между купечествомъ.</p>
<p>Янъ Димитріевъ Шпано, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Арвантахоръ находится въ Нѣжинѣ съ 1739 году, жительствоуетъ своимъ домомъ, бавитса ремесломъ бламарническимъ.</p>
<p>Дука Статѣевъ, женатъ.</p>	<p>Иперской провинціи з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1745 году, промишляеть привозомъ изъ волоцины волоскыхъ винъ.</p>
<p>Зой Анастасіевъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1731 году, бадаеться баришничествомъ.</p>

<p>Янъ Юріевъ Сердюкъ, вдовъ.</p>	<p>Турецкой области з города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1706 году, бадается баришничествомъ.</p>
<p>Димитрій Афанасіевъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1752 году, имѣеть свой домъ, промишляеть привозомъ изъ волощины и продаеть в Нѣжинѣ волоскихъ винъ.</p>
<p>Димитрій Николаевъ Шарганъ.</p>	<p>Отець его умершій Николай Шарганъ былъ з города Янина, а онъ Димитрій рѣдился в Нѣжинѣ, находится прикажчикомъ при Московскомъ купце Журавлеве.</p>
<p>Димитрій Юріевъ.</p>	<p>Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1731 году, торгуеть в Царградѣ и Россіи разными товарами.</p>
<p>Христа Ставровъ, же- натъ.</p>	<p>Турецкой области з мѣстечка Раховицы, находится в Нѣжинѣ съ 1750 году, жительствоуетъ своимъ домомъ, бадается привозомъ изъ волощины и продажею волоскихъ винъ.</p>
<p>Ламбра Николаевъ, удовъ.</p>	<p>Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1732 году, бадается баришничествомъ.</p>
<p>Христофоръ Евста- фіевъ, удовъ.</p>	<p>Турецкой области з мѣстечка Погдозіяни, находится въ Нѣжинѣ съ 1706 году, жительствоуетъ своимъ домомъ и за старостю ни чемъ не купечествоуетъ.</p>
<p>Кирыкъ Димитріевъ, же- натъ.</p>	<p>Турецкой области з города Правоти, находится в Нѣжинѣ съ 1744 году, жительствоуетъ своимъ домомъ, бадается продажею в Нѣжинѣ бакалѣйныхъ вещей.</p>
<p>Иванъ Косяновскій, же- натъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Турнава, находится в Нѣжинѣ съ 1714 году, жительствоуетъ своимъ домомъ, бадается при купцахъ баришничествомъ.</p>

<p>Пасхалій Сатиръ, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Ларса, находится в Нѣжинѣ съ 1754 году, и имѣеть свой дворъ, шинкуеть водкою и другимъ напиткомъ.</p>
<p>Анастасій Ѳедоровъ Кара, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Арты, находится в Нѣжинѣ съ 1762 году, бадаеться ремесломъ — баришническимъ.</p>
<p>Николай Константиновъ Буро, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи з мѣстечка Аи, находится в Нѣжинѣ съ 1725 году, жительствоеть своимъ домомъ, бадаеться баришничествомъ.</p>
<p>Роза Ивановъ Турновитъ, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Турнова, находится в Нѣжинѣ съ 1759 году, жительствоеть своимъ домомъ, торгуетъ бакалѣю.</p>
<p>Христофоръ Ивановъ, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Турнова, находится въ Нѣжинѣ съ 1756 году, торгуетъ водкою, медомъ и другимъ напиткомъ.</p>
<p>Янъ Константиновъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з острова Крити, находится в Нѣжинѣ съ 1759 году, бадаеться продажею вареного кофе и разныхъ сладкихъ водокъ.</p>
<p>Юрій Николаевичъ, женатъ.</p>	<p>Македонской области з города Сатста, находится в Нѣжинѣ съ 1763 году, торгуетъ варенымъ кофею.</p>
<p>Хаджи Петро Ивановъ, женатъ.</p>	<p>Македонской области уезду Салунского села Батіоны, находится в Нѣжинѣ съ 1718 году, имѣеть свой домъ, торгуетъ бакалѣю.</p>
<p>Николай Филиповъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Янина, находится в Нѣжинѣ, съ 1759 году, бадаеться продажею кофе вареного.</p>
<p>Димитрій Ѳемелевъ, холость.</p>	<p>Отець его умершій былъ Македонской провинціи, Трикалского уезду з села Мецо, онъ же Димитрій родился в Нѣжинѣ, жительствоеть своимъ домомъ, торгуетъ кумачами, пушными и другими товарами.</p>

<p>Стерій Алексѣвичъ, женатъ.</p>	<p>Македонской провинці уезду Трикалскаго з села Мецо, находится в Нѣжинѣ съ 1744 году, торгуетъ кумачами, шелкомъ, пушными и другими разными товарами.</p>
<p>Иванъ Прокопѣевъ Костергаровъ, женатъ.</p>	<p>Родился въ Нѣжинѣ, дѣдъ его умершій былъ Иперской провинці з города Янина, жительствоуетъ своимъ домомъ, торгуетъ пушными, кумачами и другими товарами.</p>
<p>Юрій Димитріевъ Дежеи, женатъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ жительствоуетъ на своемъ грунтѣ купечества не продолжаетъ отецъ его умершій Димитрій былъ грекъ з Венеціи з города Корфи.</p>
<p>Михайло Павловъ Сѣмяковъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Азова находится в Нѣжинѣ съ 1710 году, бавится ремесломъ кравецкимъ.</p>
<p>Константинъ и Пантелѣй Николаевы Судаклѣви, холостіе.</p>	<p>Родились в Нѣжинѣ, торгуютъ пушными російскими и турецкими кумачами, заполочию и другими товарами, отецъ же ихъ былъ грекъ турецкой области з города Филипополя.</p>
<p>Аѳанасій Сафроновъ, холостой.</p>	<p>Родился въ Нѣжинѣ жительствоуетъ своимъ домомъ вывозитъ изъ Цесаріи сѣнокосніе косы и оними и другими товарами промишляетъ, отецъ же его турецкой области з города Митилины.</p>
<p>Аѳанасъ, Николай, Иванъ и Димитрій Статѣви, холостіе.</p>	<p>Родились в Нѣжинѣ жительствоуютъ своимъ домомъ бавятся Николай золотарскимъ, Иванъ бламарническимъ, а Димитрій кравецкимъ ремествами; Аѳанасій же служитъ при купцахъ, а отецъ ихъ былъ грекъ Македонской провинці, а какого города невѣдаютъ за темъ, что по нему малолѣтними остались.</p>
<p>Димитрій Захаріевъ Андриянопольскій, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Адрианополя находится в Нѣжинѣ съ 1736 году торгуетъ волоскимъ виномъ.</p>
<p>Иванъ Константиновъ Папазулъ, женатъ.</p>	<p>Кримской провинці з города Козлева находится въ Нѣжинѣ съ 1736 году, живетъ на своемъ грунтѣ торгуетъ в лавки бакалѣйными вещми и разными мелочами.</p>

<p>Антонъ Анастасіевъ Поповичъ.</p>	<p>Кримской провинціи з мѣстечка Карасова, находится в Нѣжинѣ съ 1745 году, торгуетъ разными старимы з одежи и прочіихъ вещей мѣлочами.</p>
<p>Данило и Федоръ Орликови, холостіе.</p>	<p>Родились в Нѣжинѣ, промышляютъ пушными кумачными и другими товарами, отецъ же ихъ былъ з волостины, з города Ясъ.</p>
<p>Юрій Ѳедоровъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Андрианополя, находится в Нѣжинѣ съ 1750 году, промышляетъ товарами пушными кумачами заполочю и другими и поставляетъ на фабрику російскую шерсть з турецкой области.</p>
<p>Антонъ Татархристовъ.</p>	<p>Турецкой области з города Андрианополя, находится в Нѣжинѣ съ 1724 году, торгуетъ трубками, свечми и другими разными мѣлочми з братомъ Анастасіемъ холостимъ.</p>
<p>Димитрій Ѳедоровъ, женатъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ жительствуетъ своимъ домомъ, бавится ремесломъ шапочницкимъ, отецъ его былъ умершій турецкой области з города Касторія.</p>
<p>Аванасій Ризовъ, женатъ.</p>	<p>Иперской провинціи з города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1735 году, торгуетъ в лавки красною рыбою и икрою.</p>
<p>Маргаритъ Кириловъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области провинціи Элади з города Тирнава Ларинскаго, в Нѣжинѣ съ 1735 году, промышляетъ разными цареградскими и російскими пушными товарами.</p>
<p>Ѳедоръ Литинъ.</p>	<p>Провинціи Элади города Тирнава Ларійскаго, в Нѣжинѣ съ 1735 году, промышляетъ разными цариградскими и Російскими пушными товарами.</p>
<p>Николай Метакса, женатъ.</p>	<p>Провинціи Иперской з города Янина находится в Нѣжинѣ съ 1730 году, купечествомъ нынѣ не бавится.</p>

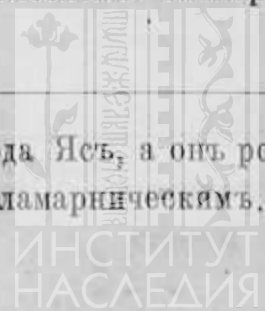
<p>Константи́нъ Димит- ріевъ.</p>	<p>Провинціи Иперской з города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1758 году торгуетъ бакалѣею.</p>
<p>Николай Стефановъ Се- стрица, женатъ.</p>	<p>Родился въ Нѣжинѣ, жительствуетъ своимъ домомъ, торгуетъ волоскимъ виномъ, отецъ же его былъ з во- лощины з города Ясъ.</p>
<p>Иванъ Марковъ, же- натъ.</p>	<p>Иперской провинціи з города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1798 году, жительствуетъ своимъ домомъ, содержитъ в откупѣ карантинной василковской домъ и промишляетъ волоскимъ виномъ.</p>
<p>Апостолий Ѳеодоровъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области Иперской провинціи з города Арты находится в Нѣжинѣ съ 1750 году, бадается сводомъ торговыхъ договоровъ между купечествомъ.</p>
<p>Діамантій Николаевъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области Иперской провинціи з города Янина, находится въ Нѣжинѣ съ 1750 году, торгуетъ в Россіи разными мякотными російскими и турецкими кумачами запалочю и другимы товарами.</p>
<p>Анастасій Ивановъ.</p>	<p>Иперской провинціи з города Янина, находится в Нѣ- жинѣ съ 1739 году, промишляетъ печеніемъ и про- дажею плачиндъ.</p>
<p>Стефанъ Евстафіевъ, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Арвантохори, в Нѣ- жинѣ съ 1739 году, бадается сводомъ торговыхъ между купцами договоровъ.</p>
<p>Анастасій Ѳеодоровъ Га- ленжій, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи города Софіи, находится въ Нѣжинѣ съ 1752 году, живетъ своимъ домомъ, тор- гуетъ мушкательнымъ виномъ.</p>
<p>Ленаро Мансовъ.</p>	<p>Иперской провинціи мѣстечка Дряноцеля, находится в Нѣжинѣ съ 1739 году, торгуетъ товарами пушными запалочю кумачами и другимы.</p>

<p>Антонъ Оедоровъ Камарашевъ, женать</p>	<p>З Царграда заехалъ в Нѣжинъ в 1734 году, жительствуетъ своимъ домомъ купечествомъ нынѣ не бадается.</p>
<p>Иванъ Манусовъ, женать.</p>	<p>Иперской провинціи города Янина, находится в Нѣжинѣ съ 1744 году, живетъ своимъ дворикомъ бадается барышничествомъ.</p>
<p>Дмитрій Ивановъ Барановскій, женать.</p>	<p>З Царграда заехалъ в Нѣжинъ в 1745 году, бавится продажею напитокковъ водки, пива и меду.</p>
<p>Оедоръ Киряковъ Тачлии, женать.</p>	<p>Турецкой области з мѣстечка Провать, заехалъ в Нѣжинъ в 1745 году, торгуетъ пушними заполочю, ладаномъ кумачами и другими товарами.</p>
<p>Николай Пантелѣевъ Бабаларъ.</p>	<p>Родился онъ и отецъ его, умершій Пантлѣй в Нѣжинѣ, торгуетъ виномъ, дѣдъ его былъ грекъ, а какого города? онъ, Николай, не вѣдаетъ.</p>
<p>Дамула Стамулатѣевъ, женать.</p>	<p>Турецкой области з города Тирнава, заехалъ в Нѣживъ в 1746 году, бавится продажею напитокковъ водки, пива и меду.</p>
<p>Гаджи Дмитрій Константиновъ.</p>	<p>Македонской провинціи города Андриянополя, заехалъ в Нѣжинъ в 1758 году, жительствуетъ своимъ домомъ бавится краскою всякихъ фантинъ и суконъ.</p>
<p>Петръ Константиновъ, женать.</p>	<p>Македонской провинціи з мѣстечка Арвалтохора, в Нѣжинѣ съ 1744 году не купечествуетъ.</p>
<p>Николай Константиновъ, женать.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, отецъ же его умершій былъ з Царграда, купечествомъ не бадается, а обрѣтается у греческихъ дѣлъ по греческому братству.</p>
<p>Оедоръ Юріевъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ бавится ремесствомъ кравецкимъ, отецъ же его умершій былъ грекъ турецкой области з города Синопли.</p>

<p>Оома Ивановъ Испе- ровъ, женатъ.</p>	<p>З Царграда заехалъ в Нѣжинъ съ 1743 году, ба- дается барышничествомъ.</p>
<p>Петро Параскевянъ, же- натъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, нахо- дится паламаремъ при греческой нѣжинской церквѣ, отецъ же его умершій былъ турецкой области з города Трапезонта.</p>
<p>Димитрій Петровъ, же- натъ.</p>	<p>З Царграда заехалъ в Нѣжинъ съ 1740 году, тор- гуеть мякотнимъ, виномъ и бакалѣю.</p>
<p>Димитрій Ивановъ Сер- шлевъ, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Филипополя, за- ехалъ в Нѣжинъ съ 1739 году, торгуеть в лавки раз- нымъ розанскимъ товаромъ.</p>
<p>Иванъ Афендуліевъ, хо- лостъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, бадается продажею в лавки шелковыхъ кумачей и протчихъ то- варовъ; отецъ же его умершій былъ грекъ з Царграда.</p>
<p>Димитрій Ивановъ Ме- ликановъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з Царграда заехалъ в Нѣжинъ съ 1744 году, живетъ своимъ домомъ, торгуеть воло- скимъ виномъ.</p>
<p>Василій Семеновъ, же- натъ.</p>	<p>Турецкой области з Царграда заехалъ в Нѣжинъ в 1715 году, живетъ своимъ домомъ, торгуеть в лавки шелковыми парчевыми и другими разными гданскими товарами.</p>
<p>Федоръ Ивановъ Исаа- ковъ, холостой.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, торгуеть кумачами, заполочю, пушными и другими товарами, дѣдъ же его былъ грекъ турецкой области, а съ какого го- рода? онъ Федоръ не вѣдаетъ.</p>
<p>Павель Сколярій.</p>	<p>З Царграда заехалъ в Нѣжинъ съ 1755 году, ба- вится мастерствомъ бламарническимъ.</p>

<p>Антоній Юрієвъ, женатъ.</p>	<p>Турецкой области з города Пароса, заехалъ в Нѣжинъ съ 1750 году торгуеть мушкателнимъ виномъ и пушными и другими товарами.</p>
<p>Павель Гонтій, женатъ.</p>	<p>Иперской провинціи города Янина, заехалъ в Нѣжинъ съ 1710 году, живеть домою своимъ, за старостию не купечествуеть.</p>
<p>Евстафій Стефановъ, женатъ.</p>	<p>Волоской провинціи з мѣстечка Сороки, заехалъ в Нѣжинъ съ 1739 году, бавится ремесломъ бламарническимъ.</p>
<p>Семень Ѳедоровъ Пеллоповъ, женатъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живеть домою своимъ, купческаго промысла не имѣеть нынѣ, а прежде содержалъ малороссійской индуктовой зборъ на откупъ, отецъ же его былъ грекъ з города Пеллопонии.</p>
<p>Христофоръ Юрьевичъ, холостой.</p>	<p>Турецкой области з города Трапезонта, заехалъ в Нѣжинъ съ 1735 году, живеть домою своимъ торгуеть бакалѣею.</p>
<p>Константинъ Константиновичъ Милона.</p>	<p>Македонской провинціи з города Касторія, заехалъ в Нѣжинъ съ 1703 году, живеть своимъ домою, за старостию не купечествуеть.</p>
<p>Яній, Димитрій, Ѳедоръ и Леонтій Куртієви, холостіе.</p>	<p>Родились въ Нѣжинѣ живуть домою своимъ, торгують кумачами, пушными и другими товарами, а отецъ ихъ умершій былъ грекъ Македонской провинціи з города Салоники.</p>
<p>Яковъ Ивановъ Маркачанъ, вдовъ.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живеть домою своимъ, за болѣзнію купчества не имѣеть; сынъ же его Якова Димитрій торгуеть сукнами, отъ слуцкаго польскаго купца Сухозагнѣта, а отецъ его, Якова, былъ грекъ з города Янина.</p>
<p>Константинъ Николаевъ, женатъ.</p>	<p>Провинціи Эллади з города Лариссы заехалъ в Нѣжинъ съ 1757 году наслуговиваеть разнымъ людемъ.</p>

<p>Николай Димитріевъ Салонина.</p>	<p>Родился в Нѣжинѣ, живетъ своимъ домомъ, бавится ремесломъ бламарническимъ, отецъ его умершій былъ грекъ Македонской провинціи з города Салоники.</p>
<p>Юрій Остановъ Андре- нелій, женатъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Эндрене заехалъ в Нѣжинъ съ 1742 году, промишляетъ бакалѣею и виномъ.</p>
<p>Гаджи Манойло Бак- чѣевъ.</p>	<p>Македонской провинціи села Силлъ заехалъ в Нѣ- жинъ съ 1769 году з женою и дѣтмы, ни чемъ не торгуеть.</p>
<p>Иванъ Стояновъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Салоники заехалъ в Нѣжинъ съ 1724 году, бавится ремесломъ бламарни- ческимъ.</p>
<p>Евстафій Ивановъ Пар- чкаловъ, вдовъ.</p>	<p>Отецъ его умершій былъ грекъ Македонской про- винціи з города Водина и, захавши в Нѣжинъ в 1710 г., бадался купечествомъ, а онъ Евстафій родился в Нѣ- жинѣ и прежде бавился купечествомъ, а нынѣ до раз- дѣлки з товарищами своими оставилъ, грунтъ же свой имѣеть.</p>
<p>Федоръ Николаевъ, же- натъ.</p>	<p>Македонской провинціи города Адрианополя заехалъ в Нѣжинъ съ 1764 году, бавится продажею в лавки икри и свѣчокъ.</p>
<p>Семень Ивановъ, сынъ Галацовъ.</p>	<p>Дѣдъ его умершій, Андрей Галацовъ былъ грекъ Ма- кедонской провинціи, онъ же Семень родился в Нѣ- жинѣ, бавится промысломъ у продажи холста.</p>
<p>Семень Федоровъ Бол- гаринъ.</p>	<p>Турецкой области з города Отрида, находится в Нѣ- жинѣ съ 1740 году, бадается ремесломъ бламарниче- скимъ.</p>
<p>Ника Константиновъ Волошинъ</p>	<p>Отецъ его Константинъ з города Ясъ, а онъ родился в Нѣжинѣ, бавится ремесломъ бламарническимъ.</p>

<p>Федоръ Димитріевъ Сердуковъ.</p>	<p>Отець его умершій Димитрій былъ перехрищенъ изъ жидовъ, и находился у содержанія на откупъ Малороссійской индукты онъ же Федоръ еще не купечествуетъ.</p>
<p>Василій Ивановъ Сочевановъ Волошинъ.</p>	<p>Отець его Василій, умершій былъ Волоской провинціи з города Сочева, а онъ родился в Нѣжинѣ и прежде торговалъ разными малороссійскими товарами, а нынѣ за старостью купечествомъ не бадается.</p>
<p>Николай Петровъ Полинковскій, Болгаринъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Филипополя находится в Нѣжинѣ съ 1740 году, промышляетъ бакалѣю.</p>
<p>Николай и Юрій Федорови Желязенки.</p>	<p>Отець ихъ умершій Федоръ былъ родомъ з Полши; они жъ родились в Нѣжинѣ купечествуетъ пушными, разными и греческими кумачными и другими товарами.</p>
<p>Нако Божикъ Булгаринъ.</p>	<p>Македонской провинціи з мѣстечка Струмича, находится в Нѣжинѣ съ 1757 году, бадается ремесломъ бламарническимъ.</p>
<p>Юрій Василювъ Грузинъ.</p>	<p>Грузинской провинціи з города Теплиса, находится в Нѣжинѣ съ 1755 году, торгуетъ разными старыми с платя и прочею мѣлочами.</p>
<p>Трифонъ Ивановъ Болгаринъ.</p>	<p>Турецкой области з мѣстечка Руцука, находится в Нѣжинѣ съ 1757 году, бавится ремесломъ бламарническимъ.</p>
<p>Яній Петровъ, Юрій и Статѣй Статѣвы, волохи.</p>	<p>Отець ихъ былъ волошинъ з города Букурештовъ, захалъ в Нѣжинъ съ 1722 году, они жъ Статѣвы родились в Нѣжинѣ и торгуютъ разными турецкими и россійскими пушными товарами.</p>
<p>Иванъ Димитріевъ Сталевскій Болгаринъ.</p>	<p>Македонской провинціи з города Искипъ, захалъ в Нѣжинъ въ 1745 году, бавится куплею и продажею бакалѣи, такъ же торгуетъ и россійскими пушными товарами.</p>

<p>Иванъ Димитріевичъ Волошинъ.</p>	<p>Волоской провинціи з города Ясъ, заехалъ в Нѣжинъ с 1735 году, бавится ремесломъ бламарническимъ.</p>
<p>Андрей Ивановъ Волошинъ.</p>	<p>Волоской провинціи з города Ясъ, заѣхалъ в Нѣжинъ в 1715 году, торгуетъ разными греческими и російскими пушиными товарами.</p>
<p>Юрій и Ѳедоръ Шпиноли.</p>	<p>Отець ихъ, умершій, изъ италіянцовъ, перехристь былъ; они жъ Шпиноленки родились в Нѣжинѣ купечествуютъ сукнамы.</p>
<p>Василій Ѳедоровъ Толбухинъ.</p>	<p>Кримской провинціи з города Перекопа находится в Россіи съ 1736 году, промышляетъ продажею щетичныхъ мѣлочныхъ вещей.</p>
<p>Андрей Игнатіевъ Голюнка.</p>	<p>Отець его умершій, Игнатъ былъ Исполской области, а онъ, Андрей, родился в Нѣжинѣ прежде торговалъ шмонскими и цесарійскими товарами, а нынѣ за старость ни какого промыслу не имѣеть.</p>
<p>Сандуль Николаевъ Волошинъ.</p>	<p>Волоской провинціи з города Ясъ, заехалъ в Нѣжинъ с 1750 году, бавится куплею и продажею бакалѣи, тако жъ привозомъ волоскихъ винъ.</p>
<p>Данило, Петро, Григорій и Иванъ Голюнки.</p>	<p>Дѣдъ ихъ Игнатъ, умершій, былъ з полской области, а они родились в Нѣжинѣ торгуютъ сѣнокосными косамаы.</p>
<p>Стефанъ Андреевъ Удришевъ Волошинъ.</p>	<p>Отець его, умершій Андрей, былъ з волоской провинціи з города Ясъ, а онъ, Стефанъ, родился в Нѣжинѣ, бавится ремесломъ золотарскимъ.</p>
<p>— Константинъ Ивановъ Констенецкій-Сербининъ.</p>	<p>Города Константинополя, в Нѣжинѣ с 1706 году, прежде находился в разныхъ воинскихъ и партикулярныхъ службахъ, а нынѣ за старостью ни какого промысла не имѣеть.</p>

Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла
Малор. 1711 г., февраля 13. № 12.

Рѣку 1711 мѣсяца марта 18 дни.

По присланной отъ великого Государя Нашего Царя и великого Князя Петра Алексѣевича всея великія, малія и бѣлія Россіи Самодержца до ясне вельможного Его милости пана Гетмана грамотѣ и поданному отъ его панской вельможности унѣверсалу, я, Данило Кутневскій чинилемъ Кгрекомъ, волохомъ и милтяномъ ревѣзію во время мирное з области турецкой за купецкимъ промысломъ въ мало Росіискимъ краи подѣ державою Царского величества будучи зашли, по которой въ городѣ Нѣжинѣ явилося, якъ самихъ господаровъ, такъ и челяди въ нихъ кгрецкой и волоской породы 232 человекъ.

По вычитаня теежъ Црского Величества грамоті и выражениемъ въ ней указомъ и унѣверсалу ясне вельможного Его милости пана Гетмана о висидѣ Турецкого Салтана подданныхъ въ семь мѣсяцѣ Мартѣ и мало Російскихъ городовъ въ турецкую землю до своихъ жилищъ, откуда хто заѣхалъ, таковыхъ явилося человекъ 97, также и которіе изъ нихъ хотять остатися, тихъ явилося 135, приказалемъ даби тіе становили по себѣ крѣпкіе поруки по премоцному Царского величества указу изподписанемъ имянь, ажъ поки ся настоящая война скончится, и ни единому бѣ изъ нихъ безъ волѣ и указу Царского величества изъ мало Російского краю не вьездилъ и ни якихъ писемъ за границу не посылалъ, также къ себѣ присланіе писма не распечатовши авляти бѣ имъ ясне вельможному Его милости пану Гетману, а если би mezi ихъ самихъ или изъ челяди ихъ, которіе хотять остатися въ малой Россіи, что колвекъ надѣ указъ Царского величества мѣлъ учинити, то не токмо тотъ але и всѣ заедного, якъ въ грамотѣ Государевой выражено достойную казнь воспримуть.

Запись поручная отъ грековъ и волохъ дамая:

„Ми ниже подписаніе греки волохи и мултяне, изъ турецкой землѣ во время мирное купецкимъ промысломъ зашлие, чуючи премоцнии царского величества имянніи въ грамотѣ выражений указъ и универсалъ ясне вельможного его милости пана Гетмана, даби, хто изъ насъ мѣлъ остатися въ Нѣжинѣ, не важился отнюдъ вьездити за границу, ажъ поки ся война зъ салтаномъ турецкимъ не скончится и въ томъ давалибъ на себе крѣпкіе поруки, по которомъ всѣ едностайне, изъ колко с насъ зостается въ Нѣжинѣ другъ по другу и за челядь нашу изъ подписанемъ

имянъ нашихъ ручаемся въ томъ, что яко сами господарѣ ми, такъ и челядь наша повиннисмо въ статку подлугъ указу Монаршаго заставати, не ухилиячися на противную царскому величеству сторону, а не тѣхъ писимъ заднихъ писати за границу и къ себѣ оттолъ прїимати не повинни будемъ и, еслиби мѣлъ хто зъ насъ у Нѣжинѣ зъ остаючихся, тому монаршому указу вижеи выраженному бити ослушенъ и тайнимъ якимъ поведеніемъ ухилитися за границу, или писма до кого писати и до себе зъ заграницѣ прїимати, или якихъ оттолъ тайно проежджаючихъ людей удержувати, то всѣ ми подлугъ явленного намъ въ Грамоти монаршой указу казнѣ подлеглими себе бити декляруемъ и на тѣмъ другъ по другу и за челядь нашу Чужоземкой породы ручаемся, которіе не поидемъ изъ Нѣжина.

Въ дворѣ бившаго войтенка:

Николай Михайловъ, Настасій Ламбровъ.

Въ дворѣ Старцевомъ:

Янъ Карадимовъ, Дулій Юріевъ.
Василій Ивановъ Гарѣй, Димитрій Юрьевъ.
Кириакій Старій, Адамъ Афендулій.
Афанасій Скембежѣй.

Въ дворѣ Савишиномъ:

Феодоръ Поповичъ, Стерій Кизилбаша.
Андрей Ивановичъ, Христо Криштофоровъ.
Димитрій Салоника, Феодоръ Станъ (челядникъ)
Василь Ананковичъ чел.

Въ канонѣ Кгрецкомъ:

Алекса Василіевичъ Алой, Игнатіи Форо.
Костантинъ Николаевъ, Моско Янки.
Николай Сердюкъ, Николай Костантиновъ.
Стефанъ чел. Грандафѣль чел.
Недѣлка чел. Дмитро чел. Перехристь.

Въ пана обозного:

Параскева Александрова, Никита Костантиновъ.
Павель Кирияковъ, Анастасій Моцовитъ.
Михайло Ивановъ, Ламбро Кирияковъ.
Парасквіи и Павель, Ч. Кириякъ и Ілья Ивановъ ч.

Въ дворѣ холодной:

Филафо Бошнякъ, Филипъ Хриштодоловъ.
Ризо челяд.

Въ дворѣ Синайскомъ:

Панаіотіи Костантиновъ, Ляндарій Великій,

Въ Оеодосія Крамара:

Трандафѣль Зофлорѣвъ, Янъ Фемени.

Димитрій Филовъ тран. ч.

Въ вариводишиномъ дворѣ:

Ананій Семеновъ, Прокопій Коленниковъ.

Въ Ерусалимскомъ:

Антоній Ивановичъ, Николай чел. его.

Аѳанасій Юріевъ.

Въ Мокрининомъ дворѣ:

Христо Ивановъ, Димитрій Ивановъ.

Иванъ Лазаревъ, Янъ Николаевъ.

Николай Даниловъ, Юрій Ивановъ.

Павель Николаевъ.

Въ Чернецкомъ:

Анастасій Аѳанасіевъ, Евфимій Димитрій.

Въ Мунтянина:

Аѳанасій Захаріевъ, Иванъ Семеновичъ чел. его волохъ.

Кириакъ Апостоловъ.

Въ отца Протопопи:

Пантажѣй Димовъ, Димитрій Калмичокъ.

Николай Димитріевъ арбанашъ.

Въ Сотника бившого Веркіевскаго:

Андрей Максимовъ Персянинъ, Димитрій Аѳанасіевичъ.

Фурмузъ Костантиновъ, Стоянъ Дмитровъ.

Кость Михайловъ, Кириакъ Ивановъ.

Въ Свято-Троицкомъ:

Иванъ Лукяновичъ, Кирица Поповичъ.

Племенникъ Лукяновичовъ.

Въ Петра баришника:

Кочій Ивановъ, Петро Чорній; Димитрій Поповичъ.

Въ Куличишиномъ:

Кочій Ивановъ, Кость сербъ чел. его. Дели Кочій.

Въ Костирчихи:

въ Хведора Крамара:

Кирило Павловъ, Николай Павловъ.

Илія Даниловъ, Костантинъ Федоръ, Иванъ.

Въ Максима Цюпченка:

Николай Ничовъ, Дука Николаевъ.

Костантинъ Ивановъ, Димитрій и апостоль, болгаре чел.

Въ Котляренковомъ:

Отець Еремѣя, Чернецъ. Андрей Ѡомовъ Андохѣй.

Въ Шрамченка Новомѣского:

Дима Поповичъ, Димитрій Дезевержей.

Панаіотій Юріевъ.

Въ Филафти Свѣвака:

Филофто Костантиновъ, Кочій Костантиновъ.

Въ Калини:

Федоръ Петровичъ мултан.

Въ Кояра Василя:

Димитрій Манойловъ.

Въ дворѣ Радоловомъ:

Михайло Статіевъ, Ѡотатѣй Франгулѣевъ.

Мануйло Леонтиевъ, Ѡома Таганжѣй.

Мануйло Алтанжѣй, Юрій Канонжѣй.

Въ Супруновомъ дворѣ:

Ѡома Ивановъ.

Въ Якова Олшевского дворѣ:

Костантинъ Бакалъ, Параскева Бакалъ.

Въ Романа Ведлелесенка дворѣ:

Янатѣй Салоникій, Тодорѣй Карапастухъ.

Два Юрія челяд.

Въ Козачковомъ дворѣ:

Леонтиій Димовъ.

Въ Рошовомъ:

Ѡома Антоніевъ.

Въ Свято Пречискомъ дворѣ:

Манто Зотовъ, Юрій Мантовъ, Себа Василиевъ чел.

Въ Гумянского дворѣ:

Янъ Лабанотій, Костантинъ Тумъ Тумъ.

Въ пона Свято-Троецкого дворѣ:

Василій Германовъ, сербъ, Михайло Демяновичъ сербъ.

Димитрій Покришка.

Въ Димитрашка волошина дворѣ:

Димо Арбанашъ.

Въ Дмитренка дворѣ:

Григорій Погорѣлій волохъ, Апостоль чел. волохъ.

Въ Кгузенка.

Въ Кронца Николая дворѣ:

Сава Юріевъ, Спана Юрій Закалѣй.

Въ Шевскомъ дворѣ:

Еремѣй Николаевъ, Манойло Сафоновъ.

Филипъ Лойзо, Михайло Юріевичъ чел.

Въ Мнихувни дворѣ:

Димитріевичъ Михайло.

Въ Стерѣя дворѣ:

Ананій Юріевичъ.

Въ Маркачана дворѣ:

Николай Хриштофоровичъ сербъ, Петро Ивановичъ сербъ.

Въ дворѣ Мдовничномъ:

Семень Ивановъ волошинъ, Юрій Дину.

Иванъ Юрѣвичъ, Янъ Поповичъ.

Иванъ чел. грекъ.

Регистръ крѣковъ, которіе мѣють вѣздити изъ Нѣжсина.

Въ дворѣ бившого войтенка:

Павель Катаргаръ.

Ексакустъ чел.

Статій Димитріевъ.

Юрій Дука чел.

Анастасій Николаевъ.

Иванъ Юріевъ.

Иванъ чел.

Въ грецкомъ канонѣ:

Манто Евстафіевъ.

Ставро Юріевъ.

Христо Василиевъ.

Христо Дмитровъ чел.

Анастасій Борисовъ.

Въ Стерѣевомъ дворѣ:

Димитрій Лвовскій.

Захарій полякъ чел.

Панаіотій Безистеодисъ.

Янъ Стилокло.

Юрій Павловъ.

Христо Юріевъ.

Анастасій Дѣковъ.

Михайло Цокала.

Иля Параманли.

Иванъ Стефановичъ чел.

Христо Евстафіевъ чел.

Въ Синайскомъ дворѣ:

Отець Михаилъ попа.

Отець Данило Чернецъ.

Аванасій Хриштофоровъ.

Павель Гажей Петровъ.

Криштофоръ Якушовъ.

Семень Ивановъ чел.

Янъ Анастасіевъ чел.

Въ Савишиномъ дворѣ:

Трандафѣль Юріевъ.

Янъ Дердѣй.

Иванъ Юріевичъ.

Данило Лазоровъ.

Въ Мокрини дворѣ:

Яковъ Хурмузовъ.

Въ Михайла сторожа дворѣ:

Костантинъ Ковяржѣй.

Коста.

Въ Петра Малсишиного дворѣ;

Паскалій Статіевъ.

Христо Русовъ.

Въ дворѣ пана обознаго:

Димитрій Ралѣевъ.

Ночій Семеновъ.

Димитрій Ивановъ.

Стефанъ Ивановъ.

Фотій.

Кириакъ Гажѣй чел.

Сава персидскій армян.

Проко Павловъ.

Костантинъ Якимоновъ.

Въ Радола дворѣ.

Фотій Николаевъ.

Димитрій Ивановъ.

Юрій Поповичъ, чел.

Димитрій Ивановичъ чел.

Въ Грицихи удови дворѣ:

Газѣй Юровъ Мерза.

Драксулій Диямендѣевъ.

Панаіотій чел.

Въ вариводихи дворѣ:

Юрій Газѣй Яновъ.

Въ Меловнички дворѣ:

Кириакъ Юріевъ.

Василь.

Николай Ивановъ.

Въ Кузми ведле С: Богослова

Стефанъ Кириловъ.

Костантій Анастасіевичъ.

Юрій Васи́левъ чел.

Василій Ивановичъ чел.

Въ дворѣ, где Зофера:

Юрій Димитріевъ.

Стефанъ волошинъ чел.

Василій Ивановъ.

Костантинъ чел.

Въ отца Протопопи дворѣ.

Фурмуза Диямандіевъ.

Юрій Димитріевъ.

Николай Димитріевъ.

Въ Мардажѣевомъ дворѣ

Ризи Димовъ.

Николай Ризовъ.

Николай Шабанъ.

Янъ чел.

Хриштодоль Трамба.

Въ Стефана Колесника дворѣ:

Богданъ Миналовъ армен.

Николай Кириловъ.

Кириакъ Кириловъ.

Янъ Миколаевъ.

Черно Черновичъ сербъ.

Трандафѣль Андѣевъ.

Данило Форовъ.

Въ Костирчихи дворѣ:

Христо Юріевъ.

Лаверно Христовъ.

Кбино Юріевъ.

Мунтянъ Федоровъ.

Димитрій Захаріевъ.

Въ Леснека дворѣ:

Хриштодоль Лазоновъ.

Самуиль и Янъ чел.

Хризанъ чернецъ.

Въ Суприново́мъ дворѣ:
Діаманди Васи́ліевъ.
Тодоръ Ляшко чел.
Михайло Савеліевъ.

Въ отца Артема дворѣ:
Стратилать.

Стефанъ Мерза.
Щербанъ чел.
Стефанъ Салатажій.

Въ Бѣленскомъ дворѣ:
Юрій Алексѣевичъ в. фурмант.

Року 1711 мѣсяца марта 20 дня:

Ми нижей подписанніе Греки, издавна з жонами и дѣтми въ Нѣжинѣ жиучіе, чуючи царского величества именній въ Грамотѣ вираженній указъ, даби нѣ хто изъ насъ жиучихъ въ Нѣжинѣ не важился отнюдъ виездити за границу, ажъ поки сѧ воіна з салтаномъ турецкимъ скончится, и въ томъ давали бѣ на себе крѣпкіе поруки, на что всѣ, килко насъ домами здавна жиучихъ въ Нѣжинѣ винайдется, другъ по другу и за челядь зъ подписанемъ именъ нашихъ ручаемся, что яко ми сами Господарѣ такъ и челядь наша повиннисмо въ статку подлугъ указу монаршого зоставати, не ухиялючися на противную царскому величеству сторону, а нѣ тежъ писемъ жаднихъ писати за границу, и къ себѣ оттоль пріимати неповинни будемъ и, если би мѣль хто зъ насъ, въ Нѣжинѣ жиучихъ, тому монаршому вижен вираженному указу бити ослушнимъ и тайне ухилитися за границу или писмо до кого писать и до себе зъ заграници пріимать или якихъ оттоль тайно приезджихъ людій удержувати, то всѣ ми подлугъ явленного намъ въ грамотѣ Монаршого указу казнѣ подлеглими себе бити, декляруемъ и на томъ другъ по другу и за челядь нашу чужо-земской породы ручаючися руки свои подписуемъ.

Отець Костантинъ Священникъ Греческій, зъ Македоніи тутъ въ Нѣжинѣ живеть, лѣтъ 50. Стер. (т.-е. съ 1661 г.)

Стерій Ивановъ Турнавѣотъ зъ Македоніи, въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 40, (т.-е. съ 1671 г.)

Илія Мерцанъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 30. (т.-е. съ 1681 г.)

Исаакъ зъ волоской землѣ въ Нѣжинѣ живѣтъ лѣтъ 15. (т.-е. съ 1696 г.)

Ѳома Юріевъ зъ Македоніи, въ Нѣжинѣ сего року оженился. (т.-е. съ 1711 г.)

Кирило дохторъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 27. (т.-е. съ 1684 г.)

Антоній Хіотій въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 10. (1701 г.)

Филафо Поповичъ лѣтъ 10 въ Нѣжинѣ (съ 1701 г.)

Димитрій Сахлый зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)

Мавродѣй Кгумци зъ Анатолиі въ Нѣжинѣ лѣтъ 25 (съ 1686 г.)

Аванасій, Мамродѣювъ зять зъ анатолиі въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)

Миколоай Спанакъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)

Фотѣй Ивановъ зъ Царигорода, лѣтъ въ Нѣжинѣ 15 (съ 1696 г.)

Михайло Караманлій пріѣхаль зъ анатолиі въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)

Проконій зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 12 (съ 1699 г.)

Димитрій Кгалатіанъ зъ Царигорода, сего року оженился (съ 1711 г.)

Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II.

Дими Павель зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Иванъ Маркацинъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Лазаръ Винаръ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Христофоръ Юриевъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 7 (съ 1704 г.)
Костантій Кушнѣръ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 13 (съ 1698 г.)
Оеодоръ Марантъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Михайло, Асланувъ зять, зъ Кипру, въ Нѣжинѣ лѣтъ 5 (съ 1706 г.)
Лаврентій Баршникъ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Петро Кривій Кушнѣръ зъ Морея въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Діока Кушнеръ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Стефанъ жердей зъ волоской землѣ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Юрій Плакса зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Николай винаръ зъ Македоніи въ Нѣжинѣ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Параскева слуга пана Николая.
Юрій Антоновичъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 12 (съ 1699 г.)
Оеодоръ Рудій живеть лѣтъ въ Нѣжинѣ 10 (съ 1701 г.)

Реестръ сербовъ живущихъ въ Нѣжинѣ.

Ананій войновъ живеть въ Нѣжинѣ лѣтъ 22 (съ 1689 г.)
Костантинъ Дмитріевъ болгаръ чел. его.
Михайло Демяновъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Иванъ Стефановъ живеть въ Нѣжинѣ лѣтъ 13 (съ 1698 г.)
Иванъ Перченко живеть въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Иванъ Христофоровъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 4 (съ 1707 г.)
Петръ Оеодоровъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Недѣлка Дмитріевъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Кирнякъ Ивановъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Челядникъ его Оеодоръ волошинъ.
Петръ Ивановъ живеть въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Неделка динникъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Василій Германовъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 10 (съ 1071 г.)
Павель Пиколаевичъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Статій Ивановъ Стойчу въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 16 (съ 1695 г.)

Реестръ волоховъ, живущихъ у Нѣжинѣ домами своими зъ женами и зъ дѣтми.

Кгордѣй Гавриловичъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Апостоль Юріевичъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Иванъ Андреевичъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 12 (съ 1699 г.)
Димитрій Радионовичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Андрей Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 8 (съ 1703 г.)

- Федоръ Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Михайло Павловичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Миронъ Статиевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Юрій Федоровичъ племѣнникъ.
Стефанъ Василювичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Михайло Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Лукачъ Григоріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 5 (съ 1706 г.)
Димитрій Юріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 32 (съ 1679 г.)
Гаврило Ивановичъ сербененъ и братъ Остапъ (челядники?)
Миронъ Димитріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 22 (съ 1689 г.)
Юрій Костантиновичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Димитрій Григоріевичъ слуга.
Василій Морей въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
• Ілія Аксинтовичъ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Василій Мироуцовъ сынъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Василь Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 2 (съ 1709 г.)
Дмитро Кумнѣ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Дмитро Стеріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 18 (съ 1693 г.)
Федоръ Пантелѣевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Иванъ Волошинъ Дмитрашковичъ лѣтъ 10 (съ 1701 г.)
Гаврило Павловичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Федоръ Семеновичъ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Иванъ Дмитровичъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Иванъ Аѳанасіевичъ лѣтъ 21 (съ 1690 г.)
Яковъ Маркіевичъ лѣтъ 15 (съ 1696 г.)
Юрій Цилюрикъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Андрей Ивановичъ Цилюри въ Нѣжинѣ лѣтъ 23 (съ 1688 г.)
Федоръ Юріевичъ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Костантинъ Ивановичъ живеть въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Василій Григоріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 27 (съ 1684 г.)
Аѳанасій Ничипоро лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Гаврило Юріевъ лѣтъ 25 (съ 1686 г.)

Ресстръ, живущихъ у Нѣжинѣ мунтянъ зъ жонами и дѣтми.

- Янъ Марковичъ въ Нѣжинѣ живеть лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Родіонъ Онуфріевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Каленникъ Василювъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 12 (съ 1699 г.)
Николай воинъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)
Василь Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 18 (съ 1693 г.)
Стефанъ Бакумовичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 20 (съ 1691 г.)

Петро Ивановичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 6 (съ 1705 г.)
Павель Николаевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 3 (съ 1708 г.)
Василій Василіевичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 30 (съ 1681 г.)
Федоръ Радоловичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 5 (съ 1706 г.)
Димитрій Федоровичъ въ Нѣжинѣ лѣтъ 4 (съ 1707 г.)

II.

Торговля.

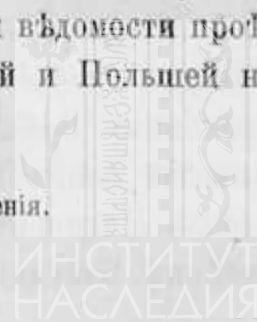
Избытокъ однихъ естественныхъ произведеній въ краѣ и недостатокъ въ другихъ вызываютъ обмѣнъ между разными частями страны. Такъ было и въ Малороссіи: лѣсная часть ея сбывала свои произведенія въ степную, а степная въ свою очередь дѣлилась своими продуктами съ сѣверной¹⁾. Малороссія во второй половинѣ XVII ст. по Андрусовскому миру, какъ мы знаемъ, была разорвана на двѣ части: на Украину сегобочную или Московскую и тогобочную или Польскую. Дѣленіе это было сдѣлано съ цѣлями политическими. Политическіе же расчеты очень часто шли и идутъ въ разрѣзъ съ экономической, духовной и другими сторонами народной жизни. Дѣйствительно, для Польской Украины Кіевъ, присоединенный къ Московской сторонѣ, въ XVII и XIII ст. служилъ религіознымъ центромъ, куда изъ Польши цѣлыми толпами устремляются богомольцы²⁾. Въ Кіевъ польская пограничная шляхта ѣздитъ для закупки необходимаго какъ въ хозяйствѣ, такъ и для комфорта. Въ Кіевѣ находилась духовная академія, въ которой обучалось очень много молодыхъ людей изъ Польскихъ областей: въ 1748 году среди студентовъ Академіи встрѣчаются жители повѣтовъ: Кременецкаго, Подольскаго, Каменецкаго, Каневского, Браславскаго, Станьславскаго, Львовскаго, Перемышльскаго, Заславскаго, Слуцкаго, Волынскаго, Могилевскаго, Богославскаго, Бѣлоцерковскаго и Мозырскаго — 45 человекъ. Это дѣти священниковъ, часто посполитыхъ, одинъ — сынъ мѣщанина г. Слуцка, другой — сынъ Могилевскаго бурмистра, третій — сынъ кушца Слуцкаго повѣта Сухозагнета, ведущаго торговлю въ Малороссіи сукнами на цѣлые десятки тысячъ рублей³⁾. Въ свою очередь и изъ Московской Украины въ Польскую отправлялись молодые люди доканчивать свое образованіе въ іезуитскихъ коллегіяхъ. „Федоръ сынъ попа Харьковской Николаевской церкви Кондрата Федорова отъ Харьковскихъ славенолатинскихъ школъ отлучился и былъ въ Польшѣ для сисканія науки“ (въ 1743 году⁴⁾). Жители какъ Польской такъ и Московской Украины везутъ избытокъ своихъ продуктовъ или ѣдутъ за покупкой недостающаго. Для примѣра можно привести вѣдомости проѣзжающихъ чрезъ пограничныя форпосты, находящіеся между Россіей и Польшею на тер-

¹⁾ Х. И. А. Д. М. Кол. № 5708.

²⁾ Кіев. Цент. Арх. Дѣла Кіев. Губ. Пр. Отдѣлъ колонизаціи и переселенія.

³⁾ Кіев. Цен. Арх. Арх. Ист. Фил. Инст. кп. Безбородки.

⁴⁾ Х. И. Арх. Хар. Отд. I отд. № 74.

риторіи Малороссіи¹⁾. Вѣдомости эти показываютъ, что обыватели Польской стороны ѣздили въ Московскую, привози свои продукты: хлѣбъ, сухіе фрукты, рыбу, дѣсь, деготь, горшки и пр., закупаая табакъ, разные коренья, также хлѣбъ. Обыватели Московской украины ѣздили въ Польскую сторону за дегтемъ, за косами, за сукномъ, за виномъ и другими предметами, потребными для хозяйственныхъ нуждъ, отвозя излишки продуктовъ своего хозяйства, напр. табакъ. Слѣдовательно, несмотря на политическое разграниченіе, существовалъ оживленный торгово-промышленный обмѣнъ между обывателями обѣихъ частей Малороссіи.

Но помимо такихъ близкихъ пограничныхъ сношеній малороссы, особенно обыватели большихъ городовъ, вели торговлю съ далекими заграничными пунктами. Мѣщане гор. Стародуба въ XVII и XVIII вв. торговали съ Гданскомъ и другими городами²⁾. Въ 1710 году стародубцы: Елисей Максимовъ и Осипъ Самойловъ ѣдутъ изъ Москвы въ Берлинъ³⁾. Въ 1728 году мѣщанинъ Дейнека ведетъ значительный заграничный торгъ, закупаая и отпускаая хлѣбъ и горѣлку⁴⁾. Въ это же время въ литовскихъ краяхъ съ табакомъ встрѣчаемъ стародубовскаго мѣщанина Иванова. Вообще стародубцевъ въ Польшѣ съ табакомъ, хлѣбомъ и горѣлкой мы находимъ очень часто⁵⁾. Стародубовскіе купцы Юсифъ Самусенко и Карпъ и Артемъ Тиценки въ 1730 году были въ г. Ригѣ съ торговыми цѣлями⁶⁾. Пеньку же стародубовскіе мѣщане отправляли въ Москву, а оттуда въ Архангельскъ, гдѣ ее продавали голландцамъ, англичанамъ, съ которыми имѣли торговые дѣла и вели денежные счета на значительныя суммы⁷⁾. Въ 1704 году крестьяне Калужской вотчины взялись везти изъ Мглина въ Москву пеньку стародубовскаго войта Спиридона Яковлева на 58 подводяхъ 1526 пудовъ: 40 подводъ по 28 пудовъ, 5 подводъ по 24 пуда и 13 подводъ по 22 пуда, за извозъ съ пуда было уплачено по 2 алтына по 2 деньги. Пеньку эту въ Москвѣ долженъ былъ принять находившійся тамъ по коммерческимъ дѣламъ сынъ войта, отлучившійся въ это время въ Вологду⁸⁾. Кіевскіе мѣщане издавна вели значительную торговлю съ польскими и нѣмецкими городами; эта торговля не прекращалась вплоть до конца XVIII ст.⁹⁾. Такъ въ 1699 году кіевского жителя Скоротку съ разными товарами мы встрѣчаемъ на Волыни¹⁰⁾; въ 1704 году кіевскихъ мѣщанъ Романа Якимовича „съ товарищи“ мы находимъ въ Силезіи, въ гор. Врцлавѣ; кунцы эти были съ значительными капиталами, ибо грабежомъ у нихъ было отнято товаровъ и денегъ на 20000 ефимковъ¹¹⁾. Того же Романа Якимовича въ другой разъ, въ 1729 году мы встрѣчаемъ въ Бреславлѣ¹²⁾. Кіевскій мѣщанинъ

¹⁾ Смотри приложение № 1.

²⁾ Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I. Полкъ Стародубовскій. Кіевъ 88 г., стр. 114.

³⁾ Арх. Мин. И. Дѣль, дѣла Малоросс. 1710 г. № 31.

⁴⁾ Рум. Музей № 300.

⁵⁾ Рум. Муз. № 300. Арх. М. И. Д. дѣла Мал. 1729 г. № 19.

⁶⁾ Рум. Муз. № 387.

⁷⁾ Арх. М. Ин. Д. Мал. д. 1704 г. № 9; 1707 г. № 21, № 23; 1708 г. № 16, № 28.

⁸⁾ Ibid., 1704 г. № 9.

⁹⁾ Хар. Ист. Мал. Кол. № 5708.

¹⁰⁾ Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1699 г. № 4.

¹¹⁾ Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1704 г. № 2.

¹²⁾ Ibid., 1799 г. № 19.

Стефанъ Рубанъ въ 1716 году былъ въ Шленскѣ съ волами; продавши послѣднихъ, онъ закупаеъ сукна¹⁾; въ 1720 году Рубанъ опять былъ въ Шленскѣ „за купецкимъ промысломъ“ — покупаетъ сукна²⁾. Кіевскій торговый человекъ Романъ Тихоновичъ въ 1708 году посылалъ до Гданска съ товарами своего человека, который тамъ продалъ малороссійскій товаръ (скоть), а купилъ гданскій³⁾. Кіевскій мѣщанинъ Аванасій Александровъ везетъ въ 1744 году черезъ Васильковъ волошскіе орѣхи на 7 подводахъ, при немъ 6 челядниковъ⁴⁾. Кіевскій житель Копичъ въ 1744 г. отправляется въ Яссы за волошской солью (десять мажъ)⁵⁾. Жители гор. Чернигова вели также довольно значительную торговлю: по вѣдомости 1714 г. мы видимъ, что черниговскіе купцы: войтъ Ѳедоръ Лопата, Евсѣй Звѣръ; Трофимъ Матвѣевичъ, Стефанъ Лопата, Іосифъ Титовичъ, Ѳедоръ Павловичъ Морозъ, Иванъ Скойвѣдъ бурмистръ, вели торговлю „юхтою, воскомъ лоемъ, олѣемъ, щетиною“ въ Шленскѣ, Гданскѣ и Прусскомъ Кролевцѣ⁶⁾; купцы же Иванъ Енковичъ, бурмистръ съ сыновьями, Гаврило Канѣтинскій, Леванъ Речкуцкій, Демьянъ Давидовичъ, Семенъ Бичокъ, Василь Максимовичъ, Николай Прокоповичъ, Пантелей Барановскій, Иванъ Василевичъ, Максимъ Помогайбененко торговали ганушомъ, вовною, горѣлкою „до Слуцка, Вильны, Хвойнику и др. польскихъ городовъ“. Послѣ того какъ нѣкоторые товары стали запретными, торгъ свой эти купцы продолжали съ Ригой и другими великороссійскими городами⁷⁾. Нѣжинскіе мѣщане также торговали за границей. Въ 1690-хъ годахъ нѣжинскій обыватель Иванъ Калина посылалъ своихъ сыновей въ Гданскъ съ волами⁸⁾. Нѣжинскаго мѣщанина Максима Грудину съ торговыми цѣлями встрѣчаемъ въ Бреславлѣ⁹⁾, а въ Шленскѣ „торговаго человека“ Клецуна, закупающаго сукна¹⁰⁾. Торгующаго за границей мы знаемъ нѣжинскаго жителя Марка Тарасовича и др.

Помимо жителей этихъ большихъ городовъ богатые мѣщане мѣстечекъ также вели торгъ за границей. Въ 1718 году лохвицкихъ жителей и купцовъ Ѳедора Іосифовича и Никифора Игнатовича мы встрѣчаемъ на Острожской ярмаркѣ, а въ Бреславлѣ въ 1719 году конотопскаго жителя и купца¹¹⁾. Имѣемъ свѣдѣнія о заграничной торговлѣ жителей и другихъ мѣстечекъ, напр. Василькова и пр.

Жители южныхъ, степныхъ полковъ имѣли оживленныя торговыя связи съ Крымомъ. Въ 1725 году съ января по августъ, въ Крымъ было пропущено съ товарами — виномъ (водкой), табакомъ, масломъ коровьимъ, полотномъ посконнымъ: малороссіянъ господарей 1122 человекъ, челядниковъ ихъ — 2718 человекъ, великороссіянъ господарей 8 человекъ, челядниковъ ихъ — 11 человекъ; возвратилось изъ Крыма въ Мало-

¹⁾ Рум. Муз. № 325.

²⁾ Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1720 г. № 28.

³⁾ Ibid. 1708 г. № 31.

⁴⁾ Кіев. Цент. Архивъ.

⁵⁾ Ibid.,

⁶⁾ Х. И. А. Д. М. Кол. № 3216.

⁷⁾ Х. И. А. Д. Мал. Кол., № 3216.

⁸⁾ Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1699 г., № 4.

⁹⁾ Ibid., 1729 г., № 19.

¹⁰⁾ Ibid., 1720 г., № 28.

¹¹⁾ Ibid., 1729 г., № 19.

россію съ виномъ, орѣхами, хлопчатою бумагою и др. товарами: малороссіянъ господарей 867 человекъ, ихъ челядниковъ — 1858 человекъ, великороссіянъ господарей 12 человекъ, ихъ челядниковъ — 18 человекъ¹⁾. Масло отвозилось въ Крымъ овечье и коровье; купцы его скупали у пановъ помѣщиковъ. Въ 1735 году въ Крыму мы находимъ полтавскихъ купцовъ Герасима Максимовича, Ивана Кондратовича, Семена Валховскаго, Филиппа Добышевскаго, Прокофія Гаврилова, Лукьяна Леонтьева, Алексѣя Петрова и Григорія Христенка; съ ними былъ 1 шафаръ и 16 челядниковъ; товару съ ними было на 12381 руб. 10 коп., по распродажѣ послѣдняго купцы имѣли 83300 левковъ = 24990 руб.²⁾. Въ то же время мы находимъ пріѣхавшихъ изъ Гадяцкаго полка въ Крымъ за солью 13 человекъ³⁾. Изъ Межигорскаго монастыря въ 1744 г. отправляются въ Крымъ за солью и рыбою 6 возовъ⁴⁾. Зажиточные богатые малорусскіе паны сами отправляли за границу продукты своего хозяйства — водку, скоть, масло, воскъ — въ Крымъ, Силезію, Гданскъ и др.⁵⁾

Какъ малороссіяне ѣздили съ торговыми цѣлями за границу, такъ и въ Малороссію являлись купцы изъ сосѣднихъ государствъ⁶⁾: изъ Крыма, по вѣдомости 1725 года, съ января по августъ было пропущено съ виномъ волошскимъ, съ орѣхами и разными фруктами крымскихъ татаръ два человека господаря, армянъ господарей 15 человекъ, челядниковъ 7 человекъ, персіянъ 3 человекъ, а изъ Малороссіи съ табакомъ, масломъ, полотномъ и др. малороссійскимъ товаромъ татаръ — 8, армянъ — 26 человекъ. Въ 1720—1721 гг. татаръ-купцовъ находимъ въ мѣстечкахъ Кобелякахъ, Лохвицѣ, въ г. Гадячѣ (съ лошадьми), въ мѣстечкѣ Ромнахъ на ярмаркѣ. Татары привозили съ собой мыло, мѣмси⁷⁾, шелковыя ткани, ковдры, мѣха — лисьи, хорьковыя и др.⁸⁾. Въ 1735 году, когда по случаю войны съ турками, было приказано арестовать крымскихъ купцовъ, то подъ Полтавой ихъ оказалось 22 человекъ. Когда ихъ товары хотѣли описать, то они бросили послѣдніе, и бѣжали. 12 изъ нихъ было поймано, а остальные ушли вплавь черезъ Днѣпръ, при чемъ одинъ утонулъ⁹⁾. На украинскія ярмарки татары пригоняли лошадей.

Изъ Польши въ Малороссію на ярмарки въ значительномъ количествѣ являлись евреи: 1741 г. жида г. Полоннова везутъ изъ Австріи 5 возовъ суконъ¹⁰⁾; а также вообще польскіе обыватели¹¹⁾: пріѣхали въ Сѣвскъ въ 1692 году царегородскіе купцы да польскіе армяне гор. Бродовъ съ товарами; армяне съ товарами раньше были

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Д. Чер. Пал. Угол. Суда. Оп. I. Вяз. V, № 136.

²⁾ Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1741 г., № 2.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Кіевскій Центр. Арх.

⁵⁾ Дневныя Записки Якова Марковича.

⁶⁾ Хар. Ист. Арх. Д. Мал. Кол. № 10994, № 11381.

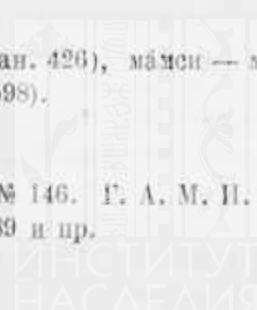
⁷⁾ Мѣмси палатурки (малорусско-нѣмецкій словарь Желеховскій. Львовъ, стран. 426), мѣмси — маленькія подушки для натиранія красокъ при печатаніи на полотнѣ (ibidem, стран. 598).

⁸⁾ Г. М. А. М. И. Д. М. Д. 1721 г., № 53.

⁹⁾ Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1741 г., № 2.

¹⁰⁾ Кіевскій Центр. Арх. Арх. Мин. Юст. Д. Ч. П. У. С. Оп. 5. Вязка XI, № 146. Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1728 г., № 42. Греч. д. 1740 г., № 3. Хар. Ист. Арх. Д. Мал. Кол., № 5489 и пр.

¹¹⁾ Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1699 г., № 4, 1713 г., № 7.

въ Нѣжинѣ¹⁾. Житель м. Павлочи Степановъ съ 52 служителями привезъ на 50 возахъ ступочную соль; соли же 10 мажъ въ Кіевъ на продажу везетъ Ивановъ²⁾. Въ Малороссію приѣзжали и нѣмецкіе купцы: въ 1720 году въ Глуховѣ находимъ шленскаго купца Кашпара³⁾ и т. д.

Много купцовъ приѣзжало изъ великороссійскихъ городовъ: тульскіе купцы съ желѣзомъ, разными сукнами, матеріями, выбойками и разными мелочными товарами; купцы московскіе, калужскіе, брянскіе, трубчевскіе, сѣвскіе, путивльскіе и др. съ крашениною, разнымъ полотномъ, тяжиною, набойками, сапогами, башмаками, шляпами, пуговицами, оловомъ, мѣдною посудою, мѣдью, китайками, чаемъ, сахаромъ, петербургскимъ штаметомъ, а также съ разными напитками — шампанскимъ, бургонскимъ, англійскимъ пивомъ и др.⁴⁾.

Иноземные купцы со своими товарами являлись на украинскія ярмарки. Торговля внутри самой Малороссіи носила ярмарочный характеръ. Въ каждомъ малороссійскомъ городѣ или мѣстечкѣ было нѣсколько лавокъ, удовлетворяющихъ только первой необходимости. Но въ извѣстное время городъ оживлялся: со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ обыватели везли излишки своего хозяйства и продукты своего ремесла. Со всѣхъ сторонъ являлись купцы, везя всевозможнаго рода товары — мануфактурные, бакалейные, галантерейные и др. Сосѣдніе землевладѣльцы, генеральная, полковая и сотенная старшина и весь генералитетъ являлись на „ярмарокъ“⁵⁾. Стеченіе приѣзжихъ бывало настолько значительно, что въ городѣ не доставало квартир⁶⁾ для приѣзжающихъ. Каждый могъ найти на ярмаркѣ все нужное для себя и поэтому спѣшилъ заpastись всѣмъ, ибо пройдетъ ярмарка, окрестные обыватели и купцы разъѣдутся.

Малороссійскія ярмарки можно разбить на двѣ группы: во-первыхъ, ярмарки, продолжавшіяся нѣсколько недѣль (отъ 2 до 5), далеко извѣстныя за предѣлами своей страны, и ярмарки въ торговыхъ городахъ и мѣстечкахъ, представляющія для своей округи важное значеніе; другая группа — это сельскія ярмарки⁷⁾.

Въ первой группѣ на первомъ мѣстѣ нужно поставить нѣжинскія ярмарки, которыхъ было три: на Всеѣдной недѣлѣ, о Троицыномъ днѣ и на Покровъ Пресв. Богородицы. Первая и послѣдняя продолжались по мѣсяцу, а Троицкая недѣли двѣ; на нихъ приѣзжали купцы: великороссійскіе и малороссійскіе изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ съ холстомъ, суконными и пушными, галантерейными и другими товарами; иностранные — греки, волохи, армяне, татары — съ турецкими и персидскими

¹⁾ Ibid. Греч. д. 7200 г., № 13.

²⁾ Кіевскій Центр. Арх.

³⁾ Г. М. А. М. И. Д. Мал. д. 1720 г., № 28.

⁴⁾ Китченко. О торговлѣ и торговыхъ пунктахъ въ Малороссіи за сто лѣтъ назадъ. „Черниговскія Губернскія Вѣдомости“ 1852 и 1853 гг.

⁵⁾ Дневныя Записки Якова Маркевича. Сулимовскій Архивъ. Хар. Ист. Арх. Д. М. Кол., № 3313. М. Плахинскій. Архивы Черниговской губерніи М. 1899. (Арх. Глуховскаго Петропавловскаго монастыря. Архивъ Марковичей.) Хар. Ист. Арх. Полтав. отд. Оп. I, № 735.

⁶⁾ Хар. Ист. Арх. Полт. Отд. Оп. I, № 735.

⁷⁾ Матеріалъ объ ярмаркахъ почерпнутъ нами изъ статьи Китченка, помѣщенной въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1852 №№ 48 и 50 и 1853 г., №№ 3, 4, 7, 10 и 11.

товарами: шелковыми, шерстяными и бумажными тканями, кораллами, жемчугомъ и дорогими каменьями; изъ Сѣчи Запорожской являлись съ солью и рыбою, малороссійскіе обыватели пригоняли скоть и привозили кожи, а польскіе купцы являлись съ разными гданскими и шленскими товарами. Далѣе слѣдовали Роменскія ярмарки, которыхъ было 4: о Сырной недѣлѣ, о Вознесеніи Господнемъ, объ Иліи-пророкѣ, о праздникѣ архистратига Михаила. Вознесенская и Ильинская продолжались 4 или 5 недѣль, другія двѣ — двѣ-три недѣли, иногда болѣе. На нихъ сѣзжались съ сукнами — саетовыми, тонкими и простыми, позументами и сѣтками золотыми, и серебряными, разными шелковыми парчами, бархатами, люстринами и др. матеріями; заграничные купцы изъ Могилева и Слуцка, великороссійскіе изъ Кадуги и др. городовъ, а малороссійскіе изъ Полтавы, Опощи и Конотона пріѣзжали съ голями, канфами, выбойками, китайками, шелковыми и бумажными платками, разными кореньями; изъ Москвы, Переяславля Залѣскаго являлись купцы съ сахаромъ, серебряною и оловянною посудою, крашениною¹⁾, полотномъ, пестрядью и пушнымъ товаромъ: мѣхами лисьими, волчьими, заячьими, бѣличьими и др.; изъ Нѣжина греки привозили шелковые товары, кумачи, красный сафьянъ и желтыя мышины, крымское вино и бакалею: розинки (сушеный виноградъ), фиги, рожки, рисъ, и др.; изъ Тулы являлись купцы съ желѣзомъ, оружіемъ и разною желѣзною посудою; изъ Сѣчи Запорожской, изъ Черкаска и другихъ донскихъ городовъ казаки привозили мало-сольную, а въ зимнее время свѣжую рыбу, икру, балыки и пр.; изъ полковъ Нѣжинскаго, Стародубовскаго и Черниговскаго являлись съ водкой, конопляными веревками, рогожками и др. товарами.

Также значительны ярмарки были въ г. Стародубѣ; ихъ было двѣ: сборная — отъ первой недѣли поста до четвертой и другая — въ 10-ю недѣлю по Пасхѣ, продолжавшаяся три недѣли. На эти ярмарки пріѣзжали купцы великороссійскіе — московскіе, калужскіе, тульскіе, брянскіе, трубчевскіе, сѣвскіе, путивльскіе, — съ разными московскими товарами, малорусскіе изъ Кіева, Полтавы, Нѣжина и другихъ городовъ съ сукнами-саетами англійскими и дешевыми, съ шелковыми матеріями, парчой, камлотами, англійскими табаретами (каламайками) и драгетомъ (полусукномъ), ситцами, полуситцами и другими иностранными товарами; греки и армяне привозили сукна и разныя матеріи, бумагу и бакалею; изъ Запорожья и Дона привозили „вялую рыбу“, а красную великороссійскіе купцы; изъ степныхъ же мѣстъ пригоняли на продажу скоть; стародубскіе же раскольники привозили изъ Запорожской Сѣчи соль²⁾.

Въ эту группу слѣдуетъ включить и Кролевецкія ярмарки, особенно бывшую на Воздвиженіе креста Господня 14-го сентября; двѣ другія — 6-го декабря и въ день Вознесенія Господня — были незначительны и продолжались одинъ день. Крестовоздвиженская ярмарка продолжалась полторы-двѣ недѣли, на нее сѣзжались великороссійскіе — московскіе, обоянскіе, тульскіе, орловскіе, сѣвскіе, путивльскіе — и малорусскіе — полтавскіе, прилуцкіе, нѣжинскіе, глуховскіе, конотопекіе и др. купцы съ разными матеріями, пушнымъ товаромъ, полотномъ и другими товарами.

¹⁾ Крашенина — крашеный и лощенный холстъ, обычно синий. Словарь Даля, ч. II, стр. 793.

²⁾ Подробности см. Лазаревскій.—Описание Старой Малороссіи, т. I, стран. 134—137.

Къ этой же группѣ нужно будетъ причислить ярмарки слѣдующія: во-первыхъ, Миргородскія и Борзенскія. Въ Миргородѣ было 4 ярмарки: въ Средопостную недѣлю, въ день Вознесенія Господня, 8-го сентября и 6-го декабря. На Средопостной и Вознесенской главнымъ образомъ происходила продажа скота; первая продолжалась 4, вторая — 3, а остальные — по двѣ недѣли. На нихъ являлись какъ великороссійскіе, такъ и малороссійскіе купцы съ разными товарами, но особенно съ водкою, деревянною посудю. Торговля скотомъ и лошадьми была значительна на Крестопоклонной ярмаркѣ, бывшей въ Борзнѣ. Въ Черниговѣ было три ярмарки: Прокофьевская (съ 8-го іюля), Евстафьевская (съ 20-го іюля) и Богоявленская (съ 6-го января), продолжались онѣ дней десять. На эти ярмарки съѣзжалось немного — отъ 20 до 30 купцовъ, больше всего пріѣзжало нѣжинскихъ купцовъ. Въ Прилукахъ было 4 ярмарки: 1-го января, въ первую недѣлю по Воскресеніи Христовомъ, въ Петровъ постъ, 24-го іюля и 26-го октября; сюда нужно причислить и ярмарки, бывшія въ Свято-Троицкомъ Густынскомъ монастырѣ, о Сошествіи Св. Духа и 15-го августа; ярмарки эти продолжались по одной недѣлѣ; пріѣзжали сюда малороссійскіе и великороссійскіе купцы съ разными товарами. Въ мѣстечкѣ Лубнахъ было 4 ярмарки: на масляничной недѣлѣ, на Сошествіе Св. Духа, на Преображеніе Господне и на Покровъ Пресв. Богородицы. На нихъ купцы собирались недѣли за двѣ, разъѣзжались черезъ 3 дня послѣ урочнаго. Являлись купцы какъ великороссійскіе изъ Калуги и Путивля такъ и малороссійскіе изъ Кіева, Нѣжина, Полтавы и др. городовъ съ сукнами и разными матеріями; а также мѣняльщики изъ Путивля, а изъ мѣстечекъ Чернухъ, Путивля и Лохвиць обыватели съ рыбой; изъ Полтавы же, Лохвиць, Лукомля, Пирятина и Чернухъ пріѣзжали тендитники съ шитою одеждою и церковными уборами; изъ Корона, Конотопа, Ямполья везли водку, изъ Кіева, Чернигова, Василькова деготь, а изъ мѣстечекъ Прилуцкаго и Черниговскаго полковъ разную посуду. Главнымъ же образомъ на эти ярмарки пригонялся скоть изъ полковъ Лубенскаго, Миргородскаго и Прилуцкаго. За покупкой этого скота пріѣзжали изъ Великороссіи (Москвы) и изъ Малороссіи (Чернигова, Прилукъ, Ромень и др.) Въ Гадячѣ мы знаемъ 4 ярмарки: съ 1-го января извѣстная продажей скота и лошадей, 23-го апрѣля (за двѣ недѣли пригонялся рогатый скоть и овцы, а около 23 — лошади), іюня 29-го (за недѣлю пригонялся скоть, а затѣмъ лошади изъ донскихъ и малороссійскихъ мѣсть, оканчивалась ярмарка 3-го іюля), и наконецъ четвертая ярмарка была 14-го октября — за недѣлю до ярмарки начиналась продажа рогатаго скота, овецъ, а потомъ лошадей. Оканчивалась ярмарка около 20-го октября. Кромѣ того сюда привозились красные товары, бакалея, водка, деготь, рыба, крымская соль, кожи и пр.

Въ Полтавѣ было 4 ярмарки: на всеѣдной недѣлѣ, 9-го мая, 20-го іюля и 14-го сентября; въ Кіевѣ же — 3 ярмарки: въ среднихъ числахъ февраля, 9-го мая и 15-го августа. Каждая изъ нихъ продолжалась около двухъ недѣль. Пріѣзжали купцы какъ великороссійскіе, такъ и малороссійскіе съ разными товарами.

Въ мѣстечкѣ Чернодубровѣ изъ 3 ярмарокъ выдающейся была 23-го апрѣля, продолжавшаяся недѣлю. Торговали главнымъ образомъ скотомъ. Такого же характера была ярмарка и въ мѣстечкѣ Еремѣевкѣ на всеѣдной недѣлѣ.

Въ Переяславлѣ было три ярмарки: 6-го января, „Десятуха“ (въ 10-ю пятницу), и 1-го сентября; каждая по двѣ недѣли. Пріѣзжали изъ разныхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ купцы съ различными товарами, а изъ сотенныхъ мѣстечекъ Конотопа, Опошни, Коропа, Березной съ рогатымъ скотомъ, лошадьми, овцами и деревянною посудою. Въ Пирятинѣ мы знаемъ 4 ярмарки: на крестопклонной недѣлѣ, о Вознесеніи Господнемъ, о Рождествѣ Богоматери и 24-го октября; въ мѣстечкѣ Лохвицахъ — 4 ярмарки: на всеѣдной недѣлѣ, на преполовленіе іюля 8-го и 20-го сентября. На эти ярмарки пріѣзжали великороссійскіе и малороссійскіе купцы съ красными, желѣзными, кожаными товарами, съ деревянною посудой и другимъ товаромъ.

Въ мѣстечкѣ Камышной было три ярмарки: на вербную недѣлю, въ десятую пятницу и Дмитріевская, продолжались онѣ недѣли по двѣ; въ мѣстечкѣ Опошнѣ — 4 ярмарки: Проводская на Ѳоминой недѣлѣ, десятопятницкая въ Петровъ постъ, 6-го августа и Дмитріевская. На этихъ ярмаркахъ помимо продажи разнообразныхъ товаровъ происходила продажа скота и лошадей. Продажа скота была и на ярмаркахъ въ мѣстечкѣ Хоролѣ, которыхъ было 4: 9-го мая, 29-го іюня, 15-го августа и 21-го ноября, и въ мѣстечкѣ Конотопѣ, гдѣ было 3 ярмарки: 23-го апрѣля, 15-го августа и 21-го ноября. Въ мѣстечкѣ Решетилковкѣ мы знаемъ 4 ярмарки: въ послѣднихъ дняхъ свѣтлой недѣли (продолжалась три недѣли), въ недѣлю Сошествія Св. Духа, 1-го августа и 21-го ноября, послѣднія три продолжались по 5 дней. Сюда пріѣзжали купцы великороссійскіе и малороссійскіе съ сукнами, шелковыми матеріями, разными мѣхами, крашениною, холстомъ, разною посудою, съ яловичими и красными кожами и др.

Въ остальныхъ селеніяхъ старой Малороссіи повсюду бывали ярмарки или ярмарочные дни, пріуроченные къ праздничнымъ днямъ, обыкновенно храмовымъ: на день пр. Прокопія, Іоанна Богослова, пророка Іліи, Сошествія Св. Духа, св. Николая и пр.

Ярмарки, какъ мы видимъ, оживляли собой промышленность края, вызывали усиленный обмѣнъ разнообразныхъ продуктовъ какъ добывающей, такъ и обрабатывающей промышленности. Поэтому къ устройству ярмарокъ часто прибѣгало правительство какъ къ искусственному средству для оживленія промышленности и торговли края. Послѣ завоеванія Азова для развитія черноморской торговли Петръ Великій въ 1701 году уничтожилъ Московскую и Свинскую ярмарки, а греческихъ и малорусскихъ купцовъ приглашалъ ѣздить на ярмарку въ Азовъ¹⁾. Когда въ половинѣ XVIII столѣтія русское правительство хлопотало объ оживленіи торговли съ Турціей, то резиденты въ Константинополѣ указывали какъ на вѣрное средство — на открытіе ярмарки на югѣ Россіи²⁾. На ярмаркахъ совершались всѣ коммерческія сдѣлки; сроки долговыхъ обязательствъ опредѣлялись ярмарками, а товаръ отпускался въ кредитъ на одной подъ условіемъ уплаты денегъ на другой. Поэтому во время

¹⁾ Пол. Соб. Зак., т. IV, № 1826 и № 1840.

²⁾ Сборникъ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Вып. 3 и 4. М. 1883 г. „Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в. „Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса“, стр. 92, 102, 104.

ярмарокъ обыкновенно производился расчетъ по вексялямъ. Петръ Штука занялъ 400 руб. съ условіемъ уплатить половину на Роменской ярмаркѣ, а половину на Средопостной въ Нѣжинѣ и въ крайнемъ случаѣ во время Борзенской¹⁾. Македонскій купецъ Иванъ Гребенжа занялъ „на обликъ“ 765 руб. съ обязательствомъ уплаты на Михайловской Роменской ярмаркѣ²⁾. Петръ Дмитріевъ взялъ 870 руб. съ уговоромъ отдать половину во время Роменской, а другую — Борзенской ярмарки³⁾. Ярмарки вообще являлись мѣстомъ стеченія народа; поэтому къ ярмарочному времени пріурочивались событія, котора по тогдашнимъ понятіямъ требовали особенной гласности, напр. казнь преступниковъ⁴⁾.

Какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ Малороссіи греки принимали очень дѣятельное участіе. Мы знаемъ, что Малороссія въ сношеніяхъ греческаго мира съ другими странами не была конечной, а представляла транзитную страну; поэтому въ Малороссіи перекрещивались пути греческой торговли, а послѣдняя захватывала значительный районъ: сюда входили Россія съ Москвой, Петербургомъ, Макарьевской ярмаркой и далекой Сибирью, Турція, Персія, Польша, Германія, Австрія и Италія⁵⁾. Изъ Сибири черезъ руки грековъ шли пушные товары, изъ Астрахани и Поволжья мерлушка и красная рыба, изъ Гданска всевозможныя сукна, изъ Кенигсберга шелковые шерстяные французскіе и нѣмецкіе товары, изъ Италіи преимущественно шелковые, изъ Турціи шелкъ сырецъ и вареный, кумачи, хлопчатая бумага, жемчугъ, вино, пряности, а также все, что извѣстно подъ именемъ бакалей, изъ Венгріи черезъ Польшу венгерское, а изъ Молдавіи и Валахіи волошское бѣлое и красное вино, грецкіе орѣхи, черносливъ, виноградъ, и пр., изъ Галиціи соль въ ступкахъ, изъ Австріи косы⁶⁾. Изъ Малороссіи въ Данцигъ, Кенигсбергъ, Силезію (Бреславль) и Вѣну отвозили воскъ, красную юфту и все то, что извѣстно подъ именемъ малороссійскаго товара⁷⁾, въ Турцію — пушной товаръ⁸⁾. Разъѣзжая почти по всей Европѣ, греки вездѣ имѣли знакомства и торговыя связи: въ Царьградѣ, Бреславлѣ, Гданскѣ, Лейпцигѣ, Венеціи, Вѣнѣ и другихъ городахъ⁹⁾.

¹⁾ Х. И. Арх. Мал. Кол. № 4933.

²⁾ Ibid. № 12037.

³⁾ Ibid. № 4933. См. также Ист. Фил. Инст. кн. Безбородки. М. Арх. Мин. Юст.

⁴⁾ Рум. Муз. Отд. рукописей. Д. Маркенича № 2278.

⁵⁾ Г. М. А. М. И. Д. Д. Греч. 1715 г. № 7, № 8, № 13, 1716 г. № 19, 1717 г. № 19. Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 22804 и пр.

⁶⁾ Шафонскій Описаніе Черниговскаго намѣстничества, стр. 478—479. Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 5708 и др. Въ 1715 году встрѣчаемъ извѣстіе о торговомъ человѣкѣ грекѣ Дмитріи Хаджи, умершемъ въ Сибири въ Тобольскомъ (Г. М. А. М. И. Д. Д. Греч. 1715 года № 11). Въ 1762 году 5 января нѣжинскій грекъ Афанасій Ивановъ Артиновъ въ г. Иркутскѣ обязался своему приказчику Колодѣву по прибытіи въ Нѣжинъ уплатить ему за его труды за исключеніемъ всѣхъ издержекъ 250 руб. (Арх. Греч. Брат. при Ист. Фил. Инст. кн. Безбородка). Грекъ Петровъ въ 1712 году везетъ изъ Астрахани въ Архагельскъ шелкъ-сырецъ (Г. М. А. М. И. Д. Д. Греч. 1712 г. № 19).

⁷⁾ Грекъ Маркачанъ въ 1760-хъ годахъ за одинъ разъ везетъ между другими товарами 411 пуд. воску (Арх. Ист. Фил. Л. кн. Безбородка). Красную юфту за границу въ 1765 году отпущаетъ Ананій Мораитъ (Х. И. А. Д. М. Кол. № 4560).

⁸⁾ Х. И. А. Д. М. Кол. № 5708. А. И. Ф. Л. кн. Безбородка.

⁹⁾ Корреспондентъ Головки Кори въ Бреславлѣ (Х. И. А. Д. М. К. № 15834). Майтовъ ведетъ корреспонденцію съ купцами Венеціи, Вѣны, Царьграда, Исъ и др. городовъ (ibid. № 16314).

Ужъ изъ этого бѣглаго обзора мы можемъ заключить о большомъ разнообразіи греческой торговли. Скажемъ нѣсколько словъ, насколько намъ позволяютъ имѣющіеся въ нашихъ рукахъ матеріалы, о каждой статьѣ этой торговли. На первомъ мѣстѣ поставимъ мануфактурную и галантерейную: торгующихъ мануфактурными и галантерейными товарами грековъ было самое большое количество. Греки привозили: во-первыхъ, всевозможнаго рода шелковыя матеріи: китайки разнаго достоинства — хатаи, цѣнившаяся въ 30-хъ годахъ XVIII ст. 40 коп. локоть, хатаи венецкая — локоть 1 руб. 20 коп., табень — локоть 1 руб. 45 коп.; канаваць¹⁾ — локоть 70 коп., адамашкой²⁾ торговали по 60 и 80 коп. за локоть, бѣлокось³⁾ продавался по 80 коп., атласъ⁴⁾ — по 70 коп., тафта⁵⁾ — „венецкая“ цѣнилась по 65 коп., аксамитъ⁶⁾ обыкновенный по 1 руб. 20 коп., „венецкій“ по 2 руб. 60 коп. Ткани эти были разнообразныхъ цвѣтовъ: канаваць „гвоздиковый, бураковый“; „бѣлокось червонный“, „атласъ клѣтчатый червонный“, „штофъ⁷⁾ французскій желтый, пепелястый“; полушелковыя ткани привозились: кутня⁸⁾ по 5 руб. штука, полуштофъ — блакитный, желтогронцій, зеленый — локоть по талеру. Златотканныя ткани были: златоглавъ⁹⁾ локоть по 1 руб. 60 коп., 2 руб. 40 коп., 3 руб., парча по 70 коп., 1 руб. 30 коп. Сукна привозили греки и толстыя и тонкія различныхъ цвѣтовъ и достоинствъ¹⁰⁾. Въ громадномъ количествѣ привозили греки изъ Турціи кумачи¹¹⁾. Кумачи связывались въ кипы, по 150 штукъ въ каждой. О стоимости этого товара мы можемъ судить изъ памятной записки грека Юрія Кириловича 1753 года 750 кумачей называемыхъ дундуками, некрашенныхъ стоитъ 1750 левковъ, по 280 аспрь штука¹²⁾; 750 кумачей меньшей руки некрашенныхъ — 888 левковъ 60 аспрь — по 142 аспры штука. За окраску уплачено 575 левковъ по 46 аспрь за штуку. За ярлыкъ въ таможеню, за обертки — хлопчатую бумагу, веревки на упаковку — 62 лев. 40 аспрь т.-е. около 5 аспрь на кумачъ. За провозъ отъ Турнави до Нѣжина, на волошскую пошлину, польское мыто и пр. расходы приходилось на всякую кипу по 46 левковъ, а за 10 кипъ — 460 левковъ¹³⁾. т.-е. штука кумачу „дундукъ“ въ Нѣжинѣ купцу стоила 1 руб. 84 коп., а штука простого кумачу 1 руб. 15 коп.

¹⁾ Шелковая цвѣтная узорчатая ткань. Толковый Словарь живаго великорусскаго языка Даля, ч. II, стр. 700.

²⁾ Одноцвѣтная травчатая шелковая ткань. Словарь церковно-слав. и рус. яз. сост. Имп. Ак. Наукъ С.-Пб. 1867 г., т. I, стр. 5.

³⁾ Шелковая ткань съ травами и разводами Слов. Даля, ч. I, стр. 138.

⁴⁾ Плотная шелковая ткань съ доскомъ *ibid.*, ч. I, стр. 24.

⁵⁾ Гладкая, тонкая шелковая ткань (*ibid.* ч. IV, стр. 359).

⁶⁾ Бархатъ (*ibid.*, ч. I, стр. 7).

⁷⁾ Штофъ шелковая, плотная ткань обычно съ разводами (*ibid.*, ч. IV, стр. 590).

⁸⁾ Полушелковая азіатская ткань аладжи (*ibid.*, ч. II, стр. 831).

⁹⁾ Златотканый Stoff. (Желяховскій. Малорусско-німецк. Слов. Львовъ, стр. 302).

¹⁰⁾ Греченинъ Мануйла Мориновъ въ 1692 году пріѣхалъ въ Сѣвскъ (изъ Царьграда вышель лѣтъ 8 и живетъ въ Нѣжинѣ и привезъ сукно и златоглавъ (Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 7200 г. № 13).

¹¹⁾ Изъ Нѣжина греки Павелъ Аваньинъ и Параскева везутъ въ Москву нѣсколько тысячъ кумачей, кипу бумаги красной, 40 килимовъ (ковровъ), нѣсколько десятковъ шелковыхъ поясовъ, шелку Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1705 г. № 10. Кумачъ — простая бумажная ткань. Толков. Словарь Живаго великорусскаго языка Даля, ч. II, стр. 822.

¹²⁾ Левкъ = 120 аспрь. Левкъ = 60 коп.

¹³⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1757 г. № 2.

Греки привозили разнаго рода галантерейные товары. Одинъ изъ распространенныхъ видовъ галантереи нужно считать пояса „сутие“ въ различную цѣну: 10 руб., 5 руб., 3 руб. 60 коп. штука; крымскіе — по 70 коп., шелковые цареградскіе по 1 руб. и по 1 руб. 20 коп., „полденные“ — по 2 руб., тисенецкіе — по 1 руб., полушалевые, брусковые по 1 руб. 20 коп., „блуняные“ — по 1 руб. 20 коп., — верблюжіе малой руки — по 20 коп. большой руки — по 50 коп., атласковые по 1 руб., хиляловые — по 50 коп., „брюшина“ малые — по 80 коп.; затѣмъ слѣдовала заповоць разныхъ цвѣтовъ, которая была въ большемъ употребленіи въ Малороссіи; заповоць была шелковая и бумажная: македонская — стоила кина 19 руб., адрианопольская — торба 16 руб. 50 коп. Греки привозили заповоць въ значительномъ количествѣ — Анастасій Казнаферъ и Захарій, иѣжинскіе греки, купили красной бумажной пряжи на 4707 руб. 60 коп.¹⁾, у турецкаго подданнаго, купца Апостола; у Адама Мецовита имѣлось: шелку желтаго чернаго и краснаго 181½ фунт., бумаги пряденой красной адрианопольской двѣ торбы съ половиною²⁾. По реестру 1733 года фунтъ червоной заповоци цѣнился копа = 50 коп.³⁾. Хлопчатая бумага повидимому доставлялась греками въ Малороссію въ достаточномъ количествѣ, такъ, изъ сложенной турецкимъ подданнымъ Христомъ Георгіевымъ Бурмахчи въ погребѣ иѣжинскихъ грековъ Евстафія Прициканы и Дементія Аверина хлопчатой бумаги было похищено болѣе 800 пудовъ, пудъ этой бумаги онъ цѣнилъ по 8 руб.⁴⁾.

Галстухи: бѣлые съ золотыми концами по 1 руб. 20 коп.; чулки мужскіе, женскіе и дѣтскіе; перчатки: лосиные — серебромъ и золотомъ обложенныя, лайковыя; шапки; шляпы (напр. женская шляпа бархатная зеленая съ позументомъ 8 руб.⁵⁾; трости; пуговицы разнообразныя, сорочки (полдюжины голландскаго полотна мужскихъ стоили 32 руб.⁶⁾ и пр.; всѣ эти товары привозились греками въ значительномъ количествѣ. Привозились платки полшелковые по 1 руб. 10 коп., по 1 руб. 5 коп. дюжина; „полугранатурные“ по 3 руб. 50 коп.; шелковые разной цѣны 1 руб. 25 коп., 1 руб. 60 коп. 1 руб. 90 коп. дюжина⁷⁾; платки выбойчатые, платки серебромъ и золотомъ шитые⁸⁾; платки бумажные по 23 коп. и пр. Сюда же мы присоединимъ и торговлю полотномъ: по вѣдомости 1769 года, мы встрѣчаемъ грека Семена Иванова Галацова специально торгующаго полотномъ⁹⁾; обыкновенно же мануфактурички и галантерейчики торговали и полотномъ, такъ среди мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ купца Евстафіева находимъ 3½ кины Швабскаго полотна по 8 руб. 50 коп.¹⁰⁾.

1) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1757 г. № 2.

2) Х. И. А. Д. Мал. № 3315 (1755 г.).

3) Ibid, № 4933.

4) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1757 г. № 2.

5) Ibid. № 23069.

6) Ibid.

7) Г. А. М. Ю. Д. Чер. Нап. Угод. Суда Оп. 5 Вяз. XI № 146.

8) Хустка нѣмецкая легкая 30 коп.

9) Х. И. А. М. К. № 4560. Арх. Ист. Физ. Инст. кн. Безбородки.

10) Арх. Мин. Юст. Оп. 5. Вяз. XI № 146.

Многіе товары греки приобрѣтали отъ евреевъ. Среди писемъ нѣжинскаго грека Петрицы мы нашли реестръ товаровъ, приобрѣтаемыхъ отъ евреевъ. Для большей наглядности приведемъ этотъ реестръ¹⁾.

„Реестръ на разніи товары, что по какой цѣнѣ покупается отъ жидовъ.

Тафти фіоренскіи локоть	по	—	руб.	60	коп.
Гранитури, чтобъ были чистой работы.	—	„	„	42	„
Сукна французскіе локоть.	по	—	„	106	„
Алое сукно, ежели очень хорошее	„	—	„	150	„
Сукни корновые штука	„	14	„	—	„
Полотна швабскія штука отъ 6 руб. до 7 руб. (въ половинкахъ ежели тонки і	до	8	„	—	„
Бархати, ежели очень хорошіе, нисніе	по	1	„	80	„
Канифасы ежели самыя бѣліе безъ цвѣтковъ отъ 3 до 4 руб. і чтобъ были тонкіе.					
Чулки валені мускіе розніхъ цвѣтовъ хорошіе дюжина	по	7	„	50	„
Чулки женскіе валеніе розніе дюжина	5	„	„	50	„
Рукавицы валені, ежели очень хорошіе, розніхъ цвѣтовъ дюжина по	2	„	„	75	„
Рукавицы тепліе замшовіе с пальцами розніхъ цвѣтовъ дюжина „	6	„	„	50	„
Ленті коповые называются, чтобъ больше аліхъ было, штучка	—	„	„	46	„
Флареті илі полуедвабніхъ стіонжки, чтобъ било больше рябихъ и чорніхъ штука	—	„	„	27	„
Бархатці такимъ манеромъ на доскахъ чорніе, чтобъ не білі рѣдкіе, штука	—	„	„	80	„

Въ нашемъ распоряженіи имѣется описаніе товаровъ мануфактурной лавки. Описаніе это относится къ 1767 г. и представляетъ образчикъ подобной лавки второй половины XVIII ст.²⁾

Привозя въ Малороссію или вообще въ Россію вышеупомянутые товары, греки въ замѣнъ ихъ вывозили пушной товаръ. Мѣха, съ одной стороны, какъ предметъ необходимости, съ другой какъ предметъ роскоши, находили хорошей сбытъ, почему торговля мѣхами являлась очень выгодной и ей приходится отвести видное мѣсто. По вѣдомости 1765 г. болѣе 30 человекъ изъ нѣжинскихъ грековъ занимались пушной торговлей. Нѣкоторые изъ этихъ купцовъ не вели торгъ спеціально мѣхами, но торговали и другими разнообразными товарами, напр. Курбаногловъ торгуетъ мѣхами, табакомъ и виномъ³⁾. Часто греки составляли компанію: нѣжинскій житель грекъ закупалъ въ Россіи мѣха, выдѣлывалъ ихъ и отправлялъ въ Турцію, гдѣ его компаніонъ продавалъ и слѣдующую часть изъ вырученной суммы пересылалъ въ Нѣжинъ. Деньги передавались обыкновенно чрезъ купцовъ же, ибо иная передача при путяхъ сообщенія того времени была немыслима⁴⁾.

¹⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1746 г. № 4.

²⁾ Для большаго удобства описаніе это привожу въ приложеніи. См. приложеніе № 2.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Оп. 7 Вяз. 7 № 234.

⁴⁾ Х. И. А. М. Кол. № 3313.

Въ нашемъ распоряженіи находится нѣсколько реестровъ пушного товара. Для большаго знакомства съ этой отраслю торговли мы приведемъ нѣкоторые изъ реестровъ. Грекъ Анастасій Казнаферъ продалъ турецкому подданному Апостолу¹⁾:

28 сороковъ козацкихъ горностаевъ	224 руб. — коп.
66 „ барабинскихъ горностаевъ.	660 „ — „
10 связокъ норокъ по 27 руб.	270 „ — „
90 вязокъ ластокъ по 2 руб. 25 коп.	198 „ — „
46 рысыхъ кожъ по 6 руб. 50 коп.	299 „ — „
65 козацкихъ лисицъ по 2 руб. 50 коп.	162 „ — „
600 паръ лисьихъ душекъ по 1 руб. 80 коп.	1080 „ — „
25 черныхъ хорьковъ каждая связка по 8 руб.	200 „ — „
1000 паръ черныхъ кошекъ каждая сотня по 19 рублей	190 „ — „

Кромѣ этого въ долгъ продано:

4000 черныхъ и пестрыхъ кошекъ по 19 руб. сотня	760 „ — „
400 паръ лисьихъ душекъ пара 1 руб. 80 коп.	720 „ — „
6000 зеленскихъ бѣлокъ тысяча по 27 руб.	162 „ — „
1000 простыхъ бѣлокъ сотня по 40 руб.	400 „ — „

Захарій Красной продалъ тому же купцу:

60 сороковъ козацкихъ горностаевъ	495 „ — „
1 сорокъ норокъ	42 „ — „
212 сороковъ ластокъ козацкихъ по 2 руб. 25 коп.	470 „ — „
213 ²⁾ каждая сотня по 85 руб.	171 „ — „
6 сороковъ черныхъ тхоровъ по 8 руб.	48 „ — „

Продано въ долгъ:

3000 простыхъ бѣлокъ сотня по 42 руб.	1260 „ — „
33 сорока пестрыхъ хорьковъ по 8 руб.	264 „ — „

Реестръ задержанныхъ въ Нѣжинѣ у Θεодосія Шатія пушныхъ товаровъ въ 1744 г.³⁾:

95 сороковъ 10 горностаевъ по 7 руб. 14 коп.	689 руб. — коп.
44 сорока 30 горностаевъ по 7 руб. 60 коп.	340 „ — „
10 сороковъ горностаевъ по 7 руб. 75 коп.	77 „ — „
3 пуда струй бобровихъ по 70 руб.	210 „ — „
3 сорока соболей „самихъ добрихъ“	2142 „ 46 „
150 разсомаховыхъ кожъ по 1 руб. 80 коп.	270 „ — „
40 волковъ тарханскихъ по 6 руб.	240 „ — „
12 барсовъ	100 „ — „
179 Волковъ сибирскихъ по 3 руб. 55 1/2 коп.	636 „ 50 „

¹⁾ Г. М. А. М. И. Д. Д. Греч. 1757 г. № 2.

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Х. И. А. Мал. Кол. № 12562.

15 мѣховъ лисьихъ черевъ по 16 руб.	240 руб. — коп.
8 мѣховъ хребтовыхъ сибирскихъ бѣлокъ по 11 руб.	88 " — "
8 мѣховъ песцовыхъ сибирскихъ (голубыхъ) по 2 руб.	16 " — "
1 пудъ кабаргину	150 " — "

Когда были убиты гайдамаками приказчики греческихъ купцовъ, отправленные въ Турцію съ товарами, то по реестру, представленному купцами слѣдующіе мѣховые товары оказались заграбленными¹⁾:

Феодора Пасхалиева.

33 сорока и 30 горностаевъ по 10 руб. сорочокъ	337 руб. 50 коп.
15 футеръ чернихъ бѣлокъ сибирскихъ по 15 руб.	225 " — "
41 „песцовъ“ бѣлыхъ по 1 руб. 40 коп.	57 " 40 "
10 паръ душекъ песцовыхъ.	14 " — "
10 хутеръ тхоровыхъ бѣлыхъ по 3 руб.	30 " — "
6 хутеръ кошачьихъ черныхъ по 5 руб.	30 " — "

Юрія Алексѣевича.

12 паръ соболей.	450 " — "
200 кошекъ черныхъ по 20 коп.	40 " — "
520 тхоровъ бѣлыхъ по 8 коп.	41 " 60 "
одно хутро кошачье черное.	4 " — "

Хаджи Димитрія Иванова Кромиды.

13 рысей по 7 руб.	91 " — "
13 корсаковъ по 90 коп.	11 " 70 "
18 тхоровъ черныхъ по 20 коп.	16 " — "
18 " бѣлыхъ по 8 коп.	1 " 44 "
2 песцовъ бѣлыхъ по 1 руб. 40 коп.	2 " 80 "
12 кошекъ чернихъ по 20 коп.	2 " 40 "

Ризы Стеріева.

2 сорочка и 10 горностаевъ по 10 руб. сорочекъ	22 " 50 "
90 кошекъ черныхъ по 20 коп.	18 " — "
2500 бѣлокъ по 50 руб. 1000.	125 " — "

Деміана Ламброва.

1100 бѣлокъ по 50 руб. 1000.	55 " — "
3 пары соболей	110 " — "

Ананія Критова.

285 паръ лисьихъ душекъ по 1 руб. 75 коп. пара.	498 " 75 "
---	------------

¹⁾ М. А. Мин. Юст. ibid. Оп. 4 Вяз. V № 79.

Ивана Дмитриева.

7 хутеръ горностаевыхъ по 30 руб.	210 руб. — коп.
4 хутра черной бѣлки по 20 руб.	80 " — "
2 хутра „сибѣрскихъ бѣлокъ“ по 15 руб.	30 " — "
3 „винчури волчьихъ“ по 20 руб.	60 " — "
4 „хутры лапчатихъ кунѣхъ“ по 18 руб.	72 " — "
4 „хутры чернихъ тхоровихъ лапчатихъ“ по 12 руб.	48 " — "
9 паръ души лисей по 2 руб.	18 " — "
5 хутеръ „линичьихъ“ по 12 руб.	60 " — "
5 хутеръ бѣлокъ казанскихъ по 12 руб.	60 " — "
3 „ „с черевъ бѣлячихъ бѣлихъ“ по 4 руб.	12 " — "
3 „ „с черевъ бѣлячихъ же“ по 3 руб.	9 " — "
3 „ „бѣлячихъ заднихъ лапокъ“ по 4 руб.	12 " — "
Зѣ тридцати кунѣ лапокъ	8 " — "
полтора хутра лисичьяго.	18 " — " ¹⁾
одно хутро лисее лобковое	6 " 50 "

Юрія Спиридонова.

Одно хутро черное тхоровое	18 " — "
4 „ лапчати собольи.	280 " — "
4 „ лапчати кунѣи	80 " — "
1 „ череве соболе доброе.	200 " — "
4 сороки пушковъ соболевихъ по 20 руб.	80 " — "
220 смушковъ болгарскихъ по 4 руб.	880 " — "
4 хутры лисѣхъ лобковыхъ по 5 руб.	20 " — "
2 хутры бѣлячихъ черевъ по 2 руб.	4 " — "
6 фунтовъ обрѣзковъ кунѣхъ по 5 руб.	30 " — "
6 фунтовъ обрѣзковъ собольихъ по 20 руб.	120 " — "
4 сорока лапокъ соболевихъ по 15 руб.	60 " — "
6 сороковъ лапокъ кунѣхъ по 6 руб.	36 " — "
10 штукъ китайки ламской по 2 руб. 50 коп.	25 " — " ²⁾
1 пара душокъ лисьихъ.	2 " — "

¹⁾ Здѣсь же прибавлено:

1 пудъ сахару	9 руб. — коп.
6 фун. чаю жулану 2 руб.	12 " — "
12 штукъ китайки ламской по 2 руб. 50 коп.	30 " — "
„Разнаго оружа“ на	100 " — "

²⁾ Кромѣ того:

10 фун. чаю жулану по 2 руб.	20 руб. — коп.
3 ефеса шабелнихъ съ костѣ рибячой по 2 руб. 50 коп.	7 " 50 "
1 поясъ персидской и шапка з смушкомъ болгарскимъ	14 " 50 "
1 икона Богородична на древѣ да двѣ бляшнихъ иконъ	18 " — "
50 кошелковъ денежныхъ и 3 юхты.	9 " — "
Нитокъ разнихъ цвѣтовъ	7 " — "

Ивана Папазафъри.

13 сорочковъ горносталей по 10 руб. сорочекъ	130	руб.	—	коп.
170 паръ душекъ лисьихъ по 1 руб. 80 коп.	306	"	—	"
18 песковъ бѣлихъ по 1 руб. 40 коп.	25	"	20	"
3 пари соболей цѣлихъ по 40 руб.	120	"	—	"
250 бѣлокъ „теленгуцкой“ по 18 коп.	45	"	—	"

Ивана Гребенжи.

3 хутра лисѣхъ завоекъ самихъ лутчихъ	750	"	—	"
---	-----	---	---	---

Константина Киркова.

3 хутра лобковихъ песковихъ белихъ	90	"	—	"
--	----	---	---	---

Алексѣя Стефанова Кромиды.

160 кошекъ черныхъ по 20 коп.	32	"	40	"
7 хутеръ бѣлячихъ по 10 руб.	70	"	—	"
7 хутеръ черевихъ бѣлячихъ по 2 руб. 40 коп.	16	"	80	"
3 хутра сандрачевихъ бѣлячихъ по 3 руб.	9	"	—	"
2 хутра черевихъ бѣлячихъ бѣлихъ по 6 руб.	12	"	—	"
1 хутро перевязковое	12	"	—	"
3 хутра горностаевихъ по 30 руб.	90	"	—	"
1½ футри тхоровъ бѣлихъ	5	"	—	"
½ хутри „кошачьего“	1	"	80	"
200 тхоровъ бѣлихъ по 8 коп.	16	"	—	"
12 перевязокъ по 15 коп.	1	"	80	"
10 тхоровъ французскихъ самихъ плохихъ по 4 коп.	—	"	40	" ¹⁾

Его жь Алексѣя Кромиды.

11½ хутеръ ласичихъ по 15 руб.	172	"	50	"
2 хутри чернихъ тхоровихъ	36	"	—	"
Шесть хутеръ тхоровъ белихъ и шесть (?)	33	"	—	"
12 корсаковъ по 90 коп.	10	"	80	"
21 перевязка по 15 коп.	3	"	15	"
1 пара соболей простихъ и пара куницъ	5	"	—	"
81 куница по 80 коп.	64	"	80	"
143 тхори белихъ по 8 коп.	11	"	44	"
Одно хутро сандрачовое бѣлячее	3	"	—	"
2 хутри „горносталевихъ“ по 30 руб.	60	"	—	"

¹⁾ Кромѣ того:

Сѣдло со всѣмъ уборомъ	15	руб.	—	коп.
Одна пара пистолеговъ венецкихъ	13	"	—	"
Одна оружина	9	"	—	"
Часы карманные широкозолотные (?)	55	"	—	"

Такіе же мѣха какъ бѣличьи продавались и покупались греками десятками тысячъ. Такъ, въ 1689 г. царегородецъ Юрѣя Леонтьевъ купилъ въ Москвѣ нѣсколько тысячъ бѣлокъ, которыя и везъ въ Малороссію¹⁾. Николай Метакса въ 1744 г. отъ москаля Михаила Шереметцова принялъ въ долгъ 19000 простыхъ бѣлокъ за 748 руб. 20 коп. и отъ москаля Журавлева 45235 простыхъ бѣлокъ по 51 руб. тысяча. Въмѣсто 45235 платить условлено было только за 44685 штукъ (по 51 руб. тысяча всего 2278 руб. 93 коп., при этомъ было куплено 486 сороковъ ласокъ по 1 руб. 40 коп. всего на сумму 680 руб. 40 коп. Эти бѣлки и ласки Метаксой были проданы (1744 г. 10 апр.) въ г. Лоевѣ жидау Лейбѣ Шкловскому: 64235 бѣлокъ по 56 руб. тысяча съ уплатой только за 63735, всего за 3570 руб., 486 сороковъ ласокъ по 1 руб. 75 коп. съ уплатой за 480, всего за 840 руб.²⁾. Въ числѣ заграбленныхъ у грековъ гайдамаками мѣховыхъ товаровъ „не явилось 15000 бѣлки по 40 руб. тысяча“³⁾.

Покупаемые греками мѣха въ г. Нѣжинѣ выдѣлывались греками скорняками и выдѣланные отправлялись въ Турцію, поэтому въ Нѣжинѣ мы находимъ нѣсколько грековъ скорняковъ.

Греки, нужно замѣтить, считались въ то время отличными скорняками. Такъ въ 1739 г. изъ Москвы въ Петербургъ были высланы греки какъ лучшіе скорняки⁴⁾. Сколько приходилось грекамъ платить за выдѣлку мѣховъ въ Нѣжинѣ, мы указаній не встрѣтили, имѣемъ только свѣдѣніе, что въ Москвѣ скорняки мѣщанской слободы въ 1687 г. подрядились у грека Леонтія съ товарищами сдѣлать 1000 лисицъ и 2000 бѣлокъ съ платой за работу со ста лисицъ по 2 руб. и съ 1000 бѣлокъ по полтора⁵⁾.

Слѣдующей отраслю греческой торговли было все то, что у насъ извѣстно подъ именемъ бакалей и колоніальныхъ товаровъ: чай, сахаръ, кофе, волошскіе и гречкіе орѣхи, черносливъ, лимоны, рисъ, миндаль, фиги, финики, маслины, изюмъ, коринка, ладонь, высушенныя и засахаренныя лимонныя и апельсинныя корки, персики, абрикосы и виноградъ (частью въ видѣ сироповъ, частью въ видѣ настоекъ), каракатица, морской паукъ, котораго греки называютъ *ostopus* и въ постное время употребляютъ какъ лакомство⁶⁾ и пр.

Братчиковъ, торгующихъ бакалеею въ 1765 г., мы знаемъ слѣдующихъ: Михайла Садовникова, Федора Петрова Волкова, Лукіана Евстафіева, Кирика Димитріева, Ризу Иванова Турнавита, Хаджи Петра Иванова, Ивана Папазула, Константина Димитріева, Димитрія Петрова, Христофора Юрѣевича, Юрїя Эндренелія, Николая Петрова Полинковскаго (болгарина), Ивана Димитріева Сталѣвскаго (болгарина), Сандула Николаева (волоха)⁷⁾.

¹⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 7197 г. № 9.

²⁾ М. Ар. Мин. Юст. *ibid.* Оп. 5 вяз. XI № 146.

³⁾ *Ibid.* Оп. 4 вяз. V № 79.

⁴⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1739 г. № 2.

⁵⁾ *Ibid.* д. Мал. 1687 г. № 18.

⁶⁾ Арх. Ист. Фил. Инст. въ Нѣжинѣ. Кіев. Стар. 1893 г. т. XI ст. 434. Гильденштедтъ бывшій въ Нѣжинѣ въ октябрѣ (13—15) 1774 г.

⁷⁾ Х. И. А. Мал. Кол. № 4560.

Къ бакалеѣ нужно присоединить торговлю табакомъ. Греки торговали какъ простымъ малороссійскимъ табакомъ, такъ и турецкимъ: грекъ Христо Кирьяновъ въ 1733 г. принялъ отъ грека Петра Штуки тютюну 10600 папушъ по 90 коп. сотня; въ 1752 г. нѣжинскій грекъ Полушка везетъ на продажу турецкій табакъ; у Курбаногла между различнымъ товаромъ находилось 100 пуд. турецкаго табаку; а въ Нѣжинѣ мы знаемъ грековъ Дмитрія Дмитриева и Янія Михайлу Дамалу, спеціально торгующихъ табакомъ¹⁾.

Одной изъ важныхъ статей греческой торговли являлась винная. Малороссы того времени были усердные потребители спиртныхъ напитковъ во всѣхъ видахъ. Ни одна дружеская бесѣда, ни одно семейное и общественное торжество не обходилось безъ того, чтобы гости не разошлись не „подпиные“²⁾. Наше выраженіе быть на „чашкѣ кофе“, „съ визитомъ“ замѣнялось у малороссовъ того времени „быть на водкѣ“³⁾. Въ число накопленнаго добра — „мѣховъ, атласовъ, серебра“ — у старшинъ входили запасы вина, водки и наливки⁴⁾. Изъ винъ были распространены волошское, венгерское и крымское. Венгерское въ половинѣ XVIII ст. на Руси играло такую же роль, какъ потомъ шампанское⁵⁾. Главными посредниками въ торговлѣ этими винами были греки, которые развозили его цѣлыми бочками, отправляя изъ Малороссіи въ Москву и другіе города⁶⁾. Нѣжинскій грекъ Лазаревъ черезъ Васильковъ въ 1744 г. везетъ съ 24 фурманщиками 12 бутъ волошкаго вина⁷⁾. Кіевскій грекъ Антонъ Крамаренко изъ Могилева везетъ 11 бутъ вина⁸⁾. Грекъ Маргаритъ Дмитриевъ изъ Нѣжина на Сумскую ярмарку въ февралѣ 1760 г. отправляетъ 3800 кварта волошкаго вина⁹⁾. Молдавскихъ винъ во второй половинѣ XVIII в., по словамъ Гильденштедта, въ Нѣжинѣ ежегодно ввозилось на 50000 рублей¹⁰⁾.

Въ актахъ мы находимъ данныя о стоимости волошкаго вина. Бута его, напр., стоила въ 1760 г. съ провозомъ изъ Одубешта въ Нѣжинъ¹⁰⁾:

За буту (посуду)	6 левовъ 66 аспрь
За вино	70 „ — „
Ведрарито индукта старостию Крицулю	32 „ 60 „
Прокалабин и переправы черезъ Прутъ и Шереть	2 „ 70 „
Въ Сороцѣ дополненіе переправки и бешлагя	13 „ — „
За напаръ въ Сороцѣ вторую индукту	2 „ 40 „

¹⁾ Х. И. А. Мал. Кол. № 4933, № 15826, № 4560. Г. М. А. М. И. Д. дѣл. греч. 1752 г. № 3. Арх. Мин. Юст. Оп. 5 вяз. XIII № 165. Арх. Ист. Фил. Инст. кн. Безбор.

²⁾ Дневн. Зап. Як. Марковича.

³⁾ Дневн. Ханенка.

⁴⁾ Дневн. Зап. Як. Марковича, ч. I стр. 38, 39 и пр.

⁵⁾ Семейство Разумовскихъ. Историческій очеркъ А. А. Васильчикова, написанный на основаніи печатныхъ извѣстій, подлинныхъ писемъ, семейныхъ бумагъ и преданій. Москва, 1869 г. стр. 10.

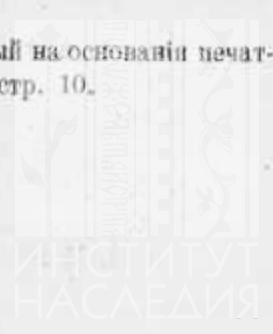
⁶⁾ Х. И. А. Мал. Кол. № 14309 и др.

⁷⁾ Кіев. Центр. Арх.

⁸⁾ Арх. Ист. Фил. Инст. въ Нѣжинѣ.

⁹⁾ Кіев. Стар. 1893 г. т. XI стр. 434.

¹⁰⁾ Арх. Ист. Фил. Инст. въ Нѣжинѣ.

Въ Полцѣ мѣта и Трилѣсской индукти	42	руб.	75	коп.
За фуру з Одубешта до Калантира	126	"	—	"
<hr/>				
Всего	295	левоу	71	аспрѣ
		или	177	руб. 35 ¹ / ₂ коп.
<hr/>				
За почестку и гостинцы въ Полцѣ	—	руб.	60	коп.
Въ карантинѣ караульнымъ	—	"	15	"
Карантинщины за фуру	2	"	50	"
Издержки маіору лѣкарю съ указомъ	5	"	77	"
За тарифъ	50	"	—	"
За ярлыкъ	—	"	34	"
За фуру съ Калантиру до Нѣжина	25	"	—	"
<hr/>				
Итого	261	руб.	71 ¹ / ₂	коп.

Изъ Крыма привозились судакскія и бахчисарайскія вина. Крымскій грекъ купецъ г. Красова Хаджи Леферій въ 1757 г. привезъ въ Малороссію до 5000 кварта „судацкихъ“ винъ¹⁾. Въ 1754 году у бахчисарайскаго жителя грека Юрія Васильева грузинскій дворянинъ Невсадзіевъ купилъ 4830 окъ судацкаго и бахчисарайскаго вина по 3 коп. око²⁾. Помимо вышеупомянутыхъ винъ греками привозились и вина изъ Греціи, у Курбаногла напр., въ погребѣ находилось 6 бочекъ адриано-польскаго вина³⁾, а также греки торговали испанскими (напр. Педро Хименесъ) и французскими (Фронтиньянъ напр.) винами. Кварта перваго цѣнилась въ 1730 годахъ по копѣ, втораго по 20 алтынъ⁴⁾ и пр.

Трактиры и „шинки“ въ городахъ и мѣстечкахъ малороссіи очень часто содержались греками; въ Нѣжинѣ, Глуховѣ, Черниговѣ, Стародубѣ, Сосницѣ и другихъ городахъ мы встрѣчаемъ шинки, содержимыя греками⁵⁾. Въ этихъ трактирахъ вы найдете всевозможнаго рода напитки начиная съ простой водки и кончая французской, начиная съ меда и кончая винами разныхъ сортовъ. Здѣсь можно было закупить и выпить чаю и кофе, сыграть въ билліардъ, однимъ словомъ такой „шинкѣ“ вполне подходилъ подъ типъ нашего ресторана. Кого вы здѣсь не встрѣтите? Какихъ только трагикомедій изъ общественной и политической жизни малороссіянъ не разыгрывалось въ этихъ трактирахъ. Здѣсь вы встрѣтите и грузина, явившагося въ Малороссію по указу Е. И. В. и задобривающаго служащихъ въ канцеляріи комиссіи экономіи, чтобы они ему не навязали нищетныхъ дворовъ⁶⁾. Здѣсь проводили часы своего досуга войсковые канцеляристы⁷⁾. Безъ сомнѣнія сюда заглядывали и гарнизонные офицеры, а порой и полковая старшина.

¹⁾ Х. И. А. Мал. Кол. № 30819.

²⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 1757 г. № 2.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Оп. 5. вяз. XIII № 165 (1752 г.)

⁴⁾ Днев. Зап. Якова Марковича. Ч. I, стр. 393.

⁵⁾ Х. И. А. Мал. Кол. №№ 85, 4560, 21857, 24145 и др.

⁶⁾ Х. И. А. Мал. Кол. № 23840.

⁷⁾ Ibid. № 2106.

Сначала тихая дружеская беседа под влиянием спиртных напитков очень часто становилась оживленной, порой переходила в горячий спор, раздавалось крепкое русское словцо, задѣвающее чиновничью честь какого-нибудь канцеляриста, относительно которой такъ щепетильны были малороссы XVIII в.¹⁾ И приходилось потомъ произнесшему съпьяна это словцо расплачиваться на площади своей спиной²⁾. Иной разъ дружеская беседа гарнизоннаго офицера и малороссійскаго старшины принимала обостренный характеръ: съ одной стороны раздавалось „чубъ“, съ другой отвѣчали бранью; наконецъ дѣло кончалось угрозами: „мы веѣхъ васъ.... сыновъ москалей перевѣшаемъ и вамъ уже лихо будетъ... въ прибытіе гетмана веѣ пропадете“³⁾. Угроза доводилась до свѣдѣнія военной коллегіи и приходилось его ясневельможности господину гетману отписываться передъ коллегіей по поводу съпьяна безъ всякаго основанія пущенныхъ на вѣтеръ словъ своего подчиненнаго. Иногда запутають сюда и хозяина грека; но грекъ этимъ не тревожился: онъ и самъ не прочь былъ поднять искковое дѣло по всякому незначительному поводу. За примѣромъ не приходится далеко ходить. Въ 1748 г. 6 августа, въ Новгородъ Сѣверскій на ярмарку собралось „почтенное“ малороссійское и великороссійское купечество, явились и греки, между ними и глуховскій шинкаръ грекъ Анастасіевъ. За полдень, когда ярмарочная площадь немного опустѣла, явилась возможность отдохнуть и купцамъ. Собрались краснорядцы къ одному рундуку и за общей выпивкой вели оживленную бесѣду. Сюда присоединились и нѣкоторые изъ новгородскихъ обывателей, между прочимъ мѣщанинъ Спасиба, пришелъ „въ гости“ и Анастасіевъ. Въ турецкой одеждѣ — „въ серветцѣ и въ чижмахъ“⁴⁾ Анастасіевъ рѣзко выдѣлялся отъ прочихъ. Русскій юморъ тотчасъ же сказался: Спасиба „ни с какова умислу, въ жартъ“, какъ потомъ выяснилось на слѣдствіи, началъ подтрунивать надъ грекомъ: „чи не палѣй ти?“ Подвыпившій грекъ, сверкнувъ очами, началъ въ энергическихъ русскихъ выраженіяхъ высказывать свое неудовольствіе. Положимъ, что 1748 г. былъ трагическимъ годомъ для Малороссіи: въ маѣ этого года выгорѣлъ почти весь Глуховъ⁵⁾, въ народѣ ходили смутные слухи о зажигателяхъ, поэтому шутка Спасибы при такихъ обстоятельствахъ дѣйствительно могла быть оскорбительна; но врядъ ли справедливо, что писалъ въ своемъ второмъ челобитѣ Анастасіевъ послѣ того, какъ на первомъ слѣдствіи выяснилось, что все это была шутка: „черезъ которія его (т.-е. Спасибы) не право поносительство во время того ярмарку въ продажѣ мною вина и покупкою разныхъ товаровъ послѣдовало убытку на 150 руб., ибо, слыша такія поношенія, какъ купцы, тако и продавцы разныхъ товаровъ меня лишились и торговаться со мной не стали“⁶⁾.

¹⁾ Въ актахъ половины XVIII в. мы встрѣчаемъ пословицу „чинъ чина почитай“, которой руководствовались малорусскіе чиновники во взаимныхъ отношеніяхъ.

²⁾ Х. И. А. Мал. Кол. № 2106. Интересное дѣло, но къ сожалѣнію неудобное для передачи: въ шинкѣ грека Юрія Гаджи одинъ изъ канцеляристовъ употребилъ циничное выраженіе по адресу генеральной войсковой канцеляріи, за что, по доносу товарища, былъ на площади высѣченъ.

³⁾ Х. И. А. Мал. Кол. № 30820.

⁴⁾ Въ греческой курткѣ и штанахъ.

⁵⁾ Дневн. зап. Як. Марковича М. 1859 г. ч. II ст. 263.

⁶⁾ Х. И. А. М. К. № 7713.

Объ одномъ изъ трактировъ, содержимыхъ грекомъ, мы имѣемъ нѣкоторыя подробности: шинкѣ былъ въ Черниговѣ держаль его грекъ Зруба отъ грека Христофора; въ шинкѣ имѣлся билліардъ, а также продавались чай, кофе и сахаръ¹⁾. 1763 г. 5 сентября, Зруба получилъ бѣлаго волошкаго вина 581 кварту по 14½ коп., а продавалъ по 22½ коп., полыннаго 90 кварть по 14½ коп., продавалъ по 22 коп., мушкетелю 20 кварть по 20 коп., продавалъ по 25 коп., 25 декабря того же года вина французскаго 70½ кварть (по показанію хозяина Христофора), а 53 кварты (по показанію приказчика Зрубы) по 20 коп., продавалъ по 25 коп.; 1764 г. 10 января Зруба получилъ вина бѣлаго волошкаго 54 кварты по 16 коп., продавалъ по 22½ коп.; 15 августа — вина бѣлаго волошкаго 84 кварты по 18 коп. (по показанію Зрубы) по 18½ коп. (по показанію Христофора), продавалъ по 22 коп.; 25 августа — бѣлаго волошкаго 117 кварть по 18 коп., продавалъ по 22 коп., водки сахарной 10 кварть по 65 коп., продавалъ по 75 коп., вина полыннаго 15½ кварть по 18 коп. и монастырійскаго 79½ кварть по 22 коп., продавалъ по 25 коп. Меду дано Зрубѣ на 12 руб. (медъ былъ купленъ у черниговскаго обывателя). Сколько было продано Зрубою кофе, сахару, чаю, водки сивухи, наливки — осталось неизвѣстнымъ. По окончаніи торговли отъ Зрубы принято въ сентябрѣ того же года: сивухи простой 1 кухва—28 руб., водки крѣпкой 8 кварть по 22 коп., меду на 9 руб., вина краснаго волошкаго 101 кварта по 14½ коп., стекла т.-е. посуды на 8 руб. 81 коп.; прислуга при шинкѣ „парубокъ“ нанять былъ на годъ за 10 руб. 60 коп. Зруба на топливо, свѣчи, харчи себѣ и парубку опредѣлялъ въ день по 30 коп., но черниговская полковая старшина, принимая во вниманіе лѣтнее время, нашла возможнымъ уменьшить этотъ расходъ вдвое, т.-е. опредѣлить въ 15 коп. За время своей торговли Зруба продалъ въ кредитъ обывателямъ вина на 78 руб. 15 коп.

У нѣкоторыхъ грековъ были винокуренные заводы. Въ 1699 г. греку македонскій земли Павлу Иванову велено поставить на Московскій житочный дворъ вина двойного и простаго по 5000 ведеръ; курить это вино грекъ долженъ былъ въ малороссійскихъ городахъ на своихъ винокурняхъ, въ Великороссію же долженъ былъ привезти только условенныя 10 тысячъ ведеръ²⁾.

Въ 1771 г. грекъ Юрій Димитріевъ Лазаревъ подалъ въ Правительствующій Сенатъ просьбу объ открытіи имъ завода для приготовленія „вейновыхъ водокъ и ратафій на гданскій вкусъ“ какъ изъ привозимыхъ изъ-за границы разныхъ виноградныхъ спиртовъ, такъ и изъ родящихся въ Россіи фруктовъ, винограда и овощей³⁾. Лазаревъ, выходецъ изъ венеціанскаго города С. Мавры, жилъ въ Нѣжинѣ и вель заграничную торговлю, которую прекратилъ по случаю турецкой войны, поступилъ сначала въ Московскую, а потомъ въ „Петербургскую контору для дѣланія отъ коронныхъ повѣренныхъ разныхъ водокъ“. Сенатъ въ просьбѣ Лазареву отказалъ, ибо въ прошеніи не указаны ни мѣсто ни польза открытія завода. Въ 1772 г. Лазаревъ подалъ вторичное прошеніе, гдѣ какъ мѣсто открытія завода указывалъ Нѣжинъ.

¹⁾ Ibidl. № 24145.

²⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1692 г., № 20.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 15812.

Выдѣлываемыя вина будутъ продавать ящиками, ведрами и штофами какъ въ Малороссіи, такъ и въ Великороссіи „по сходственной цѣнѣ“, за каждое проданное ведро въ казну будетъ уплачивать по 1 рублю. Сенатъ разрѣшалъ Лазареву открыть заводъ на такихъ условіяхъ, если только онъ приищется въ нѣжинскіе мѣщане и будетъ отбывать всѣ городскія повинности, ибо въ противномъ случаѣ произойдетъ нарушеніе привилегій, данныхъ городу Нѣжину.

Коса — необходимая вещь въ хозяйствѣ земледѣльца, какимъ преимущественно являлся малороссъ. Помимо уборки своихъ сѣножатей и полей обыватели наряжались въ качествѣ косцовъ на государственныя нужды — компанейцамъ, находящимся на форпостахъ, приказано заготовить по одной косѣ на 5 порцій; отправляющимся на работы на украинскую линію предписывалось имѣть косы¹⁾. Въ 1736 г. по случаю военнаго времени Малороссія должна была доставить для арміи 500 тысячъ пудовъ сѣна, т.-е. 20 тысячъ возовъ²⁾. Въ Гадяцкомъ полку въ 1738 г. на армію было укошено 87850 пудовъ сѣна³⁾. Въ 1740 г. для содержанія казенныхъ конныхъ заводовъ въ Золочевѣ обыватели Харьковскаго полка должны были заготовить 50 тысячъ пудовъ сѣна (2 тысячи возовъ). Казенные конные заводы, какъ мы знаемъ, были разсѣяны по всей Малороссіи. Въ 1753 г. для того, чтобы накосить 800 скирдъ сѣна на Батуринскую и Чеховскую гетманскія волости, было собрано изъ Переяславскаго, Кіевскаго, Лубенскаго, Прилуцкаго, Нѣжинскаго, Черниговскаго и Гадяцкаго полковъ 1200 косарей⁴⁾ и т. д.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ заключить, что коса являлась насущной потребностью для малороссійскаго обывателя. Удовлетворяя этой потребности, нѣсколько братчиковъ занимались косной торговлей. Такихъ купцовъ въ 1/2 XVIII ст. въ Нѣжинѣ акты называютъ: Ивана Галюнку съ братьями, Юрія Сердюкова, Ананія и Ивана Мурайтовъ, Януцу, Аѳанасія Софронова, Аѳанасія Филиппова⁵⁾. Ежегодно въ значительномъ количествѣ ввозили въ Малороссію косный товаръ. Такъ, Димитрій Януци везетъ за одинъ разъ 69 бочекъ косъ, Мурайтъ въ 1762 г. привезъ 150000 косъ⁶⁾. Въ 1751 г. грекъ Комбурлѣй посылаетъ въ Галаць за косами настолько значительный караванъ, что число воловъ изъ каравана, загубленныхъ приказчикомъ въ пути, простиралось свыше 50⁷⁾. Приѣзжій грекъ Димитрій Анастасіевъ въ 1757 г. привезъ 64 бочки косъ для продажи въ Малороссіи⁸⁾. Косы привозились изъ Австріи; сначала водой по Дунаю онѣ доставлялись въ Галаць, а оттуда на подводахъ въ Малороссію⁹⁾. Косъ въ одной бочкѣ, по показанію греческихъ купцовъ въ половинѣ XVIII ст., бывало по 1500, 1300, 1200, 1000, 9000 и 800; косы бывали разныхъ

¹⁾ Изъ Переяславскаго полка на линію было отправлено 1320 человекъ, при нихъ 403 косы (въ 1738 г.). Рук. Рум. Муз. Д. Маркевича, № 1426.

²⁾ Дневн. Зап. Як. Марковича II ч., стран. 11.

³⁾ Рук. Рум. Муз. Дѣла Маркевича, № 1435.

⁴⁾ X. И. А. М. К., № 2900

⁵⁾ Ibid., № 4560. № 11273.

⁶⁾ Ibid., № 11273. № 26113.

⁷⁾ Ibid., № 11778.

⁸⁾ Ibid., № 18006.

⁹⁾ Ibid., № 11778. № 14429. Шафонскій Черн. Нам. Топогр. Опис. Кіевъ 1851 г., стран. 479.

цѣнѣ, смотря по клеймамъ, напр.: подѣ клеймомъ „семь звѣздъ“ 1000 штаерскихъ косъ стоила „—коштуеть, писали греки, по куплѣ съ привозомъ въ Нѣжинъ“ —250 руб., подѣ клеймомъ „двухъ рыбокъ“ —230 руб., подѣ клеймомъ „генсимъ окомъ“ (sic!) —220 руб., тысяча „ординарныхъ штаерскихъ градскихъ косъ“ подѣ разными клеймами стоила въ покупкѣ съ привозомъ въ Нѣжинъ по 180, 170 и 172 руб.¹⁾ Косы въ Малороссіи распродалась на ярмаркахъ: Нѣжинскихъ, Роменскихъ и др.; оптовый торгъ производился на Роменской Вознесенской²⁾.

Въ 1752 г. два грека — полтавскій житель Константинъ Константиновъ и нѣжинскій Николай Метакса на имя гетмана Разумовскаго подали доношеніе, въ которомъ предлагали свои услуги по монополіи косъ. Свое предложеніе они изложили въ видѣ контракта, который распадается на 10 пунктовъ: 1) только имъ, вышеупомянутымъ грекамъ, разрѣшается привозить въ Малороссію косы, которыя они будутъ продавать всѣмъ желающимъ оптомъ и врознь не дороже 30 коп. за штуку въ продолженіе десяти лѣтъ. 2) Всѣмъ другимъ лицамъ продажа косъ должна быть запрещена за исключеніемъ агентовъ вышеупомянутыхъ грековъ, поэтому приказать всѣмъ командирамъ на пограничныхъ форпостахъ слѣдить, чтобы никто не могъ провезти косъ внутрь Малороссіи. 3) Чтобы не было тайной продажи ни въ Малороссіи, ни въ Заднѣпрскихъ мѣстахъ и Запорожской Сѣчи, торгующіе отъ имени грековъ будутъ снабжены видомъ. За исполненіемъ этого должны наблюдать сотенныя и полковыя канцеляріи, „куда предложенія учинить“. 4) Если кто изъ купцовъ, по незнанію, привезетъ косы къ границѣ Малороссіи, то онъ не долженъ быть пропущенъ внутрь страны, хотя вышеупомянутые греки могутъ закупить у него косы; если кто привезъ косы до опубликованія этого положенія, то ему продажу запретить, а заключившіе этотъ контрактъ имѣютъ право закупить эти косы по „гуртовой цѣнѣ“, бывшей въ 1750 и 1751 гг., съ надбавкою извѣстнаго процента. 5) Чтобы кто-нибудь не провезъ тайно косъ въ Малороссію и въ Сѣчь Запорожскую и не продавалъ ихъ, было бы позволено грекамъ при форпостахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они найдутъ удобнымъ, держать своихъ людей, которые будутъ слѣдить за контрабандной торговлей. Малороссійскимъ же полковникамъ и сотникамъ, войсковою старшинѣ и атаманамъ Запорожской Сѣчи было бы приказано, чтобы людямъ этимъ оказываемо было всевозможное содѣйствіе въ прокормленіи ихъ и въ арестѣ контрабандистовъ-купцовъ. Если же кому удастся продать запретныя косы, то вырученная сумма отбирается и дѣлится пополамъ: половина — въ скарбъ войсковою, а другая — грекамъ. 6) За привозимыя косы они, греки, кромѣ контрактной суммы въ скарбъ войсковою будутъ платить слѣдующій съ нихъ индуктовый сборъ. Поэтому дозорцы и факторы, осматривая привозимыя изъ-за границы товары, должны наблюдать, чтобы среди нихъ не находились косы; найденныя косы на границѣ и внутри Малороссіи будутъ отбираться безденежно, и половина ихъ будетъ отдана откупщикамъ, а другая въ скарбъ войсковою. 7) За предоставленное право монополюющей торговли греки сверхъ индуктоваго сбора

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 11273. Вообще цѣна косы въ XVIII ст. была устойчива: въ 1716 г. коса цѣнилась по полуполтинѣ (25 коп.). Г. А. М. И. Д. д. Мал. 1720 г. № 28.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 18006.

въ продолженіе 10 лѣтъ обязываются вносить въ годъ по 4000 руб. по третямъ года. 8) Для отправки этихъ денегъ въ канцелярію малороссійскихъ сборовъ изъ Нѣжина или Роменъ, особенно же для разѣздовъ грекамъ по Малороссіи была бы выдана подорожная на три подводы „за указные прогоны“; для охраны отправляемыхъ денегъ назначался бы конвой, а для посылокъ были бы при командированы къ грекамъ два казака-компанейца; для свободнаго пропуска на форпостахъ имъ выдавался бы паспортъ за подписью „его ясневелможности“. 9) Если въ той странѣ, откуда вывозятся косы, будетъ война или „опасная болѣзнь“, что затруднитъ привозъ косъ и отъ чего уменьшится продажа ихъ, тогда позволено имъ бѣдетъ прибавить цѣну на косы „по тогдашнему разсмотрѣнію“ или платить въ скарбъ войсковой на это время менѣе договоренной суммы, „потому что въ это время бываетъ убыль купечеству“. 10) „За сей нашъ проэктъ, писали греки, къ приращенію скарба войскового послѣдовавшій, уволнить насъ отъ всякихъ податей и повинностей и выставленія подводъ и дома наши отъ постоевъ, а сверхъ того одному изъ насъ Константину повелѣтъ считаться между войсковыми людьми и сіе причестъ за войсковую службу“.

Получивши такого рода предложеніе, Его Ясневелможность препроводилъ представленный ему контрактъ на усмотрѣніе генеральной войсковой канцеляріи. Несмотря на заманчивость предложенія для выгодъ войскового скарба, генеральная канцелярія отказала грекамъ. Интересно, что мотивомъ отказа послужили положенія „порядка“ — статьи о монополіи, гдѣ запрещается среди купцовъ всякая стачка для сосредоточенія товаровъ въ однѣхъ рукахъ, изъ чего является возможность „принести простому народу обиды“¹⁾.

Торговля золотыми и серебряными вещами, а также дорогими камнями составляла одинъ изъ распространенныхъ видовъ греческой торговли. Еще Котошихинъ въ своемъ описаніи говорилъ: „гречаня — пріѣзжаютъ къ Москвѣ ежегодно и привозятъ съ собою товары всякіе: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные, съ камнемъ, съ алмазы и съ яхонты и съ —изумруды и съ лалы, (и золотые портища), и конскіе наряды, сѣдла и муштуки и узды и чапраки со всякимъ камнемъ, и царицѣ и царевнамъ вѣнцы и зарукавники и серги и перстни съ разными же камнями, не малое число“²⁾. Такими же предметами греки торговали и въ Малороссіи въ XVIII в.: золотыя цѣпочки, золотые и серебряные стаканы, серебряные и золотые крестики, браслеты, золотые перстни и сережки, золотыя пуговицы и разнообразные драгоценныя камни³⁾. Особенно много распродала греки коралловъ, напр.: въ 1755 г. у грека-купца Адама Мецовита среди товара было найдено 111 фунтовъ большихъ и малыхъ красныхъ коралловъ⁴⁾. Иные кораллы цѣнились по 11 руб. за фунтъ, а другіе по 15 руб. око, т.-е. 3 фунта; дѣло, вѣроятно, въ достоинствѣ коралловъ. Евстафій Ивановъ въ 1749 г. даетъ въ закладъ „цѣнные камушки разніе“: яхонтовъ лазоревыхъ 138 камней вѣсомъ кратъ 1035 семь осмухъ, яхонтовъ желтыхъ

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 5627.

²⁾ О Россіи въ царств. Ал. Мих. Соч. Григорія Котошихина. С.-Пб. 1884., стр. 165.

³⁾ Рум. Муз. Арх. Марковича, № 960. Х. И. А. Хар. Отд. I отд., № 8912. Тамъ же среди дѣлъ Малороссійской коллегіи. Въ архивѣ Мин. Юст. и т. д.

⁴⁾ Х. И. А. М. К., № 3315.

9 вѣсомъ 131 кратъ и одна осмуха, камень зеленый, прозываемый кошачій глазъ, 21^{1/4} кратъ, яхонтовъ бѣлыхъ 3 вѣсомъ 15^{1/2} кратъ, яхонтовъ красныхъ 48 вѣсомъ 140^{3/4} кратъ; лаловъ и шпинеловъ и яхонтиковъ красныхъ 155, среди нихъ одинъ шпинель зеленый 728^{1/8} кратъ, крестъ алмазный, 4 перстня (одинъ лаловый, три алмазныхъ) и 30 зеренъ „бурминскаго“ жемчугу¹⁾. А вотъ реестръ золотыхъ вещей другого грека, относящійся къ 1765 г.²⁾:

Золотыхъ 40 перстней съ камушками: діамантомъ, рубиномъ, смарагдомъ, балашомъ (?) и сапфиромъ на 2100 левковъ.

1 понцехра въ серебряномъ ящичку	100 лев.		
43 куска сапфира выдѣланные, 73 карата по 3 лев. карать .	219	„	
45 кусковъ сапфира выдѣланные, 80 ^{1/2} карата, по 2 лев. 60 ден.	210	„	30 ден.
11 шпинеловъ выдѣланныхъ 29 карать	87	„	— „
36 рубиновъ маленькихъ 11 каратовъ по 3 лев.	33	„	— „
60 кусковъ лали и рубина выдѣланные, 62 карата по 5 лев. .	310	„	— „
66 кусковъ балаша (sic) выдѣланныхъ, 65 каратовъ по 2 лев. 60 ден.	163	„	90 „
93 куска смарагда выдѣланныхъ 34 карата	102	„	— „
34 куска сапфира (бѣлые) обдѣланные, 47 каратовъ	141	„	— „
100 кусковъ смарагда выдѣланные, 63 карата	63	„	— „
63 куска рубиновъ, не обдѣланные и „лали“ 312 каратовъ по 6 левковъ.	1872	„	— „
Безъ счета „лали“ и рубиновъ невыдѣланныхъ 538 карать по 3 лев.	1614	„	— „

Въ Нѣжинѣ мы знаемъ двухъ ювелировъ-братчиковъ Николая Стаматѣева и Стефана Андреева Убришева³⁾. Греки Юрій да Павелъ Алексѣевы Артины имѣли въ Нѣжинѣ кожевенный заводъ⁴⁾. Въ 1738 г. вышеупомянутые греки просили, чтобы имъ было разрѣшено открыть въ Нѣжинѣ таковой заводъ, для чего они купили земли въ части города, прозываемой „Новое мѣсто“, а къ этому прикупили лѣсныя угодья. На заводъ, греки обѣщали въ своемъ прошеніи, будетъ выдѣлываться мастерская и пудовая юфта для поставки въ армію и другія мѣста, а также для продажи за границу⁵⁾. Генеральная войсковая канцелярія, на основаніи промеморіи изъ государственной коммерцъ-коллегіи, разрѣшила указомъ 13 іюня 1738 г. Артинамъ открыть такой заводъ, а нѣжинскому магистрату и полковой канцеляріи приказала домъ ихъ освободить отъ постоя и взиманія подводъ. Юфту, вырабатываемую на заводъ, Артины поставляли на армію, но у нихъ еще получался значительный остатокъ, за неимѣніемъ въ Малороссіи потребителей и покупателей, почему Артины въ 1740 г. просили разрѣшенія вывозить эту юфту за границу⁶⁾. Просьба эта врядъ ли была уважена, ибо въ 1760-хъ годахъ Артины, какъ мы видимъ изъ дѣла, не вывозятъ

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 5489.

²⁾ М. А. Мин. Юст. *ibid.* Оп. 7 вяз. XIII, № 264.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 4560.

⁴⁾ *Ibidem.*

⁵⁾ Хр. И. Арх. Мал. Кол., № 2418.

⁶⁾ Рук. Рум. Муз. Арх. Марк., № 1384.

кожъ и юфты за границу. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1766 г., заводъ этотъ былъ въ слѣдующемъ состояніи: на немъ были 6 мастеровыхъ людей и 8 наемныхъ работниковъ; выдѣлывалось кожъ въ годъ¹⁾:

юфть яловичьихъ черныхъ . . .	1000	шт.
" " красныхъ . . .	200	"
" " козловыхъ черныхъ . . .	1000	"
" " красныхъ . . .	400	"
" " желтыхъ . . .	100	"
бараньихъ кожъ черныхъ . . .	100	"
" " красныхъ . . .	150	"
" " желтыхъ . . .	120	"
" " бѣлыхъ . . .	100	"

Данныя эти только приблизительны: годъ на годъ не походилъ, — иной годъ приходилось выдѣлывать больше, другой меньше, а въ зависимости отъ этого колебалось и число рабочихъ на заводѣ.

Кожи покупались на заводѣ:

яловичья лучшая	1 руб. 20 коп.
" средняя	1 " — "
" низшая	— " 60 "
козловая лучшая	— " 35 "
" средняя	— " 25 "
" низшая	— " 10 "
баранья лучшая	— " 25 "
" средняя	— " 20 "
" низшая	— " 15 "

Продавались по выдѣлкѣ:

2 руб. 50 коп.	} Цвѣтъ кожи на цѣнность ея не оказывалъ вліянія, всѣ продавались по этимъ цѣнамъ.
2 " — "	
1 " 50 "	
— " 80 "	
— " 60 "	
— " 40 "	
— " 50 "	
— " 40 "	
— " 30 "	

На этомъ заводѣ конскія кожи не выдѣлывались. Выдѣланные кожи за границу не отпускались, но продавались въ Нѣжинѣ, въ лавкѣ Артиновъ, скупщикамъ и на ярмаркахъ въ Черниговѣ, Кіевѣ, Переяславѣ и др. городахъ. Это былъ самый богатый и значительный кожевенный заводъ въ Малороссіи въ то время; дѣйствительно помимо него были еще 2 завода: одинъ въ Стародубовскомъ полку при сл. Клинцахъ Максима Осокина, который жилъ съ братомъ, при этомъ заводѣ былъ одинъ мастеръ, за тотъ же 1765 г. на заводѣ выдѣлано кожъ яловичьихъ черныхъ — 600, конскихъ бѣлыхъ — 100, другой заводъ въ Черниговскомъ полку въ раскольничьей сл. Добрянкѣ Петра Кожевникова, на заводѣ этомъ работалъ самъ Петръ съ 4 своими сыновьями и 2 работниками; въ годъ выдѣлывалось кожъ яловичьихъ черныхъ — 400, подошвенныхъ яловичьихъ — 50, конскихъ черныхъ — 50, козлиныхъ черныхъ — 100, барановъ бѣлыхъ — 400, телячьихъ черныхъ — 100, чужихъ кожъ „за заплату“ яловичьихъ чер-

¹⁾ Ibid., № 5198.

ныхъ — 100, козлинъ черныхъ — 30. Многіе изъ жителей занимались приготовленіемъ кожъ у себя на дому ¹⁾.

П о л к н.	Число заво- довъ.	Число до- мовъ.	При нихъ мастеровыхъ и рабочихъ людей.	Воловьихъ, яловичьихъ и конскихъ бѣлыхъ и чер- ныхъ кожъ.	Юфть яло- вичья и попой- ковъ чер- ныхъ и крас- ныхъ.	Козловыхъ и бараньихъ бѣлыхъ чер- ныхъ, крас- ныхъ и жел- тыхъ.	Козлинъ и телятинъ.	Телячьихъ и габел- ковъ, т.-е. моло- дого скота и лоша- дей бѣлыхъ, чер- ныхъ и красныхъ.
Нѣжинскій . . .	1	219	458	4474	1200	3287	—	181
Стародубскій . .	1	122	268	11069	—	5460	—	935
Черниговскій . .	1	101	230	5378	500	3648	150	100
Лубенскій	—	269	488	5844	—	252	—	121
Гадяцкій	—	165	266	2235	—	196	—	—
Переяславскій . .	—	155	257	3931	—	190	—	—
Кіевскій	—	160	330	2766	—	1650	—	—
Прилуцкій	—	50	98	3624	—	—	—	—
Полтавскій	—	18	55	570	—	90	—	127
Миргородскій . .	—	157	296	2362	—	100	—	—
	3	1416	2746	42253	1700	14873	150	1464

Ibid., № 5199. Въ этомъ же дѣлѣ находятся и болѣе подробныя свѣдѣнія.

Помимо вышеуказаннаго греки торговали многими другими товарами, напр.: Дементій Ликана лошадьми, Татархристы свѣчьми, трубками и разною мелочью, Толбухинъ щетинными товарами, Аѳанасій Ризовъ красной рыбой и икрой и т. д. Въ половинѣ XVIII ст. число живущихъ грековъ въ одномъ Нѣжинѣ простиралось до 150 семействъ; каждый по своимъ симпатіямъ и способностямъ выбиралъ подходящій для себя родъ торговли. Другіе же занимались различными ремеслами, такъ, Димитрій Ѳедоровъ — шапочнымъ, трехъ грековъ мы знаемъ какъ портныхъ, и Гажки Димитрій Константиновъ „бавится краскою всякихъ фантинъ и суконъ“. Постоянное жительство грековъ въ Нѣжинѣ вызвало поселеніе такихъ, какъ, напр., Димитрій Лукьяновъ Софроновъ, который торгуетъ цареградскими съѣстными вещами, а Аѳанасій Ивановъ занимается печеніемъ и продажей плачиндъ, а торговыя сдѣлки между братчиками вызвали въ греческой общинѣ присутствіе такихъ людей: Анастасій Ѳедоровъ „бадается сводомъ торговыхъ договоровъ между купечествомъ“, Николай Константиновъ „купечествомъ не бадается, а обрѣтается у греческихъ дѣлъ по греческому братству“ ²⁾.

По вѣдомости, имѣющей въ нашемъ распоряженіи, мы находимъ, что торговыя и другія занятія грековъ выразятся въ такихъ цифрахъ: 31 человекъ торговали турецкими товарами (кумачи, шелкъ, заполочь, ладанъ и др.), 26 купцовъ пушнымъ товаромъ, 10 — волошскими винами, 3 — мушкательнымъ виномъ, 1 — мякотнымъ виномъ, 1 — вообще виномъ, три поставляютъ вообще шерсть и турецкую шерсть на великороссійскую фабрику, 4 — торгуютъ косами, 15 — бакалеей, 1 — отправляетъ русскую юфту за границу, 1 — торгуетъ нѣмецкими суконными товарами, 3 — гданскими гарусными и шелковыми разными товарами, 1 — бумажными турецкими това-

¹⁾ Ibid., № 5199. Вотъ вѣдомость, знакомящая насъ съ состояніемъ этой отрасли промышленности въ Малороссіи въ 1760-хъ годахъ. Вѣдомость относится къ октябрю 1766 г.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 4560. Арх. Греч. Братства.

рами, 1 — камкой, 1 — штаметомъ, 2 — парчевыми и шелковыми товарами, 1 — сахарными водками, 4 — шинкують, 1 — торгуетъ лошадьми, 6 — содержатъ кофейни, 1 — имѣеть въ г. Нѣжинѣ кожевенный заводъ, 1 — торгуетъ табакомъ, 2 — старой одеждой и мелочнымъ товаромъ, 2 — трубками, свѣчьми и разной мелочью, 1 — красной рыбой, 2 — икрой, 2 — цареградскими товарами (алмазами и другими драгоценностями), 2 — занимались вообще суконной торговлей, 1 — торгуетъ холстомъ, 1 — щетиннымъ мелочнымъ товаромъ, 7 — мякотными великороссійскими товарами, 1 — греческими товарами (по опредѣленію Шафонскаго, вино, щетинные товары), 8 — занимались барышничествомъ, 3 — были портные, 2 — ювелирами, 1 — кондитеромъ, 10 — бламарями, 1 — шапочникомъ, 2 — приказчиками, другой — приказчикомъ при московскомъ купцѣ Журавлевѣ; 1 — торгуетъ сукнами отъ польскаго Слуцкаго купца Сухозагнета и др. Многіе изъ грековъ оставили торговлю или за старостью или, приобрѣтя значительныя средства, предпочитали вести спокойную жизнь¹⁾. Нужно замѣтить, что въ-домость эта не отличается точностью, напр.: Анастасій Клица торгуетъ разными турецкими и россійскими товарами или грекъ Константинъ Ивановъ промышляетъ товарами пушными, кумачами, заполочью и другими (какими?); Иванъ Караманлѣй торгуетъ пушными, кумачными, шелкомъ и „другими разными товарами“ (какими?); Димитрій Софроновъ торгуетъ въ Нѣжинѣ „разными цареградскими сѣстными вещми“; Аванасій Софроновъ вывозить изъ Цесаріи косы и оными другими товарами промышляетъ и пр. Конечно, трудно опредѣлить, какіе это „разные“ и „другіе“ товары, тѣмъ болѣе, что грекъ не признавалъ категорій товаровъ въ торговлѣ: Θεодоръ Николаевъ бавится продажею икры и свѣчь въ лавкѣ; Ананій Морантъ привозитъ изъ Цесаріи „сѣнокосные косы“, а туда отпускаетъ красную юфту и пр.²⁾ Мы можемъ подробно сказать о торговлѣ только живущихъ въ Малороссіи, прослѣдить же торговлю пріѣзжихъ грековъ очень трудно. На житье въ Малороссіи изъ греческихъ купцовъ оставалось меньшинство, большинство же уѣзжало³⁾. Эти послѣдніе вносили въ торговлю еще большее оживленіе и разнообразіе⁴⁾. Пріѣзжіе являлись комиссіонерами живущихъ въ Малороссіи и посредниками между малороссійскими и заграничными торговыми домами. Сами живущіе рѣдко оставались у себя дома; почти все время они проводили въ разъѣздахъ или по украинскимъ и слободскимъ ярмаркамъ или по Великороссіи и за границей⁵⁾. У каждаго грека была ключомъ коммерческая жилка; „рукодѣлія никакого кромѣ повареннаго дѣла не знаю, — говоритъ про себя грекъ Христофоръ Григорьевъ — а торговать умѣю“⁶⁾. Явившись въ Малороссію, почти каждый грекъ брался за торговлю. Если у него было какое-нибудь другое занятіе, то часто онъ предпочиталъ торговлю, и, разъ являлась возможность, онъ принимался за нее. Такъ, напр., грекъ Николай Константиновъ сначала служилъ во флотѣ, а потомъ въ 1730-хъ годахъ мы встрѣ-

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 4560.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Въ 1711 г. въ гор. Нѣжинѣ пріѣзжихъ грековъ и волоховъ было 232 человека, а остающихся на жительство смотри глава I, приложение № 1. Г. М. А. М. И. Д. д. Маг. 1711 г. № 12.

⁴⁾ Х. И. А. М. К., № 4560. № 21889.

⁵⁾ Х. И. А. М. К., № 3313. М. Арх. Мин. Юст. ibid. Оп. 5 вяз. XI, № 146.

⁶⁾ Кіевскій Центр. Арх. ibid.

чаемъ его въ Нѣжинѣ купцомъ¹⁾. Средства, съ которыми грекъ начиналъ торговлю, были крайне разнообразны: одинъ располагалъ нѣсколькими тысячами рублей и велъ на свой собственный рискъ торговлю въ нѣсколькихъ государствахъ, разсылая по различнымъ городамъ своихъ приказчиковъ, другой на совѣмъ незначительныя средства велъ мелочной торгъ: Маргарить Кирилловъ въ 1745 и 1746 г.г. отправилъ грековъ въ Царьградъ для торговыхъ оборотовъ съ 12000 руб.²⁾; нѣжинскій грекъ Полушка въ 1752 г. везеть: финиковъ 1 пуд. 30 фун., оливковъ 8 пуд. 4 фун., ладану 21¹/₄ фун., лимоннаго соку 5 анкеръ 1 ведро, рожковъ 16¹/₄ фун., черносливу 1 пуд. 36¹/₂ фун.³⁾; македонскій грекъ Анастасіевъ везеть черезъ Переволочную 4 бочки ладану, изъ которыхъ двѣ вѣсятъ 44 пуда; весь ладанъ запроданъ былъ по 15 руб. пудъ⁴⁾; кіевскій грекъ Аванасьевъ привезъ въ Малороссію бакалеи на 4 возахъ⁵⁾. Третій, ничего не имѣя кромѣ опытности и умѣнья, предлагалъ свой трудъ богатымъ людямъ: полку Черниговскаго сосницкой сотни купчинъ грекъ Филиппъ Николаевъ говорилъ: „1731 г. въ ноябрѣ приговорилъ мене графъ Гавріиль Владиславовичъ и далъ мнѣ денегъ 600 руб. на промыслъ купеческій по такому уговору: що Богъ дастъ изъ тихъ денегъ взялъ би онъ, графъ, денегъ двѣ доли, а третью долю мнѣ изъ за работнихъ денегъ за труди, дати, а сума его была въ цѣлости“⁶⁾. Деньги добываемыя греками для торговли, пріобрѣтались иногда дорогою цѣною и большими жертвами: грекъ македонскій Зотій въ 1731 г. взялъ товару въ кредитъ на 3000 руб. у македонскихъ жителей Θεодосіева, Маруцы, турецкаго „купчина“ Магмета, а въ поруки въ уплатѣ отдалъ своихъ родителей⁷⁾. Вообще, энергичный и предприимчивый грекъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для заработка, пріобрѣтенія средствъ, у него всегда былъ на готовѣ какой-нибудь планъ: то онъ предлагаетъ правительству послѣ нашествія шведовъ отыскивать въ Черниговщинѣ и Стародубовщинѣ клады⁸⁾, то составляетъ проектъ монополіи косной торговли, то предлагаетъ устроить водочный заводъ для изготовленія заграничныхъ винъ и пр. Поэтому понятно: являясь въ Малороссію — въ какой-нибудь городъ, мѣстечко — безъ всякихъ средствъ, человѣкомъ новымъ, грекъ скоро освоивался, начиналъ торговлю, открывалъ шинокъ, черезъ нѣсколько времени обзаводился своимъ собственнымъ домомъ и становился виднымъ человѣкомъ и пользовался почетомъ и уваженіемъ, если не за свою полезную для населенія дѣятельность, ибо сплошь и рядомъ состояніе пріобрѣталось цѣлымъ рядомъ насилій, то благодаря своему богатству: часто грекъ бывалъ „киторомъ“ одной, если не единственной, изъ церквей мѣстечка.

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 3313.

²⁾ Ibid., № 11015.

³⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. гр. 1752 г., № 3. Анкеръ — мѣра для вина въ Россіи и другихъ государствахъ (Швеція, Голландія, Данія, Норвегія) отъ 33—40 шт., т.-е. 3 ведра съ лишнимъ. Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. I, стран. 788.

⁴⁾ Х. И. А. М. К., № 15913.

⁵⁾ Кіевскій Центр. Арх. ibid.

⁶⁾ Х. И. А. М. К., № 3313.

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Грекъ Михайловъ въ 1725 г. въ Почепѣ ищетъ денегъ, кладовъ, но ничего не было найдено кромѣ хлѣба, зарытаго въ ямахъ (Арх. Мин. Юст. Оп. I вяз. 4 № 109).

Красной чертой въ греческой коммерческой жизни проходитъ товарищеское, компанейское начало. Рѣдко грекъ торговалъ одинъ, большей частью онъ вступалъ въ товарищество. Товарищества составляли какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ живущіе въ Малороссіи, такъ и пріѣзжіе и не только между собой, но и съ купцами другихъ національностей — великорусскими и малорусскими и пр. Болгаринъ Гаджи ѣздилъ нѣсколько разъ изъ Константинополя въ Нѣжинъ и обратно за товаромъ, торгуеть въ товариществѣ¹⁾. Въ 1765 г. нѣжинскій грекъ Мецовитъ и македонскій Кирьяновъ составили на три года компанію съ 10679 руб. 65 коп. Мецовитъ закупалъ въ Россіи пушной товаръ и отправлялъ его въ Турцію, а Кирьяновъ продавалъ и покупалъ въ Турціи товары, находящіе сбытъ въ Россіи²⁾. Леонардовъ и Мантовъ торгуютъ въ товариществѣ³⁾. Греки Столевскій и Кировъ имѣли товарищество по торговлѣ волошскимъ виномъ⁴⁾. Торгующихъ въ товариществѣ мы знаемъ грековъ Юрія Протченка и Ивана Карлова⁵⁾. Иванъ Мурайтовъ ѣздилъ въ Граць съ 1745 г. по 1752 г. ежегодно за косами; товарищескій капиталъ 9000 руб., изъ котораго 8500 руб. принадлежало Самойлу Пеллопонову⁶⁾. Въ 1771 г. вступили въ товарищество грекъ нѣжинскій житель Иванъ Станевичъ, зять его кременчугскій Ѳедоръ Можантиновъ и нѣжинскій грекъ Антонъ Юрьевъ Тухаевъ и торговали до 1776 г. Съ 5 августа 1773 г. по 29 апрѣля 1776 г. черезъ руки Можантинова прошло товару на 200041 руб. 18 коп., который былъ проданъ за 229362 руб. 66½ коп.⁷⁾. При заключеніи товарищества выдавали иногда другъ другу „облигаціи“. Условія, на основаніи которыхъ вступали въ товарищество, были различны. Дядя Пеллопоновъ и племянникъ Мурайтовъ торгуютъ косами — „барышъ и убытокъ пополамъ“. Со 2 ноября 1743 г. три грека Николай Евстафійевъ, Евстафій Ивановъ и Николай Метакса вступили въ товарищество: Николай Евстафійевъ вложилъ капиталъ въ 1508 руб. 95 коп., а Евстафій Ивановъ и Николай Метакса ничего изъ своихъ денегъ не положили; на эти 1508 руб. 95 коп. должна была производиться торговля, а со вложеннаго въ предпріятіе капитала Николай Евстафійевъ изъ „товарискаго барыша“ получаетъ по 1 рублю на 100 на каждый мѣсяць⁸⁾.

Приведемъ имѣющуюся въ нашемъ распоряженіи копію съ контракта товарищества: „симъ нашимъ товарищескимъ обязательнымъ писмомъ и существительнымъ доказательствомъ признаемъ нижеподписавшіеся, а именно гднѣ Панаіотій Васильевъ, Ѳеодосій Сіятій и Николай Ивановъ Аоенѣевъ, что мы, в славу Бжію, в товарищество вступили и гднѣ Панаіотій Васильевъ капиталѣ положили въ товарищество 4802 руб. и 25 коп., повторяю четыре тысячи восемь сотъ и два рубля и двадцать пять коп., которіе состоятъ въ некоторомъ числѣ мягкой рухледи, по нашему благо-

¹⁾ Г. М. А. И. Д. д. Мал. 1734 г., № 3.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 21262.

³⁾ Ibid., № 16314.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст. Оп. 8 вяз. 59 № 1467.

⁵⁾ Ibid. Оп. 7 вяз. 7, № 232.

⁶⁾ Х. И. А. М. К., № 7243.

⁷⁾ Арх. Греч. Братства.

⁸⁾ Арх. Мин. Юст. Оп. V вяз. XI, № 146.

Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II,

изобретенію и в другихъ товаровъ, в коемъ числѣ и пятъ векселей всего на три тысячи на восимъ сотъ двадцетъ рублевъ, а досталніе в дополненіе вышеписанной суммы онъ дадалъ намъ чистими денгами и гднѣ Панаіотей имѣть по вышеписаннимъ вексѣлямъ заплатит, какъ настоящей хозяинъ. Во всемъ више изображенномъ ежели мы обои више помянутіе в свои руки приняли, а именно Θεодосій Сіятій и Николай Ивановъ Аѳніевъ, чтобъ теми товарами и денгами торговать в Бреславе, Лейпцихе і в Венеціи, виключая Туркію, в которой ми никакого торгу производит не имѣемъ, и тако даетца намъ Θεодосію и Николаю на волю покупать и продавать все то, что Богъ намъ по сердцу положит, а по окончанію продажи и покупки должни ми возвратится в Москву для обикновенного чистаго расчета и вичитая издержки, кои для товаровъ учинитца имеютъ, какой Господь баришь или убытокъ, от чего Боже обрани, подасть все оное на двое доли да разделитца, из которыхъ одна доля надлежитъ имѣть гдну Панаіотию и другая по поламъ Θεодосію и Николаю иждивенія же, кои мы Θεодосій, Николай, на наши персони употребить еже разумѣтца на пищу и протчое обовязуемся сами нести, а сверхъ того сколько бы мы кроме вышеписанной суммы туда и обратно едучи товаровъ на векселяхъ или инимъ образомъ не взяли съ онихъ баришь и убытокъ, отъ чего Боже сохрани, в томъ намъ двоимъ Θεодосію и Николаю между собою ведатца отъ гдна Панаіотія позволяетца; такимъ то образомъ сіе товаришеское обязательное писмо постановлено и собственными нашими руками подписано, а для лутчаго уверенія два равногласящія экземпляра написани, изъ которыхъ одинъ врученъ гдну Панаіотию, а другой намъ обоимъ. 1744 августа 29 д. в Москви. (Идѣть подписи). Еще мы нижеподписавшіеся Николай Ивановъ Аѳенѣевъ и Θεодосій Сіятій взяли в товарищество у гдна Панаіотія Васильева три пары соболей цѣною за 175 руб. и сіе для того здѣсь вноситца, чтобъ оное разумелось такожде в товарищество к вышеписанной суммѣ Θεодосій Сіятій принялъ оное и подписался своею рукою¹⁾.

Каждый народъ торговыя сдѣлки совершаетъ на свой манеръ²⁾. Всякое торговое предпріятіе для купца, безъ сомнѣнія, представляетъ громаднѣе важность, поэтому и не мудрено, если купцы всякое незначительное коммерческое дѣло любятъ дѣлать не спѣша, обдумывая каждый шагъ и проводя время за любимымъ развлеченіемъ: китаецъ, напр., совершаетъ торговую сдѣлку за чашкой чая, русскій за рюмкой водки, а грекъ за чашкой кофе въ кофейнѣ, гдѣ онъ проводилъ большую часть своего досуга: умѣренный въ пищѣ и платьѣ грекъ страстный любитель кофе. Кофейня же удовлетворяла многимъ потребностямъ греческаго пытливаго ума. Прохлаждаясь за чашкой кофе, развлекаясь игрой въ шашки, грекъ въ кофейнѣ могъ знать всѣ коммерческія и общественныя новости почти всей Европы, половины Азии и даже Африки. Здѣсь сталкивались купцы изъ Константинополя, Пелопонника и съ южныхъ греческихъ острововъ, изъ Петербурга, Венеціи, Лейпцига и Макарьевской ярмарки, изъ Кавказа, Персіи и прочихъ странъ. Подъ видомъ торговаго человѣка часто скрывался политическій агентъ, какой-нибудь повѣренный по секретнымъ дѣламъ хотя бы

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 12562.

²⁾ Сумцовъ. Культурныя переживанія. Кіевъ, 1890 г. Стран. 52, 53.

Константинопольскаго патріарха¹⁾. Многіе изъ приѣзжавшихъ въ Малороссію грековъ были врачи, многіе изъ проживающаго даже въ Нѣжинѣ купечества были лица образованные, получившіе свое воспитаніе за границей и слушавшіе вѣроятно лекціи въ западно-европейскихъ университетахъ²⁾. Поэтому подвижному греку, привыкшему интересоваться почти всѣми вопросами общественной жизни, кофейня давала обильную пищу для его ума; она давала справки по интересующимъ его коммерческимъ вопросамъ, здѣсь же онъ узнавалъ и о спросѣ на товаръ и о его цѣнѣ, а также о кредитоспособности своихъ покупателей и, наконецъ, устраивалъ свои торговыя сдѣлки. Греку кофейня замѣняла нашъ клубъ, нашу любую справочную контору. Поэтому не мудрено, если грека тянуло въ кофейню и судья греческаго братства оставлялъ разборъ кляузныхъ дѣлъ и направлялся туда же. Конечно, для полкового старшины, назначеннаго наблюдать за порядками въ братствѣ и обязаннаго смотрѣть на житейскіе вопросы глазами указовъ генеральной войсковой канцеляріи, казалось страннымъ, что греческіе судьи вмѣсто присутствія въ судѣ шли въ кофейню „забавлялись тамъ играми“³⁾, а къ указамъ генеральной канцеляріи относились скептически и легкомысленно. Коммерческія дѣла грекамъ приходилось вести не только между собою, но съ купцами другихъ народностей, особенно часто съ великоруссами, а послѣдніе рюмку водки предпочитали прочимъ напиткамъ; это должно было породить особый типъ кофейни съ продажей водки, каковую кофейню дѣйствительно мы встрѣчамъ въ Нѣжинѣ⁴⁾.

Торговыя сношенія грековъ приносили имъ большія выгоды; поселяющіеся въ Нѣжинѣ греки, освобожденные царскими грамотами и гетманскими универсалами отъ тяжелыхъ народныхъ повинностей, богатѣли, скупали казачьи и мѣщанскіе грунты. Въ 1738 г. нѣжинская полковая канцелярія доносила Румянцеву, что „греки и дѣти и внуки ихъ ежегодно распространяючися домами своими, которыхъ иніе имѣють по два и по три, живутъ прохладно, никакихъ и наименшихъ повинностей не отбываючи, а другіе греки, совокупивши куплею дворовъ по 15 и побольшъ, настроили великое число избъ и съ найму онихъ толко прибыль получаютъ“⁵⁾. А въ 1742 г. нѣжинскій магистратъ представилъ въ генеральную войсковую канцелярію донесеніе, въ которомъ заявлялъ, что освобожденные отъ повинностей греки такъ сильно скупаютъ дворы мѣщанскіе, что всѣ они могутъ быть ими скуплены, что грозитъ обѣдненіемъ городу; почему Бибиковъ ордеромъ изъ генеральной канцеляріи приказалъ нѣжинскому магистрату не утверждать купчихъ крѣпостей до разъясненія правительствующимъ Сенатомъ этого вопроса⁶⁾.

Интересны свѣдѣнія о приобрѣтеніи греками домовъ; къ несчастью наши свѣдѣнія страдаютъ неполнотой. По вѣдомости 1738 г. о дворахъ, построенныхъ внѣ

¹⁾ Въ Петербургѣ живетъ грекъ Папафиль, а его братья въ Нѣжинѣ и ведутъ между собой тайную корреспонденцію о политическихъ дѣлахъ (Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1758 г., № 3).

²⁾ Х. И. А. М. К., № 15273.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 5489.

⁴⁾ Ibid., № 4560.

⁵⁾ Рук. Рум. Муз. Арх. Мар., № 1334.

⁶⁾ Х. И. А. М. К., № 21702.

Нѣжина „по надо рвомъ“: Дворъ подпоручика грека Николая Куртина стоитъ на купленномъ мѣстѣ у Данила Новомлинскаго за 30 руб., строеніе своимъ стараніемъ дѣлалъ оной Куртинъ, живетъ въ ономъ лѣтъ 3 (надъ самымъ рвомъ). Дворъ Василя Бурдюна дьяка грецкаго, а въ ономъ хоромное строеніе имъ, Бурдюномъ, построено на купленномъ за 24 руб. мѣстѣ и живетъ Бурдюнъ лѣтъ 40 (надъ самымъ рвомъ). Дворъ пономаря грецкаго Марка стоитъ на мѣстѣ, купленномъ у Романа Мандзенка за 12 руб., живетъ въ ономъ Маркъ лѣтъ 7 (въ разстояніи ото рва 5 1/2 сажень). Дворъ войта нѣжинскаго Петра Тернавіота, въ немъ 4 хаты (надъ самымъ рвомъ). (Рук. Рум. Муз. Арх. Маркевича, № 1806). Грекъ Риза Ивановъ купилъ домъ съ весьма старымъ строеніемъ у Кицанки за 18 руб. (1764 г.) Грекъ Буджика въ 1764 г. у діакона нѣжинскаго гарнизона русской церкви Богоявленія Гдѣня купилъ дворъ со всякимъ строеніемъ въ верхней крѣпости за 120 руб., 1764 же года грекъ Стефаній Астафьевъ купилъ у Шепелевой, жены артиллеріи бомбардира, избу съ сѣнями въ нѣжинской крѣпости за 22 руб. 1765 г. грекъ Батышъ купилъ у посполитаго дворъ за 50 руб. въ нѣжинской крѣпости возлѣ церкви Богоявленія и пр. (Арх. Греч. Брат. при Ист. Фил. Инст.).

Конечно, сообразно съ средствами у однихъ грековъ во дворѣ было нѣсколько жилыхъ помѣщеній, у другихъ только одно. Вообще у греческихъ купцовъ дворы были хорошо обстроены; въ нихъ помѣщались: жилой домъ „хата“, баня, очень часто лавка¹⁾, далѣе слѣдовали хозяйственныя постройки, среди которыхъ значительное мѣсто занимали конюшни, ибо купеческій промыселъ заставлялъ грековъ имѣть лошадей: на лошадяхъ въ крытыхъ будкахъ разъѣзжали греки по малороссійскимъ и слободскимъ ярмаркамъ²⁾. Какъ дома и лавки, такъ и службы сначала были деревянные, но потомъ начиная съ половины XVIII столѣтія начали замѣняться каменными³⁾. Дома у богатыхъ строились двухъэтажные съ окнами во дворъ и очень часто съ глухими стѣнами на улицу⁴⁾, внизу дома помѣщались склады для товаровъ—съ окнами, переплетенными толстыми желѣзными рѣшетками и запирающимися желѣзными ставнями.

Матеріаль для построекъ—кирпичъ и известь—доставлялся изъ Новгорода-Сѣверскаго на Кладковскую пристань, а потомъ на подводахъ въ Нѣжинъ. Въ 1749 г. Самойла Пелопоновъ условился съ новгородскимъ мѣщаниномъ Трусевичемъ, чтобы Трусевичъ изъ Новгорода по р. Деснѣ на Кладковскую пристань поставилъ три байдака дикаго камня для фундамента подъ каменное строеніе, байдакъ по 40 руб. По контракту Трусевичъ обязывался этотъ камень доставить къ пристани и выгрузить на берегъ. Если байдаки въ пути постигнетъ несчастіе, то всѣ затраты на камень

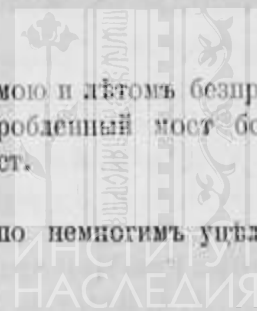
¹⁾ Арх. Мин. Юст. 7 оп. 12 вяз., № 260.

²⁾ „Понеже их же купеческими коваными конми, яких не малое число зимою и лѣтомъ безпрестанно на стойняхъ стоятъ, рано и вечеръ до води и отъ води водячи общиною зробленый мостъ боли збивается“ (Х. И. А. М. К., № 11744). См. также Арх. Греч. брат. при Ист. Фил. Инст.

³⁾ Сторожевскій, Нѣжинскіе греки.

При посѣщеніи Нѣжина мнѣ пришлось самому убѣдиться въ этомъ по немногимъ уцѣлѣвшимъ строеніямъ грековъ.

⁴⁾ Ibid.

и на его доставку Трусевичъ принимаетъ на себя, а Пелопоновъ возвращаетъ Трусевичу байдаки. Контрактъ съ Трусевичемъ, по довѣрію Пелопонова, заключалъ калужскій купецъ Макарь Холщевниковъ. Помимо этого Пелопоновъ купилъ у жителей Команскихъ Тимохи Медвѣдева да Данила Евхима два байдака камня, который они продали съ своего грунта¹⁾.

Не имѣвшіе своихъ домовъ останавливались на квартирахъ за извѣстную плату. Отдавать дома подъ квартиры купцамъ и вообще прїѣзжающимъ грекамъ было, по видимому, крайне выгодно, ибо, какъ мы уже упоминали, малорусское населеніе съ завистью рассказывало, что греки позакупили мѣста, понастроили „хатъ“ и отъ сдачи ихъ въ наемъ получали „прибыль“. Въ этихъ квартирахъ они помѣщались сами на житье, тамъ и складывали и хранили свои товары; вѣроятно, церковныхъ и братскихъ подваловъ не доставало и, въ сущности, эти квартиры очень часто являлись амбарами или кладовыми. Сложивши свои товары, замкнувши свою квартиру — „хату“, грекъ развѣзжалъ съ частью своихъ товаровъ по украинскимъ ярмаркамъ. Располагаясь на довольно продолжительное житье, грекъ снабжалъ свою квартиру запасами дровъ, сѣна и пр. Какова плата была за квартиры, мы, къ несчастью точныхъ свѣдѣній не нашли. Въ нашемъ распоряженіи находится только слѣдующее: архимандритъ Аѳонской горы Витупецкаго монастыря прибылъ въ Нѣжинъ изъ Москвы въ 1722 г. и до отъѣзда въ Турцію нанялъ для себя квартиру у Троицкаго попа Алексѣя на мѣсяць по 4 золотыхъ²⁾. Грекъ Гугнивый въ 1750-хъ годахъ, живя на землѣ Анастасіевской церкви, платилъ въ годъ по 8 руб.³⁾.

Многіе изъ грековъ въ окрестностяхъ Нѣжина закупили земли, насадили хутора, въ которыхъ занимались хозяйствомъ, особенно скотоводствомъ; скотомъ пользовались какъ средствомъ для перевозки товаровъ или же „гоняли“ его на продажу. Въ 1753 г. черезъ Васильковскій форпостъ грекъ Караманлей изъ своего хутора „гонить“ скотъ⁴⁾. Кумбурлѣй отправляетъ въ Галаць значительные караваны на своихъ волахъ⁵⁾. Въ 1764 г. въ полковой нѣжинской сотнѣ мы встрѣчаемъ: хуторъ грека Калаготрія съ тремя хатами, хуторъ Кумбурлѣя съ тремя хатами, — Кирки съ 5 хатами, во второй полковой сотнѣ: грека Кумбурлѣя съ 3 хатами, въ четвертой полковой: хуторъ Артена (Артина?) съ одной хатой, — гречанки Ралѣйки съ одной хатой; въ Веркїевской сотнѣ: грека Анастасія съ 1 хатой, и въ монастырской сотнѣ — грека Юрья Форматьева съ 10 хатами⁶⁾.

Отъ матеріальныхъ средствъ находилась въ зависимости и домашняя обстановка грековъ. Въ домашнемъ ихъ обиходѣ мы встрѣчаемъ золотую и серебряную посуду: ложки, чарки, подносы, ладунки и пр.⁷⁾ Грекъ Евстафій Ивановъ въ 1749 г. даетъ въ закладъ 289 лотовъ серебряной посуды и полторы дюжины серебряныхъ ложекъ⁸⁾.

¹⁾ X. И. А. М. К. № 7319.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Оп. 1, вяз. 1 № 1.

³⁾ X. И. А. М. К. № 16343.

⁴⁾ Кїевскій Центр. Арх. *ibid.*

⁵⁾ X. И. А. М. К. № 11778.

⁶⁾ *Ibid.*, № 4372 и № 4373.

⁷⁾ X. И. А. М. К. № 11955.

⁸⁾ *Ibid.*, № 5489.

А торговля съ заграничными городами давала грекамъ возможность приобрѣтать хозяйственныя вещи заграничной работы: „венецкіе ножи¹⁾“, у Ламбры Мокріа дорожная коляска нѣмецкой работы, ружье у него венецкой работы, „нарицаемое Лазаринъ“²⁾. Костюмы, особенно дамскіе, были преимущественно шелковые, а такія вещи, какъ кольца, браслеты, крестики золотые, усыпанные алмазами и другими драгоценными камнями, кораллы, коралловыя мониста съ привѣшенными золотыми монетами, составляли одну изъ статей греческаго домашняго скарба; вообще благородные металлы и драгоценныя камни были слабостью грековъ. Капиталь Дели Алекса по запискамъ и реестрамъ простирался до 25 тысячъ рублей въ разныхъ шелковыхъ товарахъ и алмазныхъ вещахъ³⁾. Вотъ реестръ приданого за Еленою Мантовой:

„1741 году, мая 10 дня, реестръ про память, что даемъ Елени приданого:

3 кубки серебряныя вѣсу въ нихъ золотн. 56.

6 ложекъ въ нихъ золотниковъ 72.

12 чарокъ серебряныхъ водчыннихъ въ нихъ золотниковъ 195, золотникъ имѣеть куплю по 18 коп., чинять сумму всего 72 руб. 44 коп.

Цѣновыхъ⁴⁾ блюдовъ 8, тарелокъ 12, вѣсу въ нихъ камень 1, купля имъ 10 руб.

6 низокъ жемчугу, купля ему 150 руб.

Ланцужокъ золотой вѣсу въ немъ червонцовъ 22 купля ему 55 руб.

4 перстенковъ золотыхъ съ алмазами, рубинами и зафирами и еденъ обручикъ золотой купля имъ 75 руб.

6 кунтушей матеріальныхъ 4 съ разными цвѣтами, а два зъ адамашки доброй; 4 подбиты подъ черевами лись, двое: еденъ подъ завойкамы, а еденъ подъ черными сѣбѣркамы добрымы, а двое легкихъ штофныхъ съ позументомъ округъ чинять суму кунтуши 260 руб. 60 коп.

4 сподници: двѣ зъ разными цвѣтами, одна атласовая, а другая штофсовая съ позументами сума имъ 75 р. 20 к.

5 запасокъ: двое злотоглавныхъ, а двое матеріальныхъ съ разными цвѣтами, а една табинова, сума онимъ 55 р.

2 завѣса одна штофовая, а другая полотно вишиваного чинять 30 р.

2 одѣяль одно штофовое, а другое армезинное шелковое чинять 31 р.

1 пуховикъ пуху доброго вѣсу каменей 2 чинить рублей канафасу (sic!) 19.

4 подушокъ двѣ большихъ, а двѣ малыхъ золотомъ шитіе чинять рублевъ 18.

6 простирь бѣлыхъ добрыхъ чинять 13 р.

6 скатертей купля имъ 7 р.

24 салфетъ купля имъ 5 р.

11 рушниковъ купля имъ 5 р.

23 рубахъ купля имъ 25 р.

2 скринь одна куплена за 7 р., а другая за 6 р.

¹⁾ X. И. А. М. К. № 11955.

²⁾ Ibid., № 25235.

³⁾ Ibid., № 22323.

⁴⁾ Оловянныхъ.

1 шапка женская за 9 р.

2 чипковъ 5 р.

1 пановка и една лоханя жолтая купля онымъ 2 р.

1 простира золотомъ шитая за 16 р.

Да за мѣсце отъ комори даже до делованя, что отъ улицѣ стоять цѣна ему 300 р.

Еще готовимы рублевъ 600 т.-е. шесть сотъ рублевъ за якіе имѣлъ бы господинъ Николай давать намъ всякого году по 50 руб. даже до 6 лѣтъ, а впредь уже былъ бы не требуемій и были бъ ихъ. И буди въ доказательство Георгій Манеовъ ¹⁾“.

На деньги, на богатство грекъ смотрѣлъ, какъ на средство для улучшенія обстановки своей жизни, а главное для удовлетворенія духовныхъ потребностей и не только своихъ собственныхъ, но и своихъ соотечественниковъ. Здѣсь у грека пробуждались тѣ духовные инстинкты, которыми такъ богатъ греческій характеръ. Греки строятъ церкви, при церквяхъ появляются школы, богадѣльни; на нихъ греки жертвуютъ значительныя средства, особенно же много жертвовали на монастыри ²⁾.

Греческіе купцы были одни изъ самыхъ богатыхъ въ Малороссіи: въ то время какъ „первые мѣщане купцы“ такихъ торговыхъ пунктовъ, какъ Стародубъ и Кіевъ, располагали капиталами отъ 5 до 20 тысячъ (Стародуба только до 15 тысячъ), нѣжинскіе богатые купцы располагали капиталами отъ 10 до 60 тысячъ рублей и гораздо болѣе, и только капиталы „первѣйшихъ глуховскихъ купцовъ, торгующихъ шелкомъ, сукномъ, фарфоромъ, пушнымъ товаромъ и имѣющихъ сношенія съ Питербургомъ и Москвой, достигали до 50 тысячъ руб.“, да черниговскіе купцы, тор-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Оп. 7., вяз. XII, № 260. Здѣсь же имѣется и копія брачнаго договора, который мы находимъ умѣстнымъ приложить здѣсь: „Благій Богъ и естествомъ сій благъ, значала человекъ создави не оставилъ его самого, но помощника ему даде, рекій: не добро быти человекъ самому, но сотворимъ ему помощника! Хотя убо и я, Георгій Манеовъ, сопрягши вселюбезную и украшенную дочь свою Елену съ почтеннимъ паномъ Николаемъ Василиевимъ законному и истинну мужу ей, дабы онъ вмнялся ей глава, она же по немъ, якъ и въ евангеліи рече: яко мужъ есть глава женѣ, якъ и Христосъ глава Церквѣ, убо принимаетъ ей себѣ онъ въ жену противу то, что могій вмѣстити, да вмѣстити, а не могій жену себѣ да пойметъ. По содержащему убо обичаю яже родителей къ чадомъ ихъ христіанско имѣють, а понеже тая яже бывають самоизвольнимъ и самохотнимъ умомъ угодна суть тому, что тая чинитъ, аще убо суть добра бываемая, то тогда суть тверда и непоколебимая, яко то суть и отъ всѣхъ человекъ свидѣтельная и отъ Бога похвалительная. Сего ради извѣствуемъ симъ согласнимъ нашимъ писаниемъ, что перве даемъ ей молитву нашу: да помоществуетъ ей и да удостоитъ ей небесній Богъ состаритъ благоудовиши мужу ей, чадо родивша въ мирѣ. Второе же приданное даемъ ей самоизвольно и самохотно, ижъ в семъ свидѣтельномъ письмѣ писанное (слѣдуетъ реестръ приданого). Сіе все даемъ ей, имѣла бѣ она въ своемъ владѣніи купно съ мужемъ своимъ, да будутъ ихъ съ набытостію и набѣдвались бы тѣмъ съ молитвою нашею и благословеніемъ; імы же да умножатъ и истяжутъ благая Авраама, Исаака, Іакова, молитвами Пресвятія Богородицѣ и святаго великомученика Прокопія. Аминь. Того ради въ доказательство и твердость нами даемыхъ и дарованныхъ ей сочинися и сіе приданно согласное письмо при свидѣльствѣ достойновѣрныхъ лицъ року 1741 мая 10 д. Нѣжинъ Георгій Манеовъ“. (Ibid.)

²⁾ Въ синодикѣ Домницкаго монастыря, находящемся въ ризницѣ Черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря, мы находимъ вписанными рядъ греческихъ родовъ (въ первой половинѣ XVIII ст.): родъ Константія Левицкаго пресвитера Греческой нѣжинской церкви, родъ Оомы Мачимача гречина жителя нѣжинскаго, родъ Иваницы Барбалата, родъ Гордія зятя Марка Харцыза, родъ Стефана Гречина, Киріяка и прочихъ благодѣтелей нѣжинскихъ. Родъ пана Николая Судаклія, гречина нѣж. Родъ Григорія грека нѣжинскаго родъ Іоанна Судана жителя Румянскаго, родъ Киріяка Поповича Цариградскаго и пр. и пр. Грекъ Константинъ Анастасіевъ, умирая въ Константинополь, поручилъ греку Фамилісеу всѣ товары и деньги, чтобы разсчитался съ кредиторами, а прочее пораздавалъ бы на церкви (X. II. A. M. K. № 3313).

говавшіе красными товарами, которые они покупали въ Гданскѣ, Цесаріи и Вѣнѣ, а продавали въ Полтавѣ, Сумахъ, Нѣжинѣ и Черниговѣ, „въ капиталѣ почитались отъ 20 до 100 тысячъ и гораздо болѣе“¹⁾. Изнемогшіе подъ бременемъ народныхъ повинностей нѣжинцы съ завистью смотрѣли на греческое богатство и житье: „а они (греки) живутъ помощи народу не чинячи, а у нихъ пожитки такіе, что еденъ можетъ цѣлое село скупить и зъ пожитками, да только они платятъ чиншу въ годъ рублей три, да и постоевъ въ домахъ ихъ никогда не бываетъ“²⁾. Какъ люди богатые, многіе изъ грековъ занимались откупами: въ 1741 г. грекъ Кумбурлѣй держалъ на откупѣ Нѣжинскій полкъ, а сотни раздалъ другимъ грекамъ, подручникамъ своимъ³⁾; нѣжинскій житель грекъ Анастасій Казнаферъ взялъ на откупъ „всѣ статейные сборы до скарбу войсковаго принадлежаціе въ Гадяцкомъ полку“⁴⁾ съ 1 ноября 1753 по 1 ноября 1759 г. Иванъ Кумбурлѣй, Христофоръ Шуна и Петръ Богдановскій взяли на откупъ собираемые въ Черниговскомъ полку денежные, хлѣбные и другіе доходы съ 1 сентября 1741 по сентябрь 1745 г.⁵⁾. Въ 1729 г. гетманомъ былъ отданъ на откупъ греку Яну Сердюку сборъ въ Нѣжинской полковой сотнѣ: воскобойная камора, въ которой продавался „запродажный деготь“, поведерковое съ вина, скатное съ колоды, помѣрное⁶⁾.

Вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальныхъ богатствъ отдѣльныхъ членовъ греческаго мира росло и духовное богатство его, если не у себя на родинѣ, то на чужбинѣ. Въ 1742 г. греческая церковь появляется въ Лейпцигѣ, въ 1758 г. въ Амстердамѣ, въ 1760 г. въ Ливорно, въ половинѣ XVIII же вѣка мы видимъ греческую церковь въ Вѣнѣ. Всѣ эти церкви имѣли между собою тѣсныя связи. Лейпцигъ былъ однимъ изъ торговыхъ городовъ средней Европы, его ярмарки были извѣстны во всей Европѣ⁷⁾, два раза въ годъ сюда наѣзжало греческое купечество, а въ Лейпцигской академіи обучалось греческое юношество. Въ 1742 г. польскій король курфирстъ саксонскій разрѣшилъ грекамъ, съѣзжающимъ на ярмарку, имѣть свое богослуженіе, а архимандритъ Теофилактъ Поладисъ, постриженный на Аѳонской горѣ, отправился путешествовать по Европѣ „для любопытствованнаго осмотрѣнія европейскихъ краевъ“: побывалъ онъ въ Петербургѣ, откуда по своимъ дѣламъ отправился въ Германію, и, прибывши въ Лейпцигъ, посовѣтовалъ грекамъ устроить церковь, которую два года содержалъ на свои средства. Въ 1744 г. обратился за помощью къ русскому правительству: у государыни онъ просилъ для себя жалованье, а у наслѣдника престола 10000 руб. для покупки двора для церкви. Чтобы не даромъ получать жалованье, онъ предлагалъ русскому правительству присылать къ нему въ Лейпцигъ молодыхъ русскихъ священниковъ и діаконовъ для обученія. Русское

¹⁾ Х. И. А. М. К. № 5708.

²⁾ Ibid., № 11744. Въ 1729 году.

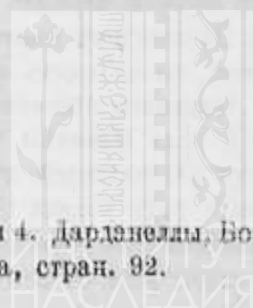
³⁾ Ibid., № 14512.

⁴⁾ Ibid., № 22267. Здѣсь находится и контрактъ. См. приложение.

⁵⁾ Ibid., № 30373.

⁶⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1730, № 30.

⁷⁾ Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Вып. 3 и 4. Дарденеллы, Воефоръ и Черное море въ XVIII в. Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса, стран. 92.

правительство предписало своему резиденту въ Константинополь Вешнякову спросить совѣта у константинопольскаго и другихъ патріарховъ. Патріархи къ основанію академіи въ Лейпцигѣ отнеслись несочувственно, указывая на то, что въ странѣ иновѣрной молодые люди могутъ заразиться ересью — взглядами, противными ученію православной вѣры. И если, докладывалъ Вешняковъ, пужно учредить академію, которая бы была полезна и для грековъ и для восточныхъ славянъ, то ее основать гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ большой дороги, идущей съ юга на сѣверъ (т.-е. отъ Балканскаго полуострова до Москвы)¹⁾. Греки съ Амстердамомъ имѣли постоянныя торговыя сношенія, и многіе изъ греческихъ купцовъ имѣли тамъ постоянное жительство; послѣдніе просили разрѣшенія у штатовъ о совершеніи богослуженія. Греки получили позволеніе не только совершать богослуженіе въ частномъ домѣ, но и выстроить общественную церковь. Для священнодѣйствія, по приглашенію грековъ, прибылъ въ Амстердамъ уроженецъ гор. Нѣжина, іероманашъ Амвросій Парчиаловъ, постригшійся на Аѳонской горѣ. Греки просили, чтобы эта церковь была принята подъ протекцію русскимъ правительствомъ и называлась „россійская публичная церковь“, ибо черезъ Амстердамъ проѣзжало много „вояжирующихъ“ русскихъ подданныхъ²⁾. Въ 1760 г. въ Ливорно была построена греческая церковь во имя Св. Троицы³⁾.

Благодаря грекамъ гор. Нѣжинъ былъ самымъ оживленнымъ торговымъ пунктомъ въ Малороссіи. По словамъ современника (XVIII ст.), благодаря грекамъ „Нѣжинъ не только въ Черниговскомъ намѣстничествѣ, но и во всей Малой Россіи одинъ такой городъ, который торговымъ назваться можетъ и который многимъ великороссійскимъ городамъ въ своемъ торговомъ состояніи не уступаетъ. Въ немъ не однѣ ярмарки, но и во всякое время всякіе товары и нужныя для дому сѣстные и питейныя вещи сыскать можно“. И далѣе добавляетъ. „Нѣжинъ особливо торгомъ, греками производимымъ, знаменитъ, безъ которыхъ онъ можетъ быть и не былъ бы въ томъ состояніи, въ какомъ онъ дѣйствительно есть“⁴⁾. Ученый путешественникъ конца XVIII ст. Гюльденшtedтъ⁵⁾ городъ Нѣжинъ въ торговомъ отношеніи считаетъ самымъ важнымъ. Кіевъ, напр., мѣщане котораго „торги свои вели въ Гданскъ, Бреславль, Броды и Молдавію пушными товарами, китайками, простымъ полотномъ и тамъ оныя продавая или промѣнивая на шелковые, суконныя, серебряныя, галантерейныя и пр. товары, отвозили для продажи въ Москву, Курскъ, Нѣжинъ, Ромны, Сумы и Харьковъ⁶⁾), былъ, по словамъ Гюльденшtedта-очевидца, незначительнымъ торговымъ пунктомъ: „торговля въ Кіевѣ весьма незначительна, въ обширныхъ размѣрахъ не торгуютъ ничѣмъ. Въ немногихъ мелочныхъ лавкахъ продаютъ приности посредственнаго достоинства, галантерейныя товары и обыкновенную домашнюю ут-

¹⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1744 г. № 1.

²⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 1758 г. № 2.

³⁾ Ibid., д. Греч. 1760 г.

⁴⁾ Шафонскій, Описаніе Черниг. нам., стран. 477.

⁵⁾ Былъ въ г. Нѣжинѣ 13—15 октября 1774 года. Кіевская Стар. 1893 г. XL т. стран. 432.

⁶⁾ Х. Н. А. М. К. № 5708.

варь. Немного больше можно найти на ярмарках¹⁾. Мы нарочно провели параллель между Киевомъ и Нѣжиномъ: если Киевъ, мѣщане котораго, по туземнымъ источникамъ, были промышленные люди, на чужеземца не производилъ впечатлѣніе торговаго города, то какъ значительна должа была быть торговая дѣятельность Нѣжина, если тотъ же наблюдатель отмѣчаетъ этотъ городъ, какъ торговый. Въ Нѣжинѣ въ послѣдней четверти XVIII ст. находилось 19 каменныхъ лавокъ, въ то время какъ въ тогдашней столицѣ Малороссіи Глуховѣ ихъ было 18, въ Киевѣ 7 и Стародубѣ 1²⁾.

Торговые обороты нѣжинскихъ и роменскихъ ярмарокъ, на которыхъ греки являлись главными дѣятелями, были самые значительные; Нѣжинъ и Роменскія ярмарки доставляли самый значительный сборъ „индукты и зветкы“. Такъ, съ 1 мая по 1 сентября 1705 г., сборы эти располагались такъ: въ Нѣжинскомъ полку и на Роменскихъ (Вознесенской и Ильинской) ярмаркахъ собрано было 7685 руб. 42 коп., въ Киевскомъ полку — 847 руб. 91 коп., въ Черниговскомъ — 264 руб. 79 коп., въ Стародубовскомъ — 491 руб. 62 коп., въ Полтавскомъ — 632 руб. 66 коп., въ Миргородскомъ — 1087 руб. 20 коп., въ Лубенскомъ — 995 руб. 58 коп., въ Гадяцкомъ — 814 руб. 66^{3/4} коп., въ Прилуцкомъ — 154 руб. 33 коп., и въ Переяславскомъ — 92 руб. 76 коп.; съ 1 сентября 1750 г. по 1 января 1751 г. въ Нѣжинѣ и на Роменской Михайловской ярмаркѣ было собрано 4844 руб. 46^{1/4} коп., въ Нѣжинскомъ полку — 758 руб. 53 коп., въ Киевскомъ — 791 руб. 84 коп., въ Черниговскомъ — 518 руб. 66 коп., въ Стародубовскомъ — 1095 руб. 8 коп., въ Полтавскомъ — 786 руб. 4 коп., въ Миргородскомъ — 849 руб. 12 коп., въ Лубенскомъ — 1109 руб. 66 коп., въ Гадяцкомъ — 366 руб. 47^{1/2} коп., въ Прилуцкомъ — 16 руб. 1 коп., въ Переяславскомъ — 39 руб. 42 коп.; съ 1 января по 1 мая 1751 г. собрано было въ Нѣжинѣ, на Роменской Масляничной и Борзенской Средопостной ярмаркахъ 6378 руб. 74 коп., въ Нѣжинскомъ полку (факторства Борзенское, Вересоцкое и кромѣ дозорчествъ Глуховскаго и Короповскаго — 62 руб. 61 коп., въ Киевскомъ полку — 618 руб. 90 коп., въ Черниговскомъ — 186 руб. 96^{1/2} коп., въ Стародубовскомъ (за мартъ и апрѣль кромѣ Стародубовскаго дозорчества) — 1410 руб. 76^{11/24} коп., въ Полтавскомъ — 406 руб. 37 коп., въ Миргородскомъ (кромѣ Архангелогородскаго факторства) — 384 руб. 45 коп., въ Лубенскомъ — 586 руб. 64 коп., въ Гадяцкомъ — 329 руб. 10^{1/2} коп., въ Прилуцкомъ — 56 руб. 60 коп., въ Переяславскомъ — 130 руб. 12 коп.³⁾

¹⁾ Киевская Стар. 1893 г., стран. 285.

²⁾ Х. И. А. М. К. № 5708. Для наглядности приводимъ число лавокъ въ городахъ и мѣстечкахъ Малороссіи въ приложеніи № 2.

³⁾ Х. И. А. М. К. № 21576. Для ясности и цѣльности картины приводимъ вѣдомость раскладки индуктоваго сбора:

Товаръ грецкій.

Отъ одного кумача	— руб.	2 коп.
„ „ киндяка	— „	1 „
„ киты красной бумаги	1 „	60 „
„ „ поясовъ румелецкихъ	1 „	60 „
„ 10-ти поясовъ верблюжихъ	— „	6 „
„ бунты сафьяну	— „	10 „
„ шелковой и златоглавной матеріи и прочихъ товаровъ, „которые на рубаху приходятъ“, берется отъ продажной цѣны 2%.		

Греки сами хорошо понимали, какое оживленіе они вносили въ торговую промышленность края и какія доставляли правительству выгоды. Когда однажды въ Переволочной карвасаріа (то же, что наша таможня) задержали ладанъ грека Анастасіева по частному долгу, то греки въ прошеніи въ главную Нѣжинскую карвасарію сдѣлали такого рода угрозу: „ежели имъ таковыя отъ малороссіянъ происходитимуть въ ихъ промыслахъ препятствія, то принуждены будутъ те промыслы оставить, отъ чего в зборе индуктовомъ можетъ слѣдовать знатная убыль“; къ тому жъ объявили, что „карвасарія все купечество долженствуетъ не допускать ни какимъ обидамъ и боронить ихъ отъ обидчиковъ и ходатайствовать за ними, где надлежитъ“¹⁾.

Торговля грековъ велась въ кредитъ и имъ поддерживалась. Располагая средствами, напр. тысячъ въ 8, 9, 10 рублей, греки закупали товару тысячъ на 30²⁾.

Товаръ московскій.

Отъ 1000 бѣлокъ	— руб. 60	„
„ бунта лисиць	— „ 50	„
„ сорока горностаевъ	— „ 40	„
„ бунта корсаковъ	— „ 14	„
„ сорока норокъ	— „ 10	„
„ пары душокъ лисьихъ	— „ 2	„
„ косяка ладану	— „ 16	„
„ тума китайки	— „ 16	„
„ 1000 аршинъ крашенины	— „ 80	„
„ конца московскаго полотна	— „ 2	„
За „прочіе дробязги такожъ раховать отъ ста 2“ — 2 ⁰ / ₁₀ .		

Товаръ польскій.

Отъ четвертки тонкаго сукна	— руб. 80	„
„ штуки картону	— „ 30	„
„ „ доктеваго сукна	— „ 24	„
„ „ беклюваго сукна	— „ 12	„
„ „ штамету	— „ 30	„
„ „ гарусу	— „ 12	„
„ камня унеди	— „ 14	„
„ одного рубка	— „ 2	„
„ мажи	— „ 20	„
„ прочихъ товаровъ „также раховать“		
„ ста два ⁰ / ₁₀ индукты.		

Товаръ малороссійскій.

Отъ воза тютюна	— руб. 50	„
„ „ ганиша	— „ 60	„
„ вола, что до Шленска ходять	— „ 10	„
„ куфы горѣлки	— „ 20	„
„ вола, что до Москвы ходять	— „ 4	„
„ вола пеньки	— „ 20	„

(Х. И. А. М. К. № 28326.)

Что касается „шленскихъ и гданскихъ товаровъ“, то на нихъ Мазепою была наложена особая пошлина (до Мазепы ничего не взималось); съ каждаго воза „безъ ревизіи“ собиралась 5 руб., Скоропадскій этотъ сборъ понизилъ до 3 руб., а отъ мелкихъ товаровъ „шацунковъ“ платилось отъ рубля по копейкѣ или отъ воза гуртомъ 20 коп. (Г. А. М. И. Д. д. Мал. 1730 г. № 13.)

¹⁾ Х. И. А. М. К. № 15913.

²⁾ Ibid, № 21262.

Во взаимныхъ сношеніяхъ греки употребляли монету всего торговаго міра — вексель. Большая часть капиталовъ грековъ заключалась въ векселяхъ. Вексельныя операціи греки совершали не только съ купцами различныхъ народностей — татарами, нѣмцами, русскими, турками, румынами, жидами и пр., но и съ малороссійской старшиной, съ казаками, посполитыми, духовенствомъ, однимъ словомъ со всѣми группами тогдашняго населенія¹⁾. Кредитоспособность греческаго купца будетъ понятна, если мы вспомнимъ, что грекъ въ торговлѣ не являлся единичной личностью, стоящей особнякомъ, а былъ членомъ общины, торговыя связи которой охватывали почти всю Европу, часть Азіи и Африки; торговлю же свою грекъ велъ обыкновенно въ компаніи.

Ведя крайне разнообразную торговлю, грекъ часто могъ сталкиваться съ богатымъ и высшимъ классомъ населенія и среди его могъ найти всегда себѣ покровителей. Дѣйствительно грекъ Велисаръ Ивановъ встрѣчаетъ въ Кролевцѣ на ярмаркѣ кн. Шаховскаго и во время торга пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы выпросить себѣ универсалъ, подтверждающій ему льготу отъ постоевъ и мѣщанскихъ повинностей²⁾. Порой и греки являлись нужными людьми и умѣли во время оказать свои услуги. Въ 1723 г. греки хлопочуть о безошлинномъ пропускѣ товаровъ, купленныхъ ими для резидента Неплюева³⁾. Грекъ Бабитацій въ 1746 г. изъ Венеціи обратно ѣдетъ въ Россію черезъ Вѣну; здѣсь ему русскій посланникъ Ланчинскій передаетъ „баулъ для отвоза въ Кабинетъ“⁴⁾. Пользуясь кредитомъ у другихъ, греки въ свою очередь ссужали другихъ. Покупая на значительныя суммы товары въ долгъ, они его перепродавали также въ кредитъ⁵⁾. Въ дневникѣ Якова Марковича подъ 31 дек. 1759 г. читаемъ: „въ Глуховѣ у грека прежде полтавскаго, а теперь нѣжинскаго взяли канавацу волнистаго 26 локтей, за который надлежитъ уплатить 31 руб. 40 коп., дунлуковъ красныхъ 2 по 1 руб. 80 коп. и не платили еще⁶⁾. Въ Сулимовскомъ архивѣ подъ 1730 г. въ записи „promemoria“ читаемъ: „Стефановѣ на покупки веселіе таларей сто винни кгрековѣ нѣжинскому“⁷⁾. Вообще на проданный товаръ напр. за 30517 руб. приходится долгу болѣе 10000 руб.⁸⁾, на 52924 руб. — долгу тысячъ 32. Купцы закупали товаръ въ кредитъ условливаясь уплатить за него въ извѣстный срокъ, обыкновенно въ ближайшую ярмарку, въ случаѣ не уплаты въ срокъ купецъ „по купеческому обыкновенію“ долженъ былъ уплачивать 2% въ мѣсяць, хотя иногда въ виду разныхъ соображеній, если дѣло доходило до суда, то судъ этотъ процентъ могъ уменьшить до 1½%. Огромный кредитъ, которымъ сопровождалась торговля, вызывалъ очень часто злоупотребленія: не всякое, конечно, торговое предпріятіе удавалось, расчеты грека не осуществлялись на дѣлѣ и онъ становился банкротомъ; ему оста-

¹⁾ Ibid, № 255. № 12562. № 12731. № 12322. № 12855. № 12189. № 12179. № 12037. № 12172. № 12229. № 12846. № 12305. № 9848. № 1139 и т. д. Арх. Мин. Юст. I оп. I вяз. № 10. Арх. Греч. Братства и др.

²⁾ X. П. А. М. К. № 3313.

³⁾ Г. М. А. М. II. Д. д. Греч. 1723 г. № 6.

⁴⁾ Ibid, д. Греч. 1749 г. № 1.

⁵⁾ X. П. А. М. К. № 21649.

⁶⁾ Дневн. Зап. Марковича II т. стран. 363—364.

⁷⁾ Сулимовскій архивъ. Кіевъ, 1834 г. стран. 63.

⁸⁾ Арх. Мин. Юст. Оп. 7 вяз. 7 № 232.

валось или попасть въ тюрьму или скрыться, что многіе и дѣлали, спасаясь бѣгствомъ въ сосѣднія государства — въ Австрію, Турцію. Такъ напр. нѣжинскій житель грекъ Димитрій Януца задолжалъ въ 1753 г. помимо мелкихъ долговъ 19565 руб. 29 коп. разнымъ лицамъ: Псалтію 2286 руб., Ананію Мурайтѣ 678 руб., Якову Маркачану 214 руб. 40 коп., Діамантію Горголію 4693 руб. 50 коп., московскимъ купцамъ Андрею Кондикову 2010 руб. и Аванасію Губину 1791 руб., Ѳедору Зафлорію 224 руб. 70 коп., умершему Панаіотію Мокріану 1296 руб., Иваницѣ Константинову 96 руб. 50 коп., нѣмецкому купцу Матвею 4357 руб. 83 съ долями коп., іероманаху Лакедемонскому 154 руб., Самойлу Пелепонову 2242 руб. 80 коп., рижскому купцу Петру Щелехову 545 руб., Василю Ливенцову 274 руб. 80 коп., вологодскому купцу Василю Сожину 162 руб., Юрію Зафлорію 224 руб. 70 коп., Триандафилу Ламброву 600 руб.¹⁾ Уплатить эти долги Януца не могъ, почему и предпочелъ скрыться: бѣжалъ въ Австрію. Своимъ займодавцамъ греки выдавали векселя или облиги на греческомъ языкѣ, при чемъ послѣдніе очень часто предпочитали первымъ. Въ 1766 г. публичный нотаріусъ г. Нѣжина Козинъ доносилъ, что жительствующіе въ Нѣжинѣ греки послѣ имянного указа 15 дек. 1763 г. о штатахъ отказались давать русскимъ купцамъ векселя для избѣжанія уплаты процентовъ, положенныхъ за неплатежъ по векселямъ въ сроки²⁾ и замѣняли векселя облигами, написанными на греческомъ языкѣ. Нотаріусъ Козинъ находя, что облиги не подаются въ протестъ, отчего казна терпитъ убытокъ, и пишутся на языкѣ непонятномъ для русскихъ, просилъ облиги сравнять съ векселями, тѣмъ болѣе, что когда въ братствѣ искали по облигамъ, то часто тамъ встрѣчали волокиту и терпѣли убытокъ. Разсмотрѣвъ это, коммерцъ-коллегія нашла, что векселей съ облигами равнять нельзя, въ претензіяхъ между російскими купцами и греками можно искать въ магистратскомъ судѣ, что не противорѣчитъ грамотамъ, запрещать облиги не находятъ нужнымъ и разъ они пишутся съ общаго согласія, то русскіе имѣютъ право требовать отъ грековъ облиги на русскомъ языкѣ. Долговые споры грековъ между собою и съ другими рѣшались обыкновенно въ братствѣ по греческимъ законамъ³⁾, но потомъ братству приходилось разрѣшать эти вопросы на основаніи вексельнаго устава. Въ 1751 г. 6 марта греческіе судьи спрашивали генеральную войсковую канцелярію о резолюціи: судять они на основаніи данныхъ имъ привелегій и своихъ правъ по Арменопуло „нынѣ же начавъ являться нѣкоторыя с купцовъ требуютъ у греческомъ братствѣ з должниковъ своихъ по имѣющимся въ нихъ векселямъ за силу вексельнаго права рѣшенія, но вексельнаго права в братствѣ нѣтъ; да если производить суда, оставя природное имѣющееся въ томъ братствѣ право, то слѣдуетъ высокопремощнѣйшимъ монаршимъ грамотамъ нарушеніе“, въ шестокнижіе же нѣтъ ничего о векселяхъ, кромѣ долговыхъ свидѣтельствъ⁴⁾. Отвѣта генеральной

¹⁾ Х. И. М. К. № 3313.

²⁾ Ibid., № 13999.

³⁾ Права греческихъ благовѣрныхъ царей Василя, Константина, Льва и пр., собранныя въ шестокнижіе Константиномъ Арменопуломъ Фессалонійскимъ судьей (Х. И. А. М. К. № 3110 и др.)

⁴⁾ Х. И. А. М. К., № 3110.

войсковой канцеляріи въ дѣлахъ мы не нашли. Но нужно сказать, что малороссійская власть склонна была денежные споры по векселю между греками разрѣшать на основаніи вексельнаго права¹⁾. Если на грека поступалъ искъ, то послѣдній удовлетворялся изъ имущества отвѣтчика. Такъ, когда Христофоръ Евстафіевъ представилъ на грека Куртія искъ, а генеральная войсковая канцелярія предписала братству рѣшить это дѣло безволокитно, то братство, принявъ претензіи на Куртія еще отъ Маргарита Кирилова и Павла Константинова, рѣшило продать движимое и недвижимое имущество Куртія „съ оцѣнкою честныхъ купцовъ, дабы получили каждый (т.-е. изъ кредиторовъ) часть противъ суммы своихъ денегъ“²⁾. Въ 1761 г. Пелепоновъ предъявилъ искъ на грека Метаксу по векселю. Метакса уплатить не могъ, поэтому въ уплату долга должно было пойти имущество его. Сумма, въ которую оцѣнено было имущество Метаксы, хотя, по словамъ Пелепонова, присутствующіе оцѣнку производили пристрастно—не цѣнныя вещи оцѣнивали высоко,—была недостаточна для покрытія долга, за что по вексельному уставу неплательщикъ долженъ былъ быть „отданъ въ отслугу“ займодавцу. Но греческое братство заявило, что этого никогда не бывало и всему братству будетъ обида и безчестіе, а монаршихъ грамотъ нарушеніе, и просило войсковой генеральный судъ, чтобы впредь греки за долги по правиламъ малороссійскимъ „въ отслугу присуживаны не были, а судимы были по своимъ греческимъ правамъ, высочайшими указами утвержденными“³⁾. Генеральный судъ послалъ братству отвѣтъ: такъ какъ Метакса занималъ по векселю, то и долженъ отдать на основаніи вексельнаго права, т.-е. имущество должно быть продано; если послѣдняго будетъ недостаточно для покрытія долга, то занявшій долженъ отслужить; если братство находитъ это для себя безчестьемъ, то пусть оно выискиваетъ средства, какія найдетъ возможными, удалить это безчестье. Судъ генеральный присудилъ Метаксу отслуживать Пелепонову „по рублю на годъ“⁴⁾. И намъ кажется, вотъ это обстоятельство болѣе вѣская причина, чѣмъ та, о которой доносили, какъ мы уже раньше упоминали, нотариусъ Козинъ, что греки начинаютъ избѣгать давать векселя, и замѣняютъ ихъ облигами.

Въ торговыхъ сношеніяхъ грековъ съ другими народами Малороссія являлась транзитной страной: въ московскіе предѣлы въ XIII столѣтіи греки могли проникать только черезъ Путивль; отсюда дороги, по которымъ двигались греческіе купеческіе караваны, расходились радіусами на югъ и юго-западъ. Греки обыкновенно держали свой путь на города Ладыжинъ, Кальникъ, Бѣлую Церковь⁵⁾. Въ 1671 г. греки рассказывали, что ѣхали они на волошскую землю, на Яссы, да на Черкасскіе города — Лодыжинъ, Кальникъ, Каменный бродъ, Лысенку, Каневъ⁶⁾. Другіе же купцы въ томъ же году о своемъ пути сообщали, что „а изъ волошской де земли поѣхаль

¹⁾ Ibid., № 22688.

²⁾ Ibid., № 11273.

³⁾ X. И. А. М. К., № 22688.

⁴⁾ X. И. А. М. К., № 20971.

⁵⁾ Акты Ю. З. Рос., т. VIII, стр. 211, 212, 258, 259.

⁶⁾ Ibid., т. IX стр. 447.

въ черкасскіе города въ Бреславль¹⁾). Къ концу XVII столѣтія греки обыкновенно направляютъ свой путь къ Нѣжину, откуда уже разѣзжаются по всѣмъ направле- ніямъ. Грекъ Иванъ Марковъ „съ товарищи“ ѣхалъ на Немировъ, Переяславль и Нѣжинъ (въ 1682 г.)²⁾. Павелъ Ангилевъ изъ г. Букарешта ѣхалъ черезъ Вен- грию на Брашевъ, потомъ Польшею на Самбуръ, затѣмъ Полѣсьемъ до Кіева, черезъ Днѣпръ до Нѣжина³⁾ (въ 1694 г.). Грекъ Дмитрій Демьяновъ ѣхалъ на Польшу да малороссійскими городами на Нѣжинъ⁴⁾ и пр. Съ того времени, какъ мы знаемъ, Нѣжинъ становится тѣмъ центральнымъ пунктомъ греческой торговли, какимъ мы его видимъ въ продолженіе всего XVIII столѣтія. Другое направленіе греческихъ путей было прямо на югъ; такъ грекъ Леонтьевъ изъ Царяграда для торговаго промысла съ купецкими людьми (въ 1694 г.) ѣдетъ по морю до Крыма, изъ Крыма степью на Кази-Керменъ, потомъ на Запорожье, изъ Запорожья малороссійскими городами на Переволочную, а затѣмъ Полтавскимъ полкомъ до Нѣжина. Въ томъ же году Евстафій Ивановъ ѣхалъ по тому же направленію, но немного иначе: изъ Мултян- ской земли гор. Эпешти „для торговаго промысла съ купецкими людьми“ на кораблѣ до Очакова, изъ Очакова на Запорожье и малороссійскими городами до Нѣжина⁵⁾. И наконецъ третье направленіе путей отклоняется къ юго-востоку на Черкасскъ и Азовъ, а оттуда по Азовскому морю. Всѣми этими путями греческіе купцы поль- зуются и въ XVIII столѣтіи⁶⁾. Во время пути греки не держались проѣзжихъ дорогъ, а сворачивали въ сторону, посѣщая разбросанныя по различнымъ мѣстамъ селенія. Ѣхалъ въ Москву съ товарами Иванъ Марковъ не прямо, а заѣзжалъ въ разныя мѣста „для продажи своихъ товаровъ“⁷⁾. Въ 1711 г. ѣхали греки въ Царьградъ съ пушнымъ товаромъ, доѣхали до Яссъ, здѣсь они узнали, что въ Царьградѣ „ли- сица и бѣлка дешева“, поэтому вмѣсто Константинополя они отправляются въ Буха- ресть⁸⁾. Поэтому на тотъ путь, на который можно было употребить только нѣсколько дней, греки употребляли недѣли двѣ, три⁹⁾, а иногда два и три мѣсяца¹⁰⁾. Помимо коммерческихъ дѣлъ грековъ въ пути задерживало многое другое: повальные болѣзни, которыми такъ изобиловалъ востокъ и которыя оттуда были заносимы на югъ Россіи. И вотъ по всему югу русскаго государства раздавалось страшное слово „чума“. Каждый округъ, каждый городъ оцѣплялся патрулями и греку приходилось въ пер- вомъ же городѣ выдерживать карантинъ по нѣсколькимъ недѣлямъ, а иногда и мѣсяцевъ. Въ 1744 г. напр., мы находимъ въ карантинѣ на рѣкѣ Мюсѣ при Каменномъ Бродѣ 22 человекъ грековъ и армянъ, содержащихся въ немъ съ ноября 1743 г.¹¹⁾ Въ

1) Ibid., т. IX, стр. 390.

2) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 7190 г. № 4.

3) Ibid., д. Греч. 7220 г. № 3.

4) Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 7202 г. № 6.

5) Х. И. А. Дѣла М. К. Кіев. Цент. Арх. Сенатскій Архивъ V С.-Пб. 1892. Стран. 372, 445. Ibid., VI. С.-Пб. 1893. Стр. 75. Ibid., VII т. стран. 484, 572 и пр.

6) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 7190 г. № 4.

7) Путешествіе въ св. землю Московскаго священника Іоанна Лукьянова 1710—1711 г. М. 1862. Стран. 19.

8) А. Ю. З. Рос. т. VIII, стран. 214.

9) Ibid., т. VIII, стран. 211, 212.

10) Сенатскій Архивъ С.-Пб. 1893. VI, стран. 75.

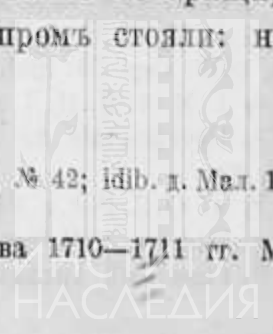
этихъ случаяхъ въѣздъ купцамъ и привозъ ими товаровъ совѣмъ запрещался. Въ 1745 г. по случаю морового повѣтрія въ Константинополь былъ запрещенъ привозъ товаровъ, особенно же шелку, шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ матерій и съѣстныхъ припасовъ изъ Турціи и Крыма¹⁾. Войны также сильно затрудняли торговыя сношенія. Въ 1698 г. архимандритъ Синайской горы Гавріиль пріѣхалъ въ Нѣжинъ получать долги. Сначала онъ ѣхалъ моремъ до Венеціи, потомъ изъ Венеціи на Вѣну, изъ Вѣны на Краковъ, изъ Кракова на Львовъ и Кіевъ²⁾.

Насколько въ XVIII столѣтіи были удобны пути сообщенія въ Малороссіи мы можемъ судить по описанію паломника, московскаго священника Лукьянова, путешествовавшаго въ 1710 г. въ Святую землю. Для большей наглядности приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого описанія. „Генваря в 23 день (1711 г.) поидохомъ изъ Борзны къ Нѣжину, а дорога уже стала зѣло нужна“. Въ это же время ѣхали и купцы изъ разныхъ мѣстъ въ Нѣжинъ на знаменитую всеѣдную ярмарку. „И того дня, продолжаетъ свое повѣствованіе Лукьяновъ, ночевахомъ въ корчмѣ, едва добихомся съ нуждою великою; и утре рано востахомъ и поидохомъ, а уже снѣгу ничего нѣтъ, земля голая; нужда была великая; таковъ былъ вѣтръ намъ противный, не токмо чтобы намъ лъзя было итти, и лошади останавливалъ, а людей все валилъ! Охъ нужда! Когда она помянется, то уже горестъ та, кажется, тутъ предстоить. Сидѣть не лъзя, лошади насилу по землѣ сани волокутъ, а насъ вѣтеръ валяетъ; а станешь за сани держаться, такъ лошадь остановишь! Увы, да горе! была та дорожка сладка, да, слава Богу, нынѣ уже забыто. Едва мы добихомся до Максимовой корчмы; тутъ дали конемъ отдохнуть, покормили и сами хлѣба поѣли, да опять побрели; а вѣтръ мало потишалъ; едва съ великою нуждою до Нѣжина доѣхали, коней зѣло умордовали, а сами такожде утомилися, что сонныя валяемся³⁾. Здѣсь Лукьяновъ нашелъ попутчиковъ грековъ до Царяграда. „Генваря во 27 день поидохомъ изъ Нѣжина къ преславному граду Кіеву рано на первомъ часу дни, была намъ нужда великая; земля вся растворилась; такъ тяжело было лошадямъ и самимъ нужно идти; и того дня едва съ великою нуждою доѣхали до корчмы, часа въ два ночи пріѣхали.; и тутъ мы съ нуждою великою почевали; всю ночь стреглися, стали къ полю, а пьяные таскаются во всю ночь. Утре рано востахомъ и поидохомъ въ путь свой; и той день такожде съ нуждою шли и пришли въ село; тутъ выпросихомся почевать; хижина зѣло нужна“. „Утре рано востахомъ и поидохомъ къ Кіеву и пріидохомъ въ село Боворочи (Бровари)“... „И тако поидохомъ къ Кіеву; а ходъ все боромъ, все пески; нужно сильно, тяжело песками. И того дни пріидохомъ къ Днѣпру подъ Кіевъ; а Днѣпръ только разшелся; и того дня мы не могли перевестися за погоду. Тутъ же къ намъ пріѣхали греки, наши товарищи; они изъ Нѣжина прежде насъ тремя деньми поѣхали, да за Днѣпромъ стояли: нельзя

¹⁾ Х. Н. А. Хар. Отд. I, № 75.

²⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. греч. 7206 г., № 13. А также *ibid.* д. Мал. 1741 г., № 42; *ibid.* д. Мал. 1741 г. и пр. № 2.

³⁾ Путешествіе въ Св. землю московскаго священника Іоанна Лукьянова 1710—1711 гг. М. 1862 стран. 10.

было ѣхать. Днѣпръ не прошелъ въ тѣ поры, такъ мы съ ними ночевали. И утре рано тутъ же къ намъ пришелъ московскій стольникъ, шелъ съ боліною (соболиною?) казною къ Цесарю; а въ тѣ поры погода на рѣкѣ велика зѣло; отнюдь нельзя было переѣхать; и стольникъ сталъ кричать на перевозчиковъ, и они миленькіе едва съ великою нуждою перевозъ на нашу сторону перегнали; и когда стали на паромѣ, тогда парома отъ берега не могли отклонить; и стольникъ велѣлъ греческіе возы долой скатити, а наши не велѣлъ: спаси его, Богъ! И тако мы стали на паромѣ на первомъ часу, а перевезлись на ту сторону часъ ночи; зѣло уже было нужно, и перевозчики миленькіе устали больно¹⁾.

„Февраля въ 3 д. поидохомъ изъ Кіева въ ляцкую землю и Воложскую, поидохомъ рано на первомъ часу дня и едва на Кіевскія горы съ трудомъ великимъ взѣхали, нужда была велика; грязно вельми; земля иловатая; все двойкою взѣзжали... И тако поидохомъ въ путь свой. Того же дни минухомъ городокъ, именовъ Бѣлогородко на правой рукѣ въ сторонѣ, съ полверсты отъ дороги. Тутъ стоитъ на дорогѣ коло на деревѣ высоко; тутъ купецкіе люди платятъ мыто... И того дни мы ночевахомъ на бору, въ лѣсѣ склади огонь великій; и утре рано поидохомъ; и идохомъ той день весь; ни видѣхомъ ни селъ, ничего; шли все дубравами. И дошедъ до Оастова версты за три и ночевахомъ у плотины (прежде сего мельница бывала; переправивши за плотину, тутъ и ночевахомъ. И та ночь зѣло холодна была; перезябли въ дрызгъ. И утре рано приидохомъ подъ Оастово городокъ Палѣевъ... Тутъ купецкихъ людей мытомъ сильно ободрали“²⁾. „Февраля в 6 день въ понедѣльникъ сырныя недѣли о полудни, ѣвши хлѣба и забравши всякой харчи себѣ и конемъ овса и сѣна, и поидохомъ въ степь глубокую; и бысть намъ сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество... не дадутъ собаки татары населиться; только населятся селы, а они собаки пришедъ и разорятъ, а всѣхъ людей въ полонъ поберутъ... И идохомъ тою пустынею пять дней, ничто же видихомъ отъ человѣка. Февраля въ 11 день приидохомъ въ городъ ляцкій Немѣрово и стахомъ на постояломъ дворѣ у волошенина. Приходили къ намъ мытники ляцкіе и у грековъ товаровъ досматривали, а у насъ не смотрѣли: только у меня увидѣлъ индучникъ бочку винную — такъ въ честь перепросилъ; я ему и поступился; такъ онъ мнѣ и печать далъ пропускную; и тутъ въ Немѣровѣ индучники греки купецкихъ людей зѣло затаскали... Февраля въ 14 день поидохомъ изъ Немѣрова въ Воложскую землю ко граду Сороки; и того же дни приидохомъ на Богъ-рѣку... И ту рѣку того же дня перевезохомся; паромиска плохой, а рѣка быстрая; только по одной телегѣ возили. И перевезши рѣку стали подыматься на гору; гора та зѣло велика; а рѣка Богъ отъ Немѣрова пятнадцать верстъ. И поидохомъ въ степь глубокую: все горы, да юдоли. Взѣхавъ на гору, да все шли межъ горъ яслями (логами); и шли мы тою пустынею — не видали ни человѣка, ни звѣря, ни птицы; только тропы татарскія конныя. А мѣсты всѣ разорены отъ татаръ; нынѣ починаютъ заводитъ селы, какъ миръ сталъ; и то въ сто-

¹⁾ Ibid., стр. 11, 12.

²⁾ Ibid., стран. 15, 16.

ронѣ отъ дороги далече. А когда мы шли — передъ нами и за нами все степь вся горѣла. И идехомъ степью и дубровою четыре дня; и не доходя Сороки города версть за пятнадцать, крестъ каменный подлѣ той дороги, а на немъ подпись: какъ степь горѣла, такъ купецкихъ людей грекъ осьмнадцать человѣкъ и съ товаромъ и съ конями сгорѣли, только три человѣка ушли. Мы же тутъ стояхомъ и дивихомся какъ кости кучами лежатъ лошадиныя, а человѣческія собрали да въ Сороку отвезли и погребли; дивное чудо, какъ сгорѣли, а всѣ не спали и видѣли, какъ огонь шель и трава горѣла по одной сторонѣ, а они смотрятъ; какъ дунеть вѣтръ, да и пере-скочилъ черезъ дорогу, а они не успели уйти, да такъ и сгорѣли. Февраля въ 17 день приидохомъ въ городъ Сороку и стахомъ въ боку на ляцкой сторонѣ и тутъ ночевахомъ. И утре къ намъ съ того боку приѣхалъ индучникъ и стали съ греками уговариваться пошлиною, чтобъ шли на явки; и тутъ греки съ ними уговорились пошлиною...¹⁾ Февраля въ 20 день поидохомъ изъ Сороки города къ Ясамъ, а стояли въ немъ два дни. Гора зѣло высока подъ Сорокою; едва съ великою нуждою мы на гору взѣхали, пришелъ дождь такой, ослизло — невозможно конемъ итти, а все камень, нужно было вельми; а иные у насъ отстали и не взѣхали, да уже на стану достигли, какъ ночевать стали. Вельми тотъ день намъ нужно было; дождь весь день шель; студено было, всѣ перемокли да переязбли. Степь, а дровъ взять негдѣ; только на стану нашли дровъ малое число... такъ мы ихъ (дрова) собравъ, да на возы поклали, да до стану везли: а если бы не тѣ дрова, то совершенно померѣть намъ; всѣ мокры, а ночью сталъ морозъ, да снѣгъ съ дождемъ пришелъ инъ не дастъ огню то раскласть. А греки всѣ сухи; подѣлали епанечные шелаша, да и легли; а мы всю ночь, что рыба на удѣ, пробились... И поутру востахомъ и поидохомъ въ степь и бысть наше шествіе зѣло печально и скорбно; переправы лихія, горы высокія: посидѣть негдѣ, чтобы отдохнуть; все пѣшіе брели, а кони устали; а пустошь: ничего нѣтъ, ни сель, ни лѣсу; все степь голая; ѣхали пять дней, не наѣхали на прутинку, чѣмъ лошадь погнать. Горы высокія, да юдольныя ѣхали; узорочистыя горы, холмъ холма выше; да такъ-то посмотришь, что горамъ-то и конца нѣтъ. Февраля въ 24 придохомъ на Прутъ рѣку. Прутъ рѣка поменьше Москвы рѣки; и тутъ мы перевезлися, приѣхали къ другой рѣкѣ; и тутъ перевозъ; та рѣка поменьше Прута, и тутъ вскорѣ глина лихая, а мѣсто тѣсное; перевезлися на другую сторону. И стахомъ взѣзжать; едва съ великимъ трудомъ взѣхали; а товарищи иные не выѣхали, такъ со всѣмъ въ Яссѣхъ и ночевали, да на другой день нанимали воловъ, такъ волами ихъ возы вывезли. И мы въ тѣ поры, не доѣхавъ Ясей за пять версть ночевали; и поутру рано вставши на первомъ часу, поидохомъ къ Ясемъ въ самую недѣлю православія; и придохомъ въ Яси въ благовѣсть къ обѣдни... и пришедши стали мы у таможни; а мытниковъ въ тѣ поры не было ихъ въ таможнѣ, во обѣднѣ стояли; такъ мы ихъ и дожидались; а когда пришли мытники и стали у грекъ товару досматривать; и досмотрѣвъ у грекъ, пришли и къ намъ... Купецкихъ людей въ Ясѣхъ пошлиною очень грабятъ; затѣмъ многіе объѣзжаютъ²⁾.

¹⁾ Ibid., стран. 17.

²⁾ Ibid., стран. 18, 19.

Мы дословно привели выдержки испытывающего на себя все трудности пути, по которому греки возили свои товары. Положимъ, что во многихъ мѣстахъ краски положены густо, ибо для московскаго городского священника, привыкшаго къ спокойной жизни, эти неудобства пути должны были быть особенно чувствительны; но, если мы и отбросимъ эти личныя впечатлѣнія, то картина дороги получится все-таки неприглядная.

Конечно, пустынные мѣста начинаютъ постепенно заселяться; фактъ заселенія, какъ мы видѣли, уже отмѣчаетъ тотъ же Лукьяновъ. Особенно быстро шло заселеніе заднѣпрскихъ мѣстъ. Такъ, напр., житель миргородскаго полка въ 1725 г. рассказывалъ, что на тотъ бокъ Днѣпра онъ перешелъ лѣтъ пять назадъ въ м. Суботово въ подданство пана Яблоновскаго. Тогда въ Суботовѣ, рассказываетъ онъ, было только 4 хаты, а нынѣ будетъ 200 дворовъ, — все это перешедшіе изъ Малороссіи; въ м. Крыловѣ не было ни одной хаты, а нынѣ дворовъ съ 500, и такъ во многихъ заднѣпрскихъ мѣстечкахъ, гдѣ не было ни одной хаты, а теперь по 500, 300 дворовъ „и кормятца ремесломъ и пахутъ землю и промышляютъ рыбою и солью, покупаютъ у прїѣзжающихъ запорожцовъ рыбу и соль дешевою цѣною и привозятъ въ Молороссію и продаютъ“; „живя за Днѣпромъ, добавляетъ рассказчикъ, — на пановъ своихъ пашемъ и косимъ и чиншу платимъ съ каждова вола и съ каждой лошади по полтинѣ“¹⁾. Но заселеніе степей врядъ ли могло въ то время особенно облегчить торговля сношенія, ибо помимо неудобствъ путей сообщенія были и другія неблагопріятно отзывавшіяся на торговлѣ услоія.

Торговля того времени сопряжена была съ большими затрудненіями. При политической раздробленности того времени, при плохой организаціи полицейскаго надзора, купецъ подвергался разнаго рода опасностямъ, даже лица, занимавшія административные посты смотрѣли на купца, какъ на человѣка, съ котораго можно поживиться. Такъ, гетманъ Мазепа въ 1699 г. доносилъ царю, что въ Польшѣ у малороссійскихъ купецкихъ людей заграблено было: у печерскаго жителя Васильковскаго въ г. Локачахъ отнято было товаровъ на 1000 золотыхъ, у него же Васильковскаго короннымъ писаремъ Чернѣцкимъ въ его маестности заграблено купецкихъ разныхъ товаровъ на 40000 золотыхъ. У кievскаго жителя Іосифа Скоротки на Волыни взято купецкихъ товаровъ на 5000 ефимковъ. У кievскаго же жителя Григорія Попка въ м. Полонномъ господинъ Любомирскій велѣлъ захватить воловъ на 2000 ефимковъ слишкомъ. У кievскаго мѣщанина Богдана Ѳедорова браславскій подчасій Францыжекъ Жаронскій забралъ купецкихъ товаровъ на 100 ефимковъ. У приказнаго нѣжинскаго полковника, Стефана Забѣлы, Круглика, жителя Борзненскаго, въ м. Хвойникахъ (въ Литовскомъ княжествѣ) тамошній экономя Янковскій забралъ 30 лучшихъ воловъ, которые со всемъ къ нимъ прикладомъ „судили четырехъ сотъ ефимковъ добрыхъ денегъ“. Товары отъ грабежа не спасало даже имя гетмана; такъ самому гетману былъ нанесенъ убытокъ, ибо въ м. Чудновѣ въ маестности Любо-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. *ibid.*, I оп. Вяз. 4, № 95.

мирскаго заграбили 5 бочекъ и 4 антала¹⁾ вина, везеннаго изъ Венгріи нарочнымъ для гетмана, и, хотя заграбленное было возвращено, однако было причинено много хлопотъ и убытку по крайней мѣрѣ на 500 ефимковъ, такъ какъ много вина изъ тѣхъ бочекъ было отлито и долито водой, а нѣсколько коней было заѣзжено²⁾. Сами правители часто злоупотребляли своей властью и пользовались купцами, какъ даровой рабочей силой. Въ 1672 г. малороссіяне отправились въ Волошскую землю „по соль“ и, когда въ это же время турецкій султанъ пришелъ подъ Каменецъ, то волошскій господарь вмѣсто того, чтобы подъ фуражъ турецкой арміи дать подводы своихъ подданныхъ, велѣлъ захватить 900 принадлежащихъ малороссіянамъ телѣгъ съ волами, высыпать изъ телѣгъ соль, и подводы отдалъ подъ перевозъ провіанта, а людей отпустилъ домой съ пустыми руками³⁾. Въ XVIII ст. обстоятельства мало измѣнились, и грабежи товаровъ повторяются попрежнему. Такъ, въ 1711 г. коронный подскарбій Пребендовскій у опошнянскихъ и лубенскихъ жителей и миргородскаго полковника „заграбилъ“ восемьсотъ и нѣсколько десятковъ воловъ, говоря, будто бы ранѣе нѣсколько купцовъ гнали воловъ подъ протекціей короннаго подкомораго Любомирскаго и не заплатили за нихъ слѣдующихъ пошлинъ. Въ 1718 г. Лохвицкіе жители и купцы Федоръ Іосифовичъ и Никифоръ Игнатовичъ возвращались изъ Острожской ярмарки, на нихъ напали разбойники и ограбили ихъ на 4500 золотыхъ; разбойниковъ поймалъ староста Гуляницкій, шляхтичъ Яловицкій и отнял у нихъ заграбленное, но купцамъ не возвратилъ; хотя послѣдніе подавали въ судъ и издержали на судебные расходы еще 2270 золотыхъ, но ничего не получили несмотря на то, что гетманъ принималъ въ этомъ дѣлѣ энергическое участіе и лично писалъ къ русскому гетману Яблоновскому, къ Сендомирскому старостѣ Любомирскому и полномочному послу кн. Г. Ѳ. Долгорукову и коронному подскарбію Пребендовскому; но Котельницкій староста, „нѣкоторый“ Погорецкій, не пустивши купцовъ въ Варшаву, отобралъ у нихъ письма. И хотя купцы, благодаря кн. Долгорукову, въ Люблинѣ съ Погорецкимъ судились и на сеймѣ въ Варшавѣ свое прошеніе предлагали, но изъ этого ничего не вышло. У Ивана Карпенка и Василя Лавруна, ѣдущихъ изъ Бреславля, въ Рубешовѣ съ позволенія тамошняго старосты Потоцкаго „стражника литовскаго арендарь“ Кодлискій забралъ товаровъ на 8000 золотыхъ на томъ основаніи, что будто бы ему долженъ нѣжинскій полковой асаулъ. Несмотря на письма гетмана, и эти не сыскали своихъ товаровъ, а только на проѣздъ израсходовали болѣе 200 руб. У стародубовскихъ жителей-купцовъ Іова Ивановича и Михайла Дейнеки воевода Витебскій Потей взялъ 104 червонныхъ, 320 битыхъ ефимковъ и нѣсколько десятковъ рублей, 4 коня и разныя вещи подъ тѣмъ предлогомъ, что ему Полуботокъ долженъ былъ извѣстную сумму. Также всевозможнаго рода притѣсненіямъ подверглись нѣжинскіе купцы Максимъ

¹⁾ Анталъ, анталокъ — названіе половиннаго или такъ наз. малаго боченка вина въ Венгріи — мѣра до сихъ поръ употребляемая для вина въ Токаѣ. А. = 74,43 венгерскихъ ведеръ. (Энцикл. Слов. Брок. т. II, стран. 827.) Т.-е. 4 ант. = 287,72 в. да 5 бочекъ = 744,3 вед. Итого = 932,15 ведеръ.

²⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1699 г. № 4.

³⁾ Ibid., д. Мал. 1672 г., № 20.

Трудина, Марко Тарасовичъ, Андрей Безручка и др.¹⁾ Въ 1704 г. купецъ и мѣщанинъ г. Кіева Якимовичъ былъ съ товарищами „въ г. Врацлавѣ въ Шленской провинціи“. Мѣстные обыватели напали на нихъ; захватили у нихъ денегъ и товаровъ на 2000 ефимковъ. Разбой этотъ, какъ потомъ оказалось, совершилъ графъ Коленъ со своими людьми. Разбой былъ совершенъ въ мѣстечкѣ Тошку. Полтора года купцы хлопотали о вознагражденіи за свои убытки у „Е. Цесарскаго Величества“, но ничего не доискались²⁾. Въ 1732 г. житель Гадацкаго полка мѣстечка Опошни Богаевскій былъ въ г. Красовѣ (въ Крыму) для купеческаго промысла; при возвращеніи его обратно въ сѣчи Запорожской атаманъ Шишацкій схватилъ его и привелъ къ кошевому Малышевичу, гдѣ спросили Богаевского: знаетъ ли онъ жителя мѣстечка Зенькова Погорѣлова, который долженъ Шишацкому 200 талерей. И хотя Богаевскій сказалъ, что не знаетъ, тѣмъ не менѣе его засадили въ тюрьму, требуя съ него денегъ. Въ заключеніе, чтобы освободиться, Богаевскій долженъ былъ дать заемное письмо, въ которомъ давалъ обѣщаніе сыскать Погорѣлова и взыскать съ него деньги³⁾.

Какъ мы видѣли очень, часто случалось, что нельзя было доискаться суда и управы у правительствъ противъ насилія и разбоевъ, которымъ подвергались купцы. Тогда начинаютъ прибѣгать къ средству око за око, зубъ за зубъ. Когда волошскій господарь въ 1672 г. отнялъ у малороссіянь телѣги и воловъ, то Самойловичъ предлагалъ задержать турецкихъ и волошскихъ купцовъ, пока не будутъ удовлетворены потерпѣвшіе⁴⁾. Въ 1699 г. гетманъ Мазепа, перечисляя списокъ обидъ малороссійскимъ купцамъ отъ поляковъ, писалъ Петру, что, хотя изъ Литвы и Польши (изъ гг. Могилева, Слуцка и др.) и пріѣзжаютъ купцы, которыхъ въ отместку можно было бы задержать, но они люди „свои“ — греко-россійской вѣры — и поэтому ихъ задерживать не приходится⁵⁾. Вообще же малороссійскіе обыватели и власти удерживали пріѣзжихъ купцовъ того города, въ которомъ имѣлись у нихъ должники⁶⁾. Въ 1736 г. турецкихъ и крымскихъ купцовъ отпустить было разрѣшено подъ условіемъ возвращенія нашихъ изъ Турціи⁷⁾. Такой образъ дѣйствій долженъ былъ способствовать урегулированію торговыхъ сношеній. Правительства взаимными уступками стараются упорядочить свои торговыя сношенія. Мы видимъ, что Петръ Великій посылаетъ грамоту въ Гданскъ, хлопоча о возвращеніи нѣжинскому обывателю Калининъ заграбленнаго имущества, обѣщая оказывать снисхожденіе въ свою очередь гданскимъ купцамъ. Могилевскій житель Дегтеревичъ велъ торговлю въ Великороссіи и Малороссіи. Онъ проситъ у царя грамоту, а у гетмана универсаль, чтобы его и его товары не удерживали малороссійскіе и великороссійскіе купцы за долги его соотечественниковъ⁸⁾. Мы уже знаемъ, какъ въ 1672 г. волошскій господарь поступилъ

¹⁾ Ibid., д. Мал. 1729 г., № 19.

²⁾ Ibid., д. Мал. 1705 г., № 35, 1736 г., № 2.

³⁾ Рум. Муз. Рук. Арх. Марк. № 886.

⁴⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1672 г., № 20.

⁵⁾ Ibid., 1699 г., № 4.

⁶⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1713 г., № 7.

⁷⁾ Рум. Муз. Рук. Маркевича № 640.

⁸⁾ Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1713 г., № 7.

съ малороссійскими купцами. Въ 1732 г. господарь Гикасъ черезъ волошскаго шляхтича Думитрашку пишетъ къ гетману Апостолу письмо, въ которомъ просить оказать этому шляхтичу милость, „которую милость, пишетъ Гикасъ, во учиненіи ему справедливости узнаю и взаимно въ приключившихся случаяхъ и подданнымъ государства россійскаго являть оную жь буду“¹⁾.

Малороссія въ XVII и XVIII ст. была пограничною страной. Люди, падкіе до легкой наживы, изъ Малороссіи отправлялись въ Польшу, а изъ Польши въ Малороссію съ цѣлью грабежа. По всей границѣ въ верстѣ, въ двухъ, трехъ, пяти разстоянія другъ отъ друга были устроены сторожевые пункты „форпосты“, для наблюденія, чтобы не проходили безпаспортные и разные сомнительные люди²⁾. Тѣмъ не менѣе лѣсными „стежками“ пробирались въ Польшу и обратно разные бродячіе элементы. На Днѣпрѣ стояли мельницы, къ которымъ подь покровомъ ночи прѣвзжали челноки и перевозили на тотъ — польскій — берегъ всякаго желавшаго помимо форпостовъ.

На южной границѣ, примыкавшей къ степи, собирались цѣлыя шайки грабителей, извѣстныхъ подь именемъ гайдамакъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется рассказъ одного изъ участниковъ въ такой шайкѣ Герасима Котляра. Рассказъ этотъ заключаетъ массу бытовыхъ подробностей, почему мы считаемъ нужнымъ привести его со всеми подробностями³⁾. На праздникъ сошествія Св. Духа 1757 г. живущій при крѣпости св. Елизаветы мѣщанинъ Безпоясный пришелъ къ Котляру и въ разговорѣ, между прочимъ рассказалъ, что въ Сѣчи Запорожской на Мигійскомъ островѣ, когда онъ былъ тамъ для ловли рыбы, видѣлъ гайдамацкую партію, собирающуюся, кажется, въ Польшу „на грабительство“. Котляръ, „вздумавъ, что на немъ болѣе ста рублевъ долгу имѣется и онихъ заплатить не чимъ“, спустя четыре дня послѣ этого взялъ въ магистратѣ кр. св. Елизаветы паспортъ будто для взысканія долга съ козака Кушевскаго куреня Ивана Шумы, а на самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Безпо-

1) Х. И. А. К. № 4933 и Рум. Муз. Рук. Архивъ Маркевича № 3193. Дѣло въ томъ, что нѣжинскіе греки Галина и Стефанѣвъ заняли у волошскаго шляхтича Думитрашка въ 1727 г. 400 червонцевъ; прошло 5 лѣтъ; греки, проживая въ Нѣжинѣ, объ уплатѣ долга и не помышляли. Наконецъ, Думитрашко рѣшается отправиться въ Малороссію искать на грекахъ. Для успѣшности онъ запасается письмомъ господаря: „Illustrissime ac excellentissime Dñe Dñe vicine ac amice colendissime.

Dator harum amicabilium literarum mearum nobilis moldaus Dumitraszko: qui ante quinque annos quatuor centos aureos mutuos cum apographo mercatoribus degentibus Nisina: nomine Halini et Stefani dedit; cum autem huiusque noluerunt praedicti solvere et mittere pecuniam; neque praedictus Dumitraszko ad requirendas eas pecunias ab illis mercatoribus potuit huiusque pergere; quoniam interea temporis moras traxit Constantinopoli nunc ad requirendam justitiam et deponendam causam suam iudiciis E. V. suplex vadit. Ideo hisce meis amicabilibus illum comendare E. V. volui, ut secundum jura gentium et bonam vicinitatis harmoniam amice dignetur omnem favorem exhibere; atque omnimodam satisfactionem a praedictis mercatoribus dare; quoniam hoc dictat iustitia reddere unicuique, quod suum est; quam gratiam circa reddendam ipsi equitatem agnoscam et reciproce (?) in similibus occasionibus erga vestrates correspondebo. Ceterum omnem pro(ae?) lixitatem vitae Ex. V. a superis vovens decententer maneo. Excellentiae Vestrae benevolus amicus et ad officia paratissimus I. Gregorius Gika. Iassy. 19 Martii S. v. 1732 anno“. Рум. Муз. Рук. отд. Арх. Маркевича № 2769.

2) Киевскій Центр. Арх. *ibid.* Въ 1728—1729 гг. по ревизскимъ книгамъ въ Черниговскомъ полку считалось 53 форпоста, въ Стародубовскомъ — 60, въ Гадацкомъ — 17, въ Киевскомъ — 59, въ Дубенскомъ — 39, Миргородскомъ — 29, Переяславскомъ — 62, Полтавскомъ — 52. (Арх. Марк. (Рум. Муз.) № 3060).

3) М. Арх. Мин. Юст. *ibid.* Оп. 4. Вяз. V. № 79.

яннымъ отправились на Мигійскій островъ „единственно съ цѣлью грабежа“. Не доѣзжая острова при бродѣ на р. Синюхъ, предъявили прапорщику свой паспортъ и были свободно пропущены. На островѣ нашли гайдамацкую партію человекъ въ 65, во главѣ которой стоялъ атаманъ козакъ Дядковского куреня Яковъ Солонъ. Котляръ присталъ къ этой партіи. Въ продолженіе недѣли прожили они на островѣ, за это время къ партіи примыкали все новые и новые лица и она возрасла до 75 человекъ. Изъ нихъ Котляръ зналъ козаконъ Сѣчи Запорожской куреней: *Мишастовскаго* — Григорія Калиту, Бурила, *Корсунскаго* — Оедора Вовка и Сукура, *Криловскаго* — Ивана Жаболду и „малого“ Жаболденя и Ивана „Малого“; *Пашиковскаго* — Андрея Караджу, *Рогевскаго* — Ивана Бойка, *Поповичевскаго* — Оеодора Писменнаго Бороду, *Ивановскаго* — Григорія Писменнаго, *Батуриискаго* — Малого и Остроуха, *Конеловскаго* — Сукура и Павла *Брюховейскаго* — Савелія Кравца, *Колнболоцкаго* — Ивана, *Васюринскаго* — Куземку. Первоначально рѣшили итти въ Польшу „для разбитія состоящаго подъ мѣстечкомъ Медвѣдиномъ польскаго обозу“. Въ путь отправились всѣ пѣшіе. Когда гайдамаки у польскаго мѣстечка Шестиринецъ хотѣли перейти плотину, то нѣсколько человекъ поляковъ и козаконъ изъ того польскаго обоза встрѣтили ихъ ружейнымъ залпомъ, послѣ чего гайдамацкій атаманъ Яковъ Солонъ закричалъ гайдамакамъ, чтобы они отступили, и самъ съ двумя человеками удалился. Остальные же 71 остались и съ крикомъ дружно бросились „на списахъ“ на поляковъ, поляки не выдержали натиска и бросились на близлежащій лугъ, гдѣ „и вскочили въ болото съ лошадьми“. Дѣло было въ сумерки, почему за ночной порой гайдамаки прекратили преслѣдованіе, но поставили карауль, чтобы понавшіеся не ушли. На утро у всѣхъ поляковъ и козаконъ отняли лошадей, платье и вооруженіе. Лошадей съ сѣдлами оказалось 70, пистолетовъ 35 паръ. Людей всѣхъ отпустили, только запорожець Григорій Калита закололъ трехъ поляковъ, уже ограбленныхъ и убѣгавшихъ. Затѣмъ всѣ, у кого была лошадь, конный, у кого не было, пѣшіи отправились обратно на Мигійскій островъ, гдѣ всѣ „гайдамаки собраніе имѣли“. Не доходя до острова, въ 4 верстахъ отъ Олшанскаго шанца (въ Новой Сербіи), раздѣлили между собою награбленное. Котляру послѣ дѣлежа досталось: лошадь гнѣдая съ сѣдломъ, пара пистолетовъ, епанча бѣлаго простаго сукна, польская шапка съ сѣрою опушкою и сабля съ желѣзною оправою. Изъ награбленныхъ вещей для гардоваго полковника и старшины оставили сабли и ладовницы, „какъ то и всегда у гайдамакъ бываетъ, что, будучи въ гайдамачествѣ по приходѣ Сѣчи Запорожской въ Гардѣ и тамо полковника гардоваго и старшину, дабы имъ, гайдамакамъ, въ ономъ гарду пьянствовать не запрещали и ихъ не ловили, даруютъ для гостинца“. Послѣ раздѣла изъ партіи пять человекъ отправились въ Олшанскій шанецъ, а остальные 67 возвратились на Мигійскій островъ. По дорогѣ на островъ въ сл. Красной изъ ихъ партіи болѣе 40 человекъ осталось „для пьянства и взятъя харчей“. Два черезъ два въ числѣ 30 человекъ отправились они въ Гардѣ, гдѣ тамошнему полковнику (имени Котляръ не знаетъ) поднесли польскую саблю съ серебряною оправою и ладунцу, да асаулу гардовому куренному Величковскому Игнату Мандру саблю съ желѣзною оправою. И, хотя они завѣдомо знали, что это краденое, тѣмъ не менѣе приняли.

Котляръ въ Гардѣ пробылъ два дня и возвратился на Мигійскій островъ. Здѣсь отъ гайдамакъ онъ узналъ, что запорожскій козакъ Ивановскаго куреня Иванъ Неѣзжалый, собравши шайку человекъ въ 80 въ балкѣ возлѣ рѣчки Добрянки, собирается итти въ Польшу на грабежъ. Котляръ отправился въ указанное мѣсто, гдѣ и нашелъ гайдамацкую шайку изъ 87 человекъ при атаманѣ Неѣзжаломъ. Къ этой шайкѣ примкнулъ и Котляръ. Вся шайка на основаніи слуховъ рѣшила отправиться на грабежъ лошадей, приведенныхъ татарами въ Умань для продажи. Для развѣдокъ былъ посланъ „гайдамака“ житель сл. Добрянки Волошиненко, который сообщилъ, что дѣйствительно подъ Уманью много находится татаръ съ лошадьми. Переѣхавъ въ бродъ выше сл. Новоархангельской, они на лошадяхъ черезъ двое сутокъ прибыли къ Умани. Верстахъ въ трехъ отъ города они встрѣтили табунъ лошадей, охраняемыхъ татарами; татаръ было 19 человекъ, которые при приближеніи гайдамакъ, бѣжали въ городъ, оставивъ лошадей на произволь. Гайдамаки захватили весь табунъ, въ которомъ „со стрижаками“ оказалось до 400 лошадей. По просьбѣ татаръ изъ Умани выѣхало около 40 козаковъ, которые пустились за гайдамаками въ погоню и нагнали ихъ въ степи верстахъ въ 20 отъ Умани. Нагнавъ, козаки начали стрѣлять; убили одного гайдамаку, а четырехъ ранили; гайдамаки въ отвѣтъ выпалили изъ ружей и „по своей злодѣйской ярости“ всѣ вдругъ бросились „з списами“ на козаковъ и всѣхъ за исключеніемъ 5 человекъ перекололи (Котляръ закололъ одного). Переплывъ р. Синюху и не доѣзжая версть 10 до Гарда, произвели раздѣлъ: пару лошадей оставили для гардоваго полковника съ старшиною, прочихъ же подѣлили по жребію между 89 гайдамаками. Котляру досталось два мерина — одинъ сѣрый, а другой палевый, — и кобыла сивожелѣзая съ жеребенкомъ. Послѣ раздѣла гайдамаки разѣхались въ разныя стороны: атаманъ Неѣзжалый съ гайдамаками Яковомъ Козолупомъ, Алексѣемъ Ковбасою и Кузьмою Тараномъ поѣхалъ отдать гардовому полковнику Брюховецкаго куреня Шевцу и асаулу Величковскаго куреня Игнату Мандру оставленныхъ для нихъ лошадей, Котляръ со многими другими отправился отдать въ гардовый табунъ полученныхъ при раздѣлѣ лошадей, которыхъ и сдалъ табунщикамъ, сказавши, откуда онъ ихъ взялъ. За сторожу табунщикамъ гайдамаки отдали двѣ гиѣдыя кобылы. Нѣкоторые изъ гайдамакъ отправились по запорожскимъ зимовникамъ, Котляръ же съ 15 человекъ отправился „для пьянства“ въ Гардѣ, гдѣ они объявили, что были въ Польшѣ „на гайдамачествѣ“. Прогулявши четыре дня, Котляръ рѣшилъ отправиться въ карантинъ, чтобы взять свой паспортъ, отданный имъ офицеру, затѣмъ взять своихъ лошадей и свести ихъ для продажи на ярмарку въ Новомиргородскомъ шанцѣ (въ Новой Сербіи). Но не доѣзжая карантина, онъ встрѣтилъ 11 человекъ гайдамакъ, которые рассказали ему, что вышедшій изъ Польши Оеодоръ Швидскій собираетъ гайдамацкую шайку итти въ гор. Немировъ для грабежа. Котляръ послѣ слышаннаго отправился опять на Мигійскій островъ, гдѣ опять присталъ къ гайдамацкой партіи, состоящей изъ 65 человекъ. На островѣ они прожили съ недѣлю. Атаманъ въ это время ѣздилъ въ мѣстечко Торговицу (въ Польшѣ) для покупки пороху и селитры; съ собою онъ привелъ еще 17 гайдамакъ, такъ что всѣхъ собралось 82 человека. Изъ нихъ Котляръ зналъ: *Ивановскаго куреня Павла*

Тарана, Грицка Письменнаго, *Переяславскаго* — Полового, *Рыльвскаго* — Колмика, *Пашковскаго* — Андрея Гораджу, *Куреневскаго* — Моисея Шевця, двухъ Ивановъ Бойковъ, *Незамаевскаго* — Карпа Кирпу, *Плетнеревскаго* — Нобака, *Киселековскаго* — Григорія Злодѣя, *Батуриискаго* — Остроуха, *Поповичевскаго* — Безкровнаго, *Корсунскаго* — Бандурку, *Брюховецкаго* — Яцка Кравця, Савку Кравця.

По возвращеніи атамана на общемъ собраніи рѣшили итти на Немировъ. Перейдя рѣку Бугъ въ бродъ, черезъ ногайскій и польскій степки, дошли до лѣсу, находящагося подъ польскимъ мѣст. Хоцеватымъ; въ этомъ лѣсу въ пасѣкѣ они пробыли цѣлый день. Здѣсь имъ были слышны стрѣльба и „колокольная тревога“ изъ мѣстечка Хоцеватаго. Подозрѣвая, что причиной этой тревоги они, и что народъ собирается захватить ихъ, они ночью вышли изъ лѣсу и, обойдя Хоцеватое, въ селѣ Могильномъ захватили три пары воловъ съ возами, а у жида кобылу съ возомъ, а также взяли запасъ харчей, т.-е. муки, пшена и коровьяго масла; тѣ изъ гайдамакъ, у которыхъ не было рубахъ, снимали ихъ съ обывателей, а у жида отняли 6 копѣекъ, и мѣшокъ мыла. Отойдя съ версту отъ села, атаманъ сорокъ человекъ оставилъ при харчевыхъ возахъ, а самъ съ другими 40 отправился въпереди находящійся хуторъ раздобыть воловъ для этихъ возовъ. Этихъ сорокъ человекъ атаманъ раздѣлил на двѣ партіи по 20 человекъ: одной онъ велѣлъ итти къ броду р. Синицы, а самъ съ другой отправился въ показанный хуторъ, въ который прибылъ на разсвѣтѣ, и захватилъ здѣсь 4 вола и кобылу съ возомъ. Въ это время находящіеся съ атаманомъ услышали стрѣльбу; атаманъ, оставя 9 человекъ при волахъ, съ остальными бросился на звукъ стрѣльбы. Прибывши къ броду, гайдамаки увидѣли слѣдующую картину. Въ гайдамакъ, отряженныхъ къ броду, стрѣляли купцы, стоящіе со своимъ караваномъ на дорогѣ. Прибывшіе гайдамаки примкнули къ своимъ, и началась перестрѣлка, которая продолжалась, пока не былъ раненъ одинъ изъ гайдамаковъ. Затѣмъ „разорясь всѣ вдругъ гайдамаки бросились на грековъ-купцовъ и ихъ фурманщиковъ и всѣхъ перекололи (Котляръ закололъ двухъ), Яцко Кравецъ вскочилъ на брыку, а атаманъ разрѣзалъ веревки, связывающія товары, и началъ выбрасывать послѣдніе. Черезъ нѣсколько времени „при самомъ свѣту“ прибыли и остальные 40 гайдамаковъ, „оставленныхъ при харчевыхъ возахъ“, и всѣ товары начали перекладывать на возы. Среди товаровъ Котляръ замѣтилъ лисьи, горностаевые, бѣличьи и др. мѣха, а также золотыя и серебряныя деньги, но чего сколько? не знаетъ, ибо всѣ поспѣшно хватали и бросали поскорѣй на возы, тѣмъ болѣе, что приближалась погоня — Уманскіе и Савранскіе козаки. Гайдамаки, увидѣвши погоню, отошли съ версту отъ ограбленнаго купеческаго каравана и, поставивъ передъ собой возы, вступили въ перестрѣлку, которая закончилась только тѣмъ, что козаки у гайдамакъ отняли 8 лошадей. Освободившись отъ погони, гайдамаки пошли польскимъ Савранскимъ трактомъ; достигши верховьевъ рѣчки Кодимы, всѣ заграбленные товары сложили вмѣстѣ, а червонцы (5 штукъ), польскую, русскую и турецкую монету атаманъ „высыпалъ на килимъ“ (коверъ). Все было подѣлено между гайдамаками. Котляру досталось 1 руб. 5 коп., денегъ, мѣховъ: сибѣрковый одинъ, тхоровый одинъ, горностаевый половина, ко-

шачій черной одинъ, куница выдѣланная одна, смушекъ болгарскій одинъ, лисьихъ горль 10, невыдѣланныхъ бѣлокъ 5, горностаи 1, тхоровъ 2. Другимъ давали платье, ружья и пистолеты, кому же чего сколько досталось, онъ не помнитъ. Карманные же золотые часы, лисій мѣхъ — самыя лучшія вещи изъ товаровъ и двѣ пары пистолетовъ атаманъ Швыдкій оставилъ безъ раздѣла для гардоваго полковника съ старшиной, „какъ то у нихъ гайдамакъ и всегда бываетъ, что по возвратѣ изъ грабительства оную гардовую старшину даруютъ..... и по тому ихъ гайдамакъ какъ полковникъ, такъ и старшина, хотя они, гайдамаки, приходя въ Гардь въ базарѣ пьянствуютъ и харчъ покупаютъ, подь караулъ не берутъ, да еще естли, когда изъ Сѣчи Запорожской для поиску ихъ, гайдамакъ, объѣздка бываетъ, то ихъ старшина скрываетъ“. Переночевавъ на мѣстѣ дѣлежа, гайдамаки отправились на Мигійскій островъ, „гдѣ самое ихъ гайдамацкое укывательное мѣсто состоитъ“. Отсюда атаманъ послалъ къ гардовому полковнику и асаулу съ извѣстіемъ о своемъ приходѣ съ гайдамачества и просилъ ихъ пріѣхать за приготовленными для нихъ подарками, а Котляръ онъ отрядилъ на бродъ р. Синюхи за покупкой гайдамакамъ водки на 60 коп. Котляръ, выкопавши зарытые имъ на островѣ 8 рублей, которые онъ выручилъ отъ продажи лошадей, и взявши „у рыбника на томъ же островѣ возъ“ поѣхалъ за водкой, которой купилъ на 8 руб. 60 коп., у маркитанта при карантинѣ. Въ это время на островъ пріѣхалъ гардовый асаулъ Мандра за подарками; ему отданы были карманные золотые часы, лисій мѣхъ, мѣдная цѣпочка съ футляромъ, въ которомъ было зеркало, табакерка и пороховая натруска; каждый же изъ гайдамакъ давалъ отъ себя — кто куницу, кто смушекъ и др. вещи; Котляръ далъ болгарскій смушекъ. Продавши водку за 15 руб., ружье за 4 руб., рогъ пороховой за 80 коп., шапку за 1 руб., списъ за 50 коп., шаровары за 2 руб. 40 коп., Котляръ на эти деньги накупилъ у гайдамакъ хорьковыхъ, сибирковыхъ, лисьихъ мѣховъ, горностаевъ, „вѣнчуру волчью“ (за 6 рублей). Все купленное онъ сложилъ въ боченокъ, въ волосяныя саквы¹⁾ и мѣшекъ, затѣмъ нанялъ бывшаго на островѣ на рыбной ловлѣ рыбалку, поѣхалъ домой, офицеру въ карантинѣ объявилъ, что ѣдетъ съ рыбной ловли домой въ крѣпость Св. Елизаветы. Въ крѣпость они вѣхали ночью, чтобы избѣжать разспросовъ относительно боченка, саквъ и мѣшка. Черезъ нѣсколько времени Котляръ былъ арестованъ.

О произведенныхъ этой шайкой разбояхъ Торговицкій староста Костка Ортинскій въ своемъ письмѣ къ грекамъ отъ 12 августа 1757 г. рассказываетъ: „в сем краю неисчисленная сума невинныхъ людей погинуло и купцев, села палят и имущества забирают, под всѣ времена напоили землю кровію людскою и нетъ пред ким жаловаться; какъ так будет, принуждени будутъ всѣ гандлѣ и комерціи и перестать пограничние для домашнихъ и своихъ своеволцовъ“²⁾.

Вотъ какъ обстояли пути и дороги въ Старой Малороссіи. Греческіе купцы не составляли исключенія и наравнѣ съ другими подвергались грабежамъ и обидамъ.

¹⁾ Саква — военный предметъ снаряженія въ кавалеріи и артиллеріи; небольшой мѣшокъ, приторачиваемый къ сѣдлу, для возки овса, сухарей, крупы, соли и пр., Энциклоп. Слов. Брокгауза, кн. 56, стран. 78.

²⁾ Ibidem.

Въ 1701 г. ѳхали греческіе купцы изъ Царяграда съ разными товарами моремъ до Очакова, а оттуда направлялись къ Чигирину; у р. Ингула на нихъ напали запорожскіе и городовые козаки, „будучіе на рыбныхъ ловляхъ“, разбили ихъ караванъ и разграбили товары. Купцы разбрелись по степи, и только одинъ грекъ Григорій Дмитріевъ дошелъ „съ дикихъ полей и рассказалъ“ про грабежъ¹⁾. За этотъ грабежъ гетманъ Мазепа изъ запорожскаго жалованья сначала удержалъ 20 мѣшковъ, а затѣмъ, по соглашенію съ предводителемъ каравана Кумбурлѣемъ, рѣшено было удержать еще 80 мѣшковъ (40 тысячъ левковъ). За грековъ, какъ за своихъ подданныхъ, хлопотало турецкое правительство. Русскій посолъ въ Адрианополь уладилъ это дѣло—заплативши половину соболями въ Турціи, а за другою половиною должны были явиться отъ Порты въ Кіевъ пріемщики. Соболи велено отпустить въ Кіевъ по московской цѣнѣ, а левокъ считать по 15 алтынъ²⁾. Въ 1734 г. македонскій грекъ Бабидачъ, Юрій Николаевъ, Ѳеодосій Шатій послали черезъ Польшу въ Турцію на 30 тысячъ мякотныхъ товаровъ; возлѣ р. Днѣпра на приказчиковъ каравана напали запорожскіе козаки — и разграбили товары. Оказывается, что правитель кн. Любомирскаго Косовскій былъ въ стачкѣ съ грабителями-запорожцами и даже въ помощь запорожцамъ далъ своихъ людей³⁾. Въ 1742 г., 25 сентября, отъ Переволочанскаго коменданта Апочинина было представлено кіевскому генераль-губернатору Леонтьеву доношеніе о приносимыхъ малороссійскими купцами и крымскими греками жалобахъ на грабежи и разбой запорожскихъ козаковъ⁴⁾.

Проѣзжающій послѣ побоища подъ Савранью, гдѣ участвовалъ Котляръ, грекъ Христодуль Цукала пишетъ въ Нѣжинѣ полное ужаса письмо, описывая картину, видѣнную имъ на мѣстѣ побоища: 14 изуродованныхъ труповъ и 2 избитыхъ до полусмерти челоуѣка. Всѣхъ убитыхъ уложили въ одну общую могилу и предали землѣ. Особенно имъ, грекамъ, страшно стало, когда—они хотѣли продолжать путь, — имъ сказали: „не бойтесь ль — куда ѳдете⁵⁾?“

Въ путешествіи Лукьянова мы уже читали, какъ сгорѣло 18 челоуѣкъ греческихъ купцовъ.

Такія опасности и затрудненія въ торговыхъ сношеніяхъ вызвали караванную торговлю. „А били де въ томъ караванѣ царегородцы македоняне и сербы для своихъ торговыхъ промысловъ въ малороссійскихъ городахъ⁶⁾. Въ актахъ XVIII в. мы почти всегда встрѣчаемъ выраженіе — купцы гречане. Въ XVII в. мы видимъ то же самое. Если купецъ богатый, то онъ самъ отъ себя снаряжалъ караванъ въ нѣсколько десятковъ подводъ своихъ или наемныхъ. Во главѣ каравана становился приказчикъ, которымъ были или греки, или малороссіяне. У грека Кумбурлѣя такой приказчикъ Камѣнскій получаетъ въ годъ 30 руб. кромѣ другихъ харчей⁷⁾. У пріѣзжихъ грековъ

1) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1701 г., № 26.

2) Г. М. А. М. И. Д. д. Мал. 1703 г., № 3.

3) Ibid., 1749 г., № 1.

4) Сенатскій Архивъ, V С.-Пб. 1892 г., стран. 445.

5) Арх. Мин. Юст. ibid. Оп. 4, вяз. V, № 79.

6) Г. М. А. М. И. Д. д. Греч. 7190 г., № 4.

7) X. И. А. М. К., № 11778.

слугами при караванѣ были греки, сербы или же волохи; по-русски они назывались челядниками, по-гречески „муканы“, на обязанности ихъ лежало увязывать товаръ, наблюдать за тюками. Менѣ состоятельные купцы снаряжали караваны на общій счетъ. Обычное явленіе, что караваномъ завѣдывали родственники. Караваны снаряжались на своихъ подводахъ или наемныхъ¹⁾. Многіе изъ малороссіянъ занимались извозомъ и со своими возами ходили въ Волощину, Турцію, Шленскъ и др. мѣста²⁾. Козакъ Монастырской сотни Грицко Сачко договорился, напр., съ польскимъ могилевскимъ купцомъ Ботвинкой свезти „своимъ скотомъ весь его табакъ“, лежащій въ польскомъ городѣ Слуцкѣ, въ Шленскѣ, а оттуда взять нѣсколько бочекъ косъ. Для покупки воловъ и исправленія возовъ Ботвинка далъ въ задатокъ Сачку 550 руб.³⁾. Изъ Турціи свои товары греки привозили на волошскихъ подводахъ. При грекѣ Стелановѣ прибыло 12 фурманщиковъ волоховъ; при грекѣ Димитріи Юрьевѣ — фурманщиковъ 4 волоха⁴⁾ и пр.

Въ самихъ караванахъ происходили часто беспорядки, особенно при отсутствіи хозяина. Кумбурлѣй послалъ Каменскаго съ караваномъ въ Галацъ за косами; Каменскій плохо наблюдалъ за извозчиками, почему тѣ покрали въ Валахіи вино, на которое Кумбурлѣю представили счетъ для уплаты. Тотъ же Каменскій на имя Кумбурлѣя занялъ у купцовъ значительную сумму денегъ и былъ настолько нерадивъ, что караванъ въ пути потерялъ болѣе 50 воловъ; въ заключеніе всего Каменскій скрылся и отдался подъ протекцію⁵⁾. Торговля, веденная въ кредитъ, еще болѣе увеличивала рискъ предпріятія. У купца арестовываютъ купленный имъ за наличныя деньги товаръ за то, что онъ имѣлъ несчастье поручиться за какого-нибудь неплательщика⁶⁾. Или, напр., грекъ Фучучовуль задолжалъ по векселю Ралѣю Мушмулу болѣе 130 руб. и не заплатилъ, за что братствомъ по иску Ралѣя былъ посаженъ въ тюрьму подъ арестъ, изъ-подъ котораго черезъ четыре мѣсяца за поруками грека Папазула былъ выпущенъ; Фучучовуль бѣжалъ, Папазула посему посадили подъ арестъ; но потомъ за поруками грека Христова выпустили для поисковъ Фучучовула; Папазуль, въ свою очередь, скрылся, а Христовъ далъ расписку, въ которой ручался въ уплатѣ долга, и уѣхалъ, уже безъ всякихъ порукъ въ Москву, гдѣ и умеръ⁷⁾.

1) Ibid., № 14429.

2) Кіевскій Центр. Арх. *ibid.*

3) Х. И. А. М. К., № 15834.

4) Кіевскій Центр. Арх. *ibid.*

5) Х. И. А. М. К., № 11778.

6) Ibid., № 12562.

7) Ibid., № 12172.

ВЪДОМОСТЬ

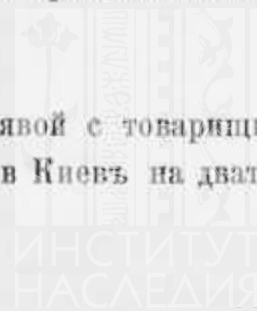
Коликое число имело быть в пропускѣ чрез все около Киева пограничные форпосты и с полских сель и деревень для богомолия и продажи хлеба и всякихъ съесныхъ припасов Маия съ 1-го Юня по 1-е число 1744 году.

Маия. Из заграницы чрез Василковскій фарпость.

4. Полской области из пограничного села Ковалевки жители Сидор Михайлов с товарищи шесть члѣкъ на дву возах для продажи хлѣба.
5. Полской области из пограничного села Кодакъ жители Андрей Антоновъ с товарищемъ два члѣка которые едутъ на одномъ возу для продажи хлеба.
5. Полской области изъ пограничного села Паляниченць жители Калина Харитонов с товарищи двадцеть два члѣка которые едутъ на одинацети возах для продажи хлеба.
8. Полской области из пограничной деревни Мытницы жители Лаврень Григорьевъ с женою которой едитъ в Киевъ на одномъ возу для продажи хлеба.
8. Полской области из пограничного села Паляниченць жители Тиханъ Павловъ с товарищи тремя члѣки которые едутъ на трех возах для продажи хлеба.
8. Полской области из пограничного села Кодакъ жители Иванъ Василенко с товарищи мужеска и женска полу четыре члѣки которые едутъ на одномъ возу для продажи хлеба.
11. Полской области из пограничного села Пенчуковъ жители Афанасей Бугарь съ товарищи пети члѣки которые едутъ на трех возах для продажи хлеба.
15. Полской области из пограничного села Олшанки жители Степанъ Петров который едит на одномъ возу для продажи хлеба.
16. Полской области из пограничного села Трушокъ жители Кондрат Тошчій с товарищи четыре члѣки которые едутъ в Киев на четырех возахъ для продажи хлеба.
23. Полской области из пограничного села Половецкаго жители Назаръ Захаров с товарищи два члѣки которые едутъ в Киевъ на дву возахъ для продажи хлеба.

Из заграницы чрез Безрадицкой форпость.

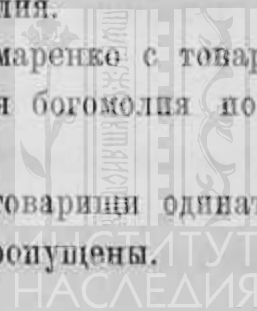
1. Полской области местечка Богуславля жители Прокофей Чернявой с товарищи мужеска и женска полу дватцети девяти члѣкъ которые едутъ в Киевъ на дватцети возах для продажи хлеба.

3. Полской области местечка Канева жители Калина Кахнов и протчих местечекъ и сель с товарищи мужеска и женска полу сто шестьдесятъ тремя члѣки которые идутъ в Киев для богомолия.
4. Полской области села Играева жители попъ Максимъ Иванов и протчих сель и местечекъ съ товарищи мужеска и женска полу двесте шесть члѣкъ которые идутъ в Киев для богомолия.
5. Полской области местечка Ходорова жители попъ Михала Терпиловской и протчия местечекъ и сель с товарищи мужеска и женска полу сто тритцать члѣкъ которые идутъ в Киев для богомолия.
7. Полской области местечка Богославля жители Андрей Демченко с товарищи мужеска и женска полу пядесять три члѣка которые идутъ в Киев для богомолия.
8. Полской области местечка Богославля жители священник Филипъ Романов с товарищи мужеска и женска полу пять десять одинъ члѣкъ которые идутъ в Киев для богомолия.
10. Полской области села Миронов жители Яков Дулемъко с товарищи одинатцети члѣкъ которые едутъ в Киевъ на семи возахъ для продажи хлеба.
11. Полской области села Настечки жители Тимоѳей Максимов с товарищи семи члѣкъ которые едутъ в Киев на семи возахъ для продажи хлеба.
16. Полской области села Карапишевъ жители Трофимъ Скрипка с товарищи десяти члѣкъ которые едутъ в Киев на девяти возахъ для продажи хлеба.
17. Полской области села Острова жители Николай Житенко с товарищи четырнадцети члѣкъ которые едутъ в Киев на одинацети возахъ для продажи хлеба.
21. Полской области села Олшанки жители Семень Сктавъ с товарищи пети члѣкъ которые едутъ в Киевъ на четырехъ возахъ для продажи хлеба.
23. Полской области села Пустовойтов жители Кирила Бабакъ съ товарищи четыре члѣкъ которые едутъ в Киев на четырехъ возахъ для продажи хлеба.

Пропущены чрезъ Копачевской фарпость.

1. По ордеру Киево губернской канцеляриі по выдержаніи семи дней в карантинъ полской области села Пенчуков жители Григорей Василевъ съ товарищи три члѣка которые идутъ в Киев для богомолия.
4. По ордеру Киево губернской канцеляриі по выдержаніи пяти дней в карантинъ полской области местечка Богуславля генерала-маеора Фонвесбарха упровител Ивгаир Христофоров и при немъ служител Григорей Иванов в Киев для своихъ нуждъ.
5. По ордеру Киево губернской канцеляриі по выдержаніи десяти дневной карантинъ полской области Днестровского монастыря Иераманъ Варъсунуѳей, иеродьяконъ Венедиктъ, монахъ Селиверсть в Киевъ для богомолия.
6. Полской области местечка Бѣлой Церкви жители Влас Панамаренко с товарищи мужеска и женска полу шесть члѣкъ которые в Киевъ для богомолия по выдержаніи десяти дней в карантинъ пропущены.
20. Полской области села Бичохцов жители Григорей Ринца с товарищи одинатцать члѣкъ на одинатцети возахъ для продажи хлеба в Киевъ пропущены.

Пропущены чрез Трепольской фарпость.

16. Заграничного села Куриловки жители Дмитрий Пискар с товарищи одинатцат члѣкъ на одинатцети возах для продажи хлеба пропущены.
16. Заграничного села Костянецъ жители, священник Ѳома Пискуненко, обевателей при немъ девят члѣкъ на десяти возах для продажи хлеба в Киевъ пропущены.
17. Заграничного села Павцовъ жители Моисей Разумный с товарищи девять члѣкъ на девяти возах для продажи хлеба в Киев пропущены.
17. Заграничного местечка Иржищева шляхтичъ Михала Чернявской да села Трощина Иванъ Татарчен с товарищи 10 члѣкъ на восьми возах для продажи хлеба въ Киев пропущены.
17. Заграничного села Зелевокъ жители священник Моисей Григоревъ с сыномъ Григорьемъ на одномъ возу в порожни для нужд своих.
20. Заграничного местечка Иржищева житель староста Иванъ Бариславской, при немъ служителей пят члѣкъ рекою Днепромъ на одномъ дубу в Киев для покупки драни пропущены.
23. Заграничного села Яшкова жители Павелъ Гарбачъ с товарищи девятнатцети члѣкъ на девятнатцети возах для продажи хлеба в Киевъ пропущены.
24. Заграничного села Расавы жители Семень Пархаменко с товарищи четырнатцети члѣкъ на двенатцети возах для продажи хлеба в Киев пропущены.
26. Заграничного села Пустовойтов жители Михала Зубарценко с товарищи дватцети трех члѣкъ на дватцети на двухъ возах для продажи хлеба в Киев пропущены.

Пропущены чрез Мало Салтановской фарпость.

1. Полской области из погра(ни)чного села Антонова Моисей Игнатовъ и протчих местечкъ и сел с товарищи мужеска и женска полу и того сорокъ три члѣка которые пропущены в Киев для богомолия.
2. Полской области из пограничного села Жукова жители Ѳедоръ Ѳедоров и протчих местечкъ и сель с товарищи мужеска и женска полу и того сорокъ члѣкъ которые пропущены в Киев для богомолия.
4. Полской области из пограничного села Жукова жители Иванъ Василевъ и протчихъ местечекъ и сел съ товарищи мужеска и женска полу и того девятдесят члѣкъ которые пропущены в Киевъ для богомолия.
5. Полской области из пограничного села Селезенець жители Ѳедоръ Василевъ и протчих местечекъ и сель сто сорокъ три члѣка которые пропущены в Киев для богомолия.
6. Полской области из пограничного села Сквиры жители Васил Деонисов и протчих сель с товарищи мужеска и женска полу и того семьнатцать члѣкъ которые пропущены в Киев для богомолия.
11. Полской области из пограничного местечка Паволочи жители Иванъ Шник с товарищи семи члѣкъ на семи возах для продажи хлеба в Киев пропущены.

11. Полской области местечка Погребещъ жители Михала Свистунов с товарищи мужеска и женска полу двенадцети члѣкъ которые пропущены в Киев для богомолия.
17. Полской области села Самгородка житель священникъ Василій Ѳедоров со однимъ служителем в Киев на одном возу в порожни, для своих нуждъ.

Пропущены чрез Ханьбѣковской фарпость,

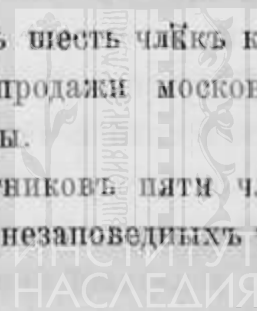
1. Полской области местечка Рубани жители Савелій Сеченко с товарищи десять члѣкъ на шести возах сухих яблокъ в Киев для продажи.

Повыдержаніи 10 дней карантинъ.

1. Местечка Бѣлой Церкви жители Иванъ Старецъ с товарищи и с протчих местечкъ и сел восемьдесятъ семь члѣкъ въ Киев для богомолия.
2. Села Лабачева жителька Настя Чопиха с товарищи семь члѣкъ для богомолия. Мѣстечка Тамашполя жители Андрей Яценты с товарищи девет члѣкъ для богомолия.
2. Мѣстечка Турчина и из протчих мѣстечекъ сел и деревень жители Тимошей Зубъ с товарищи шестдесятъ четыре члѣка в Киевъ для богомолия.
9. Всеросиской Имперіи Государственной Колегіи Иностранныхъ дѣлъ Совѣтника Юрья Хризоулиева служител Павел Николаев и при нем челядниковъ четыре члѣка, товар во одной кипе кошекъ и астраханскихъ овчинокъ.
9. Персидской области армяня Амадалско Лареть Мирабовъ с товарищи четыре члѣка, фурманщиковъ шесть, да при них товар черныхъ и бѣлыхъ смушковъ и шерстяныхъ простыхъ поясовъ на четырехъ возах, до полского города Льова для продажи и купечества.
9. По ордеру Киевской губернской канцеляріи македонской жител грек Михала Миколов и при нем челядникъ один; товар корсаковъ, кошечьими харями, черными смушками и шелковыми простыми поясами.
11. По ордеру Киевской губернской канцеляріи Аѳонской горы Иверского мнѣря Архимандритъ Афанасей до роста с однимъ служителем.

По пашпортомъ оной же канцеляріи.

11. Московскаго купца Свѣшниковъ прикащикъ ево Иванъ Ѳокинов и при немъ работниковъ два члѣка до полского города Бродовъ и Могилева для продажи китайки и крашенины и другихъ мелочныхъ товаровъ.
12. Калуской купецъ Козма Кирилевъ и при немъ работниковъ шесть члѣкъ корые едутъ до полского местечка Могилева для купечества и продажи московскихъ товаровъ, китайки, крашенины, Хряшу и оловянной посуды.
12. Московской купецъ Максим Кузнецовъ и при немъ работниковъ пяти члѣкъ, товару — китайки, крашенины, оловянной посуды и протчихъ незаповедныхъ товаровъ — на три воза.

17. По ордеру оной канцеляріи полской области из местечка Могилева житель Василей Андрѣевъ которой был во услуженіи у отставного толмача Степана Михайлова.
19. По пашпорту Киевской губернской канцеляріи нѣжинской жител Дмитрей Юрьев которой едетъ до полского местечка Могилева для отискивания долговыхъ денегъ.

По ордерем оной же канцеляріи.

20. Полской области Бѣреста Литовского иеромонах Павел и при нем иродиакон один, служител один.
24. Полской области и города Могилева армянинъ Назаръ Ивановъ, из волоского города Ясь жители волохи Радул Стойков з братом.

По пашпортом Киевской губернской канцелириі

24. Нѣжинские жители греки Павел Забуской с товарищем и при нем челядников пять члѣкъ, товар бѣлки, горностаи, дущетыхъ лисьих и тхорей черных.
 25. Межигорского мнѣтра села Евлинки Яковъ Кобченко с товарищем да при них челядниковъ двадцат восем члѣкъ до полского местечка Каламыи для покупки ступочной соли.
 26. Маенности Киево Печерского мнѣтра местечка Василкова жител Василей Чипчакъ и при нем челядников пять члѣкъ до полского города Каламыи для покупки ступочной соли.
 26. Малоросиского Черниговского полку села Слабина жители Григорей Данилов с товарищем и при них челядниковъ осмнатцат члѣкъ которые едут до полского города Каламы по ку(ку)пки ступочной соли.
 26. Малоросиского Черниговского полку села Смолина жители Павел Даниловъ и при нем челядников двенатцат члѣкъ до полского города Каламы для покупки ступочной соли.
- Из заграницы чрез Безрадицкой фарпость.

По ордерам Кивской Губернской канцеляриі.

13. Володимерского уѣзду из села Памхи крестьянинъ Василей Ивановъ с работником которые были в полше для промену иконъ.
16. Полской области из местечка Рашцева казакъ Иванъ Гайдукъ с писмами к преосѣщенному Митрополиту Рафаилу.
Киево Соѣѣйского монастыря иеромонах Деонисий да каков мнѣтрской со служителми тремя члѣки которые отправлены от Триголского Городничева для монастырскихъ нуждъ.
Из за границы чрез Мало-Салтановской фарпость.

По пашпортом Киевской Губернской канцеляриі.

10. Киевские жители Степан Прокоѣевъ с товарищем да при них челядников три члѣка и при них товар: китайки, крашенины и протчих не завоѣдныхъ товаров до полского местечка Бердичева.

12. Киевской мещанинъ Григорей Бѣлявской и при нем челядников пять члѣкъ до полскаго местечка Немирова для покупки черносливу.
20. По ордеру Киевской губернской канцеляріи Володимерскаго уѣзду полеженской волости дѣвни Сѣргинои крѣтянинъ Иванъ Петровъ и при нем работников два члѣка которые были вполше для промену иконъ.
23. Киево Вознесенскаго дѣча мѣтра жители Пантелимон Волошенко с товарищем и при них челядников дватцат один члѣкъ до полскаго местечка Каламы для покупки ступочной соли.
Секундъ Маіоръ Третьяков.

ВѢДОМОСТЬ

Коликое число имѣло быть в пропуске чрез все около Киева пограничные фарпосты по ордеромъ и по пашпортамъ Киевской губернской канцеляріи какъ из Росіи за границу такъ и из заграницы въ Росію всякаго чина купеческих людей для купечества и продажи всяких товаровъ Апреля съ 1-го Маія по 1-е число 1744 году.

Маія.

Из заграницы чрез Василковской фарпость

2. Повыдержаніи за Василковским фарпостом 10 дней, полскаго области из местечка Хвастова Мещевскаго уѣзду села Попкова, Крѣтянинъ Козма Естафѣев.
4. По выдержаніи карантны полскаго области и деревни Цыкаловки Нежинской жител грекъ Степан Цыгара и при нем челядник одинъ которой был для отискивания долговых своих денег.
Из Местечка Могилева Македонские жители греки Хаджи Моека с товарищем да при нем челядников пят члѣкъ которые едут с одними денгами для купечества.
11. По выдержаніи 10 дней карантны полскаго области из пограничнаго села Погребков жител Юрья Загряской ступочной соли одинъ возъ.
18. По выдержаніи 15 дней из Перы Костянтинополской Московскаго купца Журавлева сидѣлец Евдоким Иванов с товарищем.
22. По выдержаніи карантны полскаго области из монастыря Почаева игумень Исидоръ Чернявскій и при немъ иеродиакон один, служител одинъ.

Из Росіи за границу чрез Василковской фарпость.

2. По ордеру Киевской губернской канцеляріи полскаго области местечка Каменца Подолскаго жител Василей Василевъ которой был во услуженіи Кераасирскаго полку у трубача Горбунову.

По пашпортом оной же канцеляріи.

3. Полскаго области из мѣстечка Бѣлой Церкви жители из протчих сель Василей Ястребенко с товарищи сто восемьдесят четыре члѣкъ в Киев для богомелія.

4. Мѣстечка Тетиева и з протчих сел попь Иосифъ Афанасевъ с товарищи семдесят пят члѣкъ в Киевъ для богомолия.
5. Мѣстечка Бѣлой Церкви жители Мосей Трофимов с товарищи одинатцет члѣкъ в Киев для богомолия.
5. Мѣстечка Дашева и ис протчих сел и деревень жители попь Антоній Оедоров стоварищи дватцет четыре члѣка в Киев для богомолия.
6. Села Соколовки и из протчих сел жители Яковъ Василевъ с товарищи дватцат три члѣка в Киевъ для богомолия.
7. Мѣстечка Антонова жители Иванъ Хоменко с товарищи семнатцат члѣкъ в Киевъ для богомолия.
8. Мѣстечка Торчицы жители Иванъ Белищенко с товарищи одинатцет члѣкъ в Киев для богомолия.
10. Мѣстечка Трелес губернаторъ Андрей Багриновской с товарищи и при нем челядников четыре члѣка для своихъ нуждъ.
12. Мѣстечка Щурова жители Матѳей Павлов с товарищи четыре члѣки для богомолия.
20. Села Рубани жители Афанасей Ткаченко с товарищи шеснатцетъ члѣкъ на шеснатцети возах для продажи сухихъ яблокъ.

Секундъ Маіоръ *Третьяковъ*.

ВѢДОМОСТЬ

Коликое число имѣло быть в пропуске чрез все околѣ Киева пограничные фарпосты по ордерамъ и по пашпортамъ Киевской губернской канцеляріи на обѣ стороны всякого чина купеческихъ людей, Мая съ 1 Іюня по 1-е число 1744 году.

Маия. Изъ за границы чрезъ Василковской форпость.

10. По ордеру Киевской губернской канцеляріи и по выдержаніи полукарантины, венгерской области из города Брашева венгеры Иванъ Велцым з братом да при немъ служитель одинъ.

По выдержаніи 10 дней в карантинъ.

10. Полской области из местечка Могилева, Яской житель волох Антоній Куруй и при немъ челядникъ один, волоского вина четыриатцат бутъ.
12. Из Могилева ж Цареграцкой жител грекъ Демонтей Оедосеев с товарищем да при немъ челядников два члѣка с одними денгами для купечества.
13. Изъ Могилева ж Нежинской жител волох Матвей Дмитревъ с матерью и при нихъ челядниковъ три члѣка, вина семь бутъ.
16. По выдержаніи карантины, полской области из местечка Могилева, Киевской жител грекъ Костянтинъ Степанов да при немъ Македонскихъ жителей греков же три, челядников и фурманщиков двенадцат члѣкъ, товару бумаги и кумачей красныхъ четыре воза.

17. По выдержаніи двадцети дней, полской области из местечка Могилева македонской жител грекъ Иванъ Манойлов с товарищи пять члѣкъ, да при нихъ челядников и фурманщиков девят члѣкъ, товару кумачей четыре воза.
19. По выдержаніи 10 дней полской области из местечка Паволочи малоросиского Черниговского полку козакъ Аврам Лесков.
22. По выдержаніи семи дней полской области из местечка Паволочи жител Михаилъ Иванов да при нем челядников четыре члѣка, ступочной соли три мажи.
25. По выдержаніи полукарантины полской области из монастыря Воздвиженского Иеромонах Афанасей Василевъ.
27. По выдержаніи полукарантины из местечка Могилева македонские жители греки Костянтинъ Верха с товарищи четыре члѣка да при нихъ челядников два чѣлка.
30. Полской области из местечка Немерова Малоросиского Переясловского полку козаки Гарасим Бѣликъ с товарищи три члѣка.

Маія. Из Росіи за границу чрез Василковской фарпость.

3. По пашпорту Киевской губернской канцеляріи Малоросиского Переясловского полку описной Быковской волости села Казацкого жители Иванъ Клименко с товарищем да при них челядников семнатцать члѣкъ, которые едутъ до полского местечка Каламы для покупки ступочной соли.
3. По ордеру Киевской губернской канцеляріи македонские жители греки Николай Дмитревъ с товарищи пят чѣлка и при нихъ челядников и фурманщиков пятнадцат чѣлка на трехъ возах московским мякотным товаром, кошками, бѣлками, тхорями, гарностаеми, корсаками, норками и зайчьеми мѣхами до Македоніи.
4. По пашпортом Киевской губернской канцеляріи Малоросиского Нежинского полку местечка Салтыковой Двѣи жители Василей Трофимов Каненцы и при них челядников 27 чѣлка, мажъ порожних 29 которые едут в полское местечко Каломы, для покупки ступочной соли.
6. Малоросиского Киевского полку села Выползова жители Моисей Хоменко с товарищи да при них челядников 28 чѣлка которые едутъ до полского местечка Каламы для покупки ступочной соли на тридцети осми мажах.
10. Тогож полку села Семиполокъ жители Петръ Василевъ с товарищем да при нихъ челядников шестнатцат чѣлка которые едутъ до полского местечка Каламы для покупки ступочной соли на семнатцети мажах.
11. Нежинские жители греки Петръ Демьяновъ с товарищем да при них челядников два чѣлка в Венгерской области до города Вены для купечества.
11. Венгерской области города Будима жител Павел Тунелии которой обрѣтался въ Москвѣ в Воскресенском мѣстрѣ при архиепископѣ и архимандрите Петрѣ для обучения словенского языку.

По ордером Киевской губернской канцеляріи.

11. Полской области села Пархомовки жител Невенчанко которой былъ в Киевѣ, в Печерской Лавре на послушаніи.

11. Турецкой области города Амасия жител армянин Александръ Марков.
16. По пашпорту Киевской губернской канцеляриі Києво Печерские Лавры села Берумка сѣщеники Захарій, Иванъ Ѳеодоровы до полского села Пенчуков для свиданія сродников своих.
17. По ордеру Киевской губернской канцеляриі Киевский рейтаръ капраль Ѳеодоръ Озеровъ и при нем толмачъ одинъ, казаков три чѣвка в Константинополь.
25. По пашпорту Киевской губернской канцеляриі Сербского гусарского полку капрал Костянтин Проданов которой идетъ во свое отечество.
28. По ордеру Киевской губернской канцеляриі полской области из местечка Паволочи жител Михала Иванов да при нем челядников четыре чѣвка которой был въ Киевѣ на трех мажах для продажи ступочной соли.
20. По пашпорту Киевской губернской канцеляриі Киевской мещанин Григорей Богданович съ служителями до полского города Бѣлой Цѣквы Камисару Заводнискому для некоторой раздѣлки.

Маия

За границу чрез Копачевской фарпость.

По пашпортом Киевской Губернской Канцеляриі.

25. Києво Николаевского Пустынного Мѣтра подданіе, села Гвоздова жители Ѳеодоръ Дѣтенко и при нем челядников четырнатцат чѣвкъ до волоского мѣста Окна для покупки волоской соли.

Изъ заграницы чрез Мало-Салтыковской фарпость.

17. Полской области из местечка Паволочи жител Иванъ Павловской с сыном и дочерью и внуком да при нем служителей два, на одном возу венгерского вина в четырех боченках для продажи.
18. По пашпорту Киевской губернской канцеляриі Киевской академиі школьник Иванъ Гуденды с товарищем до полского села Самѣборовка для свиданія сродников своих.
25. По ордеру Киевской губернской канцеляриі из полского местечка Полоного жител Григорей Тихарскій с сыном которой был в великоросискомъ городѣ Твери для свиданія сынов своих.

За границу чрез Ханѣковской фарпость.

По пашпортом Киевской Губернской канцеляриі.

1. Киевской жител Зоть Антонов и при нем челядникъ одинъ для купечества, до полскихъ местечекъ до Бендар.
6. Києво Николаевского Пустынного монастыря подданіе села Гатинова жители Козма Медведев с товарищем и при них челядников дватцат четыре чѣвка до полского местечка Каламыі для покупки ступочной соли.

ВЪДОМОСТЬ.

Коликое число имѣло быть впропуске какъ при Василкове такъ и в командѣ моей чрез все около Кіева пограничные фарпосты из ближних полских пограничных мѣсть для продажи хлѣба и протчих съесных припасов Апреля съ 1-го мая по 1-е число 1744 году.

Апрѣля. Из за границы чрез Василковской фарпость.

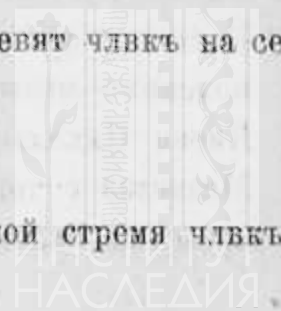
1. Полской области из села Большой Салтановки жител Влас Савченко с товарищи четыре члѣка на трех возах для продажи хлѣба.
1. Полской области из пограничного села Гребенок жител Афанасей Рудий съ товарищи сем члѣкъ на четырех возах для продажи хлѣба.
15. Полской области из села Половецкого жители Семен Яковлев с товарищи семь члѣкъ на семи возахъ для продажи хлѣба.
20. Полской области из села Половецкого жители Максимъ Осиповъ с товарищи восем члѣкъ на осми возах для продажи хлѣба.
26. По выдержаніи семи дней, полской области из пограничного села Барахть жители Антонъ Степановъ с товарищи четыре члѣка для богомолия.
29. Полской области из села Погребков жители Андрей Петровъ с товарищи три члѣка на трех возах для продажи хлѣба.

Апрѣля. Из за границы чрез Безрадицкой фарпость.

1. Полской области села Пустовойтовки жители Василей Коломыець с товарищи 11 члѣкъ на осми возах для продажи хлѣба.
5. Местечка Ряшщева жител Андрей Бескопылко с товарищи пяти члѣкъ на пяти возахъ для продажи хлѣба.
6. Села Заграчев Семен Алексѣевъ стоварищи девят члѣкъ на девяти возахъ для продажи хлѣба
6. Полской области из местечка Богуславля жители Никифоръ Швець с товарищи три члѣка на трех возах для продажи хлѣба.
17. Из села Макаевки жители Астафей Галченко с товарищи три члѣка на трех возах для продажи хлѣба.
17. Из села Карапышевъ жители Николай Собка з братом на двух возах для продажи хлѣба.
20. Из села Медвена жители Григорей Компас с товарищи пяти члѣкъ на пяти возах для продажи хлѣба.
24. Из села Закрачов жители Иванъ Затуловатой с товарищи девят члѣкъ на семи возах для продажи хлѣба.

Из за границы чрез Безрадицкой фарпость.

1. Из пограничного села Заграчев шляхтичь Янъ Решетовской стремя члѣкъ и служители для своихъ нуждъ.

6. Полской области из села Германовки жител Игнат Новицкій з двумя члвкн служителями для своих нуждъ.
6. Из села Яцек жители Илья Иванов с товарищем для богомолия
27. Местечка Богуслава Жители Яковъ Кравецъ с товарищи дватцат девят члвкѣ для богомолия.

Секундъ Маіоръ Третьаковъ.

Приложеніе № 2 (къ стран. 236, 2-й главы).

Число лавокъ въ городахъ и мѣстечкахъ Малороссіи. (Х. И. А. М. К. № 5708.)

М. Остеръ	лавокъ	деревянныхъ.	34	
Г. Козелець	"	"	111	
М. Носовка	"	"	28	
Г. Погаръ	"	"	79	
М. Новгородокъ	"	"	127	
Г. Черниговъ	"	"	40	
М. Городня	"	"	55	
М. Сѣднєвъ	"	"	18	
Г. Гадячъ	"	"	60	
М. Опошня	"	"	91	
М. Грунь	"	"	6	
М. Зеньковъ	"	"	—	
Г. Прилуки	"	"	48	
М. Ичня	"	"	73	
М. Сребное	"	"	—	
Г. Мглинь	"	"	—	
М. Ворва	"	"	—	
М. Березное	"	"	60	
М. Синявка	"	"	—	
М. Мена	"	"	—	
М. Сосница	"	"	—	
М. Понурица	"	"	4	
М. Салтыкова	Дѣвица	лавокъ	деревянныхъ.	15
М. Борзна	лавокъ	деревянныхъ.	23	
М. Конотопъ	"	"	115	
М. Коропъ	"	"	119	
М. Кролевецъ	"	"	10	
М. Воронежъ	"	"	42	

Г. Глуховъ лавокъ деревянныхъ	—
Г. Переяславль „ „	51
М. Золотоноша „ „	28
Г. Лубны „ „	104
М. Лохвица „ „	86
Г. Ромны „ „	152
М. Пирятинъ „ „	34
М. Смѣлое „ „	44
М. Городище „ „	—
М. Хороль „ „	—
М. Голтва „ „	26
Г. Миргородъ „ „	29
Г. Сорочинцы „ „	9

Приложеніе № 3 (ко 2-й главѣ).

Дѣла и разнаго рода книги Чернигов. палаты уголов. 1 суда, опись 5, вязна XIII, № 165, л. 54 и 55.

Умершаго Фомы Курбаноглова.

Здѣ пишу сколько товаровъ посла въ *Константинополь до рукъ господина Юрія Панаіотіева.*

540 кошекъ черныхъ бѣлихъ да пестрихъ	56 р. 70 к.
1 шубу горносталевую за	30 „ — „
3 закрась рисевихъ за	13 „ — „
долженъ мнѣ остается самъ онъ господинъ Юрій якъ реестръ тотъ явствуетъ излишнихъ	60 „ — „
	<hr/> 159 р. 70 к.

Сія здѣ витертіе понеже учинися помилка а написана въ другомъ мѣсцѣ долгу Даниль іерей писалъ.

Юрій Димитрасковъ служитель мой служить мнѣ три года и ничего я ему не даль, взялъ бы онъ за свою услугу что мнѣ служилъ 100 и сукнѣ мои дорожнѣе всѣ.

Долженъ я служителейъ своему Христодулу по реестру моемъ

якъ видно	76 левовъ
имѣеть еще взять оной Христодуль	17 левовъ
	<hr/> 93 левовъ

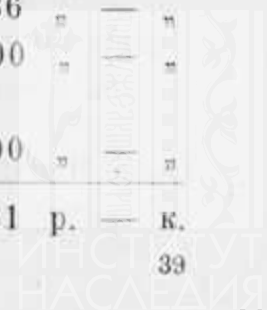
Прошу дать би имъ непременно за ихъ услугу, даби неклеяли меня, якие сто девять десятъ три левовъ числятся російскими деньгами

115 р. 80 к.

Копія съ подлинного.

Здѣ пишу сколько долженъ каждому въ Нѣжинѣ.	
Господину Самойлу по долговомъ облѣку	2400 р. — к.
Суть поруки на томъ облѣкѣ якъ видни: Журавлеву по облѣку порукою господинъ Анастасій Лигда	830 " — "
Журавлеву еще по облѣку	400 " — "
Кателѣю индуктару Кременчуцкому по облѣку	300 " — "
Христѣ Арваниту	500 " — "
которому имѣю данну подѣ закладѣ собольною шубу за моею печатью, но въ облѣку не имѣю, написанну собольною шубу	500 " — "
Христодулу Шунѣ по облѣку	4430 " — "
Имѣю ему въ закладѣ одну собольную шубу и два сорока собелей за моею печатью, но въ облѣку не написанъ закладѣ. Ламбрѣ Макрѣю безъ облѣка сколько вѣйдутъ по моему реестру	40 " — "
Арменину за Павла Первана безъ облѣка по его переводу дать арменину	40 " — "
Леонтію Табанѣ по облѣку	30 " — "
Господину Василю Зафиреву съ облѣка моего долгового имѣеть взять до	100 " — "
Якъ показанъ в моемъ реестру счетъ	5140 р. — к.
Параскева Христову Арваниту по облѣку имѣеть взять до якъ видно по счету моему реестру.	
Юрію Транбѣ безъ облѣка	125 " — "
Имѣю ему въ закладѣ собелей пять паръ за моею печатью.	
Хаджи Ралѣю по облѣку	60 " — "
Ютаму якъ въ моемъ реестру значить счетъ имѣеть взять до	15 " — "
Москолю Тарасову якъ въ моемъ реестрѣ показанъ счетъ имѣеть взять до	15 " — "
Костѣ Сидяреню якъ въ счетѣ г-на муляни показано	5475 р. — к.
Имѣеть взять до	100 " — "
Анастасію Казнаферу пооблѣку больше или меньше	170 " — "
Косту Одунбагиру по облѣку	36 " — "
Москалю Василю Самойлову по векселю	600 " — "
Ему жѣ Василю Самойлову по облѣку за поручествомъ Анастасія Лигди	500 " — "
	6881 р. — к.

Мануйлу баришнику	30 р. — к.
Даніилъ священникъ писалъ	6911 р. — к.

По листамъ подпись:

Баноглова списалъ я писарь почтеннаго греческаго братства Николай и свидѣ-
тельствую яко есть точная подлиннаго реестра.

Л. 55.

Копія точная съ подлиннаго.

Сколько долженъ всякому въ Адрианоуполь.

Дядѣ своему Хаджу Ивану пооблѣку левовъ	164
Александрію Ситову по облѣку левовъ	30
Николаю Андрееву да и Александрію Ситову по облику левовъ	320
которымъ то имѣю и закладъ, вѣдаетъ мать моя и въ об- лику написанъ. Хаджи Сукиясу по облику левовъ	560
Хаджи Панаютію по облѣку левовъ	3000

и съ закладомъ вѣдаетъ мать мая и въ облику написанъ
левовъ 4075

Кутчи Михаилу по облику левовъ	200
Жиду въ Адрианоуполь по облику левовъ	1020
Халиль Ефендію по облику левовъ	371
Янку жиду баришнику по облику левовъ	120
Миняльцику Абраму армену по облику левовъ	1750
Федору Діамантіеву по облѣку левовъ	700
Николаю Андрееву по облику съ закладомъ левовъ	900
	левовъ 9136

Хаджи Алию по облику левовъ	650
Ахметъ Аги по облику левовъ	450
Димитрію Анастасіеву с которымъ имѣлъ я товарищество и учинилъ счетъ, долженъ ему состою по облику левовъ	1700

Ижели не учинилъ онъ мнѣ въ счетъ фальши то добре,
или привели бъ его евангельскую присягу, и уплачи-
вали-бъ ему левовъ 11936,

которіе то левовъ одинадцать тысящъ и девять сотъ трид-
цать шесть чинятъ рублевъ

Юрію Панаютіеву по облику долженъ левовъ 700 чинятъ
рублевъ

7161 р. 60 к.

420 р. — к.

Священникъ Даніилъ писалъ.

Сколько состою долженъ мелочно каждому, имѣю въ своемъ реестру написано подробно.

И сколько мнѣ должны каждой мелочу, въ реестру моемъ написано подробно. Ома Курбаногловъ саморучно подписую.

Писатель сего реестра Даніилъ священникъ и очередніи почтенного братства Нѣжинскаго свидѣтельствую.

Копія точная съ реестру 1752 года генваря 25 дня Нѣжинѣ.

Понеже я нижеподписавшійся Ома Андреевъ Курбаногловъ, будучи я болѣзненъ, имѣя еще цѣла чувства своя, чиню сей реестръ, сколько я имѣю и колици мнѣ должны, одно по единому каждому по имени и чиню эпитропами господина Анастасія Лигду, господина Самойла и господина Ивана Гребенчу и господина Димитрія Кирицу разсмотрели-бъ счѣты мои и исколько имѣю уплачивали-бъ каждому что долженъ остаюсь, сколько остануть, взидали-бъ.

Ежели жъ сверхъ того оставати мутся, то чинили-бъ милостыню за душу мою якъ богъ ихъ поставитъ.

Се пишу что имѣю въ Нѣжинѣ:

Кошекъ чернихъ пестрихъ и бѣлихъ 9700, чинять	1746	р.
2 шуби душекъ песцовихъ	120	"
2 шубъ куннѣхъ шиекъ	30	"
6 сорочковъ соболей и паръ 6 ¹ / ₂	4960	"
3 собольнихъ шубъ	1700	"
350 паръ душекъ лисѣхъ	525	"
	9081	р.

35 шубъ тхоровъ бѣлихъ	105	"
45 паръ душекъ лисѣхъ	45	"
6 шубъ лисѣхъ лапчетихъ	27	"
6 шубъ песцовихъ черевъ	180	"
8 шубъ тхоровихъ лапчетихъ	64	"
20 шубъ кошечихъ	30	"
4 лисицѣ красніе	4	"
	9536	р.

До одного сорочка собольной хурди кусочковъ, рублей.	15	"
100 пуд. табаковъ кипъ 21 якъ продалъ и другой чинить рублей.	500	"
6 бочекъ вина Андріанопольскаго кварть 2000 по 20 к. чинить рублей	400	"
987 тхоровъ бѣлихъ в хуртуза въ работъ	20	"

10471 р.

Яки товаръ продавать и давать, сколько состою долженъ здѣ въ Нѣжинѣ; что жъ оставатимется то уплачивались бы всѣ заимодавци, сколько жъ недоставати метъ то продать отченное наше имѣніе чтобъ взяли всѣ свое истинное, даби не кляли покойного отца моего и мене.

Даніиль священникъ писалъ.

Сію копію съ подлиннаго реестра умершаго Ооми Курба.

Въ Нѣжинѣ къ почтенному и благородному господину Димитрію Кирицы смиренной поклонъ приношу 1752 году октября 20 дня Андріанополь.

Моля Господа Бога о благомъ здравіи и благосчастіи вашемъ и да удостоить всеблагій Богъ желанія вашего и всегдашняго миру непоколебима, нѣсть вобширь сіе мое писаніе только всегда прозбѣ состоялысь пришедшіе и собывшіе мы же малѣйшіе ваши имѣючи потребу всякой просьбѣ просимъ васъ, понеже господинъ Параскева Христовъ оставылъ вамъ копію облѣка Курбануглова единъ разъ что посылаю и другое письмо въ братство, которое то явствуетъ суконъ оцѣнку что учиненна предъ подписавшимися, которое то сукнѣ не оставылъ онъ мнѣ подъ закладъ, но оставылъ въ сохраненіе, при которыхъ былъ тогда и господинъ Панаіотій Христовъ Бурей и испросѣтъ его, но по смерти его, да ублажить его Богъ, не чаялы мы в младыхъ лѣтахъ какъ былъ, но Богъ соизволилъ такъ, или чтобъ мы затруднены были или клясти его за нашу доброту что ему помоществовали дабы не оставался воспященъ но бывшая не сбудутся и нѣстмъ въ великой обширности понеже слышачи и вѣдаючи доброе ваше имя перве надѣюся на Бога, а второе на почтенность вашу, яко то будучи добры благородія ваиа, не имѣють намъ отлученны быть денгы такъ надѣюся отъ благоутробнаго Бога; мы же, получа, таковую доброту не забудемъ никогда, и в преисподнѣ адовомъ естлы былъ бы, имѣю проповѣдать доброе ваше имя; когда жъ паки внутреннихъ сторонахъ услышала бѣ имя ваше когда, то не оставати мелось неблагодарными и надѣюся на Бога что сіе вы намъ добро учините, якъ собственніе хозяеве предстояли-бѣ о насъ и не то что суть наша сія мню, но почтенностей вашихъ такъ надѣюся и изоставатимуся паки всегда тшчателенъ во всякомъ вашемъ дѣлѣ служить бы вамъ всегда, се обявляю вамъ и цѣну суконъ что оцѣненны за 172 левовъ предъ почтенными мастерами и купечествомъ, подписуясь иматъ его своимъ подписомъ съ подтвержденіемъ архіерея нашего братское письмо, сія какъ имѣють обстоятельно вамъ изъяснить и пріятелѣ; лѣта же почтенности вашей были-бѣ Богомъ многочисленная, во всей долгой жизни здравствующи Николай Андреевъ Готовъ и любезной вамъ всегда.

Оцѣнка суконъ Ооми Курбаноглова.

Бѣлочныхъ хребтовъ шуба подъ сукномъ	1 левовъ	40
Кацавейка моровая подъ перевязками	1 „	30
Кацавейка подъ горносталями а въ серединѣ бѣлячи черевца	1 „	20
Еще канавацовая и съ закрасою горносталевою	1 „	10

Тхоровая шуба подь сукномъ	1 левовъ	20
Бынишь одинъ сталеваго цвѣта	1 "	15
Красной бинишь старой	1 "	5
Кафтанъ попелсятой	1 "	15
" моревой	1 "	7
" тафти красной	1 "	10

Сумма левовъ 172.

Почтеніе благородніе и всякой чести и ума достойно почтеніе Господа судиіи братскаго суда, полезніе эпитропи и прочіе всѣ, бритерское поздравленіе съ Спасительнымъ цѣлованіемъ отдаемъ, молясь небесному царю Богу да покріетъ и соблюдетъ почтенность вашу отъ всякой противной силы въ здравіи и благосчастіи; сіе писаніе наше нѣсть в обшитъ но токмо дать вамъ отвѣтъ и извѣстіе за умершаго Ѳому Андреева Курбануглова за сукнѣ что оставывъ у господина Николая Андреева которіето оставылъ ему для сохраненія а не подь закладъ; но единъ разъ что случилась ему смерть нужно состоятъ и сукнѣ учинили бы деньгами и удержали-бъ за долгъ его такъ найшлы мы за благо якіе мы и оцѣнили реестровно чего стойны, и удержуетъ Господинъ Николай здѣсь, я остальные, одинъ разъ что принялъ господинъ Параскева Христовъ облѣкъ, по купеческой регулѣ надобно расплатитись какъ и прочіи имѣють принять всякъ надлежащее свое сукнѣ, же его будучи, присемъ и саміе подписанніе купци, чинитя оцѣнка ихъ съ большимъ за 172 левовъ во извѣстіе, лѣта же почтенностей вашихъ были бы богомъ во всей жизни долги; здѣ обрѣтающіеся въ Андріанополю кушнеры, и будучи притомъ и мать его которая подписуется саморучно презволяюсь о вышъ—писанномъ я Змарагда Ѳомина мать.

Кірякъ первій Майстеръ свидѣтель.

Афанасій Янатіевъ свидѣтельству.

Дима Стояновъ свидѣтель.

Костя Димитріевъ свидѣтель.

Хаджи Зафѣрій Леондаріевъ свидѣтель.

Панусій Іосифовъ писецъ и свидѣтель.

Харчѣ умершого:

За погребѣ что умершой держалъ вино	9 р.	— к.
Служителю его уплачено	55 "	80 "
Василію Кравцю	5 "	50 "
Гордату засвичѣ	4 "	65 "
Хаджи Кромидію за сорокоустъ	4 "	20 "
За погребѣ что товары его стоялы	7 "	— "
Анастасію Лигдѣ за чинку кошекъ	15 "	— "
Господину Димитрію Кирицы, что долженъ былъ Курбануглову	6 "	— "
	107 р.	15 к.
Слагаемъ что суть выденны служителю его	55 р.	88 к.
	51 р.	36 к.

1 сукня	10 р. 30 к.
1 суконній бынишъ	8 „ — „
1 старое одъяло	1 „ 75 „
2 пистолета	5 „ 50 „
1 покровецъ	2 „ 20 „
1 флинта	5 „ 25 „
1 эндолефъ	2 „ 30 „
	<hr/>
	35 р. 30 к.

8 паръ ножевъ	— р. 80 к.
момошелку	1 „ 86 „
1 лядовинца	1 „ 80 „
маслынь и финарь	— „ 75 „
2 казанки	2 „ 50 „
	<hr/>
	43 р. 11 к.

1 одны шалкы	— р. 31 к.
старълокъ цѣнованныхъ	— „ 66 „
1 кафтанъ диміевій	6 „ 50 „
1 юпка	1 „ 75 „
1 килимъ и штаны	2 „ 50 „
	<hr/>
	54 р. 83 к.

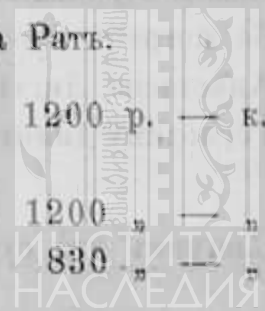
1 фунтъ чаю	2 р. — к.
1 братинка	— „ 65 „
Еще взято за вино что долженъ былъ Хаджи Ника	2 „ — „
	<hr/>
	4 р. 65 к.

Взялъ Хаджи Ралій вина кварть 48 по 20 к.	9 р. 60 к.
Еще взялъ онъ же кунихъ шіекъ шубъ 2 да лѣсѣхъ лапокъ шубу одну лисыць 4, всего того за	30 „ 40 „
	<hr/>
Сумма	40 р. — к.

Хаджи Коста Одумбеировъ взялъ лысѣхъ лапокъ шубъ три за	12 „ — „
Онъ же взялъ тхоровыхъ лапокъ шубъ 2 за	10 „ — „
	<hr/>
Сумма	22 р. — к.

Сколько состоитъ умершій Оома Курбанугловъ да Рать.

Во-первыхъ г-ну Самойлу Оедорову	1200 р. — к.
Костѣ Сидоренію Параскевѣ Христову да Анастасію Сил- вергову по облѣкамъ и Гну Лигдѣ	1200 „ — „
Журавлеву по облѣку, порукою Лигда	830 „ — „

Журавлеву еще по облѣку	400 р. — к.
Катерию Индуктару по облѣку	300 " — "
Г-ну Христодулу Шунѣ по облѣку	500 " — "
Проценту за 14 мѣсяцей на деньги г-на Христодула Шуни даже до 11 февраля мѣсяца	84 " — "
Ламбру Макрiю 40 р. еще 33 р. коп. 30	73 " 30 "
Арменину за Павла Первана учинил его добре дать арменину	40 " — "
Леонтию Табанѣ по облѣку	30 " — "
Василию Зафѣрову	100 " — "
Параскеви Христову по облѣку	240 " — "
	<hr/>
	4997 р. 30 к.

Юрiю Трамбѣ безъ облѣка	125 р. — к.
Хаджи Ралию по облѣку	60 " — "
Ютаму, якъ в реестрѣ умершого видно	15 " — "
Москалю Тарасову по реесту умершого	15 " — "
Костѣ Сидорению, якъ в щетѣ пана Милiотiя видно имѣеть взять до	100 " — "
Анастасiю Казнаферу по облѣку болше или менше	170 " — "
Костѣ Одумбекру по облѣку	36 " — "
Москалю Василию Самойловичу по векселю	600 " — "
Емужѣ Василию Самойловичу по облѣку, порукою Лигда	500 " — "
Манойлу Баришнику	30 " — "
	<hr/>
	6648 р. 30 к.
Оборотняя сумма	6648 " 30 "

Николаю Андрееву по облѣку левовъ 925 денежок 80, кои чинять	555 р. 40 к.
Юрiю Панаiотiеву по облѣку левовъ 700, чинят	420 " — "
Переводчику посланника Россiйского по облѣку левовъ 1700, чинять	1020 " — "
	<hr/>
	8643 р. 70 к.

Христѣ Арваниту долженъ по облѣку которой взялъ про- писанную соболную шубу за весь свой долгъ якъ облѣкъ его явствуеть	504 " — "
Дано и служителям его Юрiю да Христодулу левовъ 193, чинять	115 " 80 "
Трамбѣ проценту съ 12 iюня мѣсяца 1752 до февраля 12, 1753 года по два талари на сто на мѣсяцъ на 125 руб	12 " — "
	<hr/>
	9275 р. 50 к.

Есть и мелочью зхарчено по реестру какъ видно	51 р. 35 к.
	<hr/>
	9326 р. 85 к.
Михайлу Кирякову Мушмулѣ по облѣку	50 р. — к.
	<hr/>
	9376 р. 85 к.
Федору хаджи Алексѣеву за каралки дробнія по его писму фунтовъ 10 ¹ / ₂ по 4 руб. на готовіе.	42 р. — к.
	<hr/>
	9418 р. 85 к.
Харчей на погребеніе его и за сахаръ что поставленъ в его вина всѣхъ.	25 р. 03 к.
Харчей принять Костѣ Сидеренію что здержалъ на кошки.	2 „ 73 „
	<hr/>
	9446 р. 61 к.

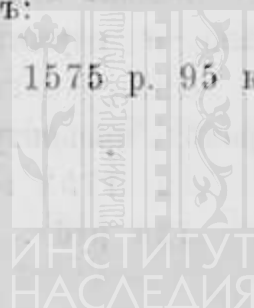
Сколько товару продано умершаго Фомы Курбануглова по времени якъ ниже слѣдуетъ:

Една соболняя шуба что взялъ Христо Арванит за	504 р. — к.
Параскева Христову взялъ песцовыхъ шубъ и иною на	200 „ — „
Манойло баршеникъ лисѣмы лапками	19 „ — „
Коста Сидереніи кошками	70 „ — „
Николай Шарганъ лисѣмы черевями	55 „ — „
Журавлевъ вином.	320 „ — „
Г-нъ Христодуль Шуна за 150 кошокъ долженъ состоятъ.	21 „ — „
Николай Баланъ за двѣ кипи табаку долженъ	36 „ — „
С одного векселя что получилъ Христодуль.	68 „ 05 „
	<hr/>
	1293 р. 05 к.

Долженъ Юрій Панаіотіевъ по реестру умершого за кошки и одну горносталевую шубу и за закрасу рисевую из старыхъ денегъ всего	159 р. 70 к.
Дал бы и Наколай Андреевъ за одежи что имѣлъ под закладомъ якъ оцѣненны левовъ 172, чинятъ.	103 „ 20 „
Взялъ Табана одну песцовую шубу за	20 „ — „
	<hr/>
	1575 р. 95 к.

Нижеписаннія проданни Иваномъ Исаковымъ:

Вопервыхъ табаку окъ 80 по 50 коп	40 р. — к.	1575 р. 95 к.
Назадѣ окъ 30 за	3 „ — „	
Едну будку за	2 „ 80 „	
Кошекъ 220 за	22 „ — „	
Табаку окъ 5 за	2 „ 50 „	

Чаю 4 фунта за	8 р. — к.	
Соболных пушковъ полсорочка за	4 " — "	
От сына Петрициного, что долженъ былъ умершему, получить Иванъ Исаковъ.	9 " 50 "	
Отъ Ваиля Кравца получить	1 " 50 "	
Отъ Максима Алексѣева за вино	— " 75 "	
От Челебы Фотатія за вино что былъ дол- женъ умершему	1 " 05 "	
Одинъ десятокъ кошелковъ проданъ за . .	— " 50 "	
	<hr/>	
	95 р. 60 к.	1575 р. 95 к.
оборотная сумма	25 " 60 "	1575 " 95 "

Л. 90. Вына продано кварть 124 и зчвер- кою по 20 коп.	24 р. 85 к.	
Табаку окъ 6 продано за	3 " — "	
Димитрію продано табаку кипу 1:60 окъ по 35 коп.	21 " — "	
Хаджи Петру табаку кипу 1, 45 окъ по 35.	15 " 32 "	
Димитрію Щербановому зятю табаку 1 кипу окъ 46 по 35 коп	16 " — "	
Киряку бакалѣйнику табаку 1 кипу окъ 70 по 35 коп.	24 " 50 "	
Отцу Ивану кошекъ 80 за	8 " — "	
	<hr/>	
	208 р. 27 к.	208 р. 27 к.

Сразных мелочей умершаго Ѳемы, что продани на	54 р. 83 к.
Еще и другихъ з мелочы	4 " 65 "
	<hr/>
	1843 р. 70 к.

Хаджи Ралій взялъ кунихъ шіекъ шубъ двѣ и лысѣхъ лапокъ шубу 1, да четиры лысиць; всего того на	30 р. 40 к.	
Взялъ и вина 48 кварть по 20 коп.	9 " 60 "	
всего того что взялъ	40 р. — к.	40 р. — к.

Коста Одумбчехъ взялъ лысѣхъ лапокъ шубъ 3, за	12 р. — к.	
да двое шубъ тхоровыхъ лапокъ онъ же за	10 " — "	
Всего того что взялъ	22 р. — к.	22 р. — к.

Г-нъ Самуилъ взялъ вина 170 кварть по 20 коп	34 р. — к.	
	<hr/>	
	1939 р. 70 к.	

Соболей сорочковъ шесть, паръ 5 и двѣ соболныхъ шубъ .	3850 р. — к.
395 паръ душекъ лысѣхъ по 80 коп.	316 " — "

14 кипъ табаку по 15 р. кипа.	210 р. — к.
4440 кошекъ пестрыхъ разныхъ по 8 руб. 100	355 „ 20 „
	<u>6670 р. 90 к.</u>

1500 другихъ кошекъ разныхъ по 10 р. 100	150 р. — к.
5 шубъ лапчатыхъ тхоровыхъ по 3 руб.	15 „ — „
48 шубъ бѣлыхъ тхоровъ по 1 руб. 20 коп. чинять . . .	57 „ 60 „
15 шубъ пестрыхъ кошечыхъ московскихъ по 1 руб . . .	15 „ — „
	<u>6908 р. 50 к.</u>

Даль бы Г-нъ Анастасій Лигда за коня и за тютюнь. . .	18 р. 20 к.
	<u>6926 р. 70 к.</u>

Очистка что надлежитъ всякому получить дѣлылися бѣ 5191 руб. 79 коп. на 7441 руб. 25 коп. кой есть долгъ что зрится быть зяну на 1 руб. по 31 коп. якъ ниже имѣемъ означить подробно:

Вопервыхъ Самойлу Ѳедорову 1200 руб.	
слагаемъ за зянь по 31 коп. на 100	
чинять	372 р. — к.
	<u>828 р. — к.</u>

Далбы онъ за вино, что взялъ и слагаетъ.	40 „ — „
--	----------

Остается чистыхъ принять бы ему	788 р. — к.
	<u>788 р. — к.</u>

Г-ну Анастасію Лигдѣ, Костѣ Сидоренію, Параскевѣ Христову да Анастасію Сели-	
вергову по облѣкамъ.	1200 р. — к.

Слагаемъ за зянь по 31 коп. на сто чинять	372 „ — „
---	-----------

Остается чистыхъ получить имъ	828 р. — к.
	<u>828 „ — „</u>

Журавлеву по облѣку порука Лигда	830 р. — к.
--	-------------

Емужъ по 2-му облѣку	400 „ — „
--------------------------------	-----------

	<u>1230 р. — к.</u>
--	---------------------

Слагаемъ зянь по 31 на сто	381 „ 30 „
--------------------------------------	------------

	<u>848 р. 70 к.</u>
--	---------------------

Даль бы онъ за вино по своему письму	320 р. — к.
---	-------------

да другихъ	17 „ 37 „
----------------------	-----------

	<u>337 р. 37 к.</u>
--	---------------------

Остаются принять ему только чистыхъ	511 р. 33 к.
---	--------------

Ламбра Мокрїй	73 р. 30 к.	
Зянь слагаю по 31 коп. на рубль	22 " 73 "	
	<hr/>	
	50 р. 57 к.	
Даль бы что получилъ по реестру и ислагаю.	2 " 20 "	
	<hr/>	
Остаются взять.	48 р. 37 к.	48 р. 37 к.
Взяль Шаранъ черевъ лысѣхъ за вышь писаннаго на.	55 р. — к.	
Слагаю вышь писанная 48 р. 37 к. остается долженъ дать 6 руб. 63 коп. Арменину за Павла Первана руб	40 " — "	
Слагаю зянь.	12 " 40 "	
	<hr/>	
Остаются принять.	27 р. 60 к.	27 " 60 "
Леонтію Табанѣ	30 р. — к.	
Зяну	9 " 30 "	
	<hr/>	
	20 р. 70 к.	
Слагаемъ за одну шубу что взяль	20 " — "	
	<hr/>	
Приняль бы	00 р. 70 к.	— " 70 "
Василію Зафѣрову	100 р. — к.	
Зяну	31 " — "	
	<hr/>	
Приняль бы	69 р. — к.	69 " — "
Параскевѣ Христову по облѣку.	240 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	74 " 40 "	
	<hr/>	
	165 р. 60 к.	
Даль бы вышписанной Парескева за шубы.	200 р. — к.	
Слагаю выше писанная что имѣеть получить.	165 " 60 "	
	<hr/>	
Долженъ онъ отдать.	34 р. 40 к.	
Хаджи Ралію по облѣку.	60 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	18 " 60 "	
	<hr/>	
	41 р. 40 к.	
Слагаю что взяль шубъ и вына.	40 " 40 "	
	<hr/>	
Приняль бы еще.	1 р. — к.	
	<hr/>	
	1 " — "	

Москалю Тарасову	15 р. — к.	
Зяну	4 „ 65 „	
	<hr/>	
Принялъ бы онъ	10 р. 35 к.	10 р. 35 к.
	<hr/>	
Костъ Сидеренію якъ въ реестрѣ видно . .	100 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	31 „ — „	
	<hr/>	
Принялъ бы онъ	69 р. — к.	
	<hr/>	
Даль бы онъ за кошки 70 руб. слагаю вышъ писанная что имѣеть получить 69, остается долженъ 1 руб.		
Коста Одумбеиръ по облѣку	36 р. — к.	
Зяну	11 „ 16 „	
	<hr/>	
Принять ему	24 р. 84 к.	
Получилъ онъ	22 „ — „	
	<hr/>	
Принять ему	2 р. 84 к.	2 „ 84 „
	<hr/>	
Москалю Василю Самойлову по векселю . .	600 р. — к.	
Зяну	186 „ — „	
	<hr/>	
Принять ему	414 р. — к.	414 „ — „
	<hr/>	
Емужъ Василю Самойлову по облѣку пору- кою Лигда	500 р. — к.	
Зяну	155 „ — „	
	<hr/>	
Получить ему	345 р. — к.	345 „ — „
	<hr/>	
Манойлу барिशнику	30 р. — к.	
Убитку	9 „ 30 „	
	<hr/>	
	20 р. 70 к.	
Получивъ лысьмы лапками	19 „ — „	
Принять ему	1 „ 70 „	1 „ 70 „
	<hr/>	
Николаю Андрееву по облѣку левовъ 925, денежекъ 80, чинять	555 р. 40 к.	
Зяну	172 „ 17 „	
	<hr/>	
Даль бы онъ за одежды найдуеми в его ру- ках какъ оцѣненни левовъ 172 чинять.	103 р. 20 к.	
	<hr/>	
Принялъ бы онъ	280 р. 03 к.	280 „ 03 „
	<hr/>	

Юрій Панаіотієвъ приняль бы по облѣку левовъ 700 чинять	420 р. — к.	
Зяну	130 " 20 "	
	<hr/>	289 р. 80 к.
Слагаемъ что послалъ ему умершой якъ в реестрѣ зрится	159 " 70 "	
Приняль бы онъ	130 р. 10 к.	
	<hr/>	130 р. 10 к.
Переводчику посланника Россійского по об- лѣку что пишетъ левовъ 1700, чинять.	1020 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	316 " 20 "	
Принять ему	703 р. 80 к.	
	<hr/>	703 " 80 "
Михайло Киряковъ по облѣку	50 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	15 " 50 "	
Принять ему	34 р. 50 к.	
	<hr/>	34 " 50 "
Даль бы что взялъ от Стама Антипжія . .	6 р. — к.	
Остается ему взять	28 " 50 "	
	<hr/>	28 " 50 "
Федору Хаджи Алексѣеву за дробніе королки по его письму фунтовъ 10½ по 4 руб. на готовіе	42 р. — к.	
Зяну по 31 на сто	13 " 02 "	
Получить ему	28 р. 98 к.	
	<hr/>	28 " 98 "
Принять Костѣ Сидеренію, Параскевѣ Христову, да Анастасію Силивергову тромъ	900 " — "	
Слагаетъ по 33 на сто чинять	297 " — "	
	<hr/>	603 р. — к.
Остаются взять имъ		
Взялы бѣ оны что дома лѣченными уплатитись тѣмъ, колицѣ имѣлы заклади, взялы бѣ товаромъ, надлежить дать по 25 на сто чинять	150 р. — к.	
	<hr/>	753 р. — к.
Принять Федорію Хаджи Алексѣевому очистку	28 р. — "	
	<hr/>	
Принять Анастасію Лигдѣ за поручества Журавлева Василя Самойлова да Самойла Федорова	1022 р. 73 к.	
Еще приняль бы онъ за Самойла очистку	764 " — "	
	<hr/>	1786 р. 73 к.

Принять ему и за Кателѣя индуктора и уплатить	300 р. — к.
	<hr/>
	2086 р. 73 к.
Еще принять ему за Мушмулу Михайла и за Баладима	47 „ 50 „
	<hr/>
	2134 р. 23 к.
Даль Христодулу Шунѣ что имѣлъ получить съ послѣдними 10 руб. ма.	167 р. — к.
	<hr/>
	2301 р. 23 к.

Принялы противописанные:

Кошекъ 4440 рабых по 8 руб. сто	355 р. 20 к.
другихъ кошекъ черныхъ 1500 по 10 руб. сто	150 „ — „
	<hr/>
	505 р. 20 к.
Шубъ бѣлыхъ тхоровъ 48 по 1 руб. 20 коп.	57 „ 60 „
5 шубъ тхоровыхъ лапчатыхъ	15 „ — „
15 шубъ кошечых рабыхъ.	15 „ — „
	<hr/>
	592 р. 80 к.
Душекъ лысѣхъ 200 паръ по 80 коп.	160 „ — „
	<hr/>
	752 р. 80 к.
Принялъ Коста Сидереній за противописанного Федорія тхо- ровыхъ шубъ 2	2 р. 40 к.
Душекъ лысѣхъ паръ 32 по 80 коп	25 „ 60 „
	<hr/>
	28 р. — к.

Получивъ за противописанная:

Соболей 3 сорока и подлѣйшую собольную шубу всего на 2210 р. — к. и табакомъ кишъ 15	210 „ — „
	<hr/>
	2420 р. — к.
Даль бы онъ якъ на оборотѣ зрится	18 „ 20 „
	<hr/>
	2438 р. 20 к.
Димитрій Кирица принялъ бы за Василя Самойлова, якъ на оборотѣ зрится, очистку за вексель Василюевъ	402 р. — к.
	<hr/>
Даль бы вышъ писанной.	18 р. — к.
Параскева Христовъ	114 „ 20 „
Димитрій Анастасіевъ.	136 „ 60 „
Юрій Панаіотіевъ.	7 „ 90 „
	<hr/>
	276 р. 70 к.
Слагаемъ трамбовыхъ принять бы ему отъ вышъ писанныхъ	137 „ — „
Далы бъ вышъ писанные.	139 „ 70 „
	<hr/>
Переводчику посланника Россійского что имѣеть принять якъ на оборотѣ зрится очистку	683 р. 40 к.

Давъ и лѣченными по 25 на сто	136 р. 60 к.
	<hr/> 820 р. — к.
Юрій Панаіотіевъ принялъ бы чистыхъ	121 р. 70 к.
Далъ илѣченными	7 „ 90 „
	<hr/> 129 р. 60 к.
Ныколай Андреевъ Андренелій принялъ бы очистку	269 „ 04 „
Принялъ противописанной, одну соболную шубу	420 р. — к.
Слагаемъ противописанныя	402 „ — „
	<hr/>
Остается	18 р. — к.
Далы съ противописанныхъ Христодулу Шунѣ за долгъ умершаго лѣченными	120 р. — к.
Даны противописанному соболей сорочковъ 2 за	820 „ — „
	<hr/>

Которіе отдани служителю Димитрія Анастасіева Юрію Бушумъ:

Даны ему душекъ лысѣхъ 162 паръ по 80 коп	129 р. 60 к.
Принялъ противописанной соболей 27 паръ за	269 „ — „
	<hr/>

Которіе то принялъ Параскева Христовъ, аки эпитропъ его.

Благородному собранію знатнѣйшаго Нѣжинскаго братства всѣ мы, в Андріянополѣ мастера старѣйшія Кушнѣровъ, подобаемой поклонъ приносимъ.

Молясь всеблагому Богу да соблюдетъ и сохранить въ благоденствіи и благодѣствіи въ твердое і всегдашнее умноженіе на многія лѣта, по надобномъ нашемъ уклону объявляемъ благородіямъ вашимъ и началствующимъ собранія братства, понеже здѣ найдущая Змарагда, жена умершаго Андрея Курбаноглова, и мать Оомы, требовала съ нашего цеху изъясненія и объявленія долгу л. 103 то есть числа колико денегъ что онъ имѣеть по облѣкамъ саморучнимъ, умершой сынъ ей Оома здѣ в Андріянополѣ увѣдомить подлѣбно и ясно вашу любовь, аще есть вещь истинная, якъ сказывала мать его и докладывала всему учтивому братству; того ради чрезъ сіе наше смиренное писмо объявляемъ вамъ благороднимъ господамъ собору, яко то долгъ у весь здѣ, что долженъ состоитъ Оома, числятся левовъ 8545, то есть талирей восьмъ тысячъ пять сотъ сорокъ пять, якие то сн суть по облѣкамъ саморучнимъ и припечатанныхъ имъ, сыномъ ей Ооמוю, и за порученствомъ здѣ найдуемой матки его Смарагди, и свидѣтельствуемъ всѣ единственно, якъ видѣлы облѣкы и извѣстились а, наипаче стоимъ подписанными и свидѣтелмы на нѣкоторыхъ облѣкахъ, якіе то всѣ явствуютъ, что обвязуется, и долженъ состоит, снъ ей Оома, а не отецъ его Андрей, убо якъ требовано, по истиннѣ и ісправедливости со страхомъ Божиимъ, даемъ сіе наше свидѣтельное и припечатанное печатію цеху нашего, и подписанное и нами нѣкоторыми. Еще объявляемъ и сіе, что увесь тотъ долгъ, что зрится Оомины здѣ, по его облѣкамъ взираеть

на одну часть отческаго дому его что надлежитъ на часть его от отческа наслѣдія, которія то оцѣнена за 300 левовъ, а остальнія части спалы к протчимъ сиротам по правам, которія недорослы будучи невозможно продать, а иного никакова наслѣдія или звещей, или згрунтовъ или звыноградовъ или нывъ, или что з денегъ или товаровъ не осталось и такъ будетъ изъ вѣстно и утверждено реченнымъ 103 об. всѣмъ симъ почтенной соборъ братства безъ инединаго сумнительства, в страсть божіемъ; такъ выдаем и такъ свидѣтельствуемъ того ради просимъ и мы, предстояло б все почтенное братство яко любоправедное что естъ помоществовалася б и она нищая и от благощастія спадуема бѣдная жена, дабы свободилася вашимъ защищеніемъ уплатить долгъ свой пріехать і в отчество свое по исправить и протчія сироти свои; от гношца же возвышай нища и управитель сирим и удовицамъ да даруетъ здравіе и благощастіе з добрымъ утвержденіемъ в пречестномъ соборѣ христіанского и благочестивого братства на многія лѣта благощастлива же, всерадостна, 1755. Февраля 3. с Андриянополя во Христѣ братія и старѣйшина Кушнеревъ.

Приложеніе къ II главѣ, стр. 236.

Дѣла Черниг. Пал. Уголов. Суда Оп. в. 7, № 232, л. 230—237.

1767 году октября 8 д. реестръ явствуетъ сколько товару находится.

Рецети штукъ 4.

1. Сиза локоть . . .	54	} локоть = 79 ¹ / ₂ по 1 руб. 25 коп. . . .	99 руб. 38 коп.
2. Посвѣтлѣйша . . .	25 ¹ / ₂		
3. Красная	16 ¹ / ₂		
4. Голубая	17		
Кусочковъ	11 ³ / ₄	" " " 1 руб. 45 коп. . . .	65 руб. 60 коп.

Белокося.

1. Черной локоть	102 ¹ / ₂
2. Красной "	65 ¹ / ₄
3. Дикой "	50 ¹ / ₄
4. Зеленой "	33 ³ / ₄
5. Голубой "	48 ³ / ₄
6. Красной "	55 ³ / ₄
7. Зеленой "	68 ³ / ₄
8. Красной "	31 ¹ / ₄
Кусочковъ	47

502¹/₂ по 1 руб. 2 коп. 512. 55

617. 53

Белокоосу замоченого локоть 107 по 90 коп.	96. 52
Полушалевия замочених 13 по 3 руб.	39. —
Поясъ полушалевий 1	3. 40
Полушалевих 10 по 3 руб. 25 коп.	33. 50
Мамсъ 3 по 1 руб.	3. —
Поясовъ Каламатинскихъ 5 по 70 коп.	3. 50
Поясовъ венецейскихъ 6 по 1 руб. 20 коп.	7. 20
Шалевих зеленых 2 по 3 руб.	6. —
Шалевих поясовъ 21 = дрымъ = 1445 = по = 9 коп.	130. 5
	Итого . . . 1005. 70
	Транспортъ . . . 1005. 70

Полубери.

1. Димчатой локоть	61 1/4	
2. Красной "	52 3/4	
3. Зеленой "	34 3/4	
4. Перловой "	41 3/4	
5. Кофейной "	26	
6. Пунцовой "	12	
7. Красной "	11	
8. Димчатой "	19 3/4	
Кусочковъ	14 1/2	
	273 1/2 по 1 руб. 22 коп.	333. 67
Полубери замоченно.	31 1/2 по 1 руб. 20 коп.	36. 85

Лентъ греческихъ.

1. Руни штукъ 33 по 3 руб. 88 коп.	128. 4
2. " " 35 " 2 " 82 "	98. 70
3. " " 18 " 1 " 95 "	35. 10
4. " " 16 " 1 " 40 "	23. 40
	Итого . . . 1660. 46

Голандерскихъ полотенецъ.

1. Штука твардихъ	16
2. " "	20
3. " "	19
	59 по 88 коп. твардй.
	48. 40
Шелку трикалинского фун. = 38 по 3 руб. 20 коп.	121. 60

Корольковъ кистей = 6

1. Кисть лотовъ	170
2. " "	124

3. Кисть лотовъ	160	
4. " "	167	
5. " "	256	
	<u>877</u>	по 37 коп. 324. 49
Корольковъ старихъ мелкихъ лотовъ 184 по 20 коп.		36. 80
		<u>Итого . . . 2191. 75</u>
		Транспортъ . . . 2191. 75

Бархатовъ узкихъ.

1. Черного локоть	60	
2. Зеленой "	20	
	<u>80</u>	по 3 руб. 240. —
Бархату хорошего локоть 41 ³ / ₄ по 3 руб. 40 коп.		141. 95
Еще замоченного " 6 " 3 "		<u>18. —</u>
		2591. 70

Штолфи:

1. Димчатой локоть	34 ¹ / ₂	
2. Красной "	22 ¹ / ₂	
3. Пунцовой "	19 ¹ / ₄	
4. Зеленой "	14 ¹ / ₂	
5. Голубой "	58 ¹ / ₂	
6. Кофейной "	18 ¹ / ₄	
	<u>197¹/₂</u>	по 1 руб. 24 коп. 244. 90
Домаснети	41 ¹ / ₂	по 1 руб. 27 коп. 52. 70

Атласовъ замоченихъ.

1. Голубого локоть	22 ¹ / ₄	
2. Зеленого "	15 ¹ / ₄	
	<u>37¹/₂</u>	по 1 руб. 37. 50

Атласовъ хорошихъ.

1. Ведрено локоть	36	
2. Голубой "	75	
	<u>111</u>	по 1 руб. 45 коп. 160. 95
Бѣлого атласу тонкого локоть 100 по 50 коп.		50 —

Еще атласи.

Бѣлого локоть	74 ¹ / ₂	
Голубого "	23	
Алого "	19 ¹ / ₅	
Голубого "	76 ¹ / ₂	
	<u>193¹/₂</u>	по 1 руб. 50 коп. 290. 25

Итого . . . 3428. —
 Транспортъ . . . 3428. —

Канавацей замоченных¹⁾.

1. Дволичного локоть	20	
2. Таковаго жъ "	11	
3. Таковаго жъ "	24	
4. Зеленого "	32	
5. Кусочковъ "	20	
	<u>107</u>	по 1 руб. 20 коп. 128. 40

Другихъ незамоченныхъ.

1. Синяго съ бѣлымъ локоть	24	
2. Краснаго съ голубымъ "	19	
3. Зеленого съ краснымъ "	21	
4. Кофейного "	16 ^{1/2}	
5. Мордре "	29	
6. Голубого съ жолтымъ "	29	
7. Алаго съ белымъ "	61	
8. Мордре "	37 ^{3/4}	
9. Алаго съ белымъ "	40 ^{1/2}	
10. Вердепо съ краснымъ "	66 ^{3/4}	
11. Вишневе съ жолтымъ "	64	
12. Голуба съ бѣлымъ "	60 ^{1/4}	
13. Рожева съ бѣлымъ "	54 ^{3/4}	
14. Голубой "	31	
15. Бѣлаго съ жолтымъ "	48 ^{3/4}	
16. Синяго съ краснымъ "	42	
17. Краснаго съ бѣлымъ "	65 ^{3/4}	
	<u>704</u>	по 1 руб. 20 коп. 844. 80

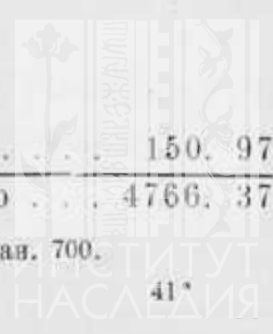
Грезети.

1. Голубой локоть	39 ^{1/4}	
3. Зеленой "	73	
3. Черной "	66 ^{1/2}	
	<u>178^{3/4}</u>	по 1 руб. 20 коп. 214. 70

Другихъ грезеть старихъ.

1. Черной локоть.	15	
2. Рожевой "	14 ^{1/2}	
3. Голубой "	18 ^{1/4}	
4. Кофейной "	44 ^{1/2}	
5. Пунцовой "	22	
6. Алой "	23	
	<u>137^{1/4}</u>	по 1 руб. 10 коп. 150. 97
		<u>Итого 4766. 37</u>

¹⁾ Канаваца = шелковая ткань цвѣтная и узорчатая. Словарь Даля, ч. II, стр. 700.

Листрины съ малими цвѣтами.

1. Алой локоть	25	
2. Голубой „	49	
3. Зеленой „	67	
4. Пунцовой „	31	
5. Зеленой „	30 ¹ / ₂	
6. Черной „	16 ³ / ₄	
	<u>219¹/₄</u>	по 1 руб. 40 коп. 306. 95

Лустрины съ великими цвѣтамы.

1. Голубой локоть	15	
2. Зеленой „	32 ¹ / ₂	
3. Черной „	8 ¹ / ₂	
4. Красной „	19 ¹ / ₂	
	<u>75¹/₂</u>	по 1 руб. 80 коп. 135. 90

Тафти французскіе.

1. Бѣловой локоть	26 ¹ / ₂	
2. Таковой же	18 ³ / ₄	
3. Двоичной „	23 ¹ / ₄	
	<u>68¹/₂</u>	по 1 руб. 15 коп. 78. 77

Перевенъ замоченой.

1. Съ малими цвѣтами локоть	15	
2. Такой же „ „	20	
3. Такой же „ „	58	
4. Такой же „ „	2 ¹ / ₄	
	<u>95¹/₄</u>	по 1 руб. 70 коп. 161. 92

Другой перевенъ.

1. Жолтой локоть	11 ³ / ₄	
2. Красной пасистой	19 ¹ / ₄	
3. Фиолетовой пасистой	18 ¹ / ₂	
4. Голубой пасистой	43 ³ / ₄	
5. Бѣлой съ красномъ	46 ³ / ₄	
	<u>140</u>	по 1 руб. 90 коп. 266. —

Фармазону.

1. Фиолетового локоть	60 ¹ / ₄	
2. Замоченного „	6 ¹ / ₂	
	<u>66³/₄</u>	по 1 руб. 80 коп. 120. 15

Итого 5836. 6

Штофу французскаго.

1. Бѣлаго локоть	35 ¹ / ₄	
2. Дволичнаго „	64 ¹ / ₄	
3. Кофейнаго „	60	
4. Фиолетоваго „	7	
5. Бѣлаго „	<u>16 ¹/₂</u>	
	188 по 2 руб. 20 коп.	413. 60

Другихъ.

Фиолетовой локоть 45 ¹ / ₄ по 2 руб. 35 коп.	106. 33
Капаровой „ 3 ¹ / ₂ „ 2 „ 50 „	8. 85
Лосиновой „ 19 ¹ / ₂ „ 2 „ 30 „	44. 70

Штофу голандерскаго.

1. Голубого локоть.	6 ¹ / ₂	
2. Жолтого „	<u>9 ³/₄</u>	
	16 ¹ / ₄ по 2 руб. 15 коп.	34. 92

Море штуки.

1. Розевой локоть	7	
2. Алой „	8	
3. Такой же „	14	
4. Алой дволичной	33	
5. Голубой дволичной	<u>15 ³/₄</u>	
	77 ³ / ₄ по 1 руб. 80 коп.	139. 95

Перусинъ.

1. Голубой локоть	68	
2. Жолтой „	68	
3. Синей „	11 ¹ / ₂	
4. Димчатой „	<u>17 ¹/₄</u>	
	164 ³ / ₄ по 1 руб. 20 коп.	197. 70

Тафри гладкой французской.

1. Дволичной локоть	29	
2. Черной „	16	
3. Жолтой „	19 ¹ / ₂	
4. Зеленой булавчатой	37 ¹ / ₄	
5. Голубой „	<u>23</u>	
	124 ³ / ₄ по 72 коп.	89. 80

Тафти фламистой замоченой.

1. Синей локоть	68 ¹ / ₂	
2. Другой "	11	
3. Бѣлой "	91	
	<u>170¹/₂</u>	по 1 руб. 20 коп. 174. —

Парчи богатой желтой локоть 2 ¹ / ₂ по 8 руб.	20. —
Зеленой штукъ 15 по 80 коп.	12. —
Кумачей бѣлыхъ 2 штуки	2. 20

Атласовъ фламистихъ.

1. Бѣлой локоть	60 ¹ / ₄	
2. Желтой "	18 ¹ / ₄	
	<u>78¹/₂</u>	по 1 руб. 55 коп. 121. 67

Заполочи фунтовъ 65 чистой по 28 коп.	38. 50
2 кисти корольковъ карбунето фунтовъ 16 ¹ / ₂ лотовъ 528.	

1. Кисть	170	
2. "	180	
3. "	160	
4. "	120	
	<u>1158</u>	по 38 руб. 440. 4

Еще менджато.

1. Кисть лотовъ	315	
2. " "	304	
3. " "	280	
	<u>809</u>	по 20 коп. 179. 80

Итого . . . 7860. 12

Сколько товару въ великой лавкѣ находится.

Бархатовъ узкихъ.

1. Черного локоть	62 ¹ / ₄	
2. Того жъ "	64 ³ / ₄	
3. Зеленого "	37 ¹ / ₄	
4. Красного "	27 ¹ / ₂	
	<u>191³/₄</u>	по 3 руб. 575. 25

Бархатовъ простихъ.

2. Кофейного локоть	21	
2. Алихъ "	23 ³ / ₄	
3. Вишневого "	18 ¹ / ₄	
	<u>63</u>	по 2 руб. 10 коп. 132. 30

Бархату зеленого а: $47\frac{3}{4}$ по 4 руб.	191. —
Еще зеленого локоть $25\frac{1}{2}$ по 3 руб. 25 коп.	82. 87

Еще бархату.

1. Зеленого локоть	$27\frac{1}{2}$	
2. Синяго "	12	
3. Голубого "	32	
4. Красного "	9	
5. Того жъ "	33	
6. Того жъ "	$2\frac{3}{4}$	
	<hr/>	
	$116\frac{1}{4}$ по 3 руб. 55 коп.	412. 67

Другой черной.

1. Локоть	11	
2. "	25	
	<hr/>	
	36 по 3 руб. 50 коп.	126. —

Надогадь бархату пунцового $1\frac{3}{4}$	5. 68
19 фунтовъ шолку Трикалского по 3 руб. 20 коп.	60. 80
8 фунтовъ другого черного по 3 руб.	24. —

Полотень голандерских.

1. Твардихъ	16	
2. "	14	
3. "	16	
4. "	17	
5. "	13	
6. "	15	
7. "	18	
8. "	16	
	<hr/>	
	125 по 88 коп.	110. —

Итого . . . 9580. 69

Транспортъ . . . 9580. 69

4 штуки полотна Оландерского по 15 руб.	60. —
---	-------

Лентъ греческихъ.

1. руки штукъ 25 по 3 руб. 82 коп.	95. 50
2. " " 45 " 2 " 88 "	129. 60
3. " " 68 " 1 " 95 "	123. 60
4. " " 32 " 1 " 40 "	44. 80
156. полушалевихъ по 3 руб. 30 коп.	514. 80
10. полушалевихъ " 3 " 30 "	33. 30

24. шалевихъ драмъ 1603 по 9 коп.	144. 27
8. шалькивъ зеленихъ по 2 руб. 50 коп.	20. —
18. мамсъ простихъ по 1 руб. 20 коп.	21. 60

Белокоосу.

1. Зеленого локоть	14 ^{1/4}	
2. Кофейного „	24 ^{3/4}	
3. Димчатого „	50	
4. Кофейного „	30 ^{1/2}	
5. Голубого „	19 ^{1/2}	
6. Красного „	79 ^{3/4}	
7. Такого жъ „	23 ^{1/2}	
8. Димчатого „	64 ^{3/4}	
9. Черного „	18 ^{1/4}	
10. Такого жъ „	64 ^{1/2}	
11. Красного „	50 ^{3/4}	
	<u>440^{1/2}</u>	по 1 руб. 2 коп. 449. 31

Штофу ординарного греческого.

1. Красного локоть	20 ^{1/4}	
2. Алого „	31 ^{3/4}	
	<u>52</u>	по 1 руб. 27 коп. 66. 4
Штофу кофейного локоть 12 по 1 руб. 15 коп.		13. 08
Штофу димчатого „ 6 ^{1/4} „ 1 „ 50 „		9. 37
Перусини узкой „ 16 „ 1 „ 50 „		24. —
Полуатласу бѣлого „ 92 „ 50 „		46. —
1. Полуатласу бѣлого локоть	68	
2. „ черного „	82	
3. „ красного „	85	
4. „ голубого „	18 ^{1/2}	
	<u>253^{1/2}</u>	по 75 коп. 190. 12

Итого . . . 11566. 80

атласовъ кусочковъ локоть 23 по — руб. 80 коп.		18. 40
атласу черного „ 13 ^{3/4} „ 1 „ — „		13. 75
белокоосу кусочковъ „ 31 „ 1 „ — „		31. —
Грезети кусочковъ „ 5 ^{1/2} „ 1 „ 10 „		6. 5
Лустрины кусочковъ „ 5 ^{1/2} „ 1 „ 40 „		7. 70
Канавату ¹⁾ кусочковъ „ 47 ^{1/2} „ 1 „ 10 „		52. 25

¹⁾ Канавать = Канаваца.

Полуберу.

1. Зеленого локоть	53 ³ / ₄	
2. Такого жъ "	58	
3. Перлового "	55 ¹ / ₂	
4. Такого жъ "	60 ¹ / ₂	
5. Красного "	60 ³ / ₄	
6. Такого жъ "	55	
7. Перлового "	58 ³ / ₄	
8. Зеленого "	44 ¹ / ₂	
9. Димчатого "	30	
10. Пунцоваго "	35	
11. Перлового "	42 ³ / ₄	
12. Красного "	40 ³ / ₄	
13. Дикого "	34	
14. Красного "	46	
	<hr/>	
	691 ¹ / ₄ по 1 руб. 12 коп.	842. 10

Еще полуберу широкого.

1. Зеленого локоть	59 ¹ / ₄	
2. Ведрепо "	62 ³ / ₄	
3. Вишневого "	30 ³ / ₄	
4. Зеленого "	28	
5. Голубого "	15	
	<hr/>	
	195 ¹ / ₄ по 1 руб. 30 коп.	254. 47

Дерай штукъ 3.

1. Черного локоть	11	
2. Такого жъ "	61 ¹ / ₄	
3. Такого жъ "	67 ¹ / ₂	
	<hr/>	
	199 ³ / ₄ по 1 руб. 15 коп.	229. 70
6 штукъ шершалу локоть 178 ¹ / ₂ по 65 коп.		116. 2
		<hr/>
	Итого	13138. 24

Перусни.

1. Мордре локоть	63	
2. Желтой "	68 ¹ / ₄	
3. Дволичной голубой локоть	56 ³ / ₄	
4. Дволичной зеленой "	68 ³ / ₄	
5. Желтой дволичной "	36 ³ / ₄	
6. Дволичной голубой "	28	
Кусочковъ "	4 ¹ / ₂	
	<hr/>	
	326 по 1 руб. 20 коп.	391. 20

Другой.

Замоченой локоть	38 ¹ / ₂ по 1 руб.	38. 50
Кусочковъ	5	6. 25
Рецети кусочковъ локоть	47 ³ / ₄ по 1 руб. 40 коп.	66. 85

Другой рецети.

1. Димчатый локоть	19 ³ / ₄	
2. Желтой	15 ¹ / ₄	
	<u>35</u> по 1 руб. 25 коп.	43. 75

Штолфи.

1. Зеленой локоть	69 ¹ / ₂	
2. Такой же	83	
3. Кофейной	38 ¹ / ₂	
4. Дикой	26	
5. Кофейной	14 ¹ / ₄	
6. Голубой	38	
	<u>269¹/₄</u> по 1 руб. 24 коп.	333. 87

Драети неаполитанской¹⁾.

1. Алой локоть	47 ¹ / ₂	
2. Вишневой	67	
	<u>114¹/₂</u> по 1 руб. 5 коп.	120. 22

Грезети.

1. Черной локоть	73 ¹ / ₄	
2. Зеленой	68	
3. Красной	45 ¹ / ₄	
4. Голубой	38 ¹ / ₂	
5. Димчатой	15	
6. Алой	30	
	<u>240</u> по 1 руб. 20 коп.	288. —
		<u>Итого . . . 14426. 88</u>

Еще грезети.

1. Зеленой локоть	9 ¹ / ₂	
2. Черной	10 ¹ / ₄	
3. Пунцовой	8 ³ / ₄	
4. Кофейной	56	
	<u>84¹/₂</u> по 1 руб. 10 коп.	92. 95

¹⁾ Дроета = droguet = шелковыя (очень часто лионскія) ткани. Антоновичъ. О промышленности Юго-Западн. края въ XVIII в.

Атласовъ съ цвѣтами.

1. Голубого локоть	34	
2. Кармазинного локоть	<u>66³/₄</u>	
	100 ³ / ₄ по 1 руб. 85 коп.	186. 38

Атласовъ французскихъ.

1. Черного локоть	59 ¹ / ₄	
2. Ведрепо "	76	
3. Алаго "	67 ¹ / ₂	
4. Голубого "	70	
5. Такого жъ "	69	
6. Бѣлого "	<u>43¹/₂</u>	
	385 ¹ / ₂ по 1 руб. 45 коп.	558. 97

Атласовъ фламистихъ.

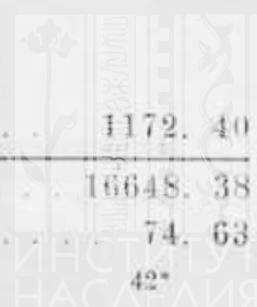
1. Жолтого локоть	71	
2. Бѣлого "	<u>65</u>	
	136 по 1 руб. 55 коп.	210. 80

Канавецу французского.

1. Черного дволичного локоть	64	
2. Дволичного фиолетового "	38	
3. Бѣлой дволичной "	93 ¹ / ₄	
4. Ведрепо дволичного "	66	
5. Помаранцова дволичного "	65 ¹ / ₄	
6. Кофейного "	51 ¹ / ₄	
7. Димчатого дволичного "	64	
8. Зеленого "	33 ¹ / ₄	
9. Зеленого "	24 ¹ / ₄	
10. Алого дволичного "	44 ¹ / ₂	
11. Розового дволичного "	24 ³ / ₄	
12. Фиолетового "	42	
13. Мордре "	62 ¹ / ₄	
14. Кофейного дволичного "	51 ¹ / ₂	
15. Голубого "	69 ¹ / ₂	
16. Алого "	51	
17. Красного "	30	
Кусочковъ "	<u>102¹/₄</u>	
	977 по 1 руб. 20 коп.	1172. 40

Итого 16648. 38

Лустрины алой локоть 49³/₄ по 1 руб. 50 коп. 74. 63

Другой.

Черной локоть	79	
Кусочковъ „	12	
	<hr/>	
	91	по 1 руб. 40 коп. 127. 40

Лустрини съ цвѣтами великими.

1. Кофейной локоть	12	
2. Алой „	15 ¹ / ₂	
3. Пунцовой „	17	
4. Зеленой „	14 ¹ / ₂	
	<hr/>	
	59	по 1 руб. 85 коп. 109. 15

Перусинъ.

1. Алой локоть	26 ³ / ₄	
2. Жолтой „	31 ¹ / ₄	
3. Красной „	25 ³ / ₄	
4. Черной „	22 ¹ / ₂	
	<hr/>	
	106 ¹ / ₄	по 1 руб. 90 коп. 201. 40
Другой голубой	29 ¹ / ₂	по 1 руб. 70 коп. 50. 15

Пармазону.

1. Дикого локоть	50	
2. Мордоре „	64 ¹ / ₂	
	<hr/>	
	114 ¹ / ₂	по 1 руб. 80 коп. 210. 10

Узкихъ французскихъ штофовъ.

1. Полосатого локоть	65 ¹ / ₄	
2. Такого жъ „	30	
3. Бѣлого „	47	
4. Кусочковъ „	17	
	<hr/>	
	159 ¹ / ₄	по 2 руб. 20 коп. 350. 35

Широкихъ французскихъ штофовъ.

Полосатого локоть	39	
Бѣлого „	50 ¹ / ₄	
	<hr/>	
	89 ¹ / ₄	по 2 руб. 30 коп. 196. 37

Другихъ.

1. Ведрено локоть	64		
2. Фиолетового „	35		
3. Капарового „	19 ¹ / ₂		
Кусочковъ „	8 ¹ / ₄		
		126 ³ / ₄ по 2 руб. 50 коп.	316. 87
			<u>Итого . . . 18284. 80</u>

Парчей ординарныхъ.

Желтой	34 ¹ / ₂		
Гранатовой	6 ¹ / ₄		
		40 ³ / ₄ по 3 руб. 70 коп.	150. 77
Парчи пунцовой	9 ³ / ₄	по 3 руб. 25 коп.	31. 68
Парчи богатой бѣлой локоть = 6 = ³ / ₄ : ¹ / ₈ по 14 руб.			96. 25
Парчи богатой желтой „ 12 ¹ / ₄ — по 8 „			98. —
Море голубого локоть 14 по 1 руб. 50 коп.			21. —

Еще море.

1. Бѣлого локоть	10 ¹ / ₂		
2. Дволичного „	8		
3. Фиолетового „	25 ³ / ₄		
		44 ¹ / ₄ по 1 руб. 60 коп.	70. 80
Море дволичного димчатого локоть 13 ¹ / ₄ по 1 руб. 80 коп.			23. 40
1 поясъ московской			5. —
Кусочковъ перевенѣ локоть 6 по 1 руб. 90 коп.			11. 40
Тафти писанной „ 21 „ 1 „ 50 „			31. 50
Тафти фламистой „ 15 ³ / ₄ „ 1 „ 20 „			18. 90
Атласу греческого голубого 32 „ 1 „ 25 „			40. —

Тафти французскіе.

1. Димчатой локоть	13		
2. Голубой „	11		
3. Димчатой „	14		
Кусочковъ „	4 ¹ / ₄		
		42 ¹ / ₄ по 1 руб. 25 коп.	52. 80

Тафти пикованной.

1. Бѣлой локоть	75 ³ / ₄
2. Красной „	31 ³ / ₄
3. Зеленой „	18

4. Алой локоть	41 1/2		
5. Красной „	34		
Кусочковъ	22		
	223	по 70 коп.	156. 10
			<u>Итого . . . 19092. 10</u>
Тафти черной локоть 23 1/4 по 80 коп.			18. 60
Ладану чистого пуд. 4 по 12 руб.			48. —
7 1/2 торбъ заполочи адрианонопольской по 55 фунт. чистой пуд. 9, фунт. 39, по 29 руб.			289. 25
1 торба большая пуд. 2, фунт. 15, по 29 руб.			68. 75
Двѣ съ половиной початой пуд. 2, по 29 руб.			58. —
Шелку простого фунт. 79 по 2 руб.			158. —
Хандри пуд. 200 по 33 коп.			66. —
Рецети аршинъ 47 1/2 по 1 руб. 70 коп.			80. 75
Белокосу бѣлого арш.	60		
Канавцу съ цвѣтами арш.	28 1/2		
	88 1/2	по 1 руб. 20 коп.	106. 20
Кумачей зеленыхъ 4 по 80 коп.			3. 20
Една Ковра			— 80
Единъ кумачъ красной			1. 60
			<u>Итого . . . 19991. 25</u>

III.

Судопроизводство.

Мы уже видѣли, что значеніе греческой общины во внутренней жизни Малороссіи было велико. Сама община достигла высокой степени матеріальнаго благосостоянія благодаря тѣмъ преимуществамъ, которыми она пользовалась среди мѣстнаго населенія. Расскажемъ вкратцѣ исторію развитія этихъ преимуществъ и посмотримъ, насколько въ состояніи были ими пользоваться греки.

По Литовскому Статуту, опредѣлявшему всѣ правовыя отношенія въ польско-литовскомъ королевствѣ, всякій иноземецъ, явившійся въ Польшу, подчинялся всѣмъ дѣйствующимъ юридическимъ постановленіямъ, какъ туземецъ¹⁾.

Эта статья Литовскаго Статута попала затѣмъ и въ права, по которымъ судился малорусскій народъ²⁾, слѣдовательно примѣнялась на практикѣ въ Малороссіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Греки не были подчинены этой статьѣ, — имъ было дано право самосуда и самоуправленія. Основаніемъ такой привилегіи служить уни-

¹⁾ Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. Кн. 19. М. 1854. Литовскій Стат. Разд. I арт. 1.

²⁾ Проф. Кистиковскій. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. Кіевъ 1879. Права стран. 11.

версалъ Богдана Хмельницкаго отъ 2 мая 1675 г., по которому онъ всѣмъ грекамъ, торгующимъ въ Малороссіи и проживающимъ „по мѣстахъ и мѣстечкахъ украинныхъ гандле отправующихъ“ или такъ живущимъ, даровалъ право самосуда „жебы жаденъ до права полковницкаго, козацкаго и мѣскаго потягать неважился“¹⁾. Въ этомъ же универсалѣ онъ распространяется дальше о правахъ грековъ такимъ образомъ: „зъ Полковниковъ засе, Асавуловъ, Атамановъ, Войтовъ, Бурмистровъ, абы жаденъ о нихъ судить и декретами окривать несмѣль, сронго навпоминаемъ; Але абы, яко звычай есть въ чужыхъ краяхъ, сами межи собою въ справахъ купецкихъ вшелякие sprawy розсужали и челядь выкручную судили и подлугъ заслугъ карали, а еслибы кто зъ полковниковъ нашихъ, албо з инныхъ предложенныхъ важылся неналежъне вное втручать и трудность яковую додавать, такового мы сронго будемъ карать“²⁾. Къ этому нѣкоторымъ изъ грековъ, вѣроятно за какія нибудь услуги, именно Павлу и Стефану Юрьевичамъ, Хмельницкій присоединилъ свободу отъ платы мыта, ярморковаго и пр. Греки обязаны были только заплатить слѣдующее „экзакторови“, т.-е. таможенную пошлину. Безмытную торговлю, съ платой лишь таможеннаго сбора, всѣмъ грекамъ разрѣшилъ только преемникъ Богдана Хмельницкаго, Иванъ Выговскій универсаломъ 1658 г. 9 февраля. Какъ тѣ, такъ и другія преимущества, т.-е. право самосуда и право безмытной торговли, подтвердилъ и слѣдующій за Выговскимъ гетманъ, Юрій Хмельницкій универсалами 16 и 23 ноября 1659 г. То же самое сдѣлалъ и гетманъ Брюховецкій своими универсалами отъ 16 марта 1665 г. и 1 марта 1666 г.³⁾. Давая универсалъ (16 марта 1665 г.) на право самосуда, Брюховецкій выражается опредѣленнѣе, чѣмъ его предшественники: греки въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ судились бы своимъ судомъ, сами между собою, и никто ни изъ какого уряда не имѣлъ права вмѣшиваться въ ихъ распрю „судить и декретомъ окривать не важился“⁴⁾. Точно также греки были вольны по своему усмотрѣнію наказывать своихъ слугъ — „проступною челядь ихъ кгрецкаю нѣ чіему инъшому судови, декретови и караню, толко имъ самымъ полежати маеть, „однакъ“, прибавилъ гетманъ, „если бы Кгрецкій купецъ заводъ (судъ) з нашимъ украинскимъ человѣкомъ мѣль, теды належному судови повиноватися маеть“. Всѣ эти привилегіи, и въ равной степени, подтвердилъ и гетманъ Самойловичъ универсаломъ 1672 г., 28 іюля. А универсаломъ 28-го іюня того же года онъ подтвердилъ имъ свободу торговли отъ всевозможнаго рода поборовъ, за исключеніемъ уплаты пошлины. Въ 1675 г., 28 ноября, онъ же Самойловичъ даетъ универсалъ, который, главнымъ образомъ относится къ нѣжинскимъ грекамъ. Здѣсь онъ подтверждаетъ данное грекамъ право самосуда; въ случаѣ же, если бы греки сами не могли рѣшить дѣла, то должны были апеллировать въ судъ генеральный⁴⁾. Гетманъ Мазепа, въ своемъ универсалѣ отъ 13 сентября 1687 г., точнѣе опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ должны были греки апеллировать въ судъ генеральный, именно „въ трудныхъ спра-

¹⁾ Акты, стран. 43.

²⁾ Акты, стран. 44—50.

³⁾ Ibid., стран. 50.

⁴⁾ Ibid., стран. 53.

вахъ и крѣмѣналохъ¹⁾). Универсалъ этотъ имѣеть въ виду уже почти исключительно нѣжинскую старшину. Универсаломъ 19 октября 1696 г. гетманъ Мазепа, санкціонуя учрежденіе нѣжинскаго греческаго братства, подтвердилъ права и преимущества грековъ, дарованныя имъ прежними гетманами. Вновь освоенное братство явилось, конечно, туземнымъ учрежденіемъ, а поэтому приходило въ соприкосновеніе съ мѣстными властями; и вотъ мы находимъ въ универсалѣ перечень обязанностей греческой общины относительно мѣстной административной власти: „Докладуемъ однакъ тое и варуемъ пилно, жебы они учтивни купцѣ, греческии, такое маючи право, непонижали владзи полковничое, и о вшемъ якъ пану полковникови, пошановане и учтивость, такъ старшинѣ полковой, и уряду мѣскому, прихилний и призвоитий привѣтъ чинити повинны“²⁾; а также и относительно нечиновнаго населенія Малороссіи: „заховаючи и до всѣхъ мѣщанъ и посполства тамошняго, братерскую Христіанскую любовь, и нечинячи никому з нихъ жадное кривды и досады, для захованя всоплнои помещканю общей любителной згоды, якая до сохраненія оздобы и Полности цѣлого города Нѣжина есть потребна“³⁾. Итакъ, положеніе грековъ и ихъ права, въ универсалѣ Б. Хмельницкаго высказанныя еще неопредѣленно, постепенно формулируются точнѣе. Какъ видно, сама жизнь потребовала такой точной регламентаціи взаимныхъ отношеній, какъ членовъ общины между собой, такъ и отношеній ихъ къ мѣстному населенію. Сначала греки являлись въ Малороссіи временными гостями, пріѣзжали со своими приказчиками исключительно для торговли. Возникавшіе между ними споры были по большей части, если не единственно, чисто коммерческаго характера. Эти споры купцы привыкли рѣшать между собой на основаніи установившихся у нихъ обычаевъ. Въ своихъ странствіяхъ чрезъ разныя земли купцу совсѣмъ невыгодно подвергаться волокитѣ мѣстныхъ судовъ, когда торговый интересъ забрасывалъ его совсѣмъ не туда, куда ему хотѣлось⁴⁾. Торговое дѣло — живое дѣло и поэтому часто требуетъ скорого суда: продавая товаръ, кредитуясь, купецъ разсчитываетъ на тотъ „usus“, который выросъ на почвѣ торговой промышленности, не имѣя ничего общаго съ мѣстными обычаями. Понятно, что греки прежде всего позаботились о пріобрѣтеніи права самосуда. Потомъ многіе изъ грековъ поселяются на житѣе въ Малороссіи, становятся мѣстными обывателями, и приходятъ въ соприкосновеніе съ мѣстными жителями помимо торговыхъ, и по всѣмъ чисто житейскимъ вопросамъ; здѣсь понадобилось уже точно опредѣлить взаимныя отношенія между пришлыми греками и мѣстнымъ населеніемъ. Итакъ, преимущества греческой общины въ концѣ XVII в. формулируются слѣдующимъ образомъ: греки въ своихъ ссорахъ разбираются своимъ судомъ; всѣ распри между собою и со своею прислугой они улаживаютъ сами; ни полковникъ, ни мѣстная судебная и административная власть не вмѣшиваются въ ихъ споры; въ случаѣ, если бы чего нибудь греки не могли разрѣшить своей силой, они могутъ относиться къ высшей инстанціи — въ войсковой генеральный судъ, которому они подсудны и въ уголовныхъ преступленіяхъ; съ своей же стороны и

¹⁾ Ibid., стран. 54.

²⁾ и ³⁾ Ibid., стран. 57.

⁴⁾ Путешествіе Лукьянова 1710—1711 г. М. 1862 г., стр. 19.

греки должны были признавать авторитет мѣстныхъ властей, и съ окружающимъ ихъ населеніемъ не враждовать, не нанося ему обиды и насилія, а имѣя братскую христіанскую любовь. Вотъ тотъ краеугольный камень, на которомъ выросли широкія права и преимущества, которыми пользовалось долгое время греческое нѣжинское братство.

На томъ основаніи, что гетманы освободили грековъ отъ платы ярморковаго и мыта, греки отъ гетмана Мазепы добились универсала 16 мая 1701 г., по которому дома ихъ и квартиры были освобождены отъ постовъ, отъ дачи подводъ и отъ всякихъ городскихъ поборовъ — „од даванія подводъ и насиланья въ дома ихъ наездовъ, яко тожъ и од вшелякихъ на мѣсто подачокъ чинимо волними... коней въ подводѣ брати, и приезджимъ людемъ въ домахъ ихъ господъ показовати и жандымъ мѣскихъ подачокъ брати не велѣли“, а это же подтвердилъ въ своемъ универсалѣ 1709 г. 17 октября и гетманъ Скоропадскій. Въ 1728 г. 10 января Даниилъ Апостоль выдалъ греческой общинѣ универсалъ, который разрѣшалъ грекамъ, что бы они „не возбранно сами свои sprawy разсуждали и мѣрковали опрочъ приминалу, чого имъ самимъ вершити будетъ не удобно, з тимъ до насъ Гетмана и до суду войскового енерального апеллювають. Для чого якъ самъ Панъ Полковникъ Нѣжинскій зъ Старшиною Полковою, такъ и Майстратъ тамошній въ тїи ихъ порядки и расправы встручатися и жадного имъ насильства и безчестія наносити неповинни, Однакожъ оны купци греческіе, якъ самому пану Полковникѣ зъ Старшиною полковою, такъ и всему урядовѣ мѣскому пресзвоитую честь и пошанованье отдавалибъ, и въ жадніе бы ссоры и противности з ними неходили. Докладаемъ тутъ же, абы Старшина Нѣжинскіе въ дворахъ насильства имъ не чинили, изъ домовъ ихъ не выгяняли и подводъ въ нихъ, а особливо въ приезджихъ купцовъ, небрали“¹⁾. Иными словами, Д. Апостоль подтвердилъ то положеніе греческой общины, въ которомъ она находилась при прежнемъ гетманѣ; а универсаломъ 8 февраля 1729 г. онъ подтвердилъ грекамъ свободу домовъ, какъ частныхъ, такъ и церковныхъ, отъ дачи провіанта, подводъ и другихъ поборовъ („шарварковъ“). Всѣ эти преимущества и привилегіи братства были подтверждены кн. Алексѣемъ Шаховскимъ 19 декабря 1735 г. гетманомъ Кирилломъ Разумовскимъ 28 августа 1751 г. Во время же правленія Генеральной войсковой канцеляріи, греки находились въ зависимости отъ послѣдней. Такія же преимущества были подтверждены грекамъ и грамотами государей Петра Великаго и Елизаветы Петровны. Подавая прошеніе Петру Великому 3 февраля 1710 г., греки еще помимо права самосуда и самоуправленія и свободы отъ постоя просили еще, чтобы „умершихъ и умрети имущихъ грековъ пожитки инъ никто окромѣ сродниковъ и товарищей ихъ не имѣлъ наслѣдовать“²⁾.

Вопросъ объ имуществѣ, остающемся въ чужомъ краѣ послѣ смерти купца, или такъ называемое право зауморщины, конечно былъ довольно важенъ. Въ средніе вѣка право государя на имущество умершаго въ его владѣніяхъ иностранца примѣнялось во всей Европѣ, и только договоры между государствами уничтожали это

¹⁾ Акты Нѣж. Братства, стран. 65—66.

²⁾ Источ. Малоросс. исторіи, собр. Д. И. Багачемъ Каменскимъ, ч. II, стран. 260. М. 1859 г.

Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II.

право или сводили его на пользование известным % с имущества умершаго¹⁾. Такъ напр., въ концѣ XVII вѣка нѣжинскій мѣщанинъ Иванъ Калина послалъ двухъ своихъ сыновей въ Гданскъ съ волами. Когда пріѣхавши въ Гданскъ, и продавъ 30 воловъ, старшій сынъ умеръ, то тамошнее городское управленіе забрало все его пожитки — деньги и двухъ лошадей²⁾. И только когда Петръ I написалъ грамоту, въ которой просилъ магистратъ возвратить имущество сына отцу Калинѣ, говоря, что такъ же будетъ поступлено и съ гданскими купцами, городской урядъ грамотой отвѣчалъ, что онъ возвратитъ захваченное. Петръ В. въ грамотѣ къ просьбѣ грековъ отнесся очень сочувственно: „такъ же и пожитковъ умершихъ грековъ никому постороннимъ не имат и кромѣ сродниковъ и товарищей ихъ наслѣдства и не имѣть, никакова незвычайнаго имъ озлобленія нине и впредь нечинить“³⁾.

Въ грамотѣ, данной императрицей Елизаветой Петровной грекамъ отъ 3 ноября 1742 г., мы встрѣчаемъ упоминаніе о томъ же, чтобы „оставшихся послѣ умершихъ грековъ пожитковъ никому кромѣ ихъ сродниковъ и товарищей, кому умирающій въ присутствіи братства или опредѣлитъ, или завѣтомъ утвердитъ, не брать и наслѣдства въ оныхъ насилственно не иматъ“⁴⁾. Гетманъ Разумовскій въ своемъ универсалѣ отъ 28 августа 1751 г. подтвердилъ это право греческихъ купцовъ⁵⁾. Дѣйствительно братство заботится объ имуществѣ умершаго грека, оберегаетъ и сохраняетъ его цѣлостъ до появленія наслѣдниковъ⁶⁾. Когда была подана жалоба въ генеральную войсковую канцелярію о наслѣдствѣ Дели Алексѣева, то гетманъ отвѣчалъ, что дѣло должно сначала разсматриваться въ братствѣ⁷⁾.

Имущество, умершаго грека забиралось въ братство, запечатывалось братской печатью и хранилось въ подвалахъ церкви, пока не являлись родственники покойнаго. Если же у него были кредиторы, а также находились налицо и нѣкоторые изъ родственниковъ, то опечатываніе имущества производилось при нихъ. Если кредиторы поднимали искъ, то имущество умершаго продавалось съ торговъ и продажей завѣдывали присутствующіе⁸⁾. Предъ торгами дѣлалось троекратное объявленіе отъ братства. При уплатѣ долговъ, по купеческому обычаю, уплачивались прежде всего деньги, которыя были заняты на провозъ товара, на харчи, а затѣмъ выплачивались и прочіе долги все цѣликомъ или же частью, какая причтется. Такъ поступали съ имуществомъ живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ и пріѣзжихъ. Когда въ 1752 г. Юма Курбаногловъ, пріѣзжій грекъ, умеръ въ Нѣжинѣ, то имущество его, помимо эпитроповъ (т.-е. душеприказчиковъ), вѣдало братство, къ которому и относятся все по поводу имущества покойнаго. Такъ, кушнерскій цехъ въ Адрианоуполѣ писалъ въ братство: „Почтенніе, благородніе и всякой

¹⁾ Сборн. М. Гл. Арх. М. И. Д. Вып. 3 и 4, стран. 42 и слѣд.

²⁾ Г. М. Арх. М. И. Д. Дѣла Малор. 1699 г., № 4.

³⁾ Х. Ист. Арх. Д. М. К., № 14041.

⁴⁾ Х. И. А. М. К., Грамоты братства.

⁵⁾ Акты, стран. 79—84.

⁶⁾ Х. И. А. М. К., № 22907.

⁷⁾ А. М. Ю. Опись X, вяз. 4, № 128.

⁸⁾ Х. И. А. М. К., № 22097.

чести и ума достойно почтеніе, Господа судіи братскаго суда, полезніе эпитропи и прочіе всѣ братерское поздравленіе съ Спасительнымъ цѣлованіемъ отдаемъ молясь небесному царю Богу да покріетъ и соблюдетъ почтенность вашу отъ всякой противной силы въ здравіи и благосчастіи, сіе писаніе наше нѣсть в обиду, но токмо дать вамъ отвѣтъ и извѣстіе за умершаго Оому Андреева Курбаноглова, за сукнѣ, что, оставивъ у господина Николая Андреева, которіе то оставилъ ему для сохраненія, а не подѣ закладъ; но единъ разъ, что случилась ему смерть, нужно состоятъ и сукнѣ учинили бы деньгамы, и удержани-бъ за долгъ его, такъ нашли мы за благо, якіе мы и оцѣнили реестровно, чего стойны? И удержуетъ Господинъ Николай здѣсь, а остальніи одинъ разъ, что принялъ господинъ Параскева Христовъ облекъ по купеческой регулѣ, надобно расплатитись какъ и прочіи имѣють принять всякъ надлежащее свое, сукнѣ же его будучи, при семъ и саміе подписаніе купци чинится оцѣнка ихъ съ большимъ за 172 левовъ во извѣстіе, мѣста же почтенностей вашихъ были бы Богомъ во всей жизни долги, здѣ обрѣтающіеся въ Андриянополѣ кушнеры, и, будучи притомъ, и мать его, которая подписуется саморучно, презволяюсь о вышъ-писанномъ я Змарагда, Оомина мать.

Кірякъ, первій Майстеръ, свидѣтель.

Афанасій Янатіевъ свидѣтельствую.

Дима Стояновъ, свидѣтель.

Костя Димитріевъ, свидѣтель.

Хаджи Зафѣрій Леондаріевъ, свидѣтель.

Панусій Юсифовъ писецъ и свидѣтель.

Имущество умершихъ грековъ хранилось въ церкви до явки наслѣдниковъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это правило нарушалось съ разрѣшенія начальства. У полковника Разумовскаго былъ вексель на имя умершаго грека Гребенчи; для уплаты по векселю надо было продать оставшееся имущество Гребенчи. Гетманъ Разумовскій ордеромъ 1761 г. приказалъ сдѣлать скорѣйшую продажу имущества при представителяхъ отъ полковой нѣжинской канцеляріи, къ вѣдомству которой принадлежалъ полковникъ, отъ нѣжинскаго магистрата и отъ купцовъ братства, такъ какъ между пожитками Гребенчи были такія вещи, какъ напр. мѣха, которыя легко могли испортиться. Деньги же братство должно было сберечь до прибытія сестеръ Гребенчи¹⁾.

Дѣла о наслѣдствѣ, какъ и всѣ дѣла братства, вѣдали присутствующіе, часто относившіеся небрежно къ своимъ обязанностямъ. Иногда они держали по нѣсколько лѣтъ пожитки въ склепѣ, не приступая къ раздѣлу наслѣдства. Нѣжинскій полковникъ Разумовскій, такой образъ дѣйствій присутствующихъ въ 1761 г., объясняетъ эгоистическими побужденіями, именно: „претенденты поустанутъ требовать, а сами присутствующіе позабираютъ себѣ оставшееся“. Хотя къ этому свидѣтельству мы склонны отнести осторожно, ибо полковникъ Разумовскій самъ являлся въ данномъ случаѣ кредиторомъ²⁾. Когда явилась мать Курбаноглова изъ Греціи получать наслѣдство своего сына, то присутствующіе встрѣтили ее насмѣшками и издѣвательствомъ.

1) Х. И. А. М. К., № 22907.

2) Ibidem.

вмѣсто того, чтобы разъяснить ей имущественное состояніе ея сына¹⁾). Оттого, что греческіе купцы добились права, по которому братство распоряжается имуществомъ умершаго купца, отдѣльные члены общины немного выиграли. Послѣ Мантова остались дворовыя лавки, тысячъ 12 денегъ, серебро и проч. Мантовъ умеръ и не оставилъ завѣщанія. Имущество его должно было подѣлить между его сыномъ и замужней дочерью. Долго тянулся раздѣлъ, переходя отъ одной инстанціи къ другой²⁾).

Нѣкоторые изъ членовъ общины склонны были толковать права братства наследовать имущество умершаго грека въ широкомъ объемѣ. Такъ напр. 1770 г. умеръ грекъ Казнаферъ, не сдѣлавъ никакого завѣщанія. Жена его Анна отказывается отъ наследства и просить, чтобы братство забрало пожитки ея мужа, выдѣлило ея приданое, а оставшимся разсчиталось бы съ кредиторами. Братство отказало ей; тогда она отнеслась въ малороссійскую коллегію.

Какъ посмотрѣла малороссійская коллегія на такое толкованіе Анной монаршей грамоты, мы не знаемъ, ибо резолюціи при дѣлѣ не оказалось³⁾). Право братства на имущество умершаго грека въ грамотѣ 1775 г. ограничено только живущими въ г. Нѣжинѣ. Такъ мы находимъ слѣдующее: „остающееся въ разныхъ россійскихъ городахъ послѣ умершихъ или арестованныхъ грековъ имѣніе отдавать въ оное братство токмо послѣ тѣхъ умершихъ или арестованныхъ грековъ, кои прямое свое жительство имѣли въ Нѣжини и подлѣно записанни въ нѣжинское братство, а на время бы оттуда отлучились, оставшіеся имѣнія отдавать в то братство дозволяется для распредѣленія оного кому принадлежать будетъ, то есть наследникамъ или законным, или кредиторамъ съ вѣрными доказательствами являющимся, однако жъ въ такомъ толко случаи, если грекъ нѣжинскаго братства, въ которомъ либо россійскомъ городѣ умретъ, а къ имѣнію его въ томъ мѣстѣ отъ кредиторовъ и ни от кого никакой претенсіи предъявлено не будетъ, ежели же какая претенсія тамо отъ кого либо на то имѣніе окажется, то, не отсилая оного въ помянутое греческое братство, удовлетвіе ис того имѣнія претендующихъ чинить по законамъ въ томъ правительствѣ, гдѣ такови нѣжинскій грекъ умретъ; до протчихъ же грековъ, кои хотя бъ виехали въ другіе города, тамо поселились и домами живутъ, нѣжинскому греческому братству дѣла не имѣть и изъ оного какъ до нинѣ выбившихъ исключить, такъ и впредь выбиваемыхъ исключать и до остающихся по смерти ихъ имѣній не касаться, но вѣдать оные въ томъ правительствѣ, гдѣ таковой приежій грекъ умретъ“⁴⁾).

Въ грамотѣ 1742 г. мы встрѣчаемся съ новымъ вопросомъ: „и живущимъ въ Нѣжинѣ грекам, которые в вѣрности Нашему Императорск. Велич. и предкамъ Н. И. В. присягу учинили, предъ пріѣзжающими ради торговъ греками во всякихъ ихъ порядкахъ преимущество имѣть“⁵⁾). Этотъ пунктъ грамоты вызвалъ большіе споры и несогласія въ греческой общинѣ. Пріѣзжіе греки впоследствии упрекали живущихъ въ Нѣжинѣ въ томъ, что они тайно дали наказъ посланному просить грамоту

¹⁾ А. М. Ю. Опись 5. Вязка XIII, № 165.

²⁾ Ibidem, оп. VII, вяз. 12, № 260.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 16871.

⁴⁾ Х. И. А. М. К., № 3930.

⁵⁾ Х. И. А. М. К. Жалов. грамоты Нѣж. греч. братству.

Велисарію Псалтію ходатайствовать о преимуществѣ. Преимущество состояло въ томъ, что въ судѣ засѣдали только живущіе. Получивши право преимущества, живущіе греки начали притѣснять пріѣзжихъ, почему эти въ 1746 г. просили Сенатъ принять отъ нихъ присягу въ вѣрноподанствѣ. Просьба ихъ была уважена и пріѣзжіе, какъ принесшіе присягу, были уравниены въ правахъ съ живущими — „были въ равенствѣ“¹⁾, такъ что въ универсалѣ гетм. Разумовскаго 1751 г. мы не встрѣчаемъ никакого упоминанія о различіи между пріѣзжими и живущими греками. Но согласіе существовало недолго. Пріѣзжіе начали производить смуту въ общинѣ: они, какъ люди сторонніе, не такъ близко принимавшіе интересы братства, на собраніяхъ позволяли себѣ насилія, при выборахъ поддерживали лицъ недостойныхъ и т. д. Впрочемъ, это такіе поступки, какіе допускали и живущіе греки; но выбранные въ судьи, пріѣзжіе уклонялись отъ платежа взыскиваемыхъ съ судей штрафовъ и пр. Чтобы избѣгнуть уплаты штрафовъ, пріѣзжіе покидали Нѣжинъ и всѣ такіе платежи, иногда значительные, падали исключительно на живущихъ. Такіе поступки со стороны пріѣзжихъ вызвали то, что живущіе, руководясь грамотой 1742 г., перестали допускать пріѣзжихъ до присутствія въ братскомъ судѣ или требовали, чтобы пріѣзжіе, выбранные на судейскія должности, ставили за себя поручителей изъ богатыхъ живущихъ или давали бы отъ себя или отъ своихъ избирателей письменное обязательство въ уплатѣ слѣдуемаго съ нихъ штрафа²⁾. Пріѣзжіе греки подали два доношенія въ генеральную войсковую канцелярію, доказывая, что, на основаніи указа 1734 г. объ учрежденіи суда, они имѣютъ такое же право выбирать изъ своей среды судей, какъ и живущіе. Генеральная войсковая канцелярія колебалась, находя, что съ одной стороны и пріѣзжіе имѣютъ право выбирать судей, а съ другой стороны судьи изъ пріѣзжихъ злоупотребляли своей властью. Такъ 4 ноября 1764 г. генеральная войсковая канцелярія шлетъ ордеръ въ братство, чтобы въ судьи были выбраны только живущіе, если же пріѣзжіе пожелаютъ избрать судей и изъ своей среды, то избравшіе должны дать отъ себя требуемое письменное обязательство или указать поручителей изъ живущихъ, а если пріѣзжіе не сдѣлаютъ ни того ни другого, то въ судѣ братскомъ должны засѣдать только живущіе — Венеціановъ съ товарищи. Получивъ же прошеніе отъ пріѣзжихъ, генеральная войсковая канцелярія 19 декабря того же года препроводила его въ братство, присоединивши ордеръ, чтобы на основаніи указа 1734 г. были выбраны въ судьи 6 пріѣзжихъ и 6 живущихъ. Чтобы уладить и прекратить несогласія въ братской общинѣ, генеральная войсковая канцелярія 18 декабря 1764 г. предписала бунчуковому товарищу Жураковскому отправиться въ братство, собрать живущихъ и пріѣзжихъ грековъ, убѣдить ихъ пребывать въ согласіи и единеніи и избрать единодушно судей. Жураковскій, собравши всѣхъ грековъ, убѣждалъ ихъ, чтобы трое судей были выбраны изъ живущихъ, а трое изъ пріѣзжихъ. По его настоянію дѣйствительно были выбраны судьи изъ пріѣзжихъ: Зой Минча, Николай Христофоровъ и Θεодосій Баладинъ. Но живущіе продолжали несоглашаться засѣдать съ пріѣзжими. Жураковскій, въ своемъ донесеніи

¹⁾ Ibidem, № 4560.

²⁾ X. П. А. М. К., № 4560.

въ генеральную канцелярію объясняли это тѣмъ, что живущіе судьи хотѣли допустить къ засѣданію еще 4-го, Фарматѣя; но послѣдняго, какъ волоха, многіе изъ живущихъ и пріѣзжихъ не хотѣли имѣть судьей. Жураковскій въ заключеніе, думая успокоить живущихъ, постановилъ, чтобы судьи изъ живущихъ, какъ въ засѣданіи суда, такъ и въ подписяхъ занимали правое мѣсто, какъ почетное. Но живущіе греки, находя это недостаточнымъ, остались недовольны и тотчасъ же вручили Жураковскому доношеніе, въ которомъ писали, что ихъ судьи будутъ засѣдать только въ томъ случаѣ, если пріѣзжіе представляютъ или поруки, или письменное обязательство. А 28 апрѣля 1765 г. подали графу Румянцеву просьбу съ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ пріѣзжимъ грекамъ нельзя быть судьями въ братствѣ: въ грамотѣ 1742 г. сказано, что живущимъ предъ пріѣзжими „во всѣхъ ихъ порядкахъ“ имѣть преимущество. А „по греческому братству самый первый залежитъ порядокъ въ учрежденіи суда и въ избраніи въ оный судей“, которыми и должны быть живущіе, разъ они имѣютъ преимущество; если же въ грамотѣ сказано, что „пріѣзжимъ и живущимъ имѣть между собою расправу“, то это сказано не къ равенству, а для того, чтобы мѣстныя учрежденія не вмѣшивались во внутренніе распорядки общины; вторыхъ, пріѣзжіе, хотя и присягаютъ на вѣрноподанство, тѣмъ не менѣе уѣзжаютъ за границу, женятся и остаются тамъ на житье, или живутъ тамъ съ родственниками; а въ засѣданіяхъ братства могутъ разбираться разныя секретныя политическія дѣла, которыя и могутъ быть выданы за границей. Въ братство поступаютъ часто дѣла между живущими и пріѣзжими. Дѣла эти, въ виду отъѣзда послѣднихъ, требуютъ скорѣйшаго рѣшенія; но пріѣзжіе „иностраннымъ судьямъ сторонно наводили, что ежели обидимы будутъ ихъ судомъ, то они въ турецкой области, какимъ ни возможно образомъ, убиточить ихъ и отомстить потщатся“.

Поэтому иностранные судьи отъ такихъ дѣлъ сторонились и сваливали разсмотрѣніе ихъ на живущихъ, отчего въ дѣлахъ происходила волокита. Изложивъ всѣ эти мотивы, греки просили гр. Румянцева, чтобы онъ, въ силу Высочайшей грамоты 1742 г., разрѣшилъ засѣдать въ судѣ братскомъ только живущимъ.

Съ своей стороны 16 мая того же года пріѣзжіе греки подали въ малороссійскую коллегію доношеніе, гдѣ рассказывали исторію возникновенія братства, ссылаясь на универсалы, въ которыхъ нѣтъ никакого намека на различіе между живущими и пріѣзжими и упоминали о томъ, что они такъ же украшали братскую церковь и заботились о благосостояніи братства, какъ и живущіе, и что наконецъ, привозя изъ-за границы товары, они доставляли болѣе выгоды казнѣ, чѣмъ живущіе внутреннимъ торгомъ; просили малороссійскую коллегію разрѣшить выбирать въ братскіе судьи и пріѣзжихъ грековъ, какъ это было ранѣе¹⁾. Споры эти продолжались до 1768 г., пока графъ Румянцевъ, этотъ умный государственный дѣятель, своимъ „увѣщательнымъ листомъ“ повліялъ на грековъ такъ, что они оставили свой давній споръ²⁾. Въ своемъ листѣ и лично въ греческомъ собраніи Румянцевъ разъяснилъ, что разница только въ названіи „пріѣзжій“ и „живущій грекъ“, въ сути же нѣтъ

1) Х. И. А. М. К., № 4560.

2) Лицей кв. Безбородко.

никакой разницы. И повѣреннымъ отъ братства Николаю Евстафіеву и Гаврилѣ Синопеусу, въ наставленіи отъ 13 ноября 1773 г., греки писали, чтобы въ грамотѣ заключены были преимущества не однимъ нѣжинскимъ жителямъ, но всѣмъ равно, „яко все общество — жители Нѣжинскіе и иностранные и пріѣзжающіе — соединено любовію во мѣсто сродныхъ благостей“; а главное, по слѣдующему соображенію: хотя въ грамотѣ 1742 г. и указано преимущество живущихъ предъ пріѣзжими, но такъ какъ въ 1746 г. пріѣзжіе на вѣрность Ея И. В. присягу учинили, то слѣдовательно они уравниены съ живущими¹⁾. Но въ грамотѣ, выданной въ 1775 г., преимущество грековъ, живущихъ въ Нѣжинѣ, предъ пріѣзжими оставлено попрежнему; въ 6-мъ пунктѣ этой грамоты мы находимъ слѣдующее: „что же слѣдуетъ до преимущества живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ присягою въ вѣрности обязавшихся, во всякихъ ихъ порядкахъ предъ пріѣзжающими для торгу и на время въ Нѣжинѣ греками, то оное высочайшою грамотою, 1742 г. данною, имъ уже дозволено, слѣдовательно и остается сіе положеніе на томъ же основаніи, по которому и въ братскомъ ихъ судѣ присутствовать имъ однимъ только вступившимъ въ здѣшное подданство грекамъ, тѣмъ найпаче, что вступившій въ подданство и неучиня в вѣрности присяги не можетъ никто допущенъ быть судьей, но дабы между живущими въ Нѣжинѣ и временно туда приезжающими греками случающееся несогласіе прекращено, а братская любовь и союзъ возстановлены были, то и приезжающимъ на время въ Нѣжинѣ для торгу купцамъ грекамъ ползуются тѣми жъ выгодами, каковыми живущимъ тамо высочайшими грамотами ползуются дозволено, кромѣ безошлинного торга и засѣданія въ судѣ“²⁾.

Указомъ малороссійской коллегіи 16 мая 1775 г. было приказано привести грамоту въ исполненіе³⁾.

Греки были недовольны нѣкоторыми статьями грамоты, и поэтому они снова просятъ уничтожить таковыя „несносныя“ для нихъ пункты, однимъ изъ которыхъ греки находили и преимущество живущихъ предъ пріѣзжающими. Въ своемъ прошеніи они писали, что многіе изъ пріѣзжихъ только числятся пріѣзжими, они же принесли присягу на вѣрность государю и „нынѣ избранные изъ пріѣзжихъ въ засѣданіи находятся первѣйшіе“; по полученіи же указа изъ малороссійской коллегіи они должны были оставить засѣданіе и „потому дѣла пріостановились и въ теченіи рѣдкость имѣютъ“; къ избранію другихъ греки приступить не смѣютъ безъ разрѣшенія, почему и просятъ дозволить присутствовать пока этимъ, а въ будущее время они изберутъ другихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ греки хлопотали предъ Сенатомъ; „по прежнимъ обыкновеніямъ установлено быть въ засѣданіи по 3 жительствовавшихъ и по 3 пріѣзжихъ, равнымъ образомъ и у церкви по 3 титара изъ пріѣзжихъ и по 3 изъ живущихъ. Живущихъ, которые бы могли исправно нести должность выборныхъ, очень немного: найдется ли домовъ 20, да и тѣ, по своему купечеству, могутъ отлучаться.

¹⁾ Лицей кн. Безбородко. Архивъ Греческаго Магистрата.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 3930.

³⁾ Лицей кн. Безбородко.

Отъ преимущества только зависятъ всякія несогласія и споры. На основаніи всего вышесказаннаго греки просили утвердить ихъ „прежнее обыкновеніе“.

14 марта 1776 г. греки, въ письмѣ къ гр. Румянцеву, прося у него заступничества, писали, что ихъ дѣло не подвигается, въ Москвѣ же остается только одинъ повѣренный — Синопеусъ, а другіе возвратились въ Нѣжинъ по своимъ дѣламъ — „за купечествомъ“. Графъ Румянцевъ сочувственно отнесся къ просьбѣ грековъ, и пишетъ къ П. В. Завадовскому, въ рукахъ котораго находился „подносимый государынѣ отъ Сената докладъ“ о грекахъ:

„Къ Петру Васильевичу Завадовскому. Парафіевка. Марта 21 1776 г.

Извѣстно Вамъ дѣло нѣжинскихъ грековъ под названіемъ пріѣзжихъ, имѣющеея в правительствующемъ сенатѣ, знаете ви и мысли мои, которія неоднократно предлагалъ я князю Александру Алексѣевичу, чтобъ сохранить ихъ в выгодахъ и преимуществахъ с живущими въ Нѣжинѣ греками, я и теперь писалъ к нему чтобъ исходатайствовать решеніе въ пользу ихъ, а васъ любезнаго моего друга прошу пособить исканію ихъ, напомя при удобномъ случаѣ кн. Александру Алексѣевичу в прочемъ пребуду с непремѣннымъ моимъ усердіемъ вашимъ покорнымъ слугою графъ Румянцовъ Задунайскій“.

По атому же дѣлу пишетъ гр. Румянцевъ кн. А. А. Вяземскому, оберъ-прокурору Сената:

„Милостивый государь мой князь Александр Алексѣевичъ! Имѣющій честь поднести сіе Вашему Сіятельству есть поверенный отъ общества нѣжинскихъ грековъ доискивающихся в Правительствующемъ Сенатѣ по общественному ихъ дѣлу крайняго рѣшенія. Я по сему дѣлу неоднократно изъяснялъ мои мысли чтобъ сохранить в выгодахъ и во всѣхъ преимуществахъ обрѣтающихся в Нѣжинѣ грековъ под названіемъ пріѣзжихъ с греками тамо живущими различающимися однимъ титуломъ, а не вещью; что главный торгъ ведутъ пріѣзжіе и что уравненіе пріѣзжаго противъ живущаго послужитъ къ возбужденію охоты и в протчихъ ихъ одноземцахъ к обращенію в сей край вящей торговли; для того прошу Вашего Сіятельства о исходатайствованіи по сему дѣлу рѣшенія в общую ихъ пользу, соединяющуюся с ползою коммерціи в здѣшнемъ краю, пребывая с непремѣннымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства всепокорній слуга графъ Рутанцевъ Задунайскій

Марта 21 д.

1776 года

С. Парафіевка¹⁾).

Это было въ 1776 году, но еще въ 1777 г. мы видимъ, что греки продолжаютъ хлопотать о томъ же. Въ ноябрѣ того же года они просятъ генераль-маіора Семена Гавриловича Зорича о своемъ дѣлѣ, ибо „по разнымъ препятствовавшимъ обстоятельствамъ, писали они, не могли мы и по днесъ получить высочайшей конфирмаціи“; тогда же просятъ они письмомъ полковника Петра Александровича Самойлова не оставить ихъ своей милостью, если докладъ о грекахъ поступилъ

¹⁾ Арх. греч. братства.

къ нему. Но хлопоты грековъ не увѣличались успѣхомъ, и пунктъ грамоты 1775 г. о пріѣзжихъ оставленъ безъ измѣненія. Вотъ какія смуты въ греческой общинѣ вызвалъ пунктъ грамоты о преимуществѣ живущихъ предъ пріѣзжающими.

Привилегированное положеніе греческой общины подтверждено было и гетманомъ Разумовскимъ въ его правленіе Малороссіей, а затѣмъ это положеніе утверждено было грамотой Императрицы Екатерины II, пожалованной въ 1775 г., причеиъ въ этой грамотѣ были сдѣланы дополненія; именно греки просили, чтобы для суда греческаго братства была выдана печать съ російскимъ двуглавымъ орломъ, съ надписью „Печать греческаго братства“, ибо, хотя въ братствѣ и есть печать, но, „если въ какой судъ, о чемъ подлежитъ, греческое братство пишетъ, или какіе аттестаты и свидѣтельства, въ чемъ надлежитъ, при печати выдаетъ, то тѣ суда сискують на ту печать причину, что яко бы она не изъ судебного мѣста и черезъ то нашимъ собратіямъ дѣлается остановка и излишнѣе затрудненія и переѣздами и переписками напраснѣе убытки“¹⁾.

У греческаго братства сначала была печать съ изображеніемъ Иисуса Христа и всѣхъ святыхъ, съ греческою надписью, съ означеніемъ 1692 г. Эта печать была замѣнена въ 1736 г. другою, изображающею руку, держащую вѣсы, съ греческой и русской надписями: „печать Нѣжинскаго греческаго братства, компромиссіальнаго суда, 1736 г., генв. 1 дня“²⁾. Но разныя малороссійскія учрежденія не признавали оффиціального значенія за этой печатью, почему греки и просили выдать братству печать съ російскимъ двуглавымъ орломъ. Ходатайство грековъ было удовлетворено.

Въ грамотахъ 1710 г. и 1742 г. не указано, гдѣ сторонній долженъ искать на братчикѣ, или братчикъ на стороннемъ, хотя и было обыкновеніе, что ищущій на грекѣ малороссъ искалъ въ братствѣ. Когда въ 1758 г. были учреждены въ зависимости отъ главнаго магистрата словесные суды для разбора дѣлъ между великороссами и чужестранными купцами, торгующими главнымъ образомъ на ярмаркахъ, то, на основаніи грамотъ, указомъ отъ 28 окт. 1764 г. греки были освобождены отъ подсудности этому суду³⁾. Въ 1766 г. публичный нотаріусъ города Нѣжина, Петръ Козинъ, вмѣстѣ съ представителями словеснаго суда, подалъ въ Сенатъ просьбу, въ которой порочилъ судъ греческаго братства, почему Сенатъ указомъ повелѣлъ, что если кто изъ великороссовъ или изъ другихъ націй будетъ имѣть съ грекомъ какое нибудь дѣло, то вѣдался бы о томъ въ судѣ словесномъ и въ Нѣжинскомъ магистратѣ, а въ греческомъ братствѣ судятся только греки между собою⁴⁾. Поэтому греки, ссылаясь на прежній обычай, что если кто нибудь подвѣдомственный нѣжинскому магистрату или нѣжинской полковой канцеляріи искалъ на грека, то относился къ братству, просили Правительствующій Сенатъ, чтобы каждый грекъ „ни докакого другого суду“ привлекаемъ не былъ, ибо, писали греки, по другимъ судамъ греку судиться крайне съ немалою обидою и разореніемъ, что уже и послѣдовало, едино

¹⁾ Лицей кн. Безбородко.

²⁾ Сторожевскій „Нѣжинскіе греки“, стран. 10, Кіевъ 1863 г.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 1535.

⁴⁾ Лицей кн. Безбородко.

по его иностранству, что онъ языка російскаго, а паче законовъ російскихъ крайне не вѣдаетъ, а другое можетъ чрезъ волокиту въ тѣхъ судахъ не токмо купчества своего лишиться, но и въ крайнее разореніе прійтить¹⁾. Грамотой 1775 г. было опредѣлено: „отнинѣ впредь имъ нѣжинскимъ грекамъ съ російскими купцами по ихъ купческимъ обрядамъ разбираться въ нѣжинскомъ словесномъ судѣ, а въ случаѣ формальнаго суда вѣдаться, какъ одной, такъ и другой сторонѣ въ надлежащихъ мѣстахъ по законамъ“²⁾. Въ этой же грамотѣ нѣжинскому магистрату предписано, „чтобы онъ съ нѣжинскихъ грековъ, вступившихъ въ вѣчное подданство, проѣзжей пошлины, такъ какъ съ проѣзжающихъ на время изъ-за границы, въ противность торговаго устава, не требовалъ и въ дачѣ паспортовъ ни малѣйшей остановки не чинилъ, а поступалъ бы во всемъ по даннымъ имъ жалованнымъ грамотамъ, не дѣлая отнюдь никакихъ примѣтокъ, обидъ и налоговъ, даби поступая съ ними во всемъ по точности высочайшихъ грамотъ, тѣмъ удобнѣе можно было въ протчихъ грекахъ возбудить охоту переселяться въ подданство російское“. Русское правительство впоследствии, при всякихъ новыхъ распоряженіяхъ, считало для себя обязательнымъ вѣдаться съ привилегированнымъ положеніемъ греческой общины. Когда въ 1783 г. 3 мая состоялся указъ о сборѣ со всѣхъ малороссіянъ оклада³⁾, то 25 сент. того же года вышло разъясненіе о сборѣ податей съ грековъ и съ иновѣрцевъ, живущихъ въ Черниговскомъ намѣстничествѣ. По этому указу окладъ долженъ быть взимаемъ съ каждаго иновѣрца, смотря по его званію, если только не будетъ законныхъ препятствій или привилегій, по которымъ бы они могли быть изъяты отъ платежа сборовъ. Принадлежащіе имъ работники и подсуѣдки платятъ подать наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами. Право греческихъ купцовъ владѣть крестьянами приказано выяснитъ на основаніи малороссійскихъ законовъ⁴⁾.

Въ 1785 г. учрежденъ былъ греческій Нѣжинскій магистратъ по образцу другихъ городскихъ магистратовъ, и греки оставлены при ихъ вольностяхъ по прежнимъ грамотамъ: имъ дана была свобода отъ податей, постоевъ, подводъ и личной службы, чѣмъ „пользовались и до перемѣны въ образѣ податей, по малороссійскимъ губерніямъ учиненной, указомъ Нашимъ отъ 3 мая 1783 г.“⁵⁾.

Универсаломъ гетмана Богдана Хмельницкаго отъ 1657 г. греки были освобождены отъ юрисдикціи мѣстной власти, но послѣдняя очень недружелюбно относилась къ такому льготному, обособленному положенію греческаго купчества. Такъ уже Ив. Выговскій, въ своемъ универсалѣ отъ 3 мая 1659 г., заявляетъ: „Ижь дошло намъ знати, же купци крекги, которыи намъ скажили, по мѣстахъ и мѣстечкахъ, а найбарзѣи, на ярмаркахъ зъ розными товарами будучи, великии кривды и незносныи поносятъ, якобы з перначемъ отъ боку нашего зосланныи въ товарахъ и иншихъ речахъ имъ ущербокъ и утяжене чинять чрезъ упоръ свой, и універсаловъ

¹⁾ Лиц. кн. Безбородко.

²⁾ Х. И. А. М. К. № 3930.

³⁾ Ригельманъ. Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи, ч. IV, стран. 49—52.

⁴⁾ П. С. З., т. XXI, № 15833.

⁵⁾ Ibidem, т. XXII, № 16250.

нашихъ имъ данныхъ не слушаючи¹⁾. Универсалы слѣдующихъ гетмановъ показываютъ, какъ смотрѣли мѣстныя власти на права и вольности греческой общины. Во всякое время, при каждомъ удобномъ случаѣ, магистратъ, полковая канцелярія старались привлечь греческое населеніе къ отбыванію общенародныхъ повинностей. Съ 1675 г. мы видимъ, что греческое населеніе сосредоточивается преимущественно въ Нѣжинѣ. Съ учрежденіемъ же греческаго нѣжинскаго братства, т. е. съ 1696 г., греки являются не только обывателями города Нѣжина, но даже членами привилегированной греческой общины. Съ учрежденіемъ братства въ Нѣжинѣ въ XVII столѣтіи было 4 группы населенія; у каждой изъ этихъ группъ были свои собственныя учрежденія и власти, которыя и вѣдали ея интересы. Мѣщанъ и посполитыхъ вѣдалъ магистратъ; полковая канцелярія заправляла казацкимъ населеніемъ и была высшимъ мѣстнымъ административнымъ учрежденіемъ; комендантъ нѣжинской крѣпости вѣдалъ гарнизонъ и великороссійское населеніе и, наконецъ, нѣжинское греческое братство съ греческими купцами.

Интересы отдѣльныхъ группъ невольно сталкивались между собою и такъ какъ каждая группа пользовалась особыми правами и привилегіями, то это столкновение интересовъ часто вело къ стѣсненію и угнетенію одной изъ нихъ. Часто само населеніе, хотя бы члены греческаго братства, было виновато въ этомъ. Такъ напр., въ 1732 г. нѣжинскій житель грекъ Штука занялъ у грековъ турецкими товарами на 1270 рублей. Часть этихъ денегъ онъ обѣщался уплатить на всеѣдной ярмаркѣ, а часть на середопостной, но потомъ раздумалъ и рѣшилъ совсѣмъ не отдавать. Чтобы избавиться отъ докучливыхъ кредиторовъ, онъ рѣшилъ уѣхать въ Польшу; но кредиторы это узнали и просили нѣжинскаго войта задержать Штуку. Послѣдній былъ сысканъ, но просилъ дать ему день отсрочки. Получивъ таковую онъ отдался подъ протекцію коменданта, который, несмотря на гетманскіе универсалы (гетманскимъ универсаломъ запрещено было принимать грековъ подъ протекцію), принялъ его, почему Штука могъ скрыться въ Нѣжинскомъ замкѣ. Греческіе купцы отправились къ коменданту и изложили ему обстоятельства дѣла. Убѣжденный въ виновности Штуки, комендантъ выдалъ его купцамъ²⁾. Изъ знатныхъ купцовъ — грековъ былъ собранъ купеческій судъ для разбора дѣла. Изъ разбирательства оказалось, что Штука былъ долженъ очень много, а поэтому купцы просили объ арестѣ Штуки, что и было сдѣлано. Штука опять удалось скрыться въ замокъ подъ протекцію коменданта; когда же купцы отлучились на Борзенковскую ярмарку, то Штука съ солдатами приходилъ на ихъ квартиры. Изъ этого мы можемъ убѣдиться, какъ тѣсно соприкасались между собою элементы разныхъ группъ населенія города Нѣжина. Греческое населеніе, изъятое отъ юрисдикціи мѣстной власти, прибѣгаетъ къ ней же для ареста своего сообрата — купца. Комендантъ, который хотя косвенно, но долженъ былъ слѣдить за исполненіемъ законовъ, нарушаетъ послѣдніе самъ.

Разсмотримъ вкратцѣ, какъ греки, со своими привилегіями, уживались съ остальными группами населенія. Черезъ 2 года послѣ учрежденія братства, т. е. 11 янв.

¹⁾ Акты, стран. 45.

²⁾ Румянц. муз., № 3191.

1698 г., Мазепа далъ гор. Нѣжину универсалъ, по которому „купци чюжеземскіе греческіе и иніе, которіе домами своими в Нѣжинѣ живутъ и подварками или какими ни есть грунтами владѣютъ, въ тягостяхъ и повинностяхъ общемѣщанскихъ повинни быть помочни“. ¹⁾ Универсалъ этотъ въ томъ же году 1-го марта былъ подтвержденъ грамотой Петра Великаго. Но пользуясь, вѣроятно, расположеніемъ полковника Обидовскаго, родственника гетмана, греки были свободны отъ городскихъ повинностей ²⁾. Уплативши полковнику „певную грошевую“, которая должно быть поступала въ личную скрынку полковника ³⁾, греки были свободны отъ двухъ главныхъ городскихъ повинностей — „дачи подводъ и постоевъ“, а также „и иныхъ тяглыхъ повинностей“. По удаленіи полковника грековъ, на основаніи грамоты 1698 г., какъ полковой, такъ и мѣскій судъ, привлекалъ къ отбыванію мѣщанскихъ повинностей, почему греки обратились къ гетману, прося у него „рейментарскаго унѣверсалу, за котормъ бы отъ тыхъ прикростей припрежденей знайдовалися волности“ ⁴⁾. Гетманъ, памятуя о своемъ племянникѣ, склонился на просьбы грековъ, и универсаломъ 16 мая 1701 г. освободилъ ихъ отъ мѣщанскихъ повинностей съ тѣмъ, чтобы „такъ и на сей рокъ тую ж (т. е. певную грошевую) въ домъ небожчуковскихъ уистити будутъ повинни“ ⁵⁾.

Съ этого времени между греческимъ братствомъ и магистратскимъ урядомъ происходятъ постоянныя пререканія. Магистратъ нѣжинскій при всякомъ удобномъ случаѣ старался привлечь грековъ къ отбыванію мѣщанскихъ повинностей, на основаніи грамоты Петра Великаго, а греческое братство, основываясь на только-что упомянутомъ универсалѣ, выпрашивало себѣ свободу отъ нихъ. Послѣ Мазепы гетманъ Скоропадскій, въ универсалѣ 17 октября 1709 г. подтвердилъ, „же бы въ господахъ ихъ не чинили квалту и насилства и не смѣли онихъ дворовъ для какой нибудь городской потребы сганяти, такъ же и подводъ в нихъ, а особливе у пріеждыхъ купцовъ отнюдь жадною мѣрою не дерзали брати“ ⁶⁾. Но гетманскій универсалъ имѣлъ малое значеніе, ибо, имѣя у себя царскую грамоту, нѣжинскій магистратъ попрежнему продолжалъ ставить постои грекамъ на ихъ квартиры и брать лошадей въ подводы, ⁷⁾ почему греки рѣшили просить и себѣ грамоту, которая ими и была получена. Этой грамотой былъ утвержденъ универсалъ Скоропадскаго отъ 17 окт. ⁸⁾.

Требованій со стороны магистрата объ исполненіи греками мѣщанскихъ повинностей мы не встрѣчаемъ, да и врядъ-ли они случались, ибо отъ 1714 г. до 1718 г. нѣжинскимъ войтомъ былъ Стерій Тернавіотъ, членъ греческой общины и поэтому врядъ-ли онъ позволялъ нарушать данную грекамъ грамоту.

Во время правленія малороссійской коллегіи грамота Петра Великаго, конечно, должна была исполняться. Когда въ 1728 г. было возстановлено гетманство, то въ

¹⁾ Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., томъ II, стран. 56, Кіевъ 1893 г.

²⁾ Акты, стран. 50.

³⁾ Лазаревскій, стран. 12.

⁴⁾ Акты, стран. 59.

⁵⁾ Ibidem, стран. 60.

⁶⁾ Ibidem, стран. 62.

⁷⁾ Вантышъ-Каменскій. Источн. Малорос. ист., ч. II, стран. 259, Москва 1859 г.

⁸⁾ Ibidem, стран. 260.

Малороссіи пошли и старые порядки. Греки опять подают просьбу гетману, представляя при ней реестръ уплачивавшихъ ежегодно извѣстную „годовую квоту“ и свободныхъ отъ мѣщанскихъ повинностей ¹⁾. Гетманъ сочувственно отнесся къ просьбѣ грековъ и универсаломъ 8 февраля 1729 г. освободилъ членовъ греческой общины отъ всякихъ мѣщанскихъ повинностей.

При учрежденіи „консистентскихъ дачъ“ магистратъ ставилъ консистентовъ въ церковномъ греческомъ домѣ, о которомъ въ универсалѣ не упомянуто ни слова, а также и въ другихъ греческихъ домахъ ²⁾, почему грекамъ приходилось хлопотать у Апостала о новомъ универсалѣ.

Несмотря на универсалы мѣстное начальство находило возможнымъ, такимъ или инымъ путемъ, привлекать грековъ къ общенароднымъ повинностямъ. Такъ въ 30-хъ годахъ нѣжинскіе полковые комиссары, на основаніи предложенія универсала „дабы комиссары на дома ихъ греческіе необыкновенныхъ постоевъ не насилали“, продолжали ставить въ греческихъ домахъ разнаго чина людей изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, заявляя, что „и впредь будутъ безъ опасенія ставить *обыкновенно*, а не *необыкновенно*“. ³⁾

Греки въ декабрѣ подали прошеніе князю Шаховскому, который, съ присутствующими въ генеральной войсковой канцеляріи, 14 декабря 1735 г. постановилъ: „чтобы комиссары нѣжинскіе на дома грековъ постовъ безъ особливаго енеральной войсковой канцеляріи указу отнюдь никакихъ не насылали и никому в квартиру домовъ ихъ, жительствовавшихъ грековъ, отнюдь не отводили“. ⁴⁾ А 19 декабря грекамъ и былъ выданъ въ такомъ духѣ универсалъ. ⁵⁾

Число поселяющихся въ Нѣжинѣ грековъ между тѣмъ все увеличивается, число освобожденныхъ отъ повинностей, стало быть, все растеть, повинности же городскія не умалались, а въ свою очередь возрастали, такъ что выходило, что число плательщиковъ становилось меньше и при раскладкѣ платежей на долю каждаго приходилась всякій разъ большая и большая сумма.

Особенно тяжелы должны были сдѣлаться консистентскія дачи и постоянная повинность во время походовъ Миниха: на зимы 1736 и 1737 годовъ вся русская армія расположилась на зимнія квартиры въ Малороссіи. ⁶⁾ А въ то же самое время греки сумѣли выхлопотать у Миниха салвогвардію (7 октября 36 года), въ которой „войскъ Его И. В. господамъ командующимъ и отъ вышняго и до нижняго чина чрезъ сіе повелевается, дабы о неименіи у оныхъ Грековъ постоевъ какъ квартирующихъ такъ и проезжающихъ, и о нечиненіи имъ никакихъ обидъ и утесненія поступано было по вышеписанной Грамоте (т. е. 1710 г.) не отменно“. ⁷⁾

¹⁾ Во время Дан. Апостола чиншевыхъ съ грековъ собиралось: за 1730 г.—80 руб. безъ двухъ алтынь, за 1731 г.—87 руб. 50 коп. Х. И. А. М. К., № 11744.

²⁾ Акты, стран. 66—72.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 3313.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Акты, стран. 72—74.

⁶⁾ Маркевичъ Ист. Малор..

⁷⁾ Акты, стран. 74.

Дѣйствительно, городскія повинности за это время оказались очень изнурительными для обывателей. Въ 1738 г. нѣжинскіе жители подали прошеніе, въ которомъ доносили, что они не въ состояніи содержать почты¹⁾, а полковая нѣжинская канцелярія подала въ генеральную войсковую канцелярію доношеніе, гдѣ указываетъ на то, что греки въ Нѣжинѣ занимаютъ около 200 домовъ, частью собственныхъ и народу не даютъ помощи въ консистентахъ, дачахъ на марширующіе полки, въ дачѣ провіанта и фуража, подводъ и проч.²⁾; нѣжинская полковая канцелярія доносила Румянцеву, что „греки и дѣти и внуки ихъ ежегодно распространяющіеся домами своими, которыхъ иніе имѣютъ по два и по три, живутъ прохладно никакихъ и наименшихъ повинностей не отбываючи, а другіе греки совокупивши куплею дворовъ по 15 и поболшь построили великое число избъ, и съ найму онихъ толко прибыль получаютъ“³⁾. Дома же, скупленные греками, были ранѣе „знатные“ старшинскіе, козацкіе и мѣщанскіе, съ которыхъ отбывались повинности городскія. Поэтому полковая канцелярія просила генеральную заставить грековъ, хотя на военное время, нести наравнѣ съ другими обывателями городскія повинности, тѣмъ болѣе, что по грамотѣ Петра Великаго отъ 7206 г. (1698 г.) греки должны были это дѣлать⁴⁾. Генеральная войсковая канцелярія предписала доставить свѣдѣнія о числѣ грековъ, а также копію грамоты Петра⁵⁾. Доставлены ли были свѣдѣнія о грекахъ, мы этого сказать не можемъ, но въ 1741 г. грекамъ былъ выданъ изъ генеральной войсковой канцелярії универсалъ, утверждавшій имъ льготу отъ городскихъ повинностей, ибо къ грекамъ непрестанно продолжали ставить проѣзжающихъ офицеровъ и отводили дома ихъ подъ квартиры⁶⁾. Но универсала оказалось недостаточно: грековъ попрежнему обременяютъ постоями и всевозможными повинностями⁷⁾. Поэтому греки въ 1742 г. выхлопотали себѣ у Елизаветы Петровны грамоту, подтверждающую ихъ вольности. Получивъ послѣднюю, греки настолько энергично начали скупать у мѣщанъ дворы, что въ октябрѣ слѣдующаго 1743 г. нѣжинскій магистратъ подалъ въ генеральную войсковую канцелярію просьбу: „что въ г. Нѣжинѣ живущіе греки покупали дворы и грунта козацкіе и мѣщанскіе однакъ де не такое число въ собраніи ихъ у Нѣжинѣ било, какъ нынѣ и нѣкоторыя зъ нихъ подъ магистратомъ жили и во всякихъ мѣщанскихъ общенародныхъ случаяхъ магистратъ вспомошествовали, нынѣ же де, получа себѣ В. И. В. височайшую грамоту, что во всемъ свободни зостають и ради такой де свободы многіе вновь приездомъ до Нѣжина хотять себѣ покупать мѣщанскіе дворы, ежели жъ де имъ свободно покупать будетъ, то и мѣщанъ всѣхъ скупають, а магистрату отъ нихъ вспомошествованія не будетъ и весьма магистратъ останется ни при чемъ и не будетъ отбывать кому общенародныхъ должностей“⁸⁾. Получивъ такого

¹⁾ Румянцевскій музей, № 1348.

²⁾ Ibidem, № 1334.

³⁾ Румянцевскій музей, № 1334.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem, № 1336.

⁶⁾ Акты, стран. 76.

⁷⁾ П. С. З., т. XI, № 8656.

⁸⁾ Х. И. А. М. К., № 21702.

рода просьбу, Бибииковъ приказалъ магистрату куплю греками дворовъ не утверждать, а самъ, отъ имени генеральной войсковой канцеляріи, рѣшилъ подать въ Правительствующій Сенатъ докладъ, прося разъясненія по [поводу скупки греками дворовъ¹⁾]. Было ли послано въ Сенатъ доношеніе, не знаемъ, но запрещеніе скупки дворовъ повидимому имѣло силу, ибо въ 60-хъ и 70-хъ годахъ греки хлопотали предъ Екатериной между прочимъ и о томъ, чтобы имъ было разрѣшено свободно покупать въ Нѣжинѣ дома. А графъ Румянцевъ, имѣя вѣроятно это въ виду, считалъ нужнымъ согласовать привилегіи города съ привилегіями греческой общины.

Взятіе греческихъ домовъ подъ квартиры, взятіе подводъ у грековъ совершались все-таки попрежнему, тѣмъ болѣе, что очень часто переѣзжающіе и квартирующіе штабъ-оверъ-и унтеръ-офицеры и другіе служилые люди своевольно занимали греческіе дома въ постой и брали греческія подводы, такъ что въ 1746 г. греки должны были опять жаловаться въ генеральную войсковую канцелярію, изъ которой имъ и былъ выданъ универсалъ въ прежнемъ духѣ²⁾.

Въ правленіе гетмана Разумовскаго греки были освобождены попрежнему отъ постоевъ и отъ дачи порціоновъ и раціоновъ; но многіе изъ грековъ имѣли въ Нѣжинѣ по нѣсколько домовъ, а затѣмъ накупили разныхъ угодій: пахотныхъ полей, сѣнокосовъ и лѣсовъ. Дома свои греки съ большою выгодой отдавали въ наймы, а на скупленныхъ грунтахъ у нихъ жили подсуздки. Поэтому въ 1754 г. 25 авг. нѣжинскій полковникъ спрашивалъ генеральную войсковую канцелярію, брать-ли съ этихъ грунтовъ, находящихся во владѣніи грековъ, порціонныя, раціонныя и чиновничьи деньги. Генеральная канцелярія ордеромъ отвѣтила: если это не противорѣчить гетманскимъ универсаламъ и ордерамъ, то брать³⁾, а ордеромъ 10 іюля 1757 г. гетманъ разъяснилъ полковнику, что отъ постоевъ и взиманія консистентскихъ дачъ должны быть свободны только тѣ греческіе дворы, въ которыхъ они сами живутъ, а съ остальныхъ дворовъ и имѣній, приобретаемыхъ по купчимъ, особливо съ тѣхъ, съ которыхъ ранѣе шли консистентскія дачи, должно „въ пропорцію, но безъ излишества, взиматься слѣдующее“⁴⁾. Взыскивать эти дачи комиссары должны были съ самихъ грековъ, не относясь въ братство, какъ это было разрѣшено полковой канцеляріи сдѣлать съ представителями другихъ сословныхъ группъ. И когда въ 1759 г. полковая нѣжинская канцелярія нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ въ братствѣ взяла подъ арестъ, пока греками не будутъ выплачены слѣдующія съ нихъ деньги, то генеральная войсковая канцелярія полковой канцеляріи ордеромъ отъ 12 ноября 1759 г. разъяснила, что взыскивать полковая канцелярія должна съ самихъ грековъ, ибо присутствующіе въ своемъ доношеніи генеральной канцеляріи выставляли, что они выбраны въ братство для суда и расправы и другого имъ дѣлать некогда; „если же нѣкоторые изъ грековъ“, писала въ своемъ ордерѣ генеральная канцелярія, „являются ослушны“, то полковая нѣжинская канцелярія „можетъ къ должной отдачѣ,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Акты, стран. 77.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 19570.

⁴⁾ Ibidem.

какъ запристойно, ихъ приказать принудить“. Это же самое было подтверждено и ордеромъ 1769 г. 26 янв.¹⁾ А въ универсалѣ гетмана отъ 15 марта 1763 г. о ревизіи въ Малороссіи, въ 8-мъ пунктѣ инструкціи, читаемъ: „8) жительствующихъ въ городѣ Нѣжинѣ грековъ и другихъ иностранцевъ, кои суть вѣдомства греческаго тамошняго братства, всѣ жилые ихъ собственные дома написать, потребовавъ о томъ вѣдомости за руками судей того греческаго братства, а малороссіянъ слугъ ихъ и работниковъ записовать за урядъ съ прочими“²⁾.

Недоразумѣнія между магистратомъ и греческимъ братствомъ въ первой половинѣ XVIII ст. могли сглаживаться тѣмъ, что войтами города были Тернавіоты, — сначала отецъ, потомъ сынъ, — греки, состоявшіе братчиками общины. Но эти недоразумѣнія, или, какъ ихъ братство называетъ, притѣсненія, во второй половинѣ столѣтія, достигли значительныхъ размѣровъ, и отношенія братства къ магистрату сильно обострились. Въ 1769 г. повѣренный отъ греческаго братства Лука Ивановъ подалъ челобитную на нѣжинскій магистратъ, въ которой указывалъ на притѣсненіе живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ поставкой въ ихъ собственныхъ домахъ и наемныхъ квартирахъ насильно постоевъ и пр. Сенатъ, какъ мы знаемъ, предписалъ графу Румянцеву 31 дек. предохранять братство отъ всякаго притѣсненія и обидъ. Но магистратъ нѣжинскій, какъ писало братство, не охраняя означенныхъ повелѣній, продолжалъ попрежнему безпрестанно наносить греческому братству обиды и паки ставить въ дома постой, налагать на нѣкоторыхъ грековъ подати, а за неуплату послѣднихъ грабилъ и заграбленное оставлялъ у себя³⁾.

Къ этому присоединилось еще слѣдующее: 26 марта 1773 г. Екатериной II была подтверждена грамота, выданная Нѣжину въ 1698 г. Подтверженіе это состоялось вотъ по какому случаю. Великороссійскіе купцы жаловались, что нѣжинскій магистратъ привлекалъ ихъ наравнѣ съ малороссійскими обывателями къ участию въ городскихъ повинностяхъ; но малороссійская коллегія указала Сенату на то, что великороссійскіе купцы владѣютъ въ Нѣжинѣ домами и землями наравнѣ съ малороссами и хотятъ избавиться отъ повинностей, несмотря на то, что городу Нѣжину была дана грамота, по которой чужеземные купцы должны отбывать повинности наравнѣ съ мѣщанами. Результатомъ этого доклада и было подтверженіе грамоты 1698 г. Получивъ послѣднее, магистратъ началъ привлекать къ общенароднымъ повинностямъ и грековъ: къ постоямъ, дачѣ подводъ, къ наряду для смотрѣнія за продажей казенной соли и наконецъ погребъ греческой церкви занять былъ для склада магистратской казны⁴⁾. Греки подали Румянцеву прошеніе 22 января 1774 г. съ жалобой на утѣсненіе ихъ магистратомъ. Румянцевъ по этому поводу сдѣлалъ запросъ малороссійской коллегіи, почему греки начинаютъ хлопотать и передъ нею, пишутъ письма къ членамъ ея кн. Плат. Степ. Мещерскому, Вас. Григ. Туманскому⁵⁾. Въ этихъ письмахъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Архивъ на колокольнѣ Глуховской Преображенской церкви, рукописная книга о малороссійскихъ судахъ: „Цвѣтъ з правъ малороссійскихъ собраній“ и пр.

³⁾ Лицей кн. Безбородко.

⁴⁾ Арх. греч. братства,

⁵⁾ Лицей кн. Безбородко.

они разъясняют, что указъ 1773 г. относится только къ великороссійскимъ купцамъ, а не къ грекамъ, ибо городу Нѣжину Петромъ Великимъ дана была грамота въ 1698 г., а имъ, грекамъ, въ 1710 г.; слѣдовательно, сказанное о грекахъ въ грамотѣ 1698 г. отмѣнялось. Въ свою очередь и къ графу Румянцеву греки опять шлютъ прошеніе объ избавленіи ихъ отъ притѣсненій со стороны магистрата. Въ малороссійской же коллегіи находился цѣлый рядъ жалобъ на нѣжинскій магистратъ: 1) Отъ грековъ Степанея Евстафіева, Нака Божиана, Ризы Иванова, Петра Ботиша и Михайлы Драгуліева о томъ, что магистратъ требуетъ съ нихъ взноса податей, наложенныхъ на нѣжинскихъ мѣщанъ и притягиваетъ ихъ въ мѣщанство; за неплатежъ магистратъ по обыкновенію грабятъ имущество. У Степанея Евстафіева магистратовые заграбили гусарку, Мих. Другуліева посадили въ магистратъ подъ арестъ. 2) Кромѣ этого, магистратъ причинилъ обиду грекамъ 13 января 1769 г.: посланные магистратомъ „похватили насильно и гвалтовно много изъ грековъ на дорогѣ, много торгующаго въ лавкѣ, а другихъ въ домахъ“, привели въ магистратъ и засадили въ тюрьму. Братство было обижено, ибо отъ этого греки терпѣли въ торговлѣ убытокъ, а по смыслу грамоты магистратъ не имѣлъ никакого основанія вмѣшиваться въ ихъ дѣла; дома же ихъ достались имъ не отъ мѣщанъ, а отъ жившихъ раньше въ нихъ солдатъ и священства. Въ этихъ домахъ греки живутъ свободно, безъ платы общенародныхъ повинностей, по многу лѣтъ и въ ревизіи не состоятъ. 3) 4 мая 1770 г., во время отсутствія Ризы Иванова, нѣжинскій магистратъ „наслалъ на его домъ гвалтовно“ четырехъ человѣкъ, требуя денегъ за воловъ и погонщиковъ. Посланные заграбили кунтушь женскій и запону (кунтушь возвращенъ, а запона нѣтъ). А минувшаго 2-го апрѣля за тѣ же дачи онъ Ивановъ былъ посаженъ въ тюрьму, до 5-го апрѣля, на Свѣтлую недѣлю, „магистратъ наслалъ на шинковую его Ризы кофейню магистратоваго городничаго, съ семью человѣками команды, ограбилъ кунтушь суконный, шанку душкову зимнюю съ колпакомъ краснымъ“ и „посланные, вытягнувъ его Ризу на мостовую въ базаръ, били немилостиво кулатчемъ“. 9-го іюля, когда Риза Ивановъ находился „по должности своей купеческой въ кофейнѣ в продажѣ кофе“, магистратъ „наслалъ своихъ поборцовъ“ на домъ Ризы, которые, „за требуемыя на фашины и дубья мѣщанскія тягости, взявъ жену его Ризы, таская съ двора, засадили въ магистратскую тюрьму“. Домъ архимандрита іерусалимскаго монастыря Хрисанфа отведенъ подъ квартиры. Кушнерскій цехъ держитъ грека Дмитрія Пантозіева Жанду въ тюрьмѣ за неотдачу, по требованію цеховыхъ мастеровъ, 6 рублей.

Получивъ отъ братства жалобы, малороссійская коллегія сдѣлала запросъ нѣжинскому магистрату объ обидахъ. Магистратъ отвѣтилъ, что упомянутые греки живутъ въ верхнемъ городѣ-замкѣ, на купленныхъ у мѣщанъ дворахъ: Евстафіевымъ у канонерской жены Евдокии Шепелевой (по первому мужу малоросса), Накомъ Божинымъ у замковаго діакона Петра Иванова, Ризою Ивановымъ — у солдата Киціонка и Прокона Кушиѣрова, Ботишомъ у мѣщанина Ивана Гладкого, Драгуліевымъ у отставнаго солдата Степана Быкова. Дворы эти, за исключеніемъ діаконскихъ положены въ рублевый окладъ по ревизіи 1764 г., а греки эти занимаютъ шинковыми и другими промыслами¹⁾.

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 4560.

Наконецъ вопросъ закончился, какъ мы знаемъ, грамотой Екатерины II отъ 1775 г., подтверждающей прежнія греческія вольности. Когда былъ установленъ кварталный сборъ, то имъ было обложено и греческое населеніе. Съ греками сборщики поступали со всею строгостью. Такъ въ 1770 г. Ризу Иванова держали въ тюрьмѣ, пока онъ не отдалъ кварталныхъ денегъ 7 р. 80 к. Отъ церковнаго сторожа, который „проживаетъ на подварку греческой церкви“, требовалъ магистратъ 3 рубля. Когда не было дома грека Аванасія Тухаева, то пришли „опредѣленные отъ магистрата“ и насильно стали требовать отъ его жены денегъ и когда она изъ боязни указала сундукъ, то они отбили 3 замка, взяли 4 шелковыхъ платка и вексель на 86 р. 50 к., и „причина оного Тухаева женѣ и служанкамъ бои, отошли“.

Перечисливши обиды отъ магистрата, греки, въ доношеніи Румянцеву отъ 4 апрѣля 1774 г., писали: „совсѣмъ не ожидали прародители наши и братія греки никогда таковыхъ внукамъ ихъ злключеній и нещастій. Они, убѣгая отъ ненавистниковъ рода христіанскаго махOMETанъ, видя въ Россіи непоколебимое утвержденіе благочестія и благолѣпія храмовъ Божіихъ, затѣмъ по единству вѣры нашея православныя греческія съ народомъ россійскимъ возымѣли пріѣзды и пристанище въ Нѣжинѣ для облегченія тамошнихъ нуждъ и печалей и чтобъ получать изъ своего купеческаго обращенія ползу, ибо гетманъ Богданъ Хмельницкій и прочіе по немъ бывшіе гетманы грековъ приохочуючи больше к пріѣзду и привозу товаровъ универсалами утвердили во всякой предохраняемой отъ обидъ волности, с коихъ подъ высокое разсмотрѣніе копіи сообщаемъ“¹⁾.

Въ своемъ доношеніи въ малороссійскую коллегію магистратъ нѣжинскій писалъ, что взыскиваетъ деньги на основаніи ея указа отъ 27 іюня 1768 г., по которому велѣно взыскивать кварталныя деньги со всѣхъ, кто грунтами владѣетъ, кто бы онъ ни былъ, поэтому кварталныя сборы наложены на имѣнія или иначе говоря на владѣльцевъ ихъ, а среди таковыхъ оказываются и греки²⁾.

На просьбу грековъ 11 апрѣля 1774 г. изъ малороссійской коллегіи послѣдовалъ указъ: оставить грековъ при ихъ вольностяхъ, имѣя въ виду ихъ выѣзды отъ турокъ и торговлю³⁾.

Пререканія между представителями магистрата и греческими купцами доходили иногда до открытой драки. Генеральный судъ предписалъ нѣжинскому магистрату слѣдить, чтобы грекъ Мильчо не покинулъ города Нѣжина. Получивъ предписаніе суда, магистратъ послалъ за Мильчемъ, чтобы привести его.

Посланному Мильчо отвѣчалъ: „и самъ не пойду и самаго послѣдняго хлопча не пущу“. Тогда магистратъ послалъ городничаго взять Мильчо силой, если онъ не пойдетъ добровольно. Городничій встрѣтилъ Мильчо возлѣ двора, гдѣ квартировалъ послѣдній, и передалъ требованіе магистрата, на которое Мильчо отвѣчалъ „матерною“ бранью, а затѣмъ что-то крикнулъ по гречески своимъ людямъ, связывавшимъ въ кипы во дворѣ товаръ. Эти выскочили съ дубьемъ и начали бить сначала городни-

¹⁾ Лицей кн. Безбородко.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 4560.

³⁾ Лицей кн. Безбородко.

чаго, а потомъ пришедшихъ съ нимъ. Дѣло происходило недалеко отъ магистрата, откуда выбѣжали магистратскіе служащіе для защиты своихъ. Произошло настоящее побоище, въ которомъ очень многіе изъ магистратскихъ были ранены и притомъ серьезно. Вѣроятно пострадали и греки, но свѣдѣній мы объ этомъ не имѣемъ, ибо у насъ есть доношеніе только со стороны магистрата. По свѣдѣтельству этого доношенія грековъ и волоховъ было будто бы до 80 человекъ. По поводу всего происшедшаго нѣжинскій городской атаманъ ходилъ въ правленіе братства, но не только не засталъ тамъ присутствующихъ, но и само правленіе оказалось запертымъ на замокъ.

Въ свою очередь присутствующій въ греческомъ братствѣ Анастасіевъ жалуется, что „10 апр., во вторникъ на Страстной недѣлѣ, въ 2 часа пополудни, когда онъ возвращался съ судейскаго мѣста греческаго братства на свою квартиру, то де на пути напали на него болѣе 20 человекъ „съ дрючьемъ“ и хотѣли взять его, Анастасіева, насильно, для чего гнались за нимъ до самой квартиры, гдѣ онъ и укрылся; но гнавшіеся за нимъ, „отбивъ ворота“, бросали во дворъ кирпичемъ и дрючьемъ и другіе гвалты и обиды причинили и то де, какъ извѣстился онъ, произошло отъ нѣжинскаго магистрата.¹⁾“

Вообще трудно точно опредѣлить взаимныя отношенія магистрата и братства. Магистратъ, какъ учрежденіе, завѣдывавшее всѣми мѣщанами Нѣжина, имѣлъ право вмѣшиваться въ дѣла братства; да и сами братчики относились къ авторитету магистрата, какъ напр. объ арестованіи Штуки. Арестуемые греки часто содержатся въ магистратѣ²⁾. Все объясняется чисто обстоятельствами времени, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ братчиковъ были войтами Нѣжина и, конечно, берегли интересы братства.

При учрежденіи въ 1785 г. (1 сент.) греческаго магистрата, греки оставлены были при всѣхъ правахъ и преимуществахъ, пожалованныхъ имъ ранѣе, — при свободѣ отъ податей, постоевъ, дачи подводъ и личной службы³⁾; „но что до части полицейской или благочинія, то какъ оное для собственнаго спокойствія и блага всѣхъ живущихъ въ городѣ, въ томъ числѣ и сего намъ единовѣрнаго общества относится, обязаны они участвовать съ прочими гражданами на ряду въ издержкахъ на содержаніе чистоты въ городѣ, безопасности отъ огня и прочаго полезнаго, но безъ отягощенія предъ другими⁴⁾“. Магистратъ греческій былъ учрежденъ на основаніи городского положенія 21 апр. 1785 г. (Статья 127). Греки имѣли право выбирать изъ своей среды бургомистровъ и ратмановъ⁵⁾. Магистратъ же находился въ зависимости отъ черниговскаго губернскаго магистрата, „подъ апелляціей“, какъ сказано въ указѣ⁶⁾.

Въ универсалѣ Б. Хмельницкаго 1657 г. мы находимъ: „Зъ Полковниковъ засе, Асавуловъ, Атамановъ, Войтовъ, Бурмистровъ, абы жаденъ о нихъ судить и декретами окрывать несмѣль, сронго навпоминаемъ“. Когда же въ Нѣжинѣ греки устраи-

¹⁾ Лицей кн. Безбородко.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 4933.

³⁾ П. С. З., т. XXII, № 16250.

^{4, 5, 6)} Ibidem.

лись на поселеніе, то Мазепа, въ универсалѣ 1687 г., приказывалъ: „А такъ мѣти хочемъ и приказуемъ, абы въ тыхъ ихъ учтивыхъ греческихъ купцовъ розсудкахъ и росправахъ, якъ панъ полковникъ Нѣжинскій и судъ полковый, такъ и Магистратъ тамошній, и ниhto иный не чинилъ имъ перешкоды, и права того онимъ симъ унѣверсаломъ нашимъ утвержденно нарушати не важился подь войсковымъ караньемъ ¹⁾“.

Но трудно было полковнику Нѣжинскому и нѣжинской канцеляріи не вмѣшиваться въ дѣла братства. Сами братчики прибѣгали къ авторитету нѣжинской полковой канцеляріи. Такъ греки Мазаракій и Маркачанъ, по дѣлу объ оскорбленіи ихъ греками же Анастасіемъ Максимовымъ и Фотіемъ Таелѣевымъ, жалуются (въ 1732 г.) въ полковую канцелярію, гдѣ и разбирается ихъ дѣло ²⁾. Дѣло волошкаго шляхтича Думитрашки о взысканіи имъ съ нѣжинскихъ грековъ Калины и Стефанѣя четырехсотъ червонныхъ разбирается въ полковомъ судѣ ³⁾. Подь караулъ берутся греки въ полковую нѣжинскую канцелярію или въ магистратъ ⁴⁾. На случай безпорядковъ въ греческомъ братствѣ разслѣдованіе дѣла поручалось полковой канцеляріи, которая и командировала кого нибудь изъ полковой старшины въ братство. Очень часто мы встрѣчаемъ среди дѣлъ прошенія грековъ, направленные въ полковую канцелярію и тогда, когда у грековъ функционировалъ свой судъ.

3 февраля 1750 г. полковая нѣжинская канцелярія просила у генеральной войсковой канцеляріи разъясненія, какъ ей быть съ поступающими въ нее прошеніями грековъ, которые не находятъ въ братствѣ суда и управы „за однимъ посягательствомъ и поблажкою судящихъ того братства ⁵⁾“.

Въ 1751 г. Стойкевичъ просить передать его дѣло въ полковую канцелярію. Стойкевичъ долженъ былъ Діамандію Горголію 200 руб. Въ обезпеченіе уплаты долга Горголій взялъ крѣпости на земли Стойкевича; желая присвоить „добра Стойкевича“, Горголій держалъ его подь карауломъ, безчестилъ и не отдавалъ крѣпостей. Братство дѣло это оставляло безъ разбора ⁶⁾.

Особенно же трудно было иноплеменнымъ купцамъ — великороссійскимъ и другимъ, получить удовлетвореніе въ братствѣ по своимъ искамъ на грековъ; поэтому ордеромъ гетмана отъ 5 ноября 1752 г. было предписано: въ случаѣ, если бы эти купцы не нашли удовлетворенія въ судѣ братства, то могли искать и просить справедливости въ полковой нѣжинской канцеляріи ⁷⁾.

На случай безпорядковъ въ братствѣ для разслѣдованія дѣла назначался кто нибудь изъ старшинъ нѣжинскаго полка. Такъ 16 апр. 1751 г. гетманъ шлетъ въ нѣжинскій полкъ универсалъ о назначеніи старшины для понужденія судей братства къ рѣшенію дѣлъ ⁸⁾. Полковая канцелярія, мы знаемъ, сперва назначила полкового обознаго Леонтія Грановскаго, а потомъ абшитованнаго хорунжаго Якова Вильков-

¹⁾ Акты, стран. 54.

^{2), 3), 4)} Х. И. А. М. К., № 4933

⁵⁾ Х. И. А. М. К., № 5489,

⁶⁾ Ibidem, № 23168.

⁷⁾ Ibidem, № 10994.

⁸⁾ Х. И. А. М. К., № 3110.

скаго. Полковой старшина, по ордеру Разумовскаго отъ 7-го сент. того же года къ полковнику нѣжинскому Кочубею, былъ удаленъ изъ братства, ибо гетманъ универсаломъ подтвердилъ вольности грекамъ.

Малорусское законодательство очень часто давало поводъ полковой канцеляріи вмѣшиваться въ дѣла братства. Такъ въ 1756 г. шелъ вопросъ о продажѣ дома грека Куртія. Полковая канцелярія, на основаніи универсала 1751 г., по которому всѣ споры земельные должны были рѣшаться въ ней, считала это дѣло подсуднымъ себѣ¹⁾. Между греками Христофоромъ и Самойломъ Пелепоновымъ возникъ споръ изъ-за двора. Христофоръ подалъ на Пелепонова въ полковую нѣжинскую канцелярію, во-первыхъ потому, что „Пелепоновъ въ судѣ греческаго братства находится первенствующимъ, то въ томъ братствѣ на него Пелепонова ему за то челобитствовать непристойно“, во-вторыхъ потому, что это дѣло, какъ дѣло о землѣ, подлежитъ земскому суду, а въ грамотахъ, пожалованныхъ братству не разрѣшено „давать судъ по земскимъ дѣламъ“. Получивъ прошеніе Христофора, полковая нѣжинская канцелярія опредѣлила „дать судъ по правамъ малороссійскимъ“, почему 30 окт. 1755 г. изъ канцеляріи былъ посланъ Пелепонову „откровенный позовъ“, которымъ велѣно ему „явиться въ канцелярію со всѣми къ тому иску принадлежащими письменными документами либо свидетелми противъ вишенписанного доношенія к отвѣтствию на положенный въ ономъ правній срокъ или во мѣсто себе съ таковымъ же правнимъ доводомъ прислать повѣреннаго при вѣрующемъ урядовомъ засвидѣтельствваніи“. Пелепоновъ отказался явиться и доказывалъ, что на основаніи грамоты это дѣло должно разбираться въ братствѣ. Нѣжинская канцелярія послала предложеніе генеральному суду по этому дѣлу. Въ своемъ предложеніи канцелярія высказывалась за разборъ дѣла въ судѣ полковомъ по слѣдующимъ мотивамъ: „прошлого 1742 г. ноября 3 дня жалованной грамотой точно повелено имъ грекамъ самимъ толко между собою и челядью своею в купеческихъ ихъ дѣлахъ имѣть судъ и росправу, а по земству обиженнымъ от грековъ какъ малороссійскимъ такъ и другого народа людямъ ни в чемъ на нихъ искать и имъ въ греческомъ братствѣ судить и росправлять въ силѣ оной высокомонаршей грамоты и утвержденныхъ малороссійскихъ правъ не надлежитъ, но по всему приличеству въ силѣ техъ правъ разбирать и то разсматривать полковой нѣжинской канцеляріи, яко ж и по универсалу²⁾ гетмана 1751 года окт. 7 дня состоявшомусь и того жь октября 9 дня въ полкъ нѣжинскій присланному всѣмъ малороссійскимъ чинамъ господамъ генеральной старшинѣ, полковникамъ, бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ и прочимъ, въ которомъ полку имѣеть кто с нихъ свои землѣ, в случае об онихъ земляхъ какого спору и иску отъ кого-либо по онимъ первѣе въ томъ же полку, въ которомъ та земля положеніемъ состоитъ, въ полковомъ судѣ росправу должно имѣть по силѣ малороссійскихъ правъ, безъ всякаго отрицанія и для того полковымъ судомъ въ призываніи ихъ къ суду и въ прочемъ по искамъ о земскихъ

¹⁾ Ibidem, № 11273.

²⁾ Слѣд. титулъ гетмана.

делахъ до такихъ чиновъ касающимся велено поступать во всемъ по малороссійскимъ правамъ не отмѣнно“.

Получивъ такое предложеніе, судъ генеральный предписалъ нѣжинской канцеляріи дать Пелепонову вторичный позовъ несмотря ни на какія его отговорки, а если онъ не явится и не пришлетъ повѣреннаго „на правный срокъ“, то дѣло рѣшить безъ Пелепонова. 8 іюня 1756 г. Пелепоновъ представилъ повѣреннаго Кондрата Болбинскаго. Но такъ какъ въ грамотѣ предписано рѣшать дѣла между греками братству „за исключеніемъ розыскныхъ и убійственныхъ дѣлъ“, то Малороссійская Коллегія приказала разбирать дѣло въ братствѣ¹⁾.

При частыхъ попыткахъ полковой нѣжинской канцеляріи подчинить своей юрисдикціи братство высшая малороссійская власть принимала обыкновенно сторону братства. Имѣлось въ братствѣ дѣло казака Хвостика съ нѣжинскимъ грекомъ Василькевичемъ (онъ же Катаргаръ) „о самовольномъ нападеніи, нещадномъ боѣ и увѣчьѣ“. Но дѣло тянулось въ братствѣ, какъ было заурядно. Тогда нѣжинская полковая канцелярія представила въ генеральную войсковую доношеніе, въ которомъ предлагала, на основаніи ордера отъ 5 ноября 1752 г., дѣло это передать въ полковую судъ. Но генеральная войсковая канцелярія въ отвѣтъ полковой, предписала братству рѣшить это дѣло въ шестинедѣльный срокъ²⁾.

Тотъ же Василькевичъ въ 1756 г. сдѣлалъ неправильный доносъ. По правамъ малороссійскимъ съ него долженъ быть взысканъ штрафъ; но полковая канцелярія, безъ разсмотрѣнія дѣла въ генеральной войсковой, не рѣшилась этого сдѣлать. Войсковая генеральная канцелярія предписала: если Василькевичъ находится въ вѣдѣніи полковой канцеляріи, то съ нимъ поступить по указамъ Е. И. В.; если въ вѣдѣніи братства, то передать дѣло братству. Несмотря на то, что полковая канцелярія, (ссылаясь на грамоту, въ которой сказано, что въ купеческихъ дѣлахъ между собою и челядью греки подсудны братству) доказывала, что это дѣло доноса подлежитъ разбирательству полковой канцеляріи, и самъ Василькевичъ просилъ передать его дѣло въ полковую канцелярію, просьба его была отклонена гетманомъ, а братству предписало рѣшить дѣло, какъ можно скорѣй.

Эта же власть считала своей обязанностью защищать грековъ. Такъ напр. посланы были казаки Нечипоръ Болоховець, Семень Галушка и Игнатъ Муситукъ для взятія отъ нѣжинскаго грека Панаіота непотребной женщины. И когда ее вели мимо двора Синайскаго монастыря, то она объявила, что у живущихъ тамъ грековъ тоже есть такая женщина. Казаки зашли во дворъ, пойманная женщина вырвалась изъ рукъ и убѣжала въ хату. Когда казаки хотѣли войти за нею, то греки заступились. Произошло побоище, казаки были страшно избиты, за что городничій забралъ грековъ подъ карауль. И когда греки стали просить полковника Разумовскаго объ освобожденіи ихъ, то онъ отвѣтилъ: „такъ имѣю стараться, что всѣ будете вигнаны, какъ жида и съ Вами поступатиму, какъ зъ бунтовщиками“. Греки сочли это за обиду, жаловались ясновельможному. На жалобу послѣдовала резолюція: „на осно-

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 11273.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 15240.

ваніи грамотъ обиды и насильства не чинить; а если помимо вѣдома полковника, то ослушниковъ наказывать ¹⁾).

Надѣляя такими правами, братство, малороссійскіе правители налагали на его членовъ обязанности уваженія къ авторитету мѣстной власти. Такъ гетманъ Мазепа, въ универсалѣ 1696 г., разрѣшающемъ грекамъ имѣть братство, высказывалъ: „Докладуемъ однакъ тое и варуемъ пилно, жебы они, учтивни купцѣ греческии, такое маючи право, непонижали владзи полковничое, и о вшемъ якъ пану полковникови, пошановане и учтивость, такъ старшинѣ полковой, и уряду мѣскому, прихилний и призвоитий привѣтъ чинити повинны ²⁾“.

То же самое мы встрѣчаемъ и въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго ³⁾).

Того же требовали отъ грековъ и преемники его. Такъ напр., ордеромъ гетмана отъ 20 декабря 1750 г. корошовскому сотнику Костенецкому приказано навести справки объ имуществѣ живущихъ въ Малороссіи волоховъ „и другихъ разночинцевъ“ а также представить вѣдомость о грекахъ. Но братство на три ордера Костенецкаго отвѣчало молчаніемъ, а присутствующій Иванъ Кумбурлѣй „словесно“ заявилъ, что „они полковой канцеляріи не слушаютъ и всѣ ея предложенія полагаются безъ всякаго дѣйствія въ долгій ящикъ и полковой канцеляріи до греческаго братства и дѣла нѣтъ, ибо у нихъ монаршія грамоты есть“. Извѣщая объ этомъ, полковая канцелярія доносила гетману 9 сент. 1752 г., что „ежели греки ни в чемъ полковой канцеляріи слушатся не стануть, то по ихъ ослушности и подлежащихъ за силу указовъ градскихъ порядковъ, яко то во обереженіи отъ пожарнаго случая и въ содержаніи чистоты устроить не можно“; и вообще полковая канцелярія находила такой отвѣтъ со стороны грековъ неучтивымъ ⁴⁾). Гетманъ ордеромъ 23 сент. 1752 г. предписалъ братству исполнить требованіе Костенецкаго, „что же касается и до градскихъ порядковъ, яко то во обереженіи отъ пожарнаго случая и въ содержаніи чистоты имѣетъ полковая канцелярія неопускнымъ взысканіи на томъ греческомъ братствѣ въ случаѣ небреженія по такимъ общественнымъ городovýmъ потребностямъ ⁵⁾“.

Братчики для выборовъ присутствующихъ собирались крайне неохотно. Съ одной стороны очень часто многіе изъ грековъ для торговли отлучались изъ Нѣжина на украинскія ярмарки, въ дальнія мѣста и города — Москву, Петербургъ или за границу, съ другой стороны, нужно сказать, вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ дѣламъ братства. Кончится срокъ выборнымъ, оставляютъ они свое присутствіе въ судѣ. Въ братство поступаютъ просьбы и жалобы, которыя лежатъ безъ всякаго движенія; число ихъ все больше и больше. Обиженные ждутъ... наконецъ терпѣнье ихъ истощается, они начинаютъ апеллировать „до высокой персоны его ясновельможности“ или — „до присутствующихъ въ генеральной войсковой канцеляріи“ — во время между гетманства. Канцелярія посылала указы въ братство о выборѣ судей... Братство ждало третьяго указа. Тогда высшее начальство передавало дѣло въ вѣдѣніе какого нибудь

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 14814.

²⁾ Акты, стран. 57.

³⁾ Акты, стран. 62.

⁴⁾ Х. И. А. М. К., № 3110

⁵⁾ Ibidem.

судебнаго учрежденія — магистратскаго или войскового суда, или же, что бывало чаще, назначало кого нибудь изъ полковой старшины для принужденія братства къ выбору судей. Въ томъ и въ другомъ случаѣ братство считало себя обиженнымъ, такъ какъ этимъ нарушались его исконныя привилегіи самосуда и самоуправленія, и спѣшило избрать присутствующихъ. Нельзя сказать, чтобы такія явленія были рѣдки въ греческой общинѣ. Тернавіотъ напр. имѣлъ въ своемъ распоряженіи на Метаксу вексель, который и представилъ въ Нѣжинскую полковую канцелярію. Последняя держала Метаксу подъ арестомъ, такъ какъ онъ „не далъ за себя ни заклада, ни порукъ“. Метакса былъ подъ вѣдомствомъ братства, почему нужно было искать въ братствѣ. Но Тернавіотъ билъ челомъ полковой канцеляріи, такъ какъ „по неимѣнію въ греческомъ нѣжинскомъ братствѣ уже черезъ нѣсколько времени присутствія за не выбором по узаконеніямъ того братства судей“. Дѣло было въ 1758 году. Когда оно поступило на разсмотрѣніе генеральной войсковой канцеляріи, то она ордеромъ отъ 14 іюля приказала полковой нѣжинской канцеляріи не вмѣшиваться въ дѣла братства, а братству предписала выбрать судей и, такъ какъ братство медлило выборами, то понуждать его назначенъ былъ полковой обозный Грановскій ¹⁾. Въ 1764 г. 4 авг. магистратъ нѣжинскій доносилъ гетману, что въ греческомъ братствѣ не имѣется судей, почему всѣ жалобы, подаваемые на грековъ, остаются безъ разсмотрѣнія, чѣмъ греки и пользуются, всячески притѣсняя нѣжинскихъ мѣщанъ. По исковымъ дѣламъ между собою греки относятся въ магистратъ, судить же грековъ магистратъ не имѣетъ права. Гетманъ строго приказывалъ 19 авг. братству избрать судей и, въ предупрежденіе всякихъ непріятностей братство на этотъ разъ успѣшило и рапортомъ отъ 14 авг. увѣдомило гетмана объ избраніи судей ²⁾.

Въ 1776 г. выбранные въ судьи братства доносили, что они несутъ свои обязанности съ 1773 г. и уже два года прошло, какъ имъ минулъ срокъ, а общество греческое и не думаетъ избирать новыхъ. Тѣ же греки, которымъ по жребію приходится быть засѣдающими въ судѣ, получаютъ выгоду, „отправляя свою коммерцію, а теперешіе судьи, ожидая wyboru, напротивъ того получаютъ въ купечествѣ остановку“. Въ заключеніе своего доношенія судьи просили малороссійскую коллегію принудить братство избрать новыхъ. Малороссійская коллегія предписала предводителю шляхетства повѣтовъ нѣжинскаго и батуринскаго, подкаморію Почекъ, собрать грековъ въ греческій судъ и приказать имъ произвести выборы въ его присутствіи, что и было сдѣлано 25 февр. 1777 г. ³⁾.

Собранія братства были шумныя, бурныя. Иногда греки не приходили ни къ какому рѣшенію, раздѣляясь на партіи, враждовавшія другъ съ другомъ. Иногда большинство употребляло насиліе, желая заставить умолкнуть меньшинство. Такъ, 13 дек. 1762 г. происходило собраніе братства. Лагутка, зная, что Ламбра Мокрій не согласенъ съ избраніемъ братства, придрался къ нему, какъ должнику, во время собранія, — подошелъ къ нему, закричалъ на него: „зачемъ де ты здесь, а ось и

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 12305.

²⁾ Ibidem, № 1456.

³⁾ А. М. Ю. Оп. 8, в. 59, № 1467.

челобитчикъ на тебѣ“, велѣлъ схватить Мокрія и посадить въ тюрьму. По приказу Лагутки его сторонники, пріѣзжіе греки, турецкіе подданные Панаіоти Бура, Федоръ-Балагила, Димитрій Капета, Федоръ Аверяно и Алексѣй Кромиди и нѣжинскій житель Константинъ, Мецовитовъ зять, схватили Мокрія, „иніи за волоса, а иніи за руки и за одежду и таская и рвучи волоси, били немилосердно по щокам и кулаками по бокамъ и где хотя нѣ поналъ, и порвали на мнѣ кафтан люстриной, посадили в тюрьму и приказали ко мнѣ нѣ кого не допускать“. Подъ карауломъ Мокрію сидѣлъ, пока не спасся побѣгомъ подъ защиту генеральной войсковой канцеляріи. Лагутка не имѣлъ никакого права посадить Мокрія въ тюрьму, ибо онъ только на этомъ собраніи былъ избранъ въ судьи, и слѣдовательно не былъ еще утвержденъ.¹⁾ На собраніяхъ прибѣгали къ интригамъ, набирая себѣ сторонниковъ, чтобы попасть въ судьи, если это для кого было привлекательно. Особенно успѣшны были интриги во время распрей пріѣзжихъ и живущихъ. Такъ напр. въ 1761 г. судьями въ братствѣ были Горголій съ товарищами. Они потворствовали многимъ изъ грековъ „свойства, дружби и поноровіа ради“, почему дѣла ихъ не разрѣшались, а откладывались. Многие изъ братчиковъ были не довольны. Срокъ присутствія Горголія истекалъ, приближались выборы. Горголій привлекъ на свою сторону временно-пріѣзжихъ изъ Турціи купцовъ и они постарались выбрать Лагутку, родственника Горголія, и другихъ его единомышленниковъ. Нѣжинскіе жители греки были не довольны и жаловались въ генеральную войсковую канцелярію. И вотъ „по спорамъ и не желательству нѣжинскихъ жителей вѣрно присяжныхъ его И. В. подданныхъ и за показанными многими на оного Лагутку зазрѣніями состоявшимся жъ високимъ Вашей Я. В. генеральной войсковой канцеляріи ордеромъ повелено бунчуковому товарищу Василю Жураковскому у присутствіи будущаго жъ товарища и войта нѣжинскаго Петра Тернавіота учинить вновь о судахъ выборы.“²⁾

На выборы стекалось вѣроятно очень много народу, почему лавокъ не хватало и многимъ приходилось стоять. По крайней мѣрѣ въ актахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о томъ, что многіе избиратели на собраніяхъ стояли.

Выбираемые въ присутствующіе братчики не всегда добросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ, мы не говоримъ уже о томъ, что они, какъ купцы, иногда отлучались на ярмарки.³⁾ 19 іюля 1750 г. войсковой канцеляристъ Василій Кадигробъ доносилъ въ генер. войсковую канцелярію: „нѣкоторыя (изъ присутствующихъ уже з Нѣжина на Роменскій ярманокъ и отлучились.“ Сами братчики находили это явленіе нормальнымъ и писали въ ту же канцелярію (13 авг. 1750 г.): „ежели намъ нижайшимъ однихъ судовъ безотлучно всегда в одномъ мѣстѣ смотрѣть, то оно намъ не в обикновение будетъ и чрез то могли б лишиться купечества и своихъ промысловъ с разореніемъ.“⁴⁾ Да оно и понятно. Присутствующіе были обыкновенно купцы, т.-е. главныя средства къ жизни пріобрѣтали они торговлей;

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 14787.

²⁾ Ibidem.

³⁾ А. М. Ю. Оп. 8, в. 59, № 1467.

⁴⁾ Х. И. А. М. К., № 5489.

Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II.

присутствіе же въ судѣ являлось временной хлопотливой и тяжелой обязанностью. Помимо отлучекъ на ярмарку присутствующіе вообще неисправно посѣщали засѣданія суда. Тотъ же Вас. Кадигробъ, назначенный для понужденія судей къ разбирательству дѣла Евстафія Иванова, сообщалъ въ генеральную войсковую канцелярію: „Неточію чтобъ что учинено, но и в предъ учинитись всячески ненадежно, яко жъ засѣдающіе в ономъ братствѣ, не учиня, какъ по прежде присланному в оное братство, такъ и по оному зъ генеральной канцеляріи указамъ никакого ісполненія, но імѣя оніе в пренебреженіи, никогда и в братство к засѣданію неприходятъ, почему и принуждат мнѣ нѣкого; собрат же оних к засѣданію в братство, не імѣя ни отколь вспомошествованія, самому всячески ж не возможно, ибо многіе мои чиниміе к нимъ в силѣ указа писменніе и словесніе требованія толко единими іздѣвками и упрямствомъ, слагая одинъ на другого, ізбувають, к тому ж и настоящего засѣданія в братствѣ (причиною иностранных грековъ, невѣдающихъ не толко здешнихъ обхожденій и приказних порядковъ, но и языка славенороссійскаго, ни в чемъ несмишлящихъ, которіе только сюда в Нѣжинъ для купечества своего приезжают на время, а справивши свое купечество, паки отезжают в доми своя в Македонію и Цариградъ), здешнимъ жителямъ грекамъ, з коих порядки приказніе отчасти вѣдат могут, такъ в случаи и дѣла добропорядочно разобрат и рѣшит в состояніи находятся, о не засѣданіи з них нѣкоторимъ в братствѣ препятствія неимѣется“.¹⁾

А 19 іюля 1750 г. онъ же доносилъ: „хотя же нынѣ к разбору того дѣла в засѣданіе в братство обоима іми такъ істцемъ яко и отвѣтчикомъ избрани точію в братство онихъ к засѣданію по тому дѣлу собрат мнѣ самому по обиклимъ их упрямствомъ никакъ возможно, яко ж в требованіях моихъ толко единіе здѣвки чинят и в братство к засѣданію никогда не приходят, но по своимъ прихотямъ куда кто желает отлучаются“.²⁾ Помимо неаккуратнаго посѣщенія засѣданій братства, присутствующіе оказывались далеко не безпристрастными судьями. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи очень много жалобъ на пристрастность и нерадѣніе судей. 2 апр. 1735 г. генеральная войсковая канцелярія, передавая дѣло Зотія Леонтіева о деньгахъ на судъ компромиссіальный, посылая присутствующимъ выговоръ за нерѣшеніе дѣла: „Впредъ же имъ по посылаемымъ изъ генеральной войсковой канцеляріи указомъ чинить ісполненіе непремѣнно, ибо ежели бы, паче чаянія, въ произведеніи дѣлъ въ судѣ греческомъ имѣло чинено быть продолженіе, то не опустно присутствующіе въ ономъ судѣ греческомъ штрафовани и истязани будутъ“.³⁾ Въ 1741 г. нѣжинскій житель Быковскій жалуется на присутствующихъ Иваницу и Велисарія Псалтія, что они тянутъ имѣющееся въ братствѣ его дѣло“.⁴⁾

Въ 1748 г. на основаніи указа генеральной канцеляріи, греческое братство должно было произвести расчетъ между Кумбурлѣемъ и Быковскимъ, который служилъ у Кумбурлѣя „господаремъ о приходахъ и расходахъ“. Но засѣдающіе въ судѣ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 3313.

⁴⁾ Ibidem, № 21548.

Иваница и Велисарій Псалтій потворствовали Кумбурлѣю и дѣло затыгивалось „не смотря на ежедневныя хожденія Быковского въ судъ братства“; наконецъ Быковский былъ посаженъ подь караулъ, а Кумбурлѣй свободно разъѣзжалъ по своему желанію. Ордеромъ генеральной канцеляріи Грановскому было предписано разслѣдовать дѣло, а братству для рѣшенія его выбрать другихъ судей.¹⁾

7 марта 1751 г. генеральная канцелярія донесеніемъ на имя гетмана представляла, что присутствующіе въ греческомъ братствѣ чинятъ волокиту, а своимъ единовѣрцамъ поноровки“ и „не только что не судятъ, но и совсѣмъ не начинаютъ дѣль“, при этомъ приводила въ примѣръ дѣло значковаго товарища Литвишки съ Забускими.²⁾ Московскій купецъ Журавлевъ далъ взаймы греку Аверину 3253 руб. 65 коп., изъ которыхъ Аверинъ возвратилъ 2605 руб. 75 коп., а 647 руб. 90 коп. не возвратилъ; въ уплатѣ поручился Шуна. Когда Журавлевъ представилъ свой искъ въ братство, то не получилъ удовлетворенія, ибо Шуна былъ присутствующимъ въ братствѣ. Гетманъ велѣлъ передать дѣло въ генеральный судъ (28 апр. 1752 г.)³⁾.

Въ 1752 г. Демежня жаловался на присутствующихъ въ братствѣ, что они то по родству, то по дружбѣ къ его противнику Горголію держатъ его Демежню несправедливо въ тюрьмѣ.⁴⁾

Въ 1755 г., въ первыхъ числахъ іюня, на Вознесенской ярмаркѣ въ Ромнахъ, грекъ Мокрій отдалъ на сохраненіе греку Мурайтову кипу кумачей, которую тотъ привезъ въ Нѣжинъ, но возвратить не захотѣлъ. Мокрій не подаетъ жалобы въ братство потому, что судящіе „недоброхоты“, „а паче, что въ томъ братствѣ ввелись одни только волокиты и чрезъ то истцамъ разоренія“⁵⁾.

Въ 1756 г. грекъ Ламбра Мокрій жалуется на присутствующихъ Николая Евстафіева Лагутку, Ивана Гребенчу, Евстафія Папафилова, Ивана Папазафирова в томъ, что „иные за свойство, а иные съ поблажки ничего не учинили“ въ его искѣ по векселю на Маргаритѣ Кириловѣ. Генеральная войсковая канцелярія ордеромъ предписала братству рѣшить дѣло. Но въ 1758 г. Мокрій жалуется и на новыхъ присутствующихъ Дементія Горголія, Ананія Моранта, Хаджи, Анастасія Діамандіева, Фотія Константиновича и другихъ, что и эти „за поноровкою“ Маргариту дѣла не рѣшаютъ; поэтому онъ ищетъ не на Маргаритѣ, а на присутствующихъ. Графъ Разумовскій ордеромъ 1760 г. повелѣлъ разобрать дѣло въ генеральномъ судѣ.

Македонскій грекъ Юрьевъ въ 1756 г. жаловался въ братство на обиду отъ волоха Фарматія. Юрьеву отвѣчали, что безъ ордера генеральной канцеляріи рѣшать его дѣла не будутъ. Но несмотря и на ордеръ дѣло не подвигалось. Ордеръ генеральной канцеляріи былъ повторенъ въ 1758 году, но благодаря присутствующему Горголію, который былъ друженъ съ Фарматіемъ дѣло все-таки не рѣшалось. Кан-

¹⁾ Х. Н. А., М. К., № 21548.

²⁾ Ibidem, № 11789.

³⁾ Ibidem, № 8156.

⁴⁾ Ibidem, № 9848.

⁵⁾ Ibidem, № 14469.

целярія грозила присутствующимъ штрафомъ, приказывая рѣшить дѣло къ 1 февр. 1759 г. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы 2-го мая того же года противники не помирились безъ всякаго суда¹⁾.

О самоуправствѣ судей братства и допускаемыхъ ими несправедливостяхъ свидѣтельствоваль въ своемъ донесеніи и бунчуковый товарищъ, войтъ города Нѣжина, Петръ Тернавіотъ, который состоялъ братчикомъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, — „счисляюсь первѣйшій братъ и въ собраніи кого именно з грековъ в тое братство в судѣ и до какого времени поставлять и какъ в той должности им будучи во всемъ поступать, на откровенныхъ даемыхъ таковымъ судямъ писмахъ первымъ подписуюсь.“²⁾ Поэтому къ Тернавіоту и отнеслись обиженные греки съ прошеніями о заступничествѣ. Въ своемъ донесеніи въ маѣ 1761 г. онъ, характеризуя судящихъ, писалъ: судящіе Діамантій Горголій и Димитрій Мичо съ товарищи являются зазорни, первые что они по данному имъ отъ общества откровенному письму так на ту должность в правосудіи присягать не схотѣли яко и по оному письму показанного имъ, чего они сами разсудить не могутъ, спрашивали б другихъ знающихъ стариннихъ чеснихъ того братства людей не хотят в закрытіе своей неправости, но сами съ отмѣной во всемъ оного писма поступаютъ и дѣлаютъ, что хотят, неподлежащее; второе показаніе — Горголій и Мичо по своимъ вимышленнымъ собственнымъ искамъ сами без другихъ без всего взявши какого грека, оковавши держат в турмѣ; третье — с кимъ они имѣють дружбу и пріятельство, на такихъ кто бьетъ челомъ въ какой ни есть правости, за долги по векселямъ по какимъ неминуемо за неуплаткою по силѣ вексельнаго устава, держать до уплаты под арестомъ и з имѣнія его зискать слѣдуетъ (хочай нѣкоторые таковыя дѣла имѣются по присилаемымъ при ордерахъ генеральной канцелярії и указахъ суда генеральнаго), сатисфакціи нѣкакой получить не могутъ и за арестъ взять не велятъ и денегъ не взыскивають по вимышленнымъ какимъ нибудь з голов своихъ резонамъ, но еще на оного прозкуютъ какъ бы его сторонно избидить и у турму засадить и дѣлаютъ всякіе привязки, чтобъ оной искъ оставилъ, въ чемъ многіе нынѣ въ томъ поносятъ отъ нихъ обиди, с которыхъ многіе мнѣ словесно за обиди свои жалуются, яко они за силу данного имъ от общества откровеннаго писма нѣ в чемъ не поступаютъ; но з одной головы сами какъ имъ угодно судятъ, а наипаче с онихъ иностранныхъ Мичо тое все дѣйствуетъ и другихъ к тому подводитъ, чрезъ якую его неправость инніе з онихъ судящихъ сами от оного судейства отстали и на опредѣленіяхъ и представленіяхъ не право ими учиненныхъ не подписуются.“³⁾ Это было въ маѣ, а 30 іюня Евстафій Ивановъ Парчикана подалъ гетману жалобу, что 12 лѣтъ тянется его дѣло съ Николаемъ Евстафіевымъ и Николаемъ Метаксою о деньгахъ; за это время Ивановъ успѣлъ овдовѣть, два раза погорѣлъ, бросилъ купечество и пришелъ постепенно въ оскудѣніе. Метакса то же до сихъ поръ не уплатилъ ему слѣдующихъ денегъ. Хотя въ январѣ и былъ присланъ въ братство ордеръ гетмана, но присутствующіе все же

¹⁾ Ibidem, № 14469.

²⁾ Ibidem, № 12855.

³⁾ Ibidem.

ничего не сдѣлали по его дѣлу. „На всѣ высочайшіе Е. И. В. указы и христіанскія узаконенія самоволно, какъ бы какіе гвалтовники, ни страшась Бога, ни храня высочайшихъ указовъ, правъ и вашей Ясновельможности повелѣній“, не только не рѣшаютъ дѣла, но посадили самого истца въ тюрьму за долгъ по векселю, по которому поручился грекъ Ламбра, ихъ сторонникъ. Получивши такія неутѣшительныя свѣдѣнія о судьяхъ братства, гетманъ ордеромъ отъ 13 іюля того же года приказалъ, чтобы судьи братства, при вступленіи своемъ въ должность, присягали; „для поправленія въ греческомъ братствѣ порядковъ опредѣляется отнынѣ впредь в началѣ избранія тѣмъ выбираемымъ для присутствія в греческое братство судьямъ по прилагаемымъ при семъ формамъ какъ в вѣрности Е. И. В., такъ и в отпрвленіи спроведливыхъ судовъ при собраніи всего тамошняго греческаго общества чинить однажды присяги и оныя присылать за подписомъ ихъ выбранныхъ при рапортахъ. Если же и послѣ этого воспослѣдуетъ волокита, то для понужденія по всѣмъ дѣламъ греческихъ судей опредѣленъ будетъ старшина полковій“. ¹⁾ Въ присягѣ судьи обѣщались творить судъ правдиво и нелицемѣрно. ²⁾ Но присяга немного помогла. Такъ, греки Столевскій и Кировъ имѣли компанію по торговлѣ волошскимъ виномъ и рѣшили произвести расчетъ, для чего избрали судей. Несмотря на то, что дѣло не было окончено, присутствующіе въ братствѣ выдали Кирову свидѣтельство для полученія изъ нѣжинскаго магистрата паспорта на свободный выѣздъ за границу. ³⁾

Въ 1767 году Клобуковъ жалуется на греческихъ судей за потворство его должнику Чапѣ. Клобуковъ доносилъ, что ему задолжалъ иностранный грекъ и далъ ему вексель Чапы на 249 руб. Клобуковъ въ апрѣлѣ 1766 г. просилъ присутствующихъ Федосія Баладиму и Ралѣя Мухмула сыскать Чапу. Чана былъ сысканъ, но когда онъ вошелъ въ избу, гдѣ происходило засѣданіе, то Баладима всталъ и вмѣсто вопроса о дѣлѣ, подошелъ къ Чапѣ, взялъ его за руку и, сказавъ ему что-то по-гречески, вышелъ съ нимъ во дворъ; продолжая тихонько разговаривать,

¹⁾ Х. И. А. М. К., № 12853.

²⁾ Форма клятвеннаго обѣщанія для выбранныхъ въ греческомъ нѣжинскомъ братствѣ судей.

Азь ниже именованныи обѣщаюсь и кленусь Господу Богу всемогущему, во троицы единому, что в учрежденномъ семъ греческомъ братствѣ, правдою его божественною, по силѣ жалованныхъ тому греческому братству грамотъ, взирая обосторонне на истца и отвѣтника, не прибавлявая и не убавлявая ничего судить буду и принимать сознанія, засѣдая на семъ судѣ со страхомъ Божиимъ, нестя и не маия высокихъ и низкихъ достоинствъ людемъ, в правленіяхъ засѣдающимъ, не взирая на богатаго, ни на убогаго, ниже на друга кривнаго и искренняго своего, такъ какъ на сочлена или какую-либо особу благодѣтельствующую мнѣ, ниже соперника моего, внутреннаго и виѣшнаго, ни съ дружества, ни съ ухищренія, ниже страху и боязны, такожде ниже за посули и дары, непринимая самъ собою, ниже чрезъ какои-либо персоны посредство и ниже послѣ ожидая какого воздаянія и награды или подарковъ жадныхъ, и не в злопамятствіе и пересудъ; такожде не совѣтовалъ я никому въ дѣлахъ на сей судѣ послѣ выбору моего въ оній и совѣтовать не буду, пока присудствую в нем, не бояся казны, мценія и угрозы, но единого Бога имѣя предъ очимы, правду его святую, все общее право и не порочную свою совѣсть; такожде хитрихъ умисловъ ни с кимъ в тѣхъ судахъ засѣдающимъ чинить не имѣю, совѣта и осторожности давать не стану и засѣданій ради лѣнноты своей опускать не буду; да и в сіе судное засѣданіе ни самъ собою, ни чрезъ кого другого не старался вступитъ и хитросты на то не употреблялъ в угодность кому-либо или для собственнаго своего какого-либо дѣла, и какъ в томъ справедливо присягаю, такъ мнѣ Господь Богъ да поможетъ в Троицы единой, а ежели несправедливо, да убіетъ мене Богъ на души и на тѣлѣ моемъ. Аминь“. (Х. И. А. М. К., № 4560).

³⁾ А. М. Ю. Оп. 8, вяз. 59, № 1467.

оба скрылись изъ глазъ и болѣе не возвращались. Клобуковъ ждалъ ихъ до 12 часовъ и не дождавшись „опротестовалъ“. ¹⁾

Въ 1770 годахъ греческіе судьи тянули дѣло Леонарда о грабежѣ у него шелковыхъ товаровъ за долгъ Мантова почему было приказано предводителю шляхетства наблюсти за греческимъ судомъ. ²⁾

Въ 1767 г., по указу малороссійской коллегіи въ градскій судъ, велѣно съ присутствующихъ братства взять штрафу 10 рублей за неисполненіе по тремъ указамъ коллегіи и за неприсылку рапорта по дѣлу шляхтича Якова Сенкевича, избитаго шинкаремъ грекомъ Стеріемъ. Деньги были взысканы. ³⁾

Въ 1768 г. по доношенію братчиковъ, Ананій присутствовать не можетъ по болѣзни, а Кумбурлѣй очень часто отлучался въ свои хутора по хозяйству и проводилъ тамъ значительное время. ⁴⁾

Въ свою очередь и братчики не относились къ присутствующимъ съ должнымъ уваженіемъ. Дѣйствительно, когда на грека Юрія Фарматѣя въ 1754 г. жаловался грекъ Иванъ Юрьевъ за побои, то присутствующіе потребовали Фарматѣя къ отвѣту. Сначала они послали за нимъ братскаго служителя Остапа Паліоха. Послѣдній засталъ у Фарматѣя гостей Константина Кирициного шафора, да какого-то великороссійскаго купца. На приглашеніе явиться въ судъ Фарматѣй отвѣчалъ: „за гостями не пойду“. Паліоха былъ посланъ во второй разъ. Фарматѣй сказалъ, что „у него дѣло есть и затѣмъ не пойдетъ“. Тогда братство послало другого служителя, Николая Барышова, который 3 раза ходилъ къ Фарматѣю. Во время первой и второй посылки Фарматѣй сказалъ, что онъ продалъ шелкъ и не отвѣсивши не пойдетъ; за третьимъ же разомъ онъ заявилъ посланному: „прошу господъ къ себѣ, яко де в мене пора кушать.“ ⁵⁾ Судьи братства были оскорблены, — „что призналось греческому братству за несносную обиду, противно высокомонаршимъ грамотамъ, коими между и нимъ всемилостивѣйше повелено греческому братству честь свою и цѣлость содержать, а онъ Фарматѣй столько ослушенъ являсь, нетерпѣливо избидилъ присутствующих“. Поэтому рѣшено было посадить Фарматѣя подъ арестъ „вмѣсто надлежащаго ему оштрафованія.“ Тогда Діамандій Горголій, Иваниця Андреевъ, Иванъ Кумбурлѣй, Фемелій Дмитріевъ и Дмитрій Федоровъ, по уходѣ судей изъ присутственной избы, силой освободили Фарматѣя изъ-подъ ареста. Послѣ такого насилія судьи братства Самойло Пелепоновъ, Ив. Гребенча, Николай Евстафіевъ, Дмитрій Юрьевъ, Іоаннъ Папазаферовъ, Евстафій Папафиловъ объявили первостепеннымъ купцамъ, что они отказываются исполнять свои обязанности и въ судебную избу не пойдутъ. Купцы — Иванъ Катаргаръ, Дмитрій Гаджаманъ, Анастасій Лигда, Ив. Мурайтъ, Ив. Леонтіевъ, Христодуль Николаевъ, Панаіоти и Балюля, Фотій Константиновъ и др. — рѣшили разобрать дѣло помимо присутствующихъ. Но на собраніи не могли прійти ни къ какому результату, такъ какъ Кумбурлѣй и его

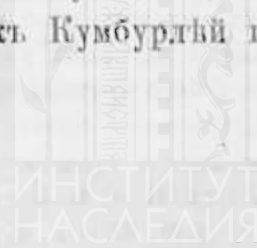
¹⁾ Х. И. А. М. К., № 22735.

²⁾ А. М. Ю. Оп. 8, вяз. 62, № 1562.

³⁾ Х. И. А. М. К., № 25224 и № 20316.

⁴⁾ Ibidem, № 4560.

⁵⁾ Х. И. А. М. К., № 15294.

сторонники отстаивали свой поступокъ. Засѣданіе вышло бурное, „токмо за происшедшими отъ его, Кумбурлѣя, с товарищи при томъ собраніи ссорами ничего не учинено“¹⁾.

Другой примѣръ. Дочь Мантова вышла замужъ за Метаксу. Послѣ смерти отца и матери она съ братомъ остались единственными наследниками дома и лавки въ Пѣжинѣ. Но братъ отъ дѣлежа отказался и даже грозилъ сестрѣ выгнать ее изъ дому. Тогда она въ 1762 г. подала въ братскій судъ жалобу. Присутствующіе въ братствѣ три раза писали Николаю Мантову, чтобы онъ явился въ судъ. Мантовъ отвѣтилъ молчаніемъ. Тогда въ 4-й разъ былъ посланъ уже письменный „позовъ“ отъ суда съ копіями прошеній истца; при этомъ данъ былъ законный срокъ для отвѣта въ судъ и для представленія суду оправданія или возраженія на доказательства истца. Этому позва Мантовъ не принялъ и когда былъ посланъ Секера съ пятымъ позвомъ, то Мантовъ, „не приѣмля этотъ позовъ, всунувъ оному сторожу въ пазуху, называя его собачьимъ сыномъ, и сказалъ, что онъ братству не слушаетъ, вывелъ сторожа изъ своей избы. И только когда судьи послали Николаю извѣщеніе о томъ, что они и безъ его присутствія рѣшатъ дѣло на основаніи правилъ, которыми они руководствуются, Мантовъ подалъ въ судъ письменное заявленіе, что это дѣло, „какъ дѣло по земству“ (о землѣ) онъ не считаетъ подсуднымъ братству, почему въ судъ и не явится.

Иные изъ братчиковъ не прочь были оклеветать свое братство. Такъ грекъ Христофоръ Шуна въ 1734 г. подалъ въ генеральную войсковую канцелярію жалобу на то, что братство, потворствуя его должникамъ, не разрѣшило его дѣла. Потомъ какъ оказалось изъ поданнаго въ генеральную канцелярію за подписью цѣлаго ряда братчиковъ доношенія, Шуна и не думалъ челобитствовать въ братство, а прямо отнесся въ генеральную канцелярію и, чтобы не получить отказа послѣдней, прибѣгнулъ къ клеветѣ²⁾.

Цыгане старой Малороссіи.

(По архивнымъ документамъ.)

Народъ, извѣстный у насъ подъ именемъ цыганъ, носить въ историческихъ документахъ и въ живомъ языкѣ разныхъ народовъ массу названій: почти среди каждаго народа и въ каждой странѣ существуетъ особое для него прозвище, иногда даже не одно³⁾. Сами же цыгане никогда не называютъ себя этими именами; у нихъ существуютъ свои собственные, а именно, самое распространенное — *Rom* (что въ переводѣ означаетъ — мужъ, мужчина), *Romni* (жена, женщина), множеств. число — *Roma*; отсюда *romano* — цыганскій; *romnitschel* — цыганскій народъ;

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem, № 3313.

³⁾ См. Патканова „Цыганы“ (С.-Пб. 1887 г.), стран. 17, 18.

romane tshave — дѣти Рома, цыгане. Другое имя — *Sinte* или *Sinde*, которое изслѣдователи приводятъ въ связь съ именемъ рѣки *Sindhu* (Индъ) или съ племенемъ *Sindi* (въ передней Индіи); наконецъ, цыгане очень часто называютъ себя *Kali*, т.-е. черные, отличая себя этимъ отъ бѣлыхъ — европейцевъ. Всѣхъ не-цыганъ они называютъ общимъ именемъ *gadzo* т.-е. купецъ, крестьянинъ, особа, человекъ и проч. (множеств. число *gadze*), хотя у нихъ существуютъ и другія спеціальныя названія для отдѣльныхъ странъ и народовъ¹⁾.

У цыганъ нѣтъ ни историческихъ памятниковъ, ни историческихъ преданій, и только живой языкъ остается свидѣтелемъ ихъ исторической жизни. Поттъ и Миклошичъ²⁾, изучивши нарѣчія цыганъ, установили тотъ неопровержимый фактъ, что языкъ цыганъ — языкъ индійскій, и родина ихъ есть Индія и при томъ именно сѣверо-западная часть Индіи.

Въ концѣ X в., какъ доказываютъ изслѣдователи, цыгане покинули свою индійскую родину и отправились странствовать, устремляясь все далѣе и далѣе на востокъ³⁾. Что заставило цыганъ покинуть свою родину, это составляетъ для насъ пока загадку, разрѣшеніе которой зависитъ отъ разработки исторіи тѣхъ странъ, откуда вышли цыгане.

Персидскіе и армянскіе элементы въ языкѣ европейскихъ цыганъ заставляютъ предположить, что цыгане не только прошли эти страны, но и имѣли тамъ продолжительную остановку.

Первая страна, въ которой кочевали цыгане по приходѣ въ Европу, была Греція⁴⁾, такъ какъ во всѣхъ нарѣчіяхъ европейскихъ цыганъ, греческій элементъ играетъ значительную роль. Это предположеніе подтверждаютъ и письменные документы. Такъ, въ 1322 г. францисканецъ *Simon Simeoniz* встрѣтилъ цыганъ на островѣ Критѣ; въ 1346 году цыгане подъ именемъ *homines vageniti* упоминаются на островѣ Корфу; въ Валахіи они упоминаются подъ 1387 г., и только въ 1417 г. мы встрѣчаемъ ихъ въ средней Европѣ. Здѣсь они появились сначала въ незначительномъ количествѣ толпой въ нѣсколько сотъ человекъ, подъ предводительствомъ вождей, которые величали себя графами и герцогами. За этой толпой цыганъ послѣдовалъ ихъ цѣлый рядъ, и цыгане все въ большемъ и большемъ количествѣ стали наполнять европейскія страны. Такъ, они проникли въ Италію, Германію, Францію, Испанію, Англию, Польшу, Литву, Швецію и Финляндію, а изъ Европы въ послѣднее время въ Америку и даже Австралію. Теперь все количество цыганъ можно исчислить въ 700—900 тысячъ человекъ.

Европейское населеніе приняло цыганъ сначала довольно благосклонно и отнеслось къ нимъ сочувственно, чему способствовали съ одной стороны грамота им-

¹⁾ См. Патканова, *Ibidem*, стран. 18, 19.

²⁾ Dr Pott. *Die Zigeuner in Europa und Asien*. Halle, 1844. Franz Miklosich. *Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's*. Wien. 1873. III. 7, 8.

³⁾ Паткановъ, 20.

⁴⁾ Таковы напр.: присутствіе въ цыганскомъ языкѣ члена (*o, i*), чуждаго ново-индійскимъ нарѣчіямъ, а также языку азіатскихъ цыганъ, окончаніе нѣкоторыхъ именъ муж. рода на *os*, а также присутствіе множества греческихъ словъ (особенно числительныхъ) и пр. (Паткановъ).

ператора Сигизмунда, а съ другой тѣ рассказы, которые цыгане распространяли сами о себѣ. Рассказы эти очень сильно напоминаютъ собой распространенную въ Европѣ легенду о вѣчномъ жидѣ, такъ что нѣкоторые изслѣдователи и самую легенду считаютъ фабулой цыганскихъ рассказовъ. Когда же населеніе познакомило со способами добыванія дневного пропитанія цыганами, то оно возопило противъ такого непріятнаго сообщества и обращалось къ правительствамъ съ просьбами избавить его отъ такихъ непрошенныхъ гостей. Къ несчастью для цыганъ былъ пуценъ слухъ, что цыгане шпионы и соглядатаи, высланные турками въ Европу. И вотъ появляются повсемѣстно законы объ изгнаніи цыганъ. Въ 1580 г. былъ изданъ законъ, приказывающій бичевать каждого цыгана, неповинующагося закону изгнанія. Цыгане въ западно-европейскихъ государствахъ стояли внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ: „убить цыгана выстрѣломъ изъ карабина — дѣло столь же законное, какъ убить волка или лисицу“, говоритъ старинный афоризмъ Басковъ. Съ ними иногда обращались какъ съ дикими звѣрями; такъ, во время охоты при одномъ изъ небольшихъ нѣмецкихъ дворовъ, безъ всякаго стѣсненія убили выстрѣломъ цыганку и ребенка, котораго она кормила. Насколько тяжело было въ это время положеніе цыганъ, показываетъ тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ, особенно женщины, являлись сами къ властямъ съ просьбой прекратить ихъ жалкое существованіе.

Но всѣ жестокости были напрасны, и цыгане продолжали по прежнему перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Сильнымъ желаніемъ всѣхъ правительствъ было сдѣлать цыганъ осѣдлыми и при томъ земледѣльцами; это желаніе стало завѣтной мечтой правительствъ въ XVIII вѣкѣ, когда гуманныя идеи побудили европейскія правительства дѣйствовать болѣе умѣреннымъ образомъ. Мѣры, принимаемыя для этого правительствами, часто примѣнялись такъ неумѣло и нерационально, что очень рѣдко приводили къ желаемому результату, и цыганъ по сіе время остается почти такимъ, какимъ видѣлъ его въ XIV в. на о. Критѣ Simon Simeoniz. Въ XVIII ст., несмотря на то, что къ цыганамъ стали относиться немного мягче, все-таки положеніе ихъ было тяжело, и законы относительно нихъ были бездушно жестоки. Напримѣръ, въ Венгріи у нихъ отнимали дѣтей, запрещали говорить на родномъ языкѣ и даже вступать въ бракъ между собой, а во Франціи даже въ началѣ XIX в. былъ совершенъ надъ ними цѣлый рядъ жестокостей. Въ настоящее время положеніе цыганъ въ западной Европѣ довольно сносно; хотя они и не вездѣ пользуются одинаковыми правами съ остальнымъ населеніемъ, но утѣшительно и то, что исключительные законы противъ нихъ уже перестали дѣйствовать (Паткановъ).

Въ Россію (по-цыгански: *Šilelo temm* — холодная страна) цыгане пришли двоякимъ путемъ: въ сѣверную часть изъ Польши, а въ южную прямымъ путемъ изъ Валахіи; по крайней мѣрѣ, въ языкѣ сѣверныхъ цыганъ мы встрѣчаемъ элементы греческаго, болгарскаго или сербскаго, румынскаго, венгерскаго, нѣмецкаго и наконецъ польскаго языковъ, а въ языкѣ южно-русскихъ цыганъ мы не встрѣчаемъ ни венгерскаго, ни нѣмецкаго, ни польскаго элементовъ (Миклошичъ).

Что касается цыганъ Малороссіи, то, вѣроятно, въ сѣверо-западную ея часть они проникли изъ Польши¹⁾, а въ юго-западную изъ Валахіи. Въ документахъ

¹⁾ Харьк. Историч. Архивъ Малор. Коллегіи, №№ 422, 2412.
Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II.

архива Малороссійской Коллегіи мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній на переселенія цыганъ изъ Польши¹⁾; въ XVI же в. и въ началѣ XVII в. выселенія ихъ изъ центральныхъ частей Польши къ окраинѣ, т.-е. въ Малороссію, вѣроятно, были значительнѣе, чему могли способствовать декреты сейма объ изгнаніи цыганъ изъ Польши²⁾. Появились цыгане въ Малороссіи, вѣроятно, въ началѣ XVI в.³⁾. Такъ, Руссовъ видѣлъ ихъ на Волини въ 1501 г.; къ концу же XVI столѣтія они, должно быть, кочевали по всей Малороссіи. Въ документахъ малорусскихъ архивовъ прямыхъ указаній на время распространенія цыганъ по Малороссіи намъ не встрѣчалось, косвенныя же есть такого рода: въ 1750 г. цыгане въ поданномъ ими прошеніи между прочимъ писали: „за *прежде* бывшихъ въ Малой Россіи гетмановъ и за гетмана *Скоронадскаго* съ предковъ нашихъ и насъ цыганъ въ скарбъ войскового окладу въ годъ брали по 120 руб. (Хар. Историч. Архивъ Мал. Кол. № 12706). На основаніи этого свидѣтельства безспорно можно предположить о существованіи цыганъ въ Малороссіи въ половинѣ XVII в. Въ малорусской Вертепной драмѣ, появленіе которой можно отнести къ концу XVI в., цыгану отведено не мало мѣста. (Кіев. Старина“, 1882 г., октябрь, стран. 2—38). Цыгане упоминаются въ войскахъ Богдана Хмѣльницкаго („Богд. Хмѣльницкій“, Костомарова).

Цыгане въ Малороссіи, какъ и вездѣ, представляли собой большею частью кочевой элементъ. Такъ, когда въ 1765 г. правительство собирало справки, то почти всѣ сотни донесли въ полковую черниговскую канцелярію, что цыганъ, имѣющихъ постоянное жительство, у нихъ нѣтъ, а бываютъ они только проѣздомъ на торгахъ и ярмаркахъ и иногда на зиму нанимаютъ себѣ квартиры у обывателей⁴⁾. Но, кромѣ такихъ, были и осѣдлые; такъ, въ Понорницкой сотнѣ, въ томъ же 1765 г. было два цыгана, имѣвшихъ постоянное жительство и отбывавшихъ общенародныя повинности. Это мелочной фактъ, но что осѣдлыхъ цыганъ было сравнительно не малое количество, это можно подтвердить цѣлымъ рядомъ указаній; такъ, на примѣръ, за нѣкоторыхъ бродячихъ цыганъ ручались иногда ихъ же соплеменники: за Илью Босаченка ручается Петро Бычокъ (житель Ронской сотни)⁵⁾, поручителемъ же могъ быть только осѣдлый. Затѣмъ, въ Батуринѣ мы встрѣчаемъ двѣ осѣдлыя цыганскія семьи: семью Юценковыхъ⁶⁾ и семью Миненковыхъ, впоследствии породнившіяся; въ Ямпольской сотнѣ видимъ семью Янковскихъ⁷⁾; наконецъ, значительное количество цыганъ жило осѣдло на владѣльческихъ земляхъ и было записано въ ревизскихъ сказкахъ отдѣльно отъ бродячихъ⁸⁾.

Число цыганъ въ Малороссіи очень часто колебалось; если обстоятельства были благопріятны, то число ихъ увеличивалось: они прикочевывали изъ Великороссіи⁹⁾,

1) Харьк. Историч. Архивъ Малор. Коллегіи, №№ 20262, 22920.

2) Миклошичъ, 30.

3) Миклошичъ, *ibidem*.

4) Хар. Ист. Арх. Мал. Кол., № 2404.

5) *Ibidem*, № 422.

6) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412.

7) *Ibidem*., № 2412 и 20950.

8) *Ibidem*, № 2412, 21393, 9336, 6899, 4938 и пр.

9) *Ibidem*, № 3452.

изъ слободскихъ полковъ ¹⁾ или даже изъ Польши ²⁾; если же обстоятельства не благоприятствовали условіямъ ихъ жизни, то они откочевывали, чаще всего въ слободскіе полки, и число ихъ уменьшалось; такъ, крымскіе походы 1738 г. имѣли результатомъ уменьшеніе числа цыганъ, ибо военное положеніе края тяжелымъ бременемъ ложилось и на ихъ матеріальное состояніе ³⁾.

Цыгане внѣшнимъ образомъ принимаютъ религію народа, среди котораго имъ приходится кочевать, но внутренно они остаются вѣрны своимъ обычаямъ и суевѣріямъ. Цыгане въ Малороссіи уже въ XVIII в. были христіанскаго вѣроисповѣданія ⁴⁾, но принятіе его было, вѣроятно, простой формальностью. И теперь цыгане Польши и Россіи не придерживаются строго одной религіи и отличаются суевѣріемъ: не рѣдкость, на примѣръ, среди русскихъ бродячихъ цыганъ крещеніе одного и того же дитяти въ десяти мѣстахъ ⁵⁾; нѣтъ повода исключать отсюда малорусскихъ цыганъ, тѣмъ болѣе, что съ такимъ положеніемъ вещей сильно гармонируетъ мнѣніе народа: „Цыгане, якоі ты виры?“ „А тоби якоі треба?“ ⁶⁾ говоритъ про цыгана малороссъ. У литовскихъ цыганъ, близкихъ сосѣдей, а можетъ быть даже и кровныхъ родичей малорусскихъ цыганъ, господствовали, какъ видно, также древніе цыганскіе обычаи, на которые впоследствии стали смотрѣть, какъ на суевѣріе. Литовское названіе цыганъ — *baustrukos*, т. е. незаконнорожденный (Миклош.), а извѣстно, что среди цыганъ, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, весь брачный ритуаль состоитъ въ разбитіи кувшина: такой брачный союзъ, съ точки зрѣнія литовскаго народа, представлялся не болѣе, какъ простымъ сожительствомъ.

Имена малороссійскихъ цыганъ, встрѣчающіяся въ документахъ, почти все христіанскія ⁷⁾. Фамиліи — малороссійскія или передѣланныя на малорусскій ладъ и оканчиваются большею частью на *енко* ⁸⁾; фамиліи цыганъ, вышедшихъ изъ Польши: Максимовичъ, Войцеховичъ, Янковскій ⁹⁾ и проч.; но попадаются фамиліи, которыя звучатъ совсѣмъ не по-малорусски, напр. Карафеца, Цинаро, Газунъ, Рохманянъ и т. п. ¹⁰⁾.

Кочевая жизнь цыганъ тѣсно связывала членовъ цыганской семьи, такъ что они рѣдко раздѣлялись. При главѣ семьи ютились все младшіе ея члены; такъ, на-

¹⁾ Ibidem, № 2412.

²⁾ Ibidem, № 2412, 422 и пр.

³⁾ Ibidem, № 12706, 4921.

⁴⁾ Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 6899, 4938 и пр.

⁵⁾ „Новое Время“ 1886. № 3844.

⁶⁾ Н о м и с ь. Украински приказки, присловья и таке инше. 1864 г., стран. 60, № 3016.

⁷⁾ Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 422, 2404, 2412, 19539, 22920 и пр.

⁸⁾ Федоренко, Клотченко, Партиненко, Гиренко, Батиренко, Харахаенко, Грабченко, Ващенко, Дѣтненко, Степаненко, Мазничка, Зерняченко, Свяченко, Мизянченко, Богданенко, Дѣтній, Гриценко, Козорезенко, Золотаренко, Маковеченко, Бривенко, Бѣлоусенко, Романовичъ, Хурсенко, Мурженко, Гуленко, Бабакъ, Валченко, Алексѣенко, Кириченко, Довгошій, Пинченко, Мащенко, Бабаченко, Ющенко, Миненокъ (-нко), Мина, Пѣвниченко, Бузенко, Заводскій, Киченко, Коваль, Сизій, Кобрикъ, Харченко, Дуленко, Мурченко, Михаленокъ, Козьменко, Юрченко, Чижикъ, Боженко, Вожаненко, Букачъ, Грабко, Вакуленко, Маяненко, Сѣдунъ, Козенко, Босаченко, Сосоенко (вм. Сысоенко?) и т. д. Фамилія Босаченко можетъ отчасти пояснить образованіе цыганскихъ фамилій: отецъ Босаченко прозывался Босакъ, сынъ его былъ записанъ Босакевичъ, а потомъ уже явились Босаченки. (Хар. Ист. Арх. М. К., № 422).

⁹⁾ Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 422, 2412.

¹⁰⁾ Ibidem, № 2412.

примѣръ, въ 1746 г. изъ Польши отецъ Янковскаго переселился со всѣми своими родственниками въ числѣ восьми человекъ, т.-е. вѣроятно цѣлымъ родомъ; въ 1740 г. Войцеховичъ переселился съ женой, дочерью и зятемъ. Въ документахъ мы имѣемъ перечень нѣкоторыхъ цыганскихъ семействъ, относящійся въ 1765 г.; онъ указываетъ на большой составъ семей по количеству и весьма разнообразный какъ по родственнымъ степенямъ, такъ и по возрасту ихъ членовъ¹⁾.

Тѣсная связь членовъ семьи не разрывалась даже и тогда, когда не было связывающаго звена, напримѣръ главы семьи, и когда каждый членъ семьи могъ бы жить отдѣльно. Такъ, братья Бобаченки живутъ „на единомъ хлѣбѣ, въ единомъ промыслѣ, вмѣстѣ, нераздѣльно“, по выраженію документа²⁾; два брата Хурсенка представляютъ изъ себя одну семью: Дмитро Хурсенко — 32 лѣтъ; жена его — 29, сынъ — 6 и другой — 2, дочь — 11 и другая — 4; братъ его Михайло — 22, съ женой — 17 лѣтъ³⁾.

Борьба съ неудобствами и невзгодами кочевой жизни связывала между собой не только членовъ одной семьи, но даже цѣлыя семьи. Доказательствомъ служитъ то обыкновенное явленіе, что цыгане кочевали таборами, т.-е. нѣсколько семействъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и дѣлили между собою всѣ невзгоды кочевой жизни. Изъ Смоленской губ. въ Глуховъ Черниг. г. на ярмарку цыгане прикочевали нѣсколькими шатрами; въ другомъ случаѣ изъ Смоленской же губ. прикочевали нѣсколько шатровъ съ бурмистромъ Ивановымъ во главѣ⁴⁾; изъ Малороссіи въ слободскій полкъ и изъ слободскихъ полковъ въ Малороссію цыгане часто дѣлали перекочевки таборами и почти никогда одной семьей⁵⁾.

Обыкновеннымъ жилищемъ цыганъ были шатры⁶⁾; поэтому, напр., въ спискахъ, представленныхъ изъ Слабинской сотни, значится, что Козорѣзенко съ семьей живетъ однимъ шатромъ, Федоръ Золотаренко съ семьей — однимъ шатромъ, Дмитрій Гуленко съ семьей — однимъ шатромъ, Андрей Бринзенко съ семьей — однимъ шатромъ⁷⁾. И какъ у осѣдлаго населенія изба или дымъ были извѣстной единицей, напримѣръ, для сбора подати, такъ у цыганъ такой единицей былъ шатеръ; такъ, напримѣръ,

¹⁾ Первая семья. Юско Богданенко — 60 лѣтъ, вдовъ; сыновья его: Леско — 40 лѣтъ, Яковъ — 30, дочь Офросинья — 16; жена Леска Ульяна — 35; сыны Лесковы: Василь — 13, Грицко — 9, Андрей — 6, Степанъ — 4; дочери Лесковы: Анна — 10, Мотря — 5; жена Якова Варька — 30; сынъ Якова Петро — 4. Вторая семья: Иванъ Довгошій — 70; жена Анна — 60; внуки его: Павелъ Семеновъ Довгошій — 15; внучка Евдокія — 10, Горпина — 7. Третья семья: Грицко Дѣтній — 60 лѣтъ, жена Татьяна — 70, сынъ его Кирикъ — 40; жена Кирика Наталка — 38; дѣти Кирика: Федоръ — 6, Павелъ — 4, Лукьянъ — 1, Евдокія — 1. Четвертая семья: Микита Алексѣенко — 40; жена его Устина — 30; сыны: Леско — 16; другой Леско — 6; дочери: Ирина — 10, Параскева — 2, тещь Микиты Омелько Кириченко — 70. Пятая семья: Кузьма Валченко — 30, жена его Татьяна — 18, сынъ Федоръ — 3. Шестая семья: Иванъ Пинченко — 45, жена его Евдокія — 30; сыны его: Иванъ — 10, Иванъ-полгода; дочери: Агафья — 15, Настя — 9, Настя — 4. Седьмая семья: Кузьма Мурженко — 50, жена — 45; сыну одному — 19, другому — 8; дочери одной — 20, другой — 6 лѣтъ. (Х. И. А. М. К., № 2404).

²⁾ Хар. Ист. А. М. К., № 7321.

³⁾ Ibidem, № 2404.

⁴⁾ Ibidem, № 3452.

⁵⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412, 13962, 17030, 22920 и т. д.

⁶⁾ Маркевичъ. Обычаи, повѣрья, кухня и напитки Малороссійцевъ. Кіевъ, 1860 г., стран. 47, 49 (вертепная драма). Помисль, стран. 21. Хар. Ист. Арх. М. К., № 13348.

⁷⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 2404.

съ упомянутыхъ выше смоленскихъ цыганъ, прибывшихъ въ Глуховъ, взяли съ шатра по 2 рубля.

Пища цыганъ Малороссіи была, вѣроятно, такая же, какъ и пища туземнаго населенія¹⁾; по крайней мѣрѣ, въ Вертепной драмѣ все названныя цыганомъ кушанья ничего не представляютъ отличнаго отъ произведеній малороссійской кухни. Свиное мясо пользовалось особымъ предпочтеніемъ, а сало составляло лакомства для цыгана: „ласый, якъ цыганъ на сало“²⁾, говоритъ народъ про цыгана; „якъ бы я бувъ царемъ, то сало бъ івъ, сало пывъ“ или: „якъ бы я бувъ царемъ, то вкравъ бы пудъ сала, та и втикъ бы“³⁾ — говоритъ цыганъ устами народа. Куреніе табаку среди цыганъ было очень распространено: „тату сала! мамо люльки!“⁴⁾ смѣется народъ надъ цыганами, увѣряя, что это послѣднія слова цыганенка передъ смертью. Спиртные напитки при праздной жизни цыганъ были не послѣднимъ удовольствіемъ въ ихъ обиходѣ⁵⁾.

Въ матеріальномъ отношеніи среди цыганъ господствовало громадное разнообразіе: среди ихъ встрѣчались люди богатые, зажиточные, посредственные и бѣдные, которые существовали милостынею; такъ, батуринскій цыганъ Василій Мина даетъ займы единовременно 200 руб., сумму по тому времени (1772 г.) довольно значительную, причемъ кромѣ этого онъ ссужаетъ еще и хлѣбомъ и т. п.⁶⁾; цыганъ Павелъ Мащенко даетъ за своей дочерью въ приданое пару лошадей, два большихъ серебряныхъ кубка, изъ которыхъ за одинъ, по его словамъ, предлагали ему 25 руб., а другой онъ купилъ за 10 рублей, а къ этому было еще присоединено платье и прочіе женскіе уборы⁷⁾. Въ документахъ мы имѣемъ подробное описаніе имущества нѣкоторыхъ цыганскихъ семействъ⁸⁾. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ указывается только приблизительная цифра

¹⁾ См. Малорусскія сказки, собранныя Чубинскимъ (Труды экспедиціи въ Западно-Русскій край, II т.), стран. 102, 121, 122, 123, 582. Маркевичъ, стран. 47, 48, 49. Помисъ и пр.

²⁾ Помисъ, стран. 98, № 5055.

³⁾ Ibidem, стран. 242, № 12367.

⁴⁾ Ibidem, стран. 21.

⁵⁾ X. II. A. M. K., № 422.

⁶⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 4938.

⁷⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 7321.

⁸⁾ Напримѣръ, имущество семьи Ивана Довгошя, состоящей изъ пяти душъ, составляли: четыре лошади, два воза, четыре скрини; содержимое въ скрыняхъ — платье: кунтушъ женскій, кармазинный, ношенный; кафтанъ турецкій, голевій, ношенный; кунтушъ мужескій, лисій, подъ сукномъ, блакитный, сае-товый, ношенный; кунтушъ скамитный, красный, съ сѣткою сребною кругомъ по бокамъ, женскій, ношенный; кунтушъ кармазинный, съ шнуркомъ сребнымъ, мужскій, ношенный; шуба волчья подъ сукномъ, блакитная, ношенная; кунтушъ кармазинный, старый, женскій, на лисяхъ; вещи: коць (коверь) пристриганій, уже старый; полуисковъ цинованныхъ шесть, кугнанъ (кувшинъ) циновій, кружка серебряная, вызолоченная, съ ручкой и крышкой; другая кружка серебряная, вызолоченная, съ ручкой и крышкой; третья кружка серебряная, большая, гладкая, безъ позолоты, съ ручкой и крышкой; стаканъ большой столовый, съ крышкой и тремя гербами, серебряный; стаканъ серебряный, вызолоченный; стаканъ серебряный „подъ цапою“, весь вызолоченный; меньшій стаканъ серебряный, рисованный, съ середины вызолоченный; чашка сребная штукованная около береговъ, вызолоченная; стаканъ на трехъ пуклякахъ, съ квітами подъ цапою, вызолоченный; чашка на трехъ пукляхъ, съ двумя ручками, и къ ней крышка на трехъ пукляхъ серебряная, вызолоченная кругомъ; чашка большая, съ четырьмя пуклями, съ двумя ручками, вызолоченная; чашка съ одною ручкою серебряная; серебряный, позолоченный кугнанъ, большой съ носкомъ и съ ручкой; три пояса сребныхъ, бляхованныхъ, подъ позолоткою, четвертый поясъ бляхованный, сребній, безъ позолоты; сѣдель 2; полушубковъ 2. — Иванъ Пинченко (семья изъ семи человекъ) имѣеть: два коня, два воза, двѣ скрини; въ скрыняхъ — платье: кунтушей женскихъ четыре заживанныхъ: первый

стоимости имущества, или же материальное состояние характеризуется отвлеченным термином или описанием образа жизни и занятий. Такъ, наприкладъ, два брата Хурсенка имѣютъ 6 лошадей и вещей рухомыхъ (движимыхъ) всего рублей на сто; Кузьма Мурженко съ семьей въ 6 человекъ имѣетъ вещей рухомыхъ рублей на 20; Юско Богданенко съ сыновьями по документамъ числится имуществомъ средственнымъ; Кузьма Валченко и Грицко Дѣтній имуществомъ крайне „нищетные“; Микита Алексѣенко и Омелько Кириченко имуществомъ „средственные“; Моисей Гриценко ничѣмъ не занимается, питается милостыней, лѣтомъ живетъ по разнымъ мѣстамъ, а на зиму нанимаетъ квартиру¹⁾.

Промыселъ цыганъ и ихъ занятія были настолько спеціальны, что во всѣхъ документахъ мы встрѣчаемъ такія выраженія: „бавятся обыкновеннымъ цыганскимъ промысломъ“, „бадаются (занимаются) обыкновеннымъ цыганскимъ промысломъ²⁾“. Однимъ изъ главныхъ промысловъ составляла торговля лошадьми; этому занятію цыгане предавались со всей страстностью своей натуры, особенно же любимымъ занятіемъ была мѣна лошадей³⁾. Эта страсть цыганъ попала даже въ поговорку: „минджуе, якъ цыганъ киньмы“, говоритъ малорусскій народъ⁴⁾. Лошади, выводимыя цыганами для продажи, не были породисты: никакая породистая лошадь не въ состояніи вынести всѣхъ лишеній кочевой жизни; это были клячи, изнуренныя длинными переходами, исхудалыя отъ безкормицы; такая лошадь, по словамъ народа, „день бижить, а три дни лежитъ⁵⁾“, „пивкорця ззисть, а миркы не довезе“⁶⁾. Постоянное обращеніе съ лошадьми должно было научить цыганъ умѣнью ухаживать за ними и лѣчить ихъ, т.-е. развить среди нихъ коновальскій промыселъ. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ Малороссіи цыганъ коноваловъ: въ Черниговѣ живутъ цыгане Иванъ Бѣлоусенко да Никита Романовичъ, занимающіеся коновальскимъ промысломъ; въ сотнѣ Слабинской живетъ однимъ шатромъ цыганъ коноваль Андрей Бринзенко⁷⁾. Далѣе, однимъ изъ важныхъ промысловъ цыганъ былъ промыселъ кузнечный. На языкѣ народа прилагательныя „цыганскій“ и „ковальскій“ равносильны⁸⁾; изъ живущихъ въ Слабинской сотнѣ пяти хозяевъ цыганъ четыре занимаются кузнечнымъ промысломъ⁹⁾. Кромѣ этихъ занятій, у цыганъ была масса другихъ способовъ для пріисканія себѣ дневного пропитанія; таковы: ворожба или гаданье, заговариванье отъ разныхъ болѣзней¹⁰⁾,

саетовый зеленый, второй саетовый гвоздиковый, третій кармазинный красный съ позументомъ золотымъ одноличнымъ, четвертый зеленый саетовый; кафтанъ мужскій грезетовый блакитный ношенный; „зайци“ подъ китайкою гранатовою ношенный; вещей: стаканъ большой, съ крышкою и съ тремя пуклями, серебряный, позлащенный, полумисковъ 2, тарелокъ цинкованныхъ 2.

1) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2404.

2) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2404.

3) Маркевичъ, стран. 47. Хар. Ист. Арх. М. К., № 7774, 2412 и пр.

4) Номисъ, стран. 207, № 10603.

5) Ibidem, стран. 145, № 7543.

6) Номисъ, 199, № 10226.

7) Х. И. А. М. К., № 2404.

8) Номисъ, стран. 36, № 1858, стран. 113, № 5854.

9) Хар. Ист. Арх., М. К., № 2404, а также № 6899.

10) Хар. Арх. М. К., № 422.

отъ укушенія змѣй¹⁾; въ крайнемъ же случаѣ цыгане прибѣгали къ попрошайничеству²⁾, и даже къ воровству³⁾).

Къ земледѣлію цыгане всегда чувствовали отвращеніе, а потому имъ никогда и не занимались; такъ, когда въ слободскихъ полкахъ цыганамъ предложили земли въ Валуйскомъ уѣздѣ и въ Екатерининской провинціи, они все отвѣчали, что земля имъ для хлѣбопашества не нужно⁴⁾. И осѣдлые цыгане въ Малороссіи, какъ видно изъ документовъ⁵⁾, никогда земледѣліемъ не занимались, а „бавились“ цыганскими промыслами, и были наравнѣ съ „лошадейными малороссійскими промышленниками“; такъ напримѣръ, Янковскій, будучи осѣдлымъ и платя общенародныя повинности, занимался тѣмъ, что скупалъ для казеннаго завода кобылицъ⁶⁾.

Поэтому содержаніе и прокормленіе цыганскаго населенія всецѣло ложилось на туземное. Во всѣхъ занятіяхъ цыганъ немаловажную роль играли обманъ и надувательство; а очень часто процвѣтали и болѣе противозаконныя занятія, напримѣръ конокрадство⁷⁾).

Лѣтомъ цыгане обыкновенно перекочевывали съ мѣста на мѣсто, вездѣ находя подножный кормъ для лошадей и посѣщая конныя ярмарки; зимой же они нанимали гдѣ-нибудь помѣщеніе для себя и для лошадей, платя за себя и за прокормъ лошадей извѣстную плату: такъ, Войцеховичъ и Босаченко за помѣщеніе и прокормъ платили въ сутки по денежкѣ съ лошади⁸⁾. Но такъ какъ опредѣленныхъ занятій не было, а слѣдовательно и опредѣленныхъ доходовъ тоже не имѣлось, а за квартиру и за прокормъ лошадей платить было необходимо, то и приходилось прибѣгать очень часто къ нечестнымъ средствамъ⁹⁾. Идетъ цыганка ворожить, заговаривать или лѣчить, — она идетъ не одна, а съ нею цѣлый таборъ, и въ то время, какъ она ворожить, а остальная ватага старается занять балагурствомъ хозяевъ, нѣкоторые изъ цыганъ высматриваютъ, гдѣ только можно, и стараются стянуть; такъ что съ появленіемъ цыганъ въ окрестности обыкновенно происходилъ цѣлый рядъ покражъ¹⁰⁾. При такомъ положеніи дѣла народъ имѣлъ полное право сказать: „лихо, та не тихо: коло Маховки цыгане облегли¹¹⁾“.

Но все способы добыванія цыганами дневнаго пропитанія представляли собой такой ничтожный и мелкій заработокъ, что цыганамъ большею частью прихо-

¹⁾ Маркевичъ, стран. 52.

²⁾ Маркевичъ, Номисъ, стран. 21. Чубинскій, стран. 583, Х. И. А. М. К., № 13962.

³⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 422.

⁴⁾ Пол. Соб. Зак., т. XVII, № 12587.

⁵⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 4012 и пр. Маркевичъ, Номисъ, стран. 20.

⁶⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 20950.

⁷⁾ М. И. А. Х. К., № 12170.

⁸⁾ Ibidem, № 422, 2404.

⁹⁾ Ibidem, № 22809.

¹⁰⁾ Такъ, въ селѣ Рѣскахъ цыгане во время зимовки въ нѣсколько недѣль совершили слѣдующія покражи: въ домѣ значковаго товарища Филмона Богдановича украли изъ незапертой коморы пять подтигъ; у вдовствующей сотничихи Бакуринской въ домѣ ея изъ незапертой скрини — три рубля; у сына священника Леонтовича изъ кладовой деньги и вещи; у шинкаря Бакуринской — восемь руб.; у рудчанскаго жителя — семь рублей и рубашку. Покраденное цыгане обыкновенно дѣлили между собой. Хар. Ист. Арх. М. К., № 422.

¹¹⁾ Номисъ, стран. 41, № 2008.

дилось съ трудомъ влачить свое жалкое прозябаніе. По воззрѣнію народа, жизнь цыгана является вообще очень нищенской. Вотъ сценка изъ Вертепной драмы: молодой цыганъ, обращаясь къ отцу, говоритъ: „Иды, батько! маты казала вечерять“. Отець: „Ащо жъ добраго вы тамъ наварылы?“ Сынъ: „Казала маты: ничего“. Отець: „А хлибъ же е?“ Сынъ: „Де-бъ то взявся? нема“. Отець: „Тамъ дарма; я тутъ зъ людьмы добрымы погарцюю, а вы вечеряйте соби здоровы¹⁾“. А такія поговорки народа, какъ „цыгане будутъ сныця (якъ хто, не вечерявши, спать лягае²⁾“, или: „мисяць — цыганьске солнце³⁾“ — раскрываютъ передъ нами всю неприглядную картину цыганскаго життя.

Малорусское населеніе къ цыганамъ относится безъ всякой враждебности и ненависти. Правда, народъ хорошо понимаетъ непріязненное отношеніе къ нему цыганскаго населенія: „не приходиця, говоритъ онъ, цыгана дядькомъ звать“⁴⁾, или: „такой ласки я и въ цыгана добуду⁵⁾“; все же непріязненное чувство малоросса проявляется лишь въ осужденіи скитальнической жизни цыгана⁶⁾ и въ юмористическомъ, добродушномъ подсмѣиваніи надъ нимъ⁷⁾. Дѣло въ томъ, что цыганъ всегда ютится у простого народа; онъ не приставалъ къ высшимъ классамъ общества, какъ другіе иноземцы: „цыганъ тымъ не поганъ, — шутить народъ, — що зъ панамы ість“⁸⁾, и если цыганъ божился и клялся, а въ то же время нагло обманывалъ, то дѣлалъ это единственно съ цѣлью поддержанія своего жалкаго существованія. Кромѣ того, цыгану не мало помогало еще его умѣнье вездѣ приспособиться; такъ, напримѣръ, въ Малороссіи пища, костюмъ, религія цыганъ были таковы, какъ и у туземнаго населенія; все это должно было примирять малорусское населеніе съ цыганами.

Цыгане въ Россію появились въ XVI в.; законодательныя же мѣры относительно ихъ возникаютъ лишь въ XVIII в.: въ 1733 г. явился указъ, предписывающій весь сборъ съ слободскихъ цыганъ отдавать на канцелярскіе расходы въ учрежденныхъ пяти слободскихъ полкахъ⁹⁾. Русское правительство своими законодательными мѣрами относительно цыганъ представляетъ рѣзкую противоположность другимъ европейскимъ правительствамъ. Въ то время, какъ повсемѣстно въ западной Европѣ издавались указы о полнѣйшемъ изгнаніи цыганъ, а населеніе обращалось съ ними безпощадно жестоко, въ Россіи мы видимъ совсѣмъ другое: никогда еще не былъ изданъ въ Россіи законъ объ изгнаніи цыганъ, и законодательство русское, по словамъ Юридическаго Обзорѣнія, останется навсегда извѣстно тѣмъ, что оно никогда не угнетало цыганъ преслѣдованіями, и лишь иногда нѣкоторыя мѣстности Россіи были закрыты для цыганскаго населенія¹⁰⁾. Русское правительство почти

¹⁾ Маркевичъ, стран. 47.

²⁾ Номисъ, стран. 221, № 11311.

³⁾ Номисъ, стран. 17, № 780.

⁴⁾ Номисъ, стран. 283, № 850.

⁵⁾ Номисъ, стран. 93, № 4769.

⁶⁾ „Якъ не мають домивь, щобъ щастя не мали“, Номисъ, стран. 21.

⁷⁾ Номисъ. Чубинскій, Малорусскія сказки. Маркевичъ.

⁸⁾ Номисъ, стран. 23, № 1040.

⁹⁾ Пол. Собр. Зак., т. IX, № 6430, стран. 157.

¹⁰⁾ Пол. Собр. Зак., т. XV, № 10981.

никогда не выдѣляло цыганъ изъ общей массы населенія, но всегда старалось ихъ слить съ прочими обывателями и сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ; для этого оно затратило не мало средствъ, но результаты не оправдали тѣхъ затратъ, которыя были употреблены на цыганъ, и они продолжаютъ кочевать еще и теперь по всей Россіи, за исключеніемъ крымскихъ и небольшой группы московскихъ и петербургскихъ цыганъ¹⁾. Что касается малороссійскихъ цыганъ, то ихъ положеніе до конца XVII в., по всей вѣроятности, было сходно съ положеніемъ польскихъ цыганъ.

Въ Польшу цыгане явились, по предположенію Миклошича, во времена Владислава Ягелла; въ актахъ же они упоминаются въ первый разъ только подъ 1501 г., когда король Александръ выдалъ цыганскому войту Василию грамоту, которою дозволялось цыганамъ кочевать въ предѣлахъ Польши; лѣтъ же черезъ 50, именно въ 1557 г., послѣдовало постановленіе сейма объ изгнаніи цыганъ изъ Польши. Это постановленіе сеймъ подтверждалъ въ 1565, 1578, 1607 и наконецъ въ 1618 гг.; но при слабости властей, по словамъ Миклошича, и при симпатіи народа къ цыганамъ, постановленія сейма не привели ни къ какимъ результатамъ, развѣ только къ тому, что можетъ быть усилили собой движеніе цыганъ къ окраинамъ Польши, т.-е. въ Малороссію. Въ 1671 г. польское правительство попыталось сдѣлать цыганъ осѣдлыми и дало имъ административное устройство: они стали въ зависимость отъ избираемаго ими самими начальника, который носилъ титулъ короля. Король этотъ утверждался Польскимъ королемъ²⁾. Институтъ цыганскаго короля уже не засталъ цыганъ лѣвобережной Украины, а коснулся только правобережной. Воспоминаніе объ этомъ живетъ и теперь среди малорусскаго населенія Подолія въ поговоркѣ: „Сывысь (сивый еси) якъ цыганскій король³⁾“. Русское правительство XVIII в. къ малороссійскимъ цыганамъ относилось крайне заботливо: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было возможно, оно старалось оградить цыганское населеніе отъ всякихъ обидъ и своеволій, напримѣръ, со стороны цыганскихъ атамановъ; съ откупщика взимался штрафъ за всякое съ его стороны насиліе надъ цыганскимъ населеніемъ⁴⁾.

Цыгане лѣвобережной Украины раздѣлились, какъ и малороссійскіе обыватели, на десять полковъ; во главѣ cadaго полка стоялъ цыганскій атаманъ⁵⁾. Цыганскіе атаманы, во время существованія откупа цыганскаго сбора, назначались откупщикомъ, хотя вѣроятно и съ вѣдома правительства⁶⁾; а по уничтоженіи откупа атаманъ, какъ представитель всего цыганскаго населенія, назначался Войсковою Генеральною Канцеляріей⁷⁾, причемъ цыгане имѣли право просить о назначеніи того или другого лица атама-

¹⁾ Паткановъ. „Новое Время“ 1886 г., № 3844. Скальковскій, Опытъ описанія Новороссійскаго края, стран. 317—320.

²⁾ Паткановъ, 16.

³⁾ Номись, 165, № 8640.

⁴⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412, 22847 и пр.

⁵⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 19539 и 2404. Нужно замѣтить, что дѣленіе цыганскаго населенія и назначеніе цыганскихъ атамановъ не всегда совпадало съ дѣленіемъ Малороссіи на полки. Такъ, въ 1751 г. упоминаются только 7 атамановъ: „бють челомъ цыганскіе атаманы: Тимошъ Панченко, Пилипъ Козенко, Михайло Зодотаренко, Леско Воронченко, Гаврило Панченко, Ничипоръ Федоренко, Петро Косаченко, со всѣми обще Малороссійскими и Волошскими цыганами“. (Х. И. А. М. К., № 12706).

⁶⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412, 19539 и пр.

⁷⁾ Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 2412.

номъ, а этотъ атаманъ въ свою очередь назначалъ полковыхъ атамановъ. Къ цыганамъ малороссійскимъ въ XVIII в. причислялись еще и волошскіе цыгане, которые управлялись своими атаманами¹⁾.

На обязанности атамана было вѣдать подвластное имъ цыганское населеніе: во время существованія откупа они были обязаны собирать съ цыганъ оброкъ; если правительству надо было разыскать какого-нибудь цыгана, то оно относилось къ атаману, подъ вѣдомствомъ котораго находился поименованный цыганъ. Имѣли-ли атаманы въ своихъ рукахъ полицейскую и судебную власть во время существованія откуповъ цыганскаго оброка, трудно сказать за недостаткомъ матеріала; по уничтоженіи же откуповъ въ 1757 г. имъ было дано право суда и расправы между членами цыганскаго населенія, а также на обязанности атамановъ было удерживать цыганъ отъ „непристойностей“²⁾.

По малороссійскимъ правамъ цыгане представляли собою классъ, стоящій ниже посполитыхъ простонародныхъ гражданъ. Такъ, за увѣчье, за нанесеніе раны и убійство цыгана взыскивалось въ половину противъ суммы за посполитыхъ простонародныхъ³⁾. За свои преступленія цыгане подвергаемы были суду и судимы наравнѣ съ малороссійскими обывателями. Въ 1757 г., 14 іюня, атаманомъ Разумовскимъ былъ данъ Ивану Юценко, цыганскому атаману, откровенный ордеръ, по которому Юценко, а также и назначенные отъ него полковые атаманы должны были, удерживая цыганъ отъ непристойностей, чинить между ними судъ и расправу; дѣла же, которыя могли бы возникнуть между цыганами и малороссійскими обывателями, должны были быть разсматриваемы въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ⁴⁾.

Рядъ реформъ, произведенныхъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Малороссіи, не прошелъ безслѣдно для цыганскаго населенія. Въ 1765 г., 10 октября, русское правительство произвело коренную реформу въ административномъ управленіи цыганъ: должность атамановъ была упразднена, каждый же изъ цыганъ обязанъ былъ выбрать себѣ мѣсто для постоянного жительства и поступить подъ вѣдомство сотенныхъ и полковыхъ правленій наравнѣ съ другими обывателями; если же кто желалъ, то могъ остаться за какимъ угодно ему владѣльцемъ, какъ вольный подданный. Если цыгану нужно было куда-нибудь выѣхать, то онъ долженъ былъ взять паспортъ отъ сотеннаго или полкового правленія, смотря потому, кому онъ былъ подчиненъ, или отъ владѣльца, — съ точнымъ обозначеніемъ, кто онъ, откуда и зачѣмъ отпущенъ и на какой срокъ; паспортъ могъ быть выданъ только одному лицу, но не цѣлой

¹⁾ Ibidem, №№ 12706, 21976 и пр. Вотъ перечень цыганскихъ атамановъ 1739 г., при откупщикѣ Алексѣй Гречкѣ: въ Стародубскомъ полку — Алексѣй Мурженко, въ Черниговскомъ — Прокопъ Руденко, въ Нѣжинскомъ — Семень Пащенко, въ Кіевскомъ — Панко Москаленко, въ Галыцкомъ — Иванъ Бадола, въ Лубенскомъ — Иванъ Федоренко, въ Прилуцкомъ — Кузьма Андрущенко, въ Полтавскомъ — Василь Пиченко, въ Миргородскомъ — Семень Руденко, въ Переяславскомъ — Иванъ Косякъ; волошскіе атаманы: Федоръ Волошинъ, Захвиръ Волошинъ. Въ 1751 г. упоминаются семь атамановъ, которые перечислены выше. (Х. И. А. М. К., № 19539, 12706). Терминомъ „волошскій“ обозначалось, вѣроятно, происхожденіе цыганъ; это были выходцы изъ Молдавіи въ началѣ XVIII в.

²⁾ Хар. И. Арх. М. Кол., № 12170.

³⁾ См. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, изд. подъ ред. проф. Кистяковскаго. Кіевъ, 1879 г., ст. 820.

⁴⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412.

семь¹⁾. Мотивами такой реформы правительство въ своемъ указѣ выставило слѣдующее: во-первыхъ, атаманы, пользуясь неопредѣленностью положенія и матеріальнаго состоянія цыганскаго населенія, часто притѣсняли его и дѣлали несправедливости; далѣе, подъ именемъ цыгана могли скрываться, по выраженію указа, самые подлые люди — воры и шпіоны; и наконецъ, послѣдній мотивъ былъ тотъ, что бродяжничество цыганъ служило соблазнительнымъ примѣромъ для малороссійскихъ родимцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые тоже начали шататься, причиняя обществу непокой, а себѣ не принося никакой пользы. Правительство понимало трудность исполненія этого указа и, боясь столкновенія властей съ цыганскимъ населеніемъ и злоупотребленія властью со стороны первыхъ, предписало: „постараться“ сдѣлать изъ цыганъ обыкновенныхъ гражданъ, не употребляя при этомъ насилія, но дѣйствуя кротостью, словами и убѣжденіемъ. Цыгане заявили, что они поселятся какъ постоянные жители, на такомъ-то мѣстѣ, а нѣкоторые даже и усѣлись было, но не надолго; такъ, часто случалось, что, взявъ паспортъ и отправившись на ярмарку, они не возвращались по цѣлымъ годамъ и перекочевывали по своему обыкновенію съ мѣста на мѣсто²⁾.

Малороссійскіе цыгане платили въ Войсковой Малороссійскій Скарбъ извѣстный оброкъ. Сборъ этого оброка въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. былъ на откуп³⁾, и въ это время цыгане, по собственному ихъ заявленію, платили по 120 руб. въ годъ⁴⁾; на основаніи указа Петра Великаго отъ 1723 г. и инструкціи, данной малороссійскимъ подскарбіямъ (1729 г. 20 мая), сборъ малороссійскихъ и волошскихъ цыганъ продолжалъ отдаваться на откупъ по прежнему. Для этого въ концѣ года, въ которомъ кончался срокъ откупа, была тоекратная публикація: объявлялось въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ и прочихъ надлежащихъ мѣстахъ, не пожелаетъ ли кто взять цыганскій сборъ на откупъ⁵⁾. Всякій, кто пожелалъ бы, долженъ былъ подать заявленіе въ канцелярію малороссійскихъ сборовъ и явиться на торгъ; кто давалъ больше, за тѣмъ оставался откупъ. При отдачѣ откупа съ откупщикомъ заключался контрактъ. Откупная сумма вносилась откупщикомъ вся сполна, по прошествіи каждаго года, въ январѣ слѣдующаго; въ обезпеченіе же вѣрности платежа откупщикъ долженъ былъ представить поручителей „добрыхъ и пожиточныхъ“⁶⁾. Отъ откупщика требовалось, чтобы онъ не обременялъ цыганскаго населенія излишними налогами, а бралъ съ нихъ столько, сколько слѣдовало по ихъ ремесламъ; для этого откупщику выдавался реестръ, въ которомъ было показано, сколько долженъ вносить извѣстный цыганъ⁷⁾. Въ случаѣ неисполненія этого обязательства, откупщикъ платилъ штрафъ; но, несмотря на такое стараніе со стороны правительства оградить цыганское населеніе отъ своеволя и притѣсненія откупщика, своеволя эти почти всегда бывали: противъ каждаго откупщика слышались среди

¹⁾ Ibidem, № 2404.

²⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 3038, 13962.

³⁾ Ibidem, № 21976.

⁴⁾ Ibidem, № 12706.

⁵⁾ Ibidem, №№ 4921, 2412 и пр.

⁶⁾ Ibidem, № 2412.

⁷⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 19539.

цыганъ жалобы на вымогательства¹⁾. Особенно въ этомъ случаѣ откупщики прибѣгали къ такому средству: они навязывали цыганамъ какую-нибудь свою вещь, требуя за нее гораздо дороже ея стоимости. Такъ, напримѣръ, откупщикъ Вятковскій, имѣя свой шинокъ, продавалъ цыганамъ водку по дорогой цѣнѣ и при этомъ заставлялъ ихъ брать водку именно въ его шинкѣ²⁾; а откупщикъ Моисей Юценко за накинутые Ѳедору Панченку „пукаль“, а Грицку Панченку лохань вымогалъ съ нихъ 30 рублей, а съ цыгана Ивасенко 20 руб. за жупанъ. Атаманы, назначаемые откупщиками, обращались съ цыганами крайне жестоко. Такъ, полковые атаманы, назначенные атаманомъ Ющенкомъ, наносили цыганамъ „смертные раны топорами“ и „причиняли бои и грабительства“³⁾. Домъ откупщика освобождался отъ постоевъ и всякихъ повинностей⁴⁾; откупщикъ и посылаемые имъ атаманы для сбора оброка освобождались отъ платежа на перевозахъ, мостахъ и гребляхъ.

Съ начала XVIII в. цыгане платили по 120 руб. въ годъ; въ 30-хъ годахъ откупная сумма возросла до 400 рублей и увеличивалась постепенно, такъ что въ 1750 г., она равнялась 1150 руб., а въ 1755 г., во время отмѣны откупа, 1424 рублямъ⁵⁾. Откупная сумма взималась со всѣхъ цыганъ, „бавившихся цыганскимъ промысломъ“; каждый цыганъ вносилъ, вѣроятно, соразмѣрно своему заработку и имуществу. По реестру, данному въ 1739 г. Алексѣю Гречкѣ, съ Михаила Юценка слѣдовало взять 18 рублей въ годъ; изъ реестровъ не уплатившихъ цыганъ, представленныхъ откупщиками Ющekomъ въ 1750 г. и Вятковскимъ въ 1753 г., видно, что размѣръ взносовъ съ разныхъ цыганъ простирался отъ 50 коп. до 10 руб. и болѣе въ годъ⁶⁾.

Цыгане, внося въ Малороссійскій скарбъ оброкъ, были свободны отъ платы „ярмарковаго“ сбора, но въ нѣкоторыхъ сотняхъ Миргородскаго и Нѣжинскаго полковъ они обязаны были платить и „ярмарковое“: такъ, въ Городиской и Бирзенской сотняхъ на ярмаркахъ платили цыгане по 20 коп. съ человѣка, а въ сотняхъ Глухов-

¹⁾ Ibidem, № 2412, 11097, 22847, 12706, 9336 и пр.

²⁾ Ibidem, № 2412.

³⁾ Ibidem, № 21530.

⁴⁾ Ibidem, № 2412, 19539, 20445.

⁵⁾ Въ архивѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ вопросу объ откупахъ цыганскаго сбора. Въ 1731 г. цыганскій сборъ былъ отданъ съ торговъ цыганскому атаману Михайлу Юценку впредь на три года, т.-е. 1732—34 гг., съ платой въ годъ по 392 руб. 70 коп. Въ 1734 году на торги явились: крестьянинъ князя Барятинскаго и тотъ же Михайло Юценко; но по 22 пункту Коммерцъ-Коллежскаго регламента крестьянину было отказано, и откупъ снова пришлось отдать за ту же сумму впредь на три года. Въ 1737 г. состоялись снова торги и откупной сборъ былъ отданъ впредь на три года съ платой по 526 руб. въ годъ Глуховскому жителю Алексѣю Гречкѣ. Съ 1741 г. откупной сборъ держалъ три года глуховскій житель Иванъ Манзя за 860 руб. въ годъ. Въ концѣ 40 и началѣ 50 гг. появляются прошенія цыганъ объ уменьшеніи откупной суммы, ибо, какъ заявляли они, число цыганъ уменьшилось и сами они крайне обѣднѣли, благодаря неурожайнымъ годамъ и падежу скота, и Моисей Юценко, державшій въ это время откупъ уже по 1150 руб. въ годъ, отказался держать его за ту же самую сумму. Просьба цыганъ не была уважена; но такъ какъ никто не явился на торги, то откупъ на 1751 г. былъ отданъ за ту же самую сумму Василю Миненку и Ивану Моисеевну, которыхъ выбрали сами цыгане. На 1752—54 гг. откупъ цыганскихъ сборовъ былъ отданъ нѣжинскому значковому товарнику Ивану Вятковскому за 1404 руб. въ годъ, но Вятковскій въ 1754 году умеръ, и сборъ съ цыганъ на 1755 г. перешелъ къ цыганскому атаману Ивану Юценку съ платой по 1424 рубля. Въ силу именного указа 1755 г. (2 апрѣля), которымъ отмѣнялся сборъ въ Войсковой Малороссійскій Скарбъ, былъ „отрѣшенъ“ и сборъ съ цыганъ. Хар. Ист. Арх. М. К., №№ 2412, 20950, 19539, 12706, 21976, 6127, 5919, 4921, 7774.

⁶⁾ X. И. А. М. К., № 20950 и 2412.

ской и Кролевецкой они платили отъ гурту, смотря по договору, по 3, по 5, и по 6 руб.¹⁾). Цыгане очень часто уклонялись отъ платежа сбора: когда приходилъ срокъ платежа, то они уходили въ слободскіе полки или прибѣгали къ протекціи; особенно послѣднее было сильно распространено, такъ что для пресѣченія этого былъ данъ откупщику Вятковскому 1753 г., 10 сентября, отъ гетмана ордеръ, которымъ запрещалось брать цыганъ подъ протекцію²⁾). Тѣ цыгане, которые отбывали общенародныя повинности, платили порціонныя и раціонныя на консистентовъ и по ревизіи были помѣщены въ статьѣ нищетныхъ, были свободны отъ платы откупщику.

Въ 1755 г., въ силу именного указа, которымъ отмѣнялся сборъ въ Войсковой Малороссійской скарбѣ, былъ отмѣненъ сборъ и съ цыганъ, и до 1765 г. каждый цыганъ-хозяинъ обязанъ вносить только въ пользу полковыхъ цыганскихъ атамановъ по 20 коп.³⁾). Жившіе же на владѣльческихъ земляхъ цыгане, а также отбывавшіе общенародныя повинности остались на прежнихъ основаніяхъ⁴⁾).

По уничтоженіи откупа Иванъ Ющенко просилъ о назначеніи его атаманомъ всего цыганскаго населенія, представляя въ своемъ прошеніи тотъ мотивъ, что ему нужно собрать съ цыганъ недоимки за первую треть 1755 г. Просьба была уважена, и Ющенко получилъ атаманство съ правомъ назначать полковыхъ цыганскихъ атамановъ, а также чинить судъ и расправу надъ цыганами⁵⁾).

Въ 1756 г. батуринскій житель, цыганъ Василь Миненко, подалъ въ Генеральную канцелярію заявленіе, что откупъ цыганскаго сбора въ слободскихъ полкахъ находится въ его рукахъ и, такъ какъ цыгане Малороссіи ничего не платятъ, то цыгане изъ слободскихъ полковъ предъ началомъ платежа уходятъ въ Малороссію и уклоняются отъ платы оброка; поэтому онъ, Миненко, просилъ назначить его товарищемъ Ющенко, тѣмъ болѣе, что онъ еще родственникъ (тесть) Ющенко. Просьба Миненка была уважена. И вотъ явилось нѣчто въ родѣ двоевластія въ цыганскомъ атаманствѣ⁶⁾).

Миръ и согласіе между атаманами продолжались не долго; скоро они не ладили между собой. Миненко отмѣнилъ атамановъ, назначенныхъ Ющенко, безъ вѣдома послѣдняго, не потребовавъ отъ нихъ отчета въ недоимочныхъ сборахъ, которые они обязаны были собрать съ цыганъ; поэтому Ющенко просилъ ордера изъ Генеральной канцеляріи о запрещеніи Миненку поступать въ другой разъ безъ вѣдома Ющенко, на что и былъ выданъ ему ордеръ. Миненко, вѣроятно мстя своему зятю, подалъ на него прошеніе, въ которомъ доносилъ, что Ющенко чинитъ цыга-

¹⁾ Ibidem, № 2412.

²⁾ Х. И. А. М. К., № 2412.

³⁾ Ibidem, № 2404.

⁴⁾ Такъ, изъ списковъ 1765 года видно, что Иванъ Бѣлоусенко, живя въ Черниговѣ своимъ дворомъ, платитъ въ магистратъ Черниговскій 50 коп., кромѣ 20-копеечнаго сбора въ пользу атамановъ; въ Понорницкой сотнѣ 2 цыгана, имѣвшіе постоянное жительство и отбывавшіе общенародныя повинности, въ казну Ея Величества вносили: Дмитро Хурсенко по 2 руб., а Кузьма Мурженко по 16 коп. въ годъ; далѣе, три цыгана (Богданенко, Дѣтній и Алексѣевъ) показали, что уже восьмой годъ находятся подъ вѣдомствомъ бучуковаго товарища Лисенка и платятъ ему: первый по 5 руб., второй по 3 руб. и третій по 2 рубля, съ правомъ свободы отъ отбыванія барщины. Х. И. А. М. К., № 2404.

⁵⁾ Х. И. А. М. К., № 2412.

⁶⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412.

намъ „здирства и озлобленіе“. Явилось 14 человекъ, которые показали на Ющенка искъ въ размѣрѣ 356 руб. И какъ прежде полковые цыганскіе атаманы просили, чтобы Ющенко былъ ихъ атаманомъ до самой смерти, такъ теперь они, благодаря, должно быть, проискамъ Миненка, просятъ объ отрѣшеніи Ющенка отъ должности. Миненко достигъ своего: Иванъ Ющенко былъ отрѣшенъ, а цыганскимъ атаманомъ въ 1763 г. былъ назначенъ Василій Миненко (или Миненокъ¹⁾).

Въ 1765 году, 10 октября, цыганскіе атаманы были отмѣнены, и цыгане были поставлены въ зависимость отъ сотенныхъ полковыхъ правленій и сравнены съ прочими обывателями.

Таковы важнѣйшія данныя о цыганахъ въ Малороссіи, заключающіяся въ архивныхъ документахъ Малороссійской Коллегіи въ Харьковѣ.

Д. Ч. П. У. С. Оп. 8, в. XI, № 319, л. 11—12.

Подчиненному въ полковой Гадяцкой канцеляріи опредѣленію, присланной при доношеніи сотника Комишанского Золотаревского циганъ Иванъ Василенко въ оной полковой канцеляріи допрашиванъ въ нижеслѣдующемъ 1749 году февраля 22 дня.

Вопросы.

Ответы.

1.

Циганъ Иванъ Василенко показалъ на 1.

Гдѣ ты родился и прежде сего жительствоваешь, такожь нынѣ имѣешь ли гдѣ свой домъ и въ немъ другое какое имущество и въ чемъ то состоитъ смотрѣніи.

Родился де онъ Нѣжинского полку сотнѣ Борзенской въ селѣ Бретановцѣ жительствоваешь при отцу своему цигану Василю Фуки и матери Вѣчки цигана Василя Изди дочери въ ономъ селѣ Бретановцѣ годовъ съ десять, а потомъ лѣтними временами ходилъ по разнымъ мѣстамъ, а зимовалъ Нѣжинского полку въ селѣ Комаровцѣ четири зимы, въ селѣ Бакаевцѣ одну зиму идѣже и мать его умре и Переяславского полку въ мѣстечку Басанѣ а одну зиму, въ мѣстечку жъ Воронковѣ одну жъ зиму, гдѣ и оной отецъ его умре; по смерти жъ оного отца его онъ Василенко зъ Воронкова пошедши зъ братомъ своимъ отъ него старшимъ Михайломъ Василенкомъ и женою его Вѣвдею цигана Семена Котенка дочерю, оного жъ Переяславского полку сотнѣ Баршовской въ селѣ Скопцяхъ одну зиму и оттуда пошедши лѣтного времени Лубенского полку сотнѣ Пѣратинской въ село Митченки, въ томъ селѣ на дочери цигана Ивана Бѣгуненка Вѣвдѣ женился; и потомъ отшедши отъ вишеннаго своего брата, Лубенского полку сотнѣ Лохвицкой въ селѣ Свиридовки одну зиму; а по миновеніи лѣта какъ

¹⁾ Ibidem, № 2412.

пришелъ на зиму сотнѣ Глинской въ село Ярошовку то тамо находившійся циганъ, жени его Василенка роднїй дядя Ѳедоръ Бѣгуненко, объявивши ему Василенку отца его на десять рублей облѣкъ, его Василенка взялъ въ годовую службу на пять годъ въ которой онъ какъ находится, тому уже слѣдуетъ пятїй годъ, чрезъ тое жъ все время жилъ онъ при немъ Бѣгуненку въ ономъ селѣ Ярошовцѣ; прошлого жъ 748 году въ Филиповъ постъ съ онымъ Бѣгуненкомъ и пришедшимъ въ оное жъ село Ярошовку въ прошломъ 747 году циганомъ, умѣющимъ дѣлать золотарство Степаномъ Кавяченкомъ (которой скоро по приходѣ его онымъ Бѣгуненкомъ за долгъ жени его въ службу взять и въ той службѣ и до сего онъ находится) пошли съ оного села Ярошовки и пришедши полку Гадяцкого сотнѣ Калишанской въ село Остаповку, нанялъ оной Бѣгуненко на зиму хати: одну въ казака тамошняго прозиваемаго Зайца а имени его онъ знать не можетъ къ прожитію себѣ съ нимъ Василенкомъ, да другу въ казаковъ Ивана и Миколи Телепниковъ къ жилию оному Кавяченку и въ тѣхъ хатахъ сами они цигане жительствоваали отъ Филипова посту по сей февраль мѣсяць, онъ же де Василенко нигдѣ дому своего не имѣеть, а какое въ его имѣется имущество, тое находится въ жени его въ ономъ селѣ Остаповцѣ.

2.

Сискавшіесь в тебѣ воровскія деньги полтинники и денежки гдѣ отколь и когда тебѣ достались или самимъ тобою дѣлани и ежели самимъ дѣлани то въ какихъ точно мѣстахъ изъ твоего ль самого умншленія или съ чимъ согласіемъ и не вѣдаетъ ли кто другой о томъ и отъ котораго времени таковія воровскія деньги дѣлать началъ и сколько ихъ

На 2.

Сискавшіесь въ него воровскія деньги полтинниковъ три и денежокъ пять достались ему отъ вишеписанного хозяина его Бѣгуненка таковымъ случаемъ, какъ сего февраля 14 дня оной его хозяйнѣ, нанявши за тридцать копѣекъ въ подводу козака Остаповского Андрея Киселенка, послалъ его Василенка для выкупленія заставленныхъ онымъ Бѣгуненкомъ вещей полку Лубенского сотнѣ Роменской въ села Бѣловодъ, Коржи и Ярмолинцы, то тогда далъ ему денегъ онихъ воровскихъ полтинниковъ три (кои велѣлъ ему гдѣ-нибудь въ селахъ на мелкія размѣнять), да денежокъ полтора рубля съ четырнадцатма копейками, между коими было до половины воровскихъ а остатніе настоящіе и потому онъ Василенко, прїѣхавши въ Бѣловодъ, выкупилъ тамо заставленной онымъ его хозяиномъ въ Опанаса Кушнера кожухъ за пятьдесятъ копеекъ; въ Коржахъ в Грицка Кравка очепокъ матеріальной зеленой за сорокъ копеекъ да въ жени

всѣхъ сдѣлалъ и куда онія употреблялъ и съ вѣдома ль что воровскіе или подъ видомъ настоящихъ и какіе у тебя къ дѣланію онихъ воровскихъ денегъ инструменты имѣются и гдѣ оніе именно содержишь?

шинкарчихи полумисочокъ циновой ¹⁾ за тридцать копеекъ; и въ Ярмолинцахъ въ тамошняго жителя козака Василя, а прозванія его знать не можетъ, точило за сорокъ копеекъ; онимъ же людямъ отдалъ онъ деньги все предпоказанными денежками; а тѣхъ сель какъ возвратившись слѣдовалъ въ означенное село Остаповку и заѣхавши путемъ сотнѣ Лохвицкой въ село Пески, тамо въ шинку намѣревалъ одного полтинника размѣнять и показалъ оніе полтинники, то оніе признавъ за воровскіе, взято его Василенка съ означенными деньгами и представлено тамошнему приказчику, а имени и прозванія его знать онъ не можетъ и тамо взято въ него писаромъ, коего также имени и прозванія не вѣдаетъ, съ предписанныхъ вещей точило, полумисочокъ и очепокъ, а оттоль отослано его въ Лохвицю гдѣ асаулцами помянутой кожухъ въ него взято; зъ Лохвицѣ жъ, по допросѣ, въ Комишну; а съ Комишной въ полковую Гадацкую канцелярію, предреченныхъ же воровскихъ денегъ онъ Василенко не дѣлалъ, но дѣлани оніи объявленными хозяиномъ его Бѣгуненкомъ и золотаремъ Ковяченкомъ, онъ же Василенко только при томъ дѣланнѣ денегъ по принужденію одного своего хозяина билъ и мѣшкомъ ковальскимъ дулъ, а дѣлани оніи сего году послѣ праздника Богоявленія Господня (а какого именно числа вѣдать онъ не можетъ) ночного времени въ вишеписанной нанятой въ казаковъ Остаповскихъ Телепненковъ хатѣ въ сѣнѣхъ и сдѣлано только вишеобъявленніе полтинники три, кои дѣлани въ выдавленной зъ глины на полтинникъ формѣ зъ снизу, а побѣлювана в черепку глиняномъ в ростоленной зъ соломинякомъ цинѣ, денежокъ же прежде того за четыре вечера шестьдесятъ сдѣлано при немъ же Василенку, зъ мѣди въ такой же глиняной формѣ да еще, какъ оной Ковяченко объявлялъ прошлаго 748 году лѣтного времени въ жнива намъ, Ковяченкомъ съ принужденія одного хозяина ихъ Бѣгуненка подъ селомъ Ярмолинцами въ шатрѣ его Ковяченка сдѣлано таковыхъ же воровскихъ денежокъ за шесть вечеровъ одного рубля, а тое чинено зъ самого одного Бѣгуненка умышленія, зъ не по чіему согласію и о томъ дѣланіи воровскихъ денегъ вѣдала жена одного Бѣгуненка Ульяна Остаповна Ковяченкова, Гаяка Якимовна и его Василенкова Вѣвдя Ивановна (кои мнѣ находятся въ вишепомянутомъ селѣ Остаповцѣ) а большіе чтобъ

¹⁾ Цинковый.

кто о томъ зналъ, тако жъ отъ котораго времени они Бѣгуненко и Ковяченко таковыя воровскіе деньгі дѣлать начали и сколько ихъ сдѣлали и о томъ, куда оніе кромѣ вишеписанныхъ за викупку объявленныхъ вещей намъ Василенкомъ между настоящими денежками за настоящіе отданныхъ (которыхъ сколько точно было не знаетъ) употреблены и предположаніе къ дѣланію оныхъ воровскихъ денегъ инструменти гдѣ содержатся и имѣются ли въ наличности или ни, того всего онъ Василенко не вѣдаетъ.

3.

Кромѣ того не билъ ли ты еще и на другихъ какихъ злодѣяніяхъ или того, а особливо такова жъ дѣланія воровскихъ денегъ, за кимъ другимъ не вѣдаешь ли?

На 3.

Онъ Василенко ни на какихъ (кромѣ вишеписанного) злодѣяніяхъ не бивалъ и того, а особливо такова жъ дѣланія воровскихъ денегъ, ни за кимъ больше не вѣдаетъ же.

Къ сему допросу вомѣсто вишеписанного неграмотного цигана Ивана Василенка полковой канцеляріи подканцеляристъ Сидоръ Пащевскій по его прошенію руку приложилъ.

Д. Ч. П. У. С. оп. 8, в. XI, № 319 л. 13—15.

По состоявшемуся въ полковой Гадяцкой канцеляріи опредѣленію, присланной при доношеніи сотника Комышанского Золотаревского циганъ Ѳеодоръ Бѣгуненко въ оной полковой канцеляріи допрашиванъ въ нижеслѣдующемъ. 1749 году февраля 22 дня.

Вопросы.

1.

Гдѣ ты родился и прежде сего жительствоваешь, такожь нынѣ имѣешь ли свой домъ и въ немъ другое какое имущество и в чѣмъ тое состоитъ смотриши.

Отвѣты.

Циганъ Ѳеодоръ Бѣгуненко показалъ на 1.

Родился онъ Лубенского полку сотиѣ Глинской въ селѣ Вовчомъ, жительствоваешь при отцу своему цигану Андрею Бѣгуненку и матери Домахи, а чія она дочь знать не можетъ, въ ономъ Лубенскомъ полку по разныхъ мѣстахъ до совершенныхъ лѣтъ; и оженился на дочери цигана Мирона Цѣвенка дѣвки Фескѣ; и послѣ той его женитби жылъ при оныхъ своихъ родителяхъ годовъ съ пять, въ ономъ же Лубенскомъ полку по разнымъ селамъ работаючи ремесло ковальское; какъ же мать его умре а отецъ отшелъ отъ него къ зятю своему цигану Ивану Пащенку, то послѣ того поживши онъ Лубенского полку по разнымъ мѣстамъ го-

довъ съ тры, пошелъ съ Лубенского въ Переяславскій полкъ и живъ съ оною своею женою въ томъ полку по разнымъ мѣстамъ годовъ съ восемь; когда жъ оная его жена тамо умре то онъ пошелъ оттоль пакы въ Лубенской полкъ и пришедшы сотнѣ Лохвицкой въ село Ярошовку, тамо женился на другой женѣ малороссіянкѣ Проскѣ а чія дочь не знаетъ, и въ томъ селѣ на свободномъ владѣльчскомъ мѣстѣ построившы домъ, въ томъ дому какъ жительствуе, тому уже слѣдуетъ восьмій годъ, гдѣ и нинѣ оная жена его тако жъ и все его имущество находится; онъ же де Бѣгуненко прошлого 748 году въ Фылиповъ постъ соглашаясь съ циганомъ Иваномъ Ковалемъ по той необходимости, что тамо продовольствовать лошадей било нечимъ, взявшы въ прикажчика Ярошовского и в Бурковского пашпортъ, съ онымъ пашпортомъ пошелъ зъ Ярошовки и пришедшы Гадяцкого полку сотнѣ Комышанской въ село Остаповку, нанялъ въ томъ селу в козака прозиваемого Зайця а имени его не вѣдаетъ, хату и въ той хатѣ з онымъ циганомъ Ковалемъ и невѣсткою его Бѣгуненка вдовою Ульяною да двома его жъ дочками девками Марією и Евдокією жилъ даже доселѣ гдѣ и оной его пашпортъ и нинѣ находится.

2.

Циганъ Иванъ Василенко находится ль въ тебе воуслуженіи и ти его въ то услуженіе къ себѣ взялъ гдѣ, какого именно времени и почему?

На 2.

Циганъ Иванъ Василенко въ одного Бѣгуненка во услуженіи не находится и онъ Бѣгуненко его ни за что ны когда въ таковое услуженіе не взималъ и пришелъ въ Остаповку уже послѣ его Бѣгуненка, во окончаніи прошлого 748 года на Рождественнихъ святахъ и нанявшы особо хату, въ той хатѣ жительствоваель.

3.

Сего февраля 14 дня ты нанявшы козака Остаповского Андреа Киселенка посилалъ ли съ нимъ одного Василенка для выкупленія заставленнихъ тобою какихъ вещей полку Лубенского сотнѣ Роменской въ села Бѣло-

На 3.

Сего февраля 14 дня онъ Бѣгуненко козака Остаповского Андреа Киселенка въ подводу нанималъ и на той подводѣ одного Василенка сотнѣ Роменской въ села Коржѣ, Бѣловодѣ и Ярмолинцѣ для викупу его Бѣгуненка вещей, а именно въ Бѣловодѣ, въ Кравця коего имени и прозванія знать не можетъ, кожуха, а въ Коржахъ въ шинкаркы, не вѣдаетъ чіей и имени ей и прозванія, полумисочка да и въ тамошнего поповича кравецтво дѣлать умѣющаго, а имени и прозванья его тоже не вѣдаетъ, оченка, и для взятя оставленнаго нымъ Бѣгуненкомъ въ селѣ Ярмоловцѣ, въ жители

воду Коржу и Ярмолинцу и до кого именно и при той посылке дали ему денегъ воровскихъ полтинниковъ три и велѣлъ гдѣ-нибудь въ селахъ на мелкыя розменять, да и денежокъ полтора рубля съ четырнадцатма копейками и между оными били ль и воровскіе и сколько числомъ?

тамошнего, имени жъ и прозванья его не знаетъ, точила посылалъ; къ чему онъ Василенко поѣхать похотѣлъ для того что де въ тѣхъ селахъ и его Василенка товарища Стефана Ковяченка (какъ онъ Василенко объявлялъ) имельсь взята в Бѣловодѣ запаска красна штаметова а в кого вѣдать не можетъ, да въ новой греблѣ лѣтныкъ женскій в атамана прозиваемого Брезеды, а имени его не упомнить, при посылке же де оногo Василенка въ показанные села воровскихъ полтинниковъ троухъ не давалъ, и гдѣ-нибудь въ селахъ размѣнывать не приказывалъ, а далъ оному Василенку одинъ только полтинныкъ цѣлковій коего онъ Бѣгуненко на мелкыя денгы вимнялъ въ Остаповского жителя Савкы Шевця, потому что тотъ Кравецъ, въ якогo кожухъ его Бѣгунка билъ, велѣлъ ему къ выкупу того кожуха привезть цѣлкового полтинныка, тако жъ и денежокъ не полтора рубля съ четырнадцатма копейками, но всего мелкихъ денегъ, денежокъ и шаговиковъ, имѣвшихся въ него Бѣгунка — сорокъ, да позиченныхъ нымъ въ Остаповского дьяка старогo, кой и нынѣ дьякуеть, сорокъ же копеекъ и того, причисляя къ нимъ и цѣлкового полтинника, всѣхъ рубль и тридцать копеекъ далъ и между оными денгами воровскихъ нижѣ малого числа не било, но били всѣ настоящіе, нымъ зъ ковальского его майстерства заработанніе и въ означенного дьяка позиченные.

4.

Означенные воровскіе денгы тобою ль съ другимъ твоимъ служителемъ Стефаномъ Ковяченкомъ при битности и показанного Василенка дѣланы въ какихъ точно местахъ, и зъ чего, и какимъ образомъ, и какого времени и твоего ль самого умишленія или съ чимъ согласіемъ и не вѣдаетъ ли кто другой о томъ кромѣ оныхъ Василенка и

На 4.

Онъ де Бѣгуненко ни самъ и ни зъ Степаномъ Ковяченкомъ (кой не его служитель и жительствоваель въ Остаповкы до сего въ одной съ помянутымъ Василенкомъ хатѣ и ни скимъ другимъ ныкакихъ воровскихъ денегъ ныкогда не дѣлалъ и таковыхъ воровскихъ денегъ въ себе не имѣлъ и къ дѣланію оныхъ воровскихъ денегъ ныкакихъ инструментовъ въ него не било и не имѣется.

Ковяченка, и отъ котораго времени таковыя воровскыя деньги дѣлать началъ, и сколько ихъ всѣхъ дѣлалъ, и куда оныя употреблялъ и съ вѣдома ль, что воровскыя или подъ видомъ настоящихъ, и какіе у тебе къ дѣланію оныхъ воровскихъ денегъ инструменты и на какую монету имѣются и гдѣ оныя именно содержишь?

5.

Кромѣ того не билъ ли ты еще и на другихъ какихъ злодѣянихъ или того, а особливо такова жъ дѣланія воровскихъ денегъ, за кимъ другимъ не вѣдаешь ли?

Къ сему допросу вмѣсто вишписаннаго цигана Оедора Бѣгуенка неграмотнаго по его прошенію Иванъ Медвѣдевъ руку приложилъ.

На 5.

Онъ де Бѣгуенко и на другихъ ныкакихъ злодѣянихъ не билъ и того, тако жъ дѣланія воровскихъ денегъ, ны закимъ не вѣдаетъ.

Д. Ч. П. У. С. оп. 8, в. XI, № 319, л. 17—19.

По состоявшемуся въ полковой Гадацкой канцеляріи опредѣленію, присланной при доношеніи сотника Комишанскаго Золотаревскаго циганъ Степанъ Кавяченко противъ допроса цигана жъ Ивана Василенка въ оной полковой канцеляріи допрашиванъ въ нижеслѣдующемъ 1749 года февраля 23 дня.

Вопросы.

1.

Гдѣ ты родился и прежде сего жительствовалъ, тако жъ нынѣ имѣешь ли свой домъ и в немъ другое какое

Отвѣты.

Циганъ Степанъ Ковяченко показавъ на 1.

Родился де онъ Миргородскаго полку въ мѣстечку Потоцѣ, жительствовалъ при отцу своемъ Василю Ковяку и матерѣ Агафьи Золотаровнѣ по разнымъ малороссійскимъ мѣстамъ годовъ съ пятнадцать, а какъ де оной отецъ его полку Гадацкаго въ мѣстечку Ковалювцѣ умре, то онъ еще

имущество и въ чѣмъ
тое состоитъ смотрѣніи?

при оной маткы своей годовъ съ десять до умертвія ея жилъ, между, чѣмъ за жизни ей, Переяславского полку въ селѣ Капустинцахъ женился на дочерѣ цигана Грицка Гоненка Агафѣи, и потомъ по разнымъ мѣстамъ жительствовавъ съ женою и матерью, а именно Переяславского полку въ селѣ Каратумѣ, а одну зиму въ селѣ Старовой, зиму Нѣжинскаго полку въ мѣстечку Ивангородку, одну жъ зиму сотнѣ Глуховской въ селѣ Бочечкахъ, одну зиму сотнѣ Красноколядинской въ селѣ Рябухахъ, одну зиму гдѣ и мать его умре, да Переяславского жъ полку въ мѣстечку Яготинѣ одну зиму; послѣ жъ того пошелъ на тую сторону рѣки Днѣпра; перешедши въ нѣкоторой слободцѣ, а какой именно не вѣдаетъ, заѣхалъ въ мѣстечко Обуховъ и жилъ тамо годовъ съ два, а потомъ паки по сю сторону рѣки Днѣпра тимъ же путемъ передшелъ и жилъ полку Переяславскаго въ мѣстечку Баришовцѣ годовъ два, а оттоль пришелъ въ село Ярошовку къ жительствовавшему тамо жени его родному по матери дядку цигану Ѳедору Бѣгунку и жилъ въ томъ чрезъ годъ; оттоль же прошлаго 748 году въ день праздника Рождества Христова пошелъ онъ Ковяченко зъ онимъ жени его дядкомъ Бѣгуненкомъ и служащимъ въ него циганомъ Иваномъ Василенкомъ, онъ же и Фука (кои имѣеть за собою жену оногo Бѣгуненка брата родного дочь), полку Гадяцкаго сотнѣ Комишанской въ село Остаповку и тамо нанявши хати — оной Бѣгуненко въ казака прозываемаго зайца, а онъ Кавяченко съ показаннымъ Василенкомъ въ казаковъ же Ивана Миколи и Михайла Телененковъ, въ тѣхъ хатахъ сами они цигане съ женами и дѣтьми своими жительствовавали гдѣ и нинѣ жени ихъ съ дѣтьми находятся, дому жъ де своего и другого никакого имѣнія онъ Ковяченко нигдѣ не имѣеть.

2.

Въ цигана Ѳедора Бѣгуненка находился ли ти во услуженіи и отъ которого именно времени и почему.

На 2.

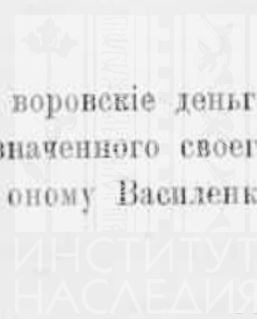
Въ показаннаго цигана Ѳедора Бѣгуненка онъ Кавяченко во услуженіи находится отъ 747 году до сего за долгъ жени его.

3.

Сискавшіесь въ другого служителя оногo Бѣгуненка Ивана Васи-

На 3.

Сискавшіесь въ означеннаго Василенка воровскіе деньги дѣлалъ онъ Ковяченко по принужденію означенного своего хозяина Бѣгуненка, при немъ Бѣгуненку и оному Василенку

денка воровскіе деньги дѣлани ль тобою съ онимъ Бѣгуненкомъ при битности и его Василенка и въ какихъ точно мѣстахъ, изъ чего и якимъ образомъ, и какого времени, и з самого ль твоего з ними Бѣгуненкомъ и Василенкомъ умишленія или з согласіемъ другого кого, и не вѣдаетъ ли иной кто о томъ, и отъ котораго времени таковіе воровскіе денги дѣлать начали, и сколько ихъ всѣхъ сдѣлали, и куда оніе употребляли и съ вѣдома ль, что воровскіе, или подъвидомъ настоящихъ, и какіе у тебе или въ нихъ Бѣгуненка и Василенка у кого къ дѣланію онихъ воровскихъ денегъ инструменты, и на какую монету имѣется и гдѣ она содержится?

такимъ образомъ, что какъ оной Бѣгуненко вимѣнялъ въ жителя Остаповского Савки Шевця за мелкіе деньги шаговики и денежки цѣлковаго полтинника и оформовавши того полтинника въ глину, на ту форму растопивши спажъ виливали и побѣлявали цинню росъпустивши оную з соломинякомъ и денежки з мѣдѣ тимъ же образомъ дѣлали въ означенномъ селѣ Остаповцѣ той избы гдѣ онъ Кавяченко с показаннымъ Василенкомъ жительствоваали, въ сѣнѣхъ ночью первой седмици сего поста и сдѣлали всѣхъ первое денежокъ чрезъ весь тиждень тридцать копеекъ, а потомъ въ той же тиждень полтинниковъ три одной ночи вилили, а въ день пилкою оправили, другой же ночи побѣлили; тѣже воровскіе денги дѣлани нимъ Кавяченкомъ съ означеннымъ Бѣгуненкомъ и Василенкомъ съ одного происшедшаго отъ онаго Бѣгуненка умишленія, а къ тому онъ Кавяченко и Василенко и никто другой согласія не чинили объ ономъ же дѣланіи воровскихъ денегъ никто другой не вѣдалъ кромѣ токмо ихъ Бѣгуненка, Кавяченка и Василенка и женъ ихъ, а именно его Кавяченка Гапки Василенковой, Евдокіи Бѣгуненковой, невѣстки съ нимъ жіючей Уляни, да дочокъ его Бѣгуненка дѣвокъ Марій двохъ, таковіи же воровскіе денги началъ онъ Кавяченко с принужденія онаго Бѣгуненка дѣлать прошедшаго 748 году лѣтнаго времени, послѣ первой Причистой и тогда дѣлаючи оніе до чотирохъ недѣль ночью сотиѣ Глинской подъ селомъ Коржами въ шатрѣ его Кавяченка, слѣлалъ денежокъ мѣднихъ вишеписаннымъ же образомъ, то-есть учинивши форму настоящую денежкою въ глинѣ числомъ одного рубля, а сдѣлавши точило одного рубля съ того времени ажъ потолокъ какъ стали въ вишеописанномъ селѣ Остаповцѣ, дѣлать означеннихъ воровскихъ денегъ ни мало нигдѣ не дѣлали; тѣ же, какъ перво подъ селомъ Коржами, такъ и въ селѣ Остаповки сдѣланіе воровскіе деньги, взяти самимъ онимъ Бѣгуненкомъ, а куди оніе употреблени и съ вѣдома ль что воровскіе или подъвидомъ настоящихъ, того онъ Кавяченко не вѣдаетъ кромѣ только знаетъ, что оной Бѣгуненко при посылки обявленнаго Ивана Василенка съ нанятимъ нимъ Бѣгуненкомъ подводчикомъ Остаповскимъ жителемъ Андреемъ Киселемъ для викупу бившихъ въ заставѣ вещей, а именно въ селѣ Бѣловодѣ въ Кравця, не вѣдаетъ какого, кожуха въ пятидесяти копейкахъ, въ селѣ Коржахъ въ шинкарки, какой именно не знаетъ, полумисочка цѣноваго въ двадцати двохъ

копейкахъ, въ Кравца оченка матеріального въ тридцати ли или сколько точно копеекъ не вѣдаетъ и для взятія оставленного онимъ Бѣгуненкомъ въ селѣ Ярмолинцяхъ точила далъ оному Василенку денегъ всѣхъ три рубля, въ томъ числѣ три полтинѣ цѣлковыхъ, воровско въ Остаповцѣ сдѣланныхъ, да денежокъ воровскихъ же тридцать копеекъ, а прочіе де всѣ били настоящіе, между которыми и предписанная вимѣнянная на мелкіе въ Савки Шевця цѣлковая полтина, кою употребляли на форму: для дѣланія жъ объявленныхъ воровскихъ денегъ никакихъ инструментовъ въ нихъ не имѣлось и не имѣется кромѣ токмо формъ глиняныхъ, которіе послѣ дѣла заразъ въ порчѣ остаются, а къ тому дѣланію воровскихъ денегъ употребляетъ било онъ Кавяченко, нѣкоторыя золотарскіе (ибо де онъ золотарство дѣлаетъ) его инструменты, яко то ножица и каяхти що называется и щипцами и тѣде и другіе его золотарскіе и ковальскіе инструменты находятся въ Остаповки при женѣ его.

4.

Кромѣ того не билъ ли ты еще и на другихъ какихъ злодѣяніяхъ или того, а особливо дѣланія воровскихъ денегъ, за кимъ другимъ не вѣдаешь ли?

На 4.

Кромѣ вишеписаннаго ни на каковыхъ другихъ злодѣяніяхъ онъ Кавяченко не билъ и того, тако жъ дѣланія воровскихъ денегъ, ни за кимъ инымъ не знаетъ о предписанномъ же билъ онъ Кавяченко въ допросѣ и въ сотенной Комишанской канцеляріи.

Къ сему допросу вмѣсто вишеписаннаго цигана Стефана Кавяченка неграмотного по его прошенію полковой Гадяцкой канцеляріи подканцеляристъ Оедоръ Яковичъ рuku приложилъ.

Поселеніе грузинъ въ Малороссіи

въ XVIII вѣкѣ¹⁾.

Сношенія Грузіи съ Россіей относятся къ отдаленнымъ временамъ русской исторіи; такъ, напримѣръ, Юрій, сынъ Андрея Боголюбскаго, былъ женатъ на Гру-

¹⁾ Статья эта была напечатана первоначально въ Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 1893 г.

Главнымъ источникомъ для этого очерка служили документы Харьков. истор. Архива, дѣла бывшей Малороссійской коллегіи. Весь этотъ матеріалъ распадается на двѣ категоріи: одна часть касается водворенія грузинъ въ Малороссію и раздачи имъ дворовъ, а другая рисуеъ намъ взаимныя отношенія мѣстнаго населенія и грузинъ, какъ поселенцевъ края. Изъ имѣвшихся у меня подъ рукой пособій я счѣтаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ только объ одномъ. Въ 1887 году въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, въ VII выпускѣ, была напечатана небольшая „замѣтка“ на 7 страницкахъ о грузинахъ въ Малороссіи подъ заглавіемъ: „Страничка изъ жизни грузинъ поселенцевъ въ Мало-

зинской царицѣ Тамарѣ¹⁾). Сношенія эти не прерывались и потомъ въ продолженіе всей Русской исторіи: Грузія, раздираемая внутренними междоусобіями и тѣсняемая внѣшними врагами не разъ прибѣгала къ покровительству единовѣрной Россіи²⁾. Первое посольство въ Москву съ просьбой о помощи было послано кахетинскимъ царемъ Александромъ I въ 1492 г.³⁾; съ 1653 г. въ Московское государство начинаютъ пріѣзжать грузинскіе цари и царицы; такъ въ этомъ году пріѣхалъ восьми-лѣтній внукъ Теймураза, Николай Давидовичъ, вмѣстѣ съ матерью⁴⁾, въ 1658 г. въ Москвѣ былъ и самъ Теймуразъ⁴⁾. Въ концѣ царствованія Петра Великаго грузинскій царь Вахтангъ, тѣснимый турками и персами, долженъ былъ бѣжать изъ своей родины. Бѣжалъ онъ въ Россію⁵⁾.

Въ Россію Вахтангъ переселился со всей своей семьей⁶⁾, а съ нимъ также нѣкоторые грузинскіе князья и дворяне. Переселеніе Вахтанга положило собой начало цѣлому ряду переселеній грузинскихъ князей и дворянъ въ Россію⁷⁾. Всѣ эти князья и дворяне являлись въ Россію обыкновенно со всѣми своими семьями и слугами, „фамиліями“, по выраженію документовъ того времени⁸⁾. Всѣ грузины, прибывшіе съ Вахтангомъ въ Россію, а также и переселившіеся впоследствии, получали отъ русскаго правительства денежное жалованье, а также муку, овесъ, сѣно и дрова⁹⁾;

россіи“. П. Оедоровскаго. Составлена она на основаніи того же архивнаго матеріала, надъ которымъ пришлось работать и мнѣ.

Для своей замѣтки г. Оедоровскій воспользовался изъ архива только пятью дѣлами (мною просмотрѣно 45). Тутъ онъ описываетъ жизнь грузинъ, уже осѣвшихъ на своихъ мѣстахъ. Жаль, что этотъ матеріалъ онъ разработалъ крайне односторонне, а во многихъ случаяхъ отнесся къ нему безъ должной осторожности. Вся его брошюрка сводится къ описанію невзгодъ, которыя будто бы накликали на свою голову поселившіеся въ Малороссіи грузины: изъ всѣхъ этихъ невзгодъ авторъ описалъ только имущественные захваты, произведенные сосѣдями у грузинъ. По словамъ автора выходитъ, что грузины въ этомъ случаѣ играли роль чисто пассивную; въ то же время изъ дѣлъ Малороссійской коллегіи видно, что грузины никогда не играли страдательной роли и очень часто старались не отстать отъ малороссійскихъ владѣльцевъ на поприщѣ захватовъ, насилій и своеволій, чѣмъ такъ богата исторія землевладѣнія Малороссіи въ XVIII в. (Харьков. истор. Арх. М. К., 7682, 7939, 12559, 20802 и 21952). Дѣло только въ томъ, кто были сосѣдями грузинъ: если сильнѣйшій, въ родѣ Будлянскаго, то страдалъ грузинъ, а если слабѣйшій, то дѣйствующимъ лицомъ становился грузинъ, а страдательнымъ его сосѣдъ; слѣдовательно, грузины не были такъ „злосчастны“ (ст. 7), какъ ихъ рисуетъ авторъ. Всѣ же эти захваты и насилія представляли обыкновенное явленіе, такъ что взаимныя отношенія грузинъ владѣльцевъ и малороссійскіхъ владѣльцевъ не представляли собой ничего отличнаго отъ взаимныхъ отношеній вообще Малороссійскихъ помѣщиковъ между собой (см. Очерки малороссійскихъ фамилій. Лазаревскій „Рус. Арх.“ 1875 и 1876 г. Его же, малороссійскіе посполитые крестьяне (Зап. Чер. Губ. Стат. Ком. 1866 г.). Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой четверти XIX в. т. I). О другихъ погрѣшностяхъ въ этой замѣткѣ, подчасъ значительныхъ, я не считаю нужнымъ распространяться, такъ какъ онѣ зависятъ отъ незначительности переработаннаго матеріала.

¹⁾ См. подробнѣе Д. Иловайскаго Исторія Россіи II ч., ст. 232, 233.

²⁾ Краткая исторія грузинской церкви. Юсселианъ, Петербургъ. 1843 г., ст. 100 и слѣд.

³⁾ Соловьева Ист. Рос. XII т. 267, 268, 269.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Соловьева Ист. Рос. XVIII т. 78. Н. Костомарова Русск. Ист. II т. XVIII в., стран. 230—237. Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 годъ. Ч. I, стран. 62—67.

⁶⁾ По словамъ Якова Марковича, съ Вахтангомъ пріѣхало въ Россію 6 епископовъ, 14 архимандритовъ и прочихъ монаховъ, служителей и женскаго полу 1185 человекъ. Дневн. Зап. Якова Марковича I ч. ст. 50.

⁷⁾ Бутковъ. Матеріалы для новой ист. Кавказа. Ч. I, стран. 65.

⁸⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 21000.

⁹⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 21000. По указу отъ 17 августа 1725 г. Грузинскому царю Вахтангу

Въ царствованіе же Анны Ивановны въ 1738 г. они пожелали принять русское подданство, вступивъ въ военную службу¹⁾.

Государыня, сочувствуя ихъ желанію, повелѣла учредить особую гусарскую роту изъ грузинъ²⁾. За службу имъ выдавался извѣстный окладъ жалованья; для обезпеченія-жъ какъ въ мирное время, такъ и на случай, если бы кто изъ нихъ не могъ продолжать службу, указомъ повелѣно было отвести имъ „для поселенія въ Украинѣ въ пристойныхъ мѣстахъ деревни и земли изъ отписныхъ или другихъ какихъ казенныхъ деревень и земель въ вѣчное потомственное владѣніе каждому по пропорціи,“³⁾ такъ князьямъ по 30 дворовъ, дворянамъ по 10, если же у кого изъ князей во время получки дворовъ будутъ малолѣтніе сыновья, то на воспитаніе ихъ было приказано отводить по пяти дворовъ;⁴⁾ въ указѣ не упомянуто, чтобы деревни раздавались не дворянамъ, изъ дѣлъ же малороссійской коллегіи видно, что иногда дворы отводились и не дворянамъ, такъ смотритель казенныхъ маестностей въ Прилуцкомъ полку доносилъ, что прислала только одна жена грузина „не изъ дворянъ“ Ивана Яковлева для обмѣна четырехъ дворовъ⁵⁾.

Въ 1738 г. 25-го марта былъ изданъ указъ о пожалованіи грузинамъ въ Малороссіи казенныхъ деревень, а въ 1740 г. 8 іюня указомъ правительствующаго сената разрѣшена была малороссіянамъ добровольная продажа грузинамъ частныхъ грунтовъ и всевозможнаго рода угодій, въ указѣ воспрещалась только продажа казачьихъ грунтовъ и самихъ казаковъ⁶⁾. Итакъ, грузины въ Малороссіи явились, какъ мы видимъ, по инициативѣ русскаго правительства въ качествѣ землевладѣльцевъ въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но есть возможность предположить, что грузины помимо этого проникали въ Малороссію еще съ юга, изъ предѣловъ Турціи; такъ мы имѣемъ свидѣтельство объ одномъ плѣнномъ грузинѣ, вышедшемъ изъ Турціи въ 1731 г. и скитавшемся въ Малороссіи, пока игумень Лебединскаго монастыря не направилъ его съ грамотой въ Глуховъ, гдѣ ему (грузину) выданъ былъ паспортъ до Москвы;⁷⁾ по что появленіе этого плѣннаго не единичный фактъ, подтверждаетъ

со всей фамиліей и „прочимъ при немъ будучимъ“ опредѣлено давать на содержаніе изъ доходовъ, которые „въ сборѣ быть имѣютъ съ патриаршихъ вотчинъ“, именно: 24000 руб. деньгами, муки 4000 четвертей, овса 2000 четвертей, сѣна на 200 лошадей по 180 пудовъ въ годъ на каждую лошадь и дровъ 500 сажень; по указу 12 января 1726 г. сѣно, овесъ и мука должны были отпускаться по прежнему, деньги въ прежнемъ размѣрѣ 24000 руб. выдавались изъ наличныхъ суммъ, обрѣтающихся въ синодскомъ казенномъ приказѣ, а на покупку дровъ ежемѣсячно выдавалась извѣстная сумма изъ денежныхъ дворовъ. Пол. Соб. Зак., т. VII, № 4818.

¹⁾ Хар. Ист. Арх. М. К. № 21000. Пол. Соб. Зак., т. X, № 7545.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Пол. Соб. Зак., т. X, № 7545 (ст. 446—447).

⁴⁾ При чемъ въ указѣ добавлено: „а впредь на родящихся деревень не давать“.

⁵⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.

⁶⁾ По рѣшительнымъ пунктамъ 1728 г. продажа угодій иноземцамъ въ Малороссіи была воспрещена (Ригельманъ. Лѣтоп. повѣст. о малой Россіи, кн. V, стран. 130), но затрудненіе это устранялось тѣмъ, что грузины во-первыхъ, служили въ войскахъ Ея Величества, а во-вторыхъ, получивши въ Малороссіи въ силу указа 1738 г. помѣстья, они становились какъ бы туземцами. См. Дневн. Записки Якова Марковича, II часть, стран. 117. Объ указѣ 1740 г. см. Хар. Ист. Арх. М. К., № 22780.

⁷⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 17070. Типична грамота, выданная этому грузину; она можетъ показать отношеніе Малороссійскаго духовенства вообще къ плѣнникамъ, а въ частности къ плѣнникамъ грузинамъ. Вотъ она: „Изабѣсно буди всякой отъ Бога учиненной власти, такъ духовной, яко и мирской, что

другой документъ, въ которомъ мы читаемъ, что князю Баратову дано было порученіе на вербовать въ Малороссіи въ украинныхъ мѣстахъ въ гусарскую грузинскую роту грузинцевъ и другихъ націй людей¹⁾, которые, по словамъ документа переѣзжаютъ въ Малороссію изъ предѣловъ Турціи²⁾, но все-таки движеніе грузинъ изъ Турціи въ Малороссію мы должны принять за незначительное и при томъ обставленное иными условіями, главная же масса движенія шла вся изъ Великороссіи³⁾. Русское правительство, поселивъ грузинъ въ Малороссіи, нѣсколько разъ поднимало вопросъ о переселеніи ихъ въ другую часть Россіи; такъ какъ возникъ вопросъ о заселеніи оренбургскихъ крѣпостей, то правительство рѣшило между прочими поселить въ нихъ и грузинъ: въ указѣ отъ 1742 г. 27 сентября мы читаемъ: „малороссійцовъ не набирать, а въ тѣхъ крѣпостяхъ селить грузинцевъ и волоховъ, такожъ которымъ грузинцамъ въ Малой Россіи деревни даны, оныхъ тудажъ перевести⁴⁾); но до окончательнаго рѣшенія вопроса грузинамъ снова разрѣшена была раздача дворовъ въ Малороссіи по прежнему и прозектъ о переселеніи грузинъ въ Оренбургскія степи заглохъ⁵⁾; въ 1743 и 1745 г. снова возникъ прозектъ о переселеніи грузинъ, но уже не въ Оренбургскія степи, а въ Великороссію, гдѣ имъ правительство рѣшило отдать конфискованныя земли; прозектъ этотъ долго оставался прозектомъ, почему сами грузины въ 1750 г. обратились къ гетману Разумовскому съ просьбой о ходатайствѣ его предъ правительствомъ о скорѣйшемъ переводѣ ихъ въ Великороссію⁶⁾. Просьба эта, какъ и самый прозектъ, остались безъ всякихъ послѣдствій и грузины остались навсегда поселенцами Малороссіи⁷⁾.

Для правильнаго веденія раздачи грузинамъ дворовъ была назначена особая коммиссія подъ названіемъ „раздаточная грузинамъ дворовъ коммиссія“; ⁸⁾ коммиссія эта сначала была въ вѣдомствѣ войсковой генеральной канцеляріи, а въ 1743 г. въ августѣ⁹⁾ она поступила въ вѣдомство коммиссіи экономій описныхъ на Ея Императорское

изявитель сего свидѣтельнаго писанія, Григорій, грузинской земли питомецъ, попущеніемъ Божиимъ грѣховъ ради нашихъ доставшиися въ неволю Агаряномъ, былъ тамъ не малое время, а теперь паки Божіею благодатіею зъ оной неволѣ въ наши христіанскіе малороссійскіе украинскіе страны вишовши, похотѣлъ (аще Богъ ему посилитъ) въ свою отчизну Грузинскую возвратитися, а хоцетъ трактовати христіанскими малороссійскими городами, за котормъ то мы, яко страннимъ, а истиннимъ христіаниномъ вносимъ свидѣтельство и духовную инстанцію, просячи всякихъ отъ Бога учиненныхъ властей, благоволилъ бы оному всякую христіанскую милость и страннолюбіе являти, такожде и въ пропускахъ добровольніе прехожденіе, за что отъ Всевида Христа и Господа веѣмъ благодѣтельствующимъ чаяти би не сумѣно отъ вѣчнаго воздаянія, ощо и ми, яко вземши на себѣ иго Христово, долженствуемъ Его милоствовати. Въ подлинномъ подписано тако. Веѣмъ отъ Бога учиненнимъ властемъ сугубихъ благъ усерднихъ желатель, слуга и молитвенникъ іеромонахъ Назарій Тополя, смиренный игумень монастыра Лебединскаго зо Христовою братіею. З монастыра Лебединскаго 1732 года Іануарія 2^а.

1) „Персіянь греческаго вѣроисповѣданія, армянъ и грековъ вольножелающихъ“.

2) Хар. Ист. Арх. М. К., № 1979. Документъ относится къ 1752 году.

3) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21000 и др. Кіевская старина 83 г., т. VI, стран. 328. Дневныя записки Якова Марковича, ч. II, стран. 98.

4) Пол. Соб. Зак. XI т., ст. 656.

5) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.

6) Ibidem, № 21000.

7) Шафонскій. Описаніе Черниговскаго намѣстничества. Хар. Ист. Арх. М. К., № 15350.

8) Хар. Ист. Арх. М. К., №№ 21952, 19378, 9089, 3470 и пр.

9) 18-го августа. Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378.

Величество маестностей¹⁾. При комиссії раздачи грузинамъ дворовъ находились особые чиновники, называемые „раздатчики, обрѣтающіеся у раздачи грузинамъ дворовъ“²⁾. Комиссія раздачи грузинамъ дворовъ производила свои операціи по полкамъ: сначала въ одномъ, а потомъ переходила въ другой³⁾; дворы раздавались на основаніи указовъ войсковой генеральной и министерской канцелярій и согласно данной отъ 1739 г. 3 іюля генеральной канцеляріей инструкціи. Входить во владѣніе дворами должны были непосредственно сами владѣльцы, а иногда по довѣренности ихъ получали и другія лица, такъ за Магабелова по его довѣренности получаетъ Амплехоровъ⁴⁾. При получкѣ дворовъ раздатчиками выдавался на право владѣнія „обыкновенный“ билетъ⁵⁾.

Помѣстья грузинамъ отдавались во владѣніе послѣ принятія ими присяги и подъ условіемъ, что получившіе ихъ должны стать вѣчно подданными Россійской Имперіи и за границу изъ своихъ помѣстій безъ данныхъ имъ паспортовъ отлучаться не будутъ⁶⁾. Имѣнія отдавались въ вѣчное владѣніе съ правомъ передачи наслѣдникамъ⁷⁾, а также и продажи; при чемъ, если кто хотѣлъ бы продать полученное помѣстье, то долженъ былъ заявить генеральной войсковой канцеляріи, которая должна была навести справку, и, если оказывалось, что цѣна, предлагаемая покупщикомъ, не превышала дѣйствительной стоимости имѣнія, то войсковая канцелярія, обязана была озаботиться пріобрѣтеніемъ этого помѣстья, употребивъ на покупку послѣдняго казенные доходы.

Раздача грузинамъ дворовъ имѣла мѣсто въ Полтавскомъ, Миргородскомъ, Лубенскомъ и Прилудкомъ полкахъ. Относительно числа розданныхъ дворовъ въ архивныхъ документахъ мы не имѣемъ точнаго указанія: вѣдомости, которыя пока находятся въ нашемъ распоряженіи, относятся къ 1743 и 1745 гг.; въ то же время есть возможность утверждать, что дворы раздавались и послѣ 1745 г. и даже тогда, когда

¹⁾ Ibidem, №№ 19378, 21952 и пр.

²⁾ Для отвода грузинамъ дворовъ первоначально былъ посланъ капитанъ Глуховскаго гарнизона Протопоповъ; онъ отвелъ грузинамъ дворы безъ угодьевъ, а въ иныхъ дворахъ были одні женщины и при томъ часто увѣчная, поэтому грузины просили о смѣнѣ Протопопова; по изслѣдованіи дѣла онъ былъ смѣненъ (Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378) и вмѣсто него были назначены майоръ Труновъ, бунчужовый товарищъ Остроградскій и войсковой канцеляристъ Бразоль; для руководства имъ дана была инструкція, съ которой они должны были соображаться при раздачѣ дворовъ (ibidem., № 19378); послѣ Трунова у раздачи состоялъ подполковникъ Зиновьевъ съ товарищи; послѣ нихъ раздатчиками были войсковой товарищъ Веспертинскій и войсковой канцеляристъ Петрашевичъ, которые по просьбѣ грузинскаго князя Орбедіанова и другихъ грузинъ въ числѣ десяти человекъ, были отрѣшены отъ должности за взятки и другія неисправности по службѣ (Хар. Ист. Арх. М. К., № 2849), а вмѣсто нихъ были назначены поручикъ Дубасовъ и войсковой канцеляристъ Жуковскій (ibidem., № 2849).

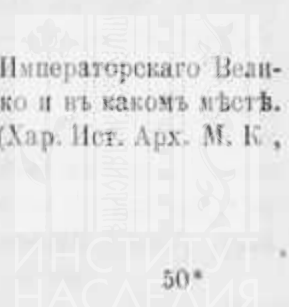
³⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952; 19378. Первоначально раздача была въ Полтавскомъ полку, затѣмъ въ Миргородскомъ, въ Лубенскомъ и наконецъ въ Прилудкомъ.

⁴⁾ Ibidem, № 21952.

⁵⁾ Ibidem, № 21952. Билетъ обыкновенно начинался словами: „По указу Ея Императорскаго Величества билетъ“ далѣе описывалось подробно: кому и кѣмъ были отданы дворы, сколько и въ какомъ мѣстѣ. Въ концѣ, послѣ подробнаго перечня дворовъ, слѣдовала подпись раздатчиковъ (Хар. Ист. Арх. М. К., № 3470).

⁶⁾ Пол. Соб. Зак., т. X, № 7545.

⁷⁾ Пол. Соб. Зак., т. X, № 7545. Хар. Ист. Арх. М. К., № 12559; 3065.

собственно раздача была окончена, такъ напимѣрь князьямъ Амилохоровымъ были розданы дворы въ Лубенскомъ полку по окончаніи раздачи¹⁾.

По вѣдомости, относящейся къ сентябрю 1743 г.²⁾, оказывается, что въ Полтавскомъ полку было роздано по указамъ генеральной войсковой канцеляріи 1070 дворовъ, въ Миргородскомъ — 540, въ Лубенскомъ по указамъ генеральной канцеляріи и указамъ изъ комиссіи экономіи описныхъ на Ея Императорское Величество маенностей — 490 дворовъ³⁾,

¹⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.

²⁾ Въ оригиналѣ число пропущено.

³⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378. Въ Полтавскомъ полку были отведены: въ мѣстечкѣ „Старыя Санжары“ князьямъ: Афанасію Кобулову 30 дворовъ, сыну его Василю — 5; Матвѣю Кобулову и Евсею Цицѣеву — по 30; Ютару Эристову съ сыномъ Алексѣемъ — 35; Давиду Эристову — 30; дворянамъ Николаю Клитнову (?), Ревазу Ечубову, Роману Махилеву — по 10 дв.; Шкошугану Геблову — 4 двора; въ мѣстечкѣ „Новыя Санжары“ князьямъ: Елисѣю Кобилу, Димитрію Шаликову — по 30; Егору Рабкову и Николаю Рабкову — по 10 дв.; дворянамъ: Ютію, Егору и Борису Павликовымъ, Спиридону Ревазову, Егору Игнатьеву, Дмитрію Ревазову, Христофору Шахандареву — по 10 дв. и Шкошугану Геблову — 6 дв.; въ мѣстечкѣ Великихъ Будищахъ князьямъ: Егорию Мухалову — 30 дв., сыну его 5; малолѣтнимъ Ивану и Василю Завибаратовымъ, Петру и Давиду Турхистановымъ и Семену Эристову по 5 дв.; дворянамъ: Бежану, Теймурасу и Ростому Кончалевымъ, Онуфрію и Титу Каргалетовымъ, Якову Ниніеву, Алексѣю и Марку Левизу и Спиридону Гогибедову — по 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Бѣликахъ князьямъ: Койхостру Гурелову — 30, сыну его Стефану — 5; Николаю Маніелову съ сыномъ — 35; Шкошу Джевахову — 30 дв.; дворянамъ: Егору и Ивану Каховымъ и Егору Мурзину — по 10; въ мѣстечкѣ Кобеляки князьямъ: Юадару, Ростому, Крѣвасу и Давиду Баратовымъ — по 30 дв.; въ мѣстечкѣ Соколкѣ дворянамъ: Герасиму Чалѣеву, Павлу Грудакову, Залу Зубрѣеву, Егору Даллахвалодзеву и Хоссію Тхавазе — по 10 дв.; въ мѣстечкѣ Кишинкѣ князьямъ: Гывѣ и Сергію Баратовымъ — по 30; въ мѣстечкѣ Келебердѣ князьямъ: Ивану Туркистану, Пранштану Турхистанову, Зазу Баратову, Ютому Эристову, Адаму Цицѣеву и Ростому Самилузе — по 30 дворовъ; дворянамъ: Данилу Ахщарунову — 10 дв.; и Тамазе Табаридзеву съ сыномъ Борисомъ — 20 дворовъ.

Въ Миргородскомъ полку: въ мѣстечкѣ Голтвѣ князьямъ: Шермандину Сологову — 10 дв. и Папуне Сологову — 20; и дворянину Матвѣю Кафорову — 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Омелникѣ дворянину Егору Глузидзеву — 10 дв.; въ мѣстечкѣ Остапѣ дворянамъ: Егору Генгеблову и Герасиму Тулову — по 10, Дивѣ (?) Шинаеву (?) и Фомѣ Измайлову — по 5 дворовъ; въ мѣстечкѣ Бѣлоцерковкѣ дворянамъ: Павлу (к) Чарзѣеву, Іосифу Камалисузеву, Папуне Джалѣеву, Афандилу Малейзеву и Ревангу Шеметизеву — по 10 дв.; сотни Бѣлоцерковской въ селѣ Боркахъ дворянину Іессею Джевахову — 10 дв.; въ мѣстечкѣ Богачкѣ малолѣтнимъ князьямъ: Егору Андроникову и Семену Залахархадлидзеву — по 5 дв.; дворянамъ: Павлу Курганову, Давиду Луридзеву, Зазѣ Лодадзеву и Луарсабу Лодадзеву — по 10 дв.; въ мѣстечкѣ Устивицѣ князьямъ: Хоссію Пхейдзе — 10 дв.; сыну его Алексѣю — 5, Давиду Ратіеву, Папуне Сологову и Шермандину Сологову — по 10 дв.; дворянамъ: Хомѣ Измайлову — 5, Дивѣ (?) Шинаеву — 5 и Андрею Бебляреву — 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Ярескахъ князьямъ: Хоссію Пхейдзе — 20, сыну его Ивану — 5, Захархаулидзеву (?) — 10, Шермандину Сологову — 10 дворовъ и дворянину Макару Каферову — 10 дв.; сотни Сорочинской въ селѣ Барановкѣ дворянамъ: Павлу Тугиманову, Хтисафару Абилову и Хоссею Шенгелитзеву — по 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Хоролѣ князьямъ: Давиду и Автандилу Церетелевымъ — по 30 дворовъ, и дворянину Ростому Асламову — 10 дворовъ; Хорольской сотни въ мѣстечкѣ Бакумовкѣ князю Давиду Ратіеву — 20 дв.; въ мѣстечкѣ Миргородѣ князьямъ: Залѣ Хахарулидзеву и Давиду Гурамову — по 20; дворянамъ: Давиду Хоридзеву, Папуне Бежанову, Якову Одешелидзеву, Николаю Хачапуридзеву, Авраму Кобіеву и Кацурѣ (к) Насаридзеву — по 10 дворовъ; полковой Миргородской сотни въ селѣ Зубовкѣ Давиду Гурамову — 10 дворовъ.

Въ Лубенскомъ полку: въ мѣстечкѣ Пирятинѣ князьямъ: Гордію Джепаридзеву — 30 дворовъ, сынамъ его — 10 дворовъ, Павлу и Іосифу Джепаридзеву — по 30 дворовъ; дворянамъ Константину Тугиманову и Петру Розмадзеву — по 10 дворовъ; въ мѣстечкѣ Чернухахъ князьямъ: Луарсабу Осихмянову — 28; Отаму Осихмянову — 20, сыновьямъ его Ивану и Егору — 10 дворовъ; онаго мѣстечка Чернухъ въ подварку Коваляхъ кн. Луарсабу Осихмянову — 2 двора; въ мѣстечкѣ Лохвицѣ князьямъ: Эрастію Чавахову — 25; Татьянѣ Моуравовой — 20, сыну ея — 5 и дворянину Егору Устихнелову — 10 дворовъ; Лохвицкой сотни въ селѣ Ризахъ малолѣтнимъ князьямъ: Ивану и Стефану Эристовымъ — по 5 дворовъ, и въ д. Венекавахъ кн. Еристу Чавахову — 5 дв.; въ мѣстечкѣ Ромнѣ князьямъ и княгинямъ: Дмитрію Циціанову, Давиду Шаликову, Марію Папуновой Циціановой, Еленѣ Эристовой — по 30 дворовъ, Татьянѣ

по описи дѣлъ¹⁾ комиссіи раздачи грузинамъ дворовъ имѣемъ: въ Прилуцкомъ полку въ Сребранской сотнѣ было роздано 195 дворовъ и рѣшено было еще раздать 50 дворовъ и въ Варвинской сотнѣ 10 дворовъ, итого въ Прилуцкомъ полку—205 дворовъ. Итакъ въ четырехъ полкахъ, по архивнымъ документамъ, розданныхъ до 1744 г. дворовъ мы имѣемъ до 2305, а если къ этому прибавимъ еще опредѣленные для раздачи дворы²⁾, то получимъ 2500. На самомъ же дѣлѣ всѣхъ дворовъ было роздано значительно больше, такъ „по прошенію Малороссійскаго шляхетства и старшинъ вмѣстѣ съ гетманомъ о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданному Екатеринѣ II въ 1764 г.“³⁾ оказывается, что грузинамъ въ Малороссіи была роздана довольно солидная цифра, именно болѣе 5000 дворовъ⁴⁾.

Раздаточная комиссія прежде всего начала свои операціи въ Полтавскомъ полку⁵⁾; дворы, розданные комиссіей, оказались крайне нищетными т.-е. кромѣ хаты и двора не было никакихъ угодій, ни огорода, ни поля; владѣльцы этихъ дворовъ по большей части были ремесленники и очень часто даже не имѣли своей хаты, а помѣщались въ чужихъ; во многихъ дворахъ мужчинъ совсѣмъ не было, а были одиѣ женщины⁶⁾. Такая раздача дворовъ вызвала среди грузинъ неудовольствіе и вотъ они обратились къ правительству съ прошеніемъ, въ которомъ просили о перемѣнѣ дворовъ и о смѣнѣ раздатчиковъ.

Генеральная войсковая канцелярія, желая уничтожить недоразумѣнія между грузинами и раздатчиками, а также предупредить могущіе возникнуть отсюда споры, выдала инструкцію, которой бы руководились раздатчики⁷⁾. Въ этой инструкціи было предписано: во-первыхъ, отдавать въ подданство грузинамъ посполитыхъ, а не мѣщанъ, и козаковъ⁸⁾; во-вторыхъ, чтобы въ отведенныхъ дворахъ, кромѣ женщинъ, были и мужчины; при дворахъ были огороды и угодья и отданные въ подданство посполитые имѣли бы свои собственные дворы и не жили въ чужихъ хатахъ; и, наконецъ, всѣ угодья, которыми владѣютъ посполитые, должны быть отданы вмѣстѣ съ дворами во владѣніе и пользованіе грузинамъ⁹⁾. Нужно замѣтить, что данная инструкція споровъ не уладила, и часто потомъ возникали неудовольствія на раздатчиковъ со стороны грузинъ и появлялись отъ нихъ прошенія о перемѣнѣ дворовъ⁸⁾.

Моуравовой — 10, малолѣтнему Герасиму Орбеліеву — 5, Дмитрію Орбеліеву — 28, да въ селѣ Ярмолинцахъ (Роменской сотни) — 2 двора; въ мѣстечкѣ Глинскѣ князьямъ: Ефрему Кавкасидзеву — 30, Отаму Осихмянову — 10 дворовъ; дворянамъ: Павлу Харебову, Гедерзію Степанову и Парсадану Зеднидзеву — по 10 дворовъ.

Въ Прилуцкомъ полку по вѣдомости, относящейся къ 1745 г., отведено дворянину Данилу Агіанову — 10, вахмистру Павлу Гошбедову, Михаилу и Ивану Бедауровымъ — по 10 дв., князьямъ: Алексію и Николаю Саакадзевымъ — по 30, и сыновьямъ Алексію, Егору и Ивану по 5 дворовъ. (Хар. Ист. Арх. М. К., № 21940).

¹⁾ Опись относится къ 1743 г. Октябрю мѣсяцу. Хар. Ист. Арх. М. К., № 2849.

²⁾ Ibidem, № 2849.

³⁾ Киев. Стар. 83 г. VI т., ст. 328.

⁴⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ „Козаковъ, которые отъ дѣдовъ и отцевъ козаки“ (Хар. Ист. Арх. М. К., № 19378).

⁷⁾ Ibidem, № 19378. Инструкція была выдана 1739 г. 3 июля.

⁸⁾ Ibidem, №№ 19848, 7939, 2834 и пр.

Въ документахъ мы имѣемъ перечень дворовъ, розданныхъ нѣкоторымъ грузинамъ; вотъ, на примѣръ, перечень дворовъ, розданныхъ войсковымъ товарищемъ Веспертинскимъ и канцеляристомъ Петрашевичемъ князю Шаликову, съ обозначеніемъ получаемыхъ съ cadaго двора оброчныхъ денегъ: 1) Иванъ Тумець съ снохою Варварою имѣеть жилой дворъ съ тремя хатами, а другихъ угодій не имѣеть, оброковъ же никакихъ не платитъ, ибо у него квартируетъ князь Шаликовъ; 2) Василь Куликъ имѣеть жилой дворъ съ хатою а другихъ угодій не имѣеть; оброку платитъ въ мѣсяць по 30 коп.; 3) Пархомъ Пащенко имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ на мѣсяць по 50 коп.; 4) Петро Ивановъ имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 50 коп.; 5) Павло Дюгтяренко имѣеть жилой дворъ съ огородомъ, а другихъ угодій нѣтъ, оброку платитъ по 60 коп.; 6) Лукьянъ Вербець имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 80 коп.; 7) Стефанъ Сидоренко имѣеть жилой дворъ съ огородомъ, другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 40 коп.; 8) Алексѣй Стелмахъ имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій нѣтъ, оброку платитъ 70 коп.; 9) Иванъ Сергѣенко имѣеть жилой дворъ и пашенной земли засѣву на двѣ четверти, да еще продалъ пашенной земли засѣву на одну четверть Ивану Слѣпенченку, Воротиляковому подсусѣдку, а оброку платитъ въ мѣсяць по 90 коп.; у него братъ Демко; 10) Андрей Кусякъ имѣеть жилой дворъ съ садомъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 50 коп.; 11) Иванъ Косминенко имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 25 коп.; 12) Тишко Кудря съ зятемъ Яковомъ имѣеть хату одну, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 20 коп.; 13) Данило Василченко имѣеть одну хату, а другихъ угодій не имѣеть, платитъ въ мѣсяць по 10 коп.; 14) Данило, Бурмистришинъ зять, имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 20 коп.; 15) Василь Гавриленко имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 20 коп.; 16) Савка Доброхлѣбенко имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 30 коп.; 17) Лукьянъ Руденченко имѣеть жилой дворъ и лѣса небольшую часть, оброку платитъ по 50 коп.; 18) Грицко Мироненко имѣеть жилой дворъ съ огородомъ и садомъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, оброку платитъ по 80 коп.; у него братъ Семень; 19) Игнатъ Бондаръ имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 20 коп.; 20) Иванъ Нижникъ имѣеть жилой дворъ съ огородомъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, лѣса часть, оброку платитъ по 25 коп.; 21) вдова Евдокія Савченкова имѣеть жилой дворъ съ огородомъ и садомъ, пашенной земли засѣву на десять четвертей, сѣнокосу воевъ на двадцать, оброку платитъ по 30 коп.; 22) вдова Марія Яковиха Сѣроштанка съ сыновьями Яковемъ, Кирилломъ, Филиппомъ, Никитою и Трофимомъ имѣеть жилой дворъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, часть лѣса, оброку платитъ на мѣсяць 50 коп..... садъ же ея за долги взялъ значковый товарищъ Иванъ Полѣтика; 23) вдова Одарка Ващенкова съ сынами Семеномъ и Алексѣемъ имѣеть жилой дворъ съ садомъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ по 40 коп.; 24) вдова Устихія Савчиха съ сыновьями Грицкомъ и Иваномъ имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платитъ

по 10 коп.; 25) Юско Марѣйка имѣеть жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платить по 20 коп.; 26) вдова Ганна Кучеренкова имѣеть одну хату, а другихъ угодій не имѣеть, оброку платить по 10 коп.; 27) Савка Тукичинъ зять Колодѣнко имѣеть хату, а другихъ угодій не имѣеть „оброковъ не платитъ, что старостою“; 28) Леско Скляръ сойшоль, а дворъ его пусть; 29) вдова Штуччиха сойшла, а дворъ ея впусть; 30) Козма Забара сойшоль, а дворъ его пусть¹⁾.

Изъ этого перечня мы видимъ, что Шаликовъ съ своихъ 30 дворовъ получалъ въ годъ оброку 115 руб.; при этомъ нужно замѣтить, что многіе дворы, какъ видно изъ перечня, были безъ всякихъ угодьевъ, т.-е. ничетные, въ виду чего Шаликовъ и просилъ о перемѣнѣ ихъ и просьба Шаликова, кажется, была уважена²⁾. Но мы имѣемъ указанія, что грузины съ каждаго двора иногда брали по 6 рублей въ годъ и болѣе, а въ годъ, слѣдовательно, съ 30 дворовъ 180 рублей и болѣе³⁾, но послѣдняя цифра считалась въ то время слишкомъ высокой и обременительной, такъ что былъ поднятъ вопросъ о ея уменьшеніи⁴⁾. Поэтому, если мы возьмемъ средину между двумя крайностями, то врядъ ли погрѣшимъ, опредѣливъ сумму годового дохода грузинскихъ князей въ 150 рублей.

Грузины, принявшіе русское подданство, должны были представлять изъ себя нѣчто въ родѣ военного сословія, такъ въ указѣ мы читаемъ: „должны они (грузины) имѣть, какъ въ военное время, такъ и въ мирное въ домахъ своихъ мундиръ, ружье и всякую воинскую аммуницію и лошадей изъ своего собственного иждивенія, не требуя изъ казны нашей“;⁵⁾ и во время походовъ должны являться все на службу такъ, что дома оставались только одни жены да приказчики, управляющіе помѣстьями⁶⁾.

Грузины служили въ гусарской грузинской ротѣ⁷⁾; но могли служить и въ другихъ армейскихъ полкахъ (напримѣръ, князя Амилохоровы⁸⁾, а впоследствии и въ штатской службѣ⁹⁾.

Образованіе дѣти грузинъ получали: иные въ училищѣ иностранныхъ языковъ въ Москвѣ, иные же были опредѣляемы указами правительствующаго сената въ кадетскіе корпуса¹⁰⁾.

Говоря объ отношеніи мѣстнаго населенія къ водворенію грузинъ въ Малороссіи, можно говорить объ отношеніи только владѣльческаго сословія, иначе шляхетства; для крестьянъ помѣщикъ — грузинъ не представлялъ собой ничего отличнаго отъ другого пана — малоросса¹¹⁾ и, какъ въ отношеніи малороссійскихъ державцевъ,

1) Ibidem, № 19378.

2) Ibidem, № 19378.

3) Ibidem, № 23784.

4) Ibidem, № 23784.

5) Пол. Соб. Зак. X т., № 7545.

6) Хар. Ист. Арх. М. К., № 7939.

7) Пол. Соб. Зак. X т., № 7545.

8) Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.

9) Ibidem, № 21000.

10) Ibidem, № 21952. Въ кадетскій корпусъ принимались съ обязательствомъ остаться вѣчно въ Россіи. Пол. Собр. Зак. X т., № 7560.

11) Религіозный вопросъ, создавшій такой антагонизмъ между малороссійскимъ послоднѣемъ и польскимъ паномъ, здѣсь не имѣлъ мѣста.

такъ и въ отношеніи грузина — владѣльца посполство могло выразить свое неудовольствіе только правомъ свободнаго перехода, чѣмъ оно въ критическихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, и пользовалось¹⁾. Другое дѣло шляхетство: поселеніе грузинъ въ Малороссіи и отдачу имъ помѣстій оно считало нарушеніемъ своихъ правъ и привилегій, по которымъ только они имѣли право владѣть землей; поэтому и понятно, что въ каждомъ полку полковая старшина встрѣчала раздаточную комиссію крайне недружелюбно, такъ что требовались особые указы для того, чтобы полковая старшина допустила эту комиссію къ раздачѣ дворовъ²⁾. Грузины сами, какъ видно, понимали недружелюбное отношеніе малороссіянъ: такъ въ своемъ челобитѣ они просили о назначеніи въ раздатчики кого-нибудь изъ Великороссійскихъ офицеровъ³⁾. Малороссійское шляхетство долго не могло забыть поселенія грузинъ у себя въ Малороссіи, такъ въ прошеніи къ Екатеринѣ II въ 1764 г. однимъ изъ пунктовъ возстановленія своихъ правъ шляхетство считало удаленіе грузинъ изъ Малороссіи⁴⁾.

Теперь невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ отразилась на благосостояніи края отдача грузинамъ дворовъ. Въ 1738 г. состоялось постановленіе о раздачѣ въ Малороссіи грузинамъ дворовъ, а ужъ года черезъ четыре, именно 1742 г. 27 сентября⁴⁾, вышелъ указъ о переводѣ грузинъ изъ Малороссіи въ Оренбургскія крѣпости. И хотя потомъ черезъ мѣсяць (24-го октября)⁵⁾ опять было приказано производить раздачу грузинамъ дворовъ по-прежнему, но указъ 1742 г. 27 сентября не могъ остаться безъ послѣдствій: онъ показалъ грузинамъ непрочность владѣнія данными имъ помѣстьями и, если раньше этого указа грузины, какъ элементъ пришлый и пока мало связанный съ экономическими интересами края, для обезпеченія себя должны были дѣйствовать эксплуатирующимъ образомъ на своихъ подданныхъ, то послѣ указа 27-го сентября „не проча себѣ черезъ долгое время оныхъ подданныхъ во владѣніи“⁶⁾, они должны были дѣйствовать еще болѣе угнетающимъ образомъ на своихъ крестьянъ, что дѣйствительно и было; такъ смотритель Лубенскаго полка⁷⁾ Аристовъ доносилъ: „грузинскіе князья отведенныхъ имъ въ подданство мѣщанъ и простыхъ посполитыхъ не малыми отягощаютъ поборами, побоями и прочими грабительствы“⁶⁾. Сами же грузины въ своей челобитной, поданной въ 1750 г. на имя гетмана, признавались: „и мы въ надежде того премененія въ деревняхъ чрезъ все прошедшее время въ содержаніи своихъ фамилій безъ всякаго экономическаго призрѣнія продолжаемся“⁸⁾.

При этомъ еще нужно замѣтить, что управленіе грузинскими имѣніями находилось болшею частью въ рукахъ приказчиковъ⁹⁾, и потому должно было еще тягостнѣе отзываться на крестьянахъ. И дѣйствительно, управленіе грузинъ ложилось

¹⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., №№ 7531, 23784, 19378 и пр.

²⁾ Ibidem, № 19378 и 3470.

³⁾ Киев. Стар. 83 г. VI т., ст. 328.

⁴⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952 и Пол. Соб. Зак. XI т., стран. 656.

⁵⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 21952.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ Смотритель описныхъ на Е. И. В. маестностей.

⁸⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 21000.

⁹⁾ Ibidem, №№ 7939, 21952 и пр.

тяжелымъ бременемъ на подданныхъ; такъ Аристовъ въ своемъ доношеніи говоритъ: послѣднее ихъ бѣдное имущество почти до послѣдней рубашки поарестовали¹⁾. Нѣмчиновъ же, смотритель Прилуцкаго полка, докладывалъ, что грузины съ своихъ подданныхъ берутъ большіе оброки и непосильными отягощаютъ работами²⁾. Крестьяне, не будучи въ состояніи выполнить требованій своихъ господъ — грузинъ³⁾, бросали свои грунты и по праву вольнаго перехода уходили въ другія мѣста. Грузины, потерявъ подданныхъ, стремились воспользоваться хоть тѣмъ, что осталось послѣ нихъ; такъ: хату, оставшуюся послѣ посполитаго, тотчасъ же продавали на сносъ, дѣсъ вырубали⁴⁾ однимъ словомъ, въ виду временнаго пребыванія въ Малороссіи⁵⁾, грузины старались изъ всего извлечь пользу и все обратить въ капиталъ, чѣмъ, конечно, обезцѣнивали помѣстья. Въ виду такого хищническаго хозяйства грузинъ, Нѣмчиновъ просилъ правительство, чтобы имъ было предписано уменьшить окладъ своихъ подданныхъ⁶⁾, а Прилуцкая полковая старшина, чтобы помочь бѣдѣ, выдвинула вопросъ о запрещеніи вольнаго перехода посполитыхъ, хотя въ сосѣднія мѣста⁶⁾.

Самая раздача грузинамъ дворовъ сопровождалась неблагоприятными для края условіями. При раздачѣ дворовъ раздатчики между посполитыми — „въ отмѣнность указовъ“ — отдали въ подданство грузинамъ мѣщанъ и промышляющихъ, „бавящихся“ купечествомъ⁷⁾, а также другихъ, пользующихся особыми вольностями и привилегіями, на примѣръ, козаковъ-стрѣльцовъ. Фактъ отдачи мѣщанъ и „купечествомъ бавящихся“ былъ не мелкій и не малозначущій, такъ, на примѣръ, въ Лубенскомъ полку въ мѣстечкѣ Ромнахъ было отдано 138 мѣщанскихъ и купеческихъ дворовъ, что составитъ процентовъ 40 всего отданнаго въ этомъ мѣстѣ числа дворовъ, такъ что войтъ Роменской ратуши доносилъ, что всѣ болѣе состоятельные мѣщане и купцы отданы во владѣніе грузинамъ, почему „повинностей городскихъ исполнять некому и въ ратушу не изъ кого выбрать бурмистра и писаря⁸⁾); вообще же часто случалось, что на 30 дворовъ крестьянъ приходилось по 10 дворовъ мѣщанъ⁹⁾. Этихъ мѣщанъ грузины отягощали большими поборами; такъ Лукіанъ Вербець, Роменскій купецъ, отданный во владѣніе князю Шаликову¹⁰⁾, въ прошеніи писалъ, что „чрезъ непорядоченіе его (Шаликова) у мене съ подневоли взятки деньгами и протчими вещами крайне ужъ отягощень и изобиженъ“. Это же самое подтверждаетъ и Аристовъ: „онаго Вербеца взятками съ подневоли какъ деньгами, такъ и протчими вещами и отягощаетъ сверхъ же того“¹¹⁾.

¹⁾ Ibidem, № 21952.

²⁾ Ibidem, № 23784. Такъ грузины брали въ годъ со двора по 6 руб. и болѣе, заставляя сверхъ того отбывать разныя „работизны“. Все это Нѣмчиновъ, по его словъ мѣ, сообщаетъ со словъ вѣдомостей, присылаемыхъ раздатчиками.

³⁾ „Придя въ несостояніе“ по выраженію документа. Хар. Ист. Арх. М. К., № 23784.

⁴⁾ Ibidem, № 23784.

⁵⁾ Ibidem, № 23784.

⁶⁾ Ibidem, № 14883.

⁷⁾ Ibid., № 21952, 19848, 6273 и пр.

⁸⁾ Ibidem, № 21952.

⁹⁾ Ibidem, №№ 2108, 23680.

¹⁰⁾ Ibidem, № 21952.

¹¹⁾ Ibidem.

Вернуть изъ-подъ владѣнія грузинъ отданныхъ изъ мѣщанъ и купцовъ оказалось дѣломъ не легкимъ; такъ Вербець долженъ былъ три раза подавать прошеніе объ одномъ и томъ же: въ 1745 г. въ сентябрѣ, другое въ 1746 г. 4 марта и, наконецъ, третье въ 1748 г. сентября 23-го, гдѣ онъ упоминаетъ: хотя по второму моему челобитію и сдѣлано въ комиссіи экономій опредѣленіе для представленія моего прошенія въ канцелярію министерскаго правленія „по надлежащему порядку“¹⁾, но такъ какъ, посланный мой сынъ долженъ былъ вернуться по нѣкоторымъ обстоятельствамъ домой, то „оное дѣло безъ надлежащаго дѣйствія и по нынѣ въ продолженіе запущено“²⁾. И, хотя 1748 г. 17 декабря указомъ Ея Императорскаго Величества предписано было изъять изъ подданства грузинъ мѣщанъ и купцовъ и замѣнить ихъ посполитыми, но возникло новое затрудненіе: въ Лубенскомъ полку не нашлось достаточнаго числа посполитыхъ для замѣны мѣщанъ и купцовъ и, пока шла отписка и переписка, грузины, узнавъ о перемѣнѣ мѣщанъ, старались воспользоваться удобнымъ случаемъ взять съ нихъ, что возможно; такъ Аристовъ доносилъ: „сугубыми накладами денежнаго цинша“ — не только за прошлое, но и на будущее время притѣсняли такъ, что многіе оставляли свое жильѣ“ и, далѣе, „остальное ихъ бѣдное имущество почти до послѣдней рубашки поарестовали и, ежели онымъ роменскимъ мѣщанамъ другими не послѣдуетъ въ скорости перемѣна, удобно могутъ и остальные уже отъ тѣхъ грузинскихъ прикащиковъ въ конецъ разориться“³⁾. Къ самой же перемѣнѣ грузины отнеслись крайне непріязненно, такъ въ прилуцкомъ полку, когда полковой смотритель Нѣмчиновъ предписалъ Сребрянскому войту приписать къ ратушѣ всѣхъ мѣщанъ, отданныхъ грузинамъ, то грузинскій князь Орбеліановъ силою принуждалъ мѣщанъ къ исполненію „подданническихъ повинностей“⁴⁾, держа мѣщанъ подъ арестомъ, а грузинскаго же прапорщика Туманова дворецкій Михалка Ивановъ съ массою грузинъ, „наведши подводъ, хотѣлъ мѣщанина — гвалтомъ совсѣмъ обграбовать“⁵⁾, а грузинскій князь Иванъ Эристовъ, гвалтомъ напавши на ратушу, избилъ даже самого войта. И хотя грузины должны были согласиться на перемѣну мѣщанъ и купцовъ, но сдѣлали это только послѣ цѣлаго ряда своеволій, насилій и грабительствъ⁶⁾, что конечно не могло отозваться благоприятно на экономическомъ состояніи края.

Если относительно мѣщанъ и купцовъ состоялся указъ о замѣнѣ ихъ посполитыми, то другіе классы населенія должны были остаться при своей печальной участи, потерявъ свои вольности и привилегіи; такъ въ сотнѣ Монастырской въ подданство грузинскаго князя Саакадзева было отдано три стрѣльца — козака⁶⁾, Иванъ Вакула, Семень и Омелько Прокопенки, и, когда сотникъ монастырскій доносилъ, что некъмъ замѣнить послѣднихъ, и просилъ позволенія отобрать ихъ отъ Саакадзева, то отъ гетмана

¹⁾ Ibidem.

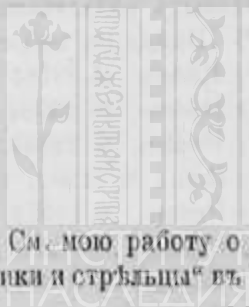
²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, № 21952.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem, №№ 21952, 7939 и пр.

⁶⁾ Стрѣльцы (козаки) охотники, доставлявшіе дичь къ гетманскому столу. См. мою работу о стрѣльцахъ. „Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной украины. Бобровники и стрѣльцы“ въ III томѣ „Сборника Истор. Фил. Общества“ и отдѣльно.

послѣдовалъ указъ, что отнятіемъ упомянутыхъ стрѣльцовъ владѣльцамъ будетъ причиненъ убытокъ, а стрѣльцами можно будетъ воспользоваться и изъ Глуховской сотни ¹⁾). Вотъ при какихъ обстоятельствахъ состоялось поселеніе грузинъ въ Малороссіи.

Приложеніе.

№ 1-й.

Довѣрительное письмо кн. Евгенія Амилохорова кн. Егору Амилохорову на полученіе дворовъ (1745 года).

Государь мой братецъ князь Егоръ Васильевичъ!

Отправились Вы изъ Москвы въ Малоросію для принятія деревень, которые по указу велено намъ дать; пожалуй, государь мой братецъ, принеси челобитную объ указанной даче мне такихъ же малороссійскихъ деревень и вместо меня къ той челобитной руку приложи и такіе деревни, что надлежитъ на мою часть, прими; въ чемъ вамъ верю и прекословить въ томъ не буду. Государь мой братецъ, вашъ покорный братъ и слуга князь Евгеній Амилохоровъ.

Генваря 2 дня 1745 года. Москва.

(Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 21952).

№ 2-й.

Письмо войсковаго товарища Лазаревича капитану Аристову по поводу обвиненія его, Лазаревича, грузинами во взяточничествѣ (1745 г.).

Благородный и достойнопочтенный господинъ капитанъ, Милостивый государь мой Иванъ Алексѣевичъ!

Письмо вашего благородія я получилъ, въ которомъ изволите отъ мене требовать отвѣта, противъ поданнаго челобитя отъ порутчика Джевахова о подарованіи мнѣ нимъ двухъ ковровъ; симъ въ отвѣтъ вашему благородію объявляю: порутчикъ Джеваховъ даровалъ мнѣ еденъ коверъ, которой при писмѣ своемъ при князю Давиду Ратіеву прислалъ на мою квартиру безъ всякаго моего прошенія; оной же коверъ весь зодранъ и сукномъ простимъ златанъ, толко на попону лошади и, уповаю, не болѣе четырехъ гривень стоитъ, а жена его, Джевахова, прислала при писмѣ жъ своемъ чрезъ служителя своего ножей приемиталнихъ паръ шесть, которые покунаются дюжина два рублѣ и поменше, такожъ и коверчикъ маленькой немного болѣе длины двухъ аршинъ, а ширина единъ аршинъ, которому цена не болше полтинни, которые ножи и коверъ служитель его, Джевахова, почти насилно у квартиру моею оставя, пошелъ; токмо я рассуждалъ, что де она, княгиня, не безъ вѣдома ль его, князя, ко мнѣ прислала в рекомненсъ; обратно чрезъ его поданного одослалъ и чрезъ

¹⁾ Хар. Ист. Арх. М. К., № 22926.

оного просилъ болѣе такими присилками себе не утруждать. Више же упомянутой князь Джеваховъ, пришедши на другой день на мою квартиру, съ немалымъ яко би сожалѣніемъ говорилъ, причитая за немалую обѣду, отъ мене его княгинѣ показанную въ непринятію присланныхъ вещей отъ княгинѣ его, симъ реконъмендовалъ мнѣ то принять, которые ножи и коврикъ чрезъ подданнаго своего паки прислалъ, чему онъ самъ, Джеваховъ, предъ вашимъ благородіемъ и господиномъ капитаномъ Амилахаровимъ тому не запретился; и, хочай я ему, Джевахову, приочно говорилъ: якъ не требовалъ отъ васъ и отъ княгинѣ вашей такой даровизни, такъ и не воспящаю оной обратно взять; токмо онъ, Джеваховъ, якъ предъ вашимъ благородіемъ и господиномъ капитаномъ Амилахаровимъ и протчшими сказалъ, что де я подарилъ и княгиня моя, того и одбирать не хочу, и, хоча де я челобитную и написалъ по нанесеннымъ ябедамъ на васъ Ягоромъ Зедшидзевимъ, о чемъ уже и самъ сожалѣю. Определенные же ему, Джевахову, и чинено у местечку Сребраномъ и Ичнѣ и, хоча написано было въ бѣлете Птуху и Шкидину, тогда за ними зборщиками нѣкакова виду при коммѣсiи о отдачѣ ихъ грузиномъ въ подданство не було: а егда возвратились зъ Ичнѣ, то оные зборщики показали зъ енеральной войсковой канцеляріи указъ, чтобъ онихъ нѣкому не ассигновать, ибо оные опредѣлены къ сборамъ въ скарбъ войсковой сверхъ словеснаго его, князя Джевахова, со мною помѣркованя; якъ напрасно билъ челомъ, такъ и письмо далъ, что впредь не челобитчикъ: яко письмо Ваше Благородіе сами видѣли и слушали и, ежели оного потребно, тамъ представлю, гдѣ надлежитъ. Вашего благородія милостивого государя моего покорнѣйшій слуга войсковой товарищъ Данило Лазаревичъ.

(Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 3478).

№ 3-й.

Письмо войсковаго канцеляриста Жуковскаго къ капитану Аристову по тому же поводу (1745 г.).

Благородный и достойнопочтенный господинъ капитанъ, милостивый государь мой Иванъ Алексѣевичъ!

Писменно ваше благородіе изволите мнѣ объявлять, что указомъ съ коммѣсiи экономи зъ сообщеніемъ поданного въ ту коммѣсiю отъ грузинскаго князя Джевахова челобитя, въ которомъ де показано: яко би онъ, Джеваховъ, далъ мнѣ пуговицю залотую зъ управленнимъ въ оную камушкомъ въ дванадцать рублей, другой камушокъ въ пять рублей да табакирку сребраную ценою въ тринадцать рублей, сверхъ того яко би требовалъ я въ него ж, Джевахова, десяти рублей денегъ, которыхъ де за недачу на ассигнованіе ему, Джевахову, полку Лубенскаго въ мѣстечкѣ Лохвицѣ, тоей сотнѣ въ деревнѣ Венсвахъ, да полку Прилуцкаго въ мѣстечкахъ Сребраномъ и Ичнѣ во владѣніе двори, бѣлету я не подписалъ, велено вашему благородію о висшеписанномъ изслѣдовать, мнѣ же на томъ бѣлетѣ купно зъ вами подписаться; а для чего я на томъ бѣлетѣ не подписался, писменно отвѣтствовать; и хоти отъ коммѣсiи роздачи грузинамъ дворовъ (которая по силѣ указу въ дирекціи коммѣсiи

экономіи состоитъ) будучи уволенъ (о чемъ для вѣдома и указъ з войсковою генеральной канцеляріи имѣю котораго для знанія при семъ точную прилагаю копію) вышписанному отвѣту никакъ долженствую; однакъ во избличеніе лжечелобитчиноваго безсовѣстія, для отнятія же напрасно нанесеннаго на мене пороку кратко вашему благородію на вишпрописанное объявить зневоляюсь: оной Джеваховъ прислалъ било ко мнѣ служителемъ своимъ безъ жадного требованія моего грузинскую пуговку, хрустальную красную зъ золотимъ маленькимъ ушкомъ, которой цена не болше какъ еденъ рубль, да другой хрустальній же камушокъ небольшою ценою какъ въ десяти копейкахъ, токмо жъ я, доволно и обстоятельно вѣдая хитріе ихъ грузинскіе посули и дари, обратно къ нему, Джевахову, моимъ служителемъ оніе по его мнѣнію драгоценніе вещи отослалъ, которіе онъ, Джеваховъ, при грузинскому жъ князю Ефрему Кавкасидзеву на кварталѣ его, Кавкасидзева, отъ моего служителя и принялъ, чому онъ и самъ и Джеваховъ, вѣдая на то и кромѣ Кавкасидзева многихъ свѣдителей, потаится не можетъ; табакирки же я отъ него, Джевахова, не токмо сребраной, но и никакой никогда не принималъ. Что же его, Джевахова, жена, следуя чрезъ Глинскъ въ Роменъ, попросивъ меня служителемъ своимъ зъ дому моего на свою квартиру (гдѣ были грузинскіе князья Давидъ Ратіевъ и упомянутій Ефремъ Кавкасидзевъ), при нихъ мнѣ безъ жадного жъ требованія моего табакирку старую маленькую, въ которой кришка и сподъ роговіе, около ней сребраной окладки золотниковъ три ценою развѣ въ полтора рублѣ подарила, то я сему никогда не запираюсь; якожъ хотя я отъ ея, княгинѣ Джеваховой, оной табакирки принимать всячески рекузовалъ, однакъ, зневоляемъ будучи не малимъ при вишписанныхъ князяхъ Ратіеву и Кавкасидзеву ея прошеніемъ и разсуждая по ея рѣчамъ, что мнѣ дарить оную табакирку въ рекомпенсъ пріятній (?), которая въ домѣ моемъ мужу ея и ей, княгинѣ, при возможномъ хлѣбосольствѣ доволно оказана, особливѣйше же не хотя въ тогдашнемъ стужателнемъ прошеніи дамской ея княжеской персоны непринятіемъ презентуемой табакирки заафронтивъ обидить, оную табакирку съ подобающимъ благодареніемъ отъ нея, княгинѣ, принять принужденъ былъ; и буди за таковой презентъ собственно отъ ея сіятельства прошеніе на мене послѣдуетъ, то я за то примѣримъ сему образомъ по командѣ отвѣтствовать съ охотою моею одолжаюсь. Что жъ въ томъ же его, Джевахова, челобиттѣ показано, якоби я за недачу имъ, Джеваховимъ, мнѣ десяти рублей денегъ бѣлету ему не подписалъ, такова ложъ всегда оставаться будетъ, ибо онъ, Джеваховъ, хотя такъ чрезъ служителя своего, яко и чрезъ вишпоминаемаго князя Кавкасидзева сулилъ мнѣ за подпись бѣлету и давалъ тіе денги, однакъ я онаго бѣлету не подписалъ съ нижеписанныхъ резеновъ: 1) что полку Прилуцкого въ мѣстечку Ичнѣ описани къ дачѣ двори войсковимъ товарищемъ Лазаревичемъ въ бытность тамо его, Джевахова, безъ данной за рукою бывшаго въ смотренія въ томъ Прилуцкомъ полку свободныхъ посполитихъ дворовъ, умершаго капитана Кабилина, во время болѣзни его о техъ посполитихъ дворахъ въ томъ мѣстечку Ичнѣ вѣдомости и безъ присутствія моего, а, когда я въ Ичню прибылъ, то уже двори къ дачѣ ему, Джевахову, изъ ста восьмидесятъ были избранніе; 2) между тѣми дворами еденъ мѣщанинъ, онъ же и киторъ Василь Шапочникъ къ противность Коммѣссіи Экономѣи указомъ, протчи же

съ бывшихъ во владѣніи подполковницѣ Дегонорвой дворовъ были описани, которыхъ також де впредь до указа во владѣніе никому отдавать не велено, о чемъ для вѣдома въ коммѣссіи роздачи грузинамъ дворовъ хотя указу никакова ни откуда не имѣется, однакъ покойній капитанъ Кабилинъ о возбраненіи указомъ тѣхъ въ дачу дворовъ отводить словесно объявлялъ; и въ такомъ сумнительствѣ оной бѣлетъ мною не подписанъ и безъ особливаго посему на то указу подписанъ быть не имѣеть, о якихъ ассигнованныхъ въ мѣстечку Ичнѣ ему, Джевахову, во владѣніе дворахъ соблаговолено бѣ было во увѣреніе отъ Коммѣссіи Экономѣи о учиненіи справки, куда надлежить, указомъ предложить и, буди иначе явится, то я по указамъ штрафу подлежать имѣю. Впрочемъ вашего благородія моего милостиваго государя доброжелателній и упокоенній слуга войсковій канцеляристъ Федоръ Жуковскій. 1745 года Февраля 27 дня Глинскѣ.

(Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 3470).

№ 4-й.

Два приказа кн. Арбеліанова Срѣбранскому старостѣ Хименку (1749 года).

Приказъ Ивану Хименку старостѣ Срѣбранскому. По полученіи сей карты, понеже давно до тебе писанно, чтобы ты собралъ загодей насѣня всякое, но ты и по сюю пору нѣ собиралъ и заразъ би тобѣ, неумедля немало, собрать такое насѣня и въ одномъ мѣсцѣ постановить, покаместъ время будетъ сѣять; и загадать тобѣ — подводу пароконную въ Глуховъ Тишку Бѣбенку и брату твоему Дмитру Хименку, не принимая отъ нихъ пѣкакихъ отговорокъ; ежели своихъ лошадей неимѣють, то нехай хочуть наймутъ, а чтобы были всеконечне завтрашняго дня къ вечеру и спроси въ тихъ нашихъ мужиковъ, которыхъ копитанъ билъ выписалъ, сколько они ему денегъ дали, понеже тии денги будутъ возвращени обратно по указу. А еденъ конь Рѣзничковъ взять въ подводу въ Зѣнковъ, а другого посылается и конечно по сему приказу, чтобы исполнено все конечно било, а буди ли неучинишь, то жестоко наказанъ будешь; да покидай копитански духъ¹⁾, да смотри старого приказа, чтобы въ тебе все справно било. А сіе письмо отдай Михаилу грузинцу. Князь Андрей Арбеліановъ.

(Харьк. Ист. Арх. Д. М. К. № 21952).

Приказъ Ивану Хименку старостѣ Срѣбранскому. Хочай не однократне до тебе пишу, но ты пѣчого того не исправляешь, надѣвша на своего копитана, которому и смѣна вскорѣ будетъ за его такіе не порядочніе уступки, котории онъ съ нами поступилъ; и уже и указъ къ нему присланъ з экономіи коммѣссіи з репляментомъ, чтобы оній копитанъ вернулъ отнятыхъ людей, которыхъ онъ у насъ отнял, по которому указу уже въ Ичнѣ и вернулъ, которыхъ у нашихъ брата отнял былъ; а ты поздравить тихъ нашихъ мужиковъ, котории подавали копитану денги на проїздъ до Глухова, то онъ имъ за тое будетъ дяковать, а ты на тихъ не смотри, да справляйся хорошо. Князь Андрей Арбеліановъ.

(Харьк. Ист. Арх. Д. М. К. № 21952).

¹⁾ Т.-е. духъ капитана Аристова, смотрителя описныхъ Е. И. В. маестностей.

Изъ вѣдомости розданныхъ грузинамъ дворовъ.

Имя и фамилія.	Дворы.	У Г О Д І Я.			Семья.
		Пашенной земли.	Лѣсъ.	Сѣнокосъ.	
Князю капитану Егору Амилохорову.					
Въ селѣ Лозовой Роменскаго уѣзда.					
Андрей Матвѣенко	Живетъ своимъ дворомъ.	Засѣву на 4 четвер.	Въ одномъ мѣстѣ часть.	Возовъ на шесть.	У него 2 брата: Антонъ и Леско.
Карпъ Бутенко	Idem.	—	—	Воза на 3.	—
Стефанъ Кусий	Idem.	На 3 чет.	Въ одномъ м. часть.	—	Братъ Василь, сынъ Иванъ и племянники: Петръ и Федоръ.
Вдова Ефросинья Ступничка	Idem.	На 1 чет.	—	—	Сыны: Семень и Федоръ
Вдова Катря Бовтручка	Idem.	На 3 чет.	Въ одномъ м. часть.	На 6 воз.	Сыны: Федоръ и Андрей.
Леско Бовтрученко	Idem.	На 2 чет.	—	На 4 воз.	Братья: Юско и Федоръ.
Грицко Муха	Idem.	На 1½ чет.	Въ одномъ м. часть.	—	Сыны: Кондрать и Грицко, племянники: Федоръ и Юско.
Вдова Оришка Иващенко	Idem.	На 1 чет.	Idem.	На 12 воз.	Сыны: Иванъ и Демко.
Яковъ Иващенко	Idem.	На 2 чет.	—	—	Братъ Гаврило.
Петро Гречка	Idem.	На 2 чет.	Въ одномъ м. часть.	—	Племянники: Андрей и Данило.
Федоръ Гречка	Idem.	На 4 чет.	Idem.	—	Сынъ Данило да племянникъ Василій.
Мартынъ Назаренко	Idem.	На 1 чет.	—	—	Братъ Демко.
С е л а Л е в ч е н о к ѣ .					
Павло Олѣниченко	Idem.	На 2 чет.	Въ одномъ м. часть.	На 3 воз.	Сыны: Иванъ и Трофимъ.
Николай Самойличенко	Idem.	На 2 чет.	Idem.	На 5 воз.	Братъ Остапъ.
Данило Бабенко	Idem.	—	—	—	Сыны: Максимъ и Овнско, зять Тимошъ Цыганенко.
Иванъ Вороненко	Idem.	На 4 чет.	Въ одномъ м. часть.	На 5 воз.	Сыны: Никифоръ, Моисей и Петро.
Юско Гвозденко	Idem.	На 3 чет.	Idem.	—	Сынъ Кирикъ. Братъ Илья.
Кондрать Яценко	Idem.	—	—	—	Сыны: Василь и Никола.

Имя и фамилія.	Дворы.	У Г О Д І Я.			С е м ь я.
		Пашенной земли.	Лѣсъ.	Сѣнокосъ.	
Федоръ Бѣлоконый.....	Idem.	На 3 чет.	Въ одномъ м. часть.	—	Сыны: Яцко, Остапъ, Герасимъ, Максимъ, Грицко; зять Романъ.
Тымко Каленикъ... ..	Idem.	На 4 чет.	Idem.	На 10 воз.	Сыны: Василій и Степанъ.
Степанъ Цыганъ	Idem.	На 5 чет.	Idem.	На 8 воз.	Сыны: Иванъ и Федоръ.
Никита Шевченко	Idem.	На 3 чет.	Idem.	На 6 воз.	Братъ Ефимъ; сыны: Никола и Никифоръ.

(Хар. Ист. Арх. Д. Мал. Кол. № 1952).

№ 6-й.

Доношеніе управителя маестностей гр. Р. Л. Воронцова въ генеральную войсковую канцелярію объ обидахъ, причиненныхъ грузинами подданнымъ графа.

Въ Генеральную Войсковую Канцелярію.

НИЖАЙШЕЕ ДОНОШЕНІЕ.

Въ маестностяхъ господина моего Сіятельства господина генераль аншефа дѣйствительнаго камергера и разнихъ ординовъ кавалера графа Романа Ларіоновича Воронцова полтавскихъ жытелствующіе грузыне владѣють условне его высокографскаго сіятельства подданныхъ дворами и плечами, въ ихъ одаточнихъ билетахъ не значащихся и разорають тѣхъ подданныхъ, яко то: въ мѣстечкахъ Кобеляке князя Ростонъ Баратовъ Петра Крывды частію, Яцка Третинныченка и Максима Тараненка всѣми плечами, при дворѣ его жилломъ въ Пригородѣ находячимися, Давидъ Баратовъ плечами жъ Федора Склера, Ивана Мѣняйлова зятя и Остапа Мѣняйла, да Петра Бондара, на коихъ плечахъ его, Давида Баратова, дворъ жилой зъ двумя хати съ комнатою, коморъ двѣ и загорода, которіе комори онъ, Баратовъ, на паленіе и на всякое строеніе употребляетъ; въ Бѣликахъ грузинская дворянка Тетіана Егорова Марзынова на плечу Остапа Цапка змершаго жыллимъ дворомъ зъ двумя хати и коморею рубленою зъ сѣлникомъ (?) завладѣла, а князь Николай Манвелевъ Нычпыра Тарона плечомъ завладѣлъ; и сверхъ того жалобы занесенни отъ войтове бѣлицкаго Федора Старицкого, что оный грузынь Манвелевъ, наехавши на дворъ гвалтовно самъ третій пры шабляхъ зъ другими, подданного его високографскаго Сіятельства Семена Литвина зъ сыномъ его Павломъ со всѣмъ ихъ имуществомъ забрали и дворъ тотъ разорыли и въ имѣющихся двоухъ хатахъ одной — дверѣ, окошка, лавки и пѣчю побили и порубали, другой — сволокъ перерубили и стелю всю на землю обвалили; отъ Новосанжароскаго Леонтія Довгополого, что въ Новомъ Санжарове жытелствующій грузыньскій князь Шаликовъ насылствомъ своимъ состоящихъ по опысу подданныхъ разоряетъ и грабитъ, лошадей отнимаетъ и хвосты отрубиваетъ, а за возвращеніемъ

оныхъ беретъ денги въ подданныхъ, а именно: у Федора Пузыра рубля, у Афтанасія Божкового зятя четыре рублѣ, у Онофрія у Одновола два рубля, Ивана Бутка одного рубля; и впредѣ похвалки произносить подданныхъ его високографскаго сїятельства прописанныхъ, неведомо почему, взять къ себѣ въ подданство, а самого войта Довгополого онъ, Шаликовъ, сего Іюня 7 дня пры находѣ своемъ на домъ его, Довгополова, гвалтомъ намѣренъ шаблюю зрубить (которій, когда бѣ у сенцы убежавши дверей не затворылъ, зрубаль бы въ смерть), чрезъ что которіе его високографскому сїятелству ихъ, грузыновъ, причыненіе подданныхъ его високографскаго сїятельства грабительства и произносиміе похвалки и взятіе себѣ его високографскаго сїятельства подданныхъ въ подданство, крайняя обида следуетъ, о чемъ въ генеральную войсковую канцелярію донося, покорнѣйше прошу о нечынненіи вышеписаннымъ грузынамъ его високографскаго сїятельства подданнымъ обидѣ, о неразгониваніи подданныхъ, и небраніи самими собою въ подданство и возвращеніи какъ забратихъ подданныхъ Семяна Литвина зъ сыномъ Павломъ и имуществомъ, такожъ Федора Пузыра съ товарищи денегъ, кому надлежитъ, предложить; а буди оніе грузине Ростонъ Давидъ Баратови, дворянка Мурзинова и грузине жъ Манвелевъ и Шаликовъ имѣють какую претенсію, то, неуправлясь бы сами собою, искали бѣ о томъ въ учрежденной для разбору о земляхъ его високографскаго сїятельства комиссіи. На подлѣнномъ тако: о семъ проситъ его сїятельства господина генераль аншефа сенатора дѣйствительнаго камергера и разнихъ ординовъ кавалера графа Романа Ларіоновичева Воронцова полтавскихъ маетностей управитель Михайло Колосовъ. 1763 году Іюня 17 дня. Кобелякъ.

(Хар. Ист. Арх. Д. Мал. Кол. № 7682).

Къ литературной исторіи Краледворской рукописи.

По поводу новѣйшей книги по исторіи чешской литературы В. Флайшганса *Pisemnictví české slovení obrazem od nejdaвніjších dob až po naše časy. Piše d-r Vaclav Flajšhans, Nakladatele Grossman, Svoboda (v Praze. 25 выпускъ, 766 стран. 1901 г.)*.

А. И. Степовича.

Читая въ названномъ замѣчательномъ трудѣ извѣстнаго чешскаго филолога Флайшганса изложеніе вопроса о Краледворской рукописи, мы рѣшились свести въ одно болѣе или менѣе стройное цѣлое всѣ накопившіеся у насъ матеріалы по литературной исторіи названнаго памятника, вышедшіе въ свѣтъ со времени изданія книги г. А. В. Стороженка „Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописи“ Кіевъ, 1880 г., и особенно со времени возобновленія спора о подлинности этихъ памятниковъ въ 1885 г.

Правда, трудно ручаться за полноту собраннаго мною матеріала (нѣкоторыхъ работъ такъ и нельзя было достать); посему будетъ умѣстнѣе предложить возможно полный сводъ названнаго матеріала не отдѣльно, а при общемъ сужденіи о книгѣ г. Флайшганса¹⁾. Такимъ образомъ, признавая самъ значительную неполноту своего свода — въ которомъ, впрочемъ, главное почти все указано — и имѣя въ виду въ будущемъ представить болѣе совершенную въ этомъ отношеніи работу, докладчикъ былъ бы вполне удовлетворенъ, если бы ему удалось намѣтить хотя самые главные и существенные моменты новѣйшаго спора о подлинности Краледворской рукописи и указать важнѣйшія явленія полемической литературы по этому предмету.

Обстоятельное и цѣлесообразное изложеніе исторіи литературы какого-нибудь культурнаго народа — дѣло, какъ извѣстно, большой трудности, потому что въ концѣ концовъ отъ автора требуется ни болѣе ни менѣе, какъ обнаружить, можно сказать, святая святыхъ народной души, раскрыть ея сокровеннѣйшіе тайники и глубочайшія чувствованія, повѣдать міру народные идеалы, воплощенные въ изящнѣйшихъ твореніяхъ художественнаго слова.

А такой трудъ не всегда и не всякому подъ силу. Онъ не только требуетъ множества подготовительныхъ работъ, разчищающихъ путь изслѣдователю, всѣхъ

¹⁾ На сѣздѣ это сужденіе, впрочемъ, было предложено въ краткомъ видѣ, такъ какъ докладчикомъ сдѣлано было главнымъ образомъ извлеченіе изъ этого сужденія, касающееся новѣйшей литературной исторіи Краледворской рукописи.

этихъ мелочныхъ разысканій, кропотливыхъ занятій по изданію и обследованію памятниковъ, монографій, но въ свой успѣшности обусловленъ въ сущности еще едва ли не важнѣйшимъ обстоятельствомъ, а именно наличностью у автора созидательнаго, проникновеннаго дарованія, которое позволило бы ему не только овладѣть всѣмъ наличнымъ матеріаломъ, но и извлечь изъ него все, что помогло бы ему наилучше выполнить указанныя задачи. Въ самомъ дѣлѣ, можно прекрасно овладѣть предметомъ со всею его литературою и не быть въ состояніи написать дѣйствительно дѣльную и цѣлесообразную исторію литературы, разъ у изслѣдователя не имѣется въ наличности вышеуказанной проникновенной способности осмыслить и правдиво освѣтить собранный матеріалъ и на немъ возсоздать идеальный образъ души народной. Вотъ причина, почему такъ мало книгъ, которыя можно было бы по всей справедливости назвать дѣйствительными „исторіями литературы“. Сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ плохія книги въ этой области, неуспѣхъ которыхъ обусловленъ или жалкимъ состояніемъ предварительной разработки данныхъ, отсутствіемъ монографій и т. п., или недостаткамъ у авторовъ вышеуказанной созидательной способности. При отсутствіи наличности указанныхъ требованій, когда однако же въ обществѣ существуетъ спросъ на книги по исторіи литературы, добросовѣстные изслѣдователи обыкновенно стараются ограничивать свою задачу и суживать кругъ поставленныхъ ими вопросовъ. Они или даютъ чисто библиографическаго характера труды по эпохамъ либо въ азбучномъ порядкѣ писателей—таковы на примѣръ, труды Юнгмана, I. Иречка по исторіи чешской литературы, при чемъ главною заботою и цѣлью изслѣдователей является опредѣленіе наличности, всей литературы,—или отмежевываютъ себѣ опредѣленныя эпохи (древнюю, среднюю или новую; таковъ, на примѣръ, извѣстный трудъ Ягича, излагающій древнюю пору исторіи хорватской литературы или Бачковскаго, задавашагося цѣлью обстоятельно изложить новый періодъ чешской литературы). Иные изъ изслѣдователей, отчаяваясь въ возможности одолѣть весь подлежащій, часто еще и мало разработанный матеріалъ, ограничиваются разсмотрѣніемъ только самыхъ яркихъ теченій и важнѣйшихъ данныхъ исторіи литературы и изложеніемъ дѣятельности лишь ея вожаковъ и руководителей, опуская всѣ подробности и различныя мелкія данныя. Только такимъ путемъ имъ обыкновенно удается написать не недоконченныя, хотя и солидныя работы—таковы, на примѣръ, извѣстные труды I. Добровскаго или К. Сабинны по исторіи чешской литературы—а болѣе или менѣе цѣльные доведенные до конца очерки исторіи литературы, удовлетворяющіе такъ или иначе запросамъ читающаго общества, если не требованіямъ чистой науки; такъ поступилъ, на примѣръ, какъ извѣстно, г. К. Тифтрукъ, авторъ наиболѣе распространенной книги по исторіи чешской литературы. Наконецъ, четвертые, къ которымъ принадлежитъ и авторъ разсматриваемой нами книги, желая составить тоже цѣльные и законченныя очерки, берутъ предметъ болѣе съ внѣшней, такъ сказать, его стороны, и пишутъ уже не столько исторію литературы народа, составить которую они не берутся, не чувствуя въ себѣ достаточно силъ, а также и по недостаточности предварительной разработки данныхъ, сколько исторію, если можно такъ выразиться, книги у народа; они слѣдятъ за внѣшними историко-литературными судьбами его и,

желая оживить свое, по необходимости, сухое изложене, обыкновенно вводятъ въ него множество наиболее характерныхъ выдержекъ изъ лучшихъ произведеній изящной словесности, снимковъ съ рукописей, автографовъ и т. п., и, наконецъ, портретовъ, изображающихъ писателей въ извѣстные моменты ихъ жизни, въ извѣстныхъ условіяхъ работы и т. п. Только при помощи такихъ приѣмовъ книги ихъ дѣлаются удобочитаемыми и становятся достояніемъ общества.

Названная выше книга г. Флайшганса, принадлежащая, какъ сказано, къ послѣднему разряду историко-литературныхъ трудовъ, написана образцово и можетъ служить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ составлять подобнаго рода книги, кстати сказать еще отсутствующія, напримѣръ, въ нашей литературѣ, гдѣ извѣстная новѣйшая книга г. Полеваго, изданная г. Марксомъ, какъ извѣстно, далеко не отвѣчаетъ своему назначенію.

Составитель разсматриваемой книги, извѣстный чешскій филологъ и профессоръ гимназій, началъ выпускать свой трудъ еще съ 1898 года отдѣльными выпусками (sešity), какъ это вообще принято на западѣ для большихъ книгъ, и только теперь, черезъ три года, успѣлъ довести его до вождельнаго конца.

Внѣшность изданія довольно привлекательна. Заглавіе на обложкѣ набрано въ старинномъ чешскомъ (средне-вѣковомъ) вкусѣ буквами такъ называемаго „швабаха“, при чемъ рисунокъ начальной буквы Р взятъ изъ рукописи XIII в. „Mater verborum“, хранящейся въ пражскомъ музеѣ чешскаго королевства, а другія украшенія изъ рукописи XVI в. „Životy svatých otců“, хранящейся въ библіотекѣ пражскаго университета. Каждый выпускъ снабженъ множествомъ прекрасно сдѣланныхъ снимковъ съ рукописей, видовъ, таблицъ, портретовъ и т. п., наглядно изображающихъ исторію чешской книги. Говоримъ „книги“, а не „литературы“, потому что трудъ г. Флайшганса, повторяемъ, не имѣетъ въ виду строгихъ задачъ исторіи литературы съ ея проникновеніемъ въ тайники народнаго духа, съ ея раскрытіемъ идеаловъ народныхъ; задача его проще: начертить, такъ сказать, внѣшнюю исторію литературной жизни чеховъ, исторію ихъ „книги“ въ широкомъ смыслѣ слова, постепенный ходъ ея развитія, эволюцію писательской дѣятельности.

Отъ этого задача автора не сдѣлалась менѣе почтенной; напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему приходилось имѣть дѣло съ трудностями, нисколько не меньшими тѣхъ, которыя выпадаютъ на долю историка внутренней стороны литературныхъ явленій.

Выполненъ трудъ г. Флайшганса образцово и въ этомъ отношеніи можетъ служить хорошимъ примѣромъ того, какъ вообще должно составлять подобнаго рода книги. Къ стыду нашему, русская литература, какъ сказано, все еще не имѣетъ такого труда и все еще ждетъ своего дѣятеля, который предпринялъ бы такую нелегкую, но зато почетную и необходимую работу...

Что г. Флайшгансъ не взялся за такую отвѣтственную работу, какъ исторія чешской литературы, это свидѣтельствуетъ о томъ, что, не переоцѣнивая своихъ силъ, онъ въ то же время вполне правильно понимаетъ положеніе дѣла и въ своемъ осторожномъ отношеніи къ нему не переступаетъ крайнихъ предѣловъ. Въ самомъ

дѣлѣ, для того, кто знаетъ, въ какомъ довольно незавидномъ положеніи находится разработка вопросовъ научной исторіи чешской литературы, какъ мало еще сдѣлано монографическихъ изслѣдованій, разчищающихъ путь и облегчающихъ задачу историка, для того, повторяю, рѣшеніе г. Флайшганса не покажется нисколько удивительнымъ, а, напротивъ, представится явленіемъ вполне естественнымъ. Его могли остановить, да и дѣйствительно остановили, какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, многочисленныя неудачи его предшественниковъ, изнемогавшихъ подъ бременемъ непосильной для одного лица работы и обыкновенно покорно складывавшихъ оружіе задолго до ея завершенія... Такъ было дѣло съ знаменитымъ патриархомъ славяновѣдѣнія І. Добровскимъ (его книга *Geschichte der böhmisch. Spr. und Litter.* 420 стр. 3-е изд. 1818 г. дальше 1826 г. не пошла), съ приснопамятнымъ І. Юнгманомъ ограничившимъ (1825 г.) свою задачу простымъ возможно полнымъ исчисленіемъ всѣхъ чешскихъ книгъ на 705 стран.; его библиографическій трудъ *Historie literatury české* позднѣе былъ дополненъ извѣстнымъ В. Томкомъ и выпущенъ въ 1849-51 г.; на этомъ трудѣ основана и книга А. Шемберы 1858 г. (*Dějiny literatury české* заключающая въ себѣ уже и характеристики авторовъ, но далеко еще не представляющая прагматичной исторіи литературы. Въ 1866 г. вышла книга К. Сабины, (*Dějepis literatury československé*, 948 стр.) задуманная широко и на вполне научныхъ историколитературныхъ основаніяхъ, но и она не пошла далѣе XVI-XVII вв. (доведена до 1620 г.) такъ какъ авторъ очевидно и самъ отчаялся довести свой трудъ до конца да и у другихъ отбилъ охоту заниматься этимъ дѣломъ. Русскій трудъ А. Н. Пыпина въ его „обзорѣ исторіи славянскихъ литературъ“ (С.-Пб. 1865 г.), переработанномъ позже въ „Исторію славянскихъ литературъ“ С.-Пб. 2 тома 1879—81 г., являясь первымъ на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе цѣльнымъ обзоромъ исторіи родственной литературы, слишкомъ мало однакоже вводитъ читателей въ самыя произведенія этой литературы и, такимъ образомъ, страдаетъ въ отношеніи чисто фактическаго матеріала.

Это обстоятельство и было причиною появленія въ 1886 г. въ Кіевѣ другой русской книги о томъ же предметѣ (очеркъ исторіи чешской литературы, А. Степовича), которой, въ свою очередь, повредилъ смѣшанный характеръ изложенія — не то популярный, не то научный и излишняя краткость многихъ частей. Книга І. Пречка „*Rukověť k dějinám literatury české*“ 1875—76 г., являющаяся очень важнымъ подспорьемъ для всякаго работающаго въ области исторіи чешской литературы, въ сущности представляется лишь прекраснымъ біографическимъ, — въ азбучномъ порядкѣ авторовъ, — дополненіемъ къ вышеупомянутому Юнгманову труду и тоже никоимъ образомъ не можетъ считаться связной прагматичной исторіей... К. Тифтрукъ въ своей дѣльной книгѣ „*Historie české literatury*“ (3-е изд. 1885 г. Прага) попытался одолѣть предметъ при помощи изложенія только важнѣйшихъ явленій и направленій исторіи чешской литературы, не пускаясь въ подробности, но и онъ, даже при столь скромной сравнительной задачѣ, изнемогъ подъ бременемъ огромной массы давившаго его литературнаго матеріала и по новѣйшему періоду далъ лишь въ сущности рядъ цифръ и именъ...

Фр. Бачковскій въ своихъ „Zevrubné dějiny písemnictví českého doby pové 1886 г. (933 стр.) еле успѣлъ кое-какъ добраться до 1848 г., и его трудъ, почтенный во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ однакоже вслѣдствіе своей недоконченности весьма малое значеніе, напоминая какое то недодѣланное безногое изваяніе. Наконецъ книга г. Ярослава-Влчка „Dejiny české literatury“ (начала выходить съ 1893 г. въ Прагѣ; въ 1902 г. вышелъ тринадцатый выпускъ) и доселѣ остается незаконченной и со многими не заполненными пробѣлами, на примѣръ, пропущенъ пока весь XVI в., и какая постигнетъ ее дальнѣйшая судьба, трудно сказать. Авторъ встрѣтившись на пути своего труда съ крайне неразработанными сторонами дѣла, вынужденъ былъ самъ взяться за разныя монографіи...

Такимъ образомъ г. Флайшгансу, прекрасно видѣвшему и недостатки трудовъ, предпринятыхъ его предшественниками, и роковую невозможность для нихъ болѣе счастливаго исхода, оставалось одно, если онъ хотѣлъ дать своимъ читателямъ болѣе или менѣе цѣльный, доведенный до самаго послѣдняго времени, обзоръ всего важнѣйшаго, сдѣланнаго въ области чешской литературы на протяженіи вѣковъ: дать исторію чешской книги въ снимкахъ и въ образахъ важнѣйшихъ авторовъ, приведши главнѣйшія о нихъ біографическія черты и характерныя мѣста и отрывки изъ сочиненій, охвативши все это возможно болѣе короткимъ общимъ очеркомъ историко-литературнаго развитія и важнѣйшихъ, вліявшихъ на ходъ литературы, историческихъ событій. Такимъ образомъ авторъ, не имѣя въ виду дать читателю связную прагматичную книгу исторіи чешской литературы, удачно сумѣлъ выполнить другую задачу: дать о всѣхъ главнѣйшихъ чешскихъ писателяхъ и ихъ твореніяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и оканчивая послѣдними годами девятнадцатаго столѣтія, важнѣйшія историко-литературныя и біографическія свѣдѣнія, иллюстрируя ихъ возможно большимъ количествомъ удачно подобранныхъ наиболѣе характерныхъ снимковъ и портретовъ, а также мѣстъ изъ самихъ произведеній литературы. Конечно, при такомъ способѣ изложенія въ книгѣ приведены болѣе или менѣе подробно лишь главнѣйшіе дѣятели, прочіе же совсѣмъ не названы или лишь упомянуты, но авторъ, вѣдь, и не имѣлъ въ виду давать „исторію чешской литературы“, и его нужно судить съ точки зрѣнія имъ самимъ поставленныхъ себѣ задачъ. Въ этомъ отношеніи книга его, какъ уже сказано, мнѣ кажется, составлена удачно и вполне цѣлесообразно.

Обратимся къ подробностямъ, чтобы указать нѣкоторые пункты нашего несогласія съ авторомъ или отмѣтить болѣе слабыя части труда или просто его особенности.

Говоря на страницахъ 9—11 о чехизмахъ и моравизмахъ въ старославянскихъ книгахъ, какъ послѣдствіи литературной дѣятельности святыхъ славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія на чехо-моравской почвѣ, авторъ не указываетъ, однако, ни одного примѣра такихъ чехизмовъ, что, между тѣмъ, было бы далеко неизлишне и для читателей очень поучительно, такъ какъ удовлетворяло бы и требованіямъ большей доказательности сужденій и живости, наглядности изложенія.

Въ статьѣ акад. А. И. Соболевскаго въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, за 1900 г., (кн. I—II, стр. 150—218) собранъ довольно обильный и любопытный матеріалъ по этому вопросу. Правда, присутствіе въ древнеславянскихъ переводахъ книгъ свя-

ценнаго писанія значительнаго количества западнославянскихъ, въ частности чехо-моравскихъ словъ и выражений и разныхъ фонетическихъ особенностей давно уже было извѣстно ученымъ, но, кажется, г. Соболевскій первый рѣшился заняться этимъ вопросомъ съ болѣе строгой фактической основательностью и опредѣлить болѣе или менѣе точно наличность западнославянскихъ языковыхъ стихій въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ священныхъ книгъ; его работа, правда, — лишь попытка, но попытка, прочищающая путь новымъ изслѣдователямъ и въ этомъ отношеніи имѣющая, на нашъ взглядъ, важное значеніе. Привести нѣсколько данныхъ изъ нея автору разбираемой книги очень не мѣшало бы. Кстати изъ пропусковъ въ статьѣ г. Соболевскаго укажемъ слѣдующіе: стѣнь — *umbra*; несомнѣнно чехизмъ, срв. современное чешское *stiň*. Сквърна — *macula, sordes*; срв. чешск. *skvrna*. Паки — *gursus, sicque*. не можетъ ли это слово быть приведено къ современному чешскому *pak*. —? Нынѣ — *modo*. Это слово и теперь еще употребительно въ чешскомъ народномъ языкѣ (*пупі*), гдѣ оно, конечно, исконнаго происхожденія, а не заимствовано, какъ въ русскомъ, и др. Среди прекрасно сдѣланныхъ снимковъ, напримѣръ, глоссованной псалтыри XIII в., хранящейся въ Пражскомъ музеѣ Чешскаго королевства, пѣсни о Божьемъ тѣлѣ XIII в., принадлежащей пражской университетской библіотекѣ, постиллы Петра Хельчицкаго, Подѣбрадской псалтыри, хранящейся въ Дрезденѣ, съ превосходнымъ заставочнымъ цвѣтнымъ рисункомъ на золотомъ полѣ (снимки эти вполне передаютъ всю внѣшность снятыхъ листовъ отъ формата и величины до окраски буквъ), находимъ и снимокъ съ знаменитой Краледворской рукописи, которую авторъ, убѣжденный защитникъ, счелъ возможнымъ ввести въ свое изложеніе (37—45 стран.), оставивши совершенно въ сторонѣ — и справедливо — Зеленогорскую рукопись. Можетъ-быть, было бы осторожнѣе перенести это изложеніе съ древняго времени въ XIX вѣкъ, когда произошло нѣсколько необычное открытіе памятника... но во всякомъ случаѣ врядъ ли можно упрекать автора за сдѣланное, въ виду того, что вопросъ о подлинности или поддѣлкѣ названнаго памятника далеко еще не рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону, и если защитники его по словамъ А. Н. Пыпина, находятся не въ особенно завидномъ положеніи, то врядъ ли лучше себя чувствуютъ и противники... Въ самомъ дѣлѣ достаточно вкратцѣ прослѣдить новѣйшую исторію спора, начиная съ 1885—6 гг., чтобы имѣть право сдѣлать вышеуказанное утвержденіе безъ особенныхъ натяжекъ¹⁾. Предложимъ вкратцѣ важнѣйшія данныя этого новѣйшаго спора, чтобы нагляднѣе показать читателю, въ какой мѣрѣ г. Флайшгансъ былъ вправѣ распорядиться съ Краледворскою рукописью именно такъ, какъ онъ это сдѣлалъ, т.-е. ввести ее въ свое изложеніе, не взирая на обильную возраженіями литературу ея противниковъ... Справедливость требуетъ признать, что Флайшгансъ съ большимъ безпристрастіемъ изложилъ вкратцѣ ходъ и сущность споровъ о подлинности Краледворской рукописи (42—45 стран.): его спокойное изложеніе чрезвычайно правдиво и близко къ истинѣ; въ немъ очень искусно указаны и сильныя и слабыя стороны въ доводахъ обѣихъ спорящихъ сторонъ...

¹⁾ Обзорнѣе вопроса до 1880 г. см. въ книгѣ А. Стороженко „Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской рукописи. Киевъ 1880 г.“

Въ 11-й книжкѣ (ноябрь) временника „Osvěta“, за 1885 г., появилась небольшая, но знаменательная статья извѣстнаго защитника Краледворской рукописи Март. Гатталы, озаглавленная слѣдующимъ образомъ „O národním smýšlení (образъ мыслей со- знаніи) Kralovédvorských epiků. Ukazka obrany rukopisu Kralovédvorského“. Эта статья вмѣстѣ съ замѣтками того же ученаго, появившимися на столбцахъ извѣстнаго политическаго органа младочеховъ „Národní listy“ (1885 г., № 357—358 и 1886 г., № 3 и 16), вызвала въ журн. „Atheneum“ возраженія со стороны г. Гебауэра, прежде защищавшаго противъ г. Вашка и др. подлинность указанной рукописи, что и было сигналомъ возгорѣвшагося яраго спора. Въ дѣло вмѣшались редакторъ Atheneum'a проф. философіи Масарикъ съ одной стороны и г. І. Калоусекъ (въ „Osvětě“) съ другой. Взаимному раздраженію особенно способствовало самомнѣніе г. Масарика, который, не будучи филологомъ, взялъ на себя, такъ сказать, окончательное рѣшеніе вопроса, выражая свои мнѣнія въ тонѣ, не допускавшемъ возраженій. Особенное негодованіе произведено было въ чешскомъ обществѣ, до тѣхъ поръ державшемся какъ бы въ стонѣ, его неумѣстнымъ и преждевременнымъ помѣщеніемъ въ извѣстной энциклопедіи Эрша и Грубера статьи, гдѣ Краледворская рукопись съ нѣскольکو странною и подозрительною поспѣшностью была объявлена памятникомъ подложнымъ, не выдерживающимъ-де самой снисходительной критики... и служащимъ лишь для цѣлей кваснаго патріотизма и мороченія публики. Мнѣніе это было высказано опять-таки въ формѣ очень рѣзкой и самоувѣренной, доказательствъ же сколько-нибудь цѣнныхъ представлено не было. Этотъ поступокъ г. Масарика представился чехамъ прямо-таки предательскимъ и возбудилъ цѣлую бурю негодованія, но зато способствовалъ не только увеличенію голословныхъ протестовъ, но и появленію множества всякаго рода книгъ и статей, болѣе или менѣе дѣльныхъ, за рукопись. Въ дѣло вмѣшались и простые смертные — не филологи (напримѣръ, извѣстный публицистъ Юлій Грегръ, г. Ольдрихъ Сикора и др.), затѣмъ присоединились и болѣе или менѣе ученые люди, напримѣръ г. Янъ Черный, секретарь Чешскаго музея, г. Вѣртятко, бібліотекаръ его, г. Оома Планскій, гимназическій профессоръ въ г. Рыхновѣ — за рукопись, а извѣстный г. Ягичъ — противъ. Споръ охватилъ скоро не только всю Чехію, но и вышелъ за ея предѣлы и въ извѣстной мѣрѣ отразился даже у насъ на Руси.. (Статья В. И. Ламанскаго въ Ж. М. Н. П.)

Основная мысль вышеупомянутой статьи г. Гатталы, явившагося какъ бы застрѣльщикомъ спора въ восьмидесятыхъ годахъ, состоитъ въ томъ, что, вопреки мнѣнію противниковъ заподозрѣнныхъ памятниковъ объ одиночномъ положеніи въ старочешской литературѣ тѣхъ заявленій національно-патріотической чешской исключительности и вражды къ нѣмцамъ, какія находятся въ этихъ памятникахъ, эти заявленія въ общемъ въ сущности гораздо слабѣе тѣхъ, какія находятся во многихъ другихъ произведеніяхъ древней и старинной чешской словесности; такимъ образомъ, неосмотрительно и рискованно со стороны противниковъ Краледворской рукописи настаивать на одиночности и исключительности ея противонѣмецкихъ выходовъ, разъ подобныя же или еще болѣе сильныя находимъ, наприм., хотя бы въ извѣстной стихотворной чешской хроникѣ Далимила или въ легендахъ о св. Прокопѣ и Ансельмѣ, что отмѣчено уже и такимъ противникомъ Краледворской рукописи, какъ Фейфаликъ (Ueber die Königinhofer

Handschrift (Wien 1860); еще болѣе: „Studien zur Geschichte der Altböhmischen Literatur“ въ Sitzungsberichte der philosophisch-hist. Classe der k. Akademie der Wissenschaften 30—13. Вѣна 1859, стран. 419—420).

Кромѣ того, по мнѣнію Гатталы, и вообще эпическія пѣсни Краледворской рукописи согласны или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ главному содержанію и характеру чешской исторіи (т.-е. борьбѣ съ нѣмцами), и особенно энергично спорить онъ съ Пыпинимъ, одну изъ основныхъ мыслей котораго онъ даже цѣликомъ выписываетъ для удобства полемики. („Если даже и не предрѣшать теперь окончательно вопроса о произведеніяхъ, какъ Любушинъ судъ, Краледворская рукопись, глоссы Mater Verborum и т. д., то можетъ показаться страннымъ, исторически нелогичнымъ, что другіе памятники чешской старины не представляютъ или ничего или мало похожего на то рѣзкое національно-патріотическое направленіе, которое замѣчается въ заподозрѣнныхъ памятникахъ... См. Исторію Славянскихъ литературъ, т. II, 820—821 страницы).

Мысли Гатталы и его доказательства кажутся намъ въ общемъ дѣльными и убѣдительными, такъ что тотъ упрекъ противниковъ Краледворской рукописи, противъ котораго онъ борется, долженъ, кажется, считаться отнынѣ неосновательнымъ...

Тотъ же Гаттала выступилъ со вторымъ „образцомъ обороны“ Краледворской рукописи уже въ ежедневномъ изданіи „Národní Listy“ (№№ 357, 358 за 1885 г. и №№ 3, 6, 16 за 1886 г.). Эту статью онъ начинаетъ съ утвержденія, что этотъ памятникъ былъ написанъ между 1325 и 1350 г., отсылая читателей къ доказательствамъ, приведеннымъ въ вышеозначенной его статьѣ въ ежемѣсячникѣ „Osvěta“ („первый образчикъ обороны“, предпринятой Гатталою). Въ этомъ второмъ образчикѣ обороны ученый авторъ особенно горячо спорить съ г. В. Котсмихомъ, авторомъ любопытной статьи о старочешской ритмикѣ (X. Programm s. k. vyššího gymnasia slovanského v Olomouci 1879 г.) и съ г. Гебауэромъ, котораго Гаттала именуетъ „помощникомъ“ Котсмиха. Котсмихъ довольно успѣшно осмѣивается Гатталою за свои странныя требованія отъ заподозрѣнныхъ памятниковъ: „Краледворскую и Зеленогорскую рукописи онъ считаетъ подложными именно за несогласіе ихъ поэтического размѣра и метрики съ законами нынѣшняго чешскаго ударенія, какъ будто бы не въ порядкѣ вещей, не естественно, что это послѣднее съ теченіемъ времени могло измѣниться и нынѣ уже отличаться отъ древнечешскаго во многихъ случаяхъ! И дѣйствительно, теперь уже можно считать доказаннымъ существованіе у древнихъ чеховъ ударенія не только на начальномъ слогѣ, но и на послѣднемъ, какъ это часто бываетъ въ русскомъ языкѣ (ничего ничему—древнечешскіе пісехо, пісехуо, пісеху, пісеху, пісеху, пісеху). См. „O staročeském sklonění zaimennem“.

Въ лингвистическомъ отношеніи Гаттала борется здѣсь хотя и не всегда удачно противъ Миклошича, Гебауэра, Ягича, Вашка и нѣкот. др., противъ которыхъ выдвигаетъ, какъ истину, то утвержденіе, въ силу котораго, чѣмъ старѣе письменный поэтической памятникъ, тѣмъ рѣзче и разительнѣе его архаизмы, отличающіе его отъ обычной чешской прозы XVIII—XIX вв.; слѣдовательно, нечего смущаться и тѣми

часто неожиданными, рѣзкими, иногда даже одинокими архаическими словами и обликами, какіе находятся въ Краледворской рукописи и такъ смущаютъ ея противниковъ (напримѣръ, такіе облики въ пѣснѣ Краледворской рукописи „Забой“: chceši, ríješi вм. chceš, ríješ, (эти древніе облики самъ Миклошичъ иногда называлъ только рѣдкими, selten, не придавая имъ худшаго значенія (см. его „Vergl. Gramm. der slav. sprachen“ III 1856 г. Вѣна стран. 407, а во 2-мъ изданіи 1876 г. стран. 371, 374). Замѣтку г. Вьртятка въ 175 № „Narodnich Listů“ можно разсматривать какъ бы дополненіе къ ст. г. Гатталы. Между прочимъ Г. Вьртятко приводитъ изъ древнечешскаго памятника XIV вѣка „Sedm radosti sv Maří слово „usilný“, на которое особенно ревностно ополчился г. Гебауэръ въ Atheneum'ѣ VIII—IX стран. 386 (см. пѣсню Краледворской рукописи „Забой“, гдѣ употреблено это слово). Замѣтка г. Вьртятка, написанная съ достоинствомъ, въ тонѣ очень спокойномъ, значительно подчеркнула шаткость метода г. Гебауэра...

Въ февральской книгѣ чешскаго „Atheneum“, и какъ бы въ отвѣтъ на статьи Гатталы, появились одновременно двѣ работы: I. Гебауэра „Potreba dalších zkoušek rukopisu Kralovédorského a Zelenohorského“ и письмо самого редактора Т. Масарика (List redaktora Athenaeae prof. Г. Х. Masaryka) къ автору предыдущей работы, Гебауэру. Обѣ статьи представляются безпристрастному читателю малоубѣдительными уже по той неопредѣленности и неувѣренности, какая сквозитъ во всемъ тонѣ обоихъ авторовъ. Филологъ Гебауэръ, напримѣръ, самъ заявляетъ, что со стороны только филологической нельзя вести споръ о поддѣльности или неподдѣльности спорныхъ рукописей, да и вообще признаетъ въ этомъ отношеніи недостаточность современныхъ языковѣдныхъ знаній для правильнаго рѣшенія вопроса¹⁾. Между тѣмъ Масарикъ съ сомнѣніемъ относится къ возможности рѣшить вопросъ при помощи эстетическихъ изысканій или историческихъ изслѣдованій или, наконецъ, химическаго испытанія; по его мнѣнію больше всего слѣдуетъ ожидать отъ грамматики древнечешскаго языка... Кромѣ того статья г. Масарика, кромѣ противорѣчія статьѣ Гебауэра, полна и своихъ внутреннихъ противорѣчій и хотя для выводовъ не придаетъ никакого значенія эстетическому разбору спорныхъ памятниковъ, сама однако занимается именно такимъ разборомъ, иногда весьма любопытнымъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ²⁾. Эта сторона работы г. Масарика вызвала не мало замѣчаній со стороны его критиковъ, напримѣръ, злой разборъ г. Томы Планскаго, гимназическаго преподавателя въ Рыхновѣ (Jak univ. prof. Masaryk rozebírá a trhá lirické básně Rukopisu kralovédvorského. Napsal Tomáš Plánský gymn. prof. v Rychnově. Рыхновъ 1886 г. 1—16 стран.), книжку г. Ольдриха Сейкоры (Ad Ruk. Kr. dvorský. Прага 1886 г. 1—87 стран. и др.).

¹⁾ Тѣмъ страннѣе и, можно даже сказать, тѣмъ непонятнѣе помѣщеніе гг. Гебауэромъ и Масарикомъ въ извѣстной нѣмецкой энциклопедіи Эрша и Грубера 1885 г. статьи, гдѣ спорныя рукописи прямо объявлены подложными, и авторы взяли такимъ образомъ на себя самовольно безповоротное рѣшеніе о судьбѣ памятниковъ, хотя въ статьяхъ, писанныхъ по-чешски, еще и далеки отъ такого безповоротнаго рѣшенія!... Объ этомъ, впрочемъ, было уже нами упомянуто выше.

²⁾ По мнѣнію г. Масарика, пѣсня „Kytice“ — наипрекраснѣйшая вещь во всей рукописи. Впрочемъ и этой пѣснѣ немало достается отъ автора; о прочихъ и говорить нечего.

Г. Сейкора взялся писать книжку въ защиту заподозрѣннаго памятника, не будучи къ тому призванъ, на томъ основаніи, что, по заявленію самаго г. Масарика въ названной его статьѣ, простой человекъ изъ народа кое въ чемъ иногда можетъ оказаться разумнѣе самого знаменитаго ученаго и знатока.

Книжка г. Сейкоры, „Ad Ruk. Kr. dvorský“ Прага 1886 г. 87 стран., состоитъ изъ V главъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что составитель ея, не будучи специалистомъ, все же довольно начитанъ въ литературѣ (по крайней мѣрѣ, самоновѣйшей) заподозрѣнныхъ рукописей. Она, конечно, не представляетъ собою какого либо выдающагося явленія, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно любопытна и заслуживаетъ краткаго упоминанія уже хотя бы за необычайный полемическій жаръ и задоръ автора. Такъ, споря въ III главѣ о томъ, что стоитъ въ Краледворской рукописи: *bedrost'* или *bodrost'*, онъ, по примѣру г. Масарика (см. *Athenaeum* 1886 г. за май, июнь) и самъ приводитъ въ увеличенномъ размѣрѣ снимки съ трехъ первыхъ буквъ этого слова, сиюсь доказать, что неясность въ изображеніи гласной буквы (т.-е. было ли о или е) произошла по винѣ самого древняго писца рукописи, а не вслѣдствіе работы поддѣлывателя, каковымъ Масарикъ, Гебауэръ и другіе признаютъ Вяч. Ганку. Этому вопросу составитель книжки посвятилъ цѣлыхъ 8 страницъ, зная, что на немъ основываютъ свои соображенія о поддѣльности рукописи противники ея. Исключительно противъ мнѣній г. В. Ягича направлень третій образчикъ обороны Краледворской рукописи, предпринятой Гатталой. (*Jagič urputněji* (упрямѣ) *nevraži* (враждуетъ) *na Rukopis kralovédvorský než Feifalik, dovoláváje se i filologických zázraků* (чудесь) *proti němu*. См. газ. „*Pokrok*“ 1886 г. №№ 52, 54, 55) и за тѣмъ его же статья, напечатанная въ пражской нѣмецкой газетѣ „*Politik*“ 1886 г. №№ 213, 214, 218, 222, 225, 232, 237, 239, 249, 256. *Gegen den neuesten Angriff des Herrn Prof. W. Jagič auf die Königihofer Handschrift*. Зло смѣется онъ надъ Ягичемъ, отстаивающимъ чуть ли не тождественность старой чешской народной поэзіи съ нынѣшней и потому не признающимъ подлинности пѣсенъ Краледворской рукописи, очень ужъ отличающихся отъ современной чешской народной поэзіи (*Gradja za slovinsku narodnu poeziju*. См. *Kad jugoslavenske akademije znanosti i umetnosti* кн. 37. Загребъ. 1876 стран. 39, 40). Такое отсутствіе эволюціи, развитія въ народной поэзіи, допускаемое Ягичемъ, Гаттала называетъ „чудомъ“ и, ловя своего противника на разныхъ противорѣчіяхъ, ссылаясь на Палацкаго и др. приходитъ къ тому заключенію, что отсутствіе рѣзны, являющееся для Ягича, а прежде для Фейфалика и нѣк. др. однимъ изъ доказательствъ неподлинности Краледворской рукописи, не даетъ еще права выбрасывать ее изъ исторіи чешской литературы. Статья г. Гатталы въ „*Покрокѣ*“ при всей ея общей дѣльности производитъ на читателя однако же неприятное впечатлѣніе жалкими выходками по адресу предсмертной болѣзни Фейфалика: (какъ извѣстно Фейфаликъ, одаренный отъ природы чрезвычайными способностями, умеръ въ 1862 г. отъ чахотки на 29 году своей жизни, представивъ за мѣсяць до смерти въ Вѣнскую академію наукъ разсужденіе „*Altčechische Leiche, Leider und Sprüche des XIX und XX Jahrhunderts, Sitzungsberiche der philosophisch-hist. Classe der k. Akademie der Wissenschaft.* en, 39 В. Вѣна 1862) по мнѣнію Гатталы

эта предсмертная болѣзнь была будто бы причиною слабости, на его взглядъ, вышеупомянутаго Фейфаликова разсужденія...

Секретарь музея Чешскаго королевства Г. М. Черный выступилъ тоже на защиту заподозрѣнныхъ памятниковъ въ 1886 г. съ разными статьями и брошюрами (см. на примѣръ, *Legenda o sv. Kateřině „Rukopisové“ Kralovédvorský a Zelenohorský* Прага 1886 г. 1—24 стран. Кромѣ того „*Narodni Listy*“ 1886 г. №№ 112, 113). Мнѣнія г. Чернаго сводятся къ тому, что противники заподозрѣнныхъ рукописей слишкомъ поспѣшили съ заключеніемъ о ихъ поддѣльности на томъ основаніи, что въ нихъ встрѣчается не мало словъ и обличковъ, не встрѣчаемыхъ въ другихъ близкихъ по времени извѣстныхъ до нынѣ памятникахъ, слѣдовательно, будто бы чуждыхъ старинному чешскому языку и его якобы нормальной грамматикѣ. Онъ именно приводитъ цѣлый рядъ такихъ словъ и обличковъ, отступающихъ отъ „нормальной“ старочешской грамматики и будто бы чуждыхъ старочешскому языку но, въ тоже время отысканныхъ имъ въ извѣстной легендѣ о св. Катеринѣ, рукопись которой была открыта только въ 1850 г. въ Стокгольмскомъ королевскомъ книгохранилищѣ г. Печиркою и слѣдовательно не могла быть извѣстна поддѣльвателю заподозрѣнныхъ памятниковъ, который, такимъ образомъ, долженъ былъ обладать кромѣ всего прочаго еще и даромъ предвидѣнія въ будущемъ (Рукопись легенды о св. Катерины была издана въ Прагѣ 1860 года гг. Печиркою и архивариусомъ К. І. Эрбеномъ). Масарикъ въ своемъ „Атенеѣ“ составилъ списокъ словъ, выбранныхъ имъ изъ заподозрѣнныхъ рукописей и, по его мнѣнію, новаго происхожденія: или же югославянскаго или даже новосочиненныхъ поддѣльщикомъ. Изъ этого списка большинство словъ оказались, по изслѣдованію г. Чернаго, или въ легендѣ о св. Катеринѣ или въ извѣстной старинной грамматикѣ Благослава или даже въ Виттенбергскомъ псалтырѣ, изданномъ въ 1880 г. сотрудникомъ и соратникомъ Масарика Гебауэромъ, отнесшимъ этотъ псалтырь „къ очень старому времени,“ во всякомъ случаѣ не старѣе XIII в. Таковы облики и слова: *Sětu* (см. *proč*), *vzchod*, *skoro* (см. *brzy*), *vesna* (см. *jařo*) и т. д.

Въ томъ же 1886 году выступилъ еще одинъ защитникъ заподозрѣнныхъ памятниковъ докторъ Юлій Грегръ. Его книжка „*Na obranu rukopisů Kralovédvorského a Zelenohorského*“ 146 стран. очень скоро потребовала втораго изданія. (Мы пользовались этимъ вторымъ изданіемъ, снабженнымъ 4-мя фототипическими снимками: Любушина суда, Любушина пророчества, Краледворской рукописи и „Пѣсни на Вышеградъ“). Книжка состоитъ изъ XXVIII главъ и написана съ увлеченіемъ, а иногда и съ знаніемъ дѣла, и въ полемическомъ отношеніи вообще очень удачно. Направлена она главнѣйше противъ гг. Масарика и Гебауэра и служить хорошею, такъ сказать, союзницею филологической статьи г. Калуска въ Волчковомъ ежемѣсячникѣ „*Osvěta*“ за 1886 годъ „*O potřebě dalších zkoušek rukopisů K. D. и Z. H.* (О необходимости дальнѣйшихъ изслѣдованій рукописей Краледворской и Зеленогорской), гдѣ основательно съ точки зрѣнія языковѣдной доказано, что Ганка не могъ поддѣлать спорныхъ рукописей, такъ какъ между Ганковыми поэтическими произведеніями и вообще его теоріею старочешскаго языка съ одной стороны, а рукописями Краледворскаго и Зеленогорскаго съ другой наблюдается явное разногласіе. Разсматривать

подробно книжку г. Грегра мы не будемъ, такъ какъ она въ научный споръ не внесла, можно сказать, ничего новаго. Считаемо нужнымъ все-таки отмѣтить полемическую ловкость автора, его изрядное искусство и умѣнье лавить противниковъ на противорѣчяхъ, пропускахъ и недостаткѣ начитанности въ литературѣ предмета или вниманія къ тѣмъ или другимъ явленіямъ ея, наконецъ, даже иногда на научной недобросовѣстности ихъ... Укажемъ къ примѣру на слѣдующій образчикъ его полемики. Еще въ 1879 г. извѣстный архивариусъ въ Брнѣ Брандль въ своемъ трудѣ „*Obrana Libušina Soudu*“ доказалъ (стр. 153) существованіе у нѣмцевъ, и именно у баварцевъ, задолго еще до XIV вѣка права первородства (*daz der altest brueder solde hân' sins vater danzen erbeteil*“ въ „*Парцивалѣ*“ Вольфрама изъ Эшенбаха), а между тѣмъ Гебауэръ чрезъ семь лѣтъ послѣ этого все еще продолжаетъ твердить, что сочинитель Любушина суда находится въ противорѣчій съ исторіей, такъ какъ, де, право первородства у нѣмцевъ лишь въ XIV столѣтіи начало господствовать. При этомъ Гебауэръ ссылается на лекцію Шафарика 1859 года 19 просінце (декабря), въ которой однако же знаменитый славяновѣдъ выражалъ только общее господствовавшее въ эту пору сомнѣніе въ существованіи у нѣмцевъ въ древности права первородства, хотя съ другой стороны и заявилъ, что вопросъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій и что существуютъ неоспоримые слѣды этого права даже въ древнее время по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ вѣтвей германскаго племени (*jsou nezaporné sledy práva prvorozenství v oné staré době aspoň u některych větví germanského kmenu*). Между тѣмъ Гебауэръ, ссылаясь въ своей статьѣ (*Athenaeum* 1886 г.) на Шафарика, умалчиваетъ объ этой послѣдней его фразѣ и тѣмъ, несомнѣнно, нарушаетъ правила научной добросовѣстности...

За приложенные къ книжкѣ г. Грегра снимки (2 изъ нихъ съ несомнѣнно поддѣльныхъ памятниковъ), можно только благодарить его, такъ какъ этимъ дается каждому возможность самому сравнить ихъ между собою и составить себѣ то или другое самостоятельное мнѣніе по вопросу о подлинности заподозрѣнныхъ рукописей. Снимки сдѣланы на столько хорошо, что вполне могутъ доставить читателямъ эту возможность, тѣмъ болѣе что книжка г. Грегра явилась въ свѣтъ уже послѣ того, какъ комиссія, призванная для химическаго изслѣдованія пергамента и чернилъ Краледворской рукописи, подтвердила подлинность въ этомъ отношеніи этого весьма цѣннаго памятника древней чешской культуры. Одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей этой комиссіи профессоръ Пражскаго чешскаго политехникума Бѣлогубекъ (его сотрудникомъ былъ другой профессоръ того же заведенія Шафарикъ) прочелъ даже въ Прагѣ 24 марта 1887 г. публичную лекцію о произведенномъ имъ химическомъ изслѣдованіи пергамента, чернилъ и красокъ Краледворской рукописи, чтобы убѣдить и самую широкую публику въ подлинности рукописи. (См. между прочимъ брошюру г. В. Петра „*Къ вопросу о подлинности Краледворской рукописи*“ Кіевъ 1887 г., а также „*Славянскія Извѣстія*“ 1889 г. С.-б. №№ 17 и 20).

Отъ времени до времени споръ получалъ, кромѣ чисто филологическаго или эстетическаго направленія, еще и чисто палеографическое и даже, такъ сказать, мелочно-инквизиторское: стали разсматривать два обрѣзанные листа Краледворской

рукописи, и гг. Гебауэръ и Масарикъ нашли, что листы эти были прежде обрѣзаны, а затѣмъ уже употреблены для письма, при чемъ все это поддѣльщикъ сдѣлалъ крайне неискусно (Athenaum ročn. IV, V, а также отдѣльная статья Масарыка „Proučení o radělaných Rukopisech Kralovedvorském a Zelenohorském. Pro širší kruhy intelligence české. Прага 1888¹⁾). Въ отвѣтъ на это Игнатій Машекъ составилъ статью „O čem svědčí proužky Rukopisu Kralovédvorského (О чемъ свидѣтельствуютъ обрѣзки Краледворской рукописи). Časop. Mus. Kral. Česk. 1889 г. вып. 63), снабдилъ её снимками обоихъ обрѣзковъ и 16-ой страницы, гдѣ довольно удачно опровергъ всѣ подозрѣнія и сомнѣнія гг. Масарика и Гебауэра и разрѣшилъ нѣсколько ихъ недоразумѣній напр., по поводу слова liuhem или linhem, что является, по мнѣнію Машка, древне-нѣмецкимъ собственнымъ именемъ Lingo, какъ есть подобное же имя Oldga въ той же Краледворской рукописи.

Равнымъ образомъ доказана и несоотвѣтственность мнѣнія Масарика, нераздѣляемаго, впрочемъ, Гебауэромъ, что строки обрѣзковъ не сходятся съ соотвѣтствующими строками цѣлыхъ листовъ; приложенные къ статьѣ Машка снимки убѣждаютъ въ справедливости именно его мнѣнія, а не противника.

Въ самый разгаръ спора въ 1888 г. редакция ежедневной газеты „Hlas Národu“ сдѣлала, такъ сказать, опросъ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся ученыхъ старшаго поколѣнія, кои знали лично тѣхъ дѣятелей, которые такъ или иначе были причастны открытію заподозрѣнныхъ памятниковъ и первоначальному изслѣдованію и изученію ихъ“. Въ газетѣ были сообщены мнѣнія слѣдующихъ лицъ: Фр. Лад. Ригра, Антон. Рыбички-Скутечкаго, В. Томка, Ал. Православа, Трояна, Я. Крейчаго, Іос. Иречка, Март. Гатталы, Іос. Эмлера, Іос. Калоуска, Юлія Вратислава Ягна и Адольфа Патеры; мнѣнія всѣхъ этихъ лицъ оказались вполне благопріятными заподозрѣннымъ рукописямъ. Вотъ нѣкоторыя болѣе примѣчательныя изъ этихъ мнѣній: А. Патера „болѣе 20 лѣтъ занимается латинскими и чешскими рукописями и часто могъ тщательно изучать и Краледворскую рукопись, но никогда не встрѣтился ни съ чѣмъ, что могло бы въ немъ возбудить какое-либо сомнѣніе въ подлинности этого старочешскаго памятника. Что касается буквъ, то совершенно такія же находимъ и во многихъ латинскихъ рукописяхъ первой половины XIV в. пражской университетской и капитульной библиотекъ; а что касается нѣкоторыхъ сокращеній, противъ которыхъ были возраженія со стороны чужеземныхъ противниковъ Краледворской рукописи, то это обстоятельство объясняется въ сущности малымъ ихъ знакомствомъ съ чешскими рукописями и ихъ особенностями...“ Ректоръ пражскаго чешскаго университета В. Томекъ „удивляется тому, что еще теперь могъ возникнуть споръ о подлинности Краледворской рукописи. Вѣдь съ точки зрѣнія палеографіи знатоки, и между ними нѣмецкій ученый Пертцъ, голосъ котораго имѣетъ особенное значеніе, давно уже рѣшили подлинность этого памятника, относимаго или къ началу XIV или концу XIII вѣка, что въ сущности безразлично.“

¹⁾ Мысли Гебауэра о поддѣльности Краледворской рукописи на основаніи ея обрѣзковъ, явились сначала на нѣмецкомъ языкѣ (Ягичевъ Archiv für Slav. Ph. 1887 г. X), а затѣмъ на чешскомъ „Proužky Rukopisu Kralovédvorského důkazem jeho nepravosti“ 1888 г.

Споръ все еще продолжается, и до конца его, повидимому, еще далеко. Изъ статей самаго послѣдняго времени отмѣтимъ три, появившіяся въ 1893 г. на страницахъ „Часописа муз. чешскаго королевства“: *Prispevky k obraně R. K.—ého* Игн. Машка и „*Dva důvody pro odsouzení Rukopisu Kralovédverského*“ Гебауэра и „*Paměť Přebyslavská XV v. a rukopis Kralodvorský*“ Игн. Машка. Оба эти ученые, прежде столь согласные, продолжаютъ держаться совершенно противоположныхъ воззрѣній иногда на одни и тѣ же явленія и рѣшительно отрицаютъ значеніе доводовъ каждаго изъ нихъ, и мнѣнія ихъ иногда отличаются слишкомъ высокомѣрнымъ и непререкаемымъ тономъ (особ. слѣдуетъ это сказать о г. Гебауэрѣ). Прибыславская записка была издана еще въ 1890 г. въ Волчковой „*Osvětě*“, кн. I, и въ томъ же году г. Гебауэръ въ Масариковомъ *Athenem* высказался о ней въ совершенно пренебрежительномъ тонѣ (*neobsahuje ni čeho, co by se na vysvětlení a odhacení R. K.—ého hodilo*). Машекъ напротивъ о записи очень высокаго мнѣнія, такъ какъ въ ней имѣются слова, встрѣчающіяся въ Краледворской рукописи и почитаемыя нѣкоторыми, въ качествѣ одинокихъ въ древней чешской словесности, поддѣльными или, по крайней мѣрѣ, состоящими подъ подозрѣніемъ. Таковы напримѣръ: *Česmier, silno, vojvoda*.

Въ LXX томѣ (выпускъ 2-й) временника „*Časopis českého Museum*“ (1896 г.) вышла статья пражскаго гимназическаго профессора В. Флайшганса „*Voj o Rukopisy*“, 195—282 стран. Флайшгансъ, ученикъ I. Гебауэра и доселѣшній противникъ подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, неожиданно вдругъ заявилъ (213 стран.), что доселѣ приводимыя филологическія доказательства поддѣльности Краледворской рукописи далеко еще недостаточны, и необходимы новыя изслѣдованія; и данная и всѣ другія его работы отличаются такою содержательностію и силою, что побѣдные возгласы противниковъ Краледворской рукописи въ томъ духѣ, будто вопросъ уже совершенно поконченъ, оказываются по меньшей мѣрѣ пустымъ самохвальствомъ и во всякомъ случаѣ преждевременными, и противникамъ этимъ, даже наиболѣе сильнымъ, придется очень и очень призадуматься (рукопись Зеленогорскую Флайшгансъ, основываясь впрочемъ на авторитетѣ Добровскаго, признаетъ безусловно поддѣльною). Филологъ этотъ съ чрезвычайною основательностію разбираетъ одинъ за другимъ всѣ важнѣшіе доводы Гебауэра, изложенные въ двухъ его наиболѣе извѣстныхъ работахъ „*Unechtheit...*“ и „*Poučení...*“ Любопытнѣе всего то обстоятельство, что онъ побиваетъ Гебауэра его же собственными работами, напримѣръ, извѣстнымъ трудомъ „*Historická mluvnice*“, доставившимъ ему очень много надлежащаго матеріала. Въ тѣхъ защитахъ Краледворской рукописи, какія вышли въ свѣтъ со времени возобновленія спора въ 1886 году, Флайшгансъ нашелъ мало подходящаго для себя: изъ нихъ наиболѣе полезными оказались для него работы гг. Иречка-Калоуска въ ежемѣсячникѣ „*Osvěta*“, Машка въ „Часописа Чешскаго музея“ и обѣ дѣльныя книжечки г. Сикоры „*Na obranu R. K.*“, котораго Флайшгансъ, называетъ вѣрящимъ и любящимъ дилеттантомъ...“ (*Dilettant však v pravém slova smyslu*). Онъ милује R. K., онъ věří pevně, že je pravý). Уже этотъ послѣдній союзникъ Флайшганса, т.-е. г. Сикора, довольно удачно сражался противъ утвержденія, что поддѣлалъ Краледворскую рукопись В. Ганка. Именно уже онъ доказалъ, что ошибочный обликъ „*Zaměšiti*“

не Ганка взялъ въ Краледворскую рукопись изъ Алексадренды, а случилось это на оборотъ и Флайшгансъ на стран. 217 совершенно съ этимъ согласенъ. Удачно Сикора разсуждаетъ и относительно междометія *aj-ta* (Гебауэръ неправильно пишетъ: *ajta*) существительнаго *vražba*, *bodrost* и др. Имъ же были оправданы или объяснены такія подозрительныя выраженія какъ: „*je po sobě hnali* (см. „*Jagoslav*“), „*pohybal Vyšehrad... vz vyši...* (сидѣль князь), „*jali se naspy rozkotati...* и мн. др., и такіе доводы, какъ доводъ о „*rgoužk'axъ*, т.-е. основывающійся на несоотвѣтствіи пергаментныхъ отрѣзковъ цѣльнымъ листамъ рукописи. Флайшгансъ искусно пользуется соображеніями Сикоры, но приводитъ не мало и собственныхъ доказательствъ, обладающихъ достаточною убѣдительностію, напримѣръ, хотя бы относительно обликовъ „*vojvoda*“ (243 стран.) *stenanie* (241 стран.) и др. По утверженію Гебауэра, обликъ „*Let'al*“ — новообразование, еще не существовавшее въ половинѣ XIV вѣка; между тѣмъ Флайшгансъ искусно ловитъ на этомъ самого Гебауэра, который самъ же издалъ отнесенный имъ къ половинѣ XIV вѣка Виттенбергскій псалтырь, гдѣ именно встрѣчается этотъ обликъ (252 стран.). Флайшгансъ справедливо указываетъ также на неблаговидность или непослѣдовательность нѣкоторыхъ полемическихъ приѣмовъ своего учителя. Онъ, напримѣръ, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Гебауэръ имѣетъ обыкновеніе указывать только ошибочные облики, встрѣчающіеся въ Краледворской рукописи, не упоминая однако же, сколько разъ тѣ же самые облики встрѣчаются въ той же рукописи въ правильномъ видѣ. Такъ, найдя неправильный для старочешскаго языка обликъ „*muži*“, Гебауэръ видитъ въ немъ неискусную поддѣлку, хотя забываетъ при этомъ указать на то, что это же слово въ правильномъ старочешскомъ видѣ „*mužie*“ встрѣчается въ рукописи семь разъ. Такое отношеніе къ дѣлу никоимъ образомъ нельзя назвать безпристрастнымъ. Или же: защищая извѣстный памятникъ древнечешской словесности „*Mastickař*“ противъ нападокъ Шемберы, Гебауэръ заявляетъ „*Pač Sěmbera ne ma prava vyučovati Mastičkaře z literatury Staročeské*“, хотя далеко не всѣ его, т.-е. Гебауэра, замѣчанія были вполне основательны. Когда же зашла рѣчь о Краледворской рукописи, тотъ же Гебауэръ говоритъ уже иначе. *Dejme tomu, že obhájcové vyvrátili št'astně a důkladně všecky namítky odpůrcův. Je tím obhajena a dokázána pravost R. K. Z-eho? Nikoliv! Nybrž dokazano jest jen to, že namítky odpůrcův byly nespravné* Очевидно, эти заявленія прямо противорѣчатъ другъ другу!

„Краледворскую рукопись“ Флайшгансъ считаетъ діалектическимъ памятникомъ восточнаго, скорѣе всего моравскаго происхожденія (см. напр. 241 стран., § 20 „*bodrost*“ стран. 237, 617 и др.), о чемъ говорилъ еще Гебауэръ, одиноко стоящимъ въ XIV вѣкѣ вслѣдствіе вообще недостатка таковыхъ литературныхъ памятниковъ. Утверженіе это онъ основываетъ главнѣйше на сравненіи съ древнеморавскими памятниками, изданными г. Иречкомъ въ 1888 г., и съ данными Бартошевой „*Диалектологія Моравской*“ (I 1886 г., II 1895 г.). Много новыхъ данныхъ доставило ему слѣдующіе три діалектическіе памятника: *Dva evangelistaře* (изд. Менчикъ) 1893 г., *Gesta Romanorum* (изд. Новакъ) и Кодексъ Баварскій (*Archiv für Slawische Philologie* 1887—1890); а за тѣмъ также: Словарь Котты, окончен. въ 1893 г., многочислен-

ныя изданія разныхъ старочешскихъ памятниковъ, изданія писемъ Добровскаго, Шафарика, Юнгмана и друг.

Работа г. Флайшганса представляетъ собою не отдѣльныя возраженія на доводы Гебауэра (этотъ послѣдній на такія возраженія рѣшилъ не отвѣчать), а цѣлокупную защиту Краледворской рукописи, отъ отвѣта на которую Гебауэръ, конечно, не уклонится, а, можетъ быть, даже и подчинится покорно ей, какъ обѣщаль онъ въ своей работѣ (*Potřeba dalsích zkoušek*“).

Что касается, наконецъ, случаевъ совпаденія между Зеленогорскою и Краледворскою рукописями, имѣющихъ нѣкоторое значеніе въ смыслѣ доводовъ, ежели признать первую изъ нихъ безусловною поддѣлкою, то Флайшгансъ совершенно правильно заявляетъ, что Зеленогорская рукопись иногда совпадаетъ съ Краледворскою, а не на оборотъ, т. е., что первая могла быть просто навѣяна поддѣльщику открытіемъ второй, какъ полагалъ еще Вашекъ. Хотя опять вопросъ: кто могъ быть таковымъ поддѣльщикомъ?! Необходимо во всякомъ случаѣ и химическое изслѣдованіе Зеленогорской рукописи, доселѣ еще не произведенное.

Статья г. Флайшганса написана съ замѣчательною скромностью, спокойствіемъ и безпритязательностью, и въ то же время исполнена истиннаго научнаго достоинства, и обличаетъ въ ея авторѣ настоящаго мастера своего дѣла. Изученіе такого рода работъ доставляетъ истинное наслажденіе читателю, которому нерѣдко успѣли уже надоесть разные беззастѣнчивые полемическіе приемы, до самохвальнаго задора включительно, которыми уснащаются были до сихъ поръ многія работы и защитниковъ и противниковъ Краледворской рукописи. Всѣмъ, кто желаетъ видѣть образецъ настоящаго научнаго отношенія къ вопросу, можно смѣло совѣтовать ознакомленіе съ замѣчательнымъ трудомъ скромнаго чешскаго ученаго (гимназическаго профессора). Въ заключеніе предложимъ нашимъ читателямъ тѣ выводы, какіе сдѣлалъ изъ своей статьи самъ ея составитель: 1) онъ полагаетъ, что три главнѣйшія нападенія на рукопись, заключающія въ себѣ обвиненія въ авторствѣ Ганкѣ, имъ совершенно опровергнуты; 2) изъ остальныхъ 15 главнѣйшихъ возраженій большая часть имъ болѣе или менѣе выяснена и устранена; 3) прочія возраженія (всѣхъ вообще возраженій авторъ касался лишь по столько, по сколько они построены были на данныхъ языка) частью опровергнуты, а частью ослаблены и, наконецъ; 4) всю свою защиту Краледворской рукописи онъ основалъ на одномъ главномъ принципѣ: на признаніи восточнаго (т.-е. моравскаго) происхожденія этого памятника и новообразованій въ немъ.

Въ концѣ концовъ скромный ученый заявляетъ, что онъ вовсе не думаетъ утверждать, будто его объясненія и доводы говорятъ непременно о неподдѣльности Краледворской рукописи: они свидѣтельствуютъ только о томъ, что всѣ приводившія доселѣ доказательства поддѣльности этого памятника должны пока считаться неправыми и неосновательными, а вопросъ о Краледворской рукописи все еще открытымъ, а вовсе не поконченнымъ въ смыслѣ признанія ея поддѣльности, какъ заявили было уже противники этого злополучнаго литературнаго памятника. Такимъ образомъ, работа г. Флейшганса, по нашему крайнему разумѣнію, является поворотною точкою

въ знаменитомъ спорѣ о подлинности Краледворской рукописи, и противникамъ ея придется еще много поработать, чтобы сразить, ежели только это вообще возможно, новаго крупнаго ея защитника.

Въ отвѣтъ на статью Флайшганса, Гебауэръ напечаталъ во 2 выпускѣ *Filologických Listů*¹⁾ работу подъ заглавіемъ „O nové obraně padělaného Rukopisu Kralovédvského“. (Вышло и отдѣльно иждивеніемъ „Jednoty českých filologů“). Въ этой статьѣ любопытенъ отказъ почтеннаго ученаго отъ нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ нападокъ на рукопись и признаніе, что его вполне удовлетворяютъ объясненія, сдѣланныя его противникомъ относительно такихъ словъ, какъ: *bystry, dlužný, luna; panstvo, podvihati, progada, zlobný*. Отказался онъ, на примѣръ, отъ настойчиво проводившейся прежде имъ параллели извѣстнаго образа въ рукописи „*Jak by hora s horami válely (Čestmir)*“ и нѣскольکو похожаго образа въ „Потерянномъ раѣ“ (перев. Юнгманна): „*a hora o horu se styká litým srážením*“; отказался и отъ утвержденія, будто извѣстная пѣсня Краледворской рукописи „*Kytice*“ была сочинена по образцу Ганкина стихотворенія „*Na sebe*“.

Споръ въ послѣднее время ведется Гебауэромъ въ тонѣ вообще спокойномъ, исполненномъ научнаго достоинства; лишь иногда прорывается чувство какого-то невольнаго неблаговоленія автора къ злополучной заподозрѣнной рукописи, неблаговоленія, переходящаго уже иногда границы должной справедливости и научнаго безпристрастія.

Но за исключеніемъ вышеуказанныхъ уступокъ Гебауэръ продолжаетъ упорно настаивать на своихъ прежнихъ утвержденіяхъ и доказательствахъ, не приводя къ тому же почти ничего новаго, ежели не считать мало основательныхъ нападокъ его на выраженія „*zviesti*“ и „*vgažba*“, отсутствующихъ де въ достовѣрныхъ старочешскихъ памятникахъ и потому подозрительныхъ и даже невозможныхъ... Мы уже имѣли выше случай замѣтить, что подобный методъ вообще едва ли можетъ быть оправданъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что слово „*vgažba*“ пока еще не встрѣтилось ни въ одномъ изъ извѣстныхъ достовѣрныхъ древнечешскихъ текстовъ (хотя, весьма возможно, и встрѣтится еще когда нибудь). Можно ли отсюда заключить о невозможности или даже подозрительности этого облика? Едва ли, а что это такъ, свидѣтельствомъ тому служатъ такія названія мѣстностей, несомнѣнно существующія, какъ лѣсъ, по имени *Vgažba* близъ мѣста родины Ганки, какъ русское мѣстечко Ворожба, именемъ котораго названа и извѣстная узловая станція Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги. Равнымъ образомъ непонятнымъ для меня кажется по своей наивности и нападеніе Гебауэра на обликъ „*vzvýši (na pavlači seděl kníže)*“, отражаемое Флайшгансомъ при помощи приводимаго имъ сходнаго оборота изъ *Alexandreidy* „*riedku opet domov posta*“. Гебауэръ не признаетъ приводимаго Флейшгансомъ оборота идущимъ къ дѣлу и требуетъ опредѣленныхъ доказательствъ, что въ древности дѣйствительно говорилось „*sedí vzvýši*“ (куда?) вм. „*sedí vysoko*“ (гдѣ?)

Редакторъ ежедневнаго изданія „*Narodní Listy*“ (число 202) въ примѣчаніи

¹⁾ См. еще „*Listy Filologické 1896*, вып. 4. O nové obraně padělaného Rukopisu Kralovédvského. Napsal j: Gebauer. Выводы статьи по отношенію къ предпринятой Флайшгансомъ защитѣ, конечно, — самаго отрицательнаго характера и отражаютъ значительное сомнѣніе ученаго автора.

къ статьѣ г. J. Hd, написанной по поводу возраженій Гебауэра Флайшгансу, приводитъ стихъ народной пѣсни (къ сожалѣнію, точнѣе не указано, что это за пѣсня и гдѣ ее можно найти) долженствующій, кажется, разсѣять сомнѣнія Гебауэра:

Svit' měsíčku z vejší, гдѣ обликъ z vejší (т.-е. z výši) отличается отъ заподозрѣннаго ученымъ лингвистомъ лишь отсутствіемъ предлога vz, который впрочемъ давно уже утратилъ въ новомъ чешскомъ языкѣ то частое употребленіе, какое имѣлъ въ старочешскомъ. Вышеупомянутый г. J. Hd. довольно удачно, на нашъ взглядъ, поддерживалъ г. Флайшганса въ его спорѣ съ Гебауэромъ относительно облика „Usilno“ (Prijide suzí usilno v dědinu, „Zaboj“), переводившагося этимъ послѣднимъ какъ „nasilně“ и потому считаемаго имъ за нелѣпный. По этому поводу г. Флайшгансъ говорить „Není však také nutno v Zab. usilno prekladatí zrovna násilně“... není pochyby, že najde se nuance významu, která všecky ty doklady spojí“. Вотъ этотъ то „нюансъ“ значенія и опредѣляются г. J. Hd. Онъ говорить, что въ новочешскомъ языкѣ слово usilí означаетъ не только трудъ и усиліе (práci a páhání), но также рвеніе, стараніе (snahu, píli, horlivost). Теперь слово usilně уже не употребляется въ живой рѣчи; имѣющійся же обликъ usilovně именно равнозначащъ съ обликами: snažně, pílně, horlivě, вотъ почему г. J. Hd. находитъ возможнымъ придать usilno употребленному въ „Забоѣ“ именно этотъ послѣдній оттѣнокъ значенія, т. е. съ *рвеніемъ*, ревностно, старательно и пр. Такъ и въ поэмѣ „Ярославъ“ извѣстное мѣсто „usilno se dříve k síem chlumku“, очевидно, указываетъ на то, что христіане, окруженные моремъ татаръ, стремились къ холму не *насильно*, а именно *ревностно, усердно*, и т. п.

Въ вышеуказанномъ же выпускѣ № „Filologických Listů“ имѣются и другія замѣтки, довольно впрочемъ, незначительныя, направленные противъ Краледворской рукописи; такъ нѣкто г. Пекаръ дѣлаетъ возраженія противъ Закрейсова объясненія собственнаго имени „Hrubá Skala“ въ „Бенешѣ“, иронически говорится также и о „náboženství Rukopisů“ (т.-е. такъ сказать, о религіозномъ почитаніи рукописей“, каковое „náboženství“ объясняется, конечно, крупными поэтическими достоинствами Краледворской рукописи, особенно замѣтными, ежели сопоставить ее съ блѣдной чешской поэзіей начала XIX вѣка...

Въ августовскомъ выпускѣ „Освѣты“ за 1896 г. находимъ выпущеннаго г. Флайшгансомъ, въ отвѣтъ Гебауэру, „Roznámku k odpořídí prof. Gebauera na pojednání „Voj“ o Rukopisu“. Болѣе подробный отвѣтъ г. Флайшгансъ обѣщаетъ напечатать въ „Часописи чешскаго музея“. Изъ статьи г. Флайшганса оказывается, что, хотя г. Гебауэръ и настаиваетъ на томъ, что его доводы противъ рукописи нисколько не опровергнуты Флайшгансомъ, тѣмъ не менѣе, изъ отдѣльныхъ тамъ и сямъ его собственныхъ признаній оказывается, что именно цѣлая пятая часть этихъ доводовъ опровергнута!

При этомъ г. Флайшгансъ находитъ вообще полемическій способъ г. Гебауэра по отношенію къ заподозрѣннымъ рукописямъ „абсурднымъ и некритическимъ“. Онъ ловитъ его также на противорѣчіяхъ. Такъ, Гебауэръ требуетъ подтвержденія разныхъ подозрительныхъ обликовъ Краледворской рукописи въ несомнѣнныхъ текстахъ и памятникахъ непременно не позднѣе первой половины XIV столѣтія; а между тѣмъ въ самой его исторической грамматикѣ встрѣчается много древнихъ обликовъ

X—XII вв., которые приходится подтверждать текстами XIV, иногда даже XV—XVI столѣтій, а кромѣ того „vlásteně tři čtvrtiny celé nedoloženy a nedoložitelny“ (т.-е. неподтверждены и не могутъ быть подтверждены).

Во-второй половинѣ статьи Флайшгансъ сначала старается оправдаться отъ упрековъ и нареканій Гебауэра, будто онъ, Флайшгансъ, кое-гдѣ умышленно нарушилъ научную правду, а затѣмъ нападаетъ на другого противника Яр. Волчка (статья коего противъ Флайшганса помѣщена въ „Čas'ě“), который, какъ оказывается, даже не подозрѣвалъ, что на моравизмы Краловедворской рукописи указалъ самъ Гебауэръ. По словамъ Флайшганса, г. Яр. Волчекъ такъ мало освѣдомленъ въ томъ предметѣ, о которомъ взялся говорить, что ему совсѣмъ не слѣдовало бы выступать въ спорѣ о рукописяхъ... Въ томъ же ежемѣсячникѣ „Osvěta“ 1896 г., кн. 11-я, стран. 1026—1032 находимъ небольшую замѣтку Флайшганса: Poslaní „Času“, вызванную статью въ „Besedě“, „Časa“, напечатанною въ отвѣтъ на статью Флайшганса въ „Literárních Listech“. Всѣ эти работы не имѣютъ особенно цѣннаго значенія для спора, такъ какъ слишкомъ проникнуты полемическимъ задоромъ и не вносятъ почти ничего новаго въ результаты этого спора. На этомъ мы пока остановимся и не будемъ приводить дальнѣйшихъ явленій указанной полемической литературы (кстати, между ними нѣтъ ничего особенно значительнаго...), такъ какъ неполнота ихъ еще болѣе значительна, чѣмъ приведенной доселѣ литературы...

Вопросъ о заподозрѣнныхъ памятникахъ, такимъ образомъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія обстоятельствъ спора о нихъ, находится все еще въ положеніи очень неопредѣленномъ, и къ нему по прежнему, кажется, можно приложить слова, сказанныя г. Пыпинымъ 20 лѣтъ тому назадъ во 2 томѣ „Исторіи славянскихъ литературъ“, С.-Пб. 1881 г., стран. 16. „Защитники памятниковъ не въ самомъ выгодномъ положеніи, но и противникамъ осталось еще не мало труда. Безпристрастные зрители этой работы ожидаютъ, что отрицательная критика, излагая свои доказательства противъ подлинности памятниковъ, объяснитъ также, какъ возможны были поддѣлки и средства исполненія“. Это послѣднее требованіе и доселѣ оказывается непосильнымъ для противниковъ подлинности заподозрѣнныхъ рукописей и, кажется, останется таковымъ еще въ продолженіе очень долгаго времени, если не на всегда.

Теперь, кажется, ясно, что при такомъ положеніи вопроса г. Флайшгансъ имѣлъ извѣстное право безъ особенныхъ колебаній ввести въ свое изложеніе и злополучную Краледворскую рукопись. Въ изложеніи выдающихся литературныхъ явленій и дѣятельности писателей новаго времени соблюдены авторомъ, сколько мы могли судить, вообще довольно цѣлесообразныя и правдивыя пропорціи и перспективы. Кажется, однакоже, что Юлій Зейеръ, котораго самъ Флайшгансъ на 719 страницъ приравниваетъ, быть можетъ, едва ли справедливо, къ Святополку Чеху и Ярославу Върхлицкому, заслуживалъ большаго вниманія, чѣмъ то, которое оказано ему въ книгѣ на какихъ-нибудь четырехъ страницахъ (Св. Чеху посвящено болѣе 10 страницъ, а Яр. Върхлицкому — болѣе 8). Дѣятельность молодого, сравнительно, поэта-реалиста І. С. Махара (род. 1864 г.) тоже заслуживало бы нѣсколько болѣе пространнаго разсмотрѣнія, а то о такихъ замѣчательныхъ его произведеніяхъ, какъ „Zde by měly

kvěst růže“ (1894 г.) и социальная поэма „Magdalena“ (1894 г. 2-е издание 1900 г.), сказано лишь нѣсколько строкъ. (Русскій отзывъ о ней см. въ моей книжкѣ „Славянскія Извѣстія“, Воронежъ 1897 г. 156—158 стран.). Равнымъ образомъ, незаслуженно обиженъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи и такой выдающійся представитель чешскаго романтизма, какъ К. Маха, чья поэма „Май“ — произведеніе, полное незаурядной страсти и поэтической силы — навсегда останется чрезвычайно характернымъ поэтическимъ воплощеніемъ байронизма на чешско-славянской почвѣ (см. мои „Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ“, Кіевъ 1893 г., I. Арбеса „Hynek Macha“ 1886 г., М. Здѣховскаго „Karel Hynek Macha; bajronismus czeski“ 1894 г., Яр. Волчка „Několik kapitolek z české literatury 1898).

Наконецъ болѣе внимательнаго отношенія къ себѣ заслуживалъ, на нашъ взглядъ и *Алоизъ Ирасекъ*¹⁾.

Чтобы закончить нашъ нѣсколько разросшійся отзывъ о книгѣ Флайшганса, обратимъ еще вниманіе на нѣкоторыя мелочи внѣшней ея стороны. При изложеніи дѣятельности всѣхъ сколько-нибудь выдающихся писателей приложены и изображенія ихъ, иногда чрезвычайно удачныя (напримѣръ, прекрасный портретъ Святополка Чеха въ 22 выпускѣ, 673 стран.). Эти изображенія обыкновенно снабжены автографическими подписями, которыя, если онѣ неразборчивы, сопровождаются иногда и обыкновенными печатными указаніями фамилій. Къ сожалѣнію, это встрѣчается не часто, и не одинъ разъ читатель натывается на подпись, которой не можетъ разобрать (см. напр. 655 стран., 709 стран., 710 и др.). Это обстоятельство бываетъ тѣмъ непріятнѣе, что изображенія писателей находятся часто не на тѣхъ страницахъ, на которыхъ предложено изложеніе ихъ литературной дѣятельности, такъ что и это послѣднее нерѣдко не можетъ помочь читателю въ отгадываніи личности писателя съ неразборчивою подписью, не снабженною печатнымъ текстомъ. Равнымъ образомъ, кажется, было бы не лишне, если бы составитель книги, которая конечно, получитъ широкое распространеніе и въ болѣе обширныхъ кругахъ читающаго общества, приложилъ ко многимъ неразборчивымъ снимкамъ древнихъ и старинныхъ памятниковъ, недоступныхъ для обыкновенной публики, ихъ современныя транскрипціи а при латинскихъ текстахъ и переводы; иначе любознательность многихъ почтенныхъ любителей можетъ остаться не удовлетворенною. Таковы, на примѣръ, снимки, сдѣланные для приложений на отдѣльныхъ листахъ, каковы № 1, — снимокъ съ латинской грамоты короля Владислава I, № 6, — начало „Rady otce synovi“ Смилы Фляшки изъ Пардубиць, № 7, — снимокъ легенды о св. Юрїи по рукописи XIV в. и мн. др. Сводя все вышесказанное въ одно, мы должны признать, что въ общемъ цѣль, поставленная г. Флайшгансомъ въ составленной имъ книгѣ, достигнута имъ вполне, и его прекраснымъ трудомъ чешская литература вправе гордиться. Народъ, поддерживающій и окупающій подобныя книги, не взирая на свою сравнительную малочисленность, смѣло можетъ глядѣть въ глаза загадочному будущему

¹⁾ Этому выдающемуся историческому романисту посвящено всего около 3 страницъ; изъ его произведеній не историческаго содержанія особенно цѣнятся „Povídky z Hor“ (русскій переводъ „Горныя разсказы“, см. въ 5—6 выпускахъ Кіевского „Славянскаго Ежегодника“. Вышло и отдѣльно. Кіевъ, 1884 г.), а между прочимъ этотъ сборникъ разсказовъ почему-то даже совсѣмъ не названъ авторомъ при перечисленіи сочиненій Ираски! Подобныя мелкіе промахи и недочеты наблюдаются, впрочемъ, въ книгѣ и при изложеніи дѣятельности многихъ другихъ писателей.

Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій.

Е. О. Карскій.

Вопросъ, котораго мы коснемся, не является исключительно филологическимъ: правильное рѣшеніе его имѣетъ и важное археологическое значеніе. Примѣты современныхъ русскихъ нарѣчій, несмотря подъ часъ на новѣйшее ихъ происхожденіе, опираются въ своей основѣ на черты древнихъ русскихъ говоровъ, составлявшихъ одинъ изъ признаковъ, по которымъ, кромѣ особенностей чисто антропологическихъ и бытовыхъ, дѣлились и древнерусскія племена. Установивъ границу между русскими нарѣчіями, мы въ большей или меньшей степени опредѣлимъ и племенной составъ той или другой этнографической группы, насколько конечно по современнымъ чертамъ можно судить о древнихъ.

Я не стану вдаваться въ мелкія подраздѣленія, а коснусь лишь большихъ группъ: какъ установить границу между великоруссами и бѣлоруссами, между бѣлоруссами и малоруссами, между малоруссами и великоруссами. Въ общихъ чертахъ эта граница уже установлена хотя бы въ извѣстной работѣ акад. А. И. Соболевскаго „Опытъ русской діалектологіи“¹⁾, но въ ней во всѣхъ случаяхъ отмѣчается еще пограничная полоса такъ называемыхъ „смѣшанныхъ“, „переходныхъ“ говоровъ. Вотъ — какъ быть въ послѣднемъ случаѣ? Какіе изъ такихъ говоровъ относить къ одной группѣ и какіе къ другой? Что здѣсь должно служить критеріемъ? Вѣдь существованіе смѣшанныхъ пограничныхъ языковъ, несомнѣнно, слѣдуетъ признать, но и границу между тѣми и другими нарѣчіями также необходимо провести, не оставляя нейтральной полосы. Чтобы выйти изъ указаннаго затрудненія, по моему мнѣнію, слѣдуетъ точно опредѣлить, какія черты въ разныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка изъ взаимно-пограничныхъ болѣе существенны и характерны, и по нимъ производить разграниченіе.

Начнемъ съ говоровъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ. Пограничная черта между этими нарѣчіями можетъ быть проведена по губерніямъ Псковской, Тверской, Смоленской,

¹⁾ Послѣ представленнаго настоящаго доклада Харьковскому Археологическому Съезду и до времени напечатанья его (1905 г.) мною выпущены слѣдующія работы, имѣющія въ виду между прочимъ и опредѣленіе границъ русскихъ нарѣчій: а) Бѣлоруссы. Т. I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. Съ приложеніемъ двухъ картъ. Варшава. 1903. б) Къ вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго уѣзда, Орловской губ., (новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В. И. Ламанскаго, 314—320). в) Къ вопросу о границѣ бѣлорусскихъ говоровъ. По поводу ст. акад. А. И. Соболевскаго: „О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ говорахъ въ частности“ (Ср. Русск. Фил. Вѣстникъ, 1905 г. № 1, 54—61).

Калужской, Орловской и Черниговской. Точно установить границу въ указанной области трудно уже потому, что бѣлорусскіе говоры и пограничные съ ними во всей указанной области южновеликорусскіе имѣютъ очень много точекъ соприкосновенія, при томъ не только во второстепенныхъ чертахъ, но и въ главныхъ, напримѣръ въ развитіи усиленнаго аканья, въ умягчительности согласныхъ и т. п. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства тутъ приходится принимать въ расчетъ известную совокупность лингвистическихъ примѣтъ, а также тѣхъ или другихъ антропологическихъ чертъ и особенностей быта. Бѣлоруссы селятся въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ (по крайней мѣрѣ бывшихъ таковыми въ старину) и болотистыхъ; великоруссы поэтому и называютъ ихъ полѣхами, а мѣстность ихъ Полѣсьемъ. „Водораздѣльные лѣса стали одинаково племенной границею здѣсь (въ Орловской, Калужской и Смоленской губ.) на востокъ Бѣлоруссія, какъ не перестаютъ быть межою подобныя же густыя лѣса на югѣ, востокѣ, сѣверѣ обширнаго бѣлорусскаго края съ племенами малорусскимъ, литовскимъ, латышскимъ и опять великорусскимъ“ (Живописная Россія, III, 435, ст. Максимова). Далѣе, мировоззрѣніе и народная поэзія у бѣлоруссовъ часто не сходятся съ великорусскими; наконецъ, что особенно важно, у бѣлоруссовъ много словарныхъ особенностей, часто неизвѣстныхъ великоруссамъ-сосѣдямъ. Въ фонетикѣ и морфологій можно отмѣтить слѣдующія исключительно бѣлорусскія черты: 1) *dz* — и мягкіе *đ* и *т* мягкихъ (но иногда этихъ свистящихъ звуковъ и не бываетъ), напримѣръ, дзѣци (ср. С. Максимова: „Обитель и житель“. Древняя и новая Россія 1876 г., № 8, стран. 299—300); 2) появленіе *ŷ* краткаго на мѣстѣ *y* безударнаго стоящаго передъ согласными: *ŷмёръ*; на мѣстѣ предлога *въ*: *ŷкинуŷ ŷ мѣхъ*, и что особенно характерно — на мѣстѣ *л* въ прошедшемъ времени и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: *быŷ*, *просиŷ*, *поŷны*; 3) удвоеніе согласныхъ передъ *j*: *Илля*, *свиння*; 4) появленіе слоговъ *ыj* (иногда *эj*) — *ij* вмѣсто великорусскихъ *oj* — *ej*: *мый*, *злый* (*злэй*, *якэй*), *мыю*, *пій*, *шія*. Къ этимъ особенно существеннымъ чертамъ еще прибавимъ: 5) смѣшеніе *р* твердаго и *р* мягкаго: *цара*, *я-рядъ*; 6) появленіе чаще въ глаголахъ *дж* вмѣсто *жс*: *гляджу*; 7) смягченіе *л*, *к*, *х* въ склоненіи словъ: на *дузѣ*, на *лаŷцѣ*, *ŷ стрѣсѣ*; 8) отсутствіе формъ именительнаго множественнаго на *a* у словъ мужескаго рода, какъ *дома*, а всегда — *ы*: *домы* или, что рѣже, — *э*: *паясэ*, *лясэ*; 9) множественное число при 2, 3, 4 въ мужескомъ родѣ: *два ваŷкі*, и возможность двойственнаго въ женскомъ и среднемъ родахъ: *три бядзѣ*, *два сялѣ*; 10) возможность звательнаго падежа: *сѣнку*, *чалавѣче*; 11) особый видъ повелительнаго со звукомъ *e* изъ стараго *ь* въ окончаніи: *ходземъ*, *купеня*. Не стану перечислять другихъ бѣлорусскихъ особенностей, неизвѣстныхъ великоруссамъ, такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы отличить рѣчь бѣлорусса отъ рѣчи великорусса. Принимая во вниманіе указанныя черты бѣлорусскихъ говоровъ, границу ихъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ Орловской губерніи можно провести приблизительно въ Трубчевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ по правому берегу р. Десны. Жители Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ Орловской губерніи известны подъ именемъ полѣховъ (Очерки Россіи, Пассека, IV. Цитаты взяты у Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи, 15, 4 вын.). С. Максимовъ отмѣчаетъ ихъ дзеканье (Древняя и новая

Россія, 1876 г., № 8, 299—300, 306). Брянскій, Сѣвскій, Трубчевскій и Карачевскій уѣзды Орловской губерніи относятъ къ Бѣлоруссiи и де-Ливронъ (ср. Живописная Россія, III, 250). С. Максимовъ даже раздвигаетъ Орловское и Калужское Полѣсье и на лѣвый берегъ Десны (Живописная Россія, III, 432, 436). По даннымъ, имѣвшимся у Кеппена (Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ, I, 467—471) бѣлоруссами несомнѣнно заселена Акулицкая волость Брянскаго уѣзда, состоящая изъ 13 селеній. „Всѣ они лежатъ въ лѣсахъ и болотахъ въ самомъ сѣверномъ углу Орловской губерніи, у Черниговской и Смоленской границы“¹⁾.

Далѣе, граница бѣлорусской области переходитъ въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи. Въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи Калужская губернія, ч. II С.-Пб. 1864. Составилъ М. Попроцкій“, стран. 183, читаемъ: „Жители Калужской губерніи говорятъ великорусскимъ языкомъ, но въ произношеніи весьма многихъ словъ жителями Масальскаго и западной части Жиздринскаго уѣздовъ замѣтно сосѣдство Бѣлоруссiи. По нѣкоторымъ отѣнкамъ въ языкѣ и нѣкоторымъ обычаямъ, жители западной части Масальскаго уѣзда разнятся нѣсколько отъ жителей восточной его половины: первые и понынѣ слывутъ подъ именемъ *польховъ*, а послѣдніе подъ именемъ *полянъ*“. Изслѣдованія языка западныхъ Калужскихъ говоровъ посвящены три работы: академика А. А. Шахматова (Русскій Фил. Вѣстникъ, XXXVI), Караулова (тамъ же, XLIII) и особенно А. Никольскаго (тамъ же, XLVI, XLVII, и XLIX). Разсматривая особенности языка этихъ польховъ, приходимъ къ заключенію, что жители самой западной части Жиздринскаго и Масальскаго уѣздовъ, дѣйствительно бѣлоруссы, но только принявшіе немало особенностей и южновеликорусскихъ говоровъ. У нихъ между прочимъ уже и дзеканья нѣтъ и твердаго *р*. Бѣлорусскія особенности замѣтны здѣсь въ большей или меньшей степени лишь въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Деснѣ, по границѣ Рославскаго и отчасти Ельнинскаго уѣздовъ Смоленской губерніи.

Въ Смоленской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ по межѣ между уѣздами Дорогобужскимъ и Бѣльскимъ, съ одной стороны, и Юхновскимъ, Вяземскимъ и Сычевскимъ — съ другой; при чемъ большая часть губерніи населена бѣлорусскимъ племенемъ и лишь четыре восточные уѣзда (Юхновскій, Вяземскій, Сычевскій и Гжатскій) принадлежатъ южновеликорусскому нарѣчію. Сообщение С. Максимова (Живописная Россія, III, 442), что наибольшая часть Бѣльскаго уѣзда — восточная — населена великоруссами, оказывается невѣрнымъ. Около желѣзныхъ дорогъ, отъ Смоленска къ востоку, уже говорятъ по-великорусски.

Въ Тверской губ. бѣлорусскія поселенія съ нѣкоторыми даже особенностями сѣверновеликорусскихъ говоровъ (взаимная мѣна *ч* и *ц*) начинаются у. г. Зубцова, далѣе тянутся по правому берегу Волги (Молодой Тудъ), гдѣ живутъ тудовляне,

¹⁾ Лѣтомъ 1903 года, мнѣ лично удалось побывать въ названныхъ мѣстностяхъ, и я пришелъ къ заключенію, что бѣлорусская область здѣсь нѣсколько меньше въ настоящее время, чѣмъ была прежде. Именно чистая бѣлорусская рѣчь (не безъ сильнаго однако вліянія сосѣдей) въ Трубчевскомъ уѣздѣ, лишь въ 2-хъ приходахъ Семенкомъ и Котовскомъ, лежащихъ по р. Рожку, притоку Судости. Въ указанной части Брянскаго уѣзда — въ Акулицкой и Лутенской, волостяхъ живутъ тоже бѣлоруссы, но подвергшіеся сильному великорусскому вліянію.

заходя иногда даже и на лѣвый берегъ (по р. Итомлѣ въ Ржевскомъ уѣздѣ и р. Кошѣ въ Осташковскомъ ¹⁾ уѣздѣ); затѣмъ граница бѣлорусскихъ говоровъ подходитъ къ истокамъ Волги и Западной Двины. Бѣлорусское дзеканье, по Далю, слышится въ Корчевѣ и Торжкѣ.

Въ восточной части Псковской губ. бѣлоруссы не простираются дальше Зап. Двины. Затѣмъ граница бѣлорусской области идетъ по южнымъ частямъ Великолуцкаго, Торопецкаго, Опоченскаго уѣздовъ. М. Колосовъ (Обзоръ звуковыхъ формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878, стр. 147, вын. 2) отмѣчаетъ бѣлорусовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской губ. (Великолуцкій, Опочецкій ²⁾ и Холмскій) и даже Московской (Рузскій, Волоколамскій и Можайскій).

Не легче установить границу между малоруссами и бѣлоруссами. Малорусская рѣчь представляетъ много сходства съ бѣлорусскою въ звукахъ, формахъ и словарѣ, такъ что для лицъ незнакомыхъ научнымъ образомъ съ тѣмъ и другимъ нарѣчьемъ, разграниченіе бѣлоруссовъ и малоруссовъ на первый взглядъ кажется затруднительнымъ. Это затрудненіе увеличивается еще отъ того, что смѣшанные сѣверно-малорусскіе говоры часто знаютъ *дз* вм. *д* мягкаго, *ц* вм. *т* мягкаго, *р* твердое, что нѣкоторымъ кажется, въ данномъ случаѣ, типичной бѣлорусской чертой. Но дѣло въ томъ, что *р* твердое вм. мягкаго спорадически встрѣчается во всѣхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ; остаются *дз* и *ц* мягкіе вм. *д* и *т* мягкихъ, но и они не типичны, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могутъ быть объясняемы, какъ заимствование малоруссами у бѣлоруссовъ. Правда малоруссы очень не любятъ дзеканья: въ своихъ насмѣшкахъ надъ бѣлоруссами они выставляютъ именно эту черту: „Хиба, лихо озме литвина, щобъ не вінъ дзѣкнувъ“. — Единственно вѣрнымъ критеріемъ, по моему мнѣнію для различенія малоруссовъ отъ бѣлоруссовъ здѣсь служить, кромѣ чисто-антропологическихъ особенностей, а затѣмъ быта, то или другое произношеніе общерусскихъ *е* и *и*, а въ связи съ ними и предшествующихъ имъ согласныхъ: у бѣлоруссовъ эти звуки (или ихъ замѣнители) всегда „мягки“, вслѣдствіе чего они смягчаютъ предшествующіе имъ согласные, тогда какъ у малоруссовъ они всегда тверды. Бѣлоруссъ скажетъ „ведземъ“, „мылы“, „бици“, а малоруссъ — „вэдэмъ“, „мылы“, „быты“. Понятно, что малоруссы не знаютъ и *дз* — *ц* мягкихъ передъ общерусскими *е* — *и* и ихъ замѣнителями, но въ смѣшанныхъ говорахъ малоруссы знаютъ *дз* и *ц* мягкіе передъ *е* и *і* изъ общерусскаго *ь*, которые у нихъ бывають мягкими, напр., *дзівуля*, *дзевчина*; возможны *дз* и *ц* у нихъ еще на концѣ передъ стариннымъ *ь*: *ходиць*. Еще въ смѣшанныхъ говорахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, есть ли въ нихъ аканье, т.-е. произношеніе, въ родѣ *вада*, *нясу*, или нѣтъ: акають только бѣлоруссы. Впрочемъ въ пограничныхъ съ малоруссами областяхъ и аканье у бѣлоруссовъ развито слабо. Такимъ образомъ, при разграниченіи бѣлоруссовъ и малоруссовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на произношеніе общерусскихъ *е* и *и*: бѣлоруссы никогда не произносятъ ихъ твердо, кромѣ

¹⁾ Преображенскій: Описаніе Тверской губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи. С.-Пб. 1854, стр. 78. Въ настоящее время дѣло, быть можетъ, обстоитъ совсѣмъ иначе (ср. „Бѣлоруссы“, I, 16).

²⁾ Въ этомъ уѣздѣ отмѣчаетъ бѣлоруссовъ и Максимовъ (Живоп. Россія, III, 448).

нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (сэрце, уздэчка, формы на *эй* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ злэй). Если при этомъ еще окажется *дз* — *и* мягкое и *р* твердое, то говоръ, несомнѣнно, бѣлорусскій, хотя бы остальные черты и были малорусскія, напр., дифтонги \widehat{yo} , $\widehat{юo}$, \widehat{ie} , *y* на мѣстѣ *o* (*ў* новумъ) и под. Не знаю, какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда есть одно только твердое *э* и при томъ лишь послѣ губныхъ *б*, *п*, *в*, *м*, а послѣ другихъ согласныхъ мягкое. Такой говоръ существуетъ въ окрестностяхъ м. Шерешова (Пруж. у. Гроднен. г.), какъ объ этомъ можно судить по отвѣту на одну бѣлорусскую программу, имѣющуюся въ Академіи Наукъ. Здѣсь въ бѣлорусскомъ говорѣ, повидимому, еще только зарождаются малорусскія особенности. Твердое *э* вм. *е* изрѣдка можно слышать и въ бѣлорусскомъ говорѣ м. Любеча Городн. у. Черн. г., и нѣкоторыхъ другихъ самыхъ южныхъ бѣлорусскихъ окраинахъ (обыкновенно послѣ губныхъ и лишь спорадически послѣ *д*).

Держась указанныхъ принциповъ, южную границу бѣлоруссовъ проведемъ слѣдующимъ образомъ: рѣкою Наревомъ, по Бѣльскому уѣзду Гродненской губ., бѣлорусская граница идетъ до Бѣловѣжской пуци, далѣе по р. Каревкѣ она прорѣзываетъ послѣднюю до м. Шерешова, а отсюда идетъ на востокъ сѣвернѣе г. Пружанъ, къ р. Ясельдѣ, почти до Картузь-Березы; отсюда, захватывая Стрычовъ, почти параллельно варшавско-московскому шоссе направляется къ р. Щарѣ, затѣмъ по послѣдней переходитъ въ Минскую губ. Здѣсь отъ р. Щары бѣлорусская граница идетъ въ юго-восточномъ направленіи къ м. Луинѣ не далеко отъ ст. Луинець, (при пересѣченіи полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ), захватывая въ бѣлорусскую область деревни Хотыничи, Малковичи и Дятловичи. Здѣсь значить, мы заходимъ въ сѣверную часть Пинскаго уѣзда (ср. Памятную книжку Виленскаго генераль-губернаторства на 1868 годъ. С.-Пб. 1868, стр. 63, ст. Быковского). Далѣе граница спускается къ р. Припяти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже проникая на правый ея берегъ, особенно клиномъ въ восточной части Мозырскаго уѣзда до границы съ Волынской губ. Припятью граница идетъ по уѣздамъ Мозырскому и Рѣчицкому и достигаетъ до самаго Днѣпра.

За Днѣпромъ мы уже переходимъ въ область Черниговской и Могилевской губ. Вся Могилевская губ. населена бѣлоруссами; малорусскій элементъ сказывается въ рѣчи населенія лишь нѣкоторыхъ мѣстъ южной части Гомельскаго уѣзда; зато бѣлорусскія особенности сильно замѣтны въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ., такъ что граница бѣлорусскихъ говоровъ, переходя за Днѣпръ изъ Минской губ., должна быть проведена сначала по Днѣпру къ сѣверу приблизительно до м. Любеча. Есть даже свидѣтельства, что бѣлорусскія особенности встрѣчаются въ сѣверной части Черниговскаго уѣзда (Русс. Фил. Вѣстн., XI, 118 и „списки населенныхъ мѣстъ“, XXXI стр. с. Бѣгачъ). Отъ Любеча граница идетъ по Городнянскому уѣзду на западъ, приблизительно по дорогѣ въ Рѣпки, захватывая Красновское, Мутичевъ, къ р. Снови; затѣмъ по этой рѣкѣ и по границѣ уѣздовъ Новозыбковскаго и Сосницкаго, далѣе по Новгородъ-Сѣверскому уѣзду до р. Десны, оставляя уѣздный городъ къ югу. За Десной бѣлорусскую рѣчь можно отмѣтить въ с. Юриновкѣ; далѣе граница идетъ по р. Деснѣ до Орловской губ. Малоруссы „всѣхъ живущихъ къ

сѣверу отъ Десны вообще называютъ задесенцами и считаютъ ихъ литвинами, несмотря на то, что въ такъ называемомъ Степкѣ, Сосницкаго уѣзда, преобладаетъ чисто великорусскій типъ^а. (Календарь Черниговской губ. на 1887 г. Ср. А. И. Соболевскаго: Опытъ русс. діалектологіи, 69 стр., вын.). Если судить по описанію этихъ говоровъ у Чубинскаго (VII, 491), то они бѣлорусскіе. Конечно въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ. (особенно въ городахъ) мѣстами слышится и малорусская рѣчь (ср. отзывъ г-жи Косичъ въ „Живой Старинѣ“ 1901 г., вып. II).

Что касается границы между нарѣчіями великорусскимъ и малорусскимъ, то она устанавливается довольно легко: южно-великорусы не знаютъ твердыхъ *е* и *и*, не имѣютъ *і* умягчительнаго на мѣстѣ ударяемаго *ь*, а также закрытыхъ *о* и *е* изъ основныхъ *о* и *е*, нѣтъ у нихъ и дифтонговъ на мѣстѣ тѣхъ же гласныхъ, не знаютъ они и удвоенія согласныхъ на мѣстѣ группы изъ согласнаго + *ј*. Съ другой стороны, великорусскому нарѣчію, пограничному съ малорусскимъ, свойственно аканье и вообще разныя измѣненія безударныхъ гласныхъ. Не стану перечислять другихъ общеизвѣстныхъ отличій. Придерживаясь хотя бы только приведенныхъ чертъ, легко отличить великорусса отъ малорусса во всякомъ мѣстѣ ихъ взаимнаго сосѣдства. Въ Черниговской губ. сталкиваются всѣ 3 русскія нарѣчія и племени: великоруссы живутъ здѣсь на самой сѣверовосточной окраинѣ (восточная половина Новгород-сѣверскаго уѣзда и нѣкоторыя другія мѣста, гдѣ живутъ по преимуществу раскольники); пограничная Курская губ. почти вся заселена великоруссами¹⁾; малоруссы здѣсь лишь въ югозападной окраинѣ (Суджинскій уѣздъ, отчасти нѣкоторыя мѣста въ Обоянскомъ, гдѣ малоруссы переселенцы); въ Воронежской губ. сѣверъ занятъ великоруссами а югъ малоруссами; приблизительно такъ же распределены великоруссы и малоруссы и въ Области Войска Донскаго. Подробное разграниченіе въ другихъ мѣстахъ южныхъ губерній великоруссовъ и малоруссовъ отняло бы не мало времени, а точныхъ результатовъ достигнуть все же нельзя было бы за неимѣніемъ подчасъ нужнаго матеріала. Поэтому и ограничимся лишь указаніемъ общихъ принциповъ распределенія и общихъ рамокъ.

Въ заключеніе своей замѣтки напомнимъ отчасти то, съ чего я началъ. Подробная катологизація поселеній русскаго племени, говорящихъ тѣмъ или другимъ нарѣчіемъ

¹⁾ При обсужденіи моего реферата проф. М. Г. Халанскій сдѣлалъ указаніе, что съ запада въ Курскую губ. клиномъ входятъ бѣлоруссы; они уже не знаютъ дзеканья; но сохраняютъ другія бѣлорусскія черты въ языкѣ и бытѣ. Вслѣдствіе этого замѣчанія я навелъ справки между прочимъ въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ“ Курской губ. по свѣдѣніямъ 1868 г. Здѣсь на стр. XXXVI имѣется замѣчаніе, что въ Путивльскомъ уѣздѣ жителей нѣкоторыхъ селеній признаютъ переселенцами изъ Литвы и называютъ *юрюнами*, потому что они ради горя и нужды оставили свой край; „по всей вѣроятности это бѣлоруссы“, названіе „горюновъ“, по словамъ проф. Халанскаго, удерживается за ними до сихъ поръ. На стр. LI бѣлоруссовъ показано 23,000 чел. Редакція списковъ сомнѣвается въ возможности такого количества бѣлоруссовъ въ Курской губ., хотя полагаетъ невозможнымъ „допустить, чтобы приходскіе священники не умѣли различать съ точностью малороссіянъ отъ бѣлоруссовъ и великороссіянъ. Это вполнѣ подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бѣлоруссы показаны отдѣльно отъ малороссіянъ и великороссіянъ“. Въ спискахъ перечисляются и мѣста, занятія бѣлоруссами въ уѣздахъ Курскомъ (1), Грайворонскомъ (3), Львовскомъ (1), Новооскольскомъ (4), Обоянскомъ (5), Путивльскомъ (7), Рыльскомъ (4), Суджанскомъ (5).

для цѣлей научныхъ очень важна: по языку можно судить о томъ, какъ и откуда шла колонизация того или другого края, къ какому большому городу тянуло население; въ чисто лингвистическомъ отношеніи можно опредѣлить, какія взаимныя вліянія произошли въ смежныхъ говорахъ, какъ измѣнялись одни звуки и формы подъ вліяніемъ другихъ. Такимъ образомъ составленіе, такъ сказать, лингвистической карты русскаго языка послужитъ существеннымъ подспорьемъ при составленіи карты этнографической, а затѣмъ и исторической карты русскихъ племенъ, конечно, если сюда еще будутъ присоединены данныя матеріальной археологіи и свидѣтельства древнихъ источниковъ.

Суффиксы русского языка.

Л. Г. Лопатинскій.

Вліяніе кавказскихъ языковъ на ихъ образованіе.

Занимаясь много лѣтъ кавказскими языками, я не могъ не обратить вниманія на то, что между ними и арійской группой языковъ существуютъ извѣстныя точки соприкосновенія и даже болѣе или менѣе отдаленная связь. Связь эта касается не столько морфологія языка или его синтаксиса, сколько этимологическаго состава словъ и лексической стороны вообще. Между прочимъ, по моимъ наблюденіямъ, и нѣкоторые суффиксы славяно-русскаго языка образовались подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ: грузинскаго, черкесскаго и аварскаго. Изслѣдованіе объ интересномъ и для исторической науки вопросѣ я рѣшаюсь предложить суду ученыхъ собратій.

Предпосылаю нѣсколько словъ о настоящемъ значеніи суффиксовъ. Подобно суффиксамъ, служащимъ для показанія падежа, рода и числа — такъ называемыхъ флексій, производственные суффиксы происходятъ отъ самостоятельныхъ словъ, сросшихся съ основнымъ и часто нарастающихъ другими для выраженія разныхъ оттѣнковъ слова. Суффиксы утѣрили уже свое самостоятельное значеніе, и только въ нѣмецкомъ языкѣ нѣкоторые изъ нихъ еще могутъ быть возстановлены въ своемъ значеніи при посредствѣ того же самаго языка, въ его древней формѣ. Такъ, напримѣръ, въ словѣ Freundschaft дружба суфф. schaft, въ др.-в.-нѣм. scaft означаетъ *свойство, видъ*¹⁾.

Объясненіе настоящаго значенія арійскихъ суффиксовъ составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ сравнительнаго языкознанія — тѣмъ болѣе трудную, что въ кругъ сравниваемыхъ языковъ приходится включать не только языки родственные, но и языки чуждые по происхожденію, принадлежащіе народамъ, которые долго жили по сосѣдству съ арійцами, находясь съ ними въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій въ постоянныхъ историческихъ сношеніяхъ. Если могутъ отъ народа къ народу или даже къ цѣлымъ группамъ родственныхъ племенъ переходить цѣлыя слова, то это возможно и съ суффиксами, которые въ извѣстномъ періодѣ усвоивались какъ слова самостоятельныя и только впоследствии, когда ихъ значеніе затемнилось, были низведены до роли второстепенныхъ частей слова. Прослѣдить пути, по которымъ эти заимствованія передавались однимъ народомъ другому, весьма трудно, тѣмъ болѣе

¹⁾ Heuse, Deutsche Grammatik, стран. 184.

что народы иногда раздѣляются большими пространствами и даже цѣлыми морями, но наличность этихъ заимствованій у того или другого народа можетъ бросить свѣтъ и на историческія событія, касающіяся переселенія народовъ, или объяснить этнографическую связь между двумя народами. Въ этомъ случаѣ лингвистическая палеонтологія идетъ рука объ руку съ исторіей и этнографіей, являясь вѣрной помощницей этихъ наукъ въ разъясненіи нѣкоторыхъ запутанныхъ историческихъ проблемъ или взаимныхъ бытовыхъ и общественныхъ отношеній.

Какъ извѣстно, сложные слова состоятъ изъ двухъ или болѣе частей: основного слова, которое заключаетъ въ себѣ коренное значеніе *compositi*, и слова, опредѣляющаго или ограничивающаго первое. Такимъ образомъ между обоими словами существуетъ синтактическая связь. Основное слово занимаетъ обыкновенно центральное мѣсто; впереди его стоитъ опредѣляющая его часть, иногда съ представками, а позади — наставки. Связь эта видна, напримѣръ, въ словѣ *небосклонъ*, *водопадъ* и т. д. Съ возстановленіемъ настоящаго значенія нѣкоторыхъ суффиксовъ мы увидимъ, что они, по сравненію со словомъ знаменательнымъ, занимаютъ болѣе выдающееся положеніе: не суффиксъ служитъ первому опредѣленіемъ, но скорѣе — наоборотъ. Такимъ образомъ не только производныя слова представляются составными, но и составныя части сложнаго, а также и простыя слова могутъ оказаться, въ свою очередь, составными, хотя въ высшей степени трудно расчленять ихъ на составныя части. Расчлененіе каждаго слова на его составныя части составляетъ задачу болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

Такъ называемые флексивные языки не что иное, какъ слоевые или агглютинативные. Но между тѣмъ какъ въ первыхъ этимологическій составъ слова не всегда ясенъ, вторые, въ большинствѣ случаевъ, такъ же легко разбираются по составнымъ частямъ, какъ цвѣтокъ по лепесткамъ. Въ особенности это замѣтно въ нѣкоторыхъ кавказскихъ языкахъ: черкесскомъ и абхазскомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ языкахъ существуетъ еще другое основаніе агглютинаціи, кромѣ вышеупомянутаго. Въ этихъ языкахъ есть цѣлый рядъ составныхъ словъ, въ которыхъ сросшіяся слова выражаютъ не синтактическую зависимость другъ отъ друга¹⁾, но два какихъ-нибудь отличительныхъ признака предмета. Напримѣръ черкесское *напе* означаетъ *лицо*; обѣ его составныя части: *нне* глазъ и *ппе* носъ. Это важно знать потому, что и въ арійскихъ языкахъ сохранился слѣдъ подобнаго словообразованія.

Теперь приступаю къ объясненію нѣкоторыхъ суффиксовъ языка, образовавшихся подъ вліяніемъ языковъ кавказскихъ.

1. Суффиксъ -ск-.

Суффиксъ -ско, -ска распространенъ въ значительной степени въ западной вѣтви арійскихъ языковъ²⁾, главнымъ же образомъ — въ группѣ языковъ германско-литовско-славянскихъ.

¹⁾ *Composita adverbialia* оставляю въ сторонѣ.

²⁾ Въ восточной вѣтви арійскихъ языковъ этотъ суффиксъ является спорадическимъ и имѣетъ нѣсколько другое значеніе.

Въ греческомъ языкѣ этотъ суффиксъ является въ уменьшительныхъ на *-(i)σχο¹⁾*: *παιδίσχο-ς* мальченка, *παιδίσχη* дѣвчонка, *οἰκίσχο-ς* домишко, *αἰγίσχο-ς* козленокъ, *χοιρίσχο-ς* свинка, *ἀλεκτορίσχο-ς* пѣтушокъ, *κυνίσχο-ς* собачонка (также и имя собств. *Ἡρόδ.* VI, 17). По Швабе²⁾ этихъ словъ насчитывается 180.

Въ латинскомъ языкѣ суффиксъ этотъ встрѣчается только въ нѣсколькихъ словообразованіяхъ, но съ потерю уменьшительнаго значенія.

Германскія словообразованія съ *-iska-*, означающія происхождение и принадлежность или соотвѣтствіе и качество, весьма многочисленны. Этотъ суффиксъ въ нѣмецкомъ языкѣ претерпѣлъ значительныя видоизмѣненія: звукъ *k* перешелъ въ средне- и ново-верхне-нѣмецкомъ въ безголосый спирантъ *ch*, а тотъ, въ свою очередь, начиная съ XI в., въ соединеніи съ *s* — въ безголосый спирантъ *sch³⁾*. Такъ, герм.-гот. *judaivisk-s jüdisch* жидовскій, *riudisk-s iðvniçós* др.-в.-мѣм. *diutisc deutsch* нѣмецкій, др.-в.-н. *frencisc fränkisch* франкскій, *dorfisc dörfisch* деревенскій, *mennisco Mensch* человѣкъ; въ скандинавскихъ языкахъ этотъ суффиксъ сохранился въ первобытной чистотѣ: *svenska, danska, norska, finska*.

Въ литовскомъ языкѣ распространеніе его менѣе значительно, но съ переходомъ с въ ш, какъ и въ сербскомъ языкѣ: *prúsiszka-s* прусскій, *lëtúviszka-s* литовскій, *kłaipediszki-s* клайпедскій (мемельскій).

Но весьма широко его распространеніе въ церковно-славянскомъ и во всѣхъ славянскихъ языкахъ, въ особенности въ русскомъ, въ томъ же самомъ значеніи, какъ и въ германскихъ языкахъ, отчего у Бругмана и явилось предположеніе о заимствованіи этого суффикса изъ германскихъ языковъ⁴⁾. Такъ, церк.-слав. *мжъ-ск-ъ* мужской, мужескій, *братъ-ск-ъ* братскій, *Смоленъ-ск-ъ*, *Галичь-ск-ій*, *Русь-ск-ій*, *Грек-ск-ій* греческій; въ особенности въ фамильныхъ именахъ: *Ростовскій* и т. д.

Если италянскія: *grechesco, donnesco, tedesco* германскаго происхожденія, то румынскія: *Solesku, Bibesku* и т. д. заимствованы отъ славянъ: римскіе колонисты поселились въ древней Дакии раньше, чѣмъ началось воздѣйствіе германцевъ на италійскіе народы.

Звуковая группа *ск* посредствомъ *ст* (въ греческомъ: *ἐλληνιστί, μηδικτί, αἰολιστί* и т. д., въ слав. *ѣлеонъ-скъ* — на горѣ *ѣлеонъ-стѣ*) смягчается въ сложный согласный щ (шч), напр. малорусс. *топориско* — *топоріще*, прозвиско (польск. *przezvisko*) — прозвище. Въ древне-славянскомъ языкѣ, въ южныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ нѣкоторыхъ арійскихъ языкахъ *ск* смягчается въ шт; напримѣръ, въ др.-слав.:

¹⁾ Усиленные глаг. основаны въ греч. и лат. яз. на *(i)σχω, (i)scō*, напр. *εὐρίσχω* нахожу, *γεγίσσο* оживаю, *υπερίσχω* старѣюсь — и даже интеративныя формы на *-σχοῦ, σκόμην*, я объясняю суффиксальнымъ наслоеніемъ изъ родственныхъ языковъ: *is-skā- *a js-skā-, др. в. н. — *eisca* исканіе, требованіе, слав. *иск-а-ть*.

²⁾ Ludwig Schwaabe, *De dēminutivis Graecis et Latinis*, Gissae, 1859, s. 44 sq Leo Meyer, *Vergleichende Gram. der griech. und lat. Sprache*, Berlin, 1865 и Kühner, *Ausführliche Gram. der griechischen Sprache*, Hannover, 1869.

³⁾ Heuse, *Deutsche Grammatik*, стр. 153.

⁴⁾ Brugmann, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indo-germanischen Sprachen*, II, стр. 260. Скорѣе заимствованіе произошло наоборотъ, такъ какъ славяне жили ближе къ источнику, откуда заимствованъ этотъ суффиксъ.

капиште, црквиште; въ серб.: осопштина (но въ хорв. *sidališće*); въ болгарскомъ: царовиште, тръговиште; въ румынскомъ: молдаванешті по-молдавански, русешті по-русски; въ шкипетарскомъ (албанскомъ): грекішт, суркішт, шкерішт по-славянски, βλαхішт по-валашски (румынски)¹⁾.

Параллельно съ нимъ изъ суффикса (с)к (безъ согласнаго *с* первой составной части), но предшествуемый гласнымъ *і*, вырабатывался въ русскомъ языкѣ суфф. (и)ч для обозначенія отчества, въ соединеніи съ другимъ суффиксомъ -(о)в- или -(е)в-, предшествующимъ первому, хотя есть словоброанія и безъ него: Сергѣевичъ, Ѳомичъ; но имъ пользуются также въ названіяхъ племенъ, народовъ и жителей городовъ, означая какъ бы дѣтей или потомковъ родоначальника, напр. рус-ичи, вят-ичи, москв-ичи²⁾. Болѣе позднѣе образованіе³⁾ — переходъ (і)к въ (і)с наблюдается въ языкѣ польскомъ: *dziedzic, starościc, szlachcic, rodzic*. Точно такъ же въ одномъ изъ арійскихъ языковъ, а именно въ армянскомъ, является суффиксъ *ц*, производящійся тою же артикуляціею звуковъ, въ соединеніи съ суффиксомъ *ан* (какъ и въ малорусскомъ) и съ перестановкой гласнаго *і*: Сундук-і-ан-ц.

Какъ видно, суфф. -ско-, -ска- существуетъ во многихъ арійскихъ языкахъ, но значеніе его такъ и не удавалось объяснить изъ этихъ языковъ. Бругманъ⁴⁾ считаетъ его для объясненія труднымъ, но труднымъ онъ казался потому, что заимствованъ отъ народа, чуждаго арійцамъ, но жившаго рядомъ съ ними въ продолженіе многихъ вѣковъ. Народъ этотъ *карты* (иверы), развѣтвляющіеся въ настоящее время на три племени — грузинъ, мингрельцевъ и свановъ. *Карты* жили западнѣе теперешнихъ своихъ жилищъ. Еще Тацитъ говоритъ о нихъ: *Iberī Albānīque, saltuōsōs locōs incolentēs, dūritiae patientiaeque magis īnsuēvēre, feruntque sē Thessalis ortōs, quā tempestāte Iasō... Colchōs repetivit*⁵⁾. Они занимали, судя по географической номенклатурѣ и даннымъ языка, западную часть Малой Азіи до береговъ Галиса (Кизиль), Ирмака и даже Геллеспонта. Г. Глейе въ своей статьѣ⁶⁾ называетъ общіе съ арійскими языками элементы въ грузинскомъ языкѣ арійскими; я, напротивъ, рѣшаюсь назвать существующій въ нѣкоторыхъ арійскихъ языкахъ суффиксъ *ск* грузинскимъ. Суффиксъ этотъ я считаю грузинскимъ потому, что онъ въ родственномъ грузинскому языку — въ мингрельскомъ еще сохранилъ свое значеніе и потому совершенно понятенъ каждому мингрельцу: *сќуа* или *сќі* въ мингрельскомъ означаетъ *сынъ* и происходитъ отъ корня *ску=шу*, означающаго *рожденіе*; но это самостоятельное слово стало уже въ мингрельскомъ языкѣ употребляться какъ суффиксъ для обозначенія *происхожденія* и *принадлежности*. Напримѣръ, Еліа-ш-сќуа Ильичъ, Ильинскій⁷⁾, Іванеішсќуа Ивановичъ, жіносќуа сынъ Вышняго, дворянинъ, тавадісќуа князь, маргалісќуа крестья-

¹⁾ К. Христофорідовъ, *Γραμματικὴ τῆς ἀλβανικῆς γλώσσης*, Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1882.

²⁾ Буслевъ, Историческая грамматика русскаго языка, I, стран. 144.

³⁾ Miklosich, *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. I. Lautlehre, стран. 257.

⁴⁾ Brugmann, II, стран. 260. Die Beurtheilung dieses Suffixes ist schwierig.

⁵⁾ Taciti, *Annalēs*, 6, 34.

⁶⁾ См. вышелемѣщенную ст. Глейе „Аріо-европейскіе, а въ частности иллірійскіе элементы въ грузинскомъ языкѣ“ въ настоящемъ вып. Сборн. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа.

⁷⁾ См. ст. Джанашивили „Картвельскій языкъ и славяно-русскій“ въ настоящемъ выпускѣ Сборника.

нинъ, нана-сѣа родимый. Характерны также фамильныя имена, съ наращеніемъ глагольнаго корня рі=груз. лі: Цулаіск(у)а-рі Цулаевъ, Папа-ск(у)а-рі Поповичъ¹⁾. Грузинское швілі (собств. шулі) произошло посредствомъ смягченія — изъ ску-ілі, при чемъ груз. л соответствуетъ мингрельскому р²⁾. Замѣчательно, что въ родственномъ мингрельскому — лазскомъ нарѣчїи, на которомъ говоритъ народъ, далѣ всего выдвинувшійся на западъ, рядомъ съ сїкіріс=сѣа стало употребляться слово бере, заимствованное изъ скипетарскаго бірі.

Опредѣлить время заимствования можно только приблизительно. Въ языкѣ Гомера этого суффикса нѣтъ³⁾; поэтому можно предположить, что карты, бывшіе долго сосѣдями еракійскихъ, македонскихъ и иллирійскихъ племенъ, пришли въ соприкосновеніе съ греками уже послѣ IX в. до Р. X., а затѣмъ, тѣснимые армянами при движеніи послѣднихъ для занятія урартскихъ земель (послѣ паденія урартскаго царства въ концѣ VIII в. до Р. X.), устремились на востокъ, занявъ, съ одной стороны, долину Куры и предгорья западнаго Кавказскаго хребта, а съ другой, но, вѣроятно, въ еще болѣе ранній періодъ, южное и восточное побережья Чернаго моря, подъ названіемъ лазовъ и мингрельцевъ (ѳановъ и маргали). Колхи-Мингрельцы уже во времена Ксенофонта занимали свои теперешнія мѣста, хотя при немъ они жили еще гораздо западнѣе — до Синопа.

Картское слово сѣа перешло въ качествѣ суффикса отъ картовъ, съ одной стороны, къ бывшимъ ихъ западнымъ арійскимъ сосѣдямъ: грекамъ и скипетарамъ, а отъ тѣхъ уже къ славянамъ, литовцамъ, германцамъ, отчасти и къ романскимъ народамъ, а равно и армянамъ, жившимъ первоначально тоже западнѣе грузинъ, съ другой — усвоено абхазцами, убыхами и адыгами (черкесами). Въ абхазскомъ языкѣ оно сохранило только суффиксальное значеніе и служитъ для образованія множ. числа, но съ пропускомъ первой составной части — суффикса -(і)с и замѣной придыхательнаго к̣ отрѣзнымъ к̣ (перваго въ абхаз. языкѣ нѣтъ): ажа заяць — ажа-к̣уа. Въ убыхскомъ языкѣ это слово является, съ замѣной придательнаго к̣ язычно-велярнымъ k и въ соединеніи съ корнемъ ѳа (въ адыгскомъ ѳа означаетъ понужденіе, зависимость): ѳа-коа сынъ. Въ адыгскомъ языкѣ является первичная форма ко, о которой будетъ сказано ниже.

Рядомъ съ суффиксомъ -ск- въ арійскихъ языкахъ, въ особенности въ западныхъ вѣтвяхъ этой группы, получили широкое распространеніе родственные ему суффиксы: -ко-ка̣, -(і)ко -(і)ка̣-, -(у)ко- -(у)ка̣-, (а)ко- (а)ка̣-⁴⁾, но я ихъ всѣхъ теперь касаться не буду.

Перехожу къ суффиксу -ко.

¹⁾ Суфф. -ск- въ мингрельскомъ языкѣ претерпѣлъ отчасти тѣ же видоизмѣненія, какъ и въ нѣмецкомъ: маргалиші тавадісѣа мингрельскій князь; русіте отъ русскаго, или — русскаго; маргалише отъ мингрельца; Мартвіліше изъ, или: отъ Мартвилъ; меу русіша или къ русскому; сенакише сенакскій.

²⁾ Цагарели, Мингрельскіе этюды, П. Пет. 1880, стран. 52.

³⁾ Leo Meyer, Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache, Berlin, 1865, II, стран. 504.

⁴⁾ Литература этихъ суффиксовъ показана у Бругмана, II, стран. 238.

2. Суффиксъ -ко.

Суффиксъ -ко, представляющій первичную форму предыдущаго, встрѣчается изъ славянскихъ языковъ только въ языкахъ болгарскомъ и русскомъ, но, главнымъ образомъ, въ малорусскомъ нарѣчїи. Русскій языкъ и раньше уже имѣлъ родственныя ему суффиксы, принявшїе впоследствии различныя сочетанїя: -ик-, -ск-, -ок-, -ук-, -як-, -к-, -ѣк-, -ѣк-, но въ формѣ -ко онъ появляется уже въ историческое время. Въ древне-русскомъ языкѣ и въ великорусскомъ нарѣчїи суффиксъ этотъ служитъ для образованїя ласкательныхъ именъ: Василь-ко (Нест.), Владимиръ-ко (Лѣт. пер. Сузд. XIII в.), Иваш-ко, Миш-ко, Гриш-ко¹⁾, дѣдко, дѣдушко (въ Угличѣ). Въ томъ же самомъ значенїи употребляется -ко и въ болгарскомъ языкѣ: Петко (отъ Петра), Пѣнко (отъ Степанова), Иванко (но та же форма Иванчо). Но, рядомъ съ суфф. -ко, встрѣчается въ русскомъ языкѣ въ словахъ азоваго склоненїя²⁾ суффиксъ -ка: Васька, дядька (отъ дядя). Что же касается малорусскаго нарѣчїя, то суфф. -ко употребляется не только въ ласкательныхъ именахъ, какъ, напр., Левко, Манько (отъ Еммануила), но въ Приднѣпровьѣ и въ особенности въ Лѣвобережной Малороссїи — въ патронимикахъ и происшедшихъ изъ нихъ прозвищахъ и фамильныхъ именахъ, въ соединенїи съ суфф. ен(т) (церк.-слав. ѣт): Шевчен-ко, Левчен-ко, Вдовычен-ко, Петрен-ко и т. д. Употребленїе суффикса -ко въ этомъ послѣднемъ значенїи — несомнѣнно болѣе поздняго происхожденїя.

Наличность суффикса -ко въ малорусскомъ нарѣчїи не единичное явленїе: въ томъ же самомъ значенїи, какъ въ малорусскомъ, и въ той же почти формѣ, но съ тѣмъ только различїемъ, что вмѣсто язычно-небнаго к является язычно-велярный к, этотъ суффиксъ существуетъ въ обоихъ нарѣчїяхъ адыгскаго (черкесскаго) языка — чахскомъ (кяхскомъ) и кабардинскомъ: Бато-ко, Балато-ко, Локшо-ко, Хацо-ко, Псыбадыно-ко, Јеѣано-ко. Совпаденїе суффикса въ обоихъ этихъ языкахъ не имѣло бы еще столь большаго значенїя, если бы не то обстоятельство, что суффиксъ -ко въ черкесскомъ языкѣ играетъ не только роль образующаго окончанїя, какъ въ языкѣ русскомъ, но сохранилъ свое самостоятельное значенїе: слово -ко означаетъ *сынъ*³⁾; оно одинаково понятно каждому черкесу и какъ слово самостоятельное и какъ составная часть сложнаго слова. Въ этомъ случаѣ можетъ служить полной аналогіей скандинавское -son, -sen (Svenson, Benedictsen), служащее и тѣмъ и другимъ: самостоятельнымъ словомъ и суффиксомъ.

По моему мнѣнїю, между черкесскимъ и русскимъ, а въ особенности южно-русскимъ -ко существуетъ историческая связь. Определить время появленїя этого суффикса въ южно-русской вѣтви русскаго языка можно только приблизительно; онъ водворился въ чуждой ему средѣ не раньше продолжительнаго сосѣдства и историческихъ сношенїй малоруссовъ съ адыгами, появлявшимися на исторической

¹⁾ Л. Васильевъ, Новгородское Евангелїе и его зап.-русск. вкладныя („Русск. Фил. Вѣстникъ“ 1902).

²⁾ Прим. къ Миклошичу, пер. Шлякова, подъ ред. проф. Брандта, въ „Изв. Ист.-Фил. инст. кв. Безбородка въ Нѣжинѣ“, 1886 г.

³⁾ Въ кабардинскомъ нарѣчїи слышится, какъ и въ мингрельскомъ коа или куа.

сценъ подъ названіемъ языговъ, но также, вѣроятно, примыкавшими къ иноплеменнымъ завоевателямъ: гуннамъ, аварамъ, аланамъ, печенѣгамъ и другимъ. Адыги въ разные времена приходили въ соприкосновеніе съ Южною Русью и оставили тамъ слѣдъ своего пребыванія въ видѣ географическихъ названій на всемъ почти пространствѣ юга Россіи и въ особенности между рр. Сеймомъ и Ворсклою, и потому неудивительно, что это вліяніе могло отразиться и на языкѣ. Появленіе въ Левобережной Малороссіи суффикса -ко во второмъ, но коренномъ его значеніи можно отнести ко времени водворенія на этой территоріи пятигорскихъ черкасъ, выведенныхъ вел. кн. литовскимъ Витовтомъ, въ концѣ XIV вѣка, и смѣшавшихся впоследствии съ южно-русскими и тюркскими элементами¹⁾. Это отразилось, между прочимъ, и на фонетикѣ приднѣпровскихъ говоровъ — на мягкомъ и тождественномъ въ обоихъ языкахъ произношеніи гласнаго звука -ы изъ зубо-гортаннаго ряда: по́дрывати — земтхын. Даже и произношеніе голосового язычно-зубнаго л въ сочетаніи съ и очень близко подходит въ приднѣпровскихъ говорахъ къ черкесскому l: блыстѣти — лыдын, а равно и произношеніе язычно-небнаго спиранта ъ, общаго всей Малороссіи, — къ такому же звуку въ черкесскомъ: ъурт гуртъ.

Если, съ одной стороны, этотъ суффиксъ перешелъ къ сѣверо-восточнымъ сосѣдямъ адыговъ — къ русскимъ, то съ другой — онъ встрѣчается и у ихъ юго-восточныхъ сосѣдей, а именно у грузинъ и аваровъ. Но въ грузинскомъ языкѣ суффиксъ *ko* имѣетъ уменьшительное значеніе, какъ и въ великорусскомъ: швілі-ко сынокъ, Дагі-ко Давидка, гврті-ко голубокъ, Петрі-ко Петрикъ, Даіуні-ко²⁾; такое же значеніе онъ сохраняетъ и въ аварскомъ языкѣ: ваца-ко братецъ, јаца-ко сестрица³⁾.

3. Суффиксы -ч-, -чі-

Суффиксъ -чі, родственный суффиксамъ -(с)к и -ко, употребляется изъ аrio-европейскихъ языковъ только въ славянскомъ и, въ особенности, въ языкѣ русскомъ, для обозначенія *nominis agentis* въ словахъ на -чь и -чий, а въ цк.-сл. на — чи, чий и чия: тка-ч-ь,стряп-чий, сок-ачь, со-к-а-чи и сок-а-чия поварь, кр-ь-чи кузнецъ, ласк-ь-чий лстець, кр-ь-чь-чия управитель; иногда съ наращеніемъ суфф. -к-ь: извоз-чи-к-ь, рѣз-чи-к-ь, при параллельномъ развитіи суфф. -щи: зачинщикъ. Суфф. этотъ встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ — польскомъ: *ogasz, posiadasz, łowczy*; чешскомъ: *lovčí, kvačí, křečí*; болгарскомъ: *орач, собирач*. Слѣдуетъ замѣтить, что русскій суфф. -чий, въ особенности часто встрѣчающійся въ прилагательныхъ, имѣетъ наклонность къ переходу въ суфф. -ьц- (-ец-), посредствомъ котораго слово пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельное значеніе существительнаго: лов-чий — лов-ецъ, пѣв-чий — пѣв-ецъ. Сюда же относятся и многочисленныя *nōmina agentis* на -ьц- и -ец-: куп-ец-ь, горд-ец-ь. Такимъ образомъ, между суффиксами -чі и -ьц- (-ец-) существуетъ тѣсное взаимодействіе.

¹⁾ Докладъ о Пят. черк., читанный г. Падалкой на XII Арх. съѣздѣ въ Харьковѣ, подъ загл. „Историческая обстановка формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ“.

²⁾ М. Джанашвили, *ibid.*

³⁾ Усларъ. Аварскій языкъ, стран. 89.

Суффиксъ этотъ кавказскаго происхожденія: онъ встрѣчается, въ видѣ самостоятельнаго слова, въ аварскомъ или хунзскомъ языкѣ (хунз мац), гдѣ чі означаетъ *человѣкъ*. Но уже въ аварскомъ языкѣ это слово является суффиксомъ для обозначенія дѣйствующаго лица, хотя и съ вполне отчетливымъ еще пониманіемъ истиннаго его значенія: һој-чі негодяй (собств. собака-человѣкъ), маццл-чі клеветникъ, дуѣа-чі богомолецъ, бабар-чі храбрець, чиѣар-чі чужеземець, бурті-чі чеченець, ъолоѣкан-чі юноша (ъолоѣкан молодой быкъ) и т. д.

Аналогіей словообразованіямъ съ суффиксомъ -чі могутъ служить нѣмецкія сложныя слова: Zimmer-mann, Kaufmann, Land-mann, съ ясно сохранившимся еще значеніемъ второго составнаго слова.

Въ качествѣ суффикса, но съ потерю уже своего значенія, это слово перешло, съ одной стороны, къ славянамъ, а съ другой — къ многочисленнымъ тюркскимъ народамъ¹⁾. У славянъ этотъ суффиксъ сталъ употребляться рядомъ съ суффиксомъ *арь*, служащимъ для того же самага обозначенія, но въ тюркскихъ языкахъ онъ пріобрѣлъ исключительное господство. Такъ, въ казанскомъ нарѣчій: карау-чі смотритель, укыу-чі чтець, булдырыу-чі творецъ, каѣк-чі лодочникъ; въ азербейджанскомъ: бѣікара-чі лодырь, бостан-чі огородникъ, ари-чі пчеловодъ; въ кумыкскомъ: башмак-чі башмачникъ, сѣз-чі бунтовщикъ, гѣч-чі маленькій; въ казакъ-киргизскомъ (съ переходомъ *ч* въ *ш*): ер-шы сѣдельный мастеръ, мал-шы пастухъ; въ карачаевскомъ (часто съ пропускомъ гл. *і*, какъ и въ слав. языкахъ); кызган-ч скупой, ат-ѣер-чі сѣдельникъ, гумуш-чі серебрякъ, орак-чі жнецъ. Суфф. этотъ захватываетъ въ тюркскихъ языкахъ отдаленныя по своей древности времена и попадаетъ у весьма отдаленныхъ племенъ; онъ встрѣчается на орхонскихъ надписяхъ²⁾, въ древне-турецкомъ: ölte-ѣи умирающій; въ уйгурскомъ: журт-чі селянинъ, јог-чі плачущій³⁾. Въ ново-турецкомъ или османскомъ является рядомъ съ формой чі (окчі стрѣлокъ), и форма ѣи: тѣтѣн-ѣи продавецъ табаку, јѣ-ѣи путешественникъ.

Отъ тюрковъ суффиксъ этотъ перешелъ къ евреямъ-татамъ: сѣдаѣа-чі нищій (сѣдаѣа милостыня)⁴⁾ и къ курдамъ: ірхі-чі табунщикъ, кѣлѣ-чі лудильщикъ, кѣмак-чі защитникъ. Замѣчательно, что въ формѣ жі онъ встрѣчается также у мингрельцевъ⁵⁾: махін-жі разбойникъ, лурен-жі спящій. У армянъ -чі перешло въ -ѣи для обозначенія

¹⁾ Фонъ-Эркерть въ своемъ сочиненіи „Die Sprachen des Kaukasischen Stammes“ (II часть, стран. 170) высказываетъ мнѣніе, что авар. суфф. -чі заимствованъ у тюрковъ, хотя и признаетъ за словомъ чі (человѣкъ) самостоятельное значеніе. Высказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, неувѣренность въ родствѣ аварскаго и тюркскаго чі (nicht verwandt damit scheint das avarische ѣи Mann, Mensch, in Beispielen wie xerav-ѣи alter Mann, Greis), онъ самъ впадаетъ въ противорѣчіе. Многоуважаемый проф. Харьковскаго университета, М. С. Дриновъ, при обсужденіи моего реферата на XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ (23 августа 1902 г.), тоже высказался въ пользу тюркскаго происхожденія суфф. -чі, онъ не можетъ знать о самостоятельномъ значеніи слова чі въ аварскомъ языкѣ, не имѣя подъ рукою работъ по этому языку. Усларъ въ своемъ трудѣ „Аварскій языкъ“ (Тифлисъ, 1889 г.) высказывается такъ: „Множество существительныхъ оканчивается на чі, которое имѣетъ значеніе нѣмецкаго Mann въ словѣ: Kaufmann и т. в., англійскаго man въ словѣ tradesman“ (стран. 44).

²⁾ Thomson, Inscriptions de l'Orkhon (Helsingfors, 1896).

³⁾ Vambergy, Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens (Helsingfors, 1899).

⁴⁾ В. Миллеръ, Матеріалы для изученія евр.-тат. языка.

⁵⁾ Цагарели, Мингрельскіе ятуды, стран. 65.

происхожденія по родинѣ, чѣмъ этотъ языкъ подошелъ близко къ русскому: јереван-ці зриван-ец-ъ, тифлис-ці тифлис-ец-ъ.

Къ славянамъ и въ особенности къ русскимъ этотъ суффиксъ могъ перейти отъ аваровъ въ историческое время, когда они впервые появились на исторической сценѣ, съ 558 г. Правда, не исключается возможность, что авары могли являться и подъ названіемъ гунны (авары называютъ себя хунз)¹⁾. Съ 827 г. авары исчезли съ европейской территоріи, запершись въ своихъ кавказскихъ тущобахъ, но оставили сѣвернымъ и юго-восточнымъ славянамъ единственный, можетъ-быть, слѣдъ своего языка въ видѣ суффикса *-чи*.

Характернымъ для опредѣленія границъ историческихъ вліяній является то обстоятельство, что суффиксъ *-чи* пріобрѣлъ свою жизненность только у тѣхъ народовъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ гуннами и аварями. Но странно, что его не знаютъ теперешніе сосѣди аварцевъ — разныя лезгинскія племена и чеченцы. Очевидно, періодъ исторической экспансивности прошелъ для аваровъ уже давно, и въ настоящее время ихъ вліяніе не простирается дальше занимаемыхъ ими ущелій.

¹⁾ У Иордана (Rom. et. Get. 127) говорится: quem (Danaprim amnem) linguā suā hunnī Var appellant. Гунское названіе рѣки Днѣпра *var* ставитъ аваровъ въ связь съ гуннами: по-аварски *qor* означаетъ *рѣка*.

Наблюдения надъ народнымъ творчествомъ крымскихъ болгаръ¹⁾.

А. О. Музыкаленка.

Вопросъ о зарожденіи поэзіи и поэтическомъ синкретизмѣ. Событія, вызывающія новыя пѣсни. Пѣсни, сопровождаемая мимикой. Вопросъ о личномъ и коллективномъ творчествѣ. Стороннія вліянія на творчествѣ болгаръ.

Болгары, о которыхъ я буду говорить, представляютъ собою интересную въ этнографическомъ отношеніи группу. Эти переселенцы достигли Крыма не длиннымъ сухимъ путемъ, черезъ Бессарабію, теряя на своемъ долгомъ пути драгоцѣнныя черты сѣдой старины, а пріѣхали на судахъ прямо съ родины, испытавъ много горя на пути; попали они въ Крымскія горы — и эти горы оградили ихъ надолго отъ стороннихъ вліяній, такъ что здѣсь сохранились такія черты языка и быта, какія стерты жестокимъ временемъ даже въ самой Болгаріи.

Считаю не лишнимъ напомнить, что въ одной изъ программъ, изданныхъ къ VI Археологическому сѣзду въ Одессѣ, именно, въ программѣ для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, составленной г. Матвѣевымъ, былъ сдѣланъ призывъ къ изслѣдованію именно этихъ переселенцевъ — южныхъ славянъ. Вспомнить о нихъ особенно умѣстно теперь, когда исполняется сто лѣтъ со времени появленія первыхъ болгарскихъ колоній въ Крыму²⁾.

Что касается ближайшей задачи настоящаго реферата, то, исходя изъ извѣстнаго мнѣ небольшого матеріала, строить какія-либо гипотезы было бы слишкомъ смѣлымъ, если принять во вниманіе территоріальную миниатюрность подлежащаго моему наблюденію пѣсеннаго очага. Я собиралъ данныя по этому вопросу всего въ одномъ, хотя, правда, очень большомъ болгарскомъ селеніи³⁾, только изрѣдка захватывая другія.

¹⁾ Докладъ, читанный въ секціи древностей славянскихъ на XII Археол. сѣздѣ въ Харьковѣ, 23 августа, 1902 г.

²⁾ Разбирая уже послѣ Сѣзда архивныя данныя о болгарскомъ переселеніи въ Россію, я нашелъ документы, вносящіе поправку на одинъ-два года въ хронологию заселенія Крыма, составленную на основаніи ранѣе собранныхъ мною документовъ въ бумагахъ Кишлавскаго волостнаго правленія. Въ виду необходимости сличать разнорѣчивыя данныя, я предполагаю сдѣлать это предметомъ отдельной статьи, а пока считаю своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Московскому Археологическому Обществу за данную мнѣ возможность удобно обставить свои занятія въ архивѣ г. Одессы.

³⁾ Это — село Кишлавъ, Феодосійскаго уѣзда; другія данныя о немъ въ моей статьѣ „Бытъ болгаръ-поселенцевъ Феодос. уѣзда“. „Этногр. Обзор.“, книга XLIII.

Я намѣчаю болѣе скромную и, надѣюсь, болѣе вѣрную въ методологическомъ отношеніи цѣль — сдѣлать попытку провѣрить, насколько на данномъ частномъ случаѣ оправдываются гипотезы и теоріи о началахъ поэзіи, кроющихся въ туманномъ младенествѣ человѣка, иначе говоря, произвести индуктивную провѣрку предположеній, сопоставивъ ихъ съ наблюденными фактами. Самихъ этихъ теорій, предположеній и болѣе мелкихъ указаній по затрагиваемымъ вопросамъ, какія мы находимъ въ научной литературѣ, я буду касаться въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, считая ихъ извѣстными.

Ученые историки культуры и литературы видятъ зародыши пѣсни¹⁾ въ избыткѣ физиологической энергіи, половой эмоціи²⁾, въ праздничныхъ³⁾ и печальныхъ эмоціяхъ, или вообще въ яркихъ событіяхъ дня, боевыхъ подвигахъ племени, клана⁴⁾, т.-е. источники поэзіи предполагаются самые разнообразные, исходящіе изъ нѣсколькихъ начальныхъ центровъ (религіозное настроеніе, военные подвиги, смерть старѣйшаго въ кланѣ, удачная охота). Но избытокъ физической и психологической энергіи не выливался сразу въ формѣ пѣсни, и въ прансторіи поэтического и вообще художественнаго развитія слѣдуетъ предположить извѣстный синкретизмъ, не смѣшеніе, а отсутствіе различія между опредѣленными поэтическими родами, между поэзіей и другими искусствами, нѣчто наивно соединенное въ поэзіи обряда⁵⁾, или, какъ прямо говоритъ акад. Веселовскій, „сочетаніе ритмованныхъ⁶⁾ оркестическихъ движеній съ пѣсней, музыкой и элементами слова“, при чемъ роль послѣдняго была вначалѣ очень скромной (восклицательныя выраженія эмоцій, нѣсколько незначущихъ словъ — носителей такта и мелодіи), такъ какъ эмоціональный элементъ, давая выходъ накопившейся энергіи, былъ главнѣе, болѣе завлаживалъ интересомъ и зрителей и исполнителей, чѣмъ содержательный. И только впоследствии, съ развитіемъ синтаксиса, въ синкретизмѣ создается болѣе цѣльный текстъ, эмбрионъ поэтического⁷⁾.

Такова общая схема процесса зарожденія поэтическихъ произведеній, и эта именно схема подтверждается наблюденіями надъ живымъ созиданіемъ народной пѣсни

¹⁾ Первоисточникомъ поэзіи А. Потебня въ своемъ сочиненіи „Мысль и языкъ“, а за нимъ Д. Овсяннико-Куликовскій считали самый языкъ.

²⁾ См. „Русская Мысль“ 1895 г., 3 кн. „Основы научной теоріи искусства и критики“, а также сопоставленіе мнѣній В. Шерера (Poëtik) и Гроссе (Anfänge der Kunst) у Карла Бюхера „Работа и ритмъ“, 84.

³⁾ Вспомнимъ хотя бы галльскихъ бардовъ, которые „οὐς μὲν ἔμνοῦσαν, οὐς δὲ βλασφημοῦσαν“. Diod. ed. Dindorf., v. II, Lib. V, с. XXXI.

⁴⁾ Акад. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр. 1894 г. № 5, 25.

⁵⁾ Ак. Веселовскій въ Сб. И. Ак. наукъ, т. 40: „Матеріалы и изслѣд. изъ исторіи романа и повѣсти“, 2—3; Ж. М. Н. Пр. 1894, 5, 35; „Теорія поэтическихъ родовъ въ ихъ истор. развитіи“, Лекціи 1894/5 г. въ С.-Пб. унив. ч. 1, 36, 39, 45—47.

⁶⁾ Ритмъ — весьма важный моментъ въ опредѣленіи происхожденія поэзіи. Его выдвигаютъ не только авторитеты литературы. Такъ, извѣстный лейпцигскій политико-экономъ К. Бюхеръ, разбирая въ своей книгѣ „Работа и ритмъ“ вопросъ о происхожденіи драмы, эпоса и лирики, на первый планъ ставитъ ритмъ, считая его связующимъ признакомъ нѣкогда слитыхъ въ одно цѣлое работы, музыки и поэзіи.

⁷⁾ „Три главы изъ исторической поэтики“. Ж. М. Н. Пр. 1899, мартъ, стран. 62 и сл.

среди крымскихъ болгаръ. Толчкомъ для творчества среди нихъ являются событія, рѣзко нарушившія обычное теченіе мирной жизни поселянина, такъ сказать, взбаламутившія, подобно бурѣ, спокойное море, которое въ такихъ случаяхъ только и можетъ выбрасывать драгоценныя жемчужины изъ своихъ нѣдръ. Роль бури, волнующей сельскую тишину, играютъ такія событія, какъ, напр., убійство. Надо замѣтить, что болгары рѣдко подерутся между собою; кулачная расправа, подбитыя скулы, стоны, лицо въ синякахъ — всѣ эти не столь рѣдкія явленія жизни русской улицы въ болгарской деревнѣ положительно отсутствуютъ; волостныя дѣла свидѣлствуютъ, что поводомъ къ большинству судебныхъ жалобъ является оскорбленіе очень болѣзненнаго у болгаръ чувства самолюбія; рѣже встрѣчаются дѣла о нарушеніи честнаго слова, словеснаго договора, о неуплатѣ долга за отсутствіемъ расписки. Но обвиненій въ нанесеніи побоевъ совсѣмъ, а въ кражѣ почти совсѣмъ не встрѣчается. Мелкія вещи, бѣлье можно смѣло оставлять на дворѣ на всю ночь, и къ нимъ никто не прикоснется, развѣ цыгане пройдутъ по селу.

Тѣмъ болѣе удручающее впечатлѣніе производитъ на сельскихъ обывателей такое рѣдкое злодѣяніе, какъ убійство человѣка. Поэтому, когда въ 1893 или въ 1894 году въ болгарской деревнѣ Коктебель жена убила обманутаго ею мужа, болгары отзывались на это пѣснею. Точно также, когда въ сосѣдней болгарской колоніи, Старомъ Крыму, одинъ человѣкъ убилъ изъ мести не пожелавшую выйти за него замужъ женщину и не былъ привлеченъ къ суду, потому что его богатымъ родственникамъ удалось потушить дѣло, народный голосъ явился неподкупнымъ сторожемъ истины и назвалъ убійцу въ пѣснѣ, гдѣ излилъ свое сожалѣніе о безвременно погибшей женщинѣ, и гдѣ всѣ имена и обстановка взяты изъ дѣйствительности съ прибавкой только нѣкоторыхъ подробностей убійства, свидѣтелемъ которыхъ на самомъ дѣлѣ никто не былъ.

Такъ, пѣсня повѣствуетъ, что у матери было три дочери, изъ которыхъ двѣ вышли замужъ въ Кишлавъ, а третья Аксенья — въ Шиживуть. Последняя пришла въ гости къ роднымъ и хочетъ итти вмѣстѣ съ другими женщинами въ лѣсъ по орѣхи; мать противится этому, но ничего не можетъ подѣлать. Компанія подошла къ зеленому лѣсу-орѣшнику, и всѣ принялись за работу.

Кирилль, проводникъ, предлагаетъ женщинамъ подняться выше, къ источнику, и, когда узнаетъ, что Аксенья осталась на деревѣ, внизу, спѣшитъ туда, три раза возвращается по одной тропинкѣ, убиваетъ несчастную и приходитъ назадъ съ листьями въ носу, объясняя, что у него пошла кровь, и онъ не могъ ея остановить. Скоро раздалась въ лѣсу голоса зовущихъ Аксенью женщинъ, но никто не отзывался. Обо всемъ сказали матери, и въ субботу противъ „недѣли“ нашли женщину „пре висѣки тѣ хрѣстыки и пре гулѣми тѣ лѣскѣци и пре далѣбоки тѣ падѣны.“

Не менѣе сильное впечатлѣніе производитъ на Кишлавцевъ нарушеніе сельскихъ, неписанныхъ, но свято соблюдаемыхъ законовъ этикета и нравственности въ отношеніяхъ между полами. Такъ, одна дѣвушка позволила себѣ принять въ качествѣ гостей своего младшаго родственника съ постороннимъ молодымъ человѣкомъ, — и

село разславило этотъ поступокъ въ пѣснѣ, оиать-таки удержавъ точно имена и обстановку угощенія:

Дынул^а, мари, хубава!
Тука лы је, Дыну, майка ты?
— Нэма хи, нэма Дымитр^а 1):
Тыи-са на Дютэля 2) —
Лэли^{на} свадба шé имат,
Гуляма свадба шé имат,
Колку на гора лискету
Жи на пулэту трыва-та.
— Дынул^а, мари, хубава!

Повикай, Дыну, Калыца,
Сторит^а, Дыну, плакет^а,
Тэнка плакет^а, вижен^а,
Вижен^а, с мэд пумядн^а;
Свар^и, Дыну, кукдшка,
Кукдшка, Дыну, сас урис,
И ныје, Дыну, шé дойд^{эм},
И ныје, Дыну, с Ныкола 3).

Особенный просторъ получаетъ народная фантазія, когда кишлавскія женщины „нарядат“, т.-е. причитаютъ по умершему, или когда онѣ качаютъ дѣтей. Въ первомъ случаѣ каждый покойникъ является поводомъ къ созданію импровизаціи, иногда весьма удачной. Но любопытно, что село относится весьма различно къ произведеніямъ первой категоріи, т.-е. вызваннымъ событіями, затрагивающими общественную жизнь, и къ пѣснямъ второго порядка — причитаніямъ и колыбельнымъ пѣснямъ 4).

Въ созданіи первыхъ сознательно принимаетъ участіе деревенскій поэтъ, пѣсня его подхватывается односельчанами, особенно молодежью, переходитъ въ сосѣднее село 5), дѣвушки спѣшатъ поскорѣе выучиться ей другъ у друга — и она поется годами, входитъ въ кругъ сельскихъ пѣсень, наравнѣ съ другими. Совсѣмъ не то съ лирическими изліяніями причитающей женщины: здѣсь импровизацію слушаютъ только пожилыя женщины и слушаютъ, такъ сказать, невольно, потому что онѣ пришли отдать долгъ покойнику, — онѣ поплачутъ, и больше ничего. Вернувшись домой, онѣ еще, пожалуй, расскажутъ содержаніе причитанія не бывшей у гроба сосѣдкѣ — и забудутъ: пѣсня, едва родившись, умираетъ.

Если теперь мы обратимъ вниманіе не на поводъ къ созданію пѣсни, а на самый характеръ произведенія, то кромѣ упомянутыхъ уже произведеній, гдѣ слова не сопровождаются жестами, симулирующими ту или иную человѣческую работу, мы увидимъ, что въ Кишлавѣ бытуютъ и такія пѣсни, которыя подтверждаютъ существовавшій нѣкогда синкретизмъ.

Приведу здѣсь два образца такихъ произведеній.

Первый изъ нихъ связанъ съ Рождественскими торжествами. На третій день праздника вся деревня съ нетерпѣніемъ ждетъ обрядоваго танца „цинцинигарь“. Только что вышли отъ обѣдни, какъ у особо избраннаго парнями еще заранѣе „главы“ начинаютъ собираться мужчины всѣхъ возрастовъ. Для всѣхъ приготовленъ

1) Имя молодого родственника Дины. — Относительно условныхъ обозначеній звуковъ см. 3-е примѣчаніе къ слѣд. пѣснѣ.

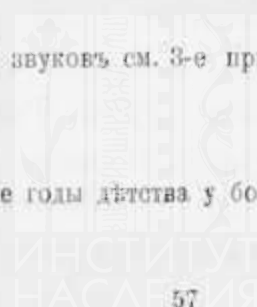
2) Названіе деревни.

3) Посторонній парень.

4) Нѣсколько такихъ пѣсень приведено въ моей статьѣ: „Рожденіе и первые годы дѣтства у болгаръ“. Извѣстія С.-Пб. Слав. Бл. Общ., декабрь 1903 и янв. 1904 г.

5) Такъ, напр., было съ приведенной пѣсней объ убійствѣ женщины.

Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II.

обѣдъ, по окончаніи котораго глава принаряжается, беретъ въ руку деревянную „бѣклицу“ съ виномъ и выходитъ во дворъ. Здѣсь за его талію берется сперва одинъ человекъ, за этого другой и т. д. Составляется цѣпь, и начинается пѣсня, повѣствующая объ одномъ эпизодѣ съ женихомъ. Женихъ этотъ — птица „цинциныгарь“, который засватался за черноокою дѣвушку съ бѣлымъ лицомъ и пригласилъ на торжество въ качествѣ различныхъ свадебныхъ должностныхъ лицъ — филиновъ, вороновъ, сорокъ, лисицу, волка, зайца и всю родню. Отправились за невѣстой. По дорогѣ нашли конскій пометъ, и здѣсь же позолоченную трапезу. Сѣли рядомъ, и не успѣли филипы предостеречь, чтобы не допускать какого-то „юрелѣшку-пепелѣшку“ съ тремя стами турокъ анadoluцевъ, какъ онъ явился, выхватилъ золотую палицу въ 300 п. и ударилъ цинциныгара. Тотъ покатился, всколебалъ черную землю и загрузъ въ нее по поясъ. Филины предложили привести 9 паръ буйволовъ — не помогло, пригласили людей — не помогло, зачѣмъ-то стали разводить огонь до небесъ — не помогло. Явилась даже „Суръ-Ялѣна“ на конѣ, за хвостъ котораго зацѣпили несчастнаго жениха, но хвостъ оторвался, самъ конь перекувыркнулся, а цинциныгарь все въ землѣ. Въ это время, откуда ни возьмись добрый молодець, нагналъ пепелѣшку-юрелѣшку, скосилъ головы всѣмъ туркамъ, такъ что ихъ бороды краснѣли въ полѣ, какъ перецъ въ огородѣ, а жениха такъ и не вытянули.

Замѣчательно то, что всѣ танцующіе, преимущественно старые и пожилые мужчины (женщины — ни одной), мимически изображаютъ невозможность вытянуть несчастнаго жениха и двинуться съ мѣста: долго они топчутся почти на мѣстѣ, дѣлая шагъ впередъ и столько же назадъ, потомъ кружатся по двору, какъ бы не въ силахъ будучи выйти изъ него.

Къ нимъ подъ звуки гайды и пѣсни присоединяются все новые и новые члены, и, наконецъ, подъ слова, повѣствующія, какъ цинциныгара стали тянуть девять паръ буйволовъ, вся лента мужчинъ съ главой, держащимъ въ рукахъ баклажокъ съ виномъ, впереди, красиво и серьезно, еле-еле двигаясь, все подъ ту-же пѣсню идетъ на площадь. Изъ другого конца села тянется такая же торжественная лента поющихъ и топчущихся на мѣстѣ съ самыми сосредоточенными лицами мужчинъ, медленно ползущихъ къ сборному пункту, гдѣ ихъ въ молчаніи ждетъ толпа дѣвушекъ и женщинъ, представляющихъ оживленную картину изъ цвѣтовъ бѣлаго (полушубки) и ярко-краснаго (платки и передники). За двигающейся цѣпью несутъ ведра съ виномъ. Дойдя до площади, глава, не прерывая танца, отпиваетъ изъ своей „бѣклицы“, которая затѣмъ на ходу передается танцующимъ изъ рукъ въ руки. Еще съ самаго начала за отрядомъ несутъ ведра съ виномъ.

Всѣмъ встрѣчнымъ виночерпій стаканами подаютъ выпить. Но вотъ двѣ ленты сходятся. Главы въ знакъ дружбы посылаютъ другъ другу свои бѣклицы съ виномъ, изъ которыхъ отпиваютъ всѣ танцующіе. Виночерпій одной партіи угощаютъ членовъ другой. Танецъ не прекращается. Обѣ партіи, продолжая взаимнымъ угощеніемъ оказывать другъ другу свое расположеніе, вступаютъ какъ бы въ состязаніе: темпъ гайды становится все быстрѣе, а участники танца кружатся въ одномъ кругу двумя самостоятельными лентами. Чей „гайдарджія“ (музыкантъ) скорѣе устанетъ, та партія

считается побѣжденной. Тогда строй быстро размыкается, берутся все вмѣстѣ просто за руки, прибавляются женщины и дѣвушки — и вырастает громадный, красивый, быстро движущійся хороводъ, который длится очень долго.

Для насъ во всемъ этомъ обрядѣ важно то обстоятельство, что танцюющіе самымъ характеромъ движеній изображаютъ внѣшнимъ образомъ самую суть пѣсни — усилія вытянуть жениха. Что и сами болгары именно такъ осмысливаютъ этотъ танецъ, видно изъ замѣчаній толпы, наблюдающей за танцюющими. То и дѣло слышится приглашеніе: „хѣ-дѣ, фѣтайтѣ сѣ, да ны је полѣсну“, — т.-е. беритесь за танцюющихъ, чтобъ намъ легче было (тянуть жениха).

Приведу текстъ этой любопытной¹⁾ пѣсни, которую, какъ и весь описанный обрядъ, называютъ „цинциныгарь“²⁾.

1. Заглавил сѣ цинциныгарь ³⁾	Вѣл'ченце-ту за дѣв'рчѣ;
Хей Куладѣл'а, мой Куладѣл'а,	Ји калѣсѣ зайч'иця-ту,
За дѣв'ойка чѣрнујока,	Зайч'иця-ту за прѣварникъ;
Хей Куладѣл'а, мой Куладѣл'а, ⁴⁾	20. Ји калѣсѣ сичка рѣда,
5. Чернујока, бялу лыке,	Сичка рѣда ји рунына,
Бялу лыке, кумуныгѣ,	Ји рунына фсе момкува.
Кумуныгѣ, пярулыгѣ ⁵⁾ .	Чѣ трѣгналы да патѣват ⁶⁾ ,
Чѣ калѣсѣ бухуве-ту,	Да патѣват за дѣв'ойка,
Бухува-ту, кумуве-ту;	25. За дѣв'ойка чѣрнујока,
10. Чѣ калѣсѣ сички враны,	Чѣрнујока, бялу лыке,
Сички враны за кал'маны;	Бялу лыке, кумуныгѣ,
Ји калѣсѣ сички сврѣчки,	Кумуныгѣ й пярулыгѣ.
Сички сврѣчки за свѣкич'ки;	Кату пѣтѣм ⁶⁾ патѣвахѣ,
Ји калѣсѣ лѣшичка-тѣ,	30. На пѣт' нашлѣ конску ланце,
15. Лѣшичка-тѣ за кумичка;	Конску ланце тѣризица ⁶⁾ ,
Ји калѣсѣ вѣл'ченце-ту,	

¹⁾ Если даже допустить, что содержаніе этой пѣсни не такъ древне, придумано позднѣе, то въ самомъ исполненіи можно наблюдать интересное переживание ритмическаго дѣйствія. Извѣстно много народныхъ произведеній съ птицами въ качествѣ свадебныхъ персонажей: такъ, въ сербской пѣснѣ соколъ ѣдетъ жениться; врагъ его — змѣй (сатирическаго элемента не замѣчается); въ курской свадебной пѣснѣ выходитъ замужъ сова; бѣлорусская народная поэзія упоминаетъ также про свадьбу птицъ.

²⁾ Что значить „цинциныгарь“, болгары сами не знаютъ. У нихъ есть слово „циныгарь“ (воробей), и сначала мнѣ казалось, что начальное „цин“ въ формѣ цин-цин-ыгарь есть простое удвоеніе слога, какъ это нерѣдко бываетъ при пѣніи. Но въ такомъ случаѣ на это указали бы и сами поющіе. Слѣдовательно, надо искать другого объясненія. Вѣроятно же всего, въ силу извѣстнаго звуковаго явленія, цинциныгарь образовалось изъ син' циныгарь, при чемъ „циныгарь“ обозначало у болгаръ Балканскаго полуострова не воробья, а другую птичку (синьгарь, сингирь?).

³⁾ Относительно передачи мѣстнаго говора въ этой записи долженъ замѣтить, что, за исключеніемъ большихъ тонкостей, здѣсь точно отмѣчены характерныя особенности фонетики. Введены нѣкоторыя условныя начертанія: 1) мягкость согласной обозначена черезъ ' ; 2) твердое „и“ (какъ въ нѣмецкомъ Tisch) передается черезъ „ы“; 3) потемнѣвшее „а“, среднее между „а“ и „ы“ — черезъ ѣ; 4) потемнѣвшее „о“, среднее между „о“ и „а“ — черезъ ъ; 5) звукъ средній между „э“ и „я“ черезъ ѣ или ъ.

⁴⁾ Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

⁵⁾ Вѣроятно, изъ „перуныгѣ“.

⁶⁾ Звукъ „т“ въ слогахъ тѣ, тѣ, ту не твердъ и не мягокъ, звучитъ такъ, какъ, напр., въ нѣмецкомъ словѣ tiben, а потому и слѣдующіе за нимъ гласные о, у, а получаютъ своеобразныя отгѣнки, средніе между о и ъ, у и ю, а и я, которые можно условно обозначить двумя точками надъ о, у, а. Такое же явленіе встрѣтимъ далѣе и съ звукомъ „д“, см. напр. стихи: 87, 136, 251 и др.

- Търпэзицá пузлатэна,
Пузлатэна, пусрѣбряна,
Пусрѣбряна, малам^{на}.
35. Нэ би малу, ны той млогу,
Ютгвѣрять бѹхувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Вѡйлэ вие, сичка рода,
Сичка рода ји руннына,
40. Ји руннына фсе мѡмкува!
Насядайтэ наряд, пѡрэд,
Наряд, пѡрэд, нарѣдувэ,
Нарѣдувэ, вѣзрѣдувэ,
На търпэзи пузлатэны,
45. Пузлатэны, пусрѣбряны,
Пусрѣбряны, малам^{ны}“.
Нэ би малу, ны той млогу,
Насядалы наряд, порэд,
Наряд, порэд, нарѣдувэ,
50. Нарѣдувэ, вѣзрѣдувэ,
На търпэзи пузлатэны,
Пузлатэны, пусрѣбряны,
Пусрѣбряны, малам^{ны}.
Нэ би малу, ны той млогу,
55. Ютгвѣрять бухувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Вѡй вэ вие, сичка рода,
Сичка рода ји руннына
Ји руннына фсе мѡмкува!
60. Јѣшт^а й пийт^а и глѣдайт^а,
Да нэ дѡйд^а юрелѣшку,
Юрелѣшку-пепэлѣшку,
Пепэлѣшку с триста турци,
С триста турци янадѡлци,
65. Янадѡлци бустанджии¹⁾,
Бустанджии сáс чѣпитэ,
Да извѡды злат^ан тунус,
Злат^ан тунус с триста пудá,
Да удáри цинциныгар',
70. Цинциныгар' главянык-áт,
Главянык-áт, пáр'яснык-áт,
Пáр'яснык-áт тѣшак мършаф“.
Нэ би малу, ны той млогу —
Иштэ думáт, юдгвѣрять²⁾,
75. Ей дэ идэ юрелѣшку,
Юрелѣшку, пепэлѣшку,
Пепэлѣшку с триста турци,
С триста турци янадѡлци,
Янадѡлци бустанджии,
80. Бустанджии сáс чѣпитэ.
Ей дэ идэ, кáк си дѡйд^а,
Кáк си дѡйд^а та извѡды,
Та извѡды злат^ан тунус,
Злат^ан тунус с триста пудá,
85. Чѣ пуглѣнна цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-áт.
Пуглѣнна гу мѣждѹ двѣ-тэ,
Мѣждѹ двѣ-тэ църны ѡчи,
Църны ѡчи мелáнюви,
90. Мелáнюви, гáйтáнюви.
Пуглѣнна гу, удáри гу.
Прэмѣтна сá цинциныгар',
Прэмѣтна сá, калбѹчи сá,
Калбѹчи сá, забѹчи сá,
95. Та затрѣсе църна зэмá,
Та путъна ду пояс'я,
Ду пояс'я купринэны.
Затрѣсáл јѣ ныжѡнкá-тá,
Пуврѣтнал јѣ ѡпáшка-тá,
100. Пуклáтыл јá клѣвчицá-тá,
Пумахнал јá главичка-тá.
Нэ би малу, ны той млогу,
Юдгвѣрять бухувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
105. „Ой вэ вие, сичка рода,
Сичка рода ји руннына,
Ји руннына фсе мѡмкува,
Дѡкарайт^а дѣвят' чѹфтá,
Дѣвят' чѹфтá фсэ бивул'я,
110. Фсэ бивул'я, фсэ чурáл'я,
Фсэ чурáл'я, фсэ бурáл'я.
Нафирягайт^а, нагякайт^а,
Да пудрѣпнэм цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-áт“.
115. Нэ би малу, ны той млогу —
Дукáралы дѣвят' чѹфтá,
Дѣвят' чѹфтá фсэ бивул'я,

¹⁾ Такъ назывался отрядъ янычаръ; отъ слова „бустан“ (баштанъ), т.-е. отъ слова, обозначающаго предметъ хозяйства (ср. чурбалжи, казанджи и пр.).

²⁾ Неодинаковыя начертанія, не разъ встрѣчающіяся въ этой записи, вполне состоятъся не всегда одинаковому произношенію пѣвца-чебана Кирилла Маврешко.

- Фсэ бивул'я, фсэ чурал'я,
Фсэ чурал'я, фсэ бурал'я.
120. Нафпр'ягалы, наг'якалы,
Наг'якалы, наг'якалы —
Нэ мужилы да пудр'ьпн'ат,
Да пудр'ьпн'ат цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-'ат,
125. Главянык-'ат тэшак м'ршаф.
Нэ би малу, ны той млогу —
Юдгворят бухувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Дэ брэ с'яг'а Бойчу Иван?
130. Бойчу Иван, с'ас чик'эл'ат¹⁾,
Стоюф Ж'элю с'ас уст'эн-'ат²⁾,
Ли Бар'ак-'ат³⁾ с'ас дар'ак-'ат,
Ли Лендж'э³⁾-ту с'ас пан'ч'е-ту,
Дэлия-т'а с' клым'ия-т'а⁴⁾,
135. Ли Джар'ьк-'ат с' тадар'ак-'ат,
Ли Уз'эн'ат с'ас д'уз'эн'ат,
Влад'ька-т'а с' кап'ика-т'а,
Каража-т'а с' пур'ужа-т'а,
Да наг'як'ат, да наг'ик'ат,
140. Да пудр'ьпн'эм цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-'ат.
Нэ би малу, ны той млогу —
Л'ошт'э дум'ат, юдгворят,
Ей д'э ид'э Бойчу Иван,
145. Бойчу Иван с'ас уст'эн-'ат,
Стоюф Ж'элю с'ас чик'эл'ат,
Ли Бар'ак-'ат с'ас дар'ак-'ат,
Ли Яндж'э-ту с'ас пан'ч'е-ту,
Дэлия-т'а с' клым'ия-т'а,
150. Ли Уз'эн'ат с'ас д'уз'эн'ат,
Ли Джар'ак-'ат с' тадар'ак-'ат,
Влад'ька-т'а с' кап'ика-т'а,
Каража-т'а с' пур'ужа-т'а.
Ей д'э ид'ат, к'ак д'ойд'х'а,
155. К'ак д'ойд'ях'а — наг'яках'а,
Наг'яках'а, наг'иках'а:
Пус'б'учи хи Бойчу Иван,
Бойчу Иван с'ас уст'эн-'ат,
Пус'х'ьк'а хи Стоюф Ж'элю,
160. Стоюф Ж'элю с'ас чик'эл'ат,
Пус'ч'эс'а хи ли Бар'ак-'ат,
Ли Бар'ак-'ат с'ас дар'ак-'ат, —
- Биул'я си скуляны'х'а,
Хум'от'я си спутруш'их'а,
165. Кајиша си спугинаха —
Нэ мужих'а да пудр'ьпн'ат,
Да пудр'ьпн'ат цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-'ат,
Главянык-'ат тэшак м'ршаф.
170. Нэ би малу, ны той млогу —
Юдгворят бухувэ-ту,
Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Вой вэ вие, сичка рода,
Сичка рода ји рунына,
175. Ји рунына фсэ момкува!
Насбирайт'э дэвят' кула,
Дэвят' кула, с'ухи д'ар'ва,
Натр'упайт'э с'ил'эн в'оган',
Сил'эн в'оган' ф' с'инэ н'эба,
180. Ф' с'инэ н'эба, ф' синяј'е-ту.
Ф' синяј'е-ту, ф' пламяј'е-ту,
Да удр'еж'эм уд н'ужаг'а,
Уд н'ужаг'а канш'аг'а,
Да гу фар'лым ф' сил'и в'оган',
185. Да с'а б'яр'э, да с'а п'яч'э,
Да пудыг'иэм цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-'ат,
Главянык-'ат п'ар'яснык-'ат,
П'ар'яснык-'ат тэшак м'ршаф“.
190. Не би малу, ны той млогу —
Насбиралы дэвят' кула,
Дэвят' кула, с'ухи д'ар'ва,
Натрупалы сил'эн в'оган',
Сил'эн в'оган' ф' с'инэ н'эба,
195. Ф' с'инэ н'эба, ф' синяј'е-ту,
Ф' синяј'е-ту, ф' пламяј'е-ту:
Удр'ягалы ут н'ужаг'а,
Уд н'ужаг'а канш'аг'а,
Ф'р'л'или гу ф' сил'и в'оган',
200. Ф' сил'и в'оган', ф' с'инэ н'эбо,
Ф' с'инэ н'эбо, ф' синяј'е-ту,
Ф' синяј'е-ту, ф' пламяј'е-ту.
Та с'а ја брал и с'а п'ек'ал —
Нэ мужилы да пудыг'нат,
205. Да пудыг'нат цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-'ат,
Главянык-'ат п'ар'яснык-'ат,

1) Можно сопоставить съ „ж'эг'ал“ (жезль) — короткая палка, которою замыкается армо.

2) Палка съ жел'знымъ остріемъ для погонщиковъ.

3) В'ероятно, прозвище.

4) Брусокъ въ арб'е, поддерживающій поперечныя ст'енки кузова.

- Пар'яснык-ат тѣшак мършаф.
Ютгуворят бухувэ-ту,
210. Бухувэ-ту, кумувэ-ту:
„Ей дэ сягѧ Сур-Јелѧна,
Сур-Јелѧна с пѧстри пѧли,
С пѧстри пѧли ду земѧ-та,
С рѣси кѧси ду пояс-ѧт,
215. С бърза коня крѧставѧла,
С тѧнак тѣфяк камушинѧ,
С востра саб'ја лыпувинѧ,
Да пудрѣпнѧ цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-ѧт,
220. Главянык-ѧт тѣшак мършаф.“
Јѧштѧ думѧт-юдговорят:
„Ей дѧ йдѧ Сур-Јлѧна...
223—232=212—220.
Ей дѧ йдѧ, кѧк си дѧйдѧ,
Върза конѧ за ѧпашка —
235. Нѧ мужилѧ да пудрѣпнѧ,
Да пудрѣпнѧ цинциныгар',
Цинциныгар' главянык-ѧт,
Главянык-ѧт пар'яснык-ѧт,
Пар'яснык-ѧт тѣшак мършаф.
240. Скѧна му сѧ ѧпашка-тѧ,
Калбѣчи сѧ бърза конѧ,
Бърза конѧ крѧставѧлѧ,
Калбѣчи сѧ, забѣчи сѧ...
Дѧбар юнѧк коня кувѧ,
245. Коня кувѧ надпаку.
Пѧталы му пузванчѧхѧ,

- Пѧрѧня му глас издѧват.
Юбсеядлѧ гу синю сядло,
Синю сядло нѧсеядлѧну,
250. Юбјѧзды гу жѣлту юздѧ,
Жѣлту юздѧ няјѧздѧну,
Путпрѧгна гу с пѧстру смоче,
Чѧ прѧпѧса тѧнак тѣфяк,
Тѧнак тѣфяк камушинѧ,
255. Вѧстра саб'ја лыпувинѧ.
Вѧзсеинѧ гу добар юнѧк,
Чѧ му дадѧ длѧгу дром'је,
Длѧгу дром'је чурагрѧшку,
Јѧш' подлѧгу дрянуполску.
260. Там си стѣгнѧ юралѧшкѧ,
Юралѧшкѧ-пенѧлѧшкѧ,
Пенѧлѧшкѧ сѧ триста турци,
С триста турци янадол'ци,
Янадол'ци бустанджинѧ,
265. Бустанджинѧ сѧс чѧни-тѧ.
Кѧк хи стѣгнѧ, тѧ разигрѧ,
Тѧ разигрѧ бърза коня,
Бърза коня крѧставѧла,
Чѧ извады вѧстра саб'ја,
270. Вѧстра саб'ја, лыпувинѧ.
Налѧжи хи катѣ сѧну,
Катѣ сѧну нис чир'ја,
Нис чир'ја вѧс чир'ја—
Брады хми сѧ царвянѧят,
275. Катѣ пупѧр' ф градѣнчица¹⁾.

Другая пѣсня, соединенная съ мимикой, спрашиваетъ: „Нѧцину, марѧ, Нѧцину, кѣкъ сѧ вѧды пупѧр'ѧт“, т.-е., какъ поливается перецъ? Поющій отвѣчаетъ, сопровождая слова жѣстами: становится на лѣвое, правое колѣно, нагибается — всѣ танцующіе дѣлають то же. Второй вопросъ: какъ трутъ перецъ? Всѣ садятся на корточки и корпусами мимируютъ растираніе, покачиваясь въ стороны.

Пѣсня обыкновенно здѣсь и прерывается на томъ, что пѣвецъ командуетъ: „ноги вверхъ!“ — и женщины стыдливо отказываются слушать далѣе пѣсню о перцѣ.

Въ другихъ болгарскихъ обрядахъ это бывшее соединеніе движенія и пѣсни не проявляется такъ ярко, хотя, напр., въ свадебныхъ пѣсняхъ иногда замѣтно соотвѣтствіе между содержаніемъ пѣсни и обрядовымъ дѣйствіемъ.

¹⁾ Если присутствіе на этомъ обрядовомъ танцѣ всего села надо объяснить тѣмъ, что пѣсня эта — свадебная, а на свадьбѣ и теперь еще часто собирается все село, то интересно остановиться свое вниманіе на вопросѣ, почему она теперь поется именно на Святкахъ. Интересно сопоставить этотъ фактъ съ мнѣніемъ Вестермарка (Исторія брака, 46—71) и малорусскаго ученаго Ө. Волко ва относительно приуроченія свадьбы къ строго опредѣленному времени, совпадавшему съ языческимъ праздникомъ Рожденія Солнца. См. болгарскій Сборникъ М. Н. Пр., книга VIII и др.

Но въ большинствѣ случаевъ связь между нѣкогда родственными обрядомъ и пѣсней утратилась, и объясняется это, очевидно, тѣмъ, что мысль и фантазія не давали послѣдней застыть въ одной формѣ, но постоянно толкали ее на дорогу текущей жизни. Обрядъ же обнаружилъ большую стойкость въ борьбѣ со всеуничтожающимъ временемъ и служилъ тормазомъ для пѣсни, которая поэтому въ большинствѣ случаевъ отдѣлилась отъ него.

Въ выведеніи „динцинигар'я“ на 3-й день Рождества, въ пѣснѣ о перцѣ мы видѣли прочную и полную связь между словами и дѣйствіемъ; въ свадебныхъ обрядахъ эта связь слабѣе, а иногда совсѣмъ порывается и забывается. На хороводахъ ее совсѣмъ нѣтъ, и въ пѣснѣ важенъ только мотивъ, отбиваніе такта для пляски. Поэтому пѣсня рѣдко доводится до конца. Однако, если содержаніе пѣсни и не соотвѣтствуетъ движенію хоровода и его дѣйствію, то все же оно далеко не произвольно и находится въ прямой зависимости отъ теченія сельской жизни, служа ей живымъ отголоскомъ. Въ этомъ случаѣ особенно трогательна та нѣжная и чуткая связь между природой и болгаринномъ, которая проявляется въ пѣсенномъ творчествѣ: собираютъ ли яблоки, созрѣлъ ли кизиль, дергаютъ ли мѣтлы, или поспѣлъ хлѣбъ — хороводъ на все откликается пріуроченной только къ этому лишь періоду времени пѣсней.

Черезъ недѣлю — двѣ, смотря по теченію крестьянскихъ работъ, на смѣну является новый кругъ пѣсенъ, а прежнія остаются подъ спудомъ до слѣдующаго года. Время тѣхъ или иныхъ пѣсенъ опредѣлено очень точно и настолько строго, что приходилось употреблять много усилій, чтобы записать лѣтомъ зимнюю пѣсню; въ такихъ случаяхъ закрывали двери и окна дома изъ боязни насмѣшекъ со стороны односельчанъ. Являясь живымъ и чуткимъ отраженіемъ извѣстнаго момента, хороводная пѣсня своимъ реальнымъ содержаніемъ очень близка молодежи, и послѣдняя поетъ ее въ теченіе того времени, пока она не снята съ хороводной сцены, у себя дома (отдѣльно отъ танцевъ). Поэтому, въ будни подъ монотонный звукъ ткацкаго станка¹⁾, то изъ одного, то изъ другого двора несутся звуки тѣхъ пѣсенъ, что имѣли мѣсто на послѣднемъ праздничномъ хороводѣ.

Такимъ образомъ, и у кишлавскихъ болгаръ мы видимъ остатки имѣвшаго нѣкогда мѣсто поэтического синкретизма, видимъ также и живые факты выдѣленія, обособленія пѣсни изъ этого синкретизма танцевъ, съ одной стороны, и пѣнія — съ другой.

Подъ вліяніемъ могучаго подъема интереса ко всему народному, проявившагося вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ въ германскихъ государствахъ²⁾, и у насъ создалось романтическое представленіе о какомъ-то народѣ-поэтѣ, среди котораго царствовала удивительная общность духовнаго міра, вслѣд-

¹⁾ Специальныхъ пѣсенъ, которыя бы пѣлись за работою, почти нѣтъ. За три года мнѣ случилось слышать только три на нивѣ, во время уборки хлѣба, и одну въ лѣсу, во время сбора кизила.

²⁾ По словамъ Я. Грима „сумма индивидуальныхъ душъ проявляется какъ единая, заключенная въ самой себѣ народная душа“. Миклошичъ полагаетъ, что „въ развитіи каждаго народа былъ такой періодъ, когда весь народъ былъ проникнутъ однимъ духомъ, а индивидуумъ былъ скованъ этимъ духомъ; когда была лишь одна большая коллективная личность“. Миклошичъ, „Изобразительныя средства славянскаго эпоса“, стран. 3.

ствіе чего ни одна пѣсня не могла считаться собственностью индивидуума, и такое творчество у французовъ называлось *poésie impersonnelle*¹⁾.

Проф. В. Миллеромъ уже было указано²⁾, что за всѣми подобными красивыми фразами кроется какое-то недоразумѣніе.

Краеугольнымъ камнемъ защитниковъ коллективнаго творчества служить то вѣрное положеніе, что въ сѣдой старинѣ индивидуумъ былъ весьма тѣсно слитъ съ кланомъ, а потому, когда творилъ, то не сознавалъ себя отдѣльной личностью и т. д. Но если даже поэтъ и не сознавалъ себя отдѣльнымъ индивидуумомъ во время творческаго процесса, если отосился къ своему искусству наивно и несознательно, то вѣдь это не исключаетъ возможности личнаго поэтическаго акта, такъ какъ существуетъ время, „когда личный поэтическій актъ уже возможенъ, но еще не ощущается, какъ таковой... еще не объектировался въ сознаніи, какъ индивидуальный процессъ, отдѣляющій поэта отъ толпы“³⁾. Что поэтъ поетъ далеко не всѣмъ извѣстное⁴⁾ и выдается надъ массой⁵⁾, показываютъ наблюденія надъ живыми до сихъ поръ очагами народнаго творчества.

Такимъ образомъ, первоначально творить одинъ человекъ, выбирая извѣстное всѣмъ событіе или случай, но обрабатывая его сообразно со своими дарованіями. Когда его обработка — пѣсня завоевывала чѣмъ-либо симпатіи слушателей, она часто повторялась и при устной передачѣ измѣнялась въ зависимости отъ времени и мѣста, а поэтому находилась въ процессѣ какъ бы постояннаго созиданія и является передъ нами съ наслоеніями, т.-е. какъ бы плодомъ труда ряда поколѣній, и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть названа результатомъ *коллективнаго творчества*⁶⁾, въ основѣ же своей остается *личною*, оправдывая слова Макса Мюллера: „все въ мірѣ совершается однимъ только индивидуумомъ“⁷⁾.

1) Ibid. Сторонники такого взгляда въ доказательство своего мнѣнія указывали на однообразіе привѣтствій собесѣдникамъ и хозяину на пиру (у сербовъ — см. сборникъ Воскресенскаго „Поэтика“, 331); но объясненіе косности привѣтствій надо искать не въ отсутствіи личнаго творчества, а въ томъ, что привѣтствіе при извѣстномъ случаѣ является обычаемъ, который всегда отличается консервативностью.

2) Въ разборѣ мнѣнія Галахова (I, 1—4). См. „Очерки русской нар. слов.“, 23.

3) Акад. Веселовскій. Ж. М. Н. Пр. 1894, № 5, 25.

4) См. примѣръ у проф. Халанскаго „Кралевиць Маркъ“, I, 169.

5) См. Введеніе Радлова къ „Образцамъ народной слов. сѣв. тюркскихъ племенъ“ ч. V, стран. IV, XIII, XIV.

6) Вообще, въ терминъ „коллективный“ вкладывается не одинаковое содержаніе: неясно, понимается ли онъ, какъ 1) *совмѣстный* и *одновременный* актъ творчества „многихъ“, или какъ 2) актъ творчества „одного“ лица, но только поющаго о томъ, что хорошо всѣмъ извѣстно, или, наконецъ, 3) существеннымъ признакомъ даннаго понятія надо считать только „творчество многихъ“, независимо отъ одновременности и совмѣстности. Въ послѣднемъ случаѣ сольются въ одно два совершенно различныхъ вопроса: а) каково то народное произведеніе, которое *дошло* до насъ (въ записи), и б) каковымъ *было* дошедшее до насъ произведеніе первоначально. Если бы кому-либо показалось невѣроятнымъ, что кто-нибудь можетъ понимать терминъ „коллективный“ въ смыслѣ 1), т.-е. что будто бы нѣсколько человекъ на одномъ мѣстѣ и въ одно время заняты творческимъ процессомъ, дающимъ въ результатѣ одну общую пѣсню, то еще недавно было на этотъ счетъ указаніе въ „Пѣсняхъ села Андреевки, Нѣжинскаго уѣзда“ (Сборникъ Ист.-Фил. Общества института кн. Безбородко, т. V, V), гдѣ сказано: „сочиняли всѣ разомъ, такъ что творчество въ данномъ случаѣ является коллективнымъ“. Здѣсь очевидно кроется недоразумѣніе: въ праздничной толпѣ такъ „сочиняются“ только прибаутки или риемованныя (но безъ размѣра) пошлости, а не пѣсня, которая всегда „поется“, даже въ моментъ сложенія, и ни въ коемъ случаѣ не „сочиняется“.

7) „Наука о мысли“, М. Мюллера. Пер. Чуйко, 274.

Данныя болгарскаго народнаго творчества скажутъ намъ, что новая пѣсня творится однимъ лицомъ, которое является *и поэтомъ и пѣвцомъ вмѣстѣ*. Очень замѣтно это во время похоронъ. Авторами причитаній являются исключительно женщины. У гроба стоитъ толпа людей, а двѣ или три женщины или дѣвушки „нарядатъ“, т.-е. причитаютъ, раскачиваясь въ тактъ всѣмъ туловищемъ. Въ своей импровизаціи онѣ вспоминаютъ заслуги покойника и изливаютъ свое сиротское горе. Постороннія лица, стоя у гроба, могутъ причитать не по лежащемъ предъ ними покойникѣ, а по близкомъ имъ человѣкѣ. Но если ко гробу подойдетъ молодая мать, обладающая выдающимся голосомъ и творческимъ даромъ, то смолкаютъ всѣ другія, притихаютъ и будто упиваются нѣжнымъ, но печальнымъ груднымъ голосомъ причитающей и словами ея грустной пѣсни.

Но любопытно и характерно, что толпа чутко слѣдитъ за пѣвцомъ и требуетъ отъ него истины, не допуская стиха, противорѣчащаго очевидности. Иными словами, личное творчество должно считаться съ толпой, которая даже въ моментъ творческаго акта вмѣшивается въ дѣло. Такъ, когда одна дѣвушка причитала надъ гробомъ матери: „зна лы ты, чѣ шѣ лѣжиш' тува, маюлѣ, маюлѣ“, и далѣе: „нѣ мога да тѣ видя“ (я не могу тебя видѣть), — присутствующіе поправили ее, послышались голоса: не видишь? — она передъ тобой.

Точно также авторомъ и пѣвцомъ вмѣстѣ является составитель пѣсни объ убійствѣ въ лѣсу: это Старокрымскій слѣпой старикъ, пѣвшій эту пѣсню въ своемъ селѣ. Оттуда она сейчасъ же перенесена была въ Кишлавъ; здѣсь также живетъ авторъ очень новой пѣсни, поводомъ къ созданію которой послужило покушеніе одного учителя на жизнь двухъ дѣвушекъ. Въ этихъ молодыхъ пѣсняхъ замѣтно удачное и свободное пользованіе изобразительными средствами старыхъ поэтическихъ произведеній. Память слушателей настолько хороша, что многіе изъ нихъ съ двухъ разъ усваиваютъ остовъ пѣсни и сами поютъ ее. Но если даже сами творцы пѣсни и записные деревенскіе пѣвцы не могутъ два раза подрядъ пропѣть совершенно одинаково, какъ это пришлось наблюдать во время записыванія народныхъ произведеній, то въ устахъ перенявшихъ слушателей пѣсня имѣетъ столько же вариантовъ, сколько пѣвцовъ (Фр. Миклошичъ). Пока она живетъ, она находится въ состояніи непрерывнаго созиданія: одинъ пѣвецъ влетаетъ въ нее попутно цѣлыя отрывки изъ сходныхъ пѣсенъ и, такимъ образомъ, удлинняетъ пѣсню, другой поетъ „на кундурку“, т.-е. сжато. Даже одинъ и тотъ же кишлавскій „пѣснупоець“ рассказывалъ, что онъ, смотря по расположенію слушателей и по собственному настроенію, то „букулы“ пѣсни, т.-е. извиваетъ ее, отдѣлываетъ малѣйшія детали, допускаетъ повторенія, то быстро доводитъ до конца. Если замѣтить поющему, что въ другомъ домѣ текстъ произведенія нѣсколько иной, или что самъ онъ пѣлъ ее день тому назадъ иначе, то въ отвѣтъ всегда почти можно получить нѣсколько удивленный взглядъ и убѣжденное утвержденіе, что „на песня-та мастур нѣма“, и что пѣсня поется такъ, „какъ уйдѣсва“, т.-е. какъ сложится въ самый моментъ пѣнія въ зависимости отъ размѣра стиха.

Вообще болгаринъ любитъ пѣсню и сопровождаетъ ею положительно каждый

шагъ жизни; но мужчины и пожилыя женщины поютъ, главнымъ образомъ, во время отдыха, на праздничныхъ пиршествахъ, голосъ же дѣвушекъ раздается по цѣлымъ днямъ за работой. Но поютъ онѣ только у себя дома; внѣ его, на улицѣ или на площади, дѣвушкѣ пѣть неприлично. Исключеніе дѣлается лишь для хоровода и для установленныхъ обычаемъ особыхъ ночныхъ, осеннихъ собраній у зажженныхъ костровъ ¹⁾).

Строгого дѣленія пѣсенъ на мужскія и женскія нѣтъ: хороводныя поютъ исключительно дѣвушки, „пѣенски“ исключительно мужчины, а есть пѣсни изъ жизни болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ печальнаго содержанія, которыя служатъ украшеніемъ всякаго пира: ихъ поютъ пожилые отцы семействъ и почтенныя матроны. Наконецъ, старинныя пѣсни, повѣствующія о какомъ-либо опредѣленномъ историческомъ событіи на Балканскомъ полуостровѣ, знаютъ лишь лица, выдающіяся своею памятью, слухомъ и любовью къ пѣснѣ. Въ селѣ, гдѣ ихъ обыкновенно бываетъ не болѣе двухъ-трехъ, они называются „песнупойцитѣ“ и являются весьма желательными гостями на свадебныхъ и иныхъ пиршествахъ.

Однако, кромѣ обогащенія новыми произведеніями, въ репертуарѣ кишлавскихъ пѣсенъ съ теченіемъ времени замѣчается и обратное теченіе: нѣкоторыя пѣсни совсѣмъ сходятъ со сцены.

Любопытны причины этого; напримѣръ, дѣвушки исключили изъ своего репертуара одну хороводную пѣсню, начинавшуюся словами: „Бре Тудору, Тудору, Тудора болна лѣжѣ“ (Федора больная лежитъ) только потому, что парни переименовали ее въ несовсѣмъ скромную: „Бре, Тудору, Тудору, свѣлы гаштѣ на хорѣ“ (Федора, сними шаровары на хороводѣ). Другія „загорскія“, т.-е. пѣвшіяся еще въ Болгаріи и оттуда вывезенныя, пѣсни теряютъ размѣръ, мотивъ ихъ забывается, но, благодаря своему интересному содержанію, онѣ живутъ въ памяти народа, передаваясь въ формѣ простого разсказа. Примѣромъ такой пѣсни, разложившейся у кишлавскихъ болгаръ въ сказку, но сохранившей много стиховъ, нетронутыми, можетъ служить поэтическое созданіе народной фантазіи, повѣствующее о Петканѣ и о явленіи ей умершаго брата; но на этомъ сюжетѣ я не буду останавливаться, такъ какъ извѣстный болгарскій ученый Шишмановъ въ обширномъ изслѣдованіи ²⁾ подробно изложилъ всѣ сказанія подобнаго рода, поставивъ вопросъ на сравнительную почву.

Наконецъ, хороводныя пѣсни, если и не исчезаютъ совсѣмъ, то весьма часто уменьшаются въ объемѣ. Причина такого явленія въ томъ, что ихъ не допѣваютъ до конца: конецъ забывается — и пѣсня теряетъ смыслъ. Иногда для возстановленія послѣдняго поюшіе добавляютъ отъ себя одинъ, два самодѣльныхъ стиха, изъ которыхъ видно ихъ собственное осмысленіе пѣсни.

Для полноты характеристики народнаго творчества въ Кишлавѣ, остается еще прослѣдить за сторонними вліяніями, отложившимися на немъ. Прежде всего, отмѣтимъ татарскіе элементы, которые могли имѣть доступъ въ болгарское народно-поэтическое

¹⁾ Относительно „Пупрѣлки-те“ см. А. Музыченко „Быть болгаръ“, Этн. Обзоріе, 1899, 4; стран. 41.

²⁾ Пѣсенъта за мъртъвия братъ в поезията на балканскитѣ народи. Сб. М. Н. Пр. Кн. XII, 474.

творчество потому, что татары пользуются въ Кишлавѣ большимъ уваженіемъ. Поэтому жители села нисколько не стѣсняются пѣть даже въ общественныхъ собраніяхъ пѣсню, состоящую отчасти изъ татарскихъ словъ ¹⁾. Этому далеко нельзя сказать о русскихъ пѣсняхъ. Если онѣ и заходятъ въ Кишлавъ, то поются только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка увѣрена, что ее, кромѣ домашнихъ, никто изъ старшихъ не слышитъ. Поются онѣ для возбужденія смѣха и мужчинами во время уличныхъ шалостей на масляницѣ. Вотъ текстъ одной подслушанной пѣсни — продукта рифмачества фабричнаго или полкового барда:

Разлука ты, разлука,

Чужая старана.

Пташки ви, канарейки.

Нихто насъ ни разлучить

Ни братья ни сестри.

Только насъ разлучить

Мать сирая земля.

И грабавая доска.

Ой на горѣ, на горѣ, гайей гусей чебанъ,

Дай на хлопци гукантъ:

Ой хлопци маладцй,

Прикажете той дивчѣнь,

Штобъ ни сваталась.

Сама дэвка почувла,

Дай къ варотъ пабижала:

Вой Боже мой, Боже мой,

Харошъ чабанъ, да ни мой.

Значенія многихъ словъ дѣвушки не понимаютъ, а общій смыслъ пѣсни знаютъ. Интересны сообщенія о томъ, гдѣ онѣ научились подобнымъ пѣснямъ: начало приведенной онѣ слышали отъ проѣзжихъ шарманщиковъ, а конецъ отъ своихъ односельчанъ, отбывшихъ воинскую повинность.

Кругомъ Кишлава есть и греческія поселенія, что также не прошло безслѣдно для народнаго творчества. Такъ, одна пѣсня, пропѣтая въ селѣ гречанкой, такъ и осталась въ памяти одной дѣвушки, которая часто ее сказываетъ на распѣвъ, а слушающіе удивляются.

Говорится тамъ о человѣкѣ, который захотѣлъ видѣть Иисуса и полѣзъ на смоковницу, но тутъ взошли три солнца и представили его передъ престолъ Бога и т. д., а затѣмъ дѣло сразу переходитъ на какого-то свинопаса и пастуха Симијона, который заснулъ и очутился въ женскомъ монастырѣ на чтеніи Евангелія.

Наконецъ, упомяну еще и о вліяніи на Кишлавскихъ жителей болгаръ же, но живущихъ не въ горахъ, а далѣе въ степь: такъ, напримѣръ, въ двухъ-трехъ пѣсняхъ мое вниманіе обратили такія формы, какъ „дванаси годи“ (вм. дванадцѣтъ гудыны), „гърчи“ вм. гърче (зват. п.), т.-е. здѣсь рефлексомъ старо-сл. неудареннаго „е“ явилось „и“, какъ вообще въ восточно-болгарскихъ говорахъ и въ говорахъ Бердянскаго уѣзда. Въ Кишлавѣ же неударенное „е“ потемнѣло и окрасилось въ значительной степени неяснымъ „jâ“. На мои вопросы мнѣ разъяснили, что пѣсни съ этими формами недавно принесены изъ другого болгарскаго села Четы, гдѣ работали вмѣстѣ дѣвушки изъ нѣсколькихъ мѣстъ.

Но, несмотря на татарскія, греческія и русскія наслоенія въ пѣснѣ, все же должно замѣтить, что духовная культура Кишлавскихъ поселянъ подверглась меньшимъ измѣненіямъ, чѣмъ внѣшняя, какъ по тому, что практическая польза болѣе совершенныхъ и удобныхъ внѣшнихъ условій жизни дѣлается очевидной для крестья-

¹⁾ О народныхъ болгарскихъ пѣсняхъ съ смѣшаннымъ текстомъ см. Сб. М. Н. Пр. XV, 222—324.

нина, такъ и потому, что вся обрядность, примѣты и суевѣрія нашли себѣ вѣрныхъ хранителей въ лицѣ женщинъ. Что же касается мужчинъ, то они менѣе дорожатъ стариною, въ особенности молодое поколѣнiе, развивающееся уже подъ влiянiемъ школы и не такъ давно введенной здѣсь солдатчины, этого всесильнаго нивеллировщика старины, вселяющаго во многихъ парней ложный стыдъ къ своему національному костюму, пѣснѣ и патриархальнымъ сельскимъ обрядамъ. Покойный профессоръ Иванъ Николаевичъ Ждановъ, на лекціяхъ котораго для меня впервые раскрылись богатства народнаго творчества, не раздѣлялъ бесполезныхъ и безплодныхъ гореваній о паденіи старины и народности въ самой народной средѣ, надѣясь, что что-то новое придетъ *вмѣстѣ съ образованiемъ, вмѣстѣ со книгой, вмѣстѣ съ школой.* Да! но пока у насъ народная школа, къ несчастію, можетъ дать, по бѣльшей части, только голую грамотность, умѣнье лишь разбирать печатное, а не развитіе, не любовь къ книгѣ и умѣнье сознательно читать и *вычитывать* то, что нужно, то мы въ правѣ сокрушаться о паденіи и вымираніи сѣдой старины, замѣняемой уродливыми наслоеніями города, и обязаны спасать ея драгоцѣнные обломки. И только тогда, когда наберется много наблюденій и надъ *разными* народами, — тогда мы постигнемъ тайну народнаго творчества, его законы и сопровождающія обстоятельства, а это, какъ я вѣрю, полно глубокаго интереса не только для людей, любящихъ обращать взоры ума своего къ предметамъ, на которыхъ осталась лишь священая для насъ тѣнь былыхъ вопросовъ и тревоженій живой жизни нашихъ прапредковъ — нѣтъ! — глубокое и внимательное проникновеніе во святая святыхъ непосредственнаго народнаго творчества можетъ служить, если не путеводною звѣздой, то все же важнымъ подспорьемъ для всѣхъ тѣхъ, кого интересуесть вопросъ о томъ, какъ надо писать, чтобы народъ понималъ и увлекался книгой. А теперь какъ разъ приспѣло горячее время этому вопросу: мы всѣ знаемъ, какую отравленную пищу подносятъ темному люду лубочныя изданія, мы всѣ знаемъ, что на борьбу съ ними ополчились наши земства.

Камеръ-гуслисть В. Ө. Трутовскій

и изданный имъ первый русскій нотный пѣсенникъ

подъ заглавіемъ: „Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами“
(1776—1796 гг.).

Составлено по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ П. К. Симои.

I—II.

Въ настоящемъ сообщеніи своемъ я рѣшаюсь предложить вниманію читателя нѣсколько, скудныхъ правда, свѣдѣній о жизни и трудахъ одного достопочтеннаго, но несправедливо забытаго потомствомъ уроженца Харьковщины, Василя Өедоровича *Трутовскаго*,— явившагося у насъ піонеромъ въ дѣлѣ изученія народной русской музыки — перелагателя „простыхъ“, т.-е. простонародныхъ, не украшенныхъ и не облагороженныхъ еще искусствомъ, пѣсенъ, — иначе „подлыхъ“, какъ бы сказали въ XVIII вѣкѣ. Свои замѣчанія о немъ я и осмѣлился предложить именно Археологическому Съѣзду въ Харьковѣ, какъ ближайшей его „отчинѣ“, чтобы напомнить о блестяще выполненномъ еще въ половинѣ XVIII столѣтія этнографическомъ и художественно-музыкальномъ предпріятіи, *впервые* представившемъ въ распоряженіе всероссійскаго образованнаго общества въ печатномъ изящномъ видѣ и въ *возможно только точномъ* — примѣнительно къ условіямъ своего времени — приспособленіи тексты (числомъ около восьмидесяти) великорусскихъ и малорусскихъ *простыхъ* пѣсенъ (безыскусственныхъ) и нѣсколько сочиненныхъ въ народномъ духѣ пѣсенокъ и вообще такъ называемыхъ романсовъ. Этому сборничку съ напѣвами и музыкой, думается, слѣдовало бы давно уже удѣлить почетное мѣсто въ трудахъ серіозныхъ и учебникахъ по исторіи русской словесности сейчасъ послѣ знаменитаго сборника былинъ Кириши Данилова, съ которымъ онъ нѣсколько сходенъ по духу и даже по нѣкоторымъ общимъ редакціоннымъ приѣмамъ составителя.

Въ заключеніе, мнѣ казалось, весьма не лишнимъ будетъ прибавить описаніе сохранившихся всего на всё двухъ-трехъ неполныхъ и разрозненныхъ экземпляровъ его музыкальнаго сборника, а также присоединить библиографическія замѣчанія о всѣхъ *четырехъ* частяхъ его труда и обзорніе содержанія сборника въ полномъ его объемѣ.

Предлагаемая далѣ свѣдѣнія о *В. Θ. Трутовскомъ* заимствованы мною, главнымъ образомъ, изъ небольшого собранія фамильныхъ бумагъ его наслѣдниковъ, поступившаго во временное мое пользованіе при составленіи настоящаго труда (отмѣчаю документы этого семейнаго архива буквами: *А. Т.*— архивъ Трутовскихъ). Доставленіемъ мнѣ означенныхъ бумагъ, я обязанъ единственно любезности и не заслуженному еще мною вниманію уважаемаго секретаря нашего Археологическаго Общества *В. К. Трутовскаго*, взявшаго на себя нелегкій трудъ, — по моей просьбѣ, сдѣлать разысканія, какъ означеннаго семейнаго архива другой вѣтви ихъ фамиліи, такъ и, вообще за неоднократныя одолженія меня разнаго рода розысками и справками по интересующимъ меня частнымъ вопросамъ. Прошу принять и гг. *Трутовскихъ*, довѣрившихъ мнѣ черезъ посредство *В. К. Трутовскаго* обломки наслѣдія ихъ славнаго предка, искреннюю мою признательность за помощь настоящему изданію новыхъ, до сего дня остававшихся неизвѣстными русской исторической наукѣ — точныхъ біографическихъ свѣдѣній о *В. Θ. Трутовскомъ*. Отмѣченные буквами: *А. Г.*— документы, очень незначительные по числу, извлечены мною изъ Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, за сообщеніе коихъ я глубоко признателенъ, главнымъ образомъ, завѣдующему означеннымъ Архивомъ *В. Р. Рудакову*, а также покойному *Руммелю*.

Глубокою признательностію я одолженъ предсѣдателю Харьковскаго Археологическаго Съѣзда графини *П. С. Уваровой* и членамъ Редакціоннаго Комитета Съѣзда, а также *Вл. Н. Рогожину* и гг. профессорамъ: *М. С. Дринову*, *Н. Θ. Сумиову*, *М. Г. Халанскому*, *Е. Θ. Карскому*, *Е. В. Пытухову*, *А. П. Кадлубовскому*, *В. Н. Мочульскому* и многочисленнымъ гг. членамъ Съѣзда и посторонней харьковской публикѣ, почтившей меня выслушаніемъ реферата.

Г Л А В А I.

Свѣдѣнія о происхожденіи, жизни, службѣ и дѣятельности *В. Θ. Трутовскаго*.

Первыя хотя и совсѣмъ неточныя уже *біографическія* свѣдѣнія о Трутовскомъ сообщилъ *П. А. Безсоновъ* въ статьѣ своей, появившейся подъ заглавіемъ: „О вліяніи народнаго творчества на драмы Императрицы Екатерины и о цѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ“ въ журналъ „Заря“ за апрѣль 1870 г., (на стран. 4—5, п. 5). Приведемъ отсюда его печатное свидѣтельство, такъ какъ и означенная статья его нынѣ уже затерялась въ книжкахъ стараго объемистаго журнала:

„Совмѣстникъ по искусству со старшимъ *Чулковымъ*, а по изданію съ извѣстнымъ *Чулковымъ* — сыномъ, *Василій Θεодоровичъ Трутовскій* принадлежалъ также сполна вѣку Екатерины: онъ былъ *придворный священникъ* и вмѣстѣ „гусярь“ то-есть игралъ на гусяхъ и пѣлъ подъ гусли, — инструментъ вторичнаго (не русскаго бытоваго и старшаго) устройства, занесенный къ намъ черезъ западную Россію, въ концѣ XVI вѣка, долго бывшій въ употребленіи у помѣщиковъ и особенно у духовенства, на декѣ и на станкѣ въ родѣ нынѣшнихъ фортепіанъ, съ игрою пальцами по струнамъ (родня еврейскимъ цимбаламъ). *Жилъ и умеръ онъ въ С.-Петербурѣ*. За свое искусство по-

жалованъ деревнею въ Ахтырскомъ уѣздѣ, *Поповкою*. Братъ его *Федоръ* (родомъ они были малоруссы и фамилія ихъ длится доселѣ), жилъ и имѣлъ собственный домъ въ Кіевѣ, (подробности переданы *М. А. Максимовичемъ С. А. Соболевскому*, а отъ сего послѣдняго намъ). Трутовскій выдалъ „Собраніе Русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами“, С.-Петербургъ, 4, 4 части: первый нашъ печатный нотный пѣсенникъ. Это то, что *самъ* онъ зналъ, игралъ и пѣлъ, а вмѣстѣ что было въ ходу при Дворѣ Екатерины. Чрезвычайно замѣчательно: пѣсенникъ, по преимуществу, *придворный*, но вмѣстѣ весьма *народный*, народнѣе другихъ современныхъ и многихъ позднѣйшихъ“.

— Отчасти тѣ же свѣдѣнія повторены были *Безсоновымъ* въ его замѣткѣ объ общемъ характерѣ Екатерининской эпохи относительно народнаго творчества (мелкимъ шрифтомъ), приложенной къ текстамъ IX-го выпуска издававшихся подъ его редакціею „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ (Москва, 1872 г., стран. 410: „... *Василій Федоровичъ Трутовскій, придворный священникъ, малороссъ, гуслиарь и пѣвецъ*“). Ср. отмѣченное сочиненіе, вып. X, стран. 338; — и еще въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ.

О пѣсенникѣ *В. Ф. Трутовскаго* 1) *Л. Н. Майковъ* отмѣтилъ въ статьѣ своей: „О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ“ (въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1880 г., ноябрь, ч. ССХІІ, въ выноскѣ къ стран. 199-й), но опять-таки лишь по печатному указанію *Безсонова*, безъ знакомства съ подлиннымъ изданіемъ. 2) Въ самое послѣднее время *Е. Э. Динева* въ предисловіи къ 1-му выпуску своего сборника „*Великорусскія Пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны.....*“ (С.-Пб. 1904 г., стран. VI—VII) дала нѣкоторыя свѣдѣнія о пѣсенникѣ *Трутовскаго*, но безъ должнаго пониманія и уваженія къ памятнику, о которомъ взялась дѣлать сообщеніе (она пользовалась, повидимому, неполнымъ экземпляромъ *И. Росс. Истор. Музея* изъ собранія *О. М. Бодянскаго*).

Вотъ и рѣшительно все, что отмѣчено о *Трутовскомъ* и его трудѣ въ печатной нашей литературѣ (впрочемъ, см. у насъ стран. 469 слѣд.).

Пользуясь документами фамильнаго архива гг. *Трутовскихъ*, мы можемъ не только нѣсколько пополнить свѣдѣнія, сообщенныя въ свое время, главнымъ образомъ, *Безсоновымъ*, но и исправить важнѣйшую неточность въ приведенныхъ имъ данныхъ о личности *Василія Федоровича Трутовскаго*, котораго *Безсоновъ* во всѣхъ своихъ замѣткахъ о немъ упорно именуешь — „*придворнымъ священникомъ*“. Къ сожалѣнію, онъ не далъ себѣ труда подумать, что, если бы *Василій Федоровичъ Т*—ій самъ былъ въ санѣ іерея, то едва ли бы ему было возможно нести какъ бы свѣтскія артистическія обязанности вмѣстѣ съ тѣмъ и по своей придворной службѣ „*камеръ-гуслиста* или *придворнаго музыканта*, хотя и облагороженную, но все-таки напомнимавшую, по крайней мѣрѣ въ свое время (половина XVIII в.) дѣятельность какъ бы игреца-скомороха стараго времени — *потѣшника*, и тѣмъ самымъ несомвѣстную съ его священнымъ саномъ.

Родъ *В. Ф. Трутовскаго* вышелъ изъ „*Польскаго владѣнія* подъ *Великороссейскую Державу* въ 1673 году“. Такъ значится въ документѣ выданномъ ему отъ *Августа Деболи*, полномочнаго *Польскаго* Министра при *Всероссійскомъ Импер. Дворѣ* отъ 18 февраля 1790 г. См. записку *Деболи*. (А. Т.).

Отыскивая въ январѣ 1777 года свои дворянскія права, В. О. Трутовскій представилъ въ Герольдмейстерскую Контору рядъ выписокъ изъ польскихъ гербовниковъ въ переводѣ извѣстнаго неудачника-лексикографа Кирьяка-Кондратовича (28—29 ноября 1776 г.) и рисунокъ герба въ краскахъ, заимствованный изъ тѣхъ же печатныхъ источниковъ. Въ виду того, что Трутовскій и во дворянствѣ утверждёнъ, главнымъ образомъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, — признанныхъ и Сенатомъ за „документы“, мы имѣемъ поводъ изложить начальную исторію его рода въ такомъ же приблизительно видѣ, руководясь этими источниками.

Родъ *Третіусъ* (впослѣдствіи „Третовскій“ — „по-россійски Трутовскій“) принадлежалъ къ гербу „Левартъ“ въ Краковскомъ воеводствѣ. Родоначальникомъ отмѣченъ тамъ же *Христофоръ Третіусъ*, секретарь королевскій, между министрами кальвинскими безпристрастнѣйшій, отъ короля Стефана дворянствомъ пожалованъ, а отъ Фирлеевыхъ къ гербу Левартъ допущенъ, о семъ грамоту полагаетъ *Папроцкій* о гербахъ на листу 391“ (См. выписки Кондратовича въ А. Т.)

Описание герба присоединено такое: — „Должна быть на щиту въ красномъ полѣ *рука вооруженная*, держащая къ правой сторонѣ щита *золотой перстень* съ камнемъ *туркусомъ*, тожь *яшмою*, *жабикомъ*, или *сердоликомъ*, на *шлемъ* или *шишакъ* *двѣица въ коронѣ*, держать такой же *перстень*, въ коронѣ на ее головѣ *три пера нестрочерныхъ*“.

Изъ числа однофамильцевъ, симъ же гербомъ печатающихся, отмѣчены: Броневскій, Кчевскій, Конарскій, Меглевскій, Фирлай, Кроватскій, Маркѹшевскій, *Третіусъ* и Горскій. Далѣе встрѣчаемъ въ тѣхъ же выпискахъ Кондратовича изъ польскихъ гербовниковъ отмѣтку, что: — „Сей гербъ вышелъ изъ Лусаціи, употребляютъ Голевате въ Пруссіи...“

Наконецъ, приведемъ свидѣтельство самого Трутовскаго о его предкахъ. Въ собственноручно подписанной имъ и имъ же поданной въ Правительствующій Сенатъ въ Герольдмейстерскую Контору (въ январѣ 1777 года) челобитной онъ ходатайствуетъ „написать его съ братьями и племянниками въ списокъ съ прочими выезжими шляхтичами“. Въ 1-мъ пунктѣ этой челобитной онъ такъ говоритъ о своемъ родѣ и о выѣздѣ его въ Россію: „Предокъ мой *Христофоръ Третіусъ* былъ польской королевской секретарь, въ тамошнее дворянство возведенъ, королемъ Стефаномъ, на которое достоинство и гербъ имѣлъ; сынъ его *Христофоръ Христофоровъ*, а по немъ сынъ его *Сидоръ Христофоровъ* находились въ *Королевской* полской службѣ. *Сидоровъ* же сынъ, а мой *прапрадедъ родной* *Василей*, оставя въ полскомъ владѣніи собственные свои грунты и пожитки выехалъ *подроссійскую* державу, въ Сумской слободской полкъ въ городъ *Краснополе*, и въ тамошнемъ уездѣ пожалованъ помѣстьемъ, на которое во „186 году, изъ помѣстнаго приказа и выпись дана, и какъ онъ *Василій Сидоровъ*, а по немъ сынъ его *прадедъ* мой *Симеонъ Васильевъ*, *дедъ* *Василій Симеоновъ*, такъ и *отецъ* *Федоръ Васильевъ* сынъ, Трутовскія, по собственному ихъ желанію находились вдуховномъ чину въ бѣлогородской епархіи священниками, искоихъ прадеду моему *Симеону Васильеву* на владѣніе помѣстьемъ въ 7201 и 7203 (т.-е. въ 1693 и 1695) годѣхъ отъ Государей Царей и

Великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея Россіи самодержцевъ жалованныя грамоты даны, которые и опредѣленіемъ правительствующаго Сената 1762 года июля 16 дня подтверждены. (Выписка изъ рѣшенныхъ дѣлъ Правительствующаго Сената Герольдмейстерской Конторы по дворянскому повѣтью первой половины 1779 года нынѣ въ дѣлѣ Архива департам. Герольдіи Правительствующаго сената за № 52, на лл. 579—601).

Въ одномъ изъ черновыхъ неоконченныхъ прошеній изложена судьба подаренныхъ Московскимъ Правительствомъ Трутовскимъ имѣній и сообщены свѣдѣнія о ихъ значеніи. — (См. А. Т.): „1) въ 7186 (=1674) году марта въ 5-й день по указу блаженной памяти Государя Царя и Великаго князя Феодора Алексѣевича дана предку моему Василью Сидорову Трутовскому выпись на заимочную Его въ бывшемъ Краснопольскомъ уѣздѣ, которой нынѣ Миропольской, въ разныхъ урочищахъ состоящую землю. — 2) въ 7201 (=1693 году) сыну его Семіону грамотою повелѣно съ поселенныхъ на той Заимочной и отъ другихъ дачъ тогдажъ отмежеванной земли Черкасѣ никакихъ поборовъ не брать. — 3) въ 1758 году вышепомянутая 7186 году выпись и грамота 7201 году явлена въ вотчинной Коллегіи. — 4) въ 1762 году приносилъ я всеподданнѣйшій жалобу мою въ правительствующій Сенатъ наприкосновенныхъ владѣльцевъ о завладеніи земли и опротчемъ. — 5) въ 1763 году по Указу вотчинной Коллегіи все оное недвижимое имѣніе вышеупомянутой 7186-го году выписи справлено и отказано мною. А хотя при отказѣ отъ нѣкоторыхъ смѣжныхъ владѣльцевъ и были споры; но оныя яко незаконныя отрешены и на оное рѣшеніе ниоткого апелляціонной прозбы не было, а въ 1775 году съ рѣшенія вотчинной коллегіи дана мнѣ съ дѣла копія заскрепою присутствующаго“.

Обращаясь къ біографіи Василя Феодоровича мы должны замѣтить, что конечныя грани его жизни опредѣлить почти невозможно за крайнимъ недостаткомъ необходимыхъ для того данныхъ, но все-таки, можно указать, что въ іюль 1816 года онъ уже отмѣченъ въ документахъ умершимъ, а въ 1793 (и даже 1798) году онъ еще былъ въ живыхъ.

Онъ былъ сынъ синодальнаго священника о. Феодора Васильевича Трутовскаго. Изъ одной частной записки (А. Т.) мы имѣемъ свѣдѣніе объ *отцѣ* Василя Феодоровича и о времени опредѣленія самого его въ службу: — „Бѣлгородской губерніи Слободскаго Харьковскаго полку *Ивановской слободы священника Феодора Васильева*¹⁾ сына *Трутовскаго* сынъ опредѣленъ генваря 10-го 1761 года въ службу ко двору Его Императорскаго Величества лакеемъ. Въ комплектъ помѣщенъ на... ваканцію по именному Его Императорскаго Величества Государя Императора Петра Феодоровича (приказу)“....

П. А. Безсоновъ въ замѣткѣ при X вып. пѣсенъ Кирѣевскаго (М. 1874, стран. 338) сообщаетъ изъ *неизвѣстнаго* намъ источника что малоросса *Трутовскаго* въ С.-Петербургѣ

¹⁾ На одномъ прошеніи 1790 г. отецъ себя именовалъ такъ: „Просить живущей въ Миропольскомъ округе в деревни Семіоновка и Поповка тожъ синодальной священникъ Феодоръ Трутовскій“....

вывезъ (значить съ родины) *Потемкинъ*¹⁾. Затѣмъ Безсоновъ и еще не разъ касается близости и яко бы „подручности“ Трутовскаго — Потемкину.

Въ одной изъ частныхъ памятныхъ записокъ (*А. Т.*) отмѣчено: „По имянному Его Императорскаго Величества (т.-е. Императора Петра III) указу повелѣно адъютанту барону Унгеру объявить имянной Его Императорскаго Величества *указъ* втомъ, чтобъ ему *Василію Трутовскому при коммандѣ* Его Императорскаго Величества продолжать службу, а командѣ до него, Трутовскаго, дѣла не имѣть“ (1762 года январь — июнь).

Наконецъ, въ копіи съ резолюціи Придворной канторы за подписью графа Карла Сиверса отъ 30 декабря 1766 года (*А. Т.*) мы встрѣчаемся съ важнымъ документомъ, проливающимъ свѣтъ на дальнѣйшую судьбу Василя Ѳедоровича Трутовскаго и указывающимъ на музыкальныя и композиторскія обязанности и заслуги послѣдняго.

Приведемъ любопытнѣйшій документъ этотъ въ необходимыхъ извлеченіяхъ: „При дворе Ея Императорскаго Величества обретается квартирмейстеръ Василій Трутовской зъ годовымъ Ея Императорскаго Величества жалованья окладомъ по сту по пятидесять рублей, которой въ службѣ при дворе находится Генваря съ 10 числа прошлаго 1761 года и былъ сначала лакѣемъ, а квартирмейстеромъ произведенъ въ слѣдствие имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія по опредѣленію Придворной Канторы минувшаго ноября 24 дня сего 1766 года для того, что онъ *Трутовскій употребляется (единственно) во внутреннихъ* Ея Императорскаго Величества *апартаментехъ для играія на гусяхъ*. И во время Высочайшаго Ея Императорскаго Величества втомъ ноябре мѣсяцѣ *вселя Царскомъ* присутствіи *употребляемъ былъ для играія на ономъ инструментѣ*, причемъ Ея Императорское Величество соизволила Высочайше „объявить милостивое благоволеніе и милостиво отзывается Соизволила, чтобъ онъ за службу его и хороше(е?) поведѣніе Придворною Канторою произведенъ былъ при камеръ-музыкѣ *Камеръ-музыкантомъ* съ прибавкою жалованья или наградить другимъ какимъ чиномъ“.

Но такъ какъ самъ *В. Ѳ. Трутовской* „о себѣ объявилъ, что онъ въ службѣ при дворѣ Ея Императорскаго Величества находится изъ Малороссійскаго шляхетства и музыкантомъ быть желанія не имѣеть, въ квартирмейстерской чинѣ произведенъ“.

Въ патентѣ выданномъ ему изъ Правительствующаго Сената „12 генваря 1767 года“ значится: „за оказанную его (Василя Трутовскаго) къ службѣ Нашей ревность и прилѣжность, Дворажъ Нашего Квартирмейстеромъ, въ рангъ сухопутнаго прапорщика, 1766 года ноября 24 дня, всемилостивѣйше пожаловали и учредили“...

Обратимъ вниманіе читателя, что *гуслиная игра* въ XVIII столѣтіи давно уже пользовалась вниманіемъ и при Дворѣ²⁾. Такъ, напр., около 1730 года придворнымъ

¹⁾ „Съ Потемкинымъ являлись въ домъ (Нарышкиныхъ), безъ того полный, передовые люди сего дѣла (музык.), обращавшіеся въ домашнихъ людей и друзей; *вывезенный княземъ, придворный гуслистъ* (священникъ) *Трутовскій*, первѣйшій собиратель Великорусскихъ пѣсень, перелазатель ихъ на ноты, самъ малоросецъ и съ Малорусскими пѣснями....“

²⁾ См. А. С. Фаминцынъ: „Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историч. очеркъ.“ (Сиб. 1890, стран. 108).

гуслистомъ былъ *Маньковский*, упоминаемый Марковичемъ въ 1733 году, по случаю имѣвшей мѣсто въ этомъ году свадьбы этого виртуоза. Въ 1738 году послѣдоваль именной Высочайшій указъ гвардіи маіору Шипову объ учрежденіи въ Малороссіи школы, въ которую набирались, для пополненія придворнаго хора, обладавшія лучшими голосами дѣти; здѣсь послѣднихъ обучали пѣнію и „струнной музыкѣ“, именно игрѣ на скрипкѣ, гусяхъ и бандурѣ, и обученныхъ тому и другому отправляли ко двору. Вотъ что гласилъ этотъ Указъ. „Учредить небольшую школу, въ которую набирать со всей Малой Россіи изъ церковниковъ, такожъ изъ казачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей и изъ прочихъ и содержать всегда въ той школѣ до 20 человекъ, выбирая, чтобъ самыя лучшіе голоса были, и велѣть ихъ регенту обучать Кіевского, такожъ и партеснаго пѣнія, а притомъ сыскавъ искусныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и изъ Малороссійскихъ и велѣть изъ оныхъ же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно на скрипицѣ, на гусяхъ и на бандурѣ, дабы могли на оныхъ инструментахъ съ нотъ играть и которые пѣнію, такожъ и на струнной музыкѣ обучены будутъ, изъ тѣхъ по вся годы, лучшихъ присылать ко Двору нашему человекъ по 10, а на тѣ мѣста паки вновь набирать, пока тѣ учителя тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ опредѣлить на пропитанье и платье и обувь, сколько потребно по вашему разсужденію изъ Мало-Россійскихъ доходовъ“ (Первое Полное Собраніе Законовъ. Т. X., стат. 7656). — Вѣроятно изъ среды питомцевъ этой школы происходили и нѣкоторые придворные гуслисты XVIII столѣтія. Въ должности придворнаго же гуслиста состоялъ и Трутовскій.

Къ сожалѣнію, у мемуаристовъ той эпохи не сохранилось свѣдѣній, какія пьесы, собственно, игралъ на гусяхъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Царскомъ Селѣ (въ 1766 г. и въ послѣдующее время) Трутовскій; но можно догадываться, что онъ не только игралъ, но и пѣлъ подъ аккомпанементъ гуслей и, вѣроятноже всего свои родныя, малорусскія пѣсни. Не слѣдуетъ забывать, что до сборника Трутовскаго (1776 г.) въ печатныхъ русскихъ пѣсенникахъ рѣшительно нѣтъ и помину объ особомъ отдѣлѣ малорусскихъ пѣсенъ.

Императрица Екатерина II, сильно нуждавшаяся въ пѣсняхъ для услажденія въ Эрмитажѣ слуха своего любимца Потемкина, этого чуть ли не перваго по времени „украинофила“ въ лучшемъ значеніи этого слова, — повліяла на зарожденіе сборника Трутовскаго. Изъ его-то пѣсенника она вносила въ свои драматическія сочиненія тексты: напримѣръ, пѣсню, сложенную Императрицею Елизаветою Петровною и обнародившуюся затѣмъ: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ...“ Императрица Екатерина вставила ее въ свою оперу: „Федулъ съ дѣтьми“ (1790 г.)¹⁾ и проч.

Образованіе малорусскаго отдѣла въ пѣсенникахъ съ легкой руки Трутовскаго продолжалось и затѣмъ такъ пришлось по вкусу всероссійской публики, что въ пѣсенникахъ конца XVIII вѣка отдѣлъ этотъ все расширялся на счетъ другихъ отдѣловъ и увеличивалъ объемъ такихъ сборниковъ; послѣдователи Трутовскаго Львовъ совместно съ музыкантомъ Прачемъ издали пѣсенникъ съ нотами же (въ 1790 году),

¹⁾ Дуняша поетъ. См. „Сочиненія И. Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительн. примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина“. Т. II. Спб. 1901 г., стр. 536—8.

гдѣ малорусскій отдѣлъ такъ богато представленъ, — ихъ сборникъ выдержалъ три изданія, и еще недавно былъ въ наше уже время вновь переизданъ (хотя и очень неудачно) А. С. Суворинымъ.

Трутовскій отчасти имѣлъ своимъ предшественникомъ *М. Д. Чулкова*, одного изъ первыхъ нашихъ этнографовъ и виднаго писателя Екатерининскаго времени. Чулковъ (въ 1770—1776 гг.) издалъ съ *Поповымъ* „Собраніе разныхъ пѣсенъ“, первое изданіе первой части коего вышло въ 1770 году и то же въ С.-Петербургѣ и, какъ кажется, было также обязано своимъ появленіемъ ободренію Императрицы.

Вѣроятно, *В. Θ. Трутовскій*, отличенный Императрицею, такъ и остался на придворной службѣ „камеръ-гуслистомъ“. Въ это то время, надо думать, онъ приступилъ къ собиранію готовыхъ записей текстовъ великорусскихъ пѣсенъ, къ записыванію малорусскихъ и арранжированію „простыхъ“ русскихъ (т.-е. простонародныхъ) пѣсенъ и отчасти романсовъ, первое собраніе которыхъ онъ однако успѣлъ выпустить въ печатномъ видѣ въ свѣтъ *не ранѣе* половины *іюня* 1776 года. Въ предисловіи къ I части своего сборника, онъ жалуется на новостъ и особенно трудность такого дѣла, какъ арранжировка (переложеніе) народныхъ текстовъ по слуху на музыку. Но о семъ будемъ говорить еще особо во II отдѣлѣ статьи.

Изъ разрозненныхъ бумагъ частнаго архива гг. Трутовскихъ, и изъ дѣла Департамента Герольдіи Правит. Сената (изъ числа такъ называемыхъ *рѣшенныхъ дѣлъ*) за конецъ первой половины 1779 года подъ № 52, на лл. 579—601, мы узнаемъ, что *Василій Ѳеодор. Трутовскій* въ январѣ 1777 года возбуждаетъ ходатайство объ утвержденіи себя и своихъ сродниковъ въ правахъ Россійскаго дворянства, и подаетъ на имя Императрицы челобитную въ 3-хъ пунктахъ. Первый пунктъ ея о происхожденіи рода ихъ изъ Польши уже сообщенъ нами выше; во второмъ пунктѣ онъ упоминаетъ о родственникахъ: „Я-жъ именованный, а по мнѣ *братья* мои *родные* *Иванъ*, *Осипъ*, *Федоръ*, *Михайло* и *Григорей Федоровы дѣти Трутовскія* находятся въ *высококославной В—го Имп—го Величества службѣ* гдѣ же именно и *каки* чина значить въ приложенной при семъ поколѣнной росписи...“ Въ 3-мъ пунктѣ онъ указываетъ вновь на значительность своего рода: „А какъ дѣйствительно шляхетскую фамилію свою ведемъ мы изъ *Полши* отъ *Христофора Третиуса*, пороссійски *Трутовскаго*, которой на оное достоинство и гербъ имѣлъ, о чемъ подлинно значить въ имѣющемся при Императорской Академіи Наукъ Гербовникѣ, съ котораго и переводъ при семъ на разсмотрѣніе представляю, донося при томъ, что сверхъ показаннаго предка моего *Христофора Третиуса* родственники его *Николай Адамъ*, „*Иванъ служилъ въ слободски^х по^{ка} подпрапорнымъ*, а ныне *вотста^е же*, „*Осипъ и Федоръ — въ Правительствующемъ Сенатѣ копейстами*“, „*Михайло въ отставке отъ арміи прапорщикомъ*“ и наконецъ „*Григорій Лейбъ-гвардіи во Преображенско^м полку фурьеро^м*.“ — У *Ивана* имъ показаны четыре „*малолѣтные*“ сына: „*Михайла*, *Семень*“ и еще двое, относительно коихъ *В. Θ—чь Т—ій* отозвался, что „*объ именахъ ихъ не упомянуть*“¹⁾.

¹⁾ Изъ копій съ свидѣтельства отъ іюля 13-го 1816 года, даннаго помѣщику Ахтырскаго уѣзда прапорщику *Михайлѣ Ѳеодоров. Трутовскому* при отыскиваніи имъ наслѣдства послѣ умершаго *Василія Ѳеодоровича* — отмѣчены еще въ числѣ законныхъ наслѣдниковъ; племянники *Иванъ*, *Семень* и *Андрей Ивановичи* и *Иванъ* и *Петръ Григорьевичи*.

Какъ челобитная, такъ и поколѣнная роспись собственноручно подписаны самимъ В. О. Трутовскимъ. Снимокъ съ почерка В. О. Трутовскаго скопированный отъ руки на калькѣ (см. въ Приложеніяхъ).

На листѣ 584-мъ приложенъ какъ проектъ рисунокъ герба Левартъ № 1 — Трутовскихъ въ краскахъ, исполненный „студентомъ Александромъ Садовниковымъ“ (см. снимокъ въ Приложеніяхъ).

По свидѣтельству, П. А. Безсонова слѣдуетъ, что Трутовскій „жилъ и умеръ въ Санктпетербургѣ“, прибавимъ, что онъ не былъ женатъ и умеръ одинокимъ и что, насколько даютъ намъ знать имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы, онъ никогда не пользовался достаткомъ средствъ для жизни, и не былъ пожалованъ, какъ утверждалъ Безсоновъ, за свою службу *деревнею*, а это была просто его родовая деревенька, которой отецъ его лишился, а сынъ перекупилъ уже впоследствии у другихъ владѣльцевъ, когда принялъ дворцовую службу; притомъ къ ней было приписано не болѣе 50—75 душъ крестьянъ.

Заканчивая *пока* на этомъ подборъ всѣхъ свѣдѣній о жизни Трутовскаго, какія только были намъ доступны и желая достойнымъ образомъ по мѣрѣ возможности закончить обработку и приготовленіе къ печати статьи о Г—мъ и его трудахъ, съ приложеніемъ снимковъ, съ тетрадей его пѣсенника, мы обращаемся съ покорнѣйшею просьбой къ мѣстнымъ харьковскимъ археологамъ, археографамъ, любителямъ и знатокамъ исторіи народнаго пѣнія и музыки, коимъ Трутовскій долженъ быть дорогъ, какъ замѣчательный ихъ землякъ, не оставить безъ вниманія нашей просьбы о всякаго рода замѣчаніяхъ, сообщеніи матеріаловъ и пр. и тѣмъ помочь намъ въ нашихъ дальнѣйшихъ заключительныхъ разысканіяхъ.

Г Л А В А II.

Библиографическія свѣдѣнія о всѣхъ четырехъ частяхъ „Собранія Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами“ изд. 1776—1796 гг., ихъ содержаніе и значеніе.

Чтобы познакомить хотя отчасти съ печатнымъ трудомъ В. О. Трутовскаго, въ виду рѣдкости и полного отсутствія экземпляровъ его какъ въ нашихъ общественныхъ, такъ и въ частныхъ библіотекахъ и неизвѣстности его даже специалистамъ, мы должны нѣсколько остановиться на библиографическомъ описаніи какъ уцѣлѣвшихъ такъ и недоступныхъ намъ въ наличности экземпляровъ и собрать здѣсь всѣ заслуживающія довѣрія о нихъ извѣстія, которыя удалось найти при спеціальныхъ поискахъ нашихъ.

Прежде всего укажемъ на *публикаціи* о выходѣ въ свѣтъ той или иной части, вѣроятно припечатанныя самимъ издателемъ и составителемъ перваго нашего нотнаго пѣсенника, коего за время 1776—1796 гг. вышло всего четыре выпуска, изъ коихъ первая часть появилась въ трехъ изданіяхъ (1776, 1782 и 1796 гг.).

Въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1776 г. „Во вторникъ Юня 14 дня“, въ „прибавленіи“, въ отдѣлѣ: „Продажа“ — напечатано слѣдующее книжное извѣстіе:

„Въ луговой Миліонной въ Позняковомъ домѣ у переплетчика Торно продается *Собрание Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами* по 60 к. экземпляръ; да книга о угрюмомъ мужѣ и его злой женѣ безумолкнуой говорунѣ 40 к., Доброй мужъ 25 к., любовная гадательная книжка 20 к., опытъ о правописаніи 25 к., гошпиталь дураковъ 20 к.“ — Тоже см. въ № 50 отъ 21-го іюня того же года.

Въ Прибавленіи къ № 13 „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ во вторникъ февраля 13-го дня, 1778 г., на стран. 138:

„Въ луговой Миліонной въ Позняковомъ домѣ у переплетчика Торно продаются рускія пѣсни съ нотами, по которымъ не только что пѣть, но и на клавикордахъ и другихъ инструментахъ играть можно. Первая часть 60 к. и вторая часть вновь выпечатанная тожъ по 90 коп.“

Въ № 14 „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ въ пятницу 16-го дня, того же года, стран. 149—150 повторено предыдущее объявленіе, но въ концѣ его значится слѣдующая поправка къ обозначенію цѣны:

„..... и вторая часть вновь выпечатанная тожъ по 60 коп. (а не по 90 коп., какъ прежде было опубликовано). Купившіе 2-ю часть по 90 коп., могутъ получить излишнія деньги обратно“. — Тоже повторяется въ № 15. Приб. февраля 20 дня того же года.

Въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ во вторникъ генваря 30 дня, 1795 г., въ отдѣлѣ „Извѣстій“, на стран. 171:

„Въ книжныхъ лавкахъ у книгопродавца Зотова, противъ Гостиннаго двора зеркальной линіи подъ № 22 продаются *рускія пѣсни съ нотами*, которыя какъ пѣть, такъ на фортопіано и на другихъ инструментахъ играть можно, 2-я и 3-я часть, каждая по 50 коп., также и *варіаціи на рускія пѣсни*, часть I-я 1 руб. п.“

Въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ во вторникъ маія, 6-го дня, 1796 г., № 37, въ отдѣлѣ „Извѣстій“, стран. 812:

„Въ овошенной линіи, подъ № 31, въ лавкѣ Ярославской мануфактуры продаются *рускія пѣсни съ нотами* для фортопіано и протчихъ инструментовъ, часть 2-я и 3-я по 50 к. и вновь выпечатанная 4-я часть въ прибавленіемъ, 1 руб. также и *варіаціи на рускія пѣсни*, 1 руб. п.“

Въ № 68 въ пятницу, августа 22 дня, 1796 г., стран. 1613-4 упомянута и 1-я часть „Рускихъ пѣсенъ“. Это безъ сомнѣнія третье уже тисненіе 1-ой части, въ этомъ году вышедшее въ свѣтъ.

Приведемъ здѣсь же еще одну публикацію, помѣщенную передъ этими послѣдними въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ во вторникъ, октября 3 дня, 1794 г. № 79, стран. 1840—1:

„По Невской преспективѣ, противъ Милютинныхъ лавокъ въ домѣ Католической церкви, подѣ № 3, въ книжной лавкѣ у книгопродавца Семена Глазунова продаются вновь вышедшія книги: *Малороссійская тѣсня на бережку уставка* (sic!) съ полнымъ хоромъ и со всею вокальною и инструментальною музыкою, 2 р. 10 к. въ бум. пер.....“

Извѣстна публикація и въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*“ 1798 г. № 80, стр. 1503:

„Въ Городѣ, на Никольской улицѣ, противъ Полиціи, въ лавкѣ подѣ № 1, гдѣ продаются Ярославской большой мануфактуры содержателей Гг. Яковлевыхъ товары, вступили по комиссіи присланныя изъ С.-Петербурга для продажи *Рускія тѣсни съ нотами для фортепіано*, и которыя на скрипкѣ можно играть, также и на прочихъ инструментахъ, Часть 1-я и 4-я съ прибавленіемъ, по 1 руб., а 2-я и 3-я по 60 коп., безъ переплета 320 коп., а въ переплетѣ всѣ 4 части 330 коп., также и варіаціи на Рускія пѣсни по 110 коп.“

Уже приведенныя публикаціи отчасти даютъ возможность догадываться, какъ скоро исчезали изъ продажи отдѣльныя части Пѣсенника Трутовскаго, и потомъ замѣнялись новыми изданіями 1-ой части. О *рѣдкости* и *посему малоизвѣстности* Пѣсенника мы можемъ заключить еще изъ слѣдующихъ *библіографическихъ сообщеній* первой половины XIX вѣка.

1) В. С. Сопиковъ въ своемъ „*Опытѣ Россійской Библіографіи*, или Полномъ Словарѣ сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Славянскомъ и Россійскомъ языкахъ, отъ начала заведенія типографій, до 1813 г.“, въ части 4-ой, (О—С, Санктпетербургъ, 1816 г., стран. 460) могъ отмѣтить лишь весьма неточныя показанія и въ заглавіи и въ годахъ изданія:

„10979+Собраніе наилучшихъ Россійскихъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты; 4 ч. Спб. 1779—1781—въ 4. 4 руб.“—Очевидно *перваго* изданія первой части 1776 г. онъ не зналъ. Ср. въ „*Указателѣ къ Опыту Росс. Библіографіи* В. С. Сопикова (къ книгамъ гражданской печати)“, составленномъ Вл. Н. Рогожинымъ (М. 1900 г.), на стран. 99 (имени В. О. Трутовскаго въ спискахъ мы не нашли).

2) В. Г. Анастасевичъ въ извѣстной „*Росписи Россійскимъ книгамъ для чтенія* изъ библіотеки Александра Смирдина, систематическимъ порядкомъ расположенной“ (Спб. 1828 г.), на стран. 423 (въ отдѣлѣ „Свободныхъ Художествъ“) подѣ № 5420 указалъ только: „Собраніе Русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами, часть 1-я изд. 3-е. Спб., 1796 г. (4) 5 руб.“

3) Въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“, среда 23 августа (4 сент). 1867 г., № 232, стран. 2 (стб. 3), въ отдѣлѣ: „*Корреспонденція*“—напечатано извѣстіе въ видѣ письма въ редакцію: „М. Г. При сборникахъ русскихъ пѣсенъ почти всегда ичисляются всѣ сборники, прежде изданные; но самый старинный, изданный, кажется, при Императрицѣ Елизаветѣ, сборникъ пѣсенъ съ нотами Трутовскаго, никѣмъ не былъ упомянутъ. Я не знаю, есть ли онъ въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ; но я думаю, что Балакиревъ, или кто другой, такъ добросовѣстно занимающийся

народной музыкой, могъ бы попросить у наслѣдниковъ Петра Вас. Кирѣевскаго, въ библиотекѣ котораго онъ находится.

„Этотъ сборникъ изданъ въ *полъ-листа на синей бумагѣ*; о нотахъ я ничего не могу сказать, но слова записаны довольно вѣрно. Примите и пр. *Павелъ Якушкинъ*. 15 августа 1867 г. С. Сабурово“.

4) П. А. Безсоновъ въ „Пѣсняхъ собр. П. В. Кирѣевскимъ“ ч. II, вып. 7, (М. 1868), на стран. 79 отмѣтилъ: „...Какъ бы то ни было, только въ слѣдъ за Рукописью собранія Кирши, тотчасъ же, съ половины же XVIII вѣка, начинаются у насъ уже печатныя изданія пѣсенъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова и т. д., при томъ также съ нотами, каковы пѣсенники Трутовскаго, Герстенберга, Прача (лучшіе и старшіе всѣ появились въ Петербургѣ, съ половины до конца прошлаго вѣка)“

На стран. 129—130 имъ перепечатана изъ сборника Трутовскаго, ч. II пѣсня — (Убить Карамышевъ I): „Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась...“; на стран. 131—132: „Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ“ (съ разнорѣчїями по Прачу 1790 г.) и т. под.

5) П. А. Безсоновъ въ журналѣ „Заря“ В. С. Кашперова, за апрѣль 1870 года, на стран. 4—5 подъ № 15 въ своей статьѣ: „О вліяніи народнаго творчества на драмы И. Екатерины“ перечислилъ изданія пѣсенника В. О. Трутовскаго и довольно вѣрно оцѣнилъ его трудъ. Приведемъ его свидѣтельство, такъ какъ и эта статья его затѣрялась въ книжкахъ стараго объемистаго литературнаго ежемѣсячнаго журнала: — „Трутовскій выдалъ „Собраніе Русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами“, С.-Петербургъ, 4, 4 части: первый нашъ печатный *нотный* пѣсенникъ. Первой части его было 3 изданія: 1776, 1782, 1799 (неточно; слѣдуетъ 1796); 2-й, 3-й, 4-й по одному, 1778, 1779, 1795 года. Издатель былъ уже отчасти *самъ* собирателемъ и потому эклектикомъ: текстъ его рознился отъ Чулковскаго и Новиковскаго, музыка отъ ближайшаго Прача, Герстенберга и позднѣйшихъ. Это то, что *самъ* онъ зналъ, игралъ и пѣлъ, а вмѣстѣ что было въ ходу при Дворѣ Екатерины. Чрезвычайно замѣчательно: пѣсенникъ по преимуществу *придворный*, но вмѣстѣ весьма *народный*, народнѣе другихъ современныхъ и многихъ позднѣйшихъ“.

6) Почти то же см. въ статьѣ *Безсонова* при текстахъ IX-го выпуска „Пѣсень П. В. Кирѣевскаго“ (М. 1872 г.) на стран. 410: „По части *напѣва, музыки*, и притомъ съ *текстомъ*: 1) *Василій Ѳеодоровичъ Трутовскій*, придворный священникъ, Малороссъ, гусярь и пѣвецъ, — пѣсни употребительнѣйшія при Дворѣ и въ высшихъ кругахъ, съ хорошимъ выборомъ и вкусомъ, въ томъ числѣ Малорусскія; музыка имъ самимъ положена или, какъ говорили, *переложена*, — съ народнаго; С.-П.Б., 1-я часть въ 3 изданіяхъ: 1776, 1782 и 1799 гг.; 2-я, 3-я и 4-я, по одному изданію, въ 1778, 1779 и 1795 годахъ; текстъ рознится отъ Чулковскаго и Новиковскаго, музыка отъ ближайшихъ преемниковъ)...“ Въ этомъ же выпускѣ *Безсоновымъ* на стран. 204—6 перепечатанъ текстъ пѣсни: „Во селѣ, селѣ Пекровскомъ“... съ обширнымъ комментариемъ.

Въ „Пѣсняхъ собр. П. В. Кирѣевскимъ“, вып. X, (М. 1874 г.), П. А. Безсоновъ касается пѣсенника Трутовскаго на стран. 281, 338, 367, 434.

7) Приведемъ еще одно свидѣтельство уже изъ самаго послѣдняго времени. Нѣкто *Д. Борецкій* (въ „Новомъ Времени“, понед. 29 мая 1897 года, № 7623 фельетонъ), въ статьѣ подъ заглавіемъ: „*Старый воскресенный сборникъ* — Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Львовымъ. Напѣвъ записалъ и гармонизировалъ Иванъ Прача“, — говоря о старыхъ изданіяхъ русскихъ пѣсенъ съ нотами, замѣтилъ: „...Такіе сборники, конечно, были и, вѣроятно, въ Публичной библиотекѣ найдется сборникъ, предшествующій сборнику Прача, но въ обращеніи такового не имѣется. Намъ попалось указаніе на сборникъ народныхъ пѣсенъ, изданный въ началѣ царствованія Екатерины II; затѣмъ, въ 1796 году въ Петербургѣ было напечатано (уже третьимъ тисненіемъ“) „Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами“ и съ предисловіемъ собирателя, *какого-то В. Т.*, не выставившаго своего имени. Въ предисловіи собиратель заявляетъ, что собраніе пѣсенъ ему „стоило не малыхъ трудовъ“ и что записывалъ онъ пѣсни, „прислушиваясь многихъ“. Этотъ сборникъ составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость; содержаніе его намъ лично совершенно неизвѣстно, но найти его возможно. Пока же практически приходится считать первымъ доступнымъ для всѣхъ собраніемъ народныхъ пѣсенъ, именно сборникъ Прача“.

8) Наконецъ, досталось сборнику В. О. Трутовскаго незаслуженно быть осужденному почти на дняхъ. Бывшая пѣвица, знакомая и съ музыкою, издала на счетъ нашей Императорской Академіи Наукъ I выпускъ своего сборника записанныхъ съ помощью фонографа великорусскихъ пѣсенъ: „*Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевою*“. (СПб. 1904 г.). Во многопространномъ предисловіи (чуть ли не съ Адама) г-жа Линева вздумала познакомить публику съ сборникомъ Трутовскаго: на стран. 5-й, она вѣщаетъ: „*Въ прежнее время точность записи понималась собирателями довольно своеобразно. Когда въ концѣ XVIII столѣтія явился въ свѣтъ первый печатный сборникъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами, авторъ его, Василій Ѳеодоровичъ Трутовскій, священникъ,¹⁾ шрокъ (sic!!) на гусяхъ и пѣвецъ (?) при дворѣ Екатерины II, пишетъ въ „предувѣдомленіи“, что онъ первый рѣшается издать пѣсни съ нотами*“. Далѣе г-жа Линева выписываетъ текстъ „Предувѣдомленія“ Трутовскаго и присоединяетъ свое замѣчаніе: „*Какъ можно „сохранить точность“ записи и вмѣстѣ съ тѣмъ, „прибавлять“, „убавлять“ и исправлять „великую неисправность“, остается загадкой. „Ниже слѣдуетъ одна изъ записанныхъ Трутовскимъ пѣсенъ, которая, дѣйствительно, показываетъ, что онъ „не достигъ совершенства“. Текстъ сравнительно хорошъ, но напѣвъ скорѣе напоминаетъ нѣмецкую сонату, чѣмъ русскую народную пѣсню*“.

Приведены ноты и слова очень рѣдкой исторической пѣсни: „*Что на матушкѣ на Волгѣ не чернымъ да зачернѣлось...*“ изъ III выпуска пѣсенника Трутовскаго 1779 года (а не 1782 г.?).

Очень приходится жалѣть, что г-жа Линева ограничилась лишь голословнымъ и полнымъ ѣдкостью обвиненіемъ нашего піонера въ музыкальной этнографіи, какъ

¹⁾ Г-жою Линевою осталось незамѣченнымъ содержаніе моего сообщенія о В. О. Трутовскомъ, сдѣланное въ засѣданіи 20 авг. 1902 г. VI секціи XII Археолог. Съѣзда въ Харьковѣ. (См. „Извѣстія“ упомянутаго Съѣзда, № 7, стран. 95—96). — Ей извѣстна лишь записка С. А. Соболевскаго; см. у насъ на стран. 477.

сполнить уже постигшая послѣ столь цѣнныхъ для нея въ методологическомъ отношеніи трудовъ Ю. Н. Мельгунова, Балакирева, Т. И. Филиппова, Римскаго-Корсакова, Лопатина и Прокунина и еще многихъ, мнѣгихъ другихъ, — *совершенства* гармонизаціи великорусской простонародной пѣсни, и не потрудилась выбрать изъ сборника Трутовскаго какую-нибудь другую пьесу, употребительную и до сихъ поръ, и посравнить музыкальную записъ и слова у Трутовскаго, Прача (по изд. 1790 г. и 2 и 3 изд.), Кашина, Мельгунова, Пальчикова и т. д. другъ съ другомъ, это было бы хоть поучительно, да этого и вправѣ требовать отъ нея публика, такъ какъ она является трактовать объ этомъ въ ученомъ изданіи. Едва-ли эта выбранная г-жею Линевою историческая пѣсня изъ сборника Трутовскаго, записана имъ съ пѣнія изъ народныхъ устъ; пѣсня эта рѣдкая (см. воспроизведеніе ея у насъ въ снимкѣ на таблицѣ XII): ни у Чулкова, ни у Новикова ея нѣтъ; да и Прачъ ея не взялъ, конечно, въ виду только того, что не встрѣтилъ для себя исполнителя-пѣвца, и это тѣмъ болѣе вѣрно, что Львовъ и Прачъ перепечатали за весьма немногими исключеніями сборники Трутовскаго почти во всемъ ихъ объемѣ.

Опишемъ по наличнымъ извѣстнымъ намъ экземплярамъ I, II и III части труда В. О. Трутовскаго.

1) Первая (1-го изданія 1776 г.) и вторая (1778 г.), части въ одномъ простомъ картонномъ переплетѣ, принадлежація собранію *Вл. Н. Рогожина* въ Москвѣ. Экземпляръ этотъ былъ купленъ Владимиромъ Николаевичемъ на Кузнецкомъ Мосту у букиниста въ воротахъ дома на Кузнецкомъ, — и попалъ къ послѣднему изъ библіотеки извѣстнаго собирателя Дурова. На немъ есть нѣсколько штемпелей синею краскою — церковнославянскою вязью: „Собраніе Н. Дурова“. На задней крышкѣ переплета, на наружной его сторонѣ оттиснуть штемпель: „Дуровъ“ — въ кругѣ вязью. На верхней крышкѣ переплета внутри карандашомъ помѣтки новаго владѣльца: „Смирд. 5920, худож. — Отъ Вл. Рогожина 3/96 4 р. Жур. 7190. Отд. 214. 16/2“.

Въ означенномъ экземплярѣ библіотеки г. *Рогожина*, мы нашли единственный экземпляръ (уникъ) *первой части перваго изданія*. Вотъ его заглавіе (см. снимокъ на таблицѣ I): „Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. — Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, 1776 года. Тетрадь въ 4-ю долю листа безъ обозначенія пагинаціи, печатана на бѣлой довольно толстой жильчатой бумагѣ, безъ всякихъ водяныхъ клеймъ, форматомъ 18 × 23 сантиметра. Всего листовъ, считая и заглавный листъ — 12. Пагинація, какъ мы сказали выше, не обозначена, но листы, какъ и въ старопечатныхъ изданіяхъ, помѣчены для счета буквами: а 2, а 3, — б, б 2, б 3, — в, в 2, в 3. — Заглавный считанъ: должно бы быть обозначено на немъ буквой а.

Рис. 1.

На оборотѣ заглавнаго листа, кромѣ синею краскою штемпели библіотеки Дурова — ниже приложенъ отпечатокъ, сдѣланный коцотью на свѣчкѣ съ печати съ буквами Р и П, т.-е. „Рускія пѣсни“, — знакъ издателя, фирмы. См. рисунокъ 1 среди текста.

Далѣ идетъ *Предувѣдомленіе* на полуторыхъ страницахъ, набрано оно крупнымъ курсивомъ. См. снимки на таблицахъ III и IV. На слѣдующихъ 20 не нумерованныхъ страницахъ помѣщено на каждой страницѣ по одной пьесѣ, при чемъ въ верхней части страницы дано по четыре строки пятилинейныхъ музыкальныхъ нотъ, исполненныхъ частичнымъ типографскимъ наборомъ; подъ первую и третью строками — подписаны слова пѣсни. Указанія для музыканта приписаны курсивомъ по-итальянски. Подъ нотами въ столбцахъ, одномъ, или двухъ и болѣе — крупнымъ довольно шрифтомъ припечатаны тексты („рѣчи“) для пѣнія, но такъ, что начальные два стиха помѣщены подъ нотами, а продолженіе особо ниже.

На таблицахъ V-ой, мы даемъ снимокъ съ 14-й страницы съ текстомъ пьесы: „По горамъ, по горамъ и я по горамъ ходила“...; на т. VI-ой — „Во селѣ, селѣ Покровскомъ среди улицы большой...“

Вторая часть приплетена въ экземплярѣ г. *Рогожина* въ одной связи съ первую частію. Заглавіе такое же, тѣмъ же шрифтомъ, только виньетка другая (см. таблицу VIII): *Собраніе Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. — Часть вторая. — Въ Санктпетербургѣ 1778 года.* На оборотѣ заглавнаго листа тѣ же штемпеля библиотечки Дурова и знакъ издателя, что и въ I части. Пагинація то же вверху страницъ отсутствуетъ и только внизу по листамъ счетъ послѣднихъ: а 2, а 3,—, б, б 2, б 3,—, в, в 2, в 3,—. Заглавный листъ считанъ. Кромѣ заглавнаго листа — 10 листовъ нотъ и текста пьесъ. Далѣе есть еще страница съ *Резтрами пѣснямъ частей первой и второй* (см. снимокъ на таблицѣ X). Оборотъ этого листа пустая страница.

На таблицѣ IX, мы предлагаемъ снимокъ съ страницы 15-й съ нотами и текстомъ пѣсни: „Ужъ не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась...“

2) Переплетенный томъ въ полной обложкѣ изъ кожи, съ краснымъ обрѣзомъ, съ наклееннымъ четырехугольнымъ ярлыкомъ изъ темномалиновой кожи; золотомъ оттиснуто: „Собраніе пѣсенъ съ нотами Часть I II III“. Въ одномъ старинномъ современномъ переплетѣ соединены три части пѣсенника В. Ѳ. Трутовскаго. Экземпляръ этотъ хранится въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ имени Императора Александра III Музеѣ въ Москвѣ, въ библиотекѣ подъ № 7923 въ собраніи купца П. В. Щапова.

Часть I-я второго изданія озаглавлена: „Собраніе Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. — Часть первая. — Печатано вторымъ тисненіемъ — въ Санктпетербургѣ 1782 года“. Въ правомъ углу заглавнаго листа кто-то отмѣтилъ „10 руб.“ — стоимость книги при покупкѣ. Виньетка и обѣ полоски на заглавномъ листѣ тѣ же, и на оборотѣ его штемпель издателя, все какъ и въ I-й части I-го изданія; то же и о шрифтѣ слѣдуетъ сказать. Послѣ заглавнаго листа слѣдуетъ листъ съ „Предувѣдомленіемъ“, занимающимъ полторы страницы. Заглавный листъ и двѣ страницы „Предувѣдомленія“ въ счетъ не вошли. За ними идутъ 20 нумерованныхъ страницъ; счетъ листовъ внизу по серединѣ отмѣченъ буквами и цифрами. Форматъ книги 19 × 24 сантиметра. (См. табл. II).

Это второе изданіе напечатано тѣми же вообще шрифтами и, видимо, въ той же типографіи, что и 1-ое. Замѣтимъ разницу въ шрифтѣ текста пьесъ, которыя должны быть умѣщены въ двухъ столбцахъ (какъ стран. и №№ 11: „Земляничка ягодка...“;

13: „Какъ пошла наша Параня...“ Въ 1-омъ изданіи — припѣвы не повторены при каждой строкѣ пѣсни, а во 2-омъ они отмѣчены за недостаткомъ мѣста лишь начальными буквами cadaго слова. Въ этомъ экземплярѣ (Музейскомъ) оказались вырѣзанными двѣ пѣсни: подъ № 15: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ...“ и № 16: „Ахъ во саду, саду люблю садовую, люблю, люблю садовую грушу зеленую...“ Есть основаніе думать, что пѣсни эти удалены умышленно и притомъ въ давнее уже время. См. снимокъ на таблицѣ VII, страницы 18-й (2 изданія 1782 года).

Послѣ этого идетъ въ Музейскомъ экземплярѣ II-ая часть, а за нею приплетена третья часть. Заглавный листъ: „Собраніе Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Часть третья. — Въ Санктпетербургѣ, 1779 года“. Шрифты тѣ же, что и 1-й части и 2-й, но полоски другія — попроще. На оборотѣ штемпель издателя копотью сдѣланный, какъ и ранѣе было. Пагинація съ 3—23 отмѣчена цифрами. Заглавный листъ входитъ въ счетъ, 3—22 страницы заняты нотами и текстами пѣсенъ, а на 23 страницѣ: „Реэстръ пѣснямъ, третьей части“ (см. снимокъ на таблицѣ XVI-ой); оборотъ этой послѣдней — пустой.

Шрифтъ текстовъ помельче, но такой же, какъ во 2-мъ изданіи I части, и во II части. Подъ текстами внизу небольшія красивыя полоски и т. п., но не вездѣ, а гдѣ оставалось лишь мѣсто.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на страницу 18 (см. снимокъ съ нея на таблицѣ XV); на ней двойное число строкъ съ нотами и тексты набраны почти петитомъ.

См. заглавный листъ на таблицѣ XI, тексты изъ III части на таблицахъ XII (пѣсня № 11: Что да на матушкѣ на Волгѣ не чернимъ ла за чернѣлось...“), таблицѣ XIII (№ 13: „Что пониже было города Саратова“); таблицы XIV (№ 17: малорусская пѣсня: „Ой гай, гай, гай, гай зелененкій...“), т. XV (№ 18: Ой коли я Прудыуса любила...“)

3) Экземпляръ безъ переплета въ современной крашенной жолтой обложкѣ съ ярлыкомъ хранится въ I (Русскомъ) Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ подъ шифромъ: IV в./520 (прежній 28/X.12, а еще ранѣе были № 653 (печатный) и 74° самый ранній).

Въ Академическомъ экземплярѣ всего одна первая часть, 3-го изданія, но кромѣ этого экземпляра настоящаго изданія еще нигдѣ намъ не извѣстно. Заглавіе: „Собраніе Рускихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. — Часть первая. Печатано третьимъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ 1796 года“. Это изданіе печатано на тонкой зеленоватой жильчатой безъ знаковъ бумагѣ; форматъ листа 19,7 × 24,4 см. Шрифты на заглавномъ листѣ приблизительно тѣ же, что видѣли мы и ранѣе, но полоски — простыя черты. На оборотѣ заглавнаго листа никакихъ штемпелей не видно. Предувѣдомленіе набрано курсивомъ, но помельче и все умѣстилось на одной страницѣ. Оно подписано курсивными же буквами В. Т. На оборотѣ его „Реэстръ пѣснямъ части первой“, но не въ графахъ и рамкахъ, какъ это было въ 1 и 2 изданіяхъ I части и во II и III частяхъ, а такъ же, какъ и нынѣ это дѣлается, т.-е. въ видѣ перечня: № пѣсни по порядку стоитъ передъ названіемъ пѣсни, а послѣ него черточка и указаніе страницы. Затѣмъ слѣдуютъ нумерованныя страницы 5—24 съ нотами и текстами пѣсенъ.

4) Намъ извѣстенъ еще одинъ экземпляръ въ библіотекѣ И. Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ изъ собранія профессора *О. М. Бодянскаго*, къ сожалѣнію, очень и очень неполный и плохо сбереженный, но въ немъ уцѣлѣли тѣ двѣ пѣсни, изъ I части, которыхъ нѣтъ въ Щановскомъ экземплярѣ № 7923. Кромѣ этого послѣдняго обстоятельства экземпляръ Бодянскаго цѣненъ еще и потому, что на одномъ изъ листовъ у переплета сохранилась рукописная замѣтка извѣстнаго библіофила и библіографа *С. А. Соболевскаго*. Онъ сообщаетъ въ ней все извѣстныя ему тогда свѣдѣнія объ изданіяхъ и выпускахъ пѣсенника *В. О. Трутовскаго*. Вотъ его замѣчанія:

«Первой части 3 изданія:

Первое. Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Часть первая въ Санктпетербургѣ 1776 года:

1) заглавіе, 2) предувѣдомленіе на двухъ страницахъ безъ подписи, 3) „...“ пѣсенъ на нумеров. листахъ.

Второе. Имѣется здѣсь [т.-е. у *О. М. Бодянскаго*].

1) Заглавіе 2) предувѣдомленіе на двухъ страницахъ безъ подписи. 3) 20 пѣсенъ на 20 нумерованныхъ листахъ.

Третье. Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Часть первая печатано *третьимъ* тисненіемъ въ Санктпетербургѣ 1796 года:

1) заглавіе, 2) предувѣдомленіе на одной страницѣ; на оборотѣ: *реэстръ пѣснямъ части первой* Предув. подписано *В. Т.*

NB: 2-й, 3-й и 4-ой частей вторичныхъ изданій, кажется, нѣтъ.

Въ самомъ концѣ 4-й части, внизу, на 24-й страницѣ, напечатано: „*В. Трутовскій*“. Должно предполагать его издателемъ этого пѣсенника. [Красными чернилами]. Онъ издатель *всею* пѣсенника, вотъ почему, теперь (26 марта 1860) имѣю передъ глазами 3-го изданія (С.П.Б. 1796) *часть первую*, въ ней предисловіе (тоже, что въ 1-омъ и во второмъ) подписано *В. Т.*

Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами. Часть четвертая, въ Санктпетербургѣ 1795 года. На оборотѣ: *Реэстръ пѣснямъ четвертой части* (оныхъ 20). На страницахъ 3-й 21-й сверху ноты, а внизу слова пѣсенъ; на страницахъ же 22-ой, 23-ой и 24-й только ноты, съ подписанными между ими словами пѣсни: *на берешку у ставка*. На самомъ концѣ справа *В. Трутовскій*». — Далѣе рукою *О. М. Бодянскаго*: „Отмѣтки егѣ сдѣланы *С. А. Соболевскимъ* (см. письмо его ко мнѣ отъ 24 марта 1860 года)“. — „Точно такъ. 27 марта 1860. *Соболевскій*“.

«*Василій Ѳеодоровичъ Трутовскій* былъ священникъ¹⁾ и вмѣстѣ гусярь (игрокъ на гусяхъ и пѣвецъ) при дворѣ Екатерины II-ой Жиль и умеръ въ Питерѣ и получилъ въ жалованіе деревни Поповку, въ Ахтырскомъ уѣздѣ. Братъ его Ѳеодоръ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ имѣлъ свой домъ (сообщено *Максимовичемъ*)».

Въ бумагахъ изъ архива гг. Трутовскихъ намъ удалось найти перегнутой пополамъ листокъ сѣровой бумаги (1796 г.?) въ подлиста, съ водянымъ знакомъ — „*Х. А.*“ На первыхъ двухъ страницахъ его на-черно написанъ съ поправками текстъ объ-

1) Эти неточныя послѣднія свѣдѣнія о *Василіи Ѳеодоровичѣ* и о братѣ его *Ѳеодорѣ*, жившемъ въ Кіевѣ — только до сихъ поръ вообще и были извѣстны *Безсонову*, и имъ были сообщены въ печати.

явленія повидимому для помѣщенія въ газетахъ съ приглашеніемъ любителей подписываться на получение 4-ой части Пѣсенника. Мы приведемъ ниже текстъ упомянутого приглашенія къ подпискѣ ¹⁾ цѣликомъ. Объявленіе это весьма любопытно, какъ по времени, въ какое оно появилось (конецъ XVIII в.), такъ особенно по тому, 1) что оно намъ документально свидѣтельствуесть о всѣхъ перепечаткахъ первой части Пѣсенника Трутовскаго и о томъ, что 4-ая часть его была издана много времени спустя, 2) оно, главнымъ образомъ, подтверждаетъ еще разъ справедливость разысканій бібліографа С. А. Соболевскаго и слависта О. М. Бодянскаго, и 3) указываетъ на то, что труды В. Θ. Трутовскаго, — изданныя ранѣе три части его Пѣсенника — пользовались большимъ сочувствіемъ у современныхъ ему любителей пѣнія.

Вотъ какъ написанъ текстъ упомянутого „приглашенія“ къ подпискѣ на 4-ый выпускъ пѣсенника (соблюдаемъ орфографію подлинника):

«Придворный квартермейстеръ ²⁾ Василій Трутовскій, который досѣлѣ издалъ въ свѣтъ три части русскихъ пѣсенъ напечатанныхъ съ нотами для гуслей или фортепьяно, или и другихъ инструментовъ ³⁾, приглашенъ нынѣ многими охотниками къ изданію еще четвертой части русскихъ же пѣсенъ, каковыя публикою благопріятно были приняты, такъ что первая часть уже два раза ⁴⁾ вся выкуплена. По сему онъ, при изданіи новой четвертой части, намѣренъ возобновить и первую новымъ третьимъ ⁵⁾ тисненіемъ съ нѣкоторыми прибавленіями.

По колику же печатаніе требуетъ нѣкоторыхъ издержекъ, которыхъ онъ изъ своей суммы сдѣлать не въ силахъ, то предлагаетъ онъ Господамъ охотникамъ подписку со взносомъ напередъ денегъ по числу экземпляровъ, первой или четвертой вновь собранной, или и всѣхъ четырехъ частей вмѣстѣ, за каждый экземпляръ въ одной части по пятидесяти копѣекъ. По собраніи суммы онъ непреминетъ исполнить тщательно свои обязанности со всѣми подписавшимися. Послѣ же напечатанія продажа будетъ дорожѣ».

Прежде, чѣмъ приступимъ къ обзорѣнію содержанія уцѣлѣвшихъ трехъ частей пѣсенника В. Θ. Трутовскаго, приведемъ въ алфавитномъ порядкѣ по первому слову пѣсни перечень всѣхъ пѣсень.

Отмѣтки справа въ концѣ текста обозначаютъ часть — римскими цифрами, и № пѣсенъ по порядку — арабскими. Ниже прибавлено сличеніе съ первымъ изданіемъ пѣсенника М. Д. Чулкова „Собраніе разныхъ пѣсенъ“ (С.-Пб. 1770 г.) и Новиковской его перепечатки подъ заглавіемъ: — „Новое и Полное Собраніе Россійскихъ Пѣсенъ; Содержащее въ себѣ Пѣсни Любовныя, Пастушескія, Шутливыя, Престонародныя,

¹⁾ Намъ не удалось провѣрить: было ли это объявленіе припечатано въ какихъ либо „Вѣдомостяхъ“ или при книгѣ; но во всякомъ случаѣ оно было, надо думать, распространяемо далеко въ спискахъ, какъ тому имѣется не мало примѣровъ даже изъ 1-ой половины XIX в.

²⁾ Ранѣе было написано: *камеръ-гуслистъ*.

³⁾ Слова: *или и другихъ инструментовъ* — приписаны надъ строкою.

⁴⁾ Слова: *два раза* — приписаны надъ строкою.

⁵⁾ Слово: *третьимъ* — приписано надъ строкою.

Хоральная, Свадебная, Святочная, съ присовокупленіемъ Пѣсенъ изъ разныхъ Россійскихъ Оперъ и Комедій. Въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1780 года^а.

1. Ахъ во саду, саду люблю садовое
Люблю садовое, грушу зеленую... I, 16.
Ч. Н. II часть № 169.
2. Ахъ деревня отъ деревни
Не по далеку стоять,
Промежу тоя деревни
Быстра рѣченка течеть... I, 4.
Ч. Н. III, 119.
3. Ахъ для нынѣшнево году объявили дѣвки моду,
Онѣ молоды лукавы, враговаты очень стали... II, 6.
4. Ахъ жилъ я молодець во своей деревнѣ,
Во своей деревнѣ не видалъ веселья... III, 15, (№ 13).
Ч. Н. III, 106.
5. Ахъ на чтожь было, да къ чемужь было по горамъ ходить. III, 9 (№ 7).
Ч. Н. III, 99.
6. Ахъ по горамъ по горамъ по высокимъ горамъ,
Распушались цвѣты алы лазоревые.
Сорву аленькой цвѣтокъ, совью милому вѣнокъ... II, 16.
7. Ахъ по морю ахъ по морю синему
Плыла лебедь I, 19.
Ч. Н. IV, 187.
8. Ахъ по мосту мосту по калинову мосту,
Ахъ шоль тута дѣтинка удалой молодець... II, 18.
Ч. Н. II, 187; III, 140.
9. Ахъ ты Дунюшка крѣпка думушка
Проложила Дуня худу славушку,
Худу славушку про Иванушку,
Будто я, Иванъ, по ночамъ гулялъ... II, 4.
10. Ахъ-ты душечка красная дѣвица
Ты о чемъ вечеръ плакала
Во зеленомъ ты саду гуляючи... I, 7.
11. Ахъ ты поле поле чистое
Ты раздолье мое широкое... I, 12.
Ч. Н. I, 146.
12. Ахъ ты садъ ли да мой садочикъ
Садъ да зеленое виноградье... III, 14 (№ 12).
Ч. Н. I, 145; III, 85.

13. Ахъ что жъ ты, голубчикъ, не весель сидишь,
Не весель сидишь и не радостень... I, 5.
Ч. Н. IV, 127.
14. Бѣлая румяная моя,
Что радость печальна завсегда... III, 4 (№ 2).
15. Бѣлолица круглолица красная дѣвица.
При долинушкѣ стояла, калину ламала... II, 13.
Ч. Н. III, 105.
16. Вдовушка по сѣнечкамъ похаживала... III, 22 (№ 20).
17. Во лѣсочкѣ комарочковъ много уродилось
Я весьма красна дѣвица тому удивилась... I, 2.
Ч. Н. IV, 115.
18. Во прекрасной во долинь промежу калины,
Стоялъ только одинъ кустикъ ягоды малины... III, 7 (№ 5).
19. Во селѣ, селѣ Покровскомъ
Среди улицы большой
Разыгралась, расплясалась красна дѣвица-душа... I, 15.
Ч. Н. I, 195.
20. Въ низъ по матушки по Волгѣ
По широкому раздолью
Разыгралась погода... II, 5.
Ч. Н. II, 190.
21. Вы раздайтесь, раступитесь добрые люди,
Что на всѣ ли на четыре на сторони... I, 8.
Ч. Н. I, 174.
22. Дарагая ты моя матушка, моя прежняя полюбовница,
Не сиди, мой свѣтъ, долго вечеромъ, ты не жди меня до бѣла-свѣта... II, 1.
Ч. Н. I, 157.
23. Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ.
Сопротивъ тово было устьецо Самары рѣки I, 18.
Ч. Н. I, 127 (сходно лишь начало). См. *Кирѣевск. Пѣсни*, VII, стран. 131
и слѣд.
24. За святыми воротами черничка гуляла... III, 8 (№ 6).
25. Земляничка ягодка на полянкѣ выросла.
Эхъ охъ охъ охъ охъ охъ охъ на полянкѣ выросла... I, 11.
Ч. Н. IV, 177.
26. Ивушка, ивушка зеленая моя,
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь... II, 7.
Ч. Н. I, 169.

27. Изъ-подъ камышка изъ-подъ бѣлова,
Ахъ люли люли изъ подъ бѣлова
Протекаль ручей бѣль серебряной... I, 20.
Ч. Н. IV, 61.
28. Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловалися, миловалися... I, 10.
Ч. Н. I, 155.
29. Какъ пошла наша Параня
По студеную воду, ахъ люли ахъ люли ахъ люшеньки полюли... I, 13.
Ч. Н. IV, 93 (ср. III, 197— другой вариантъ).
30. Какъ у нашево широкова двора,
Собирались красны дѣвушки вкружокъ,
Онѣ думали какой игрой играть,
Сѣмка въ жмурки, сѣмъ въ веревочку начнемъ.
Одна дѣвка прослезилася въ кругу... II, 9.
Ч. Н. I, 167.
31. Корчма ты, корчма королевская,
Во той во корчмѣ шинкарочка сидить,
Собою шинкарочка пригожинькая... II, 12. (Можетъ быть, перенятая у малоруссовъ, а къ нимъ перешедшая отъ поляковъ См. выноску къ страницѣ 488.)
32. Маланья воду несучи,
Кричала малому вночи:
„Перестан(ь) ты тамо шарит(ь),
Ну перестан(ь) ты чортов(ь) внук(ь)“.
Хочу ево, хочу ударит(ь):
Нельзя отнять от(ь) ведер(ь) рукъ... II, 14.
33. Не бушуйте вы вѣтры буйные, буйные вѣтры осѣнные,
Успокойся ты, море синее, не волнуй море Средиземное.... II, 11.
Ч. Н. I, 161 (ср. I, 142).
34. Недоноска меня матушка родила.
Да родила, да родила, да родила.
Недоростка государыня женила,
Да женила, да женила, да женила... II, 20.
Ч. Н. III, 114.
35. Не пой, не пой, мой младенькой соловейко,
Во моемъ ли во зеленомъ во садочкѣ... I, 3.
Ч. Н. II, 153.

36. Не спала я цѣлу ночиньку млада,
Я со вечера до утренней зари... III, 12 (№ 10).
Ч. Н. (I, 188).
37. Осердился мой милой другъ на меня,
Онъ сѣдлаетъ своево добра коня... I, 9.
38. По горамъ, по горамъ и я по горамъ ходила,
Всѣ цвѣты, всѣ цвѣты
И я всѣ цвѣты видѣла... I, 14.
39. Пойдуль я, пойдуль я
Ой люли, ой люли.
Не вдальну сторонушку... III, 6 (№ 4).
40. Помнилъ ли меня, мой свѣтъ, въ дальней сторонѣ,
Или ты не думаешь вовсѣ обо мнѣ.
Я по тебѣ слезы здѣсь всякой часъ лила... II, 3.
Ч. Н. II, 98.
41. По сѣничкамъ ходила, я гуляла,
Иванушку будила, я кликала... II, 10.
42. Ты воспой, воспой жавороночекъ. III, 19 (№ 17).
Ч. Н. I, 136.
43. Ты какушечка лѣсная... III, 21 (№ 19).
44. У дороднова доброва молодца
Въ три ряда кудри завивалися... I, 1.
Ч. Н. III, 150 (ср. I, 147).
45. У душечки у красной да у дѣвицы
Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило... III, 3 (№ 1).
Ч. Н. IV, 60, 107.
46. Ужъ какъ по мосту, мосточку,
По калинову мосточку
Шли души красны дѣвицы,
Двѣ названья сестрицы... I, 17.
Ч. Н. II, 181.
47. Ужъ не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Не муравая ко сырой землѣ приклонялась,
Подымается съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донѣ на Ивановичѣ гуляти... II, 15.
Ч. Н. I, 122 (ср.).
48. У рѣчки птичье стадо
Я съ утра стерегла... III, 10 (№ 8).

49. Ходила младешенка по борочку,
Брала брала ягодку земляничку,
Наколела ноженьку на трѣсочку... II, 2.
Ч. Н. I, 172.
50. Хоть черна ряса кроеть мой сильной жарь въ крови... III, 5 (№ 3).
Ч. Н. IV, 119.
51. Что во свѣтлой было свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ,
Туть сидѣла красна дѣвица,
Она плачетъ какъ рѣка льютя... II, 17.
Ч. Н. I, 156.
52. Что да на матушкѣ на Волгѣ не чернымъ да зачернѣлось... III, 11 (№ 9).
53. Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына... III, 13 (№ 11).
Ч. Н. I, 126, III, 54.
54. Я жила была у матушки драченное дитя... III, 20 (№ 18).
Ч. Н. IV, 106.
55. Я пойду, пойду въ зеленой садъ гулять,
Поищу я молодова соловья... I, 6.
Ч. Н. II, 161.
56. Я по свѣтлицѣ хожу млада, хожу,
Сквозь окошечко на милова гляжу... II, 8.
57. Я сидѣла либо день, либо два
Подъ окошечкомъ сироточка одна.
Посмотрика ты мой милой на меня... II, 19.

Малороссійскія пѣсни:

58. Ой гай гай гай гай зелененькій,
Тимъ я тебе полюбила, що ты молоденькій. III, 17 (№ 15).
59. Ой коли я Прудыуса любила, любила... III, 18 (№ 16).
60. Ой кряче, кряче да чорненькій воронъ... III, 16 (№ 14).

Можетъ насъ удивлять, что въ Пѣсенникѣ В. О. Трутовскаго въ извѣстныхъ намъ трехъ первыхъ его частяхъ¹⁾, или точнѣе въ послѣдней только, т.-е. въ 3-й

¹⁾ Часть IV-ая „Пѣсенника“ Трутовскаго находится въ собраніи, бывшемъ М. А. Максимовича и перешедшемъ во владѣніе редактора „Кіевской Старины“. Мы обращались къ Вл. П. Науменку о представленіи намъ возможности воспользоваться для изданія этою библиографическою рѣдкостью, но — (все-таки сверхъ ожиданія) — по „скверному россійскому обычаю“ г. Науменко — не соблаговолилъ почтить насъ, хотя бы и отрицательнымъ своимъ отвѣтомъ! — Другой экземпляръ той же части былъ у П. А. Везсонова и нынѣ вмѣстѣ съ имуществомъ послѣдняго опечатанъ судебною властію и тоже недоступенъ.

части — напечатано всего три „малороссійскія“ пѣсни (на стран. 16—18 №№ 14—16), но почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ оставшейся намъ неизвѣстной 4-й части Пѣсенника малорусскихъ пѣсенъ было гораздо болѣе помѣщено или даже весь онъ былъ заполненъ исключительно малорусскимъ репертуаромъ. Тамъ же была въ концѣ припечатана и полная нотная аранжировка пѣсни „На бережку у ставка“. (См. выше отмѣтку библиографа С. А. Соболевскаго о 4-й части.)

П. А. Безсоновъ въ замѣчаніяхъ при X-омъ выпускѣ „Пѣсенъ Кирѣвскаго“ (стран. 281) упоминаетъ, что Трутовскій „оставилъ намъ на нотахъ нѣсколько любимѣйшихъ пѣсенъ“ князя Потемкина. Въ примѣчаніи въ стран. 281-й Безсоновъ перечисляетъ любимыя кн. Потемкина Украинскія пѣсни и мелодіи, числомъ до 21: и въ ихъ число включены и тѣ 3 пьесы, которыя напечатаны у Трутовскаго въ концѣ 3-й части Пѣсенника. Посему я такъ объясняю слова Безсонова, владѣвшаго и 4-й частью упомянутаго изданія, — что перечисляемые имъ пьесы — нашелъ онъ въ этой неизвѣстной намъ части. Это: 1) „Чи жъ я кому виновать“; 2) „Чайка“ (см. П. Кир. IX, 378); 3) „Болыть моя головонька“; 4) „Та ходывъ ченчикъ“; 5) „Добре ти Ляхи чинять“; 6) „Ой зрада, чорни брови“, (см. П. Кир. X, 233); 7) „Ой Сербихо“; 8) „Северинъ“; 9) „Ой сербине черноусы“; 10) „На тымъ боци, на толоци“; 11) „Ой ихавъ козакъ доломъ-водою“ (казака Климентія или Климова?); 12) „Наихали до пана Жида Запорозьци въ гости“; 13) „За все гораздъ“; 14) „Ой наступывъ чорны виль на ноги“; „15) А въ поле иду“; 16) „Взойду я на гору бильмы ноженькамы“ и 17) „На бережку у ставка“. Объ этой пѣсни Безсоновъ говоритъ: „Эта послѣдняя пѣсня цѣликомъ положена на ноты Трутовскимъ и во всѣхъ пѣсенникахъ нашихъ обозначалась какъ самая любимѣйшая пѣсня Потемкина (ее до нашихъ дней лучшіе пѣвческіе хоры сберегали на нотахъ и исполняли)“.

Повидимому полныя ноты къ этой пѣсни, т.-е. для всѣхъ словъ ея — вышли и отдѣльно, какъ самостоятельное изданіе; ср. выше, гдѣ мы привели публикаціи о 4-й части изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“¹⁾.

Безсоновъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ издававшихся подъ его редакцію выпусковъ „Пѣсенъ Кирѣвскаго“ называетъ Пѣсенникъ Трутовскаго „придворнымъ“ или „дворцовымъ“ (см. наши выписки оттуда выше); такимъ характеромъ его и происхожденіемъ онъ объясняетъ его относительную „нераспространенность“ (П. Кир. X, 367). Это изданіе было сдѣлано какъ бы исключительно для Императрицы Екатерины II, ея фаворита Потемкина и близкихъ къ ихъ кругу любителей русской пѣсни изъ высшаго общества.

Потемкинъ, по изслѣдованію Безсонова, является вызывателемъ къ бытію Трутовскаго и его Пѣсенника. Въ замѣткѣ при X выпускѣ „Пѣсенъ Кирѣвскаго“ онъ утверждаетъ, основываясь на неизвѣстномъ намъ источникѣ (см. стран. 338): „Съ Потемкинымъ являлись въ домъ (Нарышкиныхъ), безъ того полный, передовые люди (музыкальнаго) дѣла, обращавшіеся въ домашнихъ людей и друзей: вывезенный княземъ придворный гуслистъ Трутовскій, первѣйшій собиратель Велико-

¹⁾ Въ каталогахъ отмѣчается иногда: „Малороссійская пѣсня: на бережку у ставка, съ полнымъ хоромъ со всею вокальною и инструментальною музыкою. М. 1794 г. in 2°“.

русскихъ пѣсенъ, перелагатель ихъ на ноты, самъ Малороссъ и съ Малорусскими пѣснями...“

Надо сказать, что домъ Нарышкиныхъ, и, главнымъ образомъ, извѣстнаго обершталмейстера двора Екатерины II Льва Александровича (1733—1799 гг.) былъ въ противовѣсъ „Эрмитажу“ Екатерины — пріютомъ для Г. А. Потемкина и его штата всякихъ увеселителей — музыкантовъ и пѣвцовъ. „...Нигдѣ почти не показываясь, „великолѣпный“ — напротивъ часто бывалъ у Нарышкиныхъ“. Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Потемкинъ только здѣсь чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и самъ никого не стѣснялъ. Притомъ еще особенное обстоятельство влекло его сюда: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина — Марью Львовну (примѣч. Я. К. Грота. Соч. Державина, I, 683; у Безсонова, П. Кир., X, 234). Изъ всѣхъ дочерей Льва Александровича она выдавалась красотой и очаровательной любезностью; всего же больше привлекала она своею музыкальностью, игрою на арфѣ и пѣніемъ. Державинъ былъ совершенно ею очарованъ и преимущественно ея пѣніемъ: нѣсколько разъ онъ обращался къ ней въ особыхъ стихотвореніяхъ, ей посвященныхъ. См. Сочиненія Держ. I, 300—4—1789 г. „Къ Эвтерпѣ“, тамъ же, I, 682—684—1795 г.: „Анакреонъ у печки“ и друг.

Трутовскій въ 1-й части своего Пѣсенника подъ № 14 помѣстилъ пѣсню Марьи Львовны Нарышкиной: — „По горамъ по горамъ и я по горамъ ходила“ (текстъ ея и ноты въ снимкѣ, см. на таблицѣ V). Перепечатано на первомъ мѣстѣ у Прача — Львова. См. 1-е изданіе ихъ Пѣсенника подъ заглавіемъ: „Собраніе Народныхъ Русскихъ Пѣсенъ съ ихъ Голосами на Музыку положилъ Иванъ Прачъ. Часть 1-я. Печатано въ типографіи Горнаго училища 1790 г.“ — (8^о) съ нотами въ 1-мъ изданіи 1790 г. Изслѣдованіе о ней и всѣ редакціи пѣсни у Безсонова см. „Пѣсни Кир.“ X, 351—458 и ранѣе отд. VI стран. 221—350.

У Трутовскаго пѣсня помѣщена въ ея первоначальной редакціи и любопытно сравнить ее съ изданіемъ Прача 1790 г. Въ Пѣсенникѣ Чулкова подъ заглавіемъ: „Собраніе разныхъ пѣсенъ“ (Санктпетербургъ, 1770 г. 8^о) этой пѣсни нѣтъ, первый сообщаетъ ее Трутовскій.

Остановимъ вниманіе читателя еще на одной пѣсни, сложеніе которой приписывается Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, когда она была лишь Царевною. Трутовскій напечаталъ въ 1-й части на 15-й страницѣ — пѣсню „Во селѣ-селѣ Покровскомъ...“, и впервые у него пѣсня эта появилась съ нотами. (См. текстъ ея на снимкѣ, табл. VI). — Въ 1770 г. Чулковъ помѣстилъ текстъ пѣсни въ 1-й части № 195, стран. 220. Ср. текстъ (слова) съ нотами же у Прача-Львова въ отдѣлѣ плясовыхъ на стран. 99—100 подъ № 17. — Нигдѣ здѣсь нѣтъ еще надписаній, кѣмъ сложена пѣсня о неровнѣ и только съ 1799 г. издатели Пѣсенниковъ рѣшаются намекать на кое-какія подробности. Такъ моск. купецъ Василій Глазуновъ въ изданномъ имъ „Самомъ новѣйшемъ отборнѣйшемъ Московскомъ и Санктпетербургскомъ Пѣсельникѣ, собранномъ изъ лучшихъ и нынѣ употребительнѣйшихъ пѣсенъ... со изъявленіемъ при каждой приличія, гдѣ и кому пѣть,

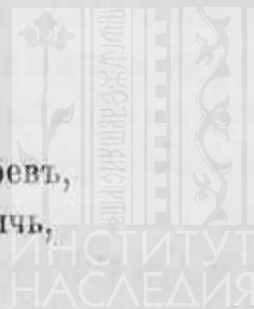
голоса и чувствованій...“ (Москва. Въ Губернской тип. у Андрея Рѣшетникова, 1799 г. 8^о) на стран. 341—2 въ отдѣлѣ хороводныхъ подъ № 8 тексту пѣсни предпослалъ замѣчаніе: „Пѣсня сія сама по себѣ доказываетъ, на какой она случай здѣлана и гдѣ. Голосъ же ея долженъ быть веселой. Она часто поется на Театрѣ Г. С. [андуновой, Елизаветой] чрезвычайно пріятно, и потому нынѣ въ модѣ“. Только уже въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія М. Маклаковъ, въ изданныхъ имъ Пѣсенникахъ „для прекраснаго пола“, первый отважился печатно открыть всеѣмъ извѣстную по преданію истину. Онъ прибавилъ надписаніе: „Пѣсня дѣвушки, которую не прельстили ни знатность, ни богатство, каковы и все Россіанки. Произведеніе знаменитой Россіанки, воспѣтой Ломоносовымъ“. (См. П. Кир. IX, 209).—Такимъ образомъ слѣдовало, что пѣсня эта сочинена Царевною Елизаветою Петровною и подъ дѣтинкою, пріѣзжавшимъ изъ Санктпитера свататься на Царевнѣ („Царь-дѣвицѣ“) — слѣдовало разумѣть Императора Петра II, докучавшаго красавицѣ Царевнѣ своею любовью. Но такому объясненію мѣшало все-таки то обстоятельство, что въ пѣснѣ упоминается „село Покровское“, а Царевна жила въ Александровской слободѣ. Поэтому и намъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе Н. С. Стромиллова въ его статьѣ, разработанной по архивнымъ матеріаламъ: „Царевна Елизавета Петровна въ Александровской слободѣ и Успенскій дѣвичій монастырь въ то же время (М. 1874, стран. 13 прим. 30). Стромилловъ не раздѣляетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ и говоритъ, что сочетаніе словъ въ пѣснѣ: „Покровское“ — „Дуныша“ — „пріѣзжаетъ изъ Санктпитера“ — наводитъ неволью на „Покровскую обитель“, „Царицу Авдотью Лопухину“ и „Глѣбова“.

Изъ историческихъ пѣсенъ или иначе: „старинъ“ — останавливаютъ на себѣ наше вниманіе слѣдующія:

1) „Что да на матушкѣ на Волгѣ не чернимъ да зачернѣлось...“ въ части III Пѣсенника на стран. 11-й, см. у насъ въ снимкѣ на таблицѣ XII. Эта пѣсня относящаяся къ циклу пѣсенъ о Ст. Разинѣ — явилась *только* у Трутовскаго и ея нѣтъ въ другихъ Пѣсенникахъ. См. перепечатку ея у Безсонова въ „Пѣсняхъ Кирѣевскаго“ VII вып. стран. 148 (Буйство въ Астрахани. Убить Прозоровскій).

2) „Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ...“ въ части I, 18 стран., см. снимокъ съ нея на таблицѣ VII. Съ Пѣсенникомъ Чулкова I ч. № 127, стран. 158 — сходно лишь начало, далѣе есть существенныя отмѣны. Ср. Пѣсни Кир. VII, стран. 148.—Приводимъ для сличенія полный текстъ Чулкова.

Внизъ то было по матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ,
 Супротивъ та было устьяца Самары рѣки,
 Что плыветъ тутъ легка лодочка каломинка,
 Что въ той лодочки сидитъ младъ посланникъ царевъ,
 Карамышевъ князь Семень, сударь, Константиновичъ,
 Во лѣвой онъ рукѣ держитъ государевъ указъ,
 А во правой рукѣ держитъ саблю острую.

Что по крутому, по красному бережку,
Что по жолтому сыпучему песочку,
Что ходили тутъ гуляли добрые молодцы,
Добры молодцы гуляли, все Донскіе козаки,
Что Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
Да и славные козаки, братцы, Яицкіе:
Они думали крѣпку думушку за едино.
Что сказали всѣ словечушко въ единой гласъ,
Становили они пушечку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрышко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку.
Никово они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного царскаго посланника.

3) „Ужъ не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась“ — у Трутовскаго въ части II, стран. 15 (см. у насъ снимокъ на таблицѣ IX). Чулкова (ч. II, № 122, стран. 170—1) текстъ приводимъ ниже. См. въ Пѣсняхъ Кирѣевского VII в. стран. 129—130 (убить Карамышевъ).

Подымался съ Москвы большой бояринъ
Онъ на тихой Донъ Ивановичъ гуляти,
Не доѣхавши тиха Дона становился,
Похвалялся всѣхъ Козаковъ перевѣшать,
Козаки братцы тотчасъ догадались,
Во единой кругъ они собирались,
Среди круга становился царевъ бояринъ.
Онъ сталъ читать государевы указы:
Дочитался онъ до царскаго титула,
Козаки всѣ шапки поснимали.
А большой царевъ бояринъ шляпы не снялъ,
Отъ того Козаки взволновались,
На боярина они бросались,
Буйну голову ево срубили,
А бѣло тѣло въ тихой Донъ бросили,
И убивши тѣлу говорили:
Почитай ты баринъ Государя,
Не горьдись ты передъ нимъ, и не слався,
Ко Царю они съ повинной приходили:
Ты гой если батюшко православный Царь,
Ты суди насъ праведной расправой.
Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
Ты воленъ надъ нашими буйными головами.

4) „Что пониже было города Саратова, А повыше было города Царицына“ — у Трутовскаго въ части III, стран. 13, № 11 (снимокъ на таблицѣ XIII). Совершенно, кромѣ мелочей, текстъ совпадаетъ съ пѣсней Чулкова ч. I, № 126, стран. 157. У Кирѣевского въ вып. VIII, стран. 296—7 (Князь Меншиковъ).

Къ этимъ пѣснямъ мы присоединяемъ еще солдатскую пѣсню „Не бушуйте вы вѣтры буйные...“ у Трутовскаго въ части II, стран. 11. Совпадаетъ съ текстомъ пѣсни у Чулкова ч. I, № 161, стран. 189—190.

Упомянемъ особо одну пѣсню: „За святыми воротами черничка гуляла... Черничка гуляла, младая плясала..., А сказали черничкѣ, что попъ Матвѣй ѣдетъ...“, — не встрѣчалась въ другихъ сборникахъ. У Трутовскаго въ ч. III, стран. 8, № 6.

Остальныя пѣсни и романсы менѣе обращаютъ на себя вниманіе; перечень ихъ сдѣланъ выше въ алфавитномъ порядкѣ.

Перечислимъ такія, которыхъ Трутовскій не могъ заимствовать у Чулкова: 1) Ахъ для нынѣшнево году объявили дѣвки моду... ч. II, 6 стран.; 2) Ахъ по горамъ по горамъ по высокимъ горамъ... II, 16; 3) Ахъ ты Дунюшка крѣпка думушка... II, 4; 4) Ахъ ты душечка красная дѣвица... I, 7; 5) Бѣлая румяная моя... III, стран. 4 (№ 2); 6) Вдовушка по сѣнечкамъ похаживала... III, 22 (№ 20); 7) Во прекрасной во долинь промежду калины... III, 7 (№ 5); 8) За святыми воротами... III, 8 (№ 6); 9) Корчма ты корчма королевская... II, 12¹⁾; 10) Маланья воду несучи... II, 14; 11) Не спала я цѣлу ночкинку млада... III, 12 (№ 10); 12) Осердился мой милой другъ на меня... I, 9; 13) По горамъ по горамъ и я по горамъ ходила... I, 14; 14) Пойдуль я пойдуль я... III, 6 (№ 4); 15) По сѣнечкамъ ходила я гуляла... II, 10; 16) Ты какушечка лѣсная... III, 21 (№ 19); 17) У рѣчки птичье стадо... III, 10 (№ 8); 18) Что да на матушкѣ на Волгѣ... III, 11 (№ 9); 19) Я по свѣтлицѣ хожу млада хожу... II, 8; 20) Я сидѣла либо день либо два... II, 19; и 20)—23) — малорусскія.

Около 23 пьесъ являются въ Пѣсенникѣ Трутовскаго изъ не выясненнаго для насъ источника: у его предшественника М. Д. Чулкова — ихъ нѣтъ. Да и вообще, сличая тексты по изданію Трутовскаго I части 1-го изд. 1776 г. и I—II частей 1770 г. Чулкова — мы видимъ у Трутовскаго свободное отношеніе къ словамъ текстовъ, которые онъ могъ извлечь для себя прямо изъ изданія Чулкова: онъ ихъ измѣняетъ сообразно требованіямъ размѣра и пр., орфографія его изданія тоже не совпадаетъ съ изданіемъ Чулкова: вѣроятнѣе всего, что Трутовскій вообще заимствовалъ свои тексты изъ рукописныхъ пѣсенниковъ и разныхъ записей современныхъ ему любителей пѣнія, а равно какъ многія пьесы онъ записалъ и самъ непосредственно съ голоса, въ этомъ насъ убѣждаетъ отсутствіе ихъ въ другихъ современныхъ ему изданіяхъ. Ихъ какъ мы видѣли выше — набралось почтенное число (до 23 №№)!

Обратимъ вниманіе, что въ своемъ „Предувѣдомленіи“ къ 1-му изданію I части Пѣсенника Трутовскій указалъ на главную цѣль своего труда, предшаго на встрѣчу

¹⁾ Проф. Вл. Н. Перетцъ въ своемъ трудѣ: „Изъ исторіи русской пѣсни“ I. С.-Пб. 1900 г. (въ „Историко-литерат. Ислѣдованіяхъ и Матеріалахъ“, т. I, ч. 1), стран. 294 относитъ эту пѣсню къ малорусскимъ, но снабдилъ свою отмѣтку знакомъ вопроса.

давнимъ желаніямъ любителей „Русскихъ простыхъ пѣсенъ“, чтобъ „онѣ выданы были съ нотами въ музыкальныхъ правилахъ“. (См. снимокъ на таблицѣ III). Далѣе онъ указываетъ, что онъ первый „вознамѣрился въ удовольствіе многихъ любителей — издать въ печать сіи собранныя имъ Русскія пѣсни, съ тѣмъ чтобы ихъ пѣть въ одинъ голосъ такъ, какъ онѣ обыкновенно поются“.

Изъ „Предувѣдомленія“ же мы узнаемъ о приемахъ изданія: „Я долженъ еще предувѣдомить охотниковъ, что сіе [музыкальная аранжировка] мнѣ стоило не малыхъ трудовъ; ибо я во всякой почти пѣсни находилъ въ рѣчахъ великую неисправность, и принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлять и убавлять, подводя ихъ порядочно подъ ноты. Чтожъ касается до голосовъ, то я прислушиваясь отъ многихъ, нашель, что вездѣ поютъ разными манѣрами; и такъ старался только сохранить ихъ точность, и утвердиться на самыхъ простыхъ голосахъ“.

Относительно словъ — текста (= „рѣчей“) можно согласиться съ отзывомъ Безсонова, что Трутовскій все-таки съ ними обошелся бережно и — не очень много измѣнялъ въ нихъ по требованію ритма и размѣра. Уже Безсоновъ думалъ, что Трутовскій многое самъ записывалъ „съ голосу“ пѣвцовъ и съ этимъ также можно согласиться: вѣдь пѣсня въ его время еще во всѣхъ сословіяхъ жила полною жизнію и напѣвы были знакомы съ-издѣтства многимъ, а въ записяхъ словъ — не было недостатка, рукописные и пѣвческіе обиходы и пѣсенники обращались еще свободно. Нашъ издатель-музыкантъ прислушивался „отъ многихъ пѣвцовъ“ и провѣрялъ напѣвы не разъ, и прилагалъ стараніе получить напѣвъ пѣсни отъ „простыхъ“ людей въ болѣе свѣжемъ нетронутомъ видѣ, чтобы занести его на ноты въ наиболѣе точномъ видѣ.

Такимъ образомъ трудъ піонера музыкальной записи русскихъ народныхъ пѣсенъ разнаго рода и искусственныхъ сочиненныхъ — былъ страшный: — приходилось критически относиться къ ходившимъ по рукамъ спискамъ словъ и музыкальныхъ записей напѣвовъ и многое собирать самому непосредственно „съ голосу“ пѣвцовъ.

Малорусскія пѣсни появились вообще въ печатномъ изданіи Трутовскаго (1776 г.) впервые: это самые ранніе появившіеся въ печати памятники малорусскаго слова¹⁾ и литературы.

Независимо отъ всего вышеизложеннаго, историческое значеніе изданія Трутовскимъ образцовъ наборныхъ печатныхъ музыкальныхъ нотъ — исполненныхъ, вѣроятно, въ типографіи Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ (ср. заключительную виньеточку подъ предувѣдомленіемъ — см. снимокъ на таблицѣ IV; такую же виньетку наприм. можно найти въ изданіи 2-омъ „Трудолюбивой Пчелы“ Сумарокова и т. п.) — имѣетъ особо важное значеніе: вѣдь, если мы вспомнимъ, — нотный наборъ въ Россіи появился очень недавно. Во второй половинѣ XVII вѣка на Московскомъ Книжномъ Печатномъ Дворѣ были вырѣзаны и даже отлиты линейки и нотныя знаки для печатанія церковнаго обихода нотнаго пѣнія. И только въ 1772 г. Московская Синодальная Типографія выпустила въ свѣтъ первое свое изданіе.

¹⁾ Исторія украинофильства Г. А. Потемкина и его любовное отношеніе къ малорусской и польской пѣсни и музыкѣ еще ждетъ своего серьезнаго изслѣдователя.

Первая часть Пѣсенника Трутовскаго появляется даже ранѣе рукописи извѣстнаго сборника Кирши Данилова: дошедшій до насъ списокъ послѣдняго его издателемъ П. Н. Шефферомъ относится къ 80-ымъ годамъ XVIII вѣка, — а значеніе музыкальнаго переложенія еще не остановило на себѣ серіознаго вниманія русскихъ музыкантовъ.

Прачѣ — Львовъ въ своихъ изданіяхъ 1790, 1806 и 1815 гг. во многомъ усердно использовали Пѣсенникъ Трутовскаго и даже, можетъ быть, на его счетъ составили себѣ славу.

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ сохранившихся экземпляровъ¹⁾ мы не можемъ перечислить всѣ изданія нотныхъ музыкальных *переложеній* В. О. Трутовскаго (часть ихъ мы отмѣтили, впрочемъ, въ выпискахъ изъ публикацій по Вѣдомостямъ), но здѣсь мы считаемъ себя обязанными отмѣтить особо свидѣтельство академика Я. К. Грота въ его монументальномъ памятникѣ Державину — объ одномъ изъ раннихъ, повидимому, но весьма удачныхъ трудовъ въ этомъ родѣ Трутовскаго:

„Застольная пѣсня „Кружка“ Г. Р. Державина (1778 г.) благодаря своему искренно-веселому тону и вполне русскому складу, имѣла необыкновенный успѣхъ. Позднѣе она была положена на музыку придворнымъ музыкантомъ Трутовскимъ и вошла въ моду; въ Преображенскомъ полку, въ которомъ нѣкогда служилъ Державинъ, ее пѣли еще недавно, можетъ-быть поютъ еще и теперь; она изрѣдка слышится до сихъ поръ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи“. (Соч. Державина, ред. акад. Я. К. Гротомъ, т. VIII, С.-Пб. 1880 г., стран. 290. Ср. Соч. I, стран. 46, примѣч. 1.) Ноты съ словами приложены къ тому IX, стран. 1—2.

Предложимъ здѣсь выводы, сдѣланные нами изъ изученія предмета настоящей статьи. Если не все намъ удалось доказать за полнымъ отсутствіемъ данныхъ, тѣмъ не менѣе къ этимъ выводамъ насъ привела сама работа и знакомство съ свидѣтельствами современниковъ о Трутовскомъ и его главномъ трудѣ и пр.

1) В. О. Трутовскій не былъ самъ придворнымъ священникомъ, какъ утверждалъ П. А. Безсоновъ, а былъ сыномъ священника и, будучи, вызванъ ко двору И. Петра III, опредѣленъ камер-музыкантомъ и камер-гуслистомъ. Онъ былъ — уроженецъ Харьковщины.

2) Послѣ кончины И. Петра III, онъ вошелъ въ штатъ И. Екатерины II и обратилъ на себя ея вниманіе игрою на гусляхъ (1766 г.) и, благодаря своей даровитости, выдвинулся.

3) Вскорѣ послѣ того онъ приступилъ къ составленію перваго изъ числа всѣхъ извѣстныхъ нотнаго пѣсенника и издалъ его въ 1776 г., ободряемый Императрицею, Потемкинымъ и придворными любителями русскихъ безыскусственныхъ народныхъ пѣсень.

¹⁾ Намъ крайне удивляетъ, что до сихъ поръ никто еще не приложилъ серіознаго труда къ составленію русской музыкальной библиографіи — перечня всего, что имѣетъ отношеніе къ русской музыкѣ. Труды г. Лисовскаго — какъ-то неполны и поспѣшно сдѣланы. Пора бы музыкальнымъ консерваторіямъ нашимъ поставить преподаваніе исторіи русскаго театра и особенно русской музыки на соответствующую высоту, а то появляются только такіе убогіе труды, какъ г. Божерянова и друг., гдѣ исторіи-то театра прежде всего и нѣтъ.

4) Должно согласиться съ Безсоновымъ, что Пѣсенникъ Трутовскаго — былъ исключительно распространенъ при Дворѣ и составленъ для пользованія придворныхъ круговъ и высшаго русскаго общества (для Потемкина, Нарышкина и т. д.).

5) Пѣсенникъ этотъ былъ изданъ *именно* В. О. Трутовскимъ, о чемъ имѣется свидѣтельство библіографа С. А. Соболевскаго о IV части, гдѣ на поляхъ было припечатано: „В. Трутовскій“ и П. А. Безсонова, имѣвшихъ въ рукахъ и эту послѣднюю часть изданія. На экземплярѣ 3-го тисненія I-ой части подъ „Предувѣдомленіемъ“ припечатано: *B. T.*, что тоже вполне подтверждаетъ свидѣтельства Соболевскаго и Безсонова, а также газетныя публикаціи въ „Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

6) Несомнѣнно, что историческое значеніе трудовъ В. О. Трутовскаго, какъ издателя перваго нотнаго Пѣсенника чрезвычайно велико; ему же принадлежитъ еще нѣсколько музыкальныхъ трудовъ, какъ напр. музыка къ стихотворенію Державина— „Кружка“ и т. п.

и 7) Можно предполагать, что Трутовскій многое уже *самъ* записывалъ съ голоса пѣвцовъ и что онъ является вообще первымъ собирателемъ русскихъ *мелодій*, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ.

И. Симои.

Raum für Stenogramm.

БИБЛИОТЕКА
Университетского центра
г. Саратова

СОБРАНИЕ
РУССКИХЪ
ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ НОТАМИ.

Часть лерпая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1776 года.

1. Заглавный листъ 1-ой части перваго изданія 1776 года.
Снимокъ сдѣланъ съ экземпляра Вл. Н. Рогожина.

СОБРАНИЕ
РУССКИХЪ
ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ НОТАМИ.

Часть лервая.

печатано вторымъ писменіемъ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1782 года.

II. Заглавный листъ 1 части 2-го изданія 1782 года.
Снимокъ сдѣланъ по экземпляру изъ собранія П. В. Щапова, хранящагося въ
Имп. Россійск. Историч. Музеѣ въ Москвѣ подл. № 7923.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ имени Кривошеина
в Дунаевском районе

III

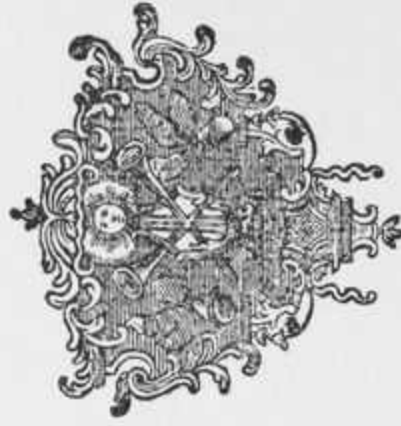
Предувѣдомленіе.

Уже издавна любители Рускихъ простыхъ пѣсенъ желали чтобъ оныя выданы были съ нотами въ музыкальныхъ приделахъ; но никто еще по сіе время не принялъ на себя сего труда чтобъ ихъ собрать и привести въ нѣкоторой порядокъ, и подложитъ басовыя ноты. Я напоследокъ вознамѣрился въ удовольствіе многихъ любителей, издать въ печать сіи собранныя мною Рускія пѣсни, въ тѣмъ чтобъ ихъ лѣтъ въ одинъ голосъ, такъ какъ онѣ обыкновенно поются; но ктожъ захочетъ лѣтъ или играть на инструментахъ не опкидывая басъ, то составлено будетъ согласіе. Я долженъ еще предупредить охотниковъ что сіе мнѣ стоило не малыхъ трудовъ; ибо я во всякой почтѣ пѣсни находилъ въ рѣчахъ великую несправедливость, и принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлять и убавлять, подводя ихъ порядочно подъ ноты. Чтожъ касается до голосовъ, то я прислушиваясь отъ многихъ,νομислъ что вездѣ поютъ разными манбрами; и такъ сталося только сохранить ихъ точность, и утвердиться на

а 2

III. Снимокъ съ «Предувѣдомленія» В. О. Грутовскаго къ I части его Пѣсенника 1-го изд. 1776 г. По экземпляру В. Н. Рогожина.

самыхъ простыхъ голосахъ. Если публика приметъ благопріятно сіе малое изданіе Рускихъ пѣсенъ, то я не премину выдать еще и другія подобныя, которыя со всевозможнымъ трудомъ и тщаніемъ собирать стараться буду. Кто же същеть погрѣшности, томъ надѣюсь легко разсудитъ къ моему извиненію, что я безпорядочное дѣло привождая въ порядокъ, искалъ по малой мѣрѣ лучшаго, естъли не достигъ до совершенства.

Библиотека
Института Кривого
Судового Радника

Темпо Giuvo.

1а.

По го-ра жь по-го ра-мь и я по го-ра-мь хо-ди-ла.

и - я по го ра мь хо - ди ла.

Всѣ цвѣты, всѣ цвѣты,
И я всѣ цвѣты видѣла, 2
Одново, одново,
Одново цвѣта нѣтъ какъ нѣтъ, 2.
Нѣтъ цвѣта, нѣтъ цвѣта,
Ахъ нѣтъ цвѣта алово, 2
Алово, алово,
Моего цвѣта прекраснаго. 2
По двору по двору.
И я по двору, ходила, 2
Всѣхъ гостей, всѣхъ гостей,
И я всѣхъ гостей видѣла, 2
Видѣла, видѣла,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ, 2
Нѣтъ гостя, нѣтъ гостя,
Ты прости, ты прости,
Ты прости прости, сердечной другъ. 2

Восслабъ

V. Снянокъ съ страницъ 14-й части «Пѣсенника» 1776 г. Обозначеніе пагинаціи приписано чернилами подлибе. По экземпляру В. Н. Рогожина.

Adagio.

1б.

Во се ахъ - се ахъ По кро-вкѣ сре ду - ли цы бо-льшой.

Во се - ахъ се ахъ По кро-вкѣ сре ду ли цы бо-льшой.

Развигралась, расплалася красна
Ахъ душа, 2
Красна абушка душа, абуш-
ка душа, хороша, 2
Развиграши гонорила, вы полру-
жьи мои, 2
Понграемте со мной, понграемте
шеперь, 2
Я со радости, съ веселья по-
играшь съ вами хочу, 2
Прибжалъ ко мнѣ ахъинка изъ
Санктпитера сюда, 2
Онъ мнѣ красну ахъинку подго-
варивалъ съ собой, 2
Серебромъ меня дарилъ, онъ и
золота сулилъ, 2
Повзжай со мной дуниша, похва-
жай онъ говорилъ, 2
Подарю тебя парчю, и на шею
жемчугомъ, 2
Ты въ деревнѣ ахъи крестьянка,
а тамъ будешь госпожа, 2

И во всемъ етомъ уборѣ будешь
въ двое хороша, 2
Я сказала, что побду, да опо-
мнилась опять; 2
Я крестьянкою родилась, такъ
не лзя быть госпожей; 2
Я въ деревнѣ жипъ привыкла;
а тамъ буду привыкать, 2
Я совѣтую тебѣ, имѣть равную
себѣ, 2
Въ вашемъ городѣ бывай, я слы-
хала отъ всѣхъ, 2
Вы всѣхъ любите словами, а на
сердцѣ никою, 2
А уважь то жить въ деревнѣ прѣ-
ма простога, 2
Вотъ чему я веселюся, чему ра-
дуюсь шеперь, 2
Что осталась жить въ деревнѣ,
а въ обманъ не ондалась! 2

VI. Снянокъ съ страницъ 15-й I части 1-го изд. Пѣсенника. Обозначеніе пагинаціи приписано чернилами подлибе. По экземпляру В. Н. Рогожина (въ Шолоховомъ экз. страницъ 15—16 вырваны).

Ахъ

Ахъ

БИБЛИОТЕКА
Историко-Крилатской
уездной школы

Е . . . це ви-ѣшъ было . . . по ма ту

шкѣ . . . Ка - вы . . . шенскъ - рѣ къ.

Сопровѣтъ шово было ушьяца Самары рѣки,
 Что пльветъ путьъ выплываесть люткая лодочка,
 Люткая лодочка выплываесть брашцы коломенка,
 Хорошо больно легкая лодочка изукрашена,
 Серебромъ, алатомъ люткая лодочка изнаебчена,
 Посреде спонитъ люткой лодочки знамя Царское,
 Что во лодочкѣ сидитъ молодой посланникъ Царевъ,
 Карамышевъ Князь Семень сударь Констеншиновичъ,
 Во правой рукѣ онъ держитъ государевъ указъ,
 Во лѣвой рукѣ онъ держитъ саблю вострую.
 Пристаесть онъ ко крупному красну бережку,
 Ко случечему ко крупному желну леску.
 Козакъ всѣ собираются во единой кругѣ,
 Становится младъ посланничекъ среди круга,
 Что читаесть имъ посланничекъ Государевъ Указъ,
 Козакъ всѣ для указа шапки посягаи,
 Младъ посланничекъ не снимаесть шляпы черныи.
 Козакъ путьъ всѣ въ минути взоволованися,
 И со всего его гордостью изъ спану выгнаи.

Ахъ

РУССКИХЪ ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪ НОТАМИ.

Часть вторая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1778 года.

Библиотека
Музея Кавказского
и Кавказского музеев

Andante.

Ужь не тра - - - ву шка - - - - - ах чи стошь по дб - за -

Не муравая ко сырой земль приклонялась,
Подымается съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихой Донъ на Ивановъчъ гуляти.
Не добхавши онъ Тиха Дону становилса;
Похвалялся онъ козаковъ всёхъ тамъ перебшати,
Во единой кругъ козакъ тотчасъ собиравилса,
Посередъ круга становилса Царевъ бояринъ:
Онъ началъ читать Государевы для нихъ Указы.
Дочиталса онъ до Царскаго только пишуща,
Козакъ пошь часъ всё шапки тушь поснямали,
А большоятъ Царевъ бояринъ шапкы не снялъ;
Отъ пово то всё козакъ потчасъ взломовались,
Разбяривилсе они на боярина вдругъ бросались,
Буйну голову отъ бѣла шѣла отрубилъ,
А бѣло шѣло во Тихой онъ Донъ бросали;
А убивши они ево шѣлу говорили:
Почитай ты большой бояринъ Государя,
Не горянса ты передъ нимъ бояринъ и не слався.
Ко Царю онъ съ повинною приходили;
Ты той еси намъ батюшка правослаивной Царь,
Ты суди Государь насъ праведной расправой,
Повели намъ нами дѣлашь что изволишь,
Уже ты воленъ выдъ нашими головами.

Ахъ

реэстръ пѣснямъ

части первой.

Страницы.

- 1 У дороднова добродя молодца.
- 2 Во лѣсточкѣ кшмарочковъ.
- 3 Не пей не пей мой младенькой Соловейко.
- 4 Ахъ деревня отъ деревни.
- 5 Ахъ чтожъ ты голубчикъ не вьсесть сидишь.
- 6 Я пойду пойду вь зеленой садъ гулять.
- 7 Ахъ ты душечка красная дѣвица.
- 8 Вы раздѣйтесь расступитесь добры люди.
- 9 Остерднаса мой милой другъ на меня.
- 10 Какъва лубчикъ два голубчика.
- 11 Земляничка ягодка на полянѣ выросла.
- 12 Ахъ ты поле поле чистое.
- 13 Какъ пошла наша Параня.
- 14 По горамъ по горамъ и по горамъ ходила.
- 15 Во селѣ селѣ Покровскомъ.
- 16 Ахъ во саду саду люблю садовую.
- 17 Ужъ какъ по мосту мосточку.
- 18 Ещевинизъ то было по матушкѣ.
- 19 Ахъ по морю ахъ по морю Синему.
- 20 Изъ подъ камушка изъ подъ бѣлова.

Страницы.

реэстръ пѣснямъ

части второй.

- 1 Дарая ты моя матушка.
- 2 Ходила младешенька по бо рочку.
- 3 Помнилъ ли меня мой свѣтъ.
- 4 Ахъ ты Дунюшка крѣпка ду-мушка.
- 5 Вь низъ по матушкѣ по Волгѣ.
- 6 Ахъ для нынешнево году.
- 7 Ивушка ивушка зеленая моя.
- 8 Я по свѣтлицѣ хожу млада хожу.
- 9 Какъ у насена широкова двора.
- 10 По сѣничкамъ ходила я гуляла.
- 11 Не бушуйте вы вьстры буйны.
- 12 Корчма ты корчма королева скай.
- 13 Бѣлолиця круглолиця красная дѣвица.
- 14 Маланья воду несучи.
- 15 Ужъ не травушка вь чистомъ полѣ.
- 16 Ахъ по горамъ по горамъ по высокимъ горамъ.
- 17 Что во свѣтлѣй было свѣтъ лиць.
- 18 Ахъ по мосту мосту.
- 19 Я сидѣла либо день либо два.
- 20 Не доноска меня матушка родила.

На 8 страницѣ вь первой строкѣ подъ номами напечатано : *млада хожу* ; а наложитъ пѣть вь третьемъ такту подъ послѣдней нотой *д.* и вь такту четвертомъ подъ первой нотой *Д.* *рѣчь 20-ю - млада хожу.*

БИБЛИОТЕКА
ИИИ-та Кривого
я Мурабей Р.А.

СЪ НОТАМИ.

Ч а с ь т р е т ь я .

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1779 ГОДѢ

ХІ. Снимокъ съ заглавнаго листа III части «Пѣсничка» по экземпляру И. В. Щанова въ Имп. Россійск. Историч. Музеѣ.

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты с русскими буквами под ними, соответствующие транслитерации текста песни. Музыка написана в 6/8 такте.

Зацѣпѣлся на Волгѣ Черноморскіе стружечки,
 Забѣдѣлся на мачтахъ тонкія бѣлыя парусочки.
 Что не черной воронѣ гаркнула, что возговорилъ Стенька Разинѣ.
 Охъ вы гой-еси козаче наше вольное собране,
 Вы грѣбите не рабейте бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
 Намъ бы Астрахань городъ ополоче бы пробѣжали,
 Черноморской городочикъ что на утренней на зорѣ,
 Чтобы никто насъ не увидѣлъ и никтобы не услышалъ,
 Какъ одинъ братцум увидѣлъ и одинъ братцум услышалъ
 Господниъ большой боярниъ Черноморской военода,
 Шолъ отъ раниа отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколъ звонити,
 Велѣлъ въ колоколъ звонити по большой во набашной,
 Чтобы стрѣльцы да собирались, пушкарни бы снаряжались,
 Оми пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли.
 Што возговорилъ стенька разинѣ городскому да воеводѣ,
 И въ пороху не шерайте и снарядовъ не ломайте,
 Меня пулечка не тронетъ, бѣня ядрышко не возметъ,
 Что нестался Стенька Разинѣ на угольямую на башню,
 Со великова расказу воеводу долой збросилъ,
 Его малелькихъ дѣшокъ онъ всѣхъ за ноги поубѣсилъ.

Б 3

ХІ. Снимокъ съ страницъ 11-й III части «Пѣсничка».

БИБЛИОТЕКА
НИИ Иг-та Краснодарской
и Музейной работы

Л. П. ДИКОТОВА
Д/д 11/2012 Кр. инд. центр
в г. Ярославль 11.02.12

Ой ко-ли-я пруду-му са лю-би-ла лю-би-ла че-ре-вчи-и зо-си-ла

Roso F. Più. Roso F. Più.

зо-си-ла цурь ше-е пруду-м у се пе-е-ше-е пруду-му се са ма-се-е ан-ю-ю са спру-аму со-мь-це-ау-ю-се

2. Ой повта- мой мла-вчкы-й до-ман-а, до-ман-а, до-ман-а, до-ман-а,
 а-я се-е пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла,
 цурь ше-е пруду-му се, пруду-му се,
 пе-е-ше-е пруду-му се,
 са-ма се-е ан-ю-ю, са пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.

3. Ой при-е-ла-е мой мла-вчкы-й у ко-чу у ко-чу,
 а-я се-е са пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.

4. Ой хто ше-е мой мла-вчкы-й и са-за-е, и са-за-е,
 цю у мене пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.

Цурь ш. пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.
 Цурь ш. пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.

на-е-ла-е по-са-ла-е и до-ман-а, до-ман-а, до-ман-а, до-ман-а,
 а-я се-е пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.

5. Ой при-е-ла-е мой мла-вчкы-й у ко-чу у ко-чу,
 а-я се-е са пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.

6. Ой хто ше-е мой мла-вчкы-й и са-за-е, и са-за-е,
 цю у мене пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.

Цурь ш. пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.
 Цурь ш. пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла, лю-би-ла.

РЕЭСТРЪ ПѢСНЯМЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

Страницы

- 3 Удушечки украсной удввицы,
- 4 Бблая румяная моя,
- 5 Хоть черна раса крость,
- 6 Пойдуль я пойдуль я ис вь дальну споронушку,
- 7 Во прекрасной во долинь промечка гуляла,
- 8 За святыми воротами черничка гуляла,
- 9 Ахъ на чтожъ было да къ чемужъ было по горамъ ходишь,
- 10 У рбчки пниче спало я сь утра сперегла,
- 11 Что да на матушкѣ на Волгѣ ис чернымъ зачернлось,
- 12 Не спала я цблу ночиньку млада,
- 13 Что пониже было города Саратова,
- 14 Ахъ шы-саль ли мой салочикъ,
- 15 Ахъ живъ я молодець во своей дедравъ,
- 16 Ой краче краче да черменькй воронъ,
- 17 Ой гай гай гай гай зелененькй,
- 18 Ой колн я пруду-му са лю-би-ла, лю-би-ла,
- 19 Ты воспой воспой жаворомочекъ
- 20 Я жила была у матушки драченое диле,
- 21 Ты какушечка лбсная,
- 22 Вдовушка по сысчкамъ похаживала,

БИБЛИОТЕКА
ИИ Ист. архивов
и Музейной работы

СОБРАНИЕ
РУССКИХЪ
ПРОСТЫХЪ ПѢСЕНЪ

СЪНОТАМИ

Часть первая.

Печатано третью тысячью

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1796 года.

Предувѣдомленіе.

Уже издавна любители Рускихъ простыхъ лѣсенъ желали, чтобъ оныя выданы были съ нотами въ музыкальныхъ правахъ; но никто еще до сіе время не принялъ на себя сего труда, чтобъ ихъ собрать привести въ некоторой порядокъ, и положить басовыя также и маленькія ноты. Я напоследокъ вознамѣрился въ удовлетвореніе многихъ любителей, издать въ лѣтахъ сіи собранныя мною Рускія лѣсны, съ тѣмъ, чтобъ ихъ лѣтъ въ одной голубой такъ какъ онѣ обыкновенно поются; но ктожъ захочетъ лѣтъ или играть на инструментахъ не опикидывая бабъ и маленькія ноты, то составлено будетъ согласіе. Я долженъ еще присудовладѣть охотниковѣмъ тѣмъ, чтобъ стало не малыхъ трудовъ; ибо я во всякой поети лѣсны находилъ въ рѣсахъ великую неслравность, и принужденъ былъ въ некоторыхъ мѣстахъ прибавлять и убавлять, поволя ихъ лорядочно лодъ ноты. Стожъ кпсается до голосовъ, то я прислушиваясь отъ многихъ, нашелъ это всездѣ лодотъ размысли мацерами; и такъ старался токо сохранять ихъ точность, и утвердился на сильныхъ простыхъ голосахъ. Еслии лудика принестъ благо ріатно сіе малое издание Рускихъ лѣсенъ, то я не премину выдвигать еще и арція лодобныя, которыя совсемъ возможныи труднойи щакіе нѣ собирать стараться бду. Кто же същестъ логрѣшности: то ибъ малюгъ аско разсудитъ къ моему извѣстію, то я сего рядягкое абло принола въ лорядокъ, искало ло малой нрѣдущаго, естли не достигло до совершенства.

В. Г.

С. П. КОЛОДКА
Институт истории и этнографии
русского зарубежья

111

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Бумаги о В. В. Трутовскомъ и его родѣ.

(* Звѣздочкою отмѣчены бумаги, напечатанныя съ подлинниковъ.)

I—II. Изъ С.-Пб. Архива **Департамента Герольдіи** Правительствующаго Сената **1777** г.

III—XVIII. — Изъ **фамильнаго архива гг. Трутовскихъ** (хран. въ Ахтырскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи) **1622—1816** гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работа в В. В. Трутовском и его семье

Содержание

I. Введение

1927 г.

II. Описание работы

1927—1928 гг.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

семь поколѣнной росписи ¹⁾, но о шляхетствѣ нашемъ правительствующаго сената геролдмейстерская кантора неизвѣстна. *Челобитной.*

3-е.

А какъ дѣйствительно шляхетскую фамилію свою ведемъ мы изъ Полши отъ христофора третиуса, пороссійски трутовского, которой на оное достоинство и гербъ имѣлъ о чемъ подлинно значить въ имѣющемся при Императорской Академіи наукъ гербовникѣ съ котораго и переводъ при семъ на разсмотрѣніе представляю, донося при томъ что сверхъ показаннаго предка моего христофора третиуса родственники его Николай, адамъ, матвѣи и фома писавшіяся попольски третовскія находились въ тамошней службѣ знатными чинами чего ради всеподданнѣйше прошу., *Придворной.*

4-е.

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было сіе мое прошеніе правительствующаго сената въ геролдмейстерской канторѣ принять и какъ мы дѣйствительно выезжие изъ полскаго шляхетства о чемъ и въ имѣющемся при Императорской академіи наукъ гербовникѣ значить написать меня съ братьями и племянниками въ списокъ съ прочими выезжими шляхтичами., *Квартермейстеръ.*

5-е.

Всемилоствѣйшая Государыня прошу Вашего И. величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить генваря дня 1777-го году къ поданію надлежить правительствующаго сената въ геролдмейстерскую кантору челобитную писалъ вотчинной канторы канцеляристъ иванъ крызковъ., — василей *трѣтовскій* *рѣкъ* приложилъ. (См. снимокъ подписи на отд. листѣ — А 2).

См. „Рѣшенные дѣла“ 1779 года съ Января по Июль — Правит. Сената Герольдм. Канторы по дворянскому повѣстью 1-ой половины 1779 г. Дѣло № 52, листы 579—601.— Бумаги № 64 на л. 579 и слѣд.

II. Изъ архива гг. Трутовскихъ 1622—1816 гг.

III—XVIII.

* III. Запись на рукописномъ сборникѣ XVII вѣка съ именемъ прадѣда В. О. Трутовскаго.

Сборникъ 1622—98 годовъ, безъ конца, на оуѣд листахъ въ листъ, въ старинномъ переплетѣ. Писанъ, повидимому, однимъ почеркомъ бѣглымъ полууставомъ, кое-гдѣ встрѣчаются позднѣйшія скорописныя приписки. Содержаніе его разнообразное. На листѣ оуѣд онъ названъ въ припискѣ: „Сборникъ дванадцатемъ мѣсяцемъ“.

¹⁾ См. на отдѣльномъ листѣ приложение къ сей страницѣ — табл. В (3).

1. Рисунокъ проекта герба Рода
В. О. Трутовскаго (къ стран. 504).

Ксѣй.

ЧЕЛОБИТНОЙ

ПРИДВОРНОЙ

Квартер

МЕНИПЕРЬ

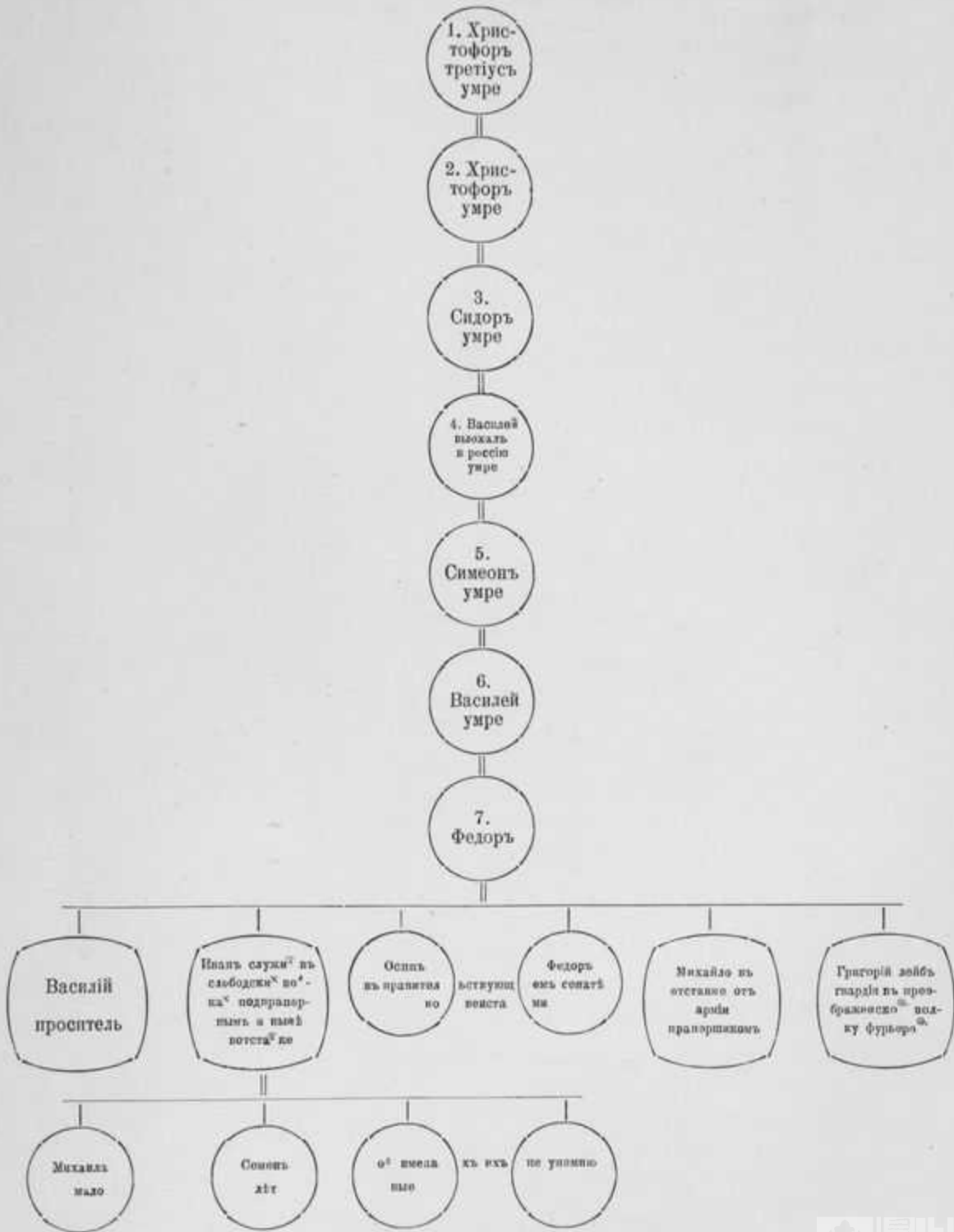
Василии Трутов-
ский родъ приложилъ,

2. Снимокъ съ собственноручной подписи В. О. Трутовскаго; обращаетъ на себя вниманіе описка въ словѣ „челобитной“ — гдѣ написано И и исправлено изъ Ы. Этотъ случай обличаетъ малорусское произношеніе Т—го.

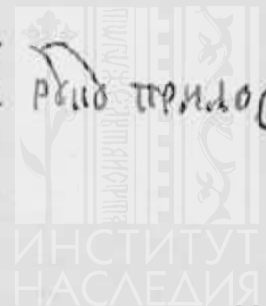
3. * II. Поколѣнная роспись рода Трутовскихъ 1776 г.

Родъ фамилин Трутовскихъ.

Кни поколѣнной росписи Василей предковскихъ родо предковскихъ

См. Рѣшенія дѣла 1779 г. л. 581.

Приведемъ двѣ любопытныя современныя записи собирателя статей и писца всей рукописи — на листѣ рѣк.

Сѣна кнѣга глаголема Четиродесѣтницѣ ѿ пѣтодесѣтницѣ ѿ митарга ѿ фарисеа до неделѣ вѣсѣхъ свѣтыхъ: препѣсана ѿ кнѣги словенскѣна на языкъ рѣскѣ: кѣкто созданиа мѣра хрѣ. а ѿ коплоченѣа бжѣа слова. хрѣкѣ а писѣ еѣ касилѣй ѣбанокъ еѣрнѣ еѣрнѣкѣй: —

Рѣкѣ хрѣчн мѣа ѿтѣрѣа ко ѣ дѣ: ѣа велико грѣнѣа и недѣтнѣа но ѣересѣхнмахъ Василиѣ еписѣа кнѣгѣ Четиродесѣтницѣ ѿ Пѣтюдесѣтницѣу кманастирѣу буспенѣа Пресѣтѣа Бжѣ: вѣдмѣаскомъ ѿ кстаростѣа кѣкѣтѣа хрѣдесѣа ѿчн рѣкѣо глѣадѣа: рѣкн дрижали ѿ вѣѣ пѣрешн молю кѣа прѣстѣкѣте я не клѣнѣте ко члѣкѣа ѿ дригалѣй ѿ ѣма ѿпалѣй: прошѣа клѣните да и самѣа клѣбннѣа вѣдѣте ѿ соткоршаго ксѣаческѣа ѣересѣхнма Василиѣ Ковѣаскѣа по ѿчестѣа Трѣтѣокѣа:

На л. рѣ, есть еще позднѣйшая скорописная записъ: Сѣна кнѣга глаголемаа двѣнадцѣто свѣборнѣкѣа нмѣетѣа кнѣен написанѣе на кѣторѣе положеннѣа вѣщи кѣсма жестѣоко хороши янадана мнѣ ѿ прѣдѣа.... Василиа Сидорова сѣна Трѣтѣока кѣторѣн жнѣа летѣа ѿ рода семдесѣтѣа а писѣа ѿ при старѣстѣа.... драхнѣа ѿчн рѣкѣо сѣдѣжали рѣкн дражали ногн не кротѣо стоааи прошѣа....

Изъ сличенѣа этихъ записей мы узнаемъ, что прапрадѣдъ Василѣа Ѣеодоровѣа Трутовскаго — Василѣй Ивановичъ или Сидоровѣчъ писѣа по-русскѣа и носилѣ фамилѣу Ковѣаскѣа-Трутовѣа, и что онѣ сперва (1622 г.) былѣ священнѣкомъ, а потомъ подѣа конецъ своей жнѣа (1698 г.) перешѣа въ монашѣство и былѣ ѣеросхнмонахомъ въ Сумскомъ Успенскомъ монастырѣ. Между 1622 и 1698 гг. онѣ составилѣ для чтенѣа сборнѣкѣа, которѣа весь переписѣаа своей рукою.

За сообщенѣе для пользованѣа означенной рукописи приношу живѣйшую признѣательность Вл. К. Трутовскому.

* IV. Частная записка для памяти и сдѣланѣа выправокѣа.

Бѣлогородской губернѣа слѣбодскаго харьковскаго полѣу ивановской слѣбоды священнѣка фѣдора васильѣва сына трутовскаго, сынѣа определенѣа генѣвѣа 10, 1761, года лакеемъ.

А квартирмейстеромъ вслѣдствѣа высочѣайшаго Ея Имперѣаторскаго величѣства имяннаго повелѣнѣа определенѣа по определенѣау придѣворной канторѣа ноябѣа 24 числа 1766 года съ окладомъ по 150 руб. вгодѣа и употреблѣается вовнутреннѣахъ Ея И. величѣства апартаментѣахъ для игранѣа на гуслѣахъ, а декабѣа 30 дня 1766 года поопределѣау придѣворной Канторѣа онѣ Трутовскаго вслѣу имяннаго заподписанѣемъ Ея величѣства собственнѣаа руки даннаго придѣворной Канторѣа тогѣа декабѣа 29 дня указу отосланѣа спротчнми камерѣа музыкантѣаи съ именнѣымъ сѣпискомъ въ дерѣкѣацѣу Действѣтельному статсѣкѣому совѣтнѣаку и кавалѣру господѣну Елагнѣу¹⁾ и чтобѣа онѣ

1) Иванѣ Перфѣльѣвѣчъ Елагнѣа былѣ директоромъ Придѣворнаго Театра и Музыкѣа съ 20 декабѣа 1766 г. по 21 мая 1771 г. Въ 1766 г. сочинилѣ „Стѣа всѣахъ къ театрамъ и къ камерѣа и къ бѣальной музыкѣа принадлежѣащнмъ людамъ“.

Трутовской противъ протчихъ камеръ музыкантовъ получая мало окладное жалованье неоставался безъ-овантажнымъ написанъ втомъ списокѣ згодовымъ жалованья окладомъ по 250 руб. а июля 17 дня 1767 году по имянному Ея И. величества записанному въ придворной Канторѣ указу повѣлено ево трутовскаго ни(о)чину, придворнаго квартирмейстера числить въ списокѣ съ придворными служителями въ вѣдомствѣ придворной Канторы а должность исправлять ему тожѣ которую онъ инынѣ исправляеть.

По сему списку надлежитъ выправитъ втомъ опредѣленіи когда трутовской пожалованъ вквартермейстеры и въ ономъ опредѣленіи написано что трутовской измалороссийскаго шляхества.— А приотсылки оново Трутовскаго вдерекцію дѣйстви-тельному статскому совѣтнику Г. Елагину отпридворной Канторы сказано что ему Трутовскому поискуству произвести жалованье акогда отосланъ оной трутовской годъ и число показано всемъ списке. Вслужбу опредѣленъ ко двору Его И. величества лакеемъ Василій Федоровъ сынъ Трутовской Генваря 10 числа 1761 году вкомплетъ помѣщенъ на лакейскую ваканцію поименному Его И. величества блаженной и вѣчной достойной памяти Государя Императора Петра Федоровича въ 1762-мъ году надлежитъ справитъ в мѣсяцахъ февралѣ или въ мартѣ и въ апрѣлѣ и въ маѣ и июнѣ.

Поимянному Его И. величества блаженной и вѣчной достойной памяти Государя Императора Петра Федоровича повелено адютанту барону Унгеру объявить именной Его И. величества указъ втомъ чтобъ ему Василю Трутовскому прикомнатѣ Его И. величества продолжалъ службу акомандѣ донево Трутовскаго дѣла не имѣть въ 1762 году справитъ въ мѣсяцахъ вонсходѣ Генваря и февраля и марта апреля маѣ и июня мѣсяца.

V—VI. Переписка Придворной Канторы о службѣ В. Ѳ. Т—го.

1762—66 гг.

V.

Его Императорское Величество имянны(мъ) Своего И. Величества указомъ(ъ) Всемилоствѣйше изволилъ указать Двора Своего И. Величества лакѣю Василю Трутовскому, которой находится доваканціи безъ жалованья безъ ливрей и безъ порціи производить Его И. Величества жалованья полной окладъ по шестидесяти рублевъ и ливрею строить противъ протчихъ, а порцію одинаку того ради придворная кантора во исполненіе онаго Его И. Величества имяннаго Указа. Приказали: означенному лакею Василю Трутовскому производить Его И. Величества жалованья противъ прочихъ по шестидесяти рублевъ въ годъ сего 1762-го года Маѣ съ 1-во числа которой окладъ и въ придворномъ Спискѣ отмѣтить, а для ведома о томъ и о писаніи Трутовскаго въ посылаемыхъ въ главную дворцовую Канцелярію вѣдомостяхъ къ произвожденію одинакой порціи противъ Лакѣевъ находящихся въ переднихъ покояхъ къ господамъ камерфуріерамъ дать Ордеръ.

На подлинномъ подписано тако: Александръ Нарышкинъ. Михайло Измайловъ. Июня 1-го дня. 1762-го г.

VI.

При дворе Ея Императорскаго Величества обретается квартирмейстеръ Василій Трутовскій згоднымъ Ея И. Величества жалованья окладомъ по сту по пятьдесятъ рублей которой въ службѣ при дворе находится Генваря съ 10 числа прошлаго 1761 года и былъ сначала лакѣемъ а квартирмейстеромъ произведенъ въ слѣдствие имяннаго Ея И. Величества Высочайшаго повелѣнія по опредѣленію придворной кантары минувшаго ноября 24 дня сего 1766 года для того что онъ Трутовской употребляется единственно во внутреннихъ Ея И. Величества апартаментахъ для игранія на гусляхъ и во время Высочайшаго Ея И. Величества втомъ ноябре мѣсяцѣ вселѣ Царскомъ присутствіи употребляемъ былъ для игранія на ономъ инструментѣ причемъ Ея И. Величество соизволила Высочайше „объявить милостивое благоволеніе и милостиво отзываться Соизволила чтобъ онъ заслужбу ево и хороше(е) поведѣніе придворною Канторою произведенъ былъ прикамеръ музыкѣ Камеръ музыкантомъ срибавкою жалованья или наградить другимъ какимъ чиномъ“ но какъ онъ Трутовской осебѣ объявилъ что онъ вслужбѣ при дворе Ея И. Величества находится измалороссійскаго шляхѣства Имузыкантомъ быть желанія неимѣеть чего ради во оной квартирмейстерской чинѣ произведѣнъ, а по имянному за подписаніемъ Ея И. Величества собственныя руки данному придворной Канторѣ сего Декабря 20 дня Высочайшему Указу повелѣно все принадлежаще для аркестра и театра препоручать вдирекцію дѣйствительному Статскому Совѣтнику и кавалеру господину Елагину скотораго указа кнему господину Елагину при сообщеніи отъ придворной Канторы тогожъ числ(а) сообщена копія асегожъ Декабря 21 дня всилу онаго — Ея Императорскаго Величества имяннаго указа присланныхъ въ придворную Кантору оной дѣйствительной статской совѣтникъ и кавалеръ господинъ Елагинъ — сообщеніемъ требуетъ чтобъ отъ оной придворной Канторы все касающіяся до спектакелей камеръ и бальной музыки писменныя дѣла какъ то за настоящей годъ счоты приходныя и расходныя денежной казнѣ гардромамъ и магазейнамъ Книги препоручить ему по описи а притомъ и всемъ до части спектакелей принадлежащимъ людямъ объявить чтобъ воисполненіе Высочайшѣй Ея Величества воли были они всовершенномъ ему повиновеніи и состоя въ вѣденіи ево распорядженіемъ ево и о всемъ покорялись такъ равно какъ прежде зависели они отъ придворной Канторы Наличную Спектакольную казну какъ Економическую такъ и нажалованье имѣющимъ оную на рукахъ перенести въ требуемую имъ господиномъ Елагинымъ комнату дабы онъ господинъ Елагинъ оную освидѣтельствовать и въ приходныя свои книги внести могъ акакъ выше значить что Ея И. Величество милостиво отзывается соизволила чтобъ выше означенной Трутовской за службу ево и хороше поведѣніе придворною Канторою произведенъ былъ при камеръ музыке камеръ музыкантомъ срибавкою жалованья или наградить какимъ другимъ чиномъ и хотя онъ Трутовской какъ онъ о себѣ объявилъ что онъ въ службѣ при дворѣ Ея Императорскаго Величества находится изъ Малороссійскаго шляхѣства и музыкантомъ быть желанія неимѣеть въ квартирмейстерской чинѣ произведенъ точию по тому званію должности не справлять а употреб-

лются (sic) единственно во внутреннихъ Ея И. Императорскаго Величества апартаментахъ для играія на гусляхъ почему ево Трутовскаго при камеръ музыке и числить должно того ради по указу Ея Величества придворная Кантора приказали: означеннаго квартирмейстера Василія Трутовскаго всилу вышеписаннаго Имяннаго заподписаніемъ Ея И. Величества собственныя руки даннаго придворной Канторы сего Декабря 29 дня указу отослать спрочими Камерными музыкантами сымяннымъ списокъ и чтобъ онъ Трутовской противъ прочихъ Камеръ музыкантовъ получая малоокладное жалованья. Не оставался безъ-авантажнымъ написать ево Трутовскаго въ томъ списокъ згодовымъ жалованья окладомъ по двести по пятидесять рублевъ и имя ево изъ придворнаго списку выключить. На подленномъ подписано Графъ Карлъ Сиверсъ. Декабря 30 дня 1766 года.

VII—X. Бумаги, относящіяся къ тяжбамъ о помѣстьи. 1765—1793 гг.

VII.

1765 году Октября 12 дня въ журнале государ... вотчинной коллегіи втретьемъ Департаментѣ...

По слушаніи дѣла Двора Ея Императорскаго Величества лакея Василія Федорова сїа Тру..... одаче ему сподлиннаго дѣла и сотказныхъ книгъ что за..... въ 763 году іюня 26 дня записано по купчей отъ титулярнаго совѣтника Ивана Ва..... сїа Верховскаго копа а по справкѣ въ коллегіи..... какъ по посланному изъ вотчиной коллегіи почелоби..... Его Трутовскаго въ Бѣлогородскую губернскую канц..... указу то недвижимое за нимъ Трутовскимъ..... и отказныя книги при доношеніи изъ Бѣлогородской. гу..... ской канцеляріи Декабря: 18: дня 763 году ввотчин..... коллегію присланы, прислана Спорная спорная..... битная Хотмыжскаго богородицкаго знамень..... монастыря отъ архимандрита Владимера... рой показано якобы то отказное за Василія Тр... недвижимое по прописнымъ втой ево челобитно..... обстоятельствомъ слѣдуетъ ковладѣнію ктому..... менскому монастырю и просиль чтобъ тѣ учинен..... за Трутовскаго отказныя книги оставить а пока(кимъ) имянно крепостямъ или выписямъ то недвижимое краснопольское имѣніе ктому хотмыжскому монастырю принадлежитъ того притомъ челобитье отъ него архимандрита необъявлено и по справке какъ въ воной коллегіи такъ и изъ коллегіи экономіи неявилося.— Приказали объявленному челобитчику двора Ея Императорскаго Величества лакею Василію Федорову сїу Трутовскому нанедвижимое его краснопольское имѣніе вурочицахъ верхъ рѣчки Закобыльской, которое занимъ въ 763 году іюня „26„ дня справлено и втомже году сентября 23 дня..... отказникомъ Иваномъ Кузминымъ за нево Василія Трутовскаго отказано, совсего того производимаго дѣла и отказныхъ книгъ по силе 737 году сентября 16 дня Указу впредь для вѣдома заскрепою одного судящагодать точную копію, а что вприсланномъ 763 году декабря13 дня придоношеніи изъ Бѣлогородской губернской канцеляріиввотчинную коллегію Хотмыжскаго богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандрита Владимера челобитной написано что онъ учиненныя за онаго лакея

Трутовского (не)движимое ево краснопольское имѣніе отказныя книги изровергалъ и ту отказную землю за Трутовскаго утверждалъ к тому знаменскому монастырю токмо чтобъ дѣйствительно оная ктому монастырю принадлежала нато отнего архимандрита крепостей никакихъ ввотчиной коллегіи непредявлено и посправке коллегіею экономіею не явилось, а хотя при проме(мо)рїи изтой коллегіи зграмоты и выписи копїи и пры.....аны, но токмо оныя оказались не на то отказное за Трутовскаго недвижимое краснопольское имѣніе но на другія того монастыря дачи Хотмижскаго уѣзда того ради и оному лакею Трутовскому того ево подлинного дѣла и отказныхъ книгъ конію дать опредѣлено. Подписанъ декабря 15 дня 1765 году. Подлинной журналъ впротоколъ за скрѣпою господъ присутствующихъ да секретаря.....

VIII.

Всепресвѣтлѣишая державнѣишая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссийская Государыня Всемилостивѣишая.

Просить живущей вмирополскомъ округе вдеревни Семионовки поповка тожь синодалной священникъ Феодоръ Трутовскій а о чемъ мое прошеніе тому слѣдуютъ пункты.

1.

Впрошломъ 1763 году июля 2 дня вышеозначенную деревню Семионовку, которая поселена предками моими нажалованныхъ имъ земляхъ продана отменя титулярному совѣтнику Ивану Василюеву сїю Верховскому а отнего Верховскаго продана сыну моему двора Вашего Императорскаго Величества квартирмейстеру Василию Трутовскому, которая по продаже заозначеннымъ сыномъ моимъ справлена и отказана и пригенералномъ межевании отмежевана и современи покупки почитаетца за нимъ яжь именованной здругими детьми моими вооной деревни имею жителство саднова толко ево позволения для пропитания;

2.

Внынѣшнемже 790 году извѣстился я что оунничтоженїи той моей верховскому а отверховского сыну моему Василию продажи впрошломъ 786 году вхарковской гражданской полате отимены моего незнаю отково подана прозба коя по резолюции той полаты втомже 786 году и препровождена приуказе для поступленїя по законамъ вмирополской уездной судъ а тотъ судъ разсмотря ту поданную отимены моего прозбу определилъ оунничтоженїи техъ крепостей просить формално очемъ и вгражданскую полату того 786 году ноября отъ 2-го репортоваль;

3.

Когдажь помянутой сынъ мой Василий вхарковской гражданской полате просить одаче ему свидѣтельства что та ево деревня семионовка никому отнего непродана и незаложена и никакихъ на ней казенныхъ доимѣ и партикулярныхъ долговъ нестоитъ и по той ево прозбе когда отмирополскаго уездного суда требована справка то и тутъ отименижъ моего подана вторичная прозба сприложенїемъ писанного отуно-

мянутаго сына моего Василя комне писма также оуничтожении той моей продажи по какъ я ту продажу сначала ее содержу законно справедливою и для того ипривсехъ законныхъ запомнатымъ сыномъ моимъ Василюмъ укрепленияхъ той деревни семионовка не спорилъ даиспорить уже запродажею никакого неимею права то и вышенрописанныхъ прозбъ неподавалъ и конымъ руки не прикладивалъ и оподаче оныхъ никому неизверялъ и прооные несведомъ былъ какъ выше значить даже понынешней 790 годъ почему и есть тѣ прозбы фалшивые коихъ осоставлении и оподаче имею я сумнителство на сына моего Порутчика Григря коему по старости и дряхлости моей поручены были все мои бомаги зчего вразсужденіи глубокой моей старости а потому и перемены врукѣ характера наслучай смерти моей таковое дѣйство точно отнего последовало;

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сіе мое прошение харковского наместничества вполате гражданскаго суда принято и вышенрописаннымъ поданнымъ подименемъ моимъ вооной полате ивмирополскомъ уездномъ суде составнымъ прозбамъ неверить и онепроизвождении по нимъ никакого деиства и оставлении попрежнему продажи отменя вышереченной деревни семионовки поповка тожъ заоднымъ сыномъ моимъ придворнымъ квартермейстеромъ Василюмъ Трутовскимъ по законнымъ уже данымъ утверждениямъ учинить по законамъ Вашего Императорскаго Величества рассмотрение и решение.

Всемиловѣйшая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о семь моемъ прошении решение учинять и поданию надлежить Харьковскаго намѣстничества вполату Гражданскаго суда сентября дня 1790 году прошеніе писалъ регистраторъ Иванъ Дрябинъ. *(На гербовой бумаге 1787 г.)*.

IX.

Всемиловѣйшая Государыня.

Ободренъ будучи извѣстнымъ всему свѣту Матернимъ Вашего Императорскаго Величества къ Вѣрноподаннымъ милосердіемъ осмѣливаюсь и я повергнутся къ пресвѣтлѣйшему Вашего Величества престолу съ моею всеподданнѣйшею прозбою.

1-е, въ 7186ⁿ (=1674) году марта въ 5-й день по Указу Блаженной памяти Государя Царя и Великаго князя Феодора Алексѣевича дана предку моему Василю Сидорову Трутовскому выпись на заимочную Его въ Бывшемъ Краснопольскомъ Уѣздѣ, которой нынѣ Мирополской, въ разныхъ Урочищахъ состоящую землю.— 2-е, въ 7201ⁿ (=1693) году сыну его Семіону грамотою повелѣно съ поселенныхъ на той Заимочной и отъ другихъ дачъ тогдажъ отмежеванной земли Черкасъ никакихъ поборовъ не брать. 3-е, въ 1758ⁿ году вышенпомянутая 7186 году выпись и грамота 7201 году явлена въ вотчинной Коллегіи.— 4-е въ 1762ⁿ году приносилъ я всеподданнѣйшіи жалобу мою въ правительствующій Сенатъ наприкосновенныхъ владельцевъ озавлaденіи земли и опротчемъ.— 5-е въ 1763ⁿ году по Указу вотчинной коллегіи все оное недвижимое имѣніе повышенпомянутой 7186го году выписи справлено и отказано зампою. А хотя при отказѣ отъ нѣкоторыхъ смѣжныхъ владельцевъ и были

споры; но оныя яко незаконныя отрешены и на оное рѣшеніе ниоткого апелляціонной прозбы не было а въ 1775* году съ рѣшенія вотчинной коллегіи дана мнѣ съ дѣла копія заскрепою присудствующаго. — 6-е Хотя во владѣніи томъ отъ нѣкоторыхъ помещиковъ происходили...

(Далѣе оборвано и не сохранилось.)

* X.

Харьковскаго Намѣстничества Палата Гражданскаго суда по удостовѣренію о недвижимомъ имѣніи Миропольской округи Помѣщика двора Ея Императорскаго Величества квартирмейстера Василья Федорова сына Трутовскаго, что въ собственномъ его владѣніи состоитъ оной же округи въ деревнѣ Поповкѣ Семеновка тожъ написанныхъ за нимъ Трутовскимъ по послѣдней 4-й ревизіи мужеска пола слободскихъ крестьянъ Сѣмдесятъ двѣ души, и зъ коихъ какъ Миропольской уѣздной судъ свидѣтельствуеть, убыло разными случаями двадцать одна, за тѣмъ осталось нынѣ въ наличности *пятьдесятъ одна душа*, и то имѣніе дошло ему Трутовскому по купчей въ 763^м году, и за нимъ въ томъ же году сентября 25 дня справлено и отказано безспорно, спору на сіе имѣніе ни какихъ исковъ запрещеній нѣтъ, и казенной недоимки не числится, даетъ въ томъ свидѣтельство утверждающ... о благонадежности залога при займѣхъ подъ оныя пятьд... одну душу изъ государственнаго заемнаго банка дѣлѣ, ... дня 1793 года. Предсѣдатель Василій Крас... Советникъ Петръ... Советникъ Михаилъ Данилевск... Надворный Совѣтникъ Григорей Бра... Титулярный Советникъ Иванъ Ере... За секретаря Семе... (М. П.) № 202.

* XI. Патентъ на чинъ прапорщика — (квартирмейстера) 1767 г.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы Василья Трутовскаго, который при Дворѣ Нашемъ Лакѣемъ служилъ, за оказанную его къ службѣ Нашей ревность и прилѣжность, Дворажъ Нашего Квартирмейстеромъ, въ рангъ сухопутнаго Прапорщика, тысяща семь сотъ шестьдесятъ шестаго года Ноября двадесять четвертаго дня, всемилостивѣйше пожаловали и учредили; яко же Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всемъ Нашимъ поданнымъ онаго Василья Трутовскаго, Двора Нашего Квартирмейстеромъ, въ рангъ сухопутнаго Прапорщика, надлежащимъ образомъ признавать и почитать; напротивъ чего и Мы надѣмся, что онъ въ томъ ему отъ Насъ всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ, такъ вѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму рабу надлежитъ. Во свидѣтельство того, Мы сіе Нашему Правительствующему Сенату подписать, и государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ Генваря 12 дня 1767 года. Сенаторъ и ковалеръ графъ М. Скавро^оской. Сенаторъ и ковалеръ Петръ

Панинъ. Сенаторъ и кавалеръ Николай (Муравьевъ?). Сенаторъ и кавалеръ Николай Чичеринъ. Тайной Совѣтникъ и Сенаторъ Василей Адодуровъ. Коллежской Совѣтникъ Михайла Приклонской. Секретарь Василей Спиридо(новъ). Въ Сенатъ въ Книгу записанъ по № 9.

XII—XVI. Бумаги, относящіяся до ходатайства В. Ѳ. Трутовскаго объ утверженіи въ правахъ шляхетства.

XII.

Да въ томъ же томѣ на страницѣ 381 напечатано слѣдующее.

Переводъ.

Третиусъ (по російски Трутовскій) герба Левартъ въ Краковскомъ воеводствѣ, Христофоръ Третиусъ секретарь королевскій, (а на 382 страницѣ напечатано) между министрами калвинскими, безпристрастнѣйшій, отъ короля Стефана Дворянствомъ пожалованъ, а отъ Фирлеевыхъ къ гербу Левартъ допущенъ, о семъ грамоту полагаетъ Папроцкій о гербахъ на листу 391 нажилъ было имѣние въ Пенковицѣ, на чванихе растояниемъ отъ Кракова одна миля, но сынъ ево такъ же Христофоромъ называвшійся, имѣвши въ супружествѣ Катерину Реіовну, продалъ тѣ грунты то есть маестности или помѣстья Ивану Шидловскому въ 1717 году, пишетъ Барановскій. — Перевелъ точно академіи наукъ коллежскій ассесоръ Кириакъ Кандратовичъ ноября 28 дня 1776 года.

1785 года декабря дня дана сия копия двора Ея Императорскаго Величества квартирмейстеру Василью Федорову сыну Трутовскому для доказанія о дворянстве ево поучиненной отъ Харьковскаго наместничества публикаціи а подлинной переводъ имеется у него Трутовскаго.

Левардъ гербъ № 1. (*Рисунокъ* герба Трутовскихъ см. въ снимкѣ на отдѣльно приложенной таблицѣ А. 1 — при стран. 496) должна быть на щиту вкрасномъ полѣ рука вооруженная держащая къ правой сторонѣ щита золотой перстень скамнемъ туркусомъ тоестъ яшмою, жабикомъ или сердоликомъ на шлемѣ или шишакѣ дѣвица въ коронѣ держитъ таковъ же перстень, въ коронѣ на ея головѣ три пера пестрочерныхъ, сей гербъ вышелъ изъ Лузацыи, употребляютъ Голевалты въ Элсенѣ въ Пруссіи, истѣхъ былъ Андрей Фонлевальтъ недалеко отъ Квизина въ Отелькѣ и Отлѣ наслѣдникъ рожденный отъ коноядской, герба Правдичъ, въ супружествѣ имѣлъ Поленцовну, отъ которой имѣлъ дѣтей обоого пола, съ великою надеждою, преставился 1652 года имѣя 68 лѣтъ отъ рождения погребенъ въ городѣ, очемъ свидѣтельствуесть тамъ же хоружей, въ рукописныхъ книгахъ изъ фамиліи прусовъ затѣмъ что авторъ Папроцкій и Околскій объ оныхъ не писали.

XIII.

Гербовные тоестъ однофамилцы симъ же гербомъ печатающіеся.

Броневскій — Кчевскій, — Конарскій, — Меглевскій Фирлей — Кроватскій — Маркушевскій — Третиусъ — Горскій.

Перевель точно безъ прибавления безъ убавления и безъ всякой перемены, академіи наукъ коллежскій ассесоръ Кириакъ Кондратовичъ ноября 29 дня 1776 года.

1785 года декабря дня дана сия копия двора Ея Императорскаго Величества квартирмейстеру Василью Федорову сыну Трутовскому для доказанія о дворянстве во поучиненной отхаркоускаго наместничества публикаціи а подлинной переводъ имѣется у него Трутовскаго.

XIV.

Переводъ Изъ реестра королей полскихъ, положеннаго предъ первымъ томомъ гербовниковъ польскихъ автора Каспра Несыцкаго,

Стефанъ Баторій князь семиградскій герба три зубы, коронованъ въ 1576 году, а умеръ въ 1586 году въ Краковѣ.

Августъ второй князь саксонскій избранъ и коронованъ въ 1697 году.

Перевель сполскаго языка 1777 года мая 15 дня академіи наукъ коллежскій ассесоръ кириакъ кондратовичъ.

1785 года декабря дня дана сия копия двора Ея Императорскаго Величества квартирмейстеру Василью Федорову сыну Трутовскому для доказанія одворянствѣ ево поучиненной отхарковскаго наместничества публикаціи а подлинной переводъ имѣется у него Трутовскаго. (отъ переводчика коллежскаго ассесора (что ныне надворнымъ советникомъ) Кирияка Кондратовича.)

XV.

Гдѣрь мой братецъ Михайло Федоро... поучиненной отхарковскаго наместническаго правления публикаціи присемъ влагаю одворянстве фамиліи нашей зарукою моею доказательство иктому принадлежащие документы, прошу васъ к сочиненію родьсловной книги оные подать и если какое и сверхъ того потребно будетъ объяснение ктому икчему надлежитъ вместо меня руку приложить, и совнесения вродьсловную книгу фамиліи нашей копию или атеста⁷ испросить и комне выслать, я воведемъ то⁸ вамъ верю и что посему вами учинено будетъ втомъ впредь спорить не буду. — Брату моему господину прапорщику Трутовскому (далѣе зачеркнуто: въ харковскомъ наместничествѣ вмирополской округе вдеревне поповке семеновка тожъ) вашъ покорный (Государя моего) слуга и братъ Василей Федоровъ сынъ Трутовской двора Ея Императорскаго Величества квартермейстеръ Генваря дня 1786 года всанктпетербурге.

* XVI.

Какъ представлены мнѣ двора Ея Императорскаго Величества отъ Квартермейстера Василья Федорова сына Трутовскаго, документы съ гербами, въ томъ! что фамилія ихъ Трутовскихъ изъ Польскаго Шляхетства, и что предки ево вышли изъ Польскаго владенія подъ великороссійскую державу въ 1673 году. Въ слѣдствіе коихъ документовъ и я симъ свидѣтельствую что фамилія Трутовскихъ дѣйствительно изъ Польскаго Шляхетства. Во увѣреніе чего дано сіе за подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати въ Санктпетербургѣ февраля 18 дня 1790 года. Его Величества

Короля и Рѣчи Посполитой Польскій Полномочный Министръ при Всероссийскомъ Императорскомъ дворѣ хорунжій надворный Коронный и орденовъ Бѣлаго орла и Святаго Станислава Кавалеръ *Августинъ Деболи*. Приложена черная гербовая печать.

* XVII.

Грамота отъ Дворянскаго Собранія Харьковской губерніи 1792 (?) года:

Грамота.

Харьковской Губерніи отъ Губернскаго Предводителя Дворянства и уѣздныхъ Дворянскихъ Депутатовъ, собранныхъ для составленія Дворянской родословной книги, данная Дворянину господину придворному [квартирмейстеру Василю] Фодоровичу Трутовскому.

Разсмотрѣвъ на основаніи всемилостивѣйше пожалованной отъ Ея Императорскаго Величества въ 1785 году Апрѣля 21 дня Дворянству Грамоты предъявленныя отъ него Трутовскаго о Дворянскомъ его достоинствѣ доказательства, признали оныя согласными съ предписанными на то правилами, въ слѣдствіе коихъ по силѣ статьи объявленной Грамоты, онъ и родъ внесенъ въ Дворянскую родословную Харьковской губерніи книгу въ ея часть. Во свидѣтельство чего мы Губернскій Предводитель Дворянства и Депутаты во исполненіе всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія дали ему сію Грамоту за подписаніемъ нашимъ, утвердивъ оную печатью Дворянскаго собранія Харьковской губерніи, дня 1792 года. Предводитель Дворянства Иванъ Зарудинъ. Дворянства депутатъ богодуховской округи Андрей Ковалевской. Харьковской дворянской депутатъ Алексѣй Квитка. Волчанской (дворянской) депутатъ Федоръ (Восковъ). Изюмской депутатъ Андрей Зеленской. Красно депутатъ (Сава Алексѣевъ?). Миропольска депутатъ Князь Дмитрій Кудашевъ. Лебединской дворянства депутатъ Алексѣй Алферовъ. Дворянства депутатъ Василій Вартаповъ. Ахтырской дворянства депутатъ Галкинъ. Белоцѣбскаго дворянства депутатъ Иванъ Титовъ. Дворянства Секретарь Яковъ Кричевскій. При запечатаніи № 181.

XVIII.

По дѣлу о наслѣдствѣ — по смерти В. Ф. Трутовскаго.

Свидѣтельство. 1816 года іюля 13 дня мы нижеподписавшіеся дали сіе свидѣтельство ахтырскаго уѣзда помѣщику прапорщику Михайлѣ Федорову сыну Трутовскому въ томъ, что онъ Михайло; Иванъ, который умре, поне^{ма} дѣти Иванъ, Семень и Андрей; Іосифъ, Федоръ; Григорій, который умре по немъ дѣти Иванъ и Петръ, Умершаго Ахтырскаго помѣщика коллежскаго ассесора Василя Федорова сына Трутовскаго, имѣвшаго въ своемъ владѣніи деревню Поновку со-крестьянами, дѣйствительно родные его братья: Осипъ, Федоръ и Михайло; а Иванъ, Семень, Андрей, Иванъ и Петръ родные племянники, и побездѣт-

ству онаго Василя есть законные наслѣдники къ его имѣнію; въ чемъ мы подостовѣрной намъ извѣстности симъ свидѣтельствуемъ и подписуемъ. Подлинное подписали правящій должность ахтырскаго дворянскаго предводителя дворянства засѣдатель Николай Нахимовъ ахтырскаго уѣзда помѣщикъ подполковникъ Семенъ Радионовъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ маіоръ Левъ Перекрестовъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ титулярный совѣтникъ Максимъ Васильевъ сынъ Ковтуновской, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ коллежскій секретарь Иванъ Михайловъ сынъ Дзюбинъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ дворянинъ Коллежскій регистраторъ Николай Ивановъ сынъ Негребекій, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ титулярный совѣтникъ Максимъ Михайловъ сынъ Мандрыкинъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ губернской секретарь Василій Семеновъ сынъ Македонскій, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ дворянинъ губернской секретарь Иванъ Степановъ сынъ Рожанко, титулярный совѣтникъ Александръ Пархоменковъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ дворянинъ коллежскій регистраторъ Константинъ Перекрестовъ, ахтырскаго уѣзда помѣщикъ коллежскій секретарь Яковъ Ивановъ сынъ Анищенковъ.

1816 года іюля 28 дня, что сіе свидѣтельство, представленное при прошеніи ахтырскаго уѣзда помѣщика прапорщика Михайла Федорова сына Трутовскаго дѣйствительно ему отъ правящаго должность ахтырскаго уѣзда дворянства предводителя итогожъ уѣзда дворянъ всего двенадцати лицъ дано и собственными ихъ руками подписано, вѣтомъ Слободско-Украинской губерніи ахтырской Уѣздный судъ подписаніемъ съ приложеніемъ Казенной печати и совзятіемъ Указныхъ печатныхъ пошлинъ съ восковыми 54¹/₂ ко. свидѣтельствуеть. Подлинное подписали дворянства засѣдатель Коллежскій ассесоръ Макарій Шимановъ, засѣдатель Семенъ Водянискій, засѣдатель Анисимъ Шендиба, Секретарь Нестеринъ 14-го класса Степановъ. № 1207. Печатныхъ пошлинъ съ восковыми 54¹/₂ ко. взято (м. п.).

Краткій обзоръ рукописнаго этнографическаго матеріала, доставленнаго Предварительному Комитету по устройству XII Археологическаго Съѣзда.

А. В. Ветухова.

Матеріаль доставленъ духовенствомъ и народными учителями¹⁾ и сгруппированъ проф. Е. К. Рѣдинымъ. Матеріаль въ нѣкоторыхъ случаяхъ открываетъ возможность возстановить не мало отживающаго и даетъ опору для изслѣдованія эволюціи тѣхъ или иныхъ явленій народной жизни. Иныя же изъ доставленныхъ корреспонденцій, по обстоятельности того или иного частнаго вопроса, заслуживаютъ напечатанія цѣликомъ или съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. — Подобранъ матеріаль по уѣздамъ въ алфавитномъ порядкѣ, а каждый уѣздъ — въ алфавитномъ порядкѣ названій мѣстъ, откуда доставлялись сообщенія. Въ такомъ порядкѣ дается и обзоръ матеріала, при чемъ болѣе полное и яркое описаніе той или иной частности приводится *in extenso*, а указанія на однородное въ другихъ мѣстностяхъ — въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. (Для примѣра, — нѣсколько такихъ частныхъ: 1) народныя пѣсни, полож. на ноты, 2) рыболовныя снасти, 3) выгонъ скота, 4) хата и ея части, 5) мужская и женская одежда и головные уборы, 6) нѣкоторые отдѣльные обычаи и повѣрья, 7) мѣстныя названія частей водяной и вѣтряной мельницъ, 8) старинныя народныя кушанья и напитки, 9) выпаливаніе угля, 10) гончарное производство, 11) крестьянскій обѣдъ въ будень, въ воскресенье и въ торжественныхъ случаяхъ, 12) дѣтскія игры, 13) выдѣлка холста (счетъ нитокъ), 14) свадебные обряды, 15) ступа, кожаныя рѣшета, „олійница“ и др.) Въ заключеніе — нѣсколько замѣчаній о способахъ подъема продуктивности работы корреспондентовъ.

Обзоръ этнографическихъ матеріаловъ, доставленныхъ изъ губерній, *кроме Харьковской:*

1) *Екатеринославской* губ. и у., деревня *Федоровка* иначе *Языкова*. (Учитель Георгій Каковскій).

¹⁾ Почти исключительно Харьковской губ. — 2 сообщенія изъ Екатеринославской губ., 3 — изъ Курской и 1 — изъ Полтавской.

Раньше здѣсь отдѣльными поселками проживали запорожцы. Приведены названія мѣстныхъ урочищъ-балокъ, и „могилъ“. Свѣдѣнія о старинной чумацкой дорогѣ. Въ 2 верст. находится „Камень съ пещерой“. Преданіе о ней говорить, что скала плыла внизъ по Днѣпру, а въ ней сидѣлъ „змій“. Когда скала остановилась у берега, изъ скалы вышла процессія и заклала склоны; змѣй вылѣзть не могъ, но года два еще слышны были оттуда стоны, раньше видны были и кости змѣя, а теперь закрыло пескомъ; называется „Периновой“ (б. м. сближеніе съ Перуновой). Въ 7 верст. на Днѣпрѣ есть громадныя камни, которыми, по преданію, перебрасывались богатыри черезъ Днѣпръ, на одномъ камнѣ различаютъ даже слѣды пальцевъ богатырскихъ.

2) *Екатеринославской губ., Павлоградскаго у., села Межирѣча*, записано свящ. П. Блудовымъ. Этнографическія свѣдѣнія: Повозокъ нѣтъ: вмѣсто нихъ брычки — фургоны. Есть водяная мельница, при ней маслобойня и сукновальная. Приложенъ рисунокъ мельницы и церкви. Есть лирникъ Андрей Рыбалка, а въ сосѣднемъ селѣ Мавриной — Лукьянъ Шудьга.

3) *Курской губ., Корочанскаго у.*, записаны г. *Проскуриновымъ* пѣсни. Здѣсь — взаимодействие малорусскаго и великорусскаго населенія, приведено 10 пѣсень (записан. не фонетически), которыя записыватель считаетъ оригинальными.

4) *Курской губ., Тимскою у.*, запис. *А. И. Томилиной* „Исторія о богатомъ Маркѣ“, записан. лѣтъ 25 тому назадъ *В. Е. Шумаковой* со словъ одной крестьянки Тимск. уѣзда.

5) Запись г. *Томилиной* — стихотвореніе, относящееся къ одному курскому губернатору.

6) *М. Русовъ*, „*Игры дѣтей въ Полтавщинѣ*“.

Обозрѣваемый здѣсь матеріалъ — плодъ громаднаго коллективнаго труда духовенства и учителей. Не менѣе труда было затрачено по разсортировкѣ его, при полученіи секретаремъ Прадварит.: Комитета проф. *Е. К. Рѣдинымъ*.

Если трудъ этотъ и не далъ тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было ожидать отъ него, причинъ тому не мало: въ рѣдкихъ случаяхъ небрежное отношеніе къ запросу, въ другихъ формальная отписка, чаще непониманіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ, неумѣніе отрѣшиться отъ мысли, что наиболѣе обыденное для наблюдателя, нисколько для него не замѣчательное, и представляетъ для науки наибольшій интересъ, а самое главное — отсутствіе, за немногими исключеніями, всякой подготовки у корреспондентовъ къ подобной работѣ.

Несмотря, однако, на эти неблагоприятныя условія, горячій посильный откликъ большинства на запросъ выдвинулъ передъ нами многое, прятанное въ глубь старины, сохранилъ для будущаго ту картину быта населенія современнаго, изъ которой многія черты отошли бы въ область преданій и были преданы забвенію. — Конечно наиболѣе по количеству отвѣтовъ давалось на вопросы, не требовавшіе особыхъ разспросовъ и долгаго раздумыванія надъ ними, а сами просилась на бумагу.

Таковы описанія мѣстоположенія села (и деревни, хутора), исторія его происхожденія и преданія по поводу названія его или ближайшихъ окрестностей, костюмы, обычныя занятія крестьянъ и пр.

Все это въ извлеченіи и по приведенію въ порядокъ представитъ интересъ и послужитъ матеріаломъ для ряда изслѣдованій въ области эволюціи народнаго быта.

Въ настоящей замѣткѣ я остановлюсь лишь на тѣхъ изъ матеріаловъ, которые въ той или иной части выдаются изъ ряда другихъ и могли быть напечатаны цѣликомъ или съ небольшими передѣлками и видоизмѣненіями или же единичныя въ своемъ родѣ. Для удобства нахождения указаній заинтересованныхъ, излагаю въ томъ порядкѣ, какъ подобранъ матеріалъ — въ алфавитномъ порядкѣ названій уѣзда и селеній.

Ахтырскій уѣздъ: 1) село *Бѣлка*. Присланы положенныя на ноты (единственный въ собраніи матеріалъ) 3 колядки: а) „У сего пана скамья заслана“ (величаніе домохозяйна), б) Прославленіе солнца, мѣсяца и грома, в) Родъ жыдивскій засмученый и г) пѣсня „Человиче, шо ты знаешь, шо ты все пьешь, та гуляешь! — 2) *Каме-нецкое* — описаніе головного убора „сорока“ (изъ бархата или плиса, разшитаго золотомъ и серебромъ, около ушей — кисти „пушки“) и „паневы“ (черный шерстяной сарафанъ, съ красн. вставками сзади и спереди). 3) *Кириковка* — наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія даны о рыбной ловлѣ (расположена по берегамъ Ворсклы): Снасти: волокъ, приволочка, сѣть, *Крылачи* (-вентеря), сакъ, подсакъ, *ришитка* (-слабо натянутая на обручъ сѣтка для ловли раковъ), *Литцы* (палка съ прочною ниткой, на концѣ которой прикрѣпляется раскрытая раковина, головка тарани — для приманки раковъ; тянуть осторожно и подхватываютъ сакомъ), *Кубарь* (родъ верши, изъ тонкой лозы). Иногда для ловли рыбы перегораживаютъ рѣку плетнемъ (*езокъ*), съ небольшимъ окномъ посрединѣ, гдѣ и ставятся кубари или вентеря. (Ср. еще въ Богодух. у., с. *Тарасовка* „Крылача“ „Кубари“ „Нерета“. — *Ямполь* (Изюм. у.) „котозы, оротянки, блещанки“). Рыболовство приходитъ въ упадокъ, т. к. сосѣдній сахарный заводъ спускаетъ въ рѣку „чвырь“, отъ котораго рыба вымираетъ.

Въ одеждѣ и бытѣ населенія сохранилось много старины (бовдырь, журавель, крепъ сало и чубка, сиракъ, кужухъ съ лежачимъ „компремъ“, капелюхъ съ затыльникомъ и наушниками, дерга — (плахта черной матеріи), сапьянци (сапоги красные зеленые или красные съ черными головками).

II. *Богодуховскій уѣздъ:* 1) *Краснокутскъ* — отъ „красный“ и „куть“ т. е. живописный уголокъ, на рѣкѣ „Мерлѣ“ — гдѣ, по преданію, въ 1709 г. утонули шведскія войска, направленныя къ Полтавѣ; жители К. и окрестности обрубали передъ приходомъ враговъ ледъ по берегамъ. — 2) *Полковая Никитовка* — сохранилось приготовленіе „варены“ — переваренная вода съ сахаромъ, корицею, перцемъ и гвоздикой. — 3) *Поповка* — кустарные промыслы: изготовленіе саней, повозокъ, колесъ и гончарныхъ издѣлій (посл. до 80 т. штукъ въ годъ); исчислена стоимость производствъ. — 4) *Тарасовка* — обычай умыканія невѣсть — „выйти замужъ бѣцомъ“, практикуется бѣдняками не имѣющими возможности внести за невѣсту известной суммы: 5) *Яблоное* — подробное описаніе выгона скота на пастбище: рогатый — дѣлится на 3 части — „череды“, а овцы на 3 „ватаги“, каждая часть со своимъ пастухомъ, получающимъ въ сезонъ за каждую штуку рог. скота 20 коп., 3 хлѣба и 2 гарнца зерна, а за овцу — 12 коп. и 1 гарнецъ зерна.

III. *Валковскій уѣздъ* свѣдѣній не доставилъ совсѣмъ.

IV. *Волчанскій у.*¹⁾: *Базальска*. Обстоятельные отвѣты на многіе вопросы программы: подробное описаніе „хаты“ и ея частей, молочнаго хозяйства, одежды (особенно женской), повѣрій и обычаевъ. Для охраненія скота отъ вѣдьмъ окропляютъ его подъ Крещеніе святой водой и пишутъ кресты на рогахъ, а на „зелену недилю“ (Троица) ставятъ у воротъ осинное „кличаннѣ“, иногда коровѣ проверчиваютъ рогъ, вкладываютъ въ отверстіе херувимскаго Благовѣщскаго ладону и забиваютъ, на средо-крестной недѣлѣ пекутъ изъ хлѣба крестъ и хранятъ его до выѣзда на посѣвъ, когда и употребляютъ въ пищу²⁾.— Подъ Ивана-Купала плетутъ вѣнки, втыкаютъ въ землю вѣнки украшенные лентами (*марену*), ходятъ около нее, а потомъ бросаютъ ее вмѣстѣ съ вѣнками въ воду колышкомъ изъ осинов. кличання. При пахотѣ плугомъ не имѣющіе воловъ, спрыгаются по 1 лошади; называютъ ихъ *спрыгачи*.— Сохранились *старинныя кушанья*: кваша, затирка, пампушки жареные пшеничные, вареные, гречневые; вареники съ *урдой* (макуха-жмыхъ кипятится въ водѣ, пѣна собирается и смѣшивается съ крутой пшенной кашей).— *Одежда* и гол. уборы: *Канелюхи* или „малахан“—*Попоня* (кусокъ черной матеріи, подпояс. краснымъ или зеленымъ поясомъ— одежда старухъ), *холодайки* (кофта безъ талии до пояса), *ганитуровые* (шелковые) платки (дѣвушки повязываютъ голову); по буднямъ женщины носятъ „очинки“.— 2) *Верхній Салтовъ*: присланъ учителемъ Бабенко рядъ этногр. предметовъ, дано подробное перечисленіе названій одежды, домашней утвари и орудій, съ обозначеніемъ ихъ стоимости, выражена готовность по первому заявленію Комитета приобрести для него указанные предметы. Дано живое картинное описаніе села; дано описаніе мельницы водяной. Приложенія: 1) видъ крестьянской постройки съ натуры (хата, амбаръ, сарай, клуня, амшаникъ, 2) планъ селенія съ хуторами, 3) парчевый чепецъ, 4) 2 нагрудныхъ креста 5) поддѣльный мѣдный дукать, 6) 2 писаницы, 7) сѣпка, 8) перекрепа. 3) *Верхняя Писаревка*— особый видъ селенія: постройки кирпичныя, подъ желѣзной крышей, съ деревяннымъ поломъ (жители почти всѣ служащіе въ экономіи); одежда городская; у любителей пчеловодовъ—рамочные ульи разныхъ системъ. Однако любовь къ стариннымъ кушаньямъ и приправамъ (журъ, бублики, шафранъ, имбирь, перецъ) сохранилась. 4) *Ивановка*— дано подробное описаніе „безмена“ и пользованія имъ. 5) *Отрадное*.— Въ школѣ имѣется старинныя (20-хъ гг. прошлаго столѣтія) карта Волчанскаго уѣзда 6) *Петропавловка*.— Распахиваютъ „на зябь“ (подъ озимые) въ августѣ. Дано краткое, но толковое описаніе частей *вѣтряной* мельницы³⁾: клѣтка (или связъ), махъ (6 крыльевъ), валъ (для колеса), веретено, баклюша на веретенѣ, камни (снасть), ступы (для рушки проса и ячменя).— За помоль 1 гарнецъ муки съ мѣшка и 1 мѣшокъ зерна изъ 15.— Старинныя кушанья: *польшка* (изъ пшена и толченаго конопл. сѣмени), *зубцы* (изъ пшена и кутьи), *лымишки* (соломать изъ

¹⁾ Ср. свѣдѣнія изъ „Волохова-Яра“ Зміевского уѣзда.

²⁾ Тотъ же обычай отмѣченъ и въ хуторѣ Дегтярномъ (Волг. у.— Ср. Краснянка, Кузешовка (к. у.).

³⁾ Части водяной мельницы (срубъ, махи, валъ, шестерня, камень ступы) перечислены въ описаніи С. „Малая Волчьа“ (Годоюжскъ).

гречневой муки), *кваша* (изъ ржаной муки съ сушеными фруктами ¹⁾). Названія одежды: халадайка (кофты безъ перехватовъ), баски, ватошники, кожушины. — 7) Хуторъ *Хрипунъ* — во многомъ сохранилась старина: раскрашенные на колесахъ скрины, сохи, малахан, хустки, мониста съ дукатами, меретки на подолѣ и рукавахъ сорочки; вышивки — назыв. „лыштва“. — 8) *Юрченково* — хлѣбъ, по преимуществу, въ ходу ячменный.

V. *Змѣвской уездъ*: 1) *Балаклея* — сохранилось нѣсколько типичныхъ построекъ отъ временъ военныхъ поселеній, съ фронтонами крытыми черепицею и соломой. (Ср. еще с. Шебелинка). — 2) *Гомольша* — дано подробное описаніе одного изъ промысловъ — *выпаливанія угля* (Дрова въ $\frac{3}{4}$ арш. или нѣсколько длиннѣе ставятся вертикально вокругъ пучка соломы, обложен. мелкими щепками для подпала, на этотъ рядъ ставится еще рядъ полѣньевъ, пока образуется пирамида около 2 арш. высоты („Ставецъ“). Ставецъ этотъ, при основаніи до 3 арш., вмѣщаетъ въ себѣ до $\frac{1}{2}$ саж. дровъ, покрывается соломой и обсыпается землей для устраненія горѣнія пламенемъ. Что бы ставецъ не разсовывался обиваютъ кругомъ колышками. Поджигаютъ тряпкой, пропитанной смолой.)

VI. *Изюмскій уездъ*: 1) *Гусаровка* (учителемъ Стежкинымъ) — приложено нѣсколько рисунковъ церкви, дерев. построекъ и предметовъ дом. обихода, описаніе свадьбы; сохранился обычай выставлять „покрасу“. Приведено много разныхъ характерныхъ пѣсенъ, шутокъ, загадокъ, примѣтъ, повѣрій, суевѣрій, рассказовъ о вѣдьмахъ и нѣсколько сказокъ. — 2) *Ямоль* „Журавли“ сохранились у колодцевъ и при подъемѣ сноповъ на высокія скирды; сохранились кремень и губка, а изъ мелко изрѣзанныхъ и сваренныхъ грибовъ на старыхъ деревьяхъ и 5) изъ мокрой тряпки зарытой на нѣсколько дней въ золу гречневой соломы. — Водяныя мельницы называются „байдаками“. — Промыслы: гончарный, огородничество и выпаливаніе угля.

VII. *Купянский уездъ*: 1) *Араповка*. Сохранилось преданіе объ озерѣ „Викныно“, откуда беретъ начало рѣка Дуванка: на этомъ озерѣ атаманъ разбойниковъ „якъ добро дуванили“, поссорившись съ товарищами, затопилъ лодку съ золотомъ. Приведены народныя повѣрья, относительно къ печи и огню („печина“ — предохранительное и лѣкарственное средство); рядъ загадокъ; — 2) *Гончаровка* — описаніе очень обстоятельное и разностороннее: (расположеніе села, устройство двора; предметы домашняго обихода; заговоры, обереги скота отъ волковъ, отъ укушенія змѣи, и сборъ травъ на Симона Зилота (10 мая); обычай печь крестъ изъ хлѣба, съѣдаемый при посѣвѣ; при уборкѣ оставлять на полѣ пучекъ колосьевъ, крѣпко связанный, Ильѣ на бороду; подробное описаніе одежды мужской и женской (сохранились, капоры, плахты); старинныя кушанья (тюря, путря, урда); свѣдѣнія о Лирникѣ Никитѣ Ильшевѣ, — составленное учителемъ Стежкинымъ, заслуживаетъ напечатанія. — 3) *Колодежная* — приведенъ рядъ народныхъ повѣрій. (Интересное: нельзя плевать въ окно, п. ч. можно заплевать глаза ангелу.) — 4) *Краснянка* — хаты ставятся симметрично въ линію, съ нѣсколько колонами въ передней части, въ родѣ балкона; крыша покрывается т. н.

¹⁾ Въ селѣ Рубленомъ „сохранилось стар. куш. „тюря“. — Въ „Козовкѣ“ (Изюмск. у.) „потапички“.

„парковъ“ (солома пропитанная глиной); дѣлится на двѣ части: черная изба и комната; иногда для стариковъ, родоначальниковъ нераздѣленной семьи пристраивается „хатенка“; богатые строятъ въ 3—4 комнаты съ балкономъ.—Нѣсколько обычаевъ ничего не давать изъ дому въ тотъ день, когда отелилась корова или объягнилась овца.—Нѣсколько данныхъ изъ народной медицины. Свѣчи восковыя домашняго приготовления, изъ желтаго воска, считаются мѣстными раскольниками угодище Богу.— 5) *Куземовка*. Для *счета* при выдѣлкѣ овчинъ и валяніи суконъ употребляются особыя палочки — „карбижи“. Приведенъ заговоръ отъ зубной боли.— Сохранились, какъ старина, щипцы для сальныхъ свѣчъ (присылаемые вмѣстѣ съ описаніемъ).— 6) Хуторъ *Малиевка* (Песчанской вол.) — Обстоятельное описаніе *обѣда* въ будни, въ воскресенье, на свѣтлый праздникъ: (какъ разсаживаются за столомъ, въ какомъ порядкѣ подаются кушанья; молчаніе во время обѣда, послѣобѣденная молитва: „Спасыби Богу, Матери Божій, усимъ святымъ за хлѣбъ за силу, за обидь“); ложка у каждаго своя, лишней ложкой за столомъ воспользуются „злыдна“; мисокъ должно быть 3 одинаковыхъ (борщъ, каша, лапша) тарелокъ 2 (для мяса и колбасы).— Приведено нѣсколько народныхъ разсказовъ, (Матвій и Сало, Безродный и др.) легендъ и повѣрій. 7) *Мостки* — легенда о разбойникѣ Василькѣ, первомъ поселенцѣ, жившемъ за болотомъ куда вели мостки 8) *Ново-Николаевка* — присланы выкройки одежды и модель очинка, приведено нѣсколько примѣтъ и повѣрій (между прочимъ о воскресеніи, понед. и пятницѣ); приведенъ заговоръ отъ лихорадки.— 9) *Ново-Красная* — 4 ярмарки.— Обычай при продажѣ скота: продавецъ беретъ налыгачъ правой полой одежды и правой рукой передаетъ его купившему, который то же принимаетъ правой полой; беретъ горсть земли и сыплеть на спину покупки, а продавецъ даетъ ему кусокъ хлѣба.— Разсказъ о томъ, какъ проходили полемъ Господь и св. Петръ — 10) *Преображенная* — тетрадь сказокъ — 11) *Покровскъ* — „журавель“ у колодцевъ обычное приспособленіе.— Обычай передачи проданнаго скота изъ полы въ полу, обтираніе спины землей и переведеніе ея черезъ растянутый на воротахъ поясъ.— Приведены названія частей вѣтряной мельницы (склизи, осьмерикъ или столецъ, поворотъ и лотокъ), за помоль $\frac{1}{2}$ гарн. съ мѣры.— Описаны женскіе головные уборы: кокошникъ — изъ бархата, чепецъ — изъ парчи, иногда серебряной.— Даны свѣдѣнія изъ астрономіи и метеорологіи (пятна на лунѣ — Каинъ и Авель, перемѣна дня и ночи; падающая звѣзда — вѣсть о покойникѣ). Даны свѣдѣнія о лѣченіи домашняго скота.— 12) *Петропавловка*. — Хлѣбные амбары ставятся или на выгонѣ или во дворѣ вдали отъ построекъ. Промыслы: выдѣлка прялокъ (мастеръ Иванъ Бугаевъ); выдѣлка корзинъ изъ лозы вся деревня; корзины отправл. въ Ростовъ и Таганрогъ); кирпичный заводъ; нѣсколько кузнечныхъ и бондарныхъ заведеній.— Запашка подъ озими — въ Петровку подъ яровое съ августа до морозовъ.— 13) *Подлиманъ* преданіе о кладѣ въ „Толстой могилѣ“. — Названіе скатерти „Накидка“, — 14) *Радьковка* — прислано нѣсколько рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ ихъ и мѣстными названіями: а) изба и дворъ, б) планъ двора зажиточнаго крестьянина, в) воловьы сани („рожнати“) г) козырьки и д) скрыня — окованный ящикъ.— 15) *Смородьковка* — постройки изъ дерева, камня и „самана“. — Въ зимнее время есть спросъ на книги

религ. прав. и историко-героич.; наименѣе интересуются „побрехеньками (сказки, анекдоты и пр.). — *Старовѣровка* — описанъ способъ варки пици на треногѣ; огонь разводится въ ямѣ „кабицѣ“. Описаны подробно кушанья старинныя и ихъ приготовленіе — „зубцы, путря.“ — Въ праздники пьютъ фіалковую воду. Названія женской одежды (между прочимъ „кирасъ съ усами“ — кофточка со складками — сохранились коровой и гильце — чтобы пчелы никого, кромѣ хозяина не подпускали кормить ихъ ледомъ съ истолчен. змѣиной кожей или желчью щуки. — *Тополі* — дано подробное заслуживающее печати описаніе рыболовныхъ снастей: каюкъ, сѣть, боть, клопило, волокъ или бредень, неводъ, недетка, кодсакъ, вентирь, кубырь, накидка, ости и удочка; перечислены мѣстныя рыбы (сомъ, чабакъ сазанъ, щука, сула, ершъ, линекъ, налимъ, вырызубъ, плотва, окунь, себель, плекавка, красноперка, карась, вьюнъ). Охотничьи снасти, ружье, сѣтка байка (для приманки перепеловъ) и пленка; названія птицъ: крыжни, чирята, лыски, дупели, кулики, бекасы, валешники, дыркачи, ревусы, драхвы, горлицы, дикіе голуби, перепелки, ванчики, пустушки, чубатыя куропатки, дикія курочки. — Нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ сдѣлаться хорошимъ стрѣлкомъ. — 18) Хуторъ *Топольскіе пески*: части избы: хата и меньшая „теплушка“, на сво-локахъ — кресты и годъ постройки. Промысловые инструменты: прялка, донце, верстакъ (ткацкій станокъ) съ частями ляда, челнокъ, пиль и берда. — Рыболовныя снасти. Экипажи: дроги съ спинкой, гарбы — для возки сноповъ. — Краткій заговоръ отъ лихорадки („пропасныци“ „каженки“) — Легенда о курганѣ: мать молодого татарскаго воина (сына паши) съ горя по павшемъ въ бою сынѣ сошла съ ума и покончила съ собой; и была похоронена въ томъ же курганѣ, но душа ея не успокоилась: ночью слышны изъ могилы стонъ и плачь, а въ полночь вокругъ могилы бродитъ какая-то бѣлая фигура, ломая руки. — Дано очень толковое и обстоятельное заслуживающее печати описаніе одежды головныхъ уборовъ и обуви а) мужская рубаха (станокъ, рукава, ожерелокъ, б) женская рубаха (станокъ, подставка бывають додольныя; рукава собраны по краямъ обшиты цвѣтною полоскою пальца въ два „мангета“ в) юбки широкія и короткія, обшитыя у дѣвицъ внизу брыжами“. Сохранились кокошники и чепцы. Обувь: чирики (родъ кожан. лаптей), ходачка (туфли). — 19) *Торская (Байрачекъ)* — бывшее военное поселеніе, населенное „москалями — перевертнями при рѣкѣ „Черный жеребецъ“ (въ ней по преданію утонулъ конь татарскаго воеводы). — Краткое описаніе экипажей (у „рожновыхъ“ саней придѣлываютъ для запряжки воловъ *вайе*. Для пряжи употреблялась раньше „козочка“ — раздвоенная вверху палочка, заправляемая въ днище на козочку надѣвалась „мычка“, откуда и тянулась нитка. — Для взвѣшивания — „кантырь“. Для вытаскиванія ведеръ изъ колодца „зводъ“ и „ключка“. — Плата пастуху отъ штуки 20 — 30 к., 1—2 чк. зерна и 1 печеный хлѣбъ — „выгонщина“. — Описаніе завариванія „сояшныци“. Подробно описаны вѣтряныя мельницы, ихъ части и особый видъ ихъ „голанки“ (высокія о 4-парусныхъ крыльяхъ) — Подробное описаніе обряда сватовства. Кромѣ того, цѣлая тетрадь въ 92 стран. прислана учителемъ Купянскаго духовнаго училища г. Поповымъ „народные разсказы о пчелахъ.

VIII. *Лебединскій уездъ*: 1) *Межиричъ* (раньше городокъ, окруженный съ 2 сторонъ горами, съ 3-й глубокимъ рвомъ и валомъ; на одной изъ горъ былъ нѣкогда

замокъ). Сохранилось преданіе о пещерѣ въ одной изъ горъ, наводившей страхъ на жителей. Такое же, исполненное ужасовъ преданіе сохранилось о 2 круглыхъ курганахъ, „горбахъ“, гдѣ, по преданію, жили разбойники. О курганѣ „Близнецы“ сохраняется преданіе, будто здѣсь погребены 2-брата близнецы. — Подробное описаніе гончарнаго производства; мѣстная глина очень тверда, поэтому ее рубятъ „копаницами“ (особый родъ топора съ длинной рукояткой); поливная посуда. — Сохранилась *варена*, безъ которой не обходятся похороны и поминки. Составъ ея: равныя части сушеныхъ грушъ, вишенъ, малины, смородины и крыжовнику — варятся отдѣльно, а наваръ сцѣживается въ одну посуду, добавляется по вкусу меду (или сахару), перцу, а иные и водки; снова кипятятъ и подаютъ теплою. — Повѣрья и нар. медиц.: а) при выгонѣ скота завязываютъ ворота краснымъ поясомъ, что бы хозяйство больше жило и дворъ красило, б) возвратясь съ похоронъ прикладываютъ руки къ печи, чтобы „уся Погань (стоноги, тараканы и пр.) замирали“; в) набирая для лѣченія непочатой воды, говорятъ, обычное обращеніе: „Добрый вечеръ, вода Уляно и ты земля Тятыано, я прійшла до тебѣ воды браты помощи прохаты“, в) отъ „сухотъ“ дѣтей купаютъ въ настоѣ цвѣтовъ травы, назыв. „толстухами“ 2) *Терны*. — Къ сѣнямъ иногда пристраиваютъ прихатокъ. Возлѣ клуни иногда строятъ небольшой амбаръ — „пашенный хлѣвъ“. — Зимой отъ холода окна снаружи закрываютъ соломенными щитами „матками“. Кремень, кресало и губка сохранились при закуриваніи трубки. — Выходящіе изъ обихода головные уборы: „сломокъ“ (войлочная шляпа, въ видѣ суживающагося кверху цилиндра) и „подбривникъ“ — полоска матеріи въ вершокъ для перевязыванья лба при работѣ, чтобы волосы не лѣзли въ глаза. — Кушанья: юшка (картофельный супъ), толмачка (толченая картофель съ саломъ) кваша (изъ ржаной муки съ солодомъ), путря (кваша съ ячмен. крупами). — При уборкѣ хлѣба оставляютъ пучокъ ржи „Ильѣ на бороду“, чтобы рожь не переводилась; сплетаютъ вѣнокъ изъ колосевъ, и зерна изъ него сѣются первыми. При посѣвѣ сѣдается крестъ изъ хлѣба, испеченный на Кресто-поклонной. За помоль 15-я мѣрка, очень рѣдко деньгами — 4 коп. съ пуда. — Приведены названія мѣстныхъ птицъ: гайвороны (грачи), зузуля, очеретянки (трясогузки), ластевки, черногузь (анстъ), шулина (коршунъ), пугачъ (сычъ). — 3) *Чунаховка* — назыв. „куткомъ“ часть хаты, гдѣ печь и полати, а „покутемъ“ — гдѣ образа. — Кремень, кресало и губка сохранились въ рѣдкихъ случаяхъ. Сохранились бѣлыя свитки.

IX. *Старобѣльскій уѣздъ*: 1) *Морозовка*. — Дано очень подробное описаніе устройства избы и двора. Интересныя названія: „Хижа“ — кладовая; „байбараки“ — крытые кожухи; „басага“ — отдѣльно сшитый карманъ, прикрѣпляемый къ юбкѣ. — Сохранились: „дерга“ — изъ черной шерсти, мониста изъ серебряныхъ монетъ; желтые и красные „сапьянци“. 2) *Спѣваковка* — подробное описаніе построекъ и одежды (великорусской). Сохранился обычай выходить на полевые работы одѣтыми по праздничному. Храмовой день (1-го октября) празднуется торжественно, при многочисленномъ стеченіи народа изъ окрестныхъ селъ; для не имѣющихъ здѣсь родныхъ и знакомыхъ разбивается палатка и предлагается угощеніе. Музыкальный инструментъ „пишыки“ — нѣсколько трубочекъ изъ камыша, заправленныхъ въ бычачій рогъ.

Въ „семикъ“—(Троица) сохранился обычай бросать въ воду вѣнки: чей поплыветъ — скроѣе замужь выйдетъ, утонетъ — умретъ или совсѣмъ не выйдетъ замужь.

X. *Сумской уѣздъ*: 1) *Бѣловодъ*. Крестьяне здѣсь подраздѣляются: а) на дворовыхъ — съ усадебной лишь землей, 3—10 саженой, б) симошниковъ — кромѣ усадьбы — по 7 сажень поля на душу и в) и остальные имѣютъ усадьбу и до 1½ дес. на душу.— Домашнія лѣкарства — „декоктъ“ — настой водки на различныхъ корняхъ и травахъ и на такъ называемыхъ „рачьихъ шейкахъ“ (особая луговая трава, напоминающая рачью шейку); эта послѣдняя настойка — отъ застарѣлой лихорадки. Жерновъ называютъ „садъ“. За помоль раньше ковшъ муки съ пуда зерна, теперь — 3 коп. съ пуда. Изъ промысловъ развиты: бондарство, шевство, кузнечество и лымаретство (выдѣлка кожъ). Изъ стариныхъ напитковъ сохранились: „лемишка“ (изъ гречневой или ржаной муки, сваренной въ водѣ) и „варена“ — варъ изъ вишенъ, воды, меду и корицы. Кичка — головной уборъ. 2) *Ново-Андреевка*.— Оставляютъ на жнивѣ Спасову бороду. — Подробно описана вѣтряная мельница. Сохранились: „варена“ (вишни, малина налитая водою съ сахаромъ и перцемъ), „сластены“; шафранъ — для тѣста, имбирь и перецъ — въ водку. — Женщины на головѣ носятъ сѣтки, а на шеѣ — дукачи и кресты. 3) *Терешковка*. Обычай при погребеніи. Послѣ того, какъ покойника въ гробѣ вынесутъ за двери избы, на порогѣ кладутъ топоръ, а скамьи вокругъ стола посыпаютъ зерномъ и въ хату никто не входитъ, пока процессія не скроется изъ глазъ; ворота завязываютъ поясомъ, чтобы покойникъ не имѣлъ возможности возвратиться; если по окончаніи поминальнаго обѣда, не взятыя руками за „колпень“, то первое, къ чему прикоснется поминавшій, умретъ или погибнетъ. — Повѣрья при бракѣ; чтобы не сглазили „молодыхъ“, имъ при отправленіи къ вѣнцу втыкаютъ въ одежду на спинѣ, крестообразно по двѣ иглы остріемъ вверхъ. Свадебный поѣздъ при возвращеніи къ жениху перевозятъ чрезъ костеръ. За воротъ рубахи сыплютъ „на счастье“ зерна и деньги. На другой день послѣ вѣнца гостикупаютъ мать невесты, а отца везутъ на себѣ къ рѣкѣ, а потомъ идутъ къ монополіи.— Знахари эксплуатируютъ народъ при помощи такъ-называемыхъ „закрутокъ“, — якобы предвѣщающихъ гибель всей семьи.— Женскія одежды славятся вышивками.— Всѣ женщины носятъ какъ эмблему здоровья, красный поясъ, съ красными же „китыцами“ по концамъ.— Дѣтей обыкновенно называютъ „малышами“, а въ гнѣвѣ „быдло“. — Сохранились „до свитки“, угощеніе для коихъ украсть не считается за грѣхъ.

XI. *Харьковскій уѣздъ*: 1) *Казачья Лопань* — торговое мѣстечко, потому здѣсь много новизны, но сохранилась и старина. Здѣсь нѣсколько складовъ хлѣбныхъ, 3 лѣсныхъ, 1 сахарный, и до 10 бакалейныхъ лавокъ. Поэтому пѣсни народныя (за исключеніемъ весняковъ) и внѣшняя цивилизація — фабричнаго характера. Однако постройки сохранили свой старинный видъ; полы деревянные „помосты“, несмотря на обиліе лѣса, есть только въ „комомахъ“, гдѣ ссыпается хлѣбъ; печи „съ бовдуромъ“ (т.-е. широкой дымовой трубой изъ хвороста, вымазанной глиной), помѣщаемыя въ сѣняхъ, куда выводятся дымовые хода изъ печи варистой и изъ „грубки съ лежанкою“; закрываются эти хода подушками изъ тряпокъ. Вдоль стѣнъ „предпичней и причилковой“ идутъ лавы подъ угломъ, образуя въ мѣстѣ соединенія „покутьѣ“. Въ качествѣ

украшеній у иконъ, кромѣ рушниковъ, встрѣчаются такъ называемыя „теремки“ (комъ хлѣба, утыканый кругомъ сухими колосьями хлѣба съ лоскутками, цвѣтной бумаги). Возлѣ печи — общая кровать — „пиль“, часть ея, гдѣ складывается одежда и подушки называются „прыголовачъ“ ($1\frac{1}{2}$ арш. доска) съ треугольной перекладиной. Праздничная одежда вѣшается надъ „поломъ“ на жерди. Уголь противъ печи занимаетъ „мысликъ“ — родъ посуднаго шкафа. Втулки дверей и оконъ — „ушаки“ въ нѣкоторыхъ домахъ окрашиваются; чаще раскрашиваютъ (по бѣлому полю синими цвѣтами, въ видѣ деревьевъ) „коминъ“ (переднюю часть печи). „Каганецъ“ изрѣдка употребляется — при смазываніи внутренности варистой печи. — Ссадины у животныхъ лѣчатъ особымъ народнымъ средствомъ *виткою* (мелко нарубленные куски дерева складываютъ въ горшокъ, закрываютъ сверху миской и щели замазываютъ глиной, горшокъ зарываютъ до половины въ землю и на поверхностной части разводять костеръ, нагрѣвающій содержимое сосуда до тѣхъ поръ, пока не образуется жидкость, въ родѣ дегтя). — Дано подробное описаніе *выдѣлки холста* изъ конопли (2-хъ сортовъ „плоскини“ — безъ сѣмянъ, болѣе тонкаго волокна и „матирки“); счетъ пряжи ведется съ нитки, наматываемой на „мотовило“ (I—<), вышиной въ $1\frac{1}{2}$ —2 арш., съ перекладиной въ 1 арш.; 3 нитки съ одной стороны мотовила составляютъ „чисныцю“, 10 чисныць — „пасмо“; 30 пасомъ — $\frac{1}{2}$ „мотка“; изъ мотка нитокъ 2 арш. мотовила выходитъ приблизительно 8 арш. холста. — Эта часть, какъ единственная во всемъ матеріалѣ, могла бы быть напечатана, въ нѣсколько болѣе обработанномъ видѣ. — Описаны старинныя кушанья: лемишка, затирка, шулики и пироги съ мучной начинкой. — *Простая лемишка* — изъ какой угодно муки. Въ горшокъ кипящей воды сыплотъ муку, помѣшивая, пока не образуется не очень густое тѣсто и ставятъ въ легкой жаръ; получается густая масса, въ видѣ киселя, которую ѣдятъ съ молокомъ, масломъ или ягоднымъ сокомъ. — *Лындина лемишка* — густое тѣсто изъ гречаной муки, складывается кусками въ протертое конопляное сѣмя съ лукомъ и масломъ. — „Мучная“ начинка въ пироги готовится изъ мелко изрубленнаго картофеля съ масломъ, лукомъ и коноплянымъ сѣменемъ. Изъ настоекъ въ ходу: „калганка“ „раковыя шейки“ (т.-е. водка на корнѣ калгана или на травѣ рак. ш.). — Въ торжественныхъ случаяхъ, непьющихъ водки угощаютъ „вареной“ (отваръ холодной мяты, калиновыхъ ягодъ, перцу и меду). — Дано подробное описаніе приготовления *каравая* на большой раскатанный коржъ тѣста кладутъ 9 варениковъ или кусковъ творогу, прикрываютъ другимъ коржомъ потолще и обводятъ обручемъ изъ тѣста, а наверху помѣщаютъ украшенія въ видѣ „пташекъ“, шишекъ, бубликовъ, прикрѣпляемыхъ соломенками. Свадебный *калачъ* готовится изъ душистаго тѣста, въ формѣ большого круглаго хлѣба. — „Лежень“ — это большой продолговатый калачъ въ аршинъ длиною, украшенный ягодами калины и ржаными колосьями. 2) *Харьковско-Свято-Духовской церкви священникъ Шостенко*, въ обработанной литературной формѣ представилъ обстоятельный рефератъ, отвѣчающій на большинство вопросовъ программы. Свѣдѣнія, приводимыя здѣсь, по воспоминаніямъ автора о наблюдаемомъ имъ въ нѣсколькихъ селахъ Харьковской губ., гдѣ автору приходилось жить болѣе-менѣе долгое время. Нѣкоторыя изъ описанныхъ имъ предметовъ, (какъ ступа, кожаныя рѣшета, олійница и нѣк. др.), даже упоминаются въ другихъ описаніяхъ присланнаго матеріала.

Позволю себѣ закончить нѣкоторыми пожеланіями. Для большей успѣшности работы корреспондентовъ необходима прежде всего подготовка. Поэтому желательно къ слѣдующему Съѣзду разослать Инспекторамъ народныхъ училищъ труды настоящаго Съѣзда (по возможности заблаговременно) съ просьбой — ознакомить учителей съ задачами Съѣзда и такимъ образомъ подготовить почву для работы. А еще лучше, если бы составлена была небольшая общедоступная брошюра, раскрывающая задачи Съѣзда и пути рѣшенія ихъ. Такую книжечку въ нѣсколькихъ экземплярахъ можно бы переслать священникамъ и въ распоряженіе тѣхъ же инспекторовъ для раздачи учителямъ, проявившимъ охоту къ работамъ для Съѣзда. Кстати сказать, гг. инспектора народныхъ училищъ нашей губерніи въ дѣлѣ служенія народоуѣднью заняли видное мѣсто (я вспоминаю напр. неустанною энергію одного изъ таковыхъ П. В. Иванова); наблюдавъ ее и въ настоящемъ матеріалѣ, и отъ души желаю сохраненія въ ихъ средѣ и въ средѣ руководимыхъ ими и вдохновляемыхъ скромныхъ труженниковъ того огня, того подъема духа, каковой съ истиннымъ удовольствіемъ подмѣчалъ въ обозрѣваемомъ матеріалѣ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ виду отпечатанной, въ издаваемомъ нынѣ Т. II Трудовъ XII Археологическаго Съѣзда, интересной статьи М. М. Ковалевскаго „Къ ранней исторіи Азова“, проливающей новый свѣтъ на колонизацію нашей южной окраины, предполагаемъ не лишнимъ приложить къ тому же тому краткую замѣтку, доставленную намъ неутомимымъ дѣятелемъ по изслѣдованію Донской Области Харитономъ Ивановичемъ Поповымъ о надгробной мраморной доскѣ (рис. 2), найденной въ Азовѣ и еще разъ напоминающей намъ о Венеціанцахъ, игравшихъ въ мѣстности столь важную и громкую роль.

Рис. 2.

Упомянутая находка сдѣлана случайно при про-
рытіи рва для прокладки водопроводныхъ трубъ,
въ первыхъ числахъ октября 1889 года, въ прежней
Азовской крѣпости, на глубинѣ одного аршина.

Надгробная плита, изъ бѣлаго мрамора, имѣющая
длины 186 см. и ширины 94 см., съ изобра-
женіемъ герба въ видѣ щита, раздѣленнаго на двѣ
части, и съ латинскою надписью изъ восьми строкъ
во всю ширину плиты, написанной средневѣковымъ
латинскимъ языкомъ не совершенно правильнымъ.
По переводу, сообщенному Императорскимъ Рос-
сійскомъ Консуломъ въ Венеціи (которому былъ
посланъ снимокъ съ плиты), надпись гласитъ
слѣдующее:

„1362 дня (X) мѣсяца Августа.

„ $\frac{1}{4}$ Здѣсь покоится почетный и благород-
ный господинъ Іаковъ (Жіакомо) Корнаро, уважае-
мый Графъ Арбэ и по дожескому (повелѣнію)
Посланникъ и Консулъ въ Танѣ и по всей им-
періи Газаріи. Который скончался. Душа котораго
въ покоѣ отдыхаетъ“.

По тому же сообщенію Консулъ Корнаро принадлежалъ къ одному изъ благород-
нѣйшихъ семействъ Венеціанской республики, родился въ 1305 г. отъ Раніеро Кор-
наро и былъ графъ острова Арбэ.

МАТЕРІАЛЪ,

собранный для XII Съезда

ОТДѢЛЕНЬЯМИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Отъ Полтавскаго Статистическаго Комитета.

На первый призывъ, обращенный въ 1900 г. Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ Полтавскому Статистическому Комитету, получено слѣдующее отношеніе:

Почтениѣйшее сообщеніе Вашего Сіятельства отъ 31-го мая за № 1450, по поводу устройства въ Харьковѣ XII Археологическаго Съѣзда и Выставки при немъ въ 1902 году вызвало со стороны начальника Полтавской губерніи живѣйшее сочувствіе и готовность содѣйствовать цѣлямъ и задачамъ Съѣзда и Выставки. Въ этихъ видахъ, подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства, при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ организована особая Комиссія для содѣйствія Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ подготовительныхъ работахъ по устройству XII археологическаго Съѣзда. Въ составъ Комиссіи вошли: А. А. Русовъ, Л. В. Падалка, В. И. Василенко, П. М. Дубровскій, А. М. Орѣховскій, И. Ф. Павловскій, И. А. Зарѣцкій, М. И. Сосновскій и Иваненко.

Комиссія постановила себѣ задачею собирать по Полтавской губерніи и по возможности, разрабатывать разнаго рода матеріалы, входящіе въ кругъ дѣятельности Съѣзда, а также сосредоточить въ Полтавѣ, могущіе быть доставленными на выставку изъ губерніи, разнаго рода археологическіе, историческіе и др. предметы, документы, коллекціи, рукописи, чертежи, фотографіи и т. п., чтобы представить все это на выставку въ возможно систематизированномъ видѣ.

Для освѣдомленія населенія губерніи о цѣляхъ и задачахъ Съѣзда и Комиссіи, составлена и напечатана въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ руководящая статья, а также напечатаны всѣ полученныя программы по археологій, исторіи, этнографіи и пр. Независимо того, программы приготовлены для разсылки по губерніи значительному числу гг. землевладѣльцевъ и др. просвѣщеннымъ дѣятелямъ и корреспондентамъ статистическаго Комитета, при особыхъ пригласительныхъ сообщеніяхъ, съ просьбою принять участіе въ Выставкѣ и Съѣздѣ — доставленіемъ въ Комиссію предметовъ, характеризующихъ бытъ населенія губерніи съ археологической, антропологической, исторической и этнографической точекъ зрѣнія, или сообщить, возможно обстоятельныя свѣдѣнія и описаніе тѣхъ предметовъ, которые владѣльцами ихъ не могутъ быть доставлены на выставку по какимъ-либо обстоятельствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для обезпеченія успѣха Выставки, Комиссія выразила готовность принять на себя пересылку предметовъ изъ Полтавы въ Харьковъ и обратно, если пожелаютъ владѣльцы.

Въ видахъ доставленія желающимъ возможности успѣшной разработки матеріаловъ для предстоящаго Съѣзда, Комиссія озабочена организаціей спеціальной бібліотеки для изученія губерніи въ разнообразныхъ научныхъ отношеніяхъ, при чемъ членъ Комиссіи В. И. Василенко изъявилъ готовность принести въ даръ принадлежащее ему собраніе книгъ, относящихся къ Полтавской губерніи. Разсчитывая и на другія пожертвованія въ такомъ же родѣ, Комиссія вошла въ сношеніе съ правленіемъ Полтавской общественной бібліотеки объ организаціи особаго мѣстнаго отдѣла на предложенныхъ г. Василенкомъ основаніяхъ.

Не безъ основанія можно ожидать благопріятныхъ отвѣтовъ отъ нѣкоторыхъ лицъ на разсылаемыя приглашенія, и Комиссія надѣется также на доставленіе обстоятельныхъ описаній объ имѣвшихъ научный интересъ и значеніе предметахъ древности, составляющихъ собственность частныхъ лицъ, монастырей и т. п., а также на полученіе свѣдѣній о древнихъ городищахъ, могильникахъ, зданіяхъ монастырей, церквей и т. п., заслуживающихъ обстоятельнаго осмотра и описанія на мѣстахъ ихъ нахожденія. Для исполненія порученій подобнаго рода Комиссія имѣетъ возможность на первый разъ воспользоваться содѣйствіемъ гг. членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества И. А. Зарѣцкаго и М. А. Русова, а также командированнаго обществомъ В. И. Василенко.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ особой Комиссіи будетъ своевременно печататься въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, при чемъ сдѣлано распоряженіе о доставленіи соответствующихъ номеровъ газеты Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

Въ 1901 г. тотъ же Комитетъ сообщаетъ Московскому Археологическому Обществу слѣдующее:

Мѣропріятія, принятыя Комиссіей по устройству Съѣзда, привели пока къ полученію обѣщаній со стороны нѣсколькихъ лицъ такъ или иначе содѣйствовать устройству выставки при Съѣздѣ и къ собранію разныхъ предметовъ старины; заявленій же относительно представленія какихъ-либо докладовъ или сообщеній на Съѣздъ еще нѣтъ. Въ виду этого Комиссія обсуждала вопросъ, не можетъ ли ея коллективная работа привести къ какому-либо результату, достойному вниманія Съѣзда, и изыскивала средства для организаціи отъ себя экскурсіи по Полтавской губерніи, имѣя въ виду пока одно лицо, получившее отъ Московскаго Археологическаго Общества приглашеніе произвести такія экскурсіи, именно: мѣстнаго этнографа Виктора Ивановича Василенко, извѣстнаго своими трудами по мѣстной этнографіи, статистикѣ и исторіи. Для болѣе успѣшнаго осуществленія своихъ задачъ Комиссія обратилась съ ходатайствомъ къ Полтавскому Губернскому Земству о денежной помощи. Закончившаяся 30 ноября 1900 г. сессія губернскаго земскаго собранія ассигновала въ распоряженіе Комиссіи на этотъ предметъ 300 рублей.

Губернскій Статистическій Комитетъ располагаетъ незначительными средствами, но для означенной цѣли можетъ израсходовать съ своей стороны 100 рублей.

Такимъ образомъ является уже возможность организовать и экскурсіи для собранія свѣдѣній, которыя могли бы быть полезны для представленія ихъ на XII Археологическій Съѣздъ въ Харьковѣ. Чтобы экскурсіи дали опредѣленные результаты Комиссія полагаетъ, что порученія намѣченному лицу и другимъ, буде таковыя найдутся, слѣдуетъ ограничить областію этнографіи при чемъ экскурсантовъ, кромѣ программы Харьковскаго Предварительнаго Комитета, снабдить болѣе подробными программами и инструкціей, имѣющею въ виду изученіе предметовъ современнаго быта, носящихъ на себѣ признаки старины. Личныя обращенія такого рода по порученію отъ Московскаго Археологическаго Общества, вѣроятно, вызовутъ болѣе активное отношеніе къ дѣлу тѣхъ лицъ, къ которымъ обратятся экскурсанты. Самостоятельныя же работы

последнихъ должны, по мнѣнію Комиссіи, заключаться въ изслѣдованіи тѣхъ признаковъ, которые помогли бы раздѣлить площадь Полтавской губерніи на районы, отличающіеся большею или меньшею древностью ея заселенія на протяженіи періодовъ Хазарскаго, Кіево-Переяславскаго, Литовскаго и позднѣйшихъ временъ.

При такой ограниченной задачѣ экскурсій можно надѣяться, по мнѣнію Комиссіи, на получение опредѣленныхъ результатовъ, которые могли бы быть представлены въ систематизированномъ видѣ вниманію XII Съѣзда отъ членовъ Полтавской Комиссіи. Но для этого она нуждается кромѣ программъ, присланныхъ ей Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству Съѣзда, еще и въ указаніяхъ на литературу вопроса о заселеніи края, составляющаго въ настоящее время Полтавскую губернію и на методъ изслѣдованій этнографической археологіи. Поэтому Комиссія обращается къ Императорскому Московскому Археологическому Обществу съ покорнѣйшей просьбою сообщать ей такія указанія въ видѣ печатныхъ сочиненій (которые будутъ своевременно возвращены) программъ по изслѣдованію построекъ, орудій, инструментовъ, одежды и пищи, имѣющихъ въ виду отысканіе археологическихъ признаковъ и особенностей ихъ и т. п.

Сверхъ того Комиссія проситъ Общество сообщить ей, какія экскурсіи, въ какое время и какихъ именно спеціалистовъ намѣчены Обществомъ или Предварительнымъ Комитетомъ по Полтавской губерніи въ 1901 г., а также какія работы и кому поручены Обществомъ въ Полтавской губерніи къ предстоящему Съѣзду.

Комиссіи въ настоящее время извѣстно, что въ архивахъ Мгарскаго, Густынскаго и Переяславскаго монастырей есть довольно много рукописнаго матеріала XVII и XVIII вв., который могъ бы быть использованъ такимъ спеціалистомъ, какъ А. М. Лазаревскій.

Что касается предложенія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества о составленіи археологической карты Полтавской губерніи, то, послѣ сношеній съ А. М. Лазаревскимъ по этому предмету, Комиссія пришла къ заключенію, что для этого она не располагаетъ ни необходимыми средствами, ни временемъ. Члены Комиссіи разрабатываютъ въ настоящее время отвѣты, полученные отъ гг. корреспондентовъ на вопросы по археологіи и этнографіи; они будутъ наносить на карту сообщенія корреспондентовъ, для чего въ видѣ образца просятъ Московское Археологическое Общество выслать въ Комиссію карту профессора Антоновича и легенду археологическихъ значковъ; но въ настоящее время не могутъ сказать, насколько плодотворенъ по результатамъ будетъ ихъ трудъ.

По совѣту А. М. Лазаревскаго Комиссія намѣрена изъ этнографическихъ коллекцій остановить особое вниманіе на коллекціи дѣтскихъ игрушекъ, гдѣ старина быстро вытѣсняется новиною; по мнѣнію г. Лазаревскаго, было бы большимъ опущеніемъ медлить съ собраніемъ, выходящихъ изъ употребленія игрушекъ, которыя въ будущемъ представятъ богатый матеріалъ. Поэтому Комиссія намѣрена составить спеціальную программу объ играхъ дѣтей, вытѣсняемыхъ новыми, и ихъ игрушкахъ съ присылкою образцовъ послѣднихъ для выставки. Эта программа по ея отпечатаніи будетъ выслана въ Императорское Московское Археологическое Общество.

Отъ Полтавской Духовной Консисторіи,

въ 1901 г. получены слѣдующія свѣдѣнія:

Кобелякскій уѣздъ.

Къ числу древнѣйшихъ церквей относятся церкви: *Параскевѣвская с. Письменныхъ Хуторовъ, Троицкая с. Бродцилы, Архангело-Михайловская с. Волчеръчья, Рождество Богородичная с. Улиновки и Вознесенская церковь с. Горишнихъ Млиновъ.*

Точнаго указанія времени первоначальнаго устройства названныхъ церквей не сохранилось, за исключеніемъ Вознесенской церкви с. Горишнихъ Млиновъ.

Церковь Параскевѣвская устроена въ гор. Кобелякахъ, въ 1769 году на мѣстѣ обветшавшей того же наименованія церкви и за ветхостью разобранной, о чемъ свидѣтельствуетъ опись 1827 г. и сохранившееся Евангеліе печати Львовской, 1635 г. подаренное въ эту церковь и плащаница 1741 г. Вынесенная изъ гор. Кобелякъ въ 1866 г., церковь эта вновь устроена въ 1898 г.

Вознесенская церковь с. Горишнихъ Млиновъ первоначально устроена на правомъ низменномъ берегу, у подошвы крутой горы того же праваго берега рѣки Ворсклы, сотникомъ гор. Кобелякъ, Максимомъ Таралушичемъ, въ 1727 г. Въ 1784 г. по ветхости разобрана и вновь устроена на томъ же мѣстѣ, помѣщикомъ Осипомъ Ганжею. Отъ этихъ церквей до настоящаго времени не сохранилось никакихъ слѣдовъ въ видѣ капищъ или др. памятниковъ.

Древнихъ городищъ, построекъ и подобныхъ тому, въ округѣ нѣтъ, кромѣ Красной горы, у подошвы коей устроена нынѣ Параскевѣвская церковь с. Письменныхъ Хуторовъ. Объ этой горѣ въ словарѣ Даля упоминается какъ объ историческомъ пунктѣ, при которомъ произошла кровопролитная битва русскихъ князей съ татарами, почему и самая гора названа Красною.

Мѣстечка Кишенки Кобелякскаго уѣзда, Архангело-Михайловская церковь сооружена въ 1854 г. Иконостасъ и утварь древнѣе церкви и принадлежатъ XVIII ст.

Богоявленская церковь м-ка Соколки сооружена отъ 1726—1734 г., перенесена въ 1772 г. Колокольня построена въ 1819 г. отдѣльно. Вновь перенесена церковь и построена вмѣстѣ съ колокольней въ 1884 г.

Церковь Покровская сооруженія новѣйшаго, въ ней есть кіотъ Ахтырской Божіей Матери сооруженія 1739 г., св. Евангеліе 1688 г., потиръ съ приборомъ 1753 г., книга-уставъ 1745 г. и въ приходѣ въ х. Гришаевѣ есть могила съ очень давнихъ временъ въ просторѣчьи именуемая „Хандалѣвою могилою“ (относится ко времени господства хановъ).

Въ *Преображенской церкви* древнихъ иконъ, утварей и рукописей нѣтъ; есть же нѣсколько Евангелій, напечатанныхъ при царѣ Петрѣ Великомъ.

Въ приходѣ есть древнее сооруженіе — развалины подъ названіемъ „Шведская крѣпость“, т.-е. то мѣсто, гдѣ Карлъ Великій переправлялся съ своимъ войскомъ, убѣгая отъ преслѣдованія Петра Великаго послѣ битвы подъ Полтавой.

Изъ церковныхъ вещей, *Апостола-Тимофеевской церкви с. Григоровки* замѣчательныхъ своею древностью, имѣются:

- 1) На придѣльномъ престолѣ во имя Всѣхъ Святыхъ св. антиминосъ съ надписью

на немъ: „Св. Антиминсъ священнодѣйствованъ преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Екатеринославскимъ и Херсонскимъ во градѣ Полтавѣ 1787 г. февраля 27 дня.

2) Напрестольное Евангеліе полулистовое, печати и формы обыкновенной. Печатано въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1697 г. Вначалѣ Евангелія на поляхъ по листамъ сдѣлана слѣдующая надпись: „Книгу святое Евангеліе дарилъ Яснѣ въ Бозѣ Преосвященнѣйшій (а дальше не разобрано на двухъ листахъ) Тимошей (не разобрано на одномъ листѣ) Митрополитъ православный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и Малыя Россіи Бунчуковому Товарищу Григорію Богдановичу 1751 г. мѣсяца апрѣля первого дня“. Въ рядѣ слѣдуетъ другая надпись: „Сіе Святое Евангеліе возобновлено внуками Бунчуковаго Товарища Григорія Богдановича, а правнуками Московскаго митрополита Тимошея Щербацкаго помѣщицами урожденными дочерьми маіора Ивана Василюва сына Тимошеева Евдокією Калачевскою и мужемъ ея Ананасіемъ пожертвовано серебра 1½ фунта 10 золотниковъ и золота 6 золотниковъ Маріи Леонтовичевой Θεодосією и сыновьями ея Владиміромъ и Александромъ Леонтовичевыми суммою 232 рубля тридцать пять коп. 1846 г. генваря мѣсяца 1 дня.

3) Напрестольное Евангеліе, полулистовое печатано въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1733 г. формы и печати обыкновенной. Въ началѣ по листамъ слѣдующая надпись: „Симъ Священнымъ Евангеліемъ благословилъ 1747 г. апрѣля 13 дня пречестнаго іеромонаха Филарета двоюроднаго брата своего придалней святой пещерѣ по своему искреннему желанію жительствующаго для повседнежнаго чтенія. Кіево-Печерскія лавры архимандритъ Тимошей.

4) Портретъ, по преданію, митрополита Кіевскаго и затѣмъ Московскаго Тимошея Щербацкаго, писанъ на холстѣ масляными красками. На немъ такая надпись: „И самъ пастыръ Тимоше агнецъ Тимошеевъ туды поиде куды взошедъ правнукъ Иессеевъ“.

Лохвитскій уѣздъ.

Въ церквахъ *Рождества Богородицы, Благовѣщенія, Преображенія, Николаевской* имѣются слѣдующія древности:

Въ 1-ой. Икона Смоленской Божіей Матери, очень древняя, но безъ указанія года; Потиръ 1626 г.

Во 2-ой. Икона Ахтырской Божіей Матери, пожертвована 1749 г.; Икона Божіей Матери, писанная въ XVI вѣкѣ.

Въ 3-ей. Святой Антиминсъ въ честь св. великомученицы Варвары на бѣломъ холстѣ, освященный митрополитомъ Рафаиломъ и выданный митрополитомъ Тимошеемъ въ 1748 г.; Иконостасъ 1786 г.

Въ *Троицкой церкви села Харьковецъ* писанный чинъ благословенія иконъ и службъ муч. Севастіану 1600 г.

Въ *Введенской церкви сел. Брагинецъ* св. Антиминсъ 1776 г. освященъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Гавріиломъ.

Въ *Покровской церкви сел. Юсковецъ* чудотворная икона Божіей Матери, именуемой „Юсковской“ (Владимирская) и икона Св. Христова Николая; время написанія трудно опредѣлить, но можно положить около 200 лѣтъ.

Въ *Георіевской церкви сел. Луки* крестъ съ пьедесталомъ 1772 г. и потиръ 1789 г.

Въ м. *Варва*, въ церкви *Рождества Богородицы*, сохранились: икона Божіей Матери и деревянная дверь, посѣченная насквозь палашами и пробитая пулями, отъ церкви, существовавшей во время войны съ Шведами и нашествія ихъ на Варву, а также нѣсколько листовъ старой рукописи 1732—1734 г.

При *Георіевской церкви* того же мѣстечка имѣются изъ богослужебныхъ книгъ одно св. Евангеліе на славянскомъ языкѣ, печатаное въ гор. Москвѣ въ 1744 г., требникъ на славянскомъ языкѣ, печатанный въ Свято-Троицкой Илинской Черниговской обители въ 1754 г., Минея на 12 мѣсяцевъ печатаная въ гор. Москвѣ въ 1778 г. и Постная тріодъ изданіе Кіево-Печерской лавры, 1761 г.

Изъ церковной утвари *Николаевской церкви въ селѣ Ломакъ* обращаетъ на себя вниманіе оригинальностью своей надписи на пьедесталѣ напестольный кипарисный крестъ въ серебряной оправѣ, съ такимъ же пьедесталомъ; надпись гласитъ слѣдующее: „сей крестъ здѣланъ всею ломаки въ храмъ сѣто-Николаевскій за упокоеніе души умершого сѣчи запорозской куреня поповичивскаго товариша Григорія Ломаки, ценою засто рублей 1772 г. мѣа генваря 16 дня“.

Кромѣ того въ церкви сохраняются подсвѣчникъ желтой мѣди, литой, для одной свѣчи, съ выбитымъ на немъ 1738 годомъ; лжица красной мѣди, посребренная, съ выбитымъ на ея ручкѣ 1785 годомъ; два Евангелія и нѣсколько богослужебныхъ и другихъ книгъ разныхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія.

Въ мѣстечкѣ *Городища* три церкви не особенно древней постройки: 1854, 1856 и 1864 годовъ, но приходъ Преображенскій существуетъ издавна, какъ гласитъ народная молва.

Въ одной изъ церквей находятся небольшихъ размѣровъ икона Ахтырской Божіей Матери, по преданію, перенесенная изъ упраздненнаго Красногорскаго монастыря; оловянное всенощное блюдо; рукописное Евангеліе семнадцатаго вѣка; старопечатныя книги: а) Евангеліе Московской печати 1685 года при патриархѣ Іоакимѣ; б) Евангеліе перваго изданія Кіево-Печерской Лавры 1697 года при патриархѣ Адрианѣ, г) и Требникъ митрополита Петра Могилы.

Мѣстечко *Городище*, какъ видно изъ самого названія, служило нѣкогда крѣпостью — городищемъ; на что, кромѣ народнаго преданія, указываютъ уцѣлѣвшіе валы и рвы, а также старинная пушка. Имѣется также нѣсколько полузасыпанныхъ горныхъ погребовъ или лѣховъ. Древнихъ сооружений никакихъ не сохранилось.

Въ *Воскресенской церкви м-ка Чернухъ* сохранились слѣдующія древности: небольшой серебряный, стоящій на престолѣ, крестъ съ рѣзными на немъ священными изображеніями: съ одной стороны посрединѣ Распятіе Господа, на другой сторонѣ крещеніе Господа. На семь крестѣ внизу подъ Распятіемъ имѣется слѣдующая рѣзная надпись печатнымъ шрифтомъ: „Сей крестъ Господень отмѣненъ рабомъ Божіимъ супруноборбордивченкозакомъ сѣчовымъ куреня Хуцьскаго въ городъ Чернухи до храма Воскресенія Господня 1731 г.“ На пьедесталѣ же имѣется надпись такая: „1737 году марта 8 дня, тогожъ: куреня: куцубурскаго: козакъ: Стефанъ: хоѸхмале ожѣтель Лохвиці“ стараніе: малъ“.

Кромѣ вышепоименованнаго креста въ церкви имѣются еще слѣдующія предметы:

- 1) Евангеліе въ листъ небольшого формата Львовской печати 1644 года.
- 2) Тріоди Московской печати: постная — 1748 года и цвѣтная — 1762 года.
- 3) Минея общая 1748 года и 12 книгъ мѣсячныхъ миней, изъ коихъ январская — 1741 года, а остальная — 1747 года. Всѣ Московской печати.
- 4) Октоихъ Львовской печати 1686 года.
- 5) Трифологіонъ Львовской печати 1694 года.
- и 6) Апостоль Кіевской печати 1695 года.

Въ церковной описи *Вознесенской церкви села Позникъ*, 1827 годъ отдѣль 1-й, пунктъ А значитъ: „Церковь во имя Вознесенія Господня — деревянная; построена 1776 года иждивеніемъ помѣщика бригадира Петра Степановича г. Милорадовича объ одной главѣ...“ Пунктъ Б: „При церкви на погостѣ стоитъ колокольня деревянная въ два яруса — построена 1778 года по дозволенію Кіевского митрополита Гавріила...“ Пунктъ Г: „До построенія сей церкви прежде въ селеніи Позникахъ поелику никакихъ бумагъ при сей церкви не имѣется, изъ коихъ бы возможно было какія либо извѣстія почерпнуть, и по свѣдѣніямъ старожиловъ-прихожанъ значитъ, что была церковь 1-я во имя Вознесенія Господня на томъ же мѣстѣ близъ сей церкви, но по неспособности къ служенію разобрана 1763 года и употреблена при построеніи настоящей церкви...“

Изъ утвари церковной, какъ памятникъ древности въ *Свято-Николаевской церкви села Загребеля* служатъ Евангелія: въ полулистъ, на цвѣтномъ фулярѣ, оправленное желтой мѣдью, напечатанное въ Львовѣ 1670 года; Евангеліе въ листъ по малиновому бархату, съ чеканеннымъ изъ серебра съ лицевой стороны образомъ Распятія Христа Спасителя, по угламъ чеканены изъ серебра 4 евангелиста, на оборотной же сторонѣ, чеканной тоже работы образъ Спасителя Московской печати 1763 года. (Означенное послѣднее Евангеліе оправлено въ серебро на пожертвованія помѣщика мѣстечка Городища, Лохвицкаго уѣзда, Стефана Андреевича г-на Маньковичъ-Петровскаго. Въ 1888 году переплетено въ бархатный плюшъ лиловаго цвѣта и поновлено); Евангеліе въ листъ въ мѣдной оправѣ, посрединѣ изображенъ на мѣди воскресшій Спаситель, а по угламъ 4 евангелиста Московской печати 1796 года. (Въ 1888 году означенное Евангеліе переплетено и поновлено на средства церкви).

Въ церкви сохраняются также исповѣдныя записи съ 1772 года по 1774 годъ и 1777 года по 1779 годъ включительно. Изъ старопечатныхъ книгъ, имѣются: Служебникъ въ кожаномъ переплетѣ Кіевской печати 1735 года; Служебникъ въ $\frac{1}{8}$ долю листа въ кожаномъ переплетѣ, печатанъ въ Кіевѣ 1796 года; Общая минея въ кожаномъ переплетѣ, печатана въ Кіевѣ 1777 года; 21 мѣсячныхъ миней въ кожаномъ переплетѣ, печатана въ Кіевѣ 1787 года; Октоихъ въ кожаномъ переплетѣ, печати 1768 года; Тріодъ постная въ кожаномъ переплетѣ, печатана въ Кіевѣ 1791 года; Тріодъ постная печатана въ Кіевѣ 1688 года; Тріодъ цвѣтная въ кожаномъ переплетѣ, печатана въ Москвѣ 1790 года; Часословъ въ кожаномъ переплетѣ, печатанъ въ Кіевѣ 1764 года; Апостоль въ кожаномъ переплетѣ, печатанъ въ обители Чернигово-Ильинской 1770 года; Псалтирь съ возслѣдованіемъ въ кожа-

номъ переплетѣ, печатана въ Ильинской Черниговской обители 1763 года; Ермологій въ кожаномъ переплетѣ печатанъ въ гор. Кіевѣ 1778 года; Трифологій въ кожаномъ переплетѣ печатанъ въ Львовѣ 1697 года; Книга—Житіе Святителя Николая, печатана въ Москвѣ 1744 года; Седмичный Акаѳистникъ въ $\frac{1}{8}$ листа, въ кожаномъ Великомученицѣ Варварѣ съ житіемъ ея, въ кожаномъ переплетѣ, печатанъ въ Кіевѣ 1766 года; Собраніе поученій на воскресные и праздничные дни, въ кожаномъ переплетѣ, Кіевской печати 1778 года.

Церковь во имя Св. Арх. Михаила села Акона построена въ 1772 году. Обновлена въ 1834 году. Изъ книгъ старинныхъ имѣется Тріодъ цвѣтная — печатана въ гор. Львовѣ въ 1642 году, марта 11 дня.

Кременчугскій уѣздъ.

При *церквахъ села Кобелячка* изъ утвари и старопечатныхъ книгъ имѣются: 1) при *Покровской церкви*: Антиминсъ на предѣльномъ Варварскомъ Престолѣ, сшитый изъ простого бѣлаго холста, въ царствованіи Благочестивой Великой Государыни Императрицы Елисаветы Петровны и освященный митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Тимоѳеемъ Щербацкимъ въ 1756 г. въ церковь мѣстечка Келеберды, а съ перенесеніемъ оттуда церкви въ 1802 г. въ село Кобелячекъ. Кромѣ того, на томъ же Варварскомъ престолѣ находится Евангеліе въ листъ, обтянутое фіолетовымъ бархатомъ и напечатанное при Императорѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1663 г. Генваря 18 дня; другое Евангеліе большое въ листъ, на Александровской бумагѣ, вышина 1 арш. и 2 вер., а ширина $\frac{3}{4}$ аршина, въ красномъ бархатѣ, обложено серебромъ, вызолоченное, московской печати 1759 г.; пожертвовано въ 1768 г. Запорожскаго войска, поповического куреня атаманомъ Іоанномъ Гетманомъ.

Крестъ напестольный кипарисовый, серебромъ оправленный, вызолоченный съ пьедесталомъ, пожертвованъ въ 1774 г. коштомъ Запорожской Сѣчи куреня Корсунскаго, атаманомъ Савою Коба.

Чаша или Келихъ, серебряная вызолоченая, пожертвована въ 1745 г. діакономъ Григоріемъ Бузановскимъ, позолочена сотникомъ Репитиловскимъ Симеономъ Бузановскимъ. Дискосъ и Звѣзда серебряные вызолоченные, пожертвована тѣмъ же Бузановскимъ и въ томъ же 1745 году.

Требникъ Петра Могилы, Кіевской печати въ листъ 1750 г.

Въ *церкви Рождества Богородицы въ мѣст. Власовка*, сохранились слѣдующіе предметы: Сборникъ поученій, рукописный полууставомъ съ слѣдующимъ предисловіемъ: „си отъ многихъ Божественныхъ писаній. Глаголема отъ Архіереи изъ усть въ всякую недѣлю на поученіе Христоименитымъ людемъ, или прочитаема. Такожде и на Господскыи праздники. Преложена отъ Греческаго закона на русскыи книги въ лѣто \times $\dot{\text{S}}$. $\dot{\text{U}}$. $\dot{\text{E}}$ индикта:

Евангеліе львовской печати 1644 г.

Крестъ серебряный 1723 г. съ именной чеканной надписью.

Серебряная дарохранительница съ именной надписью 1734 г.

Въ церкви *Преображенія*, построенной въ 1782 г. въ томъ же мѣстечкѣ имѣются: Серебряная дарохранительница съ подножіемъ и именной надписью и обозначеніемъ года 1644.

Крестъ напрестольный серебряный тоже съ именной надписью 1657 г.

Колоколь небольшой съ надписью, относящейся къ 1670 г.

Нѣсколько напрестольныхъ крестовъ, и колоколовъ, относящихся къ половинѣ и концу XVIII столѣтія.

Въ церкви *Покровской села Мануиловки* упоминаются: Напрестольныя Евангелія: Львовской печати 1606 г. съ надписью по листамъ внизу къмъ и куда пожертвовано и за что куплено; б) Евангеліе въ большой листъ Московской печати 1748 г.; Евангеліе обыкновеннаго формата Московской печати 1764 г.

Крестъ большой на подножіи пожертвованъ 1773 г.

Дарохранительница — въ формѣ 5-главой церкви на подножіи.

Малый требникъ съ 5 рукописными вначалѣ листками весьма неразборчиво, до печатнаго листка предисловіе „до чительника духовнаго“ и „предмови при шлюби“, уставомъ весьма нечетко писана на 6 листахъ, на оборотѣ стран. 153-й слѣдующая надпись: Anno domini 1648. Въ немъ же писанныхъ 13 листовъ стариннымъ уставомъ „Казаня на погребѣ“.

Городъ Кременчукъ.

Въ *единовѣрческихъ церквахъ гор. Кременчуга и пос. Крюкова* имѣются древнія напрестольныя Евангелія, печатанныя при патріархахъ Іосифѣ, Филаретѣ и Іосифѣ; обложены серебромъ съ позолотою, три напрестольныхъ креста, изъ коихъ на одномъ имѣется надпись „1787 г. 26 апрѣля“. Имѣется также много богослужебныхъ книгъ патріаршихъ, древнихъ мѣстныхъ иконъ, изъ коихъ на одной имѣется на оборотѣ на доскѣ древняя надпись чернилами, слѣдующая: „Взять сей святой образъ въ Крымѣ, въ Турецкой области фельдмаршаломъ Минихомъ 1731 г., а въ Петропавловскій соборъ принесенъ отъ дому Ея Величества Государыни Анны Іоанновны.“

Городъ Переяславль.

Въ *Успенскомъ соборѣ* имѣются слѣдующія древности:

Евангеліе — въ $\frac{1}{4}$ листа, обложено темно-синимъ плисомъ, значительно потертымъ. На первомъ листѣ заглавіе: „Евангеліонъ сирѣчь благовѣстіе Богодухновенныхъ Евангелистовъ. Благословеніемъ Святейшихъ Патріарховъ и Преосвященнаго Киръ Петра Могилы Митрополита Православнаго тцаніемъ Братства Ставропиніальнаго храма Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ Львовѣ въ лѣто отъ созданія міра 7144 и отъ Рождества Христова 1636 августа 20 дня“. Съ начала Евангелія отъ Матѳея на 18 листахъ внизу тянется надпись: „Року 1639 мѣсяца Апрѣля сію святую книгу Евангеліи Шляхетный мужъ Михаиль Летицкій съ подь горья обеватель Переяславскій, самъ своимъ властнымъ коштомъ и накладомъ справивши, отдалъ доброхотнѣ, съ женою своею Матроною Церкви Успенія Пресвятыя Богородицы Переясловской Соборней въ пригороду стоячей вѣчными часы за доброе здорье и отпущеніе грѣховъ своихъ: на которой той святой книгѣ хочеть и жадаеть

помянутый Михаилъ, абы повсегдашняя была отправка и абы негдѣ съ Престолу Божіаго нисходила и абы также тоя Святой книги никто такъ з людей простыхъ з клириковъ яко изъ самыхъ священниковъ отъ того Святого храма неважился ни коликимъ способомъ отдаати и на свой любяишій якій пожитокъ обертати подѣ клятвою святыхъ отецъ не разрѣшенного на таковыхъ святокрадцевъ учиненною. Аминь“.

На семь Евангеліи, по преданію, малороссы во время присоединенія къ Россіи присягали на вѣрноподданство Царю Русскому.

Крестъ большой серебряный, вызолоченый, старинной работы. На лицевой сторонѣ изображены: посрединѣ Распятіе Спасителя, по концамъ 4 Евангелиста — вверху херувимы, а внизу Адамова голова. На другой сторонѣ вырѣзаны: Крещеніе Господне, вверху Духъ Святой, а по сторонамъ: Іоаннъ Креститель и св. Ангелы. Внизу слова: „Сей Честный крестъ бывшимъ славутнымъ и многогрѣшнымъ рабомъ Божиимъ созданъ Артеміемъ огрызнымъ войтомъ Переясловскимъ и одданъ до Церкви Божіей Матери Пресвятой Богородицы въ Переясловѣ, для возвращенія новорожденного сына его 1651 г.“ Въ немъ вѣсу 7 фун. 17 лот. и 2 зол.

Крестъ ручной деревянный, оправленный въ серебро, вызолоченый, старинной чеканки, съ круглой рукояткой, кругомъ обдѣланъ чеканною серебряною рѣзбою, въ которой вверху и внизу по 25 камней. Внизу самага креста подѣ слюдою на небольшой бумажкѣ надпись: „вервь съ праведною кровію мученія Іисуса Христа“. На трехъ краяхъ мощи святыхъ; вверху Григорія Богослова, а по сторонамъ: Евфрема Сирина и Владимира. На рукояткѣ слова: „Року 1684 Мѣсяца Декабря 6 дня“. Въ немъ вѣсу съ деревомъ 1½ фун. 2 зол.

Крестъ ручной старинный чистаго хрусталя съ изображеніемъ по золоту съ одной стороны Распятія, а съ другой гладкій, оправленъ въ серебро.

Чаша вызолоченная съ отливными вокругъ херувимами; седець въ два отдѣленія чеканный восьмигранный, на немъ внизу попольски надпись: „Marina chasecka piotrova Redzievza ska na czesc Pany Bogu nau swietszy Matvy iego offiarycue do Kosciola collegium Pinskiego si. Року 1658“. Въ ней вѣсу 1 фун. 26 л. и 1 зол.

Чаша золоченная, съ просѣчкою фруктами, между коими 6 Ангеловъ, рукоятка и седець чеканные, на нихъ надпись: „создася сей келѣхъ рабомъ Божиимъ Андреемъ и Параскевіею и Михаиломъ со чадіею до Церкви Святителя Христова Николая въ гор. Переясловѣ“. Въ ней вѣсу 1 фун. 16 лот.

Успенская церковь въ гор. Переяславѣ — памятникъ историческаго событія — присоединенія Малороссіи къ Россіи, впервые построена была благовѣрнымъ великимъ княземъ Владимиромъ Мономахомъ въ 1098 г. Изъ лѣтописи церковной не видно, какова была великокняжеская церковь по своему размѣру и по качеству матеріала. Но недавно найденные ея остатки (въ 1888 г.) свидѣтельствуютъ, что великокняжескій храмъ былъ каменный, небольшой; это была не болѣе, какъ придворная, домовая великокняжеская церковь. Въ 1239 г. татарскій погромъ разрушилъ великокняжескій храмъ до основанія, но остатки его подѣ земляною насыпью сохранялись чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ, открыты только въ недавнее время, и будутъ свидѣтель-

ствовать послѣдующимъ вѣкамъ о благочестіи нашихъ великихъ князей-собираателей, строителей и державныхъ правителей Земли Русской. Съ 1239 до 1586 г., имя великокняжеской Успенской церкви, какъ бы перестаетъ существовать, но перестаетъ на время. Въ 1586 г. князь Василій Васильевичъ Острожскій, созидаетъ въ гор. Переяславлѣ опять на томъ же мѣстѣ храмъ во имя Успенія Божіей Матери, но уже деревянный, который въ 1660 г. отъ бывшаго въ городѣ большого пожара сгорѣлъ до основанія, а 12 сентября 1896 г. былъ построенъ на его мѣстѣ каменный соборный храмъ, въ память славнаго историческаго событія — присоединеніе Малороссіи къ Россіи 8 января 1654 г.

Переяславскій уѣздъ.

Изъ надписи, имѣющейся на колоколѣ *Покровской церкви с. Сулимовки* видно, что церковь построена раньше 1684 г., но когда именно, неизвѣстно. Исслѣдователь Переяславской Старины А. В. Стороженко въ своемъ историческомъ очеркѣ „Переяславской Старины“, изданномъ въ 1900 г. на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ относитъ годъ постройки Покровской церкви с. Сулимовки къ 1625—1629 гг.

Достовѣрно извѣстно, что въ 1855 г. обвѣтшавшая деревянная крыша на церкви была замѣнена желѣзной и въ томъ же 1855 г. съ южной стороны къ входной двери въ алтарь была пристроена каменная пономарня размѣромъ 3×3×3 арш. Въ 1895 г. сняты обветшавшіе и грозившіе паденіемъ деревянные хоры, простиравшіеся до середины церкви, на коихъ помѣщался престоль въ честь Рождества Іоанна Предтечи и замѣнены небольшими хорами для пѣвчихъ.

Въ церкви есть очень древній образъ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, на которомъ въ числѣ народа помѣщены портреты Сулимъ, прежнихъ владѣльцевъ Сулимовки. Есть древняя плащаница съ изображеніемъ снятія со креста, положенія во гробъ и Воскресенія Господа Нашего Іисуса Христа, съ ликами святыхъ вокругъ всей плащаницы. На ней надпись такая: „Вѣѣ, с. цод. княина Олена кышла син кздохъ келкомов архитатигов Муханлов князю Муханлов Ондрукевичю и его княиненихъ дѣтѣмъ. Къ сожалѣнію, она не вышита, а писана масляными красками на шелковой матеріи. Очевидно, что это копія съ вышитой и неизвѣстно когда и кѣмъ снятая.

Есть въ церкви восьмиконечный серебряный крестъ, но когда и кѣмъ онъ сооруженъ свѣдѣній не сохранилось.

Въ *Свято-Троицкой церкви мѣст. Барышовки* находятся слѣдующія церковныя древности: двѣ небольшія старинныя иконы подъ серебряными шатами съ изображеніемъ на нихъ Святителя Николая и Ахтырской Богоматери, два старыхъ Евангелія, изъ которыхъ одно печати Львовской 1636 г.; весьма старый лежачій кипарисный крестъ, въ которомъ хрянутся частицы мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ, Льбяной антиминсъ, священнодѣйствованъ епископомъ Переяславскимъ и Бориспольскимъ Іовомъ выданъ 1772 г. и въ дарохранильницѣ находится небольшая рукописная бумажка въ видѣ пергамента, въ которой говорится, что въ лѣто отъ созданія міра 3914, а отъ воплощенія Господа Іисуса Христа 1411е положены мощи во храмъ св. м. Пантелеимона, Анастасія персянина и Ѳ. Тихона Петромъ Могилою митрополи-

томъ Кіевскимъ и Галицкимъ при великомъ державномъ королѣ Владиславѣ четвертомъ въ Богомъ спасаемомъ градѣ Барышевкѣ за державы вельможнаго его милости пана Якуба Собецкаго воеводы земель русскихъ,—каллиграфія рукописи ясна, но крайне неразборчива.

Успенская церковь села Пологъ-Чеботень устроена въ 1749 г., а въ 1869 г. пристроена къ ней колокольня.

Николаевская церковь села Пологъ-Яжнолѣ устроена въ 1777 г. и все время находилась безъ передѣлокъ.

Николаевская церковь села Чепилолѣ устроена въ 1784 г. и также никакимъ передѣлкамъ не подвергалась. Изъ древнихъ предметовъ въ ней сохранились: жестяная и оловянная дарохранительницы безъ обозначенія времени сооруженія ихъ, Евангеліе кіевской печати 1773 г., писанный требникъ временъ Императрицы Анны Іоановны и двѣ древнія иконы: „Покрова Пресвятыя Богородицы“ и „трехъ святителей Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго“.

Полтавскій уѣздъ.

Успенская церковь м-ка Ръшетилковки сооружена въ 1746 г. Въ настоящее время въ ней имѣются иконы, утварь, священныя книги повидимому столь же древнія, какъ и сама церковь. Изъ священныхъ облаченій обращаетъ на себя вниманіе подризникъ изъ грубаго, простаго полотна, шитый по фасону малороссійской сорочки (со сборами около рукавовъ и воротника) и вышитый внизу.

Изъ 14 напрестольныхъ крестовъ 3 св. креста имѣютъ надписи. Одинъ изъ нихъ серебряный, вызолоченый, безъ пробы, съ пьедесталомъ, въ $1\frac{1}{4}$ арш. вышины, вѣсомъ 5 фун. 20 зол., имѣетъ на пьедесталѣ надпись: „сей крестъ сооруженъ коштомъ Павла Шкуруцѣя и жены его Анастасіи 1757 г.“

Другой крестъ кипарисный, обложенный серебромъ, въ $\frac{3}{4}$ арш. высоты имѣетъ на пьедесталѣ надпись: „сей крестъ сооруженъ коштомъ писаря сотеннаго Лукьяна Анисимова 1776 г.“

Третій крестъ малый, на пьедесталѣ надпись: „сей крестъ сооруженъ коштомъ Борисенко 1777 г.“

Изъ Евангелій, стоящихъ на престолѣ, заслуживаютъ вниманія два. Одно изъ нихъ имѣетъ 1 арш. длины и $\frac{3}{4}$ арш. ширины, вѣситъ 1 пудъ, буквы строчныя имѣютъ величину въ $\frac{1}{2}$ коп., напечатано въ 1759 г.; другое меньшихъ размѣровъ напечатано въ 1745 г.

Въ *Троицкой церкви мѣстечка Старыхъ-Сенжаръ* имѣются 1) Потиръ серебряный, безъ пробы, съ слѣдующею на немъ надписью: „року 1731, отца Іосифа Яковлева, ктитора Максима Самойленка и ключаря Максима Гречки, за отпущеніе грѣховъ, 1731 г.“

2) Серебряный крестъ, безъ пробы, съ надписью: „за отпущенія грѣховъ зъ мірскаго старанія во вѣчную славу и память“, сей крестъ коштомъ и накладомъ спорядися до Троицы Святой Старо-Сенжарова, януарія 11, 1731 г.“

Старопечатныя: 1) Служебникъ изданный при Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, 1735 г.

2) Служебникъ изданный при Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, годъ не обозначенъ.

3) Слово о священствѣ Іоанна Златоустаго издано декабря 13, 1745 г.

4) Цвѣтная тріодь, — ноября 11, 1792 г.

5) Часословъ изданный при Екатеринѣ Алексѣевнѣ, 1764 г.

6) Псалтирь, изданіе 1610 г.

7) Апостоль изданный при Императорѣ Петрѣ I, февраля 24, 1753 г.

8) Тріодь постная изданная при Императорѣ Петрѣ I, Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, октября 13, 1704 г.

9) Тріодь постная, изданіе февраля 25, 1753 г.

10) Октоихъ, изданіе 1357 г.

11) Тріодіонъ Святыя Великія Пятидесятницы издана въ царствованіе Государя Императора Петра Алексѣевича, февраля 2, 1702 г.

12) Тріодіонъ — тщаниемъ и иждивеніемъ братства храма Успенія Пресвятыя Богородицы во Львовѣ, октября 24, 1664 г.

13) Тріодь цвѣтная первой типографіи за благословеніемъ святѣйшихъ четверопрестольныхъ патріарховъ, тщаниемъ и иждивеніемъ братства ставропигіи при церкви храма Успенія Пресвятыя Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Львовѣ, февраля 25, 1753 г.

14) Миней мартъ мѣсяць издана при Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, октября 2, 1724 г.

Въ Успенской церкви того же мѣстечка имѣются:

1) Серебряный потиръ, 1770 г.

2) Два октоиха, 1753 г.

3) Цвѣтная тріодь, 1770 г.

4) Двѣнадцать книгъ мѣсячной Минеи, 1754 г.

5) Ирмологій, 1770 г.

6) Требникъ, 1775 г.

7) Акафистъ великомученицы Варвары, 1766 г.

8) Каноны Богородицѣ, 1756 г.

9) Служба въ 30 день августа, 1725 г.

Въ Михайловской церкви хуторовъ Полузеньскихъ: 1) Святой апостоль — печатанъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, при благочестивыхъ Царѣхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ и благородномъ гетманѣ Іоаннѣ Степановичѣ Мазепѣ (годъ, мѣсяць и число вырваны).

2) Святое Евангеліе — отпечатано въ Кіево-Печерской лаврѣ въ царствованіе Анны Иоанновны; на немъ надпись, кѣмъ пожертвовано, при какомъ священникѣ и ктиторѣ, но трудно разобрать. Годъ пожертвованія до Михайловскаго храма, 1741 г.

3) Потиръ, — на немъ слѣдующая надпись: „Сія чаша поданная отъ Антона Ивановича Лисого, куреня Полтавскаго, до архистратига Михаила, февраля 26, 1759 г.“

Мѣстечка Мачехъ, Иоанно-Богословской церкви: 1) Потиръ серебряный вызолоченный, большая съ надписью: „за спасеніе Ефима и Даріи соч.“, вѣсомъ 1 фун. и 73 зол., 1789 г.

2) Святое Евангеліе писанное печатными буквами, за неимѣніемъ перваго и послѣдняго листовъ не извѣстно кѣмъ и когда написано.

Села Локощины Николаевской церкви: Святое Евангеліе изданное въ Львовѣ, 1644 г.

При *Байракской Георгіевской церкви* имѣются: Тріодъ цвѣтная 1688 года, Евангеліе 1636 года, Слова (Вѣнецъ Христовъ) 1638 года, два напрестольныхъ кипарисныхъ креста въ серебряной оправѣ, одинъ изъ нихъ съ серебряной подставкой 1726 года и оловянная чаша.

При *Жуковской Покровской церкви:* а) древняя икона, поруганная шведами въ 1709 году, на которой были изображены видѣніе патріархомъ Іаковомъ таинственной лѣстницы и пророкъ Даніиль. Шведы сдѣлали съ этой иконы шахматную доску; остатки лѣстницы видны и теперь на иконѣ. Эта икона оправлена въ деревянную позолоченную раму подъ стекломъ, на оборотной сторонѣ которой помѣщены стихи, относящіеся къ этой иконѣ; б) Евангеліе Львовской печати 1636 года; в) небольшая икона Богоматери, написанная на раковинѣ (хранятся въ деревянномъ футлярѣ) и г) древнее рѣзное Распятіе въ ростъ человѣческой, помѣщающееся въ притворѣ церкви. По преданію Распятіе это пожертвовано Императоромъ Петромъ I женѣ страдальца Василя Леонтьевича Кочубея.

При *Камчатской Вознесенской церкви* имѣются Тріодъ цвѣтная Львовской печати 1642 года, Тріодъ постная — рукописная — времени патріарха Іова, чаша оловянная, копье съ серебряной рукояткою 1713 года, древнія рукописи, указы и манифесты 1770 годовъ.

При *Брусіевской Архангело-Михайловской церкви* имѣются серебряная дароносица и оловянная чаша первой половины XVIII столѣтія.

Пирятинскій уѣздъ.

Большая часть церквей этого уѣзда принадлежать XIX ст.; только 5 изъ нихъ построены въ XVIII ст., а именно:

Тамаровская Вознесенская церковь сооружена въ 1785 г.

Лозово-Ярославская Николаевская — въ 1735 г.

Годуновская Успенская — въ 1742 г.

Бѣлошанская Георгіевская — въ 1795 г.

Вечорская Успенская — въ 1787 г.

При библиотекѣ *Рождества Богородицной церкви мѣстечка Жоравки*, кромѣ св. Евангелія на славянскомъ языкѣ изданія Львовскаго 1644 г. 23 мая, другихъ древностей не имѣется.

Прилукскій уѣздъ.

Николаевская церковь села Сорочинецъ сооружена въ 1856 г., но сохранила старинную утварь и старопечатныя книги, а именно: Миней — Декабрь м. Москов-

ское издание 1645 г., Тріодъ цвѣтная Львовской печати 1663 г., Тріодъ постная, изданная тамъ же 1699 г. Евангеліе въ листъ отдѣланное малиновымъ бархатомъ и серебромъ, Московской печати 1717 г. пожертвованное помѣщикомъ Андреемъ Раковичемъ 1733 г. марта 25 дня, Евангеліе въ листъ также оправленное малиновымъ бархатомъ и серебромъ безъ пробы, Кіевской печати 1746 г., Евангеліе въ листъ подъ чернымъ плисомъ оправленное серебромъ, Московской печати 1789 г. Кромѣ наименованныхъ книгъ въ церкви имѣются и другія Богослужебныя книги изданныя и печатанныя въ томъ же XVIII вѣкѣ;

Въ Преображенскомъ приходѣ гор. Прилукъ двѣ церкви: теплая и холодная. Изъ нихъ главная — во имя Преображенія Господня, каменная, холодная — устроена въ 1716 г. иждивеніемъ бывшаго Прилукскаго полковника Игнатія Галагана. Иконостасъ въ ней новый, устроенный на средства прихожанъ и другихъ жертвователей въ 1867 г., живопись въ иконостасѣ также новая.

Изъ утвари, не отличающейся особенной древностью, назовемъ:

- а) плащаница, сооруженная Екатериной Галаганъ въ 1773 г.;
- б) большая серебряная чаша, дискось, звѣзда и лжица къ ней пожертвована Маріей Давыдовой Горленко въ 1758 г.;
- в) св. Евангеліе львовской печати 1644 г.;
- г) св. Евангеліе московской печати 1730 г.;
- д) св. Евангеліе московской печати 1748 г.;
- е) св. Евангеліе московской печати 1766 г.;
- ж) св. Евангеліе московской печати 1771 г.

На хорахъ Преображенской церкви, въ отдѣльной кладовой находится архивъ бывшаго Прилукскаго Духовнаго правленія.

Вблизи Преображенской церкви, на грунтѣ Галагана устроено небольшое каменное зданіе, въ родѣ часовни, извѣстное въ Прилукахъ подъ именемъ полковой, скарбниці“; по преданію, въ этомъ зданіи хранилась во времена казачества полковая казна.

У округъ Прилукскаго уѣзда

имѣеть слѣдующія древнія церкви:

- 1) *Василіевская церковь с. Догалевки* построена въ 1731 году, а въ 1854 году капитально отремонтирована.
- 2) *Покровская церковь с. Никоновки* построена 1732 года, а въ 1824 и 1886 годахъ капитально отремонтирована.
- 3) *Михайловская церковь с. Березовки* построена 1754 года, а въ 1836 году почти вновь передѣлана.
- 4) *Николаевская церковь с. Березовки* построена 1768 г., а въ 1834 году расширена и передѣлана. Въ этой церкви замѣчательный древній иконостасъ въ формѣ звѣзды.
- 5) *Христо-Рождественская церковь с. Алексинцевъ* построена въ 1769 году, передѣлана въ 1853 году.

6) *Покровская церковь с. Гришовки* построена въ 1780 году, а вновь передѣлана въ 1860 году.

7) *Покровская церковь с. Ярошовки* построена въ 1783 году, а въ 1898 году почти вновь передѣлана.

8) *Кресто-Воздвиженская церковь м. Сребнаго* построена 1784 года, расширена и перестроена въ 1841 году.

9) *Иоанно-Предтеченская церковь с. Харитоновки* построена 1784 года, капитальной ремонтровки въ ней не было ни разу.

10) *Воскресенская церковь с. Савиненъ* построена 1798 года, перестроена и расширена въ 1847 году.

О древней утвари священники упоминають только при указаніи на *Кресто-Воздвиженскую церковь м. Сребнаго*, гдѣ указано на древнюю икону Ченстоховской Божіей Матери, которая, по преданію, принесена въ церковь казаками изъ Запорожской Сѣчи, но достовѣрность этого преданія ничѣмъ фактическимъ не подтверждается.

Церкви IV округа.

Сооружены въ XIX столѣтіи, кромѣ *церкви Всѣхъ Святыхъ села Туровки* и *Преображенской села Зууровки*. Первая построена въ 1782 году; въ 1822 году по разрѣшенію преосвященнаго Меодія Епископа Полтавскаго и Переяславскаго подъ сію церковь подложенъ каменный фундаментъ, крыша и куполь покрыты листовымъ желѣзомъ; со времени ремонтровки и по настоящее время капитальной починки не производилось; вторая сооружена въ 1794 году иждевеніемъ прихожанъ, расширена и обновлена съ подведеніемъ каменнаго фундамента въ 1854 году; въ 1872 году вновь ремонтрована, а въ 1882 году обновленъ иконостасъ.

При *Иоанно-Богословской церкви села Поддубновки* хранится священническое облаченіе архимандрита Антонія Кіево-Печерской Лавры внослѣдствіи епископа Воронежскаго; кромѣ сего три воздуха, шитые золотомъ и серебромъ великой княгиней Еленой Павловной, подаренные упомянутому епископу.

При *Св.-Аркадіевской церкви села Аркадіевки* хранятся Евангеліе и Часословъ кіевской печати 1747 года.

Городъ Ромны.

Покровская церковь города сооружена въ 1770 году. Въ 1827 году поновлена, при чемъ подъ нею сдѣланъ каменный фундаментъ и перемѣнены подвалины.

Въ церкви этой сохранился иконостасъ рѣзной изъ дерева, превосходной отдѣлки, крытый золотомъ, — въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ Петромъ Ивановичемъ Калнишевскимъ, послѣднимъ кошевымъ запорожскаго войска, соорудившимъ и самую церковь.

Изъ старопечатныхъ книгъ сохранились:

Евангеліе въ полъ-листъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Львовской печати 1670 г., іюня 11 дня.

Евангеліе въ поль-листа, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Львовской печати 1690 г., ноября 28 дня.

Евангеліе въ листъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Московской печати 1748 г., ноября 12 дня.

Евангеліе въ поль-листа, въ серебряной оправѣ, Московской печати 1785 г., сентября 4 дня и

Евангеліе въ листъ, верхняя доска въ серебряной вызолоченной оправѣ съ окладкою стразовъ, а нижняя — на серебряныхъ вызолоченныхъ ножкахъ, Московской печати 1789 г., августа 7 дня.

Древней утвари и рукописей не сохранилось.

Николаевская церковь сооружена въ 1834 году.

Изъ древнихъ иконъ имѣются икона Св. Николая — престольная, по преданію, чудотворная, очень древняя, что видно изъ греческой надписи, находящейся на задней сторонѣ.

Изъ старопечатныхъ книгъ имѣется престольное Евангеліе въ большой александрийскій листъ, печатанное въ Москвѣ въ 1759 г., въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, вѣсомъ въ 1 пудъ 7 фунтовъ, пожертвованное въ эту церковь, какъ видно изъ сохранившейся на немъ надписи: „1771 года, мѣсяца іюля 1 дня. Евангеліе сдѣлано коштомъ умершаго господина писаря полковаго Лубенскаго Θεодора Васильева сына Дергая“.

Вознесенская церковь окончена вчернѣ постройкой 30 сентября 1797 года. По свѣдѣніямъ, хранящимся въ церковномъ архивѣ, видно, что средній куполь церкви, будучи непомѣрной вышины, чрезъ два дня послѣ того обрушился, такъ что въ теперешнемъ своемъ видѣ, по исправленіи его, онъ гораздо меньше предыдущаго.

Изъ старопечатныхъ книгъ въ церкви сохранились:

Евангеліе въ поль-листъ, въ гладкой серебряной вызолоченной съ чеканью оправѣ, кievской печати 1693 г., мѣсяца декабря.

Евангеліе въ листъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Московской печати 1717 г., мѣсяца октября.

Евангеліе въ листъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, Московской печати 1758 г., мѣсяца ноября и

Требникъ Петра Могилы въ двухъ частяхъ 1656 г., 16 декабря.

Изъ прочей древней утвари замѣчательнъ колоколь, пожертвованный въ эту церковь, какъ видно изъ надписи на немъ, „паномъ Филиппомъ Бунтѣемъ 30-го іюня 1732 года“.

Роменскій уѣздъ.

Церковь св. Троицы въ с. Засули построенная въ 1882 г., но съ великолѣпнымъ 4-яруснымъ иконостасомъ, рѣзнымъ изъ дерева, превосходной работы, крытый золотомъ, — поставленный въ старой церкви, въ 1766 году „коштомъ и стараніемъ того села владѣлицы, вдовствующей Марѣы Семеновы Марковичевой и сына ея бунчуковаго товарища Іосифа Марковича“. Живопись въ этомъ иконостасѣ работы извѣстнаго

малороссійскаго художника-портретиста Владимира Лукича Боровиковскаго; особенно замѣчательны иконы на сѣверныхъ дверяхъ первосвященника Аарона и на южныхъ Мельхиседека.

Одинъ изъ существующихъ въ этомъ приходѣ кургановъ до сихъ поръ не изслѣдованъ, остальные, какъ въ данномъ приходѣ, такъ и вообще на лѣвомъ берегу рѣки Сулы — раскопаны въ 1878—79 г., членами Кіевскаго Археологическаго Общества гг. Самоквасовымъ и Кибальчичемъ.

Изъ старопечатныхъ книгъ въ ней сохранились:

Евангеліе московской печати 1766 года. Тріодъ цвѣтная, кіевской печати 1765 года. Мѣсячныя минеи, 12 книгъ, кіевской печати 1750 года. Тріодіонъ или трипѣснецъ, кіевской печати 1743 года. Служебникъ, кіевской печати 1735 года и Евангеліе, кіевской печати 1712 года.

Древнихъ иконъ, утвари и рукописей не сохранилось.

Георгиевская церковь села Лозовой, сооружена въ 1734 году. Въ 1837, 1851 и 1854 гг., была ремонтуема, но въ чемъ заключался этотъ ремонтъ — свѣдѣній не имѣется. Въ 1896 г. внутри вымыта, а снаружи окрашена. Въ 1900 г. окрашена внутри.

Древнихъ иконъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ нѣтъ.

Существующіе въ этомъ приходѣ и вообще на правомъ гористомъ берегу рѣки Сулы курганы, какъ полагаютъ скифскаго періода, раскопаны, за исключеніемъ немногихъ, — мѣстнымъ любителемъ С. А. Мазараки.

Петро-Павловская церковь села Процовки, сооружена въ 1743 году.

Существующіе въ этомъ и сосѣднихъ приходахъ курганы изслѣдованы гг. Самоквасовымъ, Кибальчичемъ и С. А. Мазараки.

Церковь Николаевская м. Смѣлаго построена въ 1795 году, вмѣсто болѣе древней сгорѣвшей, время построенія которой неизвѣстно. Она деревянная, имѣетъ крестообразную форму, о трехъ куполахъ. Въ 1884 году устроенъ придѣлъ съ южной стороны въ честь Св. Великомученика Пантелеимона, въ 1887 году устроенъ съ сѣверной стороны придѣлъ въ честь архистратига Михаила. О другихъ перестройкахъ свѣдѣній не сохранилось. Изъ предметовъ чѣмъ-либо замѣчательныхъ, можно указать крестъ изъ кипарисоваго дерева, старинной рѣзной весьма тонкой работы съ вырѣзными изображеніями событій изъ св. исторіи ветхаго и новаго завѣта, заключенный между двухъ стеколъ въ серебряную оправу съ такимъ же пьедесталомъ, весьма значительныхъ размѣровъ. Изъ книгъ, должно указать на Тріодъ цвѣтную кіевской печати 1585 года и Тріодъ постную кіевской печати 1648 года.

Въ 6 верстахъ отъ м-ка Смѣлаго, по дорогѣ въ гор. Конотошъ есть такъ называемыя „Роблени могилы“. Устройство ихъ относятъ къ 1650 годамъ. Преданіе говоритъ, что это было укрѣпленіе, сдѣланное войсками Гуляницкаго и Выговскаго. Ихъ геометрически правильное расположеніе подтверждаетъ это.

Храмъ въ селѣ Бесѣдовкѣ, во имя св. Космы и Даміана построенъ, какъ значитсѣ въ Кліровыхъ вѣдомостяхъ, въ 1722 году иждивеніемъ братіи Кіево-Печерской лавры, которая имѣла въ селѣ Бесѣдовкѣ свои владѣнія. Храмъ исправленъ и уве-

личень въ 1808—1834—1858 годахъ. Въ 1850 году устроена новая деревянная о двухъ ярусахъ на каменномъ фундаментѣ колокольни.

При храмѣ сохранились древніе колокола, пожертвованные Кіево-Печерскою лаврою, но неизвѣстно какого года.

Антиминсъ на холстѣ 1780 года мѣсяца мая 29 дня, подписанъ Гавріиломъ митрополитомъ Кіевскимъ.

Евангелія 1748 года и 1757 года.

Крестъ съ рукояткою кипарисною, оправленною въ серебро 1756 года, пожертвованъ іереемъ Петромъ Мельниковымъ.

Дарохранительница серебряная, вызолоченная съ двумя ковчезцами 1756 г.

Есть и другія вещи, книги Богослужебныя стараго изданія 1755 года.

При *приходѣ Покровскомъ села Медвѣжьяго*, по правую сторону рѣки Роменъ имѣется большая гора, называемая въ народѣ „Городищемъ“. На вершинѣ „Городища“, гдѣ теперь находится кладбище, сохранились слѣды проѣздовъ и крѣпостныхъ валовъ. На той же горѣ, далѣе къ западу, гдѣ расположена часть села „Посадъ“ возвышается цѣлая группа кургановъ, высотой не превышающихъ одной сажени. Многіе изъ этихъ кургановъ въ 70 годахъ были раскопаны членами Археологическаго Общества гг. Кибальчичемъ и профессоромъ Самоквасовымъ; изслѣдователями найдены черепа, каменный топоръ, желѣзное копье, ожерелье, серги и другіе остатки древности. Не лишнимъ считаю упомянуть, что изъ числа древностей г. Кибальчичемъ, въ 70 годахъ, въ бытность настоятелемъ Покровскаго прихода села Медвѣжьяго священника Даніила Андріевскаго, взято чугунное „било“ и старинный крестъ, то же въ Преображенскомъ приходѣ села Липоваго взята очень древняя плащаница.

Церковь села Медвѣжьяго, сооружена въ 1780 году.

„ *Георіевская села Галки*, въ 1779 году.

„ *Преображенская села Липоваго*, въ 1788 году.

„ *Благовѣщенская села Великихъ-Бубновъ*, въ 1786 году.

„ *Покровская села Калиновки*, въ 1763 году.

„ *Рождество-Богородичная села Николаевки*, въ 1775 году.

„ *Рождество-Богородичная мѣстечка Хмелова*, въ 1772 году.

„ *Покровская мѣстечка Хмелова*, въ 1753 году.

„ *Воскресенская села Басовки*, въ 1794 году.

Древней утвари въ этихъ церквахъ по отзывамъ священниковъ не сохранилось.

Константиноградскій уѣздъ.

Шесть церквей 3-го Округа этого уѣзда построены въ періодъ времени съ 1780 по 1795 г., но при нихъ древностей и историческихъ достопримѣчательностей, требуемыхъ циркуляромъ, никакихъ не оказалось. Какъ бы въ исключеніе изъ сего, можно указать на древній образъ Св. Николая Мирликійскаго Чудотворца находящійся въ лѣвомъ притворѣ *Николаевской церкви села Медвѣдовки*, построеніе которой относится къ 1794 году.

Образъ этотъ въ большомъ видѣ, почти въ ростъ, подъ серебряной ризой съ такимъ же позлащеннымъ вѣнцемъ, въ большомъ кіотѣ, столярной работы, обложеннымъ бронзою. Но какимъ образомъ и когда икона Св. Николая стала достояніемъ Медвѣдовской церкви, объ этомъ нѣтъ письменныхъ сказаній въ документахъ архива, а только въ описѣ церковнаго имущества за 1854 годъ сказано: „древній съ прежде бывшей церкви.“

Николаевская церковь села Надеждина сооружена въ 1797 году. Въ 1874 году устроенъ въ ней новый двухъ-ярусный иконостасъ, въ 1882 году устроена новая деревянная на двухъ столбахъ съ навѣсомъ колокольни. Древнихъ иконъ, утвари, рукописей старопечатныхъ книгъ, городищъ, древнихъ сооружений и развалинъ нѣтъ.

Іоанно-Богословская церковь села Михайловки сооружена въ 1793 году, вновь переустроена въ 1847 году.

Николаевская церковь села Даръ-Надежды сооружена въ 1793 году, но съ устройствомъ въ 1871 году новой церкви, старая продана въ село Рассоховатую.

Лубенскій уѣздъ.

Покровская церковь села Литвяковъ устроена въ 1796 году. Изъ описи церкви за 1861 годъ видно, что она устроена на средства благодѣтелей сего храма генерала Георгія Хорвата и жены его Прины Андреены, изъ рода Новицкихъ. Церковь деревянная на каменномъ фундаментѣ, съ такою же колокольнею. Колокольня устроена и соединена вмѣстѣ съ церковью въ 1874 году. Церковь обнесена каменной оградой, покрытой желѣзомъ.

Рождество-Богородицкая села Хорбишковъ, деревянная съ такою же, отдѣльно стоящею, колокольнею, устроена въ 1721 году на средства войсковаго товарища Іоанна Новицкаго. Въ 1823 году расширена устройствомъ двухъ притворовъ; въ 1894 г. внутри, а въ 1898 году снаружи окрашена бѣлою масляною краскою. Древнихъ иконъ, утвари, рукописи и старопечатныхъ книгъ при сей церкви неимѣется.

Успенская с. Песокъ, деревянная, на каменномъ фундаментѣ, съ такою же въ одной связи колокольнею, устроена въ 1788 году на средства архимандрита Лубенскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Дамаскина. Древнихъ иконъ, утвари, рукописи и старопечатныхъ книгъ не имѣется.

Троицкая церковь с. Исачекъ каменная, основана въ 1801, окончена въ 1808 году, помѣщикомъ Иваномъ Андреевымъ Новицкимъ и сестрою его Ириною Андреевой Хорватъ, изъ церковныхъ вещей въ ней сохранились:

1. Шесть колоколовъ, старинной отливки и у трехъ придѣланы оси для коромысла, употреблявшагося при звонѣ посредствомъ раскачиванія колокола (способъ, католическій). На одномъ изъ колоколовъ отлиты изображенія Богоматери „Перушиная Стѣна“ и Преображенія Господня, а также слѣдующая надпись:

1735 Апрѣля 10 Отлился звонъ сей до обители красногорской чернускай до храму святія и живоначалія Троицы. Кошникомъ честнаго отца Герасима Соколика за отпущеніе грѣховъ. А въсу онемъ 11 п. 22 ф.

На другомъ отлиты изображенія Благовѣщенія Пресв. Дѣвы, Св. Николая и надпись: 1758 року.

2. Три серебряныхъ чаши: *Первая*, болѣе старая, вѣсомъ 1 ф. 23 зол., съ рельефнымъ пьедесталомъ и съ гравированнымъ крестомъ. Къ этой чашѣ дискосъ гладкій, съ гравированнымъ крестомъ, снизу надпись: 1773 году м. марта 10 дня здѣланъ сей дискосъ стараниемъ и коштомъ степана науменка вцерковѣ ѿ. к. м. п. а. всело увисачки. Звѣздица серебряная, безъ пробы, съ выгравированными на дужкахъ словами: сѣ-сѣ-сѣ-гдѣ, въ центрѣ, на кругѣ, изображеніе Бога-Отца.

3. Два кадила серебряныя, одно 1790 г., въ формѣ часовни.

4. Лампады серебряныя 1783 г. и 1769 г. четырехгранная.

5. Евангеліе въ листъ, 1+248, въ серебряномъ золоченомъ окладѣ, Москва. 1805 г., съ 5-ю финифтяными изображеніями: Воскресенія и 4 евангелистовъ; годъ на окладѣ 1807; бумага съ водянымъ знакомъ „1802“. Съ заставками и гравюрами евангелистовъ. Подъ гравюрою Матѳея значится: „Грид.: подмастерья Василей Иконниковъ. ри: ученикъ петръ поповъ. 1766 года“. Подъ Маркомъ: „Грид.: ученикъ семенъ назаровъ. ри: ученикъ петръ поповъ: 1766 года“. Подъ Лукою „Алексей Андреевъ“ и „Иванъ федоровъ“, годъ тотъ же. Подъ Іоанномъ „степъ ююимовъ и семенъ второвъ“ того же года. У заставокъ граверы не показаны. На обложкѣ написано. *Куплено сіе евангеліе въ Ромни 1807 года іюля 22 обывателемъ села Исачекъ федоромъ паламаренкомъ съ женою ефиміей* (очевидно тѣми же отъ кого и вторая чаша), *въ церковѣ святыхъ троицы исачковскую*. На послѣднемъ листѣ обложки надпись: „степанъ михайловъ“. Корешокъ безъ оклада, на нижней сторонѣ золоченые угольники съ ножками, а въ центрѣ крестъ въ лучахъ.

6. Второе Евангеліе въ листъ, 1+248 л., Моск. 1758 г., очень плотной бумаги съ гравюрами евангелистовъ, заставками и виньетками. Подъ евангелистами приведены стихи, напр., *О сѣтый марко, коль сердѣ ти жарко по хрѣтѣ бѣ въ страданіи мнозѣ, въ проповѣди слова за егова труды положившу, тѣми міръ просвѣтившу*“. Переплетъ покрытъ темнымъ бархатомъ, съ рельефными серебряными изображеніями.

7. Третье Евангеліе въ листъ, 1+248. Моск. 1796 г., съ тѣми же гравюрами, что и на первыхъ Евангеліяхъ. На обложкѣ написано: *Куплено сіе Евангеліе 1798 года апрѣля 6 дня*. Бархатный красный переплетъ съ обѣихъ сторонъ украшенъ красивымъ окладомъ.

8. Евангелія въ полъ-листа. Кіевской печати „при архимандритѣ Тимоѳеи“, 1746 г., съ гравюрами, изображающими проповѣдующаго Спасителя и евангелистовъ, „Аверкія Козачковскаго“, и со многими лицевыми миниатюрами въ текстѣ. Въ концѣ евангелія, внизу послѣдняго листа, старинная приписка отъ руки о евангеліяхъ за большихъ мужеска или женска пола. Доски переплета покрыты чернымъ бархатомъ; сверху серебряный безъ пробы окладъ: въ центрѣ распятіе, по угламъ евангелисты. Застежки серебряныя, гравированныя; снизу мѣдныя подъ серебромъ ножки.

9. Изъ пяти жертвенниковъ только одинъ старинный. Вышина его 5 чтв., шир. 3 чтв., въ родѣ шкафа, съ дверкою. На двухъ сторонахъ нарисованы: Захарія со свиткомъ, на которомъ написано: „И ти отроча прѣкъ вышняго наричешися“ и

жертвоприношеніе Исаака. На внутренней сторонѣ дверки написано: *МѢСЯЦА* года июля 71 дня. Сей жертвеникъ сооружися въ храмъ церкви свѣтой великомученицы Параклеса въ село Исачки, стараниемъ чѣстнаго отца Кирила, иждивеніемъ и коштомъ Васіля значка жителя села Тишковъ за отпущеніе грѣховъ своихъ. На верхней доскѣ видны слѣды бывшихъ иконъ.

10. Деревянное, рѣзное горное мѣсто, съ позолотою, колонами и аркою. На немъ изображены: Богоматерь (замѣчательнаго рисунка), цѣлованіе Елисаветы, праздники, тайная вечеря и херувимы; завершается рѣзнымъ сіяніемъ. Всё это очень тонкой старинной работы. Подъ аркою имѣется слѣдующая надпись: *За благословеніемъ высокопреподобнѣйшаго господина отца архимандрита киевозолотоверхомихаиловской обители Силверста Думнѣцкаго начаса дѣланіе иконостаса сей а сооружися и освятися за благословеніемъ же ясне въ Богу высокопреподобнѣйшаго господина отца Модеста архимандрита тое же обители. Подаяніемъ добрототныхъ благодѣтелей а поданіемъ іеромонаха Арсенія; намѣстника сей обители; 1747 года Авг. 11 окончася.* Изъ архива церковнаго видно, что это было не горнее мѣсто, а особый иконостасъ на входныхъ дверяхъ притвора въ Чернушскомъ монастырѣ.

11. Рѣзной золоченый кіотъ, состоящій изъ трехъ частей: верхушки, собственно кіота и тумбы, всего вышиною 6 аршинъ. Въ верхушкѣ, подъ серебряною ризою изображеніе Св. Троицы, (коронов. Б. М.), а по сторонамъ Іоакимъ и Анна и въ рѣзныхъ золоченыхъ рамкахъ — два ангела; въ средней части, посрединѣ — образъ св. Варвары, а по сторонамъ — образъ всѣхъ святыхъ и Предтечи Іоанна, указывающаго ученикамъ на грядущаго Спасителя; въ тумбѣ, посрединѣ, подъ Варварою, изображено положеніе ризы Богоматери, а по сторонамъ: бесѣда съ Самарянкою, Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ, которому ангелъ несетъ крестъ съ неба; Іосифъ и Дѣва Марія, Богоматерь съ Іисусомъ и Іосифомъ; Дѣва Марія молящаяся предъ книгою и наконецъ — поклоненіе волхвовъ. Надписи на кіотѣ слѣдующія: Надъ иконою всѣхъ Святыхъ — „Дивенъ Бѣ въ сѣтыхъ Своихъ“; подъ этою иконою внизу мелкими буквами написано: *Изобрази Киотъ Сей Иванъ Наумовичъ 1751 года мая 13 дня;* на обратной сторонѣ доски — „Радованіе праведнымъ“, и вырѣзано пожемъ: *Иванъ коля...* Надъ среднею иконою (св. Варвары), написано величаніе Благовѣщенію: „Архангельскій гласъ вопіемти чистая радуйся, гдѣ съ тобою“. Надъ Предтечею — его возваніе: „покайтесь, приближибося царство небесное“, на обратной сторонѣ доски этого образа вырѣзано пожемъ: *Иванъ Коляда реентъ.* Завершается кіотъ медальономъ, въ которомъ нарисована Богоматерь, держащая въ одной рукѣ скиперть, а въ другой — цвѣтокъ. Образа и надписи трудно разобрать.

12. Образъ Божіей Матери, — главная святыня Исачковскаго храма, $5 \times 3\frac{1}{2}$ четв., писанъ на холстѣ, чудной живописи. Богоматерь изображена въ богатой ризѣ, съ Богомладенцемъ на лѣвой рукѣ и сіяніемъ вокругъ главы. Серебряный золоченый окладъ осыпанъ разноцвѣтными камнями. Образъ этотъ былъ въ Чернушскомъ монастырѣ.

13. Миней мѣсячная, 12 книгъ, въ кожаномъ переплетѣ безъ досокъ, Лаврской печати 1750 г., при архимандритѣ Іосифѣ. На каждой по лѣстамъ

подпись: Книгу сію и весь кругъ миней купилъ сотни Снитинской козакъ Григорій Рева села Исачекъ въ церковь святыя параскевы въ память имени своего въ 1773 году цѣною съ переплетомъ за 30 рублевъ. Гравюры съ помѣтою: „Мо-нахъ Іларіонъ рѣзалъ“ и се^р севастіанъ“. На майской книгѣ, подь 6 числомъ написано: Въ сей день въ сей церкви Исачковской Троицкей помѣщица Марья Якимовна Андреева каждоюдно нанимала священно и церковно служителей служить вечерню, утреню и службу за одинъ рубль серебромъ и 15 ноября въ день Гурія Самона и Авива и въ многіе другіе дни. На другихъ книгахъ подь разными числами имѣются замѣтки о служеніи для той же М. Я. Андреевой. На послѣдней страницѣ октябрьской книги написано: Помяни Господи и упокой усопшаго раба Твоего Григорія (впрот-ятно жертвователя) который 1797 года июля 5 умре.

14. Миней общая, 167+1, безъ выходного; подпись по листамъ: сію книгу общую минею купили раби божіи семенъ мицикъ михаило василенко и зуласомъ синомъ троихъ въ церковь великомученицы Параскеви села Исачокъ зацену рублей тры 1755 году сентября 6 дня; переплетъ досчатый подь кожею.

15. Часословъ съ послѣдованіемъ, безъ выходного, 2+351, царствованія Екатерины, съ заставками и виньетками; переплетъ такой же. Безъ подписей.

16. Тріодъ цвѣтная, 1+496, Лаврскаго изданія, 1765 года, при архимандритѣ Зосимѣ; гравюры: моленіе о чашѣ, воскресеніе Лазаря, Воскресеніе и др. помѣчены „еофанъ“, „григори“, „георги“. По листамъ подпись: Сія книга называемая триодъ цвѣтная куплена дохраму святыя великомученицы параскевы въ село Исачки въ городъ Кіевъ петромъ головкомъ съ товарищемъ мартиномъ зензерою за цену пять рублевъ 1780 года мѣа мая 5 дня за бытность священника Іоанна Иванъцкого.

17. Тріодъ постная, 1+622+23, Москва 1748 г.; съ 17-го листа начинается подпись, но сильно затерта только съ 27-го листа можно прочесть: куплена вкiewъ 1761 года дек^ря 1 дня. Заставки и виньетки безъ подписей гравера. Бумага съ водяными знаками рѣшетки и зубчатого столба съ жезломъ или мечомъ вверху. Досчатый переплетъ покрытъ кожею съ тисненіемъ.

18. Поученія свято-отеческія на весь годъ, безъ выходного 8+58+57+54+56, по три мѣсяца въ счетъ. Переплетъ кожаный безъ досокъ, точно такой отдѣлки, какъ у мѣсячныхъ миней, почему и можно ихъ считать одновременными.

19. Апостоль, безъ выходного, 8+318; гравюры: св. Луки и ап. Павла помѣчены „макарій 1738“, а подь ап. Іоанномъ и Іаковомъ — „григори левѣцки киевѣ подолѣ“. Съ 3-го листа видна подпись: рабъ.... маркорева житель. села.... въ церковь святыя великомученицы параскеви зацену рублей два и копѣекъ пятьдесятъ 1755 года сентября 6 дня. Переплетъ досчатый подь кожею.

20. Осмогласникъ, 1+8+530, печать Черниговскаго Троицкаго монастыря, при архимандритѣ Сильвестрѣ, 1757 г. Гравюра св. Троицы у Авраама помѣчена: „Іліодоръ, № 2, 1757 г.“, а подь гравюрою І. Дамаскина — „Іліодоръ, № 1, 1756 г.“ Подписей по листамъ нѣтъ; въ переплетѣ доски подь кожею.

21. Служебникъ, 7+318, Лаврской печати, годъ не указанъ, а лишь поименованъ архимандритъ Іоасафъ Кроковскій (бывшій въ 1692 г. въ Мгарскомъ

монастырь при посвященіи великой церкви). По листамъ идетъ подпись: *Сей служебникъ церкви святыхъ великомученицы прескоуи. Року бжого мѣсѣці (1711). мѣся февруа кг дня я рабъ бжій лазъ бекъентъи даю сию книжку служебникъ до села и сачекъ до храму святой великомученицы параскеви для помиѣну своихъ родичовъ а хто би си имѣлъ оѣалити м сего храму...* (Послѣднія слова затерты.) На великомъ входѣ въ помянникъ сказано: „Благочестиваго царя и великаго Князя имѣкъ. Благовѣрныя цѣрицы. Благороднѣйшаго цѣевича имѣкъ и Благородныя Цѣевны... Благороднаго гетьмана имѣкъ...“ Въ проскомидіи та особенность, что частицы 9 чиновъ указаны на дискосѣ подъ частицею Богоматери, а не съ другой стороны Агица, какъ общепринято. Подъ гравюрою Іоанна Златоуста помѣчено: „1708 Тихо“, а подъ Василеемъ Великимъ: „1708 С“, подъ Григоріемъ Двоесловомъ — 1780 м. с.“; заставки хорошей работы. Подъ заупокойной ектеніей написано: *помянутое рода сей книжницы* (листъ 85) *Тимовая евдокію евстафья оюфрѣя павлу Іакову*. По листамъ встрѣчаются написанные молитвенные возгласы. На концѣ нумерація листовъ ошибочна, такъ послѣ 209 стоитъ 300, послѣ 317 поставлено 350, тогда какъ текстъ идетъ непрерывно. На послѣдней страницѣ позднѣйшая приписка: *Іерей Іоаннъ Іванчикій*. Обложка синей бумаги со знаками рѣшетки вродѣ ипподрома и инициаловъ П. и Ш. Доски переплета покрыты кожею съ тисненіемъ. Въ общемъ экземпляръ очень интересный и заслуживающій особаго вниманія.

22. Служебникъ, безъ выходного, 1+6+282, царствованія Анны Іоанновны, кievской печати. Подъ гравюрою Іоанна Златоустаго помѣта гравера: „І. М.“ Внизу подписано: 1777 года ноября 24 рукоположенъ во священника“ (вѣроятно „Иванѣцкій“). Гравюра Василя Великаго помѣчена: „1735 І. М.“ Подъ св. Григоріемъ помѣты нѣтъ. Есть заставки. Бумага со знаками щита съ греческимъ крестомъ. Подписи по листамъ нѣтъ слѣдовъ. На оборотѣ лис. 247, въ концѣ молитвъ по причащеніи, написана замѣтка: *Родилась марья Семеновна сулимовна 1729 года декабря 28 дня*. Означенная Марья Семеновна, дочь Семена Ивановича Сулимы, полковника Переясловскаго, (см. „Описаніе Старой Малороссіи“ Лазаревскаго, т. 1 стран. 250), была въ Исачкахъ въ замужествѣ за бригадиромъ Андреемъ Ивановичемъ Новицкимъ внукомъ Іліи и отцомъ Івана Новицкаго и Ирины Хорватъ — строителей нынѣшней церкви. Бригадиръ Андрей Ивановичъ и жена его Марья Семеновна умерли въ Исачкахъ, какъ видно изъ хранящейся метрической книги, онъ — 20 февраля 1789 г. 82 лѣтъ, а она — 18 ноября 1798 года, 68 лѣтъ.

23. Книга „о служеніи церковномъ“, 3+104, С.-Пб., 1792 г., съ планомъ древнихъ церквей. По листамъ подпись: *декабря 7 дня въ церковь Параскевѣзскую села исачекъ 1805 года подписанная Благочиннымъ протоіереемъ Александромъ лебединскимъ*. Бумага со знаками медвѣдя съ оружіемъ и короною. На 1-мъ листѣ приложена печать „... Сокальская“; надъ фамиліей изображенъ соколъ¹⁾.

24. Требникъ Петра Могилы, 3+431+11, безъ выходного и послѣднихъ листовъ, очевидно Кіевской печати, жирнаго шрифта; годъ изданія нигдѣ не указанъ,

¹⁾ №№ съ 13 по 23 всѣ размѣромъ въ листъ.

въ чье царствованіе изданъ, тоже не видно; въ тропарѣ кресту и другихъ молитвахъ, въ которыхъ именуется царствующій государь, сказано только: „благовѣрному царю нашему“; Синодъ, патриархъ и митрополитъ такъ же нигдѣ не поминаются, а вмѣсто нихъ значится: „О Преосвященномъ Аріепископѣ нашемъ имѣ“. Предъ послѣдованіемъ таинствъ имѣются заставки и гравюры безъ помѣты граверовъ и годовъ. Переплетъ толстый кожаный безъ досокъ.

25. Ирмологій, 2+214, Лаврской печати, 1753 г. при архимандритѣ Лукѣ. На оборотѣ выходного листа гравюра Богоматери на облакахъ и полумѣсяцѣ, съ помѣтою: „геронтій“. Между гласами небольшія заставки и виньетки. Бумага безъ знаковъ. Подписей по листамъ нѣтъ.

26. Акафистникъ, безъ выходного, 1+332, царствованія Екатерины II, съ гравюрами, заставками, лицевыми миниатюрами и красивымъ бордюромъ вокругъ листовъ. Изъ гравюръ помѣчены: Успеніе „Ефимъ“ и Скорбящая Богоматерь — „геронтій“. Плотная бумага безъ знаковъ; подписей нѣтъ. Досчатый переплетъ покрытъ черной кожей съ тисненіемъ.

27. Служба св. Захаріи и Елизаветѣ, 5 сент., 12 лис. Москва 1793 г., въ пестрой папкѣ, подъ нижней стороною которой сдѣлана старинная скорописью замѣтка: *Три отъ рода Давидова и Соломонова обрѣтаются: Матѳанъ, иже поятъ Марію отъ Іудина племени, и роди Іакова и Іозифа древодѣля и дщери три: Марію, Софію и Анну. Марія же роди соломію, Бабу Господню. — Софія же роди Елисаветъ, мать предтечу. — Анна же роди Богородицу: яко быти Богородицъ, внуци Матѳану, и Маріи женъ его. — Елисаветъ же и Соломіи, сестричній.*

28. Служба воздвиженію св. Креста, въ 16 д., гражданской печати, 105 лис., царствованія Екатерины II; шрифтъ московскій; водяныя знаки представляютъ уже отмѣченную рѣшетку съ зубчатымъ столбомъ и какъ бы воина, держащаго жезль; кожаный переплетъ безъ досокъ¹⁾.

Въ архивѣ церковномъ имѣются книги:

29. Метрическія о родившихся, съ 1781 года.

30. О бракосочетавшихся, съ 1781 года.

31. Объ умершихъ, съ 1782 года.

32. Копія указовъ синодальныхъ, митрополичьихъ и консисторскихъ, съ 1721 г.

33. Копія крѣпости (6) на земли, купленныя въ 1797—99 годахъ масоромъ Иваномъ Андреевичемъ Новицкимъ для пользованія причта.

34. Дѣло объ истребованіи отъ г. Лубень въ 1793 гор. удержаннаго въ Лубнахъ чудотворнаго образа Божіей Матери.

Кромѣ переименованныхъ иконъ, утвари и книгъ церковь с. Исачекъ имѣеть еще много другой утвари и предметовъ церковнаго обихода, не входящихъ въ приводимую опись потому что они уже позднѣйшаго происхожденія.

Троицкая церковь села Снѣтина сооружена въ 1688 году тщаніемъ комоннаго полковника Іліи Новицкаго. Преданіе гласитъ, что церковь эта служила костѣлемъ,

¹⁾ №№ съ 24 по 28 въ 4-ую д.

такъ какъ и строитель ея, перейдя съ Польши въ Россію, былъ католикъ, а по принятіи имъ православія зданіе это передѣлано въ православную церковь. Въ ней престоловъ три: во имя св. Живоначальной Троицы, во имя св. пророка Іліи и въ честь рождества св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. Церковь эта, какъ гласитъ то же преданіе, подвергалась различнымъ опустошеніямъ: была крыта соломой, нѣсколько времени находилась безъ кровли и оставалась, безъ штукатурки и побѣлки.

Въ церкви имѣются три древнія иконы Божіей Матери подъ серебряными шатрами.

Изъ утвари имѣются: три серебряныя ризы съ епитрахиллями; серебряная небольшая чаша съ надписью вокругъ: „я рабъ Божій Ілія Іліевичъ Новицкій соорудилъ имъ и подаль его на церковь Божию за отпущеніе грѣховъ“; дискосъ замѣтно древній, но безъ всякой надписи; древняя серебряная тарелочка съ надписью вокругъ: „сїи дискосъ подали рабі Божіи Романомъ, Григоріемъ, Θεодоромъ, Григоріемъ села Снѣтина“; оловянный крестъ, безъ обозначенія года, бывшій, какъ замѣтно, на пьедесталѣ.

Изъ рукописей имѣются старинныя указы, но съ какого года не можемъ дать отчета, такъ какъ эти указы, взятые изъ церкви, находятся у депутата нашего вѣдомства священника Василія Романова.

Имѣются при церкви старопечатныя книги: Евангеліе съ 1690 года ноября 28 дня, печатанное въ г. Львовѣ; второе 1789 года августа 7 дня; Трїодъ съ шестой недѣли св. Великаго поста, по недѣлю всѣхъ святыхъ, печатанная въ 1788 году генваря 9 дня въ г. Львовѣ, и цвѣтная Трїодъ, печатанная въ 1631 году въ г. Кіевѣ, при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ.

Въ приходѣ есть мѣсто, называемое *загородкомъ*, обнесенное съ четырехъ сторонъ земляною насыпью. На этомъ мѣстѣ, какъ видно изъ старинной церковной описи, была устроена церковь въ честь Успенія Пресвятой Богородицы.

Миргородскій уѣздъ.

Успенская церковь села Остаповки, сооружена въ 1761 году; перенесена на другое мѣсто и устроена въ большемъ размѣрѣ въ 1874 году.

Въ церкви имѣются: чаша и дискосъ 1762 года; икона Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, писанная въ 1796 году; Евангелія 1665, 1733 и 1769 годовъ; Апостоль 1738 года; Псалтирь 1728 года; Октоихъ 1764 года; Служба и житіе Іоанна Воина 1762 года; Акаѳистникъ 1765 года; Послѣдованіе молебныхъ пѣній 1786 года; двѣнадцать книгъ мѣсячныхъ Миней 1787 года.

Въ *Александро-Невской церкви мѣст. Поповка* 4 древнихъ Евангелія 1735, 1748, 1764 и 1791 годовъ.

Церковь эта ремонтирована въ 1794 и 1860 году; въ церкви имѣются иконы: Святителя Христова Николая 1735 года, св. великомученицы Варвары 1760 года и двѣ иконы — Спасителя въ терновомъ вѣницѣ и Скорбящей Божіей Матери 1775 года.

Михайловская церковь села Зуевецъ — сооружена въ 1733 году; въ 1804 году изъ трехкупольной передѣлана въ однокупольную; въ 1844 году ремонтирована.

Въ церкви имѣются четыре мѣстныхъ образа: Спасителя, Божіей Матери, святаго арх. Михаила и св. Николая, живопись и чеканка которыхъ ясно говорятъ о давности работы. Имѣется также давняя плащаница на холстѣ; изъ книгъ древняго письма только требникъ, изданный при митрополитѣ Петрѣ Могиляѣ.

Благовѣщенская церковь въ мѣстечкѣ Барышевкѣ каменная, построена въ 1722 году. До 1850 годовъ она была пристроена съ двухъ сторонъ деревянными притворами, а въ 1850 годахъ, на мѣсто нихъ построены каменные притворы, которые существуютъ и по настоящее время. Въ этой церкви есть чудотворный образъ святаго мученика и діакона Лаврентія, память котораго совершается 10-го августа. Этотъ образъ весьма древній; преданіе говоритъ о немъ слѣдующее:

Построеніе *мѣстечекъ* по рѣкамъ Трубежу и Супою, и заложенія въ нихъ замковъ отъ бывшихъ татарскихъ набѣговъ, относится до времени Василя Ивановича Шуйскаго. Въ сихъ годахъ основано и мѣстечко Барышевка. По завладѣніи Малороссіею поляками, гетманъ польскій Станиславъ Жолкѣвскій, любя мѣстоположеніе Барышевки, окруженное съ трѣхъ сторонъ рѣчками и лѣсами, построилъ въ замкѣ для себя дворець. А по смерти его, супруга его построила тамъ же деревянный костѣль, и учредила по образу польскому церковныя управы. Изъ того костѣла до настоящаго времени сохранилась икона святаго мученика и діакона Лаврентія. По отнятіи у поляковъ Малороссіи гетманомъ Богданомъ Зиновіемъ Хмельницкимъ въ 1655 году, костѣль перестроился въ православную Рождество-Богородичную церковь, гдѣ и оставался этотъ образъ. Эта церковь, просуществовавъ сто лѣтъ, 1848 года мая 6 дня сгорѣла, и чудотворный образъ былъ вынесенъ, и перенесенъ въ Барышевскую Благовѣщенскую церковь. Написанъ онъ въ ростъ человѣческой, въ католическомъ стилѣ. Въ 1785 году прихожаниномъ Рождество-Богородичной церкви Прокопенко сдѣлана на образъ сребро-вызолоченная риза.

Отчетъ объ экскурсіяхъ по Полтавской губерніи М. А. Русова.

Представляя Московскому Археологическому Обществу нижеслѣдующій краткій отчетъ объ экскурсіяхъ моихъ по Полтавской губерніи, произведенныхъ лѣтомъ 1901 года, я не имѣю намѣренія систематически и подробно изложить результаты въ видѣ доклада, а только спѣшу познакомить съ тѣмъ матеріаломъ, который по желанію Общества можетъ поступить на этнографическую выставку при предстоящемъ въ Харьковѣ Археологическомъ Слѣздѣ. Благодаря открытому листу отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго О-ва, присланнаго мнѣ чрезъ Харьковскій Распорядительный Комитетъ, за что я и приношу глубокую благодарность, я имѣлъ возможность предложить свои услуги въ качествѣ экскурсанта мѣстной Комиссіи, которая и ассигновала необходимую для разѣздовъ сумму въ 300 рублей, данныхъ Комиссіи Полтавскимъ земствомъ. Цѣлью моей поѣздки, какъ видно изъ отчетовъ „о дѣятельности Полтавской Комиссіи“, напечатанныхъ въ „П. Г. Вѣдомостяхъ“ за

августъ и октябрь мѣсяцъ — было произвести развѣдки по Полтавской губерніи, такъ какъ изслѣдованія исчерпывающаго характера по незначительности средствъ комиссіи были не подъ силу. Главною цѣлью являлось изученіе на мѣстѣ дѣтскихъ игръ, забавъ и развлеченій — до сихъ поръ не изучавшихся — собраніе дѣтскихъ игрушекъ и издѣлій, изученіе городищъ и укрѣпленій, фотографированіе игръ и предметовъ матеріальной культуры, а также заведеніе близкихъ сношеній съ населеніемъ, мѣстными любителями, коллекціонерами и собирателями. Въ настоящее время мною закончены эти развѣдки, и отчетъ представленъ въ Комиссію, которая, вѣроятно, уже извѣстила Общество объ результатахъ своей дѣятельности. Я же лично считаю необходимымъ дополнить это краткимъ описаніемъ результатовъ экскурсіи и тѣхъ матеріаловъ, которые собраны при развѣздахъ и присланы моими агентами. Миѣ пришлось посѣтить уѣзды: Полтавскій, Зѣньковскій, Гадячскій, Миргородскій, Лубенскій, Лохвицкій и какъ противоположность имъ пойму Днѣпра Золотоношскій уѣздъ. Всѣ эти уѣзды населены казаками, но представляютъ нѣкоторую разность въ этнографическомъ и этнологическомъ отношеніяхъ. Въ селахъ, посѣщенныхъ мною, я не могъ пріобрѣтать предметовъ (ковровъ „килимовъ“, „очипковъ“, „світокъ“, костюмовъ) по причинѣ неимѣнія ассигновокъ на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ предметовъ оцѣниваются владѣльцами очень высоко, поэтому эта сторона лежитъ на тѣхъ лицахъ, которыя взялись помочь Комиссіи и адреса коихъ мною туда и сообщены. Въ мою задачу входило: записываніе игръ, собраніе коллекціи игрушекъ и фотографіи, что я и постарался исполнить. Въ настоящее время у меня записано около 150—160 игръ полтавскихъ дѣтей разнаго возраста (4—15 лѣтъ), лѣтнія, весеннія и зимнія, въ хатахъ и на воздухѣ, забавъ и развлеченій дѣвчатъ и парубковъ на досвѣткахъ и вечеринкахъ, изъ которыхъ многія записаны въ первый разъ благодаря удачно сложившимся обстоятельствамъ. Изъ 140—150 фотографій (стереоскопическихъ (17×8,5 снт.), какъ принято въ Полтавскомъ Ест.-Историч. Музеѣ, куда долженъ поступить весь матеріаль) многіе изображаютъ различные моменты игръ и забавъ, другіе относятся къ матеріальной культурѣ, а нѣкоторые къ археологич (городища и могильники). Изъ предметовъ обращаетъ на себя вниманіе старинная „рушница“, а коллекція игрушекъ къ 30-му ноябрю состоитъ изъ 50 игрушекъ преимущественно деревянныхъ, такъ какъ глиняныя куплены на ярмаркѣ въ Полтавѣ и состоятъ изъ 100—120 предметовъ, составляющихъ собственность Полтавскаго Музея. Кромѣ того, имѣется модель хаты, сдѣланная плотникомъ с. Вовчика, Лубенскаго уѣзда такъ, „якъ у людей роблять“ — въ данномъ, довольно лѣсистомъ районѣ, а такъ же модели нѣкоторыхъ орудій, инструментовъ, приспособленій и т. п. Не говорю о чертежахъ и планахъ поселеній, построекъ, хатъ и дворовъ, которыхъ число можно увеличить по моимъ наброскамъ, если къ этому встрѣтится надобность. Для предварительнаго ознакомленія прилагаю списокъ игрушекъ, собранныхъ мною и моими корреспондентами, который будетъ еще увеличенъ къ февралю мѣсяцу 1902 года. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: а) *куклы* и изображенія *людей и зверей*: 1) „ляльки“ изъ тряпочекъ и матеріи, 2) разнообразныя „ковали“ и „пильщики“, 3) „скакуны“ (акробаты) 4) „пильщикъ“ и „ведмідь“ (деревян.

фигурки съ длинной палкой въ видѣ пилы, позволяющей фигурѣ сохранять безразличное равновѣсіе и качаться) 5) „чортяка“ изъ дерева, 6) пара „волово“ очень интересны по своей первобытной формѣ. б) *музыкальные инструменты*: 1) „сопілки“ изъ бузины и дерева 2) „пукалки“ 3) „суикалки“ 4) „пувари“ 5) гудки „буркало“ (вращающіеся и производящіе гармоничные звуки) 6) „гуркало“ то же другого устройства, 7) „деркачи“ (трещотки, употребляемыя при лѣтнихъ играхъ) 8) пищики разнаго вида. с) *Вращающіяся и метательныя* 1) „млинокъ“ изъ очерета, 2) „млинокъ“ изъ дерева 3) „мнячь“ — мячи изъ кожи и холста 4) „Дзига“ простая и 5) „Дзига“ зъ лучкою“ (съ заводомъ). 6) „Метеликъ“ сигарообразный инструментъ бросаемый вверхъ при помощи кнута. а) *Прочія*: 1) ружья 2) самострѣлы 3) луки и стрѣлки. 4) разнообранныя „мороки“ (ихъ надо разбирать и складывать) 5) „кремехи“ камушки — любимая игра дѣвочекъ и другія. Всѣ эти игрушки преимущественно деревянные, собраны въ уѣздахъ: Лубенскомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ. Подробное описаніе ихъ будетъ представлено мною къ Съѣзду, а если надо, то описаніе игръ и забавъ можетъ быть сообщено гг. членамъ Съѣзда въ видѣ сообщенія съ демонстраціей фотографій и игрушекъ.

Программа для собиранія матеріаловъ по народной бытовой техникѣ доктора антропологии Ѳ. К. Волкова, разосланная по губерніи Полтавскимъ Предварит. Комитетомъ.

I. Простѣйшія механическія приспособленія.

а) 1. Какъ поступаютъ, не имѣя подъ рукою ножа, топора, шила и т. п. Не пользуются ли тогда кремнями, обломками стекла, костей, дерева и т. п., какъ ихъ приспособляютъ, чтобы удобнѣе было держать и орудовать?

2. Какія деревянные вещи употребляютъ вмѣсто металлическихъ (колочки, молоты, довбни)? Дать описаніе ихъ и если можно прислать оригиналы.

3. Какъ пользуются негодными остатками желѣза и какія самодѣльные орудія изъ нихъ дѣлаютъ? (ножи, стружки, скисы и т. п.); какъ ихъ придѣлываютъ къ ручкамъ?

4. Какое дѣлалось или дѣлается самодѣльное оружіе для защиты отъ звѣрей, собакъ и людей (ножи, пики, косы, келены, булавы и палки)?

5. Есть-ли обычай что-нибудь перерѣзывать или отрубать не желѣзными инструментами, а деревянными?

б) 6. Представить какъ можно больше оригинальныхъ примѣровъ употребленія въ сельскомъ обиходѣ самыхъ простыхъ машинъ (воротовъ, підоймъ, журавлей, клиньевъ и т. д.)

II. Огонь, его полученіе и сохраненіе.

1. Бываютъ ли случаи, когда надо непременно добыть огонь треніемъ и какъ тогда его вытираютъ?

2. Какъ добываютъ огонь, когда нѣтъ спичекъ и кресала, напр. на охотѣ или въ пути?

3. Какіе существуютъ старинные способы добыванія огня (кресало, сѣрники, самодѣльные). Дать описаніе формы кресала, кремней и губки и самаго добыванія огня такимъ способомъ. Какъ готовятъ кремни и гдѣ ихъ достаютъ или покупаютъ?

4. Какъ обращаютъ добытый огонь въ пламя и что употребляютъ на раздуваніе и разведеніе огня (маханіе пучкомъ (вихтемъ) соломы съ трутомъ и т. п.).

5. Какія приспособленія существуютъ, чтобы воспользоваться добытымъ огнемъ, особенно когда это происходитъ не въ хатѣ? (треногъ, печь въ землѣ и т. п.).

6. Какъ сохраняютъ огонь до слѣдующаго раза и кто въ хатѣ обязанъ смотрѣть за нимъ?

III. Охотничій промыселъ.

1. Ходятъ ли на охоту, какъ на промыселъ или нѣтъ?

2. Какихъ звѣрей и дичь ловятъ и какихъ ловили раньше?

3. Какіе способы и приспособленія употребляются на охотѣ для поимки дичи? (силки, капканы, ямы).

4. Какое старинное оружіе употребляется на охотѣ?

5. Приучаютъ ли какихъ звѣрей или птицу ловить или помогать на охотѣ? (хорты и др.).

6. Дѣлаютъ ли самодѣльный порохъ и попадаютъ-ли кремневая ружья?

7. Какія примѣты и повѣрья есть у охотниковъ?

IV. Рыболовство (рыбальство).

1. Когда начинаютъ и когда перестаютъ ловить рыбу?

2. Какая рыба ловится? Дать мѣстные названія породъ рыбъ и названія частей рыбы (части тѣла, голова, плавники, кости, потрохи и внутренности на мѣстномъ языкѣ рыбалокъ).

3. Описать самые простые способы рыболовства на мелкой водѣ (спусканіе воды въ ставкахъ, ловъ кошовками, руками и штанами).

4. Какъ ловятъ рыбу лѣтомъ и зимою на глубокой водѣ? Дать фотографіи и рисунки.

5. Плетеніе сѣтей и другихъ снастей. Описать всѣ снаряды, удочки, грузила, поплавки, коты и дать рисунки, а что можно (крючки, поплавки) прислать.

6. Какія постройки строятся рыбаками (рыбалками) на промыслахъ и какъ они одѣваются?

V. Скотоводство.

1. Бываетъ ли, что приучаютъ дикую или одичалую скотину? Какъ это дѣлаютъ? Какъ приучаютъ къ упряжкѣ лошадей и другой скоть? Какъ и какими приспособленіями успокаиваютъ беспокойный или непослушный скоть и животныхъ?

2. Какой скоть держать? Какъ защищаютъ его отъ непогоды, звѣрей, мошекъ и болѣзней? Какъ холостятъ? Описать инструменты коноваловъ и дать ихъ рисунки.

3. Какъ бьютъ скоть и какъ снимають шкуру и мясо? Какой инструментъ употребляютъ? Привести названія на мѣстномъ языкѣ частей животнаго (кости, внутренности и т. д.).

4. Держать при стадахъ (отарахъ, табунахъ, шматкахъ) собакъ и какой породы? Какъ ихъ приучаютъ смотрѣть за скотиной?

5. Какую держатъ птицу и пускають ли ее на лѣто безъ призора на болота, гдѣ держатъ ее зимою и какъ за ней ходять?

6. Какъ птицу рѣжутъ, колятъ и какъ называются всѣ ея части на мѣстномъ языкѣ?

VI. Пчеловодство (Бжильництво).

1. Пользуются ли еще медомъ дикихъ пчель? Держать ли пчелу въ дуплахъ и бортяхъ? Привязываютъ ли колоды къ деревьямъ?

2. Гдѣ ставятъ пасѣки? какихъ святыхъ иконы на нихъ держатъ? Дать планъ и рисунокъ пасѣки.

3. Какъ дѣлають ульи и колоды, изъ какого дерева и какого вида и формы? (рисунокъ или модель улья).

4. Описать всю работу на пасѣкѣ и уходъ за пчелой. Какіе инструменты употребляются при работѣ и какая одежда? Какъ защищаютъ пчель отъ холода и какіе строятъ амшаники? (рисунки и фотографіи).

VII. Лѣса, сады, пастбища и сѣнокосы.

1. Какъ смотрять за лѣсомъ и чѣмъ изъ него пользуютя, кромѣ дерева и дровъ? Какъ его рубять и корчуютъ — описать и назвать употребляемыя при этомъ орудія и приспособленія.

2. Какъ смотрять за садомъ и какія деревья разводять? Какіе инструменты употребляютъ при работахъ? Какіе курени и пугала ставятъ въ садахъ и огородахъ? Какіе трещотки употребляютъ противъ птицъ?

3. Описать косовицу и способы косьбы. Какія косы и мантачки употребляютъ? Чѣмъ косятъ осоку, очереть?

VIII. Хлѣбопашество.

1. Встрѣчается ли такъ называемое хищническое хозяйство? Есть ли обычай поливать нивы?

2. Дать описаніе, рисунки, а если можно модели, всѣхъ земледѣльческихъ орудій и инструментовъ, обращая вниманіе на самыя простыя.

3. Описать, какъ и какія техническія и лѣкарственныя растенія разводятся? (табакъ, хмель, ленъ, конопля).

IX. Мукомольство (мирошничество).

1. Какія употребляютъ ступки для толченія зерна, проса, соли?

2. Какъ строятся вѣтряныя мельницы (вѣтряки, полумашинны и машинны). Описать ихъ устройство и работу; дать рисунки отдѣльныхъ частей и всего вѣтряка?

3. Описать подробно водяные млины, пловучія мельницы если они есть) крупорышки и вѣтряки.

X. Копаніе земли. Обработка глины.

а) 1. Грабарство. Какія работы и какими инструментами производятся грабарями? Какія есть приспособленія для вытягиванія земли и ея измѣренія?

б) 2. Чамуръ или земляные кирпичи. Какъ ихъ готовятъ, какими инструментами и какой формы?

в) 3. Кирпичъ (цегла) — какая глина идетъ на кирпичъ? Описать всю работу, всѣ инструменты и машины. Рисунки и образцы глинъ, кирпичей сырыхъ и обпаленныхъ.

г) 4. Черепица. Какъ ее дѣлаютъ, какими инструментами и какой формы?

е) 5. Гончарство. Глина, ея сорта и мѣстныя названія. Какъ добываютъ и обрабатываютъ глину? Какъ вытягиваютъ изъ колодцевъ? Какъ дѣлаютъ посуду, какими инструментами? Описать подробно всю гончарскую работу и оружія, а также посуду. Есть ли ручные други и какіе?

6. Дѣлаютъ ли посуду гдѣ-нибудь изъ мягкаго камня? Грѣютъ ли воду въ деревянныхъ или плетеныхъ сосудахъ? Чѣмъ гладятъ бѣлье?

7. Какъ дѣлается орнаментъ (вызирунки) на посудѣ? Какой и чѣмъ? Какъ дѣлаютъ полу и какъ ею покрываютъ посуду? Какая посуда выдѣлывается и какія игрушки?

8. Какъ выпаливаютъ посуду и въ какихъ горнахъ? Какъ укладываютъ посуду въ горень, на возъ и какъ ее возять и продаютъ?

XI. Обработка дерева.

1. Рубка и приготовленіе дерева. Какъ мѣряютъ дерево на корню и какъ его рубятъ? Какъ складываютъ въ лѣсу дрова? Какъ возять и сплавляютъ?

2. Какъ обтесываютъ и пилятъ на части? Какіе инструменты употребляютъ при этомъ?

3. Какъ и гдѣ выпаливаютъ уголь?

4. Какъ гонять смолу и деготь?

5. Столярство. Есть ли особые мастера для постройки хаты? Что хозяева дѣлаютъ сами, а что дѣлаетъ столяръ? Описать ихъ работу, инструменты, приспособленія со всѣми мѣстными названіями. Чѣмъ они красятъ дерево, чѣмъ полируютъ и какія краски самыя употребительныя?

6. Описать всю работу колесниковъ, ихъ матеріаль, инструменты, машины и издѣлія. Нарисовать всѣ инструменты, а если можно то и прислать или образцы маленькіе (модели) или самыя инструменты.

7. Бондарство. Какіе сорта дерева употребляютъ. Какую посуду дѣлаютъ? Какъ бондари работаютъ и какіе инструменты употребляютъ?

XII. Обработка шкуры и кожъ.

1. Какъ убиваютъ скотъ, чтобы не испортить шкуры?
2. Кожевничество (Чимбарство). Описать всю работу, инструменты, постройки и машины.
3. Кушнирство (шитье кожуховъ и др.). Какъ кроить кожухи и какъ мѣряютъ? Описать всю работу и всѣ инструменты. (Рисунки.)
4. Сапожничество (шевство). Описать, какъ и гдѣ работаютъ сапожники, что дѣлаютъ и какіе инструменты употребляютъ?
5. Выдѣлка сбруи (хомуты, уздечки, сѣдла и т. п.).

XIII. Роговой и костяной промыселъ.

1. Какъ готовятъ для выдѣлки рогъ и кость? Что дѣлаютъ изъ него и какими инструментами? Описать всю работу. Если есть старинныя издѣлія изъ этого матеріала, то подробно описать ихъ (рога, чаши, пороховницы).

XIV. Обработка волокнистыхъ веществъ.

1. Плетеніе. Что плетутъ въ вашихъ мѣстахъ изъ соломы, ситника, рогозы, лозы и какъ? Дать описаніе и рисунки издѣлій, орнаментовъ (вызирунковъ и узоровъ), а также инструмента.
2. Обработка льна и конопли. Какъ собираютъ ленъ и коноплю, мочать, сушить, треплютъ и т. д.? Описать всю работу и дать рисунки инструментовъ.
3. Ткачество. Описать съ мѣстными названіями простой способъ тканія въ селахъ, не пропуская подробностей. Нарисовать станокъ и отдѣльныя части.
4. Обработка шерсти (вовны). Какъ и чѣмъ стригутъ овецъ, промываютъ и просушиваютъ шерсть? Какъ работаютъ шерстобиты и какія приспособленія употребляютъ?
5. Издѣліе ковровъ, килимовъ, плахтъ и т. п. Въ какихъ мѣстахъ дѣлаютъ эти вещи теперь? Какъ красятъ шерсть (дать названія красокъ на мѣстномъ языкѣ). Какой узоръ на килимахъ и плахтахъ? Перерисовать его, если можно съ красками.
6. Портняжничество. Что изъ одежды шьется дома, а что отдается портному (кравцови)? Гдѣ и какъ они работаютъ? Какъ и какую мѣрку берутъ, какъ размѣряютъ? Дѣлаютъ ли кожаные пуговицы (гудзики)?

XV. Обработка металловъ (желѣза и др.).

1. Обратитъ вниманіе на работу и переносной инструментъ бродячихъ цыганъ — ковалей и мѣдниковъ и описать это подробно.
2. Не выплавляютъ ли до сихъ поръ гдѣ-нибудь самодѣльнаго желѣза изъ бедотной руды? Если это есть — то подробно описать мѣсто и работу.

3. Кузнечество (ковальство). Что болѣе всего дѣлаютъ сельскіе кузнецы? Описать ихъ работу, кузню, мѣхъ, наковальню, инструменты и издѣлія и снабдить описаніе рисунками, а если можно, то и самими издѣліями и инструментами.

4. Слесарство. Описать способы работы, приемы, инструменты и мастерскія въ селахъ съ мѣстными названіями. Что слесари дѣлаютъ на продажу, а что на заказъ?

5. Мѣдничество и котельничество. Кто больше занимается этимъ промысломъ — малороссы или другіе пришлые люди? Что они выдѣлываютъ и какъ?

6. Золотарство. Выдѣлываютъ ли вещи изъ золота, серебра и фольги? Обратитъ особое вниманіе на собираніе старинныхъ вещей съ рѣзбою, чеканкой и узорами.

XVI. Транспортъ (переноска и перевозка вещей и кладей) и орудія транспорта.

1. Какъ переносятъ тяжелыя вещи? Какъ носятъ дѣтей, птицу на продажу воду, горшки съ масломъ и т. д.?

2. Какъ собираются, готовятъ и идутъ въ далекую дорогу (на богомолье, переселеніе) и какія приспособленія для носки узловъ употребляютъ? Какъ обряжаются въ дорогу пѣшкомъ зимою, лѣтомъ?

3. Какъ укладываютъ поклажу, если надо ѣхать верхомъ и какія для этого есть приспособленія? (саквы, выюки и т. п.) Какія употребляютъ сѣдла? Описать и рисунки. Какъ запрягаютъ лошадь подъ верхъ?

4. Подвода и вozy. Какіе вozy и сани употребляютъ? Описать всѣ сорта ихъ, колясочекъ дѣтскихъ фургоновъ, нетычачокъ, гарбъ и т. д.? Дать названія мѣстныхъ всѣхъ частей вozовъ, указавъ матеріалъ.

5. Плаваніе. Какъ плаваютъ, когда купаются или переплываютъ рѣку? Какъ плаваютъ женщины? Употребляются ли при этомъ помощь (пузыри, тыквы)? Какъ переправляютъ скоть черезъ рѣки? Какъ вяжутъ плоты и какъ ими управляютъ? Какъ строятся паромы? Какіе лодки, човны, галеры, дубы строятъ и на какихъ плаваютъ? Какъ на нихъ ѣздятъ — веслами, парусомъ? Какія употребляютъ весла, рули, паруса, уключины и т. д.?

Въ предыдущихъ программахъ по собиранію свѣдѣній и матеріаловъ по этнографіи для будущаго Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, которыя были напечатаны въ „Полтавскихъ Вѣдомостяхъ“, было постановлено очень много вопросовъ и посему, быть можетъ, было нѣсколько трудно желавшимъ оказать помощь знать, на что именно надо обратить вниманіе и какіе предметы особенно важны для выставки по этнографіи нашей Полтавщины. Нынѣ Полтавская Комиссія предлагаетъ эту программу, составленную извѣстнымъ ученымъ, и знаткомъ малорусской этнографіи *О. К. Волковымъ*, какъ дополненіе къ ранѣе опубликованнымъ. Программа эта имѣетъ цѣлью помочь собирать матеріалы по одному изъ главнѣйшихъ вопросовъ этнографіи, а именно по народной техникѣ, которая очень часто отражаетъ въ себѣ глубокую старину и поэтому крайне интересна при сравнительномъ изученіи матеріальнаго быта каждаго народа и тѣхъ пережитковъ, которые сохранились въ сель-

скомъ быту отъ древнѣйшихъ временъ. Каждый интересующійся и желающій помочь Комиссiи легко можетъ, какъ дать отвѣты на постановленные въ программѣ вопросы, такъ и прислать вещи, относящіяся къ тому вопросу, на который онъ пожелалъ бы отвѣтить. Мы бы очень просили нашихъ сотрудниковъ замѣтить слѣдующее:

1) Не обращать вниманія на то, что свѣдѣній и предметовъ мало, а только озаботиться, чтобы отвѣты были точны.

2) Обозначать точно мѣсто, гдѣ были собираемы отвѣты и въ какомъ мѣстѣ существуетъ описываемый обычай или фактъ.

3) Отвѣчать на весь вопросъ, а не на одну какую-нибудь часть его и указывать, что свѣдѣнiя не могли быть собраны или же постановленные въ вопросахъ обычай и приспособленiя не существуютъ.

4) Къ каждому отвѣту прилагать рисунки тѣхъ инструментовъ, орудiй и приспособленiй, которые описываются, съ точнымъ обозначенiемъ мѣста и названiя на малорусскомъ языкѣ. Желательнѣе всего, конечно имѣть или самыя вещи какъ, напримеръ, кресала, губки, кремни разныхъ видовъ, куски рыболовныхъ сѣтей, удочки, поплавки, грузила и т. д., а если приспособленiя или орудiя очень громоздки и велики, то модель, уменьшеную въ нѣсколько разъ, при чемъ надо указать, во сколько разъ. Лицъ же имѣющихъ фотографическiе аппараты, комиссiя покорнѣйше просить снабжать свои отвѣты фотографiями.

5) На каждомъ отвѣтѣ указать адресъ, и имя сотрудника.

6) Комиссiя просить не затрудняться въ присылкѣ вещей, ибо она возвращаетъ какъ стоимость предметовъ, такъ и расходы по пересылкѣ. Адресовать посылки наложеннымъ платежомъ комиссiя просить въ Полтаву, Губернскiй Статистическiй Комитетъ.

Докладъ Черниговской губернской земской управы о сохраненiи памятниковъ народнаго творчества.

Фактъ исчезновенiя остатковъ старины общеизвѣстенъ. Обязанность потомковъ сохранить все хорошее, созданное предшествовавшими поколѣнiями, и передать весь этотъ матеріальный и нравственный капиталъ будущимъ поколѣнiямъ, тоже не подлежитъ сомнѣнiю. На эту сторону народной жизни уже давно обращено вниманiе. Какъ частными лицами, такъ и учрежденiями изданы многiе томы этнографическихъ матеріаловъ, напѣвовъ, рисунковъ зданiй, утвари и т. п. Съ этой цѣлью недавно открылась Ученая Архивная Комиссiя въ Черниговѣ. При Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ особенная Пѣсенная Комиссiя, имѣющая цѣлью собиранiе и сохранiе старинныхъ пѣсенныхъ мотивовъ, для каковой цѣли Его Императорскимъ Величествомъ отпускается, на каждую поѣздку, для записыванiя пѣсенъ по 2000 руб. и для изданiя ихъ отъ 1500 до 2000 руб. на каждый выпускъ¹⁾. Чтобы не удлинять докладъ, Управа считаетъ возможнымъ не

¹⁾ „О русской народной пѣснѣ. Всеподданнѣйшая записка Предсѣдателя Пѣсенной Комиссiи Государственнаго Контролера Т. И. Филиппова“. — („Чернигов. Губ. Вѣд.“ 1897 г., № 1174).

указывать на многія другія изданія, предпріятія и учрежденія, имѣющія цѣлью сохраненіе памятниковъ народнаго творчества въ Россіи.

Прежде чѣмъ сказать, достаточно ли этихъ изслѣдованій и всѣ ли стороны народнаго творчества ими охвачены, Управа считаетъ нужнымъ высказаться по поводу ихъ практическаго значенія.

Многія произведенія народнаго творчества напимѣрь: сказки, пѣсни, думы, напѣвы, узоры и пр.— сами по себѣ имѣютъ высокую художественную цѣнность, какъ произведенія искусства; но, кромѣ того, всѣ они являются неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго вдохновеніе поэта, музыканта и художника черпаетъ образы и краски. Результатомъ этого процесса нерѣдко являются произведенія, составляющія гордость литературы и искусства. Гоголь, Шевченко, Пушкинъ, Глинка, Шекспиръ, Тургеневъ, Толстой, Стороженко, Рѣпинъ и т. д. — всѣ пользовались этимъ матеріаломъ. Среди нивелировки, производимой существующими жизненными условіями, свѣжая струя, вносимая остатками древняго народно-художественнаго творчества, нерѣдко спасаетъ искусство отъ безцвѣтности настоящаго.

Такова практическая сторона вопроса о сохраненіи памятниковъ стариннаго творчества, — въ томъ числѣ и старыхъ пѣсенныхъ мотивовъ.

Прошедшее Черниговской губерніи яркими красками отразилось въ быту ея населенія. Доисторическая Русь, удѣльный періодъ, войны съ половцами, поляками и татарами, казачество... все это, пока, еще выдѣляется на общемъ фонѣ нашего народнаго быта. Но не подлежитъ сомнѣнію, что все это, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ переработается и исчезнетъ. Достаточно вспомнить судьбу, построенной по плану Растрелли, Малороссійской Коллегіи въ Глуховѣ. Можно также предвидѣть, что уже недалеко время, когда только въ музеяхъ и на сценѣ будетъ показываться національный женскій костюмъ. Древнія сказки, обрядовыя пѣсни и думы быстро выходятъ изъ народнаго обихода. А между тѣмъ произведенія малороссійской народной литературы по многочисленности, художественному достоинству и силѣ выраженія, занимаютъ едва ли не первое мѣсто среди славянскихъ народныхъ литературъ, которыя, въ свою очередь, изъ всѣхъ европейскихъ литературъ наиболѣе богаты образцами устнаго народнаго творчества.

Историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ народной пѣсни. Малорусская мелодія имѣетъ своеобразныя художественныя достоинства. Она, ближе къ природѣ, выражаетъ энергію массъ, умѣреннѣе эксплуатируетъ голосовыя средства; нѣтъ той роскоши регистра, но болѣе теплоты и естественности; если она и стремится къ тѣмъ же художественнымъ результатамъ, какъ итальянская или нѣмецкая, то, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свое содержаніе и выражаетъ его иными способами. Открывая самостоятельныя пути для творчества, наряду съ мѣстнымъ національнымъ, малороссійская мелодія, очевидно, имѣетъ художественное общечеловѣческое достоинство. Одного этого достаточно, чтобы обратить на нее вниманіе художника и сохранить для будущаго.

Но всѣмъ извѣстно, насколько, въ настоящее время, наши народныя мотивы, въ томъ числѣ и малороссійскіе, портятся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ фабрич-

ной и солдатской жизни, съ другой — потому что въ самомъ народѣ теряется художественное чутье, — потому что и сами интеллигентные исполнители, не имѣя хорошихъ образцовъ, теряютъ способность художественнаго выполненія. Если такъ будетъ продолжаться, то скоро въ Малороссіи нельзя будетъ услышать хорошаго исполненія малороссійскихъ мотивовъ, и какъ теперь археологамъ приходится возстановлять древнегреческіе гимны, такъ можетъ быть, со временемъ, придется возстановлять, на примѣръ, казацкую пѣснь о Морозенкѣ и далеко ѣздить, чтобы услышать ея хорошее исполненіе.

Съ этой точки зрѣнія допустить уничтоженіе старинныхъ мотивовъ было бы не только нерадѣніемъ съ нашей стороны, но чѣмъ то болѣе ошибочнымъ. Это былъ бы художественный вандализмъ, — новое потопленіе корабля съ произведеніями античнаго искусства.

И такъ, въ собраніи не встрѣтитъ возраженія та мысль, что эти мотивы, какъ художественно-національные, въ видахъ, какъ настоящаго мѣстнаго такъ и будущаго художественнаго-общечеловѣческаго развитія, должны быть не только по возможности сохранены, но и разработаны для будущаго. Подобно тому, какъ теперь, по Высочайшему повелѣнію, при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ особая комиссія о гармонизаціи собранныхъ пѣсенъ и о распространеніи ихъ въ народѣ, надо позаботиться объ этомъ и для другого остатка славянской старины — мотивовъ малорусскихъ. Подобно тому, какъ: Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи розыскиваетъ великорусскія пѣсни и возстановляетъ ихъ исполненіе, желательно то же сдѣлать и для малорусскихъ. Для достиженія этой цѣли является безусловно необходимымъ основаніе мѣстныхъ хоровъ и пѣвческихъ обществъ, подобно существующимъ обществамъ финскимъ, шведскимъ (въ Финляндіи), эстскимъ и латышскимъ.

Могутъ замѣтить, что обширная задача собиранія и разработки памятниковъ нашей старины не только не противорѣчитъ задачамъ существующей въ Черниговѣ Ученой Архивной Комиссіи, но входятъ въ ея программу. Но, не говоря уже о томъ, что даже на одномъ и томъ же полѣ дѣятельности два работника сдѣлаютъ болѣе, нежели одинъ, надо принять во вниманіе, что Ученая Архивная Комиссія, какъ видно изъ самаго ея названія, посвящаетъ свою дѣятельность преимущественно кабинетной разработкѣ документовъ, задача же сохраненія памятниковъ народнаго творчества, въ обширномъ смыслѣ этого слова, требуетъ непосредственнаго соприкосновенія съ народной жизнью.

Еще разъ обращая вниманіе собранія на нравственный долгъ Черниговскаго Земства сохранить отъ уничтоженія все художественное наслѣдство, принятое нами отъ нашего прошлаго, Губернская Управа имѣетъ честь предложить:

1. Поручить Управѣ войти въ сношеніе съ мѣстными знатоками и любителями народнаго быта о доставленіи ими различнаго рода памятниковъ народнаго творчества: на примѣръ, пѣсенъ съ напѣвами и безъ нихъ, сказокъ, преданій, суевѣрій, пословицъ, загадокъ, костюмовъ, узоровъ или рисунковъ съ нихъ, рисунковъ или фотографій архитектурныхъ и другихъ памятниковъ старины.

2. На необходимые расходы по собиранію, разработкѣ и напечатанію всего этого матеріала въ „Земскомъ Сборникѣ“ и, если понадобится, отдѣльнымъ изданіемъ внести въ смѣту по изданію „Земскаго Сборника“ отдѣльной статьей: „На сохраненіе памятниковъ народнаго творчества“ 500 руб.

3. Поручить Управѣ, въ видахъ сохраненія малорусскихъ мотивовъ для будущаго художественнаго развитія, ходатайствовать передъ Правительствомъ о разрѣшеніи публичнаго исполненія, любителями и профессиональными артистами, малоросійскихъ театральныхъ пьесъ и пѣсень на общихъ основаніяхъ съ русскими пьесами и пѣснями.

Курскій губернаторъ. По Статистическому Комитету № 171.

На отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 31-го мая сего года за № 1451, въ коемъ оно проситъ его образовать при Мѣстномъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ особую комиссію для содѣйствія Московскому и Харьковскому Предварительнымъ Комитетамъ въ производствѣ подготовительныхъ работъ къ предстоящему XII Археологическому Съѣзду въ гор. Харьковѣ,—имѣть честь сообщить, что въ концѣ 1899 года въ Комитетѣ возникло предположеніе объ образованіи при немъ постоянной *Историко-Археологической Комиссіи*, которая оказывала бы содѣйствіе Губернскому Комитету въ разработкѣ вопросовъ по изученію въ историческомъ отношеніи Курской губерніи, въ собираніи историческихъ матеріаловъ, изданіи Комитетомъ трудовъ и т. п. Образование такой комиссіи вызывается ощущаемой потребностью, удовлетворять которую въ возможно полномъ объемѣ наличными силами одного Комитета, при сложности другихъ его работъ и малочисленности персонала, представляется затруднительнымъ. Въ настоящее время уже разработаны основанія для *учрежденія упомянутой комиссіи* и ходатайство объ открытіи ея имѣть быть направлено установленнымъ порядкомъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Такимъ образомъ, въ случаѣ утвердительнаго разрѣшенія этого ходатайства, подготовительныя къ XII Археологическому Съѣзду работы по Курской губерніи, подъ руководствомъ Московскаго и Харьковскаго Предварительныхъ Комитетовъ, могли бы войти въ кругъ дѣятельности проектируемой Комиссіи.

Курская Духовная Консисторія.

Вслѣдствіе отношенія, отъ 27-го ноября с. г. за № 2051, увѣдомила Предварительный Комитетъ по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, что, согласно отношенію Предварительнаго Комитета, отъ 29-го января с. г., за № 354, консисторія, циркулярнымъ указомъ отъ 23-го февраля с. г. за № 2571, объявила духовенству епархіи, а также настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и пустынь — просьбу Комитета, съ разъясненіемъ имъ при этомъ, что высланные на вы-

ставку предметы должны быть, по окончаніи выставки, снова возвращены туда, откуда высланы.

На основаніи этого указа получены слѣдующія незначительныя свѣдѣнія:

Изъ Львовскаго уѣзда:

Громовыя стрѣлки часто находятся по правымъ берегамъ рѣчекъ: Нежеголи, Корочи и Кореня тамъ, гдѣ мѣловыя горы близко подходятъ къ водѣ и размыты горными потоками.

Найдено желѣзное копьецо, въ урочищѣ: „Городище“ около *дер. Крапивной*, Шебекинской волости.

На „Городищѣ“, около *дер. Крапивной*, Шебекинской волости, Бѣлгородскаго уѣзда, найдено лѣтъ 15 тому назадъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ: пятаки и гривенники Екатерины II и наперстокъ.

Здѣсь же часто выпахиваются черепки и кости.

Около *с. Логового* по теченію р. Нежеголи, выше Шебекина на три версты, въ мѣловой горѣ есть завалившаяся пещера, въ которой ничего не находили.

Насыпные валы замѣчены на открытой мѣстности и упираются въ лѣса:

1. Около *с. Шебенкино*, Бѣлгородскаго уѣзда (съ востока на западъ) около лѣса образуетъ бастионъ.

2. Около *с. Нежегольска* Корочанскаго уѣзда, (бывшій городъ) по тому же направленію, образуетъ нѣсколько бастионовъ, идетъ по горѣ.

3. По *дорогѣ изъ Бѣлгорода въ Борисовку*, Грайворонскаго уѣзда тянется на западъ длинный, хорошо сохранившійся валъ съ бастионами на опредѣленныхъ разстояніяхъ.

Выше *дер. Крапивной*, Шебекинской волости, имѣется Городище, на гористомъ правомъ берегу р. Корень, оно все распаханно, уцѣлѣлъ только одинъ сторожевой курганъ, откуда видно въ обѣ стороны верстъ на двадцать.

Тутъ же по дорогѣ на Борисовку имѣются значительныя валы или окопы.

Въ *с. Нежегольскѣ* Корочанскаго уѣзда и въ *с. Верхн. Салтовѣ*, Волчанскаго уѣзда первое на пр. берегу Нежеголи, а второе на прав. берегу Донца мѣстныя церкви находятся внутри окопа четырехугольной формы. Въ Нежеголи еще недавно были пушки на дерев. лафетахъ, увезенныя въ гор. Корочу. — Салтовъ и Нежегольскъ прежде были городами Бѣлгородской сторожевой линіи.

Кургановъ есть нѣсколько по большей части сторожевыхъ, при нѣкоторыхъ рядомъ съ ними большія ямы, раскопокъ не дѣлали, многіе курганы уже распаханы.

Около *ст. Барлацелова* Харьковско-Балаш. ж. д. на пересѣченіи Изюмскаго шляха (съ сѣв. на югъ) и Харьковскаго (съ зап. на востокъ) на большемъ курганѣ обросшемъ кустарникомъ есть *каменная баба*. Нѣсколько такихъ *бабъ* были вывезены изъ этой мѣстности и теперь поставлены во дворѣ Харьковскаго университета и въ воротахъ дома Филиппова на углу Благовѣщенской и Дмитріевской ул.

Въ мѣстныхъ церквахъ и ризницахъ можно найти интересныя надписи на сосудахъ, богослуж. книгахъ, находятся также и разные акты, которые, повиданому

теперь утеряли практическое значеніе и хранятся до поры, до времени, пока их не уничтожатъ при передѣлкахъ церковей. Для ознакомленія съ ними необходимо приѣздъ знающаго археолога, обладающаго большимъ запасомъ свободнаго времени, такъ какъ въ поискахъ своихъ пришлось бы перелистывать почти всѣ книги прошлаго (XVIII) столѣтія.

Изъ Суджанскаго уѣзда:

Кремневья стрѣлы попадаются въ песокъ, но въ очень ограниченномъ количествѣ. Что же касается каменныхъ молотковъ или другихъ инструментовъ каменнаго періода, то они вовсе не попадаютъ. Объясняется это тѣмъ, что во-1-хъ, камня у насъ нѣтъ, а во-2-хъ, нашъ край въ то доисторическое время былъ сплошь лѣсной, болотистый, рѣки текли въ болотистыхъ берегахъ, мало удобныхъ для поселеній. Всѣ ручьи нынѣ изсякшіе вытекали изъ болотъ, которыя поддерживались окружающими вѣковыми лѣсами, лѣса вырубилъ, болота высохли и ручьи пропали. Все это очевидно происхожденіе очень недавняго человѣческаго хищничества, а потому и слѣдовъ доисторическаго времени не осталось. Въ южной части уѣзда, около монастыря „Гарыхли“ на высокомъ берегу рѣки Псла находятъ чаще и больше предметовъ доисторическихъ. Говорятъ, Самоквасовъ тамъ нашелъ цѣлый дворъ или храмъ какого-то кочевавшаго здѣсь народа, по предположенію печенѣговъ.

Старинныя монеты попадались, но крайне рѣдко, около деревни *Косторной, Тарасовой* и *Желтыя*.

Человѣческихъ костей и костяковъ почти не попадалось, но въ 1889 году на берегу рѣки Реуть, около самой воды нашли среди глубокаго чернозема кубовъ сто песку и когда его выбрали для построекъ, то нашли двѣ огромныя кости, одну берцовую кость ноги, а другую повидимому ключицу. Берцовая кость была 1½ арш. длиною и вершка три въ діаметрѣ. Ключицу отослали, какъ лучше сохранившуюся, въ Петербургскій университетъ.

Кургановъ множество, но всѣ они повидимому были сторожевыми, такъ съ одного кургана видны три-четыре кургана, отстоящіе иногда на 10 и даже болѣе верстъ другъ отъ друга.

Отъ Воронежскаго губернатора.

Воронежскій губернаторъ, вслѣдствіе отношенія отъ 31 мая 1900 года, увѣдомилъ Московскій Предварительный Комитетъ, что 23-го октября с. г. при Воронежскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ открыта, подъ председательствомъ Е. Л. Маркова, особая Коммиссія по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ. На первомъ засѣданіи Коммиссіи рѣшено: въ цѣляхъ собранія нужныхъ для Съѣзда свѣдѣній и предметовъ, дать самое широкое распространеніе въ губерніи выработаннымъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ программамъ и воспользоваться услугами лицъ, могущихъ быть наиболѣе полезными въ этомъ дѣлѣ, какъ-то: народныхъ учителей, священниковъ и частныхъ лицъ, извѣ-

стныхъ своими трудами по археологiи и этнографiи; изслѣдовать мѣстные архивы; собрать свѣдѣнiя о вещественныхъ памятникахъ мѣстной старины, при чемъ нѣкоторые, наиболѣе извѣстные памятники-курганы подвергнуть, если къ тому представится возможность, раскопкѣ; составить систематическiй указатель литературы по мѣстному краю, — и прочее.

Собранныя Комитетомъ свѣдѣнiя представляютъ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ с. *Волоконовка* Валуйскаго у. при устройствѣ въ 1870 году погреба въ усадьбѣ разрытъ курганъ, гдѣ найдены изъ красной глины сосуды въ формѣ цвѣточныхъ горшковъ.

Находятся курганы на лѣвомъ берегу рѣки Волчьей въ разстоянiи 2—3—5 верстъ отъ рѣки и *хутора Кришиного*, Борисовской волости, направленiе ихъ на западъ и югъ, раньше были довольно высоки, теперь же распаханы.

Въ *Остроожскомъ у.*, былъ найденъ каменный молотокъ, который хранится въ Тимскомъ уѣздѣ.

Въ *Старооскольскомъ же уѣздѣ* былъ найденъ близъ г. Чуфичево мѣдный *топорикъ*.

Около с. *Мантурово* Тимскаго у. было найдено нѣсколько десятковъ монеть временъ Екатерины II. Онѣ были найдены въ полѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе росъ дремучiй лѣсъ.

Около слободы есть въ полѣ одно мѣсто, которое называютъ городищемъ.

Въ с. *Пузачахъ*, Тимскаго у. былъ найденъ кладъ, который состоялъ изъ небольшого глинянаго кувшина съ 6 1/2 ф. серебряной монеты, исключительно пятачковъ временъ царей Михаила, Алексѣя и Θεодора.

Въ **Тимскомъ уѣздѣ** имѣется во многихъ мѣстахъ курганы, разбросанные другъ отъ друга. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свои названiя: Кудеяровъ курганъ или Кудеярова могила, Красный курганъ или Разбойничьи ямы и др. Одинъ изъ нихъ находится на землѣ Ивана Егоровича Томила близъ с. Мантурово. Курганъ этотъ былъ разрытъ съ научной цѣлью, но въ немъ ничего не оказалось.

Въ томъ же имѣнiи, въ саду находятся *два каменныхъ бабы*, которыя были привезены съ юга Россiи, какъ утверждаютъ, изъ Крыма. Бабы эти имѣютъ два аршина высоты надъ поверхностью земли и изображаютъ двѣ человѣческихъ мужскихъ фигуры. Одна изъ нихъ изображаетъ человѣческую фигуру въ сидячемъ положенiи, а другая — въ стоячемъ.

Въ **Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ** по сообщенiю Земскаго Начальника 3-го уч. извѣстно, что имѣется четыре кургана — три въ Солдатской волости и одинъ въ Ясеновской:

Въ Солдатской — 1-ый подъ названiемъ „Добродѣевскiй“ (по фамилiи владѣлицы) по правую сторону почтоваго тракта изъ г. Нижнедѣвица на Старый Осколь, въ 200 саженьяхъ отъ него, и затѣмъ отъ дер. Новой-Роговой, Рындиной в село Солдатскаго, въ 3 верстахъ. Въ настоящее время земля съ курганомъ составляетъ собственность кр. дер. Рындиной и с. Солдатскаго. Высота кургана около 4 сажень. Раскапываемъ онъ, въ память старикамъ, не былъ.

2-й подъ именемъ „Четвертной“, потому что находится на четвертной землѣ, отстоитъ въ четырехъ верстахъ отъ с. Горшечнаго, и въ такомъ же разстояніи отъ ст. Горшечное, Елецъ-Волуйской линіи, вблизи лѣса отхожаго; этотъ немного ниже перваго.

3-й не имѣеть названія, находится близъ дороги съ гор. Быкова на городъ Ст.-Осколь, отъ с. Бекетова и дер. Богдановки въ верстѣ, на границѣ земли дворян. Гринева и подцерковной (с. Бекетова).

4-й курганъ Ясеновской волости на владѣльческой землѣ кр-нѣ Проскуриныхъ, въ двухъ верстахъ отъ с. Богородицкаго, до 3 сажень высоты; присвоеннаго названія не имѣеть.

Все описанные курганы одной формы, расплывчатой, ставшей таковой болѣе потому, что склоны ихъ распахируются, послѣдній же даже весь распаханъ. Все они помѣщаются на возвышенностяхъ, и съ каждаго видны прочіе, кромѣ кургана въ Ясеновской волости, отстоящаго отъ перваго и послѣдняго верстахъ въ 25. Но есть курганъ еще въ трехъ верстахъ отъ с. Богатырева, Землянскаго уѣзда; на землѣ крестьянъ этого же общества, отстоящій отъ кургановъ Солдатской волости верстахъ въ 17, тотъ виденъ съ нихъ.

Въ **Бобровскомъ уѣздѣ** человѣческихъ костей не находили, но въ имѣніи В. А. Рѣзцова при рытвѣ колодезя на глубинѣ 14 арш. найдены кость и клыкъ по опредѣленію мамонта, которыя отосланы въ Московскій университетъ.

Въ **Новохоперскомъ уѣздѣ** курганы имѣются близъ *села Ильмена, села Мазурки* и *Песолъ*, на землѣ П. А. Чинова и крестьянъ по одному и по три. Въ селѣ Мазуркѣ курганъ былъ раскопанъ и найдено въ немъ концы мѣдныхъ копей и каменные шары. На землѣ П. А. Чинова при постановкѣ надстилки для шалаша выкопали мѣдный кувшинъ. Курганы низкіе, а такъ же и высокіе сажени 4 въ вышину — курганъ былъ раскопанъ однимъ членомъ Воронежской Архивной Комиссіи.

Въ одномъ изъ кургановъ случайно открытъ черепъ лошади съ удилами вложенными въ ротъ лошади.

Завѣдующій Донскимъ музеемъ Х. И. Поповъ пишетъ слѣдующее:

Искренно сочувствуя дѣлу подготовленія отвѣтовъ на вопросы, вошедшіе въ программу XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ и затрогивающіе съ различныхъ сторонъ изученіе древностей и старины Донского края и вполне раздѣляя то мнѣніе, что разработка этихъ вопросовъ съ большимъ успѣхомъ могла бы быть выполнена при условіи устройства на Дону Отдѣленія Предварительнаго Комитета Съѣзда, я долженъ былъ заняться сначала переговорами съ лицами, интересующимися мѣстными древностями, и заручиться ихъ согласіемъ, а затѣмъ испросить разрѣшеніе Войскового Наказнаго Атамана Войска Донского. Его Превосходительство Константинъ Клавдіевичъ Максимовичъ на докладѣ моемъ о томъ, что Донское Отдѣ-

леніе Предварительнаго Комитета Археологическаго Съѣзда могло бы быть открыто при комиссіи по устройству Донскаго музея, 20-го сего марта изволилъ написать слѣдующую резолюцію: *Очень сочувствую этому и вполне согласенъ.*

Сообщая Императорскому Московскому Археологическому Обществу о вышеизложенномъ, я прошу поспѣшить обратиться съ предложеніемъ къ Войсковому Наказному Атаману въ виду предстоящаго вскорѣ отъѣзда его въ С.-Петербургъ, дабы онъ еще до этого могъ дать предложеніе объ образованіи Донскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета Съѣзда.

Что касается вопроса о будущей дѣятельности Отдѣленія, то не предрѣшая сейчасъ всего, я могу сказать, что Отдѣленіе будетъ имѣть возможность обследовать на мѣстѣ наиболѣе замѣчательныя городища и урочища, провѣрить уже имѣющіяся о нихъ свѣдѣнія и сдѣлать попытку къ отысканію мѣстоположенія лѣтописныхъ городовъ, приурочиваемыхъ къ Донской области, провѣрить и пополнить свѣдѣнія о курганахъ, каменныхъ изваяніяхъ и другихъ остаткахъ древности, составить Археологическую карту Донской области и подготовить отвѣты по другимъ, намѣченнымъ программой Съѣзда, вопросамъ. Составленіе карты уже и принялъ на себя одинъ изъ членовъ Комиссіи музея.

Войсковою Наказный Атаманъ Войска Донскаго сообщаетъ, что онъ поручилъ Комиссіи по устройству Донскаго музея представить ему соображенія относительно открытія въ Новочеркасскѣ Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда, предназначеннаго въ Харьковѣ въ 1902 году. Когда соображенія эти были представлены, получено было отъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета сообщеніе о томъ, что образованіе названнаго Отдѣленія возложено на предсѣдателя того Комитета, профессора Д. И. Багалѣя, а затѣмъ 17-го іюня прибылъ въ Новочеркасскъ для этой цѣли и профессоръ Багалѣй.

Ознакомившись съ мѣстными предположеніями, профессоръ Багалѣй нашелъ возможнымъ приступить къ открытію Донскаго Отдѣленія и того же числа состоялось первое собраніе лицъ, приглашенныхъ въ составъ Отдѣленія. Въ этомъ собраніи, по выслушаніи доклада Комиссіи по устройству Донскаго музея и рѣчи профессора Багалѣя, были приняты слѣдующія главные постановленія:

1. Принять къ руководству программы Харьковскаго Предварительнаго Комитета и сдѣлавъ въ нихъ соотвѣтствующія мѣстнымъ особенностямъ дополненія и измѣненія, напечатать въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ и разослать къ окружнымъ атаманамъ и начальникамъ области войска Донскаго, во всѣ станичныя и волостныя правленія области, сотрудникамъ Комиссіи по устройству музея, священникамъ Донской епархіи и учителямъ станичныхъ и сельскихъ школъ, испросивъ на это отъ подлежащей духовной власти и учебнаго начальства разрѣшеніе.

2. На обязанность отдѣленія возложить: а) провѣрку всѣхъ полученныхъ отвѣтовъ съ историческими и официальными свѣдѣніями, имѣющимися въ Донскомъ музеѣ и его историческомъ архивѣ, исправленіе ихъ и приведеніе въ систему; б) осмотръ на мѣстѣ насколько будетъ возможно, чрезъ членовъ отдѣленія, путемъ экскурсій, памятниковъ древности, обследованіе ихъ и составленіе описаній; в) собраніе и

составленіе коллекцій предметныхъ памятниковъ старины для выставки при Археологическомъ Съѣздѣ, и г) составленіе археологической и исторической картъ области войска Донского.

Донское Отдѣленіе будетъ состоять подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта А. М. Грекова изъ членовъ комиссіи по устройству Донского музея, членовъ Донского Статистическаго Комитета и другихъ лицъ, изъявившихъ согласіе принять участіе въ трудахъ Отдѣленія. Подробности организациіи Отдѣленія будутъ сообщены особо.

Въ засѣданіи 17-го іюня с. г. предполагено пригласить къ участію въ работахъ Донского Отдѣленія: директора народныхъ училищъ Донской области, директоровъ Новочеркасской гимназіи и реальныхъ училищъ, окружныхъ атамановъ и начальниковъ, ихъ помощниковъ и другихъ лицъ, которые изъявятъ желаніе принять участіе въ трудахъ Отдѣленія.

Труды Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ.

ПРОТОКОЛЪ

перваго собранія лицъ, приглашенныхъ въ составъ Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1902 году, въ Харьковѣ, XII Археологическаго Съѣзда, 17 іюня 1900 года, въ зданіи Донского музея, подъ предсѣдательствомъ Войскового Наказнаго Атамана Войска Донского генераль-лейтенанта К. К. Максимовича, при участіи предсѣдателя Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда, профессора Д. И. Багалея, въ присутствіи предсѣдателя Комиссіи по устройству Донского музея И. М. Добрынина, членовъ той же Комиссіи: Х. И. Попова (завѣдывающаго Донскимъ музеемъ) и Л. В. Богаевского, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. А. Норова и членовъ Донского Областнаго Статистическаго Комитета: Н. П. Рѣшетовскаго, А. А. Кириллова, Ѳ. К. Траиліна и И. М. Сулина.

Засѣданіе было открыто Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ Войска Донского К. К. Максимовичемъ.

По предложенію его превосходительства, предсѣдателя, завѣдующій музеемъ Х. И. Поповъ прочелъ докладъ по поводу отношенія Предсѣдателя Императорскаго Археологическаго Общества, графини П. С. Уваровой отъ 27-го минувшаго апрѣля, за № 1799, о желательности открытія въ Новочеркасскѣ Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству предполагаемаго, въ 1902 году, въ Харьковѣ, XII Археологическаго Съѣзда.

Послѣ доклада профессоръ Д. И. Багалея обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

„М. Гг.! Я пріѣхалъ въ Новочеркасскъ по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ цѣлью предложить открыть здѣсь мѣстное

отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству Высочайше разрѣшеннаго *дванадцатаго* Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, предназначеннаго къ открытію въ 1902 году.

Исполняя это порученіе, считаю необходимымъ указать на тѣ задачи, какія входятъ въ программу предстоящаго съѣзда.

Въ засѣданіи Московскаго Предварительнаго Комитета, бывшемъ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, предположено въ районъ особаго обслѣдованія къ XII Археологическому Съѣзду ввести губерніи Харьковскую, Курскую, Воронежскую, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, сѣверную часть Таврической и области Войска Донскаго и Войска Кубанскаго.

Районъ, какъ видите, оказывается значительнымъ. Но съ одной стороны географическое положеніе этихъ мѣстностей, а съ другой — исторически-генетическая связь сближаютъ ихъ другъ съ другомъ.

По мысли незабвеннаго графа А. С. Уварова у насъ, въ Россіи, положено, назадъ тому болѣе тридцати лѣтъ, начало Археологическихъ Съѣздовъ. Съ того времени ихъ было уже одиннадцать. Большая часть ихъ имѣла преимущественно областной характеръ. Такъ, Тифлисскій Съѣздъ занимался изученіемъ главнымъ образомъ Закавказья и Кавказа, Одесскій — Новороссійскаго края, Кіевскій — Юго-западнаго края, Ярославскій — сѣвернаго повожья, Виленскій — Сѣверо-западнаго края, Рижскій — Прибалтійскаго края. Тотъ же характеръ долженъ имѣть и Харьковскій Съѣздъ для губерніи Харьковской и ближайшихъ къ ней мѣстностей, въ частности области Войска Донскаго. Прежде всего, конечно, необходимо изслѣдовать этотъ районъ въ археологическомъ отношеніи. Кубанская и Донская области и Харьковская губернія въ этомъ отношеніи представляетъ особенно большой интересъ и изслѣдованіе ихъ старины можетъ доставить богатый матеріалъ.

Для такого обслѣдованія и изученія этого района и предположено образовать три центра: въ Харьковѣ Предварительной Комитетъ, въ Повочеркасскѣ и Екатеринодарѣ отдѣленія его. Обслѣдованіе другихъ мѣстностей можетъ быть выполнено губернскими Статистическими Комитетами.

Харьковъ является центромъ университетскимъ и мѣстомъ будущаго Съѣзда. Поэтому на Харьковскомъ Предварительномъ Комитетѣ и будетъ лежать главная подготовительная работа. Независимо отъ этого Московскій Предварительный Комитетъ будетъ руководить общими задачами отдѣленій Кубанскаго и Донскаго.

Харьковскій Комитетъ состоитъ при университетѣ изъ представителей всѣхъ факультетовъ и изъ членовъ историко-филологическаго общества.

Предпоследнее засѣданіе Харьковскаго Комитета состоялось съ участіемъ графини *И. С. Уваровой* (предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества), а последнее съ участіемъ заслуженнаго профессора Кіевскаго университета св. Владимира *В. Б. Антоновича*.

Въ первомъ засѣданіи были рассмотрѣны выработанныя Харьковскимъ Комитетомъ программы для собиранія свѣдѣній къ съѣзду и предметовъ для выставки при Съѣздѣ, а во второмъ намѣчены раскопки для предстоящаго лѣта. Онъ же намѣтилъ и

программу дѣятельности для Новочеркасскаго отдѣленія Предварительнаго Комитета. Она сводится къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ: 1) изданіе программъ, 2) составленіе археологической карты области Войска Донскаго, 3) собраніе предметовъ древности и старины для выставки при археологическомъ съѣздѣ и 4) курганныя раскопки.

I. Харьковскій Предварительный Комитетъ напечаталъ четыре (главныя) программы:

- 1) для собранія свѣдѣній по первобытнымъ древностямъ;
- 2) для собранія свѣдѣній по древностямъ историческимъ;
- 3) для собранія свѣдѣній по церковнымъ древностямъ и
- 4) для собранія этнографическихъ предметовъ.

Новочеркасскому отдѣленію прежде всего предстоитъ разсмотрѣть и дополнить или измѣнить, по мѣстнымъ особенностямъ, эти программы и разослать ихъ къ тѣмъ лицамъ и въ тѣ учрежденія, которыя будутъ привлечены къ участию въ выполненіи ихъ. Разсылка программъ мѣстнымъ сельскимъ священникамъ и сельскимъ учителямъ могла бы указать въ этомъ дѣлѣ большую услугу. Опытъ Московскаго Археологическаго Общества показалъ, что свѣдѣнія, подобнымъ путемъ собранныя, дали значительный матеріалъ для археологическихъ картъ и другихъ работъ.

По ходатайству Харьковскаго Предварительнаго Комитета г. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа изъявилъ уже согласіе на разсылку народнымъ учителямъ программъ для собранія археологическихъ свѣдѣній. Съ другой стороны и Преосвященный Архіепископъ Харьковскій разрѣшилъ разсылку программъ священникамъ Харьковской епархіи. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя разрѣшенія могутъ быть получены и для Донской области.

Весьма важны свѣдѣнія о *курганахъ* Донской области и въ особенности для опредѣленія погребальнаго типа кочевниковъ.

Затѣмъ другой весьма важный вопросъ представляетъ собраніе возможно полныхъ свѣдѣній о *каменныхъ бабахъ*. Загадочныя изваянія каменныхъ бабъ до сихъ поръ составляютъ еще не разрѣшенный вопросъ. Вопросъ этотъ давно занимаетъ людей науки. Г. Кельсіевъ въ семидесятыхъ годахъ собралъ о нихъ значительныя свѣдѣнія. Но со смертію его матеріалъ этотъ затерялся. Разыскать его взяло на себя Московское Археологическое Общество. Но и эти свѣдѣнія, если онѣ даже будутъ отысканы, несомнѣнно окажутся неполными.

По Харьковской губерніи я нанесъ уже на археологическую карту курганы съ каменными бабами.

На Донскомъ отдѣленіи будетъ лежать обязанность зарегистрировать каменныхъ бабъ, находящихся въ Донской области. При этомъ нужно отмѣтить, откуда онѣ были взяты. Свѣдѣнія необходимо собрать самыя точныя. Необходимо также отмѣтить типическія особенности каждаго изваянія, подраздѣленія ихъ на мужскія и женскія. Желательно сфотографировать ихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать рисунки съ нихъ.

Если мы сдѣлаемъ все это по губерніямъ Харьковской и Екатеринославской и по областямъ Донской и Кубанской, тогда можно будетъ подвинуть впередъ и научные выводы объ этихъ памятникахъ древности.

Наконецъ желательно собрать возможные свѣдѣнія о *городищахъ*. Раскапывать ихъ трудно, но уже и описаніе городищъ съ обозначеніемъ расположенія и формъ ихъ, принесетъ для науки большую пользу. Въ книгѣ глаголемой *Большой Чертежъ* находится много указаній на городища по Донцу и по Дону, а потому и она можетъ послужить пособіемъ при собираніи свѣдѣній о городищахъ.

Если мы будемъ имѣть карту донскихъ и донецкихъ городищъ, то она составитъ богатый матеріалъ по изученію древнихъ поселеній въ этомъ районѣ.

Затѣмъ весьма важно собрать и сохранить *памятники исторической старины* — регалии, портреты историческихъ дѣятелей и другіе предметы быта.

Кто занимался исторіею бытовою, тотъ знаетъ, какъ трудно доставать свѣдѣнія о такихъ памятникахъ старины. Это одинаково относится какъ къ Донской, такъ и Запорожской старинѣ. Благодаря такому собирателю предметной старины, какъ г. Тарновскій, мы имѣемъ теперь обширныя коллекціи историческаго быта Малороссіи, для которыхъ строится даже особое помѣщеніе Черниговскимъ губернскимъ земствомъ.

Къ Рижскому Съѣзду, благодаря содѣйствію мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, были собраны довольно удовлетворительные отвѣты о частныхъ коллекціяхъ и древностяхъ Прибалтійскаго края. Желательно бы было собрать подобныя свѣдѣнія и по Донской области.

Отвѣты на программу по церковнымъ древностямъ области Войска Донского представили бы большой интересъ въ особенности въ отношеніи старинныхъ деревянныхъ церквей.

Что касается программы *этнографической*, то этотъ отдѣлъ желательно было бы составить возможно полнѣе. Если обратить вниманіе на то, какъ быстро въ настоящее время исчезаютъ старыя устои жизни подъ вліяніемъ новыхъ бытовыхъ культурныхъ условій, то сама собою явится важность даннаго вопроса.

И въ этомъ отношеніи область Войска Донского можетъ дать много матеріала. Донское населеніе представляетъ большой интересъ въ сохранившихся памятникахъ одежды, оружія, типовъ и т. д. Желательно, чтобы въ этомъ прекрасномъ зданіи Донского музея были собраны и сохранены въ возможно большемъ числѣ не только памятники мѣстной старины, но и современнаго быта Донского населенія.

Спеціальная программа *объ архивахъ* вызоветъ изученіе архивнаго дѣла и сохраненіе старинныхъ архивовъ отъ уничтоженія. Нельзя не признать, что разработка областныхъ архивовъ и храненіе ихъ первѣе всего должны принадлежать мѣстнымъ учрежденіямъ. Такая разборка архивныхъ матеріаловъ Донской области съ успѣхомъ можетъ быть произведена на мѣстѣ въ Новочеркасскѣ. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ въ историческомъ архивѣ Донского музея относительно значительные остатки, мѣстныхъ архивовъ прошлаго и настоящаго столѣтія, а частію даже и конца XVII столѣтія. Желательно и дальнѣйшее систематическое собираніе архивныхъ матеріаловъ и доставленіе ихъ въ музей.

II. Перехожу затѣмъ къ другому пожеланію, чтобы собранный по программамъ матеріалъ былъ использованъ *для составленія археологической карты*. Въ такихъ картахъ въ настоящее время признается настоятельная необходимость. На эти карты

наносятся посредствомъ условныхъ знаковъ памятники старины: городища, курганы, каменные бабы, раскопки хищническія, раскопки случайныя и раскопки правильныя.

Къ картамъ долженъ быть непременно приложенъ объяснительный текстъ, безъ котораго онѣ не имѣютъ должнаго значенія.

Кромѣ свѣдѣній, собранныхъ по программамъ, которыя будутъ положены въ основу археологической карты Донской области, необходимо для этого собрать и печатный матеріалъ. Московское Археологическое Общество можетъ прислать нужныя выписки изъ своихъ изданій. Затѣмъ возможно воспользоваться рукописнымъ матеріаломъ и свѣдѣніями, собранными по программамъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1887 году. Третій источникъ такихъ матеріаловъ представляютъ метрики, собранныя Академіею Художествъ въ пятидесятыхъ годахъ. Въ бібліотекѣ Св. Синода также имѣются свѣдѣнія о церковныхъ древностяхъ, собранныя по мысли покойнаго митрополита Филарета. Желательно для полноты воспользоваться и этими матеріалами.

Въ дополненіе къ археологической картѣ желательно видѣть карты и заселенія области Войска Донского, значительный матеріалъ для которыхъ уже имѣется въ музеѣ — въ извлеченіяхъ изъ архивныхъ документовъ, сдѣланныхъ завѣдывающимъ музеемъ *Х. И. Поповымъ* и въ описаніяхъ всѣхъ поселеній по округамъ съ приложеніемъ картъ, частью уже составленныхъ, а частью подготовленныхъ сотрудникомъ музея *И. М. Сулинымъ*.

III. Третья задача предстоящихъ Донскому отдѣленію работъ будетъ заключаться въ собираніи предметовъ для выставки при Археологическомъ Съѣздѣ. Выставки имѣютъ громадное значеніе. Если чего не видишь своимъ глазомъ, то не будешь имѣть и полнаго понятія о предметѣ. На первыхъ Съѣздахъ представлялись главнымъ образомъ памятники доисторической древности; но на послѣдующихъ тутъ были особыя отдѣлы церковныхъ древностей, историческихъ, историко-географическихъ и т. п.

Доисторическія древности, имѣющіяся въ Донскомъ музеѣ, хотя составились и изъ случайныхъ поступленій, все-таки даютъ понятіе о глубокой древности страны. Историческій отдѣлъ сравнительно еще бѣденъ. Желательно въ особенности пополнить его портретами историческихъ дѣятелей и другими предметами старины, постепенно исчезающими.

Затѣмъ, въ послѣднее время сталъ фигурировать на выставкахъ еще и картографическій отдѣлъ. На Кіевскомъ съѣздѣ, благодаря трудамъ В. А. Кордта, *картографическая* выставка представляла довольно полное обозрѣніе послѣдовательнаго развитія европейской и русской картографіи. На Харьковскомъ Съѣздѣ предполагается также организовать картографическую выставку и собрать на нее древнія печатныя и рукописныя карты всѣхъ тѣхъ губерній и областей, которыя входятъ въ районъ дѣятельности съѣзда. Желательно, чтобы такія карты и планы городовъ были собраны и въ Донской области и присланы на выставку съѣзда. Несомнѣнно, лица, интересующіяся исторіею Донского войска, увидѣвши на выставкѣ Археологическаго Съѣзда собраніе древнихъ картъ, относящихся къ ихъ территоріи, постараются издать ихъ въ свѣтъ.

Далѣ, желательно привлечь на археологическую выставку *старинныя рукописи и книги* Здѣсь, въ музеѣ, я видѣлъ два синодика съ лицевыми украшеніями, чрезвычайно интересные въ историческомъ отношеніи. Желательно видѣть ихъ и на археологической выставкѣ.

IV. Наконецъ, *четвертая* задача отдѣленія заключалась бы въ археологическихъ раскопкахъ. Донской край обилень памятниками доисторической древности и въ особенности курганами. Но до сихъ поръ памятники эти остаются необслѣдованными. Если не считать прежнихъ раскопокъ профессора Леонтьева на Недвиговскомъ городищѣ, г. Сизова и профессора Веселовскаго на городищѣ Цымлянскомъ и гг. Тизенгаузена и Бранденбурга, то въ сущности можно сказать систематическихъ раскопокъ въ Донской области не существовало. Было бы крайне необходимо для дѣла, чтобы мѣстное войсковое начальство отпустило нѣкоторую сумму специально для раскопокъ кургановъ, при чемъ всѣ добытыя вещи поступать, конечно, въ мѣстный Донской музей. Быть можетъ Московскій и Харьковскій Предварительные Комитеты найдутъ возможнымъ распространить свои курганныя раскопки на область Войска Донского.

V. А затѣмъ *пятое* пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы Донское отдѣленіе Предварительнаго Комитета приготовило какія-нибудь изданія и посвятило ихъ предстоящему Съѣзду.

Вотъ въ чемъ можетъ проявиться дѣятельность Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ члены отдѣленія отнесутся сочувственно къ дѣлу и дружными усиліями, при благосклонной поддержкѣ его превосходительства, г. Войскового Наказнаго Атамана, живо интересующагося родной стариной, сумѣютъ выполнить принимаемую на себя отвѣтственную задачу“.

Рѣчь профессора Багалѣя была принята съ полнымъ сочувствіемъ и выраженіемъ со стороны присутствовавшихъ готовности потрудиться по мѣрѣ силъ каждаго въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на отдѣленіе.

Признавая возможнымъ теперь же открыть Донское отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ, Войскового Наказнаго Атамана войска Донского К. К. Максимовичъ объявилъ отдѣленіе это открытымъ, возложивъ предсѣдательствованіе въ немъ на помощника своего по гражданской части, генераль-лейтенанта А. М. Грекова.

По разсмотрѣніи, затѣмъ, вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе XII Археологическаго Съѣзда и запросовъ, на которые желательно получить разъясненіе на Съѣздѣ, а равно программъ, составленныхъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ для собиранія свѣдѣній по древностямъ первобытнымъ, историческимъ и др. и этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ съѣзда единогласно приняты слѣдующія резолюціи:

1) Вопросы и запросы, приложенные къ протоколамъ засѣданій Московскаго Предварительнаго Комитета, состоявшимся въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся къ области Войска Донского, принять къ свѣдѣнію и по тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ окажутся матеріалы, изготовить къ XII Археологическому Съѣзду сообщенія.

2) Принять къ руководству программы Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съезда и сдѣлавъ въ нихъ соотвѣтствующія мѣстнымъ особенностямъ дополненія и измѣненія, напечатать въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ и разослать къ окружнымъ атаманамъ и начальникамъ области Войска Донскаго, во всѣ станичныя и волостныя правленія Области, сотрудникамъ комиссiи по устройству Донскаго музея, священникамъ Донской епархіи и учителямъ станичныхъ и сельскихъ школъ, испросивъ на это отъ подлежащей духовной власти и учебнаго начальства разрѣшеніе.

3) На обязанность Отдѣленія возложить: а) провѣрку всѣхъ отвѣтовъ, какіе будутъ получены по программамъ, съ историческими и официальными свѣдѣніями, имѣющимися въ Донскомъ музеѣ и его историческомъ архивѣ, исправленіе ихъ и приведеніе въ систему; б) осмотръ на мѣстѣ, насколько будетъ возможно, чрезъ членовъ отдѣленія, путемъ экскурсій, памятниковъ древности, обследованіе ихъ съ производствомъ раскопокъ и составленіе описаній; в) собираніе и составленіе коллекцій памятниковъ древности и предметовъ этнографическихъ для выставки при Археологическомъ Съездѣ, и г) составленіе археологической и исторической картъ области Войска Донскаго.

Отъ 22 марта 1901 года Войсковою Наказный Атаманъ войска Донскаго пишетъ слѣдующее:

Донское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съезда съ открытія своихъ дѣйствій пользуется средствами на текущіе расходы и собираніе археологическихъ и историческихъ свѣдѣній отъ комиссiи по устройству Донскаго музея, получающей содержаніе изъ войсковыхъ суммъ войска Донскаго. Изъ этого же источника въ прошломъ году произведены были расходы на одну командировку на Донецъ для Археологическихъ раскопокъ. Подобныя командировки предположены и въ текущемъ, а равно и будущемъ 1902 годахъ. Но на все это названная комиссiя, по ограниченности своихъ средствъ, можетъ расходовать только отъ 150 до 200 руб. въ годъ. Большой суммы она удѣлить не можетъ. Что же касается печатанія программъ, различныхъ бланковъ и трудовъ отдѣленія, то эти работы исполняются, по моему распоряженію, въ областной типографіи бесплатно.

Испрашивать для отдѣленія особый кредитъ изъ войсковыхъ суммъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ Военнаго Совѣта, я, при всемъ моемъ сочувствіи къ возложенной на отдѣленіе задачѣ, не нахожу удобнымъ.

Въ виду такого положенія дѣла систематическія раскопки въ Донской области могли бы быть произведены лишь при помощи Предварительнаго по устройству XII Археологическаго Съезда, на которую и указывалъ профессоръ Багалъйи при открытіи отдѣленія.

Отчетъ Ив. Тимощенко объ археологическомъ обследованіи древняго городища при балкѣ Рыгиной.

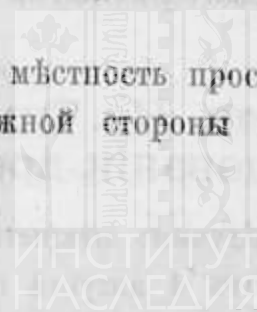
Получивъ открытое предписаніе Войскового Наказнаго Атамана Войска Донскаго, отъ 4 августа сего 1901 года за № 1237, объ археологическомъ обследованіи

древняго городища, описаннаго въ Исторіи Войска Донскаго В. Д. Сухоруковымъ ¹⁾ и находящагося въ Донецкомъ округѣ, при балкѣ *Рыгиной*, вблизи Каменской станицы, я отправился на мѣсто нахождения этого городища и 7-го августа приступилъ къ дѣлу. Осмотрѣвъ съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ старожиловъ мѣстность бывшаго укрѣпленія и тщательно измѣривъ окружность, которую она занимала, я нашелъ слѣдующее:

Городище Рыгинское въ настоящее время восточною стороною своею граничить съ поселеніемъ Каменской станицы и двѣ трети его заняты дворами поселенія хутора Рыгина; свободною отъ житеьскихъ дворовъ остается только третья часть его, именно юго-западный уголъ. Оно представляетъ собою продолговатую и нѣсколько клинообразную форму, тянется по надъ лѣвымъ берегомъ рѣчки Рыгина (тогда какъ поселеніе ст. Каменской примыкаетъ къ правому берегу этой пересыхающей теперь въ лѣтнее время рѣчки) и достигаетъ займища рѣчки Сѣвернаго Донца, гдѣ не въ дальнемъ разстояніи рѣчка Рыгинъ впадаетъ въ Донецъ. Крѣпость имѣла протяженіе съ восточной стороны по теченію рѣчки Рыгина по прямой линіи болѣе полуторы версты (285 сажень), съ южной стороны крѣпостной ровъ и валъ шли ломанною линіею по надъ высокою и неприступною скалою, въ разстояніи отъ скалы, тянущейся по лѣвому берегу Рыгина, въ 40—50 сажень (теперь скала эта значительно уменьшилась, такъ какъ изъ нея Юго-восточное жел.-дорожное Общество брало камень для постройки моста черезъ Донецъ, а жители хутора и теперь берутъ тутъ камень) и имѣли протяженіе отъ юго-западнаго тупого угла городища (гдѣ находятся остатки бывшаго бастиона въ видѣ небольшого кургана) до теченія Рыгина на 352 сажени. Съ этой южной стороны городища отъ крѣпостныхъ рва и вала (на разстояніи 62 сажень отъ углового юго-западнаго бастиона и 290 сажень отъ теченія Рыгина) шла къ скалѣ, тянущейся по надъ изгибомъ р. Рыгина, каменная, кладенная на извести или другомъ какомъ-то цементѣ, сохранившемся на нижней части каждаго камня, стѣна въ 6 аршинъ шириною, основаніе которой вросшее въ землю сохранилось до сего времени. Съ западной стороны ровъ крѣпости съ валомъ во внутреннюю сторону городища, какъ и вездѣ, шелъ ломанною линіею (линія эта хорошо сохранилась только на половинѣ этой стороны, не занятой житеьскими дворами, тамъ же, гдѣ поселились уже издавна хуторяне, ровъ только едва замѣтенъ небольшими частями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, невидно на немъ ни изломовъ, ни бастионовъ, и простирался на 2 версты 47 сажень. Наконецъ сѣверная сторона городища примыкала къ древнему теченію Сѣвернаго Донца (нынѣ тутъ займище Донца, занятое казачьими садами и ливадами, а Донецъ отодвинулся на полверсты дальше), состояла изъ высокихъ насыпныхъ, шедшихъ зигзагами, валовъ и имѣла пространство, какъ замѣтно по остаткамъ валовъ, около 150 сажень. Теперь крѣпостные валы эти служатъ огорожей двора и гумна, принадлежащихъ казаку Матвѣю Андрееву Печеневу.

Все городище, по видимымъ теперь признакамъ, занимало мѣстность пространствомъ около 90 десятинъ. Какъ выше пояснено оно съ южной стороны своей

¹⁾ Стран. VIII вступленія къ Исторіи В. Донск. перв. издан. 1867 года.

имѣло двойное укрѣпленіе, состоявшее изъ скалы, каменной шести аршинной ширины стѣны (шедшей отъ рва до скалы) и рва. Пространство между валомъ, стѣной и скалой было бы особою небольшою сравнительно крѣпостью, заключавшею въ себѣ площадь около 5 десятинъ. Съ восточной стороны по довольно широкой низинѣ балки Рыгиной городищу укрѣпленіемъ служила, какъ можно полагать, рѣчка, которая за памятью отцовъ и дѣдовъ теперешняго населенія была обильна водою и съ весьма топкими и неприступными берегами. Скаты балки съ обѣихъ сторонъ рѣчки также могли служить укрѣпленіями, такъ какъ они на всемъ протяженіи городища весьма круты и во многихъ мѣстахъ представляютъ собою обрывы.

Ровъ съ западной и южной стороны городища былъ 6-ти аршинной ширины, въ чемъ я убѣдился раскопками. Я перерѣзалъ его поперекъ въ двухъ мѣстахъ: съ западной стороны и съ южной. На южной сторонѣ раскопкой пришлось натолкнуться на глубинѣ около $\frac{1}{2}$ аршина на каменную кладку съ обѣихъ сторонъ рва. Камень гдѣ клался въ видѣ стѣнки для сохраненія крутизны сторонъ рва, а гдѣ ставился рубомъ (вертикально) въ образовавшійся отъ обвала откосъ стороны рва. Вѣроятно за поставленныя шокомъ каменные плиты насыпалась земля, чѣмъ и поддерживалось отвѣсное строеніе сторонъ крѣпостного рва. Какой глубины былъ ровъ, мнѣ не пришлось открыть за недостаткомъ времени и средствъ. Я раскапывалъ въ одномъ мѣстѣ на глубину 3-хъ аршинъ, а въ другомъ на глубину около двухъ аршинъ. Валъ вездѣ по надъ рвомъ былъ на внутреннюю сторону городища.

Преданій о городищѣ нѣтъ. Рассказываютъ только, что признаки укрѣпленій его лѣтъ 50—60 тому назадъ были видны далеко больше теперешняго. Ровъ съ западной стороны бывалъ весною и въ дождливое время наполненъ всегда водою и жители при переѣздѣ черезъ него нерѣдко загрузали и топили животныхъ.

Въ двухъ мѣстахъ съ западной стороны городища, на линіи бывшаго при рвѣ вала, видны остатки бастіоновъ, представляющіе теперь собою небольшіе курганы. Одинъ изъ этихъ кургановъ, на юго-западномъ углу городища, подвергнуть былъ мною раскопкѣ, но въ немъ ничего не нашлось, кромѣ мелкаго камня, перемѣшаннаго съ землей. Видно было, что курганъ былъ нѣсколько разъ перекопанъ съ цѣлью добыванія камня.

Внутри городища нѣтъ никакихъ признаковъ прежнихъ жилищъ, кромѣ большихъ бугровъ изъ золы, находящихся въ южной половинѣ городища. Бугровъ этихъ здѣсь болѣе 2-хъ десятковъ и расположены они въ нѣкоторомъ порядкѣ рядами. На рисункѣ, представляющемъ планъ городища, бугры изъ золы изображены въ видѣ сѣрыхъ овальныхъ кружковъ. Въ дѣйствительности они состоятъ изъ чистой древесной золы (сверху только четверти на полторы аршина зола нѣсколько смѣшалась съ землею, а дальше она въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ примѣсей), въ которой рѣдко, рѣдко гдѣ попадаются маленькіе древесные угольки. На поверхности и внутри бугровъ золы встрѣчаются въ большомъ количествѣ черепки глиняной посуды, которая была, какъ видно по черепкамъ, весьма грубой подѣлки.

Одинъ изъ золяныхъ бугровъ сажень въ 30 длиною и сажень въ 10 шириною я разрѣзалъ канавой по длинѣ его съ запада на востокъ (все эти бугры здѣсь

расположены такъ, что длина ихъ идетъ въ этомъ направленіи); когда канава была прокопана на $1\frac{1}{2}$ —2 аршина глубины, то въ обѣ стороны бугра оказался первобытный грунтъ земли, на срединѣ же его обнаружилась круглая яма глубиною въ грунтъ на $3\frac{1}{2}$ аршина. По выбросаніи изъ нея золы, она оказалась горномъ съ обгорѣвшими и затвердѣвшими отъ огня сторонами. Вѣроятно яма эта служила для выжиганія глиняной посуды, осколки которой находятся тутъ кругомъ. Изъ ямы вмѣстѣ съ золою цѣлыми кучами выбрасывалась пожелтѣвшая отъ времени чешуя рыбы, а также кости бѣлой и красной рыбы. Тутъ же было найдено желѣзное лезвее небольшого ножа.

При осмотрѣ городища я узналъ отъ старожиловъ, что на возвышенной сѣверной сторонѣ его, на мѣстности лобной и господствующей надъ обширнымъ займицнымъ пространствомъ р. Донца, находится какое-то древнее кладбище. Могилы попадаются сплошь, на каждомъ шагу. При копаніи погребовъ и возведеніи домашнихъ построекъ то и дѣло выбрасываются человѣческія кости. Многіе изъ жителей находили между костями мѣдные перстни и др. разныя вещи. Покойники хоронились не въ деревянныхъ гробахъ, а между камнями и подъ камнями. Встрѣчаются могилы, въ которыхъ каменные плиты поставлены со всѣхъ 4-хъ сторонъ, а сверху прикрыты также плитами и представляютъ собою такимъ образомъ для покойника прочный и не гнѣющій склепъ. Но въ большинствѣ могилъ каменные плиты стоятъ только съ одной стороны покойника. Погребеніе было къ одной сторонѣ могилы и прикрывалось камнями поставленными въ могилѣ наискось такъ, что одна нижняя сторона каждой каменной плиты стоитъ на подошвѣ могилы, а другая верхняя упирается въ ту сторону могилы, подъ которою въ пустотѣ лежитъ покойникъ. Покойники лежатъ всѣ (какъ говорили мнѣ старожилы) головами на югъ, а ногами на сѣверъ.

Между прочимъ я узналъ, что мѣстный житель казакъ Кондратъ Дмитріевичъ Колесниковъ, съ годъ тому назадъ копая у себя въ дворѣ яму, попалъ на могилу, изъ которой, вмѣстѣ съ человѣческими костями, вынулъ серебряныя и мѣдныя вещи, составлявшія женскій уборъ. Я отправился къ Колесникову, чтобы осмотрѣть найденныя имъ въ могилѣ предметы. Колесниковъ охотно удовлетворилъ мое любопытство. Оказалось, что онъ нашелъ въ раскопанной имъ могилѣ: семь серебряныхъ пластинокъ ажурной работы, составлявшихъ наборъ, вѣроятно, женскаго пояса, бронзовый браслетъ и золотую серьгу, но серьгу семья Колесникова сочла за мѣдную, почему ею играли нѣкоторое время дѣти, а потомъ сломали („разогнули“, выразился Колесниковъ) и куда-то забросили. Браслетомъ тоже играли дѣти и разломали его на три куска, изъ которыхъ одинъ затерялся, два же куска были на лицо. Могильныя вещи К. Д. Колесниковымъ найдены были при такихъ обстоятельствахъ. Въ позапрошломъ году у него родилось много картофеля, и ему некуда было сложить на зиму часть урожая ея. Онъ осенью и вздумалъ выкопать у себя на скотскомъ базу подъ сараемъ яму, чтобы наполнить ее картофелемъ и засыпать навозомъ для сбереженія его отъ морозовъ. Яму онъ выкопалъ круглую около полутора аршина въ діаметрѣ и на $2\frac{1}{2}$ аршина въ глубину. При этомъ на 2 аршинной глубинѣ встрѣтились ему въ землѣ человѣческія кости, и онъ окончивъ яму, прикопалъ ихъ

поглубже тутъ же въ ямѣ въ одну сторону оной. Потомъ когда яма уже была наполнена картофелемъ и присыпана навозомъ, женщины семьи Колесникова стали употреблять вынутую изъ ямы глину на обмазку дворовыхъ построекъ и мѣсили ее по обыкновенію босыми ногами. Подъ ноги имъ при этомъ попались твердые и колючіе предметы, что заставило ихъ осмотрѣть тщательно всю глину. Тутъ-то и найдены были всѣ вышепоименованныя вещи.

Я попросилъ у К. Д. Колесникова позволенія раскопать вновь его бывшую картофельную яму (яма по вынутіи изъ нея картофеля была закидана навозомъ и сравнена съ поверхностью база), и онъ позволилъ мнѣ это съ условіемъ, чтобы я не подкапывалъ ему князевую соху въ сараѣ, около которой выкопана яма. Когда я произвелъ раскопку ямы въ томъ видѣ, въ какомъ она выкопана была подъ картофель, то увидѣлъ что въ ней въ южную сторону на полъаршинной высотѣ отъ дна ея торчатъ большія каменные плиты, поставленныя въ рядъ съ сѣвера на югъ и въ наклонномъ положеніи къ западу. Около камней съ той стороны, куда они наклонены, земля была рыхлая и рассыпающаяся, и въ ней на одномъ горизонтѣ съ нижнею стороною стоящихъ каменныхъ плитъ видны были человѣческія кости, именно спинные позвонки и не одного человѣка, а двухъ. Позвонки шли въ землю рядомъ на полъаршина одинъ отъ другого. Замѣтно было, что ребра отъ нихъ были уже отняты или сами отвалились, такъ какъ земля выше позвонковъ нѣсколько вывалилась и образовала углубленіе подъ камни. Я велѣлъ рабочему осторожно выбирать землю въ ту сторону, куда шли позвонки. Когда такимъ образомъ южная сторона ямы углублена была четверти на три аршина подъ торчащія каменные плиты, то обнаружались два человѣческіе черепа, лежавшіе въ такомъ положеніи, что одинъ изъ нихъ былъ къ верху лицомъ и теменемъ прямо на западъ (видно было, что шея костяка въ могилѣ была круто повернута на западъ, тогда какъ туловищныя кости лежали по направленію съ сѣвера на югъ), такъ что изъ ямы представлялся въ профиль, къ зрителю лѣвой щекой (черепъ оказался въ совершенной цѣлости со всѣми до одинаго зубами въ верхней и нижней челюстяхъ); другой черепъ лежалъ внизъ лицомъ, теменемъ прямо на югъ, такъ что изъ ямы видны были только затылокъ и углубленіе въ черепѣ, куда входили шейные позвонки. Этотъ послѣдній черепъ имѣлъ такое положеніе, какъ будто лежалъ на груди того костяка, которому принадлежалъ черепъ лежавшій къ верху лицомъ. У него сохранилась одна нижняя челюсть съ нѣсколькими зубами пригнившими и выкрывшимися, какъ замѣтно, еще при жизни. Между черепами стоялъ кувшинъ, покрытый мѣднымъ зеркаломъ. Кувшинъ этотъ стоялъ на юго-западъ отъ череповъ, въ углу, образуемомъ ими такъ, что находился въ четверти аршина отъ подбородка черепа, лежавшаго вверхъ лицомъ и на такомъ же разстояніи отъ правой стороны черепа, лежавшаго лицомъ внизъ. Кувшинъ сдѣланъ изъ сѣрой глины и формою похожъ на теперешніе умывальники и молочники. Онъ съ ручкой и особымъ носкомъ въ верхней части. Дальше при вынутіи земли лежавшей вокругъ череповъ найдены были: 1) золотая серьга съ жемчужиной и особою привѣской изъ полаго золота (другая серьга, какъ выше пояснено, найдена была семьею хозяина двора при замѣскѣ глины). 2) Золотой бубенчикъ съ погре-

мушкой. 3) Пара крупныхъ сердоликовыхъ бусъ. 4) Пара перламутровыхъ крупныхъ пластинокъ съ отверстіями по срединѣ. 5) Три серебряныя пластинки ажурной работы, (принадлежащія къ коллекціи украшеній пояса, найденной семьей Колесниковыхъ) и 6) бронзовый перстень съ какимъ-то зеленовато-бѣлымъ камнемъ. Последняя вещь (перстень) найдена была, вмѣстѣ съ суставами ручныхъ пальцевъ, въ землѣ, находившейся выше черепа, лежавшаго внизъ лицомъ. Когда рабочій толкнулъ въ затвердѣвшую землю, соприкасающуюся съ затылкомъ того черепа то на лопату вдругъ упали косточки пальцевъ человѣческой руки и перстень. Можно полагать, что перстень и суставы пальцевъ принадлежали правой рукѣ того костяка, черепъ котораго лежалъ къ верху лицомъ, и рука эта лежала на головѣ 2-го костяка. Какое положеніе имѣла лѣвая рука костяка лежавшаго къ верху лицомъ (на которой, вѣроятно, былъ браслетъ, найденный Колесниковымъ), а также и руки костяка, лежавшаго внизъ лицомъ — неизвѣстно, такъ какъ земля, гдѣ находились эти части скелетовъ выбрата была Колесниковымъ при копаніи ямы для картофеля.

Загадочнымъ кажется, почему Колесниковыми, при копаніи ямы для картофеля, серьга, которая должна была быть при черепахъ, найдена около поясныхъ и ножныхъ частей костяковъ, мною же около череповъ найдены серебряныя пластинки, служившія украшеніемъ пояса. Явленіе это можно объяснить только тѣмъ, что предметы эти въ могилѣ перемѣстили съ мѣста на мѣсто какіе-либо грызуны: крысы, хомяки или др. какіе, проникавшіе въ существовавшую когда-то могильную пустоту. А что животныя эти были въ могилѣ, показываетъ то, что ножные и ручные мослаки скелетовъ, при разсмотрѣніи ихъ, оказались сильно изгрызенными.

Заинтересовавшись могильными находками въ дворѣ казака К. Д. Колесникова, я предпринялъ розыскъ и раскопку еще могилъ въ этомъ же мѣстѣ. Прежде всего я порѣшилъ сдѣлать раскопку не особенно большого кургана, находящагося между жителями дворами на улицѣ, не въ дальнемъ разстояніи и отъ двора Колесникова. Я пересѣкъ курганъ канавою по направленію съ востока на западъ, и когда канава была углублена на полтора аршина, на срединѣ кургана оказался скелетъ, лежавшій головою на юго-востокъ, а ногами на юго-западъ, а въ трехъ аршинахъ отъ этого скелета въ канавѣ оказалась рыхлая земля, что показывало присутствіе и въ томъ мѣстѣ тоже могилы. Открытый на срединѣ кургана костякъ лежалъ на спинѣ съ протянутыми ногами и руками, сложенными такъ, что кисти ихъ приходились около тазовыхъ частей. При этомъ голова покойника была повернута лицомъ на сѣверо-востокъ такъ, что черепъ лежалъ къ подошвѣ могилы правою щекою, лѣвая же щека была къ верху. На нижней части груди покойника у самого сгиба локтя правой руки лежалъ какой-то предметъ неопредѣленнаго назначенія, искусно выточенный изъ кости, пустой внутри похожій на трубку или на набалдашникъ посоха. Около грудныхъ костей скелета лежали двѣ большія сердоликовыя бусы, а у локтя лѣвой руки, снаружи, лежали перержавѣшіе остатки массивнаго желѣзнаго меча. Видно было, что покойникъ положенъ былъ въ одеждахъ чрезвычайно яркихъ цвѣтовъ: по землѣ вокругъ костей лежали полосы ярко-краснаго, голубого и зеленаго цвѣтовъ. Тутъ же, около костей, замѣтны были остатки сгнившаго дерева, что давало воз-

возможность предполагать, что покойникъ похороненъ былъ въ гробу. Что костякъ лежалъ не глубоко въ землѣ, это можно объяснить тѣмъ, что курганъ, въ которомъ онъ находится, въ большой степени понизился. Онъ находится посреди улицы и черезъ него идетъ шляховая, проѣзжая дорога, при чемъ земля постепенно сбивается.

При раскопкѣ рыхлой земли, оказавшейся въ томъ же курганѣ на 3 аршина къ западу отъ предыдущей могилы, на 4 аршинахъ глубины обнаружены обыкновенные здѣсь могильные камни, стоявшіе въ два ряда по направленію съ юга на сѣверъ. Когда вынуть былъ первый рядъ камней, присоединившійся ко второму ряду съ южной стороны подъ острымъ угломъ, то въ землѣ обнаружился въ скученномъ видѣ совсѣмъ почти разрушившійся кости малолѣтняго покойника лѣтъ такъ 8—10; тутъ же при костяхъ было множество бараньихъ шашекъ и айданчиковъ. Одинъ айданчикъ лежалъ даже вмѣстѣ съ суставами пальцевъ руки, какъ будто находился у покойника въ рукѣ. Когда былъ вынутъ второй рядъ каменныхъ плитъ, стоявшихъ въ наклонномъ къ западу положеніи, то въ землѣ обнаружилось два костяка, принадлежавшіе лицамъ совершеннаго возраста. Одинъ костякъ лежалъ по надъ плитами головою на югъ, а ногами на западъ. Онъ лежалъ на спинѣ такъ, что оба плеча плотно прилежали къ подошвѣ могилы, голова же его была повернута лицомъ на востокъ и лежала на правой щекѣ. Ноги покойника у колѣнъ были согнуты подъ прямымъ угломъ такъ, что ступни ногъ подошвами были обращены прямо на западъ; руки были протянуты вдоль тѣла. Съ лѣвой стороны костяка противъ груди стоялъ горшокъ черной глины, снаружи украшенный узорами изъ черточекъ; съ правой же стороны противъ лица найдены были: бронзовый наконечникъ копья и что-то тоже бронзовое, въ родѣ стрѣлы или шила. Кости другого взрослого покойника въ этой могилѣ лежали кучкой, какъ-то около самыхъ согнутыхъ колѣнъ 1-го покойника. Какъ видно было они принадлежали весьма рослому человѣку (берцовыя кости ногъ я принялъ сначала за кости лошади), но были какія-то рыхлыя, бѣлаго цвѣта, чрезвычайно легковѣсныя и на половину разрушившійся, тогда какъ кости 1-го покойника были далеко цѣлѣй, желтоватыя цвѣтомъ и сравнительно весьма тяжелыя. Подъ костями покойниковъ и около находилось нѣкоторое количество золы и древеснаго угля.

Могила эта, какъ ясно видно было, кромѣ каменныхъ плитъ, заслонявшихъ покойниковъ съ восточной стороны, имѣла еще склепъ съ верхомъ изъ толстыхъ бревенъ какихъ-то деревьевъ мягкой породы. Около костяковъ находилось множество значительной величины кусковъ перегниваемаго дерева. По всему видно было, что сгнившія деревья составляли крышу могильнаго склепа; сгнившіе концы нѣкоторыхъ изъ нихъ видны были въ стѣнкахъ раскопанной мною могилы на высотѣ двухъ аршинъ отъ подошвы ея; нѣкоторые куски дерева имѣли въ землѣ вертикальное положеніе. Видно было, что они сгнили и упали въ пустоту, при чемъ прислонились верхними концами къ стѣнкамъ могилы, а далѣе засыпаны были рыхлою землею, обсыпавшеюся постепенно съ верху кургана. Курганъ по всѣмъ признакамъ не обваливался, а могильная пустота въ немъ засыпалась мало-по-малу (можетъ-быть отъ сотрясенія земли, происшедшаго отъ ѣзды по дорогѣ черезъ курганъ) и оста-

лась наполненною рыхлою землею, такъ что ее, во время моей раскопки, можно было протыкать рукой и брать тупою деревянною лопатой. Между тѣмъ сверху кургана аршина на полтора земля оказывалась твердою какъ камень, и ее пришлось выламывать глыбами посредствомъ желѣзныхъ лопать-ломовъ.

Далѣе въ моихъ раскопкахъ я натолкнулся еще на три древнія могилы, но въ нихъ были похоронены малолѣтніе покойники, при чемъ кости оказались во всѣхъ полустлѣвшими и расположенными какъ-то кучками. Можно думать, что мертвецы были похоронены въ этихъ могилахъ въ сидячемъ положеніи.

Докладъ В. А. Харламова объ археологическихъ изысканіяхъ въ Первомъ Донскомъ и Донецкомъ округахъ.

По порученію Донского отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда я совершилъ поѣздку по Донской области въ 1-мъ Донскомъ и Донецкомъ округахъ съ цѣлью собиранія матеріала по археологій мѣстнаго края для работъ къ предстоящему Съѣзду. Поѣздка съ нѣбольшими перерывами продолжалась съ 14 іюня по 24 августа 1900 года, при чемъ первое время, до 22-го іюля, я ѣздилъ вмѣстѣ съ И. М. Сулинымъ.

Прежде всего я остановлюсь на историческихъ мѣстахъ, память о которыхъ сохранилась въ народномъ преданіи. Таковъ *Булавинскій шляхъ*, извѣстіе о которомъ я получилъ въ ст. Бесергеновской отъ помощника станичнаго атамана урядника Осипова. Въ настоящее время шляхъ этотъ представляетъ небольшой „ерикъ“ (мѣстное названіе неглубокихъ и узкихъ овраговъ съ водой), который проходитъ около стараго мѣста поселенія Бесергеновской станицы и, по словамъ жителей, тянется вверхъ по теченію рѣки Дона въ юртахъ Мелеховской и Раздорской ст., а отъ старой Бесергеновской ст. идетъ по направленію къ ст. Багаевской. По словамъ урядника Осипова, *Булавинскій шляхъ* можно приблизительно опредѣлить, такъ какъ ерикъ этотъ не зарастаетъ камышомъ.

Когда мы съ И. М. Сулинымъ проѣзжали изъ ст. Бесергеновской въ хуторъ Карповскій, то приблизительно въ 1-й верстѣ отъ настоящаго русла Дона переѣхали этотъ историческій „ерикъ“. Онъ представляетъ оврагъ, глубиной приблизительно отъ 2 до 3 арш., шириной отъ 4 до 8 арш. Этотъ *Булавинскій шляхъ* несомнѣнно указываетъ на тотъ памятный въ нашей исторіи фактъ, когда непокорный атаманъ Бахмутскаго городка Кондратій Аванасьевичъ Булавинъ поднялъ бунтъ противъ русскаго правительства и гулялъ съ своими сторонниками по Тихому Дону.

Другое историческое мѣсто, названіе котораго удержалось въ народной памяти — это *Гребенныя горы*, находящіяся на правомъ берегу р. Донца въ юртѣ Усть-Бѣлокалитвенской ст. около хутора Какичева. Горы эти были извѣстны еще составителямъ книги „Большого чертежа“, — нашей русской географіи первой половины XVI вѣка. Около этихъ горъ, по сказанію упомянутой книги, былъ татарскій пере-

лазь на Русь. Дѣйствительно, когда я смотрѣлъ на нихъ, то мнѣ думалось, что это мѣсто, съ точки зрѣнія кочевника было удобнымъ пунктомъ для переправы черезъ большую рѣку. Горы эти тянутся нѣсколькими параллельными гребнями перпендикулярно теченію р. Донца, а къ самому берегу подходятъ двумя сравнительно высокими гребнями, которые круто спускаются къ берегу, образуя между собою довольно глубокое ущелье. Если вспомнить, что мѣстность эта была покрыта густымъ лѣсомъ, преданіе о которомъ сохранилось у нынѣшнихъ старожиловъ,— то такой характеръ мѣстности былъ очень удобенъ для того, чтобы незамѣтно подойти къ рѣкѣ, сосредоточиться тамъ въ большомъ количествѣ и начать переправляться на русскую сторону.

Вообще нужно замѣтить, что теперешнее названіе рѣкѣ и урочищъ вверхъ по р. Донцу въ территоріи Войска Донского, въ большинствѣ случаевъ сходно съ приведеннымъ въ книгѣ „Большого чертежа“.

Противъ *Гребенныхъ горъ*, на лѣвой сторонѣ рѣки, возвышается холмъ, который у мѣстныхъ жителей носитъ названіе горы *Караулъ*. Это названіе даетъ поводъ думать, что за *Гребенными горами* было установлено наблюденіе, съ цѣлью предупрежденія внезапнаго появленія татаръ.

Карновское городище, обследованное вмѣстѣ съ И. М. Сулинымъ, лежитъ въ 1½—2 верстахъ отъ Карновскаго хутора (на картѣ онъ значится — Воробьевъ) по дорогѣ къ хутору Сусатскому, на лѣвомъ берегу р. Дона. Мѣстность, на которой расположено городище, представляетъ равнину, которая своими болѣе или менѣе крутыми скатами образуетъ обширную террасу, за которой тянется луговой, лѣвый берегъ р. Дона.

По окраинѣ этой террасы тянется рядъ небольшихъ кургановъ, расположенныхъ въ 20—30 саженьяхъ другъ отъ друга, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они образуютъ неправильныя группы въ 3—5 кургановъ, а иногда и болѣе. Курганы эти видны какъ вверхъ отъ городища, къ хут. Сусатскому, такъ и внизъ, къ хут. Ажинову. Городище лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ ближайшихъ къ нему кургановъ, которые какъ бы огибаютъ его съ сѣверной и западной сторонъ, соотвѣтственно закругленію террасы въ этомъ мѣстѣ.

Городище представляетъ собой мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ валомъ, такъ что внутренность его представляетъ овальную площадку. Валъ — около 2 саж. вышины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ понижается, въ другихъ поднимается выше; со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ ровомъ, шириной въ 3 арш., глубиной въ 1 арш.; только съ южной стороны городища, со стороны степи, ровъ пересыпанъ на протяженіи 3 саж., а въ остальной части ширина и глубина рва вездѣ одинакова. Окружность городища по внѣшней сторонѣ—117 саж., а по внутренней—80 саж., ширина площади, заключенной въ валъ съ сѣвера на югъ—25½ саж., а съ востока на западъ—24 саж. Валы насыпаны изъ тощаго чернозема съ суглинкомъ, который тамъ въ окружности образуетъ верхній слой почвы, и какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны покрыты растительностью.

Принимая во вниманіе довольно значительное количество кургановъ (могильниковъ) около городища, можно думать, что оно относится еще къ языческой эпохѣ,

такъ какъ съ принятіемъ христіанства обычай сооружать курганы на мѣстахъ погребенія умершихъ исчезаетъ. Но приведеннаго соображенія, разумѣется, недостаточно для того, чтобы болѣе или менѣе точно установить принадлежность даннаго городища къ извѣстной эпохѣ. Характеръ народностей, населявшихъ эту мѣстность, ихъ образъ жизни, а также и культурное вліяніе христіанства на жизнь,— всѣ эти данныя далеко не совпадаютъ съ тѣми же сторонами жизни славянъ, къ городищамъ которыхъ относится вышеуказанный признакъ. Слѣдовательно, хронологическія рамки эпохъ должны быть различны для центральной Россіи и для такой окраины ея, какъ Донская область, не захваченная общимъ движеніемъ первоначальнаго славянскаго населенія Россіи. Для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ необходимы археологическія раскопки какъ самаго городища, такъ и окружающихъ его кургановъ.

Здѣсь же я считаю умѣстнымъ внести поправку къ картѣ, на которой обозначено топографическое расположеніе городищъ въ Донской области. По картѣ въ юртѣ ст. Усть-Быстрианской, между хут. Пижнимъ и Верхнимъ Калиновымъ значится *городище*. При внимательномъ осмотрѣ указанной мѣстности я не обнаружилъ никакихъ признаковъ городища. Мѣстность между означенными хуторами (холмистая) пересѣкается большой балкой Калиновой, идущей къ Донцу, въ которую впадаетъ подь острымъ угломъ, ниже хут. Верхне-Калинова версты на $1\frac{1}{2}$, *Городищенская балка*. На равнинѣ между двумя этими балками, саженьхъ въ 250 отъ устья Городищенской балки замѣтенъ небольшой кургашекъ, на которомъ лежитъ нѣсколько камней. Дальше, ниже по балкѣ на 25—30 саж., встрѣчается небольшая яма, повидимому недавняго происхожденія. Еще ниже, въ самой Городищенской балкѣ, есть другая яма, теперь почти уже засыпанная. Въ самомъ устьѣ балки, на разстояніи 35—40 саж. отъ послѣдней ямы, между садами, встрѣчается еще небольшой кургашекъ, подобный первому. На немъ видны свѣже-вырытыя ямы.

Вотъ и всѣ археологическія примѣты данной мѣстности. На основаніи ихъ разумѣется нельзя полагать здѣсь находеніе *городища*, въ научномъ значеніи этого слова. Вѣроятно названіе балки ввело въ заблужденіе составителя карты. Я распрашивалъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей о значеніи этого названія балки, но никто изъ нихъ не могъ дать удовлетворительнаго объясненія.

Позволяю себѣ также обратить вниманіе на одно интересное въ археологическомъ отношеніи сооруженіе, находящееся въ хут. *Крымскомъ* ст. Кочетовской, свѣдѣнія о которомъ сообщилъ мнѣ мѣстный старожилъ,— учитель приходскаго училища Е. С. Оминъ. Сооруженіе это носитъ у мѣстныхъ жителей названіе „водопровода“. Обнаружено оно случайно казакомъ Самсоновымъ, который, копая во дворѣ яму для погреба, наткнулся на глубинѣ приблизительно въ 1 саж. на это сооруженіе. Соблазнившись готовымъ строительнымъ матеріаломъ онъ раскопалъ дворъ на протяженіи около 30 саж., вынулъ большую массу камней, изъ которыхъ построилъ двухъэтажный домъ и нѣкоторыя надворныя постройки. Камень этотъ — раковистый известнякъ плотнаго соединенія, при чемъ всѣ камни тесаные, преимущественно квадратной формы, а иногда попадались и продолговатые. Сооруженіе это представляетъ собой коридоръ, сводъ котораго образованъ камнями, наложенными одинъ на

другой. Полъ коридора выложенъ былъ камнемъ въ два ряда, при чемъ сложены камни были не вплотную, а съ промежутками въ вершокъ и меньше. Остатковъ известковаго соединенія не было замѣтно, но все камни были покрыты известковымъ налетомъ. Е. С. Оминъ присутствовалъ одинъ день при выборкѣ камней, осматривалъ ихъ и сохранилъ въ памяти рисунки выбитые на нѣкоторыхъ изъ нихъ. По словамъ казаковъ, работавшихъ при выемкѣ камней, рисунки эти повторяются чрезъ извѣстные промежутки, но насколько это вѣрно сейчасъ, конечно, нельзя сказать. Судя по мѣсту первоначальнаго обнаруженія и раскопкамъ казака Самсонова, водопроводъ этотъ тянется прямою линіей съ запада на востокъ. Что представляетъ собой описываемое сооруженіе водопроводъ или подземный ходъ, трудно сказать. За недостаткомъ времени я не могъ заняться раскопками въ этомъ хуторѣ; можетъ быть подробное обследованіе этого сооруженія въ связи съ изученіемъ окружающей его мѣстности и дастъ возможность болѣе или менѣе точно опредѣлить характеръ и назначеніе этого интереснаго памятника древности.

Еще большую археологическую загадку представляетъ *надпись*, найденная мною на скалѣ на берегу Донца около Усть-Быстрианской станицы. Скала, на которой выбита надпись, тянется на протяженіи почти 2 версты по правому берегу р. Донца. Въ самомъ концѣ ея, ближайшемъ къ станицѣ, находится небольшой гротъ, на углувомъ камнѣ котораго съ внутренней стороны и выбита надпись. Надпись эта около 30 лѣтъ уже извѣстна казаку Усть-Быстрианской ст. П. К. Короткову, который и указалъ мнѣ на нее. Въ первое время, когда ее обнаружилъ Коротковъ и долго спустя, она была значительно больше: по его словамъ тамъ было 32 значка, а лѣтъ 8 тому назадъ казаки при ломкѣ камня отбили $\frac{3}{4}$ его,— и надпись слѣдовательно пропала для науки. Камень съ остатками надписи вынуть изъ скалы и въ настоящее время хранится у меня въ домѣ. Къ сожалѣнію, въ цѣломъ видѣ камень нельзя было извлечь, такъ какъ онъ оказался очень рыхлымъ, но надпись отъ этого пострадала мало. Лѣтомъ нынѣшняго года камень съ надписью будетъ доставленъ мной въ Донской музей.

Перехожу теперь къ раскопкамъ, произведеннымъ мною въ юртахъ ст. Нижне-Кундрюческой, Усть-Быстрианской и Усть-Бѣлокалиственской.

Мѣстность между Нижне-Кундрюческой, Верхне-Кундрюческой и Усть-Быстрианской ст. представляетъ песчаную равнину, въ нѣкоторыхъ частяхъ покрытую лѣсомъ и скудной растительностью, а въ другихъ сыпучими песками, образовавшимися отъ постоянного распаханья почвы и выпаски скота на этой мѣстности. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ здѣсь находятъ на пескѣ предметы различныхъ археологическихъ эпохъ. Каменные и кремневые орудія: молотки, топоры, кремневые ножи, скребки, наконечники стрѣлъ, относящіеся къ неолитической эпохѣ; бронзовые наконечники стрѣлъ въ огромномъ количествѣ, цѣлья и въ обломкахъ металлическія зеркала, монеты римскія, золотоордынскія и проч. Собираніемъ всехъ этихъ вещей занимается казакъ ст. Нижне-Кундрюческой Сережниковъ. Вообще, нужно сказать, мѣстность эта представляетъ археологическую загадку, разрѣшеніе которой дѣло будущаго времени и болѣе тщательнаго обследованія мѣстности.

Могилы, раскопанные мною въ юртѣ ст. Нижне-Кундрюческой, находились въ юго-восточномъ углу этой равнины, въ урочищахъ *Круломъ* и *Сауръ-Могильскомъ*. Внѣшнихъ признаковъ, т.-е. курганныхъ насыпей, которыя бы прямо указывали на присутствіе могилъ въ данной мѣстности, здѣсь сохранилось очень мало. Это объясняется, конечно, характеромъ почвы даннаго района (песокъ), и тѣми измѣненіями, которымъ подвергалась эта равнина въ теченіе многихъ лѣтъ (передвиженіе песковъ). Несмотря на бѣдность внѣшнихъ признаковъ, мнѣ удалось констатировать присутствіе здѣсь могильника, занимающаго, надо полагать, сравнительно большой районъ.

Всего въ *Нижне-Кундрюческой ст.* найдено было мною пять могилъ, но только двѣ изъ нихъ сохранились въ цѣломъ видѣ, а остальные уже были разрушены, и какъ кости, такъ и остатки предметовъ лежали въ беспорядкѣ на поверхности.

Первая могила была раскопана 19 іюля 1900 г. въ присутствіи И. М. Сулина, А. М. Коклюгина (торг. каз. Н.-Кундр. ст.) и есаула К. О. Закотнова. По внѣшнему виду могила представляла собой небольшой холмъ въ 1 арш. высоты, 3 арш. въ поперечникѣ и 4 сажени въ окружности. Вершина холма была заложена камнями изъ породы песчаника, набросанными въ беспорядкѣ, которые шли на глубину $\frac{3}{4}$ арш. и были засыпаны пескомъ. Когда камни были вынуты, подъ ними сначала шла желтая песчаная глина, а потомъ свѣтло-желтый песокъ. Яма была начата какъ разъ въ центрѣ холма, длиной (на сѣверо-востокъ) — 220 сант. шириной — 150 сантим.

На глубинѣ 125 сант. въ сѣверо-восточномъ углу ямы обнаружено было присутствіе небольшого горшечка изъ необожженной глины, наполненнаго пескомъ, который при выемкѣ развалился на нѣсколько частей. Ниже горшечка на 20 сант. оказался скелетъ человѣка. Скелетъ лежалъ на спинѣ, руки были вытянуты вдоль туловища, при чемъ въ локтевомъ соединеніи были нѣсколько согнуты. Съ лѣвой стороны головы, немного выше общаго уровня положенія скелета, стоялъ другой горшочекъ. Этотъ былъ, какъ и первый, оказавшійся въ ногахъ, сдѣланъ изъ необожженной глины, былъ наполненъ землей и цѣлымъ его не удалось извлечь изъ земли. Скелетъ лежалъ головой на юго-западъ, ногами на сѣверо-востокъ, длина скелета 138 сант. Кости скелета истлѣли, такъ что разваливались при прикосновеніи къ нимъ и обращались въ порошокъ при растираніи. Поэтому черепъ, вынутый изъ этой могилы, представляетъ изъ себя только обломки, по которымъ все-таки можно судить объ его первоначальной формѣ. Онъ удлиненный спереди назадъ и нѣсколько приплюснутый съ боковъ, и повидимому принадлежитъ къ типу деформированныхъ.

Что касается обстановки погребенія, то прежде всего надо сказать, что присутствіе горшковъ свидѣтельствуетъ, какъ мнѣ кажется, о правильномъ погребеніи, сопровождавшемся извѣстнымъ религіознымъ ритуаломъ. Изъ вещей найдены были при скелетѣ серебряныя ушные кольца, лежавшія по обѣимъ сторонамъ черепа, на мѣстѣ ушныхъ раковинъ. Въ лѣвой рукѣ скелета, на кисти ея найденъ былъ кремь и кресало въ видѣ четырехугольной желѣзной пластинки; около праваго бока найдена сильно перержавѣвшая желѣзная пряжка.

Въ заключеніе описанія этой могилы я долженъ упомянуть еще объ одной находкѣ, извлеченной изъ полости скелета — это небольшой камешекъ мѣловой породы,

который лежалъ въ лѣвомъ боку грудной клѣтки, съ внутренней стороны реберъ. Назначеніе его является для меня непонятнымъ.

Другая могила была найдена саженьхъ въ 50 отъ первой въ сѣверо-восточномъ направленіи. Это было еле примѣтное возвышеніе съ небольшимъ количествомъ мелкихъ камней, разбросанныхъ на его поверхности. Когда земля была снята на глубину приблизительно въ $\frac{1}{2}$ арш., то сначала обнаруженъ былъ скелетъ лошади. Когда я счистилъ съ него землю, то оказалось, что сейчасъ же, непосредственно подъ нимъ, оказался и скелетъ человѣка. Черепъ лошади находился нѣсколько ниже груди человѣческаго скелета,— на животѣ, черезъ животъ же были протянуты и переднія ноги лошади. Заднія ноги лошади лежали на груди и черепъ человѣческаго скелета и почти доходили до переднихъ,— видимо трупомъ лошади старались прикрыть весь трупъ человѣка. Въ зубахъ конскаго черепа найдены были желѣзные удила, а около верхнихъ суставовъ переднихъ ногъ — пряжки сильно перержавшіе, такъ что не было никакой возможности вынуть ихъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ.

Скелетъ человѣка, обращенный головой на сѣверо-востокъ, сохранился очень плохо. Лежалъ онъ на спинѣ, а черепъ въ боковомъ положеніи, обращенный на лѣвую сторону; руки были вытянуты вдоль туловища, черепъ, сильно истлѣвшій и попортившійся, повидимому, не представлялъ признаковъ деформированія. Съ лѣвой стороны черепа, нѣсколько выше занимаемаго имъ уровня, стоялъ горшочекъ изъ черной необожженной глины, рассыпавшійся на части при выемкѣ. Въ лѣвой рукѣ скелета найдены были два кремня, очевидно уже употреблявшіеся для выстѣканія огня, и кресало. Съ правой стороны скелета, между рукой и нижними костями грудной клѣтки, найдены обломки очевидно ножа; между ногъ скелета найдены обломки стремени.

Три другихъ могилы изъ Нижне-Кундрюческаго могильника были найдены на поверхности либо цѣликомъ, либо одной какой-нибудь частью. Въ одной изъ нихъ кости черепа, плечевыя, грудной клѣтки и рукъ находились почти на поверхности, еле засыпанныя пескомъ, перемѣшанные съ конскими костями; черепъ лошади лежалъ въ сторонѣ. Около лѣвой стороны человѣческаго черепа видны были черепки горшка, разбросанные въ беспорядкѣ.

Другая могила, по найденнымъ остаткамъ ея, тоже представляетъ типъ погребенія съ лошадыю; въ третьей — присутствія лошадиныхъ костей не замѣчено. Во всякомъ случаѣ можно съ несомнѣнностью утверждать, что по характеру остатковъ предметовъ онѣ принадлежатъ къ одной эпохѣ.

Эти могилы тянулись въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ первыхъ двухъ и расположены были на разстояніи отъ 25 до 40 саж. одна отъ другой.

Во многихъ мѣстахъ я еще дѣлалъ пробныя ямы, но напасть на могилу мнѣ не удалось. Это, конечно, не значитъ, что въ той мѣстности не встрѣчается больше могилъ. Вышеупомянутый казакъ Сережниковъ разновременно доставлялъ въ Донской музей точно такія же вещи изъ выдутыхъ могилъ, какія попались и мнѣ при раскопкахъ.

Другой типъ погребенія представляетъ могила, раскопанная мной въ *ст. Усть-Быстрианской*, около хутора Рубежнаго ¹⁾. Мѣстность, въ которой найдена была могила, очень интересна и я надѣюсь въ слѣдующее лѣто обстоятельнѣй изслѣдовать ее. На высокомъ бугрѣ, которымъ оканчивается въ юртѣ *ст. Усть-Быстрианской* Нижне-Кундрюческая равнина, расположены группой нѣсколько небольшихъ кургановъ около одного кургана довольно значительныхъ размѣровъ. Этотъ курганъ носитъ названіе *Разрытаго*, такъ какъ вершина его снята и онъ имѣетъ видъ усѣченного конуса. Съ этого кургана одинъ казакъ хут. Рубежнаго вывезъ, по его словамъ, больше 20 возовъ камня.

Изъ этой группы кургановъ я разрылъ одинъ, и на глубинѣ 160 сант. отъ вершины, и на $\frac{1}{2}$ метра ниже уровня почвы найденъ былъ скелетъ человѣка почти въ 2 метра длины. Скелетъ лежалъ на спинѣ, обращенный головой на юго-западъ; лѣвая рука была вытянута вдоль туловища, а кисть правой руки лежала на тазовыхъ костяхъ. Нижняя челюсть, повидимому, отпала отъ верхней, такъ какъ между ними былъ промежутокъ въ 8 сант. Подъ острымъ угломъ къ этому скелету подходилъ другой, обращенный головой на югъ. У этого скелета ступни ногъ и кости ниже колѣна были, повидимому, обрублены. Онъ лежалъ на 30 сант. выше перваго и былъ гораздо меньшихъ размѣровъ, при чемъ черепъ его былъ продавленъ наваленнымъ на него камнемъ, такой же плоскій камень лежалъ и на головѣ перваго скелета. Я тщательно изслѣдовалъ курганъ послѣ выемки костей, углубилъ яму и значительно расширилъ ее, но не встрѣтилъ никакихъ предметовъ. Въ этой же мѣстности, между упомянутымъ *Разрытымъ* курганомъ и раскопанной мной могилой, подъ тонкимъ въ 15—20 сант. слоемъ желтой глины, обнаруженъ былъ слой земли, толщиной въ 25—30 сант., состоящей изъ пережженаго песку, отдѣльныхъ небольшихъ камней, обломковъ кирпича и деревянныхъ углей. Площадь эта была перекопана въ размѣрѣ 2 квадр. сажени, въ нѣкоторыхъ частяхъ углублена до 120—130 сант., но кромѣ упомянутыхъ признаковъ, ничего не было найдено.

Наконецъ, послѣдняя могила была раскопана мной при участіи С. Е. Рыковского въ юртѣ *ст. Усть-Бѣлокалитвенской*, противъ хутора Дороговскаго, на правомъ берегу р. Бѣлой Калитвы. По внѣшнему виду могила представляла еле замѣтный холмъ и на глубину больше аршина была заложена камнями. Когда камни были вынуты и яма углублена на 180 сант., то обнаруженъ былъ скелетъ лошади, а подъ нимъ человѣчскій скелетъ. Черепъ лошади и переднія ноги ея лежали на ногахъ человѣческаго скелета, такъ что онъ весь какъ бы прикрытъ былъ лошадинымъ остовомъ. Въ зубахъ лошади найдены были удила, около переднихъ ногъ одно стремя, другое не удалось найти. Скелетъ человѣка лежалъ на спинѣ, — голова въ боковомъ положеніи направо и обращена была на сѣверо-востокъ. Изъ вещей найдена была только сабля, лежавшая съ лѣвой стороны скелета, при чемъ рукоять ея была обращена къ ногамъ; другихъ вещей никакихъ не оказалось.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: къ какой эпохѣ принадлежатъ раскопанныя мною могилы? При рѣшеніи этого вопроса я оставляю въ сторонѣ Усть-

¹⁾ Раскопки эти производились мной при участіи А. Д. Воинова, К. М. Каклюгина и В. Н. Серенкова.

Быстрианскую могилу, такъ какъ содержимое ея еще не дало никакихъ характерныхъ признаковъ, по которымъ ее можно было бы отнести къ извѣстной эпохѣ.

Какъ мы видѣли, во всѣхъ описанныхъ случаяхъ обнаружено 1) *погребеніе*, а не *сожженіе* труповъ, 2) отсутствіе погребальныхъ камеръ, 3) малые размѣры могильныхъ насыпей, 4) исключительно присутствіе желѣзныхъ вещей и отчасти серебряныхъ, 5) полное отсутствіе бронзы и украшеній изъ золота и 6) погребеніе съ конемъ. Характерные предметы для этихъ могилъ — желѣзныя удила, стремяна, ножи, огниво съ кремнемъ, желѣзныя пряжки и сабля.

По всѣмъ этимъ признакамъ описанныя могилы надо отнести къ Половецко-Татарской эпохѣ, съ XII по XVI в. по классификаціи Д. Я. Самоквасова. Могилами славянскими, характерные признаки которыхъ въ большинствѣ совпадаютъ съ вышеприведенными, онѣ не могутъ быть. Хронологическими гранями для могилъ славянской эпохи ставяти VI—X вв. Но географическое разселеніе славянской въ эту эпоху (VI—X вв.) не захватывало области Дона. Здѣсь въ это время и позже исключительно господствовали инородцы (Хазары, Половцы, Татары). Принявъ въ соображеніе эти историческія данныя намъ приходится отнести эти могилы именно къ Половецко-Татарской эпохѣ. Выводъ этотъ, конечно, требуетъ подтвержденія въ дальнѣйшемъ, болѣе широкомъ изученіи типа этихъ могилъ, а главное — присутствіе въ нихъ такихъ предметовъ (монетъ), которые давали бы опредѣленную хронологическую дату.

Наконецъ, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о раскопкахъ другого характера въ ст. Нижне-Кундрюческой, которыя были только начаты мною вмѣстѣ съ И. М. Сулинымъ, и къ которымъ я надѣюсь вернуться въ нынѣшнее лѣто. Я не ставлю ихъ предметомъ доклада, такъ какъ результаты ихъ еще слишкомъ незначительны.

Мѣсто, на которомъ были произведены эти пробныя раскопки носить названіе *Сауръ-могилы*. Оно представляетъ собой возвышеніе неправильной формы (похоже на удлинненный курганъ) и по высотѣ еле замѣтно отличается отъ наносныхъ песчаныхъ бугровъ этой равнины. Лежитъ оно въ 2 верстахъ отъ ст. Нижне-Кундрюческой, по дорогѣ въ хут. Нижне-Журавскій. Раскопки были ведены траншеей сначала отъ подошвы возвышенности къ центру, а потомъ по ея вершинѣ. Въ этой послѣдней траншеѣ было найдено на глубинѣ отъ 80 до 160 сант. 8 горшковъ различной величины изъ необожженной глины, при чемъ три изъ нихъ снаружи были покрыты орнаментомъ, состоящимъ изъ прямыхъ линій и точекъ. Никакихъ другихъ признаковъ, по которымъ можно бы хоть приблизительно судить о характерѣ обслѣдуемой мѣстности, не было найдено.

Отчетъ объ изысканіяхъ, произведенныхъ на Кобяковомъ городищѣ и прилежащей мѣстности въ юртѣ Аксайской станицы, Черкаскаго округа, Владимиромъ Богачевымъ.

25 мая—2 іюня 1901 года.

Командированный для произведенія археологическихъ изысканій на *Кобяковомъ* городищѣ, я выѣхалъ 25-го мая изъ Новочеркасска и весь остатокъ этого дня посвятилъ осмотру городища и окружающей мѣстности.

Городище представляет почти правильный прямоугольник, вытянутый въ западно-восточномъ направленіи. Его длинныя стороны отклоняются отъ NO — линіи не болѣе 4°—5° круга. Длинная сторона=50 саж., короткая=23. Цифры взяты приблизительно, такъ какъ валы городища значительно уже размыты и попорчены раскопками прежнихъ изслѣдователей и кладоискателей. Самое городище, (разумѣя подь этимъ названіемъ пространство, заключенное между валами), находится на вершинѣ крутого, обрывистаго отвѣсно со стороны Дона, холма при самомъ устьѣ балки Кобяковой на правой сторонѣ. У подошвы холма стоитъ будка желѣзнодорожнаго сторожа, а по обѣимъ склонамъ балки расположены раскольничьи усадьбы съ маленькими кладбищами въ дворахъ и садахъ.

Четырехугольникъ, образуемый валами, отлично замѣтенъ издали, но со стороны Дона сильно разрытъ и размытъ. За валами на югъ и на юго-западъ начинается мѣстность холмистая, изрытая. И тутъ-то, подь растительнымъ слоемъ новѣйшаго происхожденія залегаютъ т. наз. культурные слои трехсаженной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толщины. Слой этотъ состоитъ изъ многихъ тонкихъ слоевъ пепла, ила, песка, — въ которыхъ, въ ихъ плоскости, лежатъ скелеты крупной рыбы (осетровъ, сомовъ, сазановъ, судаковъ и др.) — часто совершенно цѣлые, вмѣстѣ съ костями млекопитающихъ и др. животныхъ. Кости рыбъ преобладаютъ въ нижнихъ слояхъ содержащихъ грубой работы плохо обожженую посуду черной глины. Посуда иногда съ простыми рисунками. Кости млекопитающихъ чаще въ верхнихъ слояхъ, гдѣ уже весьма обыкновенной является посуда изъ красной глины. Посуда звонкая, хорошо обожженная.

Площадь распространенія этихъ слоевъ велика, и нѣтъ возможности совершенно точно измѣрить. По обрывамъ надь Дономъ они замѣтны на протяженіи 170 саж., а въ степь тянутся едва-ли больше, чѣмъ на 150 саж., при чемъ нужно еще принимать во вниманіе перенесеніе водою.

Еще далѣе за этой мѣстностью, которую одинъ казакъ назвалъ „Гречаниновымъ мѣстомъ“, стоитъ высокій курганъ, соединенный крутымъ валомъ съ какимъ-то отдѣльнымъ бугромъ.

Казаки (нѣкоторые) называли первый курганъ „Маякомъ“. Онъ возвышается, господствуя надь всей мѣстностью, состоитъ изъ твердой, плотной желтой глины, немного раскопанъ кладоискателями, нашедшими тамъ, по ихъ словамъ, яму съ крупной пшеницей (?). Отъ кургана этого къ Дону спускъ очень крутъ, а высота кургана дѣйствительно дѣлала его очень удобнымъ для „маяка“.

Въ балкахъ не замѣтно сходныхъ съ описанными выше слоевъ, но тамъ, въ правильныхъ наносахъ, очень древнихъ, замѣтны остатки, доказывающіе существованіе человѣка въ тотъ отдаленный періодъ, когда образовались они: остатки костра, кремневый ножъ и еще какіе-то осколки кремня.

Раскопки слоевъ внѣ валовъ городища не дали ничего интереснаго. Изъ высохшей до твердости камня почвы нельзя было вынуть цѣлыхъ скелетовъ рыбъ, изъ останковъ человѣка — лишь затылочная кость. Интересно лишь какое-то издѣліе изъ фиолетоваго цвѣта древняго кварцеваго конгломерата, что-то вродѣ жертвенника, разбитое.

Ни монетъ, ни какихъ-либо иныхъ металлическихъ подѣлокъ не встрѣчено.

Валы городища я пересѣкалъ канавами въ различныхъ направленіяхъ, при чемъ въ наружныхъ частяхъ не нашелъ ничего интереснаго, а внутри, въ SO углѣ, къ Дону, — цѣлое кладбище изъ 17 скелетовъ (внутри, на южномъ валѣ найдены 3 скелета). Изъ этихъ скелетовъ одинъ принадлежалъ маленькому ребенку, другой, несомнѣнно, женщинѣ. Лобъ ея былъ высокъ, но узокъ, вокругъ головы была повязана шелковая, прошитая золотыми нитями лента. Тутъ же лежалъ огромный мужской скелетъ, близъ шеи котораго найдена маленькая мѣдная пуговка. Черепа (какъ и вообще всѣ кости) сильно разложились, и ихъ невозможно было вынуть цѣликомъ. Скелеты всѣ лежали очень близко одинъ къ другому, сверху были прикрыты досками, тутъ же много лошадиныхъ костей и свиныхъ. Ни желѣза, ни мѣди, ни золота, ни серебра — не было (кромѣ пуговки и вышивки на лентѣ). Черепа были довольно разнообразныхъ типовъ. Были долихоцефальные, но чаще — брахоцефалы. Лобъ низокъ, малъ, челюсти и скуловые дуги развиты. Бедрa многихъ скелетовъ представляютъ странное явленіе: они сильно выгнуты впереди.

Близъ одного скелета была найдена тарелка изъ черной глины, близъ другого, съ пробитымъ черепомъ, у самага черепа — каменный топоръ. Всѣ скелеты были погребены лежа, на спинѣ, съ вытянутыми вдоль тѣла руками. Определеннаго, относительно страны свѣта, положенія нѣтъ. Ни оружія (кромѣ топора изъ песчаника), ни украшеній при скелетахъ не встрѣчалось. Обломковъ посуды изъ черной и красной глины много, но цѣлая очень рѣдка. У подошвы холма и валовъ казаки, роющіе себѣ погреба, находятъ большія „корчаги“, тамъ же была найдена и доставленная мною. Она была наполнена цепломъ. Въ обломкахъ одного сосуда, между золою былъ найденъ небольшой белемнитъ — *Belemnitella mucronata*, видъ преобладающій въ нашемъ мѣлу, называемый „чертовымъ пальцемъ“.

Самые валы насыпаны изъ темной земли съ большою примѣсью цеpla; для крѣпости, вѣроятно, примѣнивались довольно крупныя камни (и обломки посуды?). Подошва холма, на которомъ расположено городище, вся изрыта кругомъ, я сдѣлалъ двѣ небольшія ямы съ восточной и сѣверной стороны и двѣ глубокія траншеи на западной сторонѣ.

Городища Области Войска Донского.

По теченію р. Дона:

Въ юрту стан. Мигулинской, Усть-Медвѣдицкаго округа, на правой сторонѣ р. Дона и лѣвой р. Тихой. Тутъ же и курганы.

Въ юрту стан. Цымлянской второго Донского округа, на лѣвой сторонѣ Дона.

Тамъ же, но на правомъ берегу рѣки, въ 8 верстахъ отъ городища — Замокъ.

Около станицы Манычской Черкаскаго округа — земляная насыпь.

Около Аксайской станицы — укрѣпленіе и гор. Кобяковка.

На правой же сторонѣ Дона, близъ Гниловской станицы.

Труды XII Археол. Съѣзда. Т. II.

На лѣвой сторонѣ между Елизаветинской стан. и сел. Конузаевскимъ.
Между Азовомъ и Недвиговкой, при гирлѣ Дона, называемомъ Лагутникъ.
На лѣвой сторонѣ Мертваго Донца — городище Недвиговка.

По теченію Дона:

Въ юрту Каменской стан.
Близъ стан. Усть-Бѣлокалитвенской — пещеры.

По рѣкѣ Миусъ.

По лѣвой сторонѣ при слоб. Мартыновкѣ.

По р. Хопру:

Въ 3-хъ верст. ниже стан. Тепикинской.
По р. Тишани.
Въ юрту стан. Акишевской.

По теченію р. Бузулука прит. Хопра:

Въ юртѣ стан. Дурнавской.
Близъ Алексѣевской станицы — выдуваетъ цѣлые скелеты.
По р. Кумылгѣ прит. Хопра.
По р. Медвѣдицѣ.
По р. Манычу.
По р. Сала.

Черкасскій округъ:

Въ юрту Почаевской станицы.
Въ юрту Грушевой станицы.
Въ юрту Егорлыцкой станицы.
Въ юрту Старочеркасской станицы — крѣпость.

Отъ Предсѣдателя Общества Любителей изученія Кубанской области В. М. Сысоева получены слѣдующія сообщенія.

Согласно предложенію Вашего Сіятельства и указаніямъ Д. И. Багалѣя, А. И. Маркевича и др. лицъ, я имѣлъ честь поставить для обсужденія въ засѣданіи Общества Любителей изученія Кубанской области, отъ 28-го января сего года, вопросъ „объ образованіи Кубанскаго Предварительнаго Комитета по XII Археологическому Съѣзду въ г. Харьковѣ, для содѣйствія при археологическихъ работахъ и устройствѣ этнографической выставки въ г. Харьковѣ“. Присутствовавшія въ засѣданіи лица отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому вопросу и постановили по соглашенію съ Московскимъ Комитетомъ, образовать Кубанскій Предварительный Комитетъ по XII Археологическому Съѣзду.

Въ число лицъ, желающихъ принять болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ трудахъ Предварительнаго Комитета, записались присутствовавшіе въ засѣданіи: В. В. Скиданъ, Я. Г. Семеновъ, К. Т. Живило, В. С. Лабузинъ, Н. А. Галакъ, Л. Я. Апостоловъ, В. С. Шамрай, Г. М. Шкиль, Л. М. Мельниковъ, И. А. Кузнецовъ. Кромѣ того въ составъ комитета войдутъ члены правленія Общества (В. М. Сысоевъ, М. О. Поночевный, А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ, С. И. Борчевскій, Е. В. Брокъ). Очевидно, что примутъ участіе и нѣкоторые другія лица: П. П. Короленко и др.

Его Превосходительство Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска и Начальникъ Кубанской области Я. Д. Малама изъявилъ свое полное сочувствіе предполагаемому Комитету и обѣщаль съ своей стороны содѣйствовать его дѣятельности. Я условился также съ секретаремъ Кубанскаго областного Статистическаго Комитета сдѣлать въ серединѣ февраля сообщеніе о томъ же самомъ предметѣ и думаю, что изъ среды членовъ Статистическаго Комитета примутъ участіе нѣкоторые лица, кромѣ секретаря Комитета (С. В. Руденко, онъ же правитель канцеляріи начальника Кубанской области), который уже обѣщаль свое содѣйствіе.

Согласно съ цѣлями Археологическаго Съѣзда и предположенной при немъ археологической и этнографической выставки постановлено было чрезъ посредство г. Начальника Кубанской области, Кубанскаго Статистическаго Комитета, г. директора Народныхъ училищъ и Кубанскія Областныя Вѣдомости обратиться къ высшимъ должностнымъ лицамъ области, любителямъ старины, народнымъ учителямъ и другимъ лицамъ съ просьбою оказать содѣйствіе цѣлямъ Съѣзда и Кубанскаго отдѣленія присылкою предметовъ, фотографій, сообщеній и пр. Кромѣ того, нѣкоторыми членами были намѣчены работы для отдѣленія и съѣзда:

Е. Д. Фелицынъ. Археологическая карта Кубанской области.

Е. Д. Фелицынъ }
В. С. Шамрай. } Обзоръ кургановъ въ Кубанской области.

П. П. Короленко. Церковныя запорожскія древности въ Кубанской области.

В. М. Сысоевъ. а) Сводъ данныхъ о Тмутораканскомъ княжествѣ; б) Каменные бабы въ предѣлахъ Кубанской области; в) Церковныя запорожскія древности въ Кубанской области; г) Обзоръ древнегреческихъ колоній на восточныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей.

Л. М. Мельниковъ. Этнографическія данныя, извлеченныя изъ посмертныхъ бумагъ М. А. Дикарева.

С. И. Борчевскій. Фотографіи археологическаго и этнографическаго характера.

А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. Сентинскій храмъ и его фрески.

М. О. Поночевный. Исторія Босфорскаго царства.

Кромѣ того, постановили обратиться къ С. О. Мельникову-Разведенкову, директору учительской семинаріи, съ просьбою представить свою работу по исторіи Босфорскаго царства.

Опредѣлили также, чтобы въ слѣдующихъ засѣданіяхъ отдѣленія разрабатывать программы собиранія матеріаловъ и намѣчать будущія работы.

Текущимъ лѣтомъ намѣчены слѣдующія раскопки въ Кубанской области: а) окрестности ст. Нефтяной и Апшеронской (къ юго-западу отъ гор. Майкопа) въ предгорьяхъ, гдѣ имѣется въ виду раскопать нѣсколько кургановъ; б) дольменные кладбища выше ст. Эриванской (къ югу отъ ст. Крымской); в) курганы близъ ст. Томанской. Раскопки будутъ произведены В. М. Сысоевымъ, а также А. Н. Дьячковымъ-Тарасовымъ и Я. Г. Семеновымъ, подъ руководствомъ В. М. Сысоева.

О необходимости учрежденія въ Кубанской области естественно-историческаго и этнографическаго музея.

В. Щербины.

Изученіе родины представляетъ не только одну изъ существенныхъ, но и обязательныхъ задачъ для всѣхъ людей безъ исключенія, потому что, строго говоря, нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы родины или который не связанъ былъ бы, какъ съ родиною, съ извѣстною мѣстностью, а слѣдовательно не обязанъ былъ тѣмъ или другимъ положеніемъ своей родины; съ этой точки зрѣнія и изученіе Кубанской области для насъ, ея жителей, является дѣломъ настоятельно необходимымъ и неотложнымъ.

Кубанскую область принято обыкновенно причислять къ числу молодыхъ, недавно колонизованныхъ мѣстностей. Исторически это, конечно, совершенно вѣрно, если исторію края считать со времени заселенія его казаками бывшаго запорожскаго войска, выходцами съ Дона, Хопра и пр. Но и при такомъ условіи нашъ молодой край живетъ такою кипучею и быстро мѣняющеюся жизнью, сама эта жизнь настолько сложна и характерна, естественныя условія края такъ разнообразны и многообѣщающы для его дальнѣйшаго развитія, наконецъ, недолгое историческое прошлое области, какъ русской провинціи, такъ богато и поучительно разнаго рода событіями, особенностями въ бытовомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ, что изученіе родины здѣсь, быть можетъ, необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Жизнь идетъ безостановочно, не поджидая и не выжидая, какъ дѣлаютъ это люди, въ лучшемъ случаѣ задумываясь надъ тѣми или иными ея задачами и требованіями; а между тѣмъ для изученія Кубанскаго края сдѣлано такъ мало при изумительномъ богатствѣ и разнообразіи его естественныхъ, историческихъ и другихъ условій.

Само собою понятно, что лучшее изъ лучшаго въ этомъ отношеніи заключалось бы въ томъ, если бы Кубанскій край былъ изученъ возможно всесторонне и самые результаты изученія были обставлены всѣми средствами, выработанными наукою и жизнью, въ видахъ, такъ сказать, демонстративнаго знакомства съ добытыми результатами. Другими словами, если бы была изучена исторія края, его населеніе въ антропологическомъ отношеніи, этнографія, обычное право, экономическая жизнь, промышленность, торговля, климатическія условія, почвенныя и геологическія особенности, флора, фауна и пр., и пр., и если бы рука объ руку съ этимъ изученіемъ были орга-

низованы музеи, изданы печатные труды, собраны коллекции и гербарии, разработаны добытые данные в формѣ картограммъ, диаграммъ и т. п., то осуществленіе этого широкаго и, позволяю себѣ выразиться, слишкомъ идеальнаго плана было бы лишь естественною данью своей родинѣ со стороны тѣхъ, кто такъ или иначе связанъ съ нею. Но, ставя болѣе скромный вопросъ о необходимости учрежденія Кубанскаго естественно-историческаго и этнографическаго Музея, я позволилъ себѣ начать съ болѣе широкихъ задачъ, съ тою цѣлью, чтобы сильнѣе подчеркнуть еще болѣе скромное положеніе: сдѣлать немного и возможное. Быть можетъ, да и навѣрное конечно, для широкаго изученія края оказался бы недостатокъ и въ силахъ, и въ средствахъ. Не то вопросъ о Музеѣ. Въ разрѣшеніи его нѣтъ ничего невозможнаго, а между тѣмъ нужда въ этомъ отношеніи до-нельзя назрѣла.

Сводя задачи историческаго Музея къ тремъ пунктамъ: 1) къ коллектированію историческихъ предметовъ, характеризующихъ по преимуществу Кубанское войско; 2) къ коллектированію естественныхъ предметовъ (почвъ, минераловъ, растений, животныхъ и пр.) и 3) описаніямъ или періодически выпускаемымъ трудамъ по тому или другому отдѣлу, — для учрежденія музея потребовались бы не столько силы, сколько средства; а средствами Кубанское войско, не беря грѣха на душу, можно сказать, не бѣдно. Музей именно долженъ быть войсковою и основанъ на средства войска. Горькій опытъ показываетъ, что войску давно слѣдовало это сдѣлать, не жалѣя средствъ. Я не стану здѣсь подробно перечислять тѣхъ печальныхъ, но поучительныхъ фактовъ, которые неотразимо приводятъ къ этому заключенію. Когда-то у насъ были рѣдкіе портреты кошевыхъ атамановъ, а гдѣ они теперь трудно даже догадаться. Когда-то нашимъ историческимъ дѣятелямъ и самому войску жаловались вещи и предметы, могущіе составить лучшія украшенія музеевъ, а теперь о многихъ изъ этихъ предметовъ и помину нѣтъ. Золотая сабля, напр., кошевого Чепеги находится гдѣ-то въ частныхъ рукахъ, а о богатѣйшей запорожской ризницѣ, хранившейся въ Межигорскомъ монастырѣ, въ настоящее время даже описи не оказывается. А сколько могло бы быть бережено цѣнныхъ вещей, имѣющихъ историческое значеніе для войска и находившихся у разныхъ лицъ изъ среды нашего казачества!

Въ такомъ же положеніи находится и вопросъ о нашихъ писанныхъ историческихъ матеріалахъ, которыми когда-то изобиловали и центральные, и станичные архивы. Такимъ образомъ выходитъ, что всѣ тѣ предметы, которые могли бы наглядно напоминать потомкамъ о казачьей славѣ ихъ предковъ, такъ сказать, наши реликвиі, годъ съ годомъ теряются и уничтожаются. Признать это естественнымъ порядкомъ дѣль и подчиниться этому порядку, конечно, никакъ нельзя. А если нельзя, если нужно сохранить то, чѣмъ дорожатъ люди и наука, то остается собрать все это и собранное хранить въ общественномъ учрежденіи. Такое учрежденіе и представлялъ бы Кубанскій естественно-историческій и этнографическій Музей.

При Кубанскомъ областномъ Статистическомъ Комитетѣ основанія такого Музея отчасти уже положены. Въ немъ есть коллекціи археологическихъ вещей и предметовъ, коллекціи минераловъ, птицъ и проч. Правда, коллекціи эти ограничены по количеству своему, но въ этомъ не онъ виноватъ: онъ имѣетъ свои спеціальныя

задачи да и не обладает для сгруппированія у себя того или другого достаточными силами и средствами; остается раздвинуть рамки, поставить дѣло на болѣе широкихъ началахъ. Какъ это дѣлать и на какія средства,— разрѣшеніе вопроса съ этой стороны и мотивировка его требуетъ болѣе детального и дѣлового, такъ сказать обсуждения.

Остановливая съ своей стороны на этомъ вниманіе собранія гг. членовъ Кубанскаго областного Статистическаго Комитета, единственнаго научнаго учрежденія въ краѣ, я имѣлъ въ виду только намѣтить вопросъ о необходимости Кубанскаго естественно-историческаго и этнографическаго Музея, поставить его въ число очередныхъ и неотложныхъ вопросовъ, назойливо выдвигаемыхъ напеку жизнью.

Аѳонскій списокъ 978 г. грузинской Библии

А. С. Хаханова.

Два мѣсяца 1902 года, июнь и июль, я провелъ на Аѳонѣ, куда былъ командированъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для занятій грузинскими рукописями въ библиотекѣ Иверскаго монастыря.—Аѳонъ, вслѣдъ за старѣйшими грузинскими монастырями въ Палестинѣ, на Синаѣ, въ Антіохіи, сыгралъ весьма важную культурную роль въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія Грузіи. Грузины поселились на Аѳонѣ давнымъ-давно, почти одновременно съ зарожденіемъ здѣсь монашества, и уже въ 787 г., въ царствованіе Константина и Ирины, ими была построена общежительная обитель на подгоріи Аѳона, составляющая нынѣ Предтеченскій скитъ Иверскаго монастыря. Однимъ изъ плодотворныхъ центровъ грузинской книжной дѣятельности Аѳонъ становится въ X в., со времени возникновенія здѣсь обители Ивера, благодаря трудамъ и приношеніямъ знаменитаго полководца грузинскаго царя Давида Куропалата, Іоанна-Ивера Варасваче. Его примѣру послѣдоваль сынъ его Евѳимій и извѣстный военачальникъ, князь Торникій Эрстовъ, который прославился также въ Византіи тѣмъ, что съ 12000-нымъ грузинскимъ войскомъ усмирить Варда Склири, возмущившагося противъ императора Василія Порфиророднаго. Торникій, щедро одаренный благодарнымъ царемъ византійскимъ за оказанныя услуги, вновь вернулся на Аѳонъ, доставшееся богатство пожертвовалъ на построеніе большого Иверскаго собора (982—985 гг.), а самъ, снявъ свой желѣзный панцырь, понынѣ хранящійся въ Иверѣ, уединился въ монашеской кельѣ. Съ этого времени Аѳонъ становится не только мирнымъ приютомъ для грузинъ-подвижниковъ и отшельниковъ, но и центральнымъ пунктомъ грузинской образованности. Здѣсь возникаетъ знаменитая богословская школа, слава которой въ XI—XII вв. привлекаетъ молодыхъ грузинъ изъ родины для довершенія своего школьнаго образованія. Развалины этой академіи и теперь замѣтны близъ скита Іоанна Предтечи на разстояніи получасового хода отъ Ивера. Здѣсь же, въ Иверѣ закинула переводческая дѣятельность грузинскихъ иноковъ, изъ которыхъ сынъ Іоанна, основателя этой обители, св. Евѳимій, и преемникъ его Георгій Мтацминдели въ теченіе XI в. переложили съ греческаго языка на грузинскій яз. болѣе ста книгъ. Разъ начатое дѣло постепенно возрастало, число иноковъ въ Иверѣ увеличивалось непрерывно, который съ 1004 г. соблаговолила избрать своимъ пребываніемъ икона Иверской Божіей Матери, извѣстной подъ именемъ *Портаиссы*—*Вратарницы*, *ἡ ἁγία*. Книжная сокровищница, обогащавшаяся также трудами преемниковъ первыхъ перелазгателей Священнаго Писанія, снабжала Грузію нужными переводами сочиненій нравственно-религіознаго содержания. Но съ теченіемъ времени, въ особенности со дня присоединенія Грузіи къ Россіи, въ Иверѣ число грузинъ постепенно уменьшилось, и въ настоящее время онѣ

занять греками. Изъ богатой библіотеки осталось немного, но въ ней и теперь еще имѣются такіе памятники, которые являются единственными въ грузинской христіанской литературѣ. Изъ нихъ списокъ 978 г. перевода грузинской Библии служитъ важнѣйшимъ источникомъ какъ для установленія текста священнаго Писанія, такъ и для историческаго изученія грузинскаго языка.

Прежде всего на Аѳонѣ я занялся исправленіемъ и дополненіемъ каталога грузинскихъ рукописей, составленнаго въ 1886 г. проф. Цагарели. Между прочимъ, мнѣ удалось открыть 14 невнесенныхъ въ списокъ моего предшественника пергаментныхъ манускриптовъ, изъ которыхъ рукопись X в. съ нотными знаками является весьма цѣнной находкой. Кромѣ того, я занимался извлеченіемъ изъ рукописей Ивера такихъ грузинскихъ памятниковъ, которые или неизвѣстны въ книгохранилищахъ Грузіи и Россіи, или же дополняютъ и измѣняютъ извѣстные списки житій святыхъ, апокрифовъ, церковныхъ каноновъ и пр. Такъ, я списалъ житіе св. Федора и армянскихъ святыхъ, мученичество 9 отроковъ Колайскихъ, апокрифы о построеніи первой церкви въ Лиддѣ, кончинѣ Іоанна Богослова, Шестодневъ Василя Великаго, житіе св. равноапостольнаго (Панкратія Баграта, епископа Тавраменійскаго *) на островѣ Сициліи, написанное ученикомъ его, Евагріемъ. Этотъ послѣдній памятникъ важенъ въ томъ отношеніи, что греческій текстъ соч. Евагрія не сохранился въ славянскомъ переводѣ. Не менѣе интересно дополненіе къ канонамъ Іоанна Постника, неизвѣстное въ изданныхъ мною совместно съ проф. Московской духовной академіи Н. А. Заозерскимъ параллельно на грузинскомъ, греческомъ и славянскомъ языкахъ (М. 1902). Но главной своей задачей я поставилъ вопросъ о сличеніи грузинскаго печатнаго текста Библии съ ея спискомъ 978 г., хранящимся въ Иверской библіотекѣ. Объ этомъ списокѣ къ поговори нѣсколько подробнѣе.

Аѳонскій списокъ грузинской Библии, судя изъ обстоятельнаго послѣсловія къ ней, написанъ въ 978 г. in folio на пергаментѣ съ киноварными заглавіями, четко и красиво, безъ раздѣленія на главы и стихи, тремя писцами: Михаиломъ, Стефаномъ и Георгіемъ и въ двухъ громадныхъ книгахъ приобрѣтенъ—*ძვეველი წიგნი ძვეველია*—Торникіемъ, выше названнымъ княземъ Эристовымъ, однимъ изъ первооснователей грузинскаго монастыря на Аѳонѣ. О спасеніи его души въ нѣсколькихъ мѣстахъ сохранилась запись съ воззваніемъ. Аѳонскій списокъ не полонъ: въ началѣ вырваны листы и открывается онъ съ конца 8 стиха 12 гл. книги Бытія. Далѣе въ нѣсколькихъ мѣстахъ не хватаетъ листа по два, по-три и болѣе, такъ что въ списокѣ совершенно нѣтъ книгъ: Чисель, Второзаконія, Іисуса Навина и пр.

О форматѣ и характерѣ письма даетъ представленная копія съ 1-го листа, сдѣланная мною. Нельзя не выразить глубокаго сожалѣнія о вандализмѣ, съ которымъ обращались съ этимъ драгоценнымъ достояніемъ христіанской письменности. Но и то, что уцѣлѣло отъ нечистыхъ прикосновеній къ аѳонскому списку, является чрезвычайно важнымъ для установленія грузинскаго текста Священнаго Писанія, страдающаго значительными несовершенствами. Но прежде чѣмъ перейти къ результату сличенія грузинскаго печатнаго текста Библии съ ея Аѳонскимъ спискомъ, нужно вспомнить исторію постепеннаго ея искаженія. Грузинская Библия была напечатана впервые алфавитомъ церковнымъ «хуцури» въ 1743 г., притомъ не въ Грузіи, а въ Москвѣ, въ селѣ Всесвятскомъ, по инициативѣ и руководству грузинскаго царевича Бакара, переселившагося въ Россію въ 1721 г. вмѣстѣ съ отцомъ, извѣстнымъ

*) Изданъ съ предисловіемъ и переводомъ А. Хаханова въ „Трудахъ по востоковѣденію, изд. Лазаревскимъ Институтомъ восточн. яз.“, вып. XX, М. 1904.

царемъ-законодателемъ Вахтангомъ VI, союзникомъ Петра Вел. въ персидскомъ походѣ. Главное наблюденіе при печатаніи Библии имъ было поручено архіепископу Іосифу Самебели. При изданіи ея руководствовались спискомъ Священнаго Писанія, подготовленнымъ къ печати еще царемъ Арчиломъ, переселившимся въ Москву раньше Вахтанга VI. Однако, издатели, не довольствуясь имѣющимъ въ ихъ распоряженіи древнимъ переводомъ Библии, стали ее исправлять, приравливаясь къ славянскому тексту, и такъ какъ въ уразумѣніи этого языка они не отличались нужною солидностью, то вмѣсто улучшенія положили начало искаженію грузинской Библии. По истеченіи болѣе полутора вѣка съ времени изданія грузинской Библии, въ 1884 г. была вновь она издана алфавитомъ гражданскимъ—мхедрули—по распоряженію грузино-имеретинской синодальной конторы, и лишь недавно, въ 1900 г., напечатано Британскимъ библейскимъ обществомъ Пятикнижіе Моисея, представляющее буквальное воспроизведеніе тифлискаго изданія 1884 г. Въ предисловіи къ изданію Библии 1884 г. заявлено отъ редакціи, что при печатаніи ея главное вниманіе было обращено на аѳонскій списокъ будто бы IX вѣка (?), копію съ котораго сняли въ Тифлисѣ, въ 1856 г. при экзархѣ Грузіи Исидорѣ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи аѳонскаго списка и печатной Библии оказывается, что изданіе ея 1884 г. представляетъ точное повтореніе московскаго (или Бакаровскаго) текста 1743 г. съ нѣкоторыми несущественными исправленіями и съ обильнымъ количествомъ новыхъ корректурныхъ опечатокъ. Такимъ образомъ, на пространствѣ 160 лѣтъ трижды напечатанная грузинская Библия постепенно ухудшалась въ чистотѣ и правильности текста. Въ Тифлисѣ нынѣ организована коммиссія при экзархѣ Грузіи, съ цѣлью исправить текстъ грузинской Библии. Идя навстрѣчу этой назрѣвшей потребности, я занялся сличеніемъ печатнаго текста грузинской Библии 1743, 1884 и 1900 г. съ аѳонскимъ ея спискомъ 978 г. Отправляясь на Аѳонъ, у меня было намѣреніе произвести сличеніе Пятикнижія Моисея, какъ оно дано въ печати и въ рукописи. Но занявшись этимъ вопросомъ, пришлось его еще болѣе сузить и ограничиться сличеніемъ одной лишь книги Бытія, въ виду того, что предстояло исправлять не только каждый стихъ, но часто каждое слово отдѣльнаго стиха. Наглядное представленіе о состояніи грузинской печатной Библии даетъ любая глава Бытія, испещренная поправками, дополненіями и измѣненіями. (См. приложеніе). Краткое *resumé* исполненной мною работы имѣю честь теперь представить Вашему вниманію.

1) При сличеніи печатнаго текста грузинской Библии 1743, 1884 гг. и части ея, Пятикнижія 1900 г., выясняется полная зависимость Тифлискаго изданія 1900 г. отъ текста 1884 г. и этого послѣдняго отъ Московскаго или Бакаровскаго изданія 1743 г.

2) Аѳонскій списокъ 978 г. почти совершенно не былъ принятъ во вниманіе при печатаніи Библии въ Тифлисѣ 1884 г., хотя издатели ея увѣряютъ, что они ею руководствовались. Транскрипціи именъ, корректурныя опечатки и вообще всѣ ошибки Бакаровскаго изданія 1743 г. повторились въ Тифлисскомъ 1884 г. съ новыми погрѣшностями, падающими на отвѣтственность издателей.

3) Пятикнижіе Моисея, изд. въ Тифлисѣ въ 1900 г., есть буквальное воспроизведеніе тифлискаго изданія 1884 г. Такъ, невѣрное чтеніе собственныхъ именъ სუბა , ლათო въ Бакаровскомъ изд. повторяетъ Тифлисское изд. 1884 и 1900 г., несмотря на то, что издатели, если бы воспользовались копіей съ аѳонскаго списка, могли бы исправить, давъ правильную ихъ транскрипцію въ формѣ სუბა , სათა , XXXVI, 9. ლათ , а не ლათო (что имѣетъ другой превратный смыслъ и означаетъ пьяницу). Точно такъ же списокъ устранилъ бы ошибочно слитое чтеніе двухъ именъ აბნედე , если бы

только обратились къ рукописи, гдѣ имена *აზბზ* и *აზზ* (*Измѣр Азб*) даются раздѣльно. При сличеніи же печатнаго текста Библии съ ея аѳонскимъ спискомъ 978 г., выступаетъ основное отличіе перваго отъ втораго, заключающееся въ подновленіи языка, притомъ большею частью неудачномъ, какъ въ лексическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи, вставкахъ и незначительныхъ пропускахъ, очевидно, внесенныхъ впервые въ Бакаровскій текстъ подъ вліяніемъ славянской Библии. Воздѣйствіемъ послѣдней объясняются транскрипціи собственныхъ именъ, напр. *რაქილ*, *ისრაილ*, *კედარ* вм. древняго воспроизведенія въ Аѳонск. сп. *რაქელ*, *ისრაელ*, *კედარ* (по-гречески *Ραχήλ*, *Ἰσραήλ* *Κηδάρ*), въ которыхъ *ჟ* (*e*) является выраженіемъ греческаго *η*, перешедшее въ славянскій и отсюда въ грузинскій исправленный Бакарововскій текстъ въ видѣ *o*. (и) Вообще нужно замѣтить, что греческому *η* въ аѳонскомъ спискѣ всегда соотвѣтствуетъ *ჟ*, (*e*) а греческому *β*—*ბ* (*b*), а не *ვ*, напр. *სოფალ* (*Σωβάλ*), *სებეგონ* (печатн. *სებეგონ*) подъ вліяніемъ славянскаго текста *Σεβεγών*. Аѳонскій списокъ не пользуется приѣмомъ печатной Библии Бакаровскаго и тифлискаго изданія соединять отдѣльные стихи съ помощью союзовъ *ღ* и *ხალა* (*и*, *но*). Дѣленіе на главы и стихи въ немъ вовсе отсутствуетъ. Союзы соединительный и противительный *ღ* и *ხალა* употребляются рѣдко, притомъ иногда тамъ, гдѣ нѣтъ ни *ღ*, ни *ხალა* въ Москов.-Тифлис. изд. Библии. Точно такъ же часто пропускаются союзы *რამეთუ*—*იბო*, *ვითარმედ*—что и др. Вообще конструкція рѣчи аѳонскаго списка отличается большею сжатостью и лаконичностью, примѣромъ чего можетъ служить бесѣда Авраама со странниками о казни Содомы и Гомморы. Сжатость достигается какъ пропускомъ соединительнаго и противительнаго союзовъ, такъ и замѣной косвеннаго управленія печатной Библии прямымъ управленіемъ, путемъ значительнаго ограниченія пользованія предлогами *მიპრო* (*къ*), *ზედა* (*на*), *შინა* (*въ*) съ дательн. пад., замѣняя его мѣстнымъ падежомъ безъ предлога. Аѳонскій списокъ, въ противоположность Бакар.-Тифлисскому *) изданію, изъ двухъ однозначущихъ словъ съ усѣченнымъ и полнымъ окончаніемъ предпочтеніе отдаетъ первымъ, т. е. словамъ сокращеннымъ: *წელი* вм. *წელიწადი* (*лѣто*), *სამე* вм. *სადამე* и др. Этимъ же объясняется употребленіе въ аѳонскомъ спискѣ глаголовъ безъ приставокъ, которыми не всегда кстати пользуется печатный текстъ. Напр. *ბოიოლა* вм. *მობოიოლა*, *ბისხხა* вм. *გახურბისხხა*, *უთხრეს* вм. *მოუთხრეს* и др. Префиксы или показатели II и III лицъ въ глаголахъ *ჰ*, (*h*) *ს* (*s*) въ Аѳонскомъ спискѣ подчиняются опредѣленнымъ нормамъ, которыми пренебрегаетъ печатная Библия, прибѣгая къ современному произношенію: отсюда въ Аѳ. сп. *ჯდა*, *ტახჯა*, *აღღვ*, вм. печатн. *სჯდა*, *სტახჯა*, *აღღვა*, т. е. печатный текстъ даетъ префиксъ *ს*. Аѳонскій списокъ не знаетъ совершенно придаточныхъ предложений, сокращенныхъ съ помощью причастія и имени существъ. Подобная конструкція рѣчи, несвойственная грузинскому языку и искусственно введенная въ Бакар. груз. текстъ подъ вліяніемъ греческой и славянской Библии, въ Аѳонскомъ сп. замѣняется полнымъ предложениемъ. Поэтому *λέγων*, *λέγουτες* въ Аѳонскомъ спискѣ всегда передается полнымъ предложениемъ—*ჰრქუა*, *ჰრქუეს* и соединяется съ предшествующимъ предложениемъ союзомъ *ღ* (*и*), т. е. подчиненіе греческаго текста замѣняется въ Аѳонскомъ спискѣ сочиненіемъ. Несогласіе Аѳонскаго списка съ печатнымъ заключается еще въ пропускѣ иныхъ собственныхъ именъ въ гл. 46 и въ отсутствіи въ первомъ нѣкоторыхъ стиховъ и отдѣльныхъ предложений, имѣющихся въ Бакар.-Тифл. изданіи. Такъ, въ немъ нѣтъ вовсе стиха 30-го XXXVIII гл. и 10 ст. XLIV гл., отдѣльныхъ предложений изъ 17 ст. XXIII ч., изъ 32 ст. XXIV гл. и пр. Но помимо пропусковъ, отличающихъ Аѳонскій списокъ отъ печатнаго текста, въ первомъ, т. е. въ Аѳонскомъ спискѣ, вскрываются и вставки,

*) Т.-е. Бакаровское (1743) и Тифлисское (1884 г.) изданія.

имѣющія цѣлью придать большую ясность тексту: такъ, въ немъ имѣемъ слѣд. примѣръ вставки: 22 ст. XXV гл. по греческому тексту, согласному съ Бакар. изданіемъ, читается ἐσχήτων δὲ τὰ παῖδια ἐν αὐτῇ, т. е. въ Ревеккѣ, аѳонскій списокъ прибавляетъ მუცელსა მისსა (въ *утробѣ* ея). Наконецъ, Аѳонскій списокъ перестанавливаетъ стихи *) (напр. гл. XLVIII ст. 6 и 7, гл. XLIX, ст. 13, 14, 15), пользуется конструкціей рѣчи и лексикой, свойственными архаическому языку. Я составилъ параллельный перечень словъ архаическихъ въ Аѳ. сп. и подновленныхъ въ Бакар. изданіи *Нѣкоторые вставки и пропуски*, точно такъ же лексическій составъ и грамматическій строй Аѳонскаго списка свидѣтельствуютъ объ его независимости отъ греческаго оригинала. Отступленія эти еще подлежатъ объясненію, но смѣю высказать предположеніе, что они являются остатками прежняго до—Аѳонскаго перевода Библии по нѣкоторымъ явленіямъ съ сирскаго языка на груз. языкъ въ Палестинѣ и извѣстнаго подъ названіемъ საბაწმინდური—сабацминдури, по имени грузинскаго монастыря въ Иерусалимѣ св. Саввы, гдѣ былъ предпринятъ грузинскій переводъ Библии. Второе мое предположеніе тѣсно связано съ первымъ. Мнѣ думается, что Аѳонскій списокъ не является первоначальнымъ прототипомъ грузинской Библии. Судя по нѣкоторымъ вскрывающимся въ немъ опискамъ, онъ былъ снятъ съ другого болѣе древняго памятника и быть-можетъ подновлялся въ Иверскомъ монастырѣ сообразно съ греческимъ текстомъ. Переписчикъ кое-гдѣ не смогъ разобрать древняго письма и поэтому смѣшалъ буквы, слилъ слова или раздѣлилъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они должны быть соединены. Отсюда у него имена ლუკა მ. ზუკან (Σουκκμ), სონ მ. რისონ, вслѣдствіе сліянія перваго слога რი этого имени съ окончаніемъ არი предшествующаго слова მოთვარი. Слилъ имена ანქიმ დ როს (Αγγελ και Ρως) въ одно, притомъ неправильно разобранное слово — ლაქისროს. Еще нѣсколько подобныхъ фактовъ, казалось бы, подкрѣпляютъ мысль мою о томъ, что Аѳонскій сп. не есть первоначальный переводъ Библии, а лишь копія съ древняго оригинала, быть можетъ автографъ св. Евѳимія, трудъ котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, хранится въ Иверѣ, но скрывается отъ постороннихъ глазъ, разрѣшить этотъ вопросъ.

Основываясь на изученіи первой книги Библии, достоинства и недостатки Аѳонскаго ея списка представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Не только по матеріалу и характеру письма Аѳонскій списокъ является однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ въ грузинской литературѣ, но и по языку, т. е. по фактамъ этимологій и синтаксиса, по словарному матеріалу.

Обращаясь къ этимологій, отмѣтимъ наиболѣе выдающіяся особенности Аѳонскаго списка, нерѣдко совпадающія въ этомъ отношеніи съ указанными мною въ другихъ памятникахъ того же времени («Номоканонъ», «Правила VI всел. собора»).

Имена, какъ существительныя, такъ и прилагательныя, склоняются въ единственномъ и множественномъ числѣ, при чемъ послѣднее имѣетъ двѣ формы съ суффиксомъ ვბ (ებ) и ბ, (ი) рѣже первая форма, чаще вторая, но любопытно, какъ бы то ни было, отмѣтить присутствіе формы множественнаго числа съ суффиксомъ ვბ, (ებ) считающейся болѣе позднимъ способомъ образованія. Такъ, мы имѣемъ существительное ცხენები, კიტუები, კუერთხები (XXX, 13, 40), ვირები (XXX, 5). Отсюда образуется выраженіе ცოცხლებით ხარ, εἰ ὑγιάνει, მ. სიმთელით (Тифл. XLIII, 27) прилагат. კრელები (XXX, 37).

Мѣстоименія თვისი, მისი, მან, იგი употребляются чаще, чѣмъ это дается въ печатномъ текстѣ грузинской Библии, при чемъ болѣею частью они соотвѣтствуютъ члену имени въ греческомъ оригиналѣ; такъ, напримѣръ, въ Аѳонскомъ списокѣ читается:

*) О перестановкахъ главъ читается на страницахъ обоихъ томовъ, карандашомъ (сравнительно съ печат. текстомъ: დაბეჭდილში ეს აქ არარის...)

მისცა საკმელო *ὄσθ* ჭ პური *ὄσθ* (T. *) მისცნა ჭამადი ჭ პური) — *καὶ ἔδωκε τὰ ἐδέσματα καὶ τοὺς ἄρτους* (XXVII, 17), т.-е. *τὰ* и *τοὺς* соотвѣтствуютъ указат. мѣстоим. იგი [C p. XIV, 10: კვი იგი T. ღლე, ἢ δὲ *κοιλίας*; XIX, 4: კაცი იგი — *οἱ ἄνδρες*; ორნი იგი ანგელოზნი — *οἱ δὺο ἀγγελοι*, XIX, 1]; другой примѣръ: მოვიდეს კაცისა მის რომელი იგი იყო სახლსა — *προσελθόντες πρὸς τὸν ἀνθρώπον τὸν* (Тифл. ჭ მოუხდეს კაცსა...), гдѣ мѣстоимѣнია მის и იგი соотвѣтствуютъ греч. *τὸν* (XLIII, 19). ვითარ განთენა ღამს იგი (T. ვითარ გათენდა) — *Τὸ πρῶτ' διεφασε* (XLIV, 3). Ср. XXX, 40, 41, 42. ჰრქუა მასღელამან მისმან (T. ჰრქუა მასღელამან) — *εἶπε δὲ αὐτῷ ἡ μήτηρ* (XXXIV, 13), гдѣ η соотв. მისმან. Часто тзსი печатнаго изданія замѣняется въ Аѳонскомъ спискѣ чрезъ მისი (მისი) въ смыслѣ *αὐτοῦ*, его: დაუტევა სამოსელი თვისი (T.), დაუტევა სამოსელი მისი *Αθ. სპ.* — *κατέλειπε τὰ ἱμάτια αὐτοῦ* (XXXIX, 13); ჭ მისცა საკმელო იგი ჭ პური იგი რომელ ჭმნა კელითა იაკობისათა მისა თვისისათა ჭ შეართუნა იგი მამსა მისსა (T. იხსსა), въ греч. текстѣ *πατρὶ αὐτοῦ* (XXVII, 17). მისი მისნი списка вмѣсто თვისი — თვისნი печатнаго изданія соотвѣтствуетъ иногда члену греч. текста: მოიყუანნა ორნივე ცოლნი მისნი ჭ ყრმანი მისნი (T. ორნი ცოლნი თვისნი ჭ ძენი თვისნი) — *ἔλαβε τὰς δὺο γυναῖκας καὶ τὰς δὺο παιδίσκας* (XXXII, 22) Ср. *Αθ.* უხუცესმან მან (T. XIX, 37, ἢ *πρεσβυτέρα*).

Нерѣдко встрѣчаемъ обратный случай замѣны мისი, მისთა печатнаго изданія чрезъ თვისი, თვისთა въ Аѳонскомъ спискѣ: ჰრქუა ფარაო ყოველთა მონათა თვისთა (T. მსახურთა მისთა) — *εἶπε Φαράω τοῖς παισὶν αὐτοῦ*, гдѣ правильнѣе читать *αὐτοῦ* (XLI, 38).

Члену въ иныхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ энклитика *ვე*: (XXIX, 3) ადგილსავე თვისსა, *eis τὸν τόπον αὐτοῦ*. Ср. *Αθ.* ყოველივე სიმდიდრე (T. ყოველი სიმდიდრე XXXI, 16), *πάντ' τὸν πλοῦτον*. Ср. მიერვე მდინარით, *ἐκ τοῦ ποταμοῦ* (XLI, 3), გეყავნ შენი შენვე (XXX, 8) *ἔστω σοὶ τὰ σά*. Определеніе, выраженное именемъ или мѣстоименіемъ въ родит. пад., точно такъ же дополняется въ вин. пад., оканчивающемся на гласн. ა, ო, присоединеніемъ еще звука *ε*: მოვიგე ზროხაჲ (T. ზროხები, *βίος*, XXXII, 5), უწოდა სახელი ხილუაჲ ღუთისაჲ (T. ხილუა ღუთისაჲ, *ἐχάλεσε Ἰαχὼβ... εἶδας τὸν θεόν*). დედისა შენისათაჲ (T. შენისათა, XXVIII, 2). *τῆς μητρὸς σου*. არარაჲ იცოდა (XXXIX, 23). უძღვენა... კუროჲ ათი (A. XXXII, 15). Ср. XXXVII, 30: ყრმაჲ იგი.

Иногда имя на *ა* въ смыслѣ подлежащаго присоединяетъ въ имен. п. къ окончанію звукъ *ε*: უკუეთუ არა ძმაჲ თქუენი უმრწემსი იყოს თქუენთანა (T. ძმა თქუენი, *ἐὰν μὴ ἄδελφός ἴμῶν ὁ νεώτερός μετ' ἴμῶν ἦ*, гдѣ *ε* соотвѣтствуетъ члену *ὁ* (XLIII, 5); რაჲსალა არს ცხობებაჲ ჩემი, *τὸ ζῆν* (XXVII, 46), მამაჲ ჩუენი მოხუცებულ არს (XIX, 31).

Прилагательное, образованное изъ род. пад. имени съ оконч. *ε*, сохраняетъ этотъ звукъ დღენი დროესანი (XXIX, 21), ძს ამანელთაჲ (XIX, 38), პირსა ზემ სოდომას- (XIX, 28), რებევასათა (XXIV, 55). Имена существ. на *ა* сохраняютъ *ε* въ твор. пад. ჩრდილოეთ (XXIV, 62), но ჩრდილოდ კერძა (XX, 1).

Что касается до глагола, то употребленіе его безъ приставокъ тамъ, гдѣ въ печатномъ изданіи онѣ имѣются, составляетъ отличительную особенность Аѳонскаго списка: განვიციენ (T. XVIII, 15) — A. ვიციდღე, განვიციენ — იციოდღე; მიუთხრეს (T. XLVIII, 1 и 2). Ср. XXII, 20, XXIV, 66, XXI, 22 и др. უთხრეს; მირბიოდა (T. XXIV, 28) A. რბიოდა, გამოუხინდა (XXVI, 2). ეხუნა; Ср. ივლტოდა A. ვმ. შეივლტოდა T. — მოგიოხრა (T. XXXI, 27) A. უთხარ; მისცა (T.) A. მისცა. Изъ двухъ приставокъ въ A. остается одна: გაემოიყუანებოდა (T. XXXVIII, 25). — A. მიჰყუანდა; გამოვალს (T. XXXII, 6) — A. მოვალს; или обѣ пропускаются განურიხსნა — რიხსნა; აღმოთხარნეს (T. XXVI, 18) — A. თხარს. Есть случай въ A. удвоения приставки: ვმ. T. მოიპარენ (XXI, 30) A. წარმოიპარენ Данная приставка

*) Буквой T. обозначаемъ Тифлисское изданіе (1900 г.) пятикнижія: *Αθ.* и *Α* Аѳонскій списокъ.

въ печатномъ изд. замѣняется въ Аѳонскомъ спискѣ другой: მოვიდოდეს (Т. XXXVII, 25) А. შთავადოდეს. მი замѣняется чрезъ მო и წარ მოიყვანნა (Т. XXXV, 6); А. წარიყვანნა; მივიდო (XIV, 23); და чрезъ შე; დაასრულეს Т. XLIII, 2; А. შეასრულეს; შთა чрезъ წარ: შთავედით (Т. XLIII, 13) А. წარვედით. Префиксъ ს въ III л. пропускается въ глаголахъ, тема которыхъ начинается на согласные звуки დ, ჰ: აღსდევ (Т. XXI, 18). А. აღდევ, სდევდა (Т. XXXI, 23). А. დევდა, но დასდვა (А. XXXV, 21); სჭამენ (Т. XXXII, 32) А. ჭამენ. Ср. ტანჯა в. тифл. სტანჯა; ჯდა в. სჯდა.

Предъ რ сохраняется ჰ: ჰქუა. Слово это употребляется также въ формѣ ჰოქუა и ჰქუა (XXVII, 6, XXXI, 31) в.м. подновленного печатнаго სოქუა (XXXIV, 11 и др.). Въ этомъ словѣ безусловно пишется უ, такъ какъ въ двухъ-трехъ случаяхъ имѣемъ его съ раскрытымъ титломъ ჰოქუეს (XLVIII, 2). Префиксъ ჰ имѣется и тамъ, гдѣ онъ не долженъ быть; такъ, онъ встрѣчается въ I л. множ. ч. მივჰყიდოთ (XXXVII, 27). В.м. современной формы იხმთ Аѳонскій списокъ даетъ ჰხმთ. (XIX, 7). Повел. накл. въ А. дается съ оконч. იხ тамъ, гдѣ въ печатн. изд. имѣется ედ: დაადგინინ в.м. დაადგინედ (XLI, 35).

Во II л. ед. ч. въ нѣсколькихъ случаяхъ находимъ оконч. უ: სუ, ასუ (в.м. ვასუა (Т. XXIV, 19), при чемъ это უ не смягчается въ ვ въ сослаг. накл. по образцу печатнаго текста: Т. რათა ვსუა (Т. XXIV, 14). А. ვსუა. Пов. накл. ედ: მოვედ (XXXI, 13).

Прош. соверш. I л. на უ (y): ვოქუ: შემეზინა ლ ვოქუ (XXXI, 31). III л. мн. ч. perf. ეს (ეს) в.м. ენ (ენ): შერთდეს в.м. შერთდენ (Исходъ I, 10); ენ в.м. ს: უშენენ в.м. უშენეს (I, 11).

Причастіе образуется съ помощью суффикса ული безъ префикса მა: такъ, мы имѣемъ შეკრული в.м. ნაკრული.

Одинъ любопытный случай вставки мѣстоименія между приставкой и темой глагола имѣется въ гл. XIV, 13: მო + ვინმე + ვადა (Т. მოვიდა ვინმე). Ср. მირევე ახლა в.м. Т. მიახლა (XLIV, 18).

Слѣдуетъ еще отмѣтить почти постоянное повтореніе при междометіи აჰа слова ესერა XXVII, 6: А. აჰაესერა მესმა მე, М.-Т. აჰა მესმა, XLI, 42: А. აჰა ესერა დამიდგნიებოე, М.-Т. *) აჰა დაგადგენ შენ. Безъ ესერა междометіе აჰა см. XXIV, 43 и др.

Перехожу къ особенностямъ синтаксическимъ.

Согласованіе. Въ печатномъ текстѣ постоянно повторяется употребленіе имени существительнаго во множ. ч. при числительномъ, начиная съ двухъ. Въ Аѳонскомъ спискѣ такое согласованіе не отличается послѣдовательностью и строгою выдержанностью. Такъ, въ гл. XIX, ст. 1. (Т. и А.) имѣемъ согласованіе во мн. ч. მოვადოდეს ორნი იგი ანგელოზნი, но въ гл. XXI, 14 и 15 в.м. Т. ახანი ორასნი, ვაცნი ოცნი, კაცნი ოცდაათნი, ზროზანი ორმეოცნი ლ კურონი ათნი, А. даетъ безъ признака множ. ч. и числительное, и имя существ.: თხა ორასი, ვაცი ოცი, კაცი ოცდაათი ზროზა ორმეოცი ლ კურო ათი. (Ср. Т. ორნი ცელნი, А. ორნივე ცელნი XXXII, 22).

При дополненіи во множ. ч. между темой и оконч. глагола вставляется ბ (признакъ множ. ч.) XXXII, 22: მოიყუანნა ორნივე ცელნი.

Мѣстоименіе опредѣлительное придаточнаго предложенія, относящееся къ имени во множ. ч., остается то въ формѣ един. ч., то согласуется съ нимъ: А. ვოველნი სუელნირომელ შევიდეს ევკატეს (Т. ვოველნი სულნი შესრულნი) XLVI, 26); ვაცნი, რომელნი

*) Чрезъ М. Т. обозначаемъ Московское (Бакаровское) и Тифлисское изд. 1884 г.

მოვიდეს (ვმ. ტ. კაცთა მომავალთა XIV, 24) ეკვბტს (ტ. ყოველნი სულნი შესრულნი) XLVI, 26); глаголь же въ смыслѣ сказуемаго при мѣстоименіи относительномъ въ ед. ч., соединяющемъ придат. предл. опредѣлительное съ именемъ во множ. ч., ставится во множ. числѣ: А კაცი, რომელ იყვნ (ტ. კაცი მყოფნი XIX, 14).

Придаточныхъ сокращенныхъ предложений не знаетъ Аѳонскій списокъ. Вопреки печатному изданію, въ которомъ подъ вліяніемъ греческаго и славянскаго текста Библии встрѣчаются несвойственныя грузинской конструкціи рѣчи сокращенныя придаточ. предл., Аѳ. замѣняетъ ихъ полными. Такъ, не разъ повторяющееся въ Тифлисскомъ изданіи Библии, составляющемъ воспроизведеніе Бакаровскаго (Московскаго) изданія сокращеніе предложенія მეტყუელმან, მეტყუელთა, მეტყუელი, მეტყუელნი (λέγων, λέγοντες), въ А. причастіе это замѣняется глаголомъ съ личнымъ окончаніемъ ჰრქუა, ჰრქუეს. А.: უწოდა სახელი მისი მოაბ ღ ჰრქუა (ტ. ...მეტყუელიამ, ἐχάλεσε τὸ ὄνομα αὐτοῦ მოაბ, λέγουσα). Ср. А. მაფუცა მე ოფალმან ღ ჰრქუა მე (ტ... მეტყუელმან, XXIV, 37... λέγων). ტ. მოიქცეს მაუწყებელი მეტყუელნი въ А: მოიქცეს ღ მოვიდეს მოციქულნი ღ ჰრქუეს (XXII, 6).

Точно такъ же въ другихъ случаяхъ сокращенное съ помощью причастія придаточное предложеніе обращается въ полное и соединяется союзомъ ღ или мѣстоименіемъ относительнымъ: ტ. მიდგოდილმან შუა (XXIX, 35) въ А. მიუღდა ღ შუა (σαλλαβίονσα ἐπι ἔτεχεν). ტ. მე ვარ ღმერთი გამოჩინებული (XXXI, 13), А: მე ვარ ღმერთი შენი, რომელი გეჩუენე (Ἐγὼ εἰμι ὁ θεὸς ὁ ὀφθαλμοί). ტ. მიმგებელმან იოსებ ჰრქუა, А. მიუგო იოსებ ღ ჰრქუა (XLI, 16 Ἀποκριθεὶς τῷ Ἰωσήφ λέγων). Ср. XLVIII, 15, ტ. ღმერთმამ მზრდელმან, А. რომელმან განომზარდა.

Подобныя выраженія, искусственно введенныя московскими издателями грузинской Библии, отсутствуютъ въ Аѳонскомъ списокѣ, который, благодаря этому, приобрѣтаетъ высокое значеніе въ вопросѣ о передачѣ мысли съ иностраннаго языка на грузинскій. Аѳонскіе переводчики, считая чуждыми грузинской конструкціи сокращенныя придаточныя предложенія греч. текста, обращали ихъ или въ главныя и присоединяли ихъ къ предшествующему предложенію съ союзомъ ღ (и), или же въ полное придаточное предл. съ относительн. мѣстоименіемъ რომელი. Способъ подчиненія и сочиненія они чередуютъ, руководствуясь требованіями благозвучія языка. Нельзя не отдать предпочтенія Аѳонскому списку предъ исправленнымъ въ Москвѣ въ 1743 г. груз. текстомъ Библии подъ вліяніемъ славянской, въ такихъ случаяхъ, какъ, напр., წარვიცა ფარაო ბეჭელი ღ შეაცვა ვმხო искусственнаго сочиненія въ моск.-тифл. изданіи: წარგეტყუელმან ბეჭელისამან ფარაო შეაცვა (XLI, 43 Περιεῶμενος Φαράω τὸν δαχτύλιον... πεδιέθηλεν...) Прид. обст. предл., сокращенныя съ помощью неопредѣл. наклон., какъ не соотвѣтствующія груз. рѣчи, замѣнены полнымъ предлож.: ვმ. М.-Т. (XLI, 1) ეგონა დგომა—А. ეგონავითარმედ დგა (ὄψις ἐστάναι) Придаточ. предложენია обстоятельственныя, сокращенныя въ моск.-тифл. изданіи съ помощью имени существительнаго (=причастію въ греч. текстѣ), обращаются въ полное съ нарѣчіемъ времени ვითარ: М. ტ. მიახლებულეზასა ჩემსა ცხენსა სარბიელსა замѣнено въ А. ვითარ მოვიწიე (XLVIII, 7, ἐγγύζοντός μου κατὰ τὸν ἰππρόμου...) Ср. нарѣчіе ვითარ въ гл. XLI, 15 А. მასმიეს შენთვის, ვითარ თქვენ ჩუენებამ იგივანმარტი ვმ. М. ტ. მესმა შენთვის მეტყუელთაგან მსმენელთა შენგან შეტყუებასას სიზმარისასა თ. ე. ვ. გრ. ე. ვ. ვნოსიეს კონსტრუქცია სოკრაც. პრედლ. ს. ხომოწიი იმ. სუც. (ἀκήκοα περὶ σοῦ λεγόντων ἀκούσαντα σε ἐνόηνα συγγράφαι αὐτά) სოპროვჯდაქტ პრედლოქენი, კოტორე ჰამწიანქტ პრედლ. სოკრაცენოქე ოპრედლ. ი სოოქცაქტ ფრაცხ პრავილნოქტ ი ეანოქტ, კოტორი ნე ოქლიქაქტა ქეატნოქტ ტექსტ მ.-ტ. კაცთა მომავალთა, (XIV, 24) კაცი, რომელნი მოვიდეს Ср. М. ტ. XXXIV, 30 ყოფადმედ ჩემდა ს. აფ. ვიყო მე ვითარცა. М. ტ. (XLI, 35) ხოლო იყო დაცლასა ძამათა—А. ვითარცი წარმოაცალიერებდეს.

Описательныя выраженія печатнаго текста, представляющія соединеніе причастія съ вспомогательнымъ глаголомъ, стягиваются въ А. въ одно слово съ личнымъ окончаніемъ: Т. (XVIII, 29) იყოლა მდგომარე—А. დვალა; Т. (XVIII, 11) მოკლებულ იყო, А. მოაკლდა; Т. (LVIII, 16) წოდებულ იქმნენ, А. ეწოდოს—ჟამსიყისა; Т. (LVIII, 10) თუაანი მძიმე მხედველ ქმნილ იყუნეს, А. თუალნი დამძიმებულ ექმნეს.

Встрѣчаются случаи описательныхъ выраженій въ А. тамъ, гдѣ въ печатномъ текстѣ дается одно слово: Т. ვინავს (XIX, 8), А. სათნო გინს; Т. (XIX, 15) გისრნენ, А. არიან შენთანა; Т. (XXV, 30) მაგემე, А გემოა მახილვე; Т. მივითვალავ (XLIII, 9), А. თავს ვიდვი. Такимъ способомъ выраженія аѳонскій списокъ устраняетъ неясность рѣчи и неправильность конструкціи печатнаго текста.

Архаичность языка аѳонскаго списка въ сравненіи съ языкомъ печатнаго текста груз. Библии доказывается лексическимъ его составомъ и характеромъ построенія рѣчи.

А. списокъ не пользуется приѣмомъ Бакаровскаго изданія соединять отдѣльные стихи съ помощью союзовъ *და* и *ხოლო*. Дѣленіе на стихи и главы въ немъ вовсе отсутствуютъ. *და* и *ხოლო* употребляются рѣдко, или замѣняютъ *და* чрезъ *ხოლო* и обратно, а иногда союзы эти имѣются тамъ, гдѣ въ печатномъ текстѣ нѣтъ ни *და*, ни *ხოლო*. Приведемъ нѣсколько случаевъ:

ხოლო печатнаго текста (Т. *ხოლო იუღამლუხ იყო სახელი ქალაქისა*, XXVIII, 19) замѣняется въ Аѳ. сп. чрезъ *და* (*და ულუ მუხ იყო...*) въ гл. XV, 7, 12, 16, XLIII, 18, XXXIII, 3 и др.

ხოლო замѣняется чрезъ *ვითარცა*: Т. (XXX, 1) *ხოლო იხალა რაქილ*, А. *ვითარცა იხილა რაქელ*. См. еще подобныя замѣны гл. XXXVIII, 6, XXXII, 25, XLIII, 16 и др.

Обратно Аѳ. даетъ *ხოლო* тамъ, гдѣ въ Бакаровскомъ текстѣ *და*: Т. М. *და მან სოქვა* (XXXIII, 8) А. *ხოლო იაკობ ჰრქვა*. См. еще XXXIV, 7, XXXVII, 2 и др.

Союзъ *უკუ* гораздо рѣже встрѣчается въ Аѳ., чѣмъ въ Т. (см. XXX, 44 и др.).

Точно такъ же пропускается часто въ Аѳ. союзъ *რამეთუ*; см. Т. гл. XXIII, 6 *რამეთუ არა ვინ ჩუტნგამან*, А. *არავინ ჩუტნგანმან*. См. XIII, 15.

Не находимъ въ Аѳ. *რამ* въ смыслѣ *когда*: этотъ союзъ времени замѣняется союзомъ соединительнымъ; такъ, Т. *მრავალ ჟამეულ რამ იქმნა მუნ*, Аѳ. *და იყო იგი მუნ მრავალ ჟამ*.

Отмѣчаемъ другіе случаи замѣны мѣстоименій и союзовъ съ указаніемъ главъ и стиховъ, не выписывая ихъ.

Бакар. текстъ	Аѳон. сп.
XIX, 31 რომელი	ვინმცა
XX, 3; XXVI, 5 რომელი	რამეთუ
XXI, 17 რომელი [იგიარს]	სადა
XXI, 22; XXIV, 66; XXVII, 45 რომელი	რამ
XXI, 6; XXII, 11; XXVI, 28; XXIX, 31 ვითარმედ	რამეთუ
XIX, 15; XXXII, 31; XXIV, 52 ვითარცა	რამეს
XLIII, 11 უკეთუ	ვინამთგან
XXXII, 32 ვინამთგან	რომელ
XVIII, 25 უკეთუ	ვითარცა
XV, 8; XIV, 14 ვითარმედ	რამეთუ
XXXVIII, 9; XXXII, 31 რამეს	და ვითარცა
XXXIX, 13 ოდეს	ვითარცა
L, 14 ხოლო	ვითარცა

Вовсе пропускается რამეთუ и ვითარმეთ безъ замѣны инымъ союзомъ, XXXI, 20 и др.

Аѳ. списокъ отличается особымъ строемъ рѣчи, которая не соотвѣтствуетъ ни Бакаровскому, ни греческому тексту. Укажу нѣсколько примѣровъ.

Гл. XXXI, ст. 30 въ Бакаровскомъ или моск.-тифл. изд. читается: აწ უკმც წარვედ წადიერ კმნილნი წარსლვად (Nūn oī pepórewsai épimíxá gár épemíhwas...) въ Аѳ.: აწ უკუეთუ წარმოსრულ ხარ ჭ გულისტქუმით გული იგი თქუა წარსლვად, при чемъ насколько Бакаровский текстъ приближается въ буквальномъ воспроизведеніи греческаго текста, не настолько близокъ къ послѣднему аѳонскій текстъ и построенъ въ другомъ родѣ и съ инымъ лексическимъ составомъ.

Гл. XXXII, 20 М.-Т. რამეთუ ნუ უკმც შეიწყნაროს პირიჩემი, а Аѳ. ვინ იცის შემემთხვალმე; ἵσως γάρ προσδέξεται τὸ πρόσωπόν μου.

Гл. XXXIII, 10 М. Т. მიიღუ კურთხევაჲ ჩემი, Аѳон. წავიღეთ მართლ, λαβέ τὰς ἐλόγιας. Въ обоихъ этихъ примѣрахъ аѳонскій списокъ далекъ отъ греческаго текста.

Сравнивая Аѳонскій текстъ груз. Библии съ греческимъ, находимъ рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о независимости перваго отъ втораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Отступленія эти подлежатъ еще объясненію, но предполагаю, что они являются остатками прежняго доаѳонскаго перевода Библии въ Палестинѣ, извѣстнаго подъ именемъ სებაწმინდურა, Сабацмундури даннымъ ему по мѣсту происхожденія, т. е. въ грузинскомъ монастырѣ св. Саввы въ Иерусалимѣ. Бакаровский же текстъ былъ согласованъ съ греческимъ и славянскимъ текстомъ, который воспроизведенъ и въ тифлисскомъ изданіи 1884 и 1900 гг.

Отступленія Аѳонскаго текста отъ печатной Библии и греческаго оригинала заключаются не только въ вышеуказанныхъ измѣненіяхъ конструкции рѣчи, но въ вставкахъ, пропускахъ, иномъ порядкѣ изложенія.

Могу указать на два-три примѣра согласія аѳ. текста съ греческимъ и отличія послѣдняго отъ печатной груз. Библии, какъ московскаго, такъ и тифлискаго изданія. Въ гл. XII, ст. 4 Бакаровской Библии присоединена фраза «ღ არა ცხად იქმნა ვითარმეთ შვიდეს მუცელთა მათთა», отсутствующая въ Аѳ. спискѣ и греч. оригиналѣ (рѣчь идетъ о семи тощихъ коровахъ, съѣвшихъ семь полныхъ коровъ).

Печатный.	Аѳонскій списокъ.	Греческій текстъ.
XVII, 20 ვაკურთხო ჭ განვაძრავლო	ვაკურთხო ჭ აღვაორძინო ჭ განვაძრავლო	ἐσλόγησα αὐτόν, καὶ ἀξαναῶ αὐτόν καὶ πληθύνῶ αὐτόν
L, 14 რომელნი მისთანა აღსრულ იყუნეს დაფლვად მამისა მისისა	რომელნი მისთანა აღსრულ იყვნეს დაფლვად მამისა მისისა შემდგომად დაფლვისა მამისა მისისა.	οἱ συναναβάντες πάντες θάψαι τὸν πατέρα αὐτοῦ μετὰ τὸ θάψαι τὸν πατέρα αὐτοῦ.

Опечатку груз. Библии 1743 г., повторенную въ тифлисскомъ изданіи 1884 и 1900 гг., касающуюся невѣрнаго воспроизведенія имени Σηῖρ въ видѣ სუბი, исправляетъ Аѳонскій списокъ, дающій это имя въ формѣ სეირ (XXXVI, 9). Аѳон. списокъ устраняетъ ошибочно слитое чтеніе въ Бакар. изд., а за нимъ въ тифлис. 1884 и 1900 гг. двухъ собственныхъ именъ: იამან ჭ აოდ и даетъ два раздѣльныхъ имени იამან ჭ აოდ (Iamēn, 'Aōb, XLII, 10). Въ Аѳ. спискѣ ლოტ, а непечатн. ლოთ (пьяница).

Однако Аѳонскій списокъ невѣрно даетъ имя მოავარი რისონъ въ формѣ მოავარი ლობ. Ошибка эта объясняется тѣмъ, что переписчикъ забылъ присоединить къ началу

имени სობ სლოგ რი, которымъ оканчивается предшествующее слово შთავარი, т.-е. здѣсь имѣемъ примѣръ аплографіи. Также невѣрно сліяніе ბალა-ქობორ и образованіе слова ბალაქობორისნი (Βαλλα, Βοχոր, XLVI, 21).

Бакар. текстъ подновляетъ, слѣдуя славянскому тексту, транскрипціи именъ собственныхъ и выражаетъ греческ. β чрезъ ვ (в), η чрезъ ი (и); поэтому въ Бакар. читается ვალაკი (ვალაკი βαλλαх) въ то время какъ Аѳон. сп. даетъ ბალაკი (балаки), въ первомъ სირი, ილას, კილარ, (სირი, ილას, კიდარ), во второмъ კელარ, სეირ, ელას (кедар, сепр, елас Κηδαρ, Σηειρ, Ἰλας) греч. Αι. Аѳон. списокъ читаетъ всегда какъ е, отсюда имя Αιε дано въ формѣ Ἐε, а не Αιε (Бак.). Аѳон. спис. допускаетъ невѣрную транскрипцію именъ: აბიმელიქ (Αβιμελεχ) вм. Бак. აბიმელექ, საბალ вм. სობალ (Σαβαλ)

Удвоенныя согласныя сливаются въ одинъ звукъ: ბალა, დენაბა, ქეტტილი, გერარ, вм. ბალლა, დენნაბა, გერრა, ქეტტილი, т.-е. ნნ=ნ, რრ=რ, ლლ=ლ, ტტ=ტ.

Несогласіе Аѳон. списка съ Бакаровскимъ и греческимъ текстомъ заключается въ нѣкоторыхъ пропускахъ, отмѣченныхъ у меня ниже, а именно въ Аѳон. нѣтъ:

а) Стиха 30 изъ гл. XXXVIII Бак. (М.-Тиф.) ღ აბისა უმდგომად გამოვიდა ძშამისი, რომელისა იყო კელსა მისსა ზედა მიწერილი ღ უწოდა სახელი მისი ზარა. [Καὶ μετὰ τοῦτο ἐξῆλθεν ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ εφ'ὃ ἦν ἐπὶ τῆν χεῖρα αὐτοῦ τὸ κίχκιον καὶ ἐχάλεσε τὸ ὄνομα αὐτοῦ Σαρὰ].

ბ) Ст. 10 изъ гл. XLIV (М.-Т.) ღ მან სთქუა ღ აწ ვითარ იტყვთ ვერეთ იყოს. კაცი, რომლისა თანა იპოოს ბარძიმი, იგი იყო ხემლა მონაა ღ თქუსნ უბრალო იყუნეთ. [Ὁ δὲ εἶπε καὶ ὑν ἠ πρ.]. Аѳон., пропустивъ все это, даетъ лишь конецъ стиха ხოლო თქუსნ უბრალო იყუნეთ.

გ) Изъ ст. 17 гл. XXIII М.-Т. въ Аѳонскомъ списокѣ имѣется только вторая половина, нѣтъ словъ отъ начала стиха до რომელ არს საზღვართა (ღ არს აგარაკი ეფრონისი, რომელსა შინა მრჩობელი ქუაბი, რომელ არს პირისპირ მამბრესა აგარაკი ღ ქუაბი, რომელ იყო მას შინა). [Καὶ ἔσθη ὁ ἀγρὸς Ἐφρών ἠ πρ.].

დ) Изъ ст. 32 гл. XXIV М.-Т. въ Аѳон. сп. большая часть пропущена, вм. словъ: ღ შევიდა კაცი სახიდ ღ მარდატვრთნა აქლემნი ღ მისცა თივა ღ მზე აქლემთა ღ წყალი საბანელად მისთა ღ ფერხთა მისთანათა კაცთასა, Аѳон. списокъ даетъ: ღ მართუთა მას წყალი ფერკთა საბანელად ღ მისთანათა მათკაცთა. [Καὶ ...εἰσῆλθε δὲ ὁ ἀνθρῶπος εἰς τῆν οἰκίαν].

ე) Ст. 51 изъ гл. XXXI М.-Т. ღ რქუა ლაბან იაკობს: აჰა ბორცი ესე ღ ძეგლი ესე ნიქტა ვა აѳონ. [Καὶ εἶπε Λάβαν ἠ πρ.].

ვ) Изъ ст. 38 гл. XLII М.-Т. ხოლო მან სთქუა არა შთამოვიდეს ძე ხემი თქუსნთანა ღ ეგე მხოლო დაშთომალ არს ღ შეემთხვოს მაგას უძღურება გზასა, რომელსა ხვლოდეთ ღ შთაიყვანოთ სიბერე ხემი მწუხარებით ჯოჯობეთად, ვა აѳონ. оставлено: ღ რქუა მას იაკობ: არა შთავიდეს ძეპ ხემი თქუსნთანა, რამეთუ ძმა მაგისი მოკუდა ღ ეგე მორტოა დაშთომალ არს ღ შთავლინოთ სიბერე ხემი მწუხარებით ჯოჯობეთა. [Ὁ δὲ εἶπεν... καὶ συμψήσεται αὐτὸν μαλαχισμηγαι ἐν τῷ ἔθῳ ἠ πρ.].

ზ) Изъ гл. XLVIII, 5 პირველ მოსვლისა ხემისა შენდა მომართ ეგვტეს პრო თს მე ღმეიწ პროს სე εἰς Αἴγυπτον).

Кромѣ того, въ каждомъ стихѣ Аѳон. сп. имѣеть пропускъ отдѣльныхъ словъ сравнительно съ М.-Т. изданіемъ Библии, притомъ, отъ пропуска такихъ словъ смыслъ то затемняется, то проясняется.

Отмѣтимъ пропускъ предложеній и словъ, ничего не прибавляющихъ къ ясности текста и придающихъ Аѳонскому списку своеобразность изложенія:

М.-Т. XVIII, ст. 12 არლა საღა იქმნა ჩემდა ვიდრე აქამომდე, Аθ.: არლასაღა რაჲ მომეცამე აქამომდე. [Ἐως τὸν νῦν...].

Въ XXIV, 7 М.-Т. предложеніе უფალმან ღმერთმან ცისამან ჭ ღმერთმან ქუცყანისამან, რომელმან გამომიყვანა მე, Аθ. с. замѣняетъ: უფალმან ღმერთმან გამომიყვანა მე [Κύριος ὁ θεὸς τὸν σάρανον καὶ ὁ θεὸς τῆς γῆς...].

Изъ гл. XIX, 9 М.-Т. въ Аѳон. списокѣ нѣтъ რამეთუ ვსთქუ.

» XLVII, 15	»	»	»	»	ვიდრე აღსპოლვადმდე.
» XLIX, 22	»	»	»	»	ძე აღორძინებული.
» XLIII, 3	»	»	»	»	უფალი ქუცყანისაჲ.
» XLIII, 29	»	»	»	»	ღ ჰრქუა: ღმერთმან შეგიწყალენ შენ შვლო.
» XLVII, 8	»	»	»	»	ღ მიგცე შენ ჭ ნათესავესა შენსა შემდგომად შენსა.
» XXIX, 10	»	»	»	»	ცხოვარი ლაბანისა ძმისა დედისა თვისისა.
» XXIX, 12	»	»	»	»	ღ ვითარმედ ძე რებეკასი არს.

Отъ пропуска фразъ, очевидно по винѣ переписчика, сообщается Аѳонскому списку мѣстами неясность. Въ гл. XLVI М.-Т. пропущены въ Аѳон. предложенія конца II и начала III ст.: вм. რაჲ არს ჭ მან ჰრქუა მას მევარ ღმერთი, въ Аѳон. списокѣ имѣемъ: აქა ოვფალა მე ვარღმერთი. [Καὶ εἶπεν: ἐγὼ εἶμι ὁ θεὸς...].

Несогласіе Аѳон. списка съ Бакаровскимъ и греческимъ текстомъ заключается:

- а) въ пропускѣ собственныхъ именъ въ гл. XLVI, ст. 10, 12, 16 и 26,
- б) замѣнѣ словъ, наприм., въ гл. XLIII, ст. 10 შემოქცეულ ვიყუბნით, вм. ორ გზის (ბიჯ) читается სამგზის (τρις),
- в) въ измѣненіи порядка изложенія, т.-е. перестановкѣ стиховъ въ гл. XLVII, ст. 6 и 7, въ гл. XLIX, ст. 13, 14 и 15,

г) опискахъ, искажающихъ смыслъ (гл. XXVI, 18, XXIX, 35), такъ Аθ. читаетъ: 1) უკეთუ ჭ ცოდვილ იყვნეს ვმწხო უკეთურ (XIII, 13), вმწხო ποιηροι καὶ ἀμαρτολοι получили «если» καὶ ἀμαρτολοι. 2) ასური (Συρα) передѣлано въ ასული: „რომელი უშვა მას ხარკმან ასულმან“ (XLVI, 20).

Невинныя описки: დავჰლფლა вმ. დავჰფლა (XXIII, 4), უკეკუ вმ. უკუეთუ (XXX, 32); თხა თხათა შორის (XXX, 35); მოვეთხარა ისაჲ (XXXV, 18); აღვეუარებ (XXXIX, 35).

Я указалъ на пропуски въ Аѳон. списокѣ груз. Библии сравнительно съ Бакаровскимъ ея изданіемъ. Но въ Аѳон. списокѣ, помимо пропусковъ, имѣются и вставки, которыя отличаютъ его отъ печатнаго груз. и греческаго текста.

Печатный текстъ.

Аѳонскій списокъ.

Гл. XXXIII, ст. 16	ღ ისმინა აბრაჰამ... სავაჰროსა	ღ ისმინა აბრაჰამ... სავაჰროსო
» XXXI, » 10	ღ დამაკდებოდეს ცხოვარნი ჭ ვიხალენ	ღ დამაკდებოდეს ცხოვარნი ჭ მუცელად იღებდეს ი პრ.
» XXXII, » 6	ღ მოიქცეს მაუწყებელნი	ღ დამოიქცეს ჭ მოვიდეს მოციქულნი. [Καὶ ἀνέστρεψαν οἱ ἀγγελοι λέγοντες].
» XLIX, » 24	ღ მკლავთა	ღ კელთა კლავთა
» XXVI, » —	ღ დემკვდრე ქუცყანასა ამას ჭ ვიყო მე შენთანა	ღ დემკვდრე ქუცყანასა ამას, რომელსა ვრქუა მწირობად ჭ ვიყო მე შენთანა.

Вставляются союзы და, ვითარ (XXXI, 1, 11, 8 и др.).

Нѣкоторыя вставки Аѳон. списка, очевидно, вызваны желаніемъ придать большую ясность тексту. Такъ, напримѣръ, мы находимъ въ немъ слѣдующій примѣръ:

Печатный.	Аѳон. списокъ.	Греч. текстъ.
XXV, 22 ღ ჰკრთებოდეს ყრმანი იგი მის შორის	ღ ჰკრთებოდეს ყრმანი იგი მუცელსა მისსა (въ утробѣ)	Ἐσχίρτων δὲ τὰ παῖδια ἐν αὐτῇ (Ревекка).

Замѣтимъ, что и пропуски въ иныхъ случаяхъ объясняются стремленіемъ придать рѣчи сжатость. Такой особенностью отличается, наприм., ст. 26—33 гл. XVIII, гдѣ бесѣда Авраама со странниками о казни Содома и Гоморры.

Аѳон. списокъ, помимо пропусковъ, прибѣгаетъ къ сокращеніямъ словъ какъ въ темѣ, такъ и въ окончаніяхъ.

Печатный.	Аѳон. сп.
XXVI, 12 წელიწადი	წელი
XXIX, 3 შეკრებოდის განსვენებულნი	შეკრბის განსვენებდეს
XXX, 8 განზრდელი	მზახდაელი
XXXVIII, 26 განმართლებულ განურისხნა	მართულ რისხნა
XLIII, 10 შემოქცეული	მოქცეულ
XXXIX, 26; XLVIII, 4 შესაკრებელი	კრკრებული
XXVI, 9 სიღამე მღუდელი მეყვსეულად მწვლილნი წარმოვიდეს ცხოვრება	სამე მღდელი მეყსეულად წვლილი წარვიდეს ცხოვრება (ცხოვრება Исх. I, 14).
Исходъ I, 13 აკირვებდეს	აკირებდეს

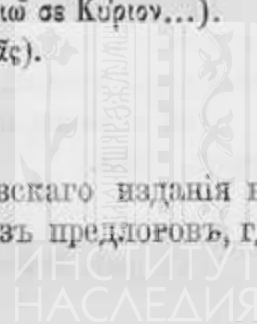
Аѳонскій списокъ отличается еще отъ Бакаровскаго текста Библии особымъ способомъ сочетанія словъ. Эта особенность выражается: а) въ иномъ порядкѣ расположенія частей предложія и б) въ иномъ управленіи словъ.

Печатный.	Аѳон. спис.
XXXV, 16 ძნიად მშობელ იქმნა შობასა შინა	შობასა მისსა ძნიად შობდა
XXXI, 31 მესამესა დღსა	დღსსა მესამესა
XVII, 15 ძესა თვისსა	თვისსა ძესა
XXII, 16 სიტყვა ესე	ესე სიტყუა.

Въ управленіи словъ различаемъ два случая: непосредственное и посредственное. Управление словъ непосредственное въ Аѳон. сп. отличается отъ печатнаго въ измѣненіи падежей, времени глаг. и въ иномъ отгѣнкѣ взаимныхъ отношеній лицъ, сохраняя точный смыслъ текста. Такъ, вмѣсто М.-Т. სიტყა აბრაამ მე ვფუტავ (XXI, 24 εἶπεν Ἀβραὰμ ἔγωγ ὁμῶμαι), Аѳон. сп. даетъ ...მე ვეფუტო (я буду тебѣ клясться).

Печатный.	Аѳонскій.
XXIV, 3 ღ გაფუტებ შენუფალსა	ღ მე ვაფუტო... (καὶ ἐξορκίῶ σε Κύριον...).
XXVI, 22 აღმარძინნა ჩუძნ	აღგუარძინნა (ἡσῆησεν ἡμᾶς).
XXXI, 14 მომეცენ მე	მომეც მე.
XXIV, 4 ქუტყანად ჩებლა	ქუტყანით ჩემით.

Аѳон. списокъ замѣняетъ управление посредственное Бакаровскаго изданія непосредственнымъ управленіемъ; отсюда въ Аѳон. сп. предложія безъ предлоговъ, гдѣ съ предлогомъ въ Бакар.

Бакар.

Αθον.

XIV, 20 რომელმან მოგცნა მწერნი ქუეშე ხელთა შენსა	ხელთა (δε παρέδωκε τούς ἔχθρους σου ἀποχείριος σοί).
ცად მიმართ	ზეცად (ср. XIX, 6).
ქალაქსა შინა	ქალაქსა
აბრაამის, მეფისა... მიმართ	მეფეს, აბრაჰამს
სახელსა ზედა	სახელითა

Фонетика. Правописание Αθ. сп. не выдержано: здѣсь смѣшиваются звуки α и η (ბათოელ ღ ბათუელ), σ и ε (დღს, დღე, ეგპტე, ეგპტს).

α в концѣ словъ смѣняется на α, α в род. пад. (см. выше).

οζ в серединѣ мιοζგეს.

οζ в началѣ словъ какъ именъ, такъ и глагола и союза οζმწმესსი, οζფალი, οζკუეთუ, οζთბრნეს (XXVII, 42), οζყუარდა; οζძლის, οζბრძანა (XXVI, 10).

ζ в серединѣ именъ (въ оконч.) и глаголовъ: დაცკთა (XVII, 25), რიცხვთა (XXXIV, 26), ასვან (XXIX, 1), დამკვდრება; ეგპტე, მოსწყვდენეს; ღვნო თვს.

οζ в серединѣ глагола შეოველე (XXX, 8).

η в Αθ. сп., гдѣ в Бак. нѣтъ вовсе звука: სუმა, აღთქუმა; ამქუმელი (Исх. I, 15).

ჴ Бакар. текста в Αθон. замѣняется η: ჰრქუა, აქუნდინ, მოყუნა, а не ჰრქუა, აქუნდინ, მოყუნა; არქუ, а не არქე.

Бакар. ჴ в списокѣ η: საყუარელი.

ჴ замѣнено в Α. списокѣ чрезъ ე: შეა, წარიყვანეთ, ხნვა (вм. ხუნა), в Αθ. сп. უ, гдѣ в Бак. ე: მოგუარო (XXIV, 4), მიართუა (XXX, 14). Пропускъ η млдელი вм. მდელი.

σ в концѣ именъ коренныхъ ძეს, კიღს, მამბრს.

σ в концѣ именъ производныхъ: საფასს, სამოთბს, მცენარს, სანახს, ქუეშს, მეფს, რკი. X—XI вв. (по моему опис.), Житія свв. „განსუტ ნებაა“.

σ в концѣ глагола повел. накл.: ისწრაფს, მინადირს (XXVII, 3 и 7, XIX, 22); в серед. დაეშენა ჩუმენ (Псалт., откр. мною, X в. def.).

σ в серединѣ ქუტყანა, ჩუტნი, თქუტნი; в Αθ. ე вм. Бак. ე: ჩუნება. Исходъ I, 10, შეგუემბზვლს მესამე (XXXI, 30).

უტ Бак. замѣнено чрезъ ე в Αθ. сп.: კარვებად (XXVIII, 16); ჴს в Α. უე: მარჯუნით; ასუეს; შეუნიერ в серединѣ прилаг. в превосход. ст.: უმრწემსი.

კ в началѣ: კელი, კამლი, კბო

კ в серединѣ: იკმიგნით (отъ კმა), მოკდა (XXXII, 22), მარდჰხადეს (XLII, 11), მკედარი.

ვ в Αθ. сп., гдѣ ვ в Бак.: შეილი (вм. Б. შვლი); ვ вм. α Бак.: რავდენ (вм. რაოდენ) ძს=в Αθ. ც: ძალმიც *) (Бак. ძალმიძს).

ს замѣняетъ რ—სძე. Перестановка: ხუნა в Α. ხნვა (XLV, 6) при чемъ и უ=ვ.

Диалектическая форма არა რაათვნ (XXXIX, 9).

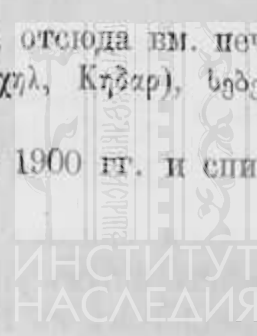
Пропускъ в списокѣ რ: მოვედ вм. მორვედ.

Такимъ образомъ, на ряду съ архаическими словами находимъ неологизмы в словахъ (напр., ვირი), в формахъ (ქალაქები), в орфографii (შვიდი), в переходахъ гласныхъ (რავდენი), народныхъ выражений (არა რაათვნ).

Греческому η всегда соответствуетъ е (не и), а β—ბ (не в), отсюда вм. печатнаго ისრაილ, რაქილ, კიღარ в Αθ.: ისრაელ, რაქელ, კეღარ (Исраელ, Рахел, Кенар), სებევონ а не სევევონ (печат.) Ср. Σεβεϋόν.

Для образца привожу параллельное чтение по изданiю 1743 и 1900 гг. и списку Иверск. библи.

*) Ср. რკი. № 51, л. 25ა, стр. 3 ძალციცა (Марръ, Агиогр. матер., I, 17).

1743 г.

1900 г.

Афонскій списокъ.

Греческій текстъ.

Гл. XII, ст. 9. დალიტრა აბრაჰამ და წარსლვით ილაშქრა უდაბნოსა შინა.

და წარვიდა მიერ აბრაჰამ და მოვიდა და დაიბანაკა აედაბნოსა მას.

და წარმოვიდა მიერ აბრაჰამ და მოვიდა და დაიბანაკა უდაბნოსა მას.

Και ἀπῆρεν Ἀβραμ και πορευθεὶς ἐστρατοπέδευσεν ἐν τῇ ἐρήμῳ.

Гл. XIII, ст. 1. ხოლო აღმოვიდა აბრაჰამ ეგვიპტით იგი და ცოლი მისი და ლოთ მისთანა უდაბნოდ.

და გამოვიდა აბრაჰამ ეგვიპტით იგი და ცოლი მისი და ყოველი რაჲცა იყო მისი და ლოთ ი მისთანა უდაბნოდ.

და გამოვიდა აბრაჰამ ეგვიპტით იგი და ცოლი მისი და ყოველი რაჲცა იყო მის და ლოტცა მისთანა აედაბნოდ.

Ἀνέβη δὲ Ἀβραμ εἰς Αἰγύπτου αὐτὸς και ἡ γυνὴ αὐτοῦ και παντα τὰ αὐτοῦ και Ἄωτ μετ' αὐτοῦ εἰς τὴν ἐρήμον.

Гл. XIV, ст. 10. ხოლო დღეე მარილოანი მტხრებელ მთხრებლოანარს ასფალტოსითა და შეივლტოდა მეფე სოდომთა კევედ და მეფე გომორისა და ეცნეს მუნ, ხოლო დაშთომილნი მთად კერძო ივლტოდეს.

ხოლო დღეე მარილოანი მთხრებელ მთხრებლოან იყო ასფალტოსითა და შეივლტოდა მეფე სოდომთა ხევედ და მეფე გომორისა და დაეცნეს მუნ, ხოლო დაშთომილნი მთად კერძო ივლტოდეს.

ხოლო კევი იგი მარილოანი მღუმენი იყვეს მალთისანი და ივლტოდა მეფე სოდომელთაჲ და მეფე გომორელთაჲ და შეეცვეს მას შინა და სხუანი იგი მთად კერძო ივლტოდეს.

Ἦ δὲ κοιλὰς ἡ ἀλσκή φρέατα ἀσφάλτου. Ἐφυγε δὲ βασιλεὺς Σοδόμων και βασιλεὺς Γομόρρας και ἐνέπεσαν ἐκεῖ, οἱ δὲ καταλειφθέντες εἰς τὴν ὄρεινὴν ἐφυγον.

Гл. XV, ст. 14. და ნათესავი რომელ საცა მონონ ვსაჯო მე, ხოლო შემდგომად ამათსა გამოვიდენ აქა განმზადებ ულებითა მრავლითა.

და ნათესავი რომელსა ცა მონებდენ ვსაჯო მე და შემდგომად ამათსა გამოვიდენ აქავე ქონებითა მრავლითა.

ხოლო ნათესავსა მას, რომელსა ჰმონებდენ, ვსაჯო მე. და ამისა შემდგომად გამოვიდენ აქა ქურჭრითა მრავლითა.

Τὸ δὲ ἔθνος, ὃ ἐὰν δουλεύσωσι, κρινῶ ἐγὼ μετὰ δὲ ταῦτα ἐξέλθουσιν ὡς μετὰ ἀποσκευῆς πολλῆς.

Гл. XVI, ст. 16. ხოლო აბრაჰამ იყო ოთხმეოც და ექუსთა წელთა, რაჲემს უშვაჲ აგარ ისმელ აბრაჰამს.

ხოლო აბრაჰამ იყო ოთხმეოც და ექუსისა წლისა, რაჲემს უშვა აგარ ისმელი აბრაჰამს.

აბრაჰამ იყო ოთხმეოც და ექუსისა წლისა, რაჲემს უშვა აგარ ისმელი.

Ἀβραμ δὲ ἦν ὀγδοήκοντα ἐξ ἐτῶν, ἦν ἰκα ἔτεκε Ἄγαρ τὸν Ἰσμαῆλ τῷ Ἀβραμ.

Гл. XVII, ст. 3. და დავარდა აბრაჰამ პირსა ზედ მისსა და ჰრქუა მას ღმერთმან მეტყუელმან.

და დავარდა აბრაჰამ პირსა ზედა თვსსა და ჰრქუა მას ღმერთმან მეტყუელმან.

და დავარდა აბრაჰამ პირსა თვსსა ზედა და ეტყოდა მას ოფალი და ჰრქუა.

Και ἐπεσεν Ἀβραμ ἐπὶ πρόσωπον αὐτοῦ και ἐλάλησεν αὐτῷ ὁ θεὸς λέγων.

Гл. XVIII, ст. 9. და თქა მისა მიმართ, სადა არს სარრა ცოლი შენი, ხოლო მან მიუგო ჰრქუა ესერა კარავსა შინა.

და სთქუა უფალმან მისსა მიმართ სადა არს ცოლი შენი ხოლო მან მიუგო და ჰრქუა: აჰა ესერა კარავს შინა.

თქუა აბრაჰამს, სადა არს სარრა ცოლი შენი. მან მიუგო და რქუა: აჰა ეგერა საბლსა შინა.

Εἶπον δὲ πρὸς αὐτὸν που Σάρρα ἡ γυνὴ σου. Ὁ δὲ ἀποκριθεὶς εἶπεν ἰδοὺ ἐν τῇ σκηνῇ.

По изд. 1884 г.:

და თქუა უფალმან მისა მიმართ: სადა არს სარრა ცოლი შენი, ხოლო მან მიუგო და რქუა აჰა ესერა კარავსა შინა.

Л Е К С И К А.

Печатный текстъ.

Афон. списокъ.

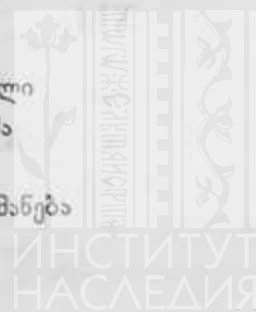
XVIII, 28	შემცირიდენ	აკლდენ
» 32	წარვიდა	ამალღდა
XIX, 1	მიგებებად	შემთხუევად
» 7	ნუსადა ძმანო ნუ უკეთურობთ (μηδᾶμος ἀδελφοὶ μὴ πονήρευσθε).	ნუ სადა ჰხამთ მაგას ძმანო ნუიქმთ- ბოროტსა
XVIII, 25 и 23	ულთოსა თანა	ულმრთოსა თანა
XVIII, 22	იყოლა მდგომარე	დგალა
XIX, 6	განიხზოა	შემოიწება
» 16	აღშფოთნეს	შეძრწუნდეს
» 26	უკულმართ	მართლ უკან
XX, 5	მითხრა	მრქუა
XXI, 16	კმა აღუტევა	ღალადყო
» 14	წარგზავნა	განაელინა
» 18	დაემკვიდრა	დაეშენა
» 27	მოიბნა ცხოვარნი	მოისხნა
» 28	ორთავე	ურთიერთას
XXII, 2	ყოვლად დასაწველად	მსხურპლად
XXXIII, 2	გოდება	გლოვა
» 3	მსხემ, მსხემობა	მწირ, მწირობა
» 8	სთქუა	ეტყოდა
XXIV, 22; XXXIII, 15	დიდრაქმა (διεράχμα)	სასწორი
XXXIII, 19	დაემკვიდრა	დამტკიცნა
XXIV, 8	წმიდა	უბრალო
XXVII, 4 и 7; XXIV, 15, 45	პირველ	ვიდრე
XXIV, 23	დასავანებელი	დაყოფად
» 25	სავანებელად	საყოფლად
» 28	ქალი	ყრმაჲ
XXIV, 60, 66; XXVI, 1	იქმნე, ჰქმნა, იქმნა	იყავნ, ყო, იყო
XXIV, 62	იქცეოდა	ვიდოდა
» 65	გარემოისხა	შეიმოსა
» 60	წინაღმდგომი	მტერი
XXV, 34	წარწყმიდნა	განიქარვა
» 32	მივალ აღსრულებად	მიახლოებულ ვარ აღსრულებად
XXVI, 3	თესლი	ნათესავი
» 5	ისმინა	ერჩიდა
» 6	დაემკვდრა	დაეშენა
» 7	ხილვითა	პირითა
66 = ლნ	სუნნელება ВЪ СП. სულნელება ს — ზ	მზჯავრს XXVI, 5 ს — ზ
XXVI	წარმატებულ	უფროჲს
»	პირუტყვი	სამწყსოჲ
»	ნაშრომი მისწისა	ქუტყნისა საქმს

Печатный текстъ.

Афон. списокъ.

Гл. XXVI,	ლელე	კევი
»	კვალად XXIX, 35	მერმე
»	ყრმა	მონა
»	მზახალი	ეზოას მოძღუარი
»	მკედართ მთავარი	ერისთავი
»	უქმნა	უმზადა
»	მშვდობით	ცოცხლ ებით
»	განეშორნეს	წარვიდეს
»	5 სიმართლე	მშჯავრნი
»	35 ცისკარს	განთიად
XXVII,	მალე	ადრე
»	სავსე	სიმრავლე
»	31 ჭამალი	საკმელი
»	41 მტერობდა	უთქუმიდა
XXVIII,	წარავლინა	წარზავნა
»	ალსდგა	განიძივინა
XXIX,	1 იხილა	მიჰხედა
»	ასმიდეს	ასვან
»	აგებდეს	დასდვან
»	6 სიმრთელით	ცოცხლებით
»	გმსახურებ	გმონებ
XXX,	2 ნუ თუ ნაცვალ ღუთისა	ნუ უფუე ღმერთი ვარმეა
»	3 შობდეს	შვეს
»	ვისხნე	ვიქმნე
»	37 სხერებული	ტრელი
»	მოთეთრო	სპეტაკი
»	დაშთომილი	ნემტი
»	ნიგოზი	ნიგუზი
»	განქურთნა	გამოხუეწა
»	კრავი	ტარიგი
»	პირისპირ	წინაგე
»	54 ჩასახვა	მუცლადღება
»	საწნახელი	წყლის სასუმელი
XXXVIII,	25 ესე	ესე წინდი
XXXIX,	1 მოიგო	მიიყადა
»	2 ბედნიერ	მაგებელ
»	5 ველი	აგარაკი
»	კეთალ სახითა	შუენიერ ქმნულობითა
»	13 ოდეს	ვითარცა
»	12 უპყრა	შემბა უყო
»	21 მთავარი პყრობილთ მკუპლთა	მესაპყრობილეთ მოძღუარი
»	ამათებრ	მსგავსად
XL,	2 მეღვნეთ მთავარი	ღვნის მნე
»	მეპურეთ მთავარი	მოძღუარი
»	მკმუნვარე	შეწუხებული
»	ცხად ყოფა	გამათქუამა
»	9 იყო	ვხედველ
»	შეტყუება	გამოთარგმანება

Печатный текстъ.

Λογι. списокъ.

- Гл. XL, ფეშხუანი
- XLI, 13, 22 ალუკსა
- » აგო
- » უშვერნი, მწვლილი
- » შთანქმიდეს
- » იქმნა ცისკარი
- » აღშფოთნა სული
- » უშვერ
- » სიზმარი
- » მწვლილნი
- » ქარცემული
- XXXI, 2 მესამესადლსა
- » 17 აღსხნა შვილნი
- » 20 ჳ დაუფარა
- » 2, 26 ფარულიდ
- » 24 დაიცევ
- » 35 გამოიძია
- » 45 აღმმართა
- » 40 ეიქმნებლი შემწვარ
- XXXII, 17 წამოუვლინა
- » 16 განაყოფა
- » 22 განვლო
- XXXIII, 2 დამყნა
- » 5 არიან შენდა
- XXXIV, 1 შემცნებად
- » 3 შეერვსა
- XXXV, 28 XXXIV, 19 ქმნად
- XXXV, 17, 20 ეზრახნეს
- » 22, 23 მხოლოდ
- » 26 მოკლნეს
- » 29 სახლი
- » დაიტაცეს
- XXXV, 4 ღმერთნი
- » 5 აღიტრა
- » 18 განტეეება სულისა
- XXXVII, 9 სიზმარი
- » 18 პირველ
- » 19 თვთეული
- » 20 მღვმე
- » 31 წარუგზავნა
- » 36 მზარეთლთ მთავარი
- XXXIII, 16 დიდრაქმა
- XLI, იფებოა
- » ხმიერი
- » მეორესა
- » 51 მოსლვა
- » ტკივილ
- » ეყუნეს

- ლანკლანი
- გამოუთარგმნა, გმნგვმარტა
- დაადგინა მნე ἀπο κατέστρεψεν
- საძაგალნი, მკლე
- შეჭამნეს κατέπιον
- განთენა
- შეძრწუნებული
- საძაგელ
- ჩუენება
- წულილნი
- ხორშახელი
- ძულუანდელსა
- წარიყვანნა ყრმანი
- ემალვიდა
- იღუმალ
- ეკრძალე
- ალიხილა
- აღდგა
- შევიწყებოდე
- მიუძლუნა
- განშორება
- წილ მოკდა
- დაადგინნა
- გეყვიან
- განცდალ
- შეყო
- ყოფად
- ეტყოდეს
- გარნა
- მოწვდდნეს
- სანახები
- იავარ ყვეს
- კერპნი
- მოვიდა
- აღმოსლვსა
- ჩუენება
- წინიასწარ
- კაცადკაცი
- ჯურღმული
- მიუძლუა
- მატპარანი ἀρχι μαγειρῶν
- სესწორი
- ნაყოფიერება
- მეცნიერი
- შემდგომსა
- მოწვენა
- სალმოზა
- ესხნეს

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Печатный текстъ.

Афон. списокъ.

Гл. XXI, საფქვლენი
 XLII, 19 ჯელინ
 » მოკუდიო
 » ოკლებ
 » **ვაშპარიანი**
 » მკსინვარედ
 » **სახი**
 » მოვაქციო
 » მხოლო
 XLIII, 6 არს
 » 9 მივითვალავ
 » — მოვაქციო
 » 11 მკავრის კევი
 » 44 ვაშპარინი
 » ამცნო
 XLIV, 11 გარდმოიღეს
 » 14 ჯერეთ
 » 18 მიახლა
 XLV, 6 მკა
 » 13 შეშფოთნეს
 » 16 მიისმა კმაჲ
 » 23 კარაული
 » 27 ეტყოდეს
 » 24 წარავლინნა
 XLVI, 1 ალიძრა
 » მიგებებად
 » 28 წინაშე
 XLVII, 21 მრწემად
 » 30 დაეძინო
 XLVIII, 8 მძიმე მხედვილი ქმნილ
 XLIX, 3 სხნდი
 » 4 გარდასდულნები
 » 14 ბეჭნი
 » 18 ცხენოსანი
 » 21 განფენილ
 L, 3 შემურვა
 XXXVIII, 7 ბოროტი
 XXXI, 14 შექმნა
 XL, 10 გამოხვედ
 წარვიდა, მიიყვანე
 მოიხილე ჩემ ზედა
 უშუა
 შექმნად
 აქლემი
 ყურბეულებადი
 აჰა
 ისმინა
 განასწრაფე

საუნჯენი სითჰილანავ
 დავიყენო
 მოსწუდიო
 უგულებელ
 ძაძა
 ფიცხლად
 ვანი
 აღმოგგუარო
 მარტო
 გვეის
 თავს ვიდვა
 მოვიყვანო
 რეტინი
 ტურტერი
 უმრძანა
 გარდჰკადეს
 ვიდრე
 მირევეახლა
 ლეწვა
 ეშინოდა და შეძრწუნდეს
 მიიწია სიტყუაჲ
 ვირი
 უთხოობდეს
 წარგზავნა
 წარვიდა
 შემთხუვეად
 წინაასწარ
 კირთად
 დამფალ
 დამრამებულ
 ხვდიდე
 შეებები
 მკარნი
 მკედარი
 მცენარტ
 შემოსა
 უკეთურ
 დაჰბადნა
 წარმოვლტე (XXXI, 26)
 წარმოვიდა, წარიყვანე (XII, 9)
 მომხედენ მე
 უშუა
 შესაქმედ
 ჯორი (IX, 16)
 ყურბეული
 ეგერა
 ერხდა
 ვიდოდე

Печатный текстъ.

მუცელქმნულ
 მთხრებლ მთხრებლთან
 იყვნენ
 დამხმა (XVI, 2)
 მკვიდრ
 თქუა
 სამხრით
 ტერევენთამდე
 XXV, 28 კამადი
 » ბურბელი
 » სდევედა
 » ვსცნა
 » განკუპთილი
 » აღესილი

Афон. списокъ.

მიდგომილ
 სავდენნი
 მლუმენი მალთისანი (XIV, 10)
 დამეყენა
 დამკვიდრებულ
 იტყოდა
 ბლუარად
 ბელეკუნად (XIV, 6) τερεμίνθου
 საზრდელი
 ნაყოფი
 წარიქცინა
 უწყალი
 განყოფილი
 გაზრდილი

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА.

XLVI, 9 ენოქ	ენუქ	Ἐνωχ
იემულ	იემოთ	Ἴεμουλ
იამინდაოდ (=იამენ ღოდ)	იამენ, აოდ	Ἰαμεν, Αοδ
აქიმ ღ ასაარ	აქენ ღ საარ	Ἰακειμ, Σααρ
გირსონ	გერსონ	Γηρσων
კაად	კაათ	Κααθ
მერარი	მერარი	Μεραρει
ირ	ირ	Ἴρ
ავნან	ავნან	Αὐνάν
ისახარ	ისახარ	Ἰσασχάρ
ლოთ	ლოტ	
თოლა ფუა	თოლა ფულა	Θωλα, Φουα
სერეთ	ზედეთ	Σερεθ
ახოილ	აიელ	Ἄχοηλ
თოსობან	თასუბამ	Θασοβαν
აიდის	აედის	Ἄηδεις
აროილის	აიელიეს	Ἄροηλεις
ასირ	ასერ	Ἄσιρ
რაქილ	რაქელ	Ραχηλ
გალდად	გალაად	Γαλααδ
ულტალა	სუტალამ	Σουταλααμ
ტაამ	ტალამ	Τααμ
ედემ	ედემ	Ἐδεμ
ქობორ, ასიელ	ქობორ, ასბიელ	Ἀσβηλ, βολός
გირა, ნოემან	გერა, ნოემან	Τηρά Νοεμαν
ძენი მალასნი	ბალაქაბორისნი	Βαλά, Γηρά
ანქიმღროს	ლაქისროს	Ἄγγεις και Ρως
ასილ	ასიელ	Ἀσιήλ
ლოინი	გოვინი	Γωσινί
იასსარ	ისაარ	Ἰοσαρ

Печатный текстъ.

Αθων. списокъ.

XXII, 21

სამალაკ
 ისრაილ
 ულამლუზ
 ზოლორად
 მადიამელნი
 სენაარი
 სილლასარ
 ვალაკი
 ვარსა
 სვმოვორ
 სებოიმი
 ასტაროთი
 ხორეველნი
 სირი
 ამორისი
 იევენნი
 იობესელნი
 კოდამანელი
 კამოელ
 ფალდას
 ნაბეთო
 კიდარ
 აბდიილ
 მასსამ
 მასმა
 კედმა
 ილუმა
 მასსე
 ქოდამ
 თემან
 იეტურ
 ნაფეს
 სერ
 სორრი
 სომლა
 სებეგონისნი
 აიე
 აენან
 იამინ
 ოლივემა
 ბალამ
 ზუკან
 რისსონისნი
 რისონ
 ბოსარელი
 სამადა
 იეფერ
 ილას

სამადა
 ისრაელ
 ულუმაუზ
 სეგორად
 მანიადიტელნი
 სენარი
 სილლჰარ, სილლაჰარ
 ბალაკი
 ბარსა
 სოგომორ
 სიბოამი
 ასტარონი
 ქარველნი
 სეირ
 ოლმორ
 ეველნი
 იებოსელნი
 კედონელნი
 კამოელ
 ბალდაე
 ნაბიოთ
 კედარ
 ნაბდაილ
 მასსმან
 მასმ
 კერდამა
 ილუმა
 მასსე
 ქოულ
 თემან
 ისტურ
 ნაფეს
 სეირ
 ქოსრი
 საბალ
 სებეგონისნი
 ემ
 ენან
 იამენ
 ელიბემა
 ბალბამ
 ლუკამ
 რუსსონისნი
 სონ
 ბოსარელი
 სამალაკ
 იოთომ
 მლას

Σαλαμα
 Ησραηλ
 Ουλαμλουζ
 Σογορα
 Μαδιηναϊτοι
 Σενααρ
 Έλλασαρ
 Βαλλακ
 Βαρσα
 Συμοβορ
 Σεβοემ
 Άσταροθ
 Χορραϊοις
 Σηειρ
 Άμορεις
 Ευαϊοις
 Ίεβουσαιοις
 Κεδμωναϊοις
 Καμουηλ
 Φαλδαε
 Ναβαιοθ
 Κηδαρ
 Ναβδεηλ
 Μασσαμ
 Μασμα
 Κεδμα
 Ιδουμα
 Μασση
 Χοδδαν
 Θαιμαν
 Ίετουρ
 Ναφεε
 Σηειρ
 Χορρει
 Σαβαλ
 Σεβεγων
 Άιε
 Ωναν
 Ιαμεν
 Ολιβεμα
 Βαλααμ
 Σουκαμ
 Ρειε
 Βασσορρας
 Σαλαμα
 Ιεθεμ
 Ήλαε

prov'br. XIV, 2

Печатный текстъ.

ΑΘΗΝ. ΣΠΙΣΟΚΨ.

ზეფონი
 აბიმელექ
 გერარათასა
 ასული ელომისი
XXXVI, ქეტელისი
 ოლიმენ
 ანანასი სებეგონისი ვეელისაჲ
 ბასემათ ნაბეთისი
 ელიფაზ
 რაგუელ
 ოჰმან
 ამალიკ
 სევეგონ
 სობაღლ
 დისონ
 ხორრეველისანი

ზეფაიმ
 აბიმელიქ
 გერარათასა
 სელომისი
 ქეტელისი
 ელიბემათ
 მნანისი [!] ვეელისაჲ
 ბასემათ წაბეთისი
 ელიფაზ
 რაგუელ
 ოჰმან
 ამალეკ
 სებეგონ
 სობაღლ
 დესონ
 ქორელისანი

Σαθωειν
 Αβιμελεχ
 Γεραρων XXVI, 17
 Αιλων
 Χετταιου
 Ολιβεμα
 Ανα, Σεβεγων, Εθαιου, Ναβαιωμ
 Βασσαμαθ
 Ελιφας
 Ραγουηλ
 Ομαρ
 Αμαληκ
 Σεβιγων
 Σωβαλ
 Δησων
 Χαρραιου

БИБЛИОТЕКА
 Библиотечный фонд
 Института наследия

